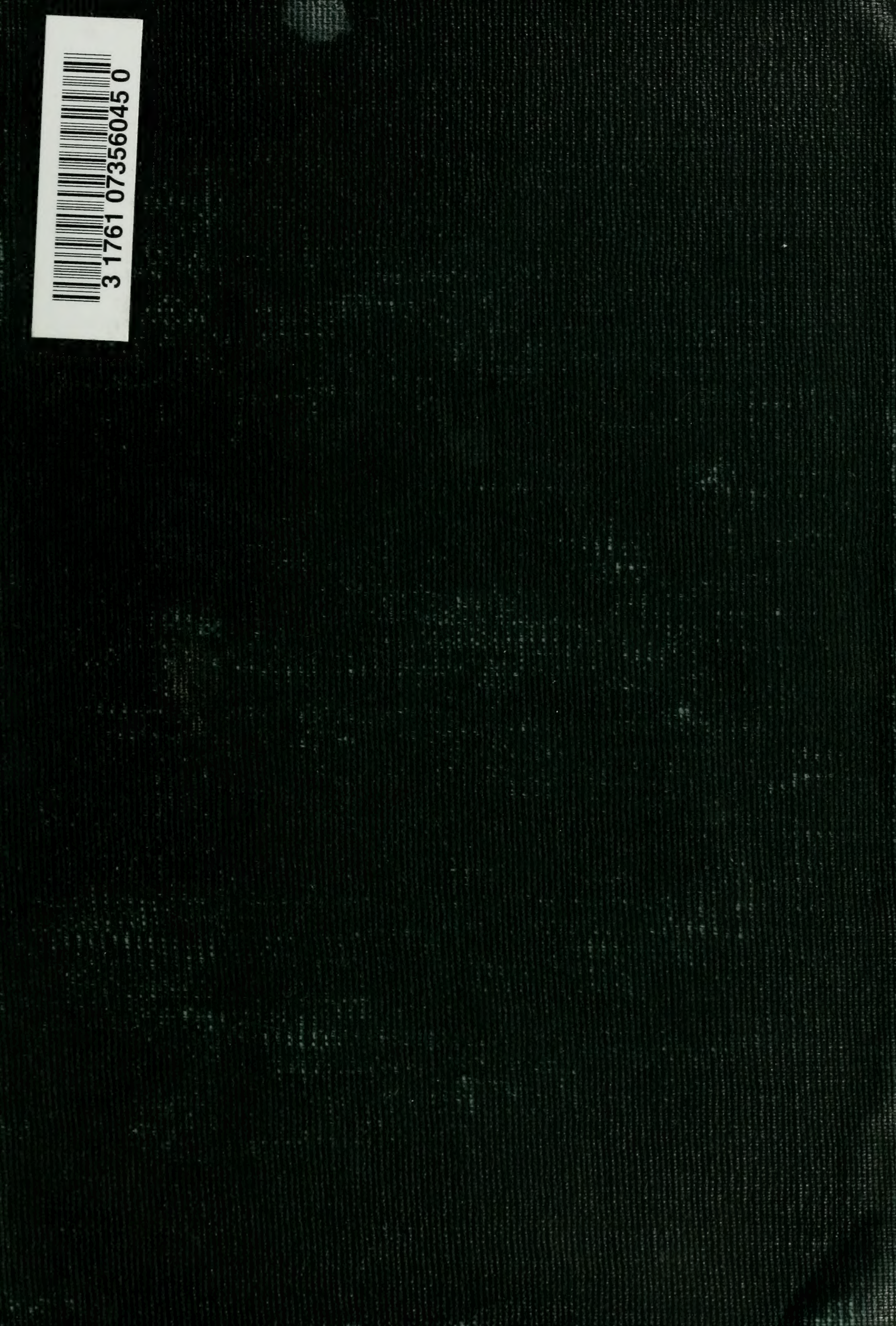
3 1761 07356045 0

Sozialistu Partijas Roksburijas Latweeschu Nosares bibliotekas leetoschanas noteikumi.

---

1) Bibliotekas leetoschanas teesibas bauda kà schìs nosares beedri, tà nebeedri.

2) Lasitajam-nebeedrim grahmatas top isdotas us 2 nosares beedru galwoschanu.

3) Katris bibliotekas lasitajs war pagehret ne wairak, kà 2 sehjumus.

4) Katris lasitajs war grahmatas leetot ne ilgak par 30 deenam.

5) Pehz 30 deenu notezeschanas grahmatas janodod bibliotekâ, wai lasischanas terminsch ja-atjauno.

6) Lasischanas terminu war atjaunot tikai 2 reises.

7) Lasitajs, kas leeto grahmatu bes termina atjaunoschanas ilgak par 30 deenam, maksà par labu bibliotekai 1 zentu no katras turpmakàs deenas.

8) Katram lasitajam teesiba no bibliotekara pagehret „lasitaja karti", us kuras ar tinti atsihmejams, kahdâ datumâ grahmata isdota un sanemta.

9) Lasitajam jabuht atbildigam par katru sehjumu, kas wina leetoschanâ. Grahmatas sabojaschanas gadijumâ tam jasamaksà tàs pilna wehrtiba.

10) Scheem noteikumeem jaatrodas katras grahmatas eekschpusê us pirmà wahka.

Peenemti un stahjas spehkâ ar 20. aprili, 1913. g.

Библіотека „Общественной Пользы".

К. Каутскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ТЕЧЕНІЙ

(ИСТОРІЯ СОЦІАЛИЗМА).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отъ Платона до Анабаптистовъ.

I. Отдѣлъ: Коммунизмъ Платона и коммунизмъ первыхъ христіанъ.
II. Отдѣлъ: Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.
III. Отдѣлъ: Коммунизмъ въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
Сергѣя Волкенштейна и Б. Столпнера.

Изданіе 3-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Большая Подъяч., № 39.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отдѣлъ третій.

Коммунизмъ въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

стр.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Предисловіе.

Мы не впадемъ въ преувеличеніе и не погрѣшимъ противъ историковъ соціализма—нашихъ предшественниковъ, если выскажемъ утвержденіе, что до сихъ поръ еще не было написано полной и дѣйствительно отвѣчающей научнымъ требованіямъ исторіи соціализма. И если не считать Histoire du Socialisme Бенуа Малона, сочиненія скорѣе описательнаго и прагматическаго, то къ нашему первому утвержденію придется присоединить еще и второе: въ новѣйшее время даже не было сдѣлано попытки написать такую исторію. Фактъ этотъ тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что теперь, несомнѣнно, существуетъ большая потребность въ работѣ, излагающей исторію развитія соціалистической мысли и соціалистическаго движенія. Но фактъ этотъ представляется намъ вовсе не случайнымъ.

Въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, когда въ передовыхъ странахъ чартизмъ и коммунизмъ уже ставили передъ государственными дѣятелями практическія задачи и повсюду заинтересовывали собой какъ теоретиковъ, такъ и слѣдящую за общественной жизнью публику, впервые возникаетъ — до извѣстной степени, даже расцвѣтая — и лѣтопись соціализма. Противники и сторонники соціализма изслѣдуютъ начальную исторію соціализма, причемъ первые безъ особаго разбора сопоставляютъ въ ней все, напоминающее собой соціализмъ, а вторые подвергаютъ критическому изслѣдованію опредѣленныя эпохи и явленія, руководствуясь установленнымъ методомъ и едиными принципами. Къ этому времени относятся работы Виллегарделя и Роберта фонъ-Моля, Рейбанда и Лоренца фонъ-Штейна, Сюдра и Карла Грюна. Къ этому же періоду можно причислить и Саргана.

„Интернаціоналъ“ и парижская коммуна открыли второй періодъ въ литературѣ по исторіи соціализма; къ нему относятся работы Рудольфа Мейера и Егера, Дюринга и Лавеле. Періодъ этотъ заканчивается вышеупомянутой работой Бенуа Малона.

Съ тѣхъ поръ соціализмъ все больше выдвигался впередъ; онъ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ всей европейской политики, и почти повсюду сталъ на почву общей для всѣхъ соціалистовъ теоріи, на почву коммунистическаго манифеста. Сила и сплоченность, пониманіе цѣлей и сознательность массъ, захваченныхъ соціализмомъ, возрастаютъ со дня на день; всѣ классы европейскаго общества оказываются вынужденными считаться съ соціализмомъ, ибо онъ сталъ для нихъ вопросомъ жизни; литература по соціальнымъ вопросамъ разростается до чудовищныхъ размѣровъ,—но историческая литература соціализма вмѣсто того, чтобы слѣдовать общему литературному подъему, становится все болѣе и болѣе безплодной, и не только относительно, но и абсолютно. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ всеобъемлющаго, *самостоятельнаго* изображенія развитія соціализма уже больше не появлялось. Въ наши дни даже количество монографій по отдѣльнымъ вопросамъ изъ исторіи соціализма весьма скудно, по сравненію съ богатствомъ соціологической литературы вообще. Большинство этихъ монографій— каковы, напр., принадлежащія перу Пёльмана или Лозерта—работы чисто спеціальныя, академическія.

Одна изъ причинъ указаннаго нами явленія заключается въ громадности накопившагося матеріала, который разроссяя до того, что отдѣльному человѣку становится все труднѣе просмотрѣть весь этотъ матеріалъ и овладѣть имъ во всей его полнотѣ.

Но намъ кажется, что одна эта причина еще далеко не объясняетъ того поразительнаго факта, что исторія соціализма оказываетъ ничтожную притягательную силу на нашихъ ученыхъ.

Въ первый періодъ развитія исторіи соціализма ею занимались, главнымъ образомъ, болѣе или менѣе рѣшительные противники соціализма. Во второй періодъ—историки этого лагеря уже не выступали. Всѣ болѣе видные историки соціализма семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ имѣютъ болѣе или менѣе близкія точки соприкосновенія съ соціализмомъ или ищутъ ихъ; таковы не только Дюрингъ и Малонъ, но и Р. Мейеръ, равно и Лавеле. Въ то время буржуазная апологетика потеряла уже всякій интересъ къ исторіи соціализма.

И причины этого понять не трудно.

Буржуазный апологетъ, присяжный защитникъ основъ, на которыхъ зиждется современное общество, не способенъ относиться къ соціализму иначе, какъ къ непонятному заблужденію. Для такого апологета цѣль изображенія исторіи соціализма не въ томъ, чтобы уяснить соціализмъ въ самомъ процессѣ его развитія, а исключительно въ томъ, чтобы доказать несовмѣстимость соціализма съ жизнью отдѣльнаго человѣка и всего общества. И пока капиталистическій способъ производства переживалъ эпоху непрерывнаго подъема и развитія, соціализмъ, дѣйствительно, былъ несовмѣстимъ съ потребностями этого производства и невозможенъ, какъ постоянная форма общественнаго устройства.

Поэтому, вплоть до сороковыхъ годовъ, исторія соціализма описывала такія явленія, которыя могли быть истолкованы апологетами въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Соціалистическія идеи представлялись не болѣе, какъ безпочвенными мечтаніями, а исторія послѣдовательныхъ попытокъ осуществить соціализмъ на практикѣ, приводила, казалось, лишь къ ряду пораженій и неудачныхъ экспериментовъ.

Но съ тѣхъ поръ произошла перемѣна. Въ наши дни исторія соціалистической мысли есть исторія „развитія соціализма отъ утопіи къ наукѣ"; а съ того времени, какъ соціализмъ слился съ рабочимъ движеніемъ, и исторія соціалистической практики стала исторіей непрерывно возрастающаго успѣха. Теперь этотъ успѣхъ получилъ такое признаніе, какъ и научная основа соціализма; всякая попытка принизить и умалить предшественниковъ современныхъ соціалистовъ способна теперь только еще болѣе ярко обрисовать современный соціализмъ, не давши, приэтомъ, ни малѣйшаго доказательства въ пользу существующаго общества.

Въ наши дни исторія соціализма слишкомъ ясно свидѣтельствуетъ о побѣдахъ соціализма во всѣхъ областяхъ, чтобы у буржуазныхъ ученыхъ явилось большое желаніе заняться обстоятельнымъ изображеніемъ этого поступательнаго движенія соціализма. Поскольку они, вообще говоря, занимаются этой темой, они выдѣляютъ изъ нея небольшіе отрывки, давая работы характера чисто академическаго, нисколько не связанныя съ современнымъ соціализмомъ,—работы, въ которыхъ нельзя распознать общаго направленія *всего движенія* въ его совокупности.

Весьма знаменательно, что не такъ давно, и почти одновременно, *два* университета—парижскій и нѣмецкій пражскій—воспретили у себя чтеніе лекцій по исторіи соціализма, хотя въ

пражскомъ, напр., университетѣ лекторомъ былъ человѣкъ вполнѣ лойяльнаго образа мыслей.

Соотвѣтственно уменьшенію интереса къ исторіи соціализма въ буржуазной наукѣ, въ той же мѣрѣ и по одинаковымъ причинамъ возрастаетъ интересъ къ ней у соціалистовъ.

Мы не можемъ задаваться здѣсь цѣлью выяснить отношеніе современной формы соціализма къ его предыдущимъ формамъ. Мы лишены также возможности входить здѣсь въ разсмотрѣніе свойственнаго современному соціализму матеріалистическаго пониманія исторіи, благодаря которому только и возможно вполнѣ объективное историческое изложеніе. Заняться этимъ—значило бы предвосхитить содержаніе настоящей работы. Достаточно будетъ отмѣтить здѣсь, что современный соціалистъ стоитъ по отношенію къ своимъ предшественникамъ совершенно обособленно: ихъ соціализмъ—не его соціализмъ, условія, которыя породили ихъ, не тѣ, что окружаютъ его. Каковъ бы ни былъ, слѣдовательно, приговоръ, произнесенный его предшественникамъ, онъ безсиленъ поразить тотъ соціализмъ, за который борется современный соціалистъ; послѣдній не заинтересованъ въ этомъ приговорѣ непосредственно, какъ *борецъ*.

Конечно, хотя современный соціалистъ въ этомъ смыслѣ обособленъ и не заинтересованъ, но онъ не можетъ быть безразличнымъ по отношенію къ своимъ предшественникамъ. Его должна связывать глубокая симпатія съ тѣми, кто тяготѣлъ и стремился къ тому же, къ чему стремится и онъ. Если они преслѣдовали соціалистическіе идеалы въ такое время, когда общество еще не выработало изъ самого себя средствъ для осуществленія этихъ идеаловъ, если они, стремясь къ невозможному, потерпѣли неудачу, то это только должно еще больше усилить его симпатіи къ нимъ, ибо его симпатіи, вполнѣ естественно, на сторонѣ всѣхъ угнетенныхъ и сраженныхъ. И если, къ тому же, онъ видитъ, какъ не только побѣдители, но даже и современные пристрастные историки осыпаютъ побѣжденныхъ бранью, клеветой и издѣвательствами, то его гнѣвъ и ненависть по отношенію къ клеветникамъ возрастаютъ въ такой же степени, какъ и его симпатіи къ оклеветаннымъ.

Но, какъ бы ни была сильна сама эта симпатія и выраженіе ея, она не стоитъ на пути изслѣдованія истины; наоборотъ,—глубокая симпатія современнаго соціалиста къ его предшественникамъ является лишней причиной, побуждающей его заняться самымъ серьезнымъ изученіемъ ихъ исторіи; несомнѣнно также,

что соціалистъ легче уловитъ и пойметъ чувства и мысли его предшественниковъ, чѣмъ любой буржуазный историкъ.

Если полное пониманіе значенія новѣйшей формы соціализма возможно лишь при уясненіи себѣ болѣе раннихъ формъ его, то и эти послѣднія, въ свою очередь, гораздо лучше постигаются тѣмъ, кто непосредственно живетъ интересами современнаго соціалистическаго движенія. Глубоко вѣрно поэтому замѣчаніе Гейне, находившаго, что „когда стремишься понять настоящее при посредствѣ прошлаго, то попутно обнаруживаешь, что прошлое находитъ себѣ полное выясненіе лишь въ настоящемъ, причемъ каждый день проливаетъ на это прошлое новый свѣтъ,—обстоятельство, о которомъ наши современные лѣтописцы не имѣли никакого понятія“.

Все это даетъ полное основаніе признать, что въ то время, какъ буржуазная наука все больше отворачивается отъ исторіи соціализма, выполненіе этой задачи все чаще выпадаетъ на долю сторонниковъ современнаго соціализма.

Если, тѣмъ не менѣе, они до сихъ поръ не дали намъ всеобъемлющаго, самостоятельнаго изложенія исторіи развитія соціалистическихъ стремленій и идей, то причина этого довольно проста. Несмотря на всѣ преимущества въ отношеніи выполненія такой работы, которыми обладаютъ представители современнаго соціализма передъ буржуазными учеными, въ силу своего положенія, надо имѣть въ виду, что само это положеніе связано съ однимъ существеннымъ обстоятельствомъ—съ *недостаткомъ во времени.*

„Въ наше живое время, какъ и въ шестнадцатомъ столѣтіи, на поприщѣ общественныхъ интересовъ чистые теоретики имѣются лишь на сторонѣ одной реакціи“ (Энгельсъ). Это наиболѣе примѣнимо къ соціалдемократіи. Въ ея средѣ нѣтъ ни одного члена, который могъ бы считаться исключительно теоретикомъ. Всякій теоретикъ ея является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и борцомъ-практикомъ, участвующимъ въ классовой борьбѣ пролетаріата словомъ и перомъ, совѣтомъ и дѣломъ. Насколько оба основателя современной соціалистической теоріи не представляютъ собой исключенія изъ этого правила,—извѣстно всѣмъ.

Послѣдователи ихъ, стремящіеся продолжить теоретическую работу своихъ учителей въ духѣ, завѣщанномъ ими, — въ большинствѣ случаевъ редакторы, журналисты, парламентаріи и т. п. Если, такимъ образомъ, справедливо, что даже для буржуазной науки область исторіи соціализма стала настолько обширной, что отдѣльный человѣкъ почти не въ силахъ овладѣть ею во всей ея

полнотѣ, не отдавая ей всей своей жизни, то это еще справедливѣе по отношенію къ соціалдемократіи. Неудивительно поэтому, если въ этой области она дала намъ пока только отдѣльныя монографіи и не дала ни одного полнаго и исчерпывающаго историческаго изложенія.

Естественно поэтому желаніе пойти навстрѣчу назрѣвшей потребности въ такой исторической работѣ и попытаться удовлетворить ее въ формѣ систематически подобранныхъ монографій по всѣмъ важнѣйшимъ эпохамъ исторіи соціализма. Идея эта—дать полное изображеніе опредѣленной научной области въ формѣ собранія отдѣльныхъ изложеній — не нова; она примѣнялась уже неоднократно и вполнѣ удачно, и именно въ области исторіи.

Неоспоримо, что такая форма имѣетъ и свои недостатки. Она не позволяетъ достигнуть полнаго единства изложенія, даже и тогда, когда—какъ, напр., въ данномъ случаѣ—всѣ сотрудники раздѣляютъ одинаковую точку зрѣнія. Единство изложенія заранѣе исключается; нить, начатая однимъ авторомъ, другимъ уже не прядется; какъ повтореній, такъ и пробѣловъ не избѣжать. Не во всѣхъ случаяхъ достигается единство хотя бы только въ содержаніи: при всемъ тождествѣ исходныхъ точекъ, взгляды отдѣльныхъ авторовъ все же различны. У каждаго изъ нихъ своя индивидуальность, и полное единство тѣмъ менѣе достижимо, чѣмъ болѣе чужда общая основа *шаблону*, являясь *методомъ*, примѣняемымъ каждымъ авторомъ самостоятельно, и чѣмъ сложнѣе явленія, о которыхъ идетъ рѣчь.

Издатели надѣются, однако, что въ предлагаемомъ сочиненіи всѣ вышеотмѣченные недостатки сведены до минимума благодаря такому распредѣленію работы, при которомъ повторенія и пробѣлы, насколько это только возможно, исключаются и каждому автору отводится возможно болѣе законченная область.

Цѣль этой работы далеко не чисто-академическая. Познаніе прошлаго должно ярко выяснять настоящее. Въ кругъ предлагаемаго изложенія введены лишь такія формы соціалистическаго движенія, которыя оказали вліяніе на образованіе современнаго соціализма. Обстоятельное разсмотрѣніе *первобытнаго коммунизма* оставлено въ сторонѣ, ибо это чрезмѣрно увеличило бы объемъ предлагаемой работы и совершенно измѣнило бы характеръ ея. Исторія первобытнаго коммунизма представляетъ собой исторію всего человѣческаго рода отъ самаго его возникновенія и вплоть до начала историческихъ временъ.

Мы имѣли тѣмъ больше основаній отказаться отъ чрезмѣрнаго расширенія нашей работы обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ первобытнаго коммунизма, что онъ оказалъ лишь весьма слабое вліяніе на возникновеніе новѣйшихъ соціалистическихъ идей. Мы сочли достаточнымъ,—болѣе удовлетворящимъ требованіямъ наглядности, а потому и болѣе желательнымъ,—касаться первобытнаго коммунизма лишь походя, въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчается его вліяніе на новѣйшій соціализмъ.

Въ область нашего разсмотрѣнія мы не вводили также всѣхъ формъ *сознательнаго* соціализма. Тѣ формы, которымъ присущъ исключительно академическій интересъ и которыя ничего не привнесли въ развитіе современнаго соціализма—какъ, напр., китайскій соціализмъ,—остались внѣ нашего разсмотрѣнія.

По первоначальному плану работы, наше изображеніе по источникамъ явленій изъ области новѣйшаго соціализма должно было ограничиться періодомъ времени отъ эпохи реформаціи, начиная съ Мюнцера и Мора. Болѣе раннія формы предположено было лишь затронуть вкратцѣ во введеніи, поскольку это было необходимо для уясненія послѣдующихъ формъ соціалистическаго движенія. Если наше введеніе и приняло неожиданные размѣры и, несмотря на большую сжатость изложенія, занимаетъ столько же листовъ, сколько оно должно было занимать страницъ,—то это не удивитъ того, кто знакомъ съ предметомъ.

Въ результатѣ, раздѣленіе перваго тома на двѣ части оказалось необходимымъ. Вторая часть перваго тома продолжитъ изображеніе развитія соціализма до періода великой французской революціи, причемъ особая часть его будетъ посвящена обзору религіозныхъ коммунистическихъ колоній въ Америкѣ, хотя большинство изъ нихъ и принадлежитъ нашему столѣтію. По своему характеру онѣ связаны съ болѣе раннимъ періодомъ; онѣ скорѣе родственны сектамъ XVI и XVII столѣтія—анабаптистамъ, меннонитамъ и квакерамъ, чѣмъ Роберту Оуэну, Фурье и Кабе, современниками которыхъ онѣ являются; поэтому онѣ и должны быть описаны въ первомъ томѣ.

Все сочиненіе разсчитано на четыре тома; за исключеніемъ третьяго, содержащаго въ себѣ написанную Мерингомъ исторію германской соціалдемократіи, всѣ они будутъ редактироваться нижеподписавшимися. Удастся ли втиснуть обширнѣйшій предметъ въ указанныя рамки—покажетъ опытъ. Во всякомъ случаѣ, первые три тома будутъ распредѣлены такъ, какъ указано въ проспектѣ.

Широка поставленная нами задача, но мы питаемъ надежду, что намъ удастся достигнуть результата не недостойнаго ея. Мы постарались заручиться поддержкой безусловно надежныхъ и компетентныхъ литературныхъ представителей интернаціональной соціалдемократіи, и съ ихъ помощью надѣемся успѣшно справиться съ обширнѣйшей темой. Единственная гарантія плодотворной работы заключается въ томъ, чтобы она была сдѣлана людьми, знающими свой предметъ и разрабатывающими его съ охотой и любовью. Соотвѣтственно этому мы и поступаемъ. Каждый изъ сотрудниковъ предлагаемаго сочиненія пишетъ лишь тѣ главы изъ исторіи, которыя стали предметомъ его спеціальнаго изученія и къ которымъ онъ питаетъ особый интересъ. Каждый даетъ лучшее изъ того, что можетъ дать, и если книгѣ удастся настолько заинтересовать читателей, насколько она интересуетъ ея авторовъ, то успѣхъ ея обезпеченъ.

Э. Бернштейнъ.

К. Каутскій.

Лондонъ и *Штуттгартъ.*
Февраль 1895.

ПРЕДТЕЧИ

НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Коммунизмъ Платона и первыхъ христіанъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Идеальное государство Платона.

I. Платонъ и его время.

Ничего нѣтъ ошибочнѣе широко распространеннаго взгляда, будто коммунизмъ противорѣчитъ существу человѣка, человѣческой природѣ. Напротивъ, у колыбели человѣчества стоялъ коммунизмъ и почти вплоть до нашего времени онъ оставался соціальной основой жизни большинства народностей, населяющихъ земной шаръ.

Отнюдь не будучи несовмѣстимымъ съ закономъ борьбы за существованіе, онъ представляетъ собою, наоборотъ, одно изъ сильнѣйшихъ орудій, которыми пользовалось человѣчество въ этой борьбѣ. Жившіе въ дикихъ лѣсахъ, нагіе, безоружные люди доисторической эпохи могли отстоять себя въ борьбѣ со своими страшными врагами только путемъ тѣснѣйшаго объединенія въ большія или меньшія общества. Первобытный человѣкъ жилъ только въ своемъ обществѣ и жизнью этого общества; его личность еще не порвала пуповины, связывавшей ее съ послѣднимъ. Люди вмѣстѣ добывали средства къ существованію—сообща охотились, сообща занимались рыбной ловлей, вмѣстѣ жили и вмѣстѣ защищали общій домъ, общую землю.

Но съ прогрессомъ производства все это измѣнилось. Въ результатѣ этого прогресса появилась наряду съ общественной и частная собственность. Вначалѣ она распространялась лишь на нѣкоторые, неимѣвшіе особаго значенія предметы личнаго обихода, изготовленные вдобавокъ большей частью самими владѣльцами, какъ, напримѣръ, оружіе, украшенія и т. п.

Эти предметы до того срастались въ представленіяхъ первобытныхъ людей съ изготовившимъ ихъ владѣльцемъ, что послѣ его смерти ихъ часто клали въ могилу вмѣстѣ съ нимъ.

Но постепенно кругъ предметовъ частной собственности расширялся и ихъ значеніе возрастало. Собственность стала обнимать собой и имѣвшія болѣе важное значеніе орудія производства и, наконецъ, охватила самое важное орудіе производства, основу нашего существованія—землю. Охота и скотоводство еще нуждаются въ общей собственности на землю. Совсѣмъ иное дѣло—земледѣліе. До развитія современнаго крупнаго сельскаго хозяйства оно велось лучше всего тамъ, гдѣ земля подвергалась индивидуальной обработкѣ отдѣльными семействами, а такая индивидуальная обработка нуждается для своего развитія въ частной собственности на землю. Всюду, гдѣ земледѣліе развивается и вытѣсняетъ прежнія формы производства, тамъ все сильнѣе развивается также потребность въ частной собственности на землю.

Развитіе городской промышленности и торговли уже съ самаго начала требуетъ частной собственности на орудія производства и продукты.

Но не только *кругъ предметовъ* частной собственности все болѣе и болѣе расширяется; отпадаютъ, кромѣ того, одни за другими налагавшіяся на нее ограниченія, тѣмъ болѣе стѣснительныя, чѣмъ болѣе развиваются торговыя сношенія и нуждающіеся въ частной собственности способы производства.

Изъ чисто личной собственности, по смерти ея владѣльца предававшейся вмѣстѣ съ нимъ уничтоженію или вновь становившейся достояніемъ общества, она превратилась въ собственность, которую можно передавать по наслѣдству другимъ лицамъ.

Первоначальное равенство исчезло, частная собственность сдѣлалась соціальной силой, общество раздѣлилось на собственниковъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть, и неимущихъ, находившихся въ зависимости отъ первыхъ. Пріобрѣтеніе частной собственности сдѣлалось общественной необходимостью. Наконецъ, появленіе денегъ превратило стремленіе къ пріобрѣтенію собственности въ незнающую границъ страсть.

Потребность въ предметахъ потребленія всегда ограничена. Пока богатство состоитъ только изъ предметовъ потребленія, люди стремятся пріобрѣсти его лишь въ количествѣ, необходимомъ для того, чтобы жить пріятно и удобно. Напротивъ, стремленіе къ обладанію деньгами не имѣетъ границъ, ибо деньги представляютъ собою товаръ, на который можно купить всѣ другіе товары, товаръ, неподвергающійся порчѣ и всегда находящій себѣ примѣненіе. Накопленіе сокровищъ, крупныхъ состояній, размѣры которыхъ далеко превосходятъ то, что нужно для удо-

влетворенія личныхъ потребностей, дѣлается отнынѣ задачей жизни имущихъ. Противоположность между богатымъ и бѣднымъ можетъ теперь сдѣлаться неизмѣримой, и она, дѣйствительно, дѣлается таковой всюду, гдѣ появляются необходимыя для этого условія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются отношенія людей другъ къ другу, измѣняется все ихъ мышленіе, весь образъ жизни. Преданность обществу, самопожертвованіе составляли раньше главную добродѣтель человѣка. Эта добродѣтель все болѣе и болѣе исчезаетъ. Для каждаго—своя рубашка ближе къ тѣлу. Общество распадается на ожесточенно борющіеся друга съ другомъ классы, каждый изъ которыхъ стремится только къ своей собственной выгодѣ и норовитъ дать обществу возможно меньше и получить отъ него возможно больше. Все болѣе и болѣе слабѣютъ узы, связывающія отдѣльную личность съ обществомъ, къ которому она принадлежитъ,—узы, недающія распасться этому обществу. Оно вырождается или дѣлается добычей народа, отставшаго въ своемъ развитіи и еще сохранившаго благодаря этому добродѣтели и силу коммунистическаго общества.

Такова исторія всѣхъ народовъ и государствъ древности.

Нигдѣ, можетъ быть, этотъ процессъ развитія не совершился такъ быстро и отчеливо, какъ въ *Аѳинахъ*. Періодъ времени, протекшій между годомъ, предшествовавшимъ окончанію *персидскихъ войнъ* и годомъ, когда Филиппъ Македонскій поработилъ Грецію, обнимаетъ собою неполныхъ полтора вѣка (479 — 338 до нач. наш. лѣтосчисленія). Въ началѣ этого періода мы, правда, уже находимъ (если даже не принимать во вниманіе рабовъ, которые на самомъ дѣлѣ вовсе и не были членами общины) классовыя различія и классовыя противорѣчія, привилегированныхъ аристократовъ и безправные слои народа, богатыхъ и бѣдныхъ; однако эти противорѣчія не развились еще настолько, чтобы подавить въ свободныхъ аѳинянахъ общій интересъ къ государственнымъ дѣламъ. Въ послѣднюю треть этого періода, въ Аттикѣ, наряду съ многочисленными рабами, были почти только одни богатые и нищіе.

«Въ прежнее время», — воскликнулъ въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей жившій въ то время ораторъ Демосѳенъ,—«въ прежнее время все было иначе, чѣмъ теперь. Тогда все, что принадлежало государству выдѣлялось своимъ богатствомъ и блескомъ, отдѣльные же граждане не отличались другъ отъ друга по своей внѣшности. Еще и теперь каждый изъ васъ можетъ убѣдиться собственными глазами въ томъ, что жилища Ѳемистокла, Мильтіада и другихъ великихъ людей древности не превосходили красотой и размѣромъ жилища другихъ гражданъ. Воздвигнутыя же въ ихъ время общественныя зданія и памятники такъ величественны и

прекрасны, что навсегда останутся непревзойденными. Я говорю о Пропилеяхъ, арсеналахъ, колоннадахъ, портовыхъ сооруженіяхъ Пирея и другихъ общественныхъ сооруженіяхъ нашего города. Теперь же есть государственные люди, частныя жилища которыхъ далеко превосходятъ своимъ великолѣпіемъ многія общественныя зданія; эти государственные люди накупили такія огромныя имѣнія, что всѣ ваши поля, поля всѣхъ васъ собравшихся здѣсь судей [1]) не сравнятся своимъ пространствомъ съ ними. А постройки, предназначенныя для государственныхъ цѣлей такъ незначительны и жалки, что стыдно о нихъ говорить».

Это явленіе можно было наблюдать во всей Греціи, но болѣе всего оно бросалось въ глаза въ Аѳинахъ, ибо благодаря персидскимъ войнамъ они сдѣлались самой могущественной державой Греціи. Аѳины спасли греческую свободу отъ персидскаго ига только для того, чтобы подчинить Грецію своему собственному игу. Почти все населеніе острововъ и прибрежій Эгейскаго моря (и, кромѣ того, еще нѣкоторые приморскіе города и острова внѣ этого моря) обратились въ подданныхъ и данниковъ Аѳинъ. Наряду съ трудомъ рабовъ и барышами пышно расцвѣтшей торговли, постояннымъ источникомъ дохода аѳинскаго населенія сдѣлалась также военная добыча и дань покоренныхъ городовъ. Эти источники дохода служили къ еще большему обогащенію богатыхъ; остальныхъ же свободныхъ гражданъ, пользовавшихся громадными государственными доходами, Аѳины отучили отъ работы и низвели до положенія люмпенпролетаріевъ; они развратили и обезсилили все населеніе. Все это привело къ тому, что Аѳины сдѣлались крайне ненавистными во всей Греціи.

Наконецъ, началась борьба не на жизнь, а на смерть,—борьба между все болѣе и болѣе терявшими свои владѣнія Аѳинами и непокоренными ими пелопонесскими государствами, которыя вели эту войну подъ гегемоніей Спарты. Но эта борьба была не только войной противъ преобладанія Аѳинъ,—она была также войной между демократіей и аристократіей. Аѳины были самымъ демократическимъ, Спарта—самымъ аристократическимъ государствомъ Греціи. Во всѣхъ покоренныхъ Аѳинами государствахъ тяжесть аѳинскаго ига испытывали преимущественно аристократы; ихъ то, главнымъ образомъ, а не простой народъ грабили аѳиняне. И въ самыхъ Аѳинахъ народъ сваливалъ, насколько это было возможно, бремя государственныхъ расходовъ съ своихъ плечъ на плечи аристократовъ и богатыхъ. Всюду, поэтому, аристократы и богачи питали къ Аѳинамъ самую жестокую ненависть; внутри самихъ Аѳинъ соціальный распадъ, противо-

---

[1]) Суды (дикастеріи) въ Аѳинахъ были судами присяжныхъ; каждый изъ нихъ состоялъ изъ *пятисотъ* присяжныхъ (геліастовъ).

рѣчія между бѣдными и богатыми достигли такого развитія, что аѳинскіе аристократы и богачи заигрывали и вели тайные переговоры съ врагомъ ихъ родины, со Спартой. Побѣда Спарты казалась имъ лучшимъ средствомъ низвергнуть господство демоса.

Рѣшительная борьба между Аѳинами и Спартой, такъ называемая пелопонесская война, продолжалась почти тридцать лѣтъ (431—404) и кончилась полнымъ уничтоженіемъ аѳинскаго могущества. Аѳинскія владѣнія были ограничены Аттикой и сами они сдѣлались зависимыми отъ Спарты. Демократія была уничтожена, и ея мѣсто заняло правленіе безхарактерныхъ ставленниковъ Спарты.

Такое положеніе вещей требовало внимательнаго къ себѣ отношенія и привело къ изслѣдованію причинъ преуспѣянія и упадка государствъ. Всѣ интересовались тогда вопросомъ о наилучшей формѣ правленія.

При такихъ историческихъ условіяхъ выросъ *Платонъ*.

Онъ родился въ Аѳинахъ, въ древней аристократической семьѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ начала пелопонесской войны [1]). Вліяніе его аристократическаго происхожденія всегда сказывалось въ немъ, и онъ въ продолженіи всей своей жизни сохранилъ антипатію къ демократіи. Находясь въ благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, онъ могъ всецѣло посвятить себя своему духовному развитію и рано сталъ заниматься поэзіей и философіей. Его знакомство съ Сократомъ—они, вѣроятно, познакомились на 20 году жизни Платона—сыграло для него рѣшающую роль. Съ этихъ поръ онъ посвятилъ себя всецѣло философіи и сдѣлался самымъ выдающимся ученикомъ Сократа. Но онъ расширилъ сократовскій кругъ идей самостоятельными занятіями [2]) и рядомъ путешествій, предпринятыхъ

---

[1]) Годъ его рожденія въ точности неизвѣстенъ. Онъ приходится между 429 и 427 до Р. Хр.

[2]) Особено значительное вліяніе оказали на него ученіе пиѳагорейцевъ и глубокое изученіе математики. Кстати, позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь одно замѣчаніе: — Пиѳагора (родился около 600 г., умеръ около 510 г. до начала нашего лѣтоисчисленія) часто называютъ коммунистомъ и основателемъ коммунистическаго союза. „Пиѳагорейцы высшей степени",—говоритъ Целлеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ греческой философіи,—„жили, согласно свидѣтельству позднѣйшихъ писателей, слѣдуя точно предписанному порядку жизни, считавшемуся ими божественнымъ установленіемъ. Этотъ порядокъ требуетъ полнѣйшей общности имуществъ, ношенія исключительно льняной одежды, полнаго воздержанія отъ кровавыхъ жертвъ, отъ мясной пищи, бобовъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ питанія; имъ предписывается даже безбрачіе". „Но",—продолжаетъ Целлеръ,—„болѣе раннія свидѣтельства, заслуживающія большаго довѣрія, ничего не говорятъ объ общности имуществъ",—и далѣе онъ приходитъ къ такому заключенію: „Все сообщаемое позднѣйшими историками

нимъ послѣ смерти его друга и учителя, эти путешествія привели его въ Египетъ, Кирену, южную Италію и Сицилію.

Возвратившись изъ своихъ путешествій, онъ выступилъ въ Аѳинахъ въ качествѣ учителя философіи. Но онъ еще дважды прерывалъ свою преподавательскую дѣятельность, чтобы совершить два продолжительныхъ путешествія въ Сицилію.

Поводъ къ этимъ путешествіямъ весьма характеренъ для упадка политической жизни въ эпоху Платона. Философъ создалъ цѣлую систему политическихъ принциповъ, о которой намъ еще придется говорить, но онъ и не подумалъ сдѣлать хотя бы малѣйшей попытки провести въ жизнь свои убѣжденія и взгляды, принявъ участіе въ политической жизни своего города.

Этимъ, однако, мы не думаемъ утверждать, что его взгляды на государство и общество не имѣли для него практическаго значенія, и что онъ относился къ нимъ, какъ къ продукту чистой фантазіи.

Въ 368 г. умеръ Діонисій Старшій, сиракузскій тиранъ (самодержецъ). Его сынъ, Діонисій Младшій, проявилъ нѣкоторыя философскія поползновенія и слылъ реформаторомъ,—таковъ былъ, повидимому, съ древнихъ поръ обычай наслѣдныхъ принцевъ. Діонъ, другъ Платона и зять Діонисія, надѣялся склонить послѣдняго въ пользу ихъ общихъ стремленій. Надѣясь на это, Платонъ отправился въ Сиракузы, чтобы добиться съ помощью тиранна осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ,—идеаловъ, для осуществленія которыхъ онъ палецъ о палецъ не ударилъ въ демократическихъ Аѳинахъ.

Вполнѣ естественно, что ему пришлось пережить горькое разочарованіе. Діонисій былъ очень доволенъ тѣмъ, что философы толпились при его дворѣ, увеличивая этимъ его блескъ, но они не должны были мѣшать ему предаваться наслажденіямъ доставляемымъ виномъ, женщи-

---

объ общности имуществъ пиѳагорейцевъ, несомнѣнно вымышлено". (*Целлеръ*, Die Philosophie der Griechen, 3-ье изданіе, Лейпцигъ 1869, I, стр. 270—279). Мнимый коммунизмъ пиѳагорейцевъ представляетъ собою, несомнѣнно, позднѣйшую выдумку, образцомъ для которой послужилъ, вѣроятно, платоновскій коммунизмъ. И уже во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что коммунизмъ Платона заимствованъ у Пиѳагора.

Въ историческихъ описаніяхъ греческаго коммунизма излагается, обыкновенно, наряду съ платоновскимъ и пиѳагорейскій коммунизмъ. Здѣсь достаточно указать на вымышленный характеръ послѣдняго. Относительно этого вопроса сравни кромѣ Целлера, еще *Р. Пельмана*, Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. Мюнхенъ, 1893, стр. 53 и *Друмана*, Die Arbeiter und Kommunisten in Griechenland und Rom. Кенигсбергъ, 1860, § 19.

нами и пѣснями. Когда присутствіе философовъ становилось для него стѣснительнымъ, этотъ «философъ на тронѣ» выбрасывалъ ихъ попросту вонъ, т. е. изгонялъ изъ страны. Невразумленный этимъ опытомъ Платонъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ первой поѣздки, предпринялъ второе путешествіе къ сиракузскому двору; на этотъ разъ онъ навлекъ на себя такой сильный гнѣвъ тирана, что долженъ былъ быть довольнымъ что спасъ свою жизнь и вернулся только съ помятыми боками.

Этимъ эпизодомъ закончилась политическая дѣятельность нашего философа. Свою же преподавательскую дѣятельность онъ продолжалъ до дня своей смерти, прервавшей его жизнь на 81-омъ году.

II. Книга о государствѣ.

Изъ всѣхъ сочиненій Платона для насъ имѣетъ значеніе только одно, представляющее собою *первую дошедшую до насъ систематическую философскую защиту коммунизма:* «Политейя», книга о государствѣ. Она написана Платономъ, вѣроятно, незадолго до его путешествія ко двору Діонисія Младшаго, т. е. около 368 г.

Существенное содержаніе этой книги составляетъ изслѣдованіе вопроса о томъ, каково наилучшее государственное и общественное устройство.

Что существующія государственныя и общественныя формы плохи,— это для Платона не подлежитъ сомнѣнію.

Частная собственность, говоритъ онъ, противоположность между богатыми и бѣдными, ведетъ государства къ гибели. «Не такое ли отношеніе между добродѣтелью и богатствомъ, что если положить ихъ на противоположныя чашки вѣсовъ, то одна чашка поднимется, когда другая опустится?.. Поэтому, если въ какомъ нибудь государствѣ богатство и богатые въ почетѣ, то это значитъ, что добродѣтель и добродѣтельные люди пользуются тамъ меньшимъ уваженіемъ... Такое государство неизбѣжно образуетъ не одно, а два государства: одно государство образуютъ бѣдные, а другое—богатые, а между тѣмъ они живутъ вмѣстѣ, замышляя зло другъ противъ друга (ἐπιβουλεύοντες) [1]... И въ концѣ концовъ они (господствующіе богатые) не въ состояніи вести войну, потому что они должны либо воспользоваться для этого массой,—а вооруженная масса для нихъ страшнѣе непріятеля,—либо, если они предпочтутъ отказаться отъ услугъ массы, то, когда дѣло дойдетъ до битвы, они будутъ пред-

[1]) Какъ видно изъ этого, не Дизраэли выдумалъ слова о двухъ націяхъ, живущихъ въ одномъ государствѣ; эти слова были употреблены впервые за двѣ тысячи лѣтъ до Дизраэли.

ставлять собою незначительную военную силу. Кромѣ того, они неохотно платятъ налоги, потому что слишкомъ привязаны къ деньгамъ».

Бѣдныхъ же, пролетаріевъ, Платонъ сравниваетъ съ трутнями—характерное сравненіе, ясно показывающее намъ различие между античнымъ и современнымъ пролетаріатомъ. Свободные неимущіе временъ Платона представляли собой по большей части люмпенпролетаріевъ. Въ наше время общество живетъ на счетъ пролетаріата,—тогда пролетаріатъ жилъ на счетъ общества. Они жили эксплоатацiей государства и богатыхъ; источниками дохода государства и богатыхъ служили трудъ рабовъ и поборы съ покоренныхъ государствъ. Но, продолжаетъ Платонъ, двуногіе трутни отличаются отъ крылатыхъ однимъ свойствомъ: не всѣ они лишены жала. «Лишенные жала дѣлаются на старости лѣтъ нищими, снабженные же жаломъ наполняютъ кадры всякаго рода бездѣльниковъ... карманныхъ и иныхъ воровъ, неостанавливающихся передъ обворовываніемъ храмовъ и т. п. позорными дѣлами» (VIII кн., гл. 6-ая и 7-ая)..

Государство, составленное изъ двухъ такихъ постоянно враждующихъ государствъ, обречено на гибель, будутъ ли въ немъ господствовать богачи (олигархія) или бѣдные (демократія).

Какое же государственное устройство предлагаетъ Платонъ на мѣсто «дурныхъ государственныхъ устройствъ»?

По его мнѣнію, только коммунизмъ можетъ уничтожить вражду.

Но Платонъ слишкомъ аристократъ, чтобы желать уничтоженія классовыхъ противорѣчій. Коммунизмъ долженъ стать консервативнымъ элементомъ, сохраняющимъ цѣлость государства факторомъ, но только въ видѣ коммунизма *господствующаго класса*. Если господствующій классъ не будетъ обладать частной собственностью, то для него, говоритъ Платонъ, исчезнетъ всякое искушеніе эксплоатировать и притѣснять трудящійся народъ, тогда господствующіе не будутъ больше волками, а сдѣлаются вѣрными сторожевыми псами,—задачей ихъ жизни будетъ защищать народъ и вести его къ благу.

Для трудящихся классовъ, для крестьянъ и ремесленниковъ, въ государствѣ Платона сохраняется частная собственность; она сохраняется, также, для мелкихъ лавочниковъ и для крупныхъ торговцевъ. И дѣйствительно, уничтоженіе частной собственности для этихъ классовъ противорѣчило потребностямъ тогдашняго способа производства, ибо основой производства оставалось еще *мелкое земледѣльческое и ремесленное производство*. Послѣднее, какъ мы уже замѣтили, обусловливаетъ, съ необходимостью закона природы, частную собственность на орудія производства. Правда, уже тогда были крупныя промышленныя заведенія, но въ нихъ работали *рабы*. Техника въ земледѣліи и промышленности еще не была настолько развита, чтобы требовать общественнаго производства.

Гдѣ отсутствовала внѣшняя сила, сгонявшая рабочихъ, они были свободными людьми, тамъ каждый работалъ для себя. Во времена Платона стремленіе уничтожить частную собственность на орудія производства для свободныхъ работниковъ было бы безсмысленно. Такимъ образомъ, соціализмъ Платона въ своей основѣ не имѣлъ ничего общаго съ современнымъ соціализмомъ.

Господствующій классъ въ идеальномъ государствѣ Платона не занимается производствомъ. Онъ получаетъ свое содержаніе отъ взносовъ трудящихся классовъ. *Общность имуществъ у этого класса не есть общность средствъ производства, а общность предметовъ наслажденія*, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, коммунизмъ *потребленія.*

Господствующій классъ—это стражи государства. Они избираются съ особой тщательностью изъ людей, наиболѣе одаренныхъ необходимыми для этой цѣли качествами. Дѣти стражей, правда, имѣютъ больше шансовъ попасть въ число стражей, чѣмъ другія дѣти въ государствѣ, потому что яблоко отъ яблони недалеко падаетъ. Но если кто нибудь изъ дѣтей стражей не находится на высотѣ своего призванія, тогда его должны исключить изъ этого класса. Обратно, если среди дѣтей крестьянъ и ремесленниковъ у кого нибудь проявятся благородныя качества, «то ему нужно оказывать почтеніе и включить его въ классъ властителей».

Такимъ образомъ, аристократія въ платоновскомъ государствѣ покоится не на благородствѣ происхожденія.

Дѣти, предназначенныя для принятія въ классъ стражей, получаютъ особенное, тщательное воспитаніе. Платонъ подробно останавливается на немъ, но здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе этого вопроса.

«Кромѣ этого воспитанія»—продолжаетъ Платонъ [1])—«разумный человѣкъ навѣрное сказалъ бы: жилища стражей и всѣ остальные принадлежащіе имъ предметы должны быть устроены такимъ образомъ, чтобы они не мѣшали стражамъ быть лучшими и не соблазняли бы ихъ становиться на путь несправедливости по отношенію къ другимъ гражданамъ».

«Совершенно вѣрно»—сказалъ онъ (Главконъ).

«Слушай же и посуди»—возразилъ я (Сократъ)—«не слѣдуетъ ли имъ для того, чтобы сдѣлаться такими, жить и устроить свое жилище слѣдующимъ образомъ: прежде всего, никто изъ нихъ не долженъ, насколько это возможно, обладать никакой собственностью; никто не долженъ имѣть собственнаго жилища или кладовой, куда не имѣлъ бы права войти каждый,

[1]) Или вѣрнѣе Сократъ. Это произведеніе, какъ и всѣ сочиненія Платона, имѣетъ форму діалога, въ которомъ большей частью, какъ и въ этомъ отрывкѣ, главную роль въ бесѣдѣ играетъ Сократъ.

кому это угодно. Необходимое же, одинаково нужное какъ храбрымъ, такъ и умѣреннымъ воинамъ, они должны получать по очереди отъ другихъ гражданъ въ награду за то, что они защищаютъ этихъ гражданъ. Они должны получать всѣ эти вещи въ такомъ количествѣ, чтобы они не испытывали нужды, но чтобы у нихъ ничего не оставалось до слѣдующаго года. Они должны жить вмѣстѣ и, подобно воинамъ въ походѣ, обѣдать вмѣстѣ (сисситія). Золото же и серебро, такъ нужно имъ сказать, они получили отъ боговъ, какъ божественный даръ, и носятъ ихъ всегда въ своей душѣ, поэтому имъ не нужно человѣческаго золота и серебра. Имъ нельзя позволить осквернить золотомъ и серебромъ смертныхъ божественное золото, которымъ они обладаютъ, ибо много нечистаго испытала эта низменная монета, золото же ихъ души всегда чисто. Имъ однимъ въ государствѣ запрещено имѣть дѣло съ золотомъ и серебромъ, прикасаться къ нему, держать его въ своихъ жилищахъ, украшать имъ свою одежду или пить изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ. Если бы они владѣли собственными землями, жилищами и золотомъ, тогда они были бы домовладѣльцами и землевладѣльцами, а не стражами,— жестокими повелителями, а не собратами другихъ согражданъ. Они проводили бы тогда всю свою жизнь въ томъ, чтобы ненавидѣть и быть ненавидимыми, подстерегать и быть подстерегаемыми, боясь гораздо больше внутренняго врага, чѣмъ внѣшняго, быстро идя, такимъ образомъ, навстрѣчу своей гибели и гибели всего города» (117 книга, 22-ая гл.).

Но Платонъ требуетъ для своихъ «стражей» не только общности имуществъ. Должно быть исключено все, что могло бы питать въ нихъ особенные интересы, посѣять между ними раздоры и вражду. Поэтому онъ требуетъ для нихъ уничтоженія индивидуальной семьи, *общности женъ и дѣтей.*

Такимъ образомъ, требованіе уничтоженія семьи и брака, доказывающее, по мнѣнію современныхъ истребителей соціализма (Socialistenfresser), скотскую грубость соціалдемократіи, мы уже находимъ у того античнаго философа, котораго наши офиціальные блюстители нравственности и чистоты и, въ особенности, наше духовенство превозносятъ главнымъ образомъ за его «почти христіанскую» этику.

«Со всѣмъ предыдущимъ»—влагаетъ Платонъ въ уста Сократа—«связано, по моему мнѣнію, слѣдующее учрежденіе».

«Какое»?

«Чтобы всѣ женщины принадлежали всѣмъ мужчинамъ сообща, и ни одна изъ этихъ женщинъ не должна жить съ однимъ мужчиной, предпочтительно передъ другимъ. И дѣти также должны быть общими, чтобы отецъ не зналъ своего сына, и сынъ не зналъ своего отца» (V кн., 7-ая гл.).

Платонъ, однако, не предлагаетъ совершенно безпорядочныхъ половыхъ сношеній. Въ нихъ необходимо только руководствоваться *однимъ* единственнымъ принципомъ,—принципомъ полового подбора. Женщинамъ дозволяется «рожать для государства» только въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ; мужчинамъ дозволяется «оплодотворять для государства» только отъ 30-го до 55-го года. Дѣти, отецъ или мать которыхъ моложе или старше установленнаго для нихъ возраста, суть плоды беззаконія. Такихъ дѣтей должно устранить путемъ искусственныхъ выкидышей или же выбрасывать на улицу. Оставлять ихъ въ живыхъ не дозволяется. Людей же, непреступившихъ еще предѣловъ даннаго возраста, правитель долженъ по возможности сочетать такимъ образомъ, чтобы наилучшіе чаще всего вступали въ сношенія съ наилучшими, менѣе годные мужчины—съ менѣе годными женщинами. Дѣтей первыхъ слѣдуетъ воспитывать, а дѣтей послѣднихъ не слѣдуетъ оставлять въ живыхъ, если только хотятъ, чтобы племя оставалось безупречнымъ. И обо всемъ этомъ (объ урегулированіи сочетаній) никто ничего, кромѣ правителей, не долженъ знать, дабы въ общинѣ стражей было возможно меньше раздоровъ».

«Мужчины же и женщины, которые вышли изъ установленнаго возраста, могутъ сочетаться между собой совершенно свободно, кто съ кѣмъ хочетъ».

Новорожденныхъ дѣтей забираютъ къ себѣ назначенныя для этого должностныя лица, которыя состоятъ изъ мужчинъ или женщинъ, или изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, потому что должности доступны одинаково какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. «Дѣтей доблестныхъ родителей, думаю я, они отнесутъ въ дома для грудныхъ дѣтей къ нянькамъ, которыя живутъ въ отдѣльной части города, дѣтей же негодныхъ родителей, а также родившихся съ какимъ нибудь уродствомъ они спрячутъ, какъ это установлено, въ недоступномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ».

«Несомнѣнно, сказалъ онъ, такъ нужно поступать, если желаютъ, чтобы родъ стражей сохранилъ свое благородство».

«Эти же должностныя лица будутъ заботиться о питаніи грудныхъ дѣтей. Они будутъ приводить матерей, груди которыхъ изобилуютъ молокомъ, въ дома, гдѣ содержатся грудныя дѣти; при этомъ, однако, они приложатъ всѣ старанія, чтобы матери не узнали своихъ дѣтей. Эти должностныя лица будутъ заботиться также о пріисканіи другихъ кормилицъ, если молока матерей не хватитъ» (V кн. 9 гл.).

Все это производитъ на насъ странное, даже отталкивающее впечатлѣніе. Не такъ относились къ этому греки, современники Платона. Они жили, правда, въ единобрачіи, но они сами открыто признавали бракъ лишь учрежденіемъ, гарантирующимъ законность дѣтей и обезпечивающимъ право наслѣдованія. Браки заключались не находящимися на седьмомъ

себѣ влюбленными, а главами семействъ, которые уговаривались между собою относительно брака ихъ дѣтей, причемъ принимались во вниманіе не симпатіи заинтересованныхъ лицъ, а ихъ матеріальное положеніе. Молодой человѣкъ обыкновенно не имѣлъ даже случая познакомиться съ дѣвушкой изъ хорошаго дома до своего обрученія съ нею [1]).

Наряду съ заботой объ увеличеніи состоянія и передачи его по наслѣдству, важнѣйшей цѣлью брака было, также, полученіе здороваго потомства. Въ Спартѣ, гдѣ состояніе играло сравнительно незначительную роль, а на первомъ планѣ стояла воинская доблесть спартіатовъ, соображенія полового подбора играли, при заключеніи брака, очень важную роль. Сила этихъ соображеній было такъ велика, что иногда супругъ уступалъ свои супружескія права другому потому, что тотъ обладалъ большей силой и здоровьемъ, и потому можно было ожидать, что отъ него родятся лучшія дѣти. Плутархъ сравнивалъ, поэтому, спартанскій бракъ съ конскимъ заводомъ, въ которомъ заботятся только о созданіи болѣе благородной породы.

Поэтому, въ глазахъ современниковъ Платона въ регулированіи половыхъ сношеній властями, согласно правиламъ подбора, не было ничего безсмысленнаго и отталкивающаго.

Упраздненіе семьи, половой коммунизмъ, былъ логическимъ слѣдствіемъ коммунизма наслажденій. Въ самомъ дѣлѣ: разъ всѣ наслажденія должны быть общими, то было бы очень непослѣдовательно изъять изъ круга общихъ наслажденій такое сильное и оказывающее столь глубокое вліяніе на общественную жизнь наслажденіе, какъ половое.

Напротивъ, общность женъ, половой коммунизмъ, не находится ни въ

[1]) Отсюда видно, насколько ошибочно приписывать капиталистическому способу производства вину въ томъ, что бракъ сдѣлался денежной сдѣлкой. Покровительствуемое закономъ единобрачіе всегда было такой сдѣлкой. Единобрачіе есть дитя частной собственности и права наслѣдства. Капиталистическій способъ производства создалъ, напротивъ, условія, при которыхъ индивидуальная половая любовь—страстная потребность соединиться и навсегда съ опредѣленнымъ лицомъ другого пола—могла стать признаннымъ факторомъ общественной жизни. Бракъ, представляющій собою лишь денежную сдѣлку, сталъ, благодаря этому, для современнаго моральнаго сознанія безнравственной связью. Но такъ какъ экономическій способъ производства оставляетъ и даже усиливаетъ экономическіе корни брака-сдѣлки, то это современное этическое воззрѣніе не лишаетъ брака характера денежной сдѣлки, а приводитъ лишь къ тому, что люди стараются скрыть этотъ характеръ, брачущіеся уже вынуждены дѣлать видъ, будто ихъ соединяетъ одна только любовь. Мѣсто языческой откровенности заняло христіанское лицемѣріе. Само собой разумѣется, что это относится, главнымъ образомъ, къ бракамъ имущихъ классовъ.

малѣйшей логической связи съ выдвигаемымъ современнымъ соціализмомъ требованіемъ общей собственности на *орудія производства*, если, конечно, не причислять женщину къ орудіямъ производства [1]).

Однако, въ другомъ пунктѣ платоновскій идеалъ соприкасается съ однимъ изъ требованій современной соціалдемократіи. Какъ и она, Платонъ требуетъ уравненія женщинъ съ мужчинами, допущенія женщинъ ко всѣмъ должностямъ (само собою, все это только внутри класса «стражей»). Онѣ должны отправляться даже на войну. И воспитаніе онѣ должны получать такое же, какое получаютъ стражи-мужчины.

«Изъ всѣхъ занятій, которыми поддерживается существованіе государства, нѣтъ ни одного, которое подобало бы женщинѣ какъ женщинѣ, или мужчинѣ какъ мужчинѣ; природныя способности распредѣлены одинаково въ обоихъ полахъ, и женщина, подобно мужчинѣ, можетъ принимать участіе во всѣхъ родахъ дѣятельности. Но женщина во всемъ слабѣе мужчинъ... Пусть, поэтому, будетъ всегда дозволено женамъ нашихъ стражей раздѣваться до нага (дабы онѣ могли, подобно мужчинамъ, заниматься гимнастическими упражненіями)—вмѣсто одежды ихъ тѣло будетъ облекать добродѣтель,—и пусть онѣ принимаютъ участіе въ войнѣ и въ управленіи государствомъ и ничего другого пусть онѣ не дѣлаютъ. Но на женщинъ должны быть возложены болѣе легкія обязанности, чѣмъ на мужчинъ, по причинѣ слабости ихъ пола» (V кн. 5 и 6 гл.).

Основу соціальнаго и политическаго уравненія женщинъ съ мужчинами образуетъ ихъ освобожденіе отъ домашнихъ работъ. Въ платоновскомъ государствѣ это достигается тѣмъ, что такія работы передаются трудящимся классамъ. Пока не было возможности исполнять хотя бы наиболѣе тяжелыя изъ этихъ работъ при помощи машинъ, эмансипація женщинъ на иной основѣ была недостижима.

Какъ бы ни были смѣлы всѣ эти идеи Платона, онѣ, однако, порождены не одной только силою его ума, но опираются и на реальную основу. Мы уже имѣли случай убѣдиться въ этомъ на примѣрѣ одной изъ его наиболѣе смѣлыхъ идей, а именно на идеѣ примѣненіи планомѣрнаго подбора въ половыхъ сношеніяхъ. Образецъ, которымъ онъ руководился, повліялъ на весь ходъ его идей. Этимъ образцомъ была Спарта, которая, какъ мы уже упомянули выше, представляла собой аристократическое государство Греціи, и всегда пользовалась, поэтому,

[1]) „Буржуа смотритъ на свою жену, какъ на простое орудіе производства. Онъ слышитъ, что орудія производства должны быть предоставлены въ общее пользованіе и, естественно, приходитъ къ тому заключенію, что и женщины подвергнутся той же участи“ („Коммунистическій манифестъ“ пер. Г. Плеханова).

самыми горячими симпатіями аѳинской аристократіи. Эти симпатіи были такъ сильны [1]), что способствовали побѣдѣ Спарты надъ Аѳинами въ пелопонесской войнѣ.

Симпатіи къ Спартѣ, питаемыя аристократомъ Платономъ, во всякомъ случаѣ не ослабѣли благодаря вліянію, которое оказывали на его умъ антидемократическія тенденціи Сократа.

Многіе изъ наиболѣе выдающихся и извѣстныхъ учениковъ Сократа показали себя друзьями Спарты. *Ксеноѳонтъ*, закадычный другъ спартанскаго короля Агезилая, былъ на службѣ у Спарты и участвовалъ во многихъ походахъ, предпринятыхъ Спартой. Будучи въ свитѣ спартанскаго полководца, онъ не отступилъ даже передъ тѣмъ, чтобы сражаться въ битвѣ при Херонеѣ (394) противъ своихъ соотечественниковъ. Это служитъ достаточнымъ оправданіемъ его изгнанія изъ отечества. *Алкивіадъ* поступилъ въ пелопонесской войнѣ еще лучше. Будучи аѳинскимъ полководцемъ, онъ перешелъ на сторону спартанцевъ и сдѣлался какъ бы начальникомъ ихъ главнаго штаба; онъ выдалъ имъ всѣ слабыя стороны Аѳинъ, и вызвалъ такимъ образомъ, рядъ крупныхъ пораженій, которыя фактически и рѣшили исходъ войны, хотя она тянулась еще довольно долго. Послѣ того, какъ Аѳины были побѣждены, они сдѣлались добычей «тридцати тирановъ», шайки аристократовъ, состоявшей изъ солидарно-мыслящихъ *негодяевъ*, которыхъ побѣдоносная Спарта навязала аѳинскому народу въ правители. И во главѣ этой банды, пользовавшейся введеннымъ ею режимомъ дикаго террора для того, чтобы увеличивать свои богатства, и доведшей побѣжденныя Аѳины до окончательнаго раззоренія, стоялъ *Критій*—тоже одинъ изъ учениковъ Сократа.

Все это нужно принять во вниманіе для того, чтобы правильно понять процессъ Сократа.

Послѣ всего сказаннаго насъ не будетъ удивлять, что Спарта послужила Платону образцомъ для построенія его идеальнаго государства. Это можно доказать для цѣлаго ряда пунктовъ, но здѣсь не мѣсто приводить эти доказательства.

Мы не хотимъ, однако, сказать, что Платонъ просто скопировалъ спартанское государство. Для этого онъ былъ слишкомъ большимъ философомъ, и кромѣ того, онъ слишкомъ ясно видѣлъ язвы, отъ которыхъ уже тогда страдала Спарта. Могущество и богатство, достигнутыя Спартой послѣ и въ результатѣ пелопонесской войны столь же

[1]) Онѣ проявлялись въ заговорахъ, государственныхъ измѣнахъ и даже въ убійствахъ изъ-за угла выдающихся полководцевъ и демократовъ.

быстро привели ее къ развращенію, какъ развратились Аѳины послѣ персидскихъ войнъ и событій, явившихся послѣдствіями побѣдъ, одержанныхъ ими въ этихъ войнахъ. Остатки первобытнаго коммунизма, еще сохранившіеся въ Спартѣ, также мало могли защитить ее отъ упадка, какъ безсильны защитить отъ современной артиллеріи развалины рыцарскаго замка. Они стали простыми формами. Ихъ важнѣйшее значеніе въ эпоху Платона едва ли не состояло въ томъ, что они дали пищу уму этого изслѣдователя и мыслителя и натолкнули его на идею о возможности и желательности коммунистическаго строя; благодаря имъ, онъ получилъ возможность развить изъ идейныхъ зачатковъ, заключавшихся въ нихъ, послѣдовательно продуманную систему коммунизма, которая была въ его время возможна хотя бы въ идеалѣ.

Но только въ идеалѣ. Платонъ былъ аристократомъ, но его аристократизмъ проявлялся въ антипатіи къ простонародью, а не въ довѣріи къ членамъ своего сословія. Онъ не довѣрялъ послѣднимъ, какъ и первымъ. Грубый спартанскій милитаризмъ и спартанское безшабашное хищническое хозяйство удовлетворяли его такъ же мало, какъ и аѳинская демократія.

Поэтому, въ своемъ идеальномъ государствѣ онъ дѣлилъ высшій классъ, классъ стражей, на два разряда: разрядъ воиновъ и разрядъ правителей. Только послѣдніе правятъ государствомъ, и они должны быть *философами*. Господство военной аристократіи онъ считаетъ также гибельнымъ, какъ и господство народа, который въ его время уже состоялъ большей частью изъ люмпенпролетаріевъ. Только господство философовъ можетъ служить ручательствомъ того, что государство будетъ управляться разумно. «Пока рядъ философовъ не сдѣлается господиномъ государства, (ἐγκρατὲς γένηται) не кончатся несчастія государства и гражданъ, и государственное устройство, которое мы измыслили, не найдетъ осуществленія» (VI кн., 13 гл. Сравни V кн. 18 гл.).

Какимъ же образомъ философы достигнутъ господства въ государствѣ? Они достигнутъ господства не тѣмъ, что будутъ принимать участіе въ политической борьбѣ народа, а тѣмъ, что склонятъ на свою сторону тирана (VI книга, 14 гл.) [1].

---

[1]) Уже упомянутый выше профессоръ *Робертъ Пельманъ*, новѣйшій изслѣдователь платоновскаго коммунизма, сдѣлалъ поразительное открытіе. Онъ утверждаетъ, что философскій абсолютизмъ, котораго требовалъ Платонъ, нашелъ свое осуществленіе въ нѣмецкой имперіи. „Не является ли это требованіе прямо таки пророческимъ указаніемъ на истинно-государственную монархію, каковой, больше чѣмъ всѣ другія, является нѣмецкое государство?“ Кто же, однако, эти управляющіе государствомъ

Мы уже знаемъ, каковы были результаты попытки Платона склонить самодержца въ пользу своихъ идей.

Судьба его была судьбою всѣхъ утопистовъ, жившихъ послѣ него, т. е., всѣхъ тѣхъ, кто стремился къ обновленію государства и общества, но не находилъ въ нихъ необходимыхъ для этого факторовъ; имъ приходилось возлагать свои надежды на актъ великодушія, продиктованный произволомъ политическаго или финансоваго самодержца, короля-философа или милліонера-философа.

Въ эпоху Платона въ извѣстныхъ ему государствахъ уже не было ни одного слоя народа, отъ котораго онъ могъ бы ожидать возрожденія государства. Все было гнило, разъѣдено и уже возсталъ призракъ самодержавія, въ которомъ даже республиканцы склонны были видѣть послѣднее спасеніе государства. Ксенофонтъ, какъ и Платонъ, ученикъ Сократа, написалъ политическій романъ,—«Киропедію», въ которомъ прославлялось счастливое царствованіе получившаго хорошее воспитаніе короля.

Вскорѣ послѣ Платона философы стали смотрѣть на самодержавіе уже не какъ на средство получить власть въ государствѣ, а только какъ на средство избавиться отъ обременительныхъ заботъ о государственныхъ дѣлахъ. Разложеніе государства совершается также и въ общемъ сознаніи.

философы, которые стоятъ выше классовыхъ интересовъ какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ? Это—„наши современные государственные и общинные чиновники, священники, учителя, офицеры и т. д.; всѣ они большей частью не обладаютъ состояніемъ, или по крайней мѣрѣ, не обладаютъ большимъ состояніемъ, и, однако, имъ доступно самое высшее образованіе" и т. д. „Именно въ этомъ, въ созданіи соціальнаго слоя, занимающаго такое общественное положеніе и такъ относящагося къ борющимся классамъ,—слоя, которымъ обладаетъ современное государство но не обладало тогдашнее государство,—Платонъ, съ геніальной ясностью взгляда, видѣлъ главнѣйшую задачу всякой политики" (Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus I, стр. 427 и сл.). Взглядъ, по которому все развитіе всемірной исторіи, начиная съ среднихъ вѣковъ, имѣло единственной своей цѣлью—откровеніе все затмѣвающаго величія гогенцолернской династіи и ея государства, для нѣмецкаго профессора исторіи—вещь обычная. Но углубиться для этой цѣли въ сѣдую древность и сдѣлать изъ Платона передового борца за прусское юнкерство и чиновничество—на это, все-таки, до г. Пельмана никто еще не рѣшался.

Для современной исторической науки въ Германіи и читающей ея произведенія публики чрезвычайно характерно, что нѣмецкій ученый могъ съ торжественнѣйшимъ видомъ надѣть на греческаго философа прусскую каску, не опасаясь, что градъ насмѣшекъ окончательно убьетъ его ученую репутацію.

Философовъ интересуетъ теперь не общество, а свое собственное *я*. Они уже не ищутъ лучшаго государственнаго устройства, а только—наилучшаго метода для индивидуума добиться собственнаго личнаго счастья.

Такъ постепенно развивается атмосфера, въ которой зарождается христіанство.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Коммунизмъ первыхъ христіанъ.

I. Корни коммунизма первыхъ христіанъ.

Мы уже сказали, что эволюція, описанная нами въ началѣ первой главы и иллюстрированная на примѣрѣ Аѳинъ, выпала на долю всѣхъ народовъ и государствъ древности.

Не былъ пощаженъ и господствовавшій надъ міромъ Римъ. Къ тому времени, какъ онъ достигъ высоты своего могущества, процессъ его внутренняго упадка зашелъ очень далеко. Эта имперія, обнимавшая всѣ страны, расположенныя вокругъ Средиземнаго моря, представляла собою конгломератъ государствъ, которыя всѣ шествовали по одному и тому-же пути. Одни изъ нихъ, лежавшія на востокѣ и югѣ Средиземнаго моря, обогнали Римъ, другія, расположенныя на западѣ и сѣверѣ, отстали отъ него. Но они прилагали всѣ старанія, чтобы достигнуть той высоты, на которой стояла столица и вмѣстѣ съ нею дойти до того пункта, котораго уже достигла Греція и восточныя государства: до полнаго соціальнаго разложенія.

Мы видѣли, какъ падала народная свобода въ Аѳинахъ и какъ республика созрѣла для самодержавія. То же самое происходило въ другихъ демократіяхъ и въ Римѣ. Въ то время, къ которому приурочивается рождество Христа, происходила агонія римской республики и залагались основы цезаризма.

И аристократія и демократія оказались въ одинаковой мѣрѣ несостоятельными. Ядро народа, свободное крестьянство, въ Римской имперіи пришло въ упадокъ, а во многихъ областяхъ оно совершенно исчезло. Основой величія и славы государства было раззореніе крестьянства. Вѣчныя войны, которыя велись съ помощью крестьянскаго ополченія, привели къ упадку крестьянскаго хозяйства, тогда какъ хозяйство крупныхъ помѣщиковъ, которое велось съ помощью рабскаго труда, не пострадало. Напротивъ,

именно эти войны доставляли имъ необычайно дешевыхъ рабовъ. Не удивительно, что хозяйство, основанное на рабскомъ трудѣ, быстро одержало верхъ и вытѣснило хозяйство свободныхъ крестьянъ. Какъ снѣгъ подъ лучами солнца, таяло свободное, здоровое крестьянство. Нѣкоторыя часть его влачила жалое существованіе, но бо̀льшая часть опустилась до положенія пролетаріата, точнѣе люмпенпролетаріата, ибо въ то время еще не существововало широкой потребности въ наемномъ трудѣ, къ которому могли-бы обратиться крестьяне. Въ промышленности, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, господствовалъ рабскій трудъ. Неимущіе крестьяне устремились въ большіе города, гдѣ они вмѣстѣ съ вольноотпущенниками образовали низшій слой населенія.

Но пока существовала демократическая республика, бѣдность массъ еще не означала—бѣдствія массъ. Правда, массы ничѣмъ не владѣли, но зато въ ихъ рукахъ была политическая власть, и онѣ прекрасно умѣли извлекать изъ нея средства къ жизни, т. е. использовать ее самыми разнообразными способами для того, чтобы обирать богатыхъ и находившіяся на положеніи данниковъ покоренныя провинціи.

Ихъ политическая сила доставляла имъ не только хлѣбъ и зрѣлища; она доставляла имъ иногда и орудія производства, землю. На протяженіи послѣднихъ вѣковъ существованія республики мы встрѣчаемъ непрерывныя попытки образовать новое крестьянство путемъ раздачи пролетаріямъ мелкихъ земельныхъ участковъ. Однако, всѣ эти попытки обратить вспять колесо историческаго развитія оставались безрезультатными. Онѣ разбивались о политическое и экономическое могущество крупныхъ землевладѣльцевъ, которые, гдѣ было возможно, препятствовали осуществленію такихъ попытокъ. Если-же, вопреки сопротивленію, и удавалось создать свободное крестьянство, то землевладѣльцы его скоро вновь разоряли и заставляли крестьянъ продавать имъ участки. Но эти попытки разбивались также о развращенность люмпенпролетаріата, не желавшаго трудиться и предпочитавшаго жить въ столицѣ и пользоваться ея удовольствіями вмѣсто того, чтобы зарыться въ деревню и вести тамъ скудную, полную трудовъ и заботъ жизнь крестьянина. Пролетаріи часто мѣшали успѣху соціальныхъ реформъ, предпринимаемыхъ для ихъ же пользы, быстро проматывая выдѣленныя имъ земли. Но они мѣшали успѣху реформъ также и тѣмъ, что продавали свою политическую силу богатымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, обращая, такимъ образомъ, эту силу противъ соціальныхъ реформаторовъ.

Самыми величественными изъ всѣхъ попытокъ осуществить соціальную реформу были попытки, начатыя и продолженныя двумя *Гракхами*, Тиберіемъ Семпроніемъ Гракхомъ (родился въ 163 г., убитъ своими

аристократическими противниками въ 133 г. до начала нашего лѣтосчисленія) и болѣе рѣшительнымъ, пошедшимъ дальше брата, Каемъ Семпроніемъ Гракхомъ (род. 153), который продолжалъ дѣло своего старшаго брата, но, какъ и онъ, палъ, сраженный яростью владѣльцевъ латифундій (121). Братьевъ Гракховъ называли коммунистами, но они вовсе не были коммунистами. Они стремились не къ уничтоженію частной собственности, а къ созданію новыхъ собственниковъ, къ возстановленію самостоятельнаго крестьянства, самой прочной опоры частной собственности.

Ихъ дѣйствія въ этомъ направленіи вполнѣ согласовались съ экономическими условіями того времени. Правда, тогда не только крупное землевладѣніе вытѣсняло мелкое, но и крупное производство—мелкое. Однако, это не было слѣдствіемъ техническаго и экономическаго превосходства перваго надъ вторымъ, а лишь слѣдствіемъ необычайной дешевизны рабочей силы—*рабовъ*.

Въ результатѣ вѣчныхъ войнъ, на рынокъ было выброшено громадное количество рабовъ; это были военноплѣнники. Нѣкоторыя войны римлянъ были непосредственно вызваны потребностью крупныхъ землевладѣльцевъ въ дешевыхъ рабахъ. Это была настоящая охота за рабами.

На рынкѣ скопилось множество рабовъ, и неудивительно поэтому, что цѣны на нихъ чрезвычайно упали. Уже въ Аѳинахъ рабство вслѣдствіе подобныхъ же условій было сильно развито. Въ 300 г. до начала нашего лѣтосчисленія тамъ насчитывали наряду съ 21.000 гражданъ 40.000 рабовъ. Объ Эсхинѣ разсказывали, что у него было только *семь* рабовъ; это приводилось какъ свидѣтельство его чрезвычайной бѣдности. Въ римской имперіи дѣло обстояло еще хуже. Римскій полководецъ Лукуллъ продалъ (во второй половинѣ перваго вѣка до нашего лѣтосчисленія) военноплѣнныхъ въ рабство (считая на наши деньги) по *три марки* за штуку!

Теперь сдѣлалось выгоднымъ скупать громадныя партіи—богатые римляне владѣли тысячами рабовъ—и заставлять ихъ работать сообща. На мѣсто мелкихъ предпріятій стали устраивать большія *плантаціи* и такъ называемыя *фабрики*. Такое названіе крупныхъ промышленныхъ предпріятій грековъ и римлянъ, однако, неточно. Эти предпріятія носили совершенно иной характеръ, чѣмъ современная мануфактуры и фабрика; онѣ не стояли, какъ послѣднія, выше мелкаго производства. Крупныя промышленныя предпріятія съ рабскимъ трудомъ нельзя сравнивать съ фабриками, и если ужъ желательно проводить аналогію съ какимъ нибудь явленіемъ современности, то работу на нихъ приходится сравнивать съ тюремнымъ трудомъ. Никто не будетъ утверждать, что послѣдній представляетъ собою высшій способъ производства по сравненію съ свободнымъ ремесломъ. Рабскій трудъ, особенно въ земледѣліи, былъ

такъ примитивенъ и неэкономиченъ, какъ только это возможно представить[1]). Въ этихъ крупныхъ предпріятіяхъ рабъ вырабатывалъ гораздо меньше, чѣмъ свободный рабочій въ мелкомъ предпріятіи. Если же рабъ, несмотря на это, производилъ гораздо дешевле, чѣмъ свободный рабочій въ мелкомъ предпріятіи, то это только потому, что онъ самъ почти ничего не стоилъ; вслѣдствіе дешевизны и многочисленности предназначеннаго для продажи въ рабство человѣческаго матеріала, его не приходилось щадить или кормить и одѣвать какъ слѣдуетъ. Хозяину не было особен-

---

[1]) Марксъ замѣчаетъ въ своемъ „Капиталѣ" въ примѣчаніи о рабскомъ трудѣ: „Работникъ отличается здѣсь, по очень удачному выраженію древнихъ, лишь, какъ instrumentum vocale (орудіе, способное выражать свое чувство словами), отъ животнаго, какъ instrumentum semivocale (орудіе, способное выражать свое внутреннее состояніе лишь очень несовершенно), и отъ неодушевленныхъ орудій труда instrumentum mutum (нѣмое орудіе). Но зато онъ самъ старается дать почувствовать и животнымъ и орудіямъ труда, что онъ не имъ подобное существо, а человѣкъ. Обращаясь съ ними дурно и истребляя ихъ cum amore, онъ какъ бы доказываетъ этимъ свое отличіе отъ нихъ и доставляетъ такимъ образомъ нѣкоторое удовлетвореніе чувству собственнаго достоинства. Поэтому при такомъ способѣ производства, получаетъ значеніе настоящаго экономическаго принципа употребленіе самыхъ грубыхъ, самыхъ неуклюжихъ орудій труда, такъ какъ подобныя орудія въ силу самой своей неуклюжести очень трудно подвергаются порчѣ и разрушенію (К. Марксъ, „Капиталъ" I, 2-ое изд., СПБ., 1899, стр. 150, прим. 17).

Сравни съ этимъ слѣдующее разсужденіе, встрѣченное нами у Сисмонди въ его сочиненіи: „Études sur l'économie politique" (Парижъ, 1837). Онъ приводитъ длинную цитату о рабствѣ изъ сочиненія Ш. Конта и, между прочимъ, говоритъ: „Рабы нашего времени не способны ко всякой работѣ, требующей интеллигентности, вкуса, тщательности. Прекрасныя работы древнихъ римлянъ были, вѣроятно, произведеніемъ рукъ людей, которые достигли совершенства въ промышленности, будучи свободными, и только потомъ, попавъ въ плѣнъ, сдѣлались рабами. Ибо, какъ только римляне покорили всѣ промышленные народы, такъ что они могли достать себѣ рабовъ среди варваровъ,—искусства и всѣ роды промышленности быстро пришли въ упадокъ и сами они впали въ варварство.

„Но рабство развращаетъ не только рабовъ, но и свободныхъ, ибо оно прививаетъ презрѣніе къ промышленному труду, благодаря чему свободные бѣдняки—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—перестаютъ заниматься промышленнымъ трудомъ. Въ римской республикѣ положеніе пролетаріевъ, незанимавшихся никакимъ трудомъ,—частью вслѣдствіе презрѣнія къ труду, частью вслѣдствіе конкурренціи рабовъ,—представляетъ собою замѣчательный и потрясающій примѣръ униженія и нищеты, до которыхъ доводитъ рабство ту часть народа, которая не принадлежитъ ни къ господамъ, ни къ рабамъ (I, стр. 382—393).

наго горя, если рабы гибли: ихъ всегда было достаточно, чтобы замѣстить выбывшихъ.

Какъ видно изъ этого, вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ въ римской имперіи вызывалось вовсе не тѣми причинами, которыя вызываютъ однородное явленіе въ наше время. Тогда еще не было на лицо условій для способа производства, стоящаго выше мелкаго, условій для общественнаго производства. Если, поэтому, Гракхи, какъ представители интересовъ пролетаріата, отнюдь не были коммунистами, то это находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ условіями тогдашняго времени.

Все, что мы сказали относительно братьевъ Гракховъ, относится также и къ *Катилинѣ* (род. въ 108 г. до нач. наш. лѣтосч.), стоявшему во главѣ заговора противъ правленія римскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Послѣ того, какъ всѣ другія попытки его партіи овладѣть политическою властью, потерпѣли неудачу, ему съ его сообщниками не оставалось ничего другого, какъ прибѣгнуть къ возстанію. Онъ былъ побѣжденъ въ героической борьбѣ противъ превосходныхъ силъ его противниковъ и умеръ на полѣ битвы (въ 62 г. до наш. лѣтосч.). Его такъ же сдѣлали коммунистомъ,—а Моммсенъ даже анархистомъ,—но совершенно неосновательно. Катилина такъ же мало стремился къ уничтоженію частной собственности и къ введенію коммунистическаго общественнаго строя, какъ и Гракхи. Онъ стремился къ захвату политической власти неимущими для того, чтобы превратить ихъ въ имущихъ.

Мысль пролетаріата и его друзей стала работать въ другомъ направленіи лишь послѣ того, какъ замерла политическая жизнь, когда неимущіе дошли до такого же политическаго и моральнаго упадка, какъ и имущіе, когда демократія стала такъ же невозможной, какъ и аристократія, и уже подготовлена была почва дла выступленія самодержца, императора, повелителя наемнаго войска и зачатковъ бюрократіи.

Съ потерей политической власти античный пролетаріатъ теряетъ также важнѣйшій, даже почти единственный источникъ средствъ къ существованію. Быть бѣднымъ отнынѣ значитъ быть нищимъ. Бѣдность массъ стала теперь причиной незнакомаго раньше римскому обществу ужасающаго положенія вещей. Пауперизмъ, бѣдность и нищета массъ стали теперь важнѣйшимъ вопросомъ, который все настойчивѣе требовалъ своего рѣшенія, ибо ходъ соціальнаго развитія оставался все такимъ же, средніе слои все больше и больше бѣднѣли, богатые еще больше богатѣли, и число неимущихъ росло.

Это, однако, не было единственнымъ соціальнымъ вопросомъ, волновавшимъ римское общество. Упадокъ свободнаго крестьянства, приведшій

къ цезаристскому абсолютизму, былъ предтечей экономическаго упадка всего общества.

Еще раньше, чѣмъ римское общество обанкротилось въ политикѣ, оно уже обанкротилось въ военномъ дѣлѣ. Съ исчезновенiемъ крестьянъ неоткуда было взять солдатъ для ополченскихъ армiй. Ихъ мѣсто заступило наемное войско, самая крѣпкая опора деспотизма. Но этому войску, непобѣдимому въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ, скоро стало не подъ силу отражать внѣшнихъ враговъ, въ особенности германцевъ, энергiя наступленiй которыхъ все росла, между тѣмъ какъ римская военная организацiя быстро клонилась къ упадку.

Это привело къ очень важнымъ экономическимъ послѣдствiямъ. Завоевательныя войны становились все рѣже. Вѣчная война, свирѣпствовавшая на границахъ, принимала все больше и больше характеръ чисто оборонительной войны, въ которой потери въ солдатахъ превышали число захваченныхъ военноплѣнныхъ. Привозъ рабовъ дѣлался все болѣе и болѣе скуднымъ. Но съ прекращенiемъ обильнаго привоза рабовъ рухнула, въ особенности въ земледѣлiи, основа тогдашняго крупнаго производства. Рабство не исчезло совершенно, но рабы все болѣе и болѣе становились предметомъ роскоши.

Это не означало, однако, возврата къ свободному крестьянству и свободному ремеслу. Промышленныя работы большей частью оставались въ рукахъ рабовъ. Уменьшенiе привоза рабовъ приводило только въ рѣдкихъ случаяхъ къ зарожденiю свободнаго, самостоятельнаго сословiя ремесленниковъ; чаще же всего оно вело къ регрессу и упадку промышленности. Не лучше обстояло дѣло и въ земледѣлiи. Свободное крестьянство зачахло и, наконецъ, окончательно погибло подъ ударами хозяйства, основаннаго на рабскомъ трудѣ, и, послѣ своего исчезновенiя, оно ужъ никогда не могло снова пустить корней въ римской имперiи. Ибо хотя *крупное сельское хозяйство* становилось все менѣе и менѣе доходнымъ, но *крупное землевладѣнiе* сохранилось, и распространило площадь своихъ владѣнiй еще больше, потому что оно все же могло лучше, чѣмъ мелкое землевладѣнiе, выдержать вымогательства императорскихъ чиновниковъ и особенно опустошенiя, причиненныя неудачными, безчисленными войнами.

Но *крупное сельское хозяйство* все-таки не могло въ концѣ концовъ удержаться. Оно все больше и больше сокращалось и на ряду съ нимъ развилась система раздѣленiя крупнаго имѣнiя или части его на мелкiе участки и сдачи ихъ въ *аренду*, такъ называемымъ *колонамъ* за опредѣленное количество продуктовъ и натуральныхъ повинностей, которыхъ старались прикрѣпить возможно тѣснѣе къ землѣ, — особенно

въ послѣдніе вѣка римской имперіи; колоны были предтечи средневѣковыхъ крѣпостныхъ.

Причиной этого прикрѣпленія было быстрое *уменьшеніе рабочихъ силъ* въ имперіи. Большая часть населенія,—кромѣ немногихъ богачей и сравнительно малочисленныхъ свободныхъ, самостоятельныхъ рабочихъ въ жалкихъ остаткахъ крестьянскаго хозяйства и ремесла,—состояла изъ люмпенпролетаріевъ и рабовъ. Не зная правильной семейной жизни и живя большей частью въ глубочайшей нищетѣ, ни тѣ, ни другіе не были въ состояніи давать достаточный приростъ населенія. Многочисленныя неудачныя войны еще больше увеличили дефицитъ въ людяхъ. Народонаселеніе замѣтно уменьшалось. Чтобы получить колоновъ и солдатъ, господствующій классъ въ Римѣ былъ вынужденъ все больше и больше привлекать въ имперію иностранцевъ, варваровъ, и, наконецъ, дѣло дошло до того, что все трудящееся населеніе и войско состояло главнымъ образомъ изъ этихъ пришельцевъ и ихъ потомства.

Но этого было недостаточно для того, чтобы восполнить убыль населенія, и съ теченіемъ времени пришлось привлекать варваровъ, стоявшихъ на еще болѣе низкой ступени развитія.

Римская культура могла подняться на достигнутую ею высоту только благодаря обилію рабочихъ силъ, готовыхъ къ ея услугамъ; благодаря этому она могла безпощадно эксплоатировать ихъ. Съ прекращеніемъ этого обилія рабочихъ силъ, исчезло также и обиліе продуктовъ, земледѣліе и промышленность регрессировали, ихъ пріемы дѣлались все болѣе и болѣе грубыми, варварскими. А вмѣстѣ съ земледѣліемъ и промышленностью пришли въ упадокъ искусства и науки.

Этотъ соціальный упадокъ могъ достигнуть полнаго своего развитія только въ теченіе очень долгаго времени. Онъ продолжался нѣсколько вѣковъ, пока, наконецъ, всемірная римская имперія не спустилась съ той гордой высоты, на которую она поднялась при Августѣ и его пріемникахъ, до того жалкаго и бѣдственнаго положенія, въ которомъ застаетъ ее начало переселенія народовъ. Но направленіе этого упадка было уже дано въ первомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, и нѣкоторыя его черты можно было подмѣтить уже въ то время. Съ этимъ упадкомъ и благодаря ему выросла новая общественная сила, спасшая среди всеобщаго крушенія все, что еще можно было спасти, и передавшая потомъ остатки римской культуры германцамъ, среди которыхъ она и проложила путь къ новой, высшей культурѣ. Силой этой было *христіанство*.

II. Характеръ коммунизма первыхъ христіанъ.

Какъ въ эпоху упадка Греціи, такъ и теперь, въ эпоху римской имперіи, всѣ мыслящіе и сочувствующіе страданіямъ своихъ братьевъ люди испытывали настоятельную потребность найти выходъ изъ ужасающаго положенія.

На вопросъ объ этомъ выходѣ давались самые разнообразные отвѣты. Былъ вызванъ также къ жизни и платоновскій идеалъ, но теперь онъ не могъ оказывать такого вліянія, какъ въ эпоху его появленія на свѣтъ. Неоплатоникъ Плотинъ (въ 3-мъ в. наш. лѣтосчисл.) пользовался, правда, такимъ благорасположеніемъ высшихъ классовъ и даже императора Галліена и императрицы Салонины, что могъ мечтать о постройкѣ съ ихъ помощью города, въ которомъ осуществилось бы платоновское государство. Но этотъ салонный коммунизмъ моднаго философа былъ одной изъ тѣхъ безчисленныхъ затѣй, которыми коротаетъ свое время высшій слой бездѣльниковъ. Не было сдѣлано даже попытки осуществить этотъ планъ, если не считать таковымъ изобрѣтеніе имени,—Platonopolis, городъ Платона,—придуманнаго для этой колоніи.

Государственная власть встрѣчала всеобщее недовѣріе или равнодушіе, разложеніе общественнаго организма достигло крайней степени, и напрасно было бы надѣяться, что кто либо изъ смертныхъ, будь то даже могущественнѣйшій цезарь, сможетъ вдохнуть въ него новую жизнь. Только сверхчеловѣческая сила, только чудо могли сдѣлать это.

Кто не вѣрилъ въ чудо, погружался въ мрачный пессимизмъ или старался забыться въ безсмысленныхъ наслажденіяхъ. Но были и сангвиническіе энтузіасты, для которыхъ и то и другое казалось одинаково невозможнымъ, и они начинали вѣрить въ чудо. Въ особенности склонны были къ этому энтузіасты изъ низшихъ слоевъ народа, больнѣе всѣхъ чувствовавшіе всеобщій упадокъ; они не обладали средствами, чтобы опьяняться удовольствіями и не могли также испытывать горечи похмелья, которая такъ часто слѣдуетъ за этими наслажденіями и такъ легко располагаетъ къ пессимизму. Въ ихъ рядахъ главнымъ образомъ и зародилась идея, что въ скоромъ времени придетъ небесный Спаситель, чтобы воздвигнуть на землѣ славное царство, въ которомъ не будетъ ни войны, ни бѣдности, въ которомъ будутъ господствовать радость, миръ, изобиліе и безконечное блаженство. Этотъ Спаситель будетъ помазанникомъ божіимъ — Христомъ [1]).

[1]) Christos означаетъ по-гречески помазанный.

Разъ дошли до того, что стали признавать возможность чудесъ, то для фантазіи уже не было границъ и каждый вѣрующій могъ рисовать себѣ грядущее царство какъ можно прекраснѣе. Не только общество, вся природа измѣнитъ свой характеръ, всѣ вредныя стороны ея исчезнутъ, а всѣ доставляемыя ею наслажденія, только безмѣрно увеличенныя, будутъ услаждать людей [1]).

Первымъ христіанскимъ сочиненіемъ, въ которомъ высказываются подобнаго рода ожиданія, было такъ называемое *Откровеніе Іоанна*, Апокалипсисъ, написанный, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ смерти *Нерона*. Въ немъ возвѣщается, что въ близкомъ будущемъ начнется страшная борьба между возвратившимся Нерономъ—антихристомъ, и возвратившимся Христомъ. Христосъ выйдетъ побѣдоносно изъ этой борьбы и оснуетъ тысячелѣтнее царство, въ которомъ благочестивые будутъ царствовать вмѣстѣ съ Христомъ, и смерть не будетъ имѣть надъ нимъ никакой силы. Но этого мало; по окончаніи этого царства, будутъ созданы новое небо и новая земля, и на этой землѣ—новый Іерусалимъ, обитель блаженства.

Тысячелѣтнее царство, это—государство будущаго первыхъ христіанъ. Всѣ фантастическія ожиданія возникновенія новаго общества, появляющіяся въ средѣ христіанскихъ сектъ, называются по его имени *хиліастическими* [2]).

Опираясь на Апокалипсисъ, многіе отцы церкви первыхъ вѣковъ христіанства выражали хиліастическія ожиданія и нѣкоторые изъ нихъ—наприм., Иреней (во 2-омъ вѣкѣ) и даже еще Лактанцій (въ 320-омъ г. наш. лѣтосч.)—очень подробно и въ самыхъ яркихъ, чувственныхъ краскахъ описывали грядущій рай на землѣ [3]). Лишь послѣ того какъ совер-

---

[1]) Въ своемъ произведеніи Kritische Geschichte des Shiliasmus (Франкфуртъ, 1871) Корради подробно описываетъ всѣ причудливые узоры, которые вышивала фантазія этихъ людей, и даже—критикуетъ ихъ!

[2]) Chilias означаетъ по-гречески число—тысяча.

[3]) Значительную роль играетъ въ грядущемъ христіанскомъ царствіи *вино* и *любовь*. Иреней училъ: „Настанетъ время, когда въ каждомъ виноградникѣ будетъ произрастать по 10.000 виноградныхъ лозъ; а на каждой виноградной лозѣ будутъ произрастать по 10.000 вѣтвей, на каждой вѣтви—по 10.000 вѣтокъ, а на каждой вѣткѣ по 10.000 виноградныхъ кистей, на каждой виноградной кисти по 10.000 виноградныхъ ягодъ, а въ каждой виноградной ягодѣ будетъ соку на 20 мѣръ вина“. Нужно полагать, что и жажда возрастетъ въ тысячелѣтнемъ царствіи въ такой же пропорціи. Но Иреней обѣщаетъ намъ еще большія услады: „Молодыя дѣвы будутъ услаждаться въ обществѣ юношей; старцы тоже будутъ пользоваться этимъ правомъ и ихъ печаль превратится въ радость“. Послѣднее обѣщаніе обладало, вѣроятно, особенно притягательной силой для преждевременныхъ и въ пору одряхлѣвшихъ старцевъ римскаго общества fin de siècle.

шенно измѣнилось положеніе христіанства, когда оно перестало быть религіей только однихъ обездоленныхъ и угнетенныхъ — пролетаріевъ, рабовъ и ихъ друзей, и стало также религіей власть имущихъ и богатыхъ, хиліазмъ впалъ въ немилость у офиціальной церкви, ибо онъ всегда имѣлъ революціонный привкусъ, всегда являлся предсказаніемъ грядущаго уничтоженія существующаго общественнаго порядка.

Блаженный Августинъ, жившій во 2-ой половинѣ 4-го и въ первой половинѣ 5-го вѣка (умеръ въ 430 г.) впервые рѣшительно выступилъ противъ этого неудобнаго ученія, опровергая его рядомъ софистическихъ истолкованій Апокалипса. Съ того времени хиліазмъ слыветъ «ересью». Офиціальная церковь перемѣстила грядущее царствіе блаженства на небеса.

Хиліастическія ожиданія являются одной изъ главнѣйшихъ чертъ духовной жизни первыхъ христіанъ. Но какъ заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что современная соціалдемократія черпаетъ свою силу изъ обѣщаній какого-то «государства будущаго», также ошибется и тотъ, кто предположитъ, что христіанство первыхъ вѣковъ черпало главную свою силу изъ хиліазма.

Подобно соціалдемократіи, христіанство первыхъ вѣковъ стало для власть имущихъ того времени непреодолимой силой, и именно благодаря тому, что сдѣлалось *необходимымъ* для народныхъ массъ. Его *практическіе результаты*, а не *благочестивыя фантазіи* доставили ему побѣду.

Къ разсмотрѣнію этихъ практическихъ результатовъ мы теперь и перейдемъ.

Великимъ соціальнымъ вопросомъ эпохи имперіи былъ, какъ мы видѣли, пауперизмъ. Всѣ попытки государства бороться съ нимъ оказались безполезными. Нѣкоторые императоры, а также и частныя лица, пытались ослабить зло благотворительными учрежденіями. Но все это дѣлалось въ крайне незначительныхъ размѣрахъ; то были капли воды, пролитыя на раскаленный камень, да и жадная римская бюрократія, не могла, конечно, быть особенно подходящимъ руководителемъ подобныхъ предпріятій.

Пессимисты и люди, живущіе въ свое удовольствіе, дѣлали противъ пауперизма то же самое, что они дѣлали противъ другихъ золъ, господствовавшихъ въ государствѣ и обществѣ, т. е. ровно *ничего* не дѣлали. Они говорили: очень печально, что все это существуетъ, но оно неизбѣжно, а противъ неизбѣжнаго философы не должны бороться.

Иначе поступали сангвиники-энтузіасты и пролетаріи, которыхъ нищета давила всей своей тяжестью. Они не могли спокойно созерцать это бѣдственное положеніе, они *должны были* искать средства покончить съ нимъ. Фантастическія мечтанія о блаженствѣ, которое принесетъ

съ собою небесный Мессія, нисколько не облегчали страждущихъ. Тѣ же самые круги, въ которыхъ зародился хиліазмъ, сдѣлали первыя энергичныя попытки искоренить существовавшую тогда нищету.

Эти попытки были по необходимости совершенно другого рода, чѣмъ попытки братьевъ Гракховъ. Послѣдніе апеллировали къ государству; они хотѣли, чтобы пролетаріатъ овладѣлъ государственной властью и заставилъ ее служить себѣ. Теперь же всякое политическое движеніе прекратилось и государственная власть потеряла у всѣхъ кредитъ. Новые соціальные реформаторы хотѣли преобразовать общество не черезъ государство, а за спиною его, при посредствѣ совершенно независимыхъ отъ государства, обособленныхъ организацій.

Еще болѣе важное значеніе имѣло другое различіе. Движеніе, вызванное Гракхами, было наполовину деревенскимъ. Оно опиралось не только на городской пролетаріатъ, но и на разоряющихся крестьянъ, и стремилось къ тому, чтобы превратить въ крестьянъ и пролетаріевъ. Городской пролетаріатъ еще стоялъ одной ногою въ деревнѣ, среди крестьянъ.

Въ эпоху имперіи городъ и деревня совершенно отдѣлились другъ отъ друга. Городское и сельское населеніе образовали двѣ націи, уже непонимавшія другъ друга. Христіанское движеніе было въ началѣ движеніемъ исключительно большихъ городовъ. Это было настолько общимъ явленіемъ, что деревенскій житель и нехристіанинъ сдѣлались синонимами [1]).

Съ этимъ тѣснѣйшимъ образомъ связано кардинальное различіе между реформой Гракховъ и христіанской соціальной реформой. Первая имѣла цѣлью замѣнить плантаторское и пастбищное хозяйство крестьянскимъ. Гракхи посягали на существующее распредѣленіе собственности только для того, чтобы проложить путь къ реформѣ *способа производства*. Но именно поэтому, какъ мы видѣли, они неизбѣжно должны были признать частную собственность на орудія производства.

Христіанство въ первую фазу своего развитія являлось выраженіемъ идеаловъ отвыкшихъ отъ труда люмпенпролетаріевъ большихъ городовъ. Производство казалось этимъ элементамъ довольно безразличной вещью. Образцомъ для нихъ служили полевыя лиліи, которыя не сѣютъ и не прядутъ и все же онѣ благоденствуютъ. Стремясь къ другому распредѣленію собственности, они имѣли въ виду не *орудія производства*, а *средства потребленія*. Но въ коммунизмѣ потребленія для люмпенпролетаріата того времени не было ничего необычнаго. Въ послѣдніе годы республики

[1]) Слово paganus (означаетъ на латинскомъ языкѣ „деревенскій житель") позднѣйшими христіанами употреблялось для обозначенія „язычниковъ".

періодическое устройство общественныхъ обѣдовъ для значительнаго количества нуждающихся или раздача имъ пищевыхъ продуктовъ сдѣлалось правиломъ; то же самое происходило еще въ началѣ имперіи. Чего проще стремленія создать изъ этихъ обѣдовъ и раздачъ систему, стремленія къ постоянному коммунизму наличныхъ средствъ потребленія, раздѣленія ихъ отчасти поровну, отчасти же для ихъ совмѣстнаго потребленія?

Такъ зародились эти коммунистическія идеи, а вскорѣ возникли и коммунистическія общины для осуществленія проповѣдуемыхъ идей. Первыя общины образовались на востокѣ, ушедшемъ въ своемъ экономическомъ развитіи дальше другихъ областей римской имперіи, и въ особенности—среди евреевъ, въ средѣ которыхъ апокалиптическія пророчества были въ ходу еще до христіанъ, и у которыхъ уже въ 100 г. до наш. лѣтосч. мы находимъ тайный коммунистическій союзъ, союзъ *ессеевъ*.

«Богатство они ставятъ ни во что», сообщаетъ объ этомъ союзѣ Іосифъ Флавій; «за то они очень восхваляютъ общность имуществъ, и среди нихъ нѣтъ никого, кто былъ бы богаче другихъ. У нихъ существуетъ правило, что, кто хочетъ вступить въ ихъ союзъ, долженъ отдать свое богатство въ общее пользованіе; поэтому мы у нихъ не видимъ ни нужды, ни роскоши, но все у нихъ общее какъ у братьевъ... ...Они не живутъ вмѣстѣ въ одномъ городѣ, но имѣютъ во всѣхъ городахъ свои особенные дома, и когда люди, принадлежащіе къ ихъ союзу, приходятъ къ нимъ изъ другого мѣста, то они раздѣляютъ съ ними свое имущество, и тѣ могутъ пользоваться имъ какъ своимъ. Они останавливаются другъ у друга безъ всякаго стѣсненія, хотя бы они никогда не видали другъ друга, и встрѣчаются такъ, какъ будто бы они были всю жизнь свою въ очень близкихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. Когда они путешествуютъ по странѣ, то они ничего не берутъ съ собою, кромѣ оружія для защиты отъ разбойниковъ. Въ каждомъ городѣ у нихъ есть человѣкъ, на обязанности котораго лежитъ принимать гостей, и онъ снабжаетъ путешественниковъ одеждой и пищей... ...Они не ведутъ торговли между собою, но если кто нибудь изъ нихъ даетъ что нибудь другому, нуждающемуся, то онъ, въ свою очередь, получаетъ отъ него то, что ему нужно. И если кто нибудь изъ нихъ ничего не можетъ дать взамѣнъ, онъ все же можетъ, не стѣсняясь, просить у кого угодно все, что ему нужно» [1]).

Совершенно аналогично этому были организованы и первыя христіанскія общины. Было ли здѣсь сознательное подражаніе и какъ далеко простиралось оно,—это остается невыясненымъ. Сходство между ними могло имѣть своей причиной сходство условій, въ которыхъ онѣ возникли. Во

[1]) Іосифъ Флавій. Исторія іудейскихъ войнъ кн. II 8, 3, 4.

всякомъ случаѣ въ одномъ существенномъ пунктѣ христіанскія общины поднялись вскорѣ выше ессейскихъ, а именно,—въ своемъ международномъ характерѣ, соотвѣтствовавшемъ международному характеру великой римской міровой имперіи. Ессеи упорно держались іудейства. Они остались маленькой сектой, которая врядъ ли когда нибудь насчитывала болѣе 4.000 членовъ. Христіанство завоевало римскую имперію.

Вначалѣ христіане часто стремились къ введенію полнаго коммунизма. Іисусъ въ евангеліи Матѳея (19,21) говоритъ богатому юношѣ: «если хочешь быть совершеннымъ, пойди продай имѣніе твое и раздай нищимъ» [1]). Въ «Дѣяніяхъ Апостоловъ» первая іерусалимская община описывается слѣдующимъ образомъ: «никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, владѣвшіе землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду». Ананія и Сапфиру, которые утаили часть денегъ отъ общины, Богъ, какъ извѣстно, наказалъ за это смертью [2]).

Практически, однако, этого рода коммунизмъ сводился къ тому, что всѣ орудія производства превращались въ средства потребленія и послѣднія раздавались бѣднымъ. Если бы такой коммунизмъ распространился повсюду, то это было бы равносильно исчезновенію всякаго производства. Какъ бы мало первые христіане, эти настоящіе философы нищихъ, ни заботились о производствѣ, но на такихъ началахъ все же нельзя было построить большого, прочнаго общества.

Тогдашнее состояніе производства требовало частной собственности на орудія производства и христіане ничего съ этимъ не могли подѣлать [3]). Они должны были, поэтому, стремиться къ тому, чтобы соединить коммунизмъ и частную собственность. Они не могли, однако, слѣдовать примѣру Платона, который сдѣлалъ коммунизмъ привилегіей аристократіи, а народнымъ массамъ оставилъ частную собственность. Вѣдь именно послѣднія и нуждались теперь въ коммунизмѣ.

Сочетаніе частной собственности и коммунизма совершилось такъ, что каждому оставлялась его собственность, особенно на *орудія производ-*

---

[1]) Ср. Марка 10,21; Луки 12,33; 18,21.

[2]) Важно также слѣдующее мѣсто въ Дѣяніяхъ Апостоловъ: 2,44,45.

[3]) Монастыри были исключительнымъ явленіемъ, монастырская организація никогда не могла сдѣлаться общей формой общества. Но и въ монастыряхъ общность потребленія играла главную роль, а производство—второстепенную роль. Мы къ этому еще вернемся въ другомъ мѣстѣ.

ства, по отношенію же къ средствамъ существованія предписывался коммунизмъ *потребленія и пользованія.*

Разумѣется, въ теоріи этого различія не существовало: въ то время еще не умѣли проводить такихъ тонкихъ различій въ экономической области. Но практика сводилась къ этому, и только съ помощью этого различія мы можемъ понять кажущееся противорѣчіе въ ученіи церкви, прославлявшей въ 1-омъ вѣкѣ общую собственность и фактически отвергавшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякое посягательство на частную собственность.

Имущіе могли сохранить и эксплоатировать принадлежащія имъ орудія производства, главнымъ образомъ, земли. Но всѣ принадлежащія имъ и пріобрѣтаемыя ими средства потребленія—пищевые продукты, одежда, жилища и деньги, на которыя можно купить все это—должны быть предоставлены въ распоряженіе христіанской общины. «Общность имущества была такимъ образомъ только общностью *потребленія.* Каждый христіанинъ имѣлъ, согласно братскому обязательству, право на богатства всѣхъ членовъ всей общины и могъ, въ случаѣ нужды, требовать, чтобы имущіе члены удѣлили ему изъ своего имущества столько, сколько ему нужно. Каждый христіанинъ могъ пользоваться имуществомъ своихъ братьевъ, и христіане, обладавшіе какимъ нибудь имуществомъ, не могли отказатъ своимъ нуждающимся братьямъ въ пользованіи этимъ имуществомъ или потребленіи его. Христіанинъ, не обладающій, скажемъ, домомъ, могъ требовать отъ другого христіанина, владѣющаго двумя или тремя домами, чтобы онъ далъ ему квартиру; домовладѣлецъ все же остается хозяиномъ дома. Но, по установленіи общности пользованія, одно жилище должно было быть уступлено для пользованія другому» [1]).

Тѣ средства потребленія которыя можно было перевозить, равно и деньги, приносились въ одно мѣсто и распредѣленіемъ этихъ даяній завѣдовали особо избранныя общинныя должностныя лица.

Признаніе, хотя бы и частичное, частной собственности пробило брешь въ коммунизмѣ первобытнаго христіанства; въ дальнѣйшемъ послѣдовали и другія ограниченія.

Коммунизмъ потребленія, какъ мы уже видѣли при разсмотрѣніи платоновскаго государства, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ уничтоженіемъ *семьи* и *индивидуальнаго брака.* Этого можно достигнуть двоякимъ путемъ: либо ввести общность женъ и дѣтей, либо отказаться отъ половыхъ сношеній—ввести безбрачіе. Платонъ выбралъ первый путь, ессеи—послѣдній. Они были приверженцами безбрачія. Вначалѣ, когда христіанство было радикально-коммунистическимъ, оно тоже намѣревалось окончательно

[1]) *I. I. Фогель,* Alterthümer der ersten und ältesten Christen, Гамбургъ, 1780, стр. 47.

покончить съ бракомъ и семьей, избирая для этого большей частью аскетическій путь, лучше всего соотвѣтствовавшій похмѣльному настроенію того времени. Были, однако, христіанскія секты, напримѣръ адамиты, гностическая секта 2-го вѣка, которыя проповѣдывали и практиковали болѣе жизнерадостныя формы уничтоженія семьи и брака.

Евангеліе Матѳея говоритъ устами Христа (19,29): «И всякій, кто оставитъ домы, или *братьевъ*, или *сестеръ*, или *отца*, или *мать* или *жену*, или дѣтей, или земли, ради имени моего, получитъ во сто кратъ, и наслѣдуетъ жизнь вѣчную». А въ Евангеліи отъ Луки Христосъ восклицаетъ: «Если кто приходитъ ко мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены и дѣтей, и братьевъ и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, *тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ*» [1]).

Всѣмъ первымъ христіанскимъ общинамъ свойственно стремленіе упразднить, хотя бы до нѣкоторой степени, семейную жизнь. Поэтому мы находимъ у нихъ установленіе *общихъ* ежедневныхъ трапезъ (Срав. Дѣянія Апостоловъ 2, 40). Эти трапезы любви—агапіи соотвѣтствовали общимъ трапезамъ—сисситіямъ спартанцевъ и общимъ обѣдамъ платоновскаго государства [2]). Онѣ являлись естественнымъ слѣдствіемъ коммунизма средствъ потребленія.

Но какъ мы уже сказали, христіанство не могло уничтожить мелкаго производства и частной собственности на орудія производства. А съ ними необходимо связана индивидуальная семья, не только какъ форма совмѣстной жизни мужа и жены, родителей и дѣтей, но и какъ хозяйственнаго единства. Такъ какъ христіанство не могло создать новаго способа производства, то оно должно было оставить и прежнія формы семейной жизни, какъ бы онѣ ни противорѣчили коммунизму потребленія. Не способъ потребленія, а способъ производства, опредѣляетъ, въ конечномъ счетѣ, характеръ общества. Какъ и полный коммунизмъ, такъ и уничтоженіе семьи и брака, къ которому стремилось христіанство, было несовмѣстимо съ его широкимъ распространеніемъ въ обществѣ. Безбрачіе всегда оставалось ограниченнымъ предѣлами отдѣльныхъ сектъ и корпорацій. Ему не удалось сдѣлаться обязательнымъ для всѣхъ.

---

[1]) Ср. также Матѳея 10, 37, 12, 46 и сл.; Марка 3, 31, и сл.; Луки 8, 20; 18, 29.

[2]) Впрочемъ, если бы мы повѣрили Даумеру (Die Geheimnisse des christlichen Alterthums., Гамбургъ 1847), то эти трапезы оказались бы не трапезами любви, а—каннибальскими пирами.

III. Упадокъ коммунизма первыхъ христіанъ.

Только величайшій энтузіазмъ позволялъ не ощущать противорѣчія между индивидуальной семьей и коммунизмомъ потребленія и пользованія. Въ первыхъ христіанскихъ общинахъ въ такомъ энтузіазмѣ недостатка не было. Но чѣмъ больше возрастало число христіанъ, тѣмъ меньше находилось въ нихъ средѣ исключительныхъ натуръ. А въ среднихъ людяхъ соціальныя условія разлагающагося Рима воспитывали все что угодно, но только не способность къ самопожертвованію. Въ этомъ отношеніи ни одинъ классъ не составлялъ исключенія.

Поэтому въ христіанскихъ общинахъ индивидуальная семья быстро одержала побѣду надъ коммунизмомъ средствъ потребленія. Домашнія трапезы сдѣлались правиломъ, а агапіи—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—были ограничены торжественными случаями. Ограниченныя такимъ образомъ, онѣ удержались въ теченіе перваго вѣка христіанской эры, а потомъ пришли въ полный упадокъ и превратились въ простыя кормленія бѣдныхъ, устраиваемыя время отъ времени богатыми людьми, которые сами не принимали участія въ этихъ трапезахъ.

Забота о семьѣ выступила снова на первый планъ. Только то, что не нужно было ей самой, принадлежало общинѣ, церкви. Общее пользованіе имуществомъ всѣхъ братьевъ свелось къ передачѣ каждымъ членомъ общины *излишковъ* въ общинную кассу. Каждый долженъ былъ отдавать церкви весь излишекъ дохода надъ необходимымъ. Такова была форма, которую принялъ вскорѣ на практикѣ христіанскій коммунизмъ.

Но такъ какъ тѣ же самыя соціальныя условія эпохи имперіи, которыя дѣлали невозможнымъ осуществленіе коммунизма, одновременно благопріятствовали зарожденію коммунистическихъ идей, то коммунистическія традиціи первоначальной фазы христіанства продолжали оказывать свое дѣйствіе: постоянно возникали все новыя коммунистическія секты и даже самая побѣдоносная изъ церковныхъ организацій, католическая церковь, въ продолженіе долгаго времени еще оставалась въ теоріи коммунистической.

По-прежнему отцы церкви метали громы и молніи противъ богатства и неравенства. «Несчастные», восклицаетъ въ 4-омъ вѣкѣ св. Василій, обращаясь къ богатымъ»: что отвѣтите вы вѣчному Судьѣ?... Вы возражаете: въ чемъ тутъ грѣхъ, если я сохраняю для себя то, что принадлежитъ мнѣ? Но я васъ спрашиваю, что называете вы своей собственностью? Отъ кого вы ее получили? Вы поступаете, какъ человѣкъ, который, придя въ театръ, спѣшитъ занять всѣ мѣста и хочетъ не дать другимъ войти туда

удерживая въ своемъ пользованіи то, что предназначается для всѣхъ. Какимъ образомъ богатѣютъ богатые, какъ не захватомъ предметовъ, одинаково принадлежащихъ всѣмъ? Если бы каждый взялъ себѣ не больше того, что нужно для жизни, а остальное оставилъ бы другимъ, тогда не было бы ни богатыхъ ни бѣдныхъ».

Еще въ шестомъ вѣкѣ—Григорій Великій писалъ: «Недостаточно лишь не отнимать у другихъ ихъ собственности; мы не перестаемъ грѣшить, пока оставляемъ у себя богатства, созданныя Богомъ для всѣхъ. Убійца и разбойникъ тотъ, кто не даетъ другимъ людямъ того, чѣмъ онъ обладаетъ, ибо оставляя себѣ то, что пошло бы на поддержаніе жизни бѣдныхъ, онъ, можно сказать, убиваетъ изо дня въ день столько людей, сколько могли бы жить его излишкомъ. Дѣлясь своимъ богатствомъ съ тѣми, кто находится въ нуждѣ, мы не даемъ имъ изъ своего, а изъ ихъ же добра. Это не дѣло милосердія, а уплата долга [1]).

Но одно изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ коммунистическаго характера христіанства въ начальной стадіи его развитія мы находимъ въ сочиненіяхъ Іоанна, прозваннаго за свое пламенное краснорѣчіе *Хризостомомъ*, т. е. Златоустомъ. Онъ родился въ Антіохіи въ 347 г. и достигъ сана константинопольскаго патріарха. Но безстрашіе, съ которымъ онъ клеймилъ развращенность столицы и, въ особенности, двора, вызвало приказъ императора Аркадія объ его изгнаніи. Онъ умеръ въ изгнаніи (въ Арменіи) въ 407 г.

Въ одиннадцатой своей гомиліи (проповѣди) о Дѣяніяхъ Апостоловъ этотъ смѣлый человѣкъ высказывается о коммунизмѣ первыхъ христіанъ. Онъ цитируетъ слѣдующую фразу изъ Дѣяній Апостоловъ: «И великая благодать была на всѣхъ ихъ, не было между ними никого, нуждающагося». И это, продолжаетъ онъ. происходило отъ того, что «никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее».

«Благодать была среди нихъ потому, что никто не нуждался, т. е., потому, что они такъ усердно давали, что никто не оставался бѣднымъ. Ибо они отдавали не одну часть, оставляя другую себѣ, и не такъ, какъ свою собственность. Они уничтожили неравенство и жили въ великомъ изобиліи. И они осуществили это способомъ достойнымъ величайшей похвалы. Они не дерзали отдавать пожертвованія въ руки нуждающихся, и

---

[1]) Цитировано у Ф. Вильгарделля въ его „Histoire des idées socialistes avant la révolution francaise Paris 1846 стр. 71 и сл. Вильгарделль собралъ многочисленныя мѣста аналогичнаго содержанія изъ сочиненій отцовъ церкви первыхъ вѣковъ. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ сочиненій, изъ которыхъ онъ заимствуетъ свои цитаты. Мы были, поэтому, лишены возможности провѣрить его.

не дарили, также, съ высокомѣрной снисходительностью, но полагали дары къ ногамъ апостоловъ и дѣлали ихъ обладателями и раздатчиками этихъ даровъ. Все, что было нужно, бралось изъ кладовой общины, а не изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ. Этимъ была отнята у дарителей возможность чваниться своими дарами.

«Если бы мы дѣлали теперь тоже самое, мы жили бы тогда гораздо счастливѣе, какъ богатые, такъ и бѣдные; и бѣдные не выиграли бы больше въ счастіи, чѣмъ богатые, ибо дающіе не только не дѣлались бѣдными, но превращали бѣдныхъ въ богатыхъ.

«Представимъ себѣ, что всѣ отдаютъ въ общую собственность все, чѣмъ они обладаютъ. Никто не долженъ обезпокоится этимъ, ни богатый ни бѣдный. Сколько, думаете вы, соберется денегъ? Полагаю,—ибо съ увѣренностью нельзя этого утверждать, полагаю, что если каждый отдастъ всѣ свои деньги, свои поля, свои владѣнія, свои дома (о рабахъ я не говорю, ибо первые христіане не обладали ими, такъ какъ они, вѣроятно, отпустили ихъ на свободу), тогда соберется, навѣрное, милліонъ фунтовъ золота, даже, вѣроятно, въ два или три раза больше. Ибо скажите мнѣ, сколько людей въ нашемъ городѣ (Константинополѣ)? Сколько христіанъ? Не будетъ ли ихъ сто тысячъ? А сколько еще язычниковъ и іудеевъ? Сколько тысячъ фунтовъ золота было бы собрано здѣсь! А сколько у насъ бѣдныхъ! Не думаю, чтобы ихъ было больше пятидесяти тысячъ. Сколько было бы нужно, чтобы кормить ихъ каждый день? Если они будутъ ѣсть за общимъ столомъ, то расходы не должны быть очень велики. Что же бы мы дѣлали съ нашимъ гигантскимъ запасомъ? Думаешь ли ты, что онъ когда либо можетъ истощиться? И не снизойдетъ ли на насъ благодать божія въ тысячу кратъ больше? Не превратимъ ли мы землю въ небо? Если этотъ опытъ далъ такіе блестящіе результаты у трехъ или пяти тысячъ (первыхъ христіанъ), и никто изъ нихъ не терпѣлъ нужды, то во сколько разъ больше онъ долженъ оправдать себя среди такого громаднаго количества людей? Вѣдь каждый вновь присоединившійся къ общинѣ прибавитъ что нибудь къ общему запасу!

«Раздробленіе имуществъ имѣетъ своимъ результатомъ лишніе расходы, а потому и бѣдность. Возьмемъ, напримѣръ, семейство, состоящее изъ мужа, жены и десяти дѣтей. Она занимается тканьемъ, а онъ снискиваетъ себѣ средства къ существованію торговлей. Когда имъ нужно будетъ больше,—если они будутъ жить однимъ домомъ или же отдѣльно? Очевидно,—если они будутъ жить отдѣльно. Если десять сыновей разойдутся, то имъ нужно будетъ десять домовъ, десять столовъ, десять слугъ, и все остальное увеличится въ такой же пропорціи. А какъ дѣло обстоитъ съ многочисленными рабами? Не заставляютъ ли ихъ ѣсть за однимъ столомъ, чтобы экономить

расходы? Раздѣленіе ведетъ всегда къ расточенію, объединеніе къ сбереженію имущества. Такъ живутъ теперь въ монастыряхъ и такъ жили нѣкогда вѣрующіе. Кто изъ изъ нихъ умеръ отъ голода? Кто изъ нихъ не былъ накормленъ до сыта? И однако люди боятся этого состоянія больше прыжка въ открытое море. Сдѣлаемъ, однако, попытку! Возьмемся смѣло за дѣло! Какое это было бы великое благо! Ибо если тогда, когда число вѣрующихъ было такъ ничтожно, только отъ трехъ до пяти тысячъ, если тогда, когда весь міръ былъ намъ враждебенъ, когда ни откуда не манило насъ утѣшеніе, наши предшественники такъ рѣшительно приступили къ дѣлу, то сколь большую увѣренностъ мы можемъ питать теперь, когда, Божьей милостью, всюду находятся вѣрующіе! Кто бы тогда еще захотѣлъ остаться язычникомъ? Никто, думаю я. Всѣхъ привлекли бы мы тогда на свою сторону, всѣхъ расположили бы къ себѣ [1]).

Златоустъ заканчиваетъ свою рѣчь приглашеніемъ осуществить его предложеніе.

Эта столь трезвая, чисто экономическая, свободная отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ фантазій, проповѣдь замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ. Она намъ ясно обрисовываетъ коммунизмъ первыхъ христіанъ, преданія котораго были еще живы въ памяти. Но изъ нея можно также ясно увидѣть, что ихъ коммунизмъ былъ коммунизмомъ потребленія, а не производства. Златоустъ старается убѣдить своихъ слушателей въ полезности коммунизма, показывая на примѣрномъ разсчетѣ, насколько экономнѣе общее домашнее хозяйство по сравненію со многими раздробленными домашними хозяйствами. Но кто долженъ производить продукты, потребляемые въ этомъ домашнемъ хозяйствѣ,—объ этомъ онъ не говоритъ ни слова. Въ этой области все должно остаться по старому.

Предложеніе Златоуста не было осуществлено. Насколько церковь уже удалилась отъ того коммунизма, который характеризовалъ періодъ ея возникновенія, объ этомъ онъ говоритъ намъ самъ: «Люди боятся коммунизма больше прыжка въ открытое море». И также ясно, какъ Златоустъ, говорили другіе отцы церкви. Именно эти страстныя декламаціи противъ богатыхъ, *христіанскихъ* богачей, доказываютъ, что въ церкви, начиная со второго вѣка, исчезла не только *практика*, но и самый *духъ* коммунизма, чувство равенства и братства.

Здѣсь еще разъ подтвердилось, что матеріальныя условія сильнѣе идей и что послѣднія подчиняются первымъ. Церковь неизбѣжно должна была приспособить свое ученіе къ измѣнившимся, вслѣдствіе ея распространенія, условіямъ. Такъ какъ нельзя было уничтожить коммунистиче-

[1]) „S. P. N. Joanni Chrysostomi opera omnia quae exstant“, Парижъ 1859 (Изданіе S. P. Migne Patrologiae cursus completus IX, стр. 96—98).

скаго преданія, то это преданіе старались какъ нибудь истолковать иначе, примиривъ его съ дѣйствительностью путемъ цѣлаго ряда хитроумныхъ разсужденій, свойственныхъ тогдашней, занятой больше мудрствованіемъ, чѣмъ изслѣдованіемъ, философіи.

Съ тѣхъ поръ христіанство отказывается разрѣшить проблему бѣдности, уничтожить различіе между богатымъ и бѣднымъ. Первые христіане еще утверждали, что богатые не могутъ войти въ царство небесное, т. е. быть принятыми въ ихъ общину, если они не раздадутъ всего своего богатства бѣднымъ и сами не сдѣлаются бѣдными, что блаженны только нищіе,—теперь же всѣ эти чисто-матеріальныя отношенія перетолковывались въ духовномъ смыслѣ.

«Церковь», говоритъ Рацингеръ въ своей «Geschiche der Kirchlichen Armenpflege» (Фрейбургъ въ Баденѣ 1860), характеризуя ходъ мыслей первыхъ учителей церкви о собственности, «была предназначена только для бѣдныхъ, богатые же были изъ нея исключены. Отчужденіе богатства не должно было быть непремѣнно полнымъ, т. е.—отказомъ отъ всего богатства. Достаточно, если онъ (богачъ) отказывается отъ *чрезмѣрнаго наслажденія* своимъ богатствомъ, отъ *любви* къ нему, короче, отъ *любостяжанія*... Богатый долженъ былъ также отдѣлиться сердцемъ отъ своего богатства. Онъ могъ, считая себя домоправителемъ Бога, владѣть своимъ богатствомъ, только такъ, какъ если бы онъ имъ вовсе не владѣлъ; онъ долженъ былъ употреблять для себя только самое необходимое, а остальное, какъ вѣрный управитель Бога, раздавать бѣднымъ. Но бѣдный, такъ же какъ и богатый, не долженъ стремиться къ обладанію земнымъ богатствомъ. Онъ долженъ быть довольнымъ своей участью и съ благодарностью принимать крохи, бросаемыя ему богатыми» (стр. 9, 10).

Какой образецъ витіеватости! Не самому отдѣлиться отъ земныхъ богатствъ, а только отдѣлить отъ нихъ свое сердце — вотъ долгъ богатаго; богатый долженъ такъ обладать богатствомъ, какъ если бы онъ имъ не обладалъ! Таковъ былъ выходъ, измышленный христіанствомъ для того, чтобы избавиться отъ стѣснительныхъ послѣдствій своего коммунистическаго происхожденія.

Но и въ этой ослабленной своей формѣ христіанство втеченіе многихъ столѣтій дѣлало очень много для борьбы съ пауперизмомъ. Оно его, конечно, не уничтожило, но оно все же представляло собой организацію, которая, въ опредѣленной сферѣ, значительно лучше всѣхъ другихъ организацій умѣла облегчать бѣдствія, проистекавшія отъ нищеты массъ. И это, пожалуй, былъ самый могущественный рычагъ его успѣха.

Но чѣмъ могущественнѣе становилось христіанство, тѣмъ болѣе ока-

зывавось оно безсильнымъ разрѣшить соціальную проблему своего времени, составлявшую источникъ его силы. Христіанство не только оказалось безсильнымъ уничтожить уже существовавшія до него классовыя различія, но оно само, съ увеличеніемъ своего могущества и своихъ богатствъ, породило новое классовое противорѣчіе: въ церкви образовался господствующій классъ, *духовенство*, которому была подчинена масса народа, *міряне*.

Вначалѣ, въ христіанскихъ общинахъ господствовало полное самоуправленіе. Стоявшіе во главѣ ихъ руководители, епископы и пресвитеры, избирались членами общины изъ ихъ же среды и были отвѣтственны передъ той же общиной. Они не извлекали никакихъ выгодъ изъ своей должности.

Но когда отдѣльныя общины сдѣлались обширнѣе и богаче, задачи, выпадавшія на долю представителя общины, выросли настолько, что выполненія ихъ не могло оставаться дольше побочнымъ занятіемъ, выполняемымъ на ряду съ профессіональной работой для заработка. Было введено раздѣленіе труда; общественныя должности въ христіанскихъ общинахъ сдѣлались особою профессіей, поглощавшей всего человѣка. Отнынѣ церковныя имущества не могли уже употребляться исключительно на вспомоществованіе бѣднымъ; они должны были покрывать также расходы на управленіе ими, расходы на помѣщенія для собраній и на содержаніе должностныхъ лицъ общины.

Но кто составлялъ большинство общины? Люмпенпролетаріатъ,—а онъ никогда не былъ въ силахъ сохранить власть, которую предоставляли ему демократическія учрежденія. Онъ также мало могъ достигнуть этого въ церкви, какъ и въ республикѣ. Въ церкви онъ продавалъ и уступалъ ее *епископамъ*, въ имперіи—*цезарямъ*.

Епископъ долженъ былъ управлять имуществомъ своей церкви, т. е. своей общины, и опредѣлять, на что должны тратиться доходы. Это давало ему огромную власть надъ люмпенпролетаріатомъ, власть тѣмъ болѣе возраставшую, чѣмъ большія богатства скоплялись въ рукахъ церкви. Епископы становились все независимѣе отъ своихъ избирателей; послѣдніе же, наоборотъ, становились все болѣе и болѣе зависимыми отъ епископовъ.

Рука объ руку съ этимъ процессомъ шло все болѣе и болѣе тѣсное объединеніе отдѣльныхъ, бывшихъ вначалѣ вполнѣ самостоятельными другъ отъ друга, общинъ въ большой союзъ, вселенскую церковь. Одинаковыя воззрѣнія, одинаковыя цѣли, одинаковыя преслѣдованія уже очень рано побудили отдѣльныя общины вступить въ сношенія другъ съ другомъ при посредствѣ посланій и делегатовъ. Къ концу второго вѣка связь между многими церквями Греціи и Азіи была настолько тѣсной, что церкви

отдѣльныхъ провинцій образовали болѣе крѣпкіе союзы, высшей инстанціей которыхъ были съѣзды представителей, епископскіе соборы. Самостоятельность общины по отношенію къ этимъ союзамъ сдѣлалась крайне ничтожной, но они очень благопріятствовали возвышенію епископовъ надъ членами общины.

Наконецъ, дѣло дошло до объединенія всѣхъ христіанскихъ общинъ имперіи въ одинъ союзъ, и въ четвертомъ вѣкѣ нашей эры мы уже встрѣчаемъ вселенскіе соборы (первый соборъ имѣлъ мѣсто въ 325 г. въ Никеѣ).

Но на этихъ соборахъ господствующее положеніе занимали тѣ епископы, которые являлись представителями самыхъ богатыхъ и могущественныхъ общинъ. Такимъ образомъ, во главѣ западно-европейскаго христіанства сталъ, въ концѣ концовъ, римскій епископъ.

Вся эта эволюція совершилась не безъ ожесточенной борьбы съ государственной властью,—нежелавшей возникновенія этого государства въ государствѣ,—борьбы между отдѣльными организаціями и внутри ихъ, борьбы между народомъ и духовенствомъ, въ которой побѣжденнымъ оказывался почти всегда народъ. Уже въ третьемъ вѣкѣ почти повсюду народъ обладалъ только правомъ утвержденія должностныхъ лицъ церкви. Послѣднія организовались въ замкнутую корпорацію, пополнявшую самое себя и распоряжавшуюся церковнымъ имуществомъ по своему произволу.

Съ этого времени церковь стала въ римской имперіи организаціей, сулившей честолюбивому человѣку лучшую карьеру. Политической карьеры нельзя было сдѣлать съ тѣхъ поръ, какъ политическая жизнь заглохла; военная служба была почти вся предоставлена наемнымъ варварамъ; искусство и наука влачили жалкое существованіе, а государственное управленіе все болѣе и болѣе коснѣло и падало. Только въ церкви сохранились жизнь и движеніе; тамъ еще можно было стать общественной силой. Почти все, что сохранилось въ языческомъ мірѣ энергичнаго и талантливаго переходило въ христіанство и избирало потомъ церковную карьеру. Церковь, оказавшаяся непобѣдимой въ борьбѣ съ государствомъ, начала сама пользоваться имъ какъ орудіемъ.

Уже въ началѣ четвертаго вѣка хитрый претендентъ на престолъ, Константинъ, понялъ, что побѣда улыбнется тому, кто станетъ въ наилучшія отношенія къ христіанскому Богу, т. е. тому, кто будетъ жить на хорошую ногу съ духовенствомъ. Благодаря ему христіанство сдѣлалось въ римской имперіи господствующей, а вскорѣ—и единственною религіей. Съ этого времени и начинается быстрый ростъ церковныхъ имуществъ. Императоры и частныя лица соперничали между собою въ стремленіи купить дарами благорасположеніе новой силы. Съ другой стороны,

императоры все чаще и чаще бывали принуждены передавать церковной бюрократіи выполненіе цѣлаго ряда государственныхъ и муниципальныхъ задачъ, которыя были не подъ силу падающей правительственной бюрократіи. И для того, чтобы дать церкви возможность выполнить эти задачи, государство должно было открыть ей опредѣленные источники доходовъ.

Дары, которые дѣлали члены общины церкви, были вначалѣ добровольными. Но съ тѣхъ поръ какъ церковь стала пользоваться покровительствомъ государства, она начала стремиться къ регулярнымъ взносамъ. Была введена *десятина*. Сначала для взиманія пользовались лишь моральными средствами понужденія, а потомъ—и силой [1]).

Церковь сдѣлалась чрезвычайно богатой, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовенство стало совершенно независимымъ отъ мірянъ. Неудивительно, поэтому, что по мѣрѣ того, какъ богатства церкви росли, она все больше и больше переставала распоряжаться своимъ имуществомъ въ интересахъ бѣдныхъ. Духовенство пользовалось имъ для себя; въ церкви, въ особенности въ богатыхъ общинахъ—въ Римѣ, Константинополѣ, Александріи—распространились корыстолюбіе и расточительность. Изъ коммунистическаго учрежденія церковь превратилась въ такой гигантскій механизмъ эксплоатаціи, какого еще не видалъ міръ. Уже въ пятомъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ, въ качествѣ постояннаго установленія римской церкви, дѣленіе церковныхъ доходовъ на четыре части. Одна часть принадлежала епископу, другая—подчиненному ему духовенству, третья—шла на нужды богослуженія (постройка и ремонтъ церквей и т. п.) и только *четвертая* часть принадлежала бѣднымъ. Всѣ бѣдные получали вмѣстѣ столько же, сколько получалъ одинъ епископъ!

И, къ тому же, это дѣленіе на четыре части было, по всей вѣроятности, введено не для того, чтобы повредить бѣднымъ, а для того, чтобы служить имъ защитой, дабы все церковное имущество не было растрачено господами пастырями душъ исключительно на ихъ собственныя удовольствія.

Однако, коммунистическое идейное содержаніе христіанства нельзя было уничтожить, пока продолжали существовать породившія его соціальныя условія. Впродолженіе всей римской имперіи и еще въ эпоху переселенія народовъ, церковное имущество считалось собственностью бѣдныхъ (patrimonium pauperum) и ни одному отцу церкви, ни одному собору не пришла бы въ голову мысль отрицать это. Правда, расходы на упра-

[1]) Второй турскій соборъ (567) требуетъ отъ вѣрующихъ, чтобы они между прочимъ, отдавали десятину и отъ *крѣпостныхъ*.

вленіе этимъ имуществомъ достигли порядочныхъ размѣровъ, и иногда они поглощали весь доходъ, но это уже особенность большинства благотворительныхъ учрежденій. И все же никто не рѣшился бы утверждать, что завѣдующіе этими послѣдними являются ихъ собственниками.

Этотъ послѣдній шагъ, совершенно изгладившій слѣды коммунистическаго происхожденія церкви, могъ быть сдѣланъ только послѣ того, какъ вторгнувшіеся германцы дали римскому міру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и церкви, совершенно новыя соціальныя основы.

IV. Церковныя имущества въ средніе вѣка.

Христіанство не создало и не могло создать новаго способа производства; оно не могло произвести соціальнаго переворота. Поэтому оно было также безсильно спасти римскую имперію отъ гибели. Если эта послѣдняя, несмотря на свое соціальное разложеніе, все же влачила жалкое существованіе въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, то этимъ она обязана не христіанству, а язычникамъ — варварамъ, германцамъ. Они то, какъ мы видѣли, сдѣлались, въ качествѣ наемныхъ солдатъ и колоновъ, опорой гибнущаго общества.

Но наемничество и колонатъ не могли удовлетворить вторгавшихся германцевъ. Эти учрежденія только показали имъ слабость имперіи и познакомили ихъ съ наслажденіями, доступными въ одной лишь римской имперіи; они усилили и безъ того сильное движеніе на югъ. Наконецъ, германскія полчища наводнили имперію и завладѣли ею; затѣмъ, началось вытѣсненіе однихъ германскихъ племенъ наступающими вслѣдъ другими. Но, наконецъ, это хаотическое переселеніе народовъ остановилось: отдѣльныя народности перешли къ осѣдлости; образовались новыя государства и установился новый соціальный строй.

Въ эпоху переселенія народовъ германцы еще находились въ стадіи первобытнаго аграрнаго коммунизма. Отдѣльныя племена, села и общины образовали союзы, марки, съ общей собственностью на землю. Домъ и дворъ перешли уже, правда, въ частную собственность отдѣльныхъ семействъ; пахотная земля была раздѣлена между ними для частнаго пользованія, но право собственности на нихъ принадлежало общинѣ; пастбище, лѣсъ и вода оставались въ пользованіи всей общины.

Бѣдность, отсутствіе всякой собственности, какъ массовое явленіе, прекратилось со времени переселенія народовъ. И въ средніе вѣка, правда, массовая нищета не была рѣдкостью, но причиной ея были неурожаи, опустошительныя войны или эпидеміи, а не отсутствіе собственности. Но

эта нищета всегда была временной и не продолжалась всю жизнь. Если же были нуждающіеся, то они не чувствовали себя заброшенными: община, къ которой они принадлежали, оказывала имъ защиту и помощь.

Церковная благотворительность перестала быть необходимымъ факторомъ существованія общества. Сама церковная организація сохранилась среди бурь того времени только благодаря тому, что она приспособилась къ новымъ условіямъ и совершенно измѣнила свой характеръ. Она превратилась изъ благотворительнаго въ *политическое учрежденіе*. Ея политическія функціи, наряду съ ея богатствомъ, были главнымъ источникомъ ея могущества въ средніе вѣка. Церковь сохранила свои богатства и въ бурную эпоху переселенія народовъ и перенесла ихъ изъ стараго въ новое общество. Она понесла много потерь, но и сумѣла пріобрѣсти столько же, или, даже, еще больше. Во всѣхъ христіанско-германскихъ государствахъ церковь сдѣлалась самымъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ; ей принадлежала, обыкновенно, треть земель, а въ нѣкоторыхъ областяхъ—еще больше.

Эти обширныя церковныя земли совершенно перестали быть собственностью бѣдныхъ. Карлъ Великій хотѣлъ перенести въ имперію франковъ, наряду съ нѣкоторыми другими институтами римской имперіи, и дѣленіе церковнаго имущества на четыре части. Но эта «реформа», какъ большинство другихъ его «реформъ», осталась на бумагѣ или пергаментѣ. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Карла Великаго появились на свѣтъ исидоровы декреталіи, собраніе нагло вымышленныхъ и поддѣланныхъ документовъ, долженствовавшихъ оправдать притязанія папства и сдѣлавшихся юридической основой его политики. По отношенію къ церковнымъ имуществамъ, декреталіи утверждали, что подъ бѣдными, которымъ принадлежали эти имущества, слѣдуетъ разумѣть лишь духовенство, давшее обѣтъ нищеты. Эти теоріи получили общее признаніе и церковныя имущества стали съ тѣхъ поръ считаться имуществомъ духовенства. Въ XII вѣкѣ эта теорія нашла свое дальнѣйшее, совершенно логическое развитіе въ утвержденіи, будто всѣ церковныя имущества принадлежатъ папѣ, который можетъ распоряжаться ими по своему произволу [1]).

[1]) Эта перемѣна въ характерѣ церковнаго имущества имѣла важное послѣдствіе. Оно привело къ осуществленію *целибата* (безбрачія) духовенства. По побужденіямъ идеологическаго характера различныя теченія въ церкви издавна желали и даже предписывали безбрачіе духовенства, но имъ не удавалось проникнуть въ жизнь. Эти стремленія только тогда добились успѣха, когда къ нимъ присоединился матеріальный интересъ—забота о *церковныхъ имуществахъ*. Пока они считались собственностью общинъ, которою духовенство только управляло, существованіе семьи у

Эти взгляды вполнѣ соотвѣтствовали фактическимъ отношеніямъ, господству церкви въ государствѣ и обществѣ, и папы въ церкви.

Но если церковныя имущества перестали быть собственностью бѣдныхъ, то изъ этого, все же, не слѣдуетъ, что въ средніе вѣка церковныя организаціи ничего не дѣлали для бѣдныхъ, поскольку послѣдніе вообще тогда существовали. Если въ первое время среднихъ вѣковъ и не было пролетаріата въ нашемъ смыслѣ—онъ былъ развѣ только въ нѣсколькихъ городахъ,—то все же по временамъ, какъ мы уже упоминали выше, было немало нуждающихся: во время неурожаевъ были голодные, во время эпидемій—больные и лишенные семьи, вдовы и сироты, а во время войны были даже люди, не обладавшіе землей, какъ жители изъ сосѣднихъ мѣ-

---

священниковъ не слишкомъ угрожало ихъ цѣлости. Все это измѣнилось, когда церковныя имущества сдѣлались собственностью духовенства. Теперь каждый священникъ, имѣвшій дѣтей, стремился къ тому, чтобы передать имъ возможно большую часть управляемыхъ имъ церковныхъ имуществъ. „Ежедневно случалось, что сыновья священниковъ, не довольствуясь тѣмъ, что получали наслѣдственное имѣніе, захватывали, какъ свою наслѣдственную часть, и церковное имѣніе, право пользованія которымъ принадлежало ихъ отцу (*Гизебрехтъ* Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit, II, стр. 406). Очень трогательны жалобы, изложенныя хотя бы Бенедиктомъ VIII на тессинскомъ соборѣ (между 1014 и 1024). „Подлые отцы (женатые священники) закупаютъ своимъ подлымъ сыновьямъ большіе участки земли, большія имѣнія, конечно, на средства церкви, потому что сами они вовсе не обладаютъ средствами“ и такъ далѣе (Цитировано у *Гизелера*, Lehrbuch der Kirchengeschichte, Боннъ, 1831, I, страница 282. Это сочиненіе Гизелера обратило наше вниманіе на связь между церковными имуществами и целибатомъ духовенства). Но расхищенію церковныхъ имѣній лицами духовнаго сословія и передачѣ ихъ дѣтямъ могла быть поставлена дѣйствительная преграда только послѣ того, какъ въ церкви упрочилась абсолютная власть папы. Одной изъ первыхъ задачъ папской власти была теперь борьба противъ браковъ духовенства. Левъ IX (1048—1054) началъ эту борьбу, а энергичный Григорій VII (1073—1085) очень рѣшительно проводилъ въ жизнь запрещеніе браковъ духовенства. Однако, прошло очень долгое время, пока это запрещеніе получило всеобщее признаніе и на сѣверѣ отъ Альпъ. Въ Люттихѣ еще около 1220-го, а въ Цюрихѣ—около 1230-го года мы находимъ нелишенныхъ сана и званія, женатыхъ священниковъ (*Гизелеръ*, вышецит. соч., стр. 290).

Когда реформація секуляризовала церковныя имѣнія, когда князья ихъ захватили, а духовенство превратилось въ государственныхъ чиновниковъ, живущихъ своимъ жалованіемъ, тогда уже не было никакого интереса сохранять институтъ целибата духовенства. Протестантскій священникъ можетъ имѣть дѣтей, сколько ему угодно: онъ не найдетъ церковнаго имѣнія, которое онъ могъ бы оттягать для своихъ дѣтей.

стностей такъ и изъ болѣе далекихъ краевъ, изгнанные оттуда непріятелемъ.

Помощь такимъ нуждающимся считалась въ средніе вѣка обязанностью каждаго имущаго и, въ особенности, каждаго землевладѣльца, а, стало быть, также самаго крупнаго землевладѣльца—церкви. Церковь исполняла эту обязанность не потому, чтобы она была особымъ благотворительнымъ учрежденіемъ, а потому, что она принадлежала къ числу имущихъ. Исполненіе этой обязанности не вытекало изъ особаго, христіанскаго, а изъ всеобщаго, если хотите, языческаго принципа,—изъ принципа, общаго всѣмъ народамъ, стоящимъ на низкой ступени развитія: *гостепріимства*.

Удовольствіе давать, дѣлиться свойственно всѣмъ народамъ, у которыхъ господствуетъ первобытный коммунизмъ, или по крайней мѣрѣ—его преданія. Для нихъ чужой такое рѣдкое, замѣчательное явленіе, къ которому они не могутъ отнестись равнодушно. Смотря по его происхожденію и поведенію, съ нимъ либо борятся, какъ съ врагомъ, либо чествуютъ, какъ гостя, какъ дорогого члена семьи; ему или раскроятъ черепъ, или отдадутъ въ полное распоряженіе домъ и дворъ, кухню и погребъ, иногда даже супружеское ложе.

Удовольствіе дѣлиться съ другими излишками отъ собственнаго хозяйства, за удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей семьи, сохраняется, пока существуетъ такъ называемое натуральное хозяйство, пока производятъ не для рынка или заказчика, не для продажи, а для *собственнаго потребленія*. Этотъ способъ производства былъ господствующимъ въ средніе вѣка, по крайней мѣрѣ въ земледѣліи, а эта отрасль производства играла тогда преобладающую роль въ жизни общества.

Чѣмъ дальше подвигалось впередъ развитіе производства, тѣмъ больше становился излишекъ, получаемый съ каждаго имѣнія. Особенно въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ—королей, высшаго дворянства, епископовъ, монастырей—скоплялись огромные запасы пищевыхъ продуктовъ, которыхъ они не могли продать. Они могли только употреблять ихъ на кормъ. Они пользовались имъ для содержанія многочисленнаго войска, ремесленниковъ и художниковъ и для широкаго гостепріимства. Въ то время считалось бы въ высшей степени неприличнымъ, если бы состоятельный человѣкъ отказалъ непринадлежащему къ его семьѣ, но мирному человѣку въ пищѣ, питьѣ и кровѣ.

Кормя голодныхъ, одѣвая нагихъ и давая пріютъ лишеннымъ крова, епископы и монастыри дѣлали только то, что дѣлалъ въ средніе вѣка всякій другой богатый человѣкъ. Въ лучшемъ случаѣ, разница заключалась въ томъ, что, будучи богаче другихъ, монастыри могли сдѣлать больше.

Но обычай гостепріимства быстро исчезаетъ, какъ только начинается

товарное производство, производство для *продажи*, какъ только открывается рынокъ для различныхъ предметовъ производства. Отдѣльныя хозяйства могутъ теперь обмѣнять свои излишки на деньги, этотъ великій источникъ могущества; деньги никогда не бываютъ въ излишкѣ: они не подвергаются порчѣ и ихъ можно копить, сколько угодно. Мѣсто удовольствія отъ раздачи излишковъ заступаетъ удовольствіе отъ накопленія сокровищъ, жадность убиваетъ щедрость.

Чѣмъ больше такъ назыв. денежное хозяйство вытѣсняетъ натуральное—а это явленіе быстро распространяется, начиная съ XIII в., изъ Италіи и южной Франціи на остальныя части Европы—тѣмъ больше ограничиваютъ имущіе свои гостепріимства и щедроты.

Но въ той же мѣрѣ, въ какой исчезала щедрость, увеличивалось число бѣдняковъ. Развитіе товарнаго производства породило пролетаріатъ, численность котораго быстро росла и достигла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительной высоты.

Лучшимъ прибѣжищемъ для пролетаріата была щедрость *монастырей*.

Большія корпораціи, повидимому, развиваются медленнѣе и приспособляются къ измѣнившимся условіямъ труднѣе, чѣмъ отдѣльныя лица [1]). Во всякомъ случаѣ, такъ обстояло дѣло съ монастырями. Они еще долго взимали оброки по-старому, натурой, тогда какъ кругомъ повинности были замѣнены денежнымъ оброкомъ. Они больше, чѣмъ ихъ сосѣди, избѣгали отнимать у крестьянъ ихъ участки земли или повышать лежащіе на нихъ оброки и повинности. Наконецъ, они, въ общемъ и цѣломъ, сохранили дольше своихъ сосѣдей гостепріимство и щедрость.

Но и монастыри не могли совершенно отгородить себя отъ вліяній новаго времени. Ихъ обитатели также были охвачены жаждой денегъ, и кормленія нуждающихся все болѣе и болѣе сводились къ «жидкимъ нищенскимъ похлебкамъ».

И даже тамъ, гдѣ монастыри еще сохранили свою прежнюю щедрость, она все менѣе могла удовлетворять растущія требованія массовой бѣдноты.

Снова возникла проблема бѣдности и снова зародились коммунистическія идеи и стремленія.

Этотъ коммунизмъ принималъ двоякія формы. Въ низшихъ слояхъ народа уже рано зародился неясный коммунизмъ чувства, а въ средѣ ученыхъ и смѣлыхъ друзей человѣчества выработался позже послѣдовательно продуманный, философскій коммунизмъ, утопизмъ.

[1]) Большіе англійскіе профессіональные союзы, наприм., упорно держатся своей старой политики, между тѣмъ какъ рабочіе всѣхъ другихъ странъ радостно спѣшатъ стать подъ знамена соціализма.

Разсматриваемое съ чисто-литературной точки зрѣнія, послѣднее направленіе представляется продолженіемъ платоновскаго, а первое—продолженіемъ коммунизма первыхъ христіанъ.

Но оба направленія отличаются отъ своихъ предшественниковъ въ очень существенныхъ пунктахъ. Ибо за это время возникаетъ новая общественная сила, которая овладѣваетъ коммунистическими идеями, сила, о которой ничего не знали Платонъ и первые христіане; сила эта—*классъ наемныхъ рабочихъ, какъ основа новаго способа производства.*

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ періодъ реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возникновеніе свободнаго, городского сословія ремесленниковъ.

I. Крѣпостничество.

Когда германцы вторгнулись въ Римскую имперію, ихъ земледѣліе стояло еще на низкой ступени развитія. Скотоводство и охота занимали въ промышленной жизни главное мѣсто; крестьяне были еще полу-кочевниками. Но теперь германцы овладѣли частью латифундій романскихъ странъ, и здѣсь снова образовалось свободное сословіе крестьянъ. Эти крестьяне познакомились съ болѣе высокими способами производства римлянъ, скотоводство и охота уступили мѣсто земледѣлію, германцы стали осѣдлыми.

Казалось, что теперь снова повторится то развитіе, которое протекало въ древнемъ Римѣ. Крестьянское хозяйство было несовмѣстимо съ военной службой, составлявшей въ то время обязанность каждаго свободнаго человѣка: постоянныя войны разоряли крестьянъ и крестьянское хозяйство исчезло.

Но теперь крестьянское хозяйство не могло быть замѣнено рабскимъ, какъ это случилось въ древнемъ Римѣ: едва только германскія племена пріобщились къ христіанству, иначе говоря, нѣсколько ознакомились съ римскимъ производствомъ и стали осѣдлыми, какъ со всѣхъ сторонъ на нихъ нахлынули орды безпокойныхъ и легко подвижныхъ народовъ, наѣзд-

никовъ и мореходовъ, аваровъ и магіаровъ—съ востока, нормановъ—съ сѣвера, сарациновъ—съ юга и востока. Отъ VII до XI вѣка западные христіанскіе народы страдали отъ непрерывныхъ разбойничьихъ набѣговъ этихъ ордъ, и нерѣдко само ихъ существованіе подвергалось опасности. Не имѣя возможности добывать себѣ рабовъ, они сами сдѣлались выгоднымъ объектомъ для охотниковъ на рабовъ и торговцевъ невольниками. Среди «язычниковъ» была масса рабовъ-христіанъ, наоборотъ, среди христіанъ рабы-язычники попадались все рѣже, а цѣна на нихъ все возрастала [1]). Основать производство на рабскомъ трудѣ оказалось совершенно невозможнымъ; въ этотъ періодъ въ западныхъ христіанскихъ странахъ производство при посредствѣ рабовъ почти совершенно исчезло [2]).

Крупное производство при посредствѣ рабовъ стало въ христіанско-германскихъ странахъ столь же невозможнымъ, какъ и въ Римской имперіи;

---

[1]) Съ христіанскихъ рынковъ они, впрочемъ, не исчезли. Даже въ XIII и XIV столѣтіяхъ намъ извѣстны примѣры торговли рабами въ Италіи. Амедей VI Савойскій купилъ въ 1307 г. въ Константинополѣ двухъ рабынь. Въ Генуѣ, въ 1384 г., за рабыню татарку, „не имѣвшую никакихъ тайныхъ болѣзней (magagnis)“, было заплачено 1049 лиръ, а за другую, въ 1389 г.,— 1312 лиръ. Торговцы рабами добывали свой товаръ обыкновенно изъ Каффы. Городскія уложенія того времени содержатъ въ себѣ немало постановленій относительно рабовъ (*Юл. Кроне*, Fra Dolcino und die Patarener. Historische Episode aus den piemontesischen Religionskriegen. Лейпцигъ, 1844, стр. 16).

[2]) Что рабству былъ положенъ конецъ не велѣніями христіанской совѣсти, а лишь простой необходимостью, недостаткомъ въ рабахъ,—видно изъ того, что, какъ только христіанство достаточно окрѣпло, для возобновленія поступательной политики противъ „невѣрныхъ“,—именно передовые борцы за христіанство первые начали добывать и вымѣнивать себѣ рабовъ. Крестоносцы, а позднѣе испанцы и португальцы въ Африкѣ, занимались и тѣмъ и другимъ съ огромнымъ воодушевленіемъ. Буллой папы Николая V, отъ 8-го января 1454 г., открыто разрѣшалось „обращать въ вѣчное рабство всѣхъ сарациновъ, язычниковъ и прочихъ враговъ Христовыхъ“, а Клементъ V (1523–1534) распространилъ это „право“ и на всѣхъ еретиковъ (*Людв. Келлеръ*, Die Reformation und die älteren Reformparteien. Лейпцигъ, 1885, стр. 480). Но развитіе производства приняло въ то время направленіе, дѣлавшее излишнимъ трудъ рабовъ въ Европѣ. Рабъ сталъ предметомъ роскоши; это измѣнилось лишь послѣ того, какъ европейскія государства завоевали и основали заморскія колоніи; тамъ они не нашли условій, необходимыхъ для европейскаго способа производства и съ успѣхомъ могли примѣнять рабскій трудъ. Съ этихъ поръ охота за рабами, торговля ими и истязаніе рабовъ снова начали играть выдающуюся роль въ экономической жизни европейскихъ христіанскихъ обществъ: ни римская церковь, ни одна изъ большихъ протестантскихъ церквей не возвышали своего голоса противъ всего этого.

и какъ тамъ мѣсто рабства занялъ *колонатъ*, такъ здѣсь, въ свою очередь, возникло аналогичное учрежденіе, отчасти непосредственно примыкавшее къ римскому образцу.

Было бы большой нелѣпостью для того времени прогонять разорившихся крестьянъ съ насиженныхъ ими мѣстъ. Недостатокъ ощущался не въ землѣ, а въ людяхъ. Богачи и знать христіанско-германскихъ государствъ, епископы и аббаты, короли и герцоги со своей свитой и любимцами вовсе не стремились замѣнить крестьянское хозяйство—хозяйствомъ рабовъ; они предпочитали эксплоатировать нужду крестьянина, обязавъ его передъ собой уплатой процента и барщиной. Но для этого имъ пришлось сложить съ крестьянъ тѣ повинности, которыя они несли и которыя исключали возможность веденія правильнаго крестьянскаго хозяйства,— т. е. прежде всего воинскую повинность.

Крестьяне одинъ за другимъ ввѣряли себя охранѣ того или иного могущественнаго лица и обязывались доставлять ему ежегодно опредѣленное количество продуктовъ своего хозяйства и работать на него опредѣленное количество дней. За это крестьянинъ освобождался отъ воинской службы, которую несъ за него его господинъ и владѣлецъ земли, вмѣстѣ со своими приближенными и холопами.

Существовалъ еще и другой родъ оброчныхъ крестьянъ. Въ христіанско-германскихъ государствахъ отъ временъ римскаго владычества сохранились нѣкоторыя латифундіи, а именно принадлежавшія церкви, всегда превосходно умѣвшей блюсти свои интересы. Новыя крупныя помѣстья образовывались также изъ земель, которыя жаловали короли. Благодаря непрерывнымъ войнамъ много земель оказалось лишенными собственниковъ; успѣхи сельскаго хозяйства позволили заняться обработкой обширныхъ площадей, прежде недоступныхъ. Если народонаселеніе добываетъ себѣ пропитаніе отъ земледѣлія, то ему нужно гораздо меньше земли, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда оно существуетъ отъ скотоводства или хотя бы охоты. Огромные лѣса, дававшіе прежде пропитаніе народу, составляли общественную собственность опредѣленной марки. Теперь они утратили для нея свою цѣнность и, наравнѣ съ другими пустопорожними землями, перешли во владѣніе королей, которые жаловали эти земли или отдавали ихъ во временное пользованіе своимъ приближеннымъ и знати, епископамъ, а также монастырямъ. Новый владѣлецъ естественно стремился использовать свое владѣніе, и для этого привлекалъ къ себѣ, въ качествѣ колонистовъ, крестьянъ; за опредѣленные оброки и услуги онъ предоставлялъ имъ крестьянскіе участки—конечно, съ общимъ выгономъ и лѣсомъ, безъ которыхъ крестьянское хозяйство немыслимо.

Каждый землевладѣлецъ стремился заманить къ себѣ возможно больше

новыхъ поселенцевъ-крестьянъ, но еще больше заботился о томъ, чтобы другіе владѣльцы не переманивали у него его крестьянъ. Чтобы прикрѣпить крестьянъ къ землѣ, онъ пускалъ въ ходъ всѣ зависѣвшія отъ него средства,—нравственныя и безнравственныя, законныя и незаконныя. Свободные до того крестьяне становились не только оброчными, но и *крѣпостными.*

Но какъ ни принижали крестьянъ, они все же стояли выше рабовъ. Чужой въ странѣ, чужестранецъ даже по отношенію къ своимъ собратьямъ по рабству, рабъ всегда безправенъ; онъ простая вещь, у него нѣтъ подъ ногами никакой почвы, опираясь на которую онъ могъ бы вести упорную классовую борьбу за освобожденіе своего класса. Намъ, правда, извѣстны примѣры возстанія рабовъ, но въ лучшемъ случаѣ такія проходящія вспышки лишь давали свободу ихъ участникамъ и нисколько не вліяли на самый институтъ рабства. То были вспышки, направленныя не къ тому, чтобы уничтожить самое рабство, а чтобы лично освободиться отъ него. Отмѣна рабства иногда не была результатомъ упорной классовой борьбы рабовъ.

Совершенно иначе обстояло дѣло съ крѣпостными среднихъ вѣковъ. Они не были безправными; крѣпостной оброкъ и барщина были точно опредѣлены, и произвольно понижать или повышать ихъ было невозможно; этого можно было добиться только силой или обманомъ. Но въ своей борьбѣ противъ землевладѣльца крѣпостной не былъ одинокимъ. Каждый крестьянинъ, безразлично—крѣпостной или свободный, принадлежалъ къ опредѣленной маркѣ (общинѣ); община и крестьянинъ были взаимно связаны узами солидарности. Въ этой организаціи крестьянинъ всегда находилъ себѣ мощную поддержку. Благодаря такой опорѣ, онъ могъ оказывать землевладѣльцу вполнѣ ощутительное сопротивленіе, что онъ нерѣдко и дѣлалъ. Всѣ средніе вѣка были періодомъ классовой борьбы между землевладѣльцами и ихъ крестьянами; при благопріятныхъ условіяхъ, эта борьба нерѣдко приводила крестьянъ къ свободѣ, и не только отъ крѣпостной зависимости, но и отъ платежа повинностей, т. е. къ уничтоженію землевладѣльческаго господства.

Еще удачнѣе протекала борьба *ремесленниковъ*. Въ концѣ концовъ они повсемѣстно свергли крѣпостную зависимость и господство землевладѣльцевъ.

II. Возникновеніе ремесла.

Какъ велось производство въ началѣ среднихъ вѣковъ? Всякое хозяйство производило для себя все необходимое. Крестьянское хозяйство,—

которое мы должны представлять себѣ не карликовымъ, а семейно-общиннымъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ поколѣній, объединенныхъ въ большую семью, съ отцомъ, главенствовавшимъ надъ своими сыновьями, ихъ женами и дѣтьми, а то и надъ внуками,—не только производило сырые продукты сельскаго хозяйства, но и перерабатывало ихъ въ жидкій медъ и хлѣбъ, въ шерсть и ткань, въ утварь и орудія труда и т. д. Крестьянинъ самъ выполнялъ для себя работы строителя и плотника, столяра и кузнеца.

Потребности землевладѣльца были, обыкновенно, гораздо обширнѣе потребностей крестьянина; но и землевладѣльцу приходилось изготовлять все необходимое на собственномъ, господскомъ дворѣ или въ зависѣвшихъ отъ него крестьянскихъ хозяйствахъ. Но у помѣщика имѣлось въ распоряженіи больше рабочихъ силъ, чѣмъ у крестьянина: благодаря продуктамъ, доставлявшимся ему крестьяниномъ, онъ могъ содержать многочисленную, обыкновенно несвободную челядь; кромѣ того, въ теченіе опредѣленнаго количества дней въ году (дни барщины) онъ могъ распоряжаться трудомъ каждаго крестьянина. Благодаря этому помѣщикъ имѣлъ возможность установить нѣкоторое раздѣленіе труда, занимая однихъ крестьянъ исключительно или преимущественно строительствомъ или плотничествомъ, другихъ—кожевеннымъ производствомъ, третьихъ—ковкой оружія и т. д.

Такимъ образомъ на барскихъ дворахъ въ періодъ среднихъ вѣковъ и возникло ремесло.

Въ городахъ, сохранившихся отъ временъ Римской имперіи, именно въ Италіи и въ южной Франціи, мы находимъ слѣды городского, свободнаго ремесла. Но, по сравненію съ ремесломъ на барскихъ дворахъ, оно представляется совершенно незначительнымъ.

Разъ рабочій достигалъ выдающейся ловкости въ какомъ либо ремеслѣ, то занимать его другими работами становилось нецѣлесообразнымъ. Если барщина не поглощала цѣликомъ его времени, то ремесленникъ начиналъ работать на другихъ, на сосѣднія крестьянскія хозяйства, или же на тѣ помѣщичьи дворы, которые были слишкомъ малы для того, чтобы содержать или образовать искуснаго мастера. Конечно, ремесленникъ не могъ работать на другихъ, не испрашивая на это разрѣшенія своего господина и не удовлетворяя его за это опредѣленнымъ оброкомъ.

Такимъ образомъ возникла *работа на заказчика.*

Но наряду съ нею появился и другой родъ труда: *работа на рынокъ.*

Нѣкоторые господскіе дворы оказывали особенно притягательное вліяніе на населеніе ближайшихъ и отдаленныхъ окрестностей. Таковы резиденціи императоровъ и королей (пфальцы), а также мѣстопребыванія епископовъ. Здѣсь сосредоточивались войска, свита, чиновники, а по време-

намъ—въ дни праздниковъ, увеселеній, суда и другіе торжественные дни—сюда же стекалось немало и другого народа. Все богатство, производившееся тогда въ странѣ, скоплялось именно въ этихъ мѣстахъ. Они же явились первыми центральными пунктами, къ которымъ тяготѣли *купцы*, въ Германіи—обыкновенно иностранцы, итальянцы и евреи. Здѣсь легче всего сбывали свои товары, здѣсь же ремесленникамъ было всего удобнѣе обмѣнивать свои продукты на другіе.

Мѣста, расположенныя вблизи такихъ господскихъ дворовъ, обратились въ *рынки* (Markt). Народонаселеніе ихъ и богатство росли, и, благодаря этому, они скорѣе другихъ мѣстъ получили возможность воздвигнуть укрѣпленія, что было для нихъ особенно необходимо, такъ какъ они болѣе другихъ возбуждали жадность разбойниковъ. Укрѣпленія превращали данное мѣсто въ *городъ*.

Если ростъ народонаселенія и богатства были причинами, вызывавшими укрѣпленіе опредѣленныхъ мѣстъ, то, съ другой стороны, само это укрѣпленіе и гарантируемая имъ въ то безпокойное время безопасность, были причинами дальнѣйшаго роста народонаселенія и богатства городовъ.

Такимъ образомъ, Германія съ восьмого столѣтія, а прочія западныя страны христіанскаго міра еще нѣсколько раньше, а иногда и позже, покрылась цѣлой сѣтью городовъ.

Вначалѣ лишь немногіе города были свободными. Большинство городовъ выросло изъ господскихъ деревень, и жители ихъ находились въ зависимости отъ одного или нѣсколькихъ землевладѣльцевъ. Но чѣмъ больше росло богатство и народонаселеніе городовъ, чѣмъ легче могли они ускользать отъ опеки землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе излишнимъ становилось для городского населенія бремя податей и оброковъ и тѣмъ быстрѣе росли силы горожанъ и ихъ рѣшимость отдѣлаться отъ этого бремени. Горожане все энергичнѣе дѣйствовали противъ землевладѣльцевъ, пока имъ, наконецъ, не удалось завоевать для себя свободу.

Само собою разумѣется, что ремесленники не могли оставаться простыми зрителями всего этого процесса развитія. Они составляли значительную часть городского населенія, принимали живое участіе въ борьбѣ противъ землевладѣльцевъ и получили свою долю участія послѣ побѣды города.

Городъ служилъ для ремесленниковъ не только рынкомъ, но и защитой. Наряду съ оброчными ремесленниками, въ городахъ поселились вскорѣ и другіе ремесленники—бѣглые крѣпостные и обязанные изъ дворовъ другихъ владѣльцевъ, равно и свободные люди, ранѣе занимавшіеся ремесломъ или же рѣшившіе имъ заняться. Тогда еще не было избытка въ ремесленникахъ; наоборотъ—городъ былъ доволенъ, если его народонаселеніе увеличивалось, такъ какъ благодаря этому росли его мощь и благосостояніе.

Городъ защищалъ бѣглыхъ крѣпостныхъ и обязанныхъ. Если въ теченіе года они оставались неразысканными, то становились свободными. Сами же ремесленники смотрѣли на пришлыхъ товарищей по профессіи не какъ на конкурентовъ, а какъ на союзниковъ въ борьбѣ, и потому встрѣчали ихъ радушно. Наряду съ обязанными и крѣпостными ремесленниками расло число свободныхъ. Они объединялись между собою, вліяніе и мощь городскихъ ремесленниковъ усиливались, и тѣ изъ нихъ, которые были несвободными, становились все самостоятельнѣе. Вмѣсто оброковъ и податей натурой они стали выплачивать денежныя подати. Они добились свободы рыночной торговли, т. е. права свободно и безпрепятственно покупать и продавать продукты. Въ концѣ концовъ установилось общее правило, согласно которому всякій поселившійся въ городѣ становился eo ipso лично свободнымъ. Одно ремесло за другимъ стало исчезать на господскихъ дворахъ, одно ремесло за другимъ становилось исключительной привилегіей горожанъ. То, что землевладѣльцы до сихъ поръ производили на собственныхъ дворахъ, они теперь принуждены были покупать, въ видѣ товаровъ, въ городахъ.

Трудъ крѣпостныхъ людей совершенно исчезъ въ ремеслѣ. Въ концѣ процесса этого развитія ремесленниками были только свободные люди, само же ремесло процвѣтало и считалось уважаемымъ занятіемъ.

Періодъ этой эволюціи различенъ для каждаго отдѣльнаго ремесла и каждой отдѣльной мѣстности. Вообще же говоря, начало его совпадаетъ съ XI, а конецъ съ XIV столѣтіемъ [1]).

III. Цехъ.

Представителямъ развивающагося ремесла пришлось вести борьбу въ городахъ не только съ землевладѣльцами. Не менѣе существенна была борьба противъ родовъ городскихъ патриціевъ.

Мы уже видѣли, что первоначально города представляли собой не болѣе, какъ обнесенныя укрѣпленіями деревни. Устройство деревень было общиннымъ; таковымъ же было и городское устройство. Какъ деревенскія

---

[1]) Оброчные *ювелиры* уже около конца XI-го столѣтія, наряду съ работой на господскій дворъ, стали работать для рынка. И эта работа уже въ то время настолько утратила свой подневольный характеръ, что ей занимались и свободные люди. (*Гансъ Мейеръ*, Die Strassburger Goldschmiedezunft von ihrem Enstehen bis 1861. Лейпцигъ, 1881, стр. 154). Съ другой стороны, въ Боннѣ, еще въ XIV столѣтіи, право заниматься ткацкимъ ремесломъ было связано съ соотвѣтствующей служебной обязанностью: оно зависѣло отъ господскаго двора. (*Мауреръ*, Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. Эрлангенъ, 1870, II, стр. 323).

*

угодья (деревенская марка), такъ и городскія (городская марка) распадались на двѣ части — на раздѣльную и нераздѣльную марки (выгонъ, лѣсъ, вода). Всѣ жители деревни, занимавшіеся собственнымъ хозяйствомъ имѣли въ маркѣ одинаковыя права; они составляли вмѣстѣ самоуправлявшуюся и жившую по собственнымъ законамъ общину. Если нѣкоторые члены марки становились землевладѣльцами, то они пріобрѣтали извѣстныя преимущества: становились постоянными представителями марки, а постановленія марковыхъ собраній должны были представляться имъ на утвержденіе. Получался своего рода конституціонный режимъ.

Первоначально, всякій новый поселенецъ, становившійся членомъ марки, встрѣчалъ, обыкновенно, самый радушный пріемъ: земля была въ избыткѣ, и лишь не хватало людей, которые могли бы ее обрабатывать. Такое положеніе дѣлъ измѣнилось прежде всего въ городахъ, гдѣ населеніе быстро расло. Здѣсь избытокъ въ землѣ вскорѣ исчезъ, и старые поселенцы начали опасаться, что, присоединивши къ маркѣ новыхъ пришельцевъ, они сами нанесутъ себѣ ущербъ. Марка обратилась въ замкнутую общину, вовсе не принимавшую къ себѣ новыхъ членовъ и отступавшую отъ такого правила лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда это было связано для нея съ особенными выгодами.

Такимъ образомъ, въ городской общинѣ, наряду съ давно осѣвшими въ ней родами, образовался другой слой—болѣе позднихъ поселенцевъ, которые вовсе не имѣли участія въ городской общинѣ или обладали незначительной долей участія, и, не состоя членами марки, не могли вмѣшиваться въ дѣла общиннаго управленія. Управленіе марки совпадало съ городскимъ управленіемъ и, благодаря этому, новые поселенцы оказывались лишенными въ городахъ всѣхъ политическихъ правъ. Древніе роды гражданъ образовали аристократію

Въ началѣ городъ лишь терпѣлъ новыхъ горожанъ, видя въ нихъ людей, имѣющихъ, все же, право пользоваться его покровительствомъ. Но со временемъ численность и богатство новыхъ горожанъ расли. Они насчитывали въ своихъ рядахъ многихъ купцовъ и большинство ремесленниковъ. Они стали ощущать свою силу и требовать доли участія въ управленіи городомъ. Раньше или позже,—въ нѣкоторыхъ городахъ въ XIII столѣтія, а въ иныхъ въ XIV-мъ—они начали борьбу противъ родовой аристократіи, и, въ концѣ концовъ, почти повсемѣстно свергли власть патриціевъ и добились участія въ управленіи.

Патриціи не были лишены общинной марки. Тамъ, гдѣ марка еще сохранилась нераздѣленной, марковая община продолжала существовать внутри городской общины въ видѣ замкнутаго цѣлаго. Но городская община перестала совпадать съ марковой. Основой политическаго устройства

городовъ являлось уже не устройство марки, а,—по крайней мѣрѣ, въ Германіи,—*цеховое устройство*.

Широкія массы людей не могутъ вести продолжительной борьбы, не организовавшись. Должны были создать себѣ организацію и ремесленники; образцомъ для нихъ послужило *общинное устройство марки*. На богатыхъ господскихъ дворахъ, гдѣ было занято много ремесленниковъ, уже издавна была введена организація рабочихъ отдѣльныхъ профессій въ товарищества съ мастеромъ во главѣ; это дѣлалось, конечно, не для цѣлей борьбы, а для улучшенія производства и облегченія управленія. Но тамъ, гдѣ начиналась борьба крѣпостныхъ рабочихъ съ ихъ господами, эти товарищества стали служить также боевымъ цѣлямъ; товарищества были сохранены и послѣ того, какъ ремесленники завоевали свободу. Обязательное крѣпостное учрежденіе превратилось въ свободный *союзъ*.

Наряду съ такими союзами, свободные ремесленники зачастую основывали въ городахъ организаціи для самозащиты, которыя сразу же строились на началахъ свободы и самоуправленія. Эти свободные союзы оказывали вліяніе на союзы крѣпостныхъ и поддерживали ихъ въ борьбѣ. Въ концѣ концовъ оба вида товариществъ совершенно перестали отличаться другъ отъ друга, а послѣ паденія крѣпостного права въ городахъ мы видимъ только свободные союзы или цехи.

Въ большинствѣ городовъ свободные цехи образовались уже въ XII или въ XIII вѣкѣ. Въ другихъ—нѣсколько позднѣе. И не всѣ ремесла одновременно пришли къ необходимости организоваться въ цехи. Скорѣе другихъ организовались рабочіе наиболѣе богатыхъ и обнимавшихъ собой наибольшее число профессій ремеселъ. Старѣйшими цехами, наряду съ купеческимъ, являются цехи ткачей шерстяныхъ матерій и портныхъ. За ними слѣдуютъ цехи сапожниковъ, пекарей, мясниковъ и т. д. Нѣкоторыя ремесла были слишкомъ слабо представлены для того, чтобы сорганизоваться въ отдѣльные цехи; поэтому, чтобы стоять подъ охраной организаціи, имъ приходилось примыкать къ другимъ цехамъ. Такъ, напр., цирюльники Рейтлингена присоединились къ цеху мясниковъ, а Эсслингена—къ цеху скорняковъ.

Теперь настала пора, когда всякій горожанинъ, при малѣйшей возможности, присоединялся къ тому или иному цеху [1]). Но далеко не всѣ обладали такой счастливой возможностью. Оставалось, все же, немало

[1]) Образовали цехи даже проститутки, напр., въ Франкфуртѣ, Женевѣ и Парижѣ, гдѣ онѣ занимались своимъ «горизонтальнымъ ремесломъ» подъ покровительствомъ св. Магдалины. (Мауреръ, II цитир. сочин., стр. 471).

ремеселъ, дававшихъ плохой заработокъ занятымъ въ нихъ рабочимъ, или такихъ, занятіе которыми считалось унизительнымъ; поэтому занятые въ нихъ рабочіе не могли организоваться въ самостоятельные цехи или же примкнуть къ уже существующимъ организаціямъ. Цеховые ремесленники относились къ этому misera contribuens plebs также высокомѣрно, какъ патриціи къ тѣмъ же ремесленникамъ, и послѣдніе вовсе не задумывались надъ тѣмъ, чтобы заступиться за эти бѣднѣйшіе слои населенія.

Наряду съ родовой аристократіей въ городахъ выросъ другой слой привилегированныхъ—цеховые ремесленники.

Но чѣмъ болѣе цехъ становился привилегированной организаціей, тѣмъ сильнѣе развивалось внутри ремесла новое классовое противорѣчіе,—а именно противорѣчіе *между мастеромъ и подмастерьемъ.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Подмастерья.

I. Возникновеніе сословія подмастерьевъ.

Массу наемныхъ городскихъ рабочихъ составляли *подмастерья.* Жизнь ихъ была полна радости и довольства, они не испытывали «той черной зависти, которая злобно взираетъ на жизнь высшихъ сословій», они гордились своимъ положеніемъ, «цвѣтущимъ благосостояніемъ» и «справедливой долей участія въ трудовой прибыли». Чего же еще имъ было желать? Какъ и мастера они стояли «подъ охраной цеха», который разбиралъ споры между ними и мастерами и охранялъ «всѣ ихъ права»; они принадлежали къ семьѣ мастера, ѣли за однимъ съ нимъ столомъ; мастеръ относился къ нимъ словно какъ къ своимъ дѣтямъ, направлялъ ихъ на честный и нравственный жизненный путь, дабы они были достойны чести сдѣлаться современемъ мастерами, т. е., какъ говорили тогда, «занять Богомъ данное мѣсто»; подмастерье ждалъ этой чести съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ клирикъ рукоположенія въ священнослужители или дворянинъ посвященія въ рыцари. Въ тѣ времена «ремесленники жили внутри цеха, соблюдая братскую любовь и вѣрность другъ къ другу»; да и работали они «не только ради дохода, но и по заповѣди Божіей»; внутри цеха принципы «равенства и братства» тогда имѣли еще значеніе.

Такъ изображаютъ намъ сторонники цехового строя и поклонники средневѣковья положеніе подмастерьевъ въ періодъ расцвѣта цехового

ремесла; на основаніи этого изображенія извѣстные круги людей выводятъ въ наше время то заключеніе, что стоитъ только воскресить цеховой строй, какъ классовыя противорѣчія между рабочими и предпринимателями будутъ устранены и мѣсто ихъ займетъ соціальная гармонія. Цехи представляютъ-де собой учрежденія, наиболѣе подходящія для того, чтобы блюсти интересы не только мастеровъ, но также и подмастерьевъ.

Новѣйшимъ изъ выдающихся нѣмецкихъ историковъ, столь идиллически изображающихъ положеніе ремесленниковъ-подмастерьевъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, является Іоганнъ Янссенъ, слова котораго мы отчасти цитировали выше [1]). Не можетъ, однако, не возбуждать сомнѣній, когда этотъ историкъ, въ доказательство благополучія подмастерьевъ, приводитъ, между прочимъ, *жалобы* властей, мастеровъ и буржуазныхъ писателей на якобы невыносимую *расточительность и заносчивость* подмастерьевъ. Если бы такія жалобы были дѣйствительно доказательными, то изъ нихъ нетрудно было бы вывести заключеніе, что наемные рабочіе всегда чувствовали себя самымъ прекраснымъ образомъ.

Но если подойти къ *фактамъ* поближе, то мы обнаружимъ нѣчто совершенно отличное отъ той идилліи, которую изобразилъ намъ Янссенъ [2]).

---

[1]) *Іоганнъ Янссенъ*, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, I, стр. 315—342.

[2]) Немногія новѣйшія историческія работы обратили на себя такое вниманіе, какъ трудъ Янссена, и до извѣстной степени онъ этого заслуживаетъ. Янссенъ нанесъ сильный ударъ либерально-протестантской легендѣ о реформаціи и показалъ, что и за революціонной фразой реформаціи скрывались вполнѣ матеріальные интересы. На это же, правда, еще до г. Янссена указалъ научный соціализмъ, и, притомъ, не односторонне,— какъ это сдѣлалъ Янссенъ, по отношенію къ одному лишь протестантизму, но также и по отношенію къ католицизму, въ основѣ котораго заложены и проявляются тѣ же интересы; но для широкой публики все это было ново, и она была поражена, когда ей показали, что такіе люди, какъ Лютеръ и его сподвижники, высоко чтимые нынѣшними столпами порядка, были *революціонерами*, осуществлявшими революціонныя цѣли революціонными средствами. Изслѣдователь, уже знакомый съ періодомъ реформаціи, найдетъ въ работѣ Янссена нѣкоторыя указанія и нѣкоторые новые выводы. Тѣмъ большаго вниманія она заслуживаетъ. Но мы безусловно воздержались бы отъ того, чтобы рекомендовать эту работу широкой публикѣ, какъ правдивое изложеніе событій. Мы не знаемъ другого произведенія въ современной исторической литературѣ, которое по своей *неправдивости* могло бы помѣряться съ работой г. Янссена. Онъ отмѣчаетъ двѣ стороны соціальныхъ отношеній въ началѣ періода реформаціи. Сперва онъ рисуетъ дѣйствительныя или только выдуманныя *хорошія стороны* этихъ соціальныхъ отношеній: вотъ какъ, говоритъ онъ, была счастлива Германія при господствѣ католицизма. Затѣмъ онъ указываетъ *на плохія стороны* соціаль-

Первыя свѣдѣнія о подмастерьяхъ или «батракахъ», какъ ихъ называли прежде, мы встрѣчаемъ въ Германіи въ XIII вѣкѣ. До того батраковъ держали, повидимому, лишь отдѣльные ремесленники, такъ что не было достаточныхъ поводовъ упоминать о нихъ [1]).

ныхъ отношеній въ началѣ XVI столѣтія и восклицаетъ: смотрите, во что невѣріе младшихъ гуманистовъ обратило римское право, протестантизмъ— Германію! Къ этому еще присоединяется своеобразный способъ „изображенія по источникамъ“.

Г. Янсенъ заимствуетъ изъ источниковъ не то, что *характерно* для событій, но то что *подходитъ* для него самого: онъ ссылается не столько на *факты*, сколько на *сужденія* и *пожеланія*, которыя онъ, недолго задумываясь, превращаетъ въ факты, лишь бы они подтверждали его мысль. Одинъ католическій цеховой уставъ рекомендуетъ „товарищамъ по цеху“ жить между собой „въ братской любви и вѣрности“: въ нѣкоемъ католическомъ трактатѣ говорится, что подмастерье работаетъ не только для выгоды, но и ради служенія Богу: это ли не доказательства прямоты и вѣрности католиковъ? Нѣкій католическій патеръ высказалъ мнѣніе, что реформація церкви необходима: не есть ли это доказательство того, что церковь могла быть реформирована безъ насильственнаго переворота, не порывая отношеній съ папствомъ, такъ, чтобы Германія оставалась нераздѣльной и счастливой? А что далъ взамѣнъ этого протестантизмъ? Протестантскіе попы въ своихъ проповѣдяхъ и писаніяхъ плачутся, по обыкновенію, на то, что свѣтъ съ каждымъ днемъ становится безбожнѣе: не вытекаетъ ли отсюда съ очевидностью, сколь дурными сдѣлала людей реформація? Вѣдь на это есть самыя безпристрастныя свидѣтельства— протестантскіе „источники“.

Пусть цитаты Янсена и вѣрны, но его методъ сопоставленія и пользованія цитатами обращаетъ построенное на нихъ изложеніе въ сплошное *искаженіе*. Дѣло еще ухудшается благодаря усвоенной авторомъ и модной со времени Моммсена среди нѣмецкихъ историковъ манерѣ обозначать явленія прошлаго—современными названіями, что буквально принуждаетъ читателя абстрагироваться отъ историческихъ особенностей минувшихъ временъ и измѣрять ихъ современнымъ масштабомъ. По примѣру Моммсена, примѣняющаго слова и понятія современнаго капиталистическаго способа производства къ исторіи древняго Рима, Янсенъ продѣлываетъ то же самое по отношенію къ среднимъ вѣкамъ и періоду реформаціи. „Церковное право“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (I., стр. 412) „объявило *трудъ единственнымъ источникомъ стоимости*“; но это положеніе подтверждается только тѣмъ, что Янсенъ обнаруживаетъ по данному вопросу полное непониманіе. Авторъ любитъ также говорить о „правѣ на трудъ“, якобы гарантировавшемся цехами. Кому и какъ—это мы еще увидимъ.

Въ общемъ, работу Янсена отнюдь нельзя рекомендовать тѣмъ читателямъ, которые ищутъ правдиваго *изложенія*.

[1]) Среди ткачей шерсти въ Страсбургѣ еще въ XIII вѣкѣ ничего не упоминается о правѣ подмастерьевъ, и даже въ XIV вѣкѣ почти не проводится различія между мастеромъ и батракомъ. (*Г. Шмоллеръ*, Die Stassburger Tucher und Weberzunft. Страсбургъ. 1879. стр. 389. (Ср. стр. 451).

До XIV вѣка условія возникновенія особаго класса батраковъ или подмастерьевъ были крайне неблагопріятны. Какъ мы уже знаемъ, ремесленники были или крѣпостными, работавшими на дворахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, или свободными, но лишенными полныхъ гражданскихъ правъ. Политическими правами обладали только землевладѣльцы, члены марки, а организаціи ремесленниковъ были неправомѣрными и представляли собою главнымъ образомъ *боевыя* организаціи. Каждый вновь прибывавшій или входившій въ нихъ ремесленникъ охотно принимался, какъ боевой товарищъ, какъ человѣкъ укрѣплявшій собой силу цеха. Не только не было основаній не допускать новаго пришельца въ цехъ, но, наоборотъ, нужно было всячески стремиться привлечь его къ себѣ. Таково было значеніе принудительнаго права цеха, которое вовсе не было направлено на созданіе монополіи [1]).

Техника ремесла была еще крайне первобытна и не требовала кооперации, совмѣстной работы нѣсколькихъ лицъ. Каждый ремесленникъ легко могъ обзавестись инструментами и другими орудіями производства. Въ то время, во многихъ ремеслахъ сырой матеріалъ доставлялся заказчикомъ, и ремесленникъ перерабатывалъ его, обыкновенно въ домѣ заказчика, за опредѣленную плату. Большинство ремесленниковъ было слишкомъ бѣдно для того, чтобы содержать батраковъ; ни одному ремесленнику не приходилось работать въ качествѣ батрака, ибо и техническія, и экономическія, и правовыя условія позволяли ему работать самостоятельно. Откуда же было взяться ремесленникамъ-батракамъ?

Начиная съ XIV вѣка обстоятельства стали складываться иначе. Образовывается самостоятельное сословіе подмастерьевъ съ собственнымъ правомъ; ученичество пріобрѣтаетъ опредѣленныя формы. *Мауреръ* полагаетъ (цитир. соч., II., 367), что этотъ новый ремесленный строй возникъ по примѣру рыцарскихъ орденовъ; какъ въ послѣднихъ различались пажи, оруженосцы и рыцари, точно такъ же въ цеховомъ ремеслѣ—ученики, подмастерья и мастера. Несомнѣнно, однако, что эти разряды образовались и подъ вліяніемъ ряда другихъ причинъ.

Въ XIV вѣкѣ ремесло было главнѣйшей промышленной отраслью въ городахъ; оно имѣло большее значеніе, чѣмъ *сельское хозяйство* и даже *торговля*. Ремесленники становились все зажиточнѣе, цехи все

---

[1]) Ср. *Г. Л. ф. Мауреръ*, цитир. соч., II., стр. 399. Еще въ 1400 г. страсбургскіе ткачи постановили принимать въ цехъ прямо, безъ опредѣленнаго *срока обученія* всякаго, кто по приговору „совѣта пяти“ представителей (Fünfmannen) былъ честнаго происхожденія (Шмоллеръ цит. соч., стр. 402).

могущественнѣе и вліятельнѣе, ихъ роль въ городской общинѣ—все значительнѣе.

Отдѣльные ремесленники, благодаря своей состоятельности, получили возможность держать у себя батраковъ. Цехи завладѣли «кормиломъ» законодательства, получивъ, так. образ., возможность обратить этотъ охранительный аппаратъ общины на служеніе своимъ интересамъ. Но тѣ самыя условія, которыя привели къ такому развитію, создали и элементъ, изъ котораго мастера могли вербовать себѣ батраковъ.

Успѣхи ремесла и торговли революціонизировали, въ свою очередь, и сельское хозяйство. Мы остановимся на этомъ подробнѣе, когда будемъ говорить о причинахъ крестьянскихъ войнъ. А пока отмѣтимъ только, что этотъ переворотъ не только повлекъ за собой крестьянскія войны, но и создалъ движеніе среди пролетаризованныхъ сельскихъ жителей, устремлявшихся потокомъ въ цвѣтущіе города, которые обѣщали имъ охрану, свободу и благополучіе.

Насколько былъ великъ притокъ населенія извнѣ, т. е. изъ деревень, мѣстечекъ и мелкихъ городишекъ, въ (сравнительно) крупные города, явствуетъ изъ изслѣдованій *Бюхера*, которыя мы находимъ въ его прекрасной работѣ о народонаселеніи Франкфурта н/М. въ XIV и XV столѣтіяхъ [1]).

Такъ, приростъ мужского населенія христіанскаго вѣроисповѣданія въ франкфуртской городской общинѣ, за вычетомъ сыновей гражданъ, опредѣлялся слѣдующими цифрами:

Въ періодъ времени.	Всего.	Ежегод въ среднемъ.
1311—1350	1293	32
1351—1400	1535	31
1401—1450	2506	50
1451—1500	2537	51

По мѣрѣ приближенія къ XVI столѣтію, приростъ населенія все увеличивался. Расширяется также и область, поставляющая новыхъ гражданъ. На каждую сотню гражданъ Франкфурта приходилось прибывшихъ изъ мѣстностей, расположенныхъ на разстояніи:

Годы.	До 2 миль.	2—10 миль.	10—20 миль.	Свыше 20 миль
1311—1350	54,8	35,5	6,5	3,2
1351—1400	39,4	42,9	11,1	6,6
1401—1450	22,9	54,4	12,6	10,1
1451—1500	23,2	51,2	11,3	14,3

[1]) Ср. также интересный отзывъ объ этой книгѣ, данный Карломъ Лампрехтомъ въ „Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik“, Tübingen, 1888, I, стр. 485 и слѣд.

Не всѣ прибывавшіе извнѣ принимались въ городскую общину. Чѣмъ больше города наводнялись пролетаризированными элементами, тѣмъ тѣснѣе пополнялись ряды неимущаго населенія. Для точнаго установленія численности послѣдняго у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Намъ приходится ограничиться указаніемъ на то, что число *бѣдныхъ* въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій возрасло въ нѣмецкихъ городахъ до небывало высокихъ размѣровъ. Въ 1451—1538 годахъ въ Гамбургѣ бѣдныхъ насчитывалось 16—24 процента всего населенія города, въ Аугсбургѣ въ 1520 г. число нищихъ опредѣлялось въ 2.000.

Насчетъ происхожденія этихъ элементовъ у насъ имѣются только одни предположенія; но общее положеніе дѣлъ указываетъ намъ на то, что притокъ пролетаризированныхъ элементовъ изъ деревни игралъ выдающуюся роль въ этомъ поразительномъ ростѣ городского босяцкаго пролетаріата.

Пришельцы стремились обыкновенно пристроиться къ ремеслу, или, по крайней мѣрѣ, обучить ему своихъ дѣтей. Мастера имѣли теперь достаточно батраковъ и учениковъ,—больше даже, чѣмъ имъ было желательно. Ибо батраки стремились, конечно, возможно скорѣе стать самостоятельными мастерами; число ремесленниковъ возрастало быстрѣе спроса на продукты ихъ производства. До этого цехъ встрѣчалъ всякаго новаго ремесленника съ распростертыми объятіями, какъ товарища, увеличивавшаго собой его мощь, но теперь въ каждомъ новомъ пришельцѣ онъ видѣлъ нежелательнаго конкуррента, умножавшаго собой число и безъ того многочисленныхъ ремесленниковъ. Мощь цеха покоилась теперь не на числѣ дюжихъ рукъ, а на объемѣ кошельковъ его членовъ, а, вѣдь, кошельки были набиты тѣмъ туже, чѣмъ меньше была конкурренція внутри даннаго ремесла. Поэтому цехи становились все замкнутѣе, и они все настойчивѣе примѣняли свою политическую и экономическую силу на то, чтобы затруднить доступъ къ ремеслу пришлымъ, въ частности *сельскимъ* элементамъ, и обратить право мастера въ трудно достижимую привилегію. Направленныя къ этому установленія возникли впервые еще до періода «окостенѣнія» цехового строя; ихъ возникновеніе относится къ XIV столѣтію, въ XVI же они окончательно сложились въ своихъ основныхъ чертахъ. Послѣдующія столѣтія не дали въ этомъ отношеніи ничего существенно-новаго; эти установленія являются, такимъ образомъ, продуктомъ цвѣтущаго періода цехового строя, который въ наши дни представляется инымъ мечтателямъ чѣмъ то идеальнымъ.

II. Ученикъ, подмастерье, мастеръ.

Замкнутость обнаружилась уже по отношенію къ пріему учениковъ Начало было положено исключеніемъ изъ ремесла *женщинъ*. Было установлено, чтобы въ ученичество принимались только лица мужского пола.

Мужчины отнюдь не обладали вначалѣ монополіей на ремесло. Относительно Германіи у насъ въ этомъ отношеніи нѣтъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Но относительно Франціи дѣло обстоитъ вполнѣ ясно. Тамъ еще въ XIII столѣтіи женщины не были окончательно изгнаны изъ ремесла. «Между сотней ремеселъ, статуты которыхъ мы находимъ въ произведеніи *Буало* [1]), имѣется только два, въ которыхъ работа женщинъ была такъ или иначе исключена, въ третьемъ же онѣ были устранены лишь отъ опредѣленныхъ манипуляцій. Во всѣхъ трехъ ремеслахъ, какъ ясно свидѣтельствуютъ имѣющіеся статуты и ихъ постановленія, въ предыдущій періодъ женщинамъ было дозволено заниматься ремесленной работой. Въ статутахъ восьми ремеселъ опредѣленно говорится, что женщина обладаетъ совершенно тѣми же правами, что и мужчина Далѣе слѣдуетъ шесть ремеселъ, въ которыхъ исключительно или преимущественно работали женщины и гдѣ были введены тѣ же разряды ученицъ, работницъ и мастерицъ, которыя характерны для всѣхъ остальныхъ ремеселъ, и гдѣ руководство и надзоръ вручались частью мужчинамъ и частью женщинамъ. Въ статутахъ остальныхъ не содержится, правда, прямого указанія на то, что къ работѣ могутъ допускаться и женщины, но въ нихъ нѣтъ и прямого запрещенія женскаго труда» [2]).

Въ то же время намъ извѣстно, что, напримѣръ, въ Германіи, въ XIV столѣтіи женщины образовывали такіе самостоятельные цехи, какъ пряхъ въ Кёльнѣ, или же входили въ общій цехъ съ мужчинами, занимаясь ремесломъ особо.

Въ уставѣ портныхъ Франкфурта-на-Майнѣ (1377 г.) говорится: «Женщина же, которая желаетъ заниматься ремесломъ, если она не имѣетъ мужа, должна предварительно сдѣлаться гражданкой и условиться на этотъ счетъ съ городскимъ совѣтомъ; послѣ этого она должна дать ремеслу, въ его общее пользованіе, 30 шиллинговъ и еще четверть вина, которую разопьютъ тѣ, кто принадлежитъ къ ремеслу. Когда она выполнитъ все это, то она и ея дѣти пріобрѣтутъ право заниматься ремесломъ»

[1]) Réglements sur les arts et métiers de Paris.

[2]) *Фр. В. Шталь*, Das deutsche Handwerk, Гиссенъ, 1874, стр. 68.

(такія же требованія предъявлялись къ мужчинамъ), *Шталь*, цитир. сочин. стр. 80.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ XIV вѣкѣ открытыми для женщинъ оставались и другія ремесла; такъ, напр., въ Кёльнѣ мясники, кошельники, вышивальщики гербовъ и кушачники принимали въ свои цехи на равныхъ правахъ и женщинъ. Вообще же, въ XIV столѣтіи *иногороднимъ* женщинамъ уже былъ закрытъ доступъ въ ремесленное производство. Вплоть до XVI столѣтія въ большинствѣ ремеселъ право участія въ ремесленномъ производствѣ сохранилось лишь для женъ и дочерей мастеровъ. Позднѣе это право было уничтожено и для нихъ. Съ этихъ поръ женщины вполнѣ и безусловно были устранены отъ участія въ ремесленномъ трудѣ.

Но и среди мужчинъ и учениковъ также начали дѣлать выборъ, и одинъ слой населенія за другимъ лишался права отдавать своихъ сыновей въ ремесленники. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ ремеслахъ отъ учениковъ стали требовать *родословной* (Ahnenprobe). Только тотъ мальчикъ поступалъ ученикомъ къ мастеру, который могъ указать опредѣленный рядъ своихъ *предковъ*, рожденныхъ при *законномъ*, *свободномъ и честномъ* бракѣ [1]). Требованіе законнаго происхожденія въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ закрывало доступъ въ ремесло большей части пролетаріевъ. Происхожденіе отъ свободнаго брака было требованіемъ, непозволявшимъ заниматься цеховымъ ремесломъ всѣмъ, кто происходилъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ. Наконецъ, «нечестными» считались тѣ профессіи, которыя скорѣе всего давали заработокъ устремлявшимся въ города крестьянамъ, равно и нѣкоторыя ремесла, которыми занимались внѣ цеха и городовъ, и, наконецъ, всѣ профессіи, которыми занимались преимущественно деклассированнные слои городского населенія. *Маурерь* (цитир. соч., II, стр. 447) причисляетъ къ такимъ «нечестнымъ» занятіямъ профессію пастуховъ овецъ, мельниковъ, ткачей полотна [2]), затѣмъ, судейскихъ и городскихъ работниковъ, могильщиковъ, полевыхъ и ночныхъ сторожей, надсмотрщиковъ за нищими, чистильщиковъ улицъ и выгребныхъ ямъ, живодеровъ и палачей, а также таможенныхъ сборщиковъ, флейтистовъ и трубачей, а иногда цирюльниковъ и банщиковъ.

Старѣйшимъ документомъ, предписывавшимъ недопускать всѣ эти,

---

[1]) Больше того: въ нѣкоторыхъ городахъ требовали даже доказательствъ законнаго *зачатія*. Что такое требованіе давало широкій просторъ для притѣсненія неугодныхъ лицъ,—разумѣется само собой.

[2]) Тканье полотна было, преимущественно, сельской домашней промышленностью. Въ XV столѣтіи ткачи льна массами переселялись въ города. Въ 1488 г., напр., 400 сельскихъ ткачей переселилось изъ Швабіи въ Ульмъ. Отсюда понятно стремленіе защитить себя отъ такого натиска

элементы въ ремесло, является, повидимому, свитокъ бременской башмачной управы, относящійся къ 1300 году. (Онъ извѣстенъ, правда, лишь по копіямъ, сдѣланнымъ въ XVII столѣтіи, причемъ вполнѣ возможно, что въ нихъ были внесены измѣненія, соотвѣтствовавшія понятіямъ того времени). Этимъ документомъ запрещалось обучать ремеслу сыновей *ткачей льна* и *носильщиковъ* [1]).

Срокъ ученичества былъ по возможности продленъ.

Первоначально въ этомъ отношеніи не было никакихъ постановленій, принудительнаго обученія не существовало. Первый дошедшій до насъ статутъ, въ которомъ содержались такія постановленія, относится къ 1304 г.; статутъ этотъ вводилъ въ Цюрихѣ соотвѣтствующія ограниченія для мельниковъ, шляпочниковъ и кожевниковъ. Но повсемѣстно они были введены только въ XV столѣтіи.

Срокъ обученія былъ различенъ. Въ однихъ случаяхъ ученіе длилось годъ (такъ напр., у трепальщиковъ сукна въ Кёльнѣ въ XIV столѣтіи), а въ другихъ—восемь лѣтъ (тамъ же и тогда же у ювелировъ). Обыкновенно обученіе длилось три года. Въ Англіи срокъ обученія былъ очень продолжителенъ, до 12 лѣтъ (въ концѣ концовъ повсюду было опредѣлено 7 лѣтъ); но зато по окончаніи ученичества ремесленникъ не встрѣчалъ никакихъ препятствій къ полученію званія мастера [2]).

Въ Германіи срокъ обученія не былъ столь продолжителенъ. Но зато между ученичествомъ и мастерствомъ былъ установленъ періодъ занятія работой подмастерья, который былъ по возможности удлиняемъ годами странствованія. Объ *обычаѣ* подмастерьевъ странствовать упоминается уже въ XIV столѣтіи, но тогда еще не существовало *принудительнаго странствованія*, наоборотъ, странствованіе *запрещалось*. Первое упоминаніе о принудительномъ странствованіи относится къ 1477 году, когда любекскіе ткачи требовали, чтобы *сынъ мастера* прежде чѣмъ сдѣлаться мастеромъ долженъ постранствовать нѣсколько лѣтъ. О *подмастерьяхъ* пока еще ничего не говорилось. Въ XVI столѣтіи принудительное странствованіе встрѣчается все чаще [3]).

Установленный срокъ странствованія опредѣлялся отъ одного года до шести лѣтъ; обыкновенно же онъ былъ трех- или четырехгодичнымъ.

Дальнѣйшимъ средствомъ воспрепятствовать чрезмѣрному наплыву ре-

---

[1]) *Б. Бёмертъ*, Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens. Лейпцигъ 1862, стр. 16, 68.

[2]) Это одна изъ причинъ того, что въ Англіи не существовало организацій подмастерьевъ въ томъ видѣ, какъ въ Германіи.

[3]) Въ Англіи его никогда не было.

месленниковъ было ограниченіе числа учениковъ и подмастерьевъ, которыхъ имѣлъ право держать мастеръ. Этимъ достигалась и другая цѣль. У богатыхъ мастеровъ отнималась возможность сдѣлаться настоящими капиталистами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезмѣрно сильными конкуррентами мелкихъ мастеровъ.

Такое ограниченіе числа учениковъ и подмастерьевъ было установлено уже въ XIV столѣтіи.

Такъ, напримѣръ, въ 1386 году бургмейстеръ и завѣдующіе портновскими цехами въ *Констанцѣ* издали распоряженіе, въ которомъ содержатся жалобы на то, что «иные мастера имѣютъ слишкомъ много служащихъ, что вредно и опасно для другихъ мастеровъ». Поэтому *каждому отдѣльному мастеру было воспрещено держать больше пяти батраковъ и двухъ учениковъ* [1]).

Въ XV столѣтіи эти ограниченія стали общими [2]).

Теперь не каждый подмастерье имѣлъ возможность сдѣлаться самостоятельнымъ. Трудъ крѣпостного ремесленника на барскомъ дворѣ исчезъ, равно исчезъ или находился на пути къ исчезновенію трудъ свободнаго ремесленника на дому у заказчика. Ремесленники обрабатывали теперь собственный сырой матеріалъ въ собственныхъ же мастерскихъ; они должны были владѣть домомъ и имѣть возможность запасаться матеріаломъ. Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, для введенія солиднаго предпріятія, нужно было обладать извѣстнымъ состояніемъ. Зажиточность все болѣе становилась не только результатомъ, но и предпосылкой самостоятельнаго занятія ремесломъ. Неудивительно, если число батраковъ, никогда не становившихся самостоятельными и обреченныхъ оставаться всю свою жизнь батраками, расло все болѣе и болѣе.

Но, несмотря на это, число подмастерьевъ, становившихся мастерами все же увеличивалось быстрѣе, чѣмъ это было желательно ранѣе добившимся самостоятельности. Отсюда тенденція содѣйствовать экономическому развитію законодательными мѣропріятіями: еще болѣе затруднить достиженіе званія мастера, не связанное въ XIII столѣтіи ни съ какими затруднительными условіями. Большинство такихъ условій было введено въ XV столѣтіи.

---

[1]) *Г. Шанцъ*, Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände, Лейпцигъ 1877, стр. 9.

[2]) *Шмоллеръ*, цит. соч., стр. 453. *Карлъ Бюхеръ*, Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im 14. und 15. Jahrhundert I, стр. 607. *Карлъ Вернеръ*, Die urkundliche Geschichte der Iglauer Tuchmacherzunft, Лейпцигъ 1861, стр. 17, 29. *Ф. Руба*, Das Iglauer Handwerk urkundlich dargestelt, Брюннъ 1887, стр. 114.

Прежде чѣмъ сдѣлаться мастеромъ, подмастерье долженъ былъ стать гражданиномъ города; если это и удавалось, то ему все же приходилось ждать зачастую годами, пока онъ получалъ право сдѣлаться мастеромъ.

Въ уставѣ ульмскихъ ткачей говорится, напримѣръ: «Граждане, имѣвшіе втеченіе *пяти лѣтъ* осѣдлость въ Ульмѣ, могутъ отдавать своихъ дѣтей въ обученіе ткацкому ремеслу и по окончаніи срока обученія покупать для нихъ цеховое право. Но если иногородній ткачъ, будь то житель деревни или другого города, пожелаетъ пріобрѣсти право гражданства, то все же втеченіе пяти лѣтъ послѣ пріобрѣтенія таковаго онъ не можетъ заниматься ткацкимъ ремесломъ и права цеха не получитъ. *Ученикамъ* и *батракамъ* не засчитывается то, что они пробыли въ городѣ пять лѣтъ, и цеховое право можетъ быть предоставлено имъ только тогда, если они *до того пользовались втеченіе пяти лѣтъ гражданскими правами*» (*Шанцъ*, цит. соч. стр. 8).

Дальнѣйшимъ требованіемъ было изготовленіе *образцовой работы* (Meisterstück). Само собой разумѣется, что рѣшать, насколько удачно выполнена работа, должны были цеховые мастера, т. е. будущіе конкурренты. Къ родословной подмастерьевъ стали относиться еще строже, чѣмъ къ родословной учениковъ; будущій мастеръ обязанъ былъ уплачивать высокій вступительный взносъ и устраивать богатое угощеніе, банкетъ, своимъ собратьямъ по цеху.

Подмастерью нелегко было добиться возможности выполнить всѣ эти условія. Мечтатели-романтики хотятъ насъ убѣдить въ томъ, что всѣ эти мѣры были направлены-де исключительно къ охраненію интересовъ заказчика, т. е. къ обезпеченію имъ тщательнаго и хорошаго выполненія заказа. Насколько ничтожную роль играли такія соображенія при установленіи вышеупомянутыхъ ограниченій, это выясняется не только изъ словъ самихъ заинтересованныхъ лицъ [1]), но также и изъ того, что эти ограниченія вовсе не относились или же относились только частью, — являясь лишь простою формальностью къ сыновьямъ мастеровъ, равно, зачастую, къ лицамъ, женившимся на дочеряхъ или вдовахъ мастеровъ.

Странно, что по отношенію къ нимъ тревожная забота о «сохраненіи

[1]) Такъ напр., въ ходатайствѣ, поданномъ цехомъ суконщиковъ Иглау на имя совѣта этого города (1510) прямо говорится, что цехъ требуетъ продленія срока ученичества до четырехъ лѣтъ, „дабы не такъ легко можно было попасть въ ремесленники“ (*Карлъ Вернеръ*, цит. соч., стр. 30). Въ 1597 году епископъ майнцкій совѣтовалъ шорникамъ и кожевникамъ различныхъ городовъ установить болѣе продолжительный срокъ ученичества и странствованія, „чтобы, какъ кожевники, такъ и шорники, *продолжали встрѣчать хорошій пріемъ* и чтобы неопытные маралы *не отнимали у нихъ хлѣба*“ (*Шталь*, цит. соч. стр. 40, 41).

сословной чести» совершенно отпадаетъ. Случилось это вовсе не ко времени «вырожденія» цехового строя, какъ объ этомъ любятъ говорить. Уже въ XIV столѣтіи въ Гамбургѣ сыновьямъ и дочерямъ мастеровъ было предоставлено исключительное право заниматься ремесломъ мясниковъ, а въ Бременѣ—ремесломъ сапожниковъ (*Шанцъ*, цит. соч., стр. 14); больше того, уже въ XV столѣтіи мы встрѣчаемъ попытки обратить цехи въ *замкнутыя* организаціи, заранѣе установивъ число мастеровъ. Въ 1468 г. въ Гамбургѣ рыбаки просятъ городской совѣтъ понизить число мастеровъ съ 50 до 40 человѣкъ; въ 1469 г. число мастеровъ-ювелировъ ограничивается здѣсь 12-ю, въ 1463 г. въ Вормсѣ число винодѣловъ—44-мя. Около того же времени мы встрѣчаемся уже съ *наслѣдственнымъ* правомъ мастера.

Ограниченія имѣли, прежде всего, два слѣдующія важныя послѣдствія: съ одной стороны они обострили вліяніе растущей пролетаризаціи сельскаго населенія и въ значительной мѣрѣ содѣйствовили образованію *городского пролетаріата*, стоявшаго внѣ всякихъ цеховыхъ организацій, а съ другой стороны—они же внесли въ цеховое ремесло противорѣчіе между *мастеромъ* и *подмастерьемъ*. Отношеніе числа подмастерьевъ къ числу мастеровъ все уменьшалось; все строже преслѣдовались тѣ, кто пытался обойти цехъ и сдѣлаться самостоятельнымъ, и кого презрительно называли «Pfuscher», «Bönhase» и т. п.; вскорѣ было воспрещено, также, занятіе ремесломъ внѣ города, въ предмѣстьяхъ, и даже въ болѣе отдаленныхъ деревняхъ, подчасъ расположенныхъ на нѣсколько миль отъ города, обыкновенно же на одну милю въ окружности (такъ назыв. «Bannmeile») [1]); это повело къ ожесточенной борьбѣ между цеховыми городскими мастерами и нецеховыми,—деревенскими и пригородными,—ремесленниками, къ борьбѣ, затянувшейся вплоть до крестьянскихъ войнъ. По мѣрѣ того, какъ населеніе массами устремлялось въ города и число тѣхъ, кто предлагалъ себя въ батраки и рабочіе, все болѣе и болѣе возрастало, подмастерьямъ было все труднѣе получить право мастера, все труднѣе добиться самостоятельности внѣ цеха. Такимъ образомъ, все больше возрастало число тѣхъ, кто былъ обреченъ оставаться всю жизнь ремесленникомъ-батракомъ; для многочисленныхъ ремесленныхъ рабочихъ званіе под-

[1]) Такъ, напр., въ 1500 г. въ Цвикау было постановлено, что ни одинъ ткачъ льна не могъ поселяться въ деревняхъ, отстоящихъ отъ города на разстояніи одной мили (Bannmeile), за исключеніемъ только большихъ деревень, въ каждой изъ которыхъ могъ проживать одинъ ткачъ. Такія же ограниченія были изданы и въ отношеніи другихъ сельскихъ ремесленниковъ уже въ 1421 и 1492 гг., не безъ сопротивленія съ ихъ стороны. (*Е. Герцогъ*, Chronik der Kreisstadt Zwikau, Zwikau, 1845, II, стр. 154 и 162).

мастерья становилось не переходной ступенью отъ ученичества къ мастерству, а длительнымъ состоянiемъ. Подмастерье чувствовалъ себя скорѣе рабочимъ, эксплоатируемымъ мастеромъ, чѣмъ будущимъ самостоятельнымъ мастеромъ; его интересы все болѣе приводили его къ конфликту съ мастеромъ.

III. Борьба между подмастерьями и мастерами.

Въ исходѣ среднихъ вѣковъ противорѣчiя между мастерами и подмастерьями становились все рѣзче. Пока мастеръ былъ главнымъ рабочимъ, въ крайнемъ случаѣ бравшимъ себѣ порой одного помощника, у него не было никакого основанiя удлинять сверхъ мѣры рабочее время, ибо это больше всего тяготило бы его самого. Батракъ ѣлъ съ нимъ изъ одной миски: готовить отдѣльно на одного человѣка было совершенно нецѣлесообразно; если мастеру жилось хорошо, то одинаково хорошо чувствовалъ себя и подмастерье,—ихъ интересы въ значительной мѣрѣ совпадали. При возникновенiи товарнаго производства оплата труда деньгами играла незначительную роль, мастеръ и подмастерье нерѣдко прямо дѣлили между собой выручку отъ работы.

Среди страсбургскихъ ткачей существовалъ обычай, согласно которому батракъ работалъ съ мастеромъ за треть или половину пфеннга, т. е. получалъ треть или половину вознагражденiя за ихъ общiй трудъ. (*Шмоллеръ*, цит. соч., стр. 416). То же самое встрѣчаемъ мы у ювелировъ города Ульма, въ ихъ уставѣ 1364 года. (*Шталь*, цит. соч., стр. 332).

При такомъ положенiи дѣлъ, почти не было поводовъ для такихъ раздоровъ, которые возникали бы не на почвѣ личныхъ отношенiй, а изъ классовыхъ противорѣчiй.

Все это измѣнилось, какъ только увеличилось число подмастерьевъ опредѣленныхъ профессiй. Надзирать за работой четырехъ или пяти подмастерьевъ было не такъ просто, какъ за однимъ. Мастеръ все опредѣленнѣе превращался изъ заготовщика въ *надсмотрщика*, стремившагося выжать изъ подмастерьевъ возможно большее количество работы. Его работа облегчалась въ той мѣрѣ, въ какой возрастала тяжесть ихъ труда. Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ работѣ было приставлено много батраковъ, трудъ ихъ не только обезпечивалъ ихъ собственное существованiе, но и давалъ изрядный доходъ мастеру. Съ теченiемъ времени мастера стала тяготить даже работа по надзору; онъ избавлялся отъ нея путемъ установленiя *поштучной платы*, которую начали вводить съ конца XIV столѣтiя. Какъ она постепенно устанавливалась, это можно прослѣдить

въ ткацкомъ ремеслѣ [1]). И уже въ XV столѣтіи сочли необходимымъ запрещать подчасъ мастеру работать самому.

Чѣмъ меньшее участіе принималъ мастеръ въ работѣ, тѣмъ больше онъ склонялся къ тому, чтобы батраки вырабатывали для него прибавочную стоимость, тѣмъ сильнѣе было его стремленіе удлиннять рабочее время. На работу въ *будніе дни* не посягалъ, повидимому, никто изъ мастеровъ, но зато все настойчивѣе обнаруживалось ихъ стремленіе упразднить *свободный понедѣльникъ* и производить работы въ многочисленные праздничные дни и даже по воскресеньямъ.

Въ 1522 году герцогъ Генрихъ саксонскій издалъ, непосредственно передъ взрывомъ крестьянскихъ войнъ, строгій указъ, которымъ онъ запрещалъ работать по праздникамъ, но въ которомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявлялъ, что подмастерьямъ не дозволяется праздновать «свободный» или «добрый понедѣльникъ». (*К. В. Герингъ*, Geschichte des sächsischen Hochlandes, Leipzig 1828, II, 31).—Въ 1503 году, когда въ Веселѣ происходили стачки портныхъ-подмастерьевъ, бургомистръ этого города заявилъ въ цеховой камерѣ, что портные-подмастерья весьма, правда, безпокойный народъ, но что «и мастера во многомъ виноваты, ибо они не хотятъ позволить имъ, какъ того справедливо желаютъ подмастерья, ѣсть какъ слѣдуетъ, три раза въ день, а также слишкомъ обременяютъ ихъ работой». Онъ угрожалъ мастерамъ штрафами, буде они и впредь станутъ принуждать къ работѣ «въ праздничные и воскресные дни съ утра до начала службы (обѣдни)», а также если они будутъ «драть за волосы учениковъ или же бить ихъ кулаками». Объ этой рѣчи бурмистра сообщаетъ *Янссенъ* (цит. соч., I, стр. 337). Она очень плохо согласуется съ его цеховой идилліей.

Рука объ руку съ увеличеніемъ тяжести труда шло также постепенное ухудшеніе содержанія батраковъ и уменьшеніе высоты ихъ заработной платы. Разъ приходилось кормить четырехъ или пятерыхъ подмастерьевъ и двухъ, а то и больше, подростковъ-учениковъ, то оказывалось безусловно выгоднымъ варить для нихъ ѣду отдѣльно. Это позволяло дѣлать «сбереженія» на ихъ содержаніи, не нанося ни малѣйшаго ущерба сытой жизни семьи мастера. Принадлежность подмастерьевъ къ семьѣ мастера, представляющаяся Янссену и его единомышленникамъ столь интимной и трогательной, была не болѣе, какъ орудіемъ эксплоатаціи подмастерья.

Но «бережливые» мастера еще больше старались оттягать что нибудь отъ заработной платы. Стремленіе къ пониженію заработной платы проявлялось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше было число занятыхъ наемныхъ рабочихъ. Когда трудъ дѣлится съ *однимъ* подмастерьемъ, то два-три

[1]) *Шанцъ*, Gesellenverbände, стр. 109.

пфеннга ежедневныхъ сбереженій не представляютъ важности; но когда эксплоатируются сотни людей, то эти сбереженія возрастаютъ соотвѣтственно числу занятыхъ лицъ и достигаютъ за годъ тысячъ марокъ. Вліяніе такихъ отношеній сказалось отчасти уже на исходѣ среднихъ вѣковъ. Правда, въ это время предприниматели были еще далеки отъ того, чтобы занимать въ одномъ производствѣ сотни наемныхъ рабочихъ. Если тотъ или иной мастеръ содержалъ шесть-семь подмастерьевъ, то этимъ онъ, обыкновенно, далеко переступалъ нормальный и дозволенный предѣлъ. Тѣмъ не менѣе, и этого числа было достаточно для того, чтобы стремленіе къ пониженію заработной платы проявлялось значительно рѣзче, чѣмъ въ тѣ времена, когда ремесло еще не «процвѣтало» и лишь немногіе ремесленники были въ состояніи держать хотя бы *одного* подмастерья.

Съ другой стороны, расло также стремленіе батраковъ повысить наемную плату; въ Германіи это происходило подъ вліяніемъ революціи въ цѣнѣ продуктовъ, которая наступила благодаря быстрому увеличенію добычи золота и серебра въ XV столѣтіи и предшествовала значительно болѣе мощному перевороту, вызванному втеченіе XVI столѣтія открытіемъ новыхъ источниковъ драгоцѣннаго металла въ Америкѣ и охватившему всю цивилизованную Европу. Наряду съ переворотомъ въ добычѣ благородныхъ металловъ, монополіи торговыхъ обществъ, въ свою очередь, явились причиной повышенія цѣнъ. Но одновременно съ этимъ повышеніемъ возрасло, также, стремленіе къ роскоши, возросли и потребности *всѣхъ* сословій, въ томъ числѣ и сословія мастеровъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если батраки, жившіе бокъ о бокъ съ мастерами и еще недавно стоявшіе съ ними почти на равной ногѣ, въ свою очередь стали домогаться участія во всеобщемъ подъемѣ.

Вотъ почему въ XV и въ началѣ XVI столѣтія, именно въ вопросѣ о *наемной платѣ* съ особой рѣзкостью обнаруживались противорѣчія между мастерами и подмастерьями.

Это противорѣчіе, наряду съ другими уже указанными нами выше, приводитъ къ тому, что борьба между мастерами и подмастерьями, начавшаяся еще въ XIV столѣтіи, обостряется и ожесточается по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ XVI столѣтію.

Наши поклонники цехового строя и романтики любятъ противопоставлять капиталистической промышленности цеховое ремесло, какъ такой способъ производства, который представлялъ для рабочаго своего рода Эльдорадо и совершенно исключалъ классовую ненависть. По ихъ мнѣнію, именно капитализмъ, или, какъ выражаются полу-азіаты, «жидовство», изгнало изъ экономической жизни «этику» и посѣяло драконово сѣмя классовой ненависти. Но уже цеховые мастера и землевладѣльцы XIV и XV вѣковъ

оказываются весьма далекими отъ прославленной райской невинности докапиталистическаго періода; нечего и говорить, что въ последующихъ вѣкахъ результаты капиталистическаго грѣхопаденія сказались уже во всей своей полнотѣ. «Расцвѣтъ» цехового ремесла покоился и тогда на эксплоатаціи наемныхъ рабочихъ и порождалъ самую ожесточенную классовую борьбу.

Въ своей прекрасной книгѣ, наносящей сильный ударъ «этическому» подмалевыванію «исторической» школой быта подмастерьевъ, *Шанцъ* вполнѣ справедливо говоритъ, что «необходимо бы считаться съ этимъ фактомъ (эксплоатаціи рабочихъ), когда говорятъ, какъ это дѣлаетъ *Шенбергъ* (Zunftwesen, 76), о великомъ подъемѣ ремесленнаго производства и объ общемъ благосостояніи ремесленниковъ въ XIV и XV вѣкахъ; ибо несомнѣнно, что благополучіе мастеровъ въ значительной мѣрѣ создавалось неполной оплатой труда и пѓтомъ подмастерьевъ, озабоченно взиравшихъ на будущее» (Gesellenverbände, стр. 21).

Несмотря на свое могущество и свою автономію (или самостоятельность), которой очень гордились цехи, они не гнушались прибѣгать къ «государственной помощи», для притѣсненія подмастерьевъ. Уже въ XV вѣкѣ (въ Англіи даже въ XIV) были изданы многочисленныя *таксы заработной платы*, устанавливавшейся администраціей, городскимъ совѣтомъ или владѣтельнымъ княземъ, въ томъ случаѣ, когда ему былъ подчиненъ городъ. Мы находимъ, также, таксы, устанавливавшіяся для всей страны и относившіяся какъ къ ремесленникамъ, такъ и къ сельскимъ рабочимъ. Приведемъ, для примѣра одну изъ нихъ, введеніе къ которой чрезвычайно характерно. Она представляетъ собой одну часть «земскаго уложенія» (Landesordnung), изданнаго въ 1482 г. для Саксоніи герцогами Эрнстомъ и Альбертомъ. Въ ней мы читаемъ: «Отъ прелатовъ, князей, рыцарей и городовъ поступили многочисленныя жалобы на то, что подданные пришли къ упадку, гибели и впали въ развратъ, каковыя явленія проистекаютъ благодаря тяжелому вѣсу монетъ, *непомѣрной платѣ прислугѣ и ремесленникамъ* и благодаря овладѣвшему всѣми сословіями стремленію къ чрезмѣрной роскоши и неумѣренности въ ѣдѣ, питьѣ и одеждѣ; въ городахъ же это произошло главнымъ образомъ потому, что такіе городскіе промыслы, какъ приготовленіе солода, пивовареніе и продажа пива, являвшіеся главнымъ источникомъ существованія для городовъ, были присвоены (!) нѣкоторыми прелатами и дворянами [1]), а также и *сельскими ремесленниками*,

[1]) Такимъ образомъ, саксонское дворянство уже тогда начало пополнять свои доходы сельской промышленностью. Такъ какъ картофельная сивуха была тогда еще неизвѣстна, то оно набросилось на пивовареніе.

чего не должно быть, что имъ не подобаетъ и по древнему обычаю не должно быть терпимо. На будущее время, стало быть, по зрѣломъ размышленіи будетъ изготовлена и введена *размѣнная монета болѣе низкаго достоинства* [1]) для уплаты вознагражденія слугамъ и ремесленникамъ. Затѣмъ, никто не долженъ впредь одѣвать своихъ батраковъ въ платье иного изготовленія кромѣ мѣстнаго; за исключеніемъ штановъ и кожаныхъ нагрудниковъ всякій воленъ покупать и давать своимъ батракамъ любую одежду, какую только пожелаетъ. Но если князь или дворянинъ даетъ своему батраку не обувь и одежду, а опредѣленную сумму денегъ, то онъ долженъ платить своему слугѣ 5 копъ, конюху же 4 копы новыхъ грошеновъ». Далѣе слѣдуетъ такса для сельскихъ рабочихъ и, затѣмъ, говорится: «Рабочему, на хозяйскихъ харчахъ, слѣдуетъ давать въ недѣлю 9 грошей, безъ харчей—16 грошей. Рабочимъ людямъ къ обѣду и ужину слѣдуетъ давать *только четыре блюда*; въ скоромный день—супъ, *два мясныхъ блюда* и одинъ видъ овощей, по пятницамъ и другимъ днямъ, когда не ѣдятъ мяса—супъ, блюдо сушеной или свѣжей рыбы, два вида овощей; во время поста полагается *пять блюдъ*—супъ, два рыбныхъ блюда и два вида овощей, сверхъ этого еще 18 грошеновъ, а простымъ рабочимъ 14 грошеновъ, недѣльной платы; если же эти ремесленники работаютъ на собственныхъ харчахъ, то полировщикамъ слѣдуетъ давать не больше 27 грошеновъ, а простымъ каменьщикамъ и т. д. не свыше 23 грошеновъ» [2]).

У кого изъ рабочихъ въ нашъ вѣкъ пара и электричества не потекутъ слюнки при чтеніи объ этихъ принудительныхъ «постахъ», установленныхъ на исходѣ «мрачнаго» средневѣковья! И мы знаемъ, что ограниченіе заработной платы и содержанія рабочихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ Янсенъ и его единомышленники торжествующе умозаключаютъ насчетъ счастливой и безмятежной жизни рабочихъ въ докапиталистическій періодъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти ограничительныя постановленія наносятъ смертельный ударъ либеральной легендѣ о благодѣяніяхъ, которымъ осыпаетъ цивилизація пролетаріатъ. Но они никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ того, что наемные рабочіе этого періода среднихъ вѣковъ *чувствовали себя* особенно счастливыми. Чтобы представить себѣ

---

[1]) Это простое княжеское распоряженіе, позволяющее обманывать рабочихъ при уплатѣ вознагражденія, способно, пожалуй возбудить зависть и восторгъ нѣкоторыхъ современныхъ биметаллистовъ.

[2]) *Гуттеръ*, Geschichte der Abgaben, стр. 22. Ср. съ таксой заработной платы городского совѣта Фрейберга для ремесленниковъ (1475), приведенной *Герингомъ* въ его Geschichte des sächsischen Hochlandes, II, стр. 17.

положеніе опредѣленнаго класса, еще недостаточно познакомиться только съ его бытомъ; необходимо сравнить его положеніе съ положеніемъ *другихъ* классовъ, съ *общими потребностями* того времени. Въ наши дни стремленіе къ роскоши въ одеждѣ, вообще говоря, значительно меньше, и именно среди мужчинъ; теперь ѣдятъ, также, меньше, чѣмъ прежде. Намъ теперь кажется, что такой ужинъ или обѣдъ, какой, напримѣръ, предписывается саксонскимъ земскимъ уложеніемъ 1482 года, черезчуръ обиленъ. Но по сравненію съ колоссальной массой пищи, какую имѣли обыкновеніе потреблять въ тѣ времена, онъ оказывается, наоборотъ, довольно тощимъ [1]).

Но одного этого сравненія еще недостаточно. Характеръ общества опредѣляется не столько его *состояніемъ въ данный моментъ* сколько *направленіемъ его развитія*. Недовольство создается скорѣе не нищетой самой по себѣ, а гораздо больше тѣмъ, что эта нищета *подневольна*, что человѣкъ обреченъ *оставаться* нищимъ въ то время, когда благополучіе другихъ *возрастаетъ*. И чѣмъ быстрѣе протекаетъ это развитіе, тѣмъ острѣе ощущаются его тенденціи, тѣмъ энергичнѣе реагируютъ на него затронутые имъ интересы, тѣмъ ожесточеннѣе становится общественная борьба. Передъ французской революціей, въ Германіи нищета

---

[1]) Во весь періодъ среднихъ вѣковъ хорошая и обильная пища и питье играли выдающуюся роль. Примѣровъ тому множество; мы приведемъ лишь нѣсколько, попавшихъ намъ подъ руку. По случаю бракосочетанія Кунигунды, племянницы Оттокара Пшемысла II, съ венгерскимъ принцемъ Белой, происходившаго въ 1246 году на Дунаѣ близъ Вѣны, „изъ Австріи Штиріи и Моравіи были привезены въ невѣроятныхъ количествахъ всевозможные припасы: сложили пять стоговъ продуктовъ, каждый величиной въ большую церковь; крупный и мелкій откормленный скотъ покрывалъ весь Дунайскій островъ и близъ расположенную равнину; тамъ было до 1.000 мѣръ пшеницы для печенія хлѣба и столько вина, что его хватило бы на нѣсколько дней для населенія цѣлыхъ двухъ государствъ“ (*Ф. Палацкій.* Geschichte von Böhmen, Прага, 1866, II, стр. 1, 188). Это положительно напоминаетъ описанія Раблэ. Въ 1561 году на свадьбѣ Вильгельма Оранскаго было съѣдено 4.000 шеффелей пшеницы, 8.000 шеффелей ржи, 13.000 шеффелей овса и выпито 3.600 ведеръ вина и 1.600 бочекъ пива. На поминальномъ пиру по смерти Вильгельма Баварскаго (1509 г.) было подано не меньше 23 блюдъ. На одномъ пиру (названномъ особенно скромнымъ), который былъ устроенъ по случаю свадьбы нѣкоего аббата, перешедшаго въ 1569 году близъ Гельмштэдта въ протестантство, 110 человѣкъ уничтожили 2 быковъ, 3 свиней, 10 телятъ, 10 ягнятъ, 60 куръ, 120 карповъ, 10 щукъ, чанъ лещей, четверть тонны масла, 600 яицъ, и два сладкихъ молочныхъ сыра (*А. Шлоссаръ*, Speise und Trank vergangener Zeiten in Deutschland, Вѣна 1877, стр. 33, 35).

была больше, чѣмъ во Франціи, но тѣмъ не менѣе переворотъ произошелъ прежде всего во Франціи, ибо экономическое развитіе протекало тамъ болѣе быстрымъ темпомъ. Съ 1870 года Германія представляло собой европейское государство, въ которомъ экономическое развитіе совершается съ наибольшей быстротой: вотъ почему именно въ ней, а не въ Англіи, находится центръ соціалистическаго движенія; несомнѣнно, что въ Англіи соціальныя противорѣчія достигли наибольшей полноты, но за послѣднія десятилѣтія дальнѣйшее наростаніе этихъ противорѣчій совершается сравнительно медленно. Соединенные Штаты представляютъ собой страну, въ которой экономическое развитіе протекаетъ въ наши дни наиболѣе быстро; вполнѣ возможно, что черезъ десять-двадцать лѣтъ центръ тяжести соціалистическаго движенія перемѣстится именно въ эту страну, несмотря на то, что въ Америкѣ положеніе рабочихъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Но историки культуры говорятъ намъ о процессѣ развитія крайне мало. Наши либеральные историки категорически указываютъ рабочимъ на множество причинъ, которыя, якобы, должны составить ихъ счастье; такъ, напримѣръ, благодаря машинамъ, они могутъ дозволить себѣ такую роскошь, какъ носки и носовые платки, о чемъ когда то не мечтали даже могущественнѣйшіе монархи. Консервативные историки указываютъ намъ на росписанія обѣдовъ, на таксы заработной платы, на уставы объ одеждѣ, относящіеся къ 15-му и 16-му вѣкамъ, и говорятъ: вотъ какъ были счастливы крестьяне и рабочіе въ доброе, старое время, когда цехи процвѣтали и въ общественной жизни господствовала церковь. Иная картина получилась бы, если бы какъ тѣ, такъ и другіе, постарались показать намъ, въ какомъ *направленіи* идетъ развитіе теперь и въ какомъ совершалось 400 лѣтъ тому назадъ. Въ такомъ случаѣ они должны были бы сказать, что тогда, какъ и теперь, эксплоатирующіе классы стремились поглубже столкнуть рабочіе классы въ бездну нищеты. Конечно, тогда, какъ и теперь, нѣкоторымъ слоямъ рабочихъ классовъ, находившимся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, удавалось, порою, не только избѣгать приниженія, но даже добиваться, зачастую, *улучшенія* условій ихъ жизни и работы; но если жизненныя условія этихъ слоевъ и улучшались, то все же далеко не въ той степени, какъ у *эксплоатирующихъ* классовъ: поповъ, высшаго дворянства, купцовъ и мастеровъ. Доля участія рабочихъ въ пользованіи продуктами ихъ собственнаго труда и пріобрѣтеніями культуры неизмѣнно была меньшей.

Несмотря на яркіе и шелковые кафтаны подмастерьевъ мы не видимъ въ ихъ средѣ той «цвѣтущей достаточности» и того «благополучія», того отсутствія «зависти и недоброжелательства къ выше-стоящимъ», того

спокойнаго довольства, какое грезится Янссену, и наоборотъ встрѣчаемъ какъ разъ противоположное.

IV. Союзы подмастерьевъ.

Борьба широкихъ народныхъ массъ, а, слѣдовательно, и классовая борьба немыслима безъ *организаціи*. Принуждены были создать себѣ организацію и подмастерья.

Они тѣмъ сильнѣе нуждались въ ней, чѣмъ болѣе кровавой становилась та борьба, которую имъ приходилось вести [1]).

Въ началѣ объединеніе подмастерьевъ носило преходящій характеръ: союзы основывались временно, ради опредѣленныхъ цѣлей. Свѣдѣнія о первомъ такомъ союзѣ подмастерьевъ въ Германіи относятся къ 1329 году, когда бреславльскіе батраки-кушачники объединились съ тѣмъ, чтобы на цѣлый годъ прекратить всякую работу. (*Шталь*, цит. соч. стр. 390).

Но немного позднѣе мы встрѣчаемъ и болѣе прочные союзы подмастерьевъ.

Вполнѣ естественно, что тѣ-же обстоятельства которыя заставляли батраковъ одного и того же ремесла стекаться въ опредѣленный городъ, толкали ихъ къ объединенію и вліяли на характеръ слагавшихся организацій. Роль такихъ факторовъ играли *церковь и питейное заведеніе*, а порой и *война*. Нѣкоторыя свѣтскія союзы возникли, какъ полагаютъ, благодаря тому, что ремесленники-мастера уклоняясь отъ военной повинности, посылали вмѣсто себя подмастерьевъ, которые получали жалованіе изъ цеховой кассы и по окончаніи службы охотно сохраняли свою военную организацію. Но намъ неизвѣстенъ примѣръ союза, возникшаго такимъ образомъ.

Преобладающей формой организаціи подмастерьевъ были церковныя *братства* и, наряду съ ними, организаціи по *питейнымъ заведеніямъ*. Перваго рода организаціи служили, главнымъ образомъ, цѣлямъ *взаимопомощи*, вторыя же являлись очагами борьбы противъ мастеровъ и властей; впрочемъ, функціи обоихъ видовъ организацій не были строго раздѣлены: церковныя братства также зачастую преслѣдовали цѣли борьбы.

Въ Германіи братства подмастерьевъ мы встрѣчаемъ впервые у *ткачей*,

---

[1]) Въ Данцигѣ еще въ 1385 г. бастовавшимъ батракамъ отрубали уши. (*Шмоллеръ*, цит. соч. стр. 453). О подобныхъ вещахъ Янссенъ ничего не сообщаетъ. Правда, онѣ мало подходили бы къ его идилліи. А вѣдь это происходило въ то время, когда цехи были вполнѣ католическими и преисполненными духомъ „христіанской, братской любви“.

въ началѣ XV-го и даже отчасти въ концѣ XIV-го вѣка. Въ 1389 году уже упоминалось о *казначеѣ* ткачей-подмастерьевъ въ Шпейерѣ, что предполагаетъ существованіе у нихъ кассы взаимопомощи. Въ Ульмѣ ткачи-подмастерья уже въ 1402 году имѣли братство, содержавшее на свои средства въ больницѣ двѣ кровати для бѣдныхъ и учредившее, кромѣ того, похоронную кассу.

Для характеристики такихъ братствъ, мы приведемъ здѣсь статьи устава одного изъ нихъ, признанія котораго добились въ 1479 году подмастерья Страсбурга, занимавшіеся тканьемъ льна. Статьи эти (у *Шмоллера*—цит. соч. стр. 93—мы находимъ ихъ дословный текстъ) гласятъ:

«Мы, Гансъ Герботтъ, мастеръ, и комиссія пяти выборныхъ отъ ткацкаго ремесла города Страсбурга объявляемъ всѣмъ тѣмъ, кто прочтетъ это письмо или услышитъ чтеніе его, что къ намъ явились почтенные Гансъ Блезигъ и Мартинъ Шустеръ изъ Висгорна, казначеи подмастерьевъ-ткачей Страсбурга, и что они заявляли и требовали, чтобы мы имъ даровали и утвердили написанные здѣсь пункты, постановленія и статьи...

«Они учреждаютъ свое братство, на вѣчныя времена, при большомъ госпиталѣ въ Страсбургѣ, а не гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, и должны оставаться здѣсь теперь и на будущее время. Каждое полугодіе они должны выбирать двухъ казначеевъ, а именно двухъ новыхъ въ рождественскій постъ и двухъ другихъ новыхъ въ троицкій постъ; и когда казначеи будутъ избраны, то они должны поклясться въ томъ, что будутъ трудиться на пользу нашей дорогой хозяйки (Frau;—здѣсь имѣется въ виду союзная казна), и, какъ только могутъ или умѣютъ, будутъ неуклонно охранять ее отъ всякаго вреда. Кто будетъ избранъ казначеемъ, но откажется отъ этой должности, тотъ долженъ заплатить полфунта воску штрафа, и, какъ бы ни противился избранный, выборы все же должны считаться дѣйствительными, конечно, если предварительно послѣдовало согласіе мастеровъ. При обходѣ черезъ каждые 14 дней, для сбора недѣльныхъ взносовъ въ одинъ пфеннигъ, казначеи не должны расходовать на свои нужды денегъ изъ казны. Если подмастерье остается должнымъ братству два пфеннига и не уплачиваетъ ихъ, когда того требуетъ при своемъ обходѣ казначей, то подмастерье обязанъ заплатить два пфеннига штрафа. Нельзя давать заимообразно денегъ изъ братской казны въ иныхъ случаяхъ, кромѣ болѣзни подмастерья, но и тогда—только съ согласія мастера и только подъ залогъ, превышающій своей цѣнностью ссуду. Всякій подмастерье обязанъ во всѣ посты давать въ братскую кассу одинъ пфеннигъ, а также жертвовать одинъ хорошій страсбургскій пфеннигъ; но если случится, что подмастерье будетъ въ это время находиться внѣ города, то онъ все же обязанъ уплатить свой пфеннигъ, когда возвратиться въ городъ». Далѣе

слѣдуютъ постановленія о посѣщеніи церкви, объ освященныхъ свѣчахъ и т. п., а затѣмъ статутъ продолжаетъ: «Если со стороны придетъ подмастерье, никогда прежде здѣсь неработавшій, то онъ можетъ безпрепятственно проработать здѣсь отъ восьми до четырнадцати дней. Но если онъ останется здѣсь дольше, то долженъ дать два пфеннига вклада (Stuhlfest), а затѣмъ обязанъ служить, какъ подобаетъ, братству. Если подмастерья захотятъ идти въ судъ съ жалобой на мастера, то они должны покрывать связанныя съ этимъ издержки изъ собственнаго кошелька, а не изъ братской казны». Затѣмъ снова слѣдуютъ постановленія объ освященныхъ свѣчахъ, а потомъ постановленія о штрафахъ: «Кто изъ подмастерьевъ откажетъ казначею въ уплатѣ вклада или недѣльнаго пфеннига, тотъ не можетъ больше здѣсь работать, пока не заплатитъ его самъ или же не найдетъ другого хорошаго подмастерья, который сдѣлаетъ взносъ вмѣсто него; если же это не будетъ исполнено, то имя его слѣдуетъ занести въ списокъ и сообщать о немъ собранію подмастерьевъ во всякій постъ».

«Казначеи обязаны давать свой отчетъ передъ собраніемъ подмастерьевъ и поклясться, что не будутъ брать изъ казны больше одного шиллинга. Казначеи обязаны, также, поклясться въ томъ, что будутъ взимать съ каждаго изъ братьевъ недѣльный взносъ и сборъ, назначенный на время поста. Надлежитъ, также, во всякій постъ служить для всѣхъ братьевъ и сестеръ обѣдню и молиться за нихъ,—какъ за живыхъ, такъ и за мертвыхъ. Если случится, да избавитъ отъ этого Господь, что кто-нибудь изъ братьевъ заболѣетъ и будетъ помѣщенъ въ больницу, то ему слѣдуетъ давать ежедневно изъ братской кассы по одному пфеннигу. Если случится, да обережетъ насъ отъ этого Господь, что подмастерье скончается, и не въ больницѣ, но въ домѣ мастера или гдѣ-либо въ городѣ, то казначеи должны приказать всѣмъ подмастерьямъ прійти, подъ угрозой штрафа въ два пфеннига, отдать покойному послѣдній долгъ.

«*Всѣ* холостые подмастерья льноткацкаго ремесла должны отнынѣ служить братству».

Такимъ образомъ, братство, въ сущности, представляло собой больничную и похоронную кассу, участіе въ коей было *обязательнымъ*.

Для цеховъ и городскихъ властей эти братства были бѣльмомъ на глазу. Упразднить ихъ было невозможно, благодаря ихъ церковному характеру; въ то же время они становились все необходимѣе по мѣрѣ того, какъ число подмастерьевъ возрастало, и страхованіе на случай болѣзни или похоронъ пріобрѣтало все большее значеніе. Перенесеніе этого страхованія на цехи крайне обременило бы ихъ. Вотъ почему борьба противъ братствъ выражалась, обыкновенно, въ стремленіи ограничить ихъ дѣятельность

исключительно взаимопомощью и подчинить ихъ контролю цеха и городской администраціи.

Наряду съ братствами возникали *харчевни*. У всякаго цеха была своя харчевня. «Въ нихъ назрѣвала борьба между цехами и патриціями, онѣ были очагами демократическаго движенія» (*Шталь.*) Вначалѣ подмастерья пили вмѣстѣ съ мастерами. Но по мѣрѣ того, какъ противорѣчія между ними обострялись и отношенія мастеровъ къ подмастерьямъ становились все высокомѣрнѣе, подмастерья—отчасти добровольно, а отчасти вынужденно—обособлялись все сильнѣе и основывали собственныя харчевни. Ту роль, которую въ борьбѣ съ патриціями играли харчевни цеховъ, теперь, въ борьбѣ съ цехами, стали играть харчевни подмастерьевъ. Неудивительно, если на исходѣ среднихъ вѣковъ изъ-за харчевенъ завязывались въ городахъ ожесточенныя схватки. Городскія власти стремились совершенно упразднить харчевни. Тамъ, гдѣ между цехами и городской властью, т. е. совѣтомъ, продолжали существовать противорѣчія и гдѣ въ совѣтахъ еще главенствовали патриціи, запрещались также харчевни и мастеровъ, хотя и не для всѣхъ профессій, а только для тѣхъ, въ которыхъ еще не была введена цеховая организація. Но въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ харчевни подмастерьевъ повсемѣстно были запрещены. Эти запрещенія многократно подтверждались.

Въ работахъ Шмоллера и Бюхера, нерѣдко уже упоминавшихся нами, мы находимъ не мало иллюстрацій, характеризующихъ походъ противъ харчевенъ, какъ въ Страсбургѣ, такъ и во Франкфуртѣ, равно и въ другихъ мѣстахъ. «Попытки, предпринятыя въ 1421 году въ Майнцѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ и Франкфуртѣ, запретить харчевни всѣмъ подмастерьямъ и принудить ихъ поклясться въ томъ, что они будутъ объединяться лишь для церковныхъ цѣлей, запрещенія всякихъ союзныхъ организацій подмастерьевъ, изданныя въ 1390 и 1423 годахъ въ Констанцѣ,—все это одинаково повторялось и въ другихъ мѣстахъ. Кульминаціонный пунктъ всего этого движенія отмѣченъ, по нашему мнѣнію, страсбургскимъ уставомъ о подмастерьяхъ 1465 года. Уставъ этотъ, составленный въ результатѣ обмѣна мнѣній между представителями различныхъ городовъ и опубликованный не только въ Страсбургѣ, но и въ другихъ городахъ, принимавшихъ участіе въ договорномъ совѣщаніи, имѣлъ цѣлью разъ на всегда положить конецъ всякимъ безпорядкамъ [1]).

Главнѣйшія постановленія этого «Устава о подмастерьяхъ», своего рода «Закона о соціалистахъ», изданнаго нашими предками четыреста лѣтъ

[1]) *Шмоллеръ*. цит. соч. стр. 525. О борьбѣ противъ союзовъ подмастерьевъ *Нюренберга* подробно говорится въ работѣ *Бруно Шёнланка*—Sociale Kämpfe von dreihundert Jahren. Лейпцигъ, 1894 г.

тому назадъ, настолько заслуживаютъ вниманія, что мы приведемъ ихъ дословно. Уставъ гласитъ:

«Таково мнѣніе представителей городовъ, какъ верхней, такъ и нижней Германіи, которые собрались вмѣстѣ въ Страсбургѣ въ понедѣльникъ послѣ юбилейнаго воскресенья, для сужденія о батракахъ-ремесленникахъ и прочихъ служащихъ батракахъ, и договорились между собой, что слѣдуетъ придерживаться нижеслѣдующаго:

«Во-первыхъ, ремесленники-мастера или подмастерья отнынѣ никогда не должны объединяться, вступать въ товарищества или общества, заключать какіе-либо союзы, издавать какія-либо постановленія или запрещенія, не испросивши предварительнаго согласія или разрѣшенія мастеровъ и совѣта того города, въ которомъ они обитаютъ.

«А затѣмъ, всѣ находящіеся въ услуженіи батраки, независимо отъ того, служатъ ли они рыцарямъ, подмастерьямъ или гражданамъ города, разъ они живутъ въ городѣ и обязаны повиновеніемъ, равно и всѣ работающіе въ городахъ подмастерья, должны поклясться и присягнуть въ томъ, что будутъ повиноваться бургомистру и городскому совѣту, будутъ подчиняться ихъ суду и не станутъ искать правосудія гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

«Подмастерья обязаны, также, впредь не отказывать мастерамъ своей профессіи въ батракахъ и не пропивать ни одной вещи и ни одного батрака», иными словами: стачки, «опороченіе» мастеровъ или объявленіе ихъ нечестными, выставленіе «черныхъ списковъ» (Blacklegs), какъ говорятъ теперь, — все это запрещается. Тотъ же параграфъ содержитъ требованіе, чтобы подмастерье выносилъ свои споры съ мастеромъ или другими подмастерьями на судъ мастеровъ своего города и подчинялся его приговору, если только дѣло не подлежитъ вѣдѣнію городского совѣта. Всякій мастеръ, принимающій къ себѣ батрака, обязанъ заявить объ этомъ втеченіе восьми дней старшинѣ цеха, который и беретъ съ подмастерья клятву въ томъ, что онъ всегда будетъ подчиняться суду мастеровъ. Вслѣдъ за этимъ имя новаго подмастерья вносится въ особую книгу. Мастеръ, не сдѣлавшій въ восьмидневный срокъ предписаннаго заявленія, уплачиваетъ за всякій просроченный день пять шиллинговъ». Очень недвусмысленныя начатки полицейскаго надзора за подмастерьями!

Слѣдующій параграфъ предписываетъ ремесленнымъ батракамъ и другимъ батракамъ, находящимся въ услуженіи, не носить при себѣ ножа, кромѣ какъ въ пути.

«А если какой батракъ пойдетъ наперекоръ этимъ постановленіямъ, пунктамъ и статьямъ, и не пожелаетъ поступать въ согласіи съ ними, то, какъ только объ этомъ будетъ сообщено, всѣ прочіе мастера не

должны принимать его къ себѣ въ услуженіе, брать на домъ или во дворъ; если же какой нибудь мастеръ нарушитъ такое постановленіе, то заплатитъ четыре гульдена штрафа». Половина денежныхъ штрафовъ идетъ въ кассу городского совѣта, другая половина—въ пользу цеха.

Ни одинъ изъ городовъ, связанныхъ союзомъ, не имѣетъ права измѣнять этого устава безъ согласія другихъ городовъ.

Всѣ служащіе батраки и непринадлежащіе къ числу гражданъ Страсбурга, не должны «ходить въ нашемъ городѣ по ночамъ потаенными путями». Они не должны находиться на улицѣ отъ Пасхи до Михайлова дня послѣ 10 часовъ вечера и отъ Михайлова дня до Пасхи послѣ 9 часовъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда они исполняютъ порученія своихъ господъ или мастера. Нарушившій это постановленіе карается 30-тью шиллингами штрафа или же четырьмя недѣлями заключенія въ «башнѣ» на водѣ и хлѣбѣ.

Находящимся въ услуженіи батракамъ запрещается также собираться въ харчевняхъ и садахъ позднѣе вышеуказанныхъ часовъ. Нарушающіе это запрещеніе караются штрафомъ, тождественнымъ предыдущему.

Содержатели харчевенъ обязуются не держать своихъ заведеній открытыми и не принимать батраковъ позднѣе упомянутаго срока, подъ угрозой штрафа въ пять фунтовъ. «Но это не относится къ господамъ, слугамъ рыцарей, купцамъ и паломникамъ, которые являются порядочными, честными людьми».

«Если же какой нибудь батракъ окажется настолько злокозненнымъ. что не пожелаетъ исполнять этихъ предписаній, то впредь онъ никогда не можетъ служить въ Страсбургѣ безъ позволенія мастеровъ и городского совѣта».

Кромѣ того, уставъ содержалъ еще слѣдующіе четыре пункта: «1. Ремесленные и другіе служащіе батраки не должны впредь открывать харчевенъ, нанимать дома или сады, равно образовывать общества съ цѣлью собираться вмѣстѣ, кромѣ, развѣ, тѣхъ случаевъ, когда это дѣлается съ честными намѣреніями и ни въ какомъ отношеніи не представляется опаснымъ. 2. Каждое второе воскресенье послѣ каждаго поста они могутъ сходиться на собранія по поводу своихъ свѣчей, но они не могутъ воспользоваться этимъ правомъ, если предварительно не сообщатъ о собраніи *цеховому старшинѣ* (представитель цеха); этотъ послѣдній долженъ назначить одного или двухъ мастеровъ того цеха, къ которому принадлежатъ батраки, и послать ихъ для присутствованія на собраніи. 3. Ремесленники-батраки должны справлять похороны въ праздники, а не въ будни. 4. Также не болѣе трехъ батраковъ, слугъ или ремесленни-

ковъ, могутъ безнаказанно носить одинаковыя круглыя шляпы, кафтаны, брюки или другіе отличительные знаки.

Такимъ образомъ, харчевни и другія общества подмастерьевъ этими предписаніями рѣшительно запрещались. Дозволялись исключительно церковные союзы (очевидно не только «по поводу свѣчей» но и въ цѣляхъ взаимопомощи), но и тѣ были подчинены контролю мастеровъ.

Однако, въ уставѣ для батраковъ 1473 года четырехъ послѣднихъ постановленій мы уже не находимъ, хотя въ остальномъ онъ и сходится съ уставомъ 1465 года. Приведенная нами редакція относится къ 1473 г., и взята изъ книги суконщиковъ 1551 года (текстъ переданъ въ переводѣ на современный нѣмецкій языкъ, сдѣланномъ по оригиналу, сообщенному *Шмоллеромъ*, цит. соч., стр. 208 и слѣд.). Слѣдовательно, самыя драконовскія постановленія этого «закона противъ соціалистовъ» пришлось отмѣнить уже черезъ восемь лѣтъ, да и остальныя также оказались недѣйствительными.

И такъ происходило повсюду. Немного позднѣе 1400 года городской совѣтъ *Франкфурта* запретилъ содержать харчевни поденщикамъ и служащимъ батракамъ. Кто, вопреки этому запрещенію, отдавалъ въ наемъ подъ харчевню домъ или комнату, тому приходилось уплачивать высокій штрафъ, по одному гульдену въ недѣлю. Въ одинъ изъ списковъ этого строгаго запрещенія занесены одиннадцать разрѣшенныхъ впослѣдствіи харчевенъ, въ томъ числѣ принадлежащія батракамъ-садовникамъ и саксенгаузенскимъ батракамъ [1]).

И на самомъ дѣлѣ,—запрещенія оказались недѣйствительными; мы видимъ какъ въ XV столѣтіи подмастерья повсюду прокладываютъ себѣ путь впередъ; перегородки, воздвигнутыя спеціально для нихъ, падаютъ одна за другой; подмастерья заставляютъ признать свои союзы, вступленіе въ нихъ становится обязательнымъ, союзы становятся силой. Къ концу XV столѣтія подмастерья занимали вполнѣ почтенное положеніе и ихъ организаціи играли замѣтную роль. Но если посмотрѣть, какъ были *завоеваны* всѣ эти пріобрѣтенія, то характеръ цехового строя на исходѣ среднихъ вѣковъ обрисовывается въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если ихъ разсматривать, какъ готовое *состояніе*, выросшее изъ «духа» средневѣковья и свойственное ему на всемъ его протяженіи. Большинство же историковъ поступаетъ именно такимъ образомъ; то, что вырабатывается въ *концѣ* опредѣленнаго періода времени, какъ результатъ долгой и упорной войны, изображается ими въ видѣ длительнаго состоянія, свойственнаго всему этому періоду.

---

[1]) *Бюхеръ*, цит. соч. стр. 135. Ср. стр. 608, запрещеніе отъ 1421 г., и стр. 609.

Всѣ попытки подавить организаціи подмастерьевъ потерпѣли крушеніе прежде всего потому, что организаціи были безусловно необходимы, и значеніе ихъ въ городскомъ производствѣ постоянно возрастало. Ремесленная промышленность не только стала главнымъ источникомъ существованія для большинства городовъ, но даже внутри ея самой подмастерья, по сравненію съ мастерами, представляли собой,—какъ численностью, такъ и вліяніемъ,—гораздо большую силу. Процвѣтаніе города все больше и больше стало зависѣть отъ наемныхъ ремесленныхъ рабочихъ. Если они прекращали гдѣ либо работу и уходили въ другое мѣсто, то покинутому ремеслу грозила гибель, покинутому городу—разореніе. Вдобавокъ, общія условія того времени въ высокой степени благопріятствовали крѣпкой сплоченности подмастерьевъ. Города были еще невелики. Бюхеръ исчисляетъ населеніе Франкфурта въ 8.000 человѣкъ (1440 г.), Кутенберга—въ 20.000 (1449 г.) [1]. Число подмастерьевъ врядъ ли достигало и десяти процентовъ всего населенія [2].

Естественно, что при такой малочисленности въ каждомъ городѣ батраки одного ремесла знали другъ друга лично. Сношенія между ними облегчались также тѣмъ, что представители одной профессіи предпочитали жить вмѣстѣ на одной улицѣ, зачастую получавшей названіе по ремеслу; такія названія нерѣдко сохранились и по сіе время. Къ тому же, въ XV и XVI столѣтіяхъ еще не сложилось милое обыкновеніе изолировать рабочихъ отъ внѣшняго міра, какъ арестантовъ, при посредствѣ окованныхъ желѣзными рѣшетками и закрашенныхъ оконъ. Насколько позволялъ климатъ, работы обыкновенно производились на улицѣ передъ домомъ или, по крайней мѣрѣ, при открытыхъ дверяхъ и окнахъ. При такихъ условіяхъ, чтобы сговориться относительно необходимыхъ дѣйствій, не нужно было ни газетъ, ни собраній. И горе тому, кто не пожелалъ бы выступить солидарно вмѣстѣ со всѣми! Онъ былъ бы не радъ своей жизни. Каждый отдѣльный рабочій, не только въ работѣ, но и въ общественныхъ отношеніяхъ, зависѣлъ цѣликомъ отъ своихъ сотоварищей по ремеслу.

Странствованіе подмастерьевъ дѣлало ихъ значительно подвижнѣе по сравненію съ тяжелыми на подъемъ мастерами и привело къ тѣсному сплоченію между собою строго солидарныхъ товариществъ отдѣльныхъ городовъ. При такихъ условіяхъ, во время стачки, притокъ рабочихъ извнѣ былъ невозможенъ. Шмоллеръ печалуется по этому поводу: тотъ фактъ, что большинство подмастерьевъ не принадлежало къ числу мѣстныхъ жителей, оказывалъ весьма неблагопріятное вліяніе «на нравственное (!) поведеніе союзовъ подмастерьевъ; онъ возбуждалъ легкомысліе, чувство без-

[1] *Бюхеръ*, цит. соч., стр. 196, 34.

[2] *Лампрехтъ*, цит. соч., стр. 497.

отвѣтственности, сознаніе превосходства надъ мастерами. Послѣдніе были прикрѣплены къ мѣсту; даже тамъ, гдѣ имѣлась связь между главными производственными пунктами, мастера могли вступать въ соглашенія со своими коллегами въ другихъ городахъ лишь съ трудомъ и съ значительной потерей времени. Подмастерья же во всякое время имѣли связи и отовсюду получали извѣстія; они не чувствовали себя гражданами того города, въ которомъ работали; привыкнувъ къ многолѣтнимъ странствованіямъ, они недолго задумывались передъ необходимостью зашнуровать свой дорожный мѣшокъ и взять въ руки посохъ. Въ случаѣ спора съ мастерами, они легко, съ свистомъ и музыкою подымались массами, уходили прочь, располагались въ сосѣднемъ городѣ, проводили время въ бездѣліи, а когда съ ними шли на мировую, то требовали уплаты за ихъ содержаніе въ этомъ городѣ. Благодаря лучшей организаціи и значительно болѣе выдержанному корпоративному духу, они преграждали всякую возможность притока рабочихъ извнѣ и, такимъ образомъ, зачастую оказывались побѣдителями въ борьбѣ» [1]).

Помимо всего этого, они рѣдко были обременены женами и дѣтьми. Женатые подмастерья представляли собой исключеніе, въ иныхъ же ремеслахъ ихъ вовсе не было. Вѣдь подмастерья принадлежали къ «семьѣ» мастера, а эти послѣдніе полагали, что самое лучшее средство подчинить подмастерьевъ «сыновьему» долгу, удерживать ихъ отъ посѣщенія харчевенъ, надзирать за ними и эксплоатировать ихъ, давая (сравнительно) скудную пищу и вознаграждая всевозможной натурой,—это держать ихъ дома и препятствовать имъ вступать въ бракъ. Женатый подмастерье слишкомъ легко поддавался соблазну добиться самостоятельности, если не законнымъ путемъ, т. е. сдѣлавшись цеховымъ мастеромъ, то противозаконнымъ,—ставши какимъ нибудь пригороднымъ или деревенскимъ «пфушеромъ» или «штереромъ».

Но именно благодаря своему холостячеству подмастерья достигли положительно выдающейся силы въ сопротивленіи; безбрачіе, повидимому, гораздо больше странствованій благопріятствовало развитію въ подмастерьяхъ тѣхъ чертъ и преимуществъ, о которыхъ говоритъ Шмоллеръ въ вышеприведенныхъ строкахъ, т. е.—упорству, беззаботности и самоувѣренности.

Насколько труднѣе бороться современному пролетарію! Во время всякой стачки, на любыхъ выборахъ,—повсюду, гдѣ ему собственной личностью приходится отстаивать свое дѣло, послѣдствія его поступковъ принуждены раздѣлять его жена и дѣти. Въ маленькихъ городахъ, гдѣ рабочимъ легко

---

[1]) *Г. Шмоллеръ*, Das brandenburgisch-preussische Innungswesen (Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte, т. I, стр. 79).

столковаться безъ газетъ и собраній, семейныя соображенія дѣлаютъ рабочаго покорнымъ предпринимателю. Съ другой стороны, въ большихъ городахъ рабочіе другъ друга не знаютъ; чтобы столковаться, имъ необходимы газеты, собранія, союзы. Изустныхъ соглашеній уже недостаточно для того, чтобы создать связь и единеніе, необходимыя для современной борьбы съ централизованнымъ, съ всемогущимъ капиталомъ, борьбы, значительно отличающейся отъ той, какую приходилось вести съ мелкимъ ремесленнымъ мастеромъ: неудивительно, если экономическая борьба рабочихъ все больше переходитъ теперь въ *политическую* борьбу, что свобода означаетъ для рабочихъ хлѣбъ, что посягающій на ихъ политическія права посягаетъ и на ихъ хлѣбъ, что условія повсюду *принуждаютъ* рабочихъ расширять борьбу за повышеніе платы и сокращеніе рабочаго времени въ борьбу за политическую *власть*.

Но среди ремесленныхъ подмастерьевъ конца среднихъ вѣковъ и вплоть до новѣйшихъ временъ мы не обнаруживаемъ никакихъ особыхъ свойственныхъ имъ политическихъ стремленій. Они уходили цѣликомъ въ свои ремесленныя организаціи, благодаря которымъ они добивались успѣховъ и создали себѣ такое положеніе, какого въ наше время, при наличности широкихъ политическихъ правъ, удается достигнуть лишь немногимъ рабочимъ организаціямъ, да и то при исключительно-благопріятныхъ условіяхъ и только на непродолжительное время. Само собой разумѣется, что подмастерья далеко не во всѣхъ ремеслахъ находились въ одинаково благопріятномъ положеніи. Были организаціи болѣе слабыя и болѣе сильныя, лишенныя вліянія и могущественныя. Многочисленные слои пролетаріата, а именно тѣ, трудъ которыхъ легко было замѣнить, вовсе не достигли организаціи и зависѣли отъ полнаго произвола эксплоататоровъ. Въ ихъ средѣ не обнаруживались ни «корпоративный духъ», ни «идея любви къ ближнему», якобы носившіеся повсюду въ періодъ среднихъ вѣковъ.

Случалось даже, что тѣ категоріи рабочихъ, которыя въ XIII и XIV столѣтіяхъ имѣли организаціи, позднѣе вовсе устрачивали ихъ; таковы необученные рабочіе, поденщики, организаціи коихъ были сметены напоромъ изъ деревни нецеховыхъ конкурентовъ. Повидимому, этому способствовалъ упадокъ сельскаго хозяйства въ городахъ. Но та-же участь постигла и несельскохозяйственныхъ поденщиковъ. Такъ напр., во Франкфуртѣ, на исходѣ XIV столѣтія (1387 г.) строительные, рабочіе, винодѣлы и носильщики были объединены въ цеховыя организаціи. Но наряду съ ними здѣсь существовали также и нецеховые поденьщики, напр., 16 винодѣловъ, 4 носильщика, 10 пильщиковъ и 6 поденщиковъ, занимавшихся таскаліемъ бревенъ. Въ 1440 году цехъ строительныхъ рабочихъ уже пересталъ существовать; цехъ винодѣловъ влачилъ жалкое существованіе до XV

вѣка, цехъ носильщиковъ—вплоть до второй половины XVI вѣка, при этомъ нецеховые элементы пріобрѣтали, наряду съ цеховыми, все большее значеніе.

Эти городскіе пролетаріи, никогда не имѣвшіе организаціи или же утратившіе ее, по сравненію съ организованными подмастерьями опускались,—часто абсолютно и всегда относительно,—все ниже и ниже. Пропасть между тѣми и другими элементами становилась все шире.

V. Городская рабочая аристократія.

Чѣмъ большихъ успѣховъ достигали организованные ремесленные батраки, тѣмъ больше чувствовали они себя привилегированнымъ классомъ, аристократами, смотрѣвшими на нижестоящихъ пролетаріевъ, «непорядочныхъ людей», такъ же презрительно, какъ и сами мастера. Подмастерье, являвшійся въ харчевню съ «непорядочными людьми», подвергался наказанію. Кого именно считали «непорядочнымъ», объ этомъ мы уже говорили. Вскорѣ высокомѣріе организованныхъ рабочихъ не позволило имъ носить общее съ остальными пролетаріями названіе. Во второй половинѣ XV столѣтія мы повсюду наблюдаемъ, какъ они съ негодованіемъ отклоняютъ отъ себя названіе «батракъ» и усваиваютъ себѣ другое—«подмастерье». Въ этомъ нѣкоторые охотно усматриваютъ признакъ пробужденія «демократическаго духа», попытку поставить себя въ одинаковое или, по крайней мѣрѣ, сходное соціальное положеніе съ мастерами. Раздѣлить такой точки зрѣнія мы не можемъ. Именно, пока наемные рабочіе назывались батраками, они стояли въ соціальномъ отношеніи гораздо ближе къ мастерамъ, чѣмъ тогда, когда стали называться «подмастерьями». Теперь, правда, они поднялись надъ крестьянами и пролетаріями, но не въ той степени, какъ мастера, ставшіе ихъ господами и эксплоататорами. Въ XIV столѣтіи батраки пили еще въ одной харчевнѣ съ мастерами. Въ XV столѣтіи мастера считали уже ниже своего достоинства возсѣдать за однимъ столомъ съ батраками. Батраковъ изгнали изъ харчевенъ, принадлежавшихъ мастерамъ, и они принуждены были вести долгую борьбу изъ-за собственныхъ харчевенъ. И при такихъ-то условіяхъ имъ могла прійти на умъ мысль считать себя болѣе равноправными съ мастерами, чѣмъ прежде! Нѣтъ, они стыдились смѣшиваться въ общей массѣ съ другими батраками, которые не только не слѣдовали за общимъ подъемомъ, но зачастую опускались еще ниже. Даже и теперь въ ремеслахъ, гдѣ рабочіе благодаря своимъ профессіональнымъ организаціямъ добились особыхъ преимуществъ,—таковы, обыкновенно, ремесла съ квалифицированными рабочими, незнаю-

щими до сихъ поръ серьезной конкуренціи со стороны машинъ и женскаго труда—мы наблюдаемъ тоже высокомѣріе, какое побуждало подмастерьевъ отбрасывать отъ себя названіе «батракъ». Еще не такъ давно случалось, напримѣръ, что многіе наши наборщики чувствовали себя оскорбленными, когда ихъ называли «рабочими». Они считали себя «художниками».

Чѣмъ успѣшнѣе была дѣятельность профессіональныхъ товариществъ подмастерьевъ въ различныхъ ремеслахъ, тѣмъ болѣе суживался кругозоръ организованныхъ въ нихъ рабочихъ. Теперь, ихъ единственнымъ стремленіемъ было добиться того, чтобы ихъ товарищество было наиболѣе сильнымъ и могущественнымъ изъ всѣхъ, и не только по отношенію къ мастерамъ, но и по сравненію съ товариществами подмастерьевъ другихъ ремеселъ. Ихъ организація развиваетъ не классовое сознаніе, но эгоистическій кастовый духъ, мелочное соревнованіе и пустое тщеславіе.

Вначалѣ въ союзы подмастерьевъ опредѣленнаго ремесла принимались также рабочіе другихъ профессій и даже представители другихъ сословій, сочувствовавшіе подмастерьямъ. Позднѣе это прекратилось. Такъ, напр., въ братство слесарныхъ подмастерьевъ Франкфурта было принято:

съ 1402 по 1471	1.096 членовъ, изъ нихъ 27 не подмастерьевъ		
» 1472 — 1524	1.794 » » » 6 »		
» 1402 — 1471	35 подмаст., непринадл. къ раб. по мет.		
» 1472 — 1496	6 » » » » » »		

Съ 1496 года не было принято ни одного подмастерья, не принадлежавшаго къ рабочимъ по металлу [1]).

Эти цифры можно, вѣроятно, объяснить также тѣмъ, что наряду съ братствомъ слесарей образовались и другіе союзы, такъ что подмастерьямъ другихъ ремеселъ не было нужды искать себѣ опоры въ организаціи слесарей. До чего дошло соревнованіе между различными товариществами подмастерьевъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ безконечные раздоры. Вскорѣ дѣло дошло до того, что самымъ больнымъ мѣстомъ подмастерьевъ стала ихъ «сословная честь»; она была такъ же тонка и хрупка, какъ въ наше время честь офицера или студента-корпоранта. Основой этой утонченной чувствительности было не высокоразвитое чувство достоинства, а высокоразвитое самомнѣніе.

Хорошо извѣстенъ вызовъ лейпцигскихъ сапожныхъ подмастерьевъ, посланный ими въ 1471 году, мѣстному университету въ огражденіе ихъ оскорбленной сословной чести. Столь же самомнящими были *пекари* и прислужники маркграфа Якова Баденскаго, пославшіе въ 1470 году вызовъ

[1]) *Бюхеръ*, цит. соч., стр. 619.

имперскимъ городамъ Эсслингену и Рейтлингену. Извѣстно даже, что въ 1477 г. *поваръ* господина фонъ-Эппенштейна изъ Мюнценберга вмѣстѣ со своими кухонными служащими послалъ вызовъ графу Зольмскому [1]). Бои между рабочими встрѣчаются уже въ XIV столѣтіи. Такъ, въ 1350 г. въ Страсбургѣ происходилъ бой между батраками-ткачами и батраками-шерстобойцами, въ 1360 году между первыми и батраками-ткачами холста. Но, повидимому, упорнѣе всѣхъ оказались подмастерья-пекари Кольмара, объявившіе въ 1445 году стачку изъ-за того, что городской совѣтъ позволилъ другимъ товариществамъ подмастерьевъ, пріобрѣвшимъ такія же по цѣнѣ свѣчи, какъ и пекари, идти наравнѣ съ ними около св. даровъ въ день перенесенія плащаницы. Они продолжали стачку десять лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока не одержали побѣду надъ городомъ и своими сотоварищами. Подобныхъ случаевъ извѣстно множество.

Благодаря такой умственной ограниченности, противорѣчія между мастерами и подмастерьями, а также вытекавшія изъ него стычки, при всей ихъ многочисленности и ожесточенности, не могли, однако, создать объединеннаго рабочаго движенія и породить стремленій, направленныхъ къ преобразованію всего общества. Какъ разъ въ наиболѣе сильныхъ и дѣятельныхъ рабочихъ организаціяхъ не только не развилось сознаніе солидарности интересовъ всѣхъ рабочихъ, т. е. классовое сознаніе, но, наоборотъ, сложилась *противоположность* съ одной стороны—къ другимъ возникавшимъ организаціямъ, возбуждавшимъ завистливое къ себѣ отношеніе, а съ другой стороны—къ нароставшей массѣ пролетаріата, которому не удавалось организоваться и который все глубже опускался въ пучину нужды и бѣдствій. Только капиталистическая промышленность, разложившая организаціи подмастерьевъ, перемѣстила ихъ самихъ на низшую соціальную ступень и уравняла ихъ со всѣми остальными пролетаріями. Капиталистическій способъ производства впервые создалъ этимъ предварительныя условія для развитія единаго классового сознанія всего рабочаго класса. Если капитализмъ и порождалъ, подчасъ, новый родъ рабочей аристократіи, то лишь на короткое время. Тенденція капитализма направлена въ сторону нивеллированія всей рабочей массы. Однимъ изъ величайшихъ переворотовъ, надъ которымъ работаетъ теперь капитализмъ, является уничтоженіе аристократіи, состоящей изъ людей, *работающихъ головой*, соціальное уравненіе ихъ съ рабочими, занимающимися ручной работой; такая неслыханная и насильственная нивеллировка до сихъ поръ представляется иному мудрецу абсурдной утопіей, хотя она уже и происходитъ на его глазахъ.

---

[1]) *К. В. Герингъ*, Geschichte des sächsischen Hochlandes, стр. 176.

Ремесленное производство періода среднихъ вѣковъ не оказывало такого революціонизирующаго дѣйствія. Организованные подмастерья представляли собой безпокойный, упорный народецъ, владѣвшій оружіемъ, ревниво оберегавшій свои преимущественныя права и сословную честь. Они были склонны въ значительно большей степени, чѣмъ современные рабочіе, самостоятельно добиваться правъ пріостановкой работъ, возмущеніями, а, при нуждѣ, и силой оружія. Ихъ дѣйствія носили значительно болѣе «радикальный» характеръ, чѣмъ дѣятельность современныхъ рабочихъ. По сравненію съ дерзкими и развязными подмастерьями конца среднихъ вѣковъ, большинство нашихъ анархистовъ, представляются совсѣмъ смиренными. Но такова была лишь внѣшняя сторона ихъ дѣятельности. *Стремленія* подмастерьевъ носили крайне умѣренный характеръ. «Голубой понедѣльникъ» былъ, пожалуй, ихъ самымъ радикальнымъ требованіемъ. Да и зачѣмъ имъ было стремиться къ ниспроверженію общества, въ которомъ они играли роль привилегированныхъ, и выгоды котораго—хотя бы и не въ той степени какъ мастера, купцы и князья—они все же раздѣляли? Правда, ихъ доля участія въ этихъ выгодахъ относительно все уменьшалась; правда, имъ все чаще приходилось вступать въ ожесточенную борьбу за повышеніе этой доли, но они никогда не ставили, притомъ, вопроса объ уничтоженіи того общества, въ которомъ они жили. Конечно, въ революціонныя времена они иногда соединялись съ другими, болѣе революціонными элементами. Тоже самое дѣлали и цеховые мастера, когда имъ приходилось вступать въ борьбу съ «благородными» членами городскихъ общинъ и купцами. Однако, какъ мастера, такъ и подмастерья, были одинаково ненадежнымъ и лишеннымъ всякой выдержки элементомъ. Достаточно было рѣшительнаго сопротивленія или перваго пораженія—и они заканчивали свое возстаніе, цѣли котораго съ самаго начала не были особенно близки ихъ сердцу и которое они начинали лишь для того, чтобы использовать его въ своихъ частныхъ, минутныхъ интересахъ. Это была одна изъ причинъ того, что революціонное возстаніе 1525 года такъ быстро закончилось.

Соціальнаго идеала въ видѣ достиженія новаго общественнаго строя—такой цѣли подмастерья конца среднихъ вѣковъ себѣ не ставили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Капиталъ и трудъ въ горной промышленности.

1. Марка и горное право.

Въ древности, насколько возможно судить, горнорабочими были нетолько люди несвободные—рабы или же отбывавшіе наказаніе преступники; въ средніе вѣка горныя работы исполняли и *свободные люди.* Первоначально они также были *членами марки.*

Мы уже указывали на то, что область, составлявшая марку, распадалась на двѣ части: на *раздѣльную* и *нераздѣльную марку.*

Каждая семья, принадлежавшая къ марковой общинѣ (Markgenossenschaft), получала въ своей деревнѣ дворовый участокъ земли (съ домомъ, хозяйственными постройками и садомъ) на правахъ *частнаго владѣнія.* Кромѣ того, изъ общей марки выдѣлялась *пахотная земля, полевая марка,* которая и распредѣлялась между семьями, согласно опредѣленнымъ правиламъ.

Выгонъ, лѣсъ, вода и дорога оставались общинной собственностью и составляли нераздѣльную полевую марку; но площадь ея со временемъ становилось все ограниченнѣе,—отчасти благодаря росту народонаселенія, вызывавшему необходимость разбивать новыя поселенія и выдѣлять для нихъ изъ общей марки новыя полевыя марки, отчасти же—благодаря вытѣсненію охоты и скотоводства земледѣліемъ, что влекло за собой расширеніе раздѣльной полевой марки на счетъ нераздѣльной.

Доля каждаго общинника въ раздѣльной полевой маркѣ, равно и въ пользованіи общей маркой, первоначально была одинакова. Но способъ пользованія этой долей опредѣлялся всей общиной. Община устанавливала правила относительно пользованія выгономъ, вывоза изъ лѣсовъ листовой подстилки, дерева для построекъ и отопленія, и, наконецъ, относительно *ломки камня.* Каждый членъ марки имѣлъ право ломать камень и вывозить его изъ каменоломенъ, расположенныхъ въ предѣлахъ общей марки, соблюдая лишь извѣстныя условія.

Въ большинствѣ марковыхъ общинъ добыча камня была занятіемъ второстепеннымъ, работой, выполнявшейся лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Совершенно иначе обстояло дѣло въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были найдены залежи соли, желѣза, мѣди, а тѣмъ болѣе серебра или золота, а также—что, пожалуй, случалось чаще— тамъ, гдѣ вторгшіеся германцы стали продолжать нѣкогда начатое кельтами или римлянами горное дѣло. Въ такихъ мѣстахъ развѣдки минеральныхъ богатствъ, ломка и добыча

драгоцѣнной руды выступили на первый планъ. Упомянутые нами минералы искали и требовали повсюду, но находили ихъ только въ немногихъ мѣстахъ. Поэтому общины, владѣвшія такими горными мѣстами, съ раннихъ поръ начали добывать драгоцѣнные металлы въ количествѣ, превосходящемъ ихъ собственныя потребности, обмѣнивая излишекъ минераловъ сосѣднимъ общинамъ на продукты, изготовлявшіеся послѣдними. Такимъ образомъ драгоцѣнные минералы принадлежали къ числу первыхъ предметовъ товарнаго производства и товарнаго обмѣна.

Рудники были расположены обыкновенно въ горахъ, гдѣ земледѣліе всегда играло незначительную роль. Чѣмъ больше развивалось горное дѣло, тѣмъ больше опережало оно земледѣліе. Теперь уже не нужно было столько пахотной земли, такъ какъ продукты первой необходимости можно было вымѣнивать на продукты горнаго производства. Земледѣліемъ—равно и скотоводствомъ—стало заниматься все меньшее число рукъ, ибо, по мѣрѣ того, какъ горный промыселъ становился всего выгоднѣе, члены марки стали отдаваться ему все больше и больше. Производство для собственнаго потребленія естественно ограничено потребностями рынка, но этотъ послѣдній по отношенію къ продуктамъ горнаго производства былъ фактически безграниченъ, ибо тѣ немногія мѣстности, въ которыхъ открыли и добывали соль и металлы, не могли удовлетворять своей добычей потребностей рынка, который былъ значительно шире, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Драгоцѣнные матеріалы передавались изъ рукъ въ руки, изъ деревни въ деревню, проходя огромнѣйшія разстоянія. Въ особенности легко было транспортировать металлы [1]), переработанные въ оружіе, инструменты или предметы украшенія.

[1]) Уже въ каменномъ вѣкѣ мы обнаруживаемъ обширную торговлю между отдѣльными племенами оружіемъ, украшеніями или матеріалами, употреблявшимися для ихъ изготовленія. Въ Скандинавіи, Франціи, Англіи и Италіи мы находимъ каменные топоры, сдѣланные изъ очень подходящаго для такого рода издѣлій *нефрита*, минерала, который до сихъ поръ не встрѣчался въ Европѣ и который, очевидно, привозился изъ Азіи, гдѣ онъ имѣется въ большомъ количествѣ. Во Франціи, на пути между Туромъ и Пуатье, мы находимъ въ огромныхъ количествахъ прекрасный кремень медовой окраски и равнозернистаго строенія. Д-ръ Левейе открылъ близъ Прессиньи ле-Гранъ остатки мастерской, снабжавшей обширные округа издѣліями изъ этого кремня. По всей Франціи, Бельгіи, равно Швейцаріи встрѣчаются издѣлія изъ кремня, добытаго въ этой мѣстности, что легко установить по ихъ характерной медовой окраскѣ. Въ *Америкѣ*, въ холмахъ, гдѣ похоронены первобытные обитатели долины Миссисипи, встрѣчаются: мѣдь съ Верхняго Озера, слюда изъ Аллегановъ, раковины Мексиканскаго залива и обсидіанъ изъ Мексики. (*Леббокъ*, Die vorhistorische Zeit, Іена, 1874 г., стр. 74, 77, 187).

Если въ наши дни товаромъ, который беретъ каждый, котораго добиваются всѣ и въ которомъ никогда не чувствуется избытка, являются лишь благородные металлы, а зачастую одно только золото, то на первыхъ порахъ товарнаго производства такимъ товаромъ было и желѣзо, и мѣдь, а, подчасъ, даже и соль. Стремленіе къ добычѣ этихъ минераловъ было безгранично. Неудивительно, если повсюду, гдѣ земля скрывала въ себѣ минеральныя богатства, горная промышленность выступала на первый планъ. Земледѣліе, долго служившее лишь удовлетворенію личныхъ потребностей землевладѣльцевъ, еще не начавшихъ производить товары на рынокъ, отступило передъ горнымъ промысломъ.

Вначалѣ рудники устраивались только на землѣ, принадлежавшей маркѣ. Но какъ поступали въ томъ случаѣ, когда съ развитіемъ горнаго дѣла залежи драгоцѣнныхъ минераловъ открывались и въ предѣлахъ раздѣльной марки? Полевую марку дѣлили исключительно ради земледѣльческихъ цѣлей; разъ участокъ оставался неиспользованнымъ, не подвергался правильной обработкѣ, то онъ поступалъ въ распоряженіе общины. Тоже самое происходило и тогда, когда на выдѣленномъ участкѣ начиналась добыча руды. Но такъ какъ горный промыселъ, повсюду, гдѣ онъ развивался, становился важнѣе земледѣлія, то стоило только *найти* минеральныя богатства на раздѣльной маркѣ, какъ расположенныя на этомъ мѣстѣ поля и луга снова присоединялись къ нераздѣльной маркѣ. Больше того, стремленіе всѣми силами поощрить отысканіе минеральныхъ богатствъ привело къ тому, что, въ концѣ концовъ, одна *вѣроятность* нахожденія руды на опредѣленномъ полѣ обращала его въ составную часть нераздѣльной марки общаго пользованія; наконецъ, страсть къ добычѣ цѣнныхъ минераловъ уничтожила даже частное владѣніе *дворовымъ мѣстомъ*. Каждый членъ марки получилъ право разыскивать рудныя жилы, копать и шурфовать *повсюду*, въ любомъ мѣстѣ марки; если, приэтомъ, кому либо, наносился ущербъ, то потерпѣвшій могъ требовать возмѣщенія убытковъ, *противиться* же розыску руды онъ не могъ. «Поелику горное право сильно, то ни король, ни герцогъ, ни графы не могутъ препятствовать тому, кто пожелаетъ копать въ огородѣ или гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ, хотя бы подъ чьей-нибудь спальней»; такъ гласитъ одна древняя книга штейфельдскаго аббатства [1]).

Въ общемъ, развитіе марковаго устройства обнаруживало тенденцію тѣмъ шире распространить на счетъ общиннаго пользованія права и площадь частнаго владѣнія, чѣмъ больше значенія, по сравненію съ охотой и скотоводствомъ, пріобрѣтало земледѣліе. Въ горныхъ же округахъ, гдѣ

---

[1]) *Г. Ахенбахъ*, Das gemeine deutsche Bergrecht in Verbindung mit dem preussischen Bergrecht etc. dargestellt, Боннъ, 1871 г., стр. 71.

земледѣліе было вытѣснено горнымъ производствомъ, наблюдалась какъ разъ обратная тенденція. Горное право ограничивало право частнаго владѣнія и, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, вновь превращало его въ общинное владѣніе.

Но рудники пріобщались къ общинной маркѣ лишь съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же снова выдѣлиться изъ нея. Первые горные промыслы были крайне примитивны; это были простыя открытыя выемки, обыкновенныя ямы изъ которыхъ и выбиралась руда. Для работы въ такомъ рудникѣ достаточно было одного или двухъ-трехъ человѣкъ. Работать въ немъ сообща, какъ, напр., на общинномъ полѣ, не имѣло смысла. Рудники приходилось передавать въ пользованіе отдѣльныхъ членовъ марки на подобіе того, какъ передавались земельные участки въ различныхъ поляхъ. Но такъ какъ различные рудники давали неодинаковую добычу, количество же ихъ нельзя было увеличить произвольно, какъ количество земельныхъ участковъ, то поэтому, въ интересахъ общины, передача рудниковъ отдѣльнымъ лицамъ производилась лишь на томъ условіи, чтобы эти лица выдѣляли опредѣленную часть добычи общинѣ. При этомъ надзоръ и руководство работами на рудникѣ принадлежали общинѣ на томъ же основаніи, что и надзоръ за работами на раздѣльной полевой маркѣ; покинутый рудникъ, совершенно также какъ и пустующій земельный участокъ, снова поступалъ въ общинное пользованіе. Разъ только человѣкъ, получившій въ пользованіе рудникъ, переставалъ его эксплоатировать, онъ терялъ всякія на него права.

Преимущественное право получить въ пользованіе рудникъ признавалось, естественно, за тѣмъ, кто открылъ рудное мѣстоположеніе, а не за тѣмъ, кому до того принадлежало данное мѣсто, ранѣе выдѣленное на правахъ частнаго владѣнія. Это преимущественное право нашедшаго рудное мѣстоположеніе сохранилось и до нашихъ дней.

Добыча менѣе цѣнныхъ минераловъ долгое время производилась самымъ первобытнымъ способомъ, что, подчасъ, наблюдается и до сихъ поръ въ отношеніи добычи желѣзной руды и каменнаго угля. Но, какъ мы скоро увидимъ, добыча благородныхъ металловъ издавна поднялась на высокую ступень техники. Рудники становились все обширнѣе, сложнѣе, и работа на нихъ—все опаснѣе. Каждому владѣльцу промысла, «промышленнику», («Gewerke») было все труднѣе вести дѣло самолично, по собственному разумѣнію. Между отдѣльными рудниками создавалась все большая зависимость и они все болѣе образовывали единое цѣлое. При всемъ стараніи отдѣльныхъ промышленниковъ отстоять самостоятельность своихъ рудниковъ или рудничныхъ участковъ («Zeche») и право быть ихъ единоличными хозяевами, техника все же принуждала организовывать *производ-*

ство на общихъ началахъ. Чиновникъ марки, *горный мастеръ*, вначалѣ только надзиравшій за рудникомъ, превратился въ *руководителя* всего промысла, которому онъ и придавалъ опредѣленную организацію.

Но рудники, достигшіе такой организаціи, были, обыкновенно, настолько богаты, что доходы отъ нихъ все болѣе и болѣе освобождали промышленниковъ и членовъ марки—оба понятія вначалѣ, очевидно, совпадали—отъ непосредственнаго участія въ работѣ, которая, въ концѣ концовъ, была предоставлена исключительно батракамъ или рудокопамъ. Промышленникъ постепенно превращался въ *капиталиста*.

Количество батраковъ въ богатыхъ рудникахъ постепенно увеличивалось. Къ нимъ присоединились рабочіе горныхъ заводовъ, вырабатывавшихъ изъ руды металлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ горные округа прибывали все новыя массы ремесленниковъ, занимавшихся изготовленіемъ орудій горнаго дѣла, обработкой добытыхъ металловъ и вообще удовлетворявшіе растущія потребности населенія. Здѣсь также быстро возрастало число купцовъ, получавшихъ большіе доходы отъ вывоза добытыхъ изъ земныхъ нѣдръ богатствъ. Такимъ образомъ, вокругъ рудника образовался городъ, «горный городъ», въ которомъ члены марки, «хозяева рудниковъ и заводовъ», составляли лишь меньшинство, аристократію, пополняемую купцами, повидимому, отчасти выходившими изъ ихъ же среды.

Какъ ни своеобразно сложились эти горныя общины, но онѣ несомнѣнно обнаруживали характеръ, свойственный маркѣ. Правда, земледѣліе и скотоводство утратили для нихъ всякое значеніе. Но въ горныхъ общинахъ, наряду съ рудникомъ, весьма важную роль игралъ лѣсъ, ибо онъ доставлялъ топливо для заводовъ, плавившихъ руду и добывавшихъ металлъ. Поэтому тамъ, гдѣ еще сохранилось марковое общинное устройство горныхъ промысловъ, оно приняло форму *лѣсной общины* (Waldgenossenschaft).

Каково было устройство горной общины, это намъ наглядно выясняетъ изображеніе «большой горной общины Гарца съ ея центромъ въ Госларѣ», данное Гирке [1]):

«Въ городской организаціи община владѣльцевъ рудниковъ и горныхъ заводовъ (горно-лѣсопромышленники, montani и silvani) представляли собой гражданскую корпорацію, занимавшую среднее мѣсто между купечествомъ и цехами (монетчики, мелкіе торговцы и ремесленники); какъ корпорація, она принимала участіе въ городскомъ управленіи, посылала депутатовъ для составленія статутовъ и, въ случаѣ измѣненія законовъ,

---

[1]) *Отто Гирке*, Das deutsche Genossenschaftsrecht, Берлинъ. 1868, I., стр. 443.

приглашалась городскимъ совѣтомъ сообщить свое мнѣніе; кромѣ того, согласно городскому уложенію, она была освобождена отъ ареста имущества и имѣла право прибѣгать къ широкой самопомощи противъ своихъ служащихъ. По отношенію къ пользованію лѣсами Гарца эти лѣсопромышленныя корпораціи представляли собой одновременно и марковыя общины, эксплоатировавшія лѣса не только для цѣлей горнаго и заводскаго строительства, но и для полученія дровъ, для охоты и рыболовства. Но по отношенію ко всему горному и заводскому дѣлу всѣ горнопромышленники и лѣсопромышленники составляли вмѣстѣ самостоятельную автономную общину; высшій надзоръ и высшій судъ надъ нею принадлежалъ первоначально имперскому фогту, позднѣе городу Гослару, въ частности городскому комитету изъ шести выборныхъ представителей. Такимъ образомъ промышленники сами управляли горнымъ промысломъ, подъ руководствомъ выбранныхъ ими горныхъ судей или горныхъ мастеровъ, и устанавливали на своихъ общихъ собраніяхъ въ Госларѣ, хотя и подъ вліяніемъ городского совѣта, горные законы, горные уставы; въ качествѣ присяжныхъ они отправляли правосудіе въ судѣ горнаго мастера, представлявшемъ собой первую инстанцію по дѣламъ о долговыхъ обязательствахъ и о тяжбахъ, возникавшихъ на почвѣ горно-заводскаго промысла, причемъ судъ всегда назначался по предложенію кого нибудь изъ montani».

Такимъ образомъ, въ горныхъ общинахъ самостоятельность и цѣльность марковаго устройства врядъ ли могла сохраниться втеченіе сколько нибудь продолжительнаго времени. Возникновеніе крупнаго землевладѣнія было для этого устройства столь же гибельно, какъ и для крестьянъ.

Правда, богатыя горныя общины обладали гораздо болѣе сильными средствами для борьбы со своими угнетателями, чѣмъ бѣдныя крестьянскія общины; это объясняетъ намъ, почему мы не могли найти ни одного примѣра закабаленія или закрѣпощенія средневѣкового горнорабочаго. Но минеральныя богатства горныхъ общинъ побудили крупныхъ землевладѣльцевъ обложить ихъ оброкомъ. Помѣщики заявили о своемъ преимущественномъ правѣ на горные промыслы, совершенно также, какъ ранѣе они присвоили себѣ право охоты; въ нѣкоторыхъ областяхъ на лѣвомъ берегу Рейна горное дѣло было опредѣленно приравнено къ охотѣ и за «всемилостивымъ господиномъ» было признано право «преслѣдовать добычу *на* землѣ и *въ* землѣ». Но самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ странѣ былъ король; ему раньше другихъ удалось присвоить себѣ рядъ горныхъ промысловъ; вскорѣ онъ заявилъ о своемъ притязаніи на рудники, захваченные знатью, монастырями или епископами. Короли, а стало быть, и императоръ германскій, въ концѣ концовъ объявили, что горнымъ про-

мысломъ можетъ заниматься только тотъ, кто пожалованъ горнымъ участкомъ. Добыча золота, а затѣмъ серебра и соли, была превращена въ *регалію*.

Вначалѣ королямъ удавалось, по крайней мѣрѣ отчасти, осуществить свои притязанія. Въ вышеупомянутой книгѣ Ахенбаха приводится нѣсколько соотвѣтствующихъ примѣровъ. Такъ, въ XII столѣтіи Фридрихъ I заставилъ нѣсколькихъ епископовъ взять отъ него горные промысла на правахъ леновъ. Но уже въ слѣдующемъ столѣтіи начался упадокъ императорскаго могущества, а власть крупныхъ земельныхъ собственниковъ развилась до степени княжеской. Съ этихъ поръ горная регалія перешла въ руки отдѣльныхъ князей, которые въ скоромъ времени оказались достаточно сильными по отношенію къ болѣе мелкимъ землевладѣльцамъ, общинамъ и товариществамъ, чтобы осуществить регалію въ полной мѣрѣ.

Уже Карлъ IV оказался вынужденнымъ признать въ своей Золотой Буллѣ горную регалію курфюрстовъ. Карлъ V въ своемъ избирательномъ капитулѣ 1519 года гарантировалъ имперскимъ штатамъ ихъ регаліи. Въ горныхъ общинахъ марковое устройство было къ тому времени совершенно уничтожено, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ имѣлись наиболѣе богатые горные промыслы. Мѣсто свободно избранныхъ общинныхъ чиновниковъ заняли чиновники, назначаемые мѣстными князьями, руководившіе эксплоатаціей рудниковъ независимо отъ членовъ марки и промышленниковъ, отправлявшіе правосудіе и рѣшавшіе вопросъ о томъ, кто долженъ быть пожалованъ рудникомъ, а кто нѣтъ; были упразднены также ограничительныя постановленія общинъ по отношенію къ горному промыслу. Эти ограниченія все больше шли въ разрѣзъ съ требованіями развивающейся горной промышленности. Все сильнѣе возрастала потребность ея въ рабочихъ рукахъ, которыя приходилось привлекать издалека, такъ какъ въ пустынныхъ горныхъ областяхъ, гдѣ обыкновенно были расположены промыслы, населеніе было очень скудно; чѣмъ обширнѣе становились рудники и чѣмъ дороже обходилась ихъ эксплоатація, тѣмъ больше они нуждались въ притокѣ крупныхъ капиталовъ; отсюда стремленіе открыть крупнымъ городскимъ купцамъ доступъ къ пріобрѣтенію рудниковъ въ собственность. Богатые купцы находились, обыкновенно, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ князьями, которыхъ они часто выручали изъ денежныхъ затрудненій своимъ золотомъ; и это обстоятельство, повидимому, побуждало мѣстныхъ князей употреблять свою власть на то, чтобы лишать членовъ марки ихъ привилегій на эксплоатацію горныхъ промысловъ. Горные промыслы были выдѣлены изъ общинъ, и горы, на которыхъ они были расположены, были объявлены «свободными». На свободныхъ горахъ рудничный промыселъ былъ дозволенъ всякому, получившему разрѣшеніе князя.

Когда, такимъ образомъ, былъ открытъ доступъ пришлому элементу, то въ горныя области, и особенно на серебряные и золотые пріиски, хлынула пестрая толпа купцовъ, ростовщиковъ, искателей приключеній, рабочихъ, нищихъ, стремившихся добыть себѣ счастье. Это дало возможность горному дѣлу быстро развиться.

Связь горнаго промысла съ маркой была окончательно порвана. Послѣ этого неудивительно, что воспитанные на римскомъ правѣ юристы, не имѣвшіе никакого понятія о марковомъ устройствѣ, совершенно оказались безсильными уяснить себѣ развившееся изъ него нѣмецкое горное право. Только составившія эпоху изслѣдованія Г. Л. фонъ-Маурера объ устройствѣ марки дали ключъ къ уразумѣнію германскаго горнаго права, какъ, впрочемъ, и нѣкоторыхъ другихъ соціальныхъ установленій.

II. Крупное капиталистическое производство въ горномъ дѣлѣ.

Для юриста, воспитаннаго на римскомъ правѣ, горная промышленность Германіи начала XVI столѣтія представляла своеобразное зрѣлище.

Эксплоататоръ рудника не имѣлъ на него права собственности, а лишь право пользованія. Это послѣднее давалось предпринимателю королевскимъ чиновникомъ, горнымъ мастеромъ. Получившій право пользованія (Muther) организовывалъ товарищество съ четырьмя паями, или куксами [1]), (отъ чешскаго Kus, т. е. часть), а позднѣе и съ большимъ числомъ ихъ. Опредѣленное количество куксовъ предоставлялось въ собственность князя, остальные куксы поступали въ продажу. Владѣлецъ одного или нѣсколькихъ куксовъ становился «промышленникомъ». Такимъ образомъ, рудники эксплоатировались акціонерными обществами. Но куксъ давалъ права собственности не на рудникъ, а лишь на *чистый доходъ* отъ него, каковой распредѣлялся между владѣльцами куксовъ. Распредѣлялись между ними и расходы по эксплоатаціи горнаго промысла. Если втеченіе нѣко-

---

[1]) Въ этомъ своеобразномъ горномъ законодательствѣ цифра 4 играетъ большую роль. Изъ куттенбергскаго горнаго устава опредѣленно явствуетъ, что горному праву первоначально было извѣстно раздѣленіе промысла только на четыре равныя части, если даже рудникъ эксплоатировался нѣсколькими промышленниками. Позднѣе было установлено 8, 16, 32 кукса, и, наконецъ, 4 × 32 = 128, каковое число становится съ этихъ поръ постояннымъ. Впервые мы находимъ его въ одномъ документѣ, относящемся къ 1327 году; но во Фрейбергѣ раздѣленіе права эксплоатаціи промысла на 128 куксовъ было установлено только съ 1698 года (ср. *Ахенбахъ*, цит. соч., стр 291).

тораго времени расходы по эксплоатаціи превышали доходы, а промышленникъ оказывался не въ состояніи вносить причитавшіяся съ него доплаты, то онъ терялъ свой куксъ, который передавался въ собственность одного изъ членовъ товарищества. Если эксплоатація рудника вовсе прекращалась, то товарищество лишалось всякаго права на него, и князь воленъ былъ передать промыселъ въ другія руки.

Указанныя положенія горнаго законодательства рѣзко расходятся съ понятіями о собственности, установленными римскимъ правомъ. Но этого мало. Самымъ процессомъ производства руководили чиновники князя, узурпировавшаго права марки, промышленники же могли оказывать лишь самое ничтожное вліяніе на эксплоатацію рудниковъ.

Горное уложеніе герцога и курфюрста Августа Саксонскаго (напечатано въ 1574 г.) перечисляетъ въ третьей статьѣ слѣдующія категоріи княжескихъ горныхъ чиновниковъ: два *горныхъ совѣтника* (Bergrath), обязанные разъ въ полгода осматривать горные промыслы вмѣстѣ съ *главнымъ начальникомъ* (Hauptmann), *главнымъ горнымъ мастеромъ* (Oberbergmeister) и *горноуправителемъ* (Bergwerksverwalter). «Кромѣ того, въ каждомъ горнопромышленномъ городѣ, смотря по его расположенію и величинѣ рудника, мы учредили и приказали замѣстить еще слѣдующія должности: одного *горнаго мастера* (Bergmeister) и изрядное число *присяжныхъ* (Geschworene), свѣдущихъ людей, *десятниковъ*, чиновниковъ *распредѣляющихъ* прибыли (Austheiler), *регистраторовъ* (Gegenschreiber), *горныхъ писарей* (Bergschreiber), *управляющихъ заводами* (Hüttenverwalter), *стряпчихъ и заводскихъ писарей* (Recess-und Hüttenschreiber), *сереброплавильщиковъ* (Silberbrenner) и *маркшейдеровъ*».

Промышленники назначаютъ (ст. 42) штейгеровъ и шахтмейстеровъ, но только съ согласія и утвержденія главнаго управляющаго, главнаго горнаго мастера, горноуправителя и горнаго мастера даннаго мѣста. Согласно ст. 44, этимъ чиновникамъ предоставлено право увольнять штейгеровъ и шахтмейстеровъ.

Шахтмейстеръ принимаетъ рабочихъ и разсчитываетъ ихъ, но только съ одобренія горнаго мастера и двухъ присяжныхъ.

Агрикола, изъ книги [1]) котораго мы заимствовали послѣднее указаніе,

---

[1]) Мы пользовались нѣмецкимъ, прекрасно иллюстрированнымъ изданіемъ: „Vom Bergwerk XXII Bücher, darin alle Empter, Instrument, Gezeuge und alles zu disem Handel gehörig, mitt schönen Figuren vorbildet und klärlich beschrieben sindt, erstlich in lateinischer Sprach durch den Hochgelehrten und Weittberümpten Herrn Georgium Agricolam, Doctorn und Bürgermeistern der Churfürstlichen Statt Kempnitz, jetzund aber verteutscht

сообщаетъ намъ, также, подробности о дѣятельности отдѣльныхъ чиновниковъ.

Главному горному начальнику должны подчиняться всѣ, такъ какъ онъ—верховный судья. За нимъ непосредственно слѣдуетъ *горный мастеръ*, который по средамъ, вмѣстѣ съ присяжными, отправляетъ правосудіе. Въ другіе дни онъ посѣщаетъ рудники, давая указанія относительно работъ. По субботамъ штейгеры должны давать ему отчетъ. *Горный писарь* пишетъ «записки для тѣхъ, кто желаетъ получить рудникъ», и каждую четверть года составляетъ отчеты доходовъ и расходовъ по эксплоатаціи рудниковъ для промышленниковъ; онъ же ведетъ приходо-расходную книгу. *Десятникъ* принимаетъ выручку отъ эксплоатаціи рудника и выдаетъ штейгерамъ деньги, необходимыя для производства работъ. Чистый доходъ вручается промышленникамъ *раскладчикомъ*. Если вмѣсто дохода получается дефицитъ, то горный писарь вписываетъ сумму причитающихся съ промышленниковъ доплатъ въ особый листокъ, который просматривается горнымъ мастеромъ и двумя горными присяжными, а затѣмъ, съ ихъ одобренія, вывѣшивается на дверяхъ промышленниковъ (или ихъ представителей).

Штейгеръ управляетъ рудничными работами и выдаетъ заработную плату, опредѣляя размѣръ ея вмѣстѣ съ присяжными. «Иногда они (присяжные) вмѣстѣ съ штейгерами предлагаютъ горнорабочимъ пробить нѣсколько лахтеровъ [1]) забоя, дабы, въ зависимости отъ того, какая встрѣтится порода—твердая или мягкая, установить болѣе высокую или болѣе низкую заработную плату». Если рабочіе неожиданно наткнутся на болѣе твердую породу, то заработная плата имъ соотвѣтственно повышается. Если же порода окажется мягче, чѣмъ предполагалось, то заработную плату понижаютъ.

Наконецъ, *шахтмейстеру* принадлежитъ руководство и надзоръ за работой въ рудникѣ. Мы видимъ, что, если не считать участія въ *коммерческой сторонѣ* дѣла,—въ серебряныхъ рудникахъ также, впрочемъ, несложной, ибо серебро шло на чеканку монеты,—роль промышленниковъ въ горномъ производствѣ сводилась къ тому, чтобы платить деньги, когда дѣла шли плохо, и загребать деньги, когда они шли хорошо, Правда, Агрикола совѣтуетъ (стр. 31) промышленникамъ самимъ жить въ горахъ, чтобы присматривать за рабочими. Имъ-де не слѣдуетъ полагаться на штейгеровъ. «Das Auge des Herrn mästet die Pferde»

---

durch den Achtparen vnd Hochgelehrten Herrn Philippum Bechium, Philosophen, Artzet und der loblichen Universität zu Basel Professoren", Базель, 1557, стр. 73.

[1]) Лахтеръ, мѣра длины, равная почти двумъ метрамъ.

(хозяйскій глазъ дѣлаетъ коней гладкими). Но совѣтъ Агриколы служитъ лишь доказательствомъ того, что уже въ его время промышленники предпочитали жить вдали отъ мѣстъ, гдѣ создавались ихъ богатства; процессъ производства могъ протекать совершенно безъ ихъ участія, ибо его взяла въ свои руки княжеская бюрократія.

Но чѣмъ меньше производство нуждалось въ *личности* промышленника, тѣмъ больше требованій предъявляло оно на его *капиталъ*. Въ скоромъ времени успѣшная и удачная эксплоатація горнаго промысла стала привилегіей крупныхъ капиталистовъ, богатыхъ купцовъ и банкировъ, жившихъ въ городахъ.

Къ концу среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени горнопромышленная техника развилась весьма сильно, въ особенности въ *Германіи*, являвшейся въ то время «Перу Европы», самой богатой серебромъ и золотомъ страной.

Трудности и опасности горнаго дѣла быстро возрастаютъ по мѣрѣ проникновенія вглубь земныхъ нѣдръ. Поэтому, какъ мы уже отмѣтили, добыча большинства минераловъ, напр., желѣза и каменнаго угля, въ тетеченіе долгаго времени велась весьма примитивно [1]). Работая простыми инструментами, невозможно было проникнуть далѣе опредѣленныхъ границъ; поднимать руду на поверхность было крайне трудно; доступъ воздуха въ рудники становился все труднѣе, что мѣшало дальнѣйшему

[1]) Вплоть до середины XIX столѣтія способъ добычи угля въ Рудныхъ Горахъ былъ настолько мало доходенъ, что препятствовалъ возникновенію крупной промышленности. Большинство промысловъ—небольшіе рудники, нерѣдко простыя открытыя выемки, изъ которыхъ уголь добывался самимъ промышленникомъ, его женой и дѣтьми; горнымъ промысломъ занимались обыкновенно только зимой, когда прекращались сельско-хозяйственныя работы. Промышленниками, въ большинствѣ случаевъ, были крестьяне (ср. *Брафъ*, Studien über nordböhmische Arbeiterverhältnisse, Прага, 1881, стр. 4).—Шиферъ въ Мейнингенѣ-Оберландѣ еще до сихъ поръ добывается самымъ первобытнымъ образомъ. „... Повсюду процессъ добычи состоитъ въ томъ, что въ мѣстахъ, гдѣ шиферъ получше и залегаетъ поближе къ поверхности, и гдѣ его легче добывать для обработки, прокладываются многочисленные шурфы. Разрабатываютъ лишь наилучшіе пласты, отвалъ ссыпаютъ вблизи отъ мѣста добычи и работу совершенно прекращаютъ, какъ только шиферный слой обрывается, благодаря частымъ здѣсь нарушеніямъ напластованія, или какъ только шурфовая скважина затопляется водой, благодаря тому, что водоотливныя сооруженія плохи или даже вовсе отсутствуютъ. Добыча ведется мелкими товариществами арендаторовъ-рабочихъ, которые добываютъ сырой матеріалъ изъ каменоломенъ сами. (*Э. Заксъ*. Die Hausindustrie in Thüringen. Iena 1882, I, стр. 70). Такова же, повидимому, была вначалѣ картина любого горнаго промысла.

проникновенію вглубь, а подземныя воды затопляли рудники. Алчная погоня за благородными металлами преодолѣла всѣ эти препятствія. Она принудила служить себѣ творческій духъ изслѣдователей, практиковъ и ученыхъ, ставила еще только зарождавшейся научной техникѣ все новыя и все болѣе сложныя задачи, толкала ее отъ одного изобрѣтенія къ другому, заставила покорять себѣ силы природы, изобрѣтать все болѣе дѣйствительныя орудія труда и создавать все болѣе величественныя сооруженія.

Такимъ образомъ, уже въ XVI столѣтіи горное дѣло достигло въ Германіи поразительно высокаго техническаго уровня.

Желающій ознакомиться съ этимъ подробнѣе найдетъ прекрасное пособіе въ видѣ упомянутой уже нами книгѣ *Георга Агриколы* изъ Хемница.

Но для нашей цѣли достаточно будетъ передать картину, изображенную въ менѣе детальной и спеціальной, но болѣе живо, кратко и образно написанной книгѣ іоахимстальскаго пастора Маттезія; въ своей «Sarepta» онъ знакомитъ съ техническими пріемами, примѣнявшимися въ его время на серебряныхъ рудникахъ [1]).

Наука была уже тогда на службѣ у горной промышленности. Устроителями и руководителями промысловъ являлись инженеры, получившіе научное образованіе. Искусство эксплоатаціи далеко превосходило силы простого, необразованнаго горнорабочаго.

Правда, *компасомъ* долженъ былъ научиться владѣть всякій рабочій. «Это прекрасный инструментъ, достойный благодарности и похвалы. Ибо онъ указываетъ путь не только путешественникамъ на землѣ и морякамъ въ открытомъ морѣ, но и вамъ, горнорабочіе, такъ что, будучи подъ землей, вы можете знать въ какую сторону (часть свѣта) направляются ходы и куда надлежитъ идти». Отсюда видно, какими сложными и многоразвѣтвленными сооруженіями были рудники того времени, разъ горнорабочій не могъ оріентироваться безъ компаса. Особенно большія услуги оказывалъ онъ инженерамъ въ ихъ тригонометрическихъ измѣреніяхъ для опредѣленія границъ отдѣльныхъ рудниковъ (маркшейдерское искусство), для проведенія вентиляціонныхъ шахтъ и прочихъ работъ. «Въ особенности пригоденъ онъ (компасъ) для благороднаго маркшейдерскаго искусства, необходимаго въ горномъ дѣлѣ для всякаго, кто не желаетъ вести работу въ убытокъ промышленникамъ (владѣльцамъ рудниковъ), хочетъ быстро

[1]) *Іоаннъ Маттезій*, „Bergpostilla oder Sarepta... Sampt der Ioachimsthalischen kurtzen Chroniken biss auffs 1578 Jar“, Нюренбергъ, 1578. Книга представляетъ изъ себя сборникъ проповѣдей, произнесенныхъ въ 1553—1562 годахъ.

сдѣлать дурхшлаги [1]), откачать воду, открыть притокъ вѣтра (воздуха) и не нарушать права другихъ вторженіемъ въ чужіе рудники... Несвѣдущіе во всемъ этомъ должны какъ слѣдуетъ изучить эвклидову и основную геометрію, научиться обращаться съ инструментами, измѣрительными цѣпями и приборами, равно и со всѣми прочими измѣрительными приспособленіями,—инструментами, масштабами и шнурами,—давно уже примѣняемыми. Понимать же толкъ въ тріангуляціи и пользоваться пропорціями можетъ дѣйствительно настоящій мастеръ своего дѣла» (стр. 143).

Мы видимъ, что уже въ это время развивается характерная особенность крупной капиталистической промышленности,—раздѣленіе рабочихъ на два класса: съ одной стороны—необученные чернорабочіе, предметомъ широкой эксплоатаціи которыхъ является ихъ физическая сила, и съ другой стороны—образованные, интеллигентные работники, широко эксплоатируемые со стороны ихъ умственныхъ способностей.

Въ началѣ XVI столѣтія «перепроизводства интеллигенціи», однако, не наблюдалось, по крайней мѣрѣ, въ области технической, и развѣ только въ теологической.

Инженеры не были такъ многочисленны, какъ теперь, и оттого цѣнились больше. Потому-то Маттезій и восклицаетъ, что «умѣнье и трудъ искусника нужно цѣнить, а также научиться предпочитать замѣчательныхъ людей, вооруженныхъ истиннымъ знаніемъ, всякому другому горному рабочему, который способенъ проложить и оборудовать развѣ только старую шахту. Слѣдуетъ относиться къ нимъ, какъ относились къ отмѣченнымъ Богомъ и природой искусникамъ князья и владѣтельные господа, умѣвшіе цѣнить ихъ по достоинству. Императоръ Максимиліанъ былъ весьма высокаго мнѣнія о своихъ искусникахъ; ибо, когда человѣкъ, устроившій сооруженіе въ Иннсбрукѣ и примѣнившій водное искусство (откачиваніе воды) въ Куттенбергѣ, и даже осушившій большое озеро сооруженіемъ, похожимъ на сифонъ или ливеръ, встрѣтилъ дурное обращеніе со стороны нѣкоторыхъ лицъ и предсталъ съ жалобами предъ владыкой-императоромъ, то благочестивый императоръ сказалъ: «Эти люди не умѣютъ обращаться съ искусниками».

«Но такъ какъ съ Божьей помощью эти и другія свободныя искусства теперь снова изучаются въ школахъ наряду съ Евангеліемъ, и многіе добрые люди знаютъ ихъ пользу, а также и то, какъ нужно измѣрять землю при помощи квадрангуляціи и тріангуляціи, то владѣльцамъ рудниковъ и горнымъ городамъ надлежитъ содѣйствовать выдающимся

[1]) Проломы, соединяющіе между собою отдѣльные подземные корридоры (выработки).

*

людямъ, обладающимъ природной склонностью, охотой, любовью къ математикѣ и искусствамъ, равно и помогать имъ пріобрѣсти такія основательныя знанія въ маркшейдерскомъ искусствѣ и научиться изобрѣтать такіе полезные и прочные инструменты, чтобы возможно было легко и дешево, изо дня въ день подымать на поверхность воду и камень (породу)».

Такимъ образомъ, уже въ началѣ XVI столѣтія наука находится на службѣ у горнаго дѣла; традиціи, обычаи отцовъ, играющіе значительную роль въ ремеслѣ, осуждены на гибель. Ихъ мѣсто занимаетъ новый революціонный факторъ—систематическое научное изслѣдованіе; цѣль его—постоянный переворотъ въ производствѣ, изобрѣтеніе все болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ, т. е. такихъ, которые требуютъ меньшихъ расходовъ и сберегаютъ больше труда. Все это вмѣстѣ составляетъ характерныя черты современнаго крупнаго капиталистическаго производства.

Насколько, благодаря этимъ обстоятельствамъ, процвѣтало въ горномъ дѣлѣ примѣненіе машинъ, можно видѣть изъ слѣдующаго описанія Маттезія (стр. 145 и слѣд.): «Горная работа—тяжкій трудъ (Rossarbeit); иной, работая у ворота и поднимая тяжелую руду или воду, не только начинаетъ харкать кровью, но и вовсе губитъ свою жизнь, ибо весь день откачиваетъ воду нагимъ, выполняя заданный урокъ. Велики милости и дары Бога, ибо Онъ все же облегчаетъ полезными инструментами и сооруженіями тяжкій трудъ въ потѣ лица, наложенный на человѣческій родъ за грѣхи; Онъ впрягаетъ на мѣсто человѣка лошадь и позволяетъ пользоваться при помощи прекрасныхъ сооруженій водой, вѣтромъ и *огнемъ*, чтобы поднимать изъ самыхъ нѣдръ на поверхность воду и руду, уменьшать затраты и быстрѣе обнаружить и извлечь скрытыя въ землѣ сокровища.

«За эти благодѣянія, выражающіяся въ томъ, что животныя и стихія порабощаются и несутъ свою службу, а многія искусныя головы оказываютъ горному дѣлу пользу своими изобрѣтеніями,—мы обязаны благодарностью Богу, славой и похвалой—людямъ. Горекъ хлѣбъ для тѣхъ, кому приходится стоять весь день у тяжелаго ворота и за какой нибудь пфеннигъ дѣлать вокругъ него много оборотовъ, подвергаясь частымъ толчкамъ ворота и ударамъ его рукоятокъ. Нелегко также двоимъ подымать въ одну смѣну много десятковъ ведеръ воды, когда одинъ ушатъ содержитъ почти цѣлое ведро; это стоитъ большихъ усилій и высасываетъ у рабочаго мозгъ изъ костей рукъ и ногъ. Но Богъ далъ намъ такихъ искусниковъ, которые придумали дѣйствительно выгодныя и полезныя вещи, снабдили воротъ маховымъ колесомъ, шестернями, передаточными штангами, чтобы можно было легче и съ большей выгодой пользоваться

воротомъ. Прилажены также шкивы и колеса съ шпилями, сообщающіеся съ зубчатыми колесами и цѣлыми наборами зубчатыхъ колесъ, а также ступеньчатыя колеса, дабы въ подъемѣ руды и воды участвовали не только руки и плечи, но и ноги и все тѣло; и это также достойно благодарности. Стоячій воротъ также прекрасное сооруженіе, ибо при его помощи на поверхность подымается какъ вода, такъ и порода, причемъ такимъ воротомъ въ одну смѣну можно поднять больше, чѣмъ двадцатью ручными воротами. Хороши и конные приводы съ тормазной шайбой (Premscheibe [1]). Вамъ будетъ также легче и несравненно выгоднѣе работать, если вы подвѣсите въ рудникахъ валы и перекладины, дабы у васъ были свои шпили, блоки и передаточныя штанги. Горнымъ жителямъ или горцамъ надо имѣть мѣхи (Utres у Агриколы) и кожанные мѣшки, чтобы привозить въ нихъ зимой руду на заводы, а также пользоваться собаками, чтбы оттаскивать эти мѣшки (пустыми) обратно въ горы.

«Широкая и хорошо крѣпленная штольня съ боковыми сточными желобами представляетъ собою прекраснѣйшее рудничное сооруженіе, такъ какъ черезъ нее стекаетъ вода, уходитъ плохой воздухъ (вредные газы) и поступаетъ свѣжій воздухъ, равно производится подъемъ руды въ бадьяхъ и собакахъ [2]); за это наши горнорабочіе также должны благодарить Бога, а подати свои—четвертый и девятый пфеннигъ—вносить охотно, не медля и исправно. Тамъ же, гдѣ нельзя проложить штольни, весьма цѣнными оказываются тѣ водоотливныя сооруженія, которыя подымаютъ воду бадьями, при помощи ворота, снабженнаго шайбой или колесомъ, вращаемымъ ногами людей, или приводимаго въ движеніе вѣтромъ или водой. Гдѣ имѣются подземные водные потоки, тамъ при помощи особыхъ сооруженій, можно поднять воду выше ея естественнаго уровня и провести ее въ замки и на высоты, что уже и дѣлается въ многихъ мѣстахъ. Но, чтобы поднять посредствомъ такихъ сооруженій подземныя воды, необходимо провести въ рудникъ воду съ поверхности, каковое сооруженіе и было задумано на рудникѣ Питіи, богатый владѣлецъ котораго умеръ въ самой водоотливной будкѣ, огорченный неудачей своего замысла. Но мастера своего дѣла придумали много прекрасныхъ и цѣнныхъ водоотливныхъ сооруженій; особенно хороши трубчатыя штанги и насосы (Pumpenberg), подымающіе рудничную воду въ штольни или на поверхность, при помощи силы людей, воды или вѣтра [3]).

---

[1]) Шайба для торможенія у *Агриколы*.

[2]) Родъ вагонетокъ, ходившихъ по доскамъ.

[3]) Агрикола вмѣсто „Pumpenberg" употребляетъ латинское слово Fibulae, болты (?). Онъ описываетъ въ 6-ой книгѣ своего сочиненія сооруженія, вычерпывающія воду *ведрами*, семь видовъ *насосовъ* и шесть видовъ „сооруженій, вычерпывающихъ воду (полыми) штангами".

«Вы, горнорабочіе, въ своихъ пѣсняхъ должны прославлять тѣхъ добрыхъ людей, которые изловчились подымать на поверхность руду и воду при помощи вѣтра, и которые даютъ вамъ возможность подымать изъ рудниковъ *воду при помощи огня* [1])...

«Но разъ я говорилъ вамъ о поразительныхъ изобрѣтеніяхъ, то подъ конецъ, какъ священникъ на горномъ промыслѣ, я обязанъ воздать благодарность Богу и за прекрасныя сооруженія, дающія возможность проводить или вгонять въ штольни хорошій воздухъ и выгонять изъ нихъ плохой, при помощи воздухопроводовъ (Lutten, у Агриколы—Lotten, по-латыни canalis longus, длинные трубы), мѣховъ и воздуходувныхъ щитовъ. Весьма полезно провести отъ конца штольни такую сколоченную изъ досокъ трубу, щели которой замазаны глиной или супесью, ибо тогда въ рудникъ входитъ хорошій, свѣжій воздухъ, а дурной воздухъ можетъ выходить изъ рудника по воздухопроводу; особенно тамъ, гдѣ дурной воздухъ (böse Wetter) высасывается мѣхомъ, его мѣсто быстро занимаетъ свѣжій, ибо природа не терпитъ, чтобы пространство было незамѣщеннымъ, пустымъ и лишеннымъ воздуха.

«Говорятъ, что въ Куттенбергѣ дурной воздухъ изгоняется при помощи большихъ трубъ, на подобіе дымоходныхъ, особенно когда разводится огонь [2]), и приэтомъ проводятъ хорошій воздухъ въ шахтѣ на глубину *пятисотъ лахтеровъ* и даже больше; да и у насъ, въ Іоахимсталѣ недавно сдѣлали приспособленіе, посредствомъ котораго воздухъ вгоняется мѣхами по трубамъ на глубину нѣсколькихъ сотъ лахтеровъ, хотя для этого и пришлось, съ большими издержками, пробить двѣ штольни, лежащія одна надъ другой».

Здѣсь Маттезій говоритъ исключительно о *рудничномъ дѣлѣ.* Изъ сочиненія же Агриколы можно узнать, какія сложныя приспособленія употреблялись въ то время и для *переработки руды*: дробильныя мельницы, плавильныя печи, аппараты для отдѣленія металла и переработки «твердыхъ соковъ», т. е. соли, стекла и т. п. Сообщеннаго нами, очевидно, достаточно для выясненія того, что горный промыселъ XVI столѣтія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи добычи благородныхъ металловъ, давно уже утратилъ свой чисто-ремесленный характеръ. Онъ уже не являлся совокупностью простыхъ ручныхъ пріемовъ, которые изучались горнорабочимъ за время его обученія, благодаря чему, по окончаніи ученическаго періода,

[1]) Не имѣется ли здѣсь въ виду впослѣдствіи забытая паровая машина?

[2]) Здѣсь говорится о *работѣ при помощи огня.* Огонь разводился на глыбахъ породы, которая отъ этого становилась рыхлой и раскалывалась. Безъ хорошей вентиляціи примѣнять такой способъ было, конечно, невозможно.

его знанія охватывали весь циклъ промысловой работы. Теперь работа настолько усложнилась, что вышла за предѣлы способностей средняго горнорабочаго; рудникъ развился до степени мощнаго, сложнаго организма, требовавшаго примѣненія большихъ, искусно построенныхъ и дорого стоющихъ приспособленій; это былъ организмъ, отдѣльными частями котораго могли управлять и руководить только научно подготовленные техники, «искусники», который можно было приводить въ движеніе лишь силами, превосходящими силу человѣка, наконецъ, организмъ, для содержанія и поддержки котораго требовался *капиталъ*.

При такихъ условіяхъ пролетарій не имѣлъ никакой надежды стать собственникомъ, хотя бы только одного рудника, составляющаго часть всего промысла. Да и мелкіе капиталисты, каждый въ отдѣльности, оказывались не въ состояніи оплачивать расходы, связанные съ устройствомъ хорошихъ рудничныхъ сооруженій.

Правда, для этого они могли образовать товарищества, союзы изъ нѣсколькихъ человѣкъ, что они и дѣлали [1]). Но дѣло у нихъ шло далеко не всегда успѣшно.

Геологія находилась въ то время лишь въ періодѣ зачаточнаго развитія, и поэтому горное дѣло еще болѣе походило на азартную игру, чѣмъ, зачастую, въ наше время. Размѣръ добычи рудниковъ колебался въ совершенно невѣроятной пропорціи. Подчасъ работы прекращались не только на отдѣльныхъ рудникахъ, но на цѣлыхъ обширныхъ промысловыхъ площадяхъ, затѣмъ, чтобы снова возобновиться еще съ большимъ успѣхомъ.

Въ X столѣтіи приступлено было къ разработкѣ серебряныхъ рудниковъ Гарца (въ Госларѣ). Въ первыя 100 лѣтъ они приносили богатѣйшіе доходы. Затѣмъ мы не находимъ объ этихъ рудникахъ почти никакихъ свѣдѣній и, наконецъ, узнаемъ, что разработка ихъ была возобновлена въ 1205 году послѣ многолѣтняго перерыва.

Въ XII столѣтіи началась эксплоатація саксонскихъ серебряныхъ горныхъ промысловъ, а въ XIII — богемскихъ. Венцель II Богемскій заявлялъ въ 1295 году въ своемъ горномъ уставѣ, что золотые и серебряные пріиски повсюду истощены, и лишь одна Богемія изобилуетъ золотомъ и серебромъ. Горные промыслы Гослара были заброшены еще разъ въ продолженіе всего XIV столѣтія, снова начали разрабатываться только съ 1419 года и эксплоатировались втеченіе всего XV столѣтія.

Мейсенскіе горные промыслы разрабатывались все время. Но какъ колебалась ихъ добыча!

---

[1]) Паи (куксы) не всегда были доступны мелкимъ капиталистамъ. На нѣкоторыхъ рудникахъ Іоахимсталя одинъ куксъ стоилъ *тысячу іоахимсталеровъ*,—для того времени сумма значительная.

Доходъ отъ Маріенбергскихъ рудниковъ опредѣлялся: въ 1520 году—258 фл.; въ 1521 г.—772 фл.; 1522 г.—1.806 фл.; 1523 г.—1.161 фл.: 1529 г. — 2.562 фл.; 1530 г. — 6.572 фл.; съ этихъ поръ доходность быстро возрасла, достигла своей высшихъ точки въ 1540 г., давшемъ 270.384 фл., и снова упала въ 1552 году до 22,749 фл.

Въ Шнеебергѣ прибыль (превышеніе надъ расходами по эксплоатаціи) опредѣлялась такъ:

Годы:	Марки.	Годы:	Марки.
1511	6.192	1519	6.779
1512	59.340	1520	10.787
1513	17.673	1521	774
1514	8.127	1522	6.321
1515	14.214	1523	1.935
1516	21.156	1524	253
1517	25.324	1525	2.515
1518	9.675	—	—

Итакъ, выданная прибыль въ рудникахъ съ *активнымъ* балансомъ колебалась между 59.000 и 250 марками. Сколько приходилось доплачивать въ рудникахъ съ *пассивнымъ* балансомъ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, на многихъ промыслахъ были годы, заканчивавшіеся крупнымъ дефицитомъ, когда приходилось или дѣлать крупныя доплаты, или же прекращать работу (хотя бы частично) и, такимъ образомъ, терять капиталъ, вложенный въ рудникъ.

Крупный капиталистъ, способный выждать лучшаго времени, получалъ въ среднемъ за нѣсколько лѣтъ хорошую прибыль; мелкій же капиталистъ быстро становился нищимъ. Но если ему и везло, если его предпріятіе оказывалось доходнымъ, то у крупныхъ капиталистовъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ на князей и княжескихъ чиновниковъ, было все же немало средствъ, чтобы погубить доходное предпріятіе мелкаго капиталиста.

Агрикола сообщаеть, что многіе считали занятіе горнымъ промысломъ безнравственнымъ дѣломъ, и именно изъ-за слѣдующихъ фактовъ, отрицать которыхъ онъ не можетъ: «Когда гдѣ нибудь опредѣляется возможность добывать изъ земли металлъ, то туда является князь или представители власти и лишаетъ промышленниковъ ихъ права владѣнія даннымъ участкомъ [1]); а то появляется упрямый сосѣдъ-сутяга и начинаетъ судебный

[1]) Статья 1 горнаго уложенія Августа Саксонскаго, изданнаго въ 1574 г., обѣщаетъ промышленникамъ, что впредь ихъ участки не будутъ *конфисковываться*, какъ это часто дѣлали до сихъ поръ. Откровенное официальное признаніе.

процессъ съ давнишнимъ владѣльцемъ участка, стремясь оттягать у него хотя бы часть рудника. Бываетъ и такъ, что горный начальникъ налагаетъ на промышленниковъ крупныя доплаты, дабы лишить ихъ паевъ изъ-за ихъ нежеланія или невозможности платить назначенную сумму и, такимъ образомъ, захватить рудникъ въ собственное пользованіе. Или же штейгеръ совершенно запускаетъ рудникъ, а затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, когда промышленники считаютъ рудникъ окончательно исчерпаннымъ и прекращаютъ его разработку, штейгеръ снова начинаетъ ломать породу и насильно присваиваетъ себѣ добычу. Вообще, всѣ эти горнопромышленники (здѣсь, конечно, не говорится о горнорабочихъ)—люди лицемѣрные, лживые и распущенные... Они или расхваливаютъ рудникъ лицемѣрно и ложно, дабы продать свои куксы (Cuggis) вдвое дороже противъ ихъ настоящей цѣны, или же, наоборотъ, бранятъ рудникъ, чтобы самому скупить куксы подешевле» (книга 1).

Неудивительно, что горное дѣло пользовалось тогда такой же плохой репутаціей, но и было столь же привлекательно для капиталистовъ, какъ въ наше время—биржа. Горная промышленность, какъ и биржа, служила для крупныхъ и алчныхъ капиталистовъ средствомъ экспропріировать въ свою пользу капиталы мелкихъ предпринимателей, которые были совершенно безсильны по отношенію къ такимъ богачамъ, какъ Фуггеры, арендовавшіе швицкіе золотые рудники [1]), или цвикаускіе купцы, братья Ремеръ,—два дѣльца, присвоившіе себѣ львиную долю въ шнеебергскихъ серебряныхъ рудникахъ и чрезвычайно увеличившіе этимъ свое богатство.

«Кто желаетъ заниматься горнымъ дѣломъ—говоритъ Маттезій (6 проповѣдь)—тотъ долженъ обладать или *деньгами*, или *сильными руками*, ибо копать, шурфовать и прочее могутъ только или *богатые, или бѣдные*». Иначе говоря—въ горной промышленности находили себѣ мѣсто только или *крупные капиталисты* или *пролетаріи*.

---

[1]) „Аугсбургскіе Фуггеры отъ однихъ только швицкихъ рудниковъ въ Тиролѣ, отданныхъ имъ въ залогъ, получали ежегодно 200.000 фл.; общество Augsburger Höchstetter добывало въ своихъ рудникахъ (въ 1511—1517 гг.) серебра не менѣе какъ на 149.770 марокъ и мѣди не менѣе 52.915 центнеровъ“ (*I. Янссенъ*, Geschichte des deutschen Volkes, II., стр. 390).

III. Горнорабочіе.

По мѣрѣ того, какъ члены древнихъ горныхъ общинъ превращались въ капиталистовъ-промышленниковъ, батраки или рудокопы, нѣкогда разрабатывавшіе промысла вмѣстѣ съ этими членами общинъ, превращались въ люмпенпролетаріевъ. Они уже не работали вмѣстѣ съ хозяевами и не жили вмѣстѣ съ ними въ ихъ домѣ, семьѣ, раздѣляя общія радости и горести. Старыя патріархальныя отношенія порвались. Зачастую рудокопы не знали даже въ лицо капиталиста, на котораго они работали,—обыкновенно, какого нибудь богатаго купца, жившаго въ далекомъ городѣ и неимѣвшаго никакого понятія о горномъ дѣлѣ.

Правда, тамъ, гдѣ горный округъ былъ выдѣленъ изъ общей марки и объявленъ «свободнымъ», тамъ всякому, въ томъ числѣ и бѣдному, теоретически предоставлялась возможность стать промышленникомъ. Но если, благодаря описаннымъ въ предыдущей главѣ условіямъ, для малосостоятельнаго человѣка это было рискованнымъ, то для неимущаго—прямо невозможнымъ. Въ лучшемъ случаѣ, перспектива добиться такой самостоятельности открывалась порой лишь какому нибудь штейгеру.

Въ началѣ XVI столѣтія положеніе горнорабочихъ было, по сравненію съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ теперь, довольно удовлетворительнымъ. Ежедневное рабочее время, смѣна, опредѣлялась, обыкновенно, 7-ю часами. Первая смѣна начиналась въ 4 часа утра и кончалась въ 11 часовъ утра; вторая продолжалась съ 12-ти до 7-ми. Ночная смѣна (съ 8-ми часовъ вечера до 3-хъ утра) допускалась лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Ни одинъ горнорабочій не могъ работать двѣ смѣны подрядъ, такъ какъ иначе онъ могъ заснуть на работѣ, «ибо долгая и тяжкая работа утомляетъ».

Работы прекращались не только по воскресеньямъ и вторникамъ, но и по *субботамъ*; послѣднимъ днемъ горнорабочіе пользовались для закупки пищевыхъ продуктовъ на ближайшую недѣлю. Такимъ образомъ, недѣльное рабочее время опредѣлялось въ 35 часовъ,—оно было еще короче, если на недѣлѣ выпадалъ праздникъ, а въ нихъ недостатка не было. Порою устанавливались еще болѣе короткія смѣны, какъ, напримѣръ въ Куттенбергѣ и на Гарцѣ, гдѣ работали *шесть часовъ* [1]).

---

[1]) Ср. крайне поучительную статью *Г. Ахенбаха* „Die deutschen Bergleute der Vergangenheit“: помѣщена въ „Zeitschrift für Bergrecht“, издаваемомъ Брассертомъ и Ахенбахомъ, Bonn, XII Jahrgang, 1871, стр. 110.

Относительно *заработной платы* горнорабочихъ въ доступныхъ намъ источникахъ мы не могли найти точныхъ указаній. Но если принять во вниманіе, что въ началѣ XVI столѣтія общее положеніе рабочихъ, ихъ матеріальное благосостояніе, было болѣе благопріятно, чѣмъ въ наше время, и что горнорабочіе занимали выдающееся положеніе въ рядахъ прочихъ работниковъ, то придется предположить, что и заработная плата горнорабочихъ была сравнительно высока.

Но уже и тогда въ условіяхъ жизни горнорабочихъ, какъ и остальныхъ наемныхъ рабочихъ, стала замѣчаться тенденція къ ухудшенію. Выше мы отмѣтили, что уже въ XVI столѣтіи, въ горной промышленности установилось различіе между умственнымъ и физическимъ трудомъ. Это ослабило значеніе и доходъ тѣхъ, кому приходилось работать исключительно руками. Такихъ рабочихъ легко было замѣнять другими, обученіе ихъ было несложно, стоимость возстановленія ихъ рабочей силы была сравнительно невелика. *Раздѣленіе труда* развивалось все больше и больше, ухудшая положеніе горнорабочихъ.

Настоящій горнорабочій—жалуется *Агрикола* (кн. 1-ая)—долженъ быть опытнымъ во многомъ, но рѣдко кто-нибудь понимаетъ все горное искусство: «Найдется лишь немного такихъ, которые имѣютъ полное понятіе о горномъ дѣлѣ. Ибо одинъ привыкъ только шурфовать, другой—мыть, третій занимается исключительно плавильнымъ искусствомъ, четвертый можетъ быть лишь маркшейдеромъ, пятый дѣлаетъ искусныя сооруженія, а шестой свѣдущъ только въ горномъ правѣ».

Прежде различныя машины требовали ряда пріемовъ, которые могъ продѣлывать любой сильный человѣкъ безъ долгаго предварительнаго обученія. Теперь, при обработкѣ руды уже зачастую пользовались трудомъ женщинъ и даже дѣтей, особенно, при сортировкѣ и промывкѣ, какъ видно изъ 8 книги Агриколы.

Въ горномъ дѣлѣ возрастало количество манипуляцій, которыя легко, быстро и безъ предварительной подготовки могъ изучить всякій,—которыя были доступны любому человѣку, обладавшему здоровыми руками и ногами

Выдѣленіе рудниковъ изъ марки впервые давало *всякому человѣку* юридическое право заняться горнымъ дѣломъ, развитіе же техники позволило осуществлять это право на дѣлѣ.

Среди людей, воспользовавшихся доступомъ къ горному дѣлу, не было недостатка въ банкротахъ, разорившихся до-тла крестьянахъ и городскихъ пролетаріяхъ; тѣ изъ нихъ, которые не сдѣлались бродягами или ландскнехтами, устремились въ золотые и серебряные рудники Саксоніи, Богеміи, Зальцбурга и Тироля также охотно, какъ позднѣе набросились на Калифорнію люди, обанкротившіеся и экспропріированные со времени 1849 г.

Большинство горнорабочихъ—говоритъ Агрикола—не имѣютъ никакого понятія о горномъ дѣлѣ. «Ибо въ рудники устремляются, обыкновенно, тѣ, кто обремененъ долгами, но не можетъ ихъ уплатить или скрывшіеся отъ кредиторовъ купцы, или бросившіе плугъ и бѣжавшіе отъ работы крестьяне».

Отецъ Лютера, горнорабочій мансфельдскаго рудника, былъ также разорившимся крестьяниномъ.

Въ мѣстности, гдѣ начиналась разработка серебрянаго рудника, устремлялись огромныя толпы людей. Такъ, когда въ саксонскомъ Шнеебергѣ были открыты богатыя серебряныя жилы, въ 1471 г., вокругъ рудника, словно по волшебству, выросъ цѣлый городъ. Когда въ 1516 г. приступили къ разработкѣ рудника въ Іоахимсталѣ, туда стеклось не менѣе 8.000 горнорабочихъ.

Очевидно, въ свободныхъ рабочихъ рукахъ недостатка не было. Неудивительно, что заработная плата понижалась, или, по крайней мѣрѣ, несмотря на быстрое повышеніе цѣнъ въ началѣ XVI столѣтія, не повышалась.

Промышленники и чиновники мѣстныхъ князей содѣйствовали этой понижательной тенденціи, какъ только могли. Они не только всѣми силами понижали плату деньгами, но и стремились урѣзать отъ нея немалую толику, всячески обманывая рудокоповъ: платя неполноцѣнной монетой или же прибѣгая къ Trucksystem.

Такъ, о шнеебергскихъ рудникахъ конца XV столѣтія сообщаютъ: «Когда добыча серебра въ Шнеебергѣ настолько возрастала, что всего металла нельзя было обратить въ монету, то промышленники стали вывозить выплавленное серебро на сторону, продавая его за неполноцѣнную монету, которой они и платили потомъ чернорабочимъ, вѣрнѣе, обманывали ихъ» [1]).

Уже не разъ цитировавшееся нами горное уложеніе Августа Саксонскаго, изданное въ 1754 г., считаетъ необходимымъ приказать въ особой статьѣ (47), чтобы рабочихъ вознаграждали полноцѣнной монетой. Статья 43 запрещаетъ штейгерамъ и шихтмейстерамъ нанимать рабочихъ за хозяйскіе харчи.

Противъ Trucksystem'ы, вообще говоря, издавались безчисленныя постановленія,—признакъ того, что эта система была широко распространена. Въ большинствѣ случаевъ, запрещали, правда, только навязываніе товаровъ. Такъ, въ Тирольскомъ горномъ уставѣ 1510 г. говорится: «Ни одинъ рабочій не можетъ быть обязываемъ или принуждаемъ принимать товары

---

[1]) *Э. Герцъ*, Chronik der Kreisstadt Zwickau, т. I, стр. 211.

(Pfennwerth) въ уплату за свою работу и можетъ дѣлать это только по своей доброй волѣ, а если рабочій не пожелаетъ принять плату натурой и потребуетъ денегъ, то ты, какъ нашъ горный судья, долженъ оказать ему помощь, принять его жалобу и произвести судъ согласно правиламъ, установленнымъ этимъ горнымъ уложеніемъ».

Но эти законодательныя постановленія существовали, повидимому, только на бумагѣ. Не забудемъ, что чиновники мѣстныхъ князей оказывали рѣшительное вліяніе какъ на опредѣленіе и выдачу заработной платы, такъ и на обращеніе съ горнорабочими, и поэтому злоупотребленія при расплатѣ и обманъ рабочихъ совершался вовсе не безъ ихъ вѣдома.

Рабочіе относились къ князьямъ и ихъ чиновникамъ столь же враждебно, какъ и къ самимъ промышленникамъ. Съ *мелкими* промышленниками у нихъ было, правда, много точекъ соприкосновенія, сближавшихъ ихъ съ ними. Идеалъ горнорабочаго заключался несомнѣнно въ томъ, чтобы современемъ самому сдѣлаться такимъ промышленникомъ. Но мы уже видѣли, какъ князья, ихъ чиновники и крупные капиталисты эксплоатировали и притѣсняли мелкихъ промышленниковъ, затрудняя имъ доступъ къ богатымъ рудникамъ, а, зачастую, дѣлая его совершенно невозможнымъ. Этимъ они еще болѣе ослабляли и безъ того шаткія надежды рудокоповъ подняться современемъ надъ рядами пролетаріата. У мелкихъ промышленниковъ и рабочихъ были тѣ же враги, какъ у современныхъ ремесленниковъ и пролетаріевъ. Это приводило къ тому, что порою они *соединенными* силами возставали противъ своего общаго врага,—князей и крупныхъ капиталистовъ. Особенно часто встрѣчались такіе союзы въ альпійскихъ рудникахъ.

Наиболѣе тѣсное объединеніе рабочихъ и промышленниковъ наблюдалось въ тѣхъ рудникахъ, гдѣ еще сохранился мелкій промыселъ, напр., въ желѣзныхъ. Здѣсь промышленникъ работалъ собственными руками, зачастую вовсе не занимая наемныхъ рабочихъ и пользуясь трудомъ членовъ своей семьи. Но и въ такихъ рудникахъ не рѣдко развивалась противоположность интересовъ рабочихъ и капиталистовъ. Такъ, напр., хотя въ желѣзныхъ *рудникахъ* мелкій промыселъ и сохранился, но желѣзоплавильные *заводы* превратились въ крупныя предпріятія капиталистическаго характера, и желѣзные рудники скоро очутились въ полной зависимости отъ заводовъ; якобы самостоятельные промышленники, разрабатывавшіе рудники, стали такими же наемными рабами *владѣльцевъ заводовъ*, какими, напр., въ настоящее время являются «самостоятельные» грифельщики Мейнингенъ-Оберланда, по отношенію къ своимъ скупщикамъ.

Различія интересовъ горнорабочихъ и промышленниковъ достигали наибольшей остроты въ золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ. Эти же рудники

наиболѣе страдали подъ гнетомъ бюрократіи мѣстныхъ князей, но за то въ нихъ рабочіе были наиболѣе способны къ сопротивленію.

Горнорабочіе представляли собою единственную категорію рабочихъ, уже съ давнихъ временъ объединенныхъ своимъ трудомъ въ большія массы; въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, ихъ можно сравнить съ современными рабочими въ крупной промышленности. Уже въ среднихъ вѣкахъ число рабочихъ на крупномъ горномъ промыслѣ достигало нѣсколькихъ тысячъ, особенно на серебряныхъ рудникахъ—въ Гарцѣ, Фрейбергѣ, Иглау и Куттенбергѣ [1]), а позднѣе въ рудникахъ Мансфельда и т. д. [2]).

Но, въ отличіе отъ современныхъ рабочихъ, эти горнорабочіе были *вооружены*. Еще въ 1530 г. 5.600 хорошо вооруженныхъ горнорабочихъ устроили встрѣчу Карлу V въ Шварцѣ (Тироль) и произвели передъ нимъ примѣрное сраженіе.

О мансфельдскихъ горнорабочихъ, игравшихъ выдающуюся роль въ тюрингенскомъ возстаніи, Шпангенбергъ разсказываетъ намъ, что въ 1519 г. онъ произвелъ имъ смотръ: «Графъ Гебгардъ Мансфельдскій въ отсутствіи своего брата, графа Альбрехта, гостившаго въ Брауншвейгѣ у герцога Генриха, распорядился отъ своего имени и отъ имени брата, равно и своихъ двоюродныхъ братьевъ, объявить и приказать рудокопамъ, чтобы каждый изъ нихъ по первому требованію былъ готовъ явиться съ своимъ лучшимъ оружіемъ. На это они согласились съ радостью и охотой, и 21-го сентября горный фогтъ Эйслебена, Бастіанъ Мецельвицъ, созвалъ ихъ на равнину у Виммельбурга для образцоваго ученія, произвелъ имъ смотръ и нашелъ ихъ недурно вооруженными» [3]).

Въ этихъ вооруженныхъ рабочихъ батальонахъ господствовалъ духъ упорства и отваги; они были готовы отвѣчать силой на всякую причиненную имъ несправедливость. Чѣмъ рѣзче становилось различіе между ними и капиталистами и князьями, захватившими въ свои руки горное дѣло,

---

[1]) Ахенбахъ, Die deutschen Bergleute der Vergangenheit.

[2]) „Горнорабочіе въ Мансфельдскихъ рудникахъ—говоритъ Берингенъ—обыкновенно черезъ каждые 14 дней получаютъ полностью свою заработную плату въ горномъ управленіи Эйслебена, гдѣ въ прежнее время имъ выдавали плату ежедневно,—въ общей суммѣ до 18—20.000 талеровъ, вознаграждая рудокоповъ, угольщиковъ, горныхъ служащихъ и т. д.“. *Johann Alberti Beringens S. S. Theol. Cultor* und Mannssfeldischen Landes-Kindes Historische Beschreibung des sehr alten und löblichen Mannsfeldischen Bergwerks, Leipzig und Eisleben, 1743. стр. 8.

[3]) Cyriacus Spangenberg, Sächsische Chronica. Frankfurt a. M. 1535.

тѣмъ чаще начали они прибѣгать къ возстаніямъ [1]). Въ хроникахъ того времени, какъ разъ за послѣднія десятилѣтія и годы, предшествовавшіе взрыву крестьянской войны, отмѣчается необычайное количество возстаній горнорабочихъ,—признакъ того, насколько обострены были отношенія.

Примѣромъ можетъ служить борьба изъ-за заработной платы, разыгравшаяся около этого времени въ саксонскихъ рудникахъ.

Въ 1473 г. герцоги Эрнстъ и Альбрехтъ Саксонскіе писали совѣту Фрейберга: «Наши любезные вѣрные! До насъ дошли свѣдѣнія о томъ, что рабочіе на Шнеебергѣ и въ другихъ горнопромышленныхъ мѣстахъ нашей страны и княжества требуютъ увеличенія наемной платы, сравнительно съ той, какую они до сихъ поръ обычно получали. Если съ ними согласиться, снести и удовлетворить ихъ требованія, то отъ этого какъ для васъ, такъ и для нашихъ, можетъ въ будущемъ проистечь и выросли большое зло. Мы желаемъ и намѣреваемся помѣшать этому, и для этого хотимъ переговорить со свѣдущими въ горномъ дѣлѣ людьми нашего княжества, дабы намѣтить и установить общій для всѣхъ табель, по которому всякій рабочій долженъ получать вознагражденіе соотвѣтственно его заслугѣ и труду. Поэтому, мы требуемъ отъ васъ, чтобы во вторникъ послѣ крестопоклоннаго воскресенія вы прибыли къ намъ въ Дрезденъ, взявши съ собой двухъ или трехъ свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ людей, которые знаютъ условія труда и заработную плату горнорабочихъ. На этотъ день мы созвали также нѣкоторыхъ другихъ изъ нашихъ свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ людей, дабы имѣть съ ними сужденіе по поводу этихъ распорядковъ и табеля... Данъ въ Дрезденѣ, въ понедѣльникъ послѣ второго воскресенія великаго поста. Лѣта 1478 [2]).

Слѣдовательно, рабочіе не были приглашены на совѣщаніе. Каковъ былъ результатъ его, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, миръ былъ непродолжителенъ. Уже въ 1496 г. сообщается: «Тогда они (горнорабочіе)

---

[1]) Наряду съ горнорабочими, въ прямомъ смыслѣ этого слова, упорнымъ народцемъ были, повидимому, горные кузнецы. Они издавна жили вблизи крупнѣйшихъ горнопромышленныхъ пунктовъ и изготовляли для Рудокоповъ инструменты и всевозможныя желѣзныя орудія, употреблявшіяся въ горномъ дѣлѣ. Уже въ Куттенбергскомъ горномъ уставѣ, изданномъ около 1300 года, подробно говорится (l. c. 16) о горныхъ кузнецахъ; уставъ характеризуетъ ихъ, какъ главныхъ зачинщиковъ смутъ на промыслахъ, и рекомендуетъ кузнечнымъ мастерамъ тщательно выбирать подмастерьевъ, принимая на работу лишь такихъ, которые не принимаютъ участія ни въ собраніяхъ, ни въ заговорахъ, ни въ опасныхъ для общества замысла (contra nostram rempublica maliquibus machinationibus) — (*Ахенбахъ*, Das deutsche Bergrecht, I, стр. 204).

[2]) Перепечатано у Клотцша въ Ursprung der Bergwerke in Sachsen, стр. 87.

погнали и обратили въ бѣгство судей и присяжныхъ *Шнееберга*, такъ какъ у нихъ хотѣли вычесть изъ заработной платы по одному грошу; часть рудокоповъ направилась черезъ горы, по направленію къ Шлеттау и на Люсницъ, а другіе—на Гейеръ, такъ что бывшій тамъ въ то время начальникомъ фонъ-деръ-Планицъ принужденъ былъ, при содѣйствіи поселянъ, занять весь Шнеебергъ. Но уже черезъ четыре дня часть горнорабочихъ возвратилась къ своимъ обязанностямъ. Однако, такое же возстаніе снова повторилось черезъ два года, когда въ 1498 г. рудокопы приказали работающимъ у воротовъ и подручнымъ слѣдовать за ними, грозя въ случаѣ неповиновенія разрубить ихъ на куски, и когда они рѣшили выдти навстрѣчу посланнымъ для усмиренія ихъ рабочимъ Цвикау и Плау; въ концѣ концовъ, они были успокоены дружелюбными увѣщаніями [1]).

Въ 1496 году возстали также и куттенбергскіе горнорабочіе, вступившіе въ конфликтъ изъ-за заработной платы; они вышли изъ города и, водрузивъ знамена на сосѣдней горѣ, разбили тамъ свой лагерь. Правда, въ концѣ концовъ имъ пришлось уступить.

У насъ имѣются, также, свѣдѣнія о движеніи горнорабочихъ Іоахимсталя передъ самымъ началомъ «крестьянской смуты» (Bauernlärm).

1516 годъ отмѣченъ расцвѣтомъ рудниковъ Іоахимсталя. Въ своей «Chronica der freyen Bergstadt im Joachimsthal von 16 Jaren bis auff das 78 Jar» Маттезій сообщаетъ намъ объ одномъ возмущеніи рабочихъ, произошедшемъ уже въ годъ открытія рудника. Въ 1517 году было «первое возстаніе рудокоповъ, когда они въ день св. Маргариты ушли въ лѣсъ».

Къ 1524 году относится «еще одно возстаніе, когда рабочіе пошли на Тюркнеръ».

А въ 1524 г. новая вспышка: «Возстаніе рудокоповъ въ четвертую субботу послѣ Пасхи, подавленное графомъ Александромъ Лейсникомъ».

Тѣмъ не менѣе, эти стычки горнорабочихъ, также какъ и борьба ремесленныхъ подмастерьевъ, не породили революціоннаго движенія, направленнаго къ достиженію ихъ цѣлей.

Хотя горный промыселъ XV и XVI столѣтій былъ несравненно болѣе развитъ въ техническомъ и экономическомъ отношеніи, чѣмъ любая иная отрасль тогдашней промышленности, и хотя онъ наиболѣе приближался къ крупной капиталистической промышленности, но, все же, занятымъ

---

[1]) *Бензелеръ*, Geschichte Freibergs und seines Bergbaues, Freiberg 1843, II, стр. 389. Ср. *Герцогъ*, Chronik von Zwickau, II, стр. 158.

въ горномъ дѣлѣ рабочимъ не суждено было стать руководителями и передовыми борцами пролетаріата.

Причины этого приходится искать въ характерѣ горной промышленности. Она изолировала занятыхъ ею рабочихъ въ малодоступныхъ горныхъ долинахъ [1]), далеко за предѣлами міра, вдали отъ торговыхъ пунктовъ. Она обособляла горнорабочихъ, отдѣляя ихъ отъ товарищей по профессіи, работавшихъ въ другихъ мѣстахъ, и отъ всѣхъ другихъ эксплоатируемыхъ и угнетаемыхъ слоевъ народа, она сужала ихъ кругозоръ или, по меньшей мѣрѣ, мѣшала ему расширяться, и сосредоточивала ихъ интересы на мелочныхъ мѣстныхъ и профессіональныхъ вопросахъ.

Правда, горнорабочихъ эксплоатировали и они были недовольны, правда, они не останавливались передъ тѣмъ, чтобы отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ, правда, они были готовы примкнуть къ революціонному движенія, и даже больше—стать во главѣ его, но только въ томъ случаѣ, если бы ихъ узкія ближайшія требованія совпали съ интересами общаго движенія. Они, не колеблясь, отстранялись отъ этого движенія и покидали вожаковъ его, какъ только выполнялись ихъ частныя, ближайшія требованія, какъ только удовлетворялись ихъ притязанія, касавшіеся заработной платы и условій труда.

Благодаря своей обособленности, горнорабочіе обострили *цеховой партикуляризмъ* еще сильнѣе, чѣмъ городскіе ремесленники — подмастерья; они сохранили его дольше другихъ, даже вплоть до нашего времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Капиталъ и трудъ въ ткацкомъ производствѣ.

Массы неорганизованныхъ пролетаріевъ, конечно, еще менѣе ремесленныхъ подмастерьевъ и рудокоповъ были способны проводить упорно и послѣдовательно дѣйствительно—революціонную политику. Они чувствовали себя не новымъ, возвышающимся классомъ, а продуктомъ разложенія пришедшихъ въ упадокъ классовъ. Съ этими классами они были связаны узами симпатіи; больше всего они симпатизировали крестьянамъ, въ рядахъ которыхъ мы зачастую ихъ и находимъ. Несвязанные между собою, угнетаемые, запуганные, они были неспособны поставить себѣ собственныя цѣли и

[1]) Нѣкоторые старые золотые рудники Тавра находились въ области глетчеровъ.

слишкомъ слабы, чтобы самостоятельно преслѣдовать ихъ. Въ ихъ душѣ правда, таилось глубокое недовольство существующимъ порядкомъ, но мы догадываемся объ этомъ недовольствѣ лишь по той готовности, съ какой они примыкали къ каждому революціонному возстанію. Они были всегда готовы дѣйствовать вмѣстѣ съ близкими къ нимъ по духу крестьянами, какъ только послѣдніе возставали. Они принимали, также, участіе въ коммунистическомъ движеніи, если оно гдѣ-нибудь одерживало верхъ. Но иниціатива и даже только идея общественнаго переворота не могла исходитъ отъ нихъ.

Ни рудокопы, ни ремесленные подмастерья, ни неорганизованные городскіе пролетаріи не были призваны стать носителями зачатковъ коммунистическаго рабочаго движенія. Только *одинъ* слой рабочихъ обладалъ—благодаря условіямъ, въ которыхъ онъ жилъ—не только воспріимчивостью къ коммунистическимъ тенденціямъ, но и достаточной духовной силой, чтобы выработать новый общественный идеалъ, и достаточной энергіей, чтобы не отступиться отъ него въ тѣ времена, когда его осуществленіе казалось совершенно невозможнымъ. Это были рабочіе, занятые въ текстильной промышленности, въ особенности, ткачи шерстяныхъ матерій.

Вышесказанное нужно, разумѣется, понимать cum grano salis. Если теперь утверждаютъ, и совершенно справедливо, что промышленный пролетаріатъ является носителемъ соціалъ-демократическаго движенія, то это не значитъ, что члены другихъ классовъ—мелкіе буржуа, литераторы, фабриканты и т. д.—не могутъ принимать въ немъ участія, и нерѣдко—очень энергичнаго участія. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ даже стать во главѣ движенія. Но это не значитъ, также, что каждый промышленный пролетарій является соціалъ-демократомъ.

Съ такимъ же ограниченіемъ нужно понимать положеніе, что рабочіе текстильной промышленности были носителями зачатковъ коммунистическаго рабочаго движенія. Мы увидимъ, что въ этомъ движеніи принимали участіе и другіе элементы да и нелѣпо было бы утверждать, что каждый ткачъ былъ коммунистомъ. Но, насколько мы можемъ прослѣдить коммунистическое движеніе и насколько мы обладаемъ достовѣрными извѣстіями о немъ,—мы всегда находимъ, что ткачи принимаютъ въ немъ очень дѣятельное участіе, и это, на нашъ взглядъ, не случайность.

По нашему мнѣнію, это явленіе довольно легко объяснить, если разсмотрѣть возникновеніе шерстяной промышленности.

Другихъ отраслей ткацкой промышленности — полотняной, бумажной и шелковаго производства—мы не будемъ здѣсь разсматривать, такъ какъ ихъ международное значеніе не сравнимо съ значеніемъ шерстяной промышленности. Тамъ же, гдѣ, какъ наприм. въ Ульмѣ и

Аугсбургѣ, полотняное и бумажное ткачество превращались въ экспортныя отрасли промышленности, они отличаются, въ общемъ и цѣломъ, тѣми же капиталистическими особенностями, какими отличается шерстяная промышленность. Это остается вѣрнымъ и по отношенію къ итальянской шелко-ткацкой промышленности [1]).

«Шерстяная мануфактура издавна занимаетъ первое мѣсто между всѣми отраслями германской промышленности. Она была причиной силы и расцвѣта нѣмецкаго городского сословія въ средніе вѣка. На ввозѣ необходимыхъ для нея сырыхъ матеріаловъ и вывозѣ ея продуктовъ покоились нѣкогда морское могущество Ганзы и международная торговля Германіи. Распространившемуся благодаря ей благосостоянію германская имперія послѣднихъ столѣтій среднихъ вѣковъ обязана отчасти своимъ могуществомъ и своимъ международнымъ положеніемъ... Исторія развитія шерстяной промышленности въ Германіи обнимаетъ собою, поэтому, больше чѣмъ развитіе отдѣльной отрасли труда; она является, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторіей экономической культуры Германіи. Больше того,—въ ней отражаются судьбы нашей національной жизни».

Этими словами начинается сочиненіе Гильдебранда—«Къ исторіи нѣмецкой шерстяной промышленности» [2]). И они не преувеличены, если только сдѣлать одну оговорку. Она заключается въ томъ, что положеніе Германіи на международномъ рынкѣ обусловливалось не только ея шерстяной промышленностью, но и ея горнымъ производствомъ, которое иногда, въ особенности, въ началѣ 16-го вѣка, оказывало еще большее вліяніе на экономическую жизнь Германіи, чѣмъ шерстяная промышленность.

Фактъ тотъ, что послѣдняя была первой экспортной отраслью промышленности въ Германіи, и вообще, въ странахъ западнаго христіанскаго міра.

Наряду съ кожей и шкурами, матеріаломъ для одежды служило въ въ средніе вѣка также и полотно. Шерстяныя матеріи были роскошью, которую вначалѣ могли позволить себѣ только члены высшей аристократіи. Тканье полотна было отраслью домашняго хозяйства. Въ семьѣ или на барскомъ дворѣ женщины сами изготовляли нужное для домашняго потребленія количество полотна. Наоборотъ, обработка шерсти, какъ только она достигла нѣкоторой степени развитія, перестала быть домашнею промышленностью, ибо она требуетъ большихъ помѣщеній, красильныхъ заве-

[1]) Сравни о ней Ромоло графъ Бролъо д'Айане, Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters. Штутгартъ, 1893.

[2]) Въ Hildebrand's Jahrbücher, Jena 1886 г., VI т. стр. 186 и сл.

деній, валяленъ, мѣстъ для стрижки и т. д. Только большія организаціи—монастыри, городскія общины или цехи—были въ состояніи устроить ихъ.

Первыхъ ткачей - мужчинъ мы встрѣчаемъ въ монастыряхъ. Они вѣроятно, и способствовали, главнымъ образомъ, распространенію тканья шерсти въ Германіи; въ началѣ среднихъ вѣковъ монастыри, вообще, были носителями техническаго прогресса въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ. Ничего нѣтъ ошибочнѣе «просвѣщеннаго» взгляда, будто монахи достигли господства молитвами и переписываніемъ Евангелія.

Уже въ 9-омъ вѣкѣ среди монаховъ констанцскаго монастыря упоминаются валяльщики и портные. Монахи научили жителей въ окрестностяхъ Боденскаго озера ткать шерсть и носить шерстяныя ткани [1]). Въ 11 вѣкѣ ткачество еще не занимаетъ особаго мѣста въ монастырскихъ уставахъ и правилахъ. Но уже въ 12-омъ вѣкѣ оно пріобрѣло такое значеніе въ монастырской жизни, что въ монастырскихъ уставахъ этого вѣка упоминаются, въ качествѣ регулярныхъ занятій, шерстяная торговля, обработка шерсти и само тканье «главнымъ образомъ въ относящихся къ 12-ому вѣку постановленіяхъ и регламентахъ ордена цистерьянцевъ» (*Шмоллеръ*, Die Strassburger Tucher und Weberzunft, стр. 301). Цистерьянцы сдѣлали изготовленіе сукна своей спеціальностью. «Основанный въ началѣ 12-аго вѣка въ западныхъ пограничныхъ областяхъ германской имперіи, въ центрахъ обширной и знаменитой суконной индустріи, этотъ орденъ быстро распространяется по направленію къ востоку. Мы встрѣчаемъ въ брабантскихъ, тюрингенскихъ, (въ Альтенцеллѣ) и силезскихъ монастыряхъ цистерьянцевъ, производившихъ сукна для *продажи*, а такъ какъ они принимали въ ученики и подмастерья также и міранъ, то легко могло случиться, что нѣкоторые секреты ремесла брабантскихъ ткачей стали извѣстными и во внутреннихъ областяхъ Германіи» [2]).

Но кромѣ монастырей, тканье шерсти, какъ ремесло, распространилось,

---

[1]) C. G. Rehlen. Geschichte der Handwerke und Gewerbe, Leipzig, 1857, стр. 97.

[2]) Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie, стр. 216. Что и въ другихъ случаяхъ церковь заботилась о распространеніи полезныхъ свѣдѣній, показываетъ вопросъ св. Бонифація, обращенный къ святому же папѣ,—въ какомъ видѣ лучше всего употреблять для ѣды сало. Папа, по имени Захарій, отвѣтилъ, что въ сочиненіяхъ отцовъ церкви онъ ничего не находитъ объ этомъ, имѣющемъ столь важное значеніе для блага грѣшнаго человѣчества, вопросѣ. Его же мнѣніе таково, что можно ѣсть только хорошо прокопченное или изжаренное сало. Если же кто-либо хочетъ употреблять сало въ сыромъ видѣ, то лучше это дѣлать лишь послѣ Пасхи (Ср. А. *Шлоссаръ*, Speise und Trank vergangener Zeiten in Deutschland, стр. 91).

также, быстро и въ городахъ, сначала въ Нидерландахъ, гдѣ оно начинаетъ расцвѣтать уже въ 10-мъ вѣкѣ.

Новая отрасль промышленности занималась изготовленіемъ предметовъ роскоши. Шерстяныя матеріи въ теченіе долгаго времени оставались доступными только знати и богачамъ. Когда въ 15-омъ вѣкѣ спросъ на шерстяныя матеріи сталъ возникать также среди крестьянъ и ремесленниковъ, то это считалось признакомъ распространенія чрезмѣрно роскошнаго образа жизни въ средѣ низшихъ сословій.

Тонкія сукна были очень дорого стоющими предметами роскоши. Какъ таковые они окупали расходы на перевозку въ отдаленныя мѣстности, отчего и могли сдѣлаться предметомъ вывоза. Рынкомъ для нихъ служила вся Европа. Неудивительно, поэтому, что тамъ, гдѣ были налицо всѣ необходимыя условія, и особенно тамъ, гдѣ имѣлся въ обиліи хорошій сырой матеріалъ, а техника достигла необходимаго развитія, тамъ суконное производство легко становилось вывозной промышленностью.

Раньше всего это случилось во Фландріи. Фландрскія сукна славились во всей Европѣ уже въ 13-омъ вѣкѣ [1]).

[1]) Во Фландріи рано развилось шерстяное производство. Но фламандскіе ткачи имѣли въ своемъ распоряженіи не только шерсть, получавшуюся въ огромномъ количествѣ въ ихъ собственной странѣ, но также и англійскую, лучшую изъ всѣхъ тогда извѣстныхъ сортовъ шерсти. Въ самой Англіи шерстяная промышленность развилась позже. Тутъ мы сдѣлаемъ замѣчаніе, которое не имѣетъ прямого отношенія къ темѣ, но кажется намъ не лишеннымъ значенія. Гильдебрандъ, въ своемъ вышеназванномъ сочиненіи, указываетъ что шерстяная мануфактура развивалась (позже, въ капиталистическую эпоху), главнымъ образомъ, въ тѣхъ странахъ, которыя представляли благопріятныя условія для овцеводства, какъ, наприм., сѣверная Германія, Саксонія, Англія. Винодѣліе же, повидимому, препятствовало развитію овцеводства, и, слѣдовательно, также и шерстяной мануфактуры; примѣромъ можетъ служить южная Германія, (вышеназв. соч. стр. 232, 233). Нельзя ли пойти дальше и сказать, что овцеводство благопріятствуетъ развитію крупнаго сельскаго хозяйства въ формѣ пастбищнаго хозяйства. Поэтому, въ странахъ, въ которыхъ овцеводство было выгодно, вмѣстѣ съ расцвѣтомъ капиталистической шерстяной промышленности впервые сдѣлалось также возможнымъ крупное капиталистическое производство въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ этихъ странахъ землевладѣльцы имѣли больше всего причинъ экспропріировать мелкихъ крестьянъ и образовать крупныя сельскохозяйственныя предпріятія. Винодѣліе же, наоборотъ, благопріятствовало мелкому производству. Гдѣ винодѣліе процвѣтало, тамъ землевладѣльцу было выгоднѣе эксплоатировать своихъ крестьянъ посредствомъ повышенія феодальныхъ повинностей, чѣмъ увеличивать свое собственное производство путемъ выселенія крестьянъ. Поэтому, въ областяхъ, занимающихся вино-

Во многихъ городахъ шерстяная промышленность оставалось ремесломъ, производившимъ, какъ и всѣ другія ремесла, на мѣстный рынокъ. Но и тамъ она сдѣлалась зависимой отъ мірового рынка, ибо внутренній рынокъ оспаривался у нея иностранной конкурренціей, становясь, такимъ образомъ, частью мірового рынка. Послѣдній пріобрѣлъ, поэтому, для шерстяной промышленности рѣшающее значеніе, даже тамъ, гдѣ ей не удалось освободиться отъ своего мѣстнаго характера и работать для вывоза. Но, благодаря этому, производители сукна такихъ мѣстностей становились во враждебныя отношенія къ купцамъ, ввозившимъ сукно и конкуррировавшимъ съ ними. Это не была традиціонная вражда къ купцамъ массы населенія, какъ *потребителя*, а совсѣмъ особеннаго рода антагонизмъ между *производителями* и *купцами*. Масса населенія становилась тѣмъ враждебнѣе къ купцамъ, чѣмъ больше они *повышали* цѣны своихъ товаровъ, недовольство же шерстяныхъ ткачей росло тѣмъ болѣе, чѣмъ *дешевле* купцы продавали на рынкѣ свои товары, иностранныя сукна.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, между шерстяными ткачами и купцами развивался и другого рода антагонизмъ: наряду съ антагонизмомъ между двумя конкуррентами, возникъ также антагонизмъ между эксплоатируемыми и эксплоататорами. Тамъ, гдѣ шерстяная промышленность стала экспортной, чтобы заниматься ею, необходимо было обладать капиталомъ, ибо тамъ товаръ уже не продавали непосредственно покупателямъ. Товару приходилось дѣлать большія путешествія, и зачастую кочевать съ одного рынка на другой, въ поискахъ покупателя, а въ промежуточное время товаръ подвергался различнымъ опасностямъ. Проходило очень долгое время, пока выручка возвращалась назадъ. Гдѣ шерстяная промышленность сдѣлалась вывозной промышленностью, тамъ вскорѣ приходилось, также, привозить изъ чужихъ странъ и сырой матерьялъ, шерсть. Ближайшія мѣстности не могли удовлетворить все возрастающую потребность въ шерсти. Чѣмъ больше развивалась промышленность, чѣмъ больше росла конкурренція, чѣмъ больше увеличивалась требовательность покупателей, желавшихъ тонкаго и добротнаго сукна, тѣмъ тщательнѣе стали выбирать сырой матерьялъ. Хорошая шерсть только въ немногихъ областяхъ производилась въ достаточномъ количествѣ. Лучшій сортъ шерсти получался, какъ мы уже знаемъ, изъ Англіи. Сырой матерьялъ расцѣнивался тѣмъ дороже, чѣмъ дальше была та мѣстность, откуда онъ получался, а запасать его приходилось все больше и больше. По мѣрѣ того, какъ расширялся вы-

---

дѣліемъ, въ южной Германіи, въ различныхъ частяхъ Франціи и т. д. мелкое крестьянство сохраняется. Различіе формъ землевладѣнія въ названныхъ странахъ объясняется, такимъ образомъ, различіемъ развившихся тамъ формъ производства.

возъ, увеличивался капиталъ, вложенный въ сырье, и замедлялся, вмѣстѣ съ тѣмъ, его оборотъ. Такимъ образомъ, суконщикъ либо долженъ былъ самъ сдѣлаться капиталистомъ, либо становился зависимымъ отъ купца, дававшаго ему авансомъ необходимыя деньги. Процессъ промышленнаго развитія принялъ оба направленія. Суконщикъ либо низводился на ступень занятаго домашней промышленностью въ современномъ смыслѣ этого слова кустаря, работалъ на дому съ однимъ подмастерьемъ или безъ всякаго подмастерья, получалъ отъ купца сырье и отдавалъ ему потомъ произведенное сукно за соотвѣтственное вознагражденіе,—либо дѣлался капиталистомъ, и тогда на него работали многіе подмастерья, самъ же онъ бралъ въ свои руки не только производство, но и торговлю. Счастливцемъ, которому удавалось подняться до такого положенія, не всегда былъ *мастеръ ткачъ*; часто это былъ другой ремесленникъ, принимавшій участіе въ производствѣ сукна. Шерсть до превращенія въ сукно должна была пройти черезъ различные процессы производства, которые пріобрѣтали все большую и большую самостоятельность и распредѣлялись между различными ремеслами. Въ Страссбургѣ, напримѣръ, въ XIV вѣкѣ отъ ткачей отдѣлились сначала *шерстобиты*; они очищали, сортировали и пряли шерсть. Пряжа переходила затѣмъ къ ткачу. Съ ткацкаго станка сукно переходило въ валяльню; валянье также сдѣлалось въ XIV вѣкѣ самостоятельнымъ ремесломъ. Тоже самое произошло и со стрижкой сукна, состоявшей въ обработкѣ сукна послѣ того, какъ оно выходило изъ валяльни. Позже всего отдѣлилось отъ тканья крашеніе шерсти. Только во 2-ой половины XV вѣка крашенье начинаетъ дѣлаться самостоятельнымъ ремесломъ, и еще въ XVI вѣкѣ многіе суконщики сами красили производимое ими сукно.

Каждое изъ этихъ ремеслъ находилось въ технической зависимости отъ другихъ, каждое изъ нихъ стремилось подчинить себѣ остальныя ремесла въ экономическомъ отношеніи. Особенно сильная борьба завязалась между шерстобитами и ткачами. Кое гдѣ, напримѣръ въ Силезіи, ткачамъ удавалось поставить въ зависимости отъ себя шерстобитовъ, но большей частью послѣдніе подчиняли себѣ ткачей. Среди шерстобитовъ развилась аристократія *торговцевъ шерстью*; они покупали шерсть у бѣдныхъ мастеровъ-шерстобитовъ или нанимали рабочихъ, которые у нихъ на дому приводили въ порядокъ и пряли шерсть, а потомъ они ее отдавали ткать наемнымъ рабочимъ или самостоятельнымъ кустарямъ. Уже появились зачатки мануфактуры, раньше всего въ монастыряхъ, гдѣ всѣ необходимыя для изготовленія сукна частичныя работы производились въ одномъ помѣщеніи. Но и въ ремеслѣ, начиная съ XV вѣка, мы встрѣчаемъ кое-гдѣ суконщиковъ, у которыхъ, наряду съ

наемными шерстобитами, работаютъ на дому также и наемные ткачи. Кромѣ того, въ ткацкомъ ремеслѣ мы видимъ широкое раздѣленіе труда: каждый ткачъ занимается тканьемъ одного сорта шерсти. Ткацкое ремесло распадалось на пять-шесть подраздѣленій. Въ шерстобитномъ ремеслѣ раздѣленіе труда совершилось инымъ путемъ: различныя слѣдуюшія другъ за другомъ манипуляціи исполнялись различными рабочими. Послѣдствіемъ этого было уничтоженіе цеха шерстобитовъ и исполненіе различныхъ шерстобитныхъ манипуляцій необъединенными въ цехи, и частью даже не рабочими,—*крестьянами, женщинами и дѣтьми.* Съ капиталистическимъ характеромъ суконной промышленности гармонируетъ, также, раннее развитіе въ ней задѣльной платы [1]).

Нерѣдко наемные ткачи имѣли право вступать въ бракъ; въ этомъ отношеніи ихъ положеніе отличалось отъ положенія большинства другихъ ремесленныхъ подмастерьевъ и уподоблялось положенію современныхъ пролетаріевъ. Наемный ткачъ, въ случаѣ женитьбы, уже не принадлежалъ больше къ семьѣ мастера.

Шерстяная промышленность является той городской промышленностью, въ которой техническій прогрессъ совершался быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Мы уже указывали на то что она рано потребовала сравнительно большаго техническаго аппарата. Этотъ аппаратъ становился тѣмъ обширнѣе, чѣмъ больше развивалось раздѣленіе труда; развитію очень благопріятствовало производство для вывоза, массовое производство.

Сначала нужно было очистить сырую шерсть. Для этого нужна была *шерстомойня.* Тамъ шерсть очищалась и разрыхлялась *шерстобитомъ.* Затѣмъ ее нужно было роздать для пряденья равномѣрными хлопками. Это большей частью было дѣломъ спеціальныхъ ремесленниковъ, *шерсточесальщиковъ* или женщинъ. Иногда эта работа производилась въ особыхъ зданіяхъ, въ *чесальняхъ.*

Отъ шерсточесальщиковъ шерсть переходила къ прядильщику. Пряденье производилось или организованными въ особый цехъ прядильщиками или домашней прислугой ткачей или, наконецъ, неорганизованными въ цехъ рабочими, въ особенности, женщинами.

Отъ прядильщика пряжа переходила къ ткачу, который, перераба-

---

[1]) Мѣстами уже доходило до того, что задѣльная плата дурно вліяла на качество продукта и была, поэтому, снова уничтожена. Это произошло, напримѣръ, въ Ульмѣ въ 1492 г., по постановленію совѣта: „такъ какъ спѣшность работы мѣшаетъ ея доброкачественности". Прославленная система штрафовъ, посредствомъ которой современный капиталистъ добивается наилучшаго качества при наибольшей быстротѣ работы, была еще мало развита въ суровые средніе вѣка.

тывалъ ее на *ткацкомъ станкѣ*; отъ ткача она переходила къ валяльщику въ *сукновальни*. Послѣднія были въ средніе вѣка общественными. По выходѣ суконъ изъ сукновальни, ихъ натягивали на рамы для просушки. Для этого требовались особыя помѣщенія. Затѣмъ, сукна принимались *ворсильщиками*, которые приподнимали ворсъ ворсильными щетками, а затѣмъ *стригальщики* подстригали его. Для послѣдней операціи нужны были особыя помѣщенія—*стригальни*. Далѣе сукна поступали въ *бѣлильни*, для бѣленія, или въ *красильни*, а иногда и къ *набойщику*. (Въ податномъ реестрѣ Аугсбурга отъ 1490 в. упоминается о таковомъ).

Наконецъ, мы встрѣчаемъ еще упоминанія о *гладильняхъ*. Это, повидимому, указываетъ на то, что сукна гладились и прессовались также, какъ теперь полотно [1]).

Часть этого аппарата была такъ обширна и стоила такъ дорого, что одинъ человѣкъ не могъ пріобрѣсти ее, и она принадлежала либо городамъ, либо цехамъ. Капиталистической собственности отдѣльныхъ предпринимателей на орудія труда рабочихъ въ то время еще не существовало. Но, вслѣдствіе прогрессирующаго раздѣленія труда, духъ изобрѣтенія зашевелился именно въ области шерстяной индустріи. Вышеупомянутыя сооруженія являлись рядомъ *техническихъ революцій* и давали толчокъ новымъ техническимъ революціямъ, непрерывнымъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ. Прялка, напримѣръ, появилась въ первый разъ въ концѣ XV вѣка. Сначала это была ручная прялка. Въ 1530 г. Юргенсъ изъ Ваттенмюля (въ Брауншвейгѣ) изобрѣлъ ножную прялку. Валяніе сукна вначалѣ производилось исключительно ногами. Изобрѣтеніе валяльни, приводимой въ движеніе водой (это изобрѣтеніе появилось, вѣроятно, въ XII вѣкѣ) вытѣснило постепенно валянье ногами. Послѣднихъ валяльщиковъ, производившихъ валянье ногами, мы встрѣчаемъ въ XIV вѣкѣ.

Каждый изъ этихъ техническихъ успѣховъ *дѣлалъ излишнимъ* извѣстное количество рабочей силы. Эта сторона современнаго индустріализма нигдѣ такъ рано не проявилась, какъ среди рабочихъ, занятыхъ въ шерстяной промышленности.

И, все же, шерстяная промышленность до реформаціи была болѣе далека отъ современной крупной капиталистической промышленности, чѣмъ горное дѣло. Въ этомъ отношеніи она отстала отъ послѣдняго. Но горное дѣло концентрировалось въ пустынныхъ мѣстностяхъ, горнорабочіе оставались изолированными, вдали отъ другихъ людей, оставались

---

[1]) *Б. Гильдебрандъ.* Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie· Hildebrand's Jahrbücher, 1866, VII, стр. 90—98.

чуждыми ихъ стремленіямъ и борьбѣ. Шерстяная же промышленность пріобрѣтала, обыкновенно, свой капиталистическій характеръ въ городахъ, центрахъ мировой торговли, подвергавшихся вліянію наиболѣе передовыхъ странъ Европы—Италіи, Нидерландовъ, Франціи, Германіи. Въ этихъ городахъ шерстяная промышленность раньше и рѣзче всѣхъ другихъ приняла капиталистическій характеръ, какъ это случилось и въ Англіи, гдѣ въ концѣ XVIII вѣка *текстильная* индустрія начала революцію въ промышленности. Мастера стремились сдѣлаться купцами, капиталистами; по отношенію къ своимъ подмастерьямъ они болѣе, чѣмъ мастера другихъ ремеселъ, являлись эксплоататорами, и были отдѣлены отъ нихъ глубокой пропастью. Тамъ, гдѣ имъ не удавалось сдѣлаться капиталистами, они сами становились наемными слугами купцовъ, кустарями, и тогда они стояли ближе къ своимъ подмастерьямъ, чѣмъ мастера въ другихъ ремеслахъ, и были солидарны со своими подмастерьями въ борьбѣ со своими эксплоататорами. А подмастерью становился все ближе неорганизованный въ цехи пролетарій; онъ начиналъ видѣть въ немъ товарища по работѣ, находящагося въ одинаковомъ съ нимъ соціальномъ положеніи

И по мѣрѣ того, какъ цеховая ограниченность теряла всякій смыслъ для рабочихъ шерстяной промышленности, ихъ горизонтъ расширялся благодаря значенію, которое пріобрѣталъ для нихъ міровой рынокъ. Что для другихъ гражданъ было только воскреснымъ развлеченіемъ:

«Бесѣды о войнѣ, о силѣ молодецкой
Когда далеко, тамъ, въ землѣ Турецкой
Кровавый споръ ведутъ народы»,—

то для работающихъ въ шерстяной промышленности было важнѣйшей вещью въ мірѣ. Привозъ необходимаго сырья, сбытъ товаровъ зависѣли отъ того, объявитъ ли Англія войну Франція, и какъ отнесется къ этому Фландрія, каковы отношенія Ганзы съ Даніей, свободенъ ли путь въ Новгородъ, заключитъ ли императоръ миръ съ Венеціей и т. д. Работающій для мірового рынка уже не можетъ ограничиваться—подобно ремесленнику, работающему для сватовъ и близкихъ знакомыхъ—приходской политикой, но онъ не можетъ, также, наслаждаться безпечностью и обезпеченностью послѣдняго. Къ борьбѣ партій въ городахъ, въ которой рабочіе шерстяной промышленности принимали участіе и въ которой они часто играли первую роль, къ цеховой борьбѣ, которая разгорѣлась благодаря вышеочерченнымъ соціальнымъ и техническимъ перемѣнамъ, присоединилось, также, отраженное вліяніе перемѣнъ во внѣшней политикѣ и вліяніе торговыхъ кризисовъ. Все это не давало остановиться этой отрасли промышленности и было причиной непрерывныхъ измѣненій въ ней. Шерстяная

промышленность была самымъ революціоннымъ городскимъ производствомъ конца среднихъ вѣковъ, революціонны были и рабочіе, занятые въ этой промышленности. Они не смотрѣли на общество, какъ на нѣчто прочное, неизмѣнное, и имъ очень легко могла прійти въ голову мысль объ измѣненіи общественнаго строя. Сильнѣе другихъ они чувствовали эксплоатацію и больше другихъ имѣли основанія питать вражду къ богачамъ.

Но шерстяная промышленность была, также, могущественнѣйшей отраслью промышленности. Въ то время каждый городъ представлялъ изъ себя самодовлѣющую общественную организацію, и въ городахъ, пользовавшихся благосостояніемъ, работавшихъ для міровою рынка западно-европейской промышленности,—а рынокъ этотъ простирался отъ Англіи до Новгорода и Константинополя—шерстяная промышленность была самымъ значительнымъ въ экономическомъ отношеніи промысломъ. Отъ нея, точнѣе —отъ занятыхъ въ ней рабочихъ, зависѣло процвѣтаніе города.

Въ тѣхъ городахъ, гдѣ шерстяная промышленность процвѣтала, занятые въ ней рабочіе и, особенно, ткачи, представляли силу, не только по своему экономическому значенію, но и по своей численности,—силу, на нашъ взглядъ, можетъ быть, и ничтожную, но для городовъ того времени — огромную. Шерстяная промышленность собрала въ своихъ центрахъ *относительно* огромныя массы людей.

Въ Бреславлѣ ткачи уже въ 1330 г. выставили 900 хорошо вооруженныхъ людей. Въ Кельнѣ послѣ одного только потерпѣвшаго пораженіе возстанія были изгнаны 1800 ткачей. Особенно многочисленны они были въ Нидерландахъ. Въ 1350 г. насчитывали въ Льежѣ 4.000 станковъ, столько же въ Иперпѣ, 3.200 въ Мехельнѣ. Въ 1326 г. изъ Гента были изгнаны сразу 3.000 ткачей за обнаруженную ими склонность возстать противъ фландрскихъ графовъ. Во второй половинѣ XIV вѣка тамъ было 18.000 людей, занятыхъ въ суконномъ производствѣ и способныхъ носить оружіе. Въ эпоху расцвѣта промысла въ Брюгге обработкой шерсти жило 50.000 человѣкъ.

Концентрація въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ доставило ткачамъ огромную революціонную силу. Неудивительно поэтому, что хроника аббата Трудо отзывается о нихъ, какъ о наиболѣе гордыхъ и наглыхъ ремесленникахъ.

Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, мы легко поймемъ, почему именно шерстяная промышленность сдѣлалась очагомъ соціалъ-революціонныхъ стремленій эпохи реформаціи, почему ткачи въ каждой борьбѣ противъ существующихъ городскихъ и государственныхъ властей сражаются въ первыхъ рядахъ. Мы поймемъ также, почему среди нихъ находило откликъ направленіе, объявляющее войну всему господствующему общественному порядку, и почему всѣ коммунистическія движенія конца сред-

нихъ вѣковъ и эпохи реформаціи, насколько они носятъ вообще классовый характеръ, обыкновенно обязаны этимъ характеромъ участію въ нихъ ткачей. «Недаромъ»—говоритъ Шмоллеръ—«языкъ, отожествляя понятія ткача и заговорщика, пользуется образомъ, заимствованнымъ изъ ткацкой техники, чтобы показать, какь незамѣтно и медленно замышляются заговоры» [1]).

«Въ глазахъ нѣкоторыхъ современниковъ»—говоритъ Гильдебрандъ—«цехи суконщиковъ заняли положеніе, которое иные пытались, дать въ 1848 г. привиллегированному (!) классу рабочихъ» [2]).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Коммунизмъ въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Монастырскій коммунизмъ.

Въ Италіи и южной Франціи цивилизація всемірной римской имперіи пустила болѣе глубокіе корни, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ христіанско-германской культуры. Тамъ традиціи этой цивилизаціи были менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, смяты и поколеблены переселеніемъ народовъ, и тамъ живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранились сношенія съ странами востока, достигшими сравнительно высокой цивилизаціи—съ Египтомъ, Сиріей, Малой Азіей и Константинополемъ. Даже въ самыя мрачныя эпохи варварства, слѣдовавшія за переселеніемъ народовъ, городской бытъ въ Италіи и южной Франціи не вполнѣ исчезъ. Тамошніе города, быстрѣе другихъ, вернули себѣ богатство и могущество, и соціальныя противорѣчія, порождаемыя товарнымъ производствомъ, проявились въ средніе вѣка впервые именно въ этихъ двухъ странахъ. Или, вѣрнѣе, тамъ они были цѣликомъ перенесены изъ древности въ средніе вѣка.

Пролетаріатъ, также, никогда не исчезалъ тамъ совершенно. Въ городахъ Италіи и южной Франціи онъ снова сталъ соціальнымъ факторомъ;

---

[1]) *Шмоллеръ*, цитир. соч., стр. 465. Непереводимая игра словъ: anzetteln—„налаживать ткацкую основу“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „замышлять“ „вступать въ заговоръ“.

[2]) Цит. соч., стр. 115.

вотъ почему вполнѣ естественно, что въ нѣдрахъ этого пролетаріата зародились первыя коммунистическія стремленія среднихъ вѣковъ.

Но, подобно тому, какъ въ жизни итальянскихъ и южно-французскихъ городовъ того времени было много родственнаго жизни римскихъ городовъ, и какъ въ этихъ городахъ традиціи римской эпохи сохранились лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, точно такъ же и пролетарскій коммунизмъ, выросшій въ этихъ городахъ, сохранилъ формы, перешедшія къ нему изъ эпохи упадка римской имперіи. Пролетарская оппозиція противъ буржуазнаго общества принимаетъ вначалѣ совершенно монашескій характеръ; и въ Италіи, и въ южной Франціи она никогда не была въ состояніи освободиться отъ этого характера. Мы, разумѣется, не говоримъ о новѣйшемъ времени.

Но, чтобы охарактеризовать монашество, мы должны еще разъ бросить взглядъ на первые вѣка христіанства. Мы уже видѣли, что стремленія первыхъ христіанъ осуществить коммунизмъ разбились о соціальныя условія того времени. Но мы видѣли также, какъ эти же самыя условія, препятствовавшія тому, чтобы коммунизмъ сдѣлался всеобщимъ, неизмѣнно порождали новыхъ пролетаріевъ, и, такимъ образомъ, постоянно поддерживали потребность въ коммунистическихъ учрежденіяхъ.

Чѣмъ больше распространялось христіанство, тѣмъ очевиднѣе отказывалось оно отъ всеобщаго проведенія коммунизма. Но въ той же мѣрѣ росла потребность создать отдѣльныя коммунистическія корпораціи внутри христіанскаго міра.

Образцомъ для нихъ послужила единственная коммунистическая организація, отъ которой къ тому времени еще уцѣлѣли кое-какія остатки,— *семья*, или, лучше сказать, *семейная община*. Въ древности, и даже еще въ эпоху имперіи, каждое хозяйство образовывало совершенно замкнутое цѣлое, само производившее для себя наиболѣе необходимое и продававшее, какъ товаръ, только излишекъ. Вначалѣ эти хозяйства были исключительно семейными общинами, большими семьями, приблизительно въ 40—50 человѣкъ (сравн. стр. 49), жившими въ полномъ коммунизмѣ, сообща владѣвшими и пользовавшимися орудіями производства и средствами потребленія. Подъ напоромъ хозяйства, основаннаго на рабскомъ трудѣ, эти семейныя общины исчезли, и ихъ мѣсто заняли предпріятія, въ которыхъ орудія производства и средства потребленія были собственностью одного только лица, которому принадлежали и рабочіе, т. е. рабы. Но въ первые вѣка христіанства семейная община все же еще настолько сохранилась, что могла служить образцомъ для новыхъ продуктовъ соціальнаго творчества.

Этими продуктами были *монастыри*, искусственныя семейныя общины,

связующимъ звеномъ которыхъ, наряду съ общими интересами, были не узы крови, а опредѣленные, выдуманные регламенты, обѣты.

Тѣ же слои населенія, въ средѣ которыхъ рекрутировались первые христіане, доставляли, также, и большинство членовъ новыхъ семейныхъ общинъ, наибольшее количество монаховъ и монахинь. Съ одной стороны, это были богатые люди, чувствовавшіе отвращеніе къ своему богатству и къ тому обществу, съ которымъ связывало ихъ богатство. Съ другой стороны, это были—и притомъ въ большинствѣ—бѣдняки, находившіе въ монастырѣ пріютъ, въ которомъ имъ отказало «свѣтское», т. е. буржуазное, общество. «Но теперь»—жалуется блаженный Августинъ—«посвящаютъ себя служенію Богу (servitutis Dei) по большей частью рабы, или вольноотпущенники, или люди, которые были или будутъ отпущены на волю своими господами для этой цѣли, или крестьяне, или ремесленники, или другіе плебеи» [1]).

Семья можетъ снискивать себѣ средства къ существованію самыми разнообразными способами: трудомъ, нищенствомъ, эксплоатаціей. И монастыри также находили себѣ заработокъ разными способами. Въ однихъ монастыряхъ преобладали склонности люмпенпролетаріевъ, каковыми и были ихъ члены,—они жили, главнымъ образомъ, нищенствомъ. Другіе монастыри имѣли счастье найти богатыхъ членовъ или покровителей, подарившихъ имъ деньги, имѣнія, рабовъ, или колоновъ, и благочестивые мужи могли жить, эксплоатируя послѣднихъ. Но огромное большинство монастырей было союзами бѣдныхъ людей, объединившихся для того, чтобы нѣсколько облегчить свою жизнь. Имъ приходилось, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, обращаться къ *физическому труду*.

Первые, сдѣлавшіеся намъ извѣстными, монастыри, основанные въ четвертомъ вѣкѣ, предписывали физическій трудъ. Наиболѣе выдающіеся основатели монастырей того времени, какъ, наприм., Антоній, Пахомій, Василій въ четвертомъ вѣкѣ, Бенедиктъ изъ Нурсіи, основатель бенедиктинскаго ордена въ шестомъ вѣкѣ, требовали физическаго труда.

Вначалѣ каждый членъ могъ по желанію выступить изъ семейной общины, къ которой онъ принадлежалъ. Семейная община не выдѣляла, также, своихъ членовъ отъ остального населенія, предписывая имъ носить особую одежду.

Монастыри на этой ступени развитія, по ихъ характеру и цѣлямъ, можно сравнить съ производительными товариществами, которыя основываются современными пролетаріями. Какъ тѣ, такъ и другіе являлись попыткой

[1]) De opere Monachorum, c. 22. *И. Ц. Гизелера.* Lehrbuch der Kirchengeschichte, 3 Aufl., I, S. 545.

рѣшить «соціальный вопросъ» своего времени для ограниченнаго круга лицъ и собственными силами этихъ лицъ.

Но, при всемъ сходствѣ обѣихъ организацій, въ нихъ есть и очень значительныя различія, отражающія различіе между современнымъ и римскимъ обществомъ.

Капиталистическій способъ производства превратилъ почти все производство въ товарное. И производительныя товарищества рабочихъ должны, поэтому, также производить товары. Они производятъ предметы потребленія не для себя, а для рынка, и имъ приходится бороться съ рискомъ и со всѣми деморализующими вліяніями, которыя приносятъ съ собою система свободной конкурренціи и кризисы.

До появленія капиталистическаго способа производства цѣлью производства оставалось, главнымъ образомъ, приготовленіе нужныхъ самому производителю предметовъ потребленія. Каждый крестьянскій дворъ, каждая латифундія, каждое помѣстье производили все или, во всякомъ случаѣ, почти все, въ чемъ они нуждались, и только излишекъ они выносили, какъ товаръ, на рынокъ; монастыри поступали точно также. Излишекъ, связывавшій ихъ съ рынкомъ, съ міромъ, являлся для нихъ, обыкновенно, большимъ искушеніемъ, за которымъ слѣдовало грѣхопаденіе. Излишекъ долженъ былъ принадлежать бѣднымъ, однако выгоднѣе было продать его и употребить на свои собственныя надобности.

Въ позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ, когда развилась городская индустрія, монастырское производство для рынка могло явиться сильнымъ конкуррентомъ для ремесленника (сравни стр. 116). Но производство для собственнаго потребленія все же оставалось главнымъ дѣломъ. Монастыри дольше всѣхъ сопротивлялись вліянію выступившаго на міровую сцену капитализма; въ нихъ натуральное хозяйство сохранилось дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Эта система хозяйства сдѣлала ихъ консервативными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщила имъ такую устойчивость и способность къ сопротивленію, какихъ мы напрасно стали бы искать у современныхъ производительныхъ товариществъ.

Второе важное различіе заключается въ томъ, что производительныя товарищества нашего времени имѣютъ своей основой общее владѣніе орудіями производства, а не средствами потребленія. Напротивъ, въ монастыряхъ общность жизни, общность хозяйства была главнымъ, а общность орудій производства—второстепеннымъ дѣломъ; ея придерживались, чтобы придать коммунистическому хозяйству прочность, ибо опытъ показалъ, что общее домашнее хозяйство находится въ противорѣчіи съ частной собственностью отдѣльныхъ лицъ на принадлежащія имъ орудія производства, и что

тамъ, гдѣ сохраняется частная собственность на орудія производства, общее домашнее хозяйство никогда не можетъ удержаться надолго.

Существуетъ еще одно различіе между современными производительными товариществами и монастырями. Первые не уничтожаютъ индивидуальной семьи. Общее владѣніе орудіями производства вполнѣ совмѣстимо съ этимъ институтомъ, но общее владѣніе предметами потребленія несовмѣстимо съ нимъ. Монахъ или монахиня не должны были, поэтому, знать другой семьи кромѣ семейной общины. Но монастыри должны были пойти еще дальше. Первобытная семейная община не исключаетъ индивидуальнаго брака отдѣльнаго ея члена. Но эти союзы покоились на узахъ крови, освященныхъ тысячелѣтней привычкой, а не на только что выдуманныхъ искуственныхъ построеніяхъ, и существовали въ обществѣ, въ которомъ еще не было частной собственности и права индивидуальнаго наслѣдованія, по крайней мѣрѣ на важнѣйшія орудія производства. Монастыри, напротивъ, возникли тогда, когда это право собственности и наслѣдства было вполнѣ развито. Они могли искать себѣ убѣжища въ пустыняхъ для того, чтобы жить внѣ буржуазнаго міра; но какъ бы далеко они ни углублялись въ пустыни, все же они оставались въ предѣлахъ этого міра. Введеніе въ монастыряхъ индивидуальнаго брака подорвало бы, съ естественной необходимостью, ихъ коммунизмъ, какъ признаніе этого брака убило уже коммунизмъ христіанской церкви.

Монастырямъ ничего не оставалось, какъ упразднить бракъ, если только они хотѣли сохранить свой коммунизмъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое собственное существованіе. Либеральное просвѣтительство смотритъ на безбрачіе монаховъ и монахинь, какъ на результатъ полнѣйшаго идіотизма. Но когда какое нибудь историческое массовое явленіе кажется историку непонятнымъ, то онъ поступитъ разумнѣе, если станетъ искать причинъ этого непониманія въ своемъ недостаточномъ знакомствѣ съ дѣйствительной связью явленій и постарается отыскать эту связь, вмѣсто того, чтобы возлагать отвѣтственность на глупость массъ, что, конечно, удобнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, больше льститъ самолюбію писателя. Безбрачіе, введенное въ монастыряхъ, не доказываетъ, что основатели монастырей были идіотами, оно доказываетъ только, что экономическая необходимость можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оказаться сильнѣе, чѣмъ законы природы.

Впрочемъ, безбрачіе вовсе не непремѣнно означаетъ цѣломудріе. Оно можетъ, какъ мы уже однажды упоминали, осуществиться на основѣ внѣбрачныхъ половыхъ сношеній. Платонъ искалъ такого выхода. Но въ римскомъ обществѣ бракъ былъ слишкомъ проченъ, и монастыри не могли воспользоваться этимъ выходомъ. Они тѣмъ легче примирялись съ без-

брачіемъ, что господствующее повсюду мрачное настроеніе того времени, крайне благопріятствовало аскетизму.

Наше предположеніе, что безбрачіе въ монастыряхъ является слѣдствіемъ общности средствъ потребленія, не есть чисто спекулятивная гипотеза. За него говоритъ тотъ фактъ, что мы до сихъ поръ всегда встрѣчали эти оба явленія вмѣстѣ. Въ античныя времена намъ это показываютъ Платонъ и ессеи. Мы можемъ, кромѣ того, сдѣлать еще дальнѣйшее сравненіе—между монастырями и колоніями въ Соединенныхъ Штатахъ, стремившимися осуществить примитивный коммунизмъ въ послѣднія десятилѣтія прошлаго и первыя десятилѣтія нашего вѣка; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми колоніями, которыя поставили себѣ задачей осуществить идеи новѣйшихъ утопистовъ, исходившихъ изъ познанія капиталистическаго способа производства и положившихъ въ основаніе своихъ попытокъ коммунизмъ орудій производства, какъ напримѣръ, Р. Оуэнъ, Фурье и Кабе [1]).

Между различными коммунистическими общинами въ Соединенныхъ Штатахъ, описанными Чарльзомъ Нордгофомъ въ его сочиненіи о коммунистическихъ обществахъ этой страны [2]), нѣтъ *ни одной*, которая не была бы враждебна браку, несмотря на то, что онѣ образовались самыми различными путями и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой связи другъ съ другомъ. Это совпаденіе не является поэтому случайностью.

Двѣ общины,—аманская община (основана въ 1844 г.) и община сепаратистовъ (сущ. съ 1817 г.),—допускаютъ, правда, бракъ, но и онѣ признаютъ безбрачіе высшимъ состояніемъ и видятъ въ немъ бóльшую заслугу. Сепаратисты изъ Зоара сначала запрещали бракъ. Съ 1830 г. онъ дозволяется у нихъ. Но девятая статья изъ двѣнадцати, излагающихъ ихъ принципы, гласитъ: «Мы считаемъ всякія сношенія между полами, не являющіяся необходимыми для продолженія потомства, грѣховными и противными заповѣдямъ Божіимъ. Полное воздержаніе мы считаемъ большей заслугой, чѣмъ бракъ» (цит. соч., стр. 104).

Другія секты прямо запрещали бракъ. Рапписты, вначалѣ, съ 1803 г.,

---

[1]) Отсталость перваго рода коммунизма въ сравненіи съ послѣднимъ сказывается уже на его религіозномъ характерѣ. Для коммунистическихъ общинъ, которыя мы здѣсь имѣемъ въ виду, религія не является частнымъ дѣломъ. Онѣ стоятъ еще на той ступени развитія, на которой соціальные принципы принимаютъ религіозную форму, принадлежность къ общинѣ обусловливаетъ у нихъ поэтому и признаніе опредѣленныхъ религіозныхъ догматовъ.

[2]) „The communistic societies of the United States, from personal visit and observation“, Лондонъ, 1875.

допускали его, но въ 1807 г. пришли къ заключенію о необходимости безбрачія. Въ 1832 г. 250 раппистовъ, наскучивъ безбрачіемъ, отдѣлились отъ главной общины и основали свою собственную общину. *Послѣдняя скоро распалась*; имущество было раздѣлено между отдѣльными семействами.

Шекеры, старѣйшая изъ американскихъ коммунистическихъ сектъ, начало которой восходитъ къ прошлому столѣтію, первымъ изъ своихъ пяти основныхъ положеній считаютъ коммунизмъ, а вторымъ—целибатъ.

Только одна изъ этихъ сектъ рѣшилась достигнуть безбрачія, къ которому она стремилась, но не посредствомъ целибата, а посредствомъ платоновскаго способа, который, впрочемъ, еще больше несовмѣстимъ съ нашими чувствами и идеями, чѣмъ пожизненное цѣломудріе. Секта эта—перфекціонисты изъ Онеиды и Уоллингфорда, образовавшіе общину въ 1848 г. Они полагали, что Христосъ заповѣдывалъ общность не только имуществъ, но и лицъ. Никто не имѣетъ права вступить въ половыя сношенія съ другимъ лицомъ противъ его воли, но «исключительную и идолопоклонническую привязанность» двухъ лицъ другъ къ другу они считаютъ доказательствомъ грѣховнаго эгоизма, и тамъ, гдѣ, какъ имъ кажется, начинаетъ проявляться такого рода эгоизмъ, онъ подавляется «критикой» и другими мѣрами. Какъ въ платоновскомъ государствѣ, такъ и у перфекціонистовъ дѣторожденіе регулируется обществомъ и должно происходить согласно научнымъ принципамъ» (цит. соч. стр. 276).

Замѣчательно, что секта перфекціонистовъ стоитъ выше всѣхъ остальныхъ примитивно-коммунистическихъ сектъ въ экономическомъ и интеллектуальномъ отношеніи. Только она одна ведетъ правильное хозяйство и проявляетъ интересъ къ искусству и литературѣ.

Мы, слѣдовательно, имѣемъ право утверждать, что безбрачіе въ монастыряхъ не являлось продуктомъ непонятнаго каприза или склоннаго къ самоистязанію безумія, а коренилось въ матеріальныхъ условіяхъ, среди которыхъ возникли монастыри.

И еще одно показываютъ намъ коммунистическія колоніи Америки. *Коммунизмъ порождаетъ необыкновенное прилежаніе, необыкновенное трудолюбіе.* Нѣтъ ничего смѣшнѣе опасеній, будто въ коммунистическомъ обществѣ не захотятъ трудиться. Опытъ давно показалъ неосновательность этихъ опасеній.

Рядъ иллюстрацій этого положенія приводится, между прочимъ, уже въ цитированной книгѣ Нордгофа. «Я часто задавалъ вопросъ»,—разсказываетъ онъ,—«какъ поступаете вы съ лѣнтяями? *Но въ коммунистической общинѣ нѣтъ праздношатающихся.* Я, поэтому, предполагаю, что люди не лѣнивы по своей природѣ. Даже «зимніе шекеры»,—эти безпокой-

ные люди, которые при приближеніи холоднаго времени года ищутъ пристанища у шекеровъ и у другихъ общинъ, притворяясь, будто они хотятъ сдѣлаться членами общины и, какъ мнѣ сказалъ одинъ изъ старѣйшинъ шекеровъ, къ началу зимы приходятъ «съ пустымъ желудкомъ и пустой сумой, а какъ только начинаютъ цвѣсти розы, уходятъ наполнивъ и то и другое»,—даже эти безпутные люди подпадаютъ вліянію планомѣрности и порядка и выполняютъ приходящуюся на ихъ долю работу съ охотой, пока теплое весеннее солнце не начинаетъ ихъ снова манить на свободу» (цит. соч. стр. 395).

Поэтому мы имѣемъ право предположить, что требованіе физическаго труда, выставленное основателями монастырей, принималось ими въ серьезъ, и что сообщенія о трудолюбіи монаховъ не являются простымъ прикрашиваніемъ, хотя мы и знаемъ, что въ дѣлѣ преувеличеній и выдумокъ церковная риторика издавна затмевала всякую другую, до адвокатской включительно [1]).

И еще одно показываютъ намъ примитивныя коммунистическія колоніи Сѣв. Америки: огромное экономическое превосходство коммунистической формы общежитія надъ крестьянской и мелко-буржуазной формами, въ рамкахъ которыхъ возникли эти колоніи.

Разсмотрѣніе причинъ этого явленія завело бы насъ слишкомъ далеко [2]). Достаточно того, что оно вполнѣ достовѣрно и доказывается лучше всего быстрымъ ростомъ благосостоянія коммунистическихъ общинъ.

---

[1]) Само собою разумѣется, что монахи такъ же мало обременяли себя чрезмѣрной работой, какъ и другіе свободные рабочіе, до возникновенія капиталистическаго способа производства. Въ бенедиктинскихъ монастыряхъ нормальный рабочій день равнялся по регламенту св. Бенедикта изъ Нурсіи *семи часамъ* (*Ратцингеръ*, Geschichte der kirchlichen Armenpflege, стр. 100). Рекомендуемъ этотъ нормальный рабочій день вниманію всѣхъ благочестивыхъ христіанъ.

[2]) Нордгофъ изложилъ ихъ болѣе подробно въ своемъ, многократно цитированномъ нами, сочиненіи. Какъ мы уже упоминали, не слѣдуетъ смѣшивать этихъ коммунистическихъ колоній простыхъ крестьянъ и ремесленниковъ, благодаря своему коммунизму поднявшихся въ экономическомъ отношеніи выше уровня мелкаго крестьянства и мелкой буржуазіи, съ коммунистическими колоніями, основанными образованными горожанами и, притомъ, въ большинствѣ, людьми либеральныхъ профессій, имѣвшими своей цѣлью создать общественную форму, стоящую выше не только крестьянской и мелко-буржуазной общественныхъ формъ, но и капиталистической въ самой развитой ея формѣ. Эти эксперименты въ большинствѣ случаевъ терпѣли неудачу уже въ самомъ началѣ, ибо горожанинъ, принужденный жить исключительно собственнымъ трудомъ,—плохой піонеръ въ земледѣліи, особенно въ дикихъ мѣстностяхъ. Но, даже когда экспериментъ, повидимому, удавался, онъ все-же не могъ достигнуть своей цѣли потому что отдѣльная коммунистическая самодавлѣющая община, какъ-бы

*

Еще больше должно было проявиться это превосходство въ пришедшей въ упадокъ римской имперіи, не обладавшей, какъ Соединенные Штаты въ первой половинѣ XIX вѣка, ни цвѣтущимъ крестьянствомъ, ни цвѣтущей мелкой буржуазіей. Крестьянство было раззорено, и его мѣсто заняли пользовавшіяся рабскимъ трудомъ латифундіи, смѣненныя, въ свою очередь, жалкой карликовой арендой—колонатомъ. По сравненію съ ними, монастырскія производительныя товарищества экономически оказались несравненно выше. Неудивительно, что монастыри получили быстрое распространеніе въ христіанскомъ мірѣ и что они сдѣлались носителями остатковъ римской техники и вообще всей римской культуры.

Такъ-же мало удивитъ насъ то обстоятельство, что послѣ переселенія народовъ германскіе князья и землевладѣльцы видѣли въ монастыряхъ учрежденія, которыя болѣе всѣхъ другихъ были способны ввести на принадлежащихъ имъ земляхъ наилучшіе способы производства. Они, поэтому, также покровительствовали основанію монастырей и часто даже сами побуждали къ этому, подобно тому, какъ, наприм., европейскіе владѣтельные князья прошлаго столѣтія оказывали всяческую поддержку мануфактурѣ. Въ то время какъ на югѣ отъ Альпъ главная цѣль монастырей состояла въ томъ, чтобы служить прибѣжищемъ для пролетаріевъ и *подвергавшихся жестокому обращенію* крестьянъ, на сѣверѣ отъ Альпъ ихъ главной задачей было содѣйствіе земледѣлію, промышленности и торговлѣ.

Но именно экономическое превосходство монастырей надъ всѣми другими хозяйствами того времени должно было, рано или поздно, привести каждый монастырь--поскольку ему только удавалось сохранить свое существованіе въ эту печальную, тревожную эпоху—къ богатству и могуществу, если только данный монастырь не былъ одѣленъ ими, уже съ самого своего основанія какимъ нибудь знатнымъ покровителемъ. Но могущество и богатство означаютъ власть надъ трудомъ другихъ людей. Монахамъ и монахинямъ теперь уже не было необходимости трудиться самимъ; имъ предста-

ни была совершенна ея организація, экономически всегда должна стоять ниже, чѣмъ капиталистическое общество, обладающее внутреннимъ рынкомъ цѣлой націи, и, сверхъ того, частью мірового рынка. Коммунистическія колоніи могутъ сохранить свое существованіе въ современномъ обществѣ только въ томъ случаѣ, если ихъ члены омужичатся и откажутся отъ всѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній капиталистическаго общества. Можно, поэтому, судить, какую цѣну имѣютъ африканскіе эксперименты Герцки. Если они, противъ ожиданія, удадутся (въ то время, когда эти строки сдавались въ печать, получено было извѣстіе объ ихъ неудачѣ), то результатомъ будетъ не основаніе новаго высшаго общества, а только—нѣсколькихъ крестьянскихъ деревень, которыя во всѣхъ отношеніяхъ будутъ стоять внѣ цивилизаціи.

вилась возможность жить трудомъ другихъ и они, естественно, воспользовались этой возможностью. Изъ *производительныхъ товариществъ* монастыри превратились въ *товарищества эксплоататоровъ.*

Это неизбѣжный результатъ всякой успѣшной попытки осуществить коммунизмъ для маленькой корпораціи, въ рамкахъ общества, основаннаго на частной собственности и эксплоатаціи. Это относится одинаково, какъ къ коммунизму орудій производства, такъ и къ коммунизму средствъ потребленія, а также и къ соединенію обоихъ родовъ коммунизма. Многочисленныя доказательства этого положенія по отношенію къ первому даетъ исторія производительныхъ товариществъ, а по отношенію къ послѣднему—исторія примитивно-коммунистическихъ колоній Америки.

Какъ тѣ, такъ и другія—если онѣ преуспѣваютъ и расширяютъ свое производство—предпочитаютъ, обыкновенно, нанимать рабочихъ, вмѣсто того, чтобы принимать новыхъ равноправныхъ членовъ, съ которыми старымъ членамъ приходилось бы дѣлиться.

Освобожденіе отъ физическаго труда не необходимо означаетъ отказъ отъ всякой работы. Оно даетъ возможность заняться умственнымъ трудомъ, и въ этомъ отношеніи монастыри пріобрѣли, также, важное значеніе.

Вначалѣ, конечно, они не имѣли никакого значенія для искусства и науки. Производительныя товарищества, основанныя бывшими крестьянами, ремесленниками, рабами, люмпенпролетаріями, основанныя, къ тому же, внѣ городовъ, въ захолустныхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ не могло безпокоить гражданское общество и государство, конечно, не могли быть учрежденіями, особенно подходящими для занятій искусствомъ и наукой. И даже тогда, когда въ римской имперіи возобладало христіанство, науки и искусства все еще концентрировались въ городахъ.

Но съ исчезновеніемъ рабства, доставлявшаго громадные избытки продуктовъ, исчезли не только роскошь, но и наука, искусство, ремесла,—вообще вся цивилизація. Сельское хозяйство все болѣе опускалось до примитивнаго арендпаго хозяйства грубыхъ колоновъ, дававшаго ничтожные урожаи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно совершенно погибло. За разореніемъ сельскаго хозяйства послѣдовало разореніе городовъ, населеніе, объемъ и благосостояніе которыхъ все болѣе и болѣе уменьшались. Переселеніе народовъ или совершенно разорило города или отняло у нихъ всякое значеніе.

Успѣвъ тѣмъ временемъ пріобрѣсти благосостояніе, монастыри сдѣлались теперь лучшими, даже почти единственными прибѣжищами науки и искусства. Монастырская жизнь стала развиваться въ четвертомъ вѣкѣ, но центръ тяжести умственной жизни начинаетъ передвигаться въ монастыри только съ шестого вѣка; здѣсь онъ и остается до того времени, когда наступаетъ новый расцвѣтъ городовъ.

Однако, люди, уходившіе въ монастырь, желая воспользоваться предоставляемымъ тамъ досугомъ для занятія науками и искусствами, составляли всегда меньшинство среди обитателей монастырей. Громадное большинство пользовалось пріятной жизнью и досугомъ, который доставляла эксплоатація, только для того, чтобы предаваться болѣе грубымъ удовольствіямъ. Лѣность, похотливость и пьянство монаховъ, какъ извѣстно, вошли въ поговорку.

Рука объ руку съ этимъ шелъ другой процессъ развитія. Какъ только одно изъ монастырскихъ производительныхъ товариществъ преуспѣвало и обогащалось, оно становилось надо всей остальной массой населенія. Сохранить это привилегированное положеніе оно могло, лишь отгородившись отъ всей остальной массы, стремившейся вступить въ его ряды для того, чтобы получить свою долю его экономическаго благосостоянія. Какъ нѣкогда марки и цехи—а въ нашемъ вѣкѣ, многія преуспѣвающія коммунистическія колоніи или производительныя товарищества—такъ и монастыри становились *обособленными*, какъ только они становились богатыми. Бѣдняки, изъявлявшіе желаніе вступить въ число членовъ, по возможности не допускались. Зато охотно принимались люди, по своему положенію или богатству обѣщавшіе монастырю нѣкоторыя выгоды. Если съ возрастаніемъ своего богатства монастыри перестали быть *производительными товариществами* и превратились въ *товарищества эксплоататоровъ*, то они также перестали быть *убѣжищами* для *бѣдныхъ* и угнетенныхъ. Они стали *домами призрѣнія* младшихъ сыновей и невышедшихъ замужъ дочерей *дворянъ*.

Но самая живая потребность въ производительныхъ товариществахъ, съ одной стороны, и въ убѣжищахъ для бѣдныхъ и угнетенныхъ—съ другой, сохранялась въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и монастыри представляли въ то время единственную форму, въ которой эта потребность могла найти себѣ удовлетвореніе. И черезъ всю эту эпоху тянутся, поэтому, красной нитью, наряду съ непрерывными жалобами на упадокъ дисциплины и нравовъ среди монашества, такъ же и непрерывныя попытки помочь горю, реформированіемъ уже существующихъ монашескихъ орденовъ и отдѣльныхъ монастырей или основаніемъ новыхъ орденовъ и монастырей.

Методы реформы были самыя разнообразныя. Простѣйшимъ и самымъ выгоднымъ для реформатора методомъ была конфискація всего излишняго имущества монастыря [1]). Но эта реформа не всегда удавалась, ибо воин-

[1]) Особенно отличался склонностью къ такому реформизму германскій императоръ Генрихъ II (1002–24). (Срав. *Лампрехтъ*, Deutsche Geschichte, II-ой т., стр. 280 и сл. и *Гизебрехтъ*, Deutsche Kaiserzeit, II-ой т., стр. 84 и сл.).

ственные монахи того времени очень энергично защищали свою шкуру. Не одинъ склонный къ реформамъ аббатъ былъ ими убитъ; порой отъ такихъ реформаторовъ освобождались и убійствомъ изъ-за угла.

Тамъ же, гдѣ реформація удавалась, она не приносила большой пользы. Спустя нѣкоторое время опять водворялись старые порядки.

Не лучше шло и съ основаніемъ новыхъ монашескихъ орденовъ. Все изобрѣтательнѣе становились основатели орденовъ въ выработкѣ своихъ монастырскихъ регламентовъ,—теперь мы назвали бы ихъ образцовыми статутами,—имѣвшихъ цѣлью изгнать изъ монастырей все мірское. Всякаго рода самоистязаніе должно было изгнать мірскія страсти. Все строже становился аскетизмъ, все рѣзче—отгораживаніе отъ внѣшняго міра. Но такъ какъ, при всемъ этомъ, не доходили и не могли доходить до корня зла, а боролись только съ симптомами, то всевозмозможныя истязанія оставались безрезультатными и, къ счастью, большей частью и неосуществленными.

Чаще всего основывались новые монашескіе ордена въ XII и XIII вѣкахъ. Города Италіи и южной Франціи переживали эпоху быстраго расцвѣта. Но этотъ экономическій расцвѣтъ означалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ростъ пролетаріата,—трудящагося пролетаріата, но также, и даже больше всего, люмпенпролетаріата. Послѣдній пріобрѣлъ въ нѣкоторыхъ городахъ достаточно силы, чтобы вызывать соціальныя движенія. Эти движенія выразились прежде всего въ усиленіи тяготѣнія къ монашеству, а затѣмъ и въ томъ, что они сообщили послѣднему болѣе пролетарскій характеръ, чѣмъ тотъ, который оно носило, начиная съ шестого и кончая одиннадцатымъ вѣкомъ. Эти монашескія тенденціи были не всегда дружелюбны по отношенію къ господствующей церкви. Часто онѣ соединялись съ выступавшими въ то время въ Италіи и южной Франціи враждебными церкви еретическими тенденціями.

Но и папству нерѣдко удавалось подчинить себѣ — монашески-пролетарскія тенденціи. Особенно важное значеніе пріобрѣли благодаря этому *нищенствующіе ордена доминиканцевъ и францисканцевъ*. Латеранскій соборъ (1215) запретилъ основаніе новыхъ орденовъ, чтобы поставить преграду безмѣрному «грюндерству». Но тотчасъ же послѣ обнародованія этого запрещенія папа нарушилъ постановленіе собора въ пользу основанныхъ тогда названныхъ двухъ орденовъ.

Въ особенности, характерно зарожденіе францисканскаго ордена. Его основатель, св. Францискъ Ассизскій (род. въ 1182 г.), былъ сыномъ богатаго купца и провелъ очень весело свою юность, а затѣмъ, во время обычно слѣдующаго за такой веселой жизнью похмелья, его охватило

Этотъ великій конфискаторъ монастырскаго имущества былъ причисленъ къ лику святыхъ: поощреніе для благочестивыхъ католиковъ.

отвращеніе къ богатству и стремленіе помогать нуждающимся. Онъ продалъ свое имущество, роздалъ вырученныя деньги бѣднымъ и рѣшилъ посвятить имъ свою жизнь. Послѣ того, какъ онъ нашелъ одинаково мыслящихъ товарищей, онъ ихъ организовалъ въ орденъ, который получилъ отъ Иннокентія III (1215) устное, а отъ Гонорія III (1223) и письменное утвержденіе.

Св. Францискъ полагалъ, что ему удастся воспрепятствовать утвержденному имъ ордену превратиться, подобно своимъ предшественникамъ, въ товарищество эксплоататоровъ. Онъ думалъ достигнуть этого распространеніемъ на орденъ того обѣта нищеты, который до сихъ поръ распространялся на отдѣльныхъ членовъ монастыря, а не на общины. Ордену францисканцевъ было запрещено пріобрѣтать что либо въ собственность, онъ не долженъ былъ, также, заниматься для заработка какимъ либо трудомъ, а служить бѣднымъ и больнымъ и довольствоваться получаемыми имъ дарами благотворенія.

Но именно потому, что этотъ орденъ оказался такимъ полезнымъ въ борьбѣ съ бѣдностью, а, затѣмъ, и потому, что своей дѣятельной помощью онъ пріобрѣлъ довѣріе бѣдныхъ, не давалъ зародиться среди нихъ революціоннымъ стремленіямъ и поддерживалъ въ нихъ симпатіи къ церкви,— именно поэтому на него посыпалось слишкомъ много даровъ. Еще при жизни св. Франциска въ его орденѣ возникла тенденція къ уничтоженію правила, запрещающаго ордену пріобрѣтеніе имущества. «Останки великаго основателя нищенствующаго ордена покоились уже въ блиставшемъ золотомъ и мраморомъ соборѣ» (*Грегоровіусъ*, Geschichte der Staat Rom, V, стр. 114). По прошествіи неполныхъ 20 лѣтъ со дня его смерти (ум. въ 1226 г.), эти стремленія пріобрѣли такую силу, что Иннокентій IV счелъ нужнымъ въ 1245 г. измѣнить это правило въ томъ смыслѣ, что францисканцы могутъ пріобрѣтать имущества и *пользоваться* ими, но не на правахъ *собственности*, а только на правахъ *владѣнія*. Право же собственности на владѣнія принадлежитъ папѣ.

Послѣ этого орденъ францисканцевъ (это одинаково относится и къ ордену доминиканцевъ) быстро постигла судьба его предшественниковъ. Онъ сдѣлался товариществомъ эксплоататоровъ [1]).

[1]) Каноникъ *Іоаннъ Рюнсбрекъ*, нидерландецъ, родившійся въ 1293 г. высказался, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, о монахахъ вообще и о нищенствующихъ монахахъ въ частности слѣдующимъ образомъ: „Среди нихъ царятъ три порока: лѣность, обжорство и распутство. Прежніе монахи были бѣдны, основатели нищенствующихъ орденовъ довольствовались Богомъ и презирали земныя богатства и почести. Теперь же, всѣ монастыри стремятся къ пріобрѣтенію богатства. Сущс-

Но это нововведеніе имѣло еще другія послѣдствія. Часть францисканцевъ отнеслась серьезно къ своей задачѣ—быть представителями интересовъ бѣдноты. Таковыми были особенно *терціаріи*. Св. Францискъ создалъ демократическое учрежденіе. Наряду съ первымъ мужскимъ монашескимъ орденомъ и вторымъ, женскимъ [1]), онъ образовалъ третій орденъ—*терціаріевъ*, которые принимали участіе въ исполненіи задачъ ордена, не отказываясь, приэтомъ, отъ брака и своихъ мірскихъ занятій. Терціаріи вербовались большей частью изъ среды ремесленниковъ или, вообще, изъ простонародья, и ихъ союзы можно назвать рабочими союзами. Они оказали очень рѣшительное противодѣйствіе превращенію ордена въ компанію эксплоататоровъ. Между обѣими партіями возникла сильная борьба, продолжавшаяся въ продолженіе десятка лѣтъ. Чѣмъ больше папскій престолъ оказывалъ покровительство эксплоататорскому направленію, тѣмъ рѣшительнѣе возставали сторонники болѣе строгаго направленія (получившіе названіе спиритуаліевъ или фратичелли) противъ папы и самой церкви, тѣмъ больше стремились они проникнуть во враждебныя церкви организаціи. Когда же, наконецъ, папа Іоаннъ XXII, чтобы образумить ихъ, направилъ противъ нихъ,—главнымъ образомъ, въ южной Франціи—инквизицію (въ 1317 г. въ Нарбонѣ, Безьерѣ), то это привело только къ ихъ окончательному отпаденію отъ церкви. Съ тѣхъ поръ они причислялись къ еретическимъ коммунистическимъ сектамъ, къ беггардамъ, въ которыхъ мы должны видѣть предшественниковъ анабаптистовъ.

Такимъ образомъ, строгіе францисканцы занимали промежуточное положеніе между монашескимъ коммунизмомъ, образовавшимъ одну изъ основъ средневѣкового общества, и пролетарскимъ коммунизмомъ того времени, стремившимся къ уничтоженію существующаго общества.

ствуетъ безчисленное множество нищенствующихъ монаховъ, но среди нихъ найдется немного такихъ которые соблюдали бы статуты своего ордена. Они хотятъ называться бѣдными, а на самомъ дѣлѣ высасываютъ соки изъ всей земли, лежащей на семь миль въ окружности отъ ихъ монастыря, и живутъ въ роскоши; у нихъ существуютъ даже степени, совершенно неумѣстныя въ ихъ средѣ. Одни имѣютъ четыре, пять одеждъ, другіе же едва имѣютъ одну одежду; одни пируютъ въ трапезной за особымъ столомъ, вмѣстѣ съ пріоромъ, гвардіаномъ и лекторомъ, а другіе должны довольствоваться зеленью, селедкой и пивомъ. Послѣдніе дѣлаются завистливыми, тѣмъ болѣе, что по ихъ мнѣнію, все имущество должно принадлежать всѣмъ имъ сообща" и т. д. (Цитировано у *Ульмана*, Reformatoren vor der Reformation, vornehmlich in Deutschland und den Niederlanden, Гамбургъ, 1842, стр. 57, 58).

[1]) Онъ былъ основанъ горячимъ другомъ и поклонницей св. Франциска Ассизскаго, восемнадцатилѣтней Кларой Сциффи; онъ получилъ, поэтому, названіе ордена Клариссъ.

Къ этому времени уже появился также и теоретикъ—правда, только монашескаго коммунизма—аббатъ *Іоахимъ Фіорійскій* изъ Калабріи (род. ок. 1145 г. въ деревнѣ Целіумѣ близъ Козенцы). Послѣ пилигримства въ Святую землю, онъ возвратился въ Калабрію и сдѣлался монахомъ, а позднѣе около 1178 г., аббатомъ цистерьянскаго монастыря Кораче. Послѣ этого онъ основалъ собственный монастырь въ Фіоре и умеръ въ 1201 или 1202 г.

Потрясенный соціальной неурядицей своего времени, и, въ особенности, господствующими въ церкви ужасающей эксплоатаціей и испорченностью, онъ искалъ выхода изъ этого нечестія и думалъ найти его въ распространеніи коммунизма на все общество, — разумѣется, въ той его формѣ, которая соотвѣтствовала тогдашнему времени, т. е. въ формѣ монастырскаго коммунизма. Онъ предсказывалъ наступленіе революціи и новаго общества, тысячелѣтняго царства, о которомъ говоритъ Апокалипсисъ.

Онъ различаетъ три эпохи: «Вначалѣ было время, когда люди служили плоти; это время начинается Адамомъ и кончается Христомъ. Затѣмъ наступило время, когда они служили обоимъ, какъ плоти, такъ и духу; оно продолжается до настоящаго времени. Но наступаетъ совершенно иной вѣкъ, въ которомъ живутъ только для духа; онъ начинается въ то время, когда жилъ св. Бенедиктъ». Это третье состояніе общества есть монашеское состояніе (status monachorum). Монастырскій строй охватитъ все человѣчество. «Необходимо, чтобы мы достигли истиннаго подражанія жизни апостоловъ, стремясь не къ обладанію земными благами, а, скорѣе, отрекаясь отъ нихъ» и т. д. Полное осуществленіе третьяго состоянія общества наступитъ въ 22-мъ поколѣніи, послѣ смерти св. Бенедикта, слѣдовательно, очень скоро. Страшный судъ Божій приведетъ къ гибели римскую церковь, и изъ ея остатковъ возникнетъ новое общество, орденъ праведныхъ, который отречется отъ частной собственности. Этимъ начнется вѣкъ совершенной свободы и совершеннаго познанія.

Ученіе Іоахима произвело сильное впечатлѣніе. Оно было особенно сильно среди членовъ францисканскаго ордена, придерживавшихся болѣе строгаго направленія, среди фратичелли, считавшихъ себя «орденомъ праведныхъ», призваннымъ обновить общество; черезъ нихъ это ученіе нашло широкое распространеніе. Оно оказало вліяніе на италіанскаго Мюнцера, Дольчино; оно не осталось чуждымъ и самому Мюнцеру [1]).

---

[1]) Лютеръ упрекалъ Мюнцера въ томъ, что онъ заимствовалъ свои „высокомѣрныя мысли“ изъ толкованія Іереміи, написаннаго аббатомъ Іоахимомъ. Мюнцеръ самъ, въ своемъ письмѣ къ Цейсу, отъ 2 декабря 1523 г., писалъ о своемъ отношеніи къ Іоахиму: „Знайте также, что книж-

Впечатлѣніе, произведенное пророчествами Іоахима не только въ Италіи, но и въ Германіи было такъ глубоко, и оно настолько соотвѣтствовало живой потребности, что, когда событія не оправдали этихъ пророчествъ, то народъ предпочелъ передѣлывать силою своей фантазіи первыя, чѣмъ отказываться отъ вѣры въ послѣднія. Іоахимъ пророчествовалъ, что соціальный переворотъ окончится въ 1260 г. Какъ разъ когда приближалось это время, между папой и императоромъ Фридрихомъ II происходила яростная борьба. Послѣдователи Іоахима ожидали, что императору удастся сломить папу и открыть паденіемъ послѣдняго эру новаго общества. Но случилось иначе.

«Смерть Фридриха (1250) находилась въ противорѣчіи съ пророчествомъ Іоахима Фіорійскаго, ибо, согласно этому пророчеству, онъ не долженъ былъ умереть раньше, чѣмъ окончитъ свое дѣло. Такимъ образомъ, въ этихъ кругахъ впервые возникло мнѣніе, что Фридрихъ II не могъ умереть, онъ только скрылся, чтобы потомъ вернуться снова и довести до конца дѣло, оставленное имъ незавершеннымъ... Такова исторія возникновенія того своеобразнаго цикла представленій, въ которомъ вращается нѣмецкая легенда объ императорѣ; только въ позднѣйшее время эта легенда была, по недоразумѣнію, перенесена на императора Фридриха I (Барбароссу) и на возстановленіе славы имперіи, которое должно было наступить съ его возвращеніемъ» [1]).

Отсюда видно, что подъ этой «славой имперіи» народъ понималъ коммунистическую революцію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Еретическій коммунизмъ. Его всеобщій характеръ.

I. Папство, какъ главный объектъ нападокъ еретическаго коммунизма.

Примѣръ францисканскаго ордена показываетъ намъ, какъ легко нѣкоторыя формы монастырскаго коммунизма приходили въ столкновеніе съ папствомъ. Въ дѣйствительности, очень часто монашескія реформаціи и

ники приписываютъ это ученіе аббату Іоахиму и съ великой насмѣшкой называютъ его вѣчнымъ Евангеліемъ. Я читалъ только его толкованіе Іереміи. Но источникъ моего ученія выше. *Я заимствую его не отъ него,* а изъ изреченій Божіихъ, какъ я со временемъ это докажу всѣми библейскими писаніями". Это письмо находится въ приложеніи къ сочиненію: „Von dem getichten glawben auff nechst Protestation ausszgangen Tome Müntzers Selwarters zu Alstet" 1524.

[1]) *Г. Притцъ,* „Staatengeschichte des Abendlandes im Mittelalter" Берлинъ, 1885, I, стр. 657.

основаніе новыхъ орденовъ означали, начиная съ XI столѣтія, упрекъ папской власти, и этотъ упрекъ принималъ иногда очень яркія формы.

Было почти необходимо, чтобы всѣ тѣ, кто принималъ близко къ сердцу интересы неимущихъ, обратились противъ папской церкви. Ибо она стояла въ первомъ ряду между имущими классами среднихъ вѣковъ, она обладала величайшими богатствами и господствовала надо всей не только духовной, но и экономической общественной жизнью.

Можно было бы, пожалуй, сравнить ея господство съ господствомъ крупныхъ банкировъ въ нашемъ вѣкѣ, съ господствомъ биржи, или, если на минуту заимствовать ходъ мыслей и способъ выраженія антисемитовъ, съ господствомъ еврейства. Точно также, какъ антисемиты въ наше время объявляютъ все общество зараженнымъ жидовствомъ, такъ тогда все общество было заражено папствомъ. Папство господствовало надъ духовной жизнью, какъ, наприм., биржа господствуетъ въ наше время надъ прессой. И какъ биржа часто рѣшаетъ судьбы министровъ и даже королей, основываетъ и разрушаетъ государства, точно также дѣлало это и папство.

Но господство папства было такъ же мало безспорнымъ, какъ и господство крупныхъ финансистовъ. Наоборотъ, оба они имѣютъ то общее, что возстанавляютъ противъ себя всѣ остальные классы общества, не только эксплоатируемыхъ, но и эксплоататоровъ, которымъ приходится отдавать такъ много изъ своей добычи этимъ высшимъ эксплоататорамъ, и которые съ такой жадной завистью взираютъ на ихъ сокровища. Ничего нѣтъ ошибочнѣе взгляда, будто послушаніе, которое встрѣчало обыкновенно папство во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, было добровольнымъ или пассивнымъ. Это послушаніе сопровождалось большей частью скрежетомъ зубовнымъ, и обычно послушные вставали на дыбы всякій разъ, какъ представлялась къ этому возможность. Большая половина среднихъ вѣковъ наполнена непрерывной борьбой различныхъ классовъ и областей противъ папской власти. Но до тѣхъ поръ, пока не было на лицо основъ новаго общественнаго соціальнаго и государственнаго порядка, папство также мало можно было преодолѣть, какъ нельзя было до сихъ поръ покорить современный нашъ міръ крупныхъ финансистовъ. И каждый изъ этихъ походовъ противъ папской власти, да и вообще, каждая соціальная катастрофа, каждая война, каждая эпидемія, каждый голодъ, каждый бунтъ, способствовали тогда, какъ и теперь, только дальнѣйшему увеличенію и укрѣпленію богатства и могущества эксплоататоровъ.

Это положеніе вещей было довольно благопріятно для распространенія коммунистическихъ идей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно было очень неблагопріятно для развитія самостоятельной классовой борьбы неимущихъ. Продолжая нашу аналогію съ міромъ крупныхъ финансистовъ, мы должны

будемъ сказать, что это положеніе дѣлъ было похоже на то, что происходило во Франціи при мѣщанскомъ королѣ (1830—1848). Благодаря своей финансовой силѣ, жалкому избирательному закону и политической отсталости трудящихся классовъ, крупные финансисты господствовали тогда при посредствѣ короля и парламента почти безгранично. Противъ нихъ поднялась оппозиція не только крестьянъ и наемныхъ рабочихъ, но и промышленныхъ капиталистовъ и мелкой буржуазіи. Борьба противъ общаго врага объединила ихъ и затушевала въ значительной степени существовавшія между ними классовыя противорѣчія. Это было причиной того, что у пролетаріата лишь медленно развивалось его классовое самосознаніе, что въ преобладающемъ своемъ большинствѣ онъ находился подъ руководствомъ мелкой и даже крупной буржуазіи. Но это привело, также, къ усиленію недовѣрія буржуазіи къ пролетаріату. Она была склонна забывать, что бѣдность является основой ея богатства, она сострадала страданіямъ бѣдныхъ и отверженныхъ, она поощряла стремленія, направленныя къ устраненію бѣдности, и многіе, находившіеся въ ея рядахъ, даже заигрывали съ соціализмомъ. Самые популярные беллетристы того времени были соціалистами; достаточно напомнить объ Эженъ Сю и Жоржъ Зандъ.

Затѣмъ наступила революція 1848 г. Королевство крупныхъ банкировъ было ниспровергнуто, и банкиры лишились своихъ политическихъ привилегій. Политическая власть перешла къ народу, т. е. къ индустріальнымъ капиталистамъ, мелкой буржуазіи, мелкимъ крестьянамъ и рабочимъ. Едва только общій врагъ былъ побѣжденъ, какъ они сознали болѣе или менѣе ясно и, во всякомъ случаѣ, довольно сильно, свои особые классовые интересы и классовыя противорѣчія. Но наиболѣе ясно и рѣзко вскрывалось противорѣчіе между буржуазіей и пролетаріатомъ. Революція показала силу этого противорѣчія, но она, также, показала, что соціализмъ не представляетъ собою мечту нѣсколькихъ сантиментальныхъ литераторовъ, что онъ имѣетъ свои корни въ наиболѣе революціонномъ классѣ, что онъ пересталъ быть игрушкой и угрожаетъ сдѣлаться смертоноснымъ орудіемъ.

Съ тѣхъ поръ буржуазія направила всю свою энергію не только противъ всякого самостоятельнаго движенія рабочаго класса, но и противъ всего, что имѣетъ обликъ соціализма, и ея напуганное воображеніе заставляло ее видѣть соціализмъ и въ томъ, что было лишь самой скромной филантропіей. Въ буржуазномъ обществѣ соціализмъ подвергся бойкоту. Буржуазнымъ соціалистамъ приходилось выбирать линіи дальнѣйшаго поведенія. Если они оставались вѣрными соціализму, то ихъ изгоняли изъ буржуазнаго общества, и даже имя ихъ никогда болѣе не должно

было произноситься. Если же они хотѣли избѣжать этого, то имъ приходилось отречься навсегда и всецѣло отъ своего соціализма. Съ тѣхъ поръ соціализмъ политически и литературно умеръ, пока усиливавшійся рабочій классъ не сдѣлался достаточно мощнымъ, чтобы своей собственной силой заставить общество обратить вниманіе на соціализмъ и его носителя.

Подобнымъ же, хотя, конечно, болѣе продолжительнымъ, былъ процессъ развитія въ средніе вѣка, причемъ реформація сыграла роль 1848 г. Мы можемъ ясно прослѣдить эту эволюцію въ Германіи въ XV и въ началѣ XVI вѣка.

О классовомъ сознаніи въ пролетарскихъ движеніяхъ конца среднихъ вѣковъ, разумѣется, можетъ быть еще меньше рѣчи, чѣмъ о классовомъ самосознаніи въ пролетарскихъ движеніяхъ первой половины нашего вѣка. Съ одной стороны, мы находимъ даже у люмпенпролетаріевъ стремленіе сорганизоваться въ цехи и добиться для себя особенныхъ привилегій [1]), съ другой стороны, мы находимъ, что коммунисты изъ рабочаго класса, а именно изъ ткачей, относились безразлично ко всякимъ классовымъ различіямъ. Они работали для всего человѣчества. Пролетарскія движенія, выходившія за предѣлы обычныхъ споровъ между цехами, еще вполнѣ совпадаютъ съ революціонными движеніями другихъ эксплоатируемыхъ классовъ, крестьянъ и мелкихъ ремесленниковъ.

Условія для пробужденія коммунистическихъ идей во всемъ обществѣ были, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напротивъ, еще болѣе благопріятными чѣмъ въ первой половинѣ нашего вѣка.

II. Противорѣчіе между богатымъ и бѣднымъ въ средніе вѣка.

Въ средніе вѣка, и даже еще въ эпоху реформаціи, различіе между богатыми и бѣдными было далеко не такъ велико, какъ въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ, но тогда оно больше бросалось каждому въ глаза и выражалось рѣзче. Въ наше время мы находимъ величайшія со-

[1]) Замѣчательно поселеніе живодеровъ, гробокопателей, чистильщиковъ помойныхъ ямъ (эти занятія считались безчестными) и *профессіональныхъ нищихъ* на Каленбергѣ, небольшомъ холмѣ въ Базелѣ. Обитатели Каленберга, живущіе отдѣльно отъ всѣхъ другихъ обывателей, образовали товарищество, на подобіе цеха, со своимъ собственнымъ судомъ, который назывался каленбергскимъ судомъ. Этотъ судъ состоялъ изъ семи носильщиковъ мѣшковъ (Sackträger); ихъ называютъ „свободными“ или „свободными парнями“, „которые ходятъ безъ штановъ и ножа“. (*Мауреръ*, Städteverfassung, II, стр. 472).

ціальныя различія въ крупныхъ городахъ, насчитывающихъ милліоны жителей, гдѣ бѣдные кварталы часто расположены на большомъ разстояніи отъ кварталовъ богатыхъ. Въ эпоху, о которой мы теперь говоримъ, локальное раздѣленіе отдѣльныхъ сословій и даже отдѣльныхъ занятій въ городахъ было проведено рѣзче, чѣмъ теперь, но города были невелики, — городъ съ 10.000—20.000 жителей считался уже крупнымъ; населеніе въ нихъ было скученно. Къ этому прибавлялось еще то обстоятельство, что жизнь—какъ трудъ, такъ и времяпрепровожденіе—проходила тогда болѣе открыто, чѣмъ теперь, что радости и печали каждаго класса не составляли тайны для другихъ классовъ. Мѣстомъ для политической жизни и празднествъ служили публичныя площади, рынки и церковныя площади или церкви и открытыя зданія. Покупки и продажи совершались на рынкахъ, но и ремеслами занимались, если это только оказывалось возможнымъ, на улицахъ, или, по крайней мѣрѣ, при открытыхъ дверяхъ.

Но особенное значеніе пріобрѣло слѣдующее обстоятельство. Главной задачей, которую въ наше время ставитъ себѣ капиталистъ, является накопленіе, умноженіе капитала. Современному капиталисту его капиталъ всегда кажется недостаточнымъ. Охотнѣе всего онъ употребилъ бы весь свой доходъ на увеличеніе своего капитала, на расширеніе своихъ предпріятій, на пріобрѣтеніе новыхъ предпріятій, на разореніе своихъ конкуррентовъ и т. д. Обладай онъ хотя тысячью милліоновъ, и все же, для того, чтобы обезпечить ихъ и не дать конкурренту обогнать себя, онъ будетъ стремиться ко второму милліарду. Современный капиталистъ никогда не тратитъ всего своего дохода на личное потребленіе, если только онъ не сумасбродъ или прожигатель жизни, или если его доходъ не ничтожно малъ. Самый богатый милліонеръ можетъ вести очень простой образъ жизни, не теряя отъ этого въ уваженіи другихъ людей. Поскольку же онъ позволяетъ себѣ роскошь, онъ обыкновенно пользуется ею не открыто, а въ бальныхъ и игорныхъ залахъ, chambres separées, охотничьихъ замкахъ и т. д. На улицѣ милліонеръ не отличается отъ всѣхъ остальныхъ гражданъ.

Совсѣмъ не то было при системѣ натуральнаго хозяйства и простого товарнаго производства. Богатые и власть имущіе не имѣли тогда возможности помѣщать въ акціяхъ или государственныхъ бумагахъ свой доходъ все равно, получался ли онъ натурой или деньгами. Они могли тратить свои доходы только на потребленіе или же, если они получались деньгами, употреблять ихъ на собираніе цѣнныхъ и непортящихся товаровъ, благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней. Чѣмъ больше росла эксплоатація, которой подвергали народъ свѣтскіе и духовные

князья и владѣтели, патриціи и купцы, чѣмъ больше становились ихъ доходы, тѣмъ больше увеличивалась роскошь, въ которой они жили. Сами они отнюдь не могли потреблять всѣ свои доходы. Они тратили ихъ на содержаніе многочисленной мужской и женской прислуги, на пріобрѣтеніе коней и собакъ благородной породы, на яркотканныя одежды для себя и своей свиты, на постройку роскошныхъ палатъ и великолѣпное украшеніе ихъ. Стремленіе къ собиранію сокровищъ способствовало увеличенію роскоши. Воинственные, гордые средневѣковые властелины не закапывали, подобно робкимъ индусамъ, своихъ сокровищъ въ землю и не считали также нужнымъ, подобно нашимъ капиталистамъ, скрывать ихъ отъ взоровъ сборщиковъ податей и воровъ. Ихъ богатство было признакомъ и источникомъ ихъ могущества, и они гордо и хвастливо выставляли его напоказъ. Ихъ одежды, утварь, дома блистали золотомъ и серебромъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Это былъ золотой вѣкъ также и для искусства.

Но напоказъ выставлялись тогда какъ и богатство, такъ и нищета. Пролетаріатъ въ то время еще только зарождался. Онъ былъ уже достаточно многочисленъ для того, чтобы побуждать глубоко мыслящихъ и тонко чувствующихъ людей искать путей и средствъ къ уничтоженію бѣдности на землѣ, но все же еще не настолько многочисленъ, чтобы представлять опасность для государства и общества. Такимъ образомъ, нашелъ себѣ благодарную почву взглядъ, усвоенный христіанствомъ при его возникновеніи, когда самымъ благороднымъ носителемъ его былъ люмпенпролетаріатъ,—взглядъ, по которому бѣдность не является преступленіемъ, а особо угоднымъ Богу состояніемъ, достойнымъ почтенія. Вѣдь бѣдный былъ, по ученію Евангелія, представителемъ Христа, ибо: «что вы сдѣлали одному изъ Моихъ меньшихъ братьевъ, то вы сдѣлали Мнѣ» (Мат. 25,40). На практикѣ, разумѣется, это приносило мало пользы пролетаріату; съ представителемъ Христа часто обращались вовсе не по-христіански. Но, всетаки, тогда были еще далеки отъ всѣхъ тонкихъ новѣйшихъ полицейскихъ изобрѣтеній, направленныхъ къ тому, чтобы удалить съ глазъ имущихъ, наравнѣ со всякимъ инымъ, и соціальный мусоръ, конечно, не затѣмъ, чтобы уничтожить бѣдность, а только для того, чтобы спрятать ее. Въ средніе вѣка бѣдныхъ не запирали въ пріюты, въ рабочіе, исправительные и тому подобные дома, нищенство было законнымъ правомъ каждаго, и каждое богослуженіе, въ особенности, въ праздничные дни, собирало въ одномъ и томъ же помѣщеніи, въ церкви, величайшую роскошь и глубочайшую нищету.

И тогда, какъ и теперь, можно было примѣнить къ обществу слова Платона о двухъ націяхъ. Но эти двѣ націи—нація богатыхъ и нація

бѣдныхъ—были еще, по крайней мѣрѣ въ средніе вѣка, двумя сосѣдними націями, знавшими и понимавшими другъ друга. Въ наше время обѣ націи сдѣлались совершенно чуждыми другъ другу. Когда въ буржуазной націи пробуждается желаніе узнать что нибудь о пролетарской націи, то для этого буржуазіи приходится снаряжать особую экспедицію, какъ будто бы дѣло идетъ объ изслѣдованіи внутренней Африки. Но послѣднее кажется буржуазіи важнѣе перваго. Изслѣдованіе Африки обѣщаетъ новые рынки для сбыта товаровъ, обѣщаетъ прибыль. Изслѣдованіе же положенія пролетаріевъ, напротивъ, означаетъ предъявленіе самыхъ страшныхъ обвиненій къ существующему общественному порядку. Это можетъ принести пользу одной соціалъ-демократіи. Неудивительно поэтому, что наши правительства расходуютъ на изслѣдованіе Африки во стократъ больше, чѣмъ на изслѣдованіе условій жизни пролетаріата—если только они вообще что нибудь расходуютъ на послѣднее—и что иной «образованный» человѣкъ знаетъ гораздо больше о положеніи дѣлъ въ части свѣта, населенной неграми, чѣмъ о томъ, что дѣлается въ пролетарскихъ кварталахъ города, въ которомъ онъ живетъ. Только въ самое послѣднее время, благодаря растущей силѣ пролетаріата, начинаетъ проявляться нѣкоторое улучшеніе въ этой области. Съ тѣхъ поръ, какъ пролетаріатъ сталъ внушать страхъ, его начали изучать.

Въ средніе вѣка имущимъ не приходилось бояться пролетаріата, но имъ не нужно было и изучать его, чтобы узнать его положеніе. Повсюду наблюдателю встрѣчалась неприкрытая нищета и, притомъ, въ самой рѣзкой противоположности къ гордой, незнающей границъ роскоши. Неудивительно, что эта противоположность возмущала не только низшіе классы, но возстановляла противъ неравенства также и лучшихъ людей изъ высшихъ классовъ, и благопріятствовала стремленіямъ къ равенству.

III. Вліяніе христіанской традиціи.

Вліяніе идейныхъ традицій, возникшихъ въ предшествовавшихъ соціальныхъ условіяхъ, на позднѣйшія условія является немаловажнымъ факторомъ въ развитіи общества. Часто онѣ дѣйствуютъ, какъ препятствіе и задержка, затрудняя людямъ познаніе новыхъ общественныхъ тенденцій и потребностей. Въ концѣ среднихъ вѣковъ онѣ во многихъ отношеніяхъ оказывали противоположное дѣйствіе.

Послѣ бурь переселенія народовъ и послѣдовавшаго за нимъ варварства, народы западнаго христіанства, начиная со времени крестовыхъ походовъ, стали снова подниматься на ступень культуры, которая, не-

смотря на ея своеобразіе, все же во многомъ соотвѣтствовала высотѣ культуры античнаго и римскаго общества, незадолго до его упадка и въ началѣ его. Литература, запасъ идей, оставленныхъ въ наслѣдство этимъ обществомъ, лучше всего соотвѣтствовали потребностямъ прогрессивныхъ классовъ конца среднихъ вѣковъ. Возрожденіе античной литературы и науки необычайно способствовало развитію самосознанія и самопознанія прогрессивныхъ общественныхъ классовъ и стало, вслѣдствіе этого, сильнымъ стимуломъ общественнаго развитія. Традиція, вліяніе которой обыкновенно усиливаетъ консерватизмъ, сдѣлалась, при этихъ условіяхъ, революціоннымъ факторомъ.

Всякій классъ, естественно, бралъ изъ оставленнаго идейнаго сокровища то, что ему было болѣе всего полезно, что ему болѣе всего соотвѣтствовало. Горожане и князья воспользовались римскимъ правомъ, которое было такъ превосходно приспособлено къ потребностямъ простого товарнаго производства, торговли и абсолютной монархической власти. Они наслаждались античной языческой литературой, этой жизнерадостной литературой, проникнутой подчасъ и эпикуреизмомъ.

Пролетаріату и симпатизирующимъ ему людямъ не могли прійтись по вкусу ни римское право, ни классическая литература. То, чего они искали, они нашли въ другомъ продуктѣ римскаго общества, въ Евангеліи. Коммунизмъ первыхъ христіанъ вполнѣ соотвѣтствовалъ ихъ потребностямъ. Еще не было на лицо основъ высшаго коммунистическаго производства, и коммунизмъ могъ быть только своего рода уравнительнымъ коммунизмомъ, раздѣломъ, надѣленіемъ бѣдныхъ, нуждающихся въ необходимомъ, излишками богатыхъ.

Коммунистическія ученія Евангелія и Дѣяній Апостоловъ не создали коммунистическихъ тенденцій среднихъ вѣковъ; но эти ученія благопріятствовали возникновенію и распространенію коммунистическихъ тенденцій, какъ римское право благопріятствовало развитію абсолютизма и буржуазіи.

Основа коммунистическихъ тенденцій оставалась, такимъ образомъ, христіанской, религіозной. Тѣмъ не менѣе, неминуемо возникъ конфликтъ между ними и господствующей церковью, которая уже давно объявила требованіе всеобщаго коммунизма дьявольскимъ лжеученіемъ и старалась всяческими софистическими пріемами перетолковать и затемнить коммунистическое содержаніе первыхъ христіанскихъ писаній.

Если, такимъ образомъ, стремленіе организовать общество на коммунистическихъ началахъ съ необходимостью приводило къ ереси, къ конфликту съ папской церковью, то ересь, т. е. борьба противъ этой церкви,—съ своей стороны, способствовала возникновенію коммунистическихъ идей.

Еще не наступило тогда время, когда можно было подумать о томъ, чтобы обойтись совсѣмъ безъ церкви. На исходѣ среднихъ вѣковъ въ городахъ, правда, зарождалась культура, стоявшая далеко выше той, представительницей которой являлась церковь. Новые возвышавшіеся классы—князья со своими придворными, купцы, римскіе юристы, литераторы — были настроены менѣе всего христіански, и, притомъ, тѣмъ менѣе, чѣмъ ближе они жили къ Риму. Сама столица христіанства была главнымъ средоточіемъ невѣрія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пока существовали лишь жалкіе зачатки новаго государственнаго управленія, свѣтской бюрократіи, которая могла бы занять мѣсто церковныхъ организацій. Безъ церкви, какъ *организаціи господства*, господствующіе, т. е., какъ разъ невѣрующіе, классы никакъ не могли обойтись. Не разрушить церковь, а завоевать ее и посредствомъ нея господствовать надъ обществомъ и преобразовать его, согласно своимъ интересамъ, — вотъ въ чемъ состояла задача революціонныхъ классовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, точно такъ же, какъ задача пролетаріата нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы завоевать государственную власть и заставить ее служить себѣ.

Чѣмъ больше увеличивалось невѣріе среди господствующихъ классовъ, тѣмъ больше заботились они о спасеніи души низшихъ классовъ, тѣмъ тщательнѣе слѣдили они за тѣмъ, чтобы послѣднимъ оставалось закрытымъ всякое образованіе, при помощи котораго ихъ мысль могла бы подняться выше круга христіанскихъ ученій. И имъ не приходилось тратить для этого слишкомъ много труда, ибо соціальное положеніе крестьянъ, ремесленниковъ и пролетаріевъ было таковымъ, что заранѣе исключало для нихъ возможность достичь высшаго образованія. Поэтому они оставались въ замкнутомъ кругу христіанскихъ воззрѣній.

Папской церкви это приносило чрезвычайно мало пользы, ибо это не мѣшало развитію обширныхъ народныхъ движеній противъ эксплоататорской церкви и приводило лишь къ тому, что во время движеній народъ обосновывалъ свои стремленія, преимущественно, религіозными аргументами

Литературныя произведенія первыхъ христіанъ доставляли богатый арсеналъ аргументовъ всѣмъ, кто желалъ, по какимъ-бы то ни было мотивамъ, конфисковать церковныя имущества. Вѣдь, изъ этихъ произведеній ясно вытекало, что Іисусъ и его ученики были бѣдны и что они требовали отъ своихъ послѣдователей добровольной бѣдности. Изъ нихъже было ясно видно, что церковныя имущества принадлежали не духовенству, а общинѣ.

Возвращеніе къ первоначальному христіанству, къ Евангелію, возстановленіе «чистаго слова Божія», фальсифицированнаго и перетолкованнаго въ

*

противоположномъ смыслѣ папской церковью, сдѣлалось стремленіемъ всѣхъ враждебныхъ папству классовъ и партій. Понятно, что каждая изъ этихъ партій, въ зависимости отъ представляемыхъ ею интересовъ, толковала «чистое слово Божіе» по своему. Всѣ онѣ сходились только на томъ, что оно требуетъ бѣдности для церковной іерархіи. Но требуетъ-ли оно также демократической организаціи церковной общины, или, можетъ быть, даже общности имуществъ,—относительно этого различныя оппозиціонныя папству «протестантскія» направленія далеко расходились между собою. Но такъ какъ у первыхъ христіанъ дѣйствительно существовала и эта демократическая организація и общность имуществъ, то нужно было быть очень ужъ заинтересованнымъ въ противоположномъ, чтобы вычитать изъ «чистаго слова Божія» нѣчто обратное. Каждый честный членъ имущихъ классовъ, принимавшій участіе въ одномъ изъ еретическихъ движеній и способный подняться умственно выше интересовъ и предразсудковъ своего класса, могъ, поэтому, сравнительно легко склониться къ демократическому коммунизму. Въ особенности это было легко до тѣхъ поръ, пока враждебнымъ папству имущимъ классамъ оно казалось чрезвычайно сильнымъ врагомъ, а коммунизмъ, напротивъ, представлялся безобидной фантазіей нѣкоторыхъ экзальтированныхъ идеологовъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока было необходимо объединить для борьбы съ папствомъ всѣ оппозиціонныя силы въ одну армію. Еретическій коммунизмъ вначалѣ показался опаснымъ лишь для папской власти. Поэтому, онъ легко добился терпимаго отношенія къ себѣ со стороны имущихъ классовъ тамъ, гдѣ послѣдніе склонялись къ ереси; поэтому же сталъ возможнымъ и тотъ фактъ, что призывъ возвратиться къ первоначальному христіанству вызвалъ коммунистическія тенденціи не только въ кругахъ бѣднѣйшаго населенія, но и среди немалаго числа членовъ имущихъ классовъ.

Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, то сдѣлается понятнымъ, почему въ эпоху еретическихъ движеній, стремившихся къ уничтоженію папства, коммунистическія идеи достигли такой силы и такого распространенія, которыя никоимъ образомъ не соотвѣтствовали силѣ, распространенію и самосознанію пролетаріата того времени.

Но по той-же причинѣ еретическія коммунистическія движенія осуждены были на быстрое крушеніе, не оставляя послѣ себя, повидимому, никакого слѣда, какъ только они вмѣсто того, чтобы въ союзѣ съ имущими классами направить свои силы исключительно противъ папства, попытались возстать противъ всѣхъ имущихъ.

Всѣ эти обстоятельства: недостатокъ классоваго сознанія у неимущихъ, сравнительно большой интересъ имущихъ—купцовъ, рыцарей и, въ особенности, священниковъ—къ коммунистическимъ стремленіямъ, сильное

литературное вліяніе коммунистическихъ тенденцій прежняго періода, т. е. періода первоначальнаго христіанства, — должны были привести къ тому, что въ продолженіи всей эпохи, начиная съ возрожденія коммунистическихъ идей въ XII и XIII вв. и до эпохи реформаціи въ XVI вѣкѣ, религіозный покровъ, въ которомъ выступало коммунистическое движеніе, еще больше скрывалъ его классовый характеръ, чѣмъ это вообще имѣло мѣсто въ другихъ народныхъ движеніяхъ того времени.

И, однако, пролетаріатъ уже тогда наложилъ на коммунистическія движенія свою печать. И, какъ средневѣковый пролетаріатъ отличается отъ пролетаріата разлагавшагося римскаго общества равно и отъ пролетаріата нашего времени, точно такъ же и коммунизмъ, носитетелемъ котораго онъ былъ, отличается отъ коммунизма первыхъ христіанъ и отъ коммунизма XIX вѣка. Онъ является переходной стадіей, между тѣмъ и другимъ.

Подобно коммунизму первыхъ христіанъ и по одинаковымъ съ нимъ причинамъ, онъ представляетъ собою коммунизмъ потребленія, а не орудій производства, и этимъ существеннымъ образомъ отличается отъ новѣйшаго коммунизма; врядъ ли требуется особо разъяснять это послѣ всего, что мы говорили выше.

Но коммунизмъ среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи, какъ и коммунизмъ первыхъ христіанъ, носитъ аскетическій и мистическій характеръ; это коммунизмъ отреченія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, коммунизмъ, разсчитывающій на вмѣшательство таинственныхъ, сверхчеловѣческихъ силъ. И въ этомъ отношеніи онъ также является противоположностью коммунизма девятнадцатаго вѣка.

IV. Мистика.

Разсмотримъ сперва вторую изъ указанныхъ чертъ—мистицизмъ.

Мы уже коснулись одного изъ его источниковъ—невѣжества народныхъ массъ. Чѣмъ больше развивались товарное производство и товарный обмѣнъ, тѣмъ больше соціальныя силы покоряли себѣ человѣка, тѣмъ запутаннѣе и таинственнѣе становились общественныя отношенія и тѣмъ страшнѣе—соціальныя бѣдствія, обрушивавшіяся на людей. Растерянно и безпомощно встрѣчали люди эти бѣдствія и растеряннѣе и безпомощнѣе всѣхъ другихъ встрѣчали ихъ низшіе, эксплоатируемые классы.

Господствовавшіе и возвышавшіеся классы, въ особенности, купцы и князья, оріентировались въ новыхъ отношеніяхъ съ помощью античной государственной мудрости и римскаго права, возрожденію которыхъ они

способствовали. Низшимъ классамъ науки были мало доступны, менѣе доступны чѣмъ въ наше время, ибо тогда науки излагались на особыхъ языкахъ отличныхъ отъ языка народа—на латинскомъ и греческомъ.

Это, однако, не было главной причиной, препятствовавшей проникновенію науки въ низшіе классы народа. Главная причина заключалась въ томъ, что сами низшіе классы относились къ наукѣ отрицательно, потому что она находилась въ противорѣчіи съ ихъ потребностями.

Развитіе науки столь же зависитъ отъ развитія общества, какъ и развитіе искусства. Для преуспѣянія науки требуется не только наличность опредѣленныхъ *предварительныхъ условій*, которыя только и дѣлаютъ *возможнымъ* научное изслѣдованіе,—для этого требуется еще наличность извѣстныхъ *потребностей*, которыя служили-бы *побужденіемъ* для занятія научными изслѣдованіями. Не во всякомъ обществѣ и не во всякомъ общественномъ классѣ существуетъ потребность въ болѣе глубокомъ изслѣдованіи истинныхъ соотношеній въ природѣ и обществѣ, даже если существуютъ налицо необходимыя предварительныя условія. Классъ или общество, находящіеся въ упадкѣ, никогда не захотятъ познать дѣйствительности. Они будутъ пользоваться своимъ интеллектомъ не для того, чтобы уяснить себѣ существующее, а чтобы открыть аргументы, съ помощью которыхъ имъ удавалось бы успокаивать и обманывать самихъ себя, не говоря уже о томъ, что имъ необходимо обманывать своихъ противниковъ насчетъ своей силы и жизнеспособности.

Однако, послѣднимъ недостаетъ той вѣры, той преданности великому дѣлу, которыя сообщили мистикамъ среднихъ вѣковъ силу, давшую имъ возможность восторжествовать надъ самыми суровыми преслѣдованіями и радостно идти навстрѣчу смерти. Мистицизмъ и суевѣріе современной буржуазіи не создаютъ уже больше героевъ и мучениковъ. Онъ такъ-же мало способенъ проявить полное безстрашіе, какъ и буржуазная наука. Онъ охотно прикрываетъ свою наготу заимствованной у послѣдней одеждой, чтобы пріобрѣсть приличный видъ, и склоняется передъ капризами знатныхъ.

V. Аскетизмъ.

Наряду съ мистицизмомъ и въ противоположность современному коммунизму, слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ отличительный признакъ коммунизма конца среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи,—*его аскетическій характеръ*.

Въ средніе вѣка, какъ и въ эпоху упадка римскаго общества, про-

изводство еще не было настолько развито, чтобы доставлять каждому средства къ болѣе утонченнымъ наслажденіямъ. Тотъ, кто требовалъ равенства всѣхъ людей, неизбѣжно долженъ былъ считать зломъ не только роскошь, но и науки и искусства, которыя въ дѣйствительности зачастую являлись только прислужницами роскоши. Но коммунисты шли большей частью еще дальше. Видя вокругъ себя величайшую нищету, они склонны были считать грѣховными не только необузданность и распущенность, но и всякую радость, всякое, хотя бы самое невинное, удовольствіе. Мы уже видѣли примѣры этого въ вышецитированныхъ отрывкахъ изъ сочиненій Мюнцера. Мы могли бы легко увеличить число такихъ примѣровъ. Меланхтонъ сильно негодовалъ на это воззрѣніе. «И онъ училъ — читаемъ мы въ вышеупомянутой «Historie Thomae Münzer's» — что праведнаго христіанскаго благочестія можно достигнуть слѣдующимъ путемъ. Сначала нужно перестать совершать явные грѣхи вродѣ прелюбодѣянія, убійства, богохульства и т. п. Приэтомъ, нужно умерщвлять свою плоть постомъ, плохимъ одѣяніемъ, мало говорить, смотрѣть мрачно, отпустить бороду. Такія ребяческія предписанія онъ называлъ умерщвленіемъ плоти и крестомъ, о которомъ говорится въ Евангеліи. Всѣ его проповѣди серьезно настаивали на исполненіи этихъ предписаній». Этимъ мрачнымъ пуританизмомъ коммунисты противопоставили себя не только господствующимъ, но и трудящимся классамъ того времени, еще полнымъ наивной жизнерадостности и веселья. Крестьяне и ремесленники относились часто враждебно къ коммунистамъ, считая ихъ ханжами. Только послѣ того, какъ реформація, въ ходѣ своего развитія, привела къ угнетенію этихъ классовъ, а возникновеніе княжескаго абсолютизма показало безнадежность всякаго сопротивленія, послѣ того, какъ водворился капиталистическій способъ производства, и бережливость—«воздержаніе»—сдѣлалась главной добродѣтелью мелкихъ эксплоататоровъ, ибо она была тѣмъ средствомъ, которое больше другихъ обѣщало имъ повышеніе въ рангъ крупныхъ эксплоататоровъ,— только послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ пуританскій духъ сталъ пускать корни въ крестьянствѣ и мелкомъ мѣщанствѣ.

Но тотъ же самый капиталистическій способъ производства, который привилъ крестьянамъ и мелкимъ мѣщанамъ пуританскій духъ, преграждаетъ послѣднему доступъ въ среду пролетаріата, ибо этотъ способъ производства внушаетъ пролетаріату одновременно и безнадежность и бодрую надежду. Онъ приводитъ его къ сознанію безнадежности всѣхъ попытокъ значительно улучшить свое положеніе индивидуальными усиліями. Онъ лишаетъ его, какъ отдѣльнаго лица, всякой надежды на лучшее будущее и заставляетъ его считать глупостью жертвовать настоящимъ ради будущаго.

Carpe diem—лови мгновеніе, не прозѣвай ни одного представляющагося тебѣ наслажденія—вотъ его девизъ. Его положеніе дѣлаетъ его беззаботнымъ, хотя, разумѣется, не избавляетъ отъ заботъ, и легкомысленнымъ,—два величайшихъ смертныхъ грѣха въ глазахъ пуританскаго филистера.

Но, одновременно съ этимъ, капиталистическій способъ производства вселяетъ въ душу пролетарія также и бодрую надежду: если его индивидуальное будущее какъ бы покрывается все болѣе безотрадной мглой, то зато будущее его класса вырисовывается во все болѣе и болѣе яркомъ свѣтѣ. Со дня на день возрастаетъ въ пролетаріѣ бодрость и увѣренность въ побѣдѣ. Онъ видитъ, какъ все ближе и ближе тотъ день, когда онъ станетъ господиномъ всѣхъ производимыхъ имъ сокровищъ. И какихъ сокровищъ!

Современнаго пролетарія возмущаетъ не столько роскошь богатыхъ. Мы уже указали, что въ наше время она менѣе вызывающа, чѣмъ пять вѣковъ тому назадъ. Его возмущаетъ то, что онъ вынужденъ терпѣть лишенія посреди и вслѣдствіе избытка предметовъ необходимости. Онъ знаетъ, что при громадныхъ производительныхъ силахъ, явившихся слѣдствіемъ современнаго способа производства, уже настала пора, когда средства для жизни можно доставить въ изобиліи всѣмъ людямъ. Превращая пролетарія, занятаго лишь своей личной судьбой, въ человѣка безпечнаго и легкомысленнаго, капиталистическій способъ производства сообщаетъ высшія формы веселья и жизнерадостности тѣмъ пролетаріямъ, которые принимаютъ участіе въ борьбѣ своего класса, которые чувствуютъ и мыслятъ вмѣстѣ со своимъ классомъ.

Пролетаріи среднихъ вѣковъ чувствовали и мыслили иначе,—насколько они вообще достигли самостоятельности въ своихъ чувствованіяхъ и мысляхъ. Но какъ ни приближался ихъ пуританизмъ къ аскетизму христіанства, особенно первыхъ его вѣковъ, онъ, все же, отличался отъ него въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ.

Характеръ христіанскаго аскетизма, при его возникновеніи, опредѣлялся люмпенпролетаріатомъ. Но главнѣйшими особенностями послѣдняго—кто хочетъ морализировать, можетъ назвать ихъ пороками—*служатъ лѣность, неопрятность и тупость.* Христіанскій аскетизмъ былъ, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ системой утонченныхъ средствъ, доводящихъ до высшаго совершенства эти особенности люмпенпролетаріевъ. Онъ сходится въ этомъ отношеніи съ индусскимъ (браманскимъ и буддійскимъ) аскетизмомъ, который возникъ при сходныхъ соціальныхъ условіяхъ.

Годы и даже десятилѣтія благочестивые мужи и жены сиднемъ сидѣли на одномъ мѣстѣ, безъ всякаго движенія, встрѣчая съ тупымъ равнодушіемъ всякое внѣшнее воздѣйствіе, жару и холодъ, дождь и засуху,

не умываясь, не обрѣзая волосъ и ногтей, не безпокоя паразитовъ, плодившихся на ихъ тѣлѣ въ несмѣтномъ количествѣ. Нѣкоторые изъ этихъ святыхъ—всѣ они были болѣе или менѣе святыми—лѣнились даже ѣсть, и благочестивымъ людямъ приходилось искусственно кормить ихъ.

Въ большей своей части пролетаріи среднихъ вѣковъ были рабочими. Они не могли позволить себѣ роскоши подобнаго отреченія. Они не жили благотворительностью, подобно анахоретамъ, а своимъ собственнымъ трудомъ. Они поневолѣ должны были двигаться, заботиться о мірскомъ, если они не хотѣли умереть съ голоду. Ни тупость, ни лѣность не были совмѣстимы съ ихъ существованіемъ, а ихъ положеніе не было еще такъ плохо, они еще стояли слишкомъ близко къ цвѣтущему, зажиточному крестьянству и ремесленникамъ, чтобы мириться съ неопрятностью. И рѣже всего встрѣчались эти особенности среди тѣхъ изъ нихъ, которые стояли достаточно высоко, чтобы воспринять коммунистическія идеи. Всѣ источники единодушно свидѣтельствуютъ, что именно члены коммунистическихъ сектъ среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи выдавались своимъ трудолюбіемъ, честностью и чистотой. Благодаря этимъ качествамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ими даже дорожили, какъ рабочими.

Хорошій примѣръ этого представляютъ анабаптисты въ Моравіи, гдѣ имъ удалось прочно осѣсть и основать, въ качествѣ мирной секты, нѣсколько колоній; эти колоніи были коммунистичны, насколько допускала окружающая ихъ среда. *Гиндели*, который нисколько не симпатизируетъ имъ, пишетъ о нихъ слѣдующее:

«Между различными партіями въ Богеміи, спорадически появлялись анабаптисты; въ Моравіи же они жили большими массами и многочисленными общинами. Они переселились въ Моравію до 1530 г., быстро распространились по всей странѣ и образовали 70 общинъ. Государственная власть то болѣе, то менѣе рьяно преслѣдовала ихъ, но они удержались благодаря покровительству нѣкоторыхъ знатныхъ родовъ, у которыхъ было достаточно основаній покровительствовать имъ.

«Такимъ образомъ, Максимиліанъ засталъ въ Моравіи анабаптистовъ, столь часто и столь безполезно изгонявшихся изъ края. Слѣдуя примѣру своего отца, онъ въ 1507 г. предложилъ ландтагу изгнать ихъ въ кратчайшій срокъ. Но на этотъ разъ случилось то, чего раньше никогда не случалось: сословіе господъ и рыцарей—сословіе прелатовъ и города не приняли участія въ этомъ прошеніи—ходатайствовало передъ императоромъ, чтобы онъ оставилъ анабаптистовъ на мѣстахъ ихъ жительства. Прошеніе мотивировалось не тѣмъ, что анабаптисты еще не уличены въ ереси, или что нужно заняться ихъ обращеніемъ; нѣтъ,—прошеніе опиралось исключительно на болѣе чѣмъ справедливое соображеніе, что анабаптисты очень

полезные подданные, которыхъ еще труднѣе удалить безъ значительнаго матеріальнаго ущерба, чѣмъ евреевъ. Католики, утраквисты и богемскіе братья склонились передъ важностью ими самими выставленнаго аргумента. И анабаптисты дѣйствительно были чрезвычайно трудолюбивыми, бережливыми, умѣренными и, вдобавокъ, самыми искусными рабочими въ Моравіи» [1]).

Ничего подобнаго нельзя сказать объ апокалиптическихъ мечтателяхъ и аскетахъ первыхъ временъ христіанства.

VI. Интернаціонализмъ и революціонный духъ.

Всѣ три разсмотрѣнныхъ нами рода коммунизма—коммунизмъ первыхъ временъ христіанства, средневѣковый и современный—сходны въ одномъ существенномъ пунктѣ: всѣ они носятъ интернаціональный характеръ, рѣзко отличающій ихъ отъ платоновскаго коммунизма, носившаго характеръ мѣстный. Послѣдній былъ разсчитанъ на отдѣльныя гражданскія общины съ принадлежащей имъ областью. Но, начиная со временъ христіанства, каждый коммунистъ работаетъ для всего человѣчества или, по крайней мѣрѣ, для всего международнаго культурнаго міра, среди котораго онъ живетъ. Мѣстная ограниченность платоновскаго коммунизма соотвѣтствуетъ особенностямъ крестьянскаго и ремесленнаго производства. Крестьянскій трудъ дѣлаетъ человѣка осѣдлымъ, прикрѣпляетъ его къ землѣ и поглощаетъ всю его рабочую силу. Странствованіе прежнихъ кочевыхъ племенъ прекращается, кругозоръ деревенскихъ жителей суживается, приходская политика, невыходящая за предѣлы марки и общины, дѣлается особенностью крестьянъ.

Не лучше обстояло дѣло съ городскимъ мелкимъ мѣщанствомъ среднихъ вѣковъ. Наряду со спеціальнымъ своимъ занятіемъ, оно занимается также и земледѣліемъ. Но даже тамъ, гдѣ городское мѣщанство посвящаетъ себя исключительно своему спеціальному занятію, оно все же прикрѣплено къ землѣ своей зависимостью отъ опредѣленнаго круга заказчиковъ, и, обыкновенно, также въ качествѣ домовладѣльцевъ.

Капиталисты и пролетаріи преодолѣваютъ эту мѣстную ограниченность. Купецъ живетъ не только своими мѣстными заказчиками, но, также, и даже главнымъ образомъ, торговыми сношеніями своего города съ другими городами. Чѣмъ тѣснѣе и легче эти торговыя сношенія, тѣмъ выгоднѣе торговля. Поэтому, купецъ настроенъ интернаціонально или, лучше ска-

[1]) *А. Гиндели*, Geschichte der böhmischen Brüder, Прага, 1857, II, стр. 19 и слѣд.

зать, интерлокально. Гдѣ онъ можетъ получить прибыль, тамъ онъ чувствуетъ себя дома.

Иныя причины порождаютъ интерлокальность пролетаріата. Онъ не обладаетъ ничѣмъ, что прикрѣпляло бы его къ мѣсту. Его родина ничего не даетъ ему, чего бы онъ не нашелъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь, она даетъ ему только эксплоатацію и угнетеніе. Достаточно малѣйшей надежды на улучшеніе судьбы въ другомъ мѣстѣ, и онъ перекочуетъ туда.

Но интерлокализмъ купца носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ интерлокализмъ пролетарія. Заграничныя торговыя сношенія купца и его положеніе на заграничномъ рынкѣ зависятъ отъ могущества государства, къ которому онъ принадлежитъ—все равно, будетъ ли это античный городъ или современная нація. Поэтому, гдѣ бы онъ ни жилъ—за-границей или въ своей собственной странѣ—онъ всегда патріотъ; въ первомъ случаѣ, обыкновенно, еще большій патріотъ, чѣмъ во второмъ. Начиная съ конца среднихъ вѣковъ, всюду, гдѣ условія благопріятствовали абсолютизму и образованію національныхъ государствъ, мы видимъ его на сторонѣ князей и шовинизма.

Иное дѣло пролетаріатъ; государственная власть является самой могучей защитницей тѣхъ, кто его эксплоатируетъ и угнетаетъ. Пролетаріатъ, начиная съ паденія римской республики до первыхъ десятилѣтій нашего вѣка, не имѣлъ никакой надежды завоевать государственную власть и использовать ее въ своихъ интересахъ или, хотя бы, оказывать на нее нѣкоторое вліяніе въ свою пользу. Государство было величайшимъ врагомъ пролетарія, и неудивительно, что онъ сдѣлалъ изъ этого всѣ дальнѣйшіе выводы. Не только равнодушіе, но и антипатія къ государству, къ участію въ политикѣ и въ государственной оборонѣ была отличительной чертой всѣхъ коммунистическихъ сектъ, начиная съ первыхъ временъ христіанства до нашего вѣка. Анархизмъ является отзвукомъ этой антипатіи. Только изрѣдка, въ революціонныя времена, когда казалось, что рушится старая государственная власть и пролетаріатъ будетъ въ состояніи овладѣть ею, онъ преодолѣвалъ эту антипатію. Но тѣмъ рѣшительнѣе подчеркивалось отреченіе отъ всякой политики въ эпоху реакціи. Такъ—мы еще увидимъ это дальше—богемскіе братья отрекались отъ политики послѣ паденія Табора, анабаптисты — послѣ крестьянскихъ войнъ, менониты—послѣ пораженія мюнстерскаго возстанія.

Но всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, начиная съ первыхъ временъ христіанства, коммунисты неизмѣнно подчеркивали обязанности *интернаціональной* или интерлокальной *солидарности*.

За-границей купецъ выступаетъ какъ конкуррентъ, какъ противникъ

туземцевъ. Свои планы онъ строитъ не на ихъ доброй волѣ, а на своей силѣ или на силѣ своего государства, покровительствующаго ему.

Пролетарій на чужбинѣ является борцомъ противъ той же эксплоатаціи, того же гнета, отъ которыхъ онъ страдалъ на родинѣ. Въ этой борьбѣ онъ не можетъ разсчитывать на поддержку своего государства, а только на поддержку пролетаріевъ того края, въ которомъ онъ поселился,—пролетаріевъ, вмѣстѣ съ которыми онъ ведетъ одинаковую борьбу.

Правда, тамъ, гдѣ пролетарій чувствуетъ себя скорѣе продавцомъ своей рабочей силы, чѣмъ борцомъ, онъ видитъ въ своихъ товарищахъ, пролетаріяхъ другихъ странъ, скорѣе конкуррентовъ, чѣмъ товарищей по борьбѣ, и тогда онъ легко преодолѣваетъ свою наклонность къ интернаціональной солидарности.

Но это не относится къ коммунистамъ. Они являются, главнымъ образомъ, борцами противъ эксплоатаціи и гнета, повсюду находятъ однихъ и тѣхъ же противниковъ и терпятъ одинаковыя бѣдствія. Это тѣсно сплачиваетъ ихъ. Начиная со временъ первыхъ христіанъ, всѣ люди наблюдавшіе коммунистовъ всегда замѣчали у нихъ слѣдующую особенность: всѣ они составляютъ одну большую семью, иноземный членъ которой считается такимъ же братомъ, какъ и туземный, и повсюду, гдѣ они находятъ своихъ сотоварищей, они находятъ и свой домъ. Благодаря этой особенности и отсутствію имущества у коммунистовъ—имущій, присоединившійся къ нимъ, долженъ былъ раздать свои деньги бѣднымъ—ихъ передовымъ борцамъ, агитаторамъ, было легко переходить съ мѣста на мѣсто. Они постоянно находились въ дорогѣ, проявляя такую подвижность и проходя такія разстоянія, которыя и теперь, въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, кажутся намъ весьма почтенными. Богемскіе валденсцы, напримѣръ, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ валденсцами южной Франціи.

Вслѣдствіе этого, они пріобрѣли громадное значеніе во всѣхъ революціонныхъ движеніямъ современныхъ имъ низшихъ классовъ. Величайшимъ препятствіемъ для этихъ движеній являлась мѣстная ограниченность крестьянъ и мелкихъ мѣщанъ, которая ставила ихъ въ очень невыгодное положеніе по отношенію къ хорошо организованнымъ противникамъ. Если удавалось преодолѣть эту локальную ограниченность и связать между собою революціонныя возстанія отдѣльныхъ мѣстностей, то это происходило, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности коммунистическихъ странствующихъ проповѣдниковъ. Начало крестьянскаго возстанія 1381 г. въ Англіи и таборитскаго движенія въ Богеміи въ значительной мѣрѣ обязано своимъ успѣхомъ объединяющему вліянію этихъ проповѣдниковъ. Въ 1525 г., во время великой германской крестьянской войны, они, и между ними особенно Томасъ Мюнцеръ, стремились объединить

движеніе, но нѣмецкій партикуляризмъ былъ слишкомъ силенъ, и они не могли преодолѣть его. Возстаніе потерпѣло пораженіе въ значительной степени благодаря своей раздробленности.

Здѣсъ мы подошли еще къ одной важной особенности еретическаго коммунизма, послѣдней особенности, которую мы должны разсмотрѣть въ этомъ мѣстѣ, которая отличаетъ его отъ коммунизма первыхъ христіанъ и сближаетъ его съ современнымъ коммунизмомъ: мы говоримъ *о его революціонномъ духѣ*.

Люмпенпролетарій труслив и покоренъ. Не то, чтобы онъ ненавидѣлъ богатыхъ. Эта ненависть сильна у него, по меньшей мѣрѣ, также какъ и у трудящагося пролетарія. Мы находимъ слѣды этой ненависти и въ Евангеліи. Напомнимъ только притчу о бѣдномъ Лазарѣ [1]).

О нравственныхъ качествахъ богатаго и бѣднаго въ этой притчѣ нѣтъ и рѣчи. Лазарь былъ отнесенъ на лоно Авраамово не потому что онъ былъ хорошимъ человѣкомъ, а потому, что ему плохо жилось. О богатомъ тоже не говорится ничего сколько нибудь дурного; хотя одного богатства достаточно для того, чтобы осудить его на вѣчныя адскія муки, которыхъ Авраамъ не можетъ и, повидимому, и не хочетъ облегчить. Если и это не невраждебное отношеніе къ богачу, какъ таковому, не неприкрытая классовая вражда, то можно ли въ такомъ случаѣ вообще говорить о классовой враждѣ.

Но притча о бѣдномъ Лазарѣ показываетъ намъ также, въ какой формѣ проявляется классовая вражда люмпенпролетарія: въ мечтаніяхъ. Онъ придумываетъ самыя страшныя муки для богача и услаждается созерцаніемъ ихъ,—но только мысленно. Онъ ненавидитъ богатаго, но онъ знаетъ, что онъ самъ—лишній въ обществѣ, что онъ живетъ только милостью богача, и онъ тѣмъ трусливѣе и смиреннѣе пресмыкается передъ

---

[1]) „Нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ; одѣвался въ порфиру и виссонъ и каждый день пиршествовалъ блистательно. Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ; и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его. Умеръ нищій и отнесенъ былъ Ангелами на лоно Авраамово. Умеръ и богачъ, и похоронили его.

„И въ аду, будучи въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его. И, возопивъ, сказалъ: отче Аврааме! умилосердись надо мной и пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой; ибо я мучусь въ пламени семъ.

„Но Авраамъ сказалъ: чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе въ жизни своей, а Лазарь злое: нынѣ-же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь. И сверхъ всего того между вами и нами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ" (Еванг. отъ Луки, 16, 19—26).

нимъ, чѣмъ больше его ненавидитъ. Рѣзче всего это должно было проявиться въ эпоху римской имперіи, въ обществѣ, въ которомъ ни одинъ классъ уже не питалъ болѣе довѣрія къ своимъ силамъ, и въ которомъ повсюду были расространены трусость и пресмыкательство. Неудивительно, что эти черты проникли и въ среду христіанства того времени, и что христіанскія писанія той эпохи носятъ самыя ясныя слѣды этого факта.

Для абсолютной королевской власти, начало которой восходитъ къ концу среднихъ вѣковъ, писанія Новаго Завѣта, несмотря на матеріализмъ этой власти, были такимъ-же желаннымъ орудіемъ, какъ и римское право, возникшее одновременно съ Новымъ Завѣтомъ. Эту религію говорили они себѣ, нужно сохранить для народа.

Народъ же, эксплоатируемые классы—крестьяне, мелкіе мѣщане, пролетаріи—думали иначе. Этотъ народъ былъ инымъ, чѣмъ народъ временъ упадка римскаго общества. Способный къ защитѣ своихъ интересовъ, по мужицки упрямый, онъ не понималъ ученія, предписывающаго человѣку, получившему пощечину, подставлять подъ ударъ и другую щеку, ученія, отрицающаго самопомощь, ибо «мнѣ отомщеніе сказалъ Господь», и «поднявшій мечь отъ меча и погибнетъ», ученія, признающаго смиренное страданіе обязанностью христіанина. Какъ только народъ дошелъ до того, что самостоятельно ознакомился съ Библіей — католическое духовенство прекрасно понимало, насколько выгодно сдѣлать своей привилегіей ознакомленіе съ Писаніемъ—онъ заимствовалъ у Новаго Завѣта не ученіе о смиреніи и отреченіи, а лишь ненависть къ богатымъ. Любимѣйшею частью Новаго Завѣта для еретиковъ изъ низшихъ народныхъ классовъ сталъ Апокалипсисъ, эти революціонныя и кровожадныя фантазіи одного изъ первыхъ христіанъ, въ которыхъ авторъ съ восторгомъ предвѣщаетъ гибель существующаго общества, сопровождаемую, къ тому-же, всяческими ужасами, по сравненію съ которыми кажутся безобидными всѣ совершенные по сію пору акты и угрозы радикальныхъ анархистовъ. Помимо Апокалипсиса, еретическіе низшіе классы народа читали преимущественно *Ветхій* Завѣтъ, полный преданій крестьянской демократіи и проповѣдующій не только ненависть къ тиранамъ, богачамъ и власть имущимъ, но и энергичную и безпощадную борьбу съ ними [1]).

[1]) На противоположность между Ветхимъ Завѣтомъ, во многихъ отношеніяхъ сочувствующимъ крестьянамъ, и Новымъ, расположеннымъ къ королямъ, указалъ уже Лютеръ, въ эпоху крестьянскихъ войнъ, въ своемъ сочиненіи: „Противъ грабителей и разбойниковъ крестьянъ“: „Не поможетъ крестьянамъ ихъ указаніе на книгу Бытія 1 и 2, по которой всѣ вещи были созданы свободными и общими, также, какъ и то, что мы всѣ одинаково крещены. Ибо въ Новомъ Завѣтѣ Моисей не имѣетъ

Это не могло не повліять на сторонниковъ коммунистическихъ сектъ. Они были, все же, слишкомъ слабы, ихъ существованіе находилось въ слишкомъ большой зависимости отъ терпимости богатыхъ и власть имущихъ, чтобы въ мирныя времена имъ могла придти въ голову мысль о возможности насильственно уничтожить существующій соціальный строй и поставить на его мѣсто коммунистическое общество. Хотя имъ было чуждо низкопоклонничество и смиреніе люмпенпролетаріевъ временъ упадка римскаго общества, но все же, до эпохи реформаціи, коммунисты въ общемъ отличались миролюбіемъ, и ихъ миролюбіе и терпимость, трудолюбіе и опрятность единогласно отмѣчаются всѣми источниками.

Но когда наступали революціонныя времена, когда вокругъ нихъ поднимались крестьяне и ремесленники, тогда революціонный энтузіазмъ охватывалъ также и коммунистовъ. Тогда имъ,—или, по крайней мѣрѣ, части ихъ, ибо въ этомъ вопросѣ они нерѣдко расходились между собою,—тогда имъ казалось, что настала пора, когда Богъ возвеличится въ малыхъ міра сего, и любое чудо представлялось имъ возможнымъ. Они бросались въ революціонное движеніе, чтобы обратить его на пользу коммунизму, А разъ они рѣшались на такой шагъ, то для нихъ не могло уже быть компромиссовъ съ существующей властью, ибо они не могли надѣяться на улучшеніе своей судьбы въ рамкахъ существующаго общества; они скоро брали верхъ надъ колеблющимися, нерѣшительными элементами, легко становились вождями движенія — такъ было, напримѣръ, съ таборитами, среди гусситовъ, съ Мюнцеромъ и его приверженцами въ тюрингенской крестьянской войнѣ — даже придавали этому движенію коммунистическій оттѣнокъ, сообщая, такимъ образомъ, коммунизму видимость силы, которой онъ, въ дѣйствительности, еще не обладалъ, и именно этимъ объединяли для борьбы съ коммунизмомъ всѣхъ имущихъ, которые, обезумѣвъ отъ злобы и страха, подавляли движеніе со всей жестокостью.

Этотъ революціонный духъ, присущій коммунистическимъ движеніямъ низшихъ народныхъ классовъ, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, является той чертой, которая, несмотря на сходство въ многомъ другомъ, рѣзче всего отличаетъ его отъ коммунизма первыхъ христіанъ и яснѣе всего обнаруживаетъ его родство съ современными пролетарско-коммунистическими движеніями.

Коммунизмъ первыхъ христіанъ былъ аполитичнымъ и бездѣйственнымъ пролетарскій же коммунизмъ, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, съ естественной необходимостью, стремился къ тому, чтобы стать, при благопріятныхъ условіяхъ, политическимъ и бунтарскимъ. Онъ также, какъ.

значенія: тутъ стоитъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ и подчиняетъ насъ, наше тѣло и достояніе императору и свѣтскому праву“ и т. д.

и современная соціалъ-демократія, ставитъ себѣ цѣлью *диктатуру пролетаріата, какъ самое дѣйствительное средство къ осуществленію коммунистическаго общества.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Еретическій коммунизмъ въ Италіи и южной Франціи.

I. Арнольдъ Брешіанскій.

Уже въ началѣ этого отдѣла мы указывали, что города развились прежде всего въ Италіи и южной Франціи, гдѣ мы и находимъ первыя проявленія средневѣковаго коммунизма. Но тамъ же мы встрѣчаемъ и первыя проявленія ереси, первыя реформаторскія движенія.

Нѣмецкіе ученые выставили нелѣпое утвержденіе, будто только германскіе народы обладали той глубиной внутренней жизни и той истинной религіозностью, какія были необходимы для того, чтобы вызвать стремленіе къ реформаціи церкви. Въ дѣйствительности же, реформаціонныя движенія въ Италіи мы находимъ задолго до того, какъ начали думать объ этомъ въ Германіи.

Впервые они заявили о себѣ въ самомъ Римѣ, этой столицѣ христіанства. Въ средніе вѣка Римъ можно было назвать «сердцемъ Европы», еще съ большимъ правомъ чѣмъ Парижъ, начиная со времени великой французской революціи до войны 1870—1871 г. Римъ былъ не только руководителемъ и высшей инстанціей во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ,—а онѣ въ средніе вѣка наполняли всю жизнь общества, — но и центромъ искусствъ, наукъ, высшимъ судьею во всѣхъ свѣтскихъ спорахъ, и—last but not least—средоточіемъ всѣхъ самыхъ утонченныхъ удовольствій и развлеченій. Въ Римъ отправлялся тотъ, кто чувствовалъ себя обиженнымъ и не могъ возстановить свои права дома; кто хотѣлъ пріобщиться высшей мудрости, утонченнѣйшимъ художественнымъ наслажденіямъ; кто скучалъ на родинѣ и имѣлъ лишнія деньги въ карманѣ. Всѣ они сходились въ Римъ, и какъ бы ни были различны ихъ стремленія и достигнутые ими результаты, ихъ участь была одинакова: всѣ они оставляли тамъ свои, а зачастую, и чужія деньги.

Какъ и въ наше время, и даже еще больше, Римъ былъ космополи-

тическимъ городомъ, жившимъ и выросшимъ на счетъ иностранцевъ. Увеличеніе притока иностранцевъ въ Римъ было одной изъ важнѣйшихъ задачъ, поставленныхъ себѣ папами.

Всемірныя выставки, какъ средство привлечь иностранцевъ, не были еще изобрѣтены въ средніе вѣка. Папы придумали другое, не менѣе дѣйствительное средство: юбилейное отпущеніе грѣховъ или священный годъ. Кто въ извѣстный годъ отправлялся на богомолье въ Римъ, тотъ получалъ полное отпущеніе грѣховъ. Это оказало свое дѣйствіе. Какъ люди массами устремились въ 1889 г. въ Парижъ, подъ предлогомъ получить образованіе, а на самомъ дѣлѣ ради веселья, такъ съ наступленіемъ священнаго года, направлялись они въ Римъ, гдѣ они могли извѣдать всѣ знакомые тогдашнему времени грѣхи и пороки и послѣ этого вернуться домой болѣе безгрѣшными, чѣмъ прежде. Первое юбилейное отпущеніе грѣховъ было назначено папой Бонифаціемъ VIII въ 1300 г. Учетъ числа иностранцевъ, устремившихся тогда въ Римъ, «не могъ быть ни легкимъ, ни точнымъ и, вѣроятно, преувеличенъ ловкимъ духовенствомъ, прекрасно знавшимъ силу заразительности примѣра. Однако, присутствовавшій на этомъ торжествѣ добросовѣстный историкъ увѣряетъ, что въ Римѣ никогда не было меньше *двухсотъ тысячъ* иностранцевъ, а другой свидѣтель оцѣниваетъ общее число всѣхъ перебывавшихъ въ этомъ году въ Римѣ въ *два милліона*. Даже ничтожный даръ каждаго изъ нихъ долженъ былъ образовать королевскія сокровища, и два священника стояли день и ночь съ граблями въ рукахъ, чтобы, не считая, загребать кучи золота и серебра, сыпавшихся на алтарь св. апостола Павла. Къ счастью, это было время мира и изобилія, и хотя и чувствовался недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ, а гостинницы и квартиры были чрезвычайно дороги, но все же политика Бонифація и жадное къ наживѣ гостепріимство римлянъ позаботилось о неисчерпаемомъ запасѣ хлѣба и вина, мяса и рыбы» (*Гиббонъ*, «Исторія упадка и гибели римской имперіи» переводъ на нѣм. Спронгиля, Лейпцигъ, 1837 г., стр. 2573. Есть русскій переводъ изд. Солдатенкова).

Первоначально предполагалось, что только каждый сотый годъ будетъ «святымъ», но дѣло приносило слишкомъ блестящіе доходы, чтобы папы и римляне не возымѣли желанія повторять его почаще. Промежутокъ времени между однимъ юбилейнымъ отпущеніемъ грѣховъ и другимъ все болѣе и болѣе сокращался, сначала до 50-ти, а потомъ до 33-хъ и наконецъ до 25-ти лѣтъ.

Это только образчикъ тѣхъ средствъ, которыми привлекали чужестранцевъ и ихъ деньги. Но еще задолго до изобрѣтенія юбилейнаго отпущенія грѣховъ вѣчный городъ въ средніе вѣка снова поднялся изъ

своего униженія и прежде всѣхъ другихъ средневѣковыхъ городовъ достигъ могущества и значенія. И въ Римѣ произошло то, что происходило позже въ другихъ городахъ: съ ростомъ его благосостоянія и могущества, росли также самосознаніе и духъ независимости его жителей. Подобно другимъ горожанамъ, римляне также стремились освободиться отъ своихъ господъ. Это стремленіе направлялось то противъ папы, то противъ императора и иногда одновременно противъ обоихъ вмѣстѣ. Средневѣковый Римъ походилъ на Парижъ между 1789 и 1871 гг. не только потому, что онъ былъ сердцемъ Европы, но также и потому, что онъ, какъ и послѣдній, былъ резиденціей революцій.

«Кому неизвѣстны»,—восклицаетъ въ XII в. св. Бернгардъ Клервоскій, приходившій въ ужасъ отъ мятежнаго народа—«кому неизвѣстны наглость и непокорность римлянъ, народа, никогда незнающаго покоя, возросшаго въ мятежѣ, дикаго и необузданнаго, презирающаго послушаніе, когда онъ не слишкомъ слабъ для сопротивленія? Когда они обѣщаютъ служить, они стремятся господствовать. Когда они клянутся въ вѣрности, они выжидаютъ случая къ возстанію, и, однако, они поднимаютъ громкій крикъ неудовольствія, если запираютъ передъ ними двери и отказываютъ имъ въ совѣтѣ. Искусные во злѣ, они никогда не могли научиться искусству творить добро. Ненавистные землѣ и небу, преступные противъ Бога, смутьяны въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу, завистливые по отношенію къ своимъ сосѣдямъ, они всѣми нелюбимы и, желая навести страхъ на другихъ, они сами живутъ въ низкомъ и непрерывномъ страхѣ. Они не хотятъ подчиняться и все же не умѣютъ господствовать. Они вѣроломны по отношенію къ высшей власти, неуживчивы между равными имъ, неблагодарны къ своимъ благодѣтелямъ и одинаково безстыдны въ своей требовательности и въ своемъ непокорствѣ» [1]).

Такъ и кажется, что слышишь брань одного изъ нашихъ буржуа, по адресу парижанъ 1871 года!

Въ то же самое время, когда власть папъ надъ христіанскимъ міромъ достигла своей вершины, папы потеряли свою власть надъ Римомъ. «Папы, устрашавшіе своими отлученіями королей и народы, повелѣвавшіе западною церковью съ полнымъ сознаніемъ своей безграничной силы, рѣдко имѣли возможность жить спокойно въ Римѣ. Нигдѣ ихъ власть не имѣла такъ мало значенія, какъ въ ихъ собственномъ городѣ, въ собственномъ округѣ. Большей частью они странствовали по міру, какъ бѣглецы, преслѣдуемые проклятіями своего народа» [2]).

[1]). Цит. у *Гиббона* „Это написанное мрачными красками изображеніе отнюдь не дышетъ христіанской любовью", прибавляетъ Гиббонъ.

[2]) *Гизебрехтъ*, Deutsche Kaiserzeit, III, стр. 550.

Самымъ яркимъ и самымъ извѣстнымъ, но далеко не единственнымъ примѣромъ безсилія властителей міра, по отношенію къ жителямъ своего собственнаго города, является Григорій VII. Онъ заставилъ императора Генриха IV покаяться въ Каноссѣ, но не могъ справиться съ римлянами. Онъ покинулъ Римъ потому, что не чувствовалъ себя тамъ въ безопасности, и умеръ въ добровольномъ изгнаніи, въ Салерно.

Только въ XV в., отличающемся повсемѣстными успѣхами королевской абсолютной власти, папамъ удалось подчинить себѣ своихъ непокорныхъ подданныхъ. Евгеній IV былъ послѣднимъ папой (*до Пія IX* въ 1848 г.), которому пришлось спасаться бѣгствомъ отъ возставшихъ римлянъ (1433).

У такого необузданнаго и нерасположеннаго къ церкви населенія легко могло появиться желаніе заставить духовенство возвратиться къ евангельской бѣдности, т. е. присвоить себѣ богатства, добытыя церковью, богатства, собранныя въ Римѣ. Столь же легко понять, что нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія папъ было достаточно, чтобы показать имъ, гдѣ находится постоянный источникъ ихъ существованія.

Неудивительно поэтому, что Римъ первымъ—уже въ срединѣ XII в.— сдѣлалъ серьезную попытку произвести церковную реформу, связавъ эту попытку съ именемъ *Арнольда Брешіанскаго*. Ученикъ Абеляра, онъ выступилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ мірскихъ имуществъ духовенства и ссылался, при этомъ, какъ и всѣ позднѣйшіе реформаторы, на первоначальное христіанство. Однако, онъ вовсе не былъ коммунистомъ. Церковныя имущества не должны были быть розданы народу; они должны были быть переданы свѣтскимъ государямъ.

Изгнанный за свои «ереси» изъ Франціи, гдѣ въ Парижѣ слушалъ Абеляра, онъ бѣжалъ въ Швейцарію. Въ 1145 г. онъ направился въ Римъ, нашелъ тамъ покровительство возставшей какъ разъ въ то время демократіи и сталъ служить ей.

Но по прошествіи неполныхъ десяти лѣтъ это движеніе снова потерпѣло крушеніе. Римляне скоро поняли, что имъ не слѣдуетъ слишкомъ сурово обходиться съ папствомъ, чтобы не зарѣзать курицы, несшей имъ золотыя яйца. Вѣдь величіе и богатство Рима покоились не на его промышленности или торговлѣ, а на эксплоатаціи папствомъ христіанскаго міра. Римляне среднихъ вѣковъ подобно римлянамъ античной республики, жили эксплоатаціей всего міра. Измѣнились только методы эксплоатаціи. Въ 1145 г. римляне заключили миръ съ папой и изгнали Арнольда Брешіанскаго. Многопрославленный Фридрихъ I Барбаросса, въ руки котораго онъ попалъ, выдалъ его папскимъ сержантамъ, которые немедленно предали его, какъ завѣдомаго еретика, костру.

*

II. Вальденсцы

Болѣе глубокіе корни ересь пустила въ городахъ сѣверной Италіи и, особенно, въ южной Франціи. Тамъ раньше, чѣмъ гдѣ либо въ западной Европѣ, развилась средневѣковая торговля и городская индустрія [1]) тамъ впервые образовалось городское сословіе, впервые развились не только ремесла для удовлетворенія мѣстнаго потребленія, но и отрасли промышленности, разсчитанныя на массовое потребленіе, на вывозъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ же возникли зачатки *капиталистически* эксплоатируемаго пролетаріата.

Богатство этихъ городовъ давно уже сдѣлалось предметомъ алчности папъ. Но именно это богатство давало городамъ возможность стремиться къ независимости, а часто также достигать ея и свергать иго папства.

Въ сѣверо-итальянскихъ городахъ существовалъ, однако, рядъ обстоятельствъ, заставлявшихъ ихъ относиться къ папству благосклонно. На богатства итальянскихъ городовъ устремляли свои жадные взоры не только папы, но и ихъ конкурренты по эксплоатаціи Италіи, нѣмецкіе императоры. Чѣмъ меньше могли они взять съ экономически-отсталой Германіи, тѣмъ больше стремились содрать съ богатыхъ итальянскихъ городовъ. И какъ бы они ни были безсильны въ Германіи, но въ своихъ хищническихъ походахъ въ Италію, въ такъ называемыхъ римскихъ походахъ, сіяющихъ въ нашей національной исторической литературѣ всѣми чарами идеализма, которыми она въ такомъ изобиліи располагаетъ они, обыкновенно, могли разсчитывать на многочисленныя дружины.

Сѣверо-итальянскимъ городамъ приходилось, такимъ образомъ, имѣть дѣло съ двумя, борющимися другъ съ другомъ, эксплоататорами. Пока эти города не были достаточно сильны, чтобы сдѣлаться независимыми отъ обѣихъ борющихся сторонъ, имъ приходилось вступать въ союзъ съ однимъ эксплоататоромъ, чтобы избавиться отъ другого.

Важно было рѣшить, какой эксплоататоръ опаснѣе,—папа ли, обладающій малочисленнымъ войскомъ, но живущій вблизи отъ нихъ и имѣющій въ каждомъ городѣ сильный оплотъ въ зависимомъ отъ него духовенствѣ или сильный войскомъ, но большею частью живущій вдали отъ нихъ императоръ. Смотря по обстоятельствамъ, симпатіи каждаго города склонялись то къ тому, то къ другому; сегодня городъ заключалъ союзъ съ

[1]) Мы здѣсь не касаемся южной Италіи, такъ какъ она въ средніе вѣка фактически принадлежала скорѣе востоку, чѣмъ западной Европѣ. Ея культура носила скорѣе византійскій и сарацинскій, чѣмъ христіанско-германскій характеръ.

императоромъ, а завтра нападалъ на него или на его друзей, и наоборотъ. Но и внутри каждаго города существовали двѣ партіи—императорская, носившая съ XIII вѣка названіе гибеллинской, и папская, гвельфская. Всѣ классовыя и партійныя противорѣчія въ городахъ какъ бы сводились къ антагонизму между сторонниками папства и сторонниками императора. Ибо, если опредѣленный классъ или партія склонялись на сторону императора или находили у него защиту, то можно было быть увѣреннымъ, что враждебная имъ партія встанетъ на сторону папы.

Уже это одно приводило къ тому, что въ сѣверо-итальянскихъ городахъ симпатіи къ папству часто очень усиливались, и никогда не исчезали окончательно; къ этому присоединялось еще другое обстоятельство. Дорога въ Римъ вела пилигриммовъ черезъ сѣверную Италію. Но и пилигриммы, отправлявшіеся въ эпоху крестовыхъ походовъ въ Іерусалимъ, также охотнѣе всего избирали путь черезъ сѣверную Италію. Какъ тѣ, такъ и другіе путешественники не мало способствовали экономическому развитію сѣверо-итальянскихъ городовъ. Но странствія ихъ имѣли своей основой господство папства надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. И вскорѣ затѣмъ въ городахъ сѣверной Италіи зародился новый факторъ, благодаря которому города были заинтересованы въ эксплоатаціи Европы папствомъ. Въ нихъ образовались зачатки мѣняльнаго и банковаго дѣла. Сѣверно-итальянскіе купцы сдѣлались первыми банкирами папъ. Къ этимъ банкирамъ стекались всѣ тѣ суммы, которыя папы вымогали у вѣрующихъ, и они управляли богатствами къ выгодѣ папъ и—въ своихъ собственныхъ интересахъ. Эти суммы превратились въ ихъ рукахъ въ громадные капиталы, ростовщическіе и купеческіе. Они ссужали ихъ королямъ и городамъ, помѣщикамъ и монастырямъ; они торговали и спекулировали ими.

Папская эксплуатація сдѣлалась, такимъ образомъ, одной изъ основъ экономическаго расцвѣта сѣверной Италіи.

Итакъ, города сѣверной Италіи были также заинтересованы въ преобладаніи папства, какъ и римляне; подобно римлянамъ, они предпочитали эксплуатировать папство, вмѣсто того, чтобы быть эксплуатируемымъ имъ. Но, какъ и римляне, они остерегались доводить слишкомъ далеко свое возмущеніе, дабы не разрушить механизма папской эксплуатаціи, изъ которой они сами извлекали столько выгодъ.

Поэтому въ сѣверной Италіи, какъ и въ Римѣ, мы очень рано встрѣчаемъ реформаціонныя движенія, борьбу еретиковъ противъ папской власти, но нигдѣ не находимъ послѣдовательной реформаціи. Духовная независимость отъ ученій католической церкви была тамъ достигнута очень рано—задолго до нѣмецкой реформаціи—но не было па лицо экономическихъ предпосылокъ отпаденія отъ папства.

Поэтому первое серьезное возмущеніе не только противъ отдѣльныхъ притѣсненій, а противъ всего папскаго господства, мы встрѣчаемъ не въ сѣверной Италіи, а въ южной Франціи, которая стояла на такой же высокой ступени экономическаго развитія, какъ и первая, но не была заинтересована въ преобладаніи папства.

«Въ прекрасной странѣ, лежащей между Альпами и Пиренеями»—говоритъ Шлоссеръ въ своей «Южной Франціи до альбигойской войны»—«сохранилось много остатковъ римской и, особенно, греческой культуры, процвѣтавшей тамъ со времени основанія Марселя въ продолженіе всѣхъ древнихъ вѣковъ. Тамъ рано развились въ средніе вѣка науки, изящныя и полезныя искусства, какъ и своеобразныя учрежденія гражданской жизни; романская, латинская, испанская поэзія пришли тамъ въ соприкосновеніе съ арабской поэзіей, и въ результатѣ получилась своеобразная смѣсь. Извѣстно, что такъ называемая «веселая наука» и судилища дамъ о любви, пѣньѣ, благородствѣ и ловкости сосредоточились въ этой странѣ, что поэзія, какъ въ Греціи во времена Гомера, была тамъ неразрывно связана съ празднествами и пиршествами, что пѣвцы отваги и любви получали свое образованіе и искали своихъ образцовъ въ этой странѣ, что, наконецъ, Данте и Петрарка прежде, чѣмъ подняться надъ среднимъ уровнемъ своей націи, пили изъ этого же источника. Изъ наукъ въ южной Франціи особенно процвѣтала медицина, и только тамъ, если исключить Салерно. Кромѣ того, евреи основали тамъ много ученыхъ учрежденій... Города южной Франціи уже рано пользовались невѣдомыми пока въ другихъ странахъ Европы свободой и независимостью. Даже въ Тулузѣ, резиденціи могущественнаго графа, управленіе городомъ находилось въ рукахъ независимаго магистрата и свободной комиссіи изъ горожанъ, а въ Муассакѣ князь долженъ былъ даже подтвердить права города торжественной клятвой прежде, чѣмъ онъ могъ подумать о томъ, чтобы принять присягу на вѣрность. При такихъ условіяхъ намъ не покажется удивительнымъ, что въ южной Франціи раньше, чѣмъ гдѣ либо, проявилось общее неудовольствіе вырожденіемъ христіанства, что тамъ реформа богослуженія и переводъ Евангелія на языкъ страны сдѣлались господствующей потребностью и что благодаря этому завязалась страшная борьба съ церковью, которая, наконецъ, не только уничтожила свободу этой страны, не только надолго превратила самую цвѣтущую страну Европы въ пустыню и распространила область господства французскаго короля до Средиземнаго моря, но и привела, также, къ учрежденію инквизиціи на западѣ» [1]).

[1]) „Всеобщая исторія“ Франкфуртъ на Майнѣ, 1847, VII, стр. 251, 252.

Уже въ началѣ XII-го вѣка ересь была такъ распространена въ южной Франціи, что папа Калликстъ II счелъ необходимымъ принять противъ нея на соборѣ въ Тулузѣ нѣкоторыя репрессивныя мѣры. Но ересь все болѣе и болѣе росла въ продолженіе всего этого вѣка и пускала все болѣе и болѣе глубокіе корни.

Какъ во всякомъ крупномъ реформаціонномъ движеніи, такъ и въ этомъ движеніи принимали участіе различные классы, преслѣдовавшіе самыя различныя цѣли и имѣвшіе самые различные интересы. Ихъ связывало только *одно* чувство: ненависть къ римской эксплуатаціи. Но всѣ они стремились къ осуществленію своихъ различныхъ цѣлей однимъ и тѣмъ же путемъ, путемъ возвращенія къ первоначальному христіанству. Конечно, каждое изъ еретическихъ направленій понимало христіанство по своему, но пока необходимо было держаться вмѣстѣ для борьбы съ общимъ врагомъ, на первый планъ, естественно, выдвигались общія задачи, а не различія, которыя зачастую даже не сознавались участниками борьбы. Если прибавить къ этому, что названія этихъ различныхъ направленій вовсе не были постоянными, а мѣнялись сообразно времени и мѣсту, и что, наконецъ, историческія науки были тогда болѣе несовершенны, чѣмъ когда либо—а до настоящаго времени онѣ почти всегда были несовершенны, ибо всегда занимались больше иллюзіями и аргументами борющихся партій, чѣмъ порождавшими ихъ фактическими условіями и преслѣдуемыми партіями дѣйствительными цѣлями—если принять все это во вниманіе, тогда насъ не удивитъ и то, что мнѣнія о цѣляхъ южно-французскихъ еретиковъ далеко расходятся между собою. Въ то время какъ одни утверждаютъ, что всѣ безъ исключенія катарры—такъ называли южно-французскихъ еретиковъ [1]), откуда нѣмецкое Ketzer, еретикъ—проповѣдывали коммунизмъ и общность женъ, другіе историки бросаются въ противопо-

---

[1]) Этимологическое происхожденіе этого слова не вполнѣ установлено. Оно, можетъ быть, заимствовано изъ греческаго языка. Katharos означаетъ по гречески чистый; тогда катарры были бы чистыми, пуританами. Но, конечно, очень трудно предположить, что въ XII-омъ вѣкѣ знаніе греческаго языка было уже такъ распространено въ южной Франціи. Хитроумнѣе всѣхъ оказываются тѣ толкованія, по которымъ это слово происходитъ отъ нѣмецкаго слова „Katze“ (кошка) или „Kater“ (котъ). Два „ученыхъ“ іезуита Іаковъ Гретеръ и Готфр. Гентенъ полагаютъ, что еретиковъ назвали катаррами потому что они собирались по ночамъ, подобно котамъ. Другой ученый полагалъ, что они получили свое имя вслѣдствіе того, что поклонялись дьяволу въ образѣ кошки, у которой цѣловали задъ. („Catari dicuntur a Cato, quia osculantur posteriora cati, in cuius specie, ut dicunt, apparet eis Lucifer“. Alanus, Lib, I contra Waldenses, pr. 4). Цитир. у Момгейма, Versuch einer unparteiischen und gründlichen Ketzergeschichte Гельмштедтъ, 1746, стр 363 и сл.

ложную крайность и утверждают, что коммунистическія тенденціи не имѣли вообще мѣста у катарровъ. Первое мнѣніе несомнѣнно ошибочно, но и второе кажется намъ необоснованнымъ. Въ особенности у вальденсцевъ можно найти явные слѣды коммунизма.

Основаніе этой секты большей частью приписывается Петру Вальдусу. Нѣкоторые историки предполагаютъ, что она существовала уже до Вальдуса [1]). Хронологическій вопросъ не имѣетъ для насъ большого значенія. Достовѣрно извѣстно, что Вальдусъ былъ богатымъ ліонскимъ купцомъ, устыдившимся своего богатства, при видѣ необычайной нищеты, царившей вокругъ него. Онъ роздалъ, поэтому, все свое богатство бѣднымъ (ок. 1170 г.) и собралъ вокругъ себя сотрудниковъ, которые подобно ему посвятили себя всецѣло служенію бѣднымъ и несчастнымъ и сами жили въ совершенной бѣдности. Если онъ и не основалъ носящей его имя секты, то, во всякомъ случаѣ, онъ чрезвычайно способствовалъ ея организаціи и распространенію и первый сдѣлалъ извѣстнымъ ея существованіе. Членами этой секты, которыхъ называли гумиліатами (униженными) или ліонскими бѣдняками (Povres de Lyon), были преимущественно ремесленники, особенно же—ткачи [1]).

Вначалѣ секта не выказывала намѣренія отдѣлиться отъ церкви. Когда архіепископъ ліонскій запретилъ имъ проповѣдь, они ходатайствовали передъ папой Александромъ III разрѣшить. Но ихъ ученіе оказалось слишкомъ опаснымъ, чтобы папа могъ терпѣть его, тѣмъ болѣе, что они отказывались поступить къ нему на услуженіе, какъ это сдѣлали потомъ доминиканцы и францисканцы, и поэтому, въ 1184 г. папа Люцій III отлучилъ ихъ отъ церкви. Съ тѣхъ поръ ихъ связь съ папской церковью была порвана навсегда.

Ихъ коммунизмъ носилъ вначалѣ вполнѣ монашескій характеръ. Они стремятся къ коммунизму, но не всякому дано подняться до святого состоянія общности имуществъ, которая и у нихъ была связана съ антипатіей къ браку. «Для совершенныхъ» (perfecti) коммунизмъ и, вѣроятно, также и безбрачіе были обязательны. Послѣднее, по крайней мѣрѣ, счи-

---

[1]) Римскій инквизиторъ „Псевдо-Рейнеръ“ (его сочиненіе приписывалось сначала инквизитору Рейнеріусу Сакони, умершему въ 1259 г., но теперь его авторство подвергается сомнѣнію) далъ около 1250 г. изображеніе вальденсцевъ въ сочиненіи, озаглавленномъ „De Catharis et Leonistis“. Чтобы вызвать къ нимъ презрѣніе, онъ подчеркиваетъ, что наставниками у нихъ были ремесленники, сапожники и ткачи. Ткачи часто упоминаются среди членовъ секты. Ср. Л. Келлеръ. Die Reformation und die älteren Reformparteien, стр. 18, 33, 120.

талось желательнымъ, и на бракъ «совершенныхъ» смотрѣли косо. Ученикамъ же (discipuli), напротивъ, бракъ и мірскія богатства разрѣшались, но зато они были обязаны содержать «совершенныхъ», которые не должны были заботиться о мірской суетѣ. Этотъ родъ коммунизма съ одной стороны, живо напоминаетъ платоновскій коммунизмъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ напоминаетъ, также, коммунизмъ нищенствующихъ монаховъ. Съ платоновскимъ коммунизмомъ ихъ сближаетъ, также, и уравненіе женщинъ съ мужчинами. Одной изъ ихъ ересей, осужденныхъ папствомъ, было мнѣніе, что женщины могутъ также проповѣдывать, какъ и мужчины. Мужчины и женщины странствовали, проповѣдывали вмѣстѣ, и благочестивыхъ людей смущало то обстоятельство, что при такихъ условіяхъ безбрачіе не означаетъ вѣчнаго цѣломудрія [1]).

Замѣчательно, кромѣ того, ихъ отрицаніе военной службы и присяги, а также забота, о хорошемъ народномъ образованіи. «Всѣ безъ исключенія»—говоритъ уже цитированный Псевдо—Рейнеръ, — «мужчины и женщины, большіе и малые, непрерывно учатъ и учатся. Рабочій, занятый днемъ своей работой, учитъ или учится ночью. Такъ какъ они много учатся, то мало молятся. Они учатъ и проповѣдуютъ безъ книгъ... Кто учился семь дней, тотъ ищетъ себѣ ученика, котораго онъ могъ бы обучать» [1]).

Если бы вальденсцы заключили миръ съ папствомъ и сдѣлались привиллегированнымъ орденомъ, ихъ аристократическій коммунизмъ, какъ коммунизмъ всякаго монашескаго ордена, превратился бы въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи въ источникъ эксплуатаціи. Но такъ какъ они оставались преслѣдуемой сектой, то аристократическій, эксплуататорскій элементъ этого коммунизма не могъ развиться въ достаточной мѣрѣ. Онъ былъ несовмѣстимъ съ демократическими тенденціями низшихъ народныхъ классовъ, изъ которыхъ онъ черпалъ свою силу. Раньше или позже коммунизмъ вальденсцевъ долженъ былъ или стать демократическимъ, или совсѣмъ исчезнуть. Смотря по обстоятельствамъ времени и по тому, какіе классы становились носителями ученія, наступалъ тотъ или иной исходъ. Тамъ, гдѣ преобладало вліяніе крестьянъ и мѣщанъ, вальденсцы становились

---

[1]) „Hoc quoque probrosum in eis videbatur, quod viri et mulieres simul ambulabant in via, et plerumque simul manebant in uno domo et de eis diceretur quod quandoque simul in lectulis accubabant". (Chron. Ursperg. ad an. 1212; цитировано у *Гизелера*, Kirchengeschichte, 2-ой т., 2-ой отдѣл., стр. 325).

[1]) Цитировано у *А. Мюстона*, Histoire des Vaudois. Парижъ, 1834, стр. 189, сравн. стр. 449. Послѣднее предложеніе цитаты указываетъ на то, что они изобрѣли собственную методу обученія.

мѣщанско-протестантской партіей, тамъ же, гдѣ господствовали пролетарскіе элементы, вальденсцы становились бродячими коммунистами» (Schwarmgeister).

Распространеніе вальденской секты не ограничилось предѣлами южной Франціи. Мы находимъ вальденскія общины въ различныхъ областяхъ сѣверной Италіи и Франціи, и, наконецъ, въ Германіи и Богеміи. Всѣ эти общины поддерживали тѣсныя сношенія другъ съ другомъ, ибо духовенству вальденсцевъ (такъ называемымъ барбамъ) было вмѣнено въ обязанность безпрестанно путешествовать. У вальденсцевъ мы уже находимъ въ совершенно развитомъ видѣ ту тѣсную интерлокальную связь средневѣковыхъ коммунистовъ, на которую мы уже указали въ предшествующей главѣ. «Старые вальденскіе священники почти постоянно странствовали подобно первымъ апостоламъ; они посѣщали отдаленныя общины и своихъ собратьевъ по сану. (Жилища своихъ единовѣрцевъ они узнавали по знакамъ, сдѣланнымъ на дверяхъ и крышахъ). Часто даже они предпринимали путешествія въ болѣе отдаленныя страны, наприм., въ Германію и Богемію... Вальденсцы, жившіе въ Богеміи, поддерживали непрерывныя тѣсныя сношенія со своими единовѣрцами, жившими во Франціи и Пьемонтѣ. Эти сношенія были основаны на братской общности вѣры. Они поддерживали другъ друга деньгами. Изъ пьемонтскихъ долинъ очень часто приходили проповѣдники къ богемскимъ братьямъ, и послѣдніе отправляли своихъ юношей въ долины, чтобы обучиться тамъ всему, что нужно для святого сана» [1]).

Когда южно-французская ересь настолько усилилась, что стала угрожать господству папства, послѣднее призвало къ себѣ на помощь разбойничье сѣверно-французское рыцарство и прочій разбойничій сбродъ, организовало ихъ для такъ называемыхъ крестовыхъ походовъ, натравило ихъ затѣмъ на богатые еретическіе города и провинціи, которые и подверглись страшному ограбленію и опустошенію. Десятки лѣтъ продолжалось сопротивленіе южной Франціи. Альбигойскія войны, названныя такъ по городу Альби, одному изъ главныхъ городовъ еретиковъ, продолжались отъ 1208 г. до 30-хъ годовъ этого вѣка. Выгодами отъ послѣдовавшаго въ концѣ концовъ покоренія «мятежниковъ» воспользовалось не папство, а французская королевская власть; она овладѣла истощенной страной и положила этимъ основаніе своему могуществу [2]). Но французская королевская власть

[1]) *Гендеръ*. Geschichte der Waldenser, стр. 46, 116.

[2]) Провансъ перешелъ въ 1215 г. къ Карлу Анжуйскому, тулузское графство присоединилъ къ своимъ владѣніямъ въ 1249 г. Людвигъ „Святой“. Данте въ своемъ „Чистилищѣ“, въ 20-ой пѣснѣ, заставляетъ говорить Гуго Капета, основателя французской династіи Капетинговъ:

вскорѣ стала источникомъ бо́льшихъ непріятностей для папъ чѣмъ альбигойская ересь, ибо она усилилась такъ, что превратила папъ въ свое орудіе, и въ плѣнниковъ.

Но какъ бы мало ни выиграло папство отъ альбигойскихъ войнъ, но, все же, благодаря послѣднимъ они лишили еретиковъ начала 13-го вѣка ихъ лучшей операціонной базы. Пришлось пострадать отъ этого и вальдесцамъ. Въ большихъ городахъ они еще могли кое гдѣ удержаться, какъ тайный союзъ. Центръ тяжести движенія былъ перенесенъ въ захолустныя альпійскія долины, гдѣ движеніе естественно прониклось крестьянскимъ духомъ. Секта получила тамъ чисто мелко-крестьянскій, демократическій характеръ и сохранилась въ этой формѣ до нашего времени въ нѣкоторыхъ савойскихъ пьемонтскихъ долинахъ.

III. Апостольскіе братья.

Вмѣстѣ съ ересью вообще потерпѣлъ пораженіе и еретическій коммунизмъ. Казалось, что пролетарско-коммунистическія склонности могутъ найти себѣ воплощеніе только въ монашеской, благопріятной папству формѣ. Но выше, излагая судьбы францисканскаго ордена, мы уже видѣли, что коммунизмъ нищенствующихъ орденовъ носилъ и вынашивалъ въ себѣ элементы, которые легко могли привести къ возстанію противъ богатой, эксплуататорской церкви. Недовѣріе папства къ этимъ элементамъ и его преслѣдованія очень легко приводили мечтателей, симпатизировавшихъ пролетарскимъ стремленіямъ, къ альтернативѣ: либо отказъ отъ всякой дѣятельности—либо возстаніе. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, послѣднее могло принять широкіе размѣры.

Такимъ образомъ въ сѣверной Италіи возникла очень сильная еретическая и коммунистическая секта, секта апостольскихъ братьевъ или патарійцевъ.

Названіе «патарія» зачастую употреблялось въ сѣверной Италіи для обозначенія движенія низшихъ классовъ народа. Уже въ 11-омъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ патарійцевъ въ Миланѣ, Брешіи, Кремонѣ и Пьяченцѣ. Названіе происходитъ отъ простонароднаго слова pates старый холстъ, ветошь. Патарійцы означаетъ тряпичники. Еще въ концѣ прошлаго (XVIII) вѣка

„Пока великое провансальское приданое
Еще не лишило стыда моихъ потомковъ
Они, правда, имѣли мало значенія, но все же не дѣлали зла.
Съ тѣхъ же поръ они начали свои грабежи.
Ложью и насиліемъ“ и т. д.

въ Миланѣ существовала pataria или cantrada dé patari, кварталъ тряпичниковъ.

Самымъ значительнымъ изъ этихъ раннихъ патарійскихъ (простонародныхъ) движеній было миланское, начавшееся въ 1058 году. Иниціаторами его были низшіе народные классы; оно было направлено противъ богатаго духовенства и городскихъ патриціевъ. Въ этомъ движеніи, наряду съ ранней эпохой, въ которой оно происходило, замѣчательно также то, что оно искало и нашло поддержку въ папствѣ. Миланское духовенство, которое могло соперничать своимъ богатствомъ съ римской церковью, не хотѣло признавать ея главенства. Оно являлось. такимъ образомъ общимъ врагомъ миланской демократіи и папства. Оба достигли своей цѣли. Миланское духовенство подчинилось Риму, а вмѣсто патриціанско-клерикальнаго управленія водворилось управленіе горожанъ.

Историки охотно называютъ движеніе миланскихъ патарійцевъ пролетарскимъ. Нельзя, однако, предположить, что миланскій пролетаріатъ достигъ уже въ срединѣ 11-го вѣка такой силы, чтобы играть столь выдающуюся роль. Движеніе патарійцевъ было несомнѣнно буржуазнымъ, направленнымъ противъ управленія аристократическихъ родовъ.

Въ 12-омъ вѣкѣ въ Италіи вальденсцевъ, а зачастую, и другихъ еретиковъ называли патарійцами. Въ 13-омъ вѣкѣ это названіе было перенесено на апостольскихъ братьевъ.

Основателемъ этой секты былъ Джерардо Сегарелли изъ Альцано, деревни возлѣ Пармы. Онъ изъявилъ желаніе быть принятымъ въ францисканскій орденъ, но былъ отвергнутъ. Послѣ этого онъ роздалъ свое имущество бѣднымъ и основалъ самостоятельно секту, около 1200 г. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ много приверженцевъ, въ особенности въ Ломбардіи среди простонародья. «Они всѣ называли другъ друга, по примѣру первыхъ христіанъ, братьями и сестрами. Они не должны были обладать ни домами, ни запасами на завтрашній день, и вообще чѣмъ либо, что дѣлаетъ жизнь пріятной и удобной. Когда они чувствовали голодъ, они просили пищи у перваго встрѣчнаго, не прося чего либо опредѣленнаго, и ѣли безъ различія все, что имъ давали. Имущіе, вступавшіе въ ихъ общество, должны были отказаться отъ владѣнія своимъ имуществомъ и передать его въ общее пользованіе братьевъ» [1]). Бракъ былъ запрещенъ. «Братья,

[1]) *Мосгеймъ*, Ketzergeschichte, стр. 224. Мосгеймъ какъ бы вновь открылъ апостольскихъ братьевъ для исторіи и говоритъ о нихъ подробно и съ любовью въ трехъ книгахъ своей „Ketzergeschichte“. „Быть можетъ, никто не будетъ завидовать моей маленькой славѣ, если я скажу что, такъ сказать, воскресилъ изъ мертвыхъ и извлекъ на свѣтъ Божій эту странную банду“ („банда“ здѣсь не имѣетъ презрительнаго значенія, а употребляется вмѣсто „секты“), стр. 196.

отправлявшіеся странствовать по свѣту для проповѣди покаянія, могли возить съ собою сестру, подобно апостоламъ. Но она не должна была быть женою, а только помощницей. Они называли сопровождавшихъ ихъ подругъ только своими сестрами въ Христѣ и постоянно отрицали, что они живутъ съ ними въ брачномъ или внѣбрачномъ сожительствѣ, хотя они и брали ихъ къ себѣ на ложе»[1]).

Мосгеймъ полагаетъ, что это запрещеніе вступать въ бракъ и обладать собственностью относилось только къ апостоламъ, къ «агитаторамъ», а не къ братьямъ общины. Это очень сблизило бы ихъ съ вальденсцами. Нужно, впрочемъ, прибавить, что его предположеніе основывается лишь на догадкахъ, а не на опредѣленныхъ свидѣтельствахъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно что они признавали коммунизмъ необходимымъ условіемъ совершенства.

Новые апостолы вначалѣ выступали очень осторожно. Они избѣгали открыто объявить войну церкви. Они проповѣдывали новую благую вѣсть на ночныхъ тайныхъ сходбищахъ. Апостолы были отправлены во всѣ страны,—въ Испанію, Францію, Германію. Въ послѣдней странѣ они сдѣлались настолько многочисленными, что въ 1287 г. соборъ, засѣдавшій въ Вюрцбюргѣ въ присутствіи императора Рудольфа, издалъ противъ нихъ особый законъ, запрещавшій давать имъ кровъ, пищу и питье.

Но въ Италіи еще раньше обратили вниманіе на коммунистическихъ мечтателей. Въ 1280 году пармскій епископъ получилъ о нихъ извѣстія, побудившія его арестовать Сегарелли. Папа Гонорій IV нарядилъ слѣдствіе, которое пришло къ тому заключенію, что апостольскій орденъ не особенно опасенъ, такъ какъ онъ является лишь конкуррентомъ двухъ привиллегированныхъ нищенствующихъ орденовъ францисканскаго и доминиканскаго. Въ 1286 году папа запретилъ апостольскій орденъ, Сегарелли же освободилъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изгналъ изъ Пармы.

Это изгнаніе, какъ и нѣкоторыя другія привело лишь къ усиленію зла, противъ котораго оно было направлено. Сегарелли странствовалъ теперь по всей сѣверной Италіи и распространялъ свое ученіе. Апостольскіе

---

[1]) *Мосгеймъ*, цит. соч., стр. 321 и сл. Нѣчто подобное, какъ мы уже знаемъ, разсказываютъ также о вальденсцахъ, равно о благочестивыхъ людяхъ, жившихъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства. „Презирая трусливое бѣгство, женщины жившія подъ горячимъ небомъ Африки, сражались грудь съ грудью съ непріятелемъ. Онѣ позволяли священникамъ и діаконамъ раздѣлять съ ними ложе и среди пламени хвалились своей незапятнанной чистотой. Но оскорбленная природа часто мстила за себя, и этотъ новый родъ мученичества привелъ только къ тому, что появился въ нѣдрахъ церкви новый соблазнъ“. (*Гиббонъ*. „Исторія упадка и гибели римской имперіи“, стр. 381)

братья не подчинились папству, союзъ не распустилъ себя. Усилившіяся теперь преслѣдованія лишь подлили масла въ огонь и привели къ окончательному разрыву апостольскихъ братьевъ съ папствомъ.

Сегарелли снова былъ арестованъ въ 1294 году и сожженъ, по свѣдѣніямъ однихъ, въ 1296-мъ, а по свѣдѣніямъ другихъ, въ 1300 году. Но движеніе не было этимъ убито. Мѣсто Сегарелли заняль гораздо болѣе отважный, рѣшительный агитаторъ и человѣкъ дѣла, *Дольчино.* Онъ родился во второй половинѣ 13-го вѣка въ Прато близь Верчелли. Его отецъ, священникъ Юлій, происходившій вѣроятно изъ аристократическаго семейства Торніелли изъ Новары, былъ отшельникомъ, но не монахомъ, ибо онъ поселился вмѣстѣ съ матерью Дольчино и жилъ съ нею въ брачномъ союзѣ. Онъ не стыдился своего сына, далъ ему хорошее воспитаніе и сталъ подготовлять его къ священническому сану. Необдуманный шагъ, покража нѣсколькихъ монетъ у своего учителя, заставило молодого человѣка бѣжать, хотя поступокъ не повлекъ за собою никакихъ послѣдствій. Онъ отправился въ Тріентъ, гдѣ онъ поступилъ послушникомъ въ францисканскій монастырь.

Сколько времени онъ провелъ тамъ—неизвѣстно, да и вообще хронологія его жизни очень недостовѣрна. Несомнѣнно, однако, что еще будучи въ монастырѣ онъ познакомился съ ученіемъ апостольскихъ братьевъ, въ которомъ было много сходныхъ чертъ съ ученіемъ фратичелли, этихъ непокорныхъ францисканцевъ, и которое нашло въ ихъ монастыряхъ много приверженцевъ. Онъ воспринялъ это ученіе со всѣмъ пыломъ своей пламенной души и вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся его представителей. Онъ примкнулъ къ сектѣ, повидимому, въ 1291 году.

Пребываніе въ монастырѣ становилось для него все болѣе и болѣе невыносимымъ. Онъ вышелъ изъ него еще до пострижения. Вскорѣ, затѣмъ, онъ познакомился съ Маргаритой изъ Тренка, жившей въ монастырѣ св. Екатерины. Всѣ источники единодушно восхваляютъ удивительную красоту какъ Маргариты, такъ и Дольчино. И у обоихъ эта красота соединялась съ сильнымъ умомъ, безкорыстнымъ энтузіазмомъ, со смѣлостью и рѣшительностью характера. Неудивительно, поэтому, что оба почувствовали сильнѣйшее влеченіе другъ къ другу. Чтобы находиться близко къ Екатеринѣ, онъ поступилъ слугою въ ея монастырь, склонилъ ее къ своимъ взглядамъ и убѣдилъ ее, наконецъ, бѣжать съ нимъ. Съ этихъ поръ они до самой своей смерти боролись вмѣстѣ за торжество своего дѣла. Противники утверждали, что они жили другъ съ другомъ въ бракѣ, хотя и незаконномъ; самъ же Дольчино всегда утверждалъ, что они жили какъ братъ и сестра. Послѣднее, несомнѣнно, болѣе отвѣчаетъ ученію апо-

стольскихъ братьевъ, но первое болѣе соотвѣтствуетъ человѣческой природѣ.

Они бѣжали въ Ломбардію, гдѣ Дольчино вскорѣ занялъ первое мѣсто послѣ Сегарелли, а послѣ смерти послѣдняго сталъ во главѣ движенія. Но преслѣдованія вскорѣ настолько усилились, что онъ не могъ больше оставаться въ Италіи. Онъ былъ принужденъ перекочевывать изъ одного города въ другой и, наконецъ, бѣжалъ въ Дамацію, откуда присылалъ много посланій оставшимся въ Италіи братьямъ. Эти письма распространялись, какъ летучіе листки.

Наряду съ ученіемъ Сегарелли, на него особенно сильно повліяло ученіе аббата Іоахима Фіорійскаго, о которомъ мы уже упоминаемъ выше (стр. 138). Но въ то время какъ послѣдній различалъ три общественныхъ состоянія и высшимъ, послѣднимъ состояніемъ, считалъ всеобщее монашество, Дольчино пошелъ дальше. Въ началѣ 14-го вѣка достаточно богатый опытъ нищенствующихъ орденовъ показалъ, что не они являются средствомъ къ осуществленію общности имуществъ. Дольчино, восхваляя заслугу св. Франциска и Доминика передъ дѣломъ бѣдныхъ, цѣнилъ ихъ стремленіе внушить своимъ послѣдователямъ любовь къ бѣдности и презрѣніе къ богатству и власти, но онъ указывалъ также на то, что ихъ стремленія въ концѣ концовъ оказались безсильными. Францисканцы и доминиканцы строили дома и накопляли въ нихъ всѣ полученныя даянія. Благодаря этому также они заразились господствующей во всей церкви испорченностью. Чтобы освободить церковь отъ этой скверны нужно совсѣмъ упразднить монашество и ввести вновь для всѣхъ христіанъ образъ жизни первыхъ апостольскихъ общинъ.

Но кто же осуществитъ это преобразованіе? Только коммунисты? Не смотря на всю свою мистическую мечтательность и вѣру въ чудеса, они все же должны были сознаться, что у нихъ нѣтъ достаточно силъ для этого дѣла.

Подобно ученикамъ аббата Іоахима, Дольчино вначалѣ возлагалъ также свои надежды на Мессію изъ королевскаго рода. Первые разсчитывали на Гогенштауфена—на Фридриха II, Дольчино же разсчитывалъ на другого Фридриха, сына короля Петра III Аррагонскаго. Этотъ Фридрихъ овладѣетъ папскимъ престоломъ и убьетъ папу и его кардиналовъ, епископовъ, священниковъ, монаховъ и монахинь. Останутся въ живыхъ только присоединившіеся къ апостольской общинѣ, только они станутъ участниками блаженнаго состоянія, ожидающаго міръ.

Дольчино ссылался на еврейскихъ пророковъ и на Апокалипсисъ. Но онъ не былъ такимъ тупымъ фанатикомъ, чтобы полагаться лишь на эти

аргументы. Онъ внимательно наблюдалъ ходъ дѣйствительныхъ событій.

Граничившее съ южной Франціей Аррагонское королевство принадлежитъ къ тѣмъ странамъ, которые, подобно первой и по тѣмъ же причинамъ, возставало противъ папства. Въ альбигойскихъ войнахъ Аррагонія стояла на сторонѣ еретиковъ. Петръ II, король аррагонскій, сперва пытался быть посредникомъ между воюющими странами, но, наконецъ, сталъ открыто поддерживать альбигойцовъ силой своего оружія; онъ выступилъ вмѣстѣ съ ними противъ крестоносцевъ и нашелъ свою смерть въ борьбѣ съ ними (въ 1213 году въ битвѣ при Мюрѣ). Сынъ Петра, Іаковъ I, въ свою очередь также посылалъ альбигойцамъ вспомогательные отряды. Сынъ послѣдняго, Петръ III, вступилъ въ споръ съ папскимъ престоломъ, ставшимъ тогда орудіемъ Франціи. Послѣ сицилійской вечерни, приведшей къ изгнанію французовъ изъ Сициліи, Петръ овладѣлъ послѣдней. Папа Мартинъ объявилъ, что король Петръ лишился своего права на аррагонскій престолъ,и передалъ его королевство брату французкаго короля Карлу Валуа. Но Петръ успѣшно сопротивлялся папѣ и Франціи.

Въ 1285 году Петру наслѣдовалъ въ Сициліи его второй сынъ, Іаковъ II, и когда послѣдній, вслѣдствіе смерти своего старшаго брата Альфонса III, получилъ аррагонскій престолъ, Сицилія перешла къ его младшему брату, Фридриху II (въ 1294 году).

Но одновременно съ Фридрихомъ вступилъ на папскій престолъ одинъ изъ самыхъ низкихъ, воинственныхъ и энергичныхъ папъ, Бонифацій VIII. Между папой и королемъ разгорѣлась ожесточенная борьба, продолжавшаяся почти девять лѣтъ. Надежды Дольчино на Фридриха вовсе не были, поэтому, фантастической мечтой. Онѣ имѣли прочное основаніе какъ въ традиціяхъ аррагонскаго королевскаго дома, такъ и въ томъ положеженіи, въ которомъ находился властитель Сициліи. Ошибка Дольчино заключалась въ томъ, что онъ принималъ за чистую монету громкія слова, которыя произносились во время этой войны, и считалъ борьбу изъ-за интересовъ момента борьбой изъ-за принциповъ, борьбу изъ-за добычи—борьбой противъ эксплуатаціи. Но это была иллюзія, которую Дольчино раздѣлялъ со многими, часто очень просвѣщенными, мыслителями, жившими послѣ него.

Въ своемъ первомъ письмѣ, написанномъ въ 1300 году, Дольчино предсказывалъ, что Фридрихъ побѣдитъ Бонифація VIII въ 1303 году. Бонифацій дѣйствительно, умеръ въ этомъ году, но онъ не былъ убитъ Фридрихомъ, а умеръ вслѣдствіе конфликта съ могущественнымъ римскимъ аристокра-

тическимъ родомъ Колонны и съ Филиппомъ IV, королемъ Франціи, соперникомъ Бонифація по любостяжанію, коварству и энергіи [1]).

Но слѣдствіемъ этого событія не было паденіе папства, а лишь выборъ болѣе уступчиваго папы, Бенедикта IX, который заключилъ миръ съ Филиппомъ.

Когда ожидаемый переворотъ не наступилъ, Дольчино выпустилъ еще два посланія, изъ которыхъ второе потеряно. Въ первомъ онъ писалъ, (въ декабрѣ 1303 г.), что въ 1303 г. свершилось, по его предсказанію, «истребленіе царя полуденнаго», Бонифація. Въ наступающемъ году Фридрихъ II умертвитъ новаго папу вмѣстѣ съ его кардиналомъ, а 1305 годъ будетъ годомъ гибели низшаго духовенства.

Этому пророчеству суждено было сбыться еще менѣе чѣмъ первому. Въ 1304 году, напротивъ, Бенедиктъ IX, примирившись съ Франціей, заключилъ также миръ съ королемъ Сициліи.

Вскорѣ послѣ того, какъ Дольчино написалъ это письмо, а можетъ быть, еще раньше, мы встрѣчаемъ его въ Италіи [2]). Онъ оставилъ свое

[1]) Конецъ Бонифація VIII является яркимъ примѣромъ того, что въ благочестивые средніе вѣка папы были въ Римѣ гораздо менѣе безопасны, чѣмъ въ матерьялистическомъ XIX столѣтіи. Филиппъ отправилъ въ Италію съ большими суммами денегъ Вильгельма Ногаро. Послѣдній сговорился съ Колоннами. Они напали въ Ананьи на Бонифація и взяли его въ плѣнъ съ криками: „долой папу!" Папа былъ страшно разгнѣванъ, и жестокое обращеніе, которому онъ подвергся, превратило его гнѣвъ въ бѣшенство. Возстаніе освободило Бонифація, но для того, чтобы быть въ безопасности отъ нападеній Колонновъ, онъ былъ вынужденъ отдаться въ руки рода Орсини, который также держалъ его въ плѣну. Это довело его до буйнаго помѣшательства, положившаго конецъ его жизни. Вольтеръ замѣчаетъ совершенно справедливо: „Такъ обращались въ Италіи почти со всѣми папами, желавшими стать слишкомъ могущественными; они раздаютъ царства, но терпятъ преслѣдованія въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ". (Essay sur l'histoire générale, ch. LXI).

У современныхъ поклонниковъ папства нѣтъ никакихъ основаній желать возврата средневѣковыхъ условій, а современныя ненавистники поповъ не имѣютъ никакихъ основаній хвастать своей смѣлостью.

[2]) По *Мосгейму*, Дольчино покинулъ Далмацію въ началѣ 1304 года,— вскорѣ послѣ того, какъ написалъ свое посланіе. *Кроль*, біографъ Дольчино (Fra Dolcino и т. д. стр. 39), относитъ вторженіе въ Италію къ 1303 году. Намъ представляется не особенно вѣроятнымъ, чтобы Дольчино по своей собственной волѣ назначилъ возстаніе въ началѣ зимы. Ему пришлось бы начать съ зимняго похода, а пьемонтскія зимы часто бываютъ очень суровыми. Можетъ быть, однако, что его принудили къ этому внѣшнія обстоятельства. Моментъ осуществленія заговора не всегда зависитъ отъ воли заговорщиковъ. Опасеніе, что раскроются его планы или настоянія товарищей, которымъ онъ обѣщалъ начать возстаніе въ 1303 г., могли заставить его начать возстаніе въ не совсѣмъ удобный моментъ.

безопасное убѣжище и вторгся во главѣ вооруженнаго отряда въ Пьемонтъ, чтобы начать открытую борьбу противъ церкви, государства и общества. Это—*первая попытка вооруженнаго коммунистическаго возстанія на Западѣ.*

Надежда на Фридриха оказалась обманчивой. Но коммунистическіе мечтатели нашли помощника, обладавшаго совсѣмъ иной революціонной силою, чѣмъ монархъ, ссорящійся съ папой. Это было *крестьянство.* Ему обязано возстаніе тѣмъ, что оно могло продержаться до 1307 года. Возстаніе, поставившее себѣ цѣлью возрожденіе общества въ духѣ общинъ первыхъ христіанъ, превратилось въ *крестьянскую войну.*

IV. Экономическіе корни крестьянскихъ войнъ.

Въ послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ крестьянскія войны не представляютъ собою рѣдкаго явленія. Повсюду накопилось достаточно жгучаго матеріала, и нужна была только искра, чтобы зажечь его.

Для выясненія этого, намъ необходимо бросить взглядъ на тѣ перемѣны въ положеніи крестьянства, которыя явились слѣдствіемъ развитія городовъ.

Расцвѣтъ городовъ создалъ рынокъ не только для продуктовъ промышленности, но и для земледѣлія. Чѣмъ больше росъ городъ, тѣмъ меньше были въ состояніи его жители — купцы и ремесленники— сами производить всѣ нужныя имъ пищевыя средства и сырые матеріалы. Они покупали у мелкихъ и крупныхъ сельскихъ хозяевъ всѣ производимые ими сверхъ необходимаго для собственнаго потребленія излишки, и взамѣнъ продавали имъ продукты промышленности, производимые горожанами или ввезенные ими, или же прямо расплачивались деньгами. Такимъ образомъ, въ рукахъ крестьянъ очутились деньги. Естественнымъ слѣдствіемъ этого явилось стремленіе превратить натуральные платежи и барщинныя работы въ денежные оброки. Сами помѣщики часто желали этой перемѣны, ибо они стали теперь нуждаться въ деньгахъ. Но и стремленія крестьянъ не рѣдко шли въ томъ же направленіи, ибо эта перемѣна дѣлала ихъ свободными людьми, могущими свободно распоряжаться своимъ имуществомъ.

Такое совпаденіе стремленій обоихъ классовъ должно было, казалось, породить лишь гармонію и довольство. Ничуть не бывало. Мы уже указали на то, что при системѣ натуральныхъ платежей и повинностей не было замѣтной тенденціи къ ихъ повышенію; границами такой тенденціи служили физическія потребности господина и его свиты. Наоборотъ, жад-

ность къ деньгамъ не знаетъ границъ, ибо ихъ никогда нельзя имѣть слишкомъ много. Поэтому съ появленіемъ денегъ стремленіе помѣщиковъ къ повышенію платежей и повинностей крестьянъ непрерывно растетъ. Но одновременно съ этимъ растетъ и противодѣйствіе крестьянъ. Отдавать излишки производимыхъ продуктовъ не представляло для крестьянъ слишкомъ тяжелой жертвы, пока они ихъ не могли продавать. Но когда нашелся рынокъ, то отдача излишковъ или вырученныхъ за нихъ денегъ помѣщику означала отказъ отъ удовольствій, которыя вскорѣ обратились въ потребность.

Къ этому антагонизму присоединился еще и другой. До развитія городовъ у крестьянина не было убѣжища, въ которомъ онъ могъ бы укрыться отъ притѣснявшаго его помѣщика. Теперь городъ явился такимъ убѣжищемъ, и не одинъ крестьянинъ воспользовался имъ Нѣкоторыя состоятельные крестьяне сумѣли воспользоватъся денежными затрудненіями своихъ помѣщиковъ, чтобы окончательно освободиться отъ всякихъ платежей и повинностей. Число крестьянъ, несущихъ барщину, сильно уменьшалось, и помѣщичье хозяйство отъ этого очень страдало. Такимъ образомъ, въ то время какъ у крестьянъ подъ вліяніемъ развитія городовъ все болѣе росло стремленіе уничтожить существующія повинности или выкупить ихъ, у помѣщиковъ росло противоположное стремленіе—еще тѣснѣе прикрѣпить крестьянъ къ барскому двору и увеличить ихъ барщинныя работы.

Къ этому присоединился еще третьяго рода антогонизмъ. Благодаря тому, что продукты земледѣлія получили цѣнность, пріобрѣла ее и земля на которой они произрастали. И не только земля, уже находящаяся въ обработкѣ. Послѣ того какъ города пріобрѣли силу и значеніе, прошли безвозратно былыя времена, когда населеніе было такъ рѣдко, что запасъ земли казался неисчерпаемымъ и каждому, желавшему пахать землю,—будь то крестьянинъ или могущественный помѣщикъ, обладающій собственными колонами, или ассоціація монаховъ,—марка или сюзеренъ охотно предоставляли столько земли, сколько было нужно. Хотя еще не дошло до того, чтобы воздѣлывалась вся годная къ обработкѣ земля, но населеніе было уже настолько густо, что земельный запасъ больше не казался неисчерпаемымъ. Землевладѣніе начинало становиться привилегіей и тѣмъ болѣе драгоцѣнной, что вскорѣ изъ-за нея разгорѣлась самая ожесточенная борьба. Съ одной стороны стояли марки, объявившія всю принадлежащую имъ землю общей частной собственностью семействъ, входившихъ тогда въ составъ марки. Ибо, по примѣру городовъ, и въ деревнѣ на ряду съ маркой начинаютъ появляться также и неполноправные члены общины.

Съ другой стороны помѣщики, пользуясь своимъ преобладающимъ положеніемъ въ маркѣ, стремились завладѣть общинной землей и превратить ее въ свою собственность, милостиво оставляя за членами марки нѣкоторыя права пользованія.

Чѣмъ дальше шло экономическое развитіе, тѣмъ рѣзче становились всѣ эти противорѣчія, тѣмъ больше росло ожесточеніе между землевладѣльцами и крестьянами, и тѣмъ скорѣе дѣло доходило до столкновенія между ними. Эти столкновенія носили большей частью мѣстный характеръ, но иногда они охватывали одновременно цѣлыя провинціи и страны, превращаясь въ настоящія войны, въ крестьянскія войны.

Въ этой борьбѣ военное счастіе было перемѣнчиво, но въ общемъ можно сказать, что въ XIII и XIV вѣкахъ, а въ Италіи еще раньше, положеніе крестьянъ, несмотря на отдѣльныя пораженія, непрерывно улучшалось [1]).

Причины этого явленія уже отчасти выяснены выше. Города представляли для крестьянъ опору, которой они прекрасно пользовались. Юридическое порабощеніе и даже физическое насиліе мало помогали, когда города давали бѣжавшимъ крестьянамъ убѣжище и защиту. Землевладѣльцу приходилось обходиться съ ними болѣе мягко, и сдѣлать ихъ существованіе болѣе сноснымъ, дабы сохранить рабочія силы своихъ крестьянъ.

Къ этому зачастую присоединялись финансовыя затрудненія землевладѣльцевъ. Въ XII вѣкѣ христіанскій міръ пріобрѣлъ столько силъ, что онъ могъ не только защищаться отъ угрожавшихъ ему враговъ, но и перейти въ наступленіе противъ тѣхъ, чьи богатство и высокая культура вызывали

---

[1]) Это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что положеніе эксплоатируемаго класса можетъ улучшаться даже если антагонизмъ между нимъ и эксплоатирующимъ его классомъ становится все рѣзче. Нѣтъ ничего смѣшнѣе попытокъ апологетовъ изъ представителей современной буржуазной политической экономіи доказать рабочимъ, что ихъ положеніе улучшилось, а потому все современное рабочее соціалистическое движеніе не имѣетъ никакого оправданія и является лишь плодомъ недоразумѣнія. Даже если бы всѣ ихъ описанія „роста классоваго положенія пролетаріата“ и были вѣрны, то они все же еще ничего бы не доказали. Этимъ господамъ не мѣшало бы знать то, что Марксъ и Энгельсъ открыли уже полвѣка тому назадъ, а именно, что соціальдемократическое (коммунистическое) движеніе является продуктомъ не *нищеты*, а *классовыхъ противорѣчій, классовой борьбы*. А что классовая борьба ослабѣваетъ, что классовыя противорѣчія смягчаются, этого, думаемъ, не рѣшатся утверждать даже рисующіе современное положеніе вещей въ самыхъ розовыхъ краскахъ, какъ, напр., Вольфъ или Брентано.

жадность господствующихъ кастъ христіанскаго міра,—военныхъ и духовенства. Этими врагами были восточные народы. Крестовые походы начались при самомъ живомъ участіи жаждущихъ приключеній и добычи феодаловъ всѣхъ странъ. Эти походы имѣли нѣкоторое сходство съ современной колоніальной политикой: начатые съ великими надеждами, они кончились весьма плачевно, и ихъ результаты были совершенно непропорціональны жертвамъ, которыхъ они стоили. Однако въ одномъ отношеніи они выгодно и существенно отличались отъ современной колоніальной политики. Благодаря развитію «идеи государства», жертвы колоніальной политики беретъ на себя государство, т. е. плательщики налоговъ, масса населенія, выгодами же этой политики пользуются лишь немногіе искатели приключеній и купцы.

Въ «мрачные» средніе вѣка поступали иначе. Государственной власти въ нашемъ смыслѣ не было. Господа, отправлявшіеся въ походъ на востокъ чтобы обогатиться, дѣлали это не на деньги государства, а на свой собственный счетъ. Если экспедиція терпѣла неудачу, то расплачивались они, а не государство. Крестовые походы обогатили много городовъ—особенно, какъ мы уже указывали выше, въ Италіи, но и раззорили большую часть европейскаго дворянства. Остатки этого дворянства они заразили потребностью въ продуктахъ высшей культуры, продуктахъ, которыя можно было достать въ Европѣ лишь за большія деньги. Неудивительно поэтому, что нужда дворянства въ деньгахъ быстро росла. Она имѣла своимъ послѣдствіемъ стремленіе выжать возможно больше изъ крестьянъ, но она часто вела также къ тому, что землевладѣлецъ впадалъ въ долги, и, чтобы получить деньги, охотно соглашался на выкупъ крестьяниномъ повинностей за опредѣленную сумму денегъ. Крупное дворянство сравнительно мало страдало отъ этихъ условій, но мелкое дворянство быстро погибало и почти совершенно потеряло свою самостоятельность.

Наконецъ, нужно принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Народонаселеніе тогда возрастало, а между тѣмъ замкнутость марокъ, какъ и присоединеніе ихъ землевладѣльцами, очень затрудняло новыя поселенія крестьянъ. Поэтому излишекъ населенія былъ вынужденъ искать себѣ средствъ къ существованію внѣ сельскаго хозяйства, въ городскомъ ремеслѣ или въ *военной службѣ*. Наряду съ раззореннымъ низшимъ дворянствомъ, въ солдаты все чаще стала наниматься полная силъ деревенская молодежь, въ рукахъ которой дома не нуждались. Она нанималась къ тѣмъ господамъ, которые ей хорошо платили и обѣщали щедрую добычу, къ городамъ, владѣтельнымъ князьямъ, или даже къ отдѣльнымъ счастли-

вымъ полководцамъ, обращавшимъ военную службу въ ремесло и нанимавшимся вмѣстѣ со своими отрядами [1]).

Наряду съ войскомъ феодальнымъ—коннымъ, рыцарскимъ войскомъ, образуется теперь войско наемныхъ крестьянъ. Пѣхота снова пріобрѣтаетъ значеніе.

Но эти наемные солдаты обыкновенно еще не пролетаріи, а сыновья крестьянъ. Окончивъ свою службу и награбивъ достаточно денегъ и другихъ цѣнныхъ вещей, они возвращаются домой, чтобы принять участіе въ работахъ своей семьи или основать свой собственный очагъ. Возвращаясь, они приносятъ съ собою оружіе и военную сноровку стараго служаки. Рыцари XIV и XV вѣковъ очень часто испытывали на своей шкурѣ опасность генуезскихъ и англійскихъ луковъ, швейцарскихъ копій, богемскихъ палицъ и цѣповъ [2]). Опасное дѣйствіе этихъ оружій несомнѣнно также способствовало улучшенію положенія крестьянъ въ ту эпоху.

Въ Италіи, какъ мы уже знаемъ, средневѣковый городъ развился раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Тамъ же раньше всего развились изображенныя нами противорѣчія интересовъ землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Но въ Италіи развилось также своеобразное явленіе, которое должно было особенно обострить эти противорѣчія; мы говоримъ объ *абсентеизмѣ*.

Въ античныя времена крупные землевладѣльцы Италіи (также какъ и Греціи) жили преимущественно въ городахъ. Средневѣковые итальянскіе города, связь которыхъ съ античными традиціями въ сущности никогда не прерывалась, были склонны съ самаго начала принимать въ свои стѣны деревенское дворянство. Когда города пріобрѣли настолько силы, что стали господствовать надъ деревней, они *заставили* дворянство замѣнять деревенскую резиденцію городскою. Нѣкоторые города обязали даже дворянъ, подпавшихъ подъ ихъ господство, выбрать себѣ какой-нибудь изъ городскихъ промысловъ. Политика, стремившаяся согнать итальянское дворянство въ города, вытекала изъ тѣхъ же мотивовъ, по которымъ французскіе короли XVII и XVIII вѣковъ заставляли французскую знать покидать свои замки и жить при королевскомъ дворѣ. Этимъ сокрушалась самостоятельность знати, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивался блескъ двора во Франціи и городовъ въ Италіи. Но это переселеніе поставило

---

[1]) Въ Италіи мы находимъ наемныя арміи уже въ XIII-омъ вѣкѣ. Сисмонди полагаетъ, что первыми наемными солдатами были эмигранты и изгнанники, которыхъ тогдашняя партійная борьба въ городахъ доставляла массами. (Simonde de Sismondi. Histoire des républiques italiennes du moyen âge, Парижъ, 1826, III, стр. 260).

[2]) Относительно тактики швейцарцевъ въ тѣ вѣка сравни *К. Бюркли*. Der wahre Winkelried. Цюрихъ, 1886.

сельское населеніе Италіи въ условія весьма сходныя съ господствовавшими во Франціи наканунѣ революціи.

Тамъ гдѣ эксплоататоры и эксплоатируемые живутъ вмѣстѣ, эксплоатація, при прочихъ равныхъ условіяхъ, обыкновенно не принимаетъ такихъ отвратительныхъ формъ какъ тамъ, гдѣ обѣ стороны пространственно отдѣлены другъ отъ друга. Совмѣстная жизнь порождаетъ не только общія привычки и симпатіи, но и общность интересовъ, ослабляющую многія противорѣчія. Помѣщику, живущему въ деревнѣ среди своихъ крестьянъ, небезразлично, въ какомъ состояніи находится мѣстность, въ которой онъ живетъ,—ласкаетъ ли она или оскорбляетъ его взоръ, представляетъ ли она очагъ болѣзней, угрожающихъ ему и его семьѣ, или очагъ цвѣтущаго здоровья.

Помѣщикъ живущій въ городѣ не интересуется нуждами крестьянъ и не понимаетъ ихъ. Его интересуетъ только *одно*: чистая доходность его владѣній. Пускай его земля сдѣлается необитаемой пустыней,—ему это не важно, лишь бы она приносила ему чистаго дохода не меньше, чѣмъ прежде. Римская Кампанья краснорѣчиво свидѣтельствуетъ во что превращается въ концѣ концовъ подобное хозяйство.

Еще въ XV вѣкѣ Кампанья была населенной, покрытой многочисленными деревнями областью. Теперь она представляетъ изъ себя болотистую пустыню, въ которой благоденствуютъ лишь буйволы да малярія.

Къ абсентеизму средневѣковой Италіи прибавилось еще то обстоятельство что городская жизнь скоро заразила дворянство присущими капитализму чувствованіями и мышленіемъ. Неудивительно поэтому, что въ Италіи раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было сельское хозяйство сдѣлалось капиталистическимъ предпріятіемъ. Тамъ гдѣ крестьянамъ не удавалось добиться совершенно свободнаго владѣнія землей—а это происходило очень часто—они становились арендаторами или наемными рабочими, лишенными какихъ бы то ни было правъ на обрабатываемую землю.

V. Возстаніе Дольчино.

Въ то время когда Дольчино вторгся въ Италію, развитіе описанныхъ условій уже началось, и указанныя противорѣчія были на лицо. Легко поэтому понять, что когда онъ поднялъ знамя возстанія къ нему стеклось много народу.

Мы не знаемъ, намѣрены ли были съ самаго начала Дольчино и его сподвижники искать опору въ крестьянахъ, или обстоятельства привели ихъ къ этому безъ всякаго намѣренія съ ихъ стороны. Но сознавали ли

они это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ логика событій заставляла ихъ дѣйствовать такъ, разъ они рѣшились оставить монашескую пропаганду и вступить на путь вооруженнаго возстанія. Попытка произвести насильственную революцію тогда еще не могла опереться на однихъ коммунистическихъ мечтателей. Наряду съ ними самымъ недовольнымъ и самымъ непокорнымъ слоемъ населенія были крестьяне.

Но апостольскіе братья потеряли всякую почву подъ ногами, какъ только они стали опираться на крестьянъ. Ихъ судьба полна необычайнаго трагизма. Фатумъ, въ лицѣ условій времени, заставилъ ихъ сдѣлать шагъ, представлявшій изъ себя единственную возможность военной удачи, но этотъ же шагъ заранѣе осуждалъ на безплодіе всякую удачу и дѣлалъ неизбѣжнымъ окончательное крушеніе движенія.

На первый взглядъ это звучитъ мистически. Но достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобы уяснить сказанное.

Апостольскіе братья были коммунистами и стремились расширить свое вліяніе за предѣлы ограниченнаго круга нѣсколькихъ общинъ. Они мечтали о завоеваніи Рима и о переустройствѣ всего общества согласно своимъ идеаламъ. Крестьяне не были коммунистами по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ были коммунистами апостольскіе братья. Въ извѣстномъ отношеніи крестьяне были, правда, приверженцами общности имуществъ, ибо они защищали общность лѣсовъ и луговъ. Но коммунизмъ средствъ, передача всего имущества общинѣ, ихъ не привлекалъ. Коммунисты не могли успокоиться до тѣхъ поръ, пока они не преобразуютъ весь общественный строй, крестьяне же удовлетворялись нѣкоторыми незначительными уступками со стороны помѣщиковъ, отказомъ отъ нѣкоторыхъ повинностей, уступкой нѣкоторыхъ спорныхъ участковъ земли.

Еще большее значеніе имѣло то обстоятельство, что кругозоръ крестьянъ ограничивался самыми узкими интересами своего прихода. Это проявлялось во всѣхъ крестьянскихъ возстаніяхъ того времени, поскольку интерлокальная связь коммунистовъ не была достаточно сильна, чтобы преодолѣть приходскую политику. Этой ограниченности политическаго кругозора крестьяне обязаны многими пораженіями. Всякій округъ возставалъ самостоятельно и самостоятельно заключалъ миръ, не заботясь о другихъ округахъ. Централизованная власть ихъ противниковъ, такимъ образомъ, легко справлялась съ ихъ разрозненными бунтами.

Исторія возстанія Дольчино не совсѣмъ ясна, но если мы будемъ пользоваться правомъ историка умозаключать по аналогіи и сравнимъ это возстаніе съ другими подобными ему востаніями, то сдѣлаются понятными нѣкоторыя на первый взглядъ непонятныя обстоятельства.

Сначала Дольчино появился въ Пьемонтскихъ Альпахъ. Отсюда онъ

спустился въ долину и неожиданно напалъ на фортъ Гаттинара близъ Верчелли. Къ нему стеклись апостольскіе братья, искатели приключенія и потерявшіе службу наемные солдаты, а наряду съ ними массами крестьяне. Вскорѣ онъ собралъ вокругъ себя 5.000 воиновъ, что составляло для того времени уже довольно порядочную армію. Въ нее вошли не только мужчины, но и женщины, сражавшіяся подъ предводительствомъ Маргариты какъ львицы [1]).

Эксплоататоры этой области забыли свои раздоры. Епископы Верчелли и Наварры, а также дворянство этихъ мѣстностей и города снарядили армію и послали ее противъ повстанцевъ, но походъ кончился полнымъ пораженіемъ арміи эксплоататоровъ, которые уже не чувствовали себя въ безопасности даже за стѣнами города.

Могущество Дольчино возрасло послѣ этого еще больше, — но Дольчино, этотъ энергичный, блестящій полководецъ, не воспользовался моментомъ когда его противники не осмѣливались выступить противъ него въ открытомъ полѣ, для того чтобы двинуться дальше и сдѣлать возстаніе всеобщимъ. Онъ оставался въ долинѣ Сезіи, гдѣ началось возстаніе, и довольствовался разграбленіемъ и разрушеніемъ монастырей, помѣстій и мелкихъ городовъ.

Это явленіе не было въ то время необычайнымъ, оно встрѣчается во всѣхъ крестьянскихъ войнахъ. Крестьяне долины Сезіи нисколько не были заинтересованы въ томъ, чтобы перенести возстаніе въ другія области. Такъ же какъ крестьяне сосѣднихъ областей, они легко успокаивались, какъ только имъ дѣлали нѣсколько незначительныхъ уступокъ. А это, повидимому, дѣйствительно произошло, ибо эксплоататоры этой области были такъ напуганы своимъ военнымъ пораженіемъ, что постарались привлечь Дольчино, обѣщая ему не только полную амнистію, но и должность кадатьери (предводителя наемнаго войска) города Везегеми. Дольчино съ презрѣніемъ отвергъ эти предложенія.

Судя по этому, мы имѣемъ право предполагать, что крестьяне добились тѣхъ уступокъ, которыхъ они хотѣли достигнуть своимъ возстаніемъ. Источники ничего не говорятъ объ этомъ, но, только исходя изъ этого предположенія, можно объяснить, почему Дольчино пребывалъ въ бездѣятельности и крестьяне начали отпадать отъ него, а его враги собирались съ силами.

Коммунистическое возстаніе осталось мѣстнымъ явленіемъ, но враги

---

[1]) „Сестры или жены проявляли не меньше мужчинъ призваніе и способность къ этимъ геройскимъ подвигамъ. Онѣ одѣвали мужское платье, становились въ рядахъ солдатъ и сражались такъ же храбро и отчаянно какъ и мужчины", *Мосгеймъ*, цит. соч., стр. 283.

хорошо знали, что оно имѣетъ болѣе, чѣмъ мѣстное значеніе. Великая международная сила того времени вмѣшалась и организовала крестовый походъ противъ бунтовщиковъ.

Теперь ихъ судьба была рѣшена. Такъ какъ они не могли уже больше держаться въ долинѣ, то отступили въ горы и оттуда поддерживали партизанскую войну съ крестоносцами. Блестящій военный талантъ Дольчино и героизмъ его арміи дѣлали чудеса въ этой борьбѣ [1]). Много разъ удавалось преслѣдуемымъ нанести своимъ врагамъ пораженіе въ чистомъ полѣ, еще чаще они наносили имъ большой уронъ засадами и неожиданными нападеніями. Но несмотря на это, желѣзное кольцо преслѣдователей все крѣпче и крѣпче охватывало коммунистическихъ мечтателей; одновременно съ этимъ, послѣдніе все больше и больше теряли всякую опору среди крестьянъ, которые начали относиться къ нимъ съ ненавистью за опустошенія и страданія, причиненныя деревнѣ этимъ возстаніемъ.

Однако патарены (апостольскихъ братьевъ называли также патаренами) сумѣли отсрочить окончательную развязку до 1307 года, да и тогда ихъ сломили лишь голодъ и лишенія. Крестоносное воинство отказалось побѣдить ихъ оружіемъ и ограничилось тѣмъ, что вымаривало ихъ голодомъ (зимою 1307 г.).

«Для этого всѣ граждане и жители городовъ и деревень, лежавшихъ вблизи горы, гдѣ окопались патарены, (по однимъ эта гора называлась Монте Зебелльо, а по другимъ—Монте Рубелльо) должны были покинуть свои жилища, дабы еретики не могли больше брать оттуда ни плѣнниковъ ни пищи. Затѣмъ епископъ Райневи вергельскій, руководившій военными операціями повелѣлъ тѣмъ, которые стекались массами со всѣхъ сторонъ искать у него помощи, построить пять шанцевъ или укрѣпленій въ тѣхъ мѣстахъ, откуда апостолы раньше и легче могли прорваться; укрѣпленія имѣли сильные гарнизоны. Всѣ дороги, дорожки и маленькіе проходы, о которыхъ можно было узнать благодаря разспросамъ или рекогносцировкамъ, охранялись такъ тщательно, что не оставалось ни одной незаткнутой дыры, черезъ которую можно было бы доставить на гору оружіе, провіантъ или что-нибудь другое» [2]).

Такимъ образомъ удалось, наконецъ, сломить силы мятежниковъ.

Что только голодъ и всякаго рода лишенія дали возможность крестоносному воинству одержать побѣду, на это намекаетъ и Данте въ своей

---

[1]) Только одинъ примѣръ: однажды 200 триверскихъ гражданъ рѣшились напасть на кучку дольчинистовъ, занятыхъ грабежомъ, но были обращены въ бѣгство 30—60 дольчинистскими женщинами. *Кроне*, цит. соч., стр. 80.

[2]) *Моссгеймъ*, цит. соч., стр. 287.

«Божественной Комедіи». Онъ пріурочилъ свое посѣщеніе ада къ 1300 году, и не могъ поэтому говорить въ своей поэмѣ о возстаніи патареновъ, какъ о фактѣ прошлаго. Въ одномъ изъ глубочайшихъ помѣщеній ада, тамъ, гдѣ несутъ наказаніе вызвавшіе на землѣ безпорядки и расколы, поэтъ встрѣчаетъ Магомета, который ему говоритъ:

«Такъ скажи Дольчино, ты, который скоро опять узришь солнце, что если онъ не хочетъ вскорѣ послѣдовать за мною, то пусть приготовитъ пищевые запасы, дабы снѣгъ не далъ навaрессамъ побѣды. Безъ его помощи имъ не легко было бы побѣдить» (XXVIII, 55—60).

И дѣйствительно снѣгъ доставилъ осаждающимъ «наварессамъ» побѣду, и «Безъ его помощи не легко было побѣдить». Холодъ и голодъ изнурили осажденныхъ, и ихъ лишенія дошли до того, что они стали питаться мясомъ умершихъ отъ болѣзней и лишеній. «Апостолы были, въ концѣ концовъ, настолько истощены, что стали больше походить на полуистлѣвшія тѣла, чѣмъ на живыхъ людей» (*Моссгеймъ*).

Ихъ дѣло было потеряно, но они продолжали сопротивляться. И такъ великъ былъ страхъ передъ этими смѣлыми борцами, что осаждающіе солдаты только тогда осмѣлились штурмовать осажденное мѣсто, когда нѣсколько перебѣжчиковъ сообщили, что осажденные неспособны отъ слабости пустить въ ходъ свое оружіе.

23-го марта 1307 г. послѣдовалъ штурмъ. «Это была бойня а не сраженіе. «Осажденные не хотѣли сдаваться. Они собрали свои послѣднія силы для отчаянной борьбы, но большинство изъ нихъ было настолко слабо, что не могло даже стоять на ногахъ, и ихъ сопротивленіе давало только предлогъ для кровавой бойни. Изъ 1900 чел. оставшихся въ живыхъ до конца осады, почти всѣ были убиты. Только немногимъ удалось бѣжать и лишь нѣсколько человѣкъ было взято въ плѣнъ, между ними—Дольчино и Маргарита. Епископъ приказалъ пощадить ихъ, такъ какъ скорая смерть на полѣ битвы казалась ему слишкомъ легкимъ наказаніемъ для нихъ.

Велико было ликованіе всѣхъ сторонниковъ папства, когда они узнали, что опасный пожаръ окончательно потушенъ. По внѣшности, мятежъ былъ чисто мѣстнымъ явленіемъ, но папскій престолъ понялъ его международное значеніе лучше вальзейскихъ крестянъ. Какъ только патаренскія укрѣпленія были взяты штурмомъ, епископъ Райнери послалъ нѣсколько высшихъ офицеровъ съ радостной вѣстью къ Клименту V; папа нашелъ это сообщеніе настолько важнымъ, что тотчасъ же приказалъ написать о побѣдѣ изъ Пуатье, своей тогдашней резиденціи, французскому королю Филиппу Красивому, а также, повидимому, и другимъ владѣтельнымъ особамъ.

Побѣдоносной церкви не пришлось восторжествовать лишь въ одномъ. Очень часто ей удавалось пытками заставить еретиковъ отказаться отъ

лжеученій, но здѣсь всѣ ея попытки оказались безрезультатными. «Стойко выдержали Дольчино и Маргарита пытки, которымъ подвергли ихъ жестокіе судьи. Ни одного крика боли не испустила сильная вѣрой женщина, ни одного слова жалобы или неудовольствія не проронилъ ея мужественный товарищъ по страданію. Ни сдираніе кожи, ни выкручиваніе членовъ тѣла, ни дробленіе костей и разрываніе тѣла посредствомъ пыточныхъ клещей и копій не вырвали изъ стиснутыхъ устъ отреченія или мольбы» [1]).

Они были осуждены на обычное наказаніе еретиковъ — сожженіе на кострѣ. Дольчино былъ казненъ 2 іюня 1307 года въ Верчелли. Маргарита была осуждена присутствовать на совершеніи казни. Героическая женщина сохранила свою стойкость и въ этотъ ужасный для нея моментъ. «Еще разъ, но съ прежнимъ успѣхомъ, ихъ пригласили отречься; затѣмъ, чтобы увеличить душевныя муки несчастнаго, слуги схватили Маргариту и на помостѣ, находившемся насупротивъ горѣвшаго костра, подвергали ее всяческимъ издѣвательствамъ и пыткамъ во время агоніи Дольчино.

Маргарита была предана сожженію въ Беллѣ. Какъ ни были запуганы низшіе слои народа кровавымъ истребленіемъ патареновъ, но мучительная казнь этой одинаково смѣлой и самоотверженной поборницы ихъ интересовъ вызвала у нихъ громкій протестъ. Они возмутились и «только силою оружія помѣшали имъ разрушить судебное присутствіе. Но жертвой народнаго гнѣва все же палъ одинъ наглецъ изъ благороднаго рода, дерзнувшій издѣваться надъ несчастной и дать ей пощечину. Мстящая рука простонародья разорвала его почти на куски».

Такъ кончилось первое коммунистическое возстаніе въ средневѣковомъ обществѣ. Оно было съ самаго начала осуждено на неудачу. Потокъ общественнаго развитія направлялся тогда въ совершенно иную сторону.

Но движеніе закончилось не безславно. Какъ ни старались побѣдители—о движеніи мы знаемъ только отъ нихъ—какъ ни старались они забросать грязью побѣжденныхъ посредствомъ фальсификаціи и клеветы, имъ не удалось однако искоренить памяти о полномъ самопожертвованія героизмѣ патареновъ. Онъ просвѣчивалъ даже сквозь ихъ тенденціозно-тусклое изображеніе и заставилъ новыхъ историковъ воздать этому движенію дань признанія и даже — удивленія, хотя они съ сожалѣніемъ должны были констатировать, что «нельзя отрицать намѣренія Дольчино ввести общность имуществъ, и даже—женъ» (*Кроне*).

Въ народныхъ пѣсняхъ и легендахъ—главнымъ образомъ Пьемонта, но также, и другихъ частей Италіи—долго продолжали жить воспоминанія о возмущеніи патареновъ и крестьянъ противъ эксплоатаціи церкви

[1]) *Кроне*, Frà Dolcino, стр. 91. Изъ этого же сочиненія заимствованы и дальнѣйшія цитаты.

и дворянства. Еще въ 1372 году Григорій IX издалъ буллу противъ почитанія въ Сициліи пепла и костей фратичелли и дольчинистовъ, къ которымъ относились какъ къ святымъ мощамъ. Сама секта не исчезла безслѣдно. Въ южной Франціи она сохранила такъ много сторонниковъ, что въ 1368 году засѣдавшій въ Латурѣ синодъ счелъ нужнымъ издать противъ нихъ особый законъ, въ которомъ повелѣвалось хватать ихъ всюду, гдѣ ихъ найдутъ, и передавать въ руки епископовъ, дабы еретики несли достойное наказаніе.

Но секта уже не имѣла прежняго значенія. Въ Италіи прошли тѣ времена, когда еретическое движеніе могло имѣть успѣхъ. Начиная съ XIV в., интересы господствующихъ классовъ были слишкомъ тѣсно связаны съ сохраненіемъ папства, а государственная власть господствующихъ классовъ Италіи была въ то время слишкомъ развита, причемъ уже появились первые зачатки полицейскаго, абсолютнаго государства; поэтому коммунистическое, еретическое движеніе низшихъ народныхъ классовъ не могло пріобрѣсти большого значенія.

Внѣ Италіи остатки апостольскихъ братьевъ слились съ родственными, близкими къ нимъ сектами, съ вальденсцами и беггардами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Беггарды.

I. Возникновеніе секты беггардовъ.

Въ Нидерландахъ, или точнѣе, Фландріи и Брабантѣ, лежавшихъ къ сѣверу отъ Альпъ, въ средніе вѣка впервые развились товарное производство и товарный обмѣнъ, а вмѣстѣ съ ними развились, являющіяся ихъ послѣдствіями, соціальныя проблемы. Тамъ перекрещивались различныя торговые пути. Съ юга направлялись французы во фландрскія гавани, а еще больше итальянцы, съ произведеніями своей собственной страны и восточными товарами. Они слѣдовали туда внизъ по Рейну, черезъ Кельнъ, а впослѣдствіи обыкновенно моремъ. Къ нимъ вскорѣ присоединились также испанцы и португальцы. Съ запада прибывали англичане, съ сѣвера— купцы могущественной нѣмецкой Ганзы. Они были торговыми посредниками между востокомъ и западомъ сѣверной Европы отъ Новгорода до Лондона и сдѣлали главнымъ складочнымъ мѣстомъ для своихъ товаровъ фландрскія гавани, и особенно Брюгге (въ средніе вѣка онъ еще лежалъ у моря).

Рука объ руку съ торговлей шло развитіе индустріи. Нидерландскіе луга и дюны благопріятствовали развитію овцеводства и вмѣстѣ съ тѣмъ шерстяной промышленности. Подъемъ торговыхъ сношеній вызывалъ желаніе расширить производство сверхъ размѣровъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребности мѣстнаго рынка; вмѣстѣ съ тѣмъ торговля доставляла прекрасный сырой матеріалъ, англійскую шерсть, лучшую изъ извѣстныхъ тогда сортовъ шерсти. Совпаденіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, какъ мы уже замѣтили въ одной изъ предшествующихъ главъ (стр. 98) привело къ тому, что во Фландріи рано (уже въ XIII вѣкѣ) развился значительный экспортъ сукна, а это значитъ, что ткачи тамъ издавна стали зависимыми отъ капитала и что ихъ ремесло стало капиталистическимъ.

Такимъ образомъ, не случайность то, что въ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Альпъ, значительная коммунистическая секта, секта *беггардовъ*, образовалась сначала въ Нидерландахъ.

Ихъ происхожденіе, равно и смыслъ даннаго имъ названія, покрыто мракомъ неизвѣстности [1]).

Нѣкоторые историки утверждаютъ, что въ Нидерландахъ можно доказать существованіе союзовъ благочестивыхъ женщинъ, носившихъ названіе беггутокъ уже въ XI-омъ вѣкѣ. Но у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о тенденціяхъ этого общества. Предполагаютъ, что возникновеніе обществъ беггутокъ было отчасти вызвано крестовыми походами, уменьшившими количество мужского населенія и создавшими, такимъ образомъ, значительный излишекъ женщинъ. Для многихъ женщинъ вступленіе въ бракъ сдѣлалось невозможнымъ; создался, такимъ образомъ, «женскій вопросъ», и «женскіе пріюты» беггутокъ должны были доставить убѣжище безбрачнымъ. Преимущество этихъ организацій передъ монастырями состояло въ томъ, что онѣ были *свободными союзами*, изъ которыхъ можно было выступить по желанію.

Подобнымъ же образомъ были организованы общества мужчинъ, образовавшіяся въ Нидерландахъ въ концѣ XII или началѣ XIII вѣковъ.

Это были братства холостыхъ ремесленниковъ, большею частью *тка-*

[1]) Самымъ вѣроятнымъ кажется намъ предположеніе Моссгейма, производящаго это слово отъ древнесаксонскаго—beg,—просить милостыню; беггарды означаетъ, такимъ образомъ, бѣдняки, нищая братія. (*Моссгеймъ*, Ketzergeschichte. стр. 378). Ихъ называли также лоллардами отъ lollen пѣть, мурлыкать. Лолларды—похоронные пѣвцы. Оба названія были народными прозвищами, сами же они себя называли просто братьями.

чей [1]), объединившихся въ своихъ собственныхъ домахъ для того, чтобы вести общее, коммунистическое домашнее хозяйство. Они жили своимъ ремесломъ занимаясь и дѣлами милосердія, особенно поддержаніемъ бѣдныхъ и больныхъ. Членамъ этого общества, какъ и всѣхъ аналогичныхъ имъ, предписывалось безбрачіе.

Описаніе возникновенія беггардскаго общежитія въ Брюгге, оставленное намъ нѣкимъ Дамгаудеромъ, жившимъ въ XIII вѣкѣ, даетъ намъ возможность получить хорошее понятіе о характерѣ беггардской секты. «Тридцать лѣтъ тому назадъ»,—повѣтствуетъ онъ—«здѣсь жили тринадцать *ткачей*,—холостяки, міряне, ревностно стремившіеся къ благочестивой и братской жизни. Они сняли у абата Экгутена участокъ земли съ обширнымъ, удобнымъ домомъ близъ городскихъ воротъ, за годовую плату въ шесть фунтовъ грошей (libris grossorum) и за опредѣленное количество воска и перца. Вскорѣ они начали заниматься тамъ своимъ ремесломъ, ткачествомъ, и жили общежитіемъ; расходы на содержаніе общежитія покрывались доходами отъ ихъ общей работы (ex communibus laboribus simul convivere coeperunt). Они не выработали никакихъ строгихъ правилъ и не были связаны никакимъ обѣтомъ, но всѣ носили одинаковую одежду коричневаго цвѣта, и образовали благочестивую общину, жившую въ христіанской свободѣ и братствѣ» [2]): Они называли себя братьями — ткачами. Только въ 1450 году беггарды въ Брюгге перестали заниматься ткачествомъ и примкнули къ францисканскому ордену, чтобы избѣгнуть преслѣдованій.

Беггардскіе дома въ другихъ городахъ носили такой же характеръ какъ и беггардскій домъ въ Брюгге. Внутри каждаго общность имуществъ господствовала настолько, насколько этого требовало благо общины. Каж-

---

[1]) Послѣ ткачей, самыми ревностными членами беггардо-вальденскаго движенія называютъ плотниковъ. Въ своей книгѣ: „Die Reformation und die älteren Reformparteien“ (Лейпцигъ, 1885), *Людвигъ Келлеръ* пытался доказать съ помощью цѣлаго ряда доказательствъ, что гильдія свободныхъ каменщиковъ принимала главное участіе въ этомъ движеніи. Если бы ему удалось доказать это положеніе, онъ сдѣлалъ бы важное открытіе. Но прямыхъ доказательствъ своихъ гипотезъ онъ не приводитъ, а его косвенныя доказательства далеко не убѣдительны. Мы, къ сожалѣнію, получили книгу незадолго до того, какъ было сдано въ печать настоящее сочиненіе, а потому не могли глубже вникнуть въ вопросъ. Но онъ настолько важенъ, что стоитъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Пока мы можемъ только отмѣтить гипотезу Келлера, не произнося о ней никакого сужденія.

[2]) Цитировано у *И. Л. фонъ Моссгейма*, De Beghardis et Beguinabus commentarius, Лейпцигъ, 1790, стр. 177.

дый членъ общины могъ владѣть нѣкоторой частью своего имущества, добытой трудомъ или полученной въ наслѣдство или въ подарокъ, какъ частной собственностью. При жизни онъ могъ свободно распоряжаться этимъ имуществомъ. Послѣ его смерти оно отходило къ общинѣ.

Такая коммунистическая община обладала въ экономическомъ отношеніи громадными преимуществами передъ отдѣльными разрозненными ремесленниками. Не говоря уже о томъ, что коммунизмъ—какъ мы уже указывали выше — менѣе всего могъ благопріятствовать праздности, крупное общее домашнее хозяйство оказалось гораздо выгоднѣе разрозненныхъ мелкихъ домашнихъ хозяйствъ отдѣльныхъ ремесленниковъ. Къ этому еще присоединялось отсутствіе у беггардовъ женъ и дѣтей. Неудивительно поэтому, что рабочее товарищество могло составить сильную конкурренцію организованнымъ въ цехи ткачамъ-мастерамъ и было имъ очень непріятно. *Моссгеймъ* сообщаетъ, что въ Гентѣ и другихъ городахъ городскія власти были часто принуждаемы цехами ткачей «ограничивать трудолюбіе беггардовъ» и возстановлять миръ въ общественной жизни путемъ заключенія сдѣлки между беггардами цехами [1]).

Но неимущая масса относилась съ большой любовью къ беггардамъ, ибо весь получавшійся отъ труда избытокъ сверхъ сравнительно ничтожныхъ расходовъ на содержаніе они употребляли на поддержаніе бѣдныхъ и больныхъ и на широкое гостепріимство. Еще Бонифацій IX въ одной изъ своихъ буллъ хвалилъ ихъ за то, что они «принимаютъ въ своихъ пріютахъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей и творятъ кромѣ этого еще другія дѣла милосердія» [2]).

Такія же коммунистическія товарищества представляли изъ себя общества «братьевъ совмѣстной жизни»; эти общины также возникли въ Нидерландахъ, но уже позже, къ концу XIV вѣка; они были основаны Гергардтомъ Гроотомъ фонъ Девентеромъ. Въ это учрежденіе входили не ремесленники, а люди изъ высшихъ классовъ общества, желавшіе помочь нуждающимся низшимъ классамъ. Они носили совершенно другой характеръ, чѣмъ беггардскія общины. Членами послѣднихъ были преимущественно *ткачи*, а братья совмѣстной жизни снискивали средства къ существованію главнымъ образомъ *переписываніемъ книгъ*. Беггарды своимъ избыткомъ стремились облегчить *матеріальную нужду* народа, братья же совмѣстной жизни обращали свое вниманіе на его *духовныя нужды* и отдались дѣлу *народнаго просвѣщенія*. Они содѣйствовали этому отчасти раздачей книгъ, въ которыхъ до изобрѣтенія книгопечатанія былъ большой недостатокъ, но главнымъ ихъ дѣломъ было

[1]) Цит. соч., стр. 182.

[2]) *Моссгеймъ*, цит. соч., стр. 653.

учрежденіе школъ. Въ этой области они сдѣлали очень много. Часто подъ вліяніемъ одной только общины братьевъ повышался культурный уровень жителей цѣлаго города. Въ Амерсфордѣ, напримѣръ, около средины XVI вѣка, благодаря дѣятельности братьевъ знаніе латинскаго языка было такимъ обычнымъ явленіемъ, что самые мелкіе ремесленники понимали и говорили по-латыни; болѣе образованные купцы знали по-гречески, дѣвушки пѣли латинскія пѣсни, и всюду на улицахъ можно было слышать прекрасную латинскую рѣчь» [1]).

Это описаніе, можетъ быть, и преувеличено, но все же оно показываетъ направленіе дѣятельности братьевъ.

«Организованы они были коммунистически. Братство было тѣсно сплоченнымъ, но свободнымъ товариществомъ... Вступленіе въ корпорацію не сопровождалось обязательнымъ на всю жизнь обѣтомъ, и среди братьевъ не существовало строгихъ, разработанныхъ до мельчайшихъ подробностей предписаній, какъ въ монастыряхъ... Обычный порядокъ, господствовавшій въ братскомъ домѣ, былъ слѣдующій. Приблизительно около двадцати братьевъ жили вмѣстѣ, причемъ у нихъ была *общая касса* и *общій столъ*... Вступленію въ общину. ... предшествовалъ годъ испытанія, впродолженіе котораго съ испытуемыми обращались очень сурово... Предполагалось, что каждый вступающій въ братство отдаетъ свое имущество въ общее пользованіе». *Флоренціусъ* (другъ и ученикъ Гергардта) говоритъ въ своихъ изреченіяхъ: «Горе тому, кто живетъ въ братской общинѣ и ищетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего, или говоритъ: это мое». Дѣятельность братьевъ была правильно распредѣлена между отдѣльными братьями. Различныя ремесла, необходимыя для всего братства, служили занятіемъ для отдѣльныхъ членовъ. Въ регламентѣ, которымъ должны были руководствоваться братскіе дома въ Везелѣ, мы находимъ также уставы для братьевъ портныхъ, цирюльниковъ, поваровъ, пекарей, садовниковъ, погребщиковъ, равно и для братьевъ учителей и писцовъ, для переплетчиковъ, библіотекарей и чтецовъ... Несмотря на это раздѣленіе труда, происходило также и нѣкоторое поровненіе его. Духовные и ученые братья не отказывались, насколько это было возможно, отъ физическаго труда (завѣдывать кухней должны были всѣ по очереди), а служащіе принимали участіе почти во всемъ что дѣлали ученые, такъ что братство въ цѣломъ всегда походило на тѣсную семью, любовно занимающуюся однимъ и тѣмъ же дѣломъ Главнымъ объединяющимъ центромъ было *переписываніе книгъ*... Для писанія были назначены ежедневно опредѣленные часы; нѣсколько часовъ переписывали въ пользу бѣдныхъ» [2]).

[1]) *Улльманнъ*, Reformatoren vor der Reformation, II, стр. 111.

[2]) *Улльманнъ*, цит. соч., стр. 97—102.

Братства совмѣстной жизни никогда, однако, не сдѣлались исходнымъ пунктомъ коммунистическаго, оппозиціоннаго движенія; причину этого, можетъ быть, слѣдуетъ искать въ ихъ связи съ имущими и образованными классами. Братья всегда оставались вѣрными папистами. Въ XVI вѣкѣ реформаціонныя бури положили конецъ ихъ мирной дѣятельности.

Иное дѣло беггарды. Въ началѣ, разумѣется, и ихъ общества носили совершенно невинный характеръ и заслужили похвалу нѣкоторыхъ папъ. Они вовсе не имѣли цѣлью отрицаніе существующаго общественнаго строя и его авторитетовъ. Но постепенно въ ихъ средѣ зарождались революціонные элементы.

Они не образовали, подобно монашескимъ орденамъ, привиллегированнаго класса, не просили и не получали отъ папъ никакихъ привиллегій. Поэтому они сохранили полную независимость отъ папскаго престола и не были связаны съ нимъ никакими интересами. Они никогда не возвышались надъ неимущими, съ которыми оставались въ самой тѣсной связи, такъ какъ они не были подчинены опредѣленнымъ уставамъ и не давали никакихъ обѣтовъ на всю жизнь. Каждый членъ могъ по желанію выйти изъ ихъ общества и вступить въ бракъ, не порывая вслѣдствіе этого сношеній съ беггардами.

Въ этомъ отношеніи беггарды ближе всего стоятъ къ терціаріямъ францисканскаго ордена, съ которыми они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительно иногда сливались.

Но если даже признанные папой и надѣленные имъ привилегіями францисканцы, или хотя бы часть ихъ, вступали въ конфликты съ папствомъ, то это было еще болѣе неизбѣжно для совершенно независимыхъ беггардовъ, пролетарскія тенденціи которыхъ стояли съ самаго начала въ рѣзкомъ противорѣчіи съ богатствомъ и эксплоаторскимъ характеромъ существующей церкви. Какъ бы благочестивы и смиренны они ни были, папство считало опаснымъ всякое подобное движеніе, если только оно получало широкое распространеніе, а это произошло съ движеніемъ беггардовъ начиная съ XIII вѣка. Съ невѣроятной быстротой распространялись ихъ послѣдователи по всей Германіи, Англіи и Франціи. Быть можетъ, этому очень способствовало то, что различные города старались привлечь къ себѣ фламандскихъ ткачей для улучшенія шерстоткацкой промышленности. На востокѣ мы ихъ встрѣчаемъ въ Вѣнѣ, Тюрингенѣ, Бранденбургѣ и Силезіи, а на западѣ—въ Англіи.

Однако не слѣдуетъ придавать слишкомъ много значенія этимъ странствованіямъ. Одинаковыя условія сами собою порождаютъ одинаковыя послѣдствія. Среди ткачей полотна и хлопчатой бумаги зарождались стре-

мленія очень родственныя стремленіямъ беггардовъ, тамъ, гдѣ ихъ промышленность сдѣлалась вывозной [1]).

Быстрое распространеніе беггардовъ должно было повысить ихъ самосознаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ распространеніе повело къ образованію среди нихъ различныхъ направленій, ибо одно и то же ученіе, однѣ и тѣ же идеи были поставлены въ самыя различныя условія, къ которымъ ему и приходилось приспособляться. Если часть беггардовъ оставались смиренными молельщиками и совершенно умерла для мірской суеты, то въ головахъ другой части начали, напротивъ, шевелиться болѣе смѣлыя мысли. Пробудилось желаніе бороться съ несправедливостью, господствующей въ существующемъ обществѣ, не бѣгствомъ отъ него, а тѣмъ, чтобы, проникая въ него, побудить его уничтожить несправедливость. Изъ домовъ беггардовъ вышли многочисленные агитаторы, «апостолы», которые подобно «барбамъ» вальденсцевъ переходили съ мѣста на мѣсто, возвѣщали евангеліе первоначальнаго христіанства и основывали новыя общины. На-ряду съ открытыми домами беггардовъ, Германія, въ которую тогда еще входили Нидерланды, стала покрываться цѣлой сѣтью тайныхъ союзовъ съ болѣе радикальными тенденціями,—не заговорщическіе союзы для подготовки насильственнаго переворота, а пропагандистскія общества. Но и на такія общества тогдашнія власти, и въ особенности католическая церковь, смотрѣли косо; ихъ старательно выслѣживали и подвергали преслѣдованіямъ.

Уже въ 1299 году соборъ въ Безьерѣ обвинялъ ихъ въ томъ, что они возбуждаютъ въ народѣ хиліастическія надежды на близкій конецъ міра, т. е. существующаго общественнаго строя. Въ это же самое время на Рейнѣ беггардовъ сжигали какъ еретиковъ.

Преслѣдованія, однако, имѣли только частичный успѣхъ. Болѣе умѣренная и робкая часть беггардовъ была несомнѣнно устрашена, и дома беггардовъ этого направленія искали опоры въ существовавшихъ тогда могущественныхъ монашескихъ орденахъ или прямо присоединялись къ нимъ. Въ особенности извлекли изъ этого выгоду францисканцы, у которыхъ дѣйствительно были нѣкоторыя родственныя черты съ ханжескою частью беггардовъ. Они пріобрѣли много домовъ беггардовъ [2]).

---

[1]) Статуты ульмскихъ ткацкихъ подмастерьевъ отъ 1404 г. напоминаютъ „по своему строго религіозному, почти аскетическому направленію, братства беггардовъ въ Нидерландахъ, состоявшія преимущественно изъ ткачей шерсти“. (*Гильдебрандъ*, Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie, Hildebrand's Jahrbücher, 1866, стр. 110).

[2]) Въ Антверпенѣ, напрям., домъ беггардовъ перешелъ уже въ 1290 г. къ францисканцамъ. Въ XV в. онъ былъ превращенъ въ мужской монастырь.

*

Новые дома беггардовъ основывались послѣ XIII вѣка лишь очень рѣдко.

Но болѣе энергичную часть беггардовъ преслѣдованія заставили прибѣгнуть къ еще большей таинственности; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ преслѣдованій, они сдѣлались болѣе оппозиціонными. Этому процессу содѣйствовали французскіе и итальянскіе эмигранты, которые со времени альбигойскихъ войнъ охотно переселялись въ Германію, гдѣ власть не обладала такой силой и не была такъ заинтересована въ сохраненіи папства, какъ французская и итальянскія власти и гдѣ, поэтому, легче было найти защиту въ городѣ или помѣстьяхъ землевладѣльцевъ, нерѣдко очень дорожившихъ новыми рабочими.

Изъ южной Франціи и Италіи переселялись вальденсцы и апостольскіе братья, изъ сѣверной Франціи—*братья и сестры свободнаго духа*.

Изъ Фландріи суконная промышленность, быстро распространилась по сосѣднимъ странамъ, находившимся съ нею въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ; она распространилась въ нижне-Рейнской области на сѣверѣ Франціи, особенно въ Шампани, гдѣ она процвѣтала въ XIII вѣкѣ. Въ XVI в. она пришла въ значительный упадокъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе французско-англійскихъ войнъ, закрывшихъ торговые пути и прекратившихъ подвозъ сырья.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ раннимъ расцвѣтомъ шерстоткацкой промышленности, мы рано встрѣчаемъ тамъ и братства ткачей съ коммунистическими тенденціями (или, по крайней мѣрѣ, съ тенденціями первыхъ христіанъ, что по отношенію къ пролетаріямъ сводится къ одному) *апостоликовъ* (не нужно смѣшивать съ итальянскими апостольскими братьями), ставившихъ себѣ цѣлью возродить образъ жизни апостоловъ. «Они уже пользовались широкою извѣстностью въ XII вѣкѣ въ эпоху св. Бернара, который рѣзко опровергалъ ихъ въ двухъ своихъ проповѣдяхъ на тему о Пѣснѣ Пѣсней Соломона... Апостолики жили преимущественно во Франціи ..» Апостолики трудились и добывали себѣ пропитаніе трудомъ своихъ рукъ. Это были ремесленники, *преимущественно ткачи*, какъ можно видѣть изъ словъ св. Бернара, который при всемъ своемъ рѣзкомъ порицаніи ихъ ученія, все же восхваляетъ ихъ трудолюбіе [1]).

Сѣверная Франція въ XII вѣкѣ не представляла, однако, для подобнаго рода сектъ такой благопріятной почвы, какъ южная Франція или Фландрія. Апостолики никогда не достигли такого значенія, какъ вальденсцы или беггарды. Болѣе важную роль играли братья и сестры свободнаго духа, секта, возникшая въ XIII вѣкѣ.

---

[1]) *Моссгеймъ*, цит. соч., стр. 380.

Секта была основана *Амальрихомъ Бенскимъ* (родился въ Бенѣ въ епископствѣ Шартръ во Франціи); около 1200 г. онъ былъ магистромъ теологіи въ Парижѣ. Обвиненный за свои ученія въ ереси, онъ былъ вызванъ папою Иннокентіемъ III въ Римъ (1204), гдѣ папа заставилъ его отречься отъ своихъ ученій. Предполагалось, что этимъ обезврежено и опасное лжеученіе. Но послѣ смерти Амальриха (1206) сдѣлалось яснымъ, что онъ оставилъ послѣ себя много послѣдователей. Самымъ значительнымъ изъ его учениковъ былъ *Давидъ изъ Динанта* (возлѣ Намюра въ Бельгіи). Въ 1209 г. парижскій соборъ осудилъ ученія Амальриха, а за этимъ осужденіемъ послѣдовало ревностное преслѣдованіе послѣдователей Амальриха.

Между всѣми коммунистическими сектами того времени амальрикане представляли собою самую смѣлую и самую радикальную. Они проповѣдывали общность не только имуществъ, но и женъ. Они отрицали всякую власть. Наконецъ, они утверждали, что Богъ присутствуетъ всюду и во всемъ [1]), слѣдовательно, и въ человѣкѣ. Чего желаетъ человѣкъ, того желаетъ и Богъ, а поэтому всякое само обузданіе человѣка грѣховно и каждый человѣкъ имѣетъ право и даже обязанъ слѣдовать своимъ склонностямъ. Если обнажить это пантеистическое ученіе отъ его мистическаго покрова, то оно окажется разновидностью анархическаго коммунизма, ученіемъ, которое должно было обладать громадной притягательной силой для угнетаемыхъ и унижаемыхъ пролетаріевъ.

И оно, дѣйствительно, быстро распространилось изъ Парижа по восточной Франціи, а затѣмъ и въ Германіи. Значительная часть беггардовъ приняла это ученіе. Къ концу XIII вѣка оно было уже на столько распространено среди прирейнскихъ беггардовъ, что понятія «братьевъ и сестеръ свободнаго духа» и беггардовъ сдѣлались тамъ почти тождественными.

Понятіе «беггарда» получало все болѣе и болѣе широкое значеніе. Чѣмъ больше распространялось направленіе беггардской секты, выдвигавшее на первый планъ борьбу съ папствомъ, тѣмъ больше точекъ соприкосновенія должно было оказываться у него съ демократической оппозиціей горожанъ и крестьянъ, которая также направлялась противъ существующихъ порядковъ и также видѣла въ папствѣ величайшаго и наиболѣе опаснаго врага. Оба направленія могли слиться другъ

[1]) Нельзя выразить эту мысль сильнѣе, чѣмъ дѣлали беггарды, арестованные въ 1339 г. въ епископствѣ Констанцѣ; они учили, какъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ изъ Винтертура, что сила божественной благости, открывается намъ во всемъ не меньше, чѣмъ въ человѣкѣ". (*Улльманнъ* Reformatoren, II, стр. 20).

съ другомъ тѣмъ легче, что они опирались на одинаковые аргументы, заимствованные изъ ученія христіанства перваго вѣка, а мистическій покровъ, которымъ облекались ученія этихъ сектъ, и намѣренная туманность, съ которой излагали эти ученія агитаторы, чтобы избѣгнуть преслѣдованій [1]), не могли способствовать принципіальной ясности ученія. Такимъ образомъ въ XIV вѣкѣ беггардами назывались въ Германіи всѣ вообще еретики. Въ Англіи, гдѣ беггарды назывались лоллардами, то же самое произошло и съ послѣднимъ названіемъ.

Поэтому, если мы слышимъ, что въ XVI вѣкѣ Германія, а потомъ и Англія кишѣли беггардами или лоллардами, то мы не должны заключать отсюда, что коммунистическое движеніе было такъ сильно, какъ можно ожидать въ виду распространенности этихъ сектъ. Но во всякомъ случаѣ оно не могло быть незначительнымъ.

II. Людвигъ Баварскій и папа.

Хорошее время для ученія беггардовъ, какъ и вообще для еретическихъ стремленій, наступило въ Германіи, когда произошелъ конфликтъ между Людовикомъ IV Баварскимъ (1314—47) и папскимъ престоломъ. Мы должны нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть этотъ конфликтъ.

Націоно-либеральные историки, особенно въ своихъ популярныхъ сочиненіяхъ, любятъ разсматривать всякій конфликтъ между императоромъ и папой съ одной и той же точки, а именно—«культуркампфа», т. е., борьбы между высшей культурой германской имперіи и темнымъ варварствомъ папства; съ этой точки зрѣнія разсматриваются *всѣ* конфликты, независимо отъ того, имѣли ли они мѣсто въ X или XIX вѣкѣ.

---

[1]) Тяжелая школа „конспираціи“ развила постепенно у „апостоловъ“ удивительную ловкость въ прикрываніи своихъ цѣлей. Уже въ XIII вѣкѣ одинъ изъ главныхъ упрековъ, направленныхъ Давидомъ Аугсбургскимъ противъ „еретиковъ“ заключался въ томъ, что они умѣютъ съ величайшей „хитростью“ построить свои рѣчи, а объ одномъ вальденскомъ апостолѣ, жившемъ въ XIV-омъ вѣкѣ, древняя хроника говоритъ буквально слѣдующее: „Онъ былъ необыкновенно тонкаго ума и умѣлъ своими рѣчами прикрашивать и прикрывать свои лжеученія“... „Символика“ играетъ у мистиковъ выдающуюся роль. Мнѣнія, совѣты, догмы, которыхъ они изъ страха передъ судомъ инквизиціи не рѣшались назвать своимъ настоящимъ именемъ, они высказывали особаго рода языкомъ знаковъ, которые большей частью были знакомы однимъ только „братьямъ“. *Шнаазе* справедливо указываетъ на то, что они, повидимому намѣренно, придавали своимъ совѣтамъ аллегорическую форму“. (*Л. Келлеръ*, Die Reformation, стр. 194, 219).

Въ дѣйствительности же даже средневѣковыя столкновенія между императорской и папской властью не всегда имѣли одинъ и тотъ же характеръ. Начиная съ Оттоновъ и до Гогенштауфеновъ, борьба шла главнымъ образомъ изъ-за вопроса, кто долженъ быть властителемъ и эксплоататоромъ организаціи господства, носившей названіе церкви, и кто долженъ быть властителемъ и эксплоататоромъ верхней Италіи. Послѣдній споръ кончился тѣмъ, что города верхней Италіи освободились отъ всякой опеки и образовали независимыя государства. Первый же, подобно другимъ аналогичнымъ спорамъ, закончился побѣдой высшей культуры—итальянскаго папства—надъ варварствомъ, Германской Имперіей. Жадность имперіи къ сокровищамъ Италіи привела ее лишь къ раздробленію своихъ силъ, и, когда папство восторжествовало надъ имперіей, то надъ ней могли торжествовать побѣду и нѣмецкіе территоріальные князья. Развитіе товарнаго производства и товарнаго обмѣна повсюду способствовало возникновенію абсолютной власти; но въ Германіи оно способствовало не усиленію центральной власти, со времени паденія Гогенштауфеновъ замѣтно клонившейся къ упадку, а къ усиленію имперскихъ князей, которые все больше и больше превращались въ независимыхъ владѣтельныхъ князей, признававшихъ германскаго императора чѣмъ-то вродѣ предсѣдателя имперскаго союза.

Иначе обстояло дѣло въ сосѣдней Франціи. Тамъ, начиная съ XIII в., власть королей возростала, особенно съ тѣхъ поръ, какъ династія овладѣла богатой южной Франціей (срав. стр. 147). Какъ разъ около того времени, когда вѣковая борьба между имперіей и папствомъ закончилась побѣдой послѣдняго, королевская власть во Франціи настолько усилилась, что ей удалось то, къ чему напрасно стремились нѣмецкіе императоры: превратить папъ въ свое орудіе и подчинить себѣ при ихъ посредствѣ церковь. Бонифацій VIII, съ которымъ мы познакомились по исторіи Дольчино, потерпѣлъ крушеніе въ своей попыткѣ освободиться отъ подчиненія французскому королю Филиппу IV (1303). Чтобы положить конецъ всѣмъ стремленіямъ папъ къ независимости, Филиппъ принудилъ второго преемника Бонифація, избраннаго въ 1305 году, Климента V, родомъ француза, покинуть Римъ и поселиться въ южной Франціи. Послѣ долгихъ скитаній по городамъ южной Франціи, Климентъ V поселился наконецъ въ Авиньонѣ (1308). Послѣдній городъ оставался больше вѣка резиденціей папъ.

Папская власть стала теперь совершенно зависимой отъ Франціи. Уже при своемъ избраніи Климентъ долженъ былъ дать Филиппу IV цѣлый рядъ важныхъ обѣщаній—и послѣдній позаботился о томъ, чтобы Климентъ выполнилъ ихъ. Тотчасъ же по вступленіи на папскій престолъ онъ передалъ королю десятую часть всѣхъ духовныхъ имуществъ Франціи. Но важнѣе всего было упраздненіе необычайно богатаго ордена тампліеровъ.

Средоточіемъ этого ордена была южная Франція, и Филиппъ уже давно зарился на его сокровище [1]). Какъ ни изворачивался Климентъ—ему ни-

---

[1]) Тампліеры, какъ и другіе ордена, вовсе не занимались одними подвигами благочестія, но также прекрасно умѣли вести свои собственныя дѣла. „Неоспорима была,—говоритъ Прутцъ,—слава военной храбрости тампліеровъ, но также громко раздавались порицанія ихъ своекорыстной политикѣ, всегда ставившей выгоды своего ордена выше интересовъ всего христіанскаго міра. Въ подтвержденіе этихъ порицаній особенно указывали на многочисленныя очень сомнительныя связи ордена съ невѣрными; далѣе указывали на то, что онъ стремится увеличить свои владѣнія, даже въ ущербъ христіанскимъ князьямъ, и очень рано его стали обвинять въ жадности къ деньгамъ. Кромѣ того въ его рукахъ были *колоссальныя финансовыя* средства; орденъ былъ, въ концѣ концовъ, чѣмъ-то вродѣ финансовой великой державы. Въ моментъ катастрофы его недвижимыя владѣнія оцѣнивались въ 25—62 милліона франковъ; кромѣ того рента, десятины, проценты и проч. доставляли ему не менѣе двухъ милліоновъ ежегоднаго дохода, что представляетъ собою, въ переводѣ на теперешнюю цѣнность денегъ, сумму приблизительно въ двадцать пять разъ большую. Это болѣе чѣмъ королевское богатство „бѣдныхъ братьевъ храмовниковъ“ конечно мало гармонировало съ предписываемою имъ статутами бѣдностью, тѣмъ болѣе, что деньги только въ малой части употреблялись ими на цѣли, соотвѣтствующія задачѣ ордена, и для пользы святой земли. Притомъ орденъ занимался не только мореходствомъ, но и крупными *торговыми операціями*. На своихъ корабляхъ онъ ежегодно привозилъ въ Палестину и обратно тысячи богомольцевъ, а привиллегія безпошлиннаго привоза произведеній западныхъ странъ для собственнаго обихода дала ему возможность широко заниматься прибыльными спекуляціями. Будучи главнымъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ между востокомъ и западомъ, онъ пріобрѣлъ весьма выдающееся значеніе для всего денежнаго обращенія: на его прочныхъ и быстроходныхъ корабляхъ папы пересылали въ Палестину деньги, предназначенныя для святой земли; тамъ онѣ хранились въ кассѣ ордена, и распоряженіе ими было предоставлено служащимъ ордена. Орденъ сдѣлался посредникомъ и въ другихъ финансовыхъ операціяхъ. Его главный домъ въ Парижѣ, Тампль, сдѣлался настоящей международной биржей, черезъ которую вели дѣловыя сношенія купцы, находившіеся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Даже короли прибѣгали къ посредничеству ордена: французскіе короли хранили свою казну въ Тамплѣ, и тамъ они совершали и принимали платежи. Разумѣется, орденъ занимался этими дѣлами не изъ одной лишь любви къ ближнему и не безъ выгоды для себя. Будучи военной силой и крупнымъ землевладѣльцемъ, съ которымъ никто не могъ конкуррировать, орденъ тампліеровъ въ концѣ концовъ благодаря всѣмъ этимъ операціямъ сдѣлался еще и крупной финансовой силой. Короли заискивали у него и становились его должниками. Какъ разъ Филиппъ IV испыталъ на себѣ все важное значеніе ордена“. (*Г. Прутцъ*, Staatengeschichte des Abendlandes im Mitte-

чего не помогло. Послѣ скандальнаго процесса, возбужденнаго только для соблюденія формы, онъ долженъ былъ упразднить и осудить орденъ за его якобы нерелигіозность и безнравственность. То, чего въ другихъ странахъ князьямъ удавалось достигнуть лишь путемъ отреченія отъ папства, именно захватъ богатыхъ церковныхъ имуществъ, объ этомъ позаботился для Франціи самъ папа. Неудивительно поэтому, что французскіе короли оставались вѣрными католиками и папистами, и ревностно преслѣдовали еретиковъ.

Во внѣшней политикѣ папамъ также приходилось исполнять волю французскихъ королей, постоянно враждовавшихъ съ Англіей и стремившихся увеличить свои владѣнія на счетъ германскихъ земель. Они заставляли поэтому папъ вступать въ конфликты съ англійскими королями и нѣмецкими императорами.

Но для этого уже не требовалось слишкомъ много настойчивости. Съ тѣхъ поръ какъ папы подчинились верховенству французскихъ королей, они потеряли самые важные французскіе доходы. Но благодаря отсутствію папъ изъ Рима, доходы, получаемые ими отъ церковныхъ владѣній, становились все болѣе и болѣе нерегулярными, а иногда и вовсе не получались. Одновременно съ развитіемъ торговли и промышленности, при папскомъ дворѣ, какъ и при всѣхъ другихъ дворахъ того времени, возрастали роскошь, нужда въ деньгахъ и стремленіе добыть ихъ. Чѣмъ меньше доходовъ можно было получить изъ Франціи и Италіи—а вскорѣ и изъ Испаніи—тѣмъ больше приходилось выжимать изъ сѣверныхъ странъ. Въ Авиньонѣ папы придумали ту систему эксплоатаціи германской церкви въ пользу папской казны, которая привела въ концѣ концовъ къ отпаденію Германіи отъ Рима и къ реформаціи [1]. Германіи, центральная власть которой была

lalter, Берлинъ, 1887, II, стр. 49—50). Храмъ самыхъ правовѣрныхъ изъ всѣхъ христіанско-германскихъ рыцарей—торговая биржа! Такая дѣйствительность еще непріятнѣе для антисемитовъ, чѣмъ выдуманный Лессингомъ тампліеръ, подружившійся съ евреемъ Натаномъ.

[1] Выше цитированное сочиненіе *Ганса Пруца* содержитъ въ себѣ наглядное изображеніе методовъ финансовой политики папства. „Уже очень рано финансовое искусство папской куріи достигло высшей степени развитія: пошлины и взятки, сообразно многообразнымъ ступенямъ духовнаго сана и безконечному разнообразію занятій, были приведены въ хорошо обдуманную систему, не упускавшую ни одного случая получить выгоду на основаніи какого бы то ни было права. Если уже и раньше по этому поводу раздавались жалобы, то зло возросло свыше всякой мѣры съ тѣхъ поръ, какъ папство лишилось доходовъ, получавшихся имъ раньше отъ города Рима и церковной области, между тѣмъ какъ притокъ ищущихъ счастіе авантюристовъ въ авиньонскій папскій дворъ все болѣе увеличивался и безпорядочная жизнь, которую велъ папскій дворъ въ

слаба, папы могли предъявлять какія угодно требованія. Все выше возрастали требованія, которыя они подъ различными предлогами предъявляли нѣмецкимъ епископамъ и монастырямъ. и все наглѣе дѣлались пріемы непосредственной эксплоатаціи, напримѣръ, посредствомъ *торговли индульгенціями*, и вымогательства, въ особенности путемъ *отлученій отъ церкви.*

«Благодаря непрекращающимися папскимъ требованіямъ — говоритъ одинъ католикъ—благодаря дорого стоющимъ путешествіямъ въ Римъ

веселомъ Провансѣ, значительно увеличили нужду въ деньгахъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ финансовое искусство куріи дошло положительно до утонченности, и всѣ ея усилія были направлены къ тому, чтобы вдвойнѣ и втройнѣ возмѣстить утерянное. Особенно старалась вознаградить себя церковь на богато оплачиваемыхъ церковныхъ должностяхъ; приэтомъ, вознаграждали себя не только высшіе сановники церкви, но главнымъ образомъ армія низшихъ и вспомогательныхъ чиновниковъ—нотаріусы, канцеляристы, писцы и т. д., черезъ жадныя руки которыхъ проходили документы, относящіеся къ замѣщенію высшихъ церковныхъ должностей прежде, чѣмъ они доходили до призванныхъ на эти должности или ихъ уполномоченныхъ. Чтобы получить аббатства, епископства или архіепископства, нужно было сначала принести значительныя денежныя жертвы, не говоря уже о тѣхъ ублаготвореніяхъ различныхъ вліятельныхъ сановниковъ, которыя были необходимы для полученія высокаго сана. Естественно, что эти люди стремились вознаградить себя потомъ за принесенныя жертвы, вырабатывая по отношенію къ подчиненнымъ имъ инстанціямъ такую же систему пошлинъ и взятокъ, какую примѣняли недавно къ нимъ. Въ томъ же духѣ продолжали дѣйствовать и ихъ подчиненные, и низшіе чины должны были не только возмѣстить высшимъ сдѣланныя ими затраты, но и доставить имъ еще извѣстный избытокъ. Выдающуюся роль въ бюджетѣ куріи играли такъ называемые *конфирмаціонные пошлины*, т. е., налоги, которые должны были уплачивать за папское утвержденіе вновь вступившіе въ должность церковные сановники. Уже къ концу XIII вѣка эти пошлины за епископство Бриксенъ равнялись 4.000 золотыхъ гульденовъ, не считая тѣхъ 200 золотыхъ гульденовъ, которые нужно было дать на водку различнымъ папскимъ чиновникамъ. Затѣмъ такса была значительно повышена: за архіепископства майнцское, трирское и зальцбургское нужно было уплачивать конфирмаціонныхъ пошлинъ по 10.000 золотыхъ гульденовъ, а за руанское—цѣлыхъ 12.000. Епископство Лангръ цѣнилось въ 9.000, Камбре—въ 6.000, Тулуза и Севилья—каждая въ 5.000 золотыхъ гульденовъ, и даже за такое бѣдное епископство какъ Минденъ нужно было уплатить 500 золотыхъ. Такимъ же образомъ были установлены различныя градаціи конфирмаціонныхъ пошлинъ и для аббатствъ, сообразно ихъ богатству. Съ тѣхъ поръ какъ Іоанну XXII пришла въ голову счастливая мысль признать, что всѣ духовныя должности, освобождающіяся съ повышеніемъ въ другой санъ ихъ прежнихъ владѣтелей, принадлежатъ къ папскимъ

и вѣчнымъ войнамъ, большинство монастырей въ Германіи (въ XVI и XV вѣкахъ) было чрезвычайно обременено долгами и должно было уплачивать итальянскимъ банкирамъ чудовищнѣйшіе проценты. Эти сіенскіе, римскіе, флорентійскіе банкиры пользовались папскимъ авторитетомъ для того, чтобы разорять нѣмецкую церковь. Если епископы не хотѣли аккуратно платить, то ихъ принуждали къ этому папскіе приказы, угрожавшіе въ противномъ случаѣ отлученіемъ и смѣщеніемъ съ должности» (*Ратцингеръ*, Geschichte der kirchlichen Armenpflege, стр. 304. и сл.).

Но папы не удовольствовались этимъ. Іоаннъ XXII, наслѣдовавшій Клименту V въ 1316 г., объявилъ, что послѣ смерти каждаго императора его власть переходитъ къ папѣ, что папа, этотъ рабъ Франціи, является верховнымъ повелителемъ Германіи. Этого ни одинъ императоръ, желавшій оставаться таковымъ, не могъ признать. Неохотно и нерѣшительно началъ Людовикъ борьбу. Новый конфликтъ былъ совсѣмъ не похожъ на недавній возникшій между Гогенштауфенами и папой. Споръ шелъ уже не о томъ, кто долженъ быть повелителемъ и эксплоататоромъ Италіи, а о томъ, кому принадлежитъ верховная власть надъ Германіей. Камнемъ раздора былъ

привиллегіямъ, такъ что ихъ замѣщеніе непосредственно зависѣло отъ папы, и онъ могъ сразу дать повышеніе цѣлому ряду церковныхъ должностныхъ лицъ,—конфирмаціонныя пошлины сдѣлались однимъ изъ самыхъ богатыхъ и вѣрныхъ источниковъ дохода куріи. Въ связи съ этимъ стоялъ колоссальный ростъ поступленій отъ аннатовъ, т. е., отъ дохода, получаемаго епископомъ въ первый годъ и который онъ обязанъ былъ отдавать куріи. Къ этимъ доходамъ прибавлялись еще „fructus medii temporis“: пока церковная должность оставалась вакантной, доходы отъ нея принадлежали также куріи, которая могла и въ этомъ случаѣ значительно увеличить свой доходъ, замедляя назначеніе на оставшуюся вакантной должность. *Право сполiацiи*, по которому послѣ смерти епископа его недвижимое имущество переходитъ къ куріи, примѣнялось очень строго. Особенно богатымъ источникомъ дохода были *компенды*, т. е. передача кандидатуры на пребенду лицамъ, не могущимъ пока занять ее по своему несовершенолѣтію, а также отдача *экспектанцъ*, т. е., обѣщаніе отдать въ будущемъ пока еще занятую должность. Хорошимъ источникомъ дохода были также *унiи* и *инкорпорацiи*, т. е., дозволеніе соединить нѣсколько пребендъ въ однихъ рукахъ и, наконецъ, принявшая обширныя размѣры торговля самыми разнообразными *индульгенцiями* (отпущеніями грѣховъ) и *диспенсами*, на которыя была назначена выработанная до мельчайшихъ подробностей такса.

„При помощи этой финансовой системы курія получала огромныя суммы отъ пользовавшихся крупными доходами высшихъ сановниковъ церкви; послѣдніе въ свою очередь перелагали ихъ на стоявшихъ ниже ихъ по служебной лѣстницѣ, пока они, въ концѣ концовъ, не падали на плечи беззащитныхъ маленькихъ людей“ (выше цитиров. соч., стр. 330 и сл.).

не вопросъ о томъ, кто долженъ быть владыкой церкви, а о томъ, является-ли духовный владыка церкви также и владыкой свѣтской власти. По отношенію къ Германіи папская власть была наступающей стороной, и, въ то время когда повсюду королевская власть необычайно усилилась и начала подчинять себѣ церковь, германская имперія боролась за свою независимость отъ папы.

Эта борьба шла параллельно другой. Имперскіе князья стали превращаться въ суверенныхъ государей, и стремились ослабить королевскую власть. Тѣ-же элементы, для которыхъ усиливающаяся княжеская власть была угрозой, особенно вольные города, видѣли наоборотъ въ императорской власти лучшаго своего союзника. Они были вмѣстѣ съ тѣмъ могущественнѣйшими и вѣрнѣйшими союзниками императора въ его борьбѣ съ папствомъ. Высшая же аристократія склонялась на сторону папы. Иногда, правда, заносчивость послѣдняго возрастала до такой степени, что даже сами князья вынуждены были выступать противъ него. Но обыкновенно они смотрѣли на императора, какъ на своего ближайшаго врага и помогали папѣ въ стремленіи ослабить его могущество.

Папа пустилъ въ ходъ противъ императора самыя отточенныя орудія: онъ проклялъ его и подвергъ отлученію. Но города насмѣхались надъ этимъ. «Въ то время—говоритъ современный лѣтописецъ—міряне очень презирали духовенство и ставили евреевъ выше ихъ». *Л. Келлеръ* въ своей уже многократно упомянутой книгѣ о первыхъ реформаціонныхъ партіяхъ (стр. 114) наглядно описываетъ положеніе, которое заняли города по отношенію къ папѣ: «Впереди всѣхъ въ этой борьбѣ шелъ *Страсбургъ*, который принудилъ покинуть городъ священниковъ, прекратившихъ по приказанію папы богослуженіе. *Цюрихъ* не позволялъ жить въ своихъ стѣнахъ папскому духовенству уже съ 1331 г. Въ *Констанцѣ* магистратъ потребовалъ отъ духовенства, чтобы оно вновь вступило въ отправленіе своихъ обязанностей и далъ имъ опредѣленный срокъ для отвѣта. По истеченіи этого срока (6 января 1339 г.) всѣ нежелавшіе исполнять своихъ обязанностей должны были покинуть городъ. Въ *Рейтлингенѣ* городской совѣтъ объявилъ публично, что всѣмъ гражданамъ запрещается подъ страхомъ штрафа въ пятнадцать фунтовъ пріютить священника, подчиняющагося папѣ. Въ *Регенсбургѣ* начальство заставило духовенство голодомъ возобновить богослуженіе. Въ *Нюренбергѣ*, гдѣ городская олигархія долгое время дѣйствовала сообща съ римскимъ духовенствомъ, она должна была вступить въ открытую борьбу съ цехами, кончившуюся пораженіемъ олигархическихъ родовъ и священниковъ. Послѣ одержанной цехами побѣды, Нюренбергъ немедленно примкнулъ къ партіи отлученнаго императора. Можно вообще наблюдать, что всѣ нѣмецкіе

города, во главѣ управленія которыхъ не стояли патриціанскіе роды, были безусловными противниками Рима и вѣрными сторонниками Людовика».

Естественно, что при такихъ условіяхъ беггардская ересь имѣла необычайный успѣхъ. Вся Германія испустила боевой кличъ противъ папы и сторонники императора и городовъ были рады всякому, кто поддерживалъ этотъ кличъ:

«Назначеніе императоромъ Людовикомъ схизматиковъ на высшія государственныя должности—говоритъ францисканскій лѣтописецъ, цитируемый Моссгеймомъ—и безнаказанность ихъ преступленій увеличила наглость и непослушаніе членовъ всѣхъ орденовъ, которые по малѣйшему дѣйствительному или мнимому поводу отпадали отъ папы и увеличивали, къ великому вреду для католическаго дѣла, ряды «братьевъ» (т. е. беггардовъ), которые безстыдно дерзали выходить изъ своихъ подполій и одобряли дѣйствія Петра Корбарія (котораго Людовикъ поставилъ папою подъ именемъ Николая V въ противовѣсъ Іоанну XXII) и Людовика» [1]).

Бѣжавшіе въ Германію иностранные еретики также находили защиту у Людовика. Въ 1324 г. Іоаннъ XXII называетъ Людовика защитникомъ и покровителемъ людей уличенныхъ въ ереси, особенно *ломбардскихъ* еретиковъ, подъ которыми онъ подразумѣвалъ повидимому вальденсцевъ или апостольскихъ братьевъ.

Но императоръ Людовикъ воспользовался даже коммунистической идеей, правда не въ беггардской ея формѣ, а въ менѣе опасной, францисканской. Мы уже указывали выше (стр. 114) на борьбу, возникшую внутри францисканскаго ордена по вопросу о томъ, имѣетъ-ли онъ право пріобрѣтать собственность или нѣтъ. Съ тѣхъ поръ какъ папа Иннокентій IV (1245) сталъ на сторону той части францисканцевъ, которая тяготѣла къ собственности, болѣе строгое направленіе среди нихъ становилось все болѣе и болѣе враждебнымъ папству.

Конфликтъ между францисканцами болѣе строгаго направленія, спиритуалами или фратичеллами, и папствомъ обострился, когда Іоаннъ XXII, противникъ Людовика, объявилъ въ 1322 г. еретическимъ одинъ пунктъ ихъ ученія, по которому Христосъ и его апостолы не могли обладать никакой собственностью; еще раньше, въ 1317 г., онъ направилъ противъ нихъ инквизицію. Въ 1328 г. онъ даже смѣстилъ генерала ордена, Михаила изъ Казены, ставшаго на сторону болѣе ригористическаго направленія. Приверженцы этого направленія рѣшительно склонились на сторону Людовика, и строгіе францисканцы сдѣлались его самыми ревностными и неустрашимыми агитаторами. Въ ихъ рядахъ Людовикъ избралъ поставлен-

[1]) *Моссгеймъ*, De Beghardis, стр. 320.

наго имъ въ противовѣсъ Іоанну XXII папу, уже упомянутаго Николая V. Въ 1328 г. онъ заставилъ римлянъ избрать его папой; впрочемъ, только для того, чтобы потомъ покинуть его на произволъ судьбы. Николай подчинился авиньонскому папѣ уже въ 1330 г. и отрекся съ раскаяніемъ отъ всѣхъ своихъ «заблужденій».

Эта судьба ставленника императора уже напередъ предуказывала исходъ конфликта между папой и императоромъ. Побѣжденнымъ оказался послѣдній.

III. Католическая реакція при Карлѣ IV.

Папа Климентъ VI, второй преемникъ Іоанна XXII, нашелъ кандидата на германскій императорскій престолъ безусловно преданнаго папской власти и Франціи,—Карла, сына богемскаго короля Іоанна.

Слабость германской императорской власти привела не только къ тому, что имперскіе князья мало-по-малу превращались въ независимыхъ государей, но также и къ тому, что имперскія пограничныя области, напримѣръ, Швейцарія и Нидерланды, отложились отъ нея и сдѣлались самостоятельными государствами. Богемія также все болѣе и болѣе отдѣлялась отъ имперіи. Въ противовѣсъ императорской власти богемскіе короли искали опоры во Франціи. Іоаннъ Люксембургскій, король богемскій, породнился съ французскимъ королемъ Карломъ IV, который женился на его сестрѣ. Сынъ Іоанна, Вѣнцеславъ, воспитывался при французскомъ дворѣ, гдѣ его при первомъ причастіи наименовали Карломъ, такъ какъ имя Вѣнцеславъ не понравилось французскому двору. Это имя онъ сохранилъ и впослѣдствіи. Воспитаніе и династическіе интересы дѣлали его вполнѣ надежнымъ союзникомъ Франціи и папы. Какъ только Карлъ изъявилъ согласіе принять императорскую корону, Климентъ объявилъ, что императоръ Людовикъ низложенъ, и призывалъ нѣмцевъ избрать себѣ новаго императора. Благодаря поддержкѣ церкви и своему полному кошельку, Карлъ нашелъ четырехъ курфюрстовъ, избравшихъ его императоромъ (1346). Побѣда досталась ему легче, чѣмъ онъ надѣялся, такъ какъ Людовикъ Баварскій умеръ раньше, чѣмъ дѣло дошло до серьезной борьбы между двумя императорами.

Карлъ не былъ сантиментальнымъ политикомъ. Онъ основательно изучилъ новѣйшую государственную политику во Франціи и Италіи. Поэтому онъ хорошо понималъ, что прекрасное время величія имперіи исчезло навсегда и, что источникъ его могущества лежитъ въ его наслѣдственныхъ земляхъ, а не въ имперіи. Предметомъ его главныхъ

заботъ была Богемія. Изъ имперіи онъ старался извлечь возможно больше выгодъ, но остерегался рискнуть изъ-за нея на борьбу, пожертвовать для нея чѣмъ-нибудь. А остатки императорскаго престижа, какъ ему казалось, находились въ тѣсной связи съ престижемъ папской церкви. Императоръ и папа по необходимости должны были итти рука объ руку, что, впрочемъ, значительно облегчалось для Карла личными его склонностями и связями.

Такимъ образомъ, Карлъ сталъ «поповскимъ императоромъ», какъ его называли итальянцы, ревностнымъ сторонникомъ всѣхъ тѣхъ папскихъ притязаній, которыя вообще сколько нибудь согласовались съ его положеніемъ. Больше всего страдала отъ этого демократическая, а, слѣдовательно, и коммунистическая ересь. При Людовикѣ преслѣдованія беггардовъ въ Германіи почти совершенно прекратились или, по крайней мѣрѣ, оставались безрезультатными. Теперь насталъ періодъ кровавыхъ преслѣдованій беггардовъ.

Уже въ 1348 г. упоминаются преслѣдованія еретиковъ. Но реакція стала свирѣпствовать съ полной силой только въ послѣдней трети этого вѣка, когда расцвѣтъ ереси въ Англіи, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, вызвалъ яростную злобу римской церкви. Декреты Карла противъ беггардовъ слѣдовали одинъ за другимъ, и самымъ ужаснымъ изъ нихъ былъ декретъ, изданный 10 іюня 1309 г. въ Луккѣ, дававшій инквизиторамъ особыя полномочія.

Уже папа Урбанъ V послалъ въ Германію двухъ инквизиторовъ, но вскорѣ они не могли справиться со своею работою, и слѣдующій папа, Григорій IV, послалъ имъ на помощь еще пять инквизиторовъ (1372). Повсюду пылали костры и еретики сжигались сотнями.

Наконецъ, папа Бонифацій IX издалъ въ 1394 г. эдиктъ, который, ссылаясь на указы императора Карла IV, объединилъ всѣ прежнія постановленія папъ объ искорененіи еретиковъ. Онъ опирался на докладъ нѣмецкихъ инквизиторовъ о нѣмецкихъ еретикахъ, которые носятъ въ народѣ названія беггардовъ, лоллардовъ и швестріоновъ, а сами себя называютъ «бѣдными» и «братьями». Онъ жаловался въ этомъ эдиктѣ на то, что эта ересь существуетъ уже болѣе ста лѣтъ, но все еще не удалось справиться съ нею, несмотря на то, что для нея не скупились на костры. Необходимо теперь же покончить съ ересью.

Въ 1395 г. инквизиторъ Петръ Пилихдорфъ съ торжествомъ объявляетъ, что съ ересью удалось справиться [1]). Но уже въ 1399 г. Бонифацій

---

[1]) *Л. Келлеръ*, Die Reformation, стр. 240.

снова видѣлъ себя вынужденнымъ увеличить число инквизиторовъ еще на шесть человѣкъ.

Секта постоянно находила себѣ новую пищу въ условіяхъ окружающей ее жизни, которыя неизмѣнно приводили въ ея ряды новыхъ послѣдователей. Но все-же кровавыя преслѣдованія низвели ее на степень лишенной всякаго значенія группы.

Открытая, самостоятельная секта беггардовъ совершенно исчезла. Мы видѣли, что уже первое гоненіе въ 13 вѣкѣ сблизило большую часть умѣреннаго крыла беггардовъ съ нищенствующими монашескими орденами. Теперь этотъ процессъ получилъ свое завершеніе. Самостоятельные дома беггардовъ совершенно прекратили свое существованіе. Они преобразовались въ монастыри, которые частью перешли въ собственность нищенствующихъ монаховъ—главнымъ образомъ, францисканцевъ, частью-же сохранили свое старое названіе, но стали фактически на почву монашества. Наконецъ, въ 1453 г. папа Николай V оффиціально принялъ эти общежитія въ лоно церкви и далъ имъ права терціаріевъ.

Тайныхъ общинъ нельзя было ни совершенно уничтожить, ни подчинить. Но весь ихъ героизмъ и все ихъ самопожертвованіе привели только къ тому, что въ теченіе цѣлаго столѣтія изъ ихъ среды выходилъ цѣлый рядъ мучениковъ.

Какъ всѣ другіе виды еретической оппозиціи, коммунистическая оппозиція—пожалуй, еще больше другихъ, ибо она была слабѣе—могла поднять снова голову въ Германіи лишь послѣ того, какъ тамъ возникъ новый крупный конфликтъ свѣтской власти съ папствомъ, когда значительная часть нѣмецкихъ князей сдѣлалась настолько сильной, чтобы одновременно вести борьбу и съ церковью и съ императоромъ.

Со смерти Людовика IV и вплоть до великой нѣмецкой реформаціи ересь находила въ Европѣ только два убѣжища: сначала въ Англіи, а затѣмъ, какъ это ни странно, въ Богеміи, т. е. странѣ, властитель которой былъ иниціаторомъ католической реакціи въ Германіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Лолларды въ Англіи.

I. Виклефово движеніе.

Наряду съ нѣмецкой имперіей глаза жадныхъ авиньонскихъ папъ были направлены преимущественно на Англію.

Было время, когда ни одна страна не была такъ предана святому

престолу, и не позволяла такъ безропотно эксплуатировать себя, какъ Англія. Въ началѣ XIII вѣка англійское королевство впало въ полную зависимость отъ папства. Іоаннъ Безземельный долженъ былъ въ 1213 г. принять какъ ленъ св. Петра даже свою корону, обязавшись уплачивать папѣ за этотъ ленъ по тысячѣ фунтовъ серебра ежегодно. Съ тѣхъ поръ эксплоатація Англіи принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Еще въ царствованіе Эдуарда III (въ XIV вѣкѣ) парламентъ жалуется, что подати, уплачиваемыя ежегодно папѣ, въ пять разъ превышаютъ подати, уплачиваемыя королю [1]).

Но въ то время государственная центральная власть Англіи, какъ и другихъ странъ, сдѣлалась уже настолько могущественной, что не только могла вести успѣшную борьбу съ папствомъ, но и серьезно подумывала о завоеваніи церковной организаціи господства и эксплоатаціи и объ использованіи ея для своихъ собственныхъ цѣлей.

Мы говоримъ «центральная государственная власть», а не монархія, ибо, наряду съ королевской властью, во всѣхъ феодальныхъ государствахъ существовали тогда сословные представители, государственные чины, болѣе или менѣе ограничивавшіе власть короля. Взаимоотношенія между этими двумя властями сильно мѣнялись въ зависимости отъ условій мѣста и времени. Мы встрѣчаемъ государственныхъ чиновъ, представлявшихъ изъ себя автоматъ для утвержденія воли короля, и королей, являвшихся безвольными орудіями государственныхъ чиновъ. Но каковы бы ни были взаимоотношенія обѣихъ частей центральной власти, она всюду становилась сильнѣе отдѣльныхъ составныхъ частей государства; исключеніе составляла только Германія.

Въ XIV вѣкѣ король и парламентъ въ Англіи сдѣлались достаточно сильными, чтобы оказать сопротивленіе папскимъ притязаніямъ. А послѣднія принимали тогда все болѣе и болѣе наглый характеръ. Конфликтъ между церковью и государствомъ сталъ неизбѣжнымъ.

Антагонизмъ между этими двумя властями обострился еще больше благодаря продолжавшейся болѣе ста лѣтъ войнѣ между Франціей и Англіей (1339—1456).

Предлогомъ къ этой войнѣ послужилъ вопросъ о престолонаслѣдіи, но причины ея лежали глубже и сдѣлали ее національной, т. е., войной, защищавшей весьма существенные интересы господствующихъ классовъ воюющихъ націй.

Въ теченіе XIII и XIV вѣковъ мы замѣчаемъ во всѣхъ странахъ, гдѣ господствовало христіанско-германское дворянство, ростъ его грабительскихъ наклонностей. Съ расцвѣтомъ товарнаго производства и товарнаго

[1]) *В. Канингемъ*, The growth of English Industry and Commerce, Кембриджъ, 1890, I, стр. 253.

обмѣна росли также потребности дворянства. натуральное хозяйство котораго, какъ и натуральное хозяйство крестьянъ, все менѣе могло удовлетворять эти потребности. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше дворянство видѣло себя вынужденнымъ воспользоваться своими спеціальными знаніями для поправленія разстроенныхъ финансовъ. Но эти спеціальныя знанія заключались исключительно только въ умѣніи драться, и дворянство могло примѣнять это умѣніе съ выгодою для себя, осуществляя—на свой собственный страхъ и рискъ или въ качествѣ наемниковъ—право сильнаго, т. е., грабежъ.

Въ Германіи, гдѣ не существовало сильной центральной власти, которая дала бы исходъ грабительскимъ наклонностямъ дворянства во внѣшней войнѣ, прекращеніе крестовыхъ и римскихъ походовъ, также представлявшихъ собою въ сущности лишь хищническія экспедиціи, повело къ тому, что рыцари обратились противъ горожанъ и крестьянъ своей собственной страны, а когда этого было недостаточно, то стремились пожрать другъ друга, какъ голодные волки. Между рыцарствомъ и горожанами разгорѣлась самая ожесточенная вражда.

Иначе обстояло дѣло въ Англіи. Центральная власть была тамъ достаточно сильна, чтобы осмѣлиться на войну съ французскимъ сосѣдомъ. Но, въ противоположность Франціи, интересы англійскихъ горожанъ совпадали съ интересами дворянства. Оба сословія имѣли въ Англіи тогда—да и потомъ—гораздо болѣе общихъ интересовъ, чѣмъ въ Германіи.

Однимъ изъ этихъ общихъ интересовъ была торговля съ Нидерландами. Пышно расцвѣтшая шерстяная промышленность этой страны получала сырой матеріалъ, какъ мы уже знаемъ, преимущественно изъ Англіи. Въ преуспѣяніи этой промышленности были заинтересованы англійскіе землевладѣльцы, поскольку они занимались овцеводствомъ, купцы, черезъ посредство которыхъ велась эта торговля, и король, получавшій лучшіе свои доходы отъ вывозной пошлины на шерсть [1]).

Но процвѣтанію нидерландскихъ городовъ угрожала Франція. Ихъ богатство манило къ себѣ какъ королей, такъ и рыцарство этой страны. Въ XIII вѣкѣ французское рыцарство подъ предлогомъ борьбы за вѣру

[1]) Уже въ 1279 г. бароны заявили въ петиціи королю Эдуарду I, что шерсть доставляетъ имъ половину годового дохода, получаемаго ими отъ своихъ земель. Самая древняя статистика англійскаго вывоза датируетъ отъ 1354 г. Цѣнность всѣхъ вывезенныхъ товаровъ равнялась тогда 213.338 фунтовъ, причемъ цѣнность вывезенной шерсти равнялась 192.062 фунтовъ. Вывозная пошлина дала 81.896 фунтовъ. Почти вся эта пошлина получилась исключительно отъ шерсти. Другіе вывезенные продукты дали только 229 фунтовъ. (*Г. Крэкъ*, The History of British Commerce, Лондонъ, 1844 I, стр. 144, 148).

набросилось на богатый Лангедокъ; въ XIV вѣкѣ оно искало добычи въ Фландріи. Угрожаемые города нашли себѣ могущественнаго союзника не въ нѣмецкой имперіи, а въ Англіи.

Но это была не единственная причина антагонизма между Франціей и Англіей. Англійское рыцарство, проявляло грабительскія наклонности не менѣе, чѣмъ французское. Послѣднее зарилось на нидерландскія богатства, а первое—на богатства Франціи, которая экономически далеко опередила Англію. Въ то время болѣе варварскія страны постоянно стремились поживиться богатствами экономически болѣе развитой, болѣе богатой страны. Въ одно и то же время французы грабили голландцевъ, англичане—французовъ, а шотландцы—англичанъ. И какъ нидерландцы заключили союзъ съ англичанами, такъ и французы заключили союзъ съ шотландцами. Но англичане большей частью одерживали побѣду въ этихъ войнахъ, а вмѣстѣ съ побѣдой имъ доставалась несмѣтная добыча.

Англійскій лѣтописецъ разсказываетъ, что послѣ битвы при Креси завоеванныя сѣверо-французскія провинціи были такъ опустошены, что награбленныя богатства совершенно измѣнили образъ жизни и нравы англичанъ.

Рыцарство много пріобрѣло, но оно всегда было болѣе искусно въ грабежѣ, чѣмъ въ сохраненіи награбленнаго. Горожане всегда умѣли вытащить у него награбленныя богатства, и послѣднія оплодотворяли промышленность и торговлю.

Бремя войны падало преимущественно на крестьянство. Но даже послѣднему война приносила нѣкоторыя выгоды. Крестьяне, какъ и землевладѣльцы, были заинтересованы въ томъ, чтобы торговля шерстью съ Нидерландами не встрѣчала препятствій на своемъ пути. Крестьянскимъ сыновьямъ, не находившимъ занятій у себя дома—а такихъ было не мало среди многосемейныхъ крестьянъ—война давала наемную плату и богатую добычу. Но самое важное благодѣяніе, которое приносила съ собою война, заключалось въ томъ, что она препятствовала рыцарству насильничать въ своей собственной странѣ, какъ это дѣлало нѣмецкое рыцарство, и еще болѣе—французское, послѣ понесенныхъ имъ пораженій въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ.

Неудивительно поэтому, что война съ Франціей сдѣлалась для Англіи національнымъ дѣломъ, въ которомъ была живѣйшимъ образомъ заинтересована вся нація.

Теперь становится понятнымъ, почему именно въ Англіи въ XIV вѣкѣ долженъ былъ рѣзко проявиться антагонизмъ къ папству: вѣдь папа былъ орудіемъ или союзникомъ врага націи; защищать папу—значило измѣнять отечеству, а бороться противъ него—совершать въ высшей степени патріотическое дѣло.

Это настроеніе не только приводило къ урѣзыванію парламентомъ денеж-

ныхъ суммъ, которыя Англія обязана была уплачивать папѣ,—въ 1366 г. была, между прочимъ, отмѣнена ленная дань въ 1000 фунтовъ, уплачивавшаяся со времени короля Іоанна,—но и служило благопріятной почвой для мысли о полномъ сверженіи папскаго верховенства. Ересь, разбитая во Франціи и Италіи, подвергавшаяся жестокимъ преслѣдованіямъ въ Германіи со времени восшествія на престолъ Карла IV, жила припѣваючи во второй половинѣ XIV вѣка по ту сторону канала.

Въ Англіи впервые оппозиція противъ папства сдѣлалась національнымъ дѣломъ могущественнаго государства, дѣломъ, въ которомъ принимали участіе горожане и крестьяне, королевская власть и высшее и низшее дворянство, какъ и большая часть духовенства. И, такимъ образомъ, Англія была тѣмъ государствомъ, въ которомъ впервые идеи реформаціи нашли выпуклое, можно сказать, научное выраженіе.

Самымъ выдающимся духовнымъ представителемъ этого враждебнаго папству направленія былъ Джонъ Виклефъ, ученый, бывшій сначала священникомъ, а потомъ профессоромъ оксфордскаго университета. Какъ ни рѣзко и рѣшительно выступалъ Виклефъ, онъ все же остерегался преступать границы, поставленныя интересами господствующихъ классовъ. Опираясь на первоначальное христіанство, онъ возвеличивалъ бѣдность Христа и противопоставлялъ ей богатство, блескъ и гордыню его преемниковъ, отъ которыхъ онъ требовалъ такой же бѣдности и раздачи имущества, какую Христосъ требовалъ отъ богатаго ученика. Но подъ этими преемниками Христа онъ подразумѣвалъ не совокупность всѣхъ христіанъ, а только членовъ духовнаго сословія. Только экспопріація этого сословія казалась ему необходимой, и его ученіе въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовало интересамъ крупныхъ землевладѣльцевъ и короля, въ руки которыхъ попали бы церковныя имущества при «дѣлежѣ». Виклефовская ересь сводилась просто-на-просто къ тому, чтобы вырвать орудія господства и эксплоатаціи, бывшія въ распоряженіи церкви, изъ рукъ враждебнаго странѣ папы, и передать ихъ въ руки короля и аристократіи своей собственной страны.

Поэтому Виклефъ нашелъ себѣ защиту самыхъ высшихъ представителей именитаго дворянства и, между прочимъ, его покровителями были два самыхъ выдающихся человѣка Англіи: Іоаннъ, герцогъ Ланкастерскій, и Перси, графъ Нортумберландскій. Іоаннъ Ланкастерскій былъ младшимъ сыномъ короля Эдуарда III и дядей его внука и наслѣдника, Ричарда II. Послѣднему было только 11 лѣтъ при восшествіи на престолъ (1377); онъ находился подъ очень сильнымъ вліяніемъ своего могущественнаго дяди.

II. Лолларды.

Еретическое движенiе не ограничилось высшими классами. Борьба противъ папства вызвала наружу всѣ соцiальныя противорѣчiя. Въ нацiональной борьбѣ противъ общаго врага—французскаго папы—различные классы отстаивали, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои особенные интересы, которые раньше или позже должны были столкнуться между собою. Католическiе писатели съ удовольствiемъ отмѣчаютъ, что въ каждомъ реформацiонномъ движенiи раньше или позже между церковными реформаторами возникаютъ внутреннiе расколы и ожесточенная борьба. Этотъ фактъ, какъ имъ кажется, доказываетъ, что реформацiя есть дѣло дьявола. Мы также полагаемъ, что Святой Духъ мало повиненъ въ этомъ.

При такихъ условiяхъ беггардская, или, какъ обыкновенно говорили англичане, *раннелоллардская* ересь процвѣтала.

Мы видѣли, какъ расцвѣтъ нидерландской шерстяной промышленности вызвалъ въ городахъ различныхъ странъ Европы стремленiе развить у себя эту промышленность, и какъ это стремленiе привело къ привлеченiю фламандскихъ ткачей въ самыя отдаленныя страны.

Скорѣе всего можно было пересадить фламандскую промышленность въ страну, которая, находясь въ сосѣдствѣ съ Нидерландами, поддерживала съ ними самыя оживленныя торговыя сношенiя и доставляла имъ тѣ тонкiе сорта сырого матерiала, на обработкѣ которыхъ главнымъ образомъ покоилось превосходство фландрскихъ и брабанскихъ ткачей.

Уже при Генрихѣ III дѣлаются попытки развить шерстяную промышленность путемъ государственнаго покровительства. Въ 1201 г. былъ изданъ законъ, запрещавшiй вывозить шерсть и носить сукно, выдѣланное за границей. Но это запрещенiе пришлось скоро отмѣнить, также какъ и его повторенiе въ 1271 г. Ибо въ свободномъ вывозѣ шерсти были заинтересованы, какъ мы уже видѣли, самыя крупныя соцiальныя силы Англiи,—землевладѣльцы и купцы. Король Эдуардъ III усвоилъ иную политику. Указомъ отъ 1331 г. онъ пригласилъ фландрскихъ ткачей, красильщиковъ и валяльщиковъ переселиться въ Англiю. Многiе послѣдовали его приглашенiю. Вскорѣ прибыли еще другiе текстильные рабочiе—изъ Брабанта и Зеландiи [1]).

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XIV вѣка мы находимъ въ Англiи очень развитую шерстяную промышленность, особенно въ графствѣ *Норфолькъ* и его главномъ городѣ *Норвичъ*. Замѣчательно, что этотъ городъ былъ главнымъ центромъ лоллардской ереси.

[1]) *I. Крэкъ*, The History of British Commerce, I, стр. 128, 148.

Фламандская ересь беггардовъ перешла, повидимому, въ Англію вмѣстѣ съ фламандскими ткачами. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что эмиграціей соблазнялись какъ разъ самые бѣдные ткачи, т. е. элементы, доставлявшіе въ Нидерландахъ наибольшее количество беггардовъ.

Фуллеръ описываетъ очень наглядно въ своей церковной исторіи тѣ хитрости, которыя примѣнялись для того, чтобы приманить нидерландскихъ ткачей въ Англію: «Нашъ король послалъ въ эту страну невозбуждающихъ подозрѣнія эмиссаровъ, и они вкрадывались въ довѣріе тѣхъ фламандцевъ, которые вполнѣ владѣли своимъ ремесломъ, но не владѣли собою, а были наемными рабочими или учениками. Они сѣтовали о рабской долѣ этихъ бѣдныхъ рабочихъ, съ которыми хозяева обращаются скорѣе по-язычески, чѣмъ по-христіански, и даже можно сказать—скорѣе какъ съ лошадьми, чѣмъ какъ съ людьми. Имъ приходится рано вставать и поздно ложиться, цѣлый день проводить за тяжкимъ трудомъ, получая притомъ скудную пищу — пару селедокъ и черствый кусокъ сыра — и все для того, чтобы обогащать этихъ молодцовъ (churls), своихъ хозяевъ, безъ малѣйшей пользы для себя. Какъ счастливо они бы зажили, если бы переселились въ Англію и принесли бы съ собою свое ремесло, (mystery), которое обезпечило бы имъ всюду сердечный пріемъ. Тамъ они могли бы ѣсть сколько угодно говядины и баранины. Счастливъ будетъ землевладѣлецъ, (yeomen), въ домѣ котораго поселится одинъ изъ этихъ нидерландцевъ; вѣдь онъ принесъ бы съ собою трудолюбіе и богатство. Онъ вступилъ бы въ домъ какъ чужой, чтобы оставить его какъ женихъ или зять», и т.д. [1]).

Что посланцы короля имѣли успѣхъ у фламандскихъ пролетаріевъ—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но такъ же мало приходится удивляться тому, что эти пролетаріи, потерпѣвшіе, конечно, жестокое разочарованіе въ своихъ ожиданіяхъ, еще сильнѣе прилѣпились къ беггардскимъ идеаламъ, которые они восприняли на своей родинѣ. Возможно, что они то и вызвали къ жизни коммунистическую агитацію въ Англіи; во всякомъ случаѣ, они образовали самую твердую ея опору. Норфолькъ, центръ шерстяной индустріи, сдѣлался также центромъ коллардскаго ученія. Это графство, по словамъ Риджерса, дало, повидимому, больше мучениковъ за коллардскія ученія, чѣмъ вся остальная Англія [2]).

Оттуда агитаторы коллардовъ, носившіе названіе «бѣдныхъ братьевъ» или бѣдныхъ «священниковъ», отправлялись странствовать по всей странѣ

---

[1]) *Фуллеръ*, Church History, III, стр. 9, цитировано у Каннингема, The growth of english Industry, I, стр. 2*4.

[2]) *Торольдъ Роджерсъ*, Six centuries of Work and Wages, Лондонъ 1886, стр. 130, 166.

и проповѣдывали повсюду евангеліе свободы, братства и равенства первоначальнаго христіанства. Ихъ агитація очень облегчалась, благодаря удобствамъ путешествія по Англіи въ тогдашнее время. Повсюду еще господствовало гостепріимство, и особенно въ многочисленныхъ монастыряхъ. Странникъ могъ быть увѣренъ, что онъ получитъ пріютъ и пищу, а дороги были тогда очень безопасны [1]).

Девизомъ лоллардовъ сдѣлалось, до нѣкоторой степени, народное изреченіе:

«Als Adam pflügt'und Eva spann,
Wo war wohl da der Edelmann?»

(Когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, кто тогда былъ дворяниномъ?).

Самымъ виднымъ ихъ представителемъ былъ *Джонъ Белль*, принадлежавшій, по всей вѣроятности, къ францисканцамъ болѣе строгаго направленія, которые, какъ мы уже видѣли, были часто друзьями и союзниками беггардовъ. Они, повидимому, образовали очень значительный элементъ лоллардскаго движенія. *Ульсингемъ*, монахъ изъ св. Альбана, жившій въ XIV вѣкѣ и оставившій намъ исторію своего времени, очень ожесточенъ противъ нищенствующихъ монаховъ, которые одновременно возмущаютъ народъ и льстятъ господствующимъ классамъ, дабы эксплоатировать какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Онъ изслѣдовалъ вѣроятныя причины соціальныхъ смутъ и пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Мнѣ кажется, что дурныя времена слѣдуетъ приписать грѣхамъ всѣхъ обитателей этой страны, не исключая и *нищенствующихъ орденовъ*. Послѣдніе забыли свои обѣты и не остались вѣрны тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ они были основаны. Ибо ихъ основатели, люди великой святости, хотѣли, чтобы они были бѣдными и свободными отъ всѣхъ мірскихъ имуществъ, дабы они могли всегда говорить правду, не боясь за свои владѣнія. Но они полны зависти къ имущимъ и одобряютъ всѣ преступленія господствующихъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, потворствуютъ заблужденіямъ простонародья, и восхваляютъ грѣхи какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Они, которые отказались отъ богатства и дали обѣтъ вѣчной бѣдности, объявляютъ доброе злымъ и злое добрымъ для того, чтобы

---

[1]) Только послѣ реформаціи XVI вѣка и послѣдовавшихъ за нею экономическихъ измѣненій, послѣ упраздненія монастырей, изгнанія крестьянъ съ принадлежавшихъ имъ земель, созданія огромныхъ массъ пролетаріата, изъ рядовъ котораго выходили безчисленные бродяги и разбойники, путешествіе по странѣ сдѣлалось труднымъ, дорого стоющимъ и опаснымъ предпріятіемъ, какимъ оно и оставалось до XVIII вѣка. (Срав. *Торольдъ Роджерсъ*, A History of Agriculture and Prices in England, Оксфордъ, 1866, I, 95 и сл.).

пріобрѣсти имѣнія и накопить богатства, обольщаютъ князей лестью, а простой народъ—ложью и ведутъ тѣхъ и другихъ на ложные пути» [1]).

Такъ какъ нѣсколько трудно льстить одновременно и князьямъ и народу, то мы имѣемъ право предположить, что Уольсингемъ имѣетъ здѣсь въ виду оба направленія нищенствующихъ орденовъ,—любостяжательное, льстящее знати и враждебное собственности, «бунтующее» народъ.

Фактически, нищенствующіе монахи, въ особенности францисканцы, были очень любимы эксплоатируемыми классами. При возмущеніи 1381 г., о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, были разрушены нѣкоторые дворцы, но монастыри нищенствующихъ монаховъ были пощажены. Одинъ изъ предводителей возставшихъ, Джекъ Стро, объявилъ, что изъ духовныхъ лицъ одни только нищенствующіе монахи должны быть пощажены [2]).

Изъ рядовъ этихъ монаховъ вышелъ, повидимому, Джонъ Белль Фруассаръ. Современникъ Белля называетъ его «сумасшедшимъ священникомъ изъ Кента» [3]). Но проповѣдывалъ онъ преимущественно въ Эссексѣ и Норфолькѣ. Онъ началъ свою агитацію около 1356 г. и вскорѣ привлекъ вниманіе церковныхъ и свѣтскихъ властей. Архіепископъ кентерберійскій и норвичскій епископъ предали его отлученію. Эдуардъ III велѣлъ его арестовать (вѣроятно въ 1366 г.). По освобожденіи изъ заключенія онъ началъ снова произносить свои проповѣди. Такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ отлученъ, онъ не могъ больше пользоваться церквами, то онъ произносилъ свои проповѣди на площадяхъ и кладбищахъ. Фруассаръ сообщилъ намъ (въ выше приведенномъ сочиненіи) одну изъ его проповѣдей, за подлинность который мы, конечно, не можемъ ручаться. Она гласитъ: «Любезные братья, въ Англіи не будетъ никакого улучшенія, пока всѣ богатства не сдѣлаются общей собственностью, не будетъ ни крѣпостныхъ, ни дворянъ, пока всѣ мы не сдѣлаемся равными и дворяне не будутъ пользоваться большимъ значеніемъ, чѣмъ мы—всѣ прочіе люди. Какъ обращались дворяне съ нами? Почему они насъ держатъ въ рабствѣ? Мы всѣ ведемъ свое происхожденіе отъ однихъ и тѣмъ же предковъ, отъ Адама и Евы. Чѣмъ могутъ дворяне доказать, что они лучше насъ? Можетъ быть, тѣмъ, что мы трудимся и производимъ то, что они потребляютъ? Они одѣваютъ бархатъ, шелкъ и мѣха, — нашей одеждой служитъ грубое

[1]) *Томасъ Уольсингемъ*, Historia Anglicana, изд. Райлея, Лондонъ, 1863, II, стр. 13.

[2]) Ср. *Лехлеръ*, J. Wiclif und die Vorgeschichte der Reformation. (Мы пользовались англійскимъ переводомъ П. Лоримера, Лондонъ, 1878), II, стр. 228, и *Уольсингемъ*, выше цит. соч., II, стр. 9.

[3]) Histoire et chronique mémorable de messir Jehann Froissart, Парижъ, 1578 (Изданіе Deni Sabagwa de Фонмейля), II, стр. 122.

полотно. У нихъ есть вина, пряности и пирожныя, мы же ѣдимъ только отруби и пьемъ лишь воду. Имъ достались въ удѣлъ богатство и великолѣпные дворцы, а намъ—трудъ и работа, дождь и вѣтеръ въ полѣ, а между тѣмъ вѣдь только нашъ трудъ является источникомъ ихъ роскоши. Насъ называютъ холопами и бьютъ, если мы не спѣшимъ исполнять безъ всякаго замедленія всѣ ихъ требованія, и у насъ нѣтъ короля, который согласился бы насъ выслушать или помочь намъ отстаивать свое право. Но нашъ король молодъ; пойдемъ къ нему, разскажемъ ему о нашей рабской долѣ и покажемъ ему, что она должна быть измѣнена, иначе мы сами найдемъ средство, какъ избавиться отъ нея. Если мы соединимся и всѣ вмѣстѣ пойдемъ къ нему, то за нами послѣдуютъ всѣ тѣ, которыхъ называютъ холопами и держатъ въ рабствѣ, но которые хотятъ добиться своего освобожденія. Когда король насъ увидитъ, онъ добровольно удовлетворитъ часть нашихъ требованій, или мы поможемъ себѣ инымъ путемъ». «Такъ говорилъ Белль,— прибавляетъ царедворецъ Фруассаръ.—Архіепископъ велѣлъ заключить его на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму. Было бы лучше, если бы онъ велѣлъ умертвить его».

Но и это испытанное средство помогло бы мало, ибо Белль былъ лишь одинъ изъ многихъ агитаторовъ, дѣйствовавшихъ въ одинаковомъ направленіи, но имена которыхъ до насъ не дошли.

Могущественный толчекъ лоллардскому движенію сообщило выступленіе Виклефа (около 1360 г.). Виклефъ былъ менѣе всего коммунистомъ. Онъ опирался преимущественно на высшее дворянство, относившееся враждебно къ низшимъ народнымъ классамъ. Но война, которую онъ объявилъ противъ высшей изъ существовавшихъ тогда властей, не могла не вызвать возбужденія во всей народной массѣ, и не сдѣлать благодаря этому доступной проповѣдь новыхъ идей. Кромѣ того, въ продолженіе нѣкотораго времени высшіе классы смотрѣли на участіе низшихъ классовъ въ борьбѣ противъ Рима не безъ удовольствія.

Но вскорѣ новый союзникъ оказался не только неудобнымъ, но и въ высшей степени опаснымъ, ибо движеніе лоллардовъ получило громадную силу благодаря тому, что оно слилось съ возстаніемъ самаго воинственнаго и сильнаго изъ трудящихся классовъ того времени, — крестьянства; нѣчто подобное мы уже видѣли въ исторіи Дольчино и еще встрѣтимъ въ исторіи гусситовъ и великихъ крестьянскихъ войнъ.

III. Крестьянская война 1381 г.

Уже при описаніи возстанія Дольчино (стр. 183 и сл.) мы указывали, что съ XIII по XV вѣкъ положеніе крестьянъ, въ общемъ и цѣ-

ломъ, непрерывно улучшалось. Во *Франціи* же, благодаря войнѣ, эта тенденція превратилась въ свою противоположность. Несчастные французскіе крестьяне стали жертвой грабежей англійскихъ разбойничьихъ шаекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, военныя пораженія заставляли французское дворянство жить исключительно эксплоатаціей своихъ собственныхъ крестьянъ и болѣе слабыхъ городовъ. Нищета крестьянъ достигла ужасающихъ размѣровъ и привела, наконецъ, въ Иль-де-Франсѣ, провинціи прилегавшей къ Парижу и простиравшейся на сѣверо-востокѣ до бельгійской границы, къ взрыву отчаянія, къ такъ называемой *жакеріи* [1]), (въ маѣ 1358 г.). Передъ этимъ возмущеніемъ изголодавшихся крестьянъ внезапно исчезъ національный антагонизмъ между англичанами и французами, подобно тому какъ 200 лѣтъ спустя нѣмецкая крестьянская война прекратила на время религіозный антагонизмъ между католиками и лютеранами. Объединенными силами рыцарству обѣихъ націй легко было потопить возстаніе въ потокахъ крови. Рѣшительная битва произошла въ городѣ Мо, принадлежавшемъ тогда англичанамъ. Жители его впустили толпу крестьянъ численностью въ 9000 человѣкъ. *Шестьдесятъ* (!) рыцарей поспѣшили туда, бросились на безоружныхъ крестьянъ и перерѣзали ихъ какъ овецъ. Они убивали пока имъ не надоѣло (et en occirent tant qu'ils en estoient tous ennyez). Было убито *болѣе семи тысячъ человѣкъ.* Затѣмъ они подожгли городъ Мо и сожгли его со всѣми его жителями за то, что они держали сторону «жаковъ». Съ тѣхъ поръ возстаніе было подавлено; взбунтовавшихся крестьянъ повсюду безжалостно избивали.

Объ этомъ съ удовольствіемъ разсказываетъ намъ *Фруассаръ*, едва успѣвъ выразить свое безмѣрное негодованіе противъ крестьянъ за то, что они обошлись не особенно милостиво съ нѣкоторыми дворянами [2]).

Окончилось это возстаніе еще большимъ порабощеніемъ французскихъ крестьянъ.

Въ такомъ же родѣ изображаютъ обыкновенно возмущеніе англійскихъ крестьянъ, происшедшее спустя два вѣка. Мы считаемъ, однако, вполнѣ доказаннымъ [3]) что англійская крестьянская война носила совершенно иной характеръ.

Въ Англіи общая тенденція того времени къ улучшенію положенія крестьянъ не была обращена въ свою противоположность, а, наоборотъ, скорѣе усилена. Крѣпостная зависимость начинала исчезать, личныя повинности крѣпостныхъ замѣнялись денежными оброками. Вмѣстѣ съ этимъ крупные землевладѣльцы были поставлены въ необходимость замѣнить трудъ крѣ-

---

[1]) Отъ Jacques, Яковъ—прозвища французскихъ крестьянъ.

[2]) *Фруассаръ*, цит. соч., I, стр. 190 и сл.

[3]) *Торольдомъ Роджерсомъ* въ упомянутыхъ уже выше сочиненіяхъ.

постныхъ трудомъ *наемныхъ рабочихъ*. Но въ XIV вѣкѣ еще нельзя было говорить о многочисленномъ сельскомъ пролетаріатѣ. «Наемные рабочіе въ сельскомъ хозяйствѣ состояли частью изъ крестьянъ, нанимавшихся въ свободное отъ своихъ полевыхъ работъ время у крупныхъ землевладѣльцевъ, частью же изъ самостоятельнаго, относительно и абсолютно малочисленнаго класса—собственно наемныхъ рабочихъ. Фактически послѣдніе также вели самостоятельное хозяйство, такъ какъ они получали кромѣ наемной платы еще около четырехъ или пяти акровъ пахатной земли и коттеджъ. Кромѣ того, какъ и крестьяне, они имѣли право пользоваться общинной землей, на которой пасся ихъ скотъ, и которая доставляла имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, топливо, дрова, торфъ и т. д. [1]). Это положеніе вещей имѣло для землевладѣльца (или для арендаторовъ его земли) то непріятное послѣдствіе, что онъ долженъ былъ давать очень высокую заработную плату, а это не мало уменьшало его земельную ренту, отчего разорилась большая часть мелкаго дворянства.

Положеніе землевладѣльцевъ еще больше ухудшилось послѣ обрушившейся въ 1348 г. на всю Европу жестокой чумы. Она свирѣпствовала съ нѣсколькими перерывами въ теченіе двухъ десятилѣтій и унесла, повидимому, не менѣе 25 милліоновъ жизней. Въ Франціи эта чума увеличила нищету земледѣльческаго населенія, въ Англіи она содѣйствовала улучшенію его положенія.

Правда, чума имѣла «благодѣтельное» свойство, присущее эпидеміямъ и въ наше время: она свирѣпствовала преимущественно среди бѣдныхъ классовъ и щадила богатыхъ [2]), но цивилизація, къ сожалѣнію, въ то время еще не настолько ушла впередъ по пути прогресса, чтобы по улицамъ слонялись безъ работы безчисленныя массы рабочихъ. Если эпидеміи и щадили жизнь богатыхъ, то онѣ все же задѣвали ихъ жизненный нервъ, ихъ кошельки. Послѣ чумы заработная плата колоссально поднялась и это привело къ положенію вещей, невыносимому для землевладѣльцевъ. Уже

---

[1]) *Карлъ Марксъ*, Капиталъ, I и 2-е (нѣм.) изд., стр. 745 и сл.

[2]) „Лѣтописи сообщаютъ, что въ Англіи повальная болѣзнь поражала преимущественно бѣдныхъ, а высшіе классы меньше пострадали отъ нея“ (*Торольдъ Роджерсъ*; History of Agriculture, etc., I, стр. 295). „Почти невѣроятными кажутся сообщенія объ опустошеніяхъ, причиненныхъ этой чумой. Въ Венеціи, напримѣръ, отъ нея погибло около 100.000, въ Лондонѣ—около 90.000, въ Страссбургѣ—около 16.000 чел. Въ Вѣнѣ насчитали за одинъ день свыше 900 смертей. Во многихъ мѣстностяхъ эпидеміей было унесено девять десятыхъ населенія. *Эта горькая участь постигла, однако, лишь бѣдные классы населенія*, и намъ, напримѣръ, не извѣстно хотя-бы одной владѣтельной особы, которая умерла бы отъ чумы (*Фр. Палацкій*, Geschichte von Böhmen, II, 2, стр. 303).

въ 1649 г. появился, поэтому, указъ короля Эдуарда III, въ которомъ каждому сельскохозяйственному рабочему (labaurer) или слугѣ (servant) вмѣняется въ обязанность работать, когда ему предлагаютъ работу, и притомъ работать за опредѣленную плату и въ продолженіе опредѣленнаго времени года. Платившій и получившій болѣе высокую плату одинаково подлежали наказанію.

Этотъ законъ въ защиту землевладѣльца, введшій максимальную заработную плату и минимальный рабочій день, остался мертвой буквой, не вошелъ въ жизнь, какъ и послѣдовавшіе за нимъ однородные законы отъ 1350 и 1360 г.г., ибо онъ не былъ въ силахъ создать столько пролетаріевъ, сколько было необходимо, чтобы привести цѣну рабочей силы въ соотвѣтствіе съ потребностями землевладѣльцевъ.

Война съ Франціей, давшая многимъ рабочимъ возможность сдѣлаться наемными солдатами, не способствовала смягченію остроты рабочаго вопроса, отъ котораго страдали землевладѣльцы. Но, съ другой стороны, «нужда» землевладѣльцевъ являлась для нихъ побужденіемъ покрывать дефицитъ, образовавшійся въ кассѣ, хорошо оплачиваемой военной службой и постоянными грабежами во Франціи. Это тяжелое положеніе было несомнѣнно одной изъ главныхъ причинъ безконечнаго затягиванія войны съ Франціей; оно объясняетъ также, почему послѣ того, какъ знаменитому возстанію связанному съ именемъ Орлеанской Дѣвы, удалось, наконецъ, съ напряженіемъ всѣхъ силъ изгнать англичанъ изъ Франціи,—англійское дворянство стало само себя терзать безконечными убійствами и грабежами въ тридцатилѣтней междуусобной войнѣ бѣлой и алой розы.

Съ другой стороны, «тяжелое положеніе» землевладѣльцевъ должно было сдѣлать очень популярными среди нихъ идеи виклефовой реформаціи сводившіяся въ сущности къ требованію конфискаціи церковныхъ имуществъ въ пользу землевладѣльцевъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ они пытались также разрѣшить «рабочій вопросъ», съ которымъ они не смогли справиться законодательнымъ путемъ, и разрѣшить его путемъ открытаго насилія. Они приступили къ возстановленію прежнихъ крѣпостныхъ отношеній, къ замѣнѣ наемнаго труда крестьянъ принудительнымъ.

Ожесточеніе обѣихъ сторонъ непрерывно возрастало. Такое настроеніе среди крестьянъ создало благопріятную почву для проповѣдей лоллардскихъ агитаторовъ. Интересы крестьянъ были, правда, совсѣмъ другіе, чѣмъ интересы неимущихъ классовъ въ городахъ, но у нихъ были одни и тѣ же противники и одна и та же ближайшая цѣль: уничтоженіе правонарушеній богачей и держащихъ ихъ сторону государственныхъ людей. Что одни под-

разумѣвали подъ богатыми преимущественно землевладѣльцевъ, а другіе купцовъ,—это не мѣшало дѣлу.

Благодаря объединеннымъ дѣйствіямъ крестьянъ и низшихъ классовъ городовъ, моллардское движеніе несомнѣнно проиграло въ опредѣленности; оно перестало быть чисто коммунистическимъ движеніемъ и стало оппозиціонно-демократическимъ, скрывавшимъ въ себѣ совершенно различныя направленія. Но зато оно чрезвычайно выиграло въ силѣ.

Крестьяне начали организоваться съ цѣлью оказать сопротивленіе землевладѣльцамъ. Разсказываютъ, что они образовали общества и собирали деньги для защиты своихъ интересовъ. По мнѣнію *Т. Роджерса,* который немало сдѣлалъ для выясненія этого вопроса и которому мы во многомъ слѣдуемъ при нашемъ изложеніи, организаторами этого движенія были преимущественно «бѣдные священники» лоллардовъ, вносившіе въ него связь и единство.

Въ началѣ царствованія Ричарда II антагонизмъ между крестьянами и землевладѣльцами обострился до крайности. Въ послѣдніе годы царствованія Эдуарда III военное счастіе измѣнило англичанамъ. Въ 1374 г. они должны были согласиться на перемиріе, оставившее имъ во Франціи лишь нѣкоторые переправы: Кале, Бордо, Байонну. Когда Ричардъ вступилъ на престолъ, ему было лишь одиннадцать лѣтъ. При такомъ королѣ нельзя было вести большой войны. Съ другой стороны, Франція была слишкомъ истощена, чтобы использовать благопріятное положеніе. Перемиріе, правда, было нарушено, но дѣло ограничивалось лишь незначительными стычками. Англійскимъ дворянамъ пришлось теперь довольствоваться лишь однимъ источникомъ дохода, доходами съ своихъ имѣній, и теперь они могли употреблять всѣ свои силы на обдираніе крестьянъ.

Если насиліе господъ возросло, то, съ другой стороны прекращеніе войны, возвратившее къ плугу такъ много наемныхъ солдатъ и увеличившее число знающихъ военное дѣло крестьянъ, должно было также увеличить силу ихъ сопротивленія. Неудивительно поэтому, что вскорѣ дѣло дошло до кроваваго столкновенія между враждебными другъ другу классами.

Крестьяне были вынуждены возстать, ибо власти начали противодѣйствовать демократическоду движенію и самымъ суровымъ образомъ преслѣдовать лоллардскихъ агитаторовъ, въ томъ числѣ, конечно, и Джона Белля, который, по приказу архіепископа кентерберійскаго, былъ заключенъ въ майдстонскую тюрьму. Разсказываютъ, будто при арестѣ, онъ сказалъ, что вскорѣ 20.000 друзей освободятъ его. Пророчество сбылось.

Согласно обычному изображенію хода событій, поводомъ къ крестьянскому возстанію послужило чисто случайное обстоятельство: податной чиновникъ обезчестилъ-де дочь Уотта Тейлера (т. е. Вальтера, кирпичника

или кровельщика): послѣдній рѣшился отомстить: онъ убилъ чиновника и сталъ призывать народъ отвѣтить на насиліе насиліемъ.

Но фактически движеніе началось 10-го іюня 1381 г. одновременно въ различныхъ пунктахъ. Наибольшее значеніе возстаніе получило въ *Норфолькѣ*, центрѣ ткачества, и въ *Кентѣ*, гдѣ крѣпостная зависимость уже совершенно исчезла. Во главѣ кентскаго возстанія стоялъ Уоттъ Тейлеръ, сражавшійся въ рядахъ арміи противъ Франціи и обладавшій опытностью въ военномъ дѣлѣ, и священникъ *Джекъ Строу*. Повстанцы направились въ Лондонъ, освободили по дорогѣ Джона Белля и остановились лагеремъ на Темномъ Лугу (Blackheath) передъ Лондономъ. Они потребовали къ себѣ короля. Послѣдній прибылъ къ нимъ на кораблѣ по Темзѣ, но не рѣшился причалить и вернулся, ничего не сдѣлавъ. Тогда крестьяне ворвались въ Лондонъ (12-го іюня), ворота котораго открыли имъ товарищи, находившіеся въ городѣ. Низшіе классы столицы соединились съ повстанцами, и всѣ они, за невозможностью захватить своихъ притѣснителей, мстили разрушеніемъ дворцовъ Они сожгли также дворецъ наиболѣе ненавистнаго герцога ланкастерскаго. Но они не грабили «и, когда захватывали кого-нибудь на воровствѣ, то умерщвляли его, какъ люди, болѣе всего ненавидящіе воровъ» [1]).

Молодой король, которому недавно только исполнилось пятнадцать лѣтъ, бѣжалъ вмѣстѣ со своими совѣтниками, нѣкоторыми дворянами и епископомъ кентерберійскимъ въ Тоуэръ. Напрасно лордъ-мэръ Лондона совѣтовалъ ему напасть на бунтовщиковъ и увѣрялъ его, что лондонскіе граждане присоединятся къ его войскамъ. Графъ Сольсбери указывалъ на то, что все будетъ потеряно, если король потерпитъ пораженіе въ открытомъ сраженіи съ мятежниками, и это мнѣніе одержало верхъ, несмотря на то, что у короля было 8.000 хорошо вооруженныхъ людей. Страхъ передъ крестьянами парализовалъ энергію опытныхъ военныхъ людей. Бунтъ не былъ побѣжденъ въ сраженіи; король рѣшилъ начать переговоры. Это совсѣмъ иная картина, чѣмъ та, которую намъ представляетъ жакерія во Франціи!

Ричардъ имѣлъ всѣ причины быть уступчивымъ, ибо мятежники взяли приступомъ Тоуэръ (14-го іюня) и убили архіепископа—того самаго, который заключилъ въ тюрьму Джона Белля,—а также нѣкоторыхъ другихъ своихъ угнетателей, попавшихся имъ въ руки.

Король оставилъ Тоуэръ незадолго до того, какъ его взяли приступомъ, и отправился въ Майль-Эндъ, чтобы оттуда вести переговоры съ бунтовщиками. Они объявили, что навсегда хотятъ оставаться свободными крестьянами и требуютъ письменнаго признанія своей свободы. Далѣе они

---

[1]) *Уольсингэмъ*, Historia Anglicana, I, стр. 456.

требовали уничтоженія охотничьихъ и рыболовныхъ привиллегій дворянства и тому подобныхъ уступокъ. Король согласился удовлетворить всѣ требованія и объявилъ свою готовность приказать изготовить всѣ документы. Тридцать писцовъ занялись этимъ дѣломъ.

Крестьяне достигли того, чего они желали. Громадная ихъ часть возвратилась домой. Недостатокъ въ провіантѣ былъ, повидимому, отчасти виною въ томъ, что они разбѣжались. Они привезли съ собою очень ничтожный запасъ провіанта. Согласно Фруассару, уже на Зеленомъ Лугу, раньше чѣмъ овладѣть Лондономъ, четвертая часть крестьянъ должна была поститься изъ-за недостатка въ провіантѣ. Но большая толпа, подъ предводительствомъ Уоттъ Тейлера, Джека Строу и Джона Белля, осталась, чтобы смотрѣть за изготовленіемъ документовъ и, можетъ быть, добиться новыхъ уступокъ.

На слѣдующій день начались новые переговоры. Инсургенты встрѣтили короля съ рыцарями въ Смитсфильдѣ. Ричардъ пригласилъ Уоттъ Тейлера сойтись съ нимъ для переговоровъ на мѣстѣ, отстоящемъ одинаково отъ мѣсторасположенія обоихъ войскъ, и Уоттъ Тейлеръ на это согласился.

Во время ихъ бесѣды къ нимъ приблизился рыцарь, и, когда Уоттъ Тейлеръ запротестовалъ противъ этого, Ричардъ приказалъ арестовать его, Отрядъ солдатъ, подъ предводительствомъ уже знакомаго намъ лордъ-мэра Уольуордса, набросился на Тейлера и онъ палъ жертвой предательства, пронзенный многочисленными мечами. Ричардъ, несмотря на свою юность близко знакомый съ коварствомъ и притворствомъ, считавшимися тогда государственной мудростью, подъѣхалъ къ пораженнымъ инсургентамъ и сталъ обвинять Уотта Тейлера въ томъ, что онъ замышлялъ измѣну и хотѣлъ завладѣть его особой, а затѣмъ объявилъ, что онъ самъ, король, желаетъ быть ихъ предводителемъ. Этими рѣчами онъ удержалъ ихъ на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока появились вооруженные лондонскіе граждане. Но и теперь Ричардъ и слѣдовавшіе за нимъ люди не рѣшились на открытое сраженіе. Они удовольствовались тѣмъ, что отрѣзали инсургентовъ отъ Лондона и возстановили «порядокъ» въ этомъ городѣ. Крестьянамъ вручены были отпускныя грамоты, и они разсѣялись съ этими грамотами въ рукахъ [1].

[1]) Мы въ этомъ описаніи слѣдовали преимущественно Уольсингему. Фруассаръ изображаетъ это возстаніе слишкомъ придворно-тенденціозно. Будучи французомъ, онъ писалъ, руководствуясь слухами, и съ той цѣлью, по его собственнымъ словамъ, чтобы „всѣ господа и стремящіеся къ добру хорошіе люди могли на этомъ примѣрѣ научиться, какъ надлежитъ исправлять (corriger) злыхъ и мятежниковъ“. Цит. соч., II, стр. 124. Срав. относительно этого бунта также *Мориса*. Lines of English Popular Leaders in the Middle Ages, Лондонъ, 1875, II, Тейлеръ, Беллъ, Ольдкестль.

Исходъ возстанія въ Норфолькѣ былъ хуже. Крестьяне, подъ предводительствомъ нѣкоего Джона Литтльстрита, овладѣли 11-го іюня Норвичемъ, но норвичскій епископъ Генри Спенсеръ быстро собралъ вокругъ себя войско, напалъ на инсургентовъ и разсѣялъ ихъ въ сраженіи, въ которомъ онъ многихъ убилъ собственной рукой. Плѣнныхъ, между которыми былъ Джонъ Литтльстритъ, онъ велѣлъ немедленно казнить. Приэтомъ, однако, благочестивый архіепископъ доставилъ себѣ удовольствіе самолично преподать имъ послѣднія утѣшенія религіи.

Менѣе значительные бунты кончались большей частью ничѣмъ. Послѣ того, какъ крестьяне успокоились, Ричардъ началъ раздумывать, какъ бы нарушить свое «королевское слово», которое онъ далъ имъ лишь въ намѣреніи обмануть ихъ. Это было тогда въ модѣ.

Современная дипломатія находилась тогда еще въ младенческомъ возрастѣ, и ложь, измѣна, убійство изъ-за угла практиковались менѣе беззастѣнчиво, чѣмъ теперь, когда изъ боязни народной критики нашли нужнымъ набросить на мошенническую практику дипломатіи покрывало морали. Теперь любятъ изображать королевское слово, чѣмъ то сугубо ненарушимымъ. Но, начиная съ XVI до XVII вѣка—и еще позже—вѣрность своему слову и честность считались слабостью, которой не могъ страдать великій король.

Какъ только король собралъ вокругъ себя сорокатысячное войско, «войско, какого до сихъ поръ еще не видала Англія» (Ульсингемъ), онъ сбросилъ маску и учредилъ судилища для того, чтобы наказать бунтовщиковъ. Жители Эссекса отправили къ нему посланцевъ, чтобы напомнить о его обѣщаніяхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ зналъ, что вокругъ него собралось многочисленное войско, король-мальчикъ такъ ободрился, что отвѣтилъ посланнымъ: «Холопами вы были, холопами и останетесь. Вы останетесь въ крѣпостной зависимости—не въ такой, какъ до сихъ поръ, а въ безконечно худшей. Ибо пока мы будемъ жить и управлять съ божьей помощью этимъ государствомъ, мы употребимъ нашу силу, нашъ разумъ и наше богатство на то, чтобы притѣснять васъ, дабы ваше рабство послужило предостереженіемъ для потомства» [1]).

Эта провокація достигла своей цѣли. Эссекскіе крестьяне еще разъ взялись за оружіе, но предоставленные своимъ собственнымъ силамъ,—другія графства оставались спокойными,—были побѣждены войскомъ короля.

Казалось, что дѣло «порядка» побѣдило. Но англійскіе государственные люди не могли скрыть отъ себя, что они не побѣдили главнаго возстанія въ открытомъ бою и избѣгли самаго худшаго только съ помощью лжи, убійствъ, и коварныхъ нападеній. Возстаніе, поэтому, не осталось без-

[1]) *Морисъ*, цит. соч., стр. 189, 190.

плоднымъ несмотря на неуспѣхъ, которымъ оно закончилось. Правители остерегались слишкомъ широко использовать свою побѣду, чтобы не провоцировать второго возстанія всего крестьянства. Освобожденіе англійскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости продолжалось и было почти закончено къ концу столѣтія.

Но вмѣстѣ съ крестьянами возстали также низшіе классы въ Лондонѣ и Норвичѣ. Они были беззащитнѣе крестьянъ и противъ нихъ преимущественно и направилась месть побѣдителей. Если намъ говорятъ, что по окончаніи возстанія его предводители были преданы кровавому суду, и 1.500 человѣкъ были казнены—между ними Джонъ Белль и Джекъ Строу—то мы имѣемъ право предположить, что пострадали главнымъ образомъ не крестьяне, а ихъ городскіе союзники. Въ парламентскихъ актахъ еще сохранились 289 именъ казненныхъ предводителей мятежа. Изъ нихъ 151 были изъ Лондона и 138, т. е. меньше половины, изъ другихъ городовъ и деревень.

Несчастный исходъ возстанія не остановилъ даже на короткое время дѣла эмансипаціи крестьянства. Но оллардскому движенію и даже всему оппозиціонному движенію противъ папства онъ нанесъ почти непоправимый ударъ.

Въ самомъ дѣлѣ, имѣя за спиною такое непокорное населеніе, король и дворянство считали слишкомъ опаснымъ самимъ выступать на революціонный путь,—отречься отъ папы и конфисковать церковныя имущества. Компромиссъ съ папской властью былъ для нихъ тѣмъ легче, что послѣдняя какъ разъ тогда перестала быть исключительнымъ орудіемъ французской политики. Въ 1378 г. начался великій церковный расколъ, о которомъ намъ еще придется говорить. Міръ получилъ двухъ папъ, французскаго и анти-французскаго—римскаго папу, котораго поддерживали Германія и Англія.

Если бы реформаціонное движеніе дѣйствительно было вызвано нравственнымъ возмущеніемъ противъ испорченности папства, какъ въ этомъ насъ хотятъ увѣрить идеологическіе историки протестантизма, тогда виклефово движеніе должно было бы испытать самый высокій подъемъ какъ разъ во время церковнаго раскола, ибо тогда папство пало морально ниже, чѣмъ когда-либо. Но исторія опредѣляется интересами и борьбою классовъ, а начиная съ 1381 г. интересы англійскихъ господствующихъ классовъ говорили противъ стремленій Виклефа. Онъ и его покровители не стояли, правда, ни въ малѣйшей связи съ мятежомъ. Напротивъ, его покровитель, Іоаннъ Ланкастерскій, какъ мы видѣли, былъ для инсургентовъ самымъ ненавистнымъ человѣкомъ. Но его ученіе все же оказалось болѣе революціоннымъ, чѣмъ это было полезно для интересовъ англійскихъ господ-

ствующихъ классовъ. Уже въ 1382 г. соборъ, засѣдавшій въ Лондонѣ, призналъ еретическими двадцать четыре положенія его ученія. Въ томъ же году парламентъ въ особо изданномъ законѣ повелѣлъ свѣтскимъ судамъ оказывать поддержку духовнымъ судамъ. Виклефу не помогло изданное имъ въ 1832 г. сочиненіе «De blasphemia», въ которомъ онъ порицалъ крестьянское возстаніе. Даже его прежній покровитель, герцогъ Ланкастерскій, обратился теперь противъ него. Виклефа лишили въ оксфордскомъ университетѣ кафедры и всѣхъ чиновъ, и онъ долженъ былъ вернуться въ свой приходъ въ Латтеруорсъ, гдѣ онъ умеръ въ 1384 г

Съ лоллардами обошлись еще хуже. Начиная съ крестьянскаго возстанія, въ которомъ такъ сильно сказалось вліяніе лоллардскихъ агитаторовъ, каждый пойманный лоллардъ уже заранѣе признавался государственнымъ измѣнникомъ, и его предавали сожженію на кострѣ. Въ Англіи теперь открылась такая же эра преслѣдованій лоллардовъ, какъ въ Германіи съ царствованія Карла IV. Уничтожить ихъ этими преслѣдованіями не удалось. Но и лоллардамъ не удалось достичь прежняго вліянія, которымъ они обладали съ 1360-го до 1381го года. Въ Англіи, какъ и въ Германіи, они могли лишь выдвинуть безконечный рядъ мучениковъ.

Возстаніе 1381 г. должно было оказать свое вліяніе и на другія страны и повсюду снова вызвать къ жизни преслѣдованія беггардовъ и вальденсцевъ. Въ концѣ этого вѣка у нихъ не было убѣжища, въ которомъ они могли бы чувствовать себя въ безопасности. И вдругъ, среди величайшихъ бѣдствій, для всѣхъ униженныхъ и преслѣдуемыхъ наступаетъ эпоха торжества, чудесно показавшая имъ, какъ «Богъ возвеличивается въ малыхъ сихъ». *Гусситскими войнами* открывается для коммунистическихъ стремленій въ *Богеміи* героическій вѣкъ, похожій на ту эпоху великой французской революціи, которая началась 1793-мъ годомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Табориты.

I. Великій церковный расколъ.

Расцвѣтъ виклефова движенія былъ для папства серьезнымъ предостереженіемъ. Если бы папство продолжало оставаться орудіемъ Франціи, то

оно подвергло бы опасности свое положеніе во всей Европѣ. Папы начали, поэтому, страстно стремиться переѣхать изъ французскаго плѣна, Авиньона, въ Римъ, гдѣ они были бы дальше отъ французскаго вліянія.

Но виклефово движеніе показало также папамъ, насколько шатко ихъ положеніе, какъ главы Церкви. Оно показало имъ необходимость искать себѣ вѣрной опоры въ свѣтской власти. Чѣмъ больше церковь Англіи, Франціи и Испаніи (въ Кастиліи и Аррагоніи) ускользала отъ господства и эксплоатаціи папъ и подпадала господству и эксплоатаціи государей, тѣмъ важнѣе становилось для папъ пріобрѣсти наряду съ господствомъ надъ міромъ также и господство надъ своимъ свѣтскимъ государствомъ, надъ церковными владѣніями. Это обстоятельство также дѣлало настоятельно необходимымъ ихъ присутствіе въ Римѣ.

Если папы имѣли всѣ причины стремиться въ Римъ, то и италіанцы, въ свою очередь, также начали стремиться къ возвращенію папъ. «Вавилонское плѣненіе» папъ, какъ они называли пребываніе папъ въ Авиньонѣ, показало имъ ясно, какъ важно для ихъ страны присутствіе въ ней папъ, и какой вредъ приноситъ ей ихъ отсутствіе. Римъ больше всего страдалъ отъ послѣдняго.

Страстное стремленіе къ возвращенію папъ нашло себѣ удивительное выраженіе въ Петраркѣ. Яркими красками изображалъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ и письмахъ, какъ обѣднѣли и оскудѣли папскіе дворцы и алтари святыхъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ перенесенъ святой престолъ, какъ увядаетъ вѣчный городъ, подобно женѣ, покинутой мужемъ, и какъ разсѣются тучи, нависшія надъ его семью холмами, какъ скоро возвратится его законный властитель. Папа, который осмѣлится освободиться изъ французскаго плѣненія, доставитъ себѣ вѣчную славу, счастіе—Риму и миръ—Италіи. Оставаясь же въ Авиньонѣ, папство съ естественной необходимостью погибнетъ отъ роскоши и пороковъ и навлечетъ на себя ненависть и презрѣніе всего міра [1]). Никто такъ рѣзко не бичевалъ папства, какъ Петрарка, но этимъ онъ добивался не ослабленія или уничтоженія папскаго престола, а возвращенія папъ въ Римъ. Онъ полагалъ, что развращенность папской куріи являлась не слѣдствіемъ той беззастѣнчивости, съ которой она эксплоатировала весь міръ, а лишь слѣдствіемъ того, что плоды этой эксплоатаціи тратятся не въ Римѣ, а въ

[1]) Петрарка очень хорошо зналъ порочную жизнь папскаго двора, ибо онъ жилъ въ Авиньонѣ пятнадцать лѣтъ (между 1326 и 1353 г.). Его ненависть къ этому городу проявилась въ одномъ сонетѣ, посвященномъ Авиньону. Въ немъ онъ говорилъ:

Авиньонѣ. Авиньонскій климатъ дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на нравственное здоровье папства. Какъ только папство возвратится въ Римъ, его здоровье тотчасъ же возстановится.

Кромѣ экономическихъ причинъ, заставлявшихъ итальянцевъ льнуть къ папству, были еще политическія причины, дѣйствовавшія въ томъ-же направленіи.

Пробужденіе національнаго самосознанія самымъ тѣснымъ образомъ связано съ развитіемъ товарнаго производства. Когда послѣднее достигаетъ той высоты, на которой оно становится капиталистическимъ, тогда его интересы, и главнымъ образомъ интересы капиталистовъ, требуютъ національнаго, по возможности централизованнаго государства, обезпечивающаго внутренній, національный рынокъ, и завоевывающаго для нихъ достаточно мѣста и свободы движенія на міровомъ рынкѣ. Съ полной ясностью это явленіе проявилось въ XVII вѣкѣ, но зачатки современнаго національнаго самосознанія восходятъ къ XIV вѣку, хотя въ то время оно проявлялось только тамъ, гдѣ его вызывали къ жизни особыя обстоятельства, и далеко еще не достигало силы прямого инстинкта.

Національное самосознаніе проявилось впервые въ высоко развитой Италіи. Въ XIV вѣкѣ эта страна настоятельно нуждалась въ объединеніи, въ сосредоточеніи своихъ силъ подъ одной властью. Только тогда прекратились-бы личныя междоусобныя войны мелкихъ италіанскихъ государствъ, водворились-бы спокойствіе и порядокъ,—основы буржуазнаго благосостоянія, и страна перестала бы быть добычей чужестранцевъ, каковою она была на самомъ дѣлѣ, какою осталась и въ XIX вѣкѣ.

Но единственной силой, которая, какъ казалось, могла-бы дать единство Италіи и достигнуть господства надъ различнымъ независимыми

„Небесный огонь да поразитъ твою лживую голову!
Ты, нѣкогда питавшійся водой источниковъ и плодами своихъ дубовъ,
Стремишься теперь къ богатству за счетъ бѣдняковъ,
Хотя ты и безъ того богатъ своими злодѣяніями.
Злѣйшій предатель, ты плодишь проклятія,
Ядомъ которыхъ пропитанъ современный міръ.
Упившійся, обжорливый, утопающій въ мерзкомъ распутствѣ,
Ты посрамляешь своей похотью всякій развратъ.
Черезъ твои дома проносятся хороводы вѣдьмъ
Старыхъ и молодыхъ; Вельзевулъ руководитъ ихъ пляской
Подъ музыку, отражая свой адскій огонь въ зеркалахъ.
Теперь въ тебѣ одно желанье—прикрыться чванной роскошью,
Иначе тебѣ пришлось бы идти нагимъ и босымъ межъ терній.
Смрадъ твой восходитъ къ небу; да будешь ты проклятъ Богомъ“.

италіанскими государями, было папство. Тѣмъ настоятельнѣе становилась въ глазахъ каждаго дальнозоркаго италіанскаго патріота необходимость возвращенія папъ изъ Авиньона.

Ко всему этому прибавилось еще ослабленіе Франціи въ ея неудачной войнѣ съ Англіей, которая дѣлала все менѣе и менѣе страшной борьбу съ нею.

Такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ какъ возникло виклефово движеніе, въ папскихъ кругахъ начали серьезно обсуждать вопросъ о возвращеніи въ Римъ. Первую попытку бѣжать изъ Авиньона предпринялъ Урбанъ V. Вопреки протестамъ французскаго короля Карла V и кардиналовъ, бывшихъ большей частью французскими ставленниками, онъ сѣлъ въ маѣ 1368 г. на корабль въ Марсели и отправился черезъ Геную въ Римъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ восторгомъ. Но уже въ 1370 г. французскіе кардиналы снова одержали верхъ, и онъ возвратился въ Авиньонъ, въ которомъ французскимъ кардиналамъ жилось веселѣе. (Гиббонъ утверждаетъ, что они добивались возвращенія въ Авиньонъ главнымъ образомъ изъ за бургундскаго вина, котораго они не могли достать въ Италіи).

Вторую попытку сдѣлалъ Григорій XI въ 1376 г. Онъ остался въ Римѣ до своей смерти (1378 г.). Римскій народъ опасался, какъ-бы французскіе кардиналы не избрали папой опять сторонника французовъ. Онъ вооружился, окружилъ конклавъ и съ криками: «Смерть или италіанскаго папу!» принудилъ кардиналовъ избрать италіанца, Урбана VI. Но французскіе кардиналы удалились изъ Рима, какъ только получили возможность къ этому, объявили выборы вынужденными и недѣйствительными и избрали новаго папу Клемента VII.

Такова исторія возникновенія великаго церковнаго раскола. Мы подробно остановились на вызвавшихъ его причинахъ, ибо онъ имѣетъ большое значеніе для исторіи папства, а потому и для исторіи еретическихъ сектъ.

Одновременное существованіе двухъ папъ не было чѣмъ-то неслыханнымъ. Новымъ было то, что оба эти папы представляли собою національности. Одного папу поддерживали Франція и Испанія, а другого, италіанскаго—Германія и Англія. Позднѣе, наряду съ этими двумя, появился еще третій папа, котораго признавали почти одни только испанцы. Такимъ образомъ, этотъ церковный расколъ, былъ уже прологомъ послѣдовавшаго затѣмъ распаденія католическаго христіанства на національныя церкви. Споръ шелъ не изъ-за догмъ и не изъ-за чисто личныхъ цѣлей, а изъ-за національныхъ, политическихъ противорѣчій.

Между враждующими папами началась жестокая борьба, въ которой никто изъ нихъ и изъ ихъ преемниковъ не одержалъ верхъ. Былъ

расшатанъ весь строй Церкви, а это грозило колебаніемъ всего общественнаго порядка, которому угрожали въ то время самыя рѣзкія противорѣчія, какъ это показали жакерія во Франціи и крестьянское возстаніе въ Англіи. Поэтому нужно было покончить съ соблазномъ, организовать заново Церковь, или, какъ тогда выражались, «реформировать и главу и чиновъ Церкви». Такъ какъ папство сдѣлалось совершенно неспособнымъ произвести такую реформу, то ее должны были совершить другія силы. Былъ созванъ цѣлый рядъ международныхъ конгрессовъ, такъ называемыхъ церковныхъ соборовъ. Делегаты свѣтскихъ государей пользовались, однако, на нихъ не меньшимъ значеніемъ, чѣмъ делегаты различныхъ церковныхъ организицій [1]).

Папство, вышедшее изъ этихъ соборовъ, стояло гораздо ниже того папства, которое нѣкогда побѣдило Гогенштауфеновъ. Папы съ тѣхъ поръ были, правда, менѣе зависимы отъ вліянія отдѣльной націи, но зато и ихъ вліяніе на каждую отдѣльную націю стало менѣе значительнымъ. Образовались національныя церкви, подчиненныя государямъ страны. Съ этихъ поръ папство должно было дѣлить съ ними господство и эксплоатацію, если только оно не хотѣло совершенно потерять ихъ. Его доля была ограничена и точно опредѣлена особыми государственными договорами (конкордатами или прагматическими санкціями).

Такъ обстояло дѣло во Франціи, въ Англіи, въ Испаніи. Въ Италіи, разумѣется, римская церковь была также и національной церковью.

Только Германская Имперія не получила въ эпоху соборовъ національной Церкви. Ея раздробленіе было слишкомъ велико, чтобы она могла регулировать и ограничить власть папъ надъ нѣмецкой Церковью и эксплоатацію послѣдней. Съ тѣхъ поръ Германія стала главнымъ объектомъ властолюбія и жадности папъ, оставаясь имъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія.

Одна часть германской имперіи составляла, однако, исключеніе; это было *богемское королевство*.

II. Соціальныя условія въ Богеміи передъ гуситскими войнами.

За исключеніемъ Англіи, ни одна страна не могла похвастаться въ въ XIV-омъ вѣкѣ такимъ быстрымъ экономическимъ развитіемъ, какъ

[1]) На констанцскомъ соборѣ избранъ былъ, на мѣсто всѣхъ остальныхъ папъ, Мартинъ; съ избраніемъ этого папы закончился церковный расколъ. Онъ былъ избранъ не однимъ лишь кардиналами, а коллегіей, въ которой, наряду съ 23-мя кардиналами, засѣдали 30 делегатовъ пяти христіанскихъ націй: италіанцевъ, нѣмцевъ, французовъ, испанцевъ и англичанъ

Богемія. Въ Англіи экономическому развитію способствовали шерстяная торговля и удачные разбойничьи набѣги на Францію, въ Богеміи—серебряные рудники, между которыми первое мѣсто занималъ куттенбергскій. Онъ былъ открытъ въ 1237 г. и съ тѣхъ поръ, вплоть до XV вѣка, оставался самымъ богатымъ серебрянымъ рудникомъ въ Европѣ. Въ началѣ XIV-го вѣка годичная добыча съ этого рудника равнялась приблизительно 10.000 серебряныхъ марокъ (марка=$^1/_2$ фунта серебра). Вблизи различныхъ рѣкъ Богеміи находились также золотыя розсыпи, напримѣръ, близъ Молдавы и Лужницы, на которой былъ расположенъ Таборъ [1]). Отъ этихъ рудниковъ зависѣлъ, главнымъ образомъ, быстрый ростъ могущества Богеміи; въ то время на нихъ покоился блескъ царствованій Оттокара II (1253—78 г.) и Карла I (какъ германскій императоръ Карлъ IV, 1346—78 г.). Своимъ императорскимъ трономъ Карлъ I былъ обязанъ, наряду съ папской поддержкой, главнымъ образомъ, куттенбергскимъ рудникамъ, дававшимъ ему необходимыя средства для покупки голосовъ курфюрстовъ. Благодаря такимъ же, совершенно не необычнымъ для того времени, средствамъ, произошло избраніе его сына Вѣнцеслава [2]).

Благодаря доходамъ съ куттенбергскихъ рудниковъ въ Богеміи процвѣтали торговля и промышленность, искусства и науки,—особенно въ Прагѣ, которая получила тогда названіе «золотая Прага». Она украсилась прекрасными постройками и въ ней же былъ открытъ первый университетъ въ предѣлахъ германской имперіи (1348). Но и Церковь не была въ

---

[1]) *Эней Сильвій Пикколомини*, De Ortu et Historia Bohemorum, Opera omnia, Базель, 1551, стр. 109.

[2]) По словамъ Энея Сильвія, Карлъ обѣщалъ каждому курфюрсту по 100.000 гульденовъ. Это сообщеніе опровергается. Несомнѣнно однако что кельнскій и трирскій курфюрсты получили каждый по меньшей мѣрѣ 40.000 гульденовъ. Сохранилась росписка послѣдняго отъ 12 іюля 1376 г. Тогда еще не были такъ осторожны, какъ хранители вельфскаго фонда. Если то время кажется намъ варварскимъ, то главнымъ образомъ потому, что оно открыто выставляло наружу пороки цивилизаціи. У господствующихъ классовъ было слишкомъ много чувства собственнаго достоинства, чтобы они стали вводить въ моду лицемѣріе. Открыто продавались не только голоса курфюрстовъ, но и духовный санъ. Противника или конкурента побивали на открытомъ рынкѣ, а не доводили до разоренія и самоубійства мирными и законными финансовыми спекуляціями. Церковные и свѣтскіе владыки открыто жили со своими любовницами (Алиса Паррересъ, метресса англійскаго короля Эдуарда III, принимала даже участіе въ засѣданіяхъ верховнаго суда). Когда какой-нибудь государь посѣщалъ „одинъ изъ своихъ добрыхъ, вѣрныхъ городовъ“, то ему высылали навстрѣчу городскихъ проститутокъ для того, чтобы торжественно встрѣтить короля и усладить его. Таковъ былъ обычай нашихъ „простодушныхъ предковъ“.

убыткѣ Она, какъ извѣстно, обладаетъ прекраснымъ пищевареніемъ и поразительнымъ нюхомъ. Она знаетъ, *гдѣ* и *что* можно получить, знаетъ также, *какъ* получить. Въ Богеміи монастыри и церкви чрезвычайно обогащались, въ особенности при Карлѣ IV, который, какъ мы уже знаемъ, былъ извѣстенъ подъ именемъ «поповскаго короля».

Пражскіе архіепископы «владѣли 17-ью большими воеводствами въ Богеміи и, кромѣ того, воеводствомъ Кистейнъ въ Моравіи, Люге въ Баваріи и массой мелкихъ помѣстій. Ихъ дворы соперничали своимъ блескомъ съ королевскимъ дворомъ и къ ихъ услугамъ была постоянно готова многочисленная рать вассаловъ». Одинъ только капитулъ каноникoвъ св. Витта заключалъ въ себѣ 300 церковнослужителей, и «*болѣе сотни деревень*» цѣликомъ или частью были отданы имъ въ качествѣ бенефицій. Одинъ лишь настоятель собора владѣлъ воеводствомъ Воллинъ и 12-ью мелкими помѣстьями» и т. д. (*Палацкій*, Geschichte von Böhmen, III, 2 стр. 41). Эней Сильвій, впослѣдствіи папа Пій II, понимавшій толкъ въ церковныхъ богатствахъ, пишетъ въ своей «Исторіи Богеміи»: «Мнѣ кажется, что въ наше время не было во всей Европѣ ни одной страны, въ которой можно было бы встрѣтить столь многочисленные, столь великолѣпные и богато разукрашенные храмы, какъ въ Богеміи. Храмы достигаютъ своими куполами небесъ... Высокіе алтари ломятся отъ золота и серебра, облекающихъ реликвіи святыхъ; одежды священниковъ вышиты жемчугомъ, все убранство блещетъ своимъ богатствомъ, утварь—чрезвычайно цѣнна... И такими церквами вы могли восхищаться не только въ городахъ и торговыхъ мѣстахъ, но и въ деревняхъ».

Но чѣмъ богаче была богемская церковь, тѣмъ больше старались эксплоатировать ее папы.

Наряду съ церковью и королемъ съ его придворными, наибольшіе доходы получали въ Богеміи куттенбергскіе мастера. Въ XIV вѣкѣ они были уже не простыми чернорабочими, а пражскими и куттенбергскими купцами, капиталистами, на которыхъ работали рудокопы, и которымъ горные рудники доставляли богатство, уваженіе и почетъ.

Развитіе товарнаго производства и товарнаго обмѣна естественно должно было породить въ Богеміи тѣ же явленія, какія оно порождаетъ повсюду. Наряду съ великимъ противорѣчіемъ между папской церковью и массой населенія, возникли также противорѣчія между купцами и потребителями, между мастерами и подмастерьями, между капиталистами и кустарями. Антагонизмъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ обострялся больше и больше. Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что и въ Богеміи мы встрѣчаемся съ общей тенденціей того времени къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и къ замѣнѣ натуральныхъ повинностей обро-

ками,—явленіе, причины и характеръ котораго мы уже многократно разъясняли (ср. въ особенности стр. 178 и сл.). Къ концу XIV и началу XV вѣковъ крѣпостная зависимость въ Богеміи фактически прекратилась. Но въ Богеміи, какъ въ Англіи, не было недостатка въ попыткахъ со стороны землевладѣльцевъ снова возстановить крѣпостную зависимость, и ихъ старанія, направленныя въ эту сторону сдѣлались обильнымъ источникомъ соціальнаго недовольства [1]).

Наибольшее недовольство господствовало среди членовъ низшаго дворянства. Они, собственно говоря, были лишь болѣе богатыми крестьянами, ибо доходы ихъ были ничтожны, и притомъ, не обладая силою бароновъ, они не могли выжимать сколько нибудь значительныхъ суммъ изъ своихъ крестьянъ. Но съ возникновеніемъ товарнаго обмѣна и товарнаго производства они быстро потеряли свою крестьянскую безпритязательность и усматривали идеалъ «жизни, соотвѣтствующей достоинству ихъ сословія, въ образѣ жизни богатыхъ купцовъ и бароновъ». Классъ этотъ быстро пришелъ въ упадокъ къ концу XIV вѣка. Королевская власть была уже слишкомъ сильна, чтобы допустить развиться разбойничьему рыцарству, хотя въ попыткахъ этого рода, заходившихъ подчасъ очень далеко, недостатка не было. Принадлежность Богеміи къ Германской Имперіи не позволяла предпринять выгодной національной войны. Богемское рыцарство могло покрывать свои дефициты только наемной военной службой.

Богемское крестьянство, какъ и крестьянство большинства другихъ странъ тогдашняго времени, доставляло также очень много наемныхъ солдатъ.

Развитіе добычи серебра было не только могучимъ орудіемъ, способствовавшимъ расцвѣту товарнаго производства и товарнаго обмѣна, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникновенію уже упомянутыхъ противорѣчій; кромѣ того, оно содѣйствовало еще большему обостренію этихъ противорѣчій благодаря *революціи, произведенной имъ въ области цѣнъ.*

Цѣну товара представляетъ собою то количество благороднаго металла—золота или серебра—на которое его можно обмѣнять. Это количество будетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣмъ больше, чѣмъ меньше цѣнность благородныхъ металловъ, чѣмъ меньше труда стоитъ его производство. Открытіе и эксплоатація богемскихъ богатыхъ серебряныхъ рудниковъ, должны были поэтому, вызвать въ области цѣнъ такую-же революцію, какая произошла въ концѣ XV вѣка во всей Германіи, благодаря саксонскимъ и тирольскимъ рудникамъ, а начиная съ средины XVI вѣка—и во всей Европѣ, благодаря открытію и эксплоатаціи золотыхъ и серебряныхъ сокровищъ Америки. Намъ не удалось найти доказательства этому

[1]) *Палацкій*, цитир. соч., II, 1, стр. 34 и сл., II, 2, стр. 30, III, 2, стр. 38.

въ исторіи Богеміи, но мы не можемъ сомнѣваться, что Богемія пережила въ XIV вѣкѣ революцію въ области цѣнъ, если только вѣрно положеніе, что при равныхъ условіяхъ одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ.

Вліяніе этой революціи на различные классы было неодинаково: однимъ она повредила, а другимъ принесла пользу, однихъ она лишь слегка задѣла, а другихъ глубоко потрясла. Но антагонизмъ, заключающійся во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ посредникомъ являются денежные платежи, долженъ былъ обостриться благодаря повышенію цѣнъ. Больше всего отъ этого должны были страдать классы, жившіе исключительно денежными доходами и не имѣвшіе возможности добиться соотвѣтствующаго повышенія этого дохода: въ городѣ—низшіе слои наемныхъ рабочихъ, а въ деревнѣ—низшее дворянство.

Но надъ всѣми этими соціальными противорѣчіями поднималось *одно важнѣйшее противорѣчіе*—національное; въ Богеміи, какъ и въ Англіи, оно сливалось съ церковнымъ противорѣчіемъ.

Въ XIII вѣкѣ Богемія была страной еще крайне отсталой въ экономическомъ отношеніи. Западные нѣмецкіе сосѣди далеко опередили ее въ своемъ соціальномъ развитіи. Блестящій расцвѣтъ промышленности и торговли, искусства и науки, начавшійся со времени открытія куттенбергскихъ рудниковъ, сдѣлался возможнымъ лишь благодаря тому, что богемскіе государи привлекали въ страну *нѣмецкихъ иммигрантовъ*. Два возлюбленные богемскими патріотами короля, Оттакаръ II и Карлъ II (или IV), сдѣлали больше всего въ этомъ отношеніи. Они стремились привлечь въ Богемію нѣмецкихъ крестьянъ, нѣмецкихъ ремесленниковъ и купцовъ, нѣмецкихъ художниковъ и ученыхъ.

Особенно Куттенбергъ былъ чисто нѣмецкимъ городомъ; нѣмецкими городами были также другіе горные города, напримѣръ, Дейтчбродъ и Иглау [1]). Кромѣ нихъ, многіе другіе города были либо основаны нѣмцами, либо нѣмцы составляли такой большой процентъ ихъ населенія, что городское управленіе всюду переходило въ ихъ руки, тѣмъ болѣе, что они являлись представителями состоятельныхъ слоевъ населенія, купцовъ и привилегированныхъ ремесленниковъ. Представители низшаго ремесленнаго

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ нѣмцы начали разработку старыхъ рудниковъ въ Иглау и были открыты куттенбергскіе рудники, „число нѣмцевъ въ Богеміи—какъ разсказываетъ древній лѣтописецъ—увеличилось. Благодаря имъ король (Оттокаръ II) добылъ несмѣтныя сокровища изъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ; онъ собралъ столько золота и серебра, что наполнилъ ими цѣлыя башни". (Приведено у *Палацкаго*, цит. соч., II, 1, стр. 158.

труда, поденщики и прочій простой народъ, были природные туземные чехи [1]).

Пражскій университетъ также находился въ рукахъ нѣмцевъ. Устроенный по образцу парижскаго университета, онъ распадался на четыре націи. Университетъ представлялъ собою самоуправляющуюся корпорацію, и каждая изъ націй имѣла въ университетскомъ управленіи одинъ голосъ. Но въ Парижѣ французы фактически обладали *тремя* голосами, ибо его четырмя національностями были: *французская*, *нормандская*, *пикардская* и *англійская*, въ Прагѣ же богемцы имѣли лишь *одинъ* голосъ. Университетъ распадался на богемскую, баварскую, саксонскую и польскую націи, изъ которыхъ послѣдняя также состояла большей частью изъ нѣмцевъ (силезцы и др.). Это было не лишено значенія. Университетъ представлялъ собою въ то время первоклассную научную и политическую силу, значеніе которой равнялось современному значенію прессы и высшихъ учебныхъ заведеній, вмѣстѣ взятыхъ [2]). По внѣшнему своему устройству онъ также былъ сильной организаціей. Университетскія зданія вмѣстѣ съ жилищами профессоровъ и студентовъ образовали въ Прагѣ, какъ въ Парижѣ, отдѣльную часть города, повидимому окруженную особыми стѣнами [3]); число учащихся равнялось еще въ началѣ XV вѣка *многимъ тысячамъ*.

По свѣдѣніямъ того времени—вѣроятно преувеличеннымъ—въ 1408 г. въ Прагѣ находились 200 докторовъ, 500 баккалавровъ и 30.000 студентовъ. Когда нѣмецкіе студенты оставили въ 1409 г. Прагу, то въ одинъ день ушли, какъ сообщаетъ Эней Сильвій въ своей «Исторіи Богеміи», 2.000 человѣкъ. 3.000 послѣдовали за ними черезъ нѣсколько дней и основали лейпцигскій университетъ. Во всякомъ случаѣ можно принять, что число учащихся тогда въ пражскомъ университетѣ опредѣлялось не менѣе какъ въ 10.000 человѣкъ [4]).

---

[1]) Палацкій называетъ знатнѣйшія бюргерскія фамиліи въ Прагѣ Почти всѣ онѣ, какъ показываютъ ихъ имена, были чистокровными нѣмцами: Штухъ, Вольфлинъ, Вольфрамъ, Таузендмаркъ, Цуденъ Гененъ. фонъ Штейнъ, Пиркнеръ, Тафельрунгъ, Корнбюль, Эртель и т. д. Цит. соч. II, 2, стр. 24.

[2]) Константинъ Гефлеръ, историкъ авиньонскихъ папъ, замѣтилъ однажды, что парижскій университетъ былъ вдвое могущественнѣе французскаго короля. Этому своему могуществу онъ былъ обязанъ тѣмъ, что могъ иногда вступать въ конфликты съ королями и папами и доводить ихъ до успѣшнаго конца, а отнюдь не средневѣковому принципу „свободы науки", какъ думалъ *Лассаль*. (Наука и рабочіе, сочин. Лассаля изд. Глаголева).

[3]) *Мауреръ*, Städtverfassung, II, стр. 37,

[4]) Нѣкоторые авторы даютъ прямо невѣроятныя цифры. Такъ напр. *Фалькенштейнъ* въ своей Historie von Erffurth), стр. 290. (Цит. у *Ульмана*

Но съ университетомъ было также связано большое количество недвижимыхъ имуществъ,—земель и домовъ, переданныхъ въ даръ университету для пользованія профессоровъ и нуждающихся студентовъ, ибо государственнаго жалованья и стипендій тогда не было, и все это богатство, все могущество университета находилось въ рукахъ нѣмцевъ. Горько сѣтовали чешскіе магистры на то, что имъ приходится голодать, занимая мѣста деревенскихъ школьныхъ учителей, въ то время какъ ихъ нѣмецкіе коллеги захватили всѣ лучшія мѣста въ университетѣ. При коллизіи интересовъ чешской націи съ интересами нѣмецкой, университетъ всегда становится на сторону послѣдней.

Въ довершеніе всего, Церковь также сдѣлалась учрежденіемъ, въ которомъ нѣмцы эксплоатировали чеховъ. Бѣдные приходы отдавали чехамъ, но монастыри и высшія должности среди бѣлаго духовенства находились преимущественно въ рукахъ нѣмцевъ. Пражскіе настоятели соборовъ, о которыхъ намъ уже пришлось говорить, были большей частью изъ нѣмцевъ. Пражскій архіепископъ, при которомъ вспыхнуло гусситское возстаніе, Конрадъ фонъ-Фехта, былъ «фанатическій нѣмецъ изъ самаго захолустнаго уголка мюнстерскаго округа» (Шлоссеръ).

Такимъ образомъ, масса чешскаго населенія—низшіе классы въ городахъ, низшее духовенство, все населеніе деревень, крестьяне, рыцари и помѣщики—всюду сталкивались съ нѣмцами какъ съ эксплоататорами или какъ съ конкуррентами на поприщѣ эксплоатаціи. Борьба противъ эксплоатаціи церкви съ одной стороны, и желаніе завладѣть церковными имуществами—съ другой слились съ борьбою противъ нѣмецкой эксплоатаціи и съ стремленіемъ завладѣть богатствами нѣмцевъ.

Поэтому національное чувство зародилось въ XIV вѣкѣ также и въ Богеміи. Но это чувство въ своихъ зачаткахъ принимаетъ въ каждой странѣ самыя различныя формы, сообразно различнымъ условіямъ, вызвавшимъ его къ жизни. Въ Италіи и Германіи источникомъ его было преимущественно страстное стремленіе къ объединенію націи въ одно государство, и это стремленіе привело итальянскихъ патріотовъ къ культу папства, германскихъ—къ мечтательному увлеченію идеей сильной императорской власти. Во Франціи и Англіи національное чувство проявлялось, главнымъ образомъ, въ ненависти къ враждебной націи. Въ Богеміи же оно выливалось въ форму особаго рода,—въ форму *классовой ненависти*.

Наиболѣе, пожалуй, краснорѣчивое выраженіе нашла себѣ эта ненависть въ печатномъ произведеніи, появившемся въ свѣтъ уже послѣ гусситской войны (1437), но вѣрно передающемъ духъ, господствовавшій

Reformatoren и т. д., I, стр. 290) сообщаетъ: „40.000 студентовъ ушло тогда (изъ Праги) и 20.000 сразу прибыли въ Лейбцюгенъ (Лейпцигъ).

въ гусситскомъ движеніи. Это произведеніеноситъ названіе «Kratké sebrání Kronik českych k wystraze wernich čechuw», Краткое изложеніе чешскихъ хроникъ, дабы ово служило предостереженіемъ вѣрнымъ чехамъ». «Чехи»—говорится въ этомъ произведеніи—«должны быть очень осторожны, и всѣми силами стараться, чтобы не подпасть подъ владычество нѣмцевъ, ибо, какъ доказываютъ богемскія хроники, ихъ нація является самымъ страшнымъ врагомъ богемцевъ и славянъ»; и это положеніе развивается затѣмъ подробнѣе съ ссылками на чешскія хроники. Императоръ Карлъ IV хотя и «возвысилъ Богемію, расширилъ городъ Прагу и распространилъ тамъ науку и другія полезныя искусства, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда отдавалъ предпочтеніе нѣмцамъ. Кто были бургмистеры и ратманы во всѣхъ королевскихъ городахъ Богеміи? Нѣмцы. Кто были судьи? Нѣмцы. Гдѣ произносились проповѣди для нѣмцевъ? Въ главныхъ церквахъ. А гдѣ произносили ихъ для богемцевъ? На кладбищахъ и въ домахъ. И это служитъ вѣрнымъ доказательствомъ того, что онъ хотѣлъ населить Богемію нѣмцами, близкими ему по происхожденію, и истребить постепенно богемцевъ; такъ, при немъ начали принимать жалобы въ ратуши не на чешскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ» и т. д. [1]).

Какимъ образомъ этотъ національный антагонизмъ сливался съ церковнымъ, ясно изъ вышеизложеннаго. Нѣмцы имѣли преимущественное право на занятіе важнѣйшихъ должностей среди бѣлаго духовенства, въ монастыряхъ, въ университетѣ, который въ то время носилъ характеръ теологическаго учрежденія. Если чехи имѣли всѣ причины стремиться къ тому, чтобы поставить преграду церковной эксплоатаціи и завладѣть церковными имуществами, то нѣмцы имѣли всѣ причины противодѣйствовать этимъ стремленіямъ. Стремленія къ реформаціи церкви, всплывшія повсюду въ XIV вѣкѣ, должны были найти себѣ благопріятную почву у чеховъ; тѣмъ рѣшительнѣе должны были отвергнуть ихъ богемскіе нѣмцы.

Такова была атмосфера, въ которой выросло враждебное папѣ и нѣмцамъ движеніе, носящее названіе гусситскаго, по имени его самаго выдающагося литературнаго представителя, Іоанна Гусса.

III. Начало гусситскаго движенія.

Важнѣйшее изъ своихъ аргументовъ и требованій гусситское движеніе заимствовало въ началѣ изъ виклефова. Какъ только ученіе англійскаго реформатора достигло Богеміи, оно было воспринято и стало распространяться съ величайшимъ рвеніемъ. Гуссъ тѣсно примкнулъ къ

[1]) Привед. у *Палацкаго* цит. соч., III, 3, стр. 292, 293.

Виклефу. Однако утвержденіе, будто виклефово ученіе породило гусситское движеніе, очень преувеличено. Виклефово ученіе доставило гусситскому очень полезные и убѣдительные аргументы; оно повліяло на формулировку требованій, выставленныхъ имъ, но причины, сила и цѣль движенія коренились глубоко въ окружающихъ условіяхъ. Оно было не наноснымъ, а вполнѣ оригинальнымъ. Уже при Карлѣ IV оно нашло себѣ выраженіе въ Миличѣ изъ Кремзіера и Матвѣѣ изъ Янова еще прежде, чѣмъ сочиненія Виклефа дошли до Богеміи, что произошло только въ послѣдніе годы жизни леттеруордскаго священника (около 1380 г.).

Сынъ Карла IV, Вѣнцеславъ (четвертый по счету богемскихъ королей онъ царствовалъ отъ 1378 до 1419 г.), старался насколько возможно примирить эти противоположности. Такъ какъ онъ былъ весьма равнодушенъ къ германской коронѣ и даже питалъ къ ней отвращеніе за ея безсиліе, то ему не приходилось быть поповскимъ королемъ, подобно своему отцу. Онъ стремился подчинить себѣ Церковь и сходился въ этомъ стремленіи съ чешскими патріотами и церковными реформаторами. Но онъ понималъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что на нѣмцахъ покоится экономическій расцвѣтъ Богеміи, а, слѣдовательно, и большая часть его собственнаго могущества. Онъ покровительствовалъ стремленіямъ чеховъ, но онъ не хотѣлъ, чтобы эти стремленія повредили нѣмцамъ. Этому противорѣчивому положенію слѣдуетъ приписать въ значительной степени колебанія въ политикѣ Вѣнцеслава, который сегодня покровительствовалъ чехамъ и друзьямъ реформы,—напримѣръ, въ университетскомъ вопросѣ,—а завтра стремился оттѣснить ихъ назадъ, что, впрочемъ, не всегда ему удавалось.

Могущество и вліяніе нѣмцевъ при немъ непрерывно убывали, но его колеблющейся, противорѣчивой и зачастую капризной политикѣ все же удалось оттянуть насильственное столкновеніе враждующихъ элементовъ почти до конца его жизни.

До насильственнаго взрыва дѣло дошло лишь тогда, когда въ богемскія дѣла вмѣшались внѣшнія силы, предпочитавшія политику сильной руки политикѣ компромиссовъ и колебаній. Своей попыткой погасить огонь, растоптавъ его ногами, они заставили вспыхнуть яркимъ пламенемъ все зданіе.

Самый выдающійся литературный представитель антипапистскаго и антинѣмецкаго движенія, Іоаннъ Гуссъ, съ 1398 г. профессоръ въ пражскомъ университетѣ, а затѣмъ, съ 1402 г. священникъ при Вифлеемской часовнѣ, пользовался благорасположеніемъ Вѣнцеслава, который назначилъ его исповѣдникомъ королевы Софіи. Университетъ, находившійся въ рукахъ нѣмцевъ, первый выступилъ противъ Гусса и Виклефа, ученія котораго распространялъ Гуссъ, и призналъ еретическимъ 45 тезисовъ

Виклефа. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше университетскій споръ превращался въ національный, въ которомъ чехи и сторонники реформы оставались въ меньшинствѣ. Въ 1409 году въ споръ вмѣшался, наконецъ, Вѣнцеславъ; онъ далъ въ университетѣ три голоса богемской націи; а всѣмъ остальнымъ націямъ вмѣстѣ взятымъ—одинъ голосъ. Послѣ этого большинство нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ эмигрировали изъ Богеміи. Университетъ, однако, сталъ на сторону Гусса и избралъ его своимъ ректоромъ.

Но теперь Гуссу пришлось имѣть дѣло съ пражскимъ архіепископомъ и, наконецъ, съ самимъ папой. Борьба становилась все ожесточеннѣе, пропасть между Гуссомъ и Церковью росла. Конфликтъ получилъ особенную остроту, когда папа Іоаннъ XXIII, очень нуждавшійся въ деньгахъ, снова установилъ торговлю индульгенціями. Гуссъ выступилъ самымъ рѣзкимъ образомъ противъ этой торговли и противъ папы-эксплоататора, котораго онъ объявилъ антихристомъ. Въ Прагѣ дѣло дошло до столкновеній между чехами-гусситами, сжегшими папскую буллу и угрожавшими духовенству, и католическими нѣмцами.

Уже тогда казалось, что непримиримо враждебные элементы скоро помѣряются силами въ открытой борьбѣ. Однако Вѣнцеславъ сумѣлъ своимъ безцеремоннымъ нейтралитетомъ еще разъ сохранить миръ. Онъ изгналъ Гусса изъ Праги (въ декабрѣ 1412 г.), но вскорѣ затѣмъ подвергъ той же участи четырехъ настроенныхъ въ пользу папы теологовъ. Одновременно съ этимъ онъ сломилъ господство нѣмцевъ, постановивъ (21 октября 1413 г.), что половина ратмановъ должна состоять изъ чеховъ.

Въ 1414 г. въ Констанцѣ собрался великій церковный соборъ, о которомъ намъ уже приходилось говорить. Его задача заключалась въ томъ, чтобы объединить и организовать Церковь. Для этого нужно было не только низложить трехъ существовавшихъ тогда папъ и избрать на ихъ мѣсто новаго, но и подавить богемскую ересь. Сигизмундъ, братъ Вѣнцеслава, съ 1410 г. германскій императоръ (Вѣнцеслава уже въ 1400 г. низложили нѣмецкіе курфюрсты) и предполагаемый наслѣдникъ Вѣнцеслава въ Богеміи, былъ особенно заинтересованъ въ подавленіи гусситской ереси, ибо она угрожала отпаденіемъ Богеміи не только отъ Церкви, но и отъ имперіи.

Гуссъ былъ приглашенъ явиться на соборъ. Полный надежды, отправился онъ въ Констанцъ (въ октябрѣ 1414). Онъ полагался не на охранную грамоту, выданную ему королемъ Сигизмундомъ, а больше всего на свою правоту. Какъ многіе идеологи до и послѣ него, онъ видѣлъ только различія въ мнѣніяхъ и недоразумѣнія тамъ, гдѣ существовали глубокія непримиримыя противорѣчія. Стоитъ только выяснить недоразумѣнія,

опровергнуть ложные взгляды, и тогда должна будетъ обнаружиться побѣдоносная сила его идей. Но ему не удалось убѣдить благочестивыхъ отцовъ ни въ необходимости апостольской бѣдности для преемниковъ Христа, ни въ томъ, что всякая духовная или свѣтская власть, будь то даже папа или король, перестаетъ быть правомѣрной, если она совершаетъ смертный грѣхъ.

Послѣдній демократическій принципъ возбудилъ сильное неудовольствіе и Сигизмунда.

То обстоятельство, что въ защиту Гусса поднялась Богемія и больше всего дворянство, лишь свидѣтельствовало объ опасности человѣка, за котораго они вступались, и служило въ глазахъ засѣдавшихъ на соборѣ, лишнимъ доказательствомъ необходимости обезвредить его. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ принудить Гусса отречься отъ своихъ ученій продолжительнымъ заключеніемъ и угрозами, соборъ осудилъ 6 іюля 1415 г. Гусса и его ученія и передалъ его въ руки свѣтскихъ судей. Сигизмундъ былъ настолько безхарактеренъ, что нарушилъ свое слово и передалъ Гусса, несмотря на данную ему охранную грамоту, сожженію на кострѣ.

Богемцы были теперь поставлены передъ альтернативой: возстать или подчиниться. Они выбрали первое.

Уже во время суда надъ Гуссомъ нѣкоторые изъ наиболѣе рѣшительныхъ его послѣдователей начали открыто отрекаться отъ церкви. Они вновь выставили требованіе, выдвинутое еще Матвѣемъ изъ Янова, чтобы народу давали св. причастіе подъ двумя видами. Въ католической церкви установился обычай давать мірянамъ при причастіи не хлѣбъ и вино, а лишь одинъ хлѣбъ, вино же предлагалось только священнослужителямъ. Съ ученіемъ, стремившимся уничтожить привиллегіи священниковъ, совершенно согласовалось борьба и противъ внѣшнихъ знаковъ этого привиллегированнаго положенія. *Чаша, чаша мірянъ*, сдѣлалась съ тѣхъ поръ символомъ гусситовъ. По традиціоннымъ популярнымъ историческимъ описаніямъ, гусситскія войны и ихъ гигантская борьба велись не изъ-за чего иного, какъ изъ-за вопроса о томъ, слѣдуетъ ли принимать причастіе подъ обоими видами или нѣтъ, и «просвѣщенные умы» не упускаютъ случая указать съ чувствомъ удовлетворенія на то, какъ ограничены были люди въ то время и какими ясными умами обладаютъ свободомыслящіе нашего времени.

Но это изображеніе гусситскихъ движеній приблизительно такъ же разумно и обосновано, какъ если бы въ одинъ изъ послѣдующихъ вѣковъ, изслѣдователь, излагая исторію современныхъ революцій, пришелъ бы къ заключенію, что въ XIX вѣкѣ люди были еще настолько невѣжественны, что суевѣрно придавали значеніе извѣстнымъ цвѣтамъ и часто вели кро-

вавыя междуусобныя войны изъ-за вопроса о томъ, должны ли цвѣта Франціи быть бѣлыми, бѣло-голубо-красными или просто красными, должны ли цвѣта Венгріи быть черно-желтыми или бѣло-красно-зелеными, что въ Германіи въ теченіе нѣкотораго времени каждый носившій черно-красно-золотистую ленту наказывался долгимъ тюремнымъ заключеніемъ и т. д.

Чаша для гусситовъ была тѣмъ же, чѣмъ для различныхъ современныхъ націй и партій являются различные флаги: она была ихъ *боевымъ знаменемъ*, вокругъ котораго они собирались и которое защищали до послѣдней крайности, а не *объектомъ борьбы*.

Таково же было значеніе различныхъ формъ причастій, появившихся въ реформаціи XVI вѣка.

Отпаденіе отъ католической церкви, символомъ котораго была «чаша для міряпъ», стало всеобщимъ послѣ казни Гусса. Ледъ былъ разбитъ, и вскорѣ изъ этого отпаденія, начали дѣлать и практическіе выводы, лежавшіе въ сущности въ основѣ всего конфликта. Масса низшихъ классовъ населенія Праги время отъ времени начинала волноваться, и эти волненія не всегда были простыми демонстраціями, а зачастую оканчивались изгнаніемъ бѣлаго духовенства и монаховъ, разгромомъ церквей и монастырей. Но лучше всѣхъ воспользовались благопріятными обстоятельствами дворяне. Не напрасно они сдѣлались самыми рьяными послѣдователями гусситскаго ученія. Чтобы отомстить за смерть Гусса, они посылали монастырямъ и епископамъ грамоты съ объявленіемъ войны—ими руководило, конечно, исключительно религіозное рвеніе—и стали присваивать себѣ, гдѣ только могли, церковныя имущества.

Вѣнцеславъ былъ безсиленъ справиться съ этой бурей. Напрасно старались папа и Сигизмундъ побудить его къ энергичнымъ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ. Вѣнцеславъ полагалъ, что будетъ самой мудрой политикой съ его стороны, если онъ сдѣлаетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Наконецъ, дѣло зашло такъ далеко, что Сигизмундъ сталъ угрожать своему брату войной, если онъ не выступитъ противъ гусситскихъ безобразій. Эта угроза подѣйствовала. Вѣнцеславъ выступилъ противъ гусситовъ и попытался возвратить изгнанныхъ священниковъ. Въ отвѣтъ на это въ Прагѣ началось возстаніе; низшіе народные слои подъ предводительствомъ Ивана Жижки овладѣли городомъ (30 іюня 1419 г.).

Когда Вѣнцеславъ, бѣжавшій отъ грознаго мятежа въ свой укрѣпленный замокъ Вѣнцельштейнъ, узналъ объ этомъ, имъ овладѣла неописуемая ярость. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ отъ апоплексическаго удара, причиной котораго была эта ярость.

Оставшаяся безъ короля Богемія была всецѣло во власти гусситовъ.

IV. Партіи въ гусситскомъ движеніи.

Пока ересь въ Богеміи оставалась преслѣдуемымъ ученіемъ, наружу выступали только тѣ ея стороны, которыя носили національный и церковный характеръ. Національный и церковный врагъ былъ одинъ и тотъ же для различныхъ классовъ. Общая вражда объединяла ихъ.

Но вотъ общій врагъ поверженъ, «чистое слово Божіе» побѣдило, и теперь обнаружилось, что это слово, звучавшее для всѣхъ одинаково, понималось различными классами различно и даже въ противоположномъ смыслѣ, сообразно различіямъ ихъ интересовъ.

Вообще, въ гусситскомъ движеніи образовались два значительныхъ направленія. Каждое изъ нихъ, какъ и скудные остатки католицизма въ Богеміи, имѣло своимъ центромъ одинъ городъ. Этими тремя городами были *Прага, Таборъ и Куттенбергъ.*

Нѣмецкіе мастера и рудокопы Куттенберга, бывшаго тогда самымъ большимъ и могущественнымъ городомъ послѣ Праги, имѣли всѣ основанія оставаться католиками. Въ случаѣ побѣды гусситовъ, никто бы не потерялъ больше ихъ. Вслѣдствіе этого католицизмъ нигдѣ не проявлялся тогда такъ фанатически, какъ среди нихъ. Они предавали казни каждаго попадавшагося имъ въ руки гуссита; а попадались многіе. Чехи даже утверждали, что куттенбергцы назначили награду за поимку гуссита,— копу пражскихъ грошей за обыкновеннаго еретика и пять копъ за еретическаго священника.

Кромѣ Куттенберга, было еще нѣсколько городовъ, въ которыхъ нѣмцамъ удалось отстоять себя, и эти города остались поэтому вѣрны католицизму. Большинство этихъ городовъ, въ томъ числѣ и самъ Куттенбергъ, попали во время гусситскихъ войнъ въ руки гусситовъ и были превращены ими въ чешскіе города. Послѣ того какъ Куттенбергъ былъ окончательно потерянъ для католическаго дѣла (въ 1422 г.), центръ тяжести католической партіи былъ перенесенъ въ *Пильзенъ.*

Наряду съ этими немногими городами, старой религіи осталась вѣрна еще небольшая часть дворянства, отчасти потому, что дворяне надѣялись выгоднѣе обдѣлывать свои дѣла при королевскомъ дворѣ, отчасти изъ антипатіи къ демократическому направленію, развившемуся среди гусситовъ.

Но большинство дворянъ крѣпко стояло за дѣло гусситовъ; къ этому ихъ принуждали захваченныя ими церковныя имущества. Ихъ идеаломъ, особенно высшей аристократіи, была аристократическая республика съ королемъ-куклой во главѣ. Такъ какъ Сигизмундъ не годился для этой роли,

то они искали замѣстителя въ Польшѣ и Литвѣ. Но ни у кого изъ пользовавшихся уваженіемъ князей не было охоты забираться въ осиное гнѣздо.

На сторонѣ аристократической партіи большей частью стояли также пражцы. Правда, тамъ послѣ ряда возстаній низшіе классы изгнали нѣмецкихъ священниковъ и патриціевъ и захватили власть въ свои руки. Наряду съ совѣтомъ стало теперь собраніе великой общины, въ которомъ правомъ голоса пользовался каждый, кто имѣлъ самостоятельное занятіе. Ратманы, повидимому, избирались этимъ собраніемъ.

Но вскорѣ въ Прагѣ явилось новое, высшее бюргерство. Этотъ могущественный городъ, подобно дворянству, воспользовался, конечно, случаемъ, чтобы захватить церковныя имущества. Добыча была такъ громадна, что она долго служила предметомъ великаго спора между двумя общинами, составлявшими Прагу, между старымъ и новымъ городомъ. Конфискованныя имущества, добыча изъ церквей и монастырей, которую продавали, дѣлили и расточали, представляли удобный случай для людей со смѣткой выдѣлиться изъ массы. Послѣ завоеванія Куттенберга, его рудники попали въ руки пражцевъ, и сдѣлались главнымъ источникомъ ихъ дохода. И это обстоятельство также должно было благопріятствовать появленію ловкихъ спекулянтовъ. Такъ образовалось новое, чешское патриціанство, которое снова стало симпатизировать дворянству и тяготилось господствомъ «великой общины».

Но и среди ремесленниковъ, и даже среди низшихъ классовъ, вскорѣ также зародились аристократическія симпатіи, ибо Прага была городомъ роскоши. Ея промышленность и торговля процвѣтали, потому что дворъ и высшее дворянство проматывали тамъ то, что выжимали изъ всей страны. Подобно тому, какъ римляне вѣчно тосковали по папѣ, даже послѣ того, какъ они сами его изгнали, такъ и пражцы начали смотрѣть на королевскую власть и хищное дворянство, какъ на крайне необходимые элементы общества. Демократическіе элементы общины все ослабѣвали, а аристократическіе усиливались. Возстанія, интриги, внѣшнее вмѣшательство усиливали то одинъ, то другой изъ этихъ элементовъ; но Прага, какъ союзница демократіи, была всегда очень ненадежной, а какъ врагъ демократіи—всегда очень рѣшительной; въ послѣднихъ гусситскихъ войнахъ она была исключительно врагомъ.

Жители Праги и гусситское дворянство преимущественно высшее, образовали вмѣстѣ «умѣренную партію», названную такъ, вѣроятно, потому, что она самымъ неумѣреннымъ образомъ конфисковала церковныя имущества. Она называлась также партіей каллікстинцевъ или утраквистовъ [2]).

---

[1]) Каллікстинцы—отъ латинскаго calix, чаша, утраквисты—потому, что они принимали причастіе подъ обоими видами, по-латыни sub utraque specie.

Противъ нихъ выступило другое направленіе, которое можно назвать, по составу его сторонниковъ и по его тенденціямъ, *демократическимъ*.

Наибольшее количество сторонниковъ это направленіе нашло среди *крестьянъ*, крестьянство же составляло преобладающее количество населенія страны.

Гуситское движеніе ярко обнаружило антагонизмъ между крестьянами и землевладѣльцами. Землевладѣльцамъ конфискованныя церковныя земли не приносили никакой пользы безъ прикрѣпленныхъ къ церкви крестьянъ, которые несли бы барщину и платили оброки. Но крестьяне не возстали для того, чтобы замѣнить одного господина другимъ, еще болѣе суровымъ. Они хотѣли быть свободными крестьянами, свободными собственниками. И хотѣли этого не только они, но и другіе. Революція сверху должна была вызвать революцію снизу. Всѣ рамки, до сихъ поръ нѣсколько препятствовавшіе враждебному столкновенію различныхъ классовъ, были теперь сломаны; за бортъ былъ выброшенъ обычай, подчинявшій строгимъ правиламъ эксплоататора и эксплоатируемаго; устранена королевская власть, обуздывавшая до нѣкоторой степени бароновъ и крестьянъ. Крестьяне чувствовали, что если имъ теперь не удастся сломить окончательно могущество дворянства, то они подпадутъ навсегда его неограниченной власти. Они могли выбирать только между полной свободой и полной крѣпостной зависимостью.

Заодно съ крестьянами были также мелкіе мѣщане и пролетаріи, частью, какъ мы уже видѣли, въ Прагѣ, но главнымъ образомъ въ тѣхъ маленькихъ городахъ, въ которыхъ имъ удалось вымести «почтеннѣйшихъ» нѣмцевъ, высшее бюргерство. Каждый изъ этихъ городовъ былъ значительно слабѣе Праги. Они не могли подобно столицѣ защищаться порознь противъ громадной силы бароновъ, эксплоататорская жадность которыхъ не знала предѣловъ. Какъ раньше въ Германіи безсиліе королевской власти заставило города объединяться въ союзы, для защиты противъ хищнаго рыцарства, такъ объединялись теперь маленькіе города Богеміи, за исключеніемъ немногихъ, оставшихся вѣрными католичеству.

Низшее дворянство, занимавшее по своему экономическому положенію средину между высшимъ дворянствомъ и крестьянствомъ, — аналогично тому, какъ въ наше время мелкая буржуазія занимаетъ промежуточное положеніе между классомъ капиталистовъ и пролетаріатомъ,—стояло на такой же колеблющейся позиціи и было столь же ненадежно, какъ масса современной мелкой буржуазіи. Низшее дворянство, представлявшее изъ себя въ сущности ничто иное, какъ крупныхъ свободныхъ крестьянъ отчасти выигрывало. Освобожденіе крестьянъ угрожало имъ дальнѣйшимъ уменьшеніемъ ихъ доходовъ отъ оброковъ и барщинныхъ работъ, но по-

раженіе высшаго дворянства освобождало ихъ отъ опасныхъ конкуррентовъ и противниковъ, гнетъ которыхъ неизмѣнно возрасталъ. Поэтому ограбленіе крупнаго дворянства было по душѣ какъ рыцарямъ, такъ и крестьянамъ. Часть низшаго дворянства примкнула къ аристократической партіи, а часть—къ демократической, большая же часть колебалась между обѣими партіями и склонялась на ту сторону, гдѣ въ данный моментъ ее манили успѣхъ и добыча.

Между рыцарями, остававшимися непоколебимо вѣрными демократической партіи, наиболѣе выдавался уже названный выше Жижка изъ Троцнова, сражавшійся въ качествѣ наемника противъ поляковъ, противъ турокъ и, въ англійской арміи, противъ французовъ. Онъ предоставилъ къ услугамъ демократовъ свой военный опытъ и сталъ самымъ знаменитымъ и страшнымъ ихъ вождемъ. Но какъ крѣпко онъ ни держалъ ихъ сторону, все же онъ присоединился къ нимъ какъ *солдатъ*, а не какъ *политикъ*, ибо, какъ мы скоро увидимъ, они образовали не имѣвшую себѣ подобной армію. Какъ политикъ, онъ, какъ и многіе другіе рыцари и большая часть пражскаго мелкаго мѣщанства, занималъ среднее положеніе между ними и калликстинцами.

Послѣ его смерти, сторонники его отдѣлились отъ демократовъ и образовали свою собственную среднюю партію «сиротъ»,—такъ они называли себя,—потому что потеряли своего отца Жижку.

Демократы же назывались таборитами, по имени ихъ политическаго и военнаго центра,—*коммунистическаго города Табора*. Коммунисты стали передовыми борцами демократіи.

V. Коммунисты въ Таборѣ.

Съ развитіемъ товарнаго производства и товарнаго обмѣна въ Богеміи, какъ и въ другихъ странахъ, неизбѣжно должны были зародиться коммунистическія идеи. Распространеніе въ XIV вѣкѣ шерстоткацкаго промысла, появившагося въ Богеміи сначала въ Прагѣ, Иглау и Пильзенѣ, особенно способствовало зарожденію и распространенію этихъ идей [1].

Не было также недостатка и во внѣшнихъ вліяніяхъ дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи. Въ Богеміи жили бегарды (называвшіеся тамъ пиккардами). Переселеніе нѣмецкихъ ремесленниковъ, которымъ благопріят-

---

[1]) Уже въ 1337 г. мы встрѣчаемъ въ Прагѣ суконщиковъ—подмастерьевъ, выдѣлывавшихъ самостоятельно цѣлые куски сукна. Очевидно, уже должны были существовать крупныя предпріятія, на которыхъ работали въ качествѣ кустарей подмастерья. (*Гильдебрандъ*, Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie, стр. 104).

ствовали богемскіе короли, не осталось, повидимому, безъ вліянія на проникновеніе въ Богемію беггардовъ.

Вальденсцы, по утвержденію историковъ, бѣжали изъ южной Франціи въ Богемію уже во время перваго воздвигнутаго на нихъ гоненія. Въ этомъ убѣжищѣ они жили тайно и распространяли свое ученіе [1]).

Когда развился антагонизмъ между Богеміей и папской церковью, и противники послѣдней стали пользоваться въ Богеміи не только терпимостью, но даже покровительствомъ, коммунистическая ересь, естественно, тоже подняла голову и преслѣдуемые коммунисты окружающихъ странъ искали спасенія въ Богеміи. Коммунизмъ могъ развиться здѣсь тѣмъ легче, что въ своей аргументаціи, и часто даже въ своихъ требованіяхъ, онъ обнаруживалъ внѣшнее сходство съ другими еретическими направленіями: всѣ они стремились возвратиться къ первоначальному христіанству, возстановить «чистое ученіе». О толкованіи этого ученія стали спорить уже потомъ.

Война, объявленная церковью и государствомъ Богеміи сожженіемъ Іоанна Гусса, привела къ тому, что благодаря конфискаціи и разграбленію церковныхъ имуществъ былъ ниспровергнутъ традиціонный общественный порядокъ, основанный на собственности. Это было какъ разъ подходящее время для коммунистическихъ сектъ. Онѣ теперь открыто подняли голову. Тайно и безвѣстно влачили онѣ до сихъ поръ свое существованіе и только время отъ времени измѣна кого-нибудь изъ ихъ членовъ давала знать міру о ихъ существованіи [2]). Но теперь, когда они могли выступить открыто, впервые обнаружилось, какъ сравнительно широко онѣ были распространены.

Въ Прагѣ коммунисты были слишкомъ слабы, а ихъ противники слишкомъ сильны, чтобы первые могли свободно развернуть свою дѣятельность. Иначе обстояло дѣло въ небольшихъ городахъ.

Коммунистическіе проповѣдники возвѣстили, что уже наступило тысячелѣтнее царство Христа, Прага будетъ истреблена, подобно Содому, небеснымъ огнемъ, но въ рядѣ другихъ городовъ праведные найдутъ себѣ спасеніе. Христосъ явится въ блескѣ своей славы, и оснуетъ царство Божіе, въ

---

[1]) Ср. *Ф. Бендеръ*, Geschichte der Waldenser, стр. 46 и сл.

[2]) Изъ долинъ Піемонта, гдѣ сохранились еще вальденскія общины въ концѣ XIV вѣка прибыли въ Богемію къ жившимъ тамъ вальденсцамъ, двое проповѣдниковъ (Бендеръ, Geschichte der Waldenser, стр. 47, у котораго мы заимствуемъ этотъ фактъ, не указываетъ точной даты, но это произошло, вѣроятно, еще при Карлѣ IV). Два проповѣдника, оба итальянца оказались измѣнниками. Они открыли католическому духовенству мѣста, гдѣ собирались вальденсцы и вызвали этимъ жестокое гоненіе на своихъ единовѣрцевъ.

которомъ не будетъ ни господъ ни рабовъ, ни грѣховъ ни нужды, и никакого другого закона кромѣ закона свободнаго духа. Оставшіеся въ живыхъ, возвратившись въ состояніе райской невинности, не будутъ больше знать никакихъ физическихъ страданій и потребностей, и для спасенія своего не будутъ нуждаться въ церковныхъ таинствахъ [1]).

Въ различныхъ городахъ устраивались коммунистическія организаціи. О коммунистическихъ организаціяхъ въ деревнѣ мы не нашли никакихъ свѣдѣній. Все указываетъ на то, что коммунистическія идеи были воплощены въ жизнь только въ городахъ. Изъ этихъ городовъ до насъ дошли имена *Пизека*, *Водняна и Табора*. Въ послѣднемъ городѣ коммунисты достигли полнаго господства.

Таборъ былъ основанъ вблизи маленькаго города Аусти на р. Лужницѣ, получившей, какъ мы знаемъ, извѣстность благодаря своимъ золотымъ розсыпямъ. Это обиліе золота вѣроятно имѣло особенно большое вліяніе на развитіе торговли и промышленности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на развитіе связанныхъ съ ними противорѣчій. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что коммунистическіе агитаторы находили тамъ, начиная съ 1415 г., покровительство и убѣжище, главнымъ образомъ при посредствѣ богатаго сукнодѣла и сукноторговца Пителя, что позволяетъ намъ заключить о существованіи въ этомъ городѣ значительнаго количества ткачей. Позднѣйшіе жители Табора были тоже по преимуществу ткачами, какъ сообщаетъ Эней Сильвій въ одномъ письмѣ, о которомъ намъ еще придется говорить. Въ 1419 г., во время краткой попытки реакціи при Вѣнцеславѣ, эти агитаторы были изгнаны изъ Аусти, гдѣ существовала сильная католическая партія. Они поселились вблизи Аусти, на обширномъ холмѣ у Лужницы, образующемъ полуостровъ съ крутыми обрывистыми берегами и соединяющемся съ сушей лишь узкой полосой земли. Это мѣсто, сильно укрѣпленное отъ природы, они избрали себѣ крѣпостью и назвали его *Таборомъ*, именемъ заимствованнымъ изъ Ветхаго завѣта, языкомъ котораго они охотно пользовались подобно позднѣйшимъ анабаптистамъ и пуританамъ.

Со всѣхъ сторонъ стекались туда коммунисты, чтобы безпрепятственно устраивать тамъ свои собранія. На одномъ изъ нихъ, состоявшемся 22 іюля 1419 г. присутствовало, говорятъ, 42.000 человѣкъ, собравшихся изъ всей Богеміи и Моравіи. Это указываетъ на значительное распространеніе коммунистическихъ идей.

---

[1]) *Палацкій* цит. соч., III, 2, стр. 81. Главнымъ источникомъ, изъ котораго Палацкій черпаетъ свои сообщенія о таборитскомъ коммунизмѣ, является полемическое сочиненіе противъ таборитскихъ священниковъ, имѣющееся, къ сожалѣнію, только въ рукописи І. Пшибрама: „Proti knezim Taborskym“. Оно написано въ 1429 г.

«Все это событіе изображалось даже противниками, какъ великій, возвышающій душу и сердце, религіозно-идиллическій народный праздникъ. Онъ прошелъ въ полномъ спокойствіи и прекраснѣйшемъ порядкѣ. Навстрѣчу толпамъ пилигриммовъ, стекавшимся со всѣхъ сторонъ въ стройныхъ процессіяхъ со знаменами и св. дарами впереди, выходили съ такою же торжественностью бывшіе уже на мѣстѣ; они привѣтствовали ихъ радостными кликами и указали имъ мѣсто, отведенное для нихъ на горѣ. Каждый пришедшій былъ «братомъ» и «сестрою»; на различія состоянія не обращали вниманія. Священники раздѣлили между собою трудъ: одни проповѣдывали въ опредѣленныхъ мѣстахъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ, другіе выслушивали исповѣди, третьи причащали подъ обоими видами. Такъ продолжалось до полудня. Тогда приступали къ трапезѣ и дѣлили принесенные гостями запасы пищи; недостатокъ у однихъ пополнялся излишкомъ у другихъ; *различія между «моимъ» и «твоимъ» братья и сестры горы Табора не знали.* Такъ какъ души всѣхъ собравшихся были охвачены религіознымъ чувствомъ, то ни въ чемъ не были нарушены строгія правила нравственности; никто не думалъ о музыкѣ, танцахъ и игрѣ. Остатокъ дня прошелъ въ бесѣдахъ и произнесеніи рѣчей, и всѣ убѣждали другъ друга жить въ согласіи, любви и нерушимой вѣрности дѣлу «священной» чаши. При такихъ условіяхъ не было недостатка въ жалобахъ и обвиненіяхъ со стороны противной партіи въ экзальтированномъ рвеніи, въ планахъ возстановленія въ странѣ свободы проповѣди «слова Божіяго». Наконецъ, собраніе спокойно разошлось, позаботившись вознаградить сначала на собранныя между собою деньги даже собственниковъ полей, которые пострадали въ этотъ день» [1]).

Черезъ восемь дней послѣ этого собранія въ Прагѣ вспыхнулъ бунтъ, который покончилъ съ реакціей, былъ причиной смерти Вѣнцеслава и послужилъ началомъ гуситской войны. Теперь уже не ограничивались одними демонстраціями на коммунистическихъ пикникахъ, а стали организовывать коммунистическія общины.

Основныя положенія таборитовъ были ясно и кратко изложены въ сочиненіи, написанномъ пражскимъ университетомъ. Несогласія между пражцами и таборитами рѣшено было устранить, по господствовавшему тогда обычаю, путемъ устройства публичнаго диспута (10 декабря 1420 г.). Для этой цѣли профессора пражскаго университета отмѣтили около 76 пунктовъ таборитскаго ученія, содержавшихъ по мнѣнію составителей ересь или во всякомъ случаѣ ошибочные взгляды. Большинство этихъ пунктовъ, въ соотвѣтствіи со вкусами господъ профессоровъ и формами мышленія того

[1]) *Палацкій,* цит. соч., III, 1, стр. 417 и сл.

времени, носило теологическій характеръ. Но два пункта содержатъ въ себѣ также упрекъ въ республиканизмѣ и коммунизмѣ. Табориты учили:

«Въ это время на землѣ не будетъ ни короля или властителя, ни подданнаго, и всѣ подати и налоги исчезнутъ. Никто не будетъ принуждать другого къ чему-нибудь и всѣ будутъ равными братьями и сестрами.

«Какъ въ городѣ Таборѣ нѣтъ «моего» и «твоего», а все является общимъ достояніемъ, такъ и для всѣхъ людей все должно быть общимъ и никто не долженъ имѣть своей особенной собственности, а кто обладаетъ такой собственностью, совершаетъ смертный грѣхъ».

Изъ этихъ пунктовъ они вывели заключеніе, что не подобаетъ больше имѣть короля или выбирать таковаго, самъ Богъ будетъ королемъ людей, а управленіе должно находиться въ рукахъ народа, что должны быть истреблены и вырваны съ корнемъ, подобно сорной травѣ, всѣ господа, люди дворянскаго происхожденія и рыцари, что нужно перестать уплачивать подати и налоги и что всѣ особыя права государей и государствъ, городовъ и крестьянъ должны быть упразднены, какъ творенія человѣческія, а не божескія и т. д.

Чисто религіозные пункты касаются, между прочимъ, требованія уничтожить всѣ церкви, запрещенія поклоняться Богу въ церкви, запрещенія дѣлать образа̀ святыхъ или поклоняться имъ, отрицаніе вѣры въ адскій огонь и т. д. Табориты возставали также противъ учености или, если угодно, противъ науки: «Христіанинъ ни во что не долженъ вѣрить, но долженъ признавать только то, что сказано и выражено вполнѣ опредѣленно въ Библіи и, кромѣ Библіи не должно читать или учить или распространять никакого сочиненія докторовъ или какихъ-либо магистровъ (профессоровъ) или мудрецовъ, ибо это люди, а людямъ свойственно ошибаться. Тотъ, кто изучаетъ семь искусствъ, становится профессоромъ этихъ искусствъ или называетъ себя магистромъ этихъ наукъ, подражаетъ язычникамъ, преисполненъ гордыни, совершаетъ смертный грѣхъ». Это ученіе, вѣроятно особенно непріятно господамъ профессорамъ. Объ антагонизмѣ христіанскихъ коммунистовъ, такъ же какъ и объ ихъ аскетизмѣ мы говорили въ другомъ мѣстѣ, гдѣ мы и указали объясненіе этого явленія (стр. 149 и сл.).

Воплощался коммунизмъ, разумѣется, въ формѣ, завѣщанной первоначальнымъ христіанствомъ, еще вполнѣ соотвѣтствовавшей тогдашнему состоянію производства.

Каждая община имѣла свою отдѣльную кассу, называвшуюся «куфою» (Kadé), куда каждый вносилъ то, что называлъ своимъ. Извѣстны три такихъ кассы: одна—въ Таборѣ, другая—въ Пизекѣ и третья—въ Воднянѣ. Братья и сестры продавали все свое имущество и клали его къ ногамъ управляющаго кассой, кассира.

Уже упомянутый Пшибрамъ пишетъ въ своемъ антитаборитскомъ сочиненіи (1429 г.): «И еще одну мошенническую продѣлку изобрѣли они (таборитскіе священники). Они приказали стекавшимся къ нимъ на гору и въ городъ Пизекъ, чтобы всѣ братья снесли все свое въ одно мѣсто, затѣмъ они выставили одну или двѣ куфы, и община наполнила почти до краевъ эти куфы. Распорядителемъ этой кассы былъ негодяй Матвѣй Лауда изъ Пизека, который вмѣстѣ съ другими священниками, распоряжавшимися куфой, не остались въ накладѣ. Изъ этого отвратительнаго примѣра можно видѣть, какъ безчестно они лишали народъ его имущества и заработка, а сами приэтомъ обогащались и отъѣдались» [1]).

Самъ Палацкій принужденъ сознаться, что этотъ упрекъ является жалкой клеветой.

Какъ видно изъ этого примѣра, крупные эксплоататоры и ихъ защитники, къ числу которыхъ принадлежитъ также безхитростный Пшибрамъ, уже пять вѣковъ тому назадъ—также хорошо, какъ и въ наше время—умѣли распространять клевету о передовыхъ борцахъ за дѣло эксплоатируемыхъ,—будто они, эти борцы, «отъѣдаются на рабочіе гроши», а сами эксплоататоры, дѣйствительно отъѣвшіеся, ничѣмъ такъ не возмущаются, какъ эксплоатаціей рабочихъ.

Однако, какъ бы честны и безкорыстны ни были хранители кассы, такого рода коммунизмъ все же не могъ долго продержаться. Среди таборитовъ онъ могъ упрочиться еще менѣе, чѣмъ среди первыхъ христіанъ, такъ какъ они не были, подобно главному ядру послѣднихъ, нищими, а рабочими, жившими не милостыней богачей, а собственнымъ трудомъ. Но въ то время, въ эпоху ремесла и мелкаго крестьянскаго хозяйства, трудъ становился невозможнымъ, разъ каждый продавалъ свои орудія производства и отдавалъ вырученныя деньги въ общую кассу, дабы купить на нихъ средства потребленія для всѣхъ членовъ общины. Мы не думаемъ, чтобы такой образъ дѣйствія получилъ когда-либо всеобщее распространіе среди таборитовъ. Отъ него, конечно, скоро отказались. Практически ихъ коммунизмъ получилъ такой же характеръ, какъ у первыхъ христіанъ: каждая семья трудилась отдѣльно и вносила въ общую кассу лишь остававшійся у нея излишекъ.

Такая перемѣна произошла, однако, не безъ энергичнаго протеста со стороны болѣе ревностныхъ и строгихъ коммунистовъ. Общность средствъ потребленія въ ея чистомъ видѣ, во всякомъ случаѣ, не могла найти прочнаго осуществленія при тогдашнихъ условіяхъ. Крайніе коммунисты требовали, поэтому, введенія полнаго коммунизма и упраздненія семьи. Послѣднее же

[1]) Цит. у *Палацкаго*, цит. соч., III, 2, стр. 297.

можетъ принять одну изъ двухъ формъ: форму безбрачія и форму упраздненія индивидуальной семьи, путемъ введенія такъ называемой общности женъ. Строгіе коммунисты изъ таборитовъ тѣмъ охотнѣе предпочитали вторую форму, что ихъ рѣшительный антагонизмъ къ католической церкви и монашеству приводилъ ихъ и къ отрицанію безбрачія духовенства.

Это необходимое послѣдствіе коммунизма на данной ступени экономическаго развитія не представляетъ для насъ ничего новаго. Мы уже встрѣтились съ нимъ у первыхъ христіанъ. Говоря о возникновеніи монашества, мы подробнѣе остановились на этомъ явленіи. Мы показали тогда, что общность женъ столь же мало является «заблужденіемъ» человѣческаго духа, какъ и безбрачіе; она скорѣе необходимый продуктъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній.

Стремленія строгихъ коммунистовъ нашли себѣ самое ясное и рѣшительное выраженіе въ сектѣ братьевъ и сестеръ свободнаго духа, съ которою мы уже познакомились выше. Секта распространилась и въ Богеміи; когда тамъ говорили о пикардахъ (беггардахъ), то подъ ними подразумѣвали почти исключительно членовъ этой секты. По имени крестьянина Николая, главнаго провозвѣстника ея ученія, гусситская разновидность братьевъ и сестеръ свободнаго духа получила также названіе *николаитовъ*, но болѣе всего они были извѣстны подъ именемъ *адамитовъ*, ибо на адамитское состояніе, естественное состояніе—сказали бы въ прошломъ вѣкѣ—они смотрѣли, какъ на состояніе безгрѣшной невинности. Въ помѣщеніяхъ, гдѣ они устраивали свои собранія—эти помѣщенія назывались раемъ—они, какъ передаютъ, сходились нагими. Но является ли это извѣстіе лишь плодомъ сплетни, или просто злостной клеветы,—этого мы не въ состояніи рѣшить.

Адамиты жили на островѣ, расположенномъ посреди рѣки Лужницы,—сообщаетъ намъ Эней Сильвій. Они ходили нагими. Къ сожалѣнію, онъ забываетъ сообщить, всегда ли они ходили нагими или только въ особыхъ случаяхъ. «Они ввели у себя общность женъ, (connubia eis promiscua fuere), но имъ было запрещено вступать въ сношенія съ женщиною безъ разрѣшенія ихъ настоятеля, Адама. Но когда кто-нибудь изъ нихъ бывалъ охваченъ вожделѣніемъ къ женщинѣ, то онъ бралъ ее за руку, приводилъ къ настоятелю и говорилъ ему: «Духъ мой воспылалъ любовью къ ней». Настоятель отвѣчалъ на это: «Идите, плодитесь и множитесь и наполняйте землю» [1]).

Этотъ видъ безбрачія слишкомъ противорѣчилъ нравственнымъ воззрѣніямъ того времени, когда древнетрадиціонный и глубоко вкоренив-

---

[1]) *Эней Сильвій*, De ortu et historia Bohemorum. Opera omnia, стр. 109.

шійся въ народномъ сознаніи институтъ индивидуальнаго брака и индивидуальной семьи повелительно диктовался потребностями тогдашняго способа производства и тогдашняго общества. Уничтоженіе брака было несомнѣнно логическимъ выводомъ изъ тогдашняго коммунизма, но именно этотъ выводъ служилъ доказательствомъ того, что самъ коммунизмъ не имѣлъ еще опоры въ обществѣ, нуждавшемся въ индивидуальномъ бракѣ; именно этотъ выводъ доказывалъ, что коммунизмъ того времени былъ осужденъ оставаться въ узкихъ предѣлахъ небольшихъ корпорацій и общинъ. Большая часть таборитовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возставала противъ стремленій строгаго коммунизма.

Уже весною 1421 г. дѣло дошло до открытаго конфликта между обоими направленіями. Священникъ *Мартинекъ Гауска*, одинъ изъ главныхъ представителей самыхъ радикальныхъ мечтателей [1]), 29 января былъ захваченъ въ плѣнъ рыцаремъ, но освобожденъ, благодаря заступничеству многихъ друзей. Онъ сталъ проповѣдывать свое ученіе съ еще большимъ рвеніемъ, и число его послѣдователей разрослось до такихъ угрожающихъ размѣровъ, что таборитскій епископъ Николай обратился въ Прагу за помощью. Коммунистическая ересь нашла себѣ почву и тамъ. Совѣтъ повелѣлъ принять противъ нихъ немедленно строгія мѣры, и два пражскихъ гражданина, по милому обычаю того времени, были осуждены на смерть и преданы казни за эту ересь. Одновременно (въ мартѣ) въ Таборѣ дѣло дошло до разрыва между обоими направленіями. Строгіе коммунисты, бывшіе въ меньшинствѣ, подверглись изгнанію и переселились въ количествѣ 300 человѣкъ въ лѣса, находившіеся на рѣкѣ Лужницѣ.

Священника Мартинека заставили отречься отъ «ересей». Но его сподвижники остались тверды. Противъ нихъ выступилъ Жижка. Онъ склонялся въ душѣ къ пражцамъ, и «пиккардская ересь», которую ненавидѣли даже табориты, была для него отвратительна. Онъ напалъ на нихъ въ лѣсахъ, въ которыхъ они поселились, и взялъ многихъ въ плѣнъ. Послѣ того какъ они отказались отрѣчься въ чемъ-либо отъ своихъ ученій, Жижка повелѣлъ предать ихъ, въ числѣ 50-ти человѣкъ, сожженію на кострѣ. Смѣясь, пошли они на встрѣчу смерти.

Мартинекъ, чувствовавшій себя не совсѣмъ ловко среди таборитовъ, рѣшилъ отправиться въ Моравію. Но по дорогѣ его вмѣстѣ съ его спутникомъ, Прокопомъ Одноглазымъ, захватили въ плѣнъ и передали въ руки архіепископа Конрада, жившаго въ Раудницѣ. Жижка требовалъ отъ пражцевъ, чтобы они привели этихъ двухъ опасныхъ людей въ Прагу и

---

[1]) Онъ, между прочимъ, хотѣлъ ввести снова агапы, общія трапезы любви, которыя практиковались въ первой церкви.

сожгли ихъ живыми, дабы ихъ наказаніе послужило предостерегающимъ примѣромъ для другихъ. Но пражскіе ратманы боялись простонародья, среди которыхъ было много сторонниковъ направленія Мартинека. Они послали палача въ Раудницъ, который пыталъ обоихъ арестованныхъ до тѣхъ поръ, пока они не выдали имена нѣкоторыхъ единомышленниковъ, жившихъ въ Прагѣ. Затѣмъ ихъ бросили въ бочки и предали огню (21 августа 1421 г.).

Но пиккардская ересь еще не была окончательно истреблена. Горсть адамитовъ поселилась на островѣ рѣки Нежарки, впадающей въ Лужницу. Жижка послалъ противъ нихъ 400 вооруженныхъ человѣкъ, приказавъ послѣднимъ истребить ихъ окончательно. Застигнутые адамиты защищались отчаянно и убили многихъ враговъ, но въ концѣ концовъ сдались. Пощаженные мечомъ, нашли свою смерть въ огнѣ (21 октября 1421 г.).

Теперь строгое направленіе коммунизма было окончательно уничтожено. Незначительныя боевыя силы, съ помощью которыхъ оно было подавлено, показываютъ, что оно не было слишкомъ широко распространено. И дѣйствительно, только немногіе чрезвычайно смѣлые и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно односторонне увлеченные коммунизмомъ люди могли тогда такъ далеко опередить свое время. Они представляютъ интересъ для исторіи коммунистической мысли, но историческаго значенія не имѣютъ.

Адамиты были побѣждены и осуждены на безсиліе, но Жижкѣ, преслѣдовавшему ихъ съ особенной ненавистью, не удалось истребить ихъ окончательно. Остатки секты влачили жалкое существованіе среди таборитовъ. Въ послѣднія десятилѣтія XV вѣка они появляются опять на сцену и дѣлаютъ попытку слиться съ богемскими братьями, о которыхъ мы еще будемъ говорить.

Послѣ пораженія адамитовъ мы не встрѣчаемъ уже болѣе попытки осуществить строгую форму коммунизма. Болѣе мягкая форма—коммунистическая скорѣе по намѣреніямъ ея сторонниковъ, а не по своему осуществленію — сохранилась въ Таборѣ еще въ продолженіе жизни одного поколѣнія.

Но на что употреблялись тамъ доходы общей кассы или, вѣрнѣе сказать, общей кладовой—ибо взносы въ общинную кассу дѣлались преимущественно натурою?

Въ первыхъ христіанскихъ общинахъ излишки однихъ, богатыхъ, шли на покрытіе нужды другихъ, бѣдныхъ. Въ Таборѣ въ этомъ не было нужды. Тамъ существовало полное равенство въ условіяхъ существованія отдѣльныхъ членовъ. Этого было тѣмъ легче достигнуть, что добычи, полученной сначала изъ церковныхъ имуществъ, а затѣмъ и изъ иму-

ществъ враждебныхъ дворянъ и городовъ, было вполнѣ достаточно для того, чтобы дать возможность каждому устроить свое хозяйство [1]).

На попеченіе о бѣдныхъ таборитамъ не приходилось расходовать. Но они должны были заботиться о своихъ священникахъ. У нихъ не было аристократіи изъ духовенства, владѣющей собственнымъ имуществомъ, духовной аристократіи. Каждый мірянинъ могъ сдѣлаться священникомъ. Священники избирались общиной, а они, въ свою очередь, избирали своихъ епископовъ. Они находились въ экономической зависимости отъ содержавшей ихъ общины. Ихъ функціи, какъ и вообще функціи средневѣковаго духовенства, соотвѣтствовали, въ общемъ и цѣломъ, функціи современныхъ государственныхъ и общинныхъ чиновниковъ и учителей. Они исправляли судебныя обязанности, занимали общинныя должности и являлись посредниками, какъ въ сношеніяхъ общинъ между собою, такъ и въ сношеніяхъ ихъ съ внѣшнимъ міромъ. Одной изъ ихъ главныхъ задачъ было обученіе дѣтей. Табориты придавали большое значеніе основательному, всеобщему народному образованію. Эта сторона ихъ быта особенно бросалась въ въ глаза; въ ту эпоху у другихъ народовъ нельзя было встрѣтить ничего подобнаго. Сравниться съ ними могли развѣ только «братья общей жизни». Но монашеско-католическія тенденціи послѣднихъ придавали ихъ дѣятельности совсѣмъ иной характеръ. Само собою разумѣется, что образованіе таборитовъ нужно измѣрять масштабомъ ихъ времени. Оно носило преимущественно теологическій характеръ.

Эней Сильвій писалъ однажды: «Итальянскіе священники могутъ стыдиться. Навѣрное никто изъ нихъ не прочелъ хотя бы однажды Новаго завѣта. У таборитовъ же ты врядъ ли найдешь женщину, которая не знала бы хорошо Ветхаго и Новаго завѣта». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «Эта коварная порода людей обладаетъ только однимъ достоинствомъ: она любитъ просвѣщеніе (litteras)».

Забота таборитовъ о народномъ образованіи какъ будто противорѣчитъ ихъ антипатіи къ наукѣ, о которой свидѣтельствуютъ не только приведенные выше факты, но и то, что они требовали отъ присоединявшихся къ нимъ ученыхъ избрать себѣ какое-нибудь ремесло. Но это противорѣчіе только кажущееся. Табориты ненавидѣли оторванную отъ низшихъ слоевъ населенія, враждебную къ нимъ ученость; ученость, ставшую орудіемъ эксплоататоровъ, привилегіей высшихъ классовъ, несовмѣстимую на тогдашней

[1]) Даже относительно аристократической Праги сохранились свѣдѣнія о томъ, что великая община, т. е. народное собраніе, конфисковала дома, виноградники и другое имущество противниковъ и передавала ихъ въ руки сторонниковъ праваго дѣла. «Почтенный совѣтъ», правда, часто отбиралъ ихъ назадъ. (Сравн. *Палацкій*, цит. соч., III, 2, стр. 281).

ступени производства съ всеобщимъ равенствомъ. Мелко-крестьянскія и ремесленныя производства поглощаютъ всѣ силы и все время трудящихся и не оставляютъ возможности пріобрѣтать высшихъ знаній, или подниматься надъ своимъ классомъ. Но въ интересахъ равенства было сдѣлать общедоступными всѣ тѣ знанія, какія могли быть доступны по условіямъ того времени.

Ненависть таборитовъ къ учености проистекала изъ экономической отсталости того времени. Ихъ ревностное стремленіе распространить образованіе проистекало изъ ихъ коммунизма. Не случайно то обстоятельство, что отецъ современной школьной педагогики, многопрославленный Комменіусъ, былъ епископомъ *богемскихъ братьевъ*, пріемниковъ таборитовъ.

Но еще большее значеніе, чѣмъ *школьное дѣло*, пріобрѣло для таборитовъ *военное дѣло*. Это маленькая община, такъ смѣло объявившая войну всему существующему обществу, могла сохранить свое существованіе только до тѣхъ поръ, пока она оставалась непобѣжденной на полѣ битвы. Она не могла надѣяться ни на миръ, ни даже на перемиріе. Ея устройство слишкомъ противорѣчило интересамъ господствующихъ общественныхъ силъ. Но она не могла также одержать рѣшительной побѣды. Она могла раздавить но не преодолѣть своихъ враговъ, ибо они опирались на существующія производственныя отношенія. Таборитскій коммунизмъ былъ только вѣткой, искусственно привитой къ этимъ отношеніямъ, и онъ никогда не могъ превратиться въ господствующую форму общества того времени.

Судьба обрекла таборитовъ на вѣчную войну. Она была ихъ славою, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и ихъ злымъ рокомъ.

Вся организація таборитовъ была приспособлена къ войнѣ. Они дѣлились на двоякаго рода общины,—на полевыя (военныя) и домашнія общины. Послѣднія оставались дома и работали на себя и на полевыя общины, которыя занимались исключительно военнымъ дѣломъ. Онѣ всегда находились подъ оружіемъ. Вмѣстѣ съ женами и дѣтьми выступали онѣ противъ непріятеля, подобно древнимъ германцамъ, съ которыми онѣ соперничали въ варварской дикости и необузданности. Повидимому, различныя общины мѣнялись мѣстами: возвратившіеся съ сраженія брались за работу, а прежніе работники занимали ихъ мѣсто. Мы говоримъ «повидимому», ибо въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ вопросахъ, относящихся къ таборитамъ, мы, къ сожалѣнію, можемъ строить только догадки. Насколько пространныя свѣдѣнія дошли до насъ о ихъ военныхъ подвигахъ, настолько же мало мы знаемъ о ихъ внутреннемъ устройствѣ.

Учрежденіе этихъ полевыхъ общинъ пріобрѣло громадное значеніе для исторіи военнаго дѣла. Обыкновенно утверждаютъ, что начало постоян-

ной арміи въ концѣ среднихъ вѣковъ положилъ французскій король Карлъ VII, который создалъ въ срединѣ XV вѣка постоянную военную силу въ пятнадцать батальоновъ. Но фактически первую постоянную армію образовали таборитскія полевыя общины; въ сравненіи съ французскимъ однороднымъ учрежденіемъ эта армія обладала еще тѣмъ преимуществомъ, что покоилась на всеобщей воинской повинности, а не на вербовкѣ наемныхъ солдатъ. (Во Франціи, кромѣ того, солдаты были по большей части чужеземцами, швейцарцами и нѣмцами).

Это учрежденіе было причиною громаднаго военнаго превосходства таборитовъ надъ ихъ противниками.

Войскамъ того времени совершенно недоставало дисциплины и способности къ маневрированію. И откуда могли взяться эти качества у необузданныхъ толпъ вассаловъ и наемныхъ солдатъ? Созванные сегодня, они на завтра разбѣгались, если только имъ задерживали жалованіе или какъ нибудь иначе возбуждали ихъ неудовольствіе.

Таборитское войско было первымъ войскомъ со времени упадка древней римской имперіи, которое образовало организмъ, а не безпорядочное скопище, кидающееся на врага. Оно было раздѣлено на отдѣльныя части съ различнымъ вооруженіемъ; всѣ части были весьма опытны въ искусномъ маневрированіи, движеніи и поворотахъ, которые онѣ продѣлывали во время битвы; всѣ онѣ двигались планомѣрно изъ одного центра и систематически содѣйствовали другъ другу своими движеніями. Табориты первые сумѣли цѣлесообразно примѣнить артиллерію на полѣ битвы, наконецъ, они же впервые выработали искусство маршированія. Ихъ быстрые переходы доставляли имъ часто побѣду надъ малоподвижными арміями противниковъ.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они показали себя творцами новаго военнаго дѣла, непохожаго на средневѣковое.

Можно, пожалуй, сказать, что какъ въ другихъ областяхъ, такъ и въ военномъ дѣлѣ всякій крупный успѣхъ являлся послѣдствіемъ соціальной революціи, и что величайшими полководцами послѣднихъ 500 лѣтъ были тѣ, кто лучше другихъ сумѣлъ овладѣть этими успѣхами и использовать ихъ: Жижка, Кромвель, Наполеонъ.

Военную доблесть таборитовъ подкрѣпляли еще ихъ энтузіазмъ и безстрашіе передъ лицомъ смерти. Для нихъ не существовало никакихъ компромиссовъ, никакихъ остановокъ на разъ избранномъ пути. У нихъ не было иного выбора, какъ побѣдить или умереть.

Они стали, такимъ образомъ, самыми страшными воителями Европы и спасли своимъ военнымъ терроризмомъ гуситскую революцію, подобно тому, какъ въ 1793 г. санкюлоты своимъ терроризмомъ спасли буржуазную революцію 1789 года.

VI. Паденіе Табора.

Послѣ смерти Венцеля каликстинцы—гусситское дворянство и пражцы—начали переговоры съ Сигизмундомъ. Они чувствовали себя далеко не по себѣ при мысли, что имъ приходится начинать новую борьбу съ королемъ и папой, т. е., въ сущности, со всей Европой. Они тѣмъ охотнѣе склонялись къ компромиссу, что таборитизмъ выросталъ въ громадную силу. Если бы дѣло шло только о мірской чашѣ, то сойтись на компромиссѣ было бы, конечно, не трудно. Но на карту поставлено было гораздо больше, деньги и имущество церкви, а на этой почвѣ сойтись было невозможно. Церковь и ея вѣрный слуга Сигизмундъ обнаружили такую же непримиримость, какъ табориты со своей стороны. Дѣло дошло до борьбы на жизнь и смерть, борьбы, во время которой каликстинцы, грабители церкви, по необходимости, но лишь скрѣпя сердце, сражались въ однихъ рядахъ съ таборитами.

Здѣсь не мѣсто излагать исторію гусситскихъ войнъ. Мы лишены возможности обстоятельно сообщить о томъ, какъ, послѣ опубликованія папой Мартиномъ V буллы «Omnium plasmatoris domini» (1-го марта 1420 г.), призывавшей весь христіанскій міръ на борьбу съ гусситами, организовывались одна за другой рядъ хищническихъ дружинъ крестоносцевъ, собиравшихся искоренить ересь; какъ въ каждомъ изъ пяти крестовыхъ походовъ періода 1430—1431 годовъ арміи крестоносцевъ терпѣли постыдныя пораженія; какъ слава о непобѣдимости таборитскихъ войскъ все ширилась и росла, такъ что въ концѣ концовъ,—при третьемъ походѣ у Миса (1427) и при пятомъ—у Таусса (1431),—подъ вліяніемъ одного лишь извѣстія о приближеніи гусситовъ въ паническомъ ужасѣ разбѣжались цѣлыя большія войска, еще даже не увидавъ непріятеля. Мы не можемъ также прослѣдить внутреннихъ столкновеній между каликстинцами и таборитами, происходившихъ въ промежуткахъ между походами гусситовъ на крестоносцевъ.

Послѣ величественной побѣды при Тауссѣ казалось, что больше не найдется такого врага, который могъ бы устоять противъ таборитовъ. Ни одно чужеземное войско не осмѣливалось идти на нихъ походомъ. Внутри же страны сила ихъ враговъ, дворянства и нѣкоторыхъ городовъ, все больше и больше таяла. Дальнѣйшее существованіе терроризма таборитовъ грозило имъ окончательной гибелью.

Но тогда-то и сказалось, какъ мало могутъ сдѣлать военныя побѣды, если цѣли побѣдителей противорѣчатъ направленію экономическаго развитія.

За рѣшительнымъ военнымъ пораженіемъ таборитовъ естественно послѣдовало бы ихъ полное искорененіе. Но и собственныя ихъ побѣды взростили элементы, повлекшіе за собой ихъ уничтоженіе. Гибель таборитовъ вытекла изъ ихъ величайшаго тріумфа.

Чѣмъ побѣдоноснѣе ставились табориты, тѣмъ невыносимѣе, конечно, дѣлалось положеніе ихъ противниковъ въ Богеміи — каликстинцевъ, не говоря уже о католикахъ. Дворянство было принижено до степени ничтожества и давнымъ давно заключило бы миръ съ церковью, если бы— въ качествѣ грабителя церкви—не боялось ея алчности и мстительности. Послѣ пораженія при Тауссѣ дворянство стало обнаруживать особую предупредительность къ церкви.

Къ этому времени папа и король со своими приближенными, духовными и свѣтскими князьями, также оказались обезсиленными большими побѣдами гусситовъ. Интриги и переговоры между ними и каликстинцами никогда не прекращались окончательно, а послѣ побѣды при Тауссѣ сношенія возобновились съ еще большимъ пыломъ, чѣмъ до того, и въ концѣ концовъ установлено было соглашеніе, а именно послѣ того, какъ папская церковь въ лицѣ пословъ Базельскаго собора, соблаговолила даже признать, что владѣнія церковными имуществами она не считаетъ святотатствомъ (1433). Вмѣсто того, чтобы брать—церковь еще отдавала свое имущество богемцамъ. Она отрядила въ Богемію своихъ агентовъ, снабженныхъ большими денежными средствами, которые должны были облегчить ея новымъ союзникамъ, каликстинцамъ, взять верхъ надъ таборитами. Дворянство, «уже нѣсколько лѣтъ словно исчезнувшее съ арены» (*Палацкій*), теперь почувствовало, что за его спиной стоитъ король, вѣрнѣе, церковь съ ея богатствами; тогда оно вновь собралось съ духомъ, начало съѣзжаться на совѣщанія и организоваться съ цѣлью возвратить себѣ утерянное могущество при помощи жителей Праги и церковныхъ, хотя и болѣе чѣмъ свѣтскихъ средствъ католицизма.

Общее положеніе дѣлъ въ это время хорошо изображается въ богемской исторіи Энея Сильвія; замѣтимъ лишь, что этотъ авторъ приписываетъ совершенно невѣрную роль Прокопу, наиболѣе видному вожаку таборитовъ по смерти Жижки: Прокопъ никогда не обладалъ той неограниченной властью, о которой говоритъ Эней Сильвій. Правильнѣе будетъ, если во всемъ послѣдующемъ изложеніи повсюду, гдѣ говорится о терроризмѣ Прокопа, мы будемъ подразумѣвать подъ нимъ терроръ таборитовъ вообще. Эней повѣствуетъ: «Богемскіе бароны часто собирались вмѣстѣ, признавали свое заблужденіе и бѣду, состоящую въ томъ, что они отвергли власть своего короля и теперь принуждены нести тяжелое ярмо Прокопа. Они обсуждали промежъ себя, что онъ одинъ является властителемъ, рас-

поряжается и управляетъ землей по собственному произволу, взыскиваетъ пошлины, налагаетъ дань и подати, вербуетъ людей на войну, предводительствуетъ войсками, ведя ихъ—куда хочетъ, грабитъ и убиваетъ, не терпитъ никакого отпора себѣ и своимъ приказаніямъ и обращается съ высшими и съ низшими, какъ со своими рабами. Толковали они и о томъ, что нѣтъ болѣе несчастнаго народа на землѣ, какъ богемцы, которымъ приходится безпрестанно быть въ походѣ, зиму и лѣто жить въ палаткахъ, спать на голой землѣ и всегда находиться подъ оружіемъ, ибо ихъ терзаютъ то внутреннія, то внѣшнія войны и имъ безпрестанно приходится или сражаться, или со страхомъ готовиться къ битвѣ. Къ этому они прибавляли, что пора же, наконецъ, сбросить съ себя иго жестокаго тирана, и разъ они покоряли другіе народы, то не заставитъ же ихъ вѣчно служитъ себѣ *одинъ* человѣкъ—Прокопъ. Они порѣшили созвать князей, рыцарей и горожанъ на общій ландтагъ, чтобы обсудить на немъ лучшій способъ управленія для всего королевства. Когда они собрались на ландтагъ, господинъ Мейнгардъ изложилъ имъ, какъ счастливо королевство, въ которомъ народъ не *предается праздности*, но и не терзается войной; и какъ до сихъ поръ Богемія не знаетъ покоя и какъ ихъ королевство, непрестанно опустошенное войнами, обречено на скорую гибель, если только противъ этого не будутъ приняты во время мѣры; невспаханныя поля лежатъ втунѣ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скотъ и люди вымираютъ отъ голода» и т. д., и т. п.; всѣ эти несчастія прекратятся разумѣется, только, тогда, когда у власти снова станетъ дворянство [1]).

Въ то время, какъ различные враги таборитовъ, во имя общей вражды къ таборитизму, забывали о противоположности своихъ интересовъ и объединялись въ «реакціонную массу», въ коалицію противъ таборитовъ,—въ это самое время внутри таборитской партіи происходили перемѣны, которыя были для нихъ грознѣе, чѣмъ интриги и заговоры враговъ.

Коммунисты Табора составляли всегда лишь небольшую часть демократической партіи, носившей названіе таборитской. Они составляли наиболѣе энергичную, наиболѣе непримиримую, во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе рѣшительную и въ военнымъ дѣлѣ наиболѣе способную часть этой партіи. Но массу, принадлежавшую къ партіи, составляли мелкое городское мѣщанство и крестьяне, относившіеся къ коммунистической программѣ довольно безразлично. Чѣмъ дальше длилась война, тѣмъ больше страдали отъ нея эти элементы.

Хотя богемцы и оказались побѣдителями, но вначалѣ они были слиш-

[1]) Ср. *Палацкій*, цит. соч., III, 3, стр. 143 и слѣд.

*

комъ слабы для того, чтобы не допускать врага въ свою землю. Они побѣждали обороняясь. Только сравнительно поздно (въ 1427 г.) имъ удалось настолько увеличить свою силу, чтобы перенести опустошенія на чужія территоріи; эти опустошенія были неизбѣжными спутниками тогдашнихъ войнъ, существенную часть которыхъ составляли грабежъ и разрушеніе,—та же приблизительно картина, что и въ наше время при распространеніи европейской цивилизаціи въ Африкѣ. Но и наступленіе далеко не обезпечивало Богемію отъ грабежей со стороны враговъ-сосѣдей. Притомъ, междоусобныя войны все еще продолжались. Богемія истощалась съ каждымъ годомъ все больше и больше. Страдала не только торговля, но и ремесло и земледѣліе. Не только дворяне и богатые жители Праги, нѣтъ,—разорялись все больше и больше и мелкіе горожане и крестьяне азличныхъ мѣстностей.

Всѣми классами общества овладѣли утомленіе войной и жажда мира, и чѣмъ опредѣленнѣе непримиримость таборитовъ вырисовывалась въ качествѣ единственной помѣхи къ миру, тѣмъ быстрѣе рѣдѣли кадры ихъ сторонниковъ въ Богеміи, тѣмъ сильнѣе становилось враждебное къ нимъ настроеніе народа и тѣмъ болѣе крайними должны были становиться мѣры, при посредствѣ которыхъ небольшая горсточка таборитовъ поддерживала свою власть въ странѣ. Все рѣзче становились противорѣчія между ними и массой населенія. Гдѣ дворянство подымалось противъ таборитовъ, тамъ, въ большинствѣ случаевъ, оно встрѣчало сочувствіе народа.

Но и сами табориты въ сущности стали иными.

Судьба Табора для насъ крайне интересна. Она показываетъ намъ, какая участь ждала мюнцеровское движеніе въ *Мюльгаузенѣ*, и анабаптитское въ *Мюнстерѣ*, если бы оба они не были подавлены.

Коммунизмъ Табора покоился исключительно на потребностяхъ неимущихъ, а не на требованіяхъ производства. Современная соціалъ-демократія черпаетъ свою увѣренность въ побѣдѣ изъ того факта, что потребности производства и потребности пролетаріата развиваются въ одинаковомъ направленіи; поэтому-то современный пролетаріатъ и является носителемъ историческаго развитія. Иначе обстояло дѣло въ 15-мъ вѣкѣ. Потребности неимущихъ порождали стремленія къ коммунизму, потребности производства влекли въ сторону частной собственности. Поэтому коммунизмъ того времени никогда не могъ стать господствующей формой общественнаго устройства, и въ средѣ неимущихъ коммунизмъ неизбѣжно исчезалъ, какъ только бѣдняки достигали коммунизма, т. е., какъ только они переставали быть неимущими. А разъ миновала нужда въ коммунизмѣ, то раньше или позже долженъ былъ исчезнуть и самъ коммунизмъ, особенно если сторонники его отказывались отъ единственнаго установле-

нія, обезпечивавшаго, по крайней мѣрѣ небольшимъ обществамъ, сравнительно болѣе продолжительное коммунистическое общежитіе, т. е. отъ уничтоженія семьи и единобрачія. Табориты, какъ мы видѣли, такъ и поступили; они почти начисто истребили адамитовъ и этимъ вновь открыли доступъ въ свою среду частной собственности. Послѣдняя, при посредствѣ свойственной ей идеологіи, при помощи алчности и зависти, тѣмъ успѣшнѣе вытѣсняла коммунизмъ съ его братствомъ, чѣмъ быстрѣе росли зажиточность и даже богатства таборитовъ,—плодъ ихъ безконечныхъ походовъ. Равенство въ условіяхъ существованія стало исчезать, въ Таборѣ начали различать бѣдныхъ и богатыхъ, и вторые все менѣе были склонны дѣлиться съ первыми избыткомъ своего богатства.

Этотъ процессъ былъ ускоренъ притокомъ постороннихъ элементовъ. Кто преданъ своей идеѣ настолько, что готовъ пожертвовать ради нея жизнью, существованіемъ, тотъ не такъ легко измѣнитъ ей даже тогда, когда очутится въ условіяхъ, неблагопріятствующихъ развитію этой идеи. Старые табориты крѣпко держались своей вѣры и претерпѣли за нее много преслѣдованій и опасностей.

Но долгіе годы войны, тяжесть которыхъ ложилась главнымъ образомъ на таборитовъ, должны были произвести въ ихъ рядахъ страшныя опустошенія. Военному дѣлу это не наносило ущерба, ибо убыль воиновъ пополнялась быстро. Таборъ представлялъ собою для мечтателей всевозможныхъ странъ коммунистическую Мекку. Въ немъ были представлены даже самыя отдаленныя націи, напр. англичане. Доступъ въ Таборъ, повидимому, особенно не затрудняли. Эней Сильвій, посѣтившій Таборъ, былъ пораженъ крайнимъ обиліемъ различныхъ сектъ, мирно уживавшихся тамъ другъ съ другомъ «Не всѣ держатся одной вѣры—разсказываетъ онъ,—въ Таборѣ каждый можетъ вѣровать, какъ ему нравится. Тамъ имѣются николаиты, аріане, манихеяне, армянійцы, несторіане, беренгаріи и ліонскіе нищіе, но особымъ почетомъ пользуются вальденсцы, главные враги римскаго престола».

Опаснѣе былъ другой приростъ Табора. Его военныя удачи привлекали къ нему массу искателей приключеній, которымъ идеалы таборитовъ были въ высокой степени безразличны и которые жаждали исключительно славы и еще больше добычи. «Появлялся—говоритъ Палацкій—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, недостатокъ въ настоящихъ военныхъ силахъ на время войны; поселяне и ремесленники мелкихъ городовъ стали часто скрываться, какъ только ихъ призывали къ оружію, а если ихъ сгоняли, то они вновь бѣжали изъ арміи.

«Правда, зато ряды богемскихъ воиновъ щедро пополнялись добровольными пришельцами изъ другихъ странъ. Въ богемскій лагерь уже въ про-

долженіе нѣсколькихъ лѣтъ стекались массами не только поляки и русины, но также тѣ изъ нѣмцевъ, которые цѣнили приключенія выше символовъ вѣры и привязанности къ родинѣ, а потому и устремлялись туда, гдѣ имъ улыбалось военное счастье. *Особенно войска таборитовъ и сиротъ къ этому времени (1430) уже въ значительной степени состояли изъ такихъ «негодниковъ» и «подонковъ всевозможныхъ народностей»*. Благодаря этому, конечно, все больше и больше утрачивался тотъ характеръ, о сохраненіи котораго особенно старался нѣкогда Жижка, желавшій, чтобы всѣ его солдаты были истинными «божьими воинами», всецѣло и искренно преданными дѣлу, не равнодушнымъ къ своей вѣрѣ и не колеблющимся въ ней» [1]).

Боевая способность таборитскихъ войскъ, повидимому вначалѣ не слишкомъ страдала отъ этого, хотя въ нихъ неизбѣжно должны были постепенно исчезать элементы преисполненные воодушевленія, самоотверженности и чувства дисциплины. Но войска много потеряли въ отношеніи *надежности*. По тѣмъ же причинамъ, что и наемники, на службу въ таторитскія войска стали поступать также разорившіеся дворяне. Землевладѣльцы могли сохранять хотя бы отчасти свое положеніе только тѣмъ, что стали, въ нѣкоторомъ родѣ, вассалами таборитовъ: платили имъ подати и обязывались сражаться въ ихъ рядахъ; (см. по этому поводу вышеприведенныя жалобы богемскихъ бароновъ на тиранію Прокопа, о которыхъ сообщаетъ Эней Сильвій).

Какъ только дворянство поднялось противъ таборитовъ и начало собирать вокругъ себя толпы наемниковъ, которымъ оно, пользуясь богатствами католической церкви, могло предложить на ближайшее будущее лучшія условія,—какъ тотчасъ въ таборитскихъ войскахъ изо всѣхъ угловъ и закоулковъ выползла измѣна.

Неудивительно, что когда вновь разгорѣлась гражданская война и каликстинцы вступили въ рѣшительную схватку съ таборитами, то послѣдніе, покинутые крестьянами и горожанами, преданные частью собственныхъ войскъ, были разбиты врагомъ, позабывшимъ свои внутреннія раздоры и заключившимъ могучій союзъ противъ тѣхъ остатковъ демократической партіи, которые еще остались вѣрны коммунистической—скорѣе только воображаемой, чѣмъ дѣйствительно-коммунистической — общинѣ, члены которой повиновались скорѣе изъ нужды, чѣмъ по доброй волѣ.

30 мая 1434 г., вблизи богемскаго Брода, у деревни Липанъ, произошла рѣшительная битва. Численный перевѣсъ былъ на сторонѣ дворянской партіи; ея войска насчитывали 25.000 вооруженныхъ противъ

[1]) Цит. соч., III, 2, стр. 500.

18.000 таборитовъ. Битва долго оставалась нерѣшенною, но, наконецъ, побѣда стала клониться на сторону дворянъ, и не столько въ силу ихъ военной ловкости и храбрости, сколько благодаря измѣнѣ таборитскаго вождя Іоанна Чапека, начальника конницы, который вмѣсто того, чтобы въ пылу битвы пойти въ атаку, ушелъ съ поля вмѣстѣ съ своими солдатами. Послѣ этого началось ужасающее, безпощадное побоище; говорятъ, что 13.000 таборитскихъ воиновъ (изъ 18.000!) были избиты на мѣстѣ Это страшное пораженіе навсегда сломило силу таборитовъ.

Таборъ пересталъ властвовать надъ Богеміей. Демократія была раздавлена и дворянство въ союзѣ съ пражской знатью получило возможность снова взяться за эксплоатированіе страны. Послѣ безконечныхъ переговоровъ между королемъ и его «вѣрными подданными», во время которыхъ каждая сторона опасалась, и не безъ основанія, что другая только и думаетъ о томъ, какъ бы обмануть ее, признанъ былъ, наконецъ, королемъ Сигизмундъ (1436), согласившійся на всеобщую амнистію и предоставившій каждому владѣльцу и каждой общинѣ поступать съ разоренными и присвоенными церковными имуществами такъ, какъ имъ заблагоразсудится.

Въ битвѣ при Липанѣ мощь таборитовъ была сломлена, но не вполнѣ уничтожена. Они еще продолжали борьбу въ теченіе нѣкотораго времени, но все слабѣе и неуспѣшнѣе, и въ 1437 г. охотно получили изъ рукъ Сигизмунда договоръ, гарантировавшій, по крайней мѣрѣ, неприкосновенность ихъ города.

Въ такомъ состояніи Таборъ пребывалъ до начала пятидесятыхъ годовъ. Въ это время Эней Сильвій посѣтилъ городъ и сообщилъ свои впечатлѣнія о немъ въ письмѣ къ кардиналу Карвайалю. Это письмо—одно изъ немногихъ дошедшихъ до насъ сообщеній очевидцевъ о внутреннемъ бытѣ таборитовъ. Мы приведемъ изъ него нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся мѣста. Они прекрасно характеризуютъ внутреннее устройство таборитской общины. «Дома въ Таборѣ—пишетъ Эней—построены изъ дерева или изъ глины и разбросаны тамъ и сямъ безъ всякаго порядка. Эти люди имѣютъ весьма много цѣнной домашней утвари и владѣютъ неисчислимыми богатствами. Ибо въ одномъ мѣстѣ они сосредоточили добычу отъ многихъ народовъ. Нѣкогда они стремились во всемъ жить согласно предписаніямъ церкви и считали все общимъ: они называли другъ друга братьями, и чего не доставало одному, то давали ему другіе. Но теперь всякій живетъ для себя, и одни голодаютъ, а другіе утопаютъ въ роскоши (alius quidem esurit, alius autem ebrius est). Недолговѣчно было пламя любви къ ближнему, непродолжительно подражаніе (апостольской общинѣ)... Табориты грабили чужое достояніе, и все, что захватили силой, становилось общиннымъ добромъ (haec tantum in commune dederunt). Но

они не могли сохранить такой порядокъ. Природа взяла верхъ, и теперь всѣ они подвластны алчности. А такъ какъ они уже не въ состояніи грабить, ибо ослабѣли и боятся сосѣдей, то гоняются за торговымъ барышемъ (lucris inhiant mercaturae) и занимаются низменнымъ ремесломъ. Въ городѣ живутъ 4.000 мужчинъ, способныхъ владѣть оружіемъ, но они превратились въ ремесленниковъ и *зарабатываютъ главнымъ образомъ тканьемъ шерсти* (lana ac tela ex magna parte victum quaerentes), почему и считаются негодными къ войнѣ»[1]).

Достойно вниманія, что большинство таборитовъ занимались тканьемъ шерсти.

Эней Сильвій посѣтилъ Таборъ въ 1451 году. Судя по его описанію, отъ военной мощи города, какъ и отъ его коммунизма, не осталось и слѣда. Но даже развалины его революціоннаго прошлаго еще казались опасными властителямъ Богеміи. Черезъ годъ послѣ посѣщенія Энея Сильвія къ Табору подступилъ намѣстникъ Богеміи, Георгъ фонъ-Подіебрадъ, и потребовалъ выдачи всѣхъ таборитскихъ священниковъ. Уже спустя три дня Таборъ сдался и выдалъ своихъ священниковъ; тѣ изъ нихъ, которые не «раскаялись», оставались въ плѣну до конца своихъ дней. Насталъ конецъ самостоятельности и какой-либо независимости республиканскаго Табора.

При видѣ этого плачевнаго конца столь гордаго нѣкогда коммунистическаго общества, передъ которымъ дрожало полъ-Европы, трудно не пожалѣть о томъ, что Таборъ не палъ въ расцвѣтѣ своей коммунистической юности, какъ Мюнцеръ, а плачевно зачахъ въ буржуазной дряхлости.

Съ разгромомъ Табора въ Богеміи было уничтожено послѣднее убѣжище демократіи.

Судьба таборитовъ, аналогичная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ участи якобинцевъ, напоминаетъ послѣднюю и тѣмъ, что табориты, какъ и якобинцы, своимъ беззавѣтнымъ героизмомъ спасли революцію, но не для себя, а для великихъ эксплоататоровъ революціи; во Франціи—для крупныхъ капиталистовъ и магнатовъ индустріи, въ Богеміи—для крупнаго дворянства, которому досталось почти ничѣмъ неограниченное господство въ государствѣ и обществѣ. Мелкое дворянство почти ничего не выиграло отъ гусситскихъ войнъ; паденія его онѣ не задержали, а, вѣрнѣе, лишь ускорили. Крупное дворянство, которому досталась львиная доля церковныхъ земель, обогатилось, также, и на счетъ мелкихъ дворянъ, помѣстья которыхъ оно скупило.

Но больше всего страдали отъ послѣдствій войны крестьяне и жители

---

[1]) *Эней Сильвій Пикколомини*, Opera omnia, стр. 662.

небольшихъ городовъ. Истощеніе страны и убыль ея народонаселенія, крайне понижавшія силу сопротивленія крестьянъ и жителей небольшихъ городовъ, послужили, вмѣстѣ съ тѣмъ, для землевладѣльцевъ поводомъ повысить до крайности свои требованія къ оброчнымъ мелкимъ горожанамъ и урѣзать—въ особенности для крестьянъ—представительство въ ландтагахъ. Все больше возрастало бремя налоговъ, взваливавшихся на ихъ плечи; слабыя попытки сопротивленія и возмущенія, то тамъ то здѣсь предпринимавшіяся терзаемыми крестьянами, подавлялись съ большой легкостью. Тамъ же, гдѣ, несмотря на чрезмѣрное повышеніе крѣпостныхъ повинностей, все еще не хватало рабочихъ силъ,—владѣльцы латифундій помогали себѣ тѣмъ, что переходили отъ земледѣлія къ другой промышленной отрасли, которая нуждалась лишь въ небольшомъ приложеніи человѣческаго труда и расширеніе которой, въ иныхъ случаяхъ, не только преодолѣвало недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, но даже вытѣсняло крестьянъ изъ насиженныхъ мѣстъ. Въ Англіи недостатокъ въ рабочихъ рукахъ,—обусловленный, конечно, иными причинами, чѣмъ въ Богеміи,—сообщилъ значительный толчокъ развитію пастбищнаго хозяйства, разведенію овецъ, принявшему, въ концѣ концовъ, такіе размѣры, что въ оно явилось тамъ главнѣйшемъ основаніемъ для экспропріированія крестьянъ и для созданія массоваго пролетаріата. Аналогичную, хотя и не такую важную роль, играли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Богеміи *рыбные пруды*, которые устраивали владѣльцы латифундій. Если въ Англіи крестьянъ пожрали овцы, то въ Богеміи—карпы.

Палацкій приводитъ интересное свидѣтельство объ отношеніяхъ между рыцарями и крестьянами въ Богеміи во вторую половину 1-го столѣтія, а именно—сообщенія нѣкоего Вшерда (Wsehrd), съ 1493 по 1497 годъ вицеландшрейбера королевства, издавшаго „девять книгъ о правахъ, судахъ и уложеніи Богеміи“. Тамъ, между прочимъ, говорится: „Нѣкогда, въ старыя и незапамятныя времена, во всѣхъ округахъ были провожатые (Geleitsmänner),—не судебные чиновники (Kömmerlinge),—которымъ было извѣстно мѣстожительство всѣхъ господъ, рыцарей и помѣщиковъ. И, такъ какъ страна была заселена обильно и густо, *ибо тогда еще не скупали и не разоряли помѣстій рыцарей*, равно не сравнивали съ землей ихъ усадебъ и замковъ, *а поля и луга еще не исчезли благодаря устройству прудовъ*, то, при наличности огромнаго, несмѣтнаго числа мелкихъ рыцарей и селянъ, существовали провожатые, предназначавшіеся вовсе не для того, чтобы приводить въ судъ, но показывать судебнымъ чиновникамъ мѣстожительства тѣхъ, кому надлежало быть потребованнымъ къ суду, для чего къ нимъ и провожали судебныхъ чиновниковъ, а отсюда и названіе провожатые. Но когда

затѣмъ почти треть страны была опустошена войнами и эпидеміями, и во всѣхъ округахъ было расхищено и уничтожено огромное множество рыцарскихъ помѣстій, все же, что пощадили мечъ, огонь и зараза, было опустошено, большей частью, устройствамъ прудовъ,—тогда провожатые оказались совершенно излишними“ и т. д. (*У Палацкаго*, цит. соч., IV., 1., стр. 528, 529)

Къ началу XV столѣтія крѣпостное состояніе въ Богеміи почти совершенно исчезло. Но въ концѣ этого столѣтія оно вновь стало общимъ удѣломъ крестьянства.

Смѣшно дѣлать отвѣтственными за это гусситскія войны. Направленіе общественнаго развитія не зависитъ отъ того, протекаетъ ли оно мирнымъ путемъ или посреди ожесточенныхъ войнъ. Оно съ естественной необходимостью опредѣляется ходомъ и потребностями того или иного способа производства. Ожесточенныя, революціонныя схватки ни въ коемъ случаѣ не могутъ опредѣлять направленіе общественнаго развитія, онѣ лишь способны, при извѣстныхъ условіяхъ, *ускорить его темпъ*, но за то и обострить этимъ бѣдствія побѣжденныхъ. Это-то и сдѣлали гусситскія войны. Во всей Европѣ, начиная съ XV столѣтія,—въ однѣхъ странахъ раньше, въ другихъ—позже, открывается періодъ улучшенія условій крестьянской жизни. Если Богемія, несмотря на свою экономическую отсталость, принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ, гдѣ это явленіе сказывается наиболѣе рельефно и совершается съ наибольшей быстротой, то это несомнѣнно результатъ гусситскихъ войнъ. Безъ нихъ рѣшительный поворотъ наступилъ бы, пожалуй, столѣтіемъ позже,—послѣ германской крестьянской войны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Богемскіе братья.

Таборъ палъ, но не безслѣдно. Вліяніе этого коммунистическаго военнаго государства было слишкомъ велико и корни его внѣдрились въ соціальныя отношенія того времени слишкомъ глубоко; послѣ паденія Табора эти соціальныя отношенія не только не исчезли, но проявились еще болѣе рельефно, такъ что идеи, на которыя опиралась военная коммуна, не могли утратить своей жизненности, хотя и облеклись въ иную форму, соотвѣтствовавшую измѣнившемуся положенію вещей.

Послѣ паденія Табора его дѣло продолжали двѣ организаціи, имѣвшія общій корень и носившія общее названіе—*богемскихъ братьевъ*,—но крайне различныя между собою. Одна изъ нихъ была *военной*, другая—*коммунистической*.

Мы уже видѣли, какъ къ таборитамъ присоединялись воинственные чужеземцы только ради того, чтобы раздѣлить ихъ военныя удачи и добычу. Съ другой стороны, благодаря постояннымъ войнамъ стали дичать и сами табориты, и, въ концѣ концовъ, кровавая сѣчь изъ-за военной добычи или наемной платы сдѣлалась для нихъ самодовлѣющей цѣлью.

Послѣ разгрома Табора эти элементы уже не находили въ Богеміи почвы для дальнѣйшей дѣятельности, а потому направились въ другія страны и нанимались тамъ на военную службу, частью въ одиночку, частью же тѣсно сплоченными и организованными военными бандами, продаваясь то однимъ, то другимъ. Такія банды не представляли тогда чего либо необычнаго; обыкновенно ихъ группировалъ вокругъ себя какой-нибудь генералъ, заранѣе считавшійся ихъ главнымъ начальникамъ. Въ отличіе отъ этихъ деспотически-организованныхъ бандъ, *отряды богемскихъ братьевъ* представляли собой демократическія организаціи, построенныя по образцу таборитскихъ.

Въ Венгріи, а также и въ Польшѣ эти банды играли нѣкоторое время выдающуюся роль. Казаки, появившіеся на Украйнѣ въ XVI-мъ столѣтіи, организовались, повидимому, по образцу такихъ бандъ. Гораздо болѣе выдающуюся роль играла другая разновидность богемскихъ братьевъ, а именно—оставшіеся въ предѣлахъ Богеміи.

Мы уже отмѣтили выше, что средневѣковые коммунисты, вообще говоря, были миролюбивы и гнушались насилія. Это соотвѣтствовало какъ безсилію неимущихъ классовъ того времени, такъ и преданіямъ первобытнаго христіанства. Когда въ Богеміи началась гусситская революція,—старые авторитеты пали и низшіе классы народа подняли знамя побѣдоноснаго возстанія; оно увлекло за собой и массы коммунистовъ; а разъ они очутились въ круговоротѣ насильственной революціи, то логика фактовъ естественно поставила ихъ во главѣ демократическаго движенія, крайній элементъ котораго они составляли.

Но миролюбиво-настроенная часть таборитовъ, осуждавшая всякое насиліе и принужденіе, не исчезла и во время тріумфовъ таборитскаго движенія. Главнѣйшимъ представителемъ ихъ былъ Петръ изъ Хельчицъ, *Петръ Хельчицкій*. Родился онъ около 1390 года, повидимому, въ обѣднѣвшей рыцарской семьѣ, жилъ тихо и уединенно въ деревнѣ Хельчицѣ при Воднянѣ, таборитскомъ городѣ и написалъ тамъ рядъ произведеній, обратившихъ на себя общее вниманіе. Уже въ 1322 г.

онъ доказывалъ, что въ дѣлахъ религіи не слѣдуетъ прибѣгать къ какому-либо насилію; во время революціонныхъ войнъ это убѣжденіе упрочилось еще больше. Онъ заклеймилъ войну, какъ наиболѣе отвратительное изо всѣхъ золъ; по его мнѣнію, солдаты ни на волосъ не лучше убійцъ и разбойниковъ [1]).

Хельчицкій представлялъ собою коммуниста, стремившагося къ равенству въ духѣ первобытнаго христіанства, но онъ полагалъ, что общественное равенство не должно быть навязано войной или государственнымъ принужденіемъ, а осуществлено за спиной государства и общества. Истинно-вѣрующій не долженъ принимать никакого участія въ государственной жизни, ибо это—дѣло грѣшниковъ и язычниковъ. Соціальное неравенство—имущественное, служебное и сословное—порождено государствомъ и можетъ исчезнуть только лишь съ исчезновеніемъ общества и государства. Единственный же христіанскій методъ уничтоженія государства состоитъ въ томъ, чтобы игнорировать его. Истинно-вѣрующему не только запрещено занимать государственную должность, но и обращаться къ государственной власти. Полиція и судъ существуютъ не для него. Истинный христіанинъ стремится къ добру самостоятельно и не долженъ принуждать къ добру другихъ, ибо Богу угодно лишь добро, содѣянное по свободному побужденію. Всякое принужденіе есть зло.

Въ существующихъ государствѣ и обществѣ для истиннаго христіанина нѣтъ иного мѣста, какъ среди низшихъ слоевъ народа, которые повинуются и служатъ, а не повелѣваютъ и господствуютъ. Всякое господство, всякое классовое учрежденіе противорѣчитъ заповѣди о братствѣ и равенствѣ. Христіанинъ не долженъ господствовать, не долженъ и эксплоатировать. Поэтому, ему запрещается занятіе торговлей, ибо она неизбѣжно связана съ обманомъ. Города—центры торговли—суть разсадники зла. Они—изобрѣтеніе Каина; онъ превратилъ первобытное простодушіе въ хитрость, ибо онъ изобрѣлъ мѣру и вѣсъ; до него народъ совершалъ

[1]) „О какихъ рыцаряхъ говорите вы—писалъ онъ однажды, -доказывая, что имъ подобаетъ вести войну? Не о тѣхъ ли щеголяхъ и бездѣльникахъ въ замкахъ и крѣпостяхъ, съ падающими на плечи волосами и носящими такіе короткіе кафтаны, которыми не прикрыть даже собственныхъ сѣдалищъ? Разъ они одни имѣютъ право вести войну, то какова же роль горожанъ и крестьянъ, участвующихъ въ битвахъ... Ибо ни король, ни князь, ни господинъ, ни самый захудалый дворянинъ не ведутъ войны за свой счетъ, а всѣ силою вовлекаютъ въ нее крестьянъ, ведя такимъ образомъ народъ по пути убійствъ и злодѣяній“. (Цит. Палацкимъ ук. соч. IV, 1, стр. 478—479).

обмѣнъ безъ мѣры и вѣса. Наиболѣе же достойно презрѣнія и проклятія дворянство [1]).

Этотъ анархистическій, но мирный коммунизмъ привлекалъ къ себѣ тѣмъ больше сторонниковъ, чѣмъ сильнѣе росло утомленіе отъ непрерывныхъ войнъ и чѣмъ больше таборитское войско теряло симпатіи среди низшихъ классовъ населенія.

Изъ коммунистическихъ сектъ, возникшихъ въ Богеміи послѣ паденія Табора и образовавшихся отчасти изъ разсѣянныхъ таборитскихъ элементовъ, наиболѣе вліятельной стала секта Хельчицкаго, хельчицкіе братья. Изъ среды приверженцевъ Петра особенно выдѣлялся *братъ Григорій*, дворянинъ по происхожденію, но настолько обѣднѣвшій, что принужденъ былъ кормиться отъ портновскаго ремесла. Когда позднѣйшіе табориты основали колонію въ деревнѣ Кунвальдѣ, у Зенфтенберга, мѣстности, въ которой сохранилось ученіе таборитовъ, они выбрали Григорія своимъ начальникомъ и организаторомъ (1457). Ему-то и слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что братья колонисты восприняли ученіе Хельчицкаго и всячески проводили его въ жизнь.

Первоначальная организація богемскихъ братьевъ далеко не ясна, ибо позднѣйшіе братья стыдились своего коммунистическаго происхожденія и всячески старались скрыть его. Но если исходить изъ болѣе позднихъ организацій богемскихъ братьевъ, выясненію которыхъ намъ помогутъ хорошо изслѣдованныя организаціи ихъ наслѣдниковъ,—гернгутеровъ, и если принять во вниманіе ту внутреннюю борьбу, изъ которой онѣ выросли, то передъ нами вырисуется своеобразная картина [2]).

Само собой разумѣется, ни одинъ изъ членовъ братства не могъ служить въ войскѣ или же принимать участіе въ государственномъ управленіи, занимая ту или иную должность; столь же строго запрещалось обращаться за какою бы то ни было помощью къ государству и приносить

---

[1]) Ср. по этому поводу *Ярославъ Голль* Quellen und Forsuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder, II, Peter Chelzicky und seine Lehre Прага, 1892.

[2]) Съ позднѣйшей организаціей богемскихъ братьевъ можно очень хорошо познакомиться по вышеупомянутой „Церковной исторіи богемскихъ братьевъ" (Kirchengeschichte der Böhmischen Brüder) *I. A. Коменіуса*, т. е. по ихъ церковному уставу 1609 г. и изложенію вѣры, переданному ими королю Фердинанду въ 1535 г. (Всѣ три документа имѣются въ нѣмецкомъ изданіи „Kurzgefassten Kirchen Historie der Böhmischen Brüder" Коменіуса, Швабахъ изд. I. I. Enderes, hochfürstl. privil. Buch-und Disputationshändler", 1739). Борьба, приведшая къ образованію организаціи въ работѣ А. Гинделиса „Geschichte der Böhmischen Brüder", Прага 1857, 2 тома.

ему жалобы. Въ братствахъ должно было царить полное равенство: они не должны были знать ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; эксплоатація другихъ въ какой бы то ни было формѣ была строго воспрещена. Всякій богатый или принадлежавшій къ привилегированному сословію, прежде чѣмъ вступить въ братство, обязанъ былъ отказаться отъ своего имущества и отъ привилегій. Торговля, ссуженіе капитала за процентъ и корчемнечество было запрещено «братьямъ». Съ другой стороны, каждый отдѣльный членъ братства, какъ и вся община, обязывался помогать всякому брату, испытывавшему нужду. Частная собственность и семейная жизнь не были запрещены; коммунизмъ въ отношеніи къ семьѣ выражался главнымъ образомъ въ подчеркиваніи необходимости братскихъ отношеній, дружескаго дѣлежа съ товарищемъ и въ стремленіи къ сохраненію равенства такъ, чтобы никто не становился выше и не опускался ниже другого. Но при сохраненіи частной собственности, эти требованія были осуществимы лишь въ томъ случаѣ, если существовала строжайшая дисциплина, которая простиралась бы на всю общественную жизнь безъ исключенія. Даже наиболѣе интимныя отношенія не были пощажены такой дисциплиной.

Въ противоположность анархической теоріи Петра, отрицавшей всякое принужденіе, какъ нехристіанское и языческое, священники и старѣйшины обладали такой дисциплинарной властью, какая показалась бы совершенно невыносимой современному человѣку, тѣмъ болѣе невыносимой, что богемскимъ братьямъ былъ особенно присущъ мрачный ханжеской духъ, характерный, какъ мы видѣли, для всего средневѣковаго коммунизма, духъ порожденный реакціей и безысходной нищетой,—наслѣдіемъ гусситскихъ войнъ.

Всякіе пиры, танцы были запрещены, какъ грѣховныя западни, разставленныя на пути вѣрующихъ. Жить, трудиться и смиренно терпѣть,—вотъ, все, что надлежало дѣлать благочестивому христіанину. Воскресный день они праздновали чисто-пуританскимъ образомъ.

Хотя частная собственность и семейная жизнь не были запрещены, но безбрачіе признавалось чѣмъ-то болѣе высокимъ, святымъ. Клирикамъ было предписано не имѣть имущества и вести безбрачную жизнь. Не вступившіе въ бракъ жили отдѣльно въ домахъ для братьевъ и въ домахъ для сестеръ, смотря по полу, гдѣ они сообща работали и жили. Эти порядки очень напоминаютъ намъ дома беггардовъ.

Какъ табориты, богемскіе братья, не хотѣли знать ученыхъ. Они относились къ нимъ, какъ къ привилегированному сословію. Вплоть до своей смерти (1473), братъ Григорій предостерегалъ общину отъ ученыхъ. Но съ другой стороны, они очень заботились о хорошихъ народныхъ школахъ. Демократическимъ искусствомъ книгопечатанія они усердно

занялись тотчасъ же послѣ того, какъ оно стало извѣстнымъ. «Врядъ-ли, говоритъ *Гиндели* (цит. соч. I стр. 39)—какая-нибудь другая христіанская секта выпустила въ свѣтъ, въ свою защиту, такъ много сочиненій, какъ братья». Число изданныхъ ими сочиненій отъ возникновенія секты до ея окончательнаго исчезновенія послѣ смерти Коменія (1670) значительно превосходитъ число книгъ, появившихся за тотъ же періодъ времени во всей богемской литературѣ. Они гордились также тѣмъ, что первые напечатали на родномъ языкѣ (въ Венеціи) Библію, благодаря чему чехи опередили въ этомъ отношеніи всѣ остальныя націи [1]). Въ началѣ XVI-го столѣтія въ Богеміи существовали пять книгопечатенъ: одна католическая, въ Пильзенѣ, одна—*утраквистская*, въ Прагѣ и три, принадлежавшія богемскимъ братьямъ, въ Юнгбулау, Лейтомышлѣ и Вейсвассерѣ. Но и этихъ трехъ имъ все еще не хватало, и по временамъ они отдавали печатать книги въ Нюрнбергъ.

Отмѣтимъ своеобразное, хотя и вполнѣ согласовавшееся съ ихъ строгой дисциплиной постановленіе, по которому ни одинъ членъ общины не могъ писать или издавать книги безъ ихъ согласія. «Никому—читаемъ мы въ ихъ церковномъ уставѣ—не разрѣшается у насъ издавать книгъ, буде онѣ не изслѣдованы другими и не получили общаго одобренія [2]).

Полякъ *Іоганнъ Лазицкій*, посѣтившій богемскихъ братьевъ въ 1571 г., писалъ въ своемъ сочиненіи «De origine et rebus gestis fratrum Bogemorum» объ изданіи ими книгъ: «У нихъ ничего не появлялось безъ предварительнаго просмотра старѣйшинами и церковнослужителями, нарочито для этого выбранными и предназначенными... Не издавалось также ничего отъ лица одного (развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ), но каждое изданіе выпускалось отъ имени *всего братства*, дабы каждый членъ духовного тѣла встрѣчалъ такой же почетъ, какъ и всякій другой членъ и дабы пресѣчь этимъ всякую возможность суетнаго тщеславія, которое, обыкновенно, щекочетъ духъ книгописателя; самыя же сочиненія имѣли, благодаря этому, большой вѣсъ и значеніе [3])».

И, несмотря на это, какая колоссальная литературная производительность!

Врядъ ли можетъ удивить кого-либо, что эта новая община, воспринявшая такъ много таборитскаго и включившая въ свою среду прежніе таборитскіе элементы, несмотря на свое миролюбіе и покорность, казалась

---

[1]) *Коменіусъ*, цит. соч., стр. 57.

[2]) *Коменіусъ*, цит. соч., стр. 296.

[3]) Приведено у *Коменіуса*, цит. соч., стр. 328, прим.

зачастую власть имущимъ подозрительной и опасной. Уже въ 1461 г. она подверглась жестокому преслѣдованію Георга Подіебрада, который, какъ мы уже знаемъ, уничтожилъ самостоятельное существованіе табора. Въ 1452 г. онъ занималъ должность намѣстника, но уже въ 1458 г., по смерти короля Владислава, былъ избранъ королемъ Богеміи. Однимъ изъ его первыхъ правительственныхъ начинаній было преслѣдованіе богемскихъ братьевъ, руководители которыхъ, братъ Григорій и другіе, были заключены въ тюрьму. Кунвальдская община была разсѣяна, члены ея изгнаны, всякія собранія братьевъ запрещены. «Благодаря этой жестокой инквизиціи—пишетъ Коменіусъ,—снова повсемѣстно направленной противъ братьевъ, большинство ихъ, и въ особенности наиболѣе выдающіеся, разсѣялись по горамъ и лѣсамъ и скрывались въ пещерахъ; но даже и тамъ они не были въ безопасности. Зажигать костры для варки самой необходимой пищи они могли только по ночамъ, дабы не выдать себя подымающимся отъ костровъ дымомъ; въ большіе холода они сидѣли тамъ вокругъ огня и проводили время за чтеніемъ святого писанія и въ благочестивыхъ разговорахъ. Когда имъ приходилось итти по глубокому снѣгу за провіантомъ, то всѣ они ступали по слѣдамъ, сдѣланнымъ шедшимъ впереди, а тотъ, который шелъ сзади, тащилъ за собою еловую вѣтвь, чтобы заметать ею слѣды на снѣгу; они дѣлали это, чтобы не выдать своего мѣстопребыванія, ибо, благодаря такому пріему, оставляемые ими слѣды были похожи на слѣды крестьянина, тащившаго изъ лѣса связку хвороста. Такъ какъ они жили въ пещерахъ, то враги ихъ, въ насмѣшку, дали имъ кличку ямники, т. е. жители пещеръ [1]). Относится ли возникновеніе клички «ямники» ко времени этихъ преслѣдованій? Въ западной Германіи уже въ XIV-мъ столѣтіи беггардскимъ сектантамъ за ихъ скрытность и тайныя собранія дали насмѣшливое прозвище «Winkler'ы» (прячущіеся въ углахъ), въ восточной же Германіи—«Grubenheimer'ы» (прячущіеся въ ямахъ). Слово «Jamnizi» (отъ чешскаго Jama, яма, пещера) представляетъ собою переводъ вышеупомянутой клички и отчасти свидѣтельствуетъ о томъ, что завѣты беггардовъ сохранили свою жизненность среди богемскихъ братьевъ. Народъ называлъ ихъ не только Jamnizi, но и «Picarden».

Первый періодъ преслѣдованія прекратился въ 1471 г., по смерти Подіебрада.

Позднѣе братьямъ по временамъ снова приходилось претерпѣвать гоненія, но, вообще говоря, они не были такъ тягостны, какъ первые. Въ то время государственная власть въ Богеміи была еще слаба, а нѣкото-

---

[1]) *Коменіусъ*, цит. соч., стр. 45—46.

рые князья и города являлись могущественными защитниками братьевъ, такъ какъ болѣе разумные люди вскорѣ поняли, насколько было безопасно стремленіе братьевъ къ равенству и ихъ враждебное отношеніе къ государству и какой превосходный матеріалъ для эксплоатаціи представляла секта, проповѣдовавшая прилежаніе, отреченіе и терпѣніе.

Братство, въ значительной мѣрѣ, было обязано этой защитѣ тѣмъ, что за время первыхъ гоненій оно быстро увеличило число своихъ сторонниковъ. Привлеченіе новыхъ прозелитовъ было облегчено также и тѣмъ, что братья, дѣйствуя въ духѣ таборитовъ и наперекоръ стремленіямъ остальныхъ церковныхъ организацій того времени, отстаивали самую широкую терпимость въ дѣлахъ вѣры. Община братьевъ, въ отличіе отъ остальныхъ церковныхъ организацій, не была властвующей организаціей, отчего и могла проповѣдовать широкую терпимость. Уже первый конгрессъ братьевъ, собравшійся въ 1464 г. въ горахъ Рейхенау и привлекшій къ себѣ не только делегатовъ изъ Богеміи, но даже и изъ Моравіи, заявилъ, что важнѣе всего вопросъ соціальной организаціи, вопросы же вѣрованія второстепенны. И они всегда придерживались этого положенія. Это создавало коренное различіе между ихъ ученіемъ и позднѣйшимъ ученіемъ Лютера, согласно которому человѣка дѣлаетъ блаженнымъ именно вѣра, а не дѣла.

Благодаря такой терпимости, имъ удалось привлечь къ себѣ многіе родственные имъ союзы и общины. Къ практическимъ разногласіямъ они относились съ особою строгостью. На второмъ конгрессѣ въ Лотѣ (1467 г.), давшемъ братству окончательную форму организаціи (конгрессъ въ Рейхенау—выражаясь современнымъ языкомъ—выработалъ ихъ программу) уже присутствовали делегаты отъ остатковъ секты адамитовъ, которые и заявили о готовности примкнуть къ братьямъ. Но конгрессъ отклонилъ это предложеніе. Коммунизмъ адамитовъ казался братьямъ слишкомъ широкимъ. Адамитовъ принимали въ общину по одиночкѣ и только въ томъ случаѣ, если они отказывались отъ своихъ «заблужденій».

Съ другой стороны потерпѣли неудачу и переговоры объ объединеніи съ вальденсцами, которые къ тому времени слишкомъ прониклись духомъ оппортунизма и буржуазности. «Мы много говорили съ священниками вальденсцевъ—сообщаетъ въ своемъ трактатѣ братъ Григорій,—какъ должны держаться люди по отношенію къ римской церкви», и «особенно много бесѣдовали мы съ священникомъ Стефаномъ, который никогда не опускался до того, чтобы совершать богоугодныя требы по римскому обряду (какъ обыкновенно дѣлали вальденскіе священники, дабы обезопасить себя отъ преслѣдованій. Прим. авт.). Онъ тайно отправлялъ свою службу среди вальденсцовъ въ Германіи, за что и былъ позднѣе сожженъ. Онъ самъ предложилъ намъ исправить все, что будетъ признано

противорѣчащимъ завѣтамъ Христа и христіанской жизни, и установить все согласно писаніямъ апостоловъ, какъ было нѣкогда въ первой церкви. Мы согласились и хотѣли осуществить это на дѣлѣ, но, будучи дружны съ римскими священниками, они довѣрились имъ, а эти растроили все дѣло». Такимъ образомъ, сліянія не произошло. «Нѣкоторые вальденсцы— повѣствуетъ далѣе Григорій — признали, что они отклонились отъ пути своихъ предшественниковъ; установился у нихъ также дурной обычай принимать отъ людей деньги, копить богатства и не заботиться о бѣдныхъ, а вѣдь христіанской вѣрѣ противно, когда священникъ копитъ деньги и не тратитъ на подаянія мірского добра, равно и своего собственнаго, унаслѣдованнаго отъ родителей, и не облегчаетъ нужду бѣдняковъ» и т. д. [1]).

Но вскорѣ богемскимъ братьямъ суждено было раздѣлить судьбу вальденсцевъ.

Пуританизмъ, являвшійся формой ихъ протеста противъ существующаго общества и средствомъ отграничить себя отъ него, служилъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ орудіемъ для того, чтобы выдвинуться въ этомъ обществѣ. Мы уже имѣли возможность указать (стр.—153), что при нѣкоторомъ внѣшнемъ сходствѣ съ аскетизмомъ первыхъ христіанъ этотъ пуританизмъ все же рѣзко отличался отъ него. Если оба они и говорили о суетности и даже предосудительности радостей жизни и различныхъ наслажденій, то аскетизмъ первыхъ христіанъ характеризовался тупой косностью, а пуританизмъ періода реформаціи отличался, наоборотъ, неустаннымъ трудолюбіемъ и живой дѣятельностью своихъ приверженцевъ. Этотъ трудолюбивый пуританизмъ, евангеліе «бережливой Марфы», въ наше время развитаго промышленнаго капитализма былъ бы, конечно, не въ состояніи обезпечить массамъ наемныхъ рабочихъ, крестьянъ и мелкихъ буржуа удовлетворительное положеніе. Но тогда, въ начальный періодъ превращенія натуральнаго хозяйства съ расчлененнымъ простымъ товарнымъ производствомъ во всеобъемлющее и отчасти уже капиталистическое товарное производство, пуританизмъ реформаторовъ былъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ превращенія мелкаго буржуа въ капиталиста,— тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ въ большей степени масса тогдашняго населенія платила дань той наивной жизнерадостности, которая, вообще говоря, связана съ натуральнымъ хозяйствомъ, производящимъ не для продажи, а для собственнаго потребленія, не ради накопленія, но ради возможности наслаждаться. Наряду съ пуританизмомъ, матеріальнымъ успѣ-

---

[1]) Выдержка изъ чешскаго оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ имѣется въ книгѣ *Голла* Quellen und Untersuchungen u. s. w., I, Сношенія братьевъ съ вальденсцами, Прага, 1878, стр. 98 и слѣд.

хамъ въ большей степени способствовало хорошо поставленное среди нихъ всеобщее школьное обученіе.

Основой зажиточности таборитовъ была военная добыча, что и обрекло ихъ коммунизмъ на гибель; но богемскіе братья своей зажиточностью обязаны собственному прилежанію, умѣренности, бережливости и умственному развитію.

Зажиточность братьевъ привлекала къ нимъ изъ различныхъ слоевъ населенія много новыхъ приверженцевъ, присоединявшихся къ нимъ изъ весьма мірскихъ побужденій. Но съ ростомъ зажиточности для многихъ старыхъ членовъ общины ея строгая дисциплина стала казаться своего рода уздой. Въ интересахъ равенства эта дисциплина не допускала, чтобы одни были богаче другихъ, она запрещала также помѣщеніе пріобрѣтеннаго состояніе въ доходныя предпріятія—въ торговлю или ростовщичество. Наряду съ ростомъ зажиточности, учащались конфликты на почвѣ имущественнаго владѣнія; суды становились неизбѣжными, а для защиты благопріобрѣтеннаго приходилось обращаться къ государственной власти.

Такъ, постепенно вырабатывалась въ средѣ братьевъ болѣе умѣренное теченіе, которое еще не рѣшалось отвергать первоначальныя установленія, но уже стремилось добиться того, чтобы эти установленія представляли бы собою не болѣе, какъ идеалъ высшей, исключительной святости, а не общеобязательныя правовыя нормы.

Расколъ между двумя направленіями обнаружился впервые (конецъ 70-хъ гг.), когда двое князей и нѣсколько рыцарей заявило о своемъ желаніи вступить въ братство. Сторонники болѣе крайняго направленія соглашались принять ихъ лишь на томъ условіи, чтобы они отказались отъ своего имущества и званія. Болѣе умѣренное направленіе желало оставить за ними и то и другое. Но и на этотъ разъ побѣдило первое направленіе, и въ общину были допущены только тѣ ея сторонники, которые во всемъ подчинялись ея требованіямъ.

Но въ 1480 г. умѣренное направленіе беретъ верхъ: въ общину былъ принятъ ученый, *Лука*, а за нимъ послѣдовали другіе. Вступленіе ихъ было результатомъ успѣха умѣренныхъ, увеличеніе же ученаго элемента, въ свою очередь, содѣйствовало еще большему усиленію умѣренныхъ. Напрасно боролись крайніе и словомъ и письмомъ, (подъ руководствомъ ткача Григорія изъ Вотица) противъ возраставшаго религіознаго безразличія. На конгрессѣ или синодѣ, въ *Брандейсѣ* на Адлерѣ (1491 г.) умѣренное направленіе побѣдило. Было постановлено принимать впредь богатыхъ и высокопоставленныхъ, не требуя отъ нихъ отказа отъ имущества и положенія. Надлежало только указывать имъ, какъ легко не отказавшись отъ всего этого утратить спасеніе души. Такимъ образомъ, требованіе ра-

*

венства, хотя окончательно и не устранялось, но перемѣщалось въ область благихъ пожеланій.

Подобнымъ же образомъ благочестивые братья съумѣли открыть путь къ участію въ государственной власти. На вышеупомянутомъ конгрессѣ они заявили: «Если, въ силу приказанія свѣтской власти, кому-нибудь изъ братьевъ случится стать судьею, присяжнымъ или цеховымъ мастеромъ, или же пойти на войну, или если ему придется вмѣстѣ съ другими должностными лицами дать свое согласіе на пытку или казнь преступника,—то мы заявляемъ, что все это такія вещи, къ которымъ кающійся человѣкъ не долженъ стремиться по своей доброй свободной волѣ, и которыхъ наоборотъ ему скорѣе слѣдуетъ избѣгать. Но если онъ не сможетъ избѣжать ихъ—ни настойчивыми просьбами, ни какимъ-либо инымъ образомъ, *то онъ будетъ подчиняться власти*».

Братьямъ разрѣшалось не только принимать участіе въ государственной принудительной власти, занимать должности или участвовать въ войнѣ по принужденію,—больше того, имъ разрѣшалось впредь по собственному почину обращаться къ этой принудительной власти, къ судьямъ и даже заниматься эксплоатаціей, торговлей и содержать трактиры—конечно, только въ случаѣ необходимости.

Болѣе строгое направленіе негодовало на эти постановленія, которыя буквально не оставляли и слѣда отъ существовавшихъ до сихъ поръ равенства, свободы и братства. Энергичной контръ-агитаціей привлекали они на свою сторону епископа Матвѣя фонъ-Кунвальда, запугали нерѣшительныхъ или увлекли ихъ за собою; по ихъ настоянію Матвѣй созвалъ новый соборъ, который объявилъ брандейскія постановленія недѣйствительными и провозгласилъ безусловное возвращеніе къ прежнимъ основопорядкамъ.

Но торжество было непродолжительно. Своей побѣдой крайніе были обязаны не внутренней силѣ, а нападенію врасплохъ. Въ 1494 г. на соборѣ въ Рейхенау, они остались снова въ меньшинствѣ и, какъ они сами признались, потеряли теперь всякую надежду еще разъ отстоять въ общинѣ свои основныя положенія. Такимъ образомъ, расколъ сталъ неизбѣжнымъ. Попытка къ объединенію, сдѣланная въ 1496 г., привела только къ взаимнымъ упрекамъ и къ обостренію конфликта.

Болѣе строгое направленіе называлось «малой партіей». Она была меньше по своей численности, къ ней принадлежали только необразованные люди—крестьяне и ремесленники, и сама она стояла въ противорѣчіи съ потребностями общественнаго развитія. Вслѣдствіе этого она зачахла. Когда въ 1527 г. многіе члены этой секты были сожжены въ Прагѣ, партія перестала существовать гласно.

Умѣренное направленіе, напротивъ, подкрѣпленное богатыми и знатными людьми, обладая свободнымъ доступомъ къ дѣламъ государственнато управленія, которое оно могло использовать въ своихъ цѣляхъ, имѣя организацію, отвѣчающую потребностямъ общественнаго развитія, быстро разрослось; въ 1500 г. оно уже обладало 200 церквей; въ продолженіе XVI столѣтія, оно сдѣлалось важнымъ политическимъ и экономическимъ факторомъ Богеміи. Насколько велико было число примкнувшаго къ нему дворянства, явствуетъ, между прочимъ, изъ одного прошенія, которое было послано въ 1575 г. императору отъ знатныхъ сочленовъ братской общины; оно подписано 17 баронами и 141 рыцаремъ.

Исчезли всѣ установленія секты, которыя могли бы напомнить о ея коммунистическомъ происхожденіи; изъ ея литературы, какъ мы указали, были тщательно изгнаны всѣ коммунистическіе завѣты.

Разъ былъ открытъ доступъ въ общину богачамъ, то, съ другой стороны, дѣло дошло до того, что среди братьевъ появились и нищіе. «По возможности—гласитъ ихъ церковный уставъ отъ 1609 г.—мы оберегаемъ нашихъ людей отъ нищенства». Безусловнаго обязательства помогать брату болѣе не существовало.

«Богемскіе пуритане», говоритъ *Гиндели* (цит. соч., II, стр. 312), «и именно богемскіе фанатики, которые болѣе склонялись къ Петру Хельчицкому, чѣмъ къ Гуссу, и, согласно ученію Павла, предпочитали безбрачіе, не приносили присяги, не занимали общественныхъ должностей, не позволяли себѣ никакой роскоши, не терпѣли никакого богатства, не ссужали за процентъ, отвергали войну,—именно они и сдѣлались вполнѣ благополучными капиталистами, весьма добронравными супругами, вполнѣ способными промышленниками, вполнѣ почтенными бургомистрами и присяжными, вполнѣ доблестными генералами и государственными людьми».

Ихъ успѣхи длились вплоть до тридцатилѣтней войны, до сраженія на Бѣлой Горѣ, въ 1620 г. Эта битва завершила собою продолжительную борьбу между богемскимъ дворянствомъ и самодержавіемъ Габсбурговъ, съ 1526 г. завладѣвшихъ богемскимъ трономъ, привела къ полному уничтоженію перваго, къ конфискаціи его владѣній и раздачѣ ихъ іезуитамъ и придворнымъ временщикамъ, а также нанесла окончательный ударъ богемскимъ братьямъ. Впослѣдствіи они только съ трудомъ собрали то здѣсь то тамъ свои жалкіе остатки, которые въ 1722 г. нашли себѣ, наконецъ, убѣжище у благочестиваго графа Цинцендорфа, въ его саксонскихъ владѣніяхъ въ Гернгутѣ.

Но гернгутеры не только не сохранили коммунистическаго энтузіазма болѣе строгаго направленія, но и практицизма болѣе умѣреннаго. Бѣдные обездоленные крестьяне и ремесленники, избѣгнувшіе преслѣдованій только

потому, что жили въ глухихъ заброшенныхъ углахъ, не смогли уберечь отъ братской общины чего-либо существеннаго.

Въ 16-мъ столѣтіи богемскіе братья перестали играть роль въ исторіи соціализма. Въ 17-мъ столѣтіи утрачивается также ихъ значеніе для всеобщей исторіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Германская реформація и Томасъ Мюнцеръ.

I. Реформація въ Германіи.

Эней Сильвій Пикколомини, часто уже цитированный нами, былъ нѣкогда передовымъ борцомъ за церковную реформу, но потомъ заключилъ миръ съ римскимъ папою, за что въ 1456 г. былъ награжденъ кардинальской шапкой [1]). Мартинъ Майеръ, уроженецъ Гейдельберга, канцлеръ майнцскаго архіепископа, Дитриха фонъ-Эрбаха, послалъ новоиспеченному кардиналу письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Была придумана тысяча способовъ (выше часть ихъ перечислена), посредствомъ которыхъ римскій престолъ ловко, какъ у варваровъ, отбираетъ наше золото. Оттого-то и случилось, что наша нація, нѣкогда столь славно, собственнымъ мужествомъ и кровью завоевавшая римскую имперію и ставшая повелительницей и королевой, теперь впала въ бѣдность, сдѣлалась слугой и данницей и, лежа въ грязи, оплакиваетъ уже многіе годы свое несчастіе и свою бѣдность. Но теперь наши князья пробудились отъ сна и начали думать, какъ бы помочь этому горю, и уже рѣшили свергнуть иго и вернуть себѣ старую свободу. Не пустымъ дѣломъ будетъ для римской куріи, если князья римской имперіи дѣйствительно приведутъ въ исполненіе свой замыселъ» [2]).

Эней Сильвій счелъ необходимымъ написать, въ опроверженіе Майера, собственную книгу о положеніи Германіи, выпущенную имъ въ 1458 г., незадолго передъ своимъ избраніемъ въ папы [3]). «Бѣденъ духомъ тотъ»—

---

[1]) Два года спустя онъ сдѣлался папой, Піемъ II. Занявъ этотъ постъ, онъ поспѣшилъ осудить свои собственныя сочиненія, какъ еретическія.

[2]) *Ульманъ*, Reformatoren etc., I, стр. 214.

[3]) Мы пользовались лейпцигскимъ изданіемъ 1496 г.: *Enee Sylvii*, de Ritu, Situ, Moribus ac Conditione alemanie. Lyptzick.

заявляетъ онъ въ книгѣ—«кто утверждаетъ, будто Германія бѣдна». Онъ пытается доказать это ссылками на торговлю и горное дѣло, которыя процвѣтали въ то время въ Германіи и приносили большія богатства. «Если правильно—восклицаетъ онъ,—что гдѣ купцы, тамъ и богатства, то слѣдуетъ признать, что нѣмцы представляютъ собой богатѣйшую націю, такъ какъ большая часть ихъ рыщетъ по всѣмъ далекимъ странамъ въ погонѣ за торговыми барышами. А затѣмъ, пусть подумаютъ о золотыхъ и серебряныхъ залежахъ, неизвѣстныхъ прежде, а теперь открытыхъ. Въ Богеміи—Куттенбергъ, въ Саксоніи—Ранкбергъ, въ Мейсенѣ—Фрейбергъ владѣютъ на головокружительныхъ высотахъ неистощимыми рудниками». Затѣмъ онъ указываетъ на золотые и серебряные пріиски въ долинахъ Инна и Энна, на золотопромывальни Рейна и Богеміи и, наконецъ, спрашиваетъ: «Гдѣ найдется у васъ трактиръ (diversorium), въ которомъ бы не пили изъ серебра? Какая женщина, не только среди знати, но и среди простонародья, не блещетъ золотомъ? Нужно ли мнѣ указывать на шейныя цѣпи рыцарей, на вычеканенныя изъ чистѣйшаго золота уздечки лошадей, на шпоры, ножны мечей, усыпанные драгоцѣнными камнями, на перстни и перевязи, на панцыри и шлемы, сверкающіе золотомъ? А какъ великолѣпна церковная утварь, сколько гробницъ съ мощами оправлено въ жемчугъ и золото, какъ богато убранство алтарей и священнослужителей!»

Изъ всего этого вытекало, что Германія имѣла полную возможность выплачивать дань римскому престолу. Что сталось бы съ нимъ, если бы Германія прекратила свои приношенія? Онъ впалъ бы въ оскудѣніе и нищету, утративъ способность выполнять свои великія задачи, ибо ничтожные, необезпеченные доходы съ церковной области недостаточны. Безъ богатства нельзя ни быть образованнымъ, ни пользоваться уваженіемъ. При всякомъ общественномъ строѣ (in omni lege), священнослужители были богаты.

Большаго противорѣчія между двумя сочиненіями нельзя привести. Можно бы сказать: правдиво лишь одно, а другое лживо. И, однако, оба сочиненія правдивы, хотя и не лишены преувеличеній. Каждое въ отдѣльности даетъ лишь неполную картину положенія Германіи во второй половинѣ 15-го столѣтія. Оба они правдивы, и именно потому, что стоятъ другъ къ другу въ непримиримомъ противорѣчіи, которое точно отражало великое противорѣчіе вещей того времени, и именно благодаря своей непримиримости могло разрѣшиться только борьбой обоихъ противорѣчій и побѣдой одного надъ другимъ.

Письмо Майера и возраженіе Энея Сильвія самымъ яснымъ образомъ обнаруживаютъ передъ нами ядро реформаціи, освобожденное отъ всей той шелухи богословскихъ раздоровъ о предопредѣленіи, тайной вечерѣ и т. д., которая была нагромождена позднѣе церковными реформаторами различныхъ партій.

Эней Сильвій былъ правъ: въ 15-мъ столѣтіи Германія была богата и славилась своимъ горнымъ дѣломъ и своей торговлей. Правъ онъ былъ также утверждая, что римскій тронъ опирался преимущественно на доходы изъ Германіи. Ибо другія великія культурныя націи Европы къ тому времени уже успѣли въ значительной степени освободиться отъ папской эксплоатаціи. Тѣмъ энергичнѣе, со всею силою своихъ эксплоататорскихъ способностей устремилась курія на нѣмецкую націю и тѣмъ упорнѣе отказывала она ей въ каждой, хотя бы и незначительной уступкѣ. Ожидать смягченія папской эксплоатаціи было нечего. Германіи приходилось или терпѣть ее безропотно, или совершенно порвать съ Римомъ.

Эта мысль все болѣе укрѣплялась, такъ какъ Мартинъ Майеръ тоже былъ правъ. Какъ ни возрасло богатство Германіи, папская эксплоатація все же чувствовалась, какъ чрезвычайно тяжелое бремя и помѣха для экономическаго развитія.

Германіи вредило уже одно то обстоятельство, что ей приходилось нести бремя, отъ котораго остальныя культурныя страны были свободны. Во Франціи, Англіи и Испаніи церковь точно также эксплоатировала народныя массы. Но существеннѣйшая часть доходовъ отъ этой эксплоатаціи оставалась въ странѣ, попадала въ руки представителей господствующихъ классовъ, которые занимали всѣ доходныя мѣста, частью самолично, а частью черезъ своихъ приближенныхъ, или прихвостней изъ другихъ классовъ. Въ Германіи, напротивъ, многіе приходы доставались не нѣмецкимъ князьямъ, а иностранцамъ, любимцамъ папы. Всѣ доходныя церковныя мѣста представляли собою товаръ, который папа продавалъ тому, кто больше давалъ [1]). Вслѣдствіе этого изъ году въ годъ въ Римъ уплывали громадныя суммы, ускользая отъ крупныхъ эксплоататоровъ Германіи, ея князей и негоціантовъ. И какъ ни велики были барыши отъ торговли и горнаго дѣла, какъ ни быстро могло увеличиваться богатство Германіи,—потребность въ деньгахъ и жажда денегъ возрастали среди эксплоататоровъ еще быстрѣе.

---

[1]) „Такъ какъ большую часть должностей и мѣстъ въ куріи можно было купить, то приходы становились все болѣе и болѣе ходкимъ предметомъ торговли; дѣло дошло до того, что для усиленія сбыта наиболѣе доходныхъ бенефицій, продажу ихъ предоставляли за умѣренный процентъ *крупнымъ торговымъ компаніямъ*, такъ что, напримѣръ, Фуггеры, послѣ смерти одного аугсбургскаго каноника, перевели его приходы на себя. Тогда они были проданы еще разъ, а новые покупщики, вѣроятно, вновь перепродали ихъ болѣе щедрымъ покупателямъ. Вимфелингъ зналъ одно духовное лицо, которое владѣло двадцатью четырьмя приходами и въ томъ числѣ восемью канонникатами, но ни одного изъ нихъ не занимало для себя. Капитонъ разсказываетъ даже объ одномъ страсбургскомъ

Въ 15-мъ столѣтіи товарное производство и торговый обмѣнъ,—слѣдовательно, такъ называемое денежное хозяйство—уже достигло въ Германіи значительнаго развитія. Производство для собственнаго потребленія, натуральное хозяйство, какъ *исключительная форма* производства, быстро вырождалось, даже въ деревнѣ. Потребность въ деньгахъ увеличивалась повсюду, особенно же среди господствующихъ классовъ, и не только потому, что ихъ образъ жизни чрезвычайно быстро достигъ высочайшей роскоши, но и потому, что у нихъ развивались потребности, которыя могли быть удовлетворены лишь посредствомъ денегъ. Самодержавная власть, тогда еще развивавшаяся, нуждалась въ деньгахъ, чтобы платить жалованье наемнымъ солдатамъ и чиновникамъ, чтобы привлекать ко двору и подчинять себѣ неслужилыхъ дворянъ, чтобы подкупать, наконецъ, людей своего противника. Приходилось, стало быть, измышлять налоги, сдирать шкуру съ горожанъ и крестьянъ, выжимать изъ нихъ все, что только можно было выжать. Но постоянныхъ доходовъ хватало рѣдко, и, значитъ, приходилось дѣлать долги, а они требовали, въ свою очередь, новыхъ расходовъ въ видѣ процентовъ.

Несмотря на всѣ вымогательства и займы, лишь немногимъ князьямъ удавалось въ то время справляться со своими финансами, вслѣдствіе чего и они и ихъ подданные, на которыхъ лежали эти и другія тяжести—чувствовали, что бѣднѣютъ, вопреки растущему богатству Германіи, и что невыносимо спокойно смотрѣть, какъ папа безъ труда и хлопотъ снимаетъ себѣ сливки, оставляя имъ лишь снятое молоко.

Но избавиться отъ папской эксплоатаціи было не такъ-то просто. Правда, отъ римскаго господства, одинаково съ князьями и даже еще больше, чѣмъ они, страдала вся нація, страдали ея низшіе классы,—крестьяне, городскіе пролетаріи и непосредственно надъ ними лежавшіе народные слои,—городское сословіе и низшее дворянство. Уже передъ Веклефомъ и Гуссомъ, при Людвигѣ Баварскомъ, они обнаружили склонность вступить въ борьбу съ куріей. Но не меньше страдали они отъ усиливавшейся эксплоатаціи высшимъ дворянствомъ, крупными негоціантами

каноникѣ Яковѣ, который нажилъ себѣ *сто* приходовъ и открылъ настоящую торговлю ими". (*Ф. Ф. Бецольдъ*, Geschichte der deutschen Reformation, Берлинъ, 1890, стр. 78). „Не легко здѣсь получить доходный приходъ тому—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Гуттенъ,—кто не домогался его въ Римѣ, или не посылалъ туда много денегъ для подкупа, или просто-на-просто не купилъ его черезъ посредство Фуггеровъ" („Die römische Dreifaltigkeit", бесѣды Ульриха ф. Гуттена, переведенныя и поясненныя Давидомъ Фр. Штраусомъ, Лейпцигъ 1860, стр. 106). Потому-то Фуггеры и были ревностными католиками, не жалѣвшими денежныхъ пожертвованій на борьбу съ Лютеромъ.

и князьями; Англія, какъ и Богемія, показали, какъ опасно для этихъ классовъ низвергать одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ общества. Подобно тому, какъ революціонныя войны Франціи конца предыдущаго и начала настоящаго столѣтія вызвали въ Европѣ періодъ реакціи и надолго отняли у повсемѣстно подымавшейся буржуазіи охоту бороться съ княжескимъ самодержавіемъ и аристократическимъ землевладѣніемъ революціоннымъ путемъ, въ союзѣ съ мелкой буржуазіей и пролетаріями,— такъ и гуситскія войны породили періодъ реакціи не только въ Богеміи, но также и въ Германіи, такъ что потребовалось долгое время, прежде чѣмъ идея освобожденія отъ Рима подчинила себѣ сознаніе правящихъ классовъ имперіи.

Къ тому же союзъ между императоромъ и папою, заключенный Люксембургами при Карлѣ IV съ Сигизмундомъ, нашелъ себѣ поддержку и между ихъ преемниками на императорскомъ тронѣ, Габсбургами. Къ основаніямъ, ради которыхъ Люксембурги сдѣлались друзьями папскаго престола, для Габсбурговъ присоединилось еще одно,—турецкая опасность, которая угрожала какъ разъ габсбургскимъ землямъ и уничтожить которую могъ, повидимому, только крестовый походъ, организованный папой.

Вялый Фридрихъ III въ важнѣйшихъ вопросахъ церковной политики былъ только орудіемъ хитраго ренегата, Энея Сильвія; Максимиліанъ, «послѣдній рыцарь», этотъ педантичный романтикъ на тронѣ, выказалъ себя въ высокой степени непостояннымъ и нерѣшительнымъ. Но насколько тѣсно связанными представлялись ему императорскіе и папскіе интересы, можно видѣть изъ того, что онъ построилъ планъ увѣнчать одну и ту же голову императорской короной и папской тіарой. А Карлъ V, такъ энергично боровшійся съ господствомъ папы въ габсбургскихъ наслѣдныхъ владѣніяхъ, всякій разъ, какъ папа противился его планамъ, такъ мало боявшійся послать своихъ ландскнехтовъ въ самый Римъ и предать его опустошенію, не менѣе энергично отстаивалъ, какъ императоръ, колеблемый авторитетъ папы въ Германіи—энергично настолько, конечно, насколько могъ это дѣлать въ то время германскій императоръ.

Если ко всему этому прибавить чрезвычайную раздробленность Германіи, которая, сводя, конечно, до минимума императорскую власть, сильно въ то же время мѣшала противникамъ императора и папы объединиться между собою для совмѣстнаго натиска, то становится понятнымъ, почему реформація въ Германіи пришла въ движеніе только столѣтіе спустя, послѣ начала гуситскихъ войнъ.

За это время развитіе страны сдѣлало крупные успѣхи во всѣхъ областяхъ. Какъ сильно усовершенствовались средства духовной и физической борьбы! Было найдено искусство книгопечатанія и усовершенство-

вано артиллерійское дѣло. Въ высокой степени развились средства сообщенія и именно сообщенія морскимъ путемъ. Незадолго передъ реформаціей смѣлые мореплаватели впервые пересѣкли Атлантическій океанъ поперекъ [1]).

Толчкомъ къ этимъ плаваніямъ послужило вторженіе въ 15-мъ столѣтіи турокъ и другихъ среднеазіатскихъ народностей, закрывшихъ прежніе торговые пути на востокъ. Благодаря высотѣ, которой достигло европейское судоходство того времени, это вторженіе не только не повело къ прекращенію торговли между восточной Азіей и Европой, но еще побудило къ отысканію новыхъ путей въ Индію, съ одной стороны—вдоль берега Африки, а съ другой—поперекъ, черезъ океанъ. Эра открытій началась, современная колоніальная политика заложила свое основаніе.

Вслѣдствіе этого не только кругозоръ человѣчества сразу чрезвычайно расширился и открылся путь къ полному перевороту въ человѣческомъ *знаніи*, но начала развиваться и *экономическая* революція. Центръ тяжести хозяйства Европы перенесся изъ бассейна Средиземнаго моря на берега Атлантическаго океана. Экономическое развитіе Италіи и востока Европы было прервано и задержано,—экономическое развитіе Западной Европы, напротивъ, могучимъ толчкомъ было подвинуто впередъ. Противорѣчія, существовавшія между классами и между государствами, крайне обострились и достигли своей высшей точки, создались новыя противорѣчія, всѣ страсти, присущія новой капиталистической формѣ эксплоатаціи, были раскованы и стали проявлять себя со всею силой и необузданностью едва отжитаго варварскаго средневѣковья. Всѣ устарѣвшія соціальныя и политическія отношенія рухнули, вся обыденная мораль оказалась несостоятельной. Цѣлое столѣтіе въ Европѣ свирѣпствовалъ рядъ чудовищныхъ войнъ, въ которыхъ алчность, кровожадность и неистовство отчаянія справляли свои ужасающія оргіи. Кому неизвѣстна Варѳоломеева ночь, кто не знаетъ, какъ свирѣпствовали герои тридцатилѣтней войны въ Германіи, Альба—въ Нидерландахъ, Кромвелль—въ Ирландіи,—не говоря уже о звѣрствахъ одновременно развивавшейся колоніальной политики!

Этотъ гигантскій переворотъ, величайшій изъ всѣхъ, происходившихъ въ Европѣ со времени переселенія народовъ, впервые (кромѣ Англіи) нашелъ себѣ хотя бы частичное завершеніе въ вестфальскомъ мирѣ 1648 года.

---

[1]) Въ 1497 г., Джонъ Каботъ переплылъ океанъ отъ Бристоля на Лабрадоръ: въ 1498 г. Колумбъ—изъ Полоса въ Вестъ-Индію; Норманны, достигшіе [illegible] избрали путь черезъ Исландію и Гренландію.

Исходнымъ пунктомъ переворота была нѣмецкая реформація, взволновавшая всю Европу и давшая лозунги и аргументы для борющихся вплоть до 17-го столѣтія, такъ что поверхностному наблюдателю можетъ показаться, будто во всѣхъ этихъ войнахъ дѣло шло исключительно о вопросахъ религіи. И дѣйствительно—имъ дано названіе «религіозныхъ войнъ».

Въ виду всего этого неудивительно, что нѣмецкое реформаціонное движеніе безконечно превосходитъ, по своему міровому историческому значенію, всѣ предыдущія движенія этого рода, что оно стало *именно реформаціей*, что нѣмцы, хотя и примкнули къ возмущенію противъ Рима позже всѣхъ другихъ культурныхъ націй Европы, тѣмъ не менѣе могли почитаться избраннымъ народомъ свободомыслія, предназначеннымъ дать свободу духа всѣмъ другимъ народамъ.

II. Мартинъ Лютеръ.

Человѣкомъ, которому было суждено бросить искру въ боченокъ съ порохомъ, отъ которой разгорѣлся чудовищный міровой пожаръ, человѣкомъ, который сталъ какъ бы главнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ переворотовъ, обоготворяемымъ одними и проклинаемымъ другими, былъ монахъ-августинецъ, *д-ръ Мартинъ Лютеръ*.

Если онъ и очутился въ центрѣ движенія, то этимъ онъ обязанъ не превосходству своего ума, не оригинальности и смѣлости своего мышленія. Въ этомъ отношеніи его далеко превосходили многіе изъ его современниковъ. Не только во Франціи и Италіи, но и въ Германіи многіе представители высшихъ классовъ достигли уже того, что совершенно отрицали религіозныя формы мышленія, даже больше—насмѣхались надъ ними; случилось это подъ вліяніемъ такъ называемаго гумманизма, который зародился впервые въ Италіи (14-ый вѣкъ) въ связи съ античнымъ міросозерцаніемъ, возрожденіе котораго (ренессансъ) отчасти имъ обусловливалось. Примѣнительно къ Германіи упомянемъ здѣсь о младшихъ эрфуртскихъ гуманистахъ, руководимыхъ Муціаномъ, который противопоставлялъ церкви науку и отрицалъ божественность Христа. Лютеръ вступилъ въ кружокъ этихъ гуманистовъ, въ бытность свою студентомъ эрфуртскаго университета (1501). Но его привлекалъ, повидимому, не столько духъ кружка, сколько веселая жизнь его членовъ; по крайней мѣрѣ въ Лютерѣ не видно было и слѣда гумманизма, когда за веселымъ житьемъ послѣдовало похмелье и Мартинъ принялъ рѣшеніе пойти въ монастырь (1505).

Но и между тѣми, кто остался вѣренъ христіанскому ученію, было

немало эмансипировавшихся въ главнѣйшемъ отъ католицизма. Укажемъ лишь на одного,—Іоганна фонъ-Везеля, профессора эрфуртскаго университета, умершаго въ 1481 году, за два года до рожденія Лютера. Съ какой силой громилъ онъ папу, эту «закутанную въ пурпуръ обезьяну», ученія объ отпущеніи грѣховъ и почитаніи святыхъ, исповѣдь, причастіе, міропомазаніе, посты! «Если св. Петръ и установилъ посты—сказалъ онъ однажды въ проповѣди—то, очевидно, для того, чтобы дороже продавать свою рыбу».

Ульманъ, изъ работы котораго «Reformatoren vor der Reformation» (I, стр. 333) заимствована эта цитата, подробно говоритъ объ Іоганнѣ фонъ Везелѣ. «Оказали ли сочиненія и ученіе Везеля объ отпущеніи грѣховъ—говоритъ онъ—вліяніе на развитіе взглядовъ Лютера, трудно рѣшить съ несомнѣнностью. Это возможно и даже вѣроятно, ибо Лютеръ изучалъ въ Эрфуртѣ сочиненія Везеля, и кромѣ того ученія послѣдняго, независимо отъ его книгъ, несомнѣнно продолжали оказывать вліяніе на эрфуртскій университетъ. При всемъ томъ, во время составленія своей книги противъ отпущенія, Везель ушелъ въ теоретическомъ отношеніи гораздо дальше, чѣмъ Лютеръ, ко времени выставленія своихъ тезисовъ; полемика Везеля была яснѣе, убѣжденнѣе и шире, она общѣе охватывала весь институтъ и его основы, чѣмъ полемика Лютера, правда, сильная, глубокая и смѣлая, но въ существѣ еще нѣсколько колеблющаяся и направленная скорѣе противъ временныхъ недостатковъ» (цит. соч., I, стр. 307).

Лютеръ, съ 1508 года профессоръ теологіи въ Виттенбергѣ, а съ 1515 года городской священникъ тамъ же, возмутился продажей индульгенцій, которой занимался въ 1517 году въ Саксоніи Тецель, съ цѣлью перекачать въ необъятное казнохранилище папы Льва X деньги изъ кармановъ простаковъ, всегда имѣющихся въ избыткѣ. Возмущенный этимъ, наравнѣ со многими другими, онъ рѣшилъ выступить противъ продажи отпущенія. Форма, въ которой онъ это сдѣлалъ, была довольно обычной; согласно обыкновенію тогдашнихъ университетскихъ профессоровъ, онъ прибилъ къ дверямъ одной вюртембергской церкви (31-го октября 1517 г.) 95 тезисовъ объ отпущеніи грѣховъ и вызвался вести по этому предмету диспутъ. Содержаніе тезисовъ также не было революціоннымъ; они касались лишь тѣхъ пунктовъ, относительно которыхъ въ самой церкви не было единства. Ему вовсе и не приходило въ голову касаться отпущенія по существу, какъ это сдѣлалъ Везель. Такъ, въ 71-мъ тезисѣ мы читаемъ: «Тотъ, кто говоритъ противъ правдивости папскаго отпущенія, да будетъ проклятъ и заклейменъ». Позднѣе самъ Лютеръ сообщалъ о себѣ: «Когда я впервые выступилъ противъ отпущенія, то былъ настолько преисполненъ,

упоенъ и даже просто опьяненъ ученіемъ папы, что съ величайшимъ рвеніемъ, насколько это отъ меня зависѣло, былъ готовъ убить или, по меньшей мѣрѣ, съ удовольствіемъ помогъ бы убивать всѣхъ, кто не желалъ слушаться папы».

Споръ между Лютеромъ и Тецелемъ, по справедливому замѣчанію ихъ современниковъ, представлялъ собою не болѣе, какъ простую перебранку монаховъ. Но это была перебранка не только изъ-за догмъ, но и изъ-за кошелька, а въ этомъ пунктѣ курія всегда была особенно щекотлива. Къ тому же, тогда было крайне неспокойное, тревожное время. Вся Германія пылала жаждой борьбы противъ папы и его церкви. Изъ всѣхъ «стрѣлъ противъ мошенниковъ», какъ выражался *Гуттенъ*, летѣвшихъ изъ Германіи и жужжавшихъ надъ головами у поповъ, наиболѣе отточенными и мѣткими были «Письма неизвѣстныхъ людей» («Briefe unberühmter Männer») [1]), рядъ писемъ, изданныхъ въ 1515—17 годахъ друзьями Муціана, Крот. Рубіанусомъ и Гуттеномъ, и состоявшихъ изъ сатиръ и каррикатуръ, изображавшихъ «представителей церковной науки въ видѣ банды полнѣйшихъ идіотовъ и негодяевъ» (*Бецольдъ*).

Торгашество отпущеніемъ вызвало въ Германіи повсемѣстный протестъ; въ виду этого куріи было сугубо непріятно, что по такому щекотливому дѣлу, какъ отпущеніе, затѣялъ споръ представитель самой церкви, профессоръ теологіи. Не мѣшкая, она сама вмѣшалась въ споръ, съ цѣлью возстановить спокойствіе, но достигла этимъ какъ разъ обратнаго тому, чего домогалась. Съ одной стороны она показала, насколько она уже стала безсильной въ Германіи, ибо ей не удалось побудить церковное и свѣтское начальство Лютера зажать ему ротъ. Съ другой стороны вмѣшательство папы привело къ тому, что многочисленные противники папства обратили теперь вниманіе на Лютера, сплотились вокругъ него и стали толкать его впередъ. Благодаря тому, что поединокъ между Лютеромъ и Тецелемъ превратился въ поединокъ между Лютеромъ и папой, онъ сталъ поединкомъ между папой и нѣмецкой націей.

Безъ настоящей, самостоятельной иниціативы со стороны Лютера друзья и враги толкали его впередъ къ разрыву съ папствомъ. Если въ 1519 году онъ проклиналъ то, что еще благословлялъ въ 1518 году, объявляя единственно священнымъ то, что еще недавно предавалъ анаѳемѣ, то это было не результатомъ расширенія его познанія, но слѣдствіемъ чисто-внѣшнихъ вліяній, которыя имъ руководили и двигали его впередъ.

---

[1]) Мы согласны съ Янсономъ, что такой переводъ „Epistolae obscurorum virorum" ведетъ къ меньшему непониманію, чѣмъ обычный—„Briefe der Dunkelmänner" (т. е. „Письма темныхъ людей").

Папская булла 1520 года, отлучившая Лютера отъ церкви, была ударомъ по воздуху; съ ней считались въ Германіи лишь постольку, поскольку она увеличивала популярность Лютера и побудила его идти дальше по начатому пути.

Вновь избранный императоръ Карлъ V, унаслѣдовавшій въ 1519 г. Максимиліану, призвалъ Лютера въ Вормсъ на рейхстагъ (1521 г.), въ надеждѣ, что ему удастся отрезвить упорнаго профессора и принудить его къ молчанію.

Пребываніе Лютера въ Вормсѣ сравнивали съ появленіемъ Гусса въ Констанцѣ. Но въ обоихъ случаяхъ положенія были совершенно различными. Гуссъ покинулъ свое отечество, чтобы выступить передъ церковнымъ собраніемъ, состоявшимъ изъ его заклятыхъ враговъ. Лютеръ явился на нѣмецкій рейхстагъ, сословія котораго были въ большинствѣ настроены къ нему благопріятно. Справедливо, что онъ держался смѣло, но онъ уже сломалъ за собою мосты и не могъ отступить, не совершая акта трусости и безчестности. И когда въ Вормсѣ онъ заявилъ: «При этомъ я остаюсь, иначе не могу, да поможетъ мнѣ Богъ, аминь»,—онъ слѣдовалъ, повидимому, не только велѣніямъ мужества, но еще больше голосу разсудка. Вѣдь подчинившись, онъ не примирился бы со своими врагами, но оттолкнулъ бы своихъ друзей. Подчиненіе грозило ему большей опасностью, чѣмъ непоколебимость. Онъ былъ увѣренъ, что князья и рыцари въ Вормсѣ не потерпятъ малѣйшаго насилія надъ нимъ. Онъ оставилъ рейхстагъ невредимымъ.

Позднѣе Мюнцеръ смѣялся надъ Лютеромъ за его кичливость своимъ геройскимъ поведеніемъ въ Вормсѣ: «Твоя хвастливость такова, что при твоей непроходимой глупости можетъ поразить иного на смерть, а если ты предсталъ въ Вормсѣ передъ рейхстагомъ, то благодари за это нѣмецкое дворянство, которому ты такъ старательно обмазалъ губы медомъ; ибо оно мечтало только о томъ, что своимъ проповѣдничествомъ ты дашь ему *богемскіе подарки*, монастыри и помѣстья, которыя ты обѣщаешь теперь князьямъ. *И если бы ты въ Вормсѣ поколебался, то скорѣе былъ бы заколотъ дворянами, чѣмъ выпущенъ на свободу*,—вѣдь это извѣстно всякому» [1]).

Лютеръ былъ поставленъ въ центрѣ реформаціоннаго движенія не въ силу своего необычнаго ума или необычайной смѣлости. Его необычайныя свойства заключались въ иномъ. Лютеръ выдѣлялся не какъ *мыслитель*, не какъ *мученикъ*, но какъ *агитаторъ*, сочетаніемъ свойствъ, которыя рѣдко соединяются въ одномъ человѣкѣ.

---

[1]) Защитительная рѣчь 1524 г.

Докторъ и профессоръ теологіи никогда не заглушали въ немъ крестьянина. Будучи ученымъ, онъ понималъ, однако, нужды, чувства и мысли низшихъ классовъ народа и владѣлъ его языкомъ, какъ ни одинъ изъ его современниковъ, какъ лишь немногіе послѣ него. Образцовый полемистъ, какъ и Лессингъ, онъ владѣлъ рѣдкимъ искусствомъ—въ этомъ онъ соприкасается съ Лассалемъ, на котораго онъ мало походитъ во всемъ остальномъ—увлекать впередъ массы и одновременно импонировать господствующимъ классамъ.

Такимъ умѣніемъ до него не обладалъ въ Германіи ни одинъ изъ противниковъ папства. Каждый изъ нихъ обращался фактически, хотя можетъ быть и не всегда намѣренно, исключительно къ одному классу. Одни—къ низшимъ классамъ, какъ напримѣръ авторъ «Реформаціи императора Сигизмунда», перваго революціоннаго сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ (*Бецольдъ*). Такіе люди заподазривались, и справедливо, высшими классами въ таборитскихъ тенденціяхъ. Власть имущіе не только чувствовали себя оторванными отъ нихъ, но зачастую вынужденными открыто преслѣдовать ихъ. Тѣ же представители высшихъ классовъ, которые обращались къ папской власти, писали не для массъ. Таковъ былъ, напримѣръ, *Грегоръ фонъ-Геймбургъ*, городской синдикъ Нюрнберга, «свѣтскій Лютеръ до Лютера» (*Уллльманъ*), самымъ рѣшительнымъ образомъ нападавшій на папство въ рядѣ одинаково научныхъ и рѣзкихъ сочиненій, написанныхъ въ 1440—1465 годахъ. Преданный проклятью, покинутый нюрнбержцами и прочими защитниками, онъ былъ вынужденъ бѣжать въ Богемію къ Подіебраду. По смерти послѣдняго (1471), онъ направился въ Саксонію, гдѣ и закончилъ въ 1472 г. свою полную борьбы жизнь.

Хотя онъ и былъ мужественнымъ и ловкимъ борцомъ, но массы оставались къ нему холодными, ибо онъ писалъ не для нихъ.

То же относится и къ *Гуттену*. Вначалѣ онъ также обращался исключительно къ высшимъ классамъ. Даже послѣ того, какъ лютерово движеніе охватило всю Германію и Гуттенъ нашелъ необходимымъ обнародовать посланіе къ нѣмцамъ *всѣхъ сословій* [1]) (конецъ сентября 1520 г.), онъ написалъ его на латинскомъ языкѣ, ссылаясь при этомъ на то, что до сихъ поръ писалъ по-латыни, «дабы сперва предварить съ глазу на глазъ сановниковъ тѣхъ церквей, которыя подлежатъ реформированію,

[1]) Omnibus *omnis ordinis ac status* in Germania Principibus, Nobilitati ac Plebeis, Ulrichus de Hutten, Eques. Orator et Poeta laureantus. Ср. *Д. Ф. Штраусъ*, Ulrich von Hutten, Лейпцигъ 1858, II, стр. 89 и сл., стр. 102 и слѣд.

а не втягивать сразу же въ общую съ ними науку простой народъ».

Правда, непосредственно за этимъ, въ декабрѣ того же года, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ апеллировать къ этому «простому народу», чтобы завоевать его силу для поддержки начатаго имъ дѣла. Его произведеніе вышло теперь на нѣмецкомъ—«Klag und Vermahnung gegen den unchristlichen Gewalt des Papstes und der ungeistlichen Geistlichen» («Жалоба и вразумленіе противъ нехристіанской власти папы и свѣтскаго духовенства»).

Въ этомъ произведеніи, написанномъ стихами онъ говоритъ:

Latein ich vor geschrieben hab,
Das war eim Jeden nit bekannt;
Jetzt schrei ich an das Vaterland,
Teutsch Nation in ihrer Sprach,
Zu bringen diesen Dingen Rach".

(Писалъ я раньше по-латыни,
Но это было понятно не всякому;
Теперь я взываю къ отечеству,
Къ нѣмецкой націи на ея языкѣ,
Дабы она отомстила за все).

Но въ качествѣ писателя-нѣмца Гуттенъ далеко уступалъ Лютеру, который въ своемъ посланіи «Къ христіанскому дворянству нѣмецкой національности» началъ агитацію на нѣмецкомъ языкѣ до Гуттена и производилъ гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ онъ.

Сочетаніе въ Лютерѣ учености съ проникновенной, захватывающей народностью усиливалось соединеніемъ въ немъ такихъ чертъ, которыя еще рѣже встрѣчаются въ одномъ и томъ же человѣкѣ: онъ сочеталъ въ себѣ изворотливость и безхарактерную приспособляемость *придворнаго* съ безыскуственной силой и даже грубостью *крестьянина* и съ дикой страстностью *фанатика*, вырождавшейся подчасъ въ слѣпое бѣшенство.

Въ пылу борьбы съ Римомъ Лютеръ доходилъ до крайности. Онъ охотно принималъ помощь всѣхъ революціонеровъ, стремившихся къ нему, и поддѣлывался подъ ихъ тонъ Въ вышеупомянутомъ посланіи къ христіанскому дворянству нѣмецкой національности онъ прямо проповѣдовалъ революцію. Онъ выступаетъ на защиту рыцарей и крестьянъ, клеймитъ эксплоататоровъ, не только духовныхъ князей, но и купцовъ. Онъ требуетъ демократической организаціи церковныхъ общинъ.

И революція эта должна быть произведена насильственнымъ путемъ. Одновременно съ посланіемъ къ нѣмецкому дворянству, Лютеръ издалъ со своими примѣчаніями сочиненіе Сильвестра Пріеріаса, направленное

противъ него самого: «О непогрѣшимости папскаго ученія». Въ послѣсловіи къ нему онъ заявилъ: «Если неистовства сторонниковъ Рима будутъ продолжаться, то, мнѣ кажется, остается лишь одно средство спасенія: императоры, короли и князья должны выступить противъ нихъ *съ оружіемъ въ рукахъ*, рѣшиться напасть на эту чуму земного шара и рѣшить дѣло ужъ не словами, а желѣзомъ. Если мы наказываемъ воровъ веревкой, убійцъ — мечомъ, еретиковъ — огнемъ, то почему же намъ не выступить во всеоружіи противъ этихъ учителей растлѣнія, этихъ кардиналовъ, папъ и всѣхъ прочихъ гноевиковъ римскаго содома, неустанно разлагающихъ божью церковь,—*и отчего намъ не вымыть рукъ въ ихъ крови*».

Онъ нападалъ даже на князей, если они не плясали по его дудкѣ, и мы не совѣтовали бы никому выражаться о нынѣ живущихъ нѣмецкихъ князьяхъ такъ, какъ выражался «избранный Богомъ человѣкъ». Императора онъ открыто называлъ тираномъ. О герцогѣ Георгѣ Саксонскомъ онъ говорилъ не иначе, какъ о Дрезденской Свиньѣ. Если князья—писалъ онъ однажды—будутъ продолжать слушаться глупой башки герцога Георга, то я очень опасаюсь, что произойдетъ возстаніе, которое смететъ всѣхъ князей и магистратовъ Германіи и одновременно увлечетъ за собой все духовенство. Таковымъ рисуется мнѣ положеніе дѣлъ. Народъ повсюду возбужденъ и зрячъ; онъ не желаетъ и не можетъ быть раздавленъ насиліемъ. Такова воля Господа, который скрываетъ отъ глазъ князей угрозы и грядущія опасности; да, благодаря ихъ слѣпотѣ и насилію, онъ приведетъ къ такимъ событіямъ, что подчасъ мнѣ представляется, будто я вижу Германію плавающей въ крови». Но онъ далекъ отъ того, чтобы бояться этого: гибель грозитъ не ему, а князьямъ.

Еще въ 1523 г., когда Зикингенъ уже поднялся противъ князей, и всеобщее возстаніе было близко, Лютеръ опубликовалъ 1 января сочиненіе: «Von weltlicher Obrigkeit, wie weit man ihr Gehorsam schuldig sei» («О свѣтской власти, насколько ей обязаны повиновеніемъ»), направленное противъ католическихъ князей, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. «Богъ всемогущій—пишетъ онъ тамъ—сдѣлалъ нашихъ князей безумными, дабы они думали, что могутъ повелѣвать своимъ подданнымъ все, что имъ угодно». «Богъ далъ имъ безуміе и желаетъ покончить съ ними такъ же, какъ съ духовными князьями. Они только и могутъ обдирать и копить, нагромождать пошлину на пошлинѣ, процентъ на процентѣ; они ведутъ себя, какъ хищные звѣри, среди нихъ не найти права, вѣрности и правды, и дѣйствуютъ они хуже разбойниковъ и мошенниковъ, а ихъ свѣтская власть пала столь же глубоко, какъ власть духовныхъ тирановъ». Съ самаго сотворенія міра—говоритъ онъ—умный князь

былъ рѣдкой птицей; но еще труднѣе найти благочестиваго князя. «*Обыкновенно это величайшіе глупцы и отъявленнѣйшіе мошенники на землѣ*». «Вашей тираніи и своеволія никто дольше не станетъ, не можетъ, не хочетъ переносить. Дорогіе князья и господа, да будетъ вамъ извѣстно, что впредь Богъ не потерпитъ всего этого. Теперь уже не то, что было прежде, когда вы травили и избивали людей, какъ дичь».

Мы передали эти мѣста болѣе подробно не только для характеристики Лютера. Именно теперь, когда столпы лютеранской церкви громче всѣхъ взываютъ о законѣ противъ соціалистовъ для подавленія непомѣрной грубости и рѣзкости соціалдемократической агитаціи, намъ кажется умѣстнымъ напомнить о языкѣ того человѣка, который говорилъ, не рискуя подвергнуться преслѣдованію, и ученіе котораго стало одной изъ основъ современнаго общества [1]).

Но говоря такимъ языкомъ, Лютеръ весьма остерегался слѣдовать своимъ словамъ на дѣлѣ. При всемъ своемъ революціонномъ поведеніи, онъ никогда не переходилъ границъ, за предѣлами которыхъ рисковалъ лишиться милости своего господина и покровителя, курфюрста *Фридриха Саксонскаго*. Когда реформація шагнула впередъ, когда въ національной борьбѣ противъ Рима въ Германіи, какъ нѣкогда въ Англіи и Богеміи, выступили на первый планъ классовые интересы и классовыя различія, и дѣло дошло до гражданской войны, которая могла закончиться лишь побѣдой одной изъ сторонъ, Лютеръ далеко не показалъ себя Катономъ; онъ сталъ на сторону побѣдителей, а до того, въ теченіе долгаго времени, опирался на тѣхъ и на другихъ. Въ 1517—22 гг. онъ принялъ помощь всѣхъ демократическихъ революціонныхъ элементовъ и заигрывалъ съ ними со всѣми, а въ 1523—25 гг. покинулъ ихъ одинъ за другимъ и предалъ, сперва—оппозицію рыцарей, руководимую Зикингеномъ и Гуттеномъ, а затѣмъ—крестьянско-мелкобуржуазную оппозицію въ великой крестьянской войнѣ.

Но утверждать, что его измѣна была причиной пораженій какъ тѣхъ, такъ и другихъ—значитъ заходить слишкомъ далеко. Ни одинъ человѣкъ, какъ бы силенъ онъ ни былъ, не можетъ располагать произвольно соотношенія силъ классовъ. Элементы демократической оппозиціи, потерпѣвшіе

---

[1]) Весьма консервативный, вѣрующій, протестантски настроенный г. Карлъ Іентшъ, въ своей статьѣ „Die Reformation und die Freiheit“, крайне удачно отмѣчаетъ: „Ни лютерова проповѣдь, ни лютерова дѣятельность не были бы возможны въ большомъ полицейскомъ государствѣ, на подобіе современныхъ“ (*К. Іентшъ*, Geschichtsphilosophische Gedanken. Лейпцигъ, Ф. В. Груновъ, стр. 204).

тогда крушеніе въ Германіи, несмотря на всѣ свои военныя удачи, были разбиты еще ранѣе, почти сто лѣтъ назадъ, въ Богеміи; въ 16-мъ столѣтіи они клонились къ упадку на пространствѣ всей Европы.

Лютеръ далъ торжество дѣлу князей не тѣмъ, что сталъ на ихъ сторону; наоборотъ, ставъ на сторону князей-побѣдителей, онъ самъ сдѣлался какъ бы побѣдителемъ и получилъ всѣ награды и почести, которыя несетъ за собой побѣда. А тѣмъ, что въ теченіе пяти лѣтъ до этого онъ призывалъ въ пламенныхъ словахъ помощь всѣхъ революціонеровъ и изображалъ свое дѣло ихъ дѣломъ, онъ заслужилъ любовь и уваженіе всѣхъ эксплоатируемыхъ.

Этой рѣдкой смѣси революціонной страстности и беззавѣтности съ безхарактернымъ оппортунизмомъ приписываемъ мы то обстоятельство, что въ періодъ грозной бури, пронесшейся въ началѣ 16-го столѣтія надъ Германіей, Лютеръ былъ нѣкоторое время и самымъ популярнымъ, и самымъ сильнымъ человѣкомъ, кажущущимся творцомъ и руководителемъ всего движенія. Но если онъ могъ играть такую роль, то этимъ онъ обязанъ не только своимъ *личнымъ* качествамъ, но, пожалуй, еще въ большей мѣрѣ соціальнымъ условіямъ той страны, князь которой ему покровительствовалъ.

III. «Горная благодать» въ Саксоніи.

При выясненіи источниковъ таборитскаго движенія мы уже видѣли, какимъ значеніемъ обладали для Богеміи серебряные рудники въ 14-мъ столѣтіи, какъ благодаря имъ обострились соціальныя противорѣчія, какой силы достигла эта страна и ея властитель. Въ 15-мъ столѣтіи добыча богемскихъ рудниковъ упала, зато горные промыслы Саксоніи, Мейсена и Тюрингена стали быстро расцвѣтать. Серебряныя богатства Фрейберга были извѣстны уже съ 1171 г.; фрейбергское горное право стало основой горнаго права всей Германіи. Но къ концу 15-го столѣтія Фрейбергъ былъ опереженъ *Шнеебергомъ*, гдѣ въ 1471 г. были открыты новыя рудныя жилы, сдѣлавшія Шнеебергъ на долгое время обширнѣйшимъ изъ всѣхъ серебряныхъ рудниковъ Германіи. Въ 1492 г. начали разработку *Шрекенштейна*, а въ 1496 г. тамъ же былъ заложенъ горный городъ *Аннабергъ*. Въ 1516 г. начался подъемъ горнаго промысла въ полубогемскомъ и полусаксонскомъ *Іоахимсталерѣ*, а въ 1519 г.—въ Маріенбергѣ.

Въ Тюрингенѣ наиболѣе обширнымъ рудникомъ былъ мансфельдскій. Разрабатываемый съ 12-го столѣтія, онъ доставлялъ, наряду съ мѣдью,

серебро и золото. Мансфельдская мѣдная руда перевозилась даже въ Венецію, гдѣ техника выплавки золота стояла выше, чѣмъ въ Германіи.

Быстро растущее обиліе благородныхъ металловъ содѣйствовало товарному производству и товарной торговлѣ саксонскихъ городовъ. *Эрфуртъ* сталъ богатымъ и сильнымъ городомъ, служа складочнымъ мѣстомъ Саксоніи для ея торговли съ югомъ (Венеція); *Галле* и позднѣе *Лейпцигъ* сдѣлались главными складочными мѣстами для торговли съ сѣверомъ. По обоимъ направленіямъ завязалась самая оживленная торговля. Торговый путь изъ Саксоніи въ Италію пролегалъ чрезъ *Нюрнбергъ* и *Аугсбургъ*, что крайне содѣйствовало тому выдающемуся положенію, какое заняли эти города въ промежуткѣ между 14-мъ и 15-мъ столѣтіями.

Наряду съ торговлей развивалось и производство. Въ указанныхъ городахъ процвѣтали искусство и ремесло.

Но „горная благодать„ (Bergsegen) Саксоніи глубоко вліяла не только на жизнь ея городовъ. Еще болѣе сильное вліяніе оказывала она, пожалуй, на деревню.

Потребность рудниковъ въ *деревѣ* была весьма значительна; частью требовалось *строевое дерево*, для крѣпленія и оборудованія шахтъ, для проведенія рельсовыхъ путей (при помощи деревянныхъ рельсъ, о которыхъ говорится въ книгѣ Агриколы „О горномъ промыслѣ“) и т. п., отчасти же и больше всего—*древесное топливо* для выплавки руды. Первоначально лѣса тѣхъ марокъ, въ области которыхъ находились горные промыслы, съ успѣхомъ могли покрывать нужду въ деревѣ и древесномъ углѣ. Но чѣмъ обширнѣе становились рудники, тѣмъ дальше приходилось выходить за предѣлы марки, для удовлетворенія нужды въ деревѣ, и тѣмъ больше дерева приходилось *покупать*. Выдѣленіе горнаго промысла изъ марки естественно создавало необходимость въ упорядоченной торговлѣ деревомъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ 16-мъ вѣкѣ эта торговля была высоко развита въ Саксоніи и уже стала объектомъ многочисленныхъ торговыхъ договоровъ.

Такъ наприм., относительно мансфельдскаго рудника мы знаемъ: „Въ 1510 году графы мансфельдскіе и графъ Бото-цу-Штольбергъ условились между собой относительно (древеснаго) угля и сплава (сплавного лѣса) что графъ фонъ Штольбергъ и его подданные не будутъ уставаливать цѣнъ на уголь выше слѣдующихъ: на одинъ гульденъ слѣдуетъ давать и отпускать заводскимъ мастерамъ въ Геркштедтѣ и Мансфельдѣ 9 кюбелей, а въ Эйслебенѣ—8 кюбелей“ [1]).

[1]) *I. A. Бирингенъ* S. S. Theol. Cultor. und Mannssfeldischen Landeskindes Historische Beschreibung des sehr alten und löblichen Mannssfeldischen Bergwerks, Лейпцигъ и Эйслебенъ, стр. 15.

Но горнопромышленные округа нуждались и въ другихъ продуктахъ сельскаго хозяйства. Они лежали обыкновенно въ неплодородныхъ, высокорасположенныхъ гористыхъ областяхъ, гдѣ было мало хлѣба, слишкомъ мало, чтобы напитать массы людей, собиравшихся на большомъ промыслѣ. Горнорабочіе не могли сами производить хлѣба, имъ приходилось покупать его. Чѣмъ больше развивалось горное дѣло, тѣмъ большее значеніе наряду съ торговлей деревомъ пріобрѣтала *хлѣбная торговля*. Она, наприм., составляла главный источникъ дохода *Цвикау*, лежавшаго на пути изъ „саксонскихъ Нидерландовъ“ въ *Гохландъ*.

Такимъ образомъ, кресгьяне и землевладѣльцы многихъ мѣстностей въ Саксоніи уже издавна стали производителями товаровъ; но разъ они стали производить для продажи, имъ стало безразлично, что бы ни производить,—лишь бы продуктъ покупался. Такимъ продуктомъ далеко не всегда долженъ былъ быть хлѣбъ. Для него рынокъ былъ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ для многихъ *другихъ растеній*, идущихъ въ продажу. Въ Саксоніи, особенно въ Тюрингенѣ, культура ихъ была развита, какъ ни въ какой другой области Германіи. Центральнымъ пунктомъ ихъ воздѣлыванія былъ Эрфуртъ.

«Въ Эрфуртѣ и вокругъ него особенно процвѣтала культура вайды, шафрана, аниса, коріандра и огородныхъ овощей. Культура вайды, замѣнявшей теперешній индиго, имѣла тамъ такое значеніе, что нѣкоторыя деревни въ окрестностяхъ Эрфурта при хорошемъ урожаѣ продавали въ одинъ годъ вайды больше, чѣмъ на 100.000 талеровъ, въ переводѣ на современную цѣнность денегъ [1]).

Эрфуртъ снабжалъ вайдой и шафраномъ большинство красиленъ Германіи [2]). Гота также обязана своимъ богатствомъ въ значительной мѣрѣ своей торговлѣ сельско-хозяйственными продуктами, а именно зерномъ, деревомъ и вайдой [3]).

Еще въ началѣ 17-го столѣтія 300 тюрингенскихъ деревень воздѣлывали, повидимому, вайду, хотя въ то время конкурренція съ индиго была уже очень сильна [4]).

Противорѣчія между землевладѣльцами и крестьянами, возникающія благодаря развитію товарнаго производства и неоднократно уже отмѣчавшіяся нами, должны были особенно усилиться въ Саксоніи къ началу ре-

---

[1]) *Янсенъ*, Geschichte des deutschen Volkes, II, стр. 296.

[2]) *Хр. І. Фишеръ*, Geschichte des deutschen Handels, Ганноверъ 1797, II, стр. 659.

[3]) *Галлетти*, Geschichte Thüringens, Гота, 1784, V, стр. 143.

[4]) Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie. Hildebrands Jahrbücher 1866, стр. 207 и слѣд.

формаціи, главнымъ образомъ благодаря стоимости земли и жадности землевладѣльцевъ къ обладанію ею; необычайно развилась система денежныхъ повинностей и стремленіе князей и землевладѣльцевъ къ накопленію денегъ; въ высокой степени усилилась зависимость крестьянъ отъ купцовъ и ростовщиковъ. Эти классы—капиталисты, князья и землевладѣльцы извлекали всю выгоду изъ промышленнаго подъема. Благодаря быстрому росту металлическаго запаса и паденію стоимости производства драгоцѣнныхъ металловъ, цѣны на продукты сельскаго хозяйства возрасли чрезвычайно. «Всѣ люди на землѣ — говоритъ Авентинъ въ своей хроникѣ—кричатъ и жалуются на то, что хлѣбъ, несмотря на свое обиліе, съ каждымъ днемъ становится все дороже, хотя повсюду въ городахъ, на рынкахъ и въ деревняхъ имѣется много крестьянскаго люда». Въ Саксоніи, центральномъ пунктѣ «горной благодати», подъемъ цѣнъ былъ, по. видимому, особенно силенъ. Но это не приносило пользы крестьянамъ- Наоборотъ, въ городахъ оно содѣйствовало возникновенію жестокихъ схватокъ изъ-за заработной платы.

Такимъ образомъ, къ началу реформаціи классовыя противорѣчія въ Саксоніи обострились особенно сильно. Тамъ происходило то же, что наблюдалось сто лѣтъ назадъ въ сосѣдней Богеміи. Но въ Богеміи горнорабочіе представляли консервативную силу. Пролетаризація ихъ лишь началась; они причислялись къ правилегированнымъ классамъ и въ качествѣ нѣмцевъ, при общемъ положеніи тогдашнихъ дѣлъ въ Богеміи, заранѣе были обречены на то, чтобы защищать традиціонный порядокъ, князя и папу.

Съ тѣхъ поръ пролетаризація горнорабочихъ и капиталистическая эксплоатація ихъ сдѣлала огромные успѣхи. Кромѣ того въ Саксоніи они не были чужеземцами, не обладали никакими привиллегіями, которыя могли бы представлять опасность для существующаго порядка. Какъ мы видѣли во второмъ отдѣлѣ (стр. 110 и слѣд.), въ послѣднія десятилѣтія передъ реформаціей они вступали во все болѣе рѣзкіе конфликты съ существующимъ порядкомъ. Весьма далекіе отъ того, чтобы выступать противъ революціоннаго движенія, они скорѣе всегда были склонны примыкать къ такому движенію, разъ только оно возникало. А ихъ численность, ихъ вооруженіе и экономическое значеніе ихъ ремесла давали имъ силу, съ которой государственная власть должна была считаться.

Но наибольшую власть отъ «горной благодати» получилъ самый революціонный изъ всѣхъ классовъ того времени,—классъ, которому наиболѣе благопріятствовали всѣ тенденціи того времени,—состоявшій изъ сторонниковъ *княжескаго абсолютизма*.

Обладаніе золотомъ и серебромъ съ самаго начала товарнаго про-

изводства всегда давало особенную власть; вѣроятно она никогда не была такъ сильна, какъ въ 16-мъ столѣтіи, когда источники власти, вытекавшіе изъ натуральнаго хозяйства, уже значительно изсякли, а мощь кредитной системы была еще мало развита. Обладать золотомъ и серебромъ стремилось тогда все и вся. Но большинство князей лишь съ трудомъ покрывали свои денежныя потребности пошлинами и налогами. Совершенно иначе чувствовали себя тѣ князья, во владѣніяхъ которыхъ были расположены золотые или серебряные горные промыслы.

Безъ всякаго риска, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ они не сами вели разработку, они пріобрѣтали большія сокровища; ибо промышленники эксплоататоры рудниковъ, должны были дорого платить за право разработки, особенно на рудникахъ, содержащихъ благородные металлы, гдѣ кромѣ горной десятины нужно было платить и монетную пошлину. Къ этому присоединялись еще зачастую другіе налоги, —десятина на штольни, заводскій налогъ и т. п. Благодаря этому, промышленники зачастую были бѣдны, особенно мелкіе капиталисты, но князья богатѣли, получая наличностью огромныя деньги.

Въ концѣ 15-го и въ 16-мъ столѣтіи наиболѣе туго были набиты кошельки саксонскихъ князей. Со времени раздѣла наслѣдства между братьями Эрнстомъ и Альбрехтомъ (1485), курфюршество саксонское распалось на двѣ части: Эрнстъ получилъ главную часть—Тюрингенъ, Альбрехтъ—Мейсенъ. Но серебряные рудники въ Рудныхъ горахъ не были раздѣлены. Они остались общею собственностью обоихъ домовъ, дѣлился лишь доходъ отъ нихъ. Благодаря этимъ доходамъ, саксонскіе князья играли въ 16-мъ столѣтіи выдающуюся роль въ Германіи, соперничая съ императоромъ.

Остатки императорскаго могущества покоились тогда, главнымъ образомъ, на денежной нуждѣ и жадности нѣмецкихъ князей, особенно курфюрстовъ. Послѣдніе фактически стали самостоятельными властителями; если они и мирились съ императорской властью, то главнымъ образомъ потому, что видѣли въ императорѣ покупателя, которому они могли продавать часть своихъ суверенныхъ правъ, —часть на самомъ дѣлѣ ничтожную. Ту роль, которую нѣкогда, въ концѣ существованія древне-римской республики, играли люмпенпролетаріи столицы и преторіанская клика, теперь, въ 15-мъ и 16-мъ столѣтіяхъ стали играть курфюрсты. Избраніе императора превращалось всякій разъ въ выгодное денежное дѣло. Благородные князья брали взятки со всѣхъ кандидатовъ и, въ концѣ концовъ, отдавали свои голоса уплатившему наибольшую сумму.

Наиболѣе безстыдно дѣйствовала она, повидимому, во время избранія наслѣдника Максимиліана I; эти выборы начались еще при жизни по-

слѣдняго и продолжались отъ 1516 г. до 1519 г. Тѣ же самыя династіи, которыя боролись въ то время за господство въ Европѣ, попеременно превращая папство въ свое орудіе, соперничали теперь изъ-за императорской короны; это были французскій король, Валуа, и Габсбурги, центръ могущества которыхъ перемѣщался тогда изъ Германіи въ *Испанію*.

Почти всѣ курфюрсты брали деньги съ *обѣихъ* сторонъ— съ Франца I французскаго и Карла I испанскаго. Оба Гогенцоллерна, Іоахимъ I Бранденбургскій и его братъ Альбрехтъ, архіепископъ Майнцкій и Магдебургскій, обнаружили при этомъ особую алчность и проявили такой духъ торгашества, какого тщетно искали бы наши «арійцы» у самаго подкупного «жидовства».

Единственнымъ курфюрстомъ, вовсе не бравшимъ денегъ, былъ курфюрстъ Фридрихъ Саксонскій (происходившій отъ эрнестовой линіи, которой достался Тюрингенъ). Ему-то и предложили императорскую корону остальные курфюрсты, прельщенные сокровищами совладѣльца мейсенскихъ рудниковъ; они сдѣлали это, конечно, получивъ изрядную сумму «на чай». Но Фридрихъ отклонилъ ихъ предложеніе. Онъ зналъ, что игра въ императоры не стоитъ свѣчъ и склонилъ выборы въ пользу Габсбурга, который, несмотря на свои тирольскіе рудники, на торговый расцвѣтъ принадлежавшихъ тогда Габсбургамъ Нидерландовъ и на могущество Испаніи, представлялся ему менѣе опаснымъ, чѣмъ Францъ I, владѣвшій тогда уже хорошо организованной и сплоченной Франціей.

Въ разсмотрѣніе другихъ причинъ, обусловившихъ избраніе Карла, какъ напримѣръ турецкая опасность, мы здѣсь входить не будемъ.

Благодаря своему богатству и своей силѣ, курфюрстъ саксонскій сталъ дѣлателемъ императоровъ. Но благодаря этому, онъ сталъ также центромъ оппозиціи, которая подготовлялась противъ императора и папы стремившимися къ самостоятельности германскими князьями. Къ началу реформаціи Саксонія играла въ Германіи такую же роль, какую позднѣе играла Пруссія.

Основанный въ 1502 г. Фридрихомъ виттенбергскій университетъ получилъ духовныхъ руководителей изъ среды представителей враждебнаго Риму и одновременно расположеннаго къ князьямъ движенія. Лютеръ, съ 1508 г. профессоръ этой школы, подчинился вліянію этого движенія и сталъ въ концѣ концовъ его глашатаемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ довѣреннымъ лицомъ и любимцемъ курфюрста. Монархъ, во владѣніяхъ котораго никогда не заходило солнце, не могъ оказать давленія на Фридриха и вынужденъ былъ терпѣть его приближенныхъ.

Но Саксонія стала центромъ не только абсолютистской, побѣдоносной, но и демократической, побѣжденной оппозиціи противъ Рима. Въ Тюрин-

товѣ ряду небольшихъ городовъ удалось сохранить свою имперскую независимость, иначе говоря, свободу отъ княжеской власти; таковы были *Мюльгаузенъ*, *Нордгаузенъ* и другіе. *Эрфуртъ* находился подъ верховнымъ покровительствомъ архіепископа майнцкаго, но ему удавалось весьма ловко направлять противъ епископа саксонскихъ герцоговъ. Раздоры изъ-за Эрфурта между майнцкимъ архіепископомъ и саксонскимъ домомъ тянулись въ продолженіе всего 15-го столѣтія. Отъ этихъ взаимныхъ препирательствъ выгоды извлекъ лишь самъ городъ; онъ ускользнулъ изъ-подъ верховнаго покровительства архіепископовъ, но не подчинился саксонскому господству, а потому и могъ причислить себя къ имперскимъ городамъ. Къ началу реформаціи Эрфуртъ былъ первымъ торговымъ городомъ въ средней Германіи; правда, вскорѣ ему пришлось уступить свое мѣсто быстро развивавшемуся Лейпцигу, уже обогнавшему старый торговый городъ Галле. Въ 15-мъ столѣтіи эрфуртскій университетъ считался наиболѣе выдающимся въ Германіи. Онъ былъ центромъ молодого нѣмецкаго гумманизма, примкнувшаго къ аналогичному движенію въ Италіи и Франціи и соперничавшаго съ нимъ въ талантливомъ и дерзкомъ осмѣяніи традиціоннаго вѣрованія. Мы уже упомянули о кружкѣ, образовавшемся вокругъ *Муціана*, къ которому принадлежалъ *Гуттенъ*, а въ теченіе нѣкотораго времени и *Лютеръ*, и который въ чисто духовной области представлялъ собою полнѣйшее отреченіе отъ традиціонныхъ церковныхъ воззрѣній.

Но въ саксонскихъ городахъ нашла себѣ особо благопріятную почву не только научная и буржуазная оппозиція, но и коммунистическая.

IV. Сектанты въ Цвикау.

Мы оставили коммунистическое движеніе въ Германіи въ эпоху католической реакціи при Карлѣ IV. Самымъ кровавымъ преслѣдованіямъ не удалось искоренить цѣликомъ движенія, черпавшаго свою силу въ наиболѣе глубокихъ потребностяхъ неизмѣнно пополнявшагося и постоянно возраставшаго народнаго слоя, пролетаріата. Но и самому движенію не удалось до реформаціи пріобрѣсти достаточно большого значенія, ибо классъ, на который оно опиралось, пролетаріатъ, былъ хотя и неискоренимъ, но слишкомъ слабъ и мало вліятеленъ въ общественной жизни, а поэтому онъ не могъ выступить, пока господствующія власти крѣпко держались на своихъ мѣстахъ и не ослабили себя взаимной борьбой.

Гусситскія войны прошли не безслѣдно для нѣмецкаго движенія. Если съ одной стороны, онѣ возбуждали въ господствующихъ классахъ особенное недовѣріе и исключительную строгость ко всѣмъ подозрительнымъ броже-

ніямъ среди низшихъ классовъ, то съ другой стороны, благодаря имъ, Богемія превратилась въ убѣжище, изъ котораго нѣмецкіе эмигранты могли влiять на Германію. Чешскіе табориты ревностно поддерживали пропаганду за рубежомъ. «Все, что передано намъ въ Германію гусситской пропагандой, почти цѣликомъ вытекаетъ изъ таборитскаго источника. Въ войскахъ «братьевъ» духъ гусситовъ подымался до уровня міровыхъ начертаній; среди нихъ неоднократно возвѣщалась отважная мысль о необходимости и неизбѣжности пріобщить къ истинѣ весь христіанскій міръ, будь то силой оружія или путемъ мирнаго убѣжденія. «Еретическія письма», обращенные къ народу таборитскіе манифесты, въ которыхъ они призывали всѣхъ христіанъ, безъ различія національностей и сословій, къ освобожденію изъ-подъ власти поповъ и къ отобранію церковныхъ имуществъ, распространялись вплоть до Англіи и Испаніи; изъ Дофине народъ посылалъ въ Богемію денежные взносы и, заразившись истинно таборитскимъ духомъ, сталъ избивать господъ. Наиболѣе дѣятельно дѣйствовали таборитскіе эмиссары въ южной Германіи. Здѣсь успѣху богемской пропаганды особенно содѣйствовали два важные момента: во-первыхъ, наличность многочисленныхъ вальденскихъ общинъ, а затѣмъ—существованіе сильнаго соціалистическаго теченія, которое наиболѣе обнаруживалось среди низшихъ слоевъ городского населенія и направлялось, наряду съ евреями, главнымъ образомъ противъ богатой іерархіи» [1]).

Эта пропаганда, распространявшаяся изъ Богеміи, не имѣла, повидимому, иного результата, кромѣ того, что создала рядъ мучениковъ.

Вліяніе таборитства испытывали, конечно, главнымъ образомъ, страны граничащія съ Богеміей и среди нихъ прежде всего наиболѣе развитыя въ экономическомъ отношеніи, *Франконія* и *Саксонія*. Уже въ 1425 г., въ Вормсѣ былъ сожженъ «гусситскій миссіонеръ», саксонскій дворянинъ *Іоганнъ фонъ Шлибенъ*, прозванный Дерндорфомъ; онъ примкнулъ къ коммунистической сектѣ еще *до* взрыва гусситскихъ войнъ 1416 г. и роздалъ свое состояніе своимъ нуждающимся собратьямъ. Послѣ долгой пропагандистской работы въ Саксоніи, на Рейнѣ и въ Франконіи, онъ былъ схваченъ во время попытки возмутить два отлученные отъ церкви города, Гейльбронъ и Вейнсбергъ.

Но наиболѣе достоинъ вниманія *Фридрихъ Рейзеръ*, происходившій изъ швабской семьи вальденсцевъ, но получившій образованіе въ *Нюрнбергѣ* (1418—20), гдѣ въ то время беггардо-вальденское сектантство было очень сильно. Въ качествѣ странствующаго агитатора (апостола), онъ про-

---

[1]) *Фр. фонъ-Бецольдъ,* Geschichte der deutschen Reformation, стр. 127, 128.

шелъ Германію, Швейцарію, Австрію и, наконецъ, нашелъ прибѣжище въ Прагѣ. Тамъ онъ былъ рукоположенъ въ священники однимъ таборитскимъ священнослужителемъ (1433); но годъ спустя онъ снова покинулъ Богемію, чтобы продолжать свое агитаціонное странствованіе по Германіи. На этотъ разъ онъ дѣйствовалъ преимущественно во Франконіи, Нюрнбергѣ, Вюрцбургѣ и Гейльбронѣ. Въ 1447 году онъ принимаетъ участіе въ конгрессѣ (апостольскій синодъ) братьевъ, созванномъ въ Герольдсбергѣ у *Нюрнберга*, гдѣ и избирается епископомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, мы видимъ его въ *Таборѣ* участникомъ конгресса нѣмецкихъ вальденсцевъ, возстановившаго поколебленную организацію общинъ. Рейзеру было отведено верхнегерманское епископство, и онъ осѣлъ въ Страсбургѣ. Тамъ, въ 1458 г., онъ былъ преданъ доминиканцами и послѣ жестокихъ истязаній на судѣ преданъ сожженію [1]).

Жизненное поприще Рейзера весьма характерно; оно показываетъ намъ, какое тѣсное единеніе существовало въ то время между чешскими таборитами и нѣмецкими братьями, несмотря на свирѣпствовавшую тогда національную борьбу.

Но и послѣ паденія Табора связь съ Богеміей окончательно не порвалась. Припомнимъ переговоры между богемскими братьями и вальденсцами, цѣлью которыхъ было объединеніе обѣихъ сектъ, что, въ концѣ концовъ, не удалось.

Выступленіе *Пфейфера Никласгаузенскаго* также, повидимому, свидѣтельствуетъ о непрекращавшемся вліяніи таборитскаго ученія. Въ Никласгаузенѣ, селеніи восточной Франконіи, расположенномъ на Тауберѣ, выступилъ въ 1476 г. нѣкій юноша, Іоганнъ, «названный,—повидимому, по имени страны, въ которой онъ родился, а, можетъ быть, и изъ-за своихъ убѣжденій *Бегемцемъ*, *Богеймцемъ*, *Богемцемъ*» [2]). Онъ былъ музыкантомъ, какихъ и въ наше время немало приходитъ изъ Богеміи, и назывался по своей профессіи Паукеромъ (барабанщикомъ) или Пфейферомъ (Флейтистомъ). Но въ 1476 г. онъ сжегъ свой барабанъ и принялся проповѣдовать евангеліе равенства и революціи,—по требованію св. Дѣвы, какъ онъ говорилъ самъ,—по наущенію другого человѣка, какъ утверждали его враги; этимъ «другимъ» былъ «юный гусситъ», по мнѣнію однихъ, строгій францисканецъ, по сообщенію другихъ, и беггардъ, согласно третьему, старѣйшему источнику.

Въ одномъ древнемъ, повидимому, современномъ ему источникѣ (приведенномъ *Ульманомъ*, стр. 441 и сл.) сообщается, будто онъ однажды

---

[1]) См. о Рейзерѣ у *Л. Келлера*, Die Reformation etc., стр. 261—81.

[2]) *Ульманъ*, Reformatoren I, стр. 423.

заявилъ: «Императоръ злодѣй, а папа ничтожество. Императоръ даетъ духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ, графамъ и рыцарямъ право облагать простой народъ пошлиной и данью. Горе вамъ, бѣдняги!»

«Духовенство владѣетъ большими приходскими имуществами, и этого не должно быть; они не могутъ владѣть большимъ, чѣмъ требуется изо дня въ день. Ихъ убьютъ, и вскорѣ дѣло дойдетъ до того, что священники будутъ старательно прикрывать свои рожи, дабы ихъ не узнавали. Скорѣе можно исправить еврея, чѣмъ церковнослужителя или ученаго.

«Рыба въ водѣ и дичь въ лѣсу должны быть общимъ достояніемъ. *Если бы духовные и свѣтскіе князья, графы и рыцари владѣли не большимъ состояніемъ, чѣмъ простой народъ, то у всѣхъ насъ было бы достаточно*; такъ и должно быть. Будетъ время, когда князьямъ и господамъ придется работать въ качествѣ поденщиковъ».

Успѣхъ смѣлаго агитатора былъ великъ, и къ нему массами стекались крестьяне и пролетаріи.

«Ремесленные подмастерья—картинно изображаетъ намъ одна хроника—бѣжали изъ мастерскихъ, батраки—отъ плуговъ, жнецы—со своими серпами, не спросивъ позволенія у мастеровъ и господъ, и скитались въ тѣхъ одеждахъ, въ какихъ захватила ихъ горячка; лишь немногіе изъ нихъ имѣли провіантъ, но тѣ, къ кому они приходили, снабжали ихъ ѣдой и питьемъ, и привѣтствовали они другъ друга не иначе, какъ «братъ» или «сестра» [1]).

Десятки тысячъ сходились на пикники коммунистовъ-энтузіастовъ, похожіе на тѣ, съ которыми мы познакомились, сообщая исторію возникновенія Табора. Въ концѣ концовъ, дѣло дошло якобы до того, что они задумали вооруженное возстаніе. Теперь уже невозможно установить, было ли это возстаніе дѣйствительной причиной или пустымъ предлогомъ для вмѣшательства. Во всякомъ случаѣ, епископъ вюрцбургскій, Рудольфъ, послалъ противъ нихъ своихъ рыцарей, настигнувшихъ спящаго Пфейфера и захватившихъ его; сторонниковъ же его, пытавшихся его защитить, они легко разсѣяли. Злополучнаго Пфейфера и его двухъ товарищей ожидало обычное въ то время средство убѣжденія—костеръ.

Дѣятельность Дрендорфа (Шлибена), а также Рейзера и Пфейфера Іоганна Богемца свидѣтельствуетъ намъ, какъ и многіе другіе факты, что въ 15-мъ столѣтіи Франконія была главнымъ очагомъ вальденско-беггардскаго движенія въ Германіи, какимъ прежде являлась долина Рейна,—великій путь, соединявшій Италію съ Нидерландами, по которому съ сѣвера пришли въ Германію вальденсцы, а со стороны Нидерландовъ—беггарды; тѣ и другіе нашли на этомъ пути экономически наиболѣе развитые пункты

---

[1]) *Улльманъ*, цит. соч., стр. 426.

имперіи. *Кельнъ*, *Страсбургъ* и *Базель* были въ 14-мъ столѣтіи центрами движенія, а теперь къ нимъ присоединился и *Нюрнбергъ*.

Другой центральный очагъ образовала *Саксонія.* Наряду съ Богеміей и Франконіей, Мейсенъ принадлежалъ въ 15-мъ столѣтіи къ тѣмъ областямъ, въ которыхъ собирались конгрессы «братьевъ»—напримѣръ, общій синодъ въ Энгельсдорфѣ, спустя три года послѣ таборскаго, о которомъ мы уже говорили выше,—что было бы немыслимо безъ значительной распространенности движенія въ этой области.

Разумѣется, коммунистическія секты могли существовать лишь въ видѣ тайныхъ кружковъ. «Уединенныя мельницы, хижины и дворы были обычными мѣстами сборищъ братьевъ; чтобы избѣжать всякаго подозрѣнія, они собирались на свои богослуженія очень маленькими кружками».

Таковы собранія, описанныя въ 1501 г. спонгеймской хроникой *Тритгейма.* «Они сходятся—говоритъ Тритгеймъ—ночной порой въ оврагахъ и скрытыхъ пещерахъ; тамъ они постыдно распутничаютъ, какъ скоты. Эта отвратительная порода растетъ и множится со дня на день съ поразительной быстротой» [1]).

Послѣ неудачнаго выступленія папы и императора противъ Лютера, послѣ сожженія буллы объ отлученіи (1520) и еще больше послѣ Вормскаго сейма (1521) «пещерники», какъ и другія революціонныя направленія, обрѣли мужество къ открытому выступленію. Вормскій рейхстагъ былъ катастрофой для императора и папы въ Германіи.

Лучшей опорой общественныхъ или политическихъ силъ, потерявшихъ свою матеріальную основу, является ихъ традиціонное вліяніе, ихъ престижъ. Благодаря ему и въ зависимости отъ обстоятельствъ они могутъ противостоять даже превосходящему ихъ силами врагу; но чѣмъ дольше они противостоятъ, тѣмъ быстрѣе слѣдуетъ затѣмъ крушеніе, если при пробѣ силъ этотъ престижъ оказывается пустымъ призракомъ.

Для императора и короля роль такой пробы сыграли событія 1520—1521 гг. До сихъ поръ еще никто въ Германіи не противился имъ обоимъ вмѣстѣ. Теперь противъ нихъ возсталъ простой монахъ, и они не отважились сокрушить его. Булла объ отлученіи не оказала никакого дѣйствія, и Лютеръ покинулъ сеймъ съ тріумфомъ, мало смущенный безсильнымъ объявленіемъ опалы, посланной ему вслѣдъ. Чѣмъ меньше замѣчали низшіе слои народа князей и рыцарей, стоявшихъ въ Вормсѣ за спиной у Лютера, чѣмъ болѣе изолированнымъ представлялся онъ народному сознанію, тѣмъ болѣе сильное вліяніе долженъ былъ оказать на широкую массу народа результатъ сейма. Разъ истина обнаружилась съ такой силой, что простой

---

[1]) *Л. Келлеръ*, Die Reformation, стр. 304.

монахъ смогъ отстаивать ее безнаказанно и не колеблясь наперекоръ величайшимъ властителямъ христіанскаго міра,—то значитъ теперь могъ не колеблясь выступить всякій, кто только желалъ отстаивать правое дѣло.

Буря разразилась прежде всего въ Саксоніи. Спустя нѣсколько недѣль послѣ объявленія опалы Лютеру и его друзьямъ, въ іюнѣ 1521 года населеніе Эрфурта поднялось и въ рядѣ возстаній покончило съ католическимъ режимомъ. Произошли безпорядки въ Виттенбергѣ, но для насъ особенно важно движеніе *въ Цвикау*, зачатки котораго восходятъ къ 1520-му году.

Мы уже видѣли выше, что значеніе этого города обусловливалось его ролью посредника въ *хлѣбной торговлѣ* между долинами Саксоніи и горными областями. Чѣмъ больше развивалось горное дѣло, тѣмъ пышнѣе расцвѣтали торговля и промышленность Цвикау. Особенно быстро возрастало богатство Цвикау съ 1470 года, когда были открыты серебряные рудники въ сосѣднемъ Шнеебергѣ. «Лишь послѣ того, какъ началась разработка шнеебергскихъ рудниковъ, въ нашемъ городѣ улучшилось строительное дѣло, что еще замѣтно и понынѣ. Многіе горожане разбогатѣли благодаря этому, напр., Мих. Польнеръ, Іог. Федерангель, Андр. и Ник. Гауленгёферъ, Клем. Шикеръ (*большей частью все суконщики*), и особенно возведенные позднѣе въ дворянское достоинство братья Мартинъ и Николай Рёмеры; улучшились также, благодаря росту денежныхъ запасовъ, питаніе и заработокъ прочихъ жителей города [1]).

Самыми богатыми людьми въ Цвикау были *суконщики*. «До тридцатилѣтней войны съ древнѣйшихъ временъ главнымъ ремесломъ было здѣсь тканье сукна. Уже въ 1348 году, когда суконщики получили свои статуты, они образовали союзъ, наиболѣе извѣстный и, повидимому, старѣйшій въ этой мѣстности, а во второй половинѣ 15-го столѣтія Цвикау, наряду съ Ошатцемъ, выдѣлывалъ больше всего по количеству и лучшія по качеству сукна въ Мейсенѣ, хотя, правда, они все еще не могли сравниться съ излюбленными люндскими (лондонскими) и нидерландскими. Въ 1540 году среди домовладѣльцевъ Цвикау насчитывали 230 суконщиковъ, а по сообщеніямъ стариннаго, но вполнѣ достовѣрнаго сказанія число ихъ доходило въ цвѣтущія времена года до 600» [2]).

Объ этихъ «цвѣтущихъ временахъ» у насъ теперь и идетъ рѣчь. Въ десятилѣтній періодъ крестьянской войны ежегодно перерабатывалось 15—20.000 тюковъ шерсти и изготовлялось 10—20.000 штукъ сукна.

Суконщики составляли значительную часть населенія города, — не только по своему экономическому вліянію, но и по своей численности. Го-

---

[1]) *Г. Герцогъ*, Chronik der Kreisstadt Zwickau, I, стр. 81.

[2]) Цит. соч., I, стр. 234.

родъ насчитывалъ тогда приблизительно 1.000 домовъ; въ цвѣтущее время владѣльцами четверти, а то и половины ихъ были суконщики (имъ принадлежало, во всякомъ случаѣ, болѣе 230 домовъ, а, можетъ быть, и около 600).

Тканье сукна было экспортнымъ промысломъ, который эксплоатировался на капиталистическихъ началахъ крупными купцами. Въ ту пору не было ничего необычнаго въ томъ, что богатые купцы соединяли эксплоатацію потребителей, при посредствѣ торговли, съ эксплоатаціей рабочихъ въ двухъ крупныхъ областяхъ капиталистической промышленности того времени,—въ ткацкомъ и горномъ производствѣ. Самымъ нагляднымъ примѣромъ этого являются *Фуггеры*, накоплявшіе свои богатства не только при посредствѣ торговли всѣмъ, чѣмъ угодно (даже церковными должностями, какъ мы уже видѣли), но и путемъ эксплоатаціи аугсбургскихъ ткачей и тирольскихъ горнорабочихъ. Нѣчто подобное происходило и въ Цвикау. Шнеебергскими горнопромышленниками были, обыкновенно, цвикаускіе суконщики и сукноторговцы, среди которыхъ особенно выдѣлялся вышеупомянутый купецъ *Мартинъ Рёмеръ*, саксонскій Фуггеръ, умершій въ 1483 и оставившій послѣ себя большое состояніе [1]).

Но горнорабочіе, которыхъ эксплоатировали Фуггеры, были отдѣлены отъ аугсбургскихъ ткачей большимъ пространствомъ. Наоборотъ, въ Цвикау эксплоатируемые подмастерья-ткачи, «ткацкіе батраки», работали бокъ о бокъ съ эксплоатируемыми тѣми же капиталистами горнорабочими Такимъ образомъ создавалось крайне своеобразное положеніе. Бунтовщическій, упорный духъ горнорабочихъ естественно подзадоривалъ и ткачей. Неудивительно поэтому, что коммунисты Цвикау и его окрестностей первые въ Германіи осмѣливались открыто поднять голову передъ реформаціей.

Уже въ 1522 году мы находимъ тамъ организованныя общины съ представителями, называвшимися апостолами, какъ у вальденсцевъ. Имъ казалось, что теперь, наконецъ, приходитъ столь долго чаемое тысячелѣтнее царствованіе, открывающееся страшнымъ кровавымъ судомъ божіимъ, насильственной революціей. Приверженцы ихъ вербовались главнымъ образомъ изъ среды городскихъ суконщиковъ-батраковъ; но они пріобрѣли также послѣдователей между горнорабочими и образованными классами; въ ряду послѣднихъ извѣстенъ *Максъ Штюбнеръ*, учившійся въ виттенбергскомъ университетѣ и бывшій однимъ изъ «апостоловъ». Ихъ вожакомъ былъ ткачъ, *Николай Шторхъ*.

Они пріобрѣли вліяніе и внѣ Цвикау, а отчасти даже въ Виттен-

[1]) Цит. соч., II, стр. 140—149.

бергѣ. И въ этихъ мѣстностяхъ къ нимъ примыкали также, наряду съ низшими классами народа, образованные идеологи. Въ то время классовыя противорѣчія реформаціоннаго движенія еще не проявились, и реформація представлялась, съ одной стороны, національнымъ дѣломъ, обнимающимъ всю націю безъ различія классовъ а съ другой стороны,—чисто религіознымъ движеніемъ, направленнымъ къ очищенію церкви и къ возстановленію евангельскаго христіанства.

Во второй главѣ этого отдѣла мы уже указали, какъ было легко на этой стадіи движенія идеологамъ, незаинтересованнымъ непосредственно въ эксплоатаціи низшихъ классовъ народа, склонить свои симпатіи къ коммунистическому движенію, опиравшемуся на традицію первоначальныхъ христіанъ.

Даже на *Меланхтона*, друга и сподвижника Лютера, цвикаускіе мечтатели произвели сильное впечатлѣніе. По его мнѣнію, многіе признаки указывали на то, что въ нихъ обитаютъ праведныя души. Относительно Николая Шторха онъ писалъ курфюрсту Фридриху: «Мнѣ удалось подмѣтить, что онъ правильно понимаетъ смыслъ Писанія въ высшихъ и главнѣйшихъ вопросахъ вѣры, хотя и любитъ выражаться страннымъ образомъ». Самъ Фридрихъ, благодаря колеблющемуся поведенію своихъ теологовъ, не зналъ, что ему думать о мечтателяхъ. Меланхтонъ былъ достаточно разсудителенъ, чтобы не компрометировать себя и предоставить Лютеру рѣшить вопросъ о природѣ этихъ мечтательныхъ умовъ; но онъ чувствовалъ къ нимъ такое влеченіе, что принималъ у себя въ домѣ одного изъ «апостоловъ», вышеупомянутаго Штюбнера. Сперва Лютеръ не могъ сказать ему ничего опредѣленнаго о цвикаусцахъ; онъ проживалъ въ Вартбургѣ, желая опредѣлить, каковъ будетъ успѣхъ изданнаго противъ него сеймомъ опальнаго акта. Правда, вскорѣ Лютеръ уяснилъ себѣ, какова была истинная сущность стремленій «братьевъ», и тогда энергично выступилъ противъ нихъ.

Значительно рѣшительнѣе Меланхтона сталъ на сторону энтузіастовъ другъ и сотоварищъ Лютера, *Карльштадтъ*, бурной натурѣ котораго лютеранское движеніе казалось слишкомъ медленнымъ. Значительно ранѣе Лютера, послѣдовавшаго за нимъ лишь позднѣе и нерѣшительно, предпринялъ онъ борьбу противъ целибата духовенства и служенія на латинскомъ языкѣ. Онъ ревностно проповѣдовалъ также противъ иконъ и постовъ, а затѣмъ пошелъ еще далѣе. Въ полномъ согласіи съ таборитскимъ беггардскимъ духомъ, ученый профессоръ осудилъ всякую ученость. Евангеліе должны проповѣдывать не ученые, но ремесленники, первымъ надлежитъ научаться отъ вторыхъ, а высшія школы должны быть закрыты.

Но безусловно самымъ выдающимся изъ сторонниковъ цвикаускихъ апостоловъ былъ *Томасъ Мюнцеръ.* Въ 1521—1525 годахъ онъ былъ какъ бы центромъ всего коммунистическаго движенія въ Германіи. Его личность настолько выдается во всемъ движеніи, исторія его жизни настолько тѣсно сплетена съ нимъ, и всѣ свидѣтельства того времени съ такой неизмѣнностью ссылаются исключительно на него одного, что и намъ приходится слѣдовать общему примѣру и изложить исторію коммунистическаго движенія въ первые годы реформаціи въ видѣ исторіи Мюнцера.

V. Біографы Мюнцера.

Мы плохо освѣдомлены о Мюнцерѣ, какъ, впрочемъ, и о многихъ другихъ революціонерахъ, жившихъ до Мюнцера или послѣ него, дѣятельность которыхъ потерпѣла крушеніе. Нельзя сказать, чтобы о немъ было мало свѣдѣній, но большинство ихъ передано его врагами, а потому полны ненависти и недостовѣрны. Наиболѣе извѣстный источникъ, относящійся къ Мюнцеру, это сообщенія *Меланхтона*, въ его «Historie Thomae Müntzers des anfengers der Döringischen offrur, sehr nützlich zu lesen etc.», появившейся, вѣроятно, непосредственно послѣ подавленія возстанія, т. е. въ томъ же 1525 г. (оно приведено почти во всѣхъ изданіяхъ полнаго собранія сочиненій Лютера). Насколько объективно могъ писать въ то время княжескій прислужникъ объ опаснѣйшемъ врагѣ князей,—объ этомъ врядъ ли приходится говорить. Меланхтонъ имѣлъ особыя причины относиться съ ненавистью къ Мюнцеру, ибо, какъ мы видѣли, втеченіе нѣкотораго времени онъ заигрывалъ съ его единомышленниками, получалъ даже отъ нихъ письма и несомнѣнно отвѣчалъ на нихъ [1]). Онъ долженъ былъ искупить это преступленіе сугубой ненавистью.

Для «кроткаго» Меланхтона важна была вовсе не истина, а лишь опороченіе Мюнцера. Даже въ совершенно безразличныхъ вопросахъ его изображеніе оказывается недостовѣрнымъ и неряшливымъ [2]).

---

[1]) Въ Мюнцеровскомъ Auslegung des 19. Psalms, изданномъ *Агриколой*, приведено въ приложеніи латинское письмо Мюнцера къ Меланхтону, въ которомъ первый рекомендуетъ второму энергично выступить противъ безбожниковъ.

[2]) Достаточно одного примѣра. По Меланхтону, Мюнцеръ, послѣ своего изгнанія изъ Альштетта, полгода скрывался, затѣмъ отправился въ Нюрнбергъ, а оттуда въ Мюльгаузенъ, гдѣ прожилъ годъ, до начала крестьянскихъ войнъ. Всего, стало быть, получается больше полутора года. Въ дѣйствительности же, въ августѣ 1524 г. Мюнцеръ былъ еще въ

Слейданъ и Гнодаліусъ просто-на-просто переписали [1]) это изложеніе и отъ нихъ оно перешло къ историкамъ позднѣйшихъ временъ. Лишь французская революція впервые возстановила, до нѣкоторой степени, Мюнцера въ его правахъ. Она побудила пастора *Г. Т. Штробеля* изъ Вёрдта (Баварія?) заняться изученіемъ крестьянской войны, особенно возстанія Мюнцера; Штробель обнаружилъ недостатки и противорѣчія Меланхтоновскаго изложенія и постарался по возможности исправить ихъ въ своемъ сочиненіи «Leben, Schriften und Lehren Thomae Muntzers, des Urhebers des Bauernaufstandes in Thüringen», Нюрнбергъ и Альторфъ, 1795 г. Это первая научная монографія о Мюнцерѣ, съ которой можетъ сравниться лишь еще одна, принадлежащая пастору *Зейдеману*, который издалъ въ 1842 году свою работу «Thomas Münzer eine Biographie, nach den im Königlich-sächsischen Hauptstaatsarchiv zu Dresden vorhandenen Quellen bearbeitet», Дрезденъ и Лейпцигъ.

Зейдеманъ привелъ рядъ документовъ, но въ заглавіи своего сочиненія онъ обѣщаетъ больше, чѣмъ даетъ въ дѣйствительности, ибо въ большинствѣ пунктовъ онъ просто опирается на Штробеля, у котораго зачастую заимствуетъ цѣлыя мѣста, не указывая источника.

Новѣйшая работа о Мюнцерѣ принадлежитъ *О. Мерксу*; она озаглавлена «Thomas Münzer und Heinrich Pfeifer 1523—1525», Гёттингенъ, 1889 г. Это—докторская диссертація, авторъ которой пользуется всякимъ случаемъ, чтобы выставить напоказъ свой добропорядочный, вѣрноподданническій образъ мыслей. Его работа содержитъ нѣкоторыя подробности и хронологическія поправки, которыя основаны на новомъ матеріалѣ, разсѣянномъ въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Но она носитъ крайне поверхностный характеръ и обнаруживаетъ отсутствіе у автора всякаго пониманія идей и дѣятельности Мюнцера.

Всѣ остальныя монографіи о Мюнцерѣ, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, не обладаютъ никакой научной цѣнностью [2]).

Альштеттѣ, крестьянское же возстаніе разразилось въ началѣ апрѣля 1525 г. Отсюда ясно, насколько точна хронологія Меланхтона, не говоря уже о томъ, что всѣ его сообщенія о странствованіяхъ Мюнцера не заключаютъ въ себѣ и слѣда правды.

[1]) „Вся третья книга исторіи крестьянской войны Гнодаліуса (появилась въ 1570 году) представляетъ собою переводъ сочиненій Меланхтона" *О. Л. Шеферъ*, Das Verhältniss der drei Geschichtschreiber des Bauernkrieges, Haarer, Gnodalius und Leodius historisch-kritisch betrachtet, Chemnitz 1876, стр. 35).

[2]) Такова, напр., работа *Б. Л. фонъ-Башко*, Thomas Münzer, dessen Character und Schiksale, Галле и Лейпцигъ 1812, или *Н. Штрейдеръ*, Thomas Münzer oder der thüringische Bauernkrieg, Лейпцигъ, 1836.

*

Всѣ онѣ проникнуты духомъ меланхтоновскаго сочинительства, не исключая и общихъ работъ объ этомъ историческомъ періодѣ, вплоть до Янссена и Лампрехта.

Въ ряду самостоятельныхъ работъ о Мюнцерѣ мы знаемъ только одну, стоящую на уровнѣ историческаго значенія Мюнцера и его личности,—это «Geschichte des grossen Bauernkrieges» *В. Циммермана*, сочиненіе котораго хотя и было издано впервые болѣе полустолѣтія тому назадъ, все еще остается не только непревзойденнымъ, но и несравнимымъ, несмотря на то, что нѣкоторыя детали его устарѣли [1]).

Лишь въ одномъ, правда весьма существенномъ, пунктѣ мы не можемъ согласиться съ Циммерманомъ; онъ разсматриваетъ Мюнцера, какъ стоящаго внѣ своего времени и надъ нимъ: «Не только политическими, но и своими религіозными воззрѣніями, Мюнцеръ поторопился обогнать свое время на три столѣтія» [2]).

Циммерманъ приходитъ къ этому выводу въ результатѣ сравненія взглядовъ Мюнцера съ воззрѣніями позднѣйшихъ мыслителей и новаторовъ,—Пенна, Цинцендорфа, Руссо и т. д. Но если бы Циммерманъ поступилъ иначе, и сталъ бы сравнивать строй мыслей Мюнцера съ взглядами его предшественниковъ изъ среды коммунистовъ-сектантовъ, то онъ обнаружилъ бы, что Мюнцеръ вращался всецѣло въ кругу старыхъ коммунистическихъ воззрѣній. Намъ не удалось открыть у Мюнцера ни одной новой мысли.

По нашему мнѣнію, до сихъ поръ преувеличалось также организаторское и пропагандистское значеніе этого дѣятеля. Преслѣдованія валь-

---

[1]) Популярное изданіе выпустилъ *В. Блосъ*. Оно вышло у Дитца въ Штуттагартѣ.

Пользуясь Циммерманомъ, *Фридрихъ Энгельсъ* далъ изображеніе крестьянской войны, а стало быть и дѣятельности Томаса Мюнцера, которое появилось сперва въ 6-мъ выпускѣ обозрѣнія „Новой Рейнской Газеты“ (Гамбургъ, 1850), и съ тѣхъ поръ неоднократно перепечатывалось отдѣльнымъ оттискомъ, озаглавленнымъ „Der deutsche Bauernkrieg“. Матеріалъ Энгельсъ взялъ, какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи, у Циммермана, но онъ переработалъ его самостоятельно, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, и пользуясь опытомъ, даннымъ ему революціей 1848 года. Благодаря этому, онъ подмѣтилъ рядъ новыхъ важныхъ чертъ въ сущности крестьянской войны; эта работа принесла намъ большую пользу, при изложеніи нижеслѣдующаго.

Наиболѣе жалко произведеніе профессора *Лео* „Thomas Münzer“, лекція, читанная по порученію евангелическаго ферейна въ Берлинѣ (1856). Авторъ просто-на-просто списалъ Зейдемана, нашпиговавъ его гнуснымъ раболѣпствомъ.

[2]) Цит. соч., 2 изд., I, стр. 182.

денсцевъ и беггардовъ, никогда не прекращавшіяся, указываютъ на то, что не только идеи, но и организаціи коммунистическихъ сектъ сохранились вплоть до реформаціоннаго періода. Мы вынуждены предполагать что одновременно съ Мюнцеромъ, и даже до него, какъ это обнаружилось въ Цвикау, въ одинаковомъ съ нимъ направленіи дѣйствовали многочисленные агитаторы, и организаціи и что во многихъ мѣстахъ уже имѣлись тайныя организаціи, на которыхъ они могли опираться.

Если Мюнцеръ и превосходилъ своихъ коммунистическихъ товарищей, то не своимъ философскимъ умомъ и организаторскимъ талантомъ, а своей *революціонной энергіей* и, главнымъ образомъ,—присущей ему *складкой государственнаго дѣятеля*. Какъ мы уже неоднократно видѣли, большинство коммунистовъ среднихъ вѣковъ, вообще говоря, обладали миролюбивымъ характеромъ. Правда, въ революціонные періоды они легко увлекались революціоннымъ пыломъ. Когда реформація породила во всей Германіи мощное броженіе, то ему поддались и коммунисты. Но многіе изъ нихъ, повидимому, сомнѣвались въ цѣлесообразности насильственнаго образа дѣйствія, особенно въ южной Германіи, находившейся подъ вліяніемъ швейцарскихъ анабаптистовъ, которые открыто выступили противъ воззрѣній Мюнцера, учившаго, что только насиліе сможетъ доставить торжество Евангелію. Они признавали лишь «борьбу духовнымъ оружіемъ», и соглашались «покорять міръ только помощью слова Божія», какъ выражались въ то время. Мы возвратимся къ этому, излагая исторію анабаптистовъ.

Мюнцеръ былъ совершенно чуждъ такому миролюбію; его бурный нравъ и энергія были непреоборимы. Приэтомъ онъ вовсе не былъ сумасброднымъ бунтовщикомъ или ограниченнымъ сектантомъ. Онъ понималъ соотношеніе силъ въ государствѣ и обществѣ того времени и при всемъ своемъ мистическомъ энтузіазмѣ считался съ этими соотношеніями. Будучи далекъ отъ того, чтобы ограничивать свою дѣятельность незначительной общиной правовѣрныхъ, онъ апеллировалъ ко всѣмъ революціоннымъ элементамъ того времени и стремился завербовать ихъ всѣхъ на службу своему дѣлу.

Если онъ потерпѣлъ неудачу, то это обусловливалось общественными условіями того времени, измѣнить которыя онъ не могъ. Но все, что можно было сдѣлать при наличныхъ силахъ и средствахъ, онъ сдѣлалъ- и если возстаніе беззащитныхъ тюрингенскихъ крестьянъ въ 1525 г. въ продолженіе нѣкотораго времени угрожало самимъ основамъ эксплоататорскаго общества, то это въ значительной степени заслуга Томаса Мюнцера, сочетавшаго въ себѣ безграничную коммунистическую утопичность съ желѣзной силой воли, съ страстной энергіей натуры и съ прозорливостью политическаго дѣятеля.

VI. Первые шаги Мюнцера.

Мюнцеръ родился въ *Штольбергѣ* (въ 1490 или 1493 году [1]), что у подошвы Гарца. О его ранней юности и первоначальномъ обученіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ успѣхомъ прошелъ курсъ высшаго образованія, ибо получилъ ученую степень доктора. Онъ былъ духовнымъ лицомъ, но не чувствовалъ себя «чернымъ жандармомъ». Его бунтозской духъ проявился рано, ибо уже въ Галле, гдѣ онъ служилъ учителемъ, онъ основалъ тайный союзъ противъ Эрнста II, архіепископа магдебургскаго и примаса Германіи; Мюнцеру было тогда не больше 23 лѣтъ, ибо архіепископъ Эрнстъ умеръ въ 1513 году. Въ 1515 году мы видимъ Мюнцера въ качествѣ священника въ Фрозѣ у Ашерслебена, повидимому, при церкви мѣстнаго женскаго монастыря. Тамъ онъ пробылъ недолго. Послѣ скитаній по многимъ мѣстамъ, въ концѣ концовъ, онъ вновь осѣлъ въ женскомъ монастырѣ Бейтица у Вейсенфельса, гдѣ и занялъ должность исповѣдника. Но и тамъ ему, повидимому, не терпѣлось, и въ 1520 г. онъ переселяется въ качествѣ проповѣдника въ *Цвикау*, гдѣ дѣйствуетъ заодно съ Лютеромъ, помогая ему въ его борьбѣ противъ Рима со всѣмъ пыломъ своей юной, мятежной натуры. Пребываніе въ Цвикау было рѣшающимъ моментомъ для его жизненнаго поприща.

Сперва онъ былъ проповѣдникомъ въ маріинской церкви, а затѣмъ въ *церкви Екатерины*, куда, по выраженію Зейдемана, онъ «втерся». До сихъ поръ это обстоятельство казалось маловажнымъ, но мы на него смотримъ иначе. *Екатерининская церковь была, до извѣстной степени, мѣстомъ собраній профессіонально-организованныхъ суконщиковъ.* Въ 1475 г. они соорудили тамъ собственный алтарь, Knappenaltar, служеніе за которымъ цехъ (союзъ?) оплачивалъ особо, отводя священнику жилище и выдавая ему ежегодно 35 фл. На церковномъ дворѣ ткачи устраивали свои собранія (Morgensprachen). Маріинская же церковь была, повидимому, мѣстомъ собраній денежной знати. Въ 1473 году Мартинъ Рёмеръ принесъ ей въ даръ 10.000 рейнскихъ гульденовъ ради «спасенія своей души»; вкладъ хранился въ Нюренбергѣ и приносилъ четыре процента. На эти проценты въ церкви ежедневно служили семь заупокойныхъ обѣденъ за спасеніе душъ богатыхъ грѣшни-

[1]) *Зейдеманъ* относитъ годъ рожденія къ 1490 г., *Циммерманъ* останавливается на 1493 г.

ковъ [1]). Къ слову сказать, это примѣръ того, какъ выгодно было для церкви ученіе объ очистительномъ огнѣ.

Было ли причиной поступленія Мюнцера на должность проповѣдника Екатерининской церкви желаніе сблизиться съ суконщиками или же это сближеніе было результатомъ его поступленія въ ихъ церковь,—теперь нѣтъ возможности выяснить. Несомнѣнно только, что въ качествѣ проповѣдника, Мюнцеръ установилъ близкую связь съ ткачами, познакомился съ ихъ воззрѣніями и тотчасъ же былъ увлеченъ ими. Въ одномъ сочиненіи, изданномъ въ Цвикау въ 1523 году [2]), сообщается, что «ткацкое батрачество держалось его и онъ сходился съ нимъ чаще, чѣмъ съ почтеннымъ духовенствомъ». «Поэтому магистръ Томасъ предпочиталъ всѣмъ батраковъ-ткачей, и особенно одного изъ нихъ, по имени Николая Шторха. Онъ очень расхваливалъ его и расписывалъ (ausplesenirt) съ каѳедры, выдѣлялъ его между всѣми священниками, какъ единственнаго хорошо знающаго библію и проникшаго въ духъ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, магистръ Томасъ хвалился, будто онъ доподлинно знаетъ, что на Николаѣ почіетъ Святой Духъ. Благодаря всѣмъ этимъ нелѣпостямъ произошло то, что Шторхъ осмѣлился произносить наряду съ Томасомъ тайныя проповѣди, какъ это часто бываетъ у беггардовъ (пикардовъ), которые поручаютъ проповѣдывать какому-нибудь сапожнику или портному. Итакъ, благодаря магистру Томасу, этотъ Николай Шторхъ выдвинулся и съ каѳедры сталъ одобрять (approbirte) и совѣтовать, чтобы міряне занимали мѣста нашихъ прелатовъ и священниковъ и вѣдать дѣла вѣроисповѣданія. Отсюда возникла и получила извѣстность секта шторхіанцевъ. И секта эта такъ разрослась между ними, что открыто говорили, будто они составили заговоръ и выбрали 12 апостоловъ и 72 ученика».

Это смѣлое выступленіе коммунистовъ по необходимости привело къ конфликту. Пока Мюнцеръ ратовалъ только противъ богатыхъ поповъ, онъ встрѣчалъ одобреніе городского совѣта и горожанъ; но теперь дѣло измѣнилось.

Конфликтъ выразился прежде всего въ формѣ столкновенія двухъ церквей на религіозной почвѣ; столкновеніе произошло между церковью ткачей, общиной св. Екатерины, и церковью денежной знати, общиной св. Маріи, а, стало быть, и между проповѣдниками обѣихъ сторонъ, т. е. между Мюнцеромъ, съ одной, Іоганномъ Вильденау фонъ-Іегеромъ (Эгранусъ), съ другой стороны. Уже въ 1520 году борьба была въ полномъ разгарѣ. Былъ ли Вильденау человѣкомъ дѣйствительно неспособнымъ,

---

[1]) *Герцогъ*, Chronik von Zwickau, I, стр. 235, II, стр. 133—135.

[2]) Помѣщено въ приложеніи у *Зейдемана*, Münzer, стр. 109 и слѣд.

какъ изображали его противники, или же онъ не нашелъ себѣ достаточной поддержки въ средѣ горожанъ, но только ему пришлось уступить Мюнцеру (весной 1521 года).

Если этотъ успѣхъ сдѣлалъ суконщиковъ смѣлѣе, то съ другой стороны онъ заставилъ городской совѣтъ и зажиточныхъ горожанъ стать настороже и склониться въ пользу насильственныхъ мѣръ. Вскорѣ нашелся поводъ въ видѣ бунта ткачей, въ которомъ Мюнцеръ, согласно его письму къ Лютеру, еще отъ 9 іюля 1523 года, не принималъ никакого участія. 55 суконщиковъ было „посажено въ башни", наиболѣе виновные скрылись, а Мюнцеръ былъ изгнанъ изъ города. Николай Шторхъ и другіе также въ скоромъ времени покинули Цвикау, гдѣ они не чувствовали себя въ безопасности. Они направились въ Витенбергъ, куда прибыли въ декабрѣ 1521 года и гдѣ, какъ мы уже видѣли, сблизились съ Меланхтономъ и Карльштадтомъ. Мюнцеръ же направился въ Прагу. Въ странѣ таборитовъ онъ надѣялся найти для своей дѣятельности подходящихъ товарищей и благодарную почву.

Но времена измѣнились. Богемія представляла теперь худшую почву для таборитскихъ ученій, чѣмъ Саксонія. Воинственная демократія уже давно была разбита въ рѣшительной борьбѣ противъ крупной аристократіи, и послѣдніе остатки демократическаго коммунизма, еще сохранившіеся въ богемскихъ братьяхъ, были искажены до неузнаваемости послѣ того, какъ въ ихъ средѣ буржуазное направленіе взяло верхъ надъ пролетарскимъ.

Прага менѣе всего могла быть мѣстомъ, подходящимъ для такого человѣка, какимъ былъ Мюнцеръ. Даже въ періодъ высшаго расцвѣта таборитской мощи этотъ городъ былъ въ лушемъ случаѣ вялымъ союзникомъ, а чаще рѣшительнымъ врагомъ коммунизма. Теперь онъ сталъ твердой опорой „великихъ ганзейцевъ".

Мюнцеръ проповѣдовалъ въ Прагѣ, куда онъ прибылъ поздней осенью, пользуясь помощью переводчика; предварительно онъ распространилъ воззваніе на чешскомъ языкѣ, въ которомъ передѣлалъ свое имя на чешское: „Ja Thomass Minczierz s Stolberku",—такъ начиналось воззваніе. Но едва онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе, какъ его проповѣдничеству былъ положенъ конецъ. Онъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи (къ нему приставили *четырехъ* наблюдателей) и вскорѣ затѣмъ изгнанъ. Уже 25 января 1522 г. онъ покинулъ Прагу.

Цвикау—Прага: очевидно, современная полицейская практика въ Богеміи и Саксоніи покоится на почтенныхъ традиціяхъ. Она освящена вѣками.

VII. Мюнцеръ въ Альштеттѣ.

Изъ Богемiи Мюнцеръ отправился снова въ Саксонiю, сперва въ Нордгаузенъ, гдѣ и жилъ нѣкоторое время, а затѣмъ въ Альштеттъ [1]). Какъ и Цвикау, этотъ городъ былъ расположенъ бокъ-о-бокъ съ большимъ рудникомъ, мансфельдскимъ мѣдно-серебрянымъ промысломъ, о которомъ мы уже упоминали. Вполнѣ естественно предположить, что вооруженное и упорное горное населенiе представляло благодарную почву для развитiя въ Альштеттѣ пролетарскихъ тенденцiй, и что агитацiя Мюнцера была этимъ облегчена. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что гонимый съ мѣста на мѣсто агитаторъ нашелъ, наконецъ, въ Альштеттѣ наиболѣе удобную арену для своей дѣятельности. Вскорѣ онъ укрѣпился здѣсь въ качествѣ проповѣдника, и признакомъ его увѣренности въ будущемъ служитъ то, что онъ женился (Пасха 1523 г.) на вышедшей изъ монастыря монахинѣ, Оттилiи фонъ Герзенъ [2]). Чистѣйшее недоразумѣнiе, будто онъ женился на кухаркѣ [3]) священника, что, впрочемъ, не составило бы несчастiя.

Но за этими личными дѣлами Мюнцеръ не забылъ того дѣла, которому онъ себя посвятилъ. Онъ первый среди нѣмецкихъ реформаторовъ велъ всю службу на нѣмецкомъ языкѣ и сталъ читать и проповѣдывать не только на темы Новаго Завѣта, но и *всѣхъ* прочихъ библейскихъ книгъ. Это весьма характерно. Уже во второй главѣ этой части мы указали, что демократическимъ сектамъ во многомъ республиканскiй Ветхiй Завѣтъ подходилъ больше, чѣмъ новый, этотъ продуктъ цезаристскаго общества. Такое предпочтенiе Ветхаго Завѣта можно прослѣдить у всѣхъ сектантовъ отъ таборитовъ и до пуританъ.

---

[1]) *Циммерманъ* и другiе пишутъ Altstädt. Но это названiе, очевидно, не имѣетъ ничего общаго со словомъ alt (старый), а скорѣе съ корнемъ Hal (соль); названiе Altstätt, какъ и названiе другихъ многочисленныхъ областей Гарца (Галле, Гальберштадтъ и т. п.), обозначало, повидимому, мѣстонахожденiе соли,—Allstätt, Hallstatt, Salzstatt (соляной городъ).

[2]) *Мерксъ*, Münzer, стр. 9.

[3]) Ср. *Штробель*, стр. 136, *Зейдсманъ*, стр. 18, это сообщенiе (Цiпрiана) гласитъ: „Этимъ плохо понятымъ ученiемъ Таулера о духѣ и существѣ души Томасъ Мюнцеръ и его приверженцы были совращены, ибо онъ читалъ его постоянно, какъ мы хорошо знаемъ, вмѣстѣ съ *одной* женщиной, бывшей кухаркой у господина Конрада, священника въ Орламюндѣ, и имѣвшей такую славу въ Лейпцигѣ, что ее считали святой. Читая вмѣсто „*Einem Weibe*“ (одной женщины)—„*seinem Weibe*“ (своей женою), нашего Томаса сочетали съ мечтательно настроенной пастырской кухаркой.

«Лицемѣрная папская исповѣдь» была отмѣнена, причастіе давалось подъ обоими видами. Вся община должна была принимать участіе въ богослуженіи, привиллегированное положеніе духовенства было уничтожено, почему—говоритъ самъ Мюнцеръ—«наши противники говорятъ, будто мы обучаемъ конюховъ отправлять на полѣ и обѣдню».

Это замѣчаніе мы встрѣчаемъ у него въ его первомъ дошедшемъ до насъ сочиненіи, посвященномъ только что упомянутому новому порядку богослуженія: Orduung und Berechnung des Teutschen ampts zu Alstädt durch Tomam Münzer, seelwarters ym vorgangenem Ostern auffgerich, 1523. Alstedt 1524. Gedruckt tzu Eylenburgk durch Nikolaum Widemar» («Порядокъ и росписаніе нѣмецкой службы въ Альштеттѣ, установленные Томасомъ Мюнцеромъ, священникомъ, въ прошедшую Пасху, 1523 г. Альштеттъ 1524. Напечатано въ Эйленбургѣ Николаемъ Видемаромъ»).

О томъ же говорится и въ другомъ его сочиненіи, озаглавленномъ: «Deutsch Evangelisch Messie etwann durch die Bebstischen pfaffen in Latein zu grossem nachteyl des Christenglaubens vor ein opfer gehandelt, und jetzt verordnet in dieser hehrlichen zeyt zu entdecken den grevel aller abgötterey durch solche missbreuche der Messen lange Zeit getriben. Thomas Müntzer, Alstedt 1524». («Нѣмецкая евангелическая месса, совершаемая папскими попами по-латыни, къ великому ущербу для христіанской вѣры, и приведенная въ порядокъ теперь въ это славное время, предназначенное къ открытію ужаса всѣхъ безбожій, долгое время творимыхъ такими извращеніями богослуженій. Томасъ Мюнцеръ, Альштеттъ 1524»).

Въ предисловіи онъ говоритъ, что латинскія слова порождаютъ ложныя представленія и невѣжество,—«поэтому для улучшенія я перевелъ псалмы... по нѣмецкому образцу и больше по смыслу, чѣмъ дословно» [1]).

Содержаніе этого сочиненія составляетъ богослуженіе, переведенное на нѣмецкій языкъ. Какъ бы второй частью его является книга, озаглавленная: «Deutzsch Kirchenampt, verordnet, aufzuheben den hinterlistigen Deckel, vnder welchem das Licht der welt vorhalten war, welchs yetzt widerumb erscheynt mit dysen Lobgesängen vnd Göttlichen Psalmen, die do erbawen die zunemende Christenheyt, nach gottis unwandelbarem willen, zum vntergang aller prechtigen geperde der gotlosen» («Нѣмецкое церковное служеніе, предназначенное поднять коварный покровъ», скрывшій свѣтъ міра, который теперь снова

---

[1]) По выдержкѣ изъ *Штробеля.* Съ этой и послѣдующими работами мы, къ сожалѣнію, не могли познакомиться, путемъ личнаго просмотра.

сіяетъ въ этихъ пѣснопѣніяхъ и божественныхъ псалмахъ, въ назиданіе возрождающемуся христіанству, согласно неизмѣнной волѣ Божіей и къ погибели всѣхъ чванныхъ измышленій безбожниковъ», Альштедтъ, вѣроятно 1524 г., 18 листовъ in 4°. Согласно Штробелю, тамъ помѣщены латинскія пѣснопѣнія пяти службъ, переведенныхъ на нѣмецкій языкъ.

Кромѣ того Мюнцеръ опубликовалъ въ Алльштеттѣ еще двѣ агитаціонныя брошюры: «Protestation» (Протестація) и сочиненіе объ измышленной вѣрѣ [1]).

Наряду съ этими сочиненіями слѣдуетъ еще назвать два его письма, относящіяся къ тому же времени. Одно изъ нихъ, отъ 18 іюля 1523 г., «строгое увѣщаніе моимъ возлюбленнымъ братьямъ въ Штольбергѣ избѣгать напраснаго мятежа», письмо, въ которомъ онъ призываетъ штольбергскихъ товарищей по союзу къ терпѣнію, ибо подходящее настроеніе еще не назрѣло. «Крайне нелѣпо, что многіе избранные Богомъ друзья полагаютъ, будто Богъ скоро все долженъ измѣнить къ лучшему въ христіанскомъ мірѣ и не медля придти къ нимъ на помощь, между тѣмъ какъ никто къ этому не стремится и не горитъ желаніемъ стать нищимъ духомъ въ страданіяхъ и испытаніяхъ. «Пока людямъ живется еще достаточно хорошо. Нужно, чтобы жизнь ихъ ухудшилась прежде, чѣмъ на свѣтѣ станетъ лучше. «Поэтому Богъ побуждаетъ тирановъ все больше свирѣпствовать, дабы избранные были преисполнены стремленіемъ искать Бога. Люди, невѣровавшіе вопреки вѣрѣ, ненадѣявшіеся вопреки надеждѣ, ненавидѣвшіе вопреки Божіей любви, не знаютъ, что Богъ самъ указываетъ людямъ, что имъ необходимо; въ заключеніе, онъ порицаетъ братьевъ за ихъ несдержанность и роскошную жизнь. «Я слышу, что вы очень кичливы совсѣмъ не учитесь и очень безпечны. Когда вы пьете, то много говорите о нашемъ дѣлѣ, когда же вы трезвы, то становитесь трусливы, какъ бабы. Поэтому, возлюбленные братья, улучшите свою жизнь, избѣгайте разгула (Лука, 21, Петръ 5), бѣгите страстей и предающихся имъ (2. Тимофей 3), будьте мужественнѣе, такъ какъ вамъ еще предстоитъ дѣйствовать, и пишите мнѣ, какъ вы умножили данный вамъ талантъ». Другое письмо, изложеніе 19 псалма, было написано имъ въ маѣ 1524 года одному изъ приверженцевъ; въ 1525 г. оно было издано Іоганномъ Агриколой изъ Эйслебена, съ цѣлью вызвать враждебное къ Мюнцеру настроеніе, «дабы весь свѣтъ могъ узнать, какъ дьяволъ тщится

[1]) Protestation odder empietung Tome Müntzers von Stolberg am Hartzs seelwarters zu Alstedt seine lere betreffende vnnd tzum anfang von dem rechten Christenglawben und der Tawffe. 1524, Alstedt. — Von dem getichten glawben auff nechts Protestation aussgangen Tome Müntzers Selwarters zu Alstet, 1524.

сравняться съ Богомъ» [1]). Оно не содержитъ въ себѣ ни одной, достойной вниманія мысли, которой мы не могли бы найти въ другихъ произведеніяхъ Мюнцера соотвѣтствующаго періода времени, хотя и въ иной связи.

Изложеніе второй главы Даніила, также появившейся въ Алльштеттѣ, будетъ упомянуто ниже.

Первое изъ указанныхъ сочиненій о порядкѣ нѣмецкаго богослуженія уже цѣликомъ содержитъ всѣ существенныя черты мюнцеровской философіи: ея *мистицизмъ*, презрѣніе къ писанію, поскольку оно не опирается на голосъ *внутренняго откровенія*, котораго можно достигнуть лишь *аскетизмомъ*, страданіемъ, ея презрѣніе къ ученымъ и, наконецъ, *пантеизмъ* и религіозная *терпимость*.

Что касается первыхъ приведенныхъ нами чертъ его міровоззрѣнія, то мы уже выяснили ихъ на примѣрахъ, приведенныхъ во второй главѣ этого отдѣла, стр. 149 и слѣд. Здѣсь мы приведемъ еще одно мѣсто изъ его вышеупомянутаго произведенія: изъ одной библіи—говоритъ Мюнцеръ—нельзя узнать, что справедливо; это долженъ пробудить въ глубинѣ нашей души Богъ. «Если ты и пожралъ всѣ библіи, то это тебѣ нисколько не поможетъ; ты долженъ претерпѣть острый плугъ, которымъ Богъ вырываетъ плевелы изъ твоего сердца» [2]).

Яркимъ свидѣтельствомъ его мистицизма, навѣяннаго пантеизмомъ, является слѣдующее мѣсто: «Именно онъ (человѣкъ) долженъ и обязанъ знать, что Богъ живетъ въ немъ, что онъ его не измышляетъ, не выдумываетъ, что онъ не отдѣленъ отъ него тысячами миль, но что онъ *полонъ* Бога, *какъ полны имъ небо и земля*, и что Отецъ непрестанно родитъ въ насъ Сына и св. Духъ проявляетъ въ насъ распятаго путемъ смятенія нашего сердца».

Наконецъ, религіозная терпимость Мюнцера выясняется изъ слѣдующихъ словъ: «Никто не долженъ удивляться, что мы совершаемъ въ Алльштеттѣ службы на нѣмецкомъ языкѣ. Да и не только у насъ однихъ существуетъ обычай придерживаться иного порядка, чѣмъ въ Римѣ, ибо и въ Медіоланѣ (Миланѣ), въ Ломбардіи, установленъ совершенно иной порядокъ богослуженія, чѣмъ въ Римѣ. «Крабаты», чехи, армяне и т. п. отправляютъ службы на своемъ языкѣ, русскіе имѣютъ совсѣмъ иные обряды, что вовсе не дѣлаетъ ихъ похожими на чертей. О, какъ мы слѣпы и невѣжественны, воображая, что мы одни—христіане, по внѣшней обрядности и ссорясь изъ-за этого, какъ безсмысленные скотоподобные люди».

---

[1]) Ausslegung des XIX Psalms Coeli enarrant durch Tromas Müntzer an syner ersten Jünger ainen, Wittenberg 1525.

[2]) Сравненіе аскетизма—страданіе—съ работой плуга—любимый образъ Мюнцера. Мы встрѣчаемся съ нимъ и въ его „Протестаціи“.

Язычники и турки не хуже христіанъ. Онъ не склоненъ также презирать нашихъ лицемѣрныхъ отсталыхъ римскихъ братьевъ.

Для того времени это, конечно, великія и глубокія мысли. Но онѣ не являются исключительнымъ достояніемъ Мюнцера. Пантеистическій мистицизмъ мы нашли уже у братьевъ и сестеръ свободнаго духа.

Имѣетъ своихъ предшественниковъ и религіозная терпимость Мюнцера. Мы уже знаемъ, что эта черта поразила Энея Сильвія при посѣщеніи имъ таборитовъ. Придерживались ея и богемскіе братья. Но эту религіозную терпимость нужно, однако, понимать въ очень ограниченномъ смыслѣ. Она не могла простираться на всѣ вопросы религіи въ такое время, когда всѣ рѣзкія противорѣчія въ государствѣ и въ обществѣ выступали въ религіозной оболочкѣ. Поэтому Мюнцеръ ненавидѣлъ всякую лицемѣрную терпимость, за которой скрывались трусость и безхарактерность. «Нѣтъ на землѣ—восклицалъ онъ—болѣе обаятельнаго образа и личины, какъ напускная доброта, а потому всѣ углы кишатъ тщеславными лицемѣрами, изъ которыхъ ни одинъ не обладаетъ достаточной смѣлостью чтобы говорить голую правду. А потому, чтобы правда могла возсіять при свѣтѣ дня, вамъ, правители, надлежитъ (дай Богъ, чтобы сдѣлали такъ, добровольно или по принужденію) поступать какъ сказано въ писаніи о Навуходоносорѣ, который поставилъ Даніила верховнымъ судьей, дабы онъ произносилъ правильные и справедливые приговоры какъ повелѣваетъ св. Духъ (псаломъ 5). *Безбожники не имѣютъ никакихъ правъ на жизнь, развѣ только имъ дадутъ ее избранные* [1]).

Это мѣсто какъ бы противорѣчитъ другому, свидѣтельствующему о религіозной терпимости Мюнцера. Но противорѣчіе разсѣивается, если только вникнуть, на что распространялась его терпимость. Она приложима по его мнѣнію, исключительно къ *интернаціональнымъ* отношеніямъ и вытекаетъ изъ признанія верховенства народа: всякій народъ имѣетъ право выбирать себѣ любую религію. Пусть «отсталые римскіе братья» служатъ обѣдню по своему, пусть турки и язычники вѣрятъ, какъ хотятъ, — насъ это не касается. Лишь бы намъ позволили устраивать наши дѣла, по собственному усмотрѣнію. Всякая вражда противъ чужой націи нелѣпа. Но это положеніе вовсе не противорѣчитъ провозглашенію самой отчаянной классовой борьбы внутри націи.

Такое провозглашеніе мы находимъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій Мюнцера. Упоминавшіяся до сихъ поръ написаны въ общемъ спокойно,—насколько, вообще, спокойно можетъ писать человѣкъ съ крайне пылкой натурой. Это—пропагандистскія сочиненія, посвященныя

---

[1]) Изложеніе Даніила.

преимущественно вопросамъ религіи и церковной организаціи; въ нихъ вовсе нѣтъ революціонныхъ угрозъ и призывовъ. Мюнцеръ еще не былъ мятежникомъ, онъ еще не выступилъ открыто противъ правящей власти.

Но у него уже произошелъ конфликтъ съ Лютеромъ. Поводомъ къ нему послужило, повидимому, личное соперничество.

Никогда, можетъ быть, не обнаруживалось съ большей ясностью, насколько личная иниціатива Лютера мало содѣйствовала началу реформаціи, какъ въ 1522—1523 годахъ,

Онъ не только былъ слѣпымъ орудіемъ общественныхъ отношеній и плылъ по теченію, не уясняя себѣ внутренней связи этихъ отношеній, но случалось даже, что разъ вступивъ на опредѣленную дорогу, онъ позволялъ другимъ обгонять себя. Пока онъ проживалъ въ созерцательномъ спокойствіи въ Вартбургѣ и переводилъ библію, пылкіе элементы Виттенберга, руководимые Карльштадтомъ и увлекаемые цвикаускими мечтателями, дѣлали практическіе выводы изъ конфликта съ Римомъ; они уничтожили целибатъ, монашескіе обѣты, посты, почитаніе изображеній святыхъ и т. п. Послѣ этого Лютеру не оставалось ничего иного, какъ принять эти реформы и санкціонировать ихъ—поскольку онъ ихъ не отвергалъ.

И вотъ теперь, черезъ годъ послѣ виттенбергскихъ событій, человѣкъ, считавшій себя вожакомъ борьбы за евангельскую правду, былъ превзойденъ Мюнцеромъ съ его богослуженіемъ на нѣмецкомъ языкѣ, которое Мюнцеръ настолько успѣшно ввелъ въ Алльштеттѣ, что Лютеру только оставалось подражать ему. Но людямъ онъ не хотѣлъ казаться простымъ подражателемъ. Нужно было помѣшать имъ узнать что-либо изъ новшествъ Мюнцера, пока онъ самъ не начнетъ подражать ему. Для этого существовало простое средство.

Мюнцеръ самъ писалъ въ своей «высоко обоснованной защитительной рѣчи», къ которой мы еще вернемся впослѣдствіи: «Совершенно вѣрно и справедливо, и свидѣтелемъ тому вся страна, что бѣдный обездоленный народъ такъ жаждалъ правды, что всѣ улицы были наполнены людьми, стекавшимися отовсюду послушать обрядъ богослуженія, пѣніе псалмовъ и проповѣди въ Алльштеттѣ. Если бы онъ (Лютеръ) даже лопнулъ отъ зависти, то и тогда не удалось бы ему устроить что-либо подобное въ Виттенбергѣ. По службѣ на нѣмецкомъ языкѣ видно, какъ благоговѣетъ къ ней народъ, и это такъ разсердило Лютера, что онъ прежде всего добился отъ своихъ князей *запрещеніе печатать мою службу*».

На это обвиненіе Лютеръ никогда не отвѣчалъ.

Соперничество между двумя реформаторами не содѣйствовало, конечно, пріязни въ ихъ отношеніяхъ. Но причина столкновенія между ними лежала глубже.

Лютеръ, правда, еще не занялъ тогда опредѣленной позиціи по отношенію къ демократіи. Онъ еще не зналъ, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ силъ. Но *одно* для него было несомнѣнно, и его буржуазный инстинктъ могъ опредѣлить это безошибочно: *ни въ коемъ случаѣ нельзя было допустить распространеніе коммунистическаго сектантства.*

Это онъ призналъ уже въ 1522 году, когда вліяніе цвикаускихъ мечтателей начало сказываться въ Виттенбергѣ. Когда ни Меланхтонъ, ни курфюрстъ никакъ не могли выяснить своего отношенія къ нимъ, ему не сидѣлось въ Вартбургѣ. Весной 1522 года онъ поспѣшилъ въ Виттенбергъ и разогналъ опасныхъ людей. Шторхъ направился въ южную Германію, гдѣ и исчезъ. Карльштадтъ, которому Лютеръ хотѣлъ также зажать ротъ, какъ и Мюнцеру,—онъ постарался, чтобы власти конфисковали его произведеніе, — направился сперва въ деревню близъ Виттенберга; тамъ онъ купилъ себѣ землю и хотѣлъ жить крестьяниномъ; отнынѣ крестьяне должны были перестать именовать его докторомъ, а называть сосѣдомъ Андреемъ. Но вскорѣ мы снова находимъ его дѣйствующимъ съ большимъ успѣхомъ въ Орламюндѣ, на агитаторскомъ и организаторскомъ поприщѣ, гдѣ онъ перестроилъ на чисто демократическій ладъ всѣ церковныя общины и упразднилъ всѣ традиціонные католическіе обряды.

Когда Мюнцеръ появился въ Альштеттѣ, Лютеръ, знавшій о его связи съ цвикаусцами, заранѣе относился къ нему недовѣрчиво. Недовѣріе это увеличивалось по мѣрѣ того, какъ росла извѣстность Мюнцера. Жало зависти способно было довести Лютера до бѣшенства. Но къ Мюнцеру трудно было подступиться. Напрасно вызывалъ его Лютеръ въ Виттенбергъ, для дачи объясненій. Мюнцеръ заявилъ, что онъ выступитъ только въ «безопасной общинѣ». Такъ какъ Мюнцеръ не поѣхалъ въ Виттенбергъ, то саксонскіе князья, Фридрихъ и его братъ, прибыли вмѣстѣ съ сорегентомъ Іоганномъ въ Альштеттъ; ихъ побудили къ этому безпорядки, разыгравшіеся вблизи этого города.

Толпа жителей Альштетта разрушила 24 марта 1524 года Меллербахскую часовню, усердно посѣщавшуюся паломниками, дабы, согласно проповѣди Мюнцера, положить конецъ «безбожію почитанія изображеній святыхъ». Альштеттскія власти получили приказаніе отъ курфюрста Фридриха подвергнуть разрушителей часовни наказанію. Власти долго медлили съ выполненіемъ приказа, ибо боялись возмущенія. Когда, наконецъ, 13 іюня они хотѣли приступить къ аресту подозрѣваемыхъ, намѣреніе ихъ было выдано. «Не только мужчины, но женщины и дѣвушки, по приказанію Мюнцера «вооружиться граблями и вилами для самозащиты», сбѣжались въ одно мѣсто. Колокола били набатъ; говорятъ, что Мюнцеръ самъ звонилъ». На слѣдующій день «альштеттцы, повидимому, по соб-

ственной просьбѣ, получили помощь извнѣ. Они заявили, что къ нимъ пришли *горнорабочіе* и другіе люди, чтобы посмотрѣть, не подвергся ли нападенію учитель (Мюнцеръ), и не обидѣли ли ихъ самихъ изъ за Евангелія,—лучшее доказательство вліянія Мюнцера и любви къ нему»[1]).

Такимъ образомъ, намѣренія княжескихъ властей потерпѣли неудачу. Главнымъ виновникомъ этого былъ признанъ Мюнцеръ.

Но когда оба князя прибыли въ Альштеттъ (повидимому, въ началѣ іюля), чтобы лично водворить порядокъ, то они не только не предприняли ничего противъ Мюнцера, но даже дозволили ему произнести въ ихъ присутствіи рѣчь, съ которой едва ли сравнится по смѣлости любая рѣчь, когда-либо произносившаяся въ присутствіи князей. Одной этой рѣчи достаточно для опроверженія росказней о трусости Мюнцера, распространявшихся всѣми благонамѣренными историками мюнцеровскаго движенія, начиная отъ Меланхтона и кончая Лампрехтомъ.

Въ своей рѣчи Мюнцеръ исходилъ изъ второй главы Даніила, гдѣ говорится о видѣніи Навуходоносора и объ истолкованіи его Даніиломъ. Такія откровенія—заявилъ онъ—бываютъ и въ настоящее время. «Ученые книжники утверждаютъ, правда, что Богъ теперь уже не открывается своимъ излюбленнымъ сынамъ въ видѣніяхъ и словахъ, и что нужно придерживаться одного писанія. Они насмѣхаются надъ предостереженіями тѣхъ, кто дѣйствуетъ по откровенію божію, какъ нѣкогда насмѣхались евреи надъ Іереміей, пророчившимъ вавилонское плѣненіе». Но путемъ отказа отъ всего скоропреходящаго и умерщвленія всѣхъ вожделѣній плоти и при дѣйствительно мужественномъ стремленіи къ правдѣ можно еще и въ настоящее время удостоиться ниспосланія видѣній. «Да, братья, истинно-апостольскій, патріаршій и пророческій духъ стремится удостоиться видѣній и переживаетъ ихъ со смертельной скорбью, почему и неудивительно, что ихъ отвергаютъ братъ Мастшвейнъ, т. е. «откормленная свинья», и братъ Занфтлебенъ (т. е. «смиренникъ», намекъ на Лютера)... Поистинѣ вѣрно и мнѣ доподлинно извѣстно, что духъ божій открываетъ теперь многимъ благочестивымъ и избраннымъ людямъ неизбѣжность въ будущемъ полной реформаціи, которая крайне необходима и должна быть совершена, какъ бы ни противились ей, ибо предсказаніе Даніила остается въ силѣ». Мы теперь находимся въ пятомъ царствѣ міра: «Теперь прекрасно видно, какъ угри и змѣи совокупляются вмѣстѣ въ одной кучѣ. Попы и все злое духовенство это—змѣи... а свѣтскіе князья и регенты—угри... Ахъ, любезные господа, съ какой силой Господь разобьетъ всѣ старые горшки своимъ жезломъ. Теперь очередь за

---

[1]) *Мерксъ*, стр. 16, 17.

евангелическими князьями ударить на противниковъ Евангелія. «Если вамъ угодно быть настоящими правителями, то вамъ нужно подрѣзать самые корни современнаго правленія». Корни безбожія подлежатъ уничтоженію. Мечъ—вотъ средство истребить безбожниковъ. «Но дабы это было совершено должнымъ образомъ и какъ подобаетъ, — это обязаны сдѣлать наши дорогіе отцы, князья, исповѣдующіе вмѣстѣ съ нами Христа. *А гдѣ они этого не сдѣлаютъ, тамъ у нихъ будетъ отнятъ мечъ* (Дан. 7 гл.), ибо они докажутъ, что исповѣдуютъ Христа лишь на словахъ, но отрицаютъ его на дѣлѣ. Затѣмъ онъ обращается противъ лицемѣрной терпимости,—мы уже привели характерный отрывокъ изъ этой части рѣчи,—и заканчиваетъ призывомъ: «Будьте же отважны! Тотъ, кому принадлежитъ вся власть на небѣ и на землѣ хочетъ быть правителемъ.

«Да сохранитъ васъ Богъ навсегда. Аминь».

Поистинѣ смѣлая рѣчь. Нисколько не отрицая своихъ революціонныхъ намѣреній, Мюнцеръ заявляетъ въ ней о необходимости революціи. Князьямъ предоставляется стать во главѣ ея, иначе возмущенный народъ шагнетъ черезъ нихъ. Изъ этой рѣчи видно, что онъ далеко не увѣренъ въ склонности правителей послѣдовать его призыву, но она свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ не исключалъ возможности привлечь на свою сторону хотя бы курфюрста.

Въ реформаціонномъ движеніи классовыя противорѣчія еще не выступили тогда съ той ясностью и непримиримостью, какъ годъ спустя. Нельзя также упускать изъ виду, что абсолютная княжеская власть въ то время еще была революціонной силой, такъ что союзъ между нею и другими революціонерами представлялся далеко не невозможнымъ. Вѣдь, даже за послѣднія сто лѣтъ лойяльные князья заигрывали съ возстаніемъ, когда ихъ династическіе интересы толкали ихъ по пути революціонной политики. Такъ поступали Гогенцоллерны до 1866 года. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что курфюрстъ Фридрихъ относился къ народнымъ движеніямъ съ большой осмотрительностью и даже нѣкоторой симпатіей, какъ мы уже это видѣли на примѣрѣ цвикаускихъ мечтателей и какъ будетъ еще отмѣчено при разсмотрѣніи начальнаго періода крестьянскихъ войнъ.

Этому обстоятельству, а можетъ быть и вліянію Мюнцера въ Альштеттѣ, приходится, повидимому, приписать, что онъ былъ отпущенъ регентомъ невредимымъ.

Гораздо большимъ классовымъ сознаніемъ обладалъ братъ Фридриха,

герцогъ Іоганнъ. Когда Мюнцеръ напечаталъ свою рѣчь [1]), Іоганнъ пришелъ въ такое негодованіе, что изгналъ изъ предѣловъ Саксоніи Николая Видемара фонъ Эйленбурга, издателя произведеній Мюнцера. Мюнцеръ тщетно протестовалъ противъ этого, въ своемъ письмѣ отъ 13 іюля. Ему было запрещено печатать что-либо въ Веймарѣ безъ разрѣшенія саксонскаго правительства.

На это непреклонный борецъ отвѣтилъ опубликованіемъ новаго агитаціоннаго произведенія, напечатаннаго въ сосѣднемъ Мюльгаузенѣ, гдѣ непосредственно передъ тѣмъ побѣдоносно закончилось народное движеніе,— «Разоблаченіе ложной вѣры безбожнаго міра» [2]).

На заглавномъ листѣ книги онъ именуетъ себя «Мюнцеръ съ молотомъ», намекая на одно мѣсто изъ Іереміи (23,9), гдѣ Богъ говоритъ: «Развѣ мое слово... не подобно молоту, дробящему скалы?» «Любезные товарищи,—читаемъ мы далѣе на заглавномъ листѣ—будемъ же расширять ту дыру, сквозь которую весь міръ можетъ видѣть и понимать, что за люди наши гордые богачи, святотатственно превратившіе Бога въ размалеваннаго человѣчка».

На второй страницѣ онъ пользуется, въ качествѣ эпиграфа, двумя изреченіями изъ Іереміи, подобранными имъ къ данному случаю: «Услыши, я вложилъ свои слова въ уста твои, я вознесъ тебя отнынѣ надъ людьми и богачами, дабы ты искоренялъ, разбивалъ разсѣевалъ и опустошалъ, — созидалъ и насаждалъ». И еще: «Противъ царей, князей и поповъ, противъ народа воздвигнута желѣзная стѣна. Пусть они борятся, но чудеснымъ образомъ побѣда обратится на погибель сильныхъ, безбожныхъ тирановъ». Это введеніе достаточно обрисовываетъ характеръ всего сочиненія.

Оно начинается съ полемики противъ книжниковъ, обманывающихъ бѣдный народъ. Народъ долженъ освободиться отъ нихъ. Кто стремится къ богатству и славѣ, тотъ не можетъ служить Богу. «Да почему же братъ Занфтлебенъ («Смиренный») и братъ Лейзетретеръ («Тихоходъ», подр. Лютеръ) такъ злобны и даже бранчливы? Послѣдній полагаетъ, что можетъ удовлетворять всѣ свои вожделѣнія, сохранять свою роскошь и богатство и вмѣстѣ съ тѣмъ обладать чистой вѣрой, а за это вѣдь и

[1]) Ausslegung des andern untersyds Danielis dess propheten gepredigt auffn schlos zu Alstet vor den tetigen thewren Herzogen und Vorstehern zu Sachssen durch Thomam Müntzer Diener des wordt gottes, Allstedt 1524.

[2]) *Aussgetruckte emplössung des falschen Glaubens der ongetrewen Welt*, durch gezeugnus des Evangelions Luce, vorgetragen der elenden erbermlichen Christenheyt zu innerung jres irsales. Ezechiel am 8 Copitel, Thomas Müntzer mit dem Hammer, Mülhausen 1524.

порицалъ ясными словами книжниковъ Сынъ Божій... Вы не можете служить Богу и богатству. Кто домогается почестей и богатствъ, тотъ навсегда будетъ обреченъ Богомъ на безплодіе, или, какъ говоритъ Богъ въ 5-мъ псалмѣ «ихъ сердце суетно». *Поэтому насильники и строптивцы должны быть низвергнуты съ своихъ мѣстъ*». «Безбожные и неразумные правители и власти злобствуютъ и отчаянно неистовствуютъ противъ Бога и его помазанниковъ», а иные, даже, только теперь начинаютъ по настоящему «терзать, истязать, мучить и грабить свой народъ и угрожаютъ этимъ всему христіанству и терзаютъ и избиваютъ постыдно своихъ и чужихъ, такъ что Богъ послѣ борьбы своихъ избранниковъ не сможетъ и не пожелаетъ взирать на весь этотъ ужасъ». Богъ налагаетъ на своихъ сыновъ больше, чѣмъ они способны вынести. Этому долженъ быть и будетъ вскорѣ положенъ конецъ.

Князья—скорпіоны, коими Богъ караетъ людей въ своемъ гнѣвѣ. «А потому они ни что иное, какъ палачи и живодеры,—въ этомъ все ихъ занятіе».

Не ихъ слѣдуетъ страшиться, а Бога. Но въ Богѣ нельзя отчаяваться. Для него нѣтъ ничего невозможнаго, не исключая и побѣды коммунистической революціи. «Да, множество людей думаютъ объ осуществленіи великой, могучей мечты. Но они не могутъ представить себѣ, что она осуществится, что будетъ начато и завершено такое дѣло, благодаря которому безбожники будутъ свергнуты съ судейскихъ мѣстъ, и униженные и простые будутъ возвышены». Невозможное станетъ возможнымъ. «Да, это прекрасная вѣра, и она еще принесетъ много хорошаго. *Она создастъ, несомнѣнно, благородный народъ, о которомъ размышлялъ философъ Платонъ (de republica)* и Апулей (о золотомъ ослѣ)».

Остальная часть брошюры содержитъ лишь повторенія сказаннаго. Если ее сравнить съ предыдущими альштеттскими произведеніями Мюнцера, то между ними обнаружится очевидная разница. «Die Erklärung des anderen Unterschieds Danielis» (Толкованіе Даніила) составляетъ переходъ отъ первыхъ его произведеній къ послѣдней брошюрѣ. Теперь цѣлью Мюнцера становится не столько переубѣдить и переговорить враждебныхъ къ нему людей, сколько раззадорить и подыскать своихъ единомышленниковъ. Теперь для него на первомъ планѣ стоитъ уже не церковная, а политическая и соціальная революція. «Толкованіе» еще представляетъ собой попытку привлечь на сторону революціи князей. Теперь главнымъ врагомъ изображается не папа, а князья, и Мюнцеръ трактуетъ не о расплывчатомъ понятіи «Евангелія», но говоритъ прямо о коммунизмѣ, о которомъ разсуждалъ философъ Платонъ; очевидно книга послѣдняго о государствѣ была знакома Мюнцеру.

Такая перемѣна въ тонѣ и содержанiи агитацiи Мюнцера несомнѣнно объясняются отчасти его столкновенiемъ съ княжеской властью, которое обнаружило ему съ очевидностью, что осуществить свои идеи онъ сможетъ лишь путемъ борьбы съ этой властью. Но отчасти, и очевидно преимущественно, причины указаннаго переворота въ Мюнцерѣ лежали гораздо глубже и обусловливались перемѣной во всемъ положенiи общественныхъ отношенiй. Какъ разъ къ этому времени стало вспыхивать первое пламя крестьянской войны. Теперь нужно было не *проповѣдывать*, а *дѣйствовать*.

VIII. Корни великой крестьянской войны.

Уже раньше—при описанiи возстанiя Дольчино, англiйскаго мятежа 1381 года и таборитскаго движенiя—мы неоднократно говорили о тѣхъ общественныхъ противорѣчiяхъ, которыя привели къ крестьянской войнѣ. Намъ нѣтъ нужды повторять уже сказанное, а потому укажемъ лишь на тѣ пункты, въ которыхъ положенiе нѣмецкихъ крестьянъ начала 16-го вѣка отличалось отъ положенiя ихъ предшественниковъ.

Всѣ вышеупомянутыя возстанiя крестьянъ происходили въ такое время, когда положенiе крестьянъ, вообще говоря, стало улучшаться. Въ Германiи общественныя отношенiя вызвали мощное возмущенiе крестьянъ лишь тогда, когда положенiе крестьянъ значительно ухудшилось.

Перiодъ гуситскихъ войнъ является, приблизительно, раздѣломъ, за которымъ крестьяне начали оказывать отпоръ враждебнымъ имъ стремленiямъ,—и не только случайно, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, но повсемѣстно. Главную причину этого мы усматриваемъ въ усиленiи роли *капитала* (сперва торговаго) и связанной съ нимъ *абсолютной княжеской власти.*

Усиленiе роли капитала было естественнымъ слѣдствiемъ развитiя товарнаго производства и товарнаго обмѣна. Капиталъ, и прежде всего торговый, нуждается въ сильной государственной власти, которая могла бы обезпечить ему внутреннiй рынокъ и позволить конкурировать на мiровомъ рынкѣ. Поэтому капиталисты всячески поощряли развитiе княжескаго абсолютизма и его обоихъ могущественныхъ орудiй—бюрократiи и наемнаго войска; они содѣйствовали также абсолютизму если не лично, то своими деньгами,—въ его борьбѣ противъ неподчиненныхъ ему классовъ стремившихся упрочить завоеванныя ими свободы права, т. е. противъ дворянства и духовенства, съ одной стороны, крестьянства и мелкой буржуазiи—съ другой. При этомъ, капиталистамъ и князьямъ было

очень на руку, что между враждебными имъ классами существовали рѣзкія противорѣчія и велась ожесточенная борьба.

Капиталу—купцамъ и ростовщикамъ—и князьямъ удавалось все больше подчинять себѣ всѣ эти классы въ денежномъ отношеніи. Каждый изъ нихъ стремился переложить на другой бремя денежныхъ обязательствъ, и въ концѣ концовъ всѣ они съ удвоенной силой обрушились на низшія слои народа, т. е. на городской пролетаріатъ и особенно на крестьянъ, составлявшихъ большую часть народа. Революція въ цѣнахъ, о которой мы уже говорили, еще больше увеличила тяжесть этого бремени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ увеличенія гнета на низшіе классы, уменьшалась ихъ сила противодѣйствія. Если положеніе крестьянъ въ 13-мъ и 14-мъ столѣтіяхъ и улучшилось, то этимъ они въ немалой степени были обязаны расцвѣту городовъ, особенно многочисленныхъ мелкихъ городовъ въ деревенскихъ округахъ, такъ какъ въ нихъ крестьяне находили себѣ опору и союзниковъ противъ общаго врага. Но въ 15-мъ столѣтіи германскіе города все больше подпадали зависимости отъ князей. Къ концу 15-го столѣтія большинство нѣмецкихъ городовъ уже утратили самостоятельность. Сравнительно немногочисленные города, сумѣвшіе отстоять свою свободу, были, въ большинствѣ случаевъ, крупными городскими центрами, господствующіе классы которыхъ были сами живѣйшимъ образомъ заинтересованы въ эксплоатаціи крестьянъ. Эти городскія республики—наиболѣе значительной изъ нихъ былъ, повидимому, Нюренбергъ—также тяготѣли къ князьямъ, аналогично тому какъ въ Богеміи, въ періодъ гусситскихъ войнъ, Прага стояла на сторонѣ крупной аристократіи. Главной опорой демократіи была буржуазія мелкихъ городовъ. Поскольку она утрачивала свою самостоятельность, постольку же теряли свои силы и демократическія теченія.

Но строй городской жизни 15-го столѣтія ухудшилъ положеніе крестьянъ еще въ одномъ отношеніи. До 14-го столѣтія города являлись мѣстомъ убѣжища крестьянъ, всегда открытымъ для нихъ. Это побуждало землевладѣльцевъ, боявшихся остаться безъ рабочихъ, прикрѣплять къ себѣ крестьянъ, гдѣ было можно—силой, а въ другихъ случаяхъ—и путемъ лучшаго обращенія съ ними.

Теперь обстоятельства измѣнились. Вспомнимъ, что мы говорили во второй части о развитіи цехового строя. Въ 15-мъ столѣтіи закрытіе доступа въ ремесло массамъ рабочихъ совершалось все болѣе энергично. Это привело къ приниженію не только городскихъ неорганизованныхъ пролетаріевъ, но и крестьянства. Путь къ обезпеченной жизни въ городахъ былъ для нихъ закрытъ. Между городской мелкой буржуазіей и крестьянствомъ возникаетъ противорѣчіе, сглаживаемое, порой, союзомъ противъ общаго

врага—церкви, дворянства, князей и капиталистовъ,—но и въ этихъ случаяхъ дѣлающее ихъ дружбу сомнительной.

Чѣмъ больше города переставали служить мѣстомъ убѣжища крестьянъ, тѣмъ меньше основаній было у землевладѣльца щадить своихъ рабочихъ. Крестьяне были теперь прикрѣплены къ нему, теперь имъ нечего было искать въ городахъ и имъ оставалося лишь подчиняться своимъ господамъ. Но доступъ въ города все больше закрывался и для пролетаріевъ. Наряду съ городскимъ пролетаріатомъ образовывается также сельскій, ряды котораго пополняются благодаря сокращенію и роспуску феодальныхъ *дружинъ*,—естественный результатъ проникновенія въ деревню товарнаго производства и связанной съ нимъ алчности къ деньгамъ. Мы уже видѣли, что подъ вліяніемъ этихъ причинъ все больше отмиралъ старинный обычай гостепріимства. Результатомъ такой эволюціи было также постепенное сокращеніе *дружинъ*. Деревенскіе магнаты всячески содѣйствовали этому, чтобы ослабить непріятную для нихъ самостоятельность дворянства.

Кромѣ того, развитіе товарнаго производства повысило цѣны на земли и, съ одной стороны, побудило марковыя общины замкнуться внутри себя, а съ другой—побудило землевладѣльцевъ относиться къ общинной собственности, какъ къ своей частной, и отчуждать ее въ свое владѣніе.

Если сопоставить всѣ эти обстоятельства: закрытіе доступа въ города и села безземельнымъ, роспускъ свитъ, происходившій одновременно съ естественнымъ ростомъ населенія, а также растущее закабаленіе крестьянъ государственными налогами, повинностями и ростовщическими процентами въ пользу землевладѣльцевъ, что приводило все къ большему обезземеливанію крестьянъ,—то насъ не удивитъ, что сельскій пролетаріатъ быстро возрасталъ.

Вначалѣ онъ состоялъ преимущественно изъ люмпенпролетаріата, поставляя нищихъ, мошенниковъ, явныхъ и тайныхъ грабителей и солдатъ. Въ 14-мъ столѣтіи наемные солдаты вербовались въ большинствѣ случаевъ изъ среды крестьянской молодежи, жадной къ приключеніямъ и добычѣ; послѣ окончанія военной службы, они снова становились крестьянами, раздѣляли классовые интересы своихъ отцовъ и братьевъ, и мало годились—по крайней мѣрѣ, у себя на родинѣ—въ дѣло противъ нихъ, а по своемъ возвращеніи увеличивали боевую готовность крестьянства. Въ 15-мъ столѣтіи, ряды наемныхъ солдатъ все больше пополняются люмпенпролетаріями, деклассированными, уже неимѣющими никакихъ классовыхъ интересовъ, готовыми идти, по приказу своихъ господъ, въ огонь и въ воду, повиноваться имъ во всемъ, лишь бы имъ платили.

Уже это одно сильно повліяло на способность крестьянства оказывать вооруженный отпоръ; но еще больше дѣйствовало въ этомъ направленіи разви-

тіе военнаго дѣла. Мы уже видѣли, какъ революціонизировали его табориты. Оно продолжало развиваться въ намѣченномъ ими направленіи. Наряду съ обученіемъ отдѣльныхъ солдатъ владѣть оружіемъ, все больше значенія пріобрѣтали массовыя упражненія въ маневрированіи, дисциплина, планомѣрное и строгое взаимодѣйствіе отдѣльныхъ частей войска. Эта новая тактика въ рукахъ таборитовъ сдѣлала демократію непобѣдимой, теперь же она дала военный перевѣсъ врагамъ демократіи. Обучиться этой тактикѣ могъ только *профессіональный солдатъ*, крестьянство же и мелкая буржуазія во время своихъ возстаній во вторую половину 15-го и въ 16-мъ столѣтіи не имѣли времени и возможности, какъ табориты, организовать изъ своей среды профессіональную армію. Теперь побѣда склонялась на сторону того, кто могъ *платить* наемному солдату.

Въ томъ же направленіи дѣйствовало употребленіе для военныхъ цѣлей *пороха*, все болѣе примѣнявшагося со времени гусситскихъ войнъ. Изобрѣтеніе пороха называлось часто «демократическимъ изобрѣтеніемъ», ибо оно повело къ исчезновенію рыцарства; но, по нашему мнѣнію, результатъ этого изобрѣтенія отнюдь не былъ «демократическимъ». Не говоря уже о томъ, что вліяніе изобрѣтенія пороха на уничтоженіе могущества низшаго дворянства зачастую крайне преувеличивается (его экономическое военное банкротство было рѣшено еще до того, какъ огнестрѣльное оружіе пріобрѣло важную роль въ военномъ дѣлѣ),—не говоря уже объ этомъ, мы должны замѣтить, что благодаря пороху были сокрушены не только *рыцарскія арміи*, но и *крестьянскія войска*. Усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія является послѣднимъ звеномъ въ той цѣпи, которая была замкнута въ 16-мъ столѣтіи. Съ тѣхъ поръ, главнѣйшимъ орудіемъ веденія войны являются деньги, деньги и еще разъ деньги. Пріобрѣтать и цѣлесообразно примѣнять огнестрѣльное оружіе для нуждъ войны стало привилегіей *богатыхъ властелиновъ*—крупныхъ городовъ и князей. Они помогли сокрушить рыцарство, не къ выгодѣ крестьянства и мелкой буржуазіи, а въ интересахъ капиталистической и княжеской эксплоатаціи.

За низверженіе могущества дворянства пришлось расплачиваться все тѣмъ же крестьянамъ. Въ 16-мъ столѣтіи, оно было тѣснимо одновременно какъ сверху, такъ и снизу; сверху—князьями (въ союзѣ съ капиталистами), снизу—крестьянами. Долго пыталось оно защищаться отъ обоихъ притѣснителей, въ концѣ же концовъ подчинилось князьямъ, обязавшимся за это парализовать силы крестьянъ. Дворянство продало свою самостоятельность, чтобы сильнѣе упрочить за собою эксплоатацію крестьянъ.

Эта эволюція совершалась въ различныхъ мѣстахъ неодинаково и неодновременно. Въ сѣверной Германіи, и именно въ восточной ея части

она произошла позднѣе всего. Наоборотъ, въ 15-мъ столѣтіи, въ южной и средней Германіи крестьяне уже испытывали ея разрушительныя дѣйствія и все болѣе, по мѣрѣ того, какъ приближалось 16-ое столѣтіе. Въ началѣ послѣдняго, по понятіямъ того времени, ихъ положеніе стало совершенно невыносимымъ, хотя, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно и отличается выгодно. по сравненію съ положеніемъ современныхъ рабочихъ классовъ въ городѣ и деревнѣ.

Это угнетеніе: увеличеніе повинностей, натуральныхъ и денежныхъ, ростъ зависимости отъ землевладѣльцевъ, конфискація крестьянской общинной собственности землевладѣльцами, конфискація частной крестьянской собственности, обезземеливаніе крестьянъ наступило лишь позднѣе,— все это совершалось, конечно, не безъ энергичнаго сопротивленія крестьянства. Въ 15-мъ столѣтіи въ Германіи слѣдовало одно крестьянское возстаніе за другимъ и, по мѣрѣ приближенія къ 16-му столѣтію, возстанія становились все чаще и ожесточеннѣе.

Наиболѣе важнѣйшие изъ этихъ предшественниковъ великой крестьянской войны отмѣчены *Циммерманомъ*, къ книгѣ котораго мы отсылаемъ всякаго, кто пожелалъ бы изучить крестьянскія возстанія 1525 года глубже, чѣмъ это можно сдѣлать въ рамкахъ настоящей работы. Всѣ эти возстанія окончились неудачно. О нихъ можно сказать то же, что мы говорили о возстаніи Дольчино: они остались чисто мѣстными движеніями.

Но вотъ наступило реформаціонное движеніе, которое взволновало всю націю и объединило, по крайней мѣрѣ на короткое время, всѣ мѣстныя классовыя противорѣчія въ общія національныя, обнимавшія собою пространство всей имперіи или, во всякомъ случаѣ, большей части ея. Теперь разрозненныя мѣстныя движенія крестьянъ слились въ единое великое движеніе, подобнаго которому не наблюдалось даже въ позднѣйшіе вѣка,—въ послѣднее и мощное напряженіе силъ крестьянства европейскаго континента, направленное на то, чтобы сбросить тяготѣвшее надъ нимъ ярмо. Если не считать Англіи, то аналогичное по грандіозности крестьянское движеніе мы находимъ во Франціи въ 1789 году, но оно протекало при совершенно иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Насколько послѣднее было неодолимо, настолько же движеніе 1525 года уже заранѣе несло въ себѣ зародышъ смерти.

Но вмѣстѣ съ крестьянами поднялись и другіе классы, ибо буржуазное общество слишкомъ сложно для того, чтобы большое революціонное движеніе могло быть совершено усиліями только одного класса. И грядущая революція также конечно не будетъ совершена однимъ классомъ, промышленнымъ пролетаріатомъ, но и мелкой буржуазіей городовъ и деревень. Однако, начало борьбы выпадаетъ всегда на долю *одного* класса. Теперь

такимъ классомъ является пролетаріатъ, въ 1789 году это была мелкая буржуазія, въ 1525-мъ—крестьянство.

Союзниковъ послѣднихъ мы уже знаемъ; въ 1525 г. сражались подъ однимъ знаменемъ по большей части тѣ же классы, которые прежде группировались вокругъ знамени таборитовъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь къ возставшимъ примкнули обанкротившіеся мелкіе дворяне, занявшіе преимущественно выдающіяся мѣста военачальниковъ вождей, въ каковой роли нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались настоящими героями, напр. Флоріанъ Гейеръ, а другіе предателями, какъ напр., Гецъ фонъ-Берлихингенъ. Къ крестьянамъ примкнула также большая часть городского населенія, особенно въ мелкихъ городахъ, и прежде всего пролетаріатъ.

Но городская жизнь Германіи въ началѣ 16-го столѣтія значительно отличалась отъ жизни богемскихъ городовъ въ 15-мъ столѣтіи. Въ интеллектуальномъ отношеніи города значительно ушли впередъ, но въ политическомъ отношеніи, въ смыслѣ своей самостоятельности, потерпѣли ущербъ. Только городской пролетаріатъ сталъ еще болѣе надежнымъ союзникомъ крестьянъ. Мастера—ремесленники и даже подмастерья ушли отъ нихъ. Поэтому въ 1529 году бремя борьбы лежало на крестьянахъ большею тяжестью, чѣмъ въ періодъ гусситскихъ войнъ. Города приставали къ движенію очень вяло, движеніе нигдѣ не находило такого опорнаго пункта, какимъ сто лѣтъ назадъ былъ въ Богеміи Таборъ. Симпатія городовъ къ крестьянамъ выражалась не въ военной помощи имъ, но въ большемъ интеллектуальномъ сочувствіи, во вліяніи на ихъ *программу.*

Но съ другой стороны инсургенты 1525 года обрѣли союзника, какого не имѣли табориты—*горнорабочихъ.* Вспомнимъ, что мы говорили во второй части, объ ихъ вооруженіи и ихъ совмѣстной жизни массами. Они были обучены военному дѣлу и дисциплинированы. Въ военномъ отношеніи они стояли на гораздо болѣе высшей ступени, чѣмъ всѣ остальные слои рабочихъ того времени. Тамъ, гдѣ они энергично выступали на борьбу, возстаніе не знало военныхъ пораженій [1]).

Что насильственное возстаніе неизбѣжно и произойдетъ, было ясно въ 1524 году всякому, кто приходилъ въ болѣе близкое соприкосновеніе съ крестьянами; особенно, не могло это остаться тайной для такого человѣка, какъ Мюнцеръ. Они пережили то же, что и онъ; восторженно поддакивали они Лютеру, позволившему увлечь себя популярностью и питавшему надежды всѣхъ классовъ. Но когда общій врагъ казался побѣжденнымъ,

---

[1]) Мы изложили это подробнѣе въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ 1889 году въ „Neue Zeit“, „Die Bergarbeiter und der Bauernkrieg, vornehmlich in Thüringen“.

когда папа и его защитникъ—Императоръ обнаружили въ 1521 году, въ Вормсѣ, свое безсиліе, когда старые авторитеты были низвергнуты, и предстояло создать новый порядокъ вещей, а классовыя противорѣчія сталкивались все острѣе, когда предстояло рѣшить вопросъ, кто долженъ присвоить себѣ плоды церковной реформы, низшіе ли классы или высшіе, тогда Лютеръ никакъ не могъ принять рѣшенія; онъ принялъ его, когда долженъ былъ принужденъ къ этому, и, выступая рѣшительно съ самаго же начала, какъ мы видѣли раньше, противъ коммунистическихъ мечтателей, онъ препятствовалъ всякой попыткѣ низшихъ классовъ извлечь практическія выгоды изъ реформаціи, поощряя всѣ шаги князей въ этомъ направленіи. Онъ полагалъ, что церковныя имущества должны достаться имъ, а не крестьянамъ. «Намъ нужно оторвать отъ монастырей лишь свои *сердца*—писалъ онъ въ 1524 году (вѣроятно, въ концѣ іюля),—а не присваивать ихъ земли себѣ. Когда сердца станутъ свободными отъ рабства, церкви и монастыри опустѣютъ, то предоставимъ *мѣстнымъ князьямъ* поступать съ ними, какъ они хотятъ [1]).

Низшимъ классамъ народа отъ лютеранской реформаціи нечего было ждать,—въ 1524 году это стало выясняться все опредѣленнѣе. Они могли освободиться отъ давившаго на нихъ ярма только собственными силами путемъ вооруженнаго возстанія.

IX. Приготовленія Мюнцера къ возстанію.

Какъ только низшимъ классамъ народа стало ясно, что имъ не остается ничего больше, какъ поднять мечъ противъ *всѣхъ* эксплоататоровъ, какъ революціонеровъ, такъ и реакціонеровъ, Мюнцеръ энергичнѣе всѣхъ принялся подготовлять возстаніе. Его вдумчивость, энергія и смѣлость поставили его въ центрѣ революціоннаго движенія эксплоатируемыхъ классовъ Тюрингіи и расширили его вліяніе за предѣлы этой страны.

О его дѣятельности можно судить по жалобамъ, поступившимъ на него къ саксонскимъ правителямъ. Такъ, напримѣръ, нѣкій Фридрихъ Винцлебенъ жаловался, что его подданные въ Венденьштатѣ, въ Ольмерштатѣ и Рослебенѣ отправили къ Мюнцеру пословъ, спрашивая его, слѣдуетъ ли имъ заключить союзъ противъ своего господина, который имъ препятствуетъ отправлять богослуженіе по уставу Мюнцера.

Мюнцеръ отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно и даже показалъ, какъ имъ слѣдуетъ организоваться. Онъ содѣйствовалъ также организа-

[1]) Luhter's Sämmtliche Werke, Лейпцигъ, 1559, XIX, стр. 49.

ціи многочисленныхъ вооруженныхъ мансфельдскихъ рабочихъ. Къ подданнымъ герцога Георга фонъ-Саксенъ-Зангергаузенскаго онъ обратился съ письмомъ, въ которомъ увѣщевалъ ихъ быть сторонниками Евангелія, т. е. демократіи, и противиться врагамъ Евангелія.

Онъ обратился также къ жителямъ Орламюнда, гдѣ Карльштадтъ занималъ такое же мѣсто, какъ Мюнцеръ въ Альштеттѣ, и пригласилъ ихъ примкнуть къ союзу. Но Карльштадтъ и его сторонники принадлежали къ тому направленію, которое ничего не хотѣло знать о насильственномъ выступленіи. Въ отвѣтъ «на письмо орламюндцевъ къ альштедцамъ, какъ слѣдуетъ бороться по-христіански» (напечатано въ Виттенбергѣ въ 1524 г.), Карльштадтъ писалъ: «Мы не хотимъ хвататься за ножи и копья; противъ враговъ надо быть прежде всего защищеннымъ панцыремъ вѣры. Вы пишете, что намъ слѣдуетъ присоединиться къ вамъ и связаться съ вами; если бы мы это сдѣлали, то мы перестали бы быть свободными христіанами, а сдѣлались бы привязанными къ людямъ. Враги сторонниковъ Евангелія подняли бы вокругъ этого отчаянный вой, тираны стали бы ликовать и говорить: Они превозносятъ своего единаго Бога, а теперь соединяются вмѣстѣ, такъ какъ ихъ Богъ недостаточно силенъ, чтобы защитить ихъ» [1]).

Это письмо было опубликовано, но не помогло Карльштадту; Лютеръ причислилъ его къ той же കликѣ, что и Мюнцера. Но для послѣдняго письмо было равносильно доносу.

Хуже всего было, однако, то, что, благодаря предательству нѣкоего Николая Рудкерта, князья узнали о существованіи въ Альштедтѣ *тайнаго союза*, основаннаго Мюнцеромъ, который, какъ сообщаетъ Меланхтонъ, «составилъ списокъ, перечисливъ въ немъ всѣхъ, кто вступилъ съ нимъ въ союзъ, и обязался покарать безбожныхъ князей и установить христіанское правленіе». У союза были сторонники и за предѣлами Альштедта, напр. «въ долинѣ Мансфельда», въ Зангерсгаузенѣ и даже въ Цвикау. Въ своемъ «Признаніи» Мюнцеръ опредѣлялъ цѣль организаціи слѣдующими словами: «Это былъ союзъ противъ тѣхъ, кто преслѣдуетъ Евангеліе». Что слѣдовало понимать подъ «Евангеліемъ», это онъ объяснилъ подъ пыткою: «Уставъ ихъ требовалъ и они дѣйствовали въ томъ направленіи, чтобы осуществилось положеніе: omnia sunt communia (все общее), и все должно быть распредѣлено согласно потребности каждаго, по мѣрѣ возможности. Если бы какой-нибудь князь, графъ или господинъ не пожелалъ бы сдѣлать этого, несмотря на серьезное увѣщаніе, то ему отрубили бы голову или повѣсили бы».

---

[1]) Приведено у *Штробеля*, 77, 78.

Насколько цѣли союза уже въ то время были извѣстны саксонскимъ князьямъ, мы не знаемъ. Но и того, что они знали, наряду съ другими обвиненіями противъ Мюнцера, было достаточно, чтобы побудить ихъ призвать опаснаго человѣка на допросъ въ Веймаръ, тѣмъ болѣе, что и Лютеръ натравливалъ ихъ противъ него.

Въ открытомъ письмѣ къ саксонскимъ регентамъ (конецъ іюля) [1]) «Братъ Смиренникъ» доносилъ: «Я написалъ это письмо Вашимъ Княжескимъ Свѣтлостямъ единственно по той причинѣ, что я узналъ, а также понялъ изъ ихъ писаній, что этотъ духъ не намѣренъ ограничиваться одними словами, но помышляетъ пустить въ дѣло кулаки и собирается силой возстать противъ власти и поднять настоящее возстаніе... Хотя я хорошо понимаю, что Ваши Княжескія Свѣтлости сумѣютъ держаться въ этомъ дѣлѣ лучше, чѣмъ я могу посовѣтовать, но мое вѣрноподданническое стараніе заставляетъ меня сдѣлать, что могу, и просить и предупредить Ваши Княжескія Свѣтлости отнестись къ этому дѣлу со всѣю серьезностью и, исполняя долгъ и обязанность законной власти, помѣшать такому безчинству и предупредить возстаніе... Поэтому, Ваши Княжескія Свѣтлости, здѣсь не слѣдуетъ выжидать и медлить, ибо Богъ потребуетъ отвѣта за нерадивое отношеніе къ заповѣдному мечу. Ни передъ людьми, ни передъ Богомъ нельзя будетъ извинить, если Ваши Княжескія Свѣтлости потерпятъ и снесутъ бунтовщическое насиліе [2]).

Эти мѣста передаютъ основной тонъ письма. Они характерны какъ для Лютера, такъ и для современнаго ему положенія вещей. Остальная часть письма посвящена полемикѣ противъ Мюнцера и не менѣе энергичному восхваленію собственной личности; въ заключеніе, чтобы лишить доносъ злостнаго привкуса, Лютеръ указываетъ, что онъ требуетъ насилія не надъ альштеттскимъ *духомъ*, а только надъ его *кулакомъ:* если онъ не перейдетъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, то нужно позволить ему спокойно проповѣдовать. Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо, въ «защитительной рѣчи», Мюнцеръ самъ отмѣтилъ все лицемѣріе этихъ заявленій Лютера: самымъ задушевнымъ стремленіемъ Лютера было заткнуть ротъ Мюнцеру.

Мюнцеръ былъ достаточно смѣлъ, чтобы послѣдовать призыву изъ Веймара и явился туда 1-го августа. Герцогъ Іоганнъ выслушалъ его и на этотъ разъ отпустилъ невредимымъ: «Такъ какъ было обнаружено, что онъ приглашалъ народъ заключить союзъ и совершилъ еще другія неумѣстныя вещи, то герцогъ пожелалъ сперва обсудить вмѣстѣ съ курфюрстомъ,

[1]) Обычно указываемая дата—21 августа—невѣрна. Ср. *Merксъ*, стр. 39 прим.

[2]) *Luther's* Sämmtliche Werke, XIX, стр. 237—238.

какія мѣры надлежитъ принять противъ него, а «каково будетъ расположеніе Вашей Великокняжеской Свѣтлости, объ этомъ ему въ скоромъ времени будетъ объявлено». До тѣхъ же поръ онъ обязанъ вести себя мирно.

Но Мюнцеръ не ожидалъ приговора курфюрста. Его положеніе въ Альштеттѣ стало невыносимымъ. Княжескій судъ угрожалъ этому небольшому городу, а городской совѣтъ высказался противъ Мюнцера. Онъ бѣжалъ (въ ночь съ 7-го на 8-ое августа). Въ своей «защитительной рѣчи» онъ самъ разсказываетъ: «Когда я возвратился домой послѣ допроса въ Веймарѣ и собирался проповѣдовать великое Слово Божіе, ко мнѣ пришли члены городского совѣта и хотѣли выдать меня величайшимъ врагамъ Евангелія. Услышавъ объ этомъ, я рѣшилъ больше не оставаться здѣсь. Я отряхнулъ ихъ прахъ отъ ногъ своихъ, ибо своими зоркими глазами я увидѣлъ, что они гораздо больше почитаютъ свою присягу и служебныя обязанности, чѣмъ Слово Божіе»

Малодушный ренегатъ, Меланхтонъ, и здѣсь, какъ повсюду, старался навлечь на Мюнцера подозрѣніе въ трусости: «Тогда Томасъ — писалъ онъ—позабылъ о своемъ великомъ духѣ, удралъ оттуда и *скрывался* полгода».

Насколько Мюнцеръ былъ далекъ отъ того, чтобы покидать Альштеттъ съ тѣмъ, чтобы скрываться, видно изъ того, что, покинувъ этотъ городъ, онъ немедленно отправился въ другой боевой пунктъ, Мюльгаузенъ, куда прибылъ уже 15-го августа. Указанное утвержденіе Меланхтона не *заблужденіе*, а *сознательная ложь*, ибо въ 1525 г. онъ, конечно, еще прекрасно помнилъ, какъ въ 1524 году были напуганы Лютеръ и его друзья извѣстіемъ о томъ, что Мюнцеръ направился въ Мюльгаузенъ.

Лютеръ немедленно обратился съ письмомъ къ жителямъ Мюльгаузена, приглашая ихъ изгнать Мюнцера. Городской совѣтъ долженъ-де пригласить къ себѣ Мюнцера и спросить его, кто призвалъ его проповѣдовать: «Если онъ отвѣтитъ, что посланъ Богомъ и св. Духомъ, какъ апостолы, *то заставьте его доказать это знаменіями и чудесами*, но не позволяйте ему проповѣдовать, ибо когда Богъ желаетъ измѣнить обычный порядокъ, *то онъ всегда дастъ для этого чудесныя знаменія* [1]).

Столь энергичное выступленіе Лютера противъ коммунистическаго агитатора имѣло свои серьезныя основанія. Съ одной стороны, увеличивались признаки грознаго возстанія, а съ другой—въ Мюльгаузенѣ Мюнцеръ былъ еще опаснѣе, чѣмъ въ Альштеттѣ. Мюльгаузенъ былъ болѣе крупнымъ городомъ, имѣвшимъ около 6.000 жителей и господствовавшимъ надъ округомъ почти въ 220 кв. километровъ [2]). Въ немъ процвѣтали ремесло

[1]) *Luther's* Sämmtliche Werke, XIX, стр. 236.

[2]) *Меркс*, стр. 48.

и торговля. Особенно развиты были тамъ ткачество и торговля сукномъ. «Въ Мюльгаузенѣ главнымъ образомъ выдѣлывали сукна, которыми городъ торговалъ съ Россіей и другими восточными странами» (*Галетти* Geschichte Thüringen's, IV., 91). Но Мюльгаузенъ былъ не только богатъ и силенъ, но и независимъ отъ саксонскимъ князей; это былъ одинъ изъ немногихъ свободныхъ имперскихъ городовъ Тюрингена, пока еще сохранившихъ свою независимость. Если бы Мюльгаузенъ перешелъ въ руки коммунистическихъ мечтателей, то они получили бы такую опору, которая сдѣлала бы ихъ опасными.

Общественныя условія внутри страны въ значительной мѣрѣ благопріятствовали народному возстанію. Широкое развитіе суконнаго производства для экспорта являлось благодарной почвой для бунтовщическихъ и коммунистическихъ стремленій. Къ этому присоединялось еще то, что въ Мюльгаузенѣ господствовалъ стѣснительный для народа аристократическій образъ правленія: въ этомъ свободномъ имперскомъ городѣ было не больше девяносто шести человѣкъ, дѣйствительно пользовавшихся правами свободныхъ гражданъ. То были члены городского совѣта, пополнявшаго свой составъ *исключительно изъ среды патриціевъ* [1]).

Поэтому, къ бунтовщическимъ элементамъ Мюльгаузена принадлежали не только городскіе пролетаріи, жители пригородовъ и крестьяне близъ лежащихъ мѣстностей, зависящихъ отъ города, но и цеховые ремесленники, принадлежавшіе въ другихъ мѣстахъ къ привилегированнымъ классамъ. Неудивительно поэтому, что реформаціонное движеніе въ Мюльгаузенѣ привело къ цѣлому ряду грозныхъ возстаній горожанъ противъ патриціанскаго строя. Во время этихъ возстаній вожакомъ народа былъ *Генрихъ Пфейферъ*, монахъ, оставившій, какъ это часто бывало въ то время, свой монастырь. Пфейферъ былъ вожакомъ оппозиціонной части зажиточныхъ горожанъ, цеховыхъ ремесленниковъ и купцовъ, поскольку они не принадлежали къ патриціямъ. Но патриціи имѣли въ Мюльгаузенѣ такую силу, что онъ не могъ обойтись безъ помощи крестьянъ и пролетаріевъ. Онъ обратился къ нимъ и призвалъ ихъ на борьбу съ городской аристократіей.

У Пфейфера былъ еще одинъ союзникъ—саксонскіе князья, которые уже давно мечтали завладѣть крупнымъ имперскимъ городомъ и которымъ поэтому безпорядки въ городѣ представлялись крайне благопріятнымъ моментомъ для осуществленія своего замысла [2]). Герцогъ Іоганнъ Саксонскій, который позднѣе, когда Пфейферъ сталъ для него неудобнымъ, приказалъ

[1]) *Циммерманъ*, Bauernkrieg, I, стр. 191. Къ услугамъ Циммермана былъ рядъ важныхъ источниковъ изъ городского архива Мюльгаузена.

[2]) Ср. *Циммерманъ*, цит. соч., I, стр. 194.

отрубить ему голову, вначалѣ благопріятствовалъ начатому имъ возстанію.

Несмотря на всѣхъ этихъ враговъ, городской совѣтъ имѣлъ, повидимому, много сторонниковъ въ городѣ, ибо демократамъ не удалось добиться прочнаго успѣха. Пфейферъ и его единомышленники одержали первую побѣду въ 1523 году. Теперь добыча досталась зажиточнымъ горожанамъ, которые только одни получили право участія въ управленіи городомъ; пролетаріи и мелкіе ремесленники предмѣстій такъ же, какъ и крестьяне, остались съ пустыми руками.

Произвело ли это перемѣну въ настроеніи низшихъ классовъ? Несомнѣнно да, такъ какъ городскому совѣту вскорѣ удалось изгнать Пфейфера, и герцогъ Іоганнъ Саксонскій тщетно пытался добиться его возвращенія. Но вскорѣ мы снова видимъ его въ Мюльгаузенѣ, гдѣ онъ ведетъ упорную борьбу съ совѣтомъ, причемъ счастье улыбается то одной, то другой сторонѣ. Мюнцеръ прибылъ въ Мюльгаузенъ въ разгаръ этой борьбы. Городской совѣтъ былъ тогда слишкомъ безпомощенъ, чтобы, при всемъ желаніи, пойти навстрѣчу продложенію Лютера. «Хотя почтенный городской совѣтъ былъ столь же недоволенъ имъ, какъ и Пфейферомъ, но чернь силой отстояла его. А онъ какъ разъ въ это время, со своимъ товарищемъ Пфейферомъ, устраивалъ и вызывалъ мятежъ за мятежомъ [2])

Какъ разъ около этого времени мы обнаруживаемъ, что партія Пфейфера дѣлаетъ шагъ влѣво. Она выставляетъ требованіе также для крестьянъ и для жителей предмѣстій и, на этотъ разъ, побѣждаетъ— 27 августа 1524 года. Насколько велика была роль Мюнцера въ этомъ переворотѣ, не можетъ быть теперь установлено.

Но, повидимому, какъ и въ 1523 году, на этотъ разъ въ рядахъ побѣдителей также произошелъ расколъ. Если тогда жители предмѣстій и крестьяне не были удовлетворены, то теперь горожане, ремесленники и купцы испытывали боязнь передъ крестьянами и пролетаріями, которые со времени прибытія Мюнцера не теряли увѣренности въ своихъ силахъ. Горожане сражались на сторонѣ совѣта, и уже 25 сентября Пфейферъ и Мюнцеръ потерпѣли пораженіе. Мюнцеръ былъ изгнанъ, а вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и Пфейферъ.

Онъ направился въ южную Германію, слѣдуя примѣру многихъ другихъ политическихъ дѣятелей, напримѣръ, *Карльштадта*, котораго

---

[1]) *Іоганнъ Бехереръ*, Newe Thüringische Chronica, Мюльгаузенъ, 1601. стр. 473. Эта *Тюрингенская* хроника начинается съ ссылки на *Моисея*: „Если кто нибудь желаетъ узнать о происхожденіи тюрингенцевъ, то для этого нѣтъ болѣе древняго источника, какъ сочиненіе самаго стараго, самаго достовѣрнаго *писателя, Моисея*“. Отъ Іафетова сына, Мейсака происходятъ мейсенцы, а отъ Тираса—тюрингенцы.

Лютеръ постарался изгнать, пользуясь помощью своихъ князей и мстя ему за то, что во время своей агитаціонной поѣздки противъ Карльштадта, орламюндцы приняли его очень плохо. Но и на этотъ разъ отступленіе Мюнцера означало не самоустраненіе отъ движенія, хотя бы для непродолжительнаго отдыха, а лишь подысканіе новаго поля дѣятельности. Повидимому, онъ былъ хорошо освѣдомленъ о событіяхъ, подготовлявшихся въ южной Германіи. Германія—по крайней мѣрѣ южная и средняя—была въ то время покрыта сѣтью болѣе или менѣе тайныхъ революціонныхъ обществъ, находившихся въ постоянныхъ между собою сношеніяхъ. Особенно много странствующихъ агитаторовъ поставляли коммунистическія секты; какъ въ Англіи, при Джонъ Боллѣ, такъ и теперь въ южной и средней Германіи агитаторы устанавливали связь между отдѣльными союзами. Мы уже знаемъ, что со времени возникновенія секты вальденсцевъ «довѣренныя лица» коммунистовъ, «апостолы», «нищіе священники» и прочіе обыкновенно находились въ постоянныхъ разъѣздахъ, прерывая ихъ лишь на короткое время. Распространеніе среди подмастерьевъ обычая странствовать было дальнѣйшимъ средствомъ установленія между этими слоями общества такой тѣсной интерлокальной связи, какой не могли установить другіе слои. «Всѣ странствующіе ремесленники, принадлежавшіе къ общинѣ, какъ мастера, такъ и подмастерья, были апостолами» [1]).

Итакъ, когда Мюнцеръ отправился въ южную Германію, онъ былъ, повидимому, хорошо освѣдомленъ о положеніи тамошнихъ дѣлъ: онъ долженъ былъ знать, что тамъ повсюду грозило возстаніе, и ужъ, конечно, хорошо былъ освѣдомленъ о томъ, что (въ концѣ августа) крестьяне Штюлингена дѣйствительно возстали, причемъ возстаніе быстро разрасталось у границы Швейцаріи. Этого было достаточно для Мюнцера, чтобы направиться туда, тѣмъ болѣе, что въ саксонскихъ странахъ всякая дѣятельность сдѣлалась для него невозможной на все время господства тамъ старой власти.

Въ *Нюрнбергѣ* онъ задержался лишь мимоѣздомъ, вовсе не затѣмъ, чтобы поднять возстаніе — какъ думали многіе — хотя онъ нашелъ бы достаточно сторонниковъ въ этомъ старомъ беггардскомъ центрѣ, имперскомъ городѣ, патриціатъ котораго былъ настолько подозрителенъ и самовластенъ, что запретилъ даже цеховыя организаціи ремесленниковъ [2]). Онъ остановился здѣсь лишь для того, чтобы напечатать тайно свое произведеніе. Для возстанія условія показались ему неблагопріятными.

Свое пребываніе въ Нюрнбергѣ Мюнцеръ характеризуетъ въ письмѣ

[1]) *К. А. Корнеліусъ*, Geschichte des Münster'schen Aufruhrs, Лейпцигъ 1860, II., стр. 41.

[2]) *Шенлакъ*, Sociale Kämpfe vor 300 Jahren, стр. 5 и сл.

къ нѣкоему Кристофу Н. въ Эйслебенѣ [1]). Насколько бѣдственно было тогда его положеніе, видно изъ слѣдующихъ строкъ этого письма. «Если вы можете, то помогите мнѣ. Но если это будетъ трудно для васъ, то я не хочу брать ни гроша». Ясно, что Мюнцеръ не разбогатѣлъ ни въ Альштеттѣ, ни въ Мюльгаузенѣ. Далѣе онъ пишетъ въ письмѣ: «Въ Нюрнбергѣ я отдалъ въ печать изложеніе своего ученія, а они хотѣли выслужиться передъ Римомъ,—запретить мою книгу, но я оправданъ... Я могъ бы затѣять тонкую игру съ людьми изъ Н. (Нюрнберга), будь только у меня охота поднять возстаніе, какъ увѣряли мои лживые враги, но я намѣренъ такъ посрамить своими словами моихъ противниковъ, что они не смогутъ возражать мнѣ. Многіе жители Н. совѣтовали мнѣ начать проповѣдовать, но я отвѣтилъ, что прибылъ сюда не для этого, а затѣмъ, чтобы отвѣтить печатно. Когда господа узнали объ этомъ, то у нихъ въ ушахъ зазвенѣло. Имъ, вѣдь, пріятна спокойная жизнь, потъ рабочаго народа имъ очень сладокъ,—но онъ превратится въ горькую желчь. Тутъ не помогутъ никакія размышленія и увертки, правда должна выступить наружу, имъ не помогутъ ссылки на стихи изъ Евангелія; люди голодны, они хотятъ ѣсть».

Этимъ письмо и заканчивается.

Объ успѣхѣ Мюнцера во время его пребыванія въ Нюрнбергѣ сообщаетъ намъ вкратцѣ древній лѣтописецъ, Іоганнъ Мюлльнеръ (цит. у *Штробеля*, стр. 64): «Одинъ книгопечатникъ въ Нюрнбергѣ осмѣлился напечатать небольшую книжку Томаса Мюнцера. Но городской совѣтъ отнялъ у него всѣ экземпляры, а его подмастерья, работавшаго безъ вѣдома хозяина, посадилъ въ тюрьму».

Въ довершеніе всего Лютеръ вмѣстѣ со своими сподвижниками систематически замалчивалъ это произведеніе, никогда не упоминалъ о немъ и ужъ, конечно, не отвѣчалъ на него, несмотря на то, или вѣрнѣе именно потому, что оно содержало наиболѣе рѣзкія нападки и обвиненія противъ Лютера,—Лютера и князей. Это послѣднее произведеніе Мюнцера—самое революціонное и написано съ наибольшей страстностью.

Нюрнбергскія власти и Лютеръ вмѣстѣ со своими единомышленниками весьма ошибались, думая, что конфискація и замалчиваніе книги достигаютъ цѣли; эту ошибку раздѣляли и раздѣляютъ до сихъ поръ многіе представители власти, придерживающіеся той же политики. Высокомудрому городскому совѣту далеко не удалось овладѣть всѣми экземплярами книги. Она распространялась не только передъ крестьянской войной; несмотря на

[1]) Помѣщено въ Luther's Sämmtliche Werke, между его произведеніями, направленными противъ Мюнцера и мятежныхъ крестьянъ, XIX, стр. 245.

губительный походъ противъ всѣхъ бунтовщическихъ произведеній, предпринятый немедленно послѣ крестьянской войны, экземпляры конфискованной книжки сохранились до нашихъ дней. Книжка эта—«Высоко обоснованная защитительная рѣчь» [1]). Съ тонкой насмѣшкой надъ раболѣпствомъ книжныхъ людей того времени она посвящена: «Свѣтлѣйшему, перворожденному князю и всемогущему господину Іисусу Христу, великому королю всѣхъ королей, мужественному герцогу всѣхъ вѣрующихъ, моему всемилостивѣйшему господину и постоянному защитнику и его обманутой единственной невѣстѣ, бѣдной христіанской церкви».

Послѣ цѣлаго ряда нападковъ на Лютера «д-ра Людибрія», и на книжныхъ людей, онъ сообщаетъ о томъ, что въ Альштеттѣ онъ предложилъ князьямъ взяться за мечъ для защиты Евангелія. Это предложеніе онъ оправдывалъ ссылкой на библію. «Но вотъ выступаетъ кумъ Тихоходъ (Gevatter Leisetritt), о кротчайшій, и говоритъ, будто я намѣренъ поднять возстаніе, каковое намѣреніе онъ ясно вычиталъ изъ моего посланія къ горнорабочимъ. Объ этомъ онъ говоритъ, но о самомъ главномъ умалчиваетъ: я ясно выяснилъ передъ князьями, что *мечомъ владѣетъ вся община христіанъ*, также какъ и ключомъ къ отпущенію; кромѣ того, на основаніи текста Даніила 7, Апокалипсиса 6 и посланія къ Римлянамъ 13, 1 ст. 8, я выяснилъ, что князья являются не *господами*, а *слугами* меча (публичной власти). Они не должны поступать такъ, какъ имъ нравится—тамъ же, 17,—но обязаны служить справедливости. Поэтому, по старому доброму обычаю, народъ долженъ присутствовать тамъ, гдѣ надъ кѣмъ-либо совершается справедливый судъ по закону Божію (15) А для чего? Если власть пожелаетъ постановить неправильный приговоръ (Исаія, 10) то присутствующіе христіане должны помѣшать этому и воспротивиться, ибо Богъ взыщетъ за невинную кровь (Псаломъ 78). Самое великое зло на землѣ, что никто не желаетъ помочь жестокой нуждѣ; власть имѣющіе поступаютъ, какъ хотятъ... Смотрите! *Главная опора ростовщиковъ, воровъ и грабителей—наши господа и князья, которые присваиваютъ себѣ все живущее.* Рыбы въ водѣ, птицы въ воздухѣ, растенія на землѣ—все должно имъ принадлежать (Исаія, 5). И послѣ этого они распространяютъ законъ Бога среди бѣдняковъ и говорятъ: Богъ сказалъ—не укради; но сами они не слѣдуютъ этой заповѣди. И вотъ они притѣсняютъ всѣхъ людей—бѣднаго земледѣльца, ремесленника и всѣхъ разоряютъ и грабятъ (Михея, 3). А если кто провинится хотя бы въ

[1]) Hoch verursachte Schutzrede und antwort wider das Gaistlose Sanfft lebende Fleysch zu Wittenberg, welches mit verkärter weisse, durch den Diepstal der heiligen schrift die erbermdliche Christenheit also gantz jämmerlich besudelt hat. Thomas Müntzer Alstedter.

самомъ маломъ, то его вѣшаютъ. И д-ръ Люгнеръ (лжецъ) прибавляетъ тогда: Аминь. Господа сами виноваты въ томъ, что бѣдный человѣкъ имъ врагъ; они не желаютъ устранить причинъ возстанія и сдѣлать такъ, чтобы прочно установился добрый порядокъ. За эти слова они называютъ меня бунтовщикомъ. Да будетъ!» [1]).

Далѣе Мюнцеръ полемизируетъ съ Лютеромъ, упрекая его, между прочимъ, въ зависти къ нему за то, что онъ опередилъ его съ «нѣмецкимъ богослуженіемъ» (мы уже цитировали это мѣсто на стр. 273). Онъ нападаетъ на Лютера за его лицемѣрное утвержденіе, будто онъ борется исключительно противъ практической дѣятельности Мюнцера, но нисколько не затрудняетъ ему проповѣдничество. «Дѣва Мартинъ», «цѣломудренная вавилонская жена» не проклинаетъ Мюнцера, а только доноситъ на него. Онъ издѣвается надъ Лютеромъ за то, что онъ ставитъ себѣ въ большую заслугу свое мученичество: «Меня крайне удивляетъ, какъ это скромнѣйшій изъ монаховъ можетъ терпѣть, когда его жестоко преслѣдуютъ за питье отмѣнной мальвазіи и посѣщеніе публичныхъ домовъ». Не меньшаго презрѣнія, чѣмъ эта рисовка мученичествомъ при сытой и веселой жизни, заслуживаетъ раболѣпство Лютера и его высокомѣріе. «Скромные монахи, попы и купцы не могутъ обороняться, а потому ты можешь бранить ихъ вдоволь. Но безбожныхъ правителей никто не можетъ судить, хотя бы они попирали Христа ногами». Не чуждъ Лютеръ и демагогіи, которой онъ занимается, чтобы не порвать съ крестьянами. Смѣшно, когда онъ хвастаетъ своимъ мужествомъ. Онъ ничѣмъ не рисковалъ ни въ Лейпцигѣ, ни въ Вормсѣ (мы уже цитировали соотвѣтствующее мѣсто на стр. 247). Остальная часть книги, кромѣ сообщенія объ оставленія Мюнцеромъ Мюльгаузена (цитир. на 285 стр.), содержитъ сочную ругань по адресу Лютера въ стилѣ, который любилъ и Лютеръ: «Спи спокойно, милая скотина. Я охотнѣе принюхался бы къ тебѣ, если бы ты былъ изжаренъ со всѣмъ своимъ тупоуміемъ пламеннымъ гнѣвомъ божьимъ на сковородѣ или въ горшкѣ, нежели сваренъ въ собственномъ соку, когда тебя сожретъ чертъ. Мясо въ тебѣ ослиное, изжарился бы ты не скоро и жесткое кушанье вышло бы изъ тебя для твоихъ лизоблюдовъ».

Выпустивъ эту парѳянскую стрѣлу противъ своего противника, Мюнцеръ покинулъ Нюрнбергъ и направился къ швейцарской границѣ, гдѣ и провелъ зиму. О его пребываніи тамъ ничего неизвѣстно. По Кохлеусу, онъ добирался въ своихъ тогдашнихъ разъѣздахъ до *Галля* въ Тиролѣ,— горнаго округа, сдѣлавшагося позднѣе центромъ анабаптистскаго движенія. Зачастую высказывали мнѣніе, будто Мюнцеръ былъ авторомъ знаменитыхъ

[1]) Весь этотъ отрывокъ приведенъ у Циммермана въ качествѣ цитаты изъ толкованія Даніила, цит. соч., I, стр. 185.

*

двѣнадцати статей, въ которыхъ были формулированы требованія возставшихъ крестьянъ, утверждали даже, что онъ былъ иниціаторомъ южно-германскаго возстанія. Оба послѣднія утвержденія несомнѣнно лишены основанія. Безъосновательно также и показаніе Кохлеуса.

Въ своемъ «Признаніи» самъ Мюнцеръ сообщаетъ намъ о своемъ пребываніи на границѣ Швейцаріи слѣдующія данныя, которыми, повидимому, и исчерпываются всѣ главные моменты его тогдашней дѣятельности: «Въ Клеттгау и Гегау близь Базеля онъ истолковалъ нѣсколько евангельскихъ тезисовъ о томъ, какъ надлежитъ править; другіе вывели отсюда дальнѣйшіе тезисы. Они охотно приняли бы его въ свою среду, но онъ отклонилъ отъ себя ихъ предложеніе съ благодарностью. Возмущенія онъ тамъ не устраивалъ, а они уже раньше возстали по собственному почину. Эколампадій и Гуговальдусъ предложили ему тамъ проповѣдывать народу и тогда онъ началъ проповѣдывать».

Итакъ, Мюнцеръ не былъ авторомъ двѣнадцати статей, но дѣйствительно оказалъ вліяніе на ихъ позднѣйшихъ составителей. Онъ относился къ своему пребыванію тамъ лишь какъ ко временному, но тѣмъ не менѣе не бездѣйствовалъ, а агитировалъ, «проповѣдывалъ народу», какъ онъ сказалъ, или, какъ выражается Буллингеръ «насаждалъ свое ядовитое сѣмя крестьянскаго возмущенія».

Но здѣсь, на швейцарской границѣ, онъ имѣлъ возможность встрѣчаться съ вожаками швейцарскихъ *анабаптистовъ*. Отношеніе къ нимъ Мюнцера, правда, весьма характерно для нихъ, но даетъ мало матерьяла для характеристики тюрингенскаго коммуниста и выясненія его дѣятельности. Изображать эти отношенія невозможно безъ того, чтобы не остановиться предварительно на возникновеніи анабаптизма. Но, чтобы не прерывать связнаго хода изложенія, мы обходимъ здѣсь этотъ вопросъ и возвратимся къ нему въ слѣдующей главѣ.

X. Крестьянская война.

Къ началу 1525 года, возможно, что уже въ январѣ, Мюнцеръ покинулъ Швабію и направился въ Тюрингенъ. Ѣхалъ онъ туда не наобумъ. Онъ зналъ, что вскорѣ начнется движеніе.

Какъ въ Англіи, въ 1381 году, крестьянское возстаніе началось въ одинъ и тотъ же день въ различныхъ мѣстахъ,—такъ и теперь возмутившіеся крестьяне выбрали одинъ день, 2-ое апрѣля, для общаго наступленія; правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нетерпѣніе участниковъ возстанія, а, можетъ быть, и необходимость привели къ болѣе раннему взрыву. Однако.

не подлежитъ никакому сомнѣнію, что возмущенію предшествовалъ широко распространенный заговоръ, организовавшій возстаніе и руководившій имъ.

Въ настоящее время, когда любой тайный союзъ, какъ бы онъ ни былъ малочисленъ, можетъ оставаться скрытымъ отъ массъ населенія, на которыя онъ собирается опереться, но обыкновенно не можетъ укрыться отъ правительства, уже не находится такихъ серьезныхъ политическихъ дѣятелей, которые считали бы возможнымъ осуществить широкое, охватывающее всю націю возстаніе, путемъ заговора. Въ 14-мъ и даже еще въ 16-мъ столѣтіи дѣло обстояло иначе. Политическая государственная полиція еще не развилась,—по крайней мѣрѣ, къ сѣверу отъ Альпъ,—почтовое дѣло со всѣми его привѣсками также не перешло еще въ вѣдѣніе государства; поэтому, письма еще далеко не были «столь же неприкосновенны, какъ библія на алтарѣ», а почтовыя сношенія между наиболѣе отдаленными мѣстами поддерживались при посредствѣ гонцовъ; полевая почта революціонеровъ работала столь же быстро, а зачастую еще быстрѣе, чѣмъ правительственная почта, главнымъ образомъ, благодаря странствующимъ подмастерьямъ и апостоламъ, роль которыхъ въ данномъ случаѣ мы уже отмѣтили.

Этимъ объясняется тотъ фактъ, что во время крестьянской войны Мюнцеръ поддерживалъ изъ Мюльгаузена оживленныя сношенія съ Швабіей, Булингеръ, въ своей книгѣ объ анабаптистахъ, сообщаетъ: «И когда его уже не было въ этой мѣстности (въ Клеттгау), ибо онъ снова направился въ Тюрингію и жилъ въ Мюльгаузенѣ, онъ все же писалъ письма своимъ единомышленникамъ, вмѣстѣ съ которыми неизмѣнно подстрекалъ безпокойныхъ людей, возбуждая ихъ противъ господъ и властей. А незадолго до взрыва крестьянскаго возмущенія, происшедшаго въ ландграфствѣ и его окрестностяхъ, онъ прислалъ гонца съ письмами и съ листками, въ которыхъ онъ изображалъ размѣры и вѣсъ ядеръ того орудія, которое уже было отлито въ Мюльгаузенѣ для возставшихъ: этимъ онъ укрѣплялъ и ободрялъ мятежниковъ [1]).

Но успѣху заговора тогда болѣе всего благопріятствовало то обстоятельство, что каждый членъ низшаго класса жилъ въ небольшомъ кругу, отъ котораго онъ сильно зависѣлъ соціально и зачастую экономически, который зналъ всю его подноготную и съ которымъ онъ сростался самымъ тѣснымъ образомъ. Марка и сельская община, цехъ и союзъ подмастерьевъ

[1]) „Der Widertäufferen vrsprung, fürgang, Secten, wäsen, fürnemen vnp gemeine jier leer Artickel, auch jre grind und worüm sy sich absunderind vnd ein eigne Kirchen anrichtind, mit widerlegung etc. Abgeteilt in VI Bücher vnd beschriben durch Heinerychen Bullingern, Dienern der Kirchen zu Zürich“, Цюрихъ 1561.

воспитывали дисциплину, солидарность, но и замкнутость отъ другихъ круговъ, крайне благопріятствовавшую какъ сокрытію тайнъ, такъ и возникновенію и процвѣтанію тайныхъ союзовъ. Время, въ которое цеховыя тайны могли сохраняться цѣлыми столѣтіями, не будучи разбалтываемы, было также временемъ процвѣтанія тайныхъ союзовъ. Путемъ тайныхъ союзовъ не только распространялись сектантскія ученія—вспомнимъ «ямниковъ»—но и осуществлялась политическая дѣятельность въ городѣ и деревнѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ тайныхъ обществъ пріобрѣли большое значеніе, таковы, напримѣръ, союзъ башмака (Bundschuh) и бѣдный Конрадъ (arme Konrad), руководившій крестьянской войной. Наконецъ, ко времени реформаціи возможность заговора была особенно облегчена крайнимъ недовѣріемъ, установившимся между власть имущими. Если планомѣрное взаимодѣйствіе властей различныхъ мѣстъ затруднялось тогда раздробленностью Германіи, то это препятствіе еще болѣе увеличилось во время реформаціи, когда возстали не только низшіе классы, но на революціи спекулировали также многіе представители высшихъ классовъ, когда духовные князья не довѣряли свѣтскимъ, католики—евангелистамъ и наоборотъ. Пока вода не подступила имъ къ самому горлу, они никакъ не могли сплотиться въ единую «реакціонную массу».

Этимъ объясняется то, что возстаніе, признаки котораго намѣтились во многихъ мѣстахъ уже осенью 1524 г. и которое дѣятельно подготовлялось зимою, застало господствующіе классы врасплохъ, такъ что въ началѣ мятежники почти что вездѣ одерживали верхъ.

Хотя Мюнцеръ тронулся съ мѣста очень рано, но на своемъ пути онъ уже встрѣчалъ крестьянъ, возставшихъ до него. Однажды ему чуть не пришлось очень плохо изъ-за этого. Въ Фульдѣ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ съ толпою мятежныхъ крестьянъ. Альштеттскій сборщикъ податей, Гансъ Цейссъ, всегда хорошо освѣдомленный о Мюнцерѣ, писалъ тогда (22-го января) къ Спалатину: «Считаю нужнымъ сообщить вамъ, что Томасъ Мюнцеръ былъ въ Фульдѣ, сидѣлъ тамъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, и арнштеттскій аббатъ сказалъ въ Шварцбургѣ, что если бы онъ зналъ, что это былъ Мюнцеръ, то онъ не выпустилъ бы его на свободу».

Вскорѣ послѣ этого, 12 марта, мы снова находимъ Мюнцера въ Мюльгаузенѣ, куда Пфейферъ уже прибылъ раньше (въ декабрѣ). Въ нѣсколько дней побѣдоноснаго возстанія они овладѣваютъ городомъ почти въ тотъ же день (17 марта), въ который, болѣе 300 лѣтъ спустя, побѣдоносно возстало населеніе Берлина—въ 1848 и Парижа—въ 1871 г. Только что упомянутый нами Гансъ Цейссъ такъ писалъ объ этомъ Спалатину, страннымъ образомъ превознося одного Пфейфера и игнорируя Мюнцера, но правильно отмѣчая тѣ общественные слои, благодаря кото-

рымъ была одержана побѣда: «Мнѣ пришлось бы писать вамъ цѣлый день, если бы я вздумалъ изобразить передъ вами всѣ жестокіе раздоры и мятежъ, которые были возбуждены въ Мюльгаузенѣ нѣкіимъ проповѣдникомъ Пфейферомъ и Мюнцеромъ. Въ концѣ концовъ господинъ Omnes (господинъ «всѣ», т. е. народъ) отнялъ власть у городского совѣта; онъ теперь не имѣетъ права наказывать, править, приказывать и вообще дѣйствовать противъ ихъ воли.

«Послѣ того какъ Пфейферъ вмѣстѣ съ Мюнцеромъ былъ изгнанъ городскимъ совѣтомъ Мюльгаузена, они жили въ Нюрнбергѣ, но уѣхали оттуда, а потомъ Пфейферъ возвратился въ Мюльгаузенъ, сталъ разъѣзжать по окрестнымъ *деревнямъ* и жаловаться и печаловаться передъ жителями, что его-де насильно изгнали только за то, что онъ говорилъ правду, проповѣдуя народу необходимость избавиться отъ городского совѣта, отъ всѣхъ властей и притѣснителей и содѣйствуя въ этомъ направленіи. Онъ собралъ этихъ крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ и пошелъ на Мюльгаузенъ, вступилъ въ его *предмѣстье* и сталъ самовольно проповѣдывать. Когда члены городского совѣта Мюльгаузена узнали, что Пфейферъ идетъ на нихъ силой, то они составили въ городѣ свои отряды и дружины и вышли изъ города нивстрѣчу Пфейферу, дабы прогнать его. Когда собирались начать сраженіе, то простые горожане, которымъ надлежало бы повиноваться совѣту, обратились противъ него и затѣяли такую измѣнническую игру, что и сказать трудно. Тогда военачальникъ, увидѣвъ, что простой народъ отпалъ отъ городского совѣта, съ большимъ трудомъ и усердіемъ утихомирилъ страсти и безпорядокъ, но только такъ, что *они* (т. е. Пфейферъ и Мюнцеръ) *остались проповѣдниками*, а городской совѣтъ вынужденъ былъ обѣщать ничего не предпринимать и не дѣлать безъ вѣдѣнія и желанія общины. Такъ выпалъ изъ рукъ совѣта жезлъ правленія и въ Мюльгаузенѣ происходятъ странныя вещи».

И дѣйствительно: *тамъ была устроена коммунистическая община.*

«Таково было начало христіанскаго управленія,—писалъ Меланхтонъ. —Затѣмъ они изгнали монаховъ, завладѣли монастырями и монастырскими землями; іоанниты имѣли теперь большое подворье и крупные доходы; это подворье досталось Томасу... Онъ училъ, что всѣ имущества должны быть общими, какъ написано въ Actis Apostolorum, (Дѣяніяхъ апостоловъ), гдѣ говорится, что апостолы обратили всѣ имущества въ общую собственность. Этимъ ученіемъ онъ до того развратилъ чернь, что она больше не желала работать, а если кому нибудь нуженъ былъ хлѣбъ или сукно, то онъ шелъ къ первому попавшемуся ботатому человѣку и требовалъ отъ него необходимое, ссылаясь на христіанское право. Если бо-

гатый не давалъ добровольно то, что у него требовали, то у него отбирали силой. Такъ поступали многіе, такъ дѣлали и тѣ, *что жили у Томаса въ іоаннитскомъ подворьѣ*».

А *Бехереръ* разсказываетъ: «Въ этомъ правительствѣ Мюнцеръ былъ диктаторомъ и главнымъ и направлялъ все, какъ хотѣлъ... Особенно настаивалъ онъ на общности имуществъ, въ результатѣ чего люди оставили свое ремесло и повседневную работу, полагая, что, пока они будутъ потреблять имущества дворянъ, князей и господъ, церквей и монастырей, Богъ пошлетъ имъ еще больше; такъ научились они грабить и воровать; и это безобразіе Мюнцеръ поддерживалъ нѣсколько мѣсяцевъ» [1]).

Соображенія о якобы дурномъ вліяніи коммунистическаго управленія на торговлю и производство не заслуживаютъ того, чтобы подробно останавливаться на нихъ; это обычные пустые разговоры буржуазіи и ея адвокатовъ на тему о коммунизмѣ, не имѣющіе никакого фактическаго основанія. Это явствуетъ уже изъ того, что революціонная *коммуна Мюльгаузена* продержалась немногимъ болѣе *двухъ мѣсяцевъ* (почти столько же, сколько *парижская коммуна 1871 г.*; первая—отъ 17-го марта до 25-го мая, а вторая—отъ 18-го до 28-го мая); самъ Мюнцеръ покинулъ Мюльгаузенъ до 12-го мая. Тѣмъ не менѣе намъ говорятъ, что за какія нибудь 2—3 недѣли коммунизмъ сильно повліялъ на производство, и это въ разгаръ войны, призвавшей въ строй всѣхъ рабочихъ, способныхъ носить оружіе!

Правда, Меланхтонъ сообщаетъ намъ, что мюльгаузенская коммуна просуществовала *цѣлый годъ!* Представьте современнаго писателя, который, излагая осенью 1871 года исторію парижской коммуны, продлилъ бы ея существованіе на цѣлый годъ! Положительно не знаешь, чему больше удивляться, безстыдству ли «мягкаго и трезваго» Меланхтона или же недомыслію его почитателей.

Вотъ по какимъ «современнымъ источникамъ» представители буржуазнаго класса до сихъ поръ составляли себѣ понятіе объ исторіи коммунистическаго движенія.

И однако, при нѣкоторомъ стараніи такія подтасовки легко обнаруживаются. Гораздо запутаннѣе совершенно ложное изображеніе той роли, какую игралъ въ Мюльгаузенѣ Мюнцеръ. Бехереръ и Меланхтонъ одинаково рисуютъ его диктаторомъ, воля котораго въ Мюльгаузенѣ была неограничена. Подобнымъ же образомъ выражался, при случаѣ, и Лютеръ. Въ одномъ письмѣ [2]) онъ говорилъ: «Müntzer Mulhusi Rex et Imperator est», «Мюнцеръ—повелитель и императоръ Мюльгаузена».

[1]) *Бехереръ*, цит. соч., стр. 479.

[2]) Цитировано у *Штробеля*, стр. 88.

Но въ дѣйствительности положеніе Мюнцера въ Мюльгаузенѣ было отнюдь не изъ пріятныхъ. Онъ одержалъ побѣду не силою одних своихъ сторонниковъ, но благодаря компромиссу съ направленіемъ Пфейфера, которое было не коммунистическимъ, а явно буржуазнымъ. Онъ не занялъ мѣста во главѣ правительства, городского совѣта, а остался простымъ проповѣдникомъ. Но даже его проповѣдническая роль въ Мюльгаузенѣ не была рѣшающей. Политика города отнюдь не соотвѣтствовала его политикѣ. Въ главнѣйшихъ вопросахъ онъ встрѣчалъ сопротивленіе Пфейфера, а за спиной послѣдняго стояло большинство.

Мюльгаузенъ былъ не то, что Таборъ. Послѣдній можно назвать настоящей коммунистической колоніей. Это было заново основанное населеніе куда стекались коммунисты, чтобы образовать тамъ обособленное цѣлое. Совершенно иначе обстояло дѣло въ древнемъ имперскомъ городѣ. Коммунисты опирались тамъ главнымъ образомъ на пролетаріатъ и, наряду съ нимъ, лишь отчасти на нѣкоторые круги мелкихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ предмѣстій и окрестныхъ крестьянъ. Эти слои населенія были тогда еще слишкомъ слабы, чтобы навязать свою волю другимъ слоямъ городского населенія. Благодаря благопріятному стеченію счастливыхъ обстоятельствъ и умѣлому, энергичному использованію ихъ коммунистамъ Мюльгаузена удалось занять руководящую роль, хотя бы и указателя стрѣлки колеблющихся чашекъ обѣихъ партій. Они могли добиться отъ партіи, возвысившейся при ихъ помощи, *терпимости* къ себѣ, но не больше. Мы не должны себѣ представлять положеніе дѣлъ въ Мюльгаузенѣ такъ, какъ будто весь городъ былъ организованъ на коммунистическихъ началахъ; «братья» добились, во всякомъ случаѣ, того что имъ было разрѣшено превратить ихъ тайную организацію въ открытую и образовать *внутри* городской общины свою коммуну, но и только. Центромъ этой общины было, повидимому, іоаннитсвое подворье.

Насколько малочисленны были приверженцы Мюнцера въ Мюльгаузенѣ, видно изъ того, что когда онъ вышелъ изъ города на помощь крестьянамъ, то за нимъ послѣдовало всего лишь 300 человѣкъ [1]).

Что мюнцерова коммуна, т. е. «тѣ, что жили у Томаса въ іоаннитскомъ подворьѣ», за краткое время своего существованія содержала себя не только трудомъ своихъ членовъ, но, главнымъ образомъ, на счетъ добычи, захваченной въ церквяхъ, монастыряхъ и замкахъ,—это мы мо-

[5]) *Меланхтонъ* сообщаетъ о 300 „негодяяхъ". Во время болѣе ранней вылазки, 26-го апрѣля, за нимъ послѣдовало—согласно *Бехреру*—„приблизительно 400 человѣкъ, большей частью *иногороднiй* сбродъ... Въ походѣ этой кучки принимали участіе лишь немногіе горожане и не было ни одного изъ членовъ городского совѣта Мюльгаузена" (цит. соч., стр. 480).

жемъ повѣрить Меланхтону. Точно также поступали и табориты; по понятіямъ того времени церковное имущество было res nullius, ничьей собственностью, которой овладѣвалъ тотъ, кто имѣлъ для этого силу. Обыкновенно это дѣлали князья, а по временамъ и бѣдный народъ.

Мы уже указывали, что Мюнцеръ и Пфейферъ коренными образомъ расходились между собой. Но отсюда вытекали также коренныя разногласія тактическаго характера.

Пфейферъ, въ качествѣ чистаго представителя мелкой буржуазіи до—капиталистическаго періода, чувствовалъ себя исключительно представителемъ мѣстныхъ интересовъ. Мюнцеръ, какъ всѣ коммунисты того времени, былъ интернаціоналистомъ. Для Пфейфера возстаніе въ Мюльгаузенѣ было событіемъ, касающимся исключительно Мюльгаузена. Мюнцеръ же смотрѣлъ на него, какъ на звено въ длинной цѣли революціонныхъ возстаній, совокупность которыхъ должна положить конецъ тираніи и эксплоатаціи. Укрѣпленный городъ Мюльгаузенъ долженъ былъ стать для Тюрингіи тѣмъ же чѣмъ нѣкогда былъ для Богеміи Таборъ,—опорнымъ пунктомъ всего возстанія, которое должно было находиться въ постоянномъ соприкосновеніи съ движеніемъ въ Франконіи и Швабіи.

Пфейферъ—всякій разъ какъ мы говоримъ о Пфейферѣ или о Мюнцерѣ, мы подразумѣваемъ не только ихъ самихъ, но и теченія, главнѣйшими представителями которыхъ они являлись—Пфейферъ всегда былъ готовъ предпринять нѣсколько хищническихъ походовъ въ сосѣднія области, но только въ католическія, и его мысль не шла дальше распрей съ мелкими городами. Но Мюнцеръ хорошо сознавалъ, что побѣда въ Мюльгаузенѣ означаетъ не завершеніе революціонной борьбы, но прелюдію къ рѣшительной борьбѣ. Нужно было, значитъ, готовиться и организоваться, вооружать массы и объединить возстанія отдѣльныхъ мѣстностей для совмѣстнаго дѣйствія.

Особенно плохо обстояло дѣло въ Тюрингенѣ съ боевою способностью крестьянъ. Пожалуй, ни въ одной другой мѣстности Германіи крестьяне не обладали такой малой сноровкой въ военномъ дѣлѣ и не были такъ плохо вооружены, какъ именно тамъ. Нужно было не мало времени, чтобы вооружить ихъ и научить обращаться съ оружіемъ [1]).

---

[5]) „Мюнцеръ не хотѣлъ слишкомъ торопиться; онъ хотѣлъ дождаться подходящаго момента, выждать, пока время и привычка позволятъ возстанію окрѣпнуть и вполнѣ организоваться, пока опытные въ обращеніи съ оружіемъ, искушенные въ битвахъ горнорабочіе присоединятся къ нему и пока жители верхней Швабіи вмѣстѣ съ другими отрядами одержатъ первыя побѣды надъ князьями. Онъ хотѣлъ имѣть ихъ въ качествѣ надежнаго резерва и только послѣ этого двинуться изъ своего Мюль-

Мюнцеръ дѣлалъ все, что было въ его силахъ. Особенно заботился онъ о тяжелыхъ орудіяхъ. Въ барфусскомъ монастырѣ онъ отливалъ пушки. Какое значеніе онъ придавалъ имъ—считая ихъ, быть можетъ, скорѣе моральнымъ, чѣмъ тактическимъ средствомъ принужденія,—видно изъ того, что, какъ мы уже видѣли, онъ писалъ о нихъ даже въ Швабіи. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ намъ, какія дѣятельныя сношенія велъ онъ съ южно-германскими инсургентами.

Еще энергичнѣе поощрялъ онъ и объединялъ возставшихъ тюрингенцевъ. Онъ проявлялъ положительно лихорадочную дѣятельность словомъ и перомъ. Во всѣ стороны посылалъ онъ письма для увѣщанія и ободренія. Одно изъ нихъ приведено *Зейдеманомъ*, въ качествѣ приложенія къ его книгѣ (приложеніе 38, стр. 143). Вотъ оно: «Братьямъ во Христѣ изъ Шмалькальдена, стоящимъ лагеремъ у Эйзенаха.

Истинный страхъ Божій—прежде всего, возлюбленные. Да будетъ вамъ извѣстно, что мы хотимъ придти къ вамъ на помощь и защиту со всѣми средствами и со всѣми нашими силами. Но лишь недавно наши братья Эрнстъ Голштейнскій и Гюнтеръ Шварцбургскій обратились къ намъ за помощью, которую мы имъ обѣщали и теперь намѣрены оказать. Если вы будете встревожены этимъ, то мы со всей здѣшней дружиной придемъ въ вашъ лагерь. Мы хотимъ вамъ помочь всѣмъ, чѣмъ можемъ. Но имѣйте хотя немного терпѣнія, пока мы подготовимъ нашихъ братьевъ, *ибо ихъ крайне трудно обучить, такъ какъ между ними много сѣраго народа.* Вы уже во многомъ сознали чинимую надъ вами несправедливость, *но нашихъ мы еще не можемъ заставить понять это, при всемъ стараніи.* Разъ Богъ насильно гонитъ ихъ, то мы должны имъ содѣйствовать. Больше всего хотѣлъ бы я просить у Бога, чтобы я могъ придти къ вамъ и посовѣтовать и помочь и предпочиталъ бы облегчить ваши страданія, *чѣмъ имѣть дѣло съ невѣждами.* Но Богъ желаетъ избрать глупыхъ людей, а умныхъ—отвергнуть. Поэтому, вы проявляете нѣкоторую слабость, испытывая такой страхъ, и вы предпочли бы увидѣть написаннымъ на стѣнѣ, что Богъ помогаетъ вамъ. Старайтесь же быть сколь возможно мужественнѣе и пойте вмѣстѣ съ нами: я не убоюсь сотенъ

гаузена съ мечомъ Гидеона въ рукѣ. Онъ хорошо зналъ, что такое представляло собой большинство его тюрингенцевъ. Это были не уроженцы Швабіи, съ ранней юности привыкшіе идти подъ знаменемъ, выросшіе на войнѣ, не походили они и на франконцевъ, составившихъ черную рать Флоріана, на альпійскихъ или [эльзасскихъ стрѣлковъ; съ трудомъ добывать себѣ скудное пропитаніе, копаясь въ землѣ, — вотъ въ чемъ проходила ихъ жизнь; единственныя орудія, которыми они умѣли владѣть, были кирка и лопата“ (*Циммерманъ*, II, стр. 424).

и тысячъ, ни всего ихъ народа, хотя они и окружили меня. Да пошлетъ вамъ Богъ духъ бодрости, онъ не преминетъ сдѣлать это черезъ Іисуса Христа, который охранитъ васъ, возлюбленнѣйшіе. Аминь. Данъ въ Мюльгаузенѣ въ день Юбиліата (7 мая), въ годъ 1525. Томасъ Мюнцеръ со всей общиной божіей въ Мюльгаузенѣ и во многихъ мѣстахъ».

Письмо это характерно не только для отношеній Мюнцера къ возставшимъ внѣ предѣловъ Мюльгаузена, но и для выясненія его положенія внутри этого города. Мы видимъ, какъ онъ мало былъ доволенъ тюрингенскими «братьями», «глупцами», «сѣрымъ народомъ», обучить которыхъ «крайне трудно», которые« еще не вполнѣ сознали чинимую надъ ними несправедливость».

Гораздо важнѣе ненадежныхъ мюльгаузенцевъ и плохо вооруженныхъ крестьянъ казались ему горнорабочіе. Они составляли наилучше вооруженную и наиболѣе упорную часть саксонскаго населенія, и на нихъ сразу же обратилъ свое вниманіе Мюнцеръ. Онъ вступилъ въ сношенія съ рабочими рудныхъ горъ и прежде всего старался возбудить къ возстанію горнорабочихъ наиболѣе близкаго къ нему *Мансфельда*, съ которыми у него сохранились хорошія связи, еще со времени его пребыванія въ Альштеттѣ.

Письмо, которое онъ направилъ въ то время къ своимъ собратьямъ въ Мансфельдѣ—Балтазару, Варфоломею и другимъ, призывая ихъ начать агитацію среди горнорабочихъ, напечатано въ собраніи сочиненій Лютера въ качествѣ одного изъ «трехъ ужасныхъ бунтовщическихъ писаній Тома Мюнцера» (XIX, стр. 289 и сл.). Это письмо неоднократно опубликовывалось позднѣе, напримѣръ *Штробелемъ* (стр. 93) и *Циммерманомъ* (II, стр. 297). Оно гласитъ: Истинный страхъ Божій прежде всего. Дорогіе братья, доколѣ вы будете спать? Доколѣ вы не будете исполнять волю божію, полагая, что онъ оставилъ васъ? Какъ часто я вамъ говорилъ, что это неизбѣжно. Богъ не можетъ болѣе открываться. Вы должны возстать; если вы этого не сдѣлаете, то напрасна ваша жертва и раздирающее сердце страданіе, вамъ суждено будетъ послѣ этого снова погрузиться въ страданіе. Говорю вамъ: если вы не хотите страдать изъ-за Бога, то вы станете мучениками изъ-за дьявола. А потому остерегайтесь. Не будьте малодушны, нерадивы; перестаньте льстить извращеннымъ мечтателямъ, безбожнымъ злодѣямъ. Подымайтесь и боритесь за дѣло Бога. Пробилъ послѣдній часъ. Удерживайте своихъ братьевъ отъ того, чтобы они насмѣхались надъ божіимъ знаменемъ; иначе имъ суждено погибнуть. Вся Германія, Франція и Италія уже возстали. Великій хозяинъ желаетъ начать игру, злодѣи должны погибнуть. Въ Фульдѣ на пасхальной недѣлѣ опустошены четыре монастырскихъ церкви. Въ Клеттау, Гегау и Шварц-

вальдѣ крестьяне поднялись, числомъ до тридцати тысячъ, и чѣмъ дальше тѣмъ больше увеличивается ихъ рать. Но меня тяготитъ мысль, какъ бы глупыхъ людей не увлекли на *ложный договоръ*, ибо они еще не распознаютъ зла. Если васъ будетъ только трое, уповающихъ на Бога, ищущихъ его имени и славы, вы не убоитесь сотенъ тысячъ. Только за дѣло! за дѣло! за дѣло! Пришло время. Злодѣи оробѣли, какъ псы. Поднимайте братьевъ, пусть они объединяются и вооружаются.

Пора, больше ждать нельзя: за дѣло, за дѣло, за дѣло! Не знайте пощады, если даже Исавъ будетъ обращаться къ вамъ съ добрыми словами. Не смягчайтесь воплями безбожныхъ. Они будутъ жалобно просить васъ, умолять, хныкать, какъ дѣти. Но не поддавайтесь жалости, какъ приказалъ Богъ черезъ Моисея (5 кн. Моисея, 7). И намъ сказалъ онъ то же въ откровенiи. Поднимайте народъ въ деревняхъ и городахъ, а особенно горнорабочихъ и другихъ дѣльныхъ людей. Нечего намъ больше спать. Посмотрите, когда я писалъ эти строки, пришло ко мнѣ извѣстiе изъ Зальца о томъ, что народъ хотѣлъ выгнать изъ замка амтмана герцога Георга за то, что онъ собирался тайно казнить троихъ. Крестьяне Эйнсфельда раздѣлались со своими дворянами; коротко говоря, они не хотятъ знать пощады. Такихъ примѣровъ много вамъ въ поученiе. Вамъ нужно приниматься за дѣло, за дѣло, ибо пришло уже время! Балтазарь и Бартель! Крумпфъ, Фельтенъ и Бишофъ начинайте работать. Это письмо покажите *горнорабочимъ*. Мой печатникъ прибудетъ въ скоромъ времени. Я получилъ извѣщенiе, теперь не могу поступить иначе. Я самъ хотѣлъ бы наставить братьевъ, дабы ихъ сердца стали сильнѣе всѣхъ замковъ и укрѣпленiй безбожныхъ злодѣевъ. За дѣло, за дѣло, за дѣло! ибо пламя разгорѣлось. Пусть ваши мечи не остываютъ, купаясь въ крови; куйте свои доспѣхи на иродовой наковальнѣ, повергайте во прахъ ихъ башни. Пока они живы вамъ не избавиться отъ страха передъ людьми. Пока они правятъ надъ вами, вамъ нельзя говорить о Богѣ. За дѣло, за дѣло, за дѣло! пока день сiяетъ надъ вами, Богъ идетъ, слѣдуетъ за вами. Это сказано у Матѳея, 25. А потому не бойтесь. Богъ съ вами, какъ написано во 2 кн. Паралипоменонъ, 2. Такъ говоритъ Богъ: Вамъ нечего страшиться, вамъ нечего бояться этого множества людей. Не вашу борьбу ведете вы, а божью. Будьте же по истинѣ мужественными. Вы увидите, что Богъ вамъ помогаетъ. Когда Iоасафатъ услышалъ эти слова онъ палъ ницъ. Итакъ творите все именемъ Бога, да укрѣпитъ Онъ васъ и научитъ не страшиться людей. Аминь.

Данъ въ Мюльгаузенѣ въ 1525 году. Томасъ Мюнцеръ, воинъ божiй противъ безбожниковъ».

Письмо Мюнцера имѣло положительныя послѣдствiя: въ Мансфельдѣ

собралась большая толпа (*Штробель*, стр. 96) и дѣло дошло до безпорядковъ. Толчокъ, данный въ Мансфельдскомъ округѣ, сообщился дальше вплоть до мейсенскаго горнаго округа. «Еще не успѣли безумные бунтовщики дожить до кроваваго для въ Франкенгаузенѣ,—говоритъ *Герингъ*,—а уже многіе *горнорабочіе* бѣжали изъ охваченнаго возстаніемъ графства *Мансфельдъ* и укрылись въ нашихъ горахъ, отчасти потому, что не ждали для себя ничего хорошаго на родинѣ, а отчасти потому, что надѣялись играть въ далекой странѣ выдающуюся роль, благодаря новому ученію [1]).

Имъ удалось пріобрѣсти вліяніе и предпринять попытку къ возмущенію въ окрестностяхъ Цвикау, гдѣ коммунисты, руководимые Шторхомъ и Мюнцеромъ, еще ранѣе упрочили свое вліяніе и подготовили почву.

Въ апрѣлѣ въ Рудныхъ горахъ дѣйствительно разыгралось возстаніе крестьянъ и горнорабочихъ. Движеніе прекратилось тамъ, какъ и во всей Саксоніи, только послѣ битвы при Франкенгаузенѣ.

Но, въ общемъ, старанія Мюнцера, направленныя къ тому, чтобы установить согласованность дѣйствій революціонныхъ движеній въ различныхъ областяхъ Саксоніи, увѣнчались лишь незначительнымъ успѣхомъ.

Партикуляризмъ крестьянъ и жителей небольшихъ городовъ оказался слишкомъ силенъ. Однородность экономическаго гнета въ различныхъ мѣстностяхъ, возбужденіе всей націи подъ вліяніемъ реформаціоннаго движенія— last but not least—неустанная, повсемѣстная дѣятельность коммунистическихъ «апостоловъ» привели къ тому, что возстаніе крестьянъ и ихъ союзниковъ превратилось въ началѣ въ національное, охватившее большую часть національной территоріи, благодаря чему оно разразилось повсюду почти въ одно и то же время. Но въ дальнѣйшемъ, когда надлежало упрочить первыя завоеванія и овладѣть плодами побѣдъ, мѣстный партикуляризмъ сталъ выступать все явственнѣе. Онъ былъ заложенъ слишкомъ глубоко въ общественныхъ отношеніяхъ того времени, а потому могъ быть превзойденъ только на самое короткое время и то лишь подъ давленіемъ необходимости.

Къ партикуляризму присоединялась еще пагубная наивность крестьянъ. Эти простоватые люди полагали, что княжеское слово обладаетъ если и не большей, то по крайней мѣрѣ той же цѣнностью, что и слово любого честнаго человѣка. Они не имѣли никакого понятія о новой государственной наукѣ, возводившей безчестность и лживость въ высшія добродѣтели князей; мы уже видѣли, какъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до описываемыхъ нами событій примѣнялъ эту науку къ крестьянамъ мальчикъ-Ричардъ.

[1]) Geschichte des sächsischen Hochlandes, стр. 203.

Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать совмѣстно, каждый округъ, каждый городъ, примкнувшій къ мятежникамъ, выступалъ на собственный страхъ и рискъ; обыкновенно достаточно было двухъ-трехъ пустыхъ обѣщаній владѣтельнаго лица и его согласія удовлетворить современемъ требованія крестьянъ, чтобы мятежники разбѣжались по своимъ мѣстамъ и сложили оружіе. Благодаря этому князья выигрывали время, стягивали войска, объединялись и безъ труда разбивали крестьянскія дружины одну за другой; а между тѣмъ, будь всѣ крестьяне объединены, князьямъ было бы не легко справиться съ ними. Въ то время, какъ крестьяне все больше утрачивали единство дѣйствій, князья, подъ вліяніемъ опасности, сплачивались все тѣснѣе и дѣйствовали все планомѣрнѣе.

Вскорѣ не оставалось сомнѣнія, на чьей сторонѣ будетъ окончательная побѣда. Вначалѣ этого отнюдь нельзя было сказать съ несомнѣнностью. Еще 14-го апрѣля курфюрстъ Фридрихъ Саксонскій выразился о возстаніи столь же пессимистично какъ и осторожно. Въ страстную пятницу онъ писалъ своему брату, герцогу Іоанну Саксонскому: «Крайне прискорбно, что приходится дѣйствовать насильно. *Пожалуй, этимъ бѣднымъ людямъ былъ данъ поводъ къ возмущенію*, особенно,—запрещеніемъ слова Божія. *Такъ, бѣдный народъ притѣсняется во многомъ нами, духовными и свѣтскими князьями*. Да отвратитъ Господь свой гнѣвъ отъ насъ. Угодно будетъ Богу, *то такъ и случится, что простой человѣкъ станетъ править*».

Тѣмъ же духомъ проникнуто первое сочиненіе, въ которомъ Лютеръ опредѣляетъ свое отношеніе къ крестьянскому возстанію; мы говоримъ о его Ermahnung zum Frieden auf die zwölf Artickel («Призывъ къ миру, въ отвѣтъ на двѣнадцать статей швабскаго крестьянства»). Оно начинается съ выраженія надежды, что все кончится хорошо, *если только крестьяне отнесутся серьезно къ своимъ статьямъ* и не выйдутъ за ихъ предѣлы. Такимъ образомъ, онъ принимаетъ эти тезисы, какъ основу соглашенія.

Сперва онъ обращается къ князьямъ и господамъ: «Прежде всего, никому на землѣ мы не обязаны больше этимъ безчинствомъ и возстаніемъ, какъ вамъ, князья и господа, особенно же вамъ, слѣпые епископы, безумные попы и монахи... Мечъ приставленъ вамъ къ шеѣ; а вы все еще воображаете, будто твердо сидите въ сѣдлѣ, и нѣтъ возможности выбить васъ оттуда. Такая увѣренность и жестокая самонадѣянность будетъ стоить вамъ головы, вотъ увидите... Знайте же, разъ вы являетесь причиной такого гнѣва Божія, то отъ васъ же, безъ сомнѣнія, будетъ зависѣть ваша дальнѣйшая судьба, если только вы не исправитесь современемъ. Знаменіе на небѣ и чудеса на землѣ относятся къ вамъ, любезные господа, и

не вѣщаютъ для васъ ничего добраго,—ничего добраго и не случится съ вами, въ дѣйствительности... Ибо, да будетъ вамъ извѣстно, любезные господа, Богъ творитъ такъ, что вашихъ злодѣйствъ не хотятъ и не могутъ больше терпѣть. Вы должны стать иными и руководствоваться словомъ Божіимъ. Если вы не сдѣлаете этого мирно и добровольно, то вамъ придется уступить насилію и пагубѣ... Противъ васъ возстаютъ, любезные господа, не крестьяне, но самъ Богъ, который взыскиваетъ съ васъ за ваши злодѣйства». Но, продолжаетъ Лютеръ, Боже упаси, чтобы онъ, Лютеръ, сталъ на сторону крестьянъ. Онъ проситъ князей, во имя ихъ собственныхъ интересовъ, уступить крестьянамъ. На почвѣ двѣнадцати статей можно вести переговоры. Нѣкоторыя изъ требованій справедливы и пріемлемы. Такова, напримѣръ, первая статья, требующая свободнаго чтенія евангелія и выбора священниковъ. «Другія статьи, относящіяся къ удовлетворенію плотскихъ требованій—и касающіяся барщины, повинностей и т. п., также пріемлемы и справедливы. Власть поставлена не для того, чтобы извлекать изъ подданныхъ пользу для себя, но чтобы приносить пользу и добро подданнымъ. Нѣтъ терпѣнія выносить далѣе вымогательство и обираніе. Какой толкъ имѣть крестьянину столько гульденовъ, сколько стеблей и колосьевъ на его полѣ, если власти будутъ все забирать, увеличивая на эти деньги свою роскошь и развѣвая все крестьянское добро, какъ полову, на платья, обжорство, пьянство и т. п. Слѣдовало бы умѣрить роскошь и сократить расходы, и дабы у бѣднаго человѣка оставалось кое что.

Послѣ этого, Лютеръ обращается къ крестьянству, соглашаясь съ нимъ въ томъ, что князья достойны, «чтобы Богъ низвергъ ихъ съ троновъ». Но они должны вести дѣло по добру, «иначе, если даже они и побѣдятъ и уничтожатъ всѣхъ князей, то нанесутъ ущербъ своей душѣ». Онъ увѣщаетъ крестьянъ, приглашая «любезныхъ господъ и братьевъ» оставить мечъ и не возставать противъ власти, ибо они имѣли бы право возстать только въ томъ случаѣ, если бы Богъ приказалъ имъ это знаменіями и чудесами. «Страдать и нести крестъ, нести крестъ и страдать—вотъ единственное право христіанина, а иного нѣтъ».

Сочиненіе заканчивается обращеніемъ къ обѣимъ сторонамъ,— «Vermahnung beides an die Oberkeit und Bauernschaft». И та и другая неправы, обѣ поступаютъ, какъ язычники, а не христіане, обѣимъ грозитъ возмездіе Божіе. Души ихъ будутъ посланы въ адъ, Германія будетъ уничтожена. «А потому мой искренній совѣтъ таковъ, что надлежитъ выбрать отъ знати нѣсколькихъ графовъ и господъ, а отъ городовъ нѣсколькихъ представителей городского совѣта и уладить дѣло тихо и мирно, причемъ вы, господа, должны смирить свое упорство, которое вамъ все равно,

въ концѣ концовъ, придется оставить, хотите вы того или нѣтъ, и нѣсколько ослабить свою тираннію и гнетъ, дабы и бѣдный человѣкъ могъ дышать и свободно двигаться. Со своей стороны, и крестьяне должны, также, позволить уговорить себя и отступиться отъ нѣкоторыхъ своихъ статей, идущихъ слишкомъ далеко; тогда все дѣло, если не будетъ улажено по-христіански, то будетъ, по крайней мѣрѣ, замирено путемъ человѣческихъ законовъ и договоровъ... Итакъ, я далъ вамъ всѣмъ достаточно добрый совѣтъ, по-христіански и по-братски, какъ велитъ мнѣ моя совѣсть. Дай Богъ, чтобы онъ помогъ. Аминь».

Если бы были правы тѣ, кто полагаетъ, что двигателемъ реформаціи была необычайно сильная личность Лютера, то и это сочиненіе Лютера должно было дать совершенно иное направленіе крестьянской войнѣ. Но, въ дѣйствительности, оно не оказало никакого вліянія. Первая же попытка Лютера не плыть по теченію обнаружила его безсиліе.

Но Лютеръ былъ не изъ тѣхъ, кто готовъ защищать позицію, заранѣе обрекающую на неуспѣхъ. Ему не надо было долго выбирать, на чьей сторонѣ вести борьбу. Его миролюбивый покровитель, курфюрстъ Фридрихъ, доживалъ послѣдніе дни. Онъ умеръ 5 мая. Его мѣсто заступилъ его братъ, Іоаннъ, совершенно не склонный къ миру и соглашенію.

Тогда-то повсемѣстно поднялись князья, чтобы силой потопить возстаніе крестьянъ въ крови. Въ послѣднюю недѣлю апрѣля мѣсяца главнокомандующій войсками швабскаго союза, Трухзесъ фонъ Вальдбургъ, подавилъ возстаніе почти во всей Швабіи. Около того же времени ландграфу Филиппу удалось покончить съ возмущеніемъ въ Гессенѣ. Противъ мятежниковъ Франконіи и Тюрингіи выступили многочисленные хорошо обученные отряды войскъ.

Къ этому присоединялся еще одинъ, личный, поводъ, заставлявшій обрушиться на крестьянъ. Во вторую половину апрѣля Лютеръ предпринялъ агитаціонную поѣздку по Тюрингіи; онъ поѣхалъ съ цѣлью успокоить народъ, но обнаружилъ, что онъ, мнившій себя чуть ли не божествомъ народа, повсюда потерялъ всякое на него вліяніе. Тогда, съ характерной для него страстной яростью, онъ обрушился на мятежниковъ [1]).

[1]) Протестантскіе историки, наприм., Ранке, стараются увѣрить насъ, будто вышеупомянутое сочиненіе Лютера о двѣнадцати статьяхъ появилось еще до взрыва возмущенія, когда большинство крестьянъ еще не возстало, т. е. въ мартѣ 1525 г., возмущенъ же былъ Лютеръ жестокостями крестьянъ въ апрѣлѣ. Эти жестокости и были-де причиной перемѣны во взглядѣ Лютера. Но, на самомъ дѣлѣ, его сочиненіе появилось послѣ 16-го апрѣля (день сраженія при Вейнсбергѣ) и, по всей вѣроятности, 20-го апрѣля (ср. *Янссенъ*, II, стр. 499; *Лампрехтъ*, V, 1, стр. 345).

Еще недавно онъ именовалъ ихъ любезными «господами и братьями», но теперь они стали для него разбойниками, убійцами и бѣшеными собаками, которыхъ слѣдуетъ убивать. Еще недавно онъ признавалъ, что невыносимый гнетъ властей заставилъ крестьянъ подняться, а теперь онъ заявлялъ, что власть поступаетъ законно [1]); онъ говорилъ это въ своемъ сочиненіи «Wider die räuberischen Bauern» («Противъ разбойниковъ и убійцъ крестьянъ»), появившемся 6-го мая, на слѣдующій день послѣ смерти Фридриха.

Крестьяне напали первыми, пишетъ онъ, «кратко говоря, они творятъ дѣло дьявола, а особенно выдѣляется этимъ *архидьяволъ*, который правитъ въ Мюльгаузенѣ и только и дѣлаетъ, что грабитъ, убиваетъ и проливаетъ кровь; о немъ-то Христосъ и сказалъ, Іоанна 8, что онъ—убійца искони». Въ виду такого поведенія крестьянъ, онъ долженъ теперь писать иначе, чѣмъ въ «предыдущей книжкѣ». Мятежъ хуже убійства: «Поэтому всякій, кто можетъ, долженъ уничтожать, душить и колоть, тайно и открыто, и помнить, что нѣтъ ничего болѣе ядовитаго, вреднаго и дьявольскаго, какъ возставшій человѣкъ. Его нужно убивать, какъ убиваютъ бѣшеную собаку. Если ты не убьешь ее, то она убьетъ тебя и всю страну... А поэтому нельзя не бодрствовать. Не къ мѣсту тутъ терпѣніе и жалость; пришло время меча и гнѣва, а не время милости». «Кто падетъ за власть, тотъ истинный мученикъ за Бога... кто падетъ на сторонѣ крестьянъ, тому адскій огонь навѣки. Такое теперь настало особенное время, что князь можетъ скорѣе заслужить небо пролитіемъ крови, чѣмъ другіе—молитвами... Коли, бей, души, кто можетъ. Если при этомъ обрѣтешь свою смерть,—благо тебѣ, ибо болѣе блаженной

[1]) Еще дальше пошелъ честный Мартинъ нѣсколько недѣль спустя послѣ подавленія тюрингенскаго возстанія, въ сочиненіи, написанномъ въ защиту его манифеста противъ крестьянъ и озаглавленномъ „Sendbrief an Gaspar Müller, Mansfeldischen Kanzler, von dem harten Büchlein wider die Bauern“ (Посланіе Каспару Мюллеру, мансфельдскому канцлеру, о книжечкѣ противъ крестьянъ). Заявивъ, вначалѣ, что порицающій его книгу „долженъ остерегаться, ибо онъ въ сердцѣ своемъ бунтовщикъ“, онъ приписываетъ крестьянское возстаніе тому, что крестьянамъ *жилось слишкомъ хорошо!* Исходъ войны—воля божія, которая свершилась для того, „чтобы крестьяне знали, *какъ имъ было хорошо*, а они не хотѣли проводить свои дни въ мирѣ, и чтобы они впредь благодарили Бога, когда имъ придется отдавать одну корову, чтобы спокойно пользоваться другой. Народъ потерялъ всякій страхъ и совѣсть, всякій дѣлалъ то, что хотѣлъ. Никто не хотѣлъ ничего давать, а только роскошествовать, пить, наряжаться и бездѣльничать, какъ будто всѣ они стали господами. Осла надо бить, а чернью управлять силой“ (*Luther*'s Werke, XIX, стр. 270—272).

смертью ты никогда не умрешь. Ибо ты умрешь въ послушаніи слову и велѣнію Бога, Рим. 13, и въ служеніи любви (!!), спасая твоего ближняго изъ объятій ада и дьявола» [1]).

Движимый стремленіемъ «служить любви», Лютеръ оказывалъ крестьянамъ аналогичныя услуги и въ своихъ частныхъ письмахъ [2]), относящихся къ тому же времени. И даже позднѣе Лютеръ хвалился тѣмъ, что онъ «убилъ во время возстанія всѣхъ крестьянъ, ибо я призывалъ избивать ихъ; вся ихъ кровь—на мнѣ». Но въ данномъ случаѣ его манія величія побудила его взять на свою долю больше крови, чѣмъ онъ пролилъ на самомъ дѣлѣ. Какъ ни характерно его поведеніе въ крестьянской войнѣ, какъ для него самого, такъ и для отношенія буржуазной и крестьянско-пролетарской ересью—поэтому мы и остановились на немъ такъ подробно,—настолько же мало повліяло оно на исходъ возстанія. Насколько безрезультатны были его призывы къ миролюбію, настолько же излишне его поощреніе князей на безпощадное избіеніе. Владѣтельные господа дѣйствовали съ достаточной кровожадностью и безъ его поощренія; въ побоищѣ принимали участіе и сторонники Лютера и противники его, братски объединившіеся въ общемъ стремленіи. Передъ лицомъ эксплоатируемыхъ, между эксплоататорами прекратилась борьба изъ-за добычи. Католики и евангелики дружно избивали несчастныхъ людей.

Въ началѣ мая, чтобы покончить съ тюрингенскимъ возстаніемъ, ярый «евангеликъ», ландграфъ Филиппъ гессенскій, соединилъ свои войска съ дружинниками ревностнаго католика, Георга саксонскаго, и съ отрядами нѣкоторыхъ мелкихъ князей; позднѣе къ нимъ присоединился и новый

---

[1]) *Luther's* Werke, XIX, стр. 264—267.

[2]) Такъ, 30-го мая, онъ писалъ д-ру Рюлю, члену мансфельдскаго городского совѣта, что крестьянъ безъ всякихъ стѣсненій надо избивать: „Съ крестьянами хотятъ поступать милосердно на томъ основаніи, что среди нихъ есть и невинные; но невинныхъ Богъ спасетъ и охранитъ какъ Лота и Іеремію. А если онъ этого не сдѣлаетъ, то, значитъ они виновны... Мудрецъ сказалъ: cibus, onus et virga asino (ослу—ѣду, поклажу и плеть); у крестьянъ голова набита соломой. Они не внемлютъ слову и глупы; а потому пусть слушаются плетей и ружей, это будетъ справедливо. Мы должны за нихъ молиться, чтобы они слушались; если же они не захотятъ, то нечего особенно жалѣть ихъ. Пусть ружья прогремятъ, надъ ними, иначе они поступятъ въ тысячу разъ хуже... Поистинѣ, кто видалъ Мюнцера, тотъ можетъ сказать, что онъ собственными глазами видалъ чорта въ величайшей ярости. О, Господи Боже, разъ въ крестьянахъ проявился такой духъ, то давно пора придушить ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ“. По всѣмъ сочиненіямъ Лютера, относящимся къ тому времени видно, что Мюнцеръ казался ему опаснѣйшимъ изъ мятежниковъ. Въ Тюрингіи онъ и былъ на самомъ дѣлѣ таковымъ.

*

саксонскій курфюрстъ Іоаннъ. Центромъ возстанія былъ *Франкенгаузенъ*, извѣстный своими соляными мѣсторожденіями, съ густымъ народонаселеніемъ, состоявшимъ изъ рабочихъ соляныхъ копей [1]); Франкенгаузенъ былъ расположенъ всего лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мансфельдскихъ рудниковъ. Главныя силы мятежниковъ собрались именно въ этомъ мѣстѣ, а не въ укрѣпленномъ, хорошо защищенномъ орудіями Мюльгаузенѣ, и даже не къ югу отъ него, въ Эрфуртѣ или Эйзенахѣ, которые также находились въ рукахъ возставшихъ и откуда легче было поддерживать сношенія съ возставшими въ Франконіи.

Какъ сами мятежники, такъ и князья обратили свое главное вниманіе на лагерь у Франкенгаузена. Чтобы добраться туда, ландграфъ Филиппъ предпринялъ совершенно небывалый походъ. Онъ двинулся черезъ Эйзенахъ и Лангензальцу, оставивъ Мюльгаузенъ влѣво отъ себя, а Эрфуртъ вправо, и направился по пути, лежавшемъ между этими двумя занятыми сильными отрядами городами, прямо къ Франкенгаузену. Это выясняетъ значеніе Франкенгаузена, но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ фактъ, что Филиппъ могъ сдѣлать это движеніе, не подвергшись ни малѣйшему натиску или хотя бы частичному нападенію со стороны мюльгаузенцевъ и эрфуртцевъ, показываетъ намъ, насколько у возставшихъ отсутствовали единство дѣйствій, сплоченность и планомѣрность.

Значеніе Франкенгаузена мы можемъ объяснить близостью мансфельскаго рудника, съ его многочисленными вооруженными горнорабочими. Если бы удалось распространить возстаніе и туда, то княжескимъ войскамъ пришлось бы плохо.

Мюнцеръ также прекрасно сознавалъ большое значеніе Франкенгаузена и дѣлалъ все возможное, чтобы со всѣхъ сторонъ направить туда наличныя силы. Писалъ онъ и эрфуртцамъ, но они не тронулись съ мѣста. Ему не удалось даже побудить мюльгаузенцевъ пойти на помощь повстанцамъ Франкенгаузена. Какое дѣло было мелкимъ буржуа свободнаго имперскаго города до какихъ-то франкенгаузенскихъ крестьянъ. Столь прославленный за свою энергію Пфейферъ бездѣйствовалъ. Мюнцеръ отправился одинъ, вмѣстѣ со своими приверженцами, числомъ до трехсотъ. Мюльгаузенцы еле согласились дать ему восемь «передвижныхъ пушекъ».

Не лучше шло у него дѣло и съ мансфельдскими горнорабочими. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подробныхъ извѣстій о томъ, что происходило на мансфельдскихъ рудникахъ. Въ «Мансфельдской Хроникѣ» *Шпанген-*

[1]) *I. Сарторіусъ*, Versuch einer Geschichte des deutschen Bauernkrieges Берлинъ, 1795, стр. 319.

бэрга (глава 362) [1]) мы находимъ только одну замѣтку, которую кратко передаетъ *Бирингенъ* въ своемъ «Описаніи мансфельдскаго рудника», (стр. 16). Въ замѣткѣ говорится: «Возстали крестьяне и въ графствѣ [1]) мансфельдскомъ. Графъ Альбрехтъ мансфельдскій приложилъ все стараніе, чтобы успокоить ихъ и *пообѣщалъ горнорабочимъ много хорошаго*, лишь бы они остались въ графствѣ и не отправились въ военный лагерь возставшихъ крестьянъ».

Повидимому, это ему удалось. Опасеніе, выраженное Мюнцеромъ въ одномъ изъ вышеприведенныхъ писемъ горнорабочимъ, гдѣ онъ говоритъ, что «глупыхъ людей» могутъ «увлечь на ложный договоръ», не было лишено основаній. *Масса* горнорабочихъ успокоилась какъ только были удовлетворены ихъ требованія, и уже больше не безпокоилась о возставшихъ крестьянахъ. Отдѣльные же отряды или небольшія толпы подверглись нападенію конницы графа Альбрехта, занявшей всѣ пути.

Оставалась еще *одна* возможность: перенести возстаніе на самые мансфельдскіе рудники и такимъ образомъ увлечь за собою горнорабочихъ. Но и эта возможность не была использована. Франкенгаузенскіе крестьяне были настолько наивны, что вступили въ переговоры съ Альбрехтомъ Мансфельдскимъ; хитрый князь затягивалъ переговоры со дня на день, пока союзныя войска не подступили къ Франкенгаузену.

На 12 мая Альбрехтъ назначилъ крестьянамъ свиданіе. Но онъ не явился, объясняя свое отсутствіе тѣмъ, что занятъ важными дѣлами, и вызвалъ крестьянъ на ближайшее воскресенье, 14 мая. «А между тѣмъ,— разсказываетъ Лютеръ,—Богъ прислалъ Томаса Мюнцера изъ Мюльгаузена во Франкенгаузенъ [2]). Онъ немедленно побудилъ прервать переговоры съ графомъ, заднюю мысль котораго понялъ и во что бы то ни стало старался провоцировать столкновеніе между нимъ и крестьянами прежде, чѣмъ прибудутъ князья. Такой провокаціей считаемъ мы крайне рѣзкія письма которыя онъ писалъ тогда графу, письма, которыя можно понять только какъ провокацію. *Циммерманъ* видитъ въ нихъ лишь продуктъ отчаянія, стремящагося обмануть самого себя, дошедшаго до полубезумія. Но изъ распоряженій Мюнцера явствуетъ, что онъ сохранилъ вполнѣ здравый разсудокъ.

Альбрехту онъ писалъ: «Страхъ и трепетъ да охватятъ всякаго, кто

---

[1]) Второе изданіе, которымъ мы пользовались, озаглавлено „Sächsische Chronice“ (Франкфуртъ н.-М. 1535), но въ дѣйствительности представляетъ собою лишь мансфельдскую хронику.

[2]) Erschreckliche Geschichte und Gerichte Gottes übe Thomas Münzer *Luther's* Werke, XIX, стр. 288.

творитъ зло (Римл. 2, 9). Мнѣ жаль, что ты такъ злостно извращаешь посланіе Павла. Ты хочешь во всемъ утвердить злодѣйскую власть, какъ папа превратилъ въ заплечныхъ мастеровъ Петра и Павла. Думаешь ли ты, что Господь Богъ нашъ не можетъ побудить къ возстанію свой темный народъ, чтобы «во гнѣвѣ своемъ низвергнуть тирановъ (Іосія, 13 и 8)?» Не говорила ли мать Христа отъ Св. Духа о тебѣ и тебѣ подобныхъ, глаголя (Луки, 1): «Могучихъ свергнулъ онъ съ престола и нищихъ (которыхъ ты презираешь) возвысилъ».

«Развѣ поѣдая свою лютеранскую кашу и расхлебывая свой виттенбергскій супъ, ты не раскусилъ, что говоритъ Изекеилъ въ 37-й главѣ? И развѣ ты не вынюхалъ изъ твоего мартиноваго помета, что говоритъ дальше этотъ пророкъ въ 39-й главѣ,—какъ Богъ требуетъ отъ всѣхъ птицъ небесныхъ, чтобы онѣ пожирали мясо князей, а отъ неразумныхъ звѣрей,—чтобы они пили кровь богачей, какъ описано въ тайномъ откровеніи 18 и 19. Думаешь ли ты, что Богъ сталъ теперь ближе къ вамъ тиранамъ, чѣмъ къ своему народу? Подъ именемъ христіанина, ты хочешь оставаться язычникомъ и прикрываться Павломъ. Но тебя поймутъ; сообразуясь съ этимъ, и поступай.

Если хочешь признать, Даніила 7, что Богъ далъ власть народу, если ты явишься передъ нами и отвергнешь свою вѣру, то мы охотно примемъ тебя и будемъ считать наравнѣ съ другими братьями; а если нѣтъ, то мы не посмотримъ на твою кривую глупую рожу и будемъ сражаться противъ тебя, какъ противъ заклятаго врага христіанской вѣры. Сообразуясь съ этимъ, и поступай.

Писано во Франкенгаузенѣ, въ пятницу послѣ юбиліата (12 мая), годъ 1525.

Томасъ Мюнцеръ съ мечомъ Гедеона".

«Еще болѣе грубое и дерзкое письмо», какъ выражается *Штробель* (стр. 99), написалъ Мюнцеръ въ тотъ же день графу *Эрнсту Мансфельдскому*, осадившему городъ Гельдрунгенъ близъ Франкенгаузена. Этотъ укрѣпленный опорный пунктъ Мансфельда рѣшено было взять первымъ. Обращаясь къ графу, Мюнцеръ восклицаетъ: «Ты, несчастная негодная падаль... Ты долженъ перемѣнить свою вѣру, какъ приказано въ первомъ посланіи Петра 3. Ты получишь, дѣйствительно, вполнѣ надежную охрану, если придешь къ намъ выяснить свою вѣру. Это обѣщаетъ тебѣ вся община; ты долженъ также отказаться отъ своей явной тиранніи и сообщить, кто довелъ тебя до такого ничтожества, что ты къ ущербу всѣхъ христіанъ, самъ нося христіанское имя, желаешь быть такимъ язычникомъ-злодѣемъ. Если ты откажешься и не исполнишь возложенной на тебя обязанности, то я провозглашу на весь міръ, что всѣ братья

смѣло могутъ проливать свою кровь въ борьбѣ; тогда тебя станутъ преслѣдовать и уничтожатъ. Если ты не смиришься предъ малыми, то говорю тебѣ—вѣчно сущій Богъ приказалъ низвергнуть тебя съ престола данной намъ властью; ибо ты не приносишь пользы христіанству, а являешься злобнымъ гонителемъ друзей божіихъ. О тебѣ и равныхъ тебѣ сказалъ Богъ, что ваше гнѣздо должно быть выдрано и уничтожено. *Мы требуемъ твоего отвѣта сегодня же*, а иначе мы придемъ за тобой, во имя Бога брани. Не медля, мы сдѣлаемъ то, что приказалъ намъ Богъ—дѣлай и ты, что считаешь лучшимъ. На томъ кончаю».

Но властители мансфельдскіе обманули ожиданіе Мюнцера и не поддались на провокацію. Самъ Мюнцеръ не чувствовалъ за собою силы перейти въ наступленіе; возможно, впрочемъ, что этого не хотѣли крестьяне.

Но вскорѣ было уже поздно думать о наступленіи. 12 мая Мюнцеръ прибылъ во Франкенгаузенъ, 14-го къ городу подступили ландграфъ Филиппъ гессенскій и герцогъ Генрихъ брауншвейгскій, а 15-го къ нимъ присоединился со своими войсками герцогъ Георгъ саксонскій.

Теперь судьба мятежниковъ, собравшихся у Франкенгаузена, была рѣшена, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ конецъ и тюрингенскому возстанію. На одной сторонѣ стояло 8.000 плохо вооруженныхъ, недисциплинированныхъ крестьянъ, почти неимѣвшихъ пушекъ. На другой сторонѣ было почти столько же хорошо вооруженныхъ и обученныхъ солдатъ, располагавшихъ многочисленными орудіями.

Битва при Франкенгаузенѣ обыкновенно изображается по разсказамъ Меланхтона. По Меланхтону, дѣло началось съ того, что сперва Мюнцеръ произнесъ красивую рѣчь крестьянамъ, послѣ чего ландграфъ Филиппъ обратился къ своимъ войскамъ съ еще болѣе красивою рѣчью, и тогда они перешли въ наступленіе. «Но несчастные люди стояли и пѣли: «Теперь просимъ мы Св. Духа»... *Словно помѣшанные, они не защищались и не бѣжали;* многіе, впрочемъ, уповали на великое обѣщаніе Томаса, что Богъ окажетъ имъ съ небесъ помощь, ибо Томасъ сказалъ, что онъ перехватитъ всѣ пули въ свой рукавъ». Когда чудо не свершилось, а солдаты стали рубить, то обманутые крестьяне обратились въ бѣгство, будучи избиваемы цѣлыми массами. Странная битва!

Неужели же Мюнцеръ и крестьяне были, дѣйствительно, такими единственными въ своемъ родѣ дураками? Познакомимся сперва съ рѣчами Рѣчь Мюнцера не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ его стилемъ и пышетъ пустымъ паѳосомъ, совершенно ему несвойственнымъ. Но еще болѣе странной, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается рѣчь ландграфа: она оказывается отвѣтомъ на рѣчь Мюнцера, словно графъ предварительно выслу-

шалъ ее и затѣмъ опровергъ одно за другимъ высказанныя въ ней обвиненія! Для примѣра даемъ слѣдующее сопоставленіе:

Мюнцеръ:	Ландграфъ:
«Но что дѣлаютъ наши князья? Они не занимаются управленіемъ, не заботятся о бѣдныхъ людяхъ, не отправляютъ правосудія, не охраняютъ дорогъ, не препятствуютъ убійству и грабежу, не караютъ никакихъ злодѣяній и произвола» и т. п.	«Ибо вымыселъ и ложь, будто мы не обезпечиваемъ мира странѣ, не отправляемъ правосудія, не препятствуемъ убійству и грабежу, ибо по мѣрѣ нашихъ силъ мы стараемся заниматься мирнымъ управленіемъ».

Тоже и въ дальнѣйшемъ. Чѣмъ больше сопоставляешь обѣ рѣчи, тѣмъ яснѣе убѣждаешься, что въ дѣйствительности онѣ вовсе не были произнесены, а просто выдуманы присяжнымъ ученымъ, по примѣру тѣхъ рѣчей государственныхъ людей и полководцевъ, о которыхъ сообщаютъ намъ Фукидидъ и Ливій. Это не болѣе, какъ риторическія упражненія, выполненныя съ опредѣленной цѣлью. Разсужденіе ландграфа о нравственности и правѣ, о необходимости и полезности налоговъ и т. п., равно и заключительныя его слова: «дѣло идетъ о томъ, чтобы обезпечить безопасность женщинѣ и ребенку»—все это не могло произвести ни малѣйшаго впечатлѣнія на разнузданныхъ, набранныхъ изо всѣхъ странъ ландскнехтовъ. Но эта рѣчь могла возвысить графа въ глазахъ образованнаго мѣщанства, для котораго писалъ Меланхтонъ. На нихъ, а не на военщину разсчитана эта рѣчь.

Съ другой стороны, рѣчь Мюнцера нарочито придумана, чтобы выставить его въ смѣшномъ видѣ. «Не позволяйте слабой плоти поддаваться страху—такой конецъ рѣчи навязываетъ Меланхтонъ Мюнцеру—и смѣло нападайте на врага; нечего вамъ бояться пушекъ, *ибо вы увидите, какъ я перехвачу своимъ рукавомъ всѣ ядра, которыя они направятъ въ насъ»* и т. п.

Такъ нелѣпо Мюнцеръ никогда не выражался въ своихъ сочиненіяхъ, когда говорилъ о практическихъ вещахъ; его мистицизмъ заключался исключительно въ вѣрѣ, что Богъ общается съ нимъ непосредственно, и что источникомъ его ученія является духъ Божій. Мюнцеръ никогда нигдѣ не утверждалъ, что онъ можетъ творить чудеса. Мы не сомнѣваемся, поэтому, что вся рѣчь есть просто наглое измышленіе Меланхтона.

Но кромѣ того, она—и плоское измышленіе, настолько плоское, что уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ *Штробель* пришелъ къ убѣжденію, что «авторомъ рѣчи является не Мюнцеръ, но, несомнѣнно, Меланхтонъ» (стр.

112). Несмотря на это, она еще до сихъ поръ приводится, напр., Янсеномъ, для характеристики Мюнцера.

Циммерманъ также говоритъ въ одномъ примѣчаніи (II, стр. 435): «Что рѣчь... есть измышленіе Меланхтона, это совершенно ясно; въ ней нѣтъ и слѣда мюнцеровскаго слога». Но онъ, какъ и *Штробель*, допускаетъ, что рѣчь дѣйствительно была произнесена, но передана Меланхтономъ въ извращенномъ видѣ.

Однако и такое допущеніе мы считаемъ неправдоподобнымъ. Для произнесенія рѣчей было слишкомъ мало времени, если только битва происходила такъ, какъ описываетъ ее Меланхтонъ въ своемъ сочиненіи «Ain nützlicher Dialogus odder gesprechbüchlein zwischen einem Müntzerischen schwermer und einem Evangelischen frummen Bavern, die straff der aufruhrischen Schwermer zu Frankenhausen geschlagen belangende. Wittenberg 1525» («Полезный діалогъ, или книжка о разговорѣ между мюнцеровскимъ мечтателемъ и благочестивымъ евангелическимъ крестьяниномъ, по поводу наказанія, которое понесли мятежные мечтатели у Франкенгаузена». Виттенбергъ, 1525.). Тамъ мечтатель говоритъ: „*Ну, скажите, справедливо ли это со стороны князей и господъ, что они дали намъ три часа на размышленіе, а не выждали даже и четверти часа, но какъ только переманили отъ насъ къ себѣ графа Штольберга и еще нѣкоторыхъ дворянъ, то начали стрѣлять въ насъ изъ пушекъ и напали на насъ*“.

Иными словами: князья вели переговоры съ крестьянами, требовали отъ нихъ подчиниться и давали имъ три часа на размышленіе. Тѣмъ временемъ они склонили на свою сторону дворянъ, находившихся въ крестьянскомъ войскѣ, и тотчасъ же послѣ этого, задолго до истеченія срока перемирія, напали на неподготовленныхъ къ бою крестьянъ и стали избивать ихъ.

Этотъ поступокъ былъ не особенно честенъ, и мы понимаемъ, почему Меланхтонъ старался придумать иную версію. Но если его версія совершенно лишена смысла, то изображеніе, данное въ діалогѣ, вполнѣ отвѣчаетъ тому образу дѣйствія, какого, вообще, придерживались тогда князья по отношенію къ крестьянамъ. Несмотря на свое превосходство въ силахъ, они стали на путь измѣны и вѣроломства, чтобы нанести пораженіе крестьянамъ. Этимъ обстоятельствомъ, а отнюдь не безсмысленнымъ ожиданіемъ, будто Мюнцеръ дѣйствительно перехватитъ въ свой рукавъ вражескія пули, объясняется то обстоятельство, что огромное большинство возставшихъ было перебито—500 или 600 изъ 800!—въ то время, какъ княжескія войска потерпѣли совершенно ничтожный уронъ.

Послѣ одержанной побѣды войска ворвались во Франкенгаузенъ и,

какъ писалъ на слѣдующій день ландграфъ Филиппъ, лица мужского пола, найденныя тамъ, всѣ были перебиты, а городъ разграбленъ.

Мюнцеръ съ частью разбитой дружины бѣжалъ въ городъ, и такъ какъ княжескіе всадники преслѣдовали его по пятамъ, то онъ бросился въ одинъ изъ ближайшихъ къ воротамъ домовъ, закуталъ голову, чтобы не быть узнаннымъ, и легъ въ постель, притворяясь больнымъ. Но его хитрость не удалась. Зашедшій къ нему солдатъ узналъ его по содержимому сумки, лежавшей около него. Онъ былъ немедленно схваченъ и приведенъ къ ландграфу гессенскому и герцогу Георгу. «Когда онъ предсталъ передъ князьями, они спросили его, зачѣмъ онъ ввелъ въ заблужденіе простыхъ людей? Онъ съ упорствомъ отвѣчалъ, *что поступалъ правильно, ибо намѣревался наказать князей*». Поистинѣ смѣлый отвѣтъ! Меланхтонъ, сообщающій о немъ, забываетъ въ данномъ случаѣ на одно мгновеніе, что онъ всегда задавался цѣлью изобразить Мюнцера отмѣннымъ трусомъ.

Князья тотчасъ же приказали пытать его и наслаждались его муками, а затѣмъ подарили его, въ качествѣ «побѣднаго подношенія» («Beutepfennig»), графу Эрнсту Мансфельдскому. «Если и прежде его жестоко пытали», то теперь, спустя нѣсколько дней, въ тюрьмѣ Гельдрунгена «съ нимъ поступали ужасно» (*Циммерманъ*).

Тогда-то у него выпытали признанія, протоколъ которыхъ мы неоднократно цитировали. Онъ ни отъ чего не отказывался и показалъ о своемъ тайномъ союзѣ только то, что не могло никому повредить. Изъ названныхъ имъ членовъ союза не было ни одного, казненнаго впослѣдствіи. Повидимому, онъ назвалъ только тѣхъ, кого уже не было въ живыхъ.

Битва при Франкенгаузенѣ лишила тюрингенское движеніе его главной опоры. Князьямъ оставалось только заняться кровавой местью. И они принялись за это дѣло съ усердіемъ.

Мансфельдскихъ горнорабочихъ до поры до времени оставили въ покоѣ. Хорошо уже было то, что они сохраняли спокойствіе. Только въ слѣдующемъ году, сообщаетъ намъ *Шпангенбергъ*, начали «нѣсколько притѣснять горнорабочихъ тяжкой работой, на что они очень жаловались, но не могли добиться облегченія». Наоборотъ, къ нимъ послали солдатъ, чтобы ихъ «успокоить». Они были лишены свободы собраній и слова.

Но еще болѣе дорогой цѣной пришлось расплатиться Мюльгаузену за то, что онъ не поддержалъ возстанія въ трудный моментъ. Изъ Франкенгаузена соединенныя силы князей двинулись прямо въ Мюльгаузенъ. Тщетно обращался городъ за помощью къ франконскимъ повстанцамъ. Франконцы поступили съ ними такъ же, какъ поступили они въ свое время съ возставшими во Франкенгаузенѣ. Еще недавно мятежной буржуазіей

имперскаго города овладѣло отчаяніе, какъ только 19-го мая началась осада. Пфейферъ увидѣлъ, что все потеряно, и 24-го мая тайно бѣжалъ съ 400 приверженцами, намѣреваясь пробиться въ верхнюю Франконію. Но княжеская конница нагнала его вмѣстѣ съ 92-мя другими.

Мюльгаузенъ сдался 25-го, получивъ письменное обѣщаніе помилованія. Послѣднее выразилось въ казни ряда горожанъ и въ разграбленіи города, потерявшаго теперь свою независимость. Саксонскіе князья добились того, чего ожидали отъ бунта въ Мюльгаузенѣ: они стали господами города. Бунтовщики, которые помогли ему въ этомъ дѣлѣ, были казнены, въ томъ числѣ Пфейферъ и Мюнцеръ, котораго также привезли въ Мюльгаузенъ.

Пфейферъ умеръ, не покорившись и не раскаявшись. На этомъ сходятся всѣ лѣтописцы. Относительно Мюнцера, Меланхтонъ утверждаетъ, конечно, что «онъ въ свои послѣднія минуты обнаружилъ большое малодушіе». Въ доказательство этого, онъ разсказываетъ, что отъ большого страха Мюнцеръ не могъ выговорить ни одного слова и не былъ въ состояніи прочесть символъ вѣры, такъ что герцогъ Генрихъ брауншвейгскій долженъ былъ прочесть его за него. Но вслѣдъ за этимъ нашъ повѣствователь заставляетъ безмолвнаго отъ страха человѣка произнести одну изъ тѣхъ прекрасныхъ рѣчей, которыя такъ любилъ высоко-образованный профессіональный классикъ и риторикъ.

Другіе лѣтописцы того времени ничего не сообщаютъ о малодушіи Мюнцера (ср. *Циммерманъ*, II, стр. 444). Наряду съ совершенно бездоказательнымъ свидѣтельствомъ Меланхтона, существуетъ еще *одно*, указывающее на уныніе Мюнцера въ послѣдніе дни его жизни; это свидѣтельство— его письмо городскому совѣту мюльгаузенской общины, написанное 17-го мая въ гельдрунгской тюрьмѣ. Въ немъ онъ убѣждаетъ членовъ совѣта не озлоблять властей; его смерть заслужена и откроетъ глаза неразумнымъ! Онъ проситъ помочь его бѣдной женѣ. Затѣмъ еще разъ слѣдуетъ увѣщаніе не озлоблять властей своекорыстіемъ, какъ они это дѣлали, *не продолжать далѣе возстанія и просить князей о помилованіи.*

Несомнѣнно, это письмо продиктовано малодушіемъ. Мы не можемъ согласиться съ Циммерманомъ, истолковывающимъ его въ благопріятномъ смыслѣ.

Но подлинное ли оно? Оно написано не рукою Мюнцера. Онъ самъ говоритъ въ немъ, что диктуетъ письмо нѣкоему Христофору Лау. *Но почему онъ диктуетъ его а не пишетъ самъ?* И кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы въ Мюльгаузенъ пришло такое письмо Мюнцера? Не кто иной, какъ князья. Письмо написано 17-го, а 19-го начинается осада Мюльгаузена. Письмо должно было облегчить осаду, оно было пред-

назначено для того, чтобы поколебать упорство осажденныхъ. Не напрашивается ли въ данномъ случаѣ предположеніе, что имя Мюнцера было использовано князьями, въ цѣляхъ одной изъ тѣхъ военныхъ хитростей, которыя были обычны въ то время?

Во всякомъ случаѣ, это письмо написанное не рукою Мюнцера, крайне подозрительно и не можетъ подкрѣпить сообщенія Меланхтона.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное основаніе сказать, что подробности о кончинѣ Мюнцера отсутствуютъ, а сообщенія о его малодушіи бездоказательны.

Для нашей оцѣнки Мюнцера и его дѣятельности, разумѣется совершенно безразлично, владѣлъ ли онъ до конца своими нервами или нѣтъ. Вопросъ этотъ крайне интересенъ лишь потому, что онъ характеризуетъ противниковъ Мюнцера.

Конечно, физическое мужество такъ же, какъ физическая сила или физическая красота, совершенно не свидѣтельствуютъ о нравственныхъ качествахъ носителей этихъ свойствъ; но наша природа уже такова, что трусъ намъ столь же несимпатиченъ, какъ нерѣдко уродъ или хилый человѣкъ. Понятно поэтому стремленіе Меланхтона принизить столь опаснаго врага, обвинивъ его въ трусости.

Но это обвиненіе упорно повторяется и даже еще преувеличивается и понынѣ, хотя оно и лишено всякаго серьезнаго основанія [1]).

Это отрадный признакъ. Сколько бы времени ни прошло съ тѣхъ поръ, какъ Мюнцеръ пожертвовалъ жизнью за свое дѣло, но это дѣло—дѣло пролетаріата, живетъ и внушаетъ страхъ, еще большій, чѣмъ во времена Мюнцера. Клевета, обильно расточаемая и въ настоящее время попами и профессорами по адресу великаго противника княжеской и буржуазной реформаціи, была бы безцѣльна, еслибы она направлялась противъ мертваго человѣка, а не противъ живого коммунистическаго движенія.

Но злобныя нападки, направляемыя противъ Мюнцера болѣе, чѣмъ противъ кого-либо изъ другихъ коммунистовъ и революціонеровъ того времени (анабаптисты въ Мюнстерѣ выступили нѣсколько позднѣе), защитни-

[1]) Наиболѣе отличился въ этомъ отношеніи г. *Зейдеманъ*, который пишетъ о поведеніи Мюнцера послѣ битвы при Франкенгаузенѣ слѣдующее: „Онъ, *вѣроятно*, въ числѣ *первыхъ* бѣжалъ съ поля сраженія“. Это „вѣроятно“ поистинѣ великолѣпно! Съ такимъ же правомъ можно было, конечно, сказать: „Вѣроятно, въ числѣ послѣднихъ“, ибо у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній, въ какой моментъ битвы Мюнцеръ ускользнулъ отъ наступающаго врага. Необходимо, впрочемъ, признать, что нашъ лютеранскій Базильо не слишкомъ злоупотребилъ своимъ „вѣроятно“: вѣдь онъ съ одинаковымъ правомъ могъ бы написать„ -вѣроятно, прежде всѣхъ другихъ“.

ками господствующихъ классовъ, со временъ Лютера и Меланхтона вплоть до нашихъ дней, стали наилучшимъ средствомъ сохранить въ народѣ живую память о немъ и не ослабѣвающую къ нему симпатію.

Мюнцеръ представлялся и еще теперь представляется народному сознанію наиболѣе блестящимъ олицетвореніемъ революціоннаго еретическаго коммунизма.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Анабаптисты.

I. Анабаптисты передъ крестьянской войной.

Во время нѣмецкой реформаціи одинъ центръ коммунистическаго движенія находился въ *Саксоніи*, другой центръ лежалъ въ *Швейцаріи*, въ этомъ своеобразномъ конгломератѣ крестьянскихъ и городскихъ республикъ, пріютившихся вокругъ главнаго кряжа Альпъ для совмѣстнаго отраженія общаго врага.

Уже къ концу 13-го столѣтія горные округа Ури, Швицъ, и Унтервальдтъ возстали противъ эксплоатаціи и угнетенія со стороны землевладѣльцевъ, особенно изъ среды духовенства, а также со стороны усиливавшагося дома Габсбурговъ. Благодаря ихъ боевому навыку и недоступности ихъ страны, освободительная борьба увѣнчалась успѣхомъ. Къ побѣдоноснымъ кантонамъ въ 14-мъ столѣтіи примкнули сосѣдніе города, которымъ усиливавшаяся княжеская власть угрожала въ той же мѣрѣ, что и южно-германскимъ и рейнскимъ городамъ, ведшимъ въ то время аналогичную борьбу противъ общаго съ ними врага. Но города Швейцарскаго Союза, объединившіеся со старыми кантонами, достигли, благодаря этому, лучшихъ результатовъ, чѣмъ ихъ сѣверные сотоварищи на Рейнѣ. Въ борьбѣ Людовика баварскаго противъ папства и Габсбурговъ швейцарцы стояли на сторонѣ Людовика. Католическая реакція при Карлѣ IV, такъ жестоко поразившая германскіе города, не нанесла ущерба свободѣ Швейцарскаго Союза. Въ 15-омъ столѣтіи они были уже достаточно сильны чтобы перейти въ наступленіе противъ «заклятаго врага», Габсбурговъ, и значительно расширить свою территорію путемъ завоеваній и купли.

Они были совершенно независимы отъ Германской Имперіи, но имъ удалось также положить предѣлы и папской эксплоатаціи.

Но этому независимому союзу общинъ еще не суждено было въ то время стать единымъ государствомъ. Сплачивало ихъ сознаніе, что каждая

составная часть союза сама по себѣ безсильна противъ гораздо болѣе могущественной сосѣдней княжеской страны. Но этимъ почти и исчерпывалась общность интересовъ отдѣльныхъ кантоновъ. Наряду съ ней существовала рѣзкая противоположность интересовъ экономически-отсталыхъ, старыхъ крестьянскихъ кантоновъ и—богатыхъ, гораздо болѣе прогрессировавшихъ въ экономическомъ отношеніи, городовъ.

Эта противоположность интересовъ отчетливо проявилась во время *реформаціи*. Старые кантоны совершенно не были въ ней заинтересованы. Эксплоатація папъ, уже значительно ограниченная Союзомъ, вообще говоря, мало угнетала эти кантоны. Наоборотъ, у нихъ были всѣ основанія къ тому, чтобы поддерживать хорошія отношенія съ католическими государствами—Франціей, Миланомъ, Венеціей—съ папой, а также съ Габсбургами, ибо они то и были главными потребителями единственнаго цѣннаго товара, который могли въ то время поставлять на рынокъ крестьяне и мелкіе дворяне Швейцаріи; товаръ этотъ—ихъ *сыновья-солдаты*. «Reislaufen»—наемная служба въ войскахъ, являлась главнымъ источникомъ доходовъ сельскаго населенія Швейцаріи, особенно въ горныхъ кантонахъ. Примкнуть къ реформаціи значило бы для него порвать съ католическими государствами, лишиться богатѣйшихъ денежныхъ источниковъ. Поэтому прямодушныя крестьяне крѣпко держались вѣры отцовъ.

Иначе обстояло дѣло въ городахъ. Городское населеніе совершенно не было заинтересовано въ военной службѣ у иностранныхъ государствъ; наоборотъ, наемничество было для него явленіемъ нежелательнымъ, такъ какъ оно усиливало могущество враждебнаго ему дворянства и увеличивало боевую способность и самостоятельность низшихъ классовъ, которыхъ эксплоатировали горожане. Вѣдь швейцарскіе наемники были въ большинствѣ случаевъ, не бездомными люмпенпролетаріями, но крестьянскими сыновьями, возвращавшимся по окончаніи военной службы домой.

Города имѣли полное основаніе относиться враждебно къ католицизму. Хотя въ Швейцаріи папская эксплоатація была болѣе ограничена, чѣмъ въ Германіи, однако алчная папская власть держалась за свои права въ богатыхъ городахъ Швейцаріи гораздо болѣе цѣпко, чѣмъ въ бѣдныхъ горныхъ областяхъ. Но наряду съ антагонизмомъ къ папству существовалъ не менѣе сильный антагонизмъ къ князьямъ и особенно къ *Габсбургамъ*. Нѣмецкая реформація была возмущеніемъ не только противъ папы, но и противъ императора, т. е. дома *Габсбурговъ*; такъ понималась реформація и въ Швейцаріи.

Правда, для гражданъ старой Швейцаріи домъ Габсбурговъ давно уже перестал быть «кровнымъ врагомъ». Они чувствовали себя слишкомъ окрѣпшими, чтобы бояться князей; вражда съ князьями не принесла бы

имъ выгодъ, а только отняла бы у нихъ доходъ отъ наемничества и подкупа.

Совершенно иначе обстояло дѣло въ городахъ сѣверной Швейцаріи, пограничныхъ съ владѣніями Габсбурговъ, подвергавшихся со стороны послѣднихъ постоянной угрозѣ, возбуждавшихъ въ нихъ алчное стремленіе, всегда враждебно настроенныхъ къ Габсбургамъ. Особенно живо былъ заинтересованъ въ борьбѣ съ Габсбургами *Цюрихъ*. Этотъ городъ былъ передовымъ борцомъ швейцарской реформаціи въ то время, какъ старые кантоны выступили на защиту коммунизма; съ этою цѣлью потомки Телля выступили въ союзъ съ Габсбургомъ, Фердинандомъ.

Въ Швейцаріи, какъ и въ Германской Имперіи, реформаціонное движеніе вызвало на поверхность коммунистическое движеніе. Но общественныя условія въ Швейцарскомъ Союзѣ были совершенно иныя, чѣмъ въ Саксоніи и, соотвѣтственно этому, характеръ швейцарскаго коммунизма, рѣзко отличался отъ характера саксонскаго коммунизма.

Послѣдній былъ моложе и находился подъ значительнымъ вліяніемъ таборитскихъ традицій. На Швейцарію эти традиціи оказали едва замѣтное вліяніе, но за то Швейцарія уже давно была подвержена вліянію вальденсцевъ и беггардовъ; вальденсцы пришли туда изъ южной Франціи и сѣверной Италіи, а беггарды, проникшіе изъ Нидерландовъ въ рейнскую долину, достигли Базеля черезъ Кельнъ и Страсбургъ.

Табориты были сторонниками насилія, но вальденсцы и беггарды всегда тяготѣли къ миролюбію. Уже одно это различіе должно было привести къ тому, что швейцарскіе коммунисты чувствовали, мыслили и дѣйствовали иначе, чѣмъ саксонскіе. Но характеръ соціальнаго движенія въ данной странѣ опредѣляется не только нанесенными извнѣ ученіями, но въ гораздо большей степени свойственными этой странѣ общественными и политическими условіями. А они то во многомъ отличались отъ того, что мы наблюдали въ Саксоніи. Саксонія выдѣлялась своими *горными промыслами*, особенно серебряными. Горная промышленность содѣйствовала возникновенію княжеской власти, но въ то же время создала изъ горнорабочихъ сильный, упорный, объединенный въ большія массы пролетаріатъ, породила товарное производство въ сельскомъ хозяйствѣ, а одновременно вызвала земельный голодъ у помѣщиковъ и крайне обострила всѣ соціальныя противорѣчія того времени.

Совершенно иное наблюдалось въ Швейцаріи. Тамъ не было горной промышленности, отсутствовали вооруженныя массы пролетаріата. Сельское хозяйство еще въ значительной мѣрѣ носило первобытный характеръ, земельный коммунизмъ былъ еще силенъ, абсолютной княжеской власти не было и слѣда. Мы находимъ тамъ скорѣе крестьянскія и городскія рес-

публики, крестьянскую и городскую демократію, которая относится къ коммунизму съ симпатіей, пока чувствуетъ себя еще слабой и беззащитной и которая въ ближайшемъ имѣетъ общаго съ нимъ врага.

Все это должно было содѣйствовать усиленію въ Швейцаріи миролюбивыхъ тенденцій вальденсцевъ и беггардовъ. Классовыя противорѣчія тамъ еще не были такъ обострены, какъ въ Саксоніи. Это обстоятельство, въ связи со всѣми предыдущими условіями, было причиной того, что швейцарское движеніе носило менѣе пролетарскій характеръ, чѣмъ саксонское. Въ Саксоніи ко времени мюнцеровскаго движенія число коммунистовъ изъ высшихъ классовъ было поразительно велико. Это, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ объясняетъ намъ, почему Мюнцеру удалось такъ высоко подняться изъ безымянной массы, которая несла его на себѣ и придавала ему страшную силу, но не выдѣляла изъ себя такихъ передовыхъ борцовъ, которые были бы въ состояніи увѣковѣчить въ литературной формѣ свою личность и память о себѣ.

Совершенно иначе обстояло дѣло среди швейцарскихъ коммунистовъ и другихъ коммунистовъ, находившихся подъ ихъ вліяніемъ. Между ними было множество выдающихся въ общественной жизни и образованныхъ людей. Нашъ взоръ не остается прикованнымъ исключительно къ какому-либо одному; мы подчасъ теряемся среди обилія интересныхъ характеровъ, выступающихъ предъ нами. Швейцарское движеніе слабѣе саксонскаго и съ исторической точки зрѣнія менѣе значительно, чѣмъ оно, но въ литературномъ отношеніи оно интереснѣе и интеллектуально стоитъ выше.

На этомъ заканчиваемъ его общую характеристику.

Въ 14-мъ и 15-мъ столѣтіяхъ, вальденсцы и беггарды оставляютъ послѣ себя не мало слѣдовъ,—слѣдовъ кровавыхъ, казней приверженцевъ этихъ сектъ. То были въ большинствѣ случаевъ люди изъ низшихъ классовъ: ремесленники, пролетаріи, крестьяне, проповѣдывавшіе коммунизмъ, какъ недозволенное ученіе, на тайныхъ сходкахъ. Къ началу 16-го столѣтія, наряду съ этимъ пролетарскимъ движеніемъ, въ гуманистическихъ кругахъ возникаетъ своего рода салонный коммунизмъ.

Если Цюрихъ былъ Виттенбергомъ Швейцарскаго Союза, то Базель игралъ тамъ такую же роль, какую игралъ въ Саксоніи Эрфуртъ. Базель былъ резиденціей швейцарскаго коммунизма. Тамъ составился кружокъ свободомыслящихъ ученыхъ и художниковъ, группировавшихся съ 1513 г. вокругъ *Эразма* Роттердамскаго, молочнаго брата Томаса Моруса и самого знаменитаго изъ сѣверныхъ гуманистовъ; Эразмъ жилъ постоянно въ Базелѣ вплоть до своей смерти (1536), уѣзжая оттуда лишь на время въ Нидерланды,—въ Льежъ и въ другіе города. Въ этомъ кружкѣ обсуждались разныя новыя идеи, въ томъ числѣ, повидимому, и ученіе позднѣй-

шихъ анабаптистовъ, Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ одно письмо Эколампадія. Мы уже познакомились съ этимъ базельскимъ ученымъ; онъ находился въ сношеніяхъ съ Мюнцеромъ во время пребыванія послѣдняго въ 1524 году на швейцарской границѣ и предложилъ ему проповѣдовать народу. Правда, впослѣдствіи осторожный профессоръ категорически отрицалъ свое общеніе съ опаснымъ человѣкомъ; онъ-де почти не былъ знакомъ съ Мюнцеромъ и узналъ его имя лишь послѣ того, какъ Мюнцеръ пригласилъ его къ себѣ. Но Эколампадій общался также и съ другими опасными людьми, напр. съ магистромъ *Гансомъ Денкомъ*, впослѣдствіи однимъ изъ наиболѣе выдающихся теоретиковъ анабаптизма. Эколампадій, лекціи котораго Денкъ слушалъ, устроилъ послѣднему мѣсто ректора въ нюренбергской школѣ Зебальда. Но образъ мыслей Денка былъ встрѣченъ тамъ недружелюбно, у него произошло столкновеніе съ властями и въ результатѣ, какъ мы уже видѣли раньше, ему пришлось оставить Нюренбергъ. Эколампадія обвиняли въ томъ, что онъ былъ первоисточникомъ ученій Денка. Противъ этого обвиненія базельскій ученый защищался въ письмѣ отъ 25 апрѣля 1525 г., адресованномъ нюренбергскому патрицію Виллибальду Пиркгеймеру: «Денкъ—писалъ онъ—не заимствовалъ у меня никакихъ ученій, если только онъ вообще воспринялъ какое либо ученіе... Но въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ (т. е. съ 1515 года) многіе весьма ученые люди очень много говорили объ ней (т. е. о ереси, которой придерживался Денкъ) въ тѣсномъ кругу, и тамъ то онъ и могъ ее позаимствовать» [1]).

Между «учеными людьми», жившими тогда въ Базелѣ, мы встрѣчаемъ многихъ позднѣйшихъ главарей анабаптистовъ. Въ 1521 и 1522 г.г. сынъ цюрихскаго патриція, *Конрадъ Гребель*, уже считался «выдающимся защитникомъ евангельскаго слова». Д-ръ *Балтазаръ Губмейеръ* изъ Вальдсгута также много вращался въ этомъ кругу; къ нему принадлежали, далѣе, швабецъ *Вильгельмъ Рейблинъ*, священникъ церкви св. Альбана въ Базелѣ и *Ульрихъ Гугвалдъ*, базельскій профессоръ, котораго, какъ мы уже знаемъ, Мюнцеръ пригласилъ, вмѣстѣ съ Эколампадіемъ, начать агитацію. Тамъ же мы находимъ *Людвика Гетцера*, книготорговца *Андрея на Штюльценъ*, *Симона Штумпфа* и другихъ,—все выдающіеся агитаторы анабаптистовъ.

Въ длинномъ перечнѣ, приводимомъ Келлеромъ, у котораго мы и заимствуемъ эти имена, наше вниманіе останавливаетъ еще *нидерландецъ Роое*, агитировавшій позднѣе на сѣверѣ и привлекшій на сторону анабаптистовъ Юргена Вуллевебера, а также дворянинъ *де-Коктъ*, представи-

---

[1]) Цитировано у *Келлера*, Die Reformation, стр. 330.

тель *южно-французскихъ* «братьевъ». Какъ мы видимъ, базельцы находились въ тѣсномъ общеніи какъ съ сѣверомъ, такъ и съ югомъ.

Наряду съ этими указаніями Келлера, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что коммунистическая утопія Томаса Моруса, о которой намъ придется еще говорить по другому поводу, обратила на себя тогда наибольшее вниманіе именно въ Базелѣ.

Первое изданіе «Утопіи», написанной на латинскомъ языкѣ, появилось въ 1516 году въ Льежѣ. Въ 1518 году понадобилось второе изданіе, которое и вышло въ Базелѣ у книгопечатника Фробена. Изъ одного письма Беата Ренана къ Пиркгеймеру [1]) мы видимъ, съ какимъ жаромъ обсуждалась тогда «Утопія» въ Базелѣ.

Но въ 1524 году появился первый нѣмецкій, и вообще первый переводъ «Утопіи»; онъ также былъ изданъ въ Базелѣ и сдѣланъ Клавдіемъ Кантіункулой [2]).

Чрезвычайно важно было бы доказать справедливость гипотезы Келлера, высказанной имъ въ уже многократно цитированной нами книгѣ о «реформаціи и старѣйшихъ реформаціонныхъ партіяхъ», согласно которой главнѣйшими носителями вальденскихъ и беггардскихъ традицій были базельскіе *книгопечатники*, передавшіе эти традиціи ученымъ.

Какъ разъ въ 16-мъ столѣтіи Базель сталъ центральнымъ пунктомъ книгопечатанія на нѣмецкомъ языкѣ. Наряду съ всемірноизвѣстнымъ печатнымъ заведеніемъ Фробена, о которомъ мы уже упоминали, тамъ возникли типографіи Амандера, Петра, Гегенбаха, Кратандера, Копитона и др. Книгопечатники играли въ Базелѣ выдающуюся роль и постоянно общались съ художниками и учеными этого города. Келлеръ отмѣчаетъ слова Лорка (въ его «Handbuch der Geschichte der Buchdruckerkunst»): «Рѣдко случалось наблюдать такую дружную совмѣстную работу науки, искусства и техники, какъ тамъ». Но Келлеръ установилъ также наличность частыхъ сношеній книгопечатниковъ, особенно базельскихъ, съ вальденсами и беггардами. Особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что всѣ нѣмецкіе переводы Библіи, появившіеся до сдѣланнаго Лютеромъ, совершенно сходны между собой. Всѣ они повторяютъ одинъ и тотъ же нѣмецкій переводъ, который вышелъ въ 14-мъ столѣтіи и, какъ убѣдительно доказываетъ Келлеръ, принадлежалъ вальденсцамъ. Этимъ же самымъ переводомъ пользовались (во всемъ существенномъ и лишь съ не-

---

[1]) Приведено въ моей работѣ „Томасъ Морусъ и его утопія“.

[2]) Въ концѣ книги имѣется помѣтка: „Печатано въ Базелѣ *Іоанномъ Бебаліемъ* въ MDXXIIII году“ (цит. соч., стр. 256).

большими устными измѣненіями) анабаптисты и ихъ наслѣдники, меннониты, вплоть до 17-го столѣтія.

То обстоятельство, что книгопечатники воспроизводили исключительно переводъ вальденсцевъ, позволяетъ, конечно, заключить, что въ ихъ средѣ вальденскія традиціи были весьма распространены и вполнѣ живы.

Это, впрочемъ, не правдоподобно. Обособленное классовое положеніе книгопечатниковъ того времени не даетъ намъ, конечно, объясненія ихъ коммунистическихъ симпатій, о наличности которыхъ свидѣтельствуютъ вальденскія тенденціи. Стоя весьма близко къ художникамъ и ученымъ и происходя, отчасти, изъ ихъ среды, они еще болѣе, чѣмъ ремесленники, составляли привилегированный классъ, нисколько не заинтересованный въ общественномъ равенствѣ. Самое большее, что можно было бы сказать, это то, что книгопечатники, въ качествѣ обученныхъ наемныхъ рабочихъ, т. е. эксплоатируемыхъ, скорѣе могли поставлять идеологовъ коммунизма, чѣмъ другіе классы образованныхъ людей того времени,—духовенство, профессора, юристы,—профессіи и интересы которыхъ были гораздо болѣе связаны съ сохраненіемъ существовавшихъ тогда классовыхъ отношеній. Но коммунистическія симпатіи книгопечатниковъ легче поддаются объясненію, если мы пойдемъ обратнымъ путемъ: прежде, чѣмъ искать мостъ отъ книгопечатниковъ къ коммунистамъ, попробуемъ найти мостъ отъ коммунистовъ къ книгопечатникамъ.

Мы уже неоднократно имѣли возможность отмѣчать, сколько усилій затрачивали коммунисты на хорошую постановку народнаго образованія. Это можно прослѣдить у всѣхъ коммунистовъ, начиная съ вальденсцевъ. Естественно, что они воспользовались новымъ искусствомъ и съ большимъ рвеніемъ принялись печатать книги и распространять ихъ въ народѣ.

Мы знаемъ, что общинная жизнь и дѣятельность братьевъ выражалась въ концѣ концовъ въ томъ, что они занимались главнымъ образомъ перепиской и распространеніемъ книгъ. Когда было изобрѣтено книгопечатаніе, они занялись имъ въ числѣ первыхъ и начали основывать книгопечатни; первыя типографіи появились въ Маріенталѣ близъ Эйзенгайма на Рейнѣ (повидимому, уже въ 1468 г., но, во всякомъ случаѣ, раньше 1474 г.), а за ними было основано и много другихъ. Одинъ изъ первыхъ выдающихся парижскихъ книгоиздателей, Евдокій Бадій Асценій, былъ ученикомъ братской школы [1]).

Какъ усердно богемскіе братья занимались книгопечатаніемъ, объ этомъ мы уже упоминали (стр. 233).

Повидимому, и Мюнцеръ во время своихъ первыхъ годовъ странствова-

[1]) *Ульманъ*, Reformatoren vor der Reformation, II, стр. 189.

ній «примкнулъ къ книгопечатникамъ въ качествѣ ученаго помощника» (*Зейдеманъ*). Въ Альштеттѣ онъ обзавелся собственнымъ печатникомъ, а между нюрнбергскими печатниками-подмастерьями у него было много приверженцевъ.

Уже упомянутый нами анабаптистъ Гансъ Денкъ съ особенной охотой занимался печатнымъ дѣломъ, сперва въ Базелѣ, въ заведеніи Кратандера, а потомъ въ типографіи Куріа; въ 1525 г., послѣ своего изгнанія изъ Нюрнберга, онъ продолжалъ ту же работу въ С.-Галленѣ.

Что коммунисты принимали выдающееся участіе въ книгопечатаніи и поставляли изъ своей среды многочисленныхъ печатниковъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дальнѣйшихъ подробностей объ этой ихъ дѣятельности мы не приводимъ, боясь впасть въ ошибки.

Еще до сихъ поръ не удалось освѣтить тотъ мракъ, который окутываетъ возникновеніе анабаптизма, или, вѣрнѣе, его связь съ предшествовавшими ему коммунистическими сектами. Вполнѣ отчетливо эта секта обрисовывается впервые въ Цюрихѣ во время реформаціи *Цвингли*.

Лютерова реформація началась съ борьбы противъ одного изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ перекачивать деньги изъ Германіи въ Италію,—съ борьбы противъ отпущенія грѣховъ. Цвингли началъ свою реформаторскую дѣятельность (будучи въ 1506—1516 гг. священникомъ въ Гларусѣ, въ 1515—1519 гг.—настоятелемъ въ Эйнзидельнѣ, а позднѣе священникомъ въ Цюрихѣ) съ борьбы противъ того средства, при помощи котораго папское золото перекачивалось въ Швейцарію, т. е. съ борьбы противъ наемничества. Лютеръ выступилъ, какъ теологъ, Цвингли—какъ политикъ. Его первыя нападки были направлены не противъ католическихъ догмъ, а противъ крупныхъ сосѣднихъ католическихъ династій, противъ Валуа и Габсбурговъ. Еще въ 1519 г. Цвингли былъ на такомъ хорошемъ счету у куріи, что, когда онъ заболѣлъ чумой, то папскій посолъ поторопился послать къ нему своего собственнаго лейбъ-врача. Только послѣ того, какъ волны нѣмецкой реформаціи докатились до Швейцаріи и взбудоражили ее, борьба противъ свѣтскихъ католическихъ властей превратилась и тамъ въ борьбу противъ католицизма (1522). Но разъ цюрихцы стали на этотъ путь, то въ дальнѣйшемъ они пошли по нему быстро и безъ особыхъ затрудненій.

«Церковная реформація—говоритъ Фёгелинъ—разразилась внезапно лишь въ 1523 году. Безъ особой предварительной подготовки Цвингли развилъ въ заключительныхъ рѣчахъ своего перваго диспута, происходившаго въ Цюрихѣ въ январѣ 1523 г., полную программу предлагаемой имъ реформы, совершенно расходясь въ этомъ отношеніи съ Лютеромъ, который въ своихъ извѣстныхъ 95 тезисахъ повторилъ, въ сущности,

95 разъ одну и ту же мысль,—оправданіе своей программы вѣрой, ибо это было единственное, что больше всего его занимало. Сопротивленіе со стороны католической іерархіи толкало Лютера шагъ за шагомъ по пути реформы. Въ свѣтломъ умѣ Цвингли законченное зданіе реформированной церкви сложилось уже въ 1523 году, и планъ его былъ набросанъ въ 65 «заключительныхъ рѣчахъ» (тезисахъ), стоящихъ гораздо выше лютеровыхъ, конечно, не по внѣшнему вліянію, а по ихъ научному значенію.

«Въ дальнѣйшемъ, первые три года были отмѣчены рядомъ тріумфовъ; одинъ ударъ слѣдуетъ за другимъ: освобожденіе отъ стараго церконаго союза, сперва съ Констанцомъ, позднѣе съ Римомъ, уничтоженіе монастырей, духовнаго сана, секуляризація всей духовной власти, уничтоженіе почитанія иконъ [1]) и упраздненіе богослуженія. Все это, взятое вмѣстѣ, образуетъ связное и замкнутое цѣлое, и потому можно сказать, что въ 1525 г. реформація въ Цюрихѣ была побѣдоносно завершена, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ» [2]).

Но если Цвингли и превосходитъ Лютера ясностью ума и послѣдовательностью, то цвигліанское реформаціонное движеніе въ *одномъ* пунктѣ все же сходится съ лютеранскимъ. Какъ то, такъ и другое опирается

---

[1]) Въ связи съ этимъ, въ Цюрихѣ, а позднѣе и въ Базелѣ, были уничтожены нѣкоторыя произведенія искусства. Вандализмъ, приписываемый теперь соціалдемократамъ, былъ совершенъ тогда вполнѣ буржуазными реформаторами, за что они не подверглись порицанію даже со стороны Эразма. Наоборотъ, онъ забавлялъ послѣдняго. Когда базельцы сожгли иконы на двѣнадцати большихъ кострахъ, Эразмъ написалъ Пиркгеймеру, что его удивляетъ, какъ эго суровые святители допустили такое дѣло. Что на это согласилась Дѣва Марія, его, впрочемъ, не удивляетъ, ибо она прославлена своею кротостью.

Янсенъ съ негодованіемъ отмѣчаетъ, насколько выгодно было для свѣтской власти уничтоженіе иконъ и церковной утвари: „Въ сокровищницѣ *одной только* церкви, которая была опустошена (цюрихскимъ) совѣтомъ 2-го октября 1525 года, находилось, между прочимъ много серебряныхъ поясныхъ изображеній цюрихскихъ мучениковъ, четыре драгоцѣнныхъ креста, четыре тяжелыхъ, богатыхъ раки, золотое изображеніе Богородицы вѣсомъ въ 60 фунтовъ и т. д. „Сокровища искусства, сдѣланныя изъ золота, вѣсили больше *одного центнера*, серебряныя—*много центнеровъ;* всѣ они были разбиты и переплавлены въ монету“ (Geschichte des deutschen Volkes, III, стр. 82, 83). Изъ-за своего нравственнаго возмущенія Янсенъ совершенно не усматриваетъ, какъ самъ онъ блестяще иллюстрируетъ ту высокую степень эксплоатаціи, которая позволяла католической церкви копить колоссальныя богатства на ряду съ массой золота, шедшей на поддержаніе ея существованія. *Авт.*

[2]) *Сл. Фѣгелинъ*, Ulrich Zwingli, Rede gehalten 1884 bei der Zwingli-Gedenkfeier. Цюрихъ 1884, стр. 3 и 4.

въ начальномъ періодѣ своего развитія на совокупную работу *всѣхъ* классовъ, недовольныхъ существовавшими въ то время отношеніями внутри церкви. Но какъ здѣсь, такъ и тамъ совмѣстная борьба заканчивается расхожденіемъ: каждое изъ объединенныхъ направленій и каждый классъ стремится использовать побѣду въ собственныхъ интересахъ; вожаку движенія, реформатору, котораго до сихъ поръ увлекали за собой всѣ эти партіи, приходится теперь стать на сторону одной изъ нихъ и отмежеваться отъ противниковъ ея, т. е. начать борьбу съ частью своихъ бывшихъ союзниковъ. Такова уже особенность всѣхъ революціонныхъ движеній, совершаемыхъ совмѣстными усиліями различныхъ классовъ съ противоположными интересами. Въ этомъ отношеніи судьба Виклефа сходна съ судьбой Лютера; то же самое произошло бы и съ Гуссомъ, если бы онъ пережилъ возникновеніе таборитскаго движенія. Лютера выдѣляла лишь та быстрота, съ какой онъ совершилъ переворотъ, отсутствіе у него всякаго фактическаго обоснованія предложенной имъ реформы и то неистовство, съ какимъ онъ обрушился на своихъ недавнихъ «возлюбленныхъ братьевъ».

Когда въ Цюрихѣ начался конфликтъ съ господствующей церковью, цюрихскіе сектанты-коммунисты также сочли излишнимъ продолжать скрывать свое существованіе. Уже весной 1522 года цюрихскимъ властямъ стало извѣстно о существованіи въ Цюрихѣ «еретической школы», организаціи, въ которой работалъ учителемъ Андрей на Штюльценѣ, принадлежавшій къ базельскому кружку. Между членами этой организаціи мы находимъ цюрихскаго гражданина Клауса Готтингера, ткача Лоренца Гохрютинера, булочника Генриха Аберлина, портного Ганса Окенфуса,—всѣ они стали позднѣе анабаптистами. Въ 1522 г. это общество еще не подвергалось преслѣдованію. Наоборотъ, Готтингеръ и его сторонники находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Цвингли.

Осенью 1522 года Конрадъ Гребель возвратился изъ Базеля въ Цюрихъ и тотчасъ же примкнулъ къ еретической школѣ. Будучи съ дѣтства независимымъ и богатымъ, онъ обучался въ Вѣнѣ и Парижѣ, снискалъ себѣ репутацію ученаго, что не помѣшало ему изрядно износиться физически за время студенческой жизни. Конфликтъ изъ-за этого съ его родителями еще болѣе обострился благодаря тайному браку, въ который онъ вступилъ противъ ихъ воли. Въ результатѣ его матеріальное благосостояніе сильно пошатнулось.

По возвращеніи въ Цюрихъ, онъ съ энтузіазмомъ примкнулъ къ церковному движенію, сталъ однимъ изъ «братьевъ», но сохранилъ самыя лучшія отношенія съ Цвингли.

За Гребелемъ послѣдовали его многочисленные базельскіе товарищи, которымъ казалось, что въ Цюрихѣ открыта теперь свободная арена дѣя-

тельности. Вильгельмъ Рейблинъ покинулъ свою каѳедру въ Базелѣ и получилъ другую въ Витиконѣ. Симонъ Штумпфъ занялъ мѣсто священника въ Гёнггѣ близъ Цюриха. Перемѣстился къ 1523 г. въ Цюрихъ и Людвикъ Гетцеръ, молодой священникъ-ученый изъ Тургау, также жившій раньше въ Базелѣ.

Къ членамъ общества, притекавшимъ извнѣ, присоединились также многочисленные прозелиты изъ самого Цюриха. Наиболѣе выдѣлялся между ними *Феликсъ Манцъ*, философски образованный человѣкъ, занявшій вскорѣ между «спиритуалами», какъ назывались вначалѣ цюрихскіе «братья», мѣсто наряду съ Гребелемъ. Община собиралась обыкновенно у матери Феликса, «Манцины», имѣвшей домъ въ новомъ городѣ.

Община росла и начинала сознавать свою силу. Цвингли заигрывалъ съ нею. Теперь цѣлью общества было побудить Цвингли стать на путь соціальныхъ реформъ. Изъ-за этого и разыгрался конфликтъ, все болѣе и болѣе обострявшійся впослѣдствіи.

Братья требовали отмѣны процентовъ и десятинъ, церковныхъ налоговъ. Цвингли неоднократно говорилъ имъ о своемъ сочувствіи этому требованію. Но теперь союзъ наводилъ на него страхъ. Великій Совѣтъ 22-го іюня 1523 г. рѣшительно высказался противъ уничтоженія церковной десятины, и реформаторъ понялъ намекъ. Черезъ три дня онъ произнесъ въ большомъ соборѣ проповѣдь, въ которой сталъ на точку зрѣнія Совѣта. Этимъ онъ показалъ, что въ дальнѣйшемъ не намѣренъ идти вмѣстѣ съ братьями.

Но послѣдніе не прекращали борьбы. Они требовали отъ Цвингли организовать церковь независимо отъ государства. Въ отвѣтъ на это, осенью была установлена *государственная церковь*, причемъ рѣшеніе всѣхъ церковныхъ вопросовъ предоставлялось Великому Совѣту, т. е. господствующимъ классамъ.

«Въ полномъ соотвѣтствіи съ свѣтской властью—пишетъ по этому поводу Фёгелинъ — Цвингли организовалъ государственную церковь съ обязательной религіей, т. е. ввелъ болѣе строгую и стѣснительную организацію чѣмъ та, которая существовала у католиковъ. Достойно вниманія, что въ началѣ 16-го столѣтія всякому предоставлялось вѣровать или не вѣровать; нужно было только добросовѣстно выполнять католическіе обряды, *платить священникамъ взятки* и тогда никому не приходило въ голову справляться о символѣ вѣры даннаго лица. Реформированная церковь установила иной принципъ, менѣе безнравственный, но болѣе нелѣпый: «Всякій человѣкъ всѣмъ своимъ сердцемъ обязанъ исповѣдывать мои взгляды» [1]).

Такое установленіе было для «спиритуаловъ» какъ бы ударомъ въ лицо:

[1]) Цит. соч., стр. 8.

они начали борьбу противъ папской церкви не для того, чтобы она превратилась въ слѣпое орудіе господства имущихъ классовъ. Между ними и Цвингли разгорѣлась теперь ожесточенная борьба. Но, въ то время, какъ «спиритуалы» боролись только словами, къ услугамъ Цвингли была вся принудительная власть государства. И онъ примѣнялъ ее съ усердіемъ. Уже въ концѣ 1523 года начались аресты и изгнаніе братьевъ. Въ декабрѣ этого года былъ изгнанъ, напр., Симонъ Штумпфъ.

Преслѣдованія не запугали братьевъ, они лишь возбудили ихъ рвеніе и усилили ихъ сплоченность. Секта быстро росла въ городахъ и деревняхъ. Изгнанники перенесли свое ученіе въ сосѣдніе кантоны, гдѣ оно скоро и распространилось. Одновременно съ этимъ братья стали строже отмежевываться отъ остальной массы населенія. Отличительнымъ признакомъ ихъ все опредѣленнѣе становилось отрицаніе обряда *крещенія дѣтей*.

Въ такомъ положеніи засталъ ихъ 1525 годъ.

II. Ученіе Анабаптистовъ.

Въ 1525 году теоретики анабаптистовъ еще не возвышали голоса. Но ихъ мысль вращалась главнымъ образомъ вокругъ теологическаго обоснованія и развитія ихъ ученія. Послѣднее обрисовалось въ главнѣйшихъ чертахъ съ достаточной ясностью къ началу крестьянской войны [1]). Мы считаемъ, что умѣстнѣе всего будетъ перейти теперь же къ его изложенію, прежде чѣмъ заняться описаніемъ внѣшнихъ судебъ секты.

---

[1]) О „еретической школѣ“, которую содержалъ въ 1522 г. въ Цюрихѣ Андреасъ на Штюльценѣ, Великимъ Совѣтомъ было наряжено судебное слѣдствіе. На допросѣ многіе участники собраній показали, что Андреасъ „ссылался на проповѣди самого Цвингли, когда поучалъ, что замужняя женщина, кичащаяся своимъ благочестіемъ, не лучше порицаемой ею гулящей дѣвки, если только послѣдняя признаетъ себя грѣшной передъ Богомъ. Скупость и ростовщичество приходскихъ священниковъ, а также накопленіе духовенствомъ и свѣтскими лицами богатствъ, съ цѣлью „возможно обильнѣе и роскошнѣе растить и питать гладкое брюхо“, Штюльцеръ ставилъ на одну доску съ воровствомъ, совершаемымъ по бѣдности: онъ не требовалъ, чтобы ростовщиковъ отправляли на висѣлицу, какъ воровъ, но говорилъ, что, передъ Богомъ и согласно евангельскому ученію, нѣтъ никакой разницы между ростовщикомъ и воромъ. Больше того—богачъ, лишающій бѣдняка дома, двора, поля, луга и всего добра, хуже передъ лицомъ Господа Бога, чѣмъ любой воръ или убійца. Особенно грѣховной считалъ Андреасъ войну; ибо тотъ, кто, владѣя отцовскимъ наслѣдіемъ и добромъ, все же идетъ наемникомъ на войну и избиваетъ простыхъ людей, является передъ Богомъ и согласно евангельскому ученію простымъ убійцей“. (*Эгли*, Die Züricher Wiedertäufer zur Reformationszeit. Nach den Quellen des Staatsarchivs dargestellt, Цюрихъ 1878, стр. 15, 16).

Анабаптисты прежде всего поражаютъ изслѣдователя удивительнымъ различіемъ своихъ взглядовъ. Себастіанъ Франкъ, хорошо знавшій и понимавшій ихъ, ибо во многомъ относился къ нимъ съ симпатіей, хотя и не безъ скепсиса и опасенія, говоритъ о нихъ въ своей хроникѣ, появившейся въ 1531 г.: «Хотя всѣ секты обнаруживаютъ въ своей средѣ немало разногласій, но анабаптисты отличаются особеннымъ внутреннимъ несогласіемъ и разбродомъ, такъ что я не могу написать о нихъ ничего вполнѣ опредѣленнаго и законченнаго» [1]).

Буллингеръ въ своемъ сочиненіи, направленномъ противъ анабаптистовъ, также говоритъ: «Нѣкоторые полагаютъ, что невозможно изложить достаточно полно всѣ внутреннія разногласія анабаптистовъ, ихъ противорѣчивые взгляды и ученія всѣхъ ихъ вредныхъ, отвратительныхъ сектъ или скопищъ; совершенно справедливо, что у нихъ трудно найти согласныхъ между собой и въ ихъ рядахъ весьма много такихъ, что имѣютъ свою собственную тайну, иначе говоря,—фантазію». Поэтому онъ не намѣренъ описывать всѣ ихъ секты и всякія «сумасбродныя измышленія», а лишь изображаетъ «важнѣйшія теченія, существующія въ ихъ средѣ» [2]).

Разъединенность и разнообразіе мнѣній вовсе не является исключительной особенностью анабаптистовъ. Мы уже наблюдали тоже самое у вальденсевъ, беггардовъ и таборитовъ. Отчасти это было слѣдствіемъ ихъ большой терпимости въ вопросахъ вѣры, благодаря которой, наприм., въ Таборѣ мирно уживались разнообразнѣйшія секты, отчасти же — слѣдствіемъ того, что эти секты лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выростали въ прочную, открыто дѣйствующую организацію. Поэтому понятіе «анабаптистъ» было также расплывчато, какъ напр., въ современной Россіи—«нигилистъ». Лѣтописцы причисляли къ анабаптистамъ самыя различныя секты. Съ другой стороны совершенно естественно, что всякое революціонное и, стало быть, критическое движеніе проявляетъ свой духъ критики не только по отношенію къ внѣшней средѣ, но и по отношенію къ самому себѣ. Это обстоятельство дѣлаетъ его склоннымъ къ расколамъ, особенно въ начальномъ періодѣ его развитія, когда оно еще не имѣетъ подъ ногами твердой почвы и ищетъ путь ощупью. Анабаптисты же—по крайней мѣрѣ въ Германіи—не пошли дальше этой стадіи.

Буллингеръ описываетъ различныя направленія анабаптистовъ съ большей подробностью, но и съ большей ненавистью, чѣмъ Франкъ. Мы придерживаемся послѣдняго и приводимъ нѣкоторыя его сообщенія.

Одни, говоритъ онъ, празднуютъ воскресенье, другіе нѣтъ. Нѣкоторые

---

[1]) Chronica, Zeytbuch vnd bibel von anbegyn biss inn diss gegenwärtig MDXXXI jar. Страсбургъ 1531, стр. 445.

[2]) Wiedertäufer, стр. 17.

имѣютъ особыя правила относительно одежды и пищи, а также во внѣшнемъ обособляются отъ всѣхъ прочихъ людей міра. Но такихъ мало. Иные приспособляются къ окружающей обстановкѣ. Есть такіе, которые учатъ, что они не могутъ грѣшить. «большинство проповѣдуетъ крестъ» и дѣлаетъ «изъ страданія божество». Иные проповѣдуютъ мученичество и переносятъ его. Другіе придерживаются мнѣнія, что пришло время молчать. Третьи страдаютъ изступленіемъ и пророчествуютъ. «Иные придаютъ большое значеніе (halten grosse Stücke) видѣніямъ и снамъ, а другіе ставятъ ихъ ни во что. Послѣдніе придерживаются буквы писанія». Нѣкоторые не придаютъ цѣны ни проповѣдямъ, ни книгамъ.

«Нѣкоторые придерживаются строгаго молчанія и придаютъ большое значеніе многочисленнымъ правиламъ, относящимся ко внѣшнимъ вещамъ... одеждѣ, прическѣ, ѣдѣ, разговору. Этихъ называютъ молчащими братьями». Другіе относятся къ такимъ вещамъ совершенно безразлично. Иные придерживаются во всемъ писанія, другіе же цѣнятъ только непосредственное откровеніе божіе. Послѣдніе полагаютъ, что и безъ писанія можно стать вѣрующимъ и блаженнымъ. «Почти всѣ считаютъ дѣтей чистыми и невинными созданіями, первородный же грѣхъ, какъ по отношенію къ дѣтямъ, такъ и по отношенію къ взрослымъ, не признаютъ заслуживающимъ проклятія».

«Иные только и занимаются тѣмъ, что молятся, и стремятся отвратить всякое несчастіе постоянной молитвой, словно лучше всего можно услужить Богу тѣмъ, что мы постоянно молимся, утомляя свой языкъ, вмѣсто того, чтобы утомлять самихъ себя. Послѣдніе полагаютъ также, что злу надо противостоять не иначе, какъ молитвой, а потому и запрещаютъ своимъ носить оружіе, дабы они всегда были спокойны и чуждались мести. Иные придерживаются противоположныхъ мнѣній, и можно сказать, что у всякаго изъ нихъ есть свои особыя сужденія, такъ что врядъ ли хотя бы двое изъ нихъ думаютъ одинаково, если не считать общей для всѣхъ притворной любви другъ къ другу и желанія оказывать взаимныя услуги. Поэтому невозможно описать всѣхъ ихъ установленій,—такъ много вопросовъ, и зачастую глупыхъ, праздныхъ вопросовъ, возникаетъ ежедневно въ ихъ средѣ»...

«Многіе полагаютъ, что такимъ людямъ больше подходило бы обитать не на землѣ, а на небѣ или въ республикѣ Платона».

Многіе изъ нихъ имѣютъ хиліастическія представленія. Они полагаютъ, что «блаженные, почившіе во Христѣ, мирно востанутъ изъ мертвыхъ и будутъ царствовать на землѣ, вмѣстѣ съ Христомъ, въ продолженіи тысячи лѣтъ. Другіе увѣрены что царствіе это будетъ вѣчно, и

Христосъ будетъ править здѣсь на землѣ, какъ гласятъ слова пророковъ, какъ полагалъ Лактанцій, и какъ думаютъ до сихъ поръ евреи».

Немало такихъ, которые увѣрены въ близкомъ наступленіи чаемаго воскресенія, а потому и роздали свое добро и имущество. Нѣкоторые ненавидятъ иконы, а другіе не стѣсняются даже ходить въ церковь и слушать обѣдни и т. д. и т. п.

Но всѣ эти различія второстепенны, касаются обрядности и обусловливаются скорѣе различіемъ въ темпераментахъ и въ настроеніяхъ, какъ то мы видѣли на примѣрѣ различнаго отношенія къ откровеніямъ и снамъ. Сюда же относятся кромѣ того нѣкоторые тактическіе вопросы второстепеннаго свойства.

Но и въ важныхъ принципіальныхъ вопросахъ анабаптисты не обнаруживали полнаго единства.

Въ ряду этихъ вопросовъ главное мѣсто занималъ основной вопросъ о собственности.

«Нѣкоторые—говоритъ Франкъ—сами считаютъ себя святыми и чистыми; у нихъ въ отличіе отъ прочихъ—все общее; ни одинъ не говоритъ, что то или иное принадлежитъ ему, и всякая собственность считается у нихъ грѣхомъ.

«Другіе владѣютъ общимъ имуществомъ въ томъ смыслѣ, что никогда не оставляютъ другъ друга въ нуждѣ. Не то, чтобы одинъ отдавалъ все свое добро другому, но въ случаѣ нужды каждый можетъ пользоваться чужимъ добромъ, и ни одинъ не можетъ ничего утаивать отъ другого и обязанъ держать свой домъ открытымъ. Дающій долженъ давать охотно и съ радостью, а берущій—съ неохотой и, по возможности, меньше, дабы не обременить своего брата и не быть ему въ тягость. Но здѣсь много лицемѣрія, неискренности и ананійства, какъ это они сами признаютъ.

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—напр., въ Аустерлицѣ въ Моравіи,—у нихъ есть экономы, ключники, завѣдующіе общими пищевыми складами, изъ которыхъ каждому должно выдаваться то, въ чемъ онъ нуждается. Но выдается ли и правильно ли распредѣляется все—этого я не знаю. Придерживающіеся такого порядка отлучаютъ отъ себя другихъ братьевъ, какъ не стоящихъ на правильномъ пути, и, вообще, въ ихъ общинахъ такъ много отлученій, что почти всякая община отлучаетъ другую несогласную съ нею въ чемъ либо.

«Другіе анабаптисты не придерживаются порядковъ вышеупомянутой общины и общей собственности, считаютъ ее излишней и полагаютъ, что тѣ (другіе), называя себя настоящими христіанами и презирая остальныхъ, хватаютъ черезъ край. У нихъ всякій работаетъ для себя, они по-

могаютъ другъ другу, подаютъ совѣты, протягиваютъ другъ другу руку (по моему мнѣнію) въ достаточной мѣрѣ лицемѣрно, хотя я этимъ не намѣренъ порицать тѣхъ, кто это дѣлаетъ искренно».—Мы видимъ, такимъ образомъ, что у анабаптистовъ, какъ и у таборитовъ и у богемскихъ братьевъ (а въ началѣ и у христіанъ), существовало два теченія—болѣе строгое, которое стремилось къ полному коммунизму, отрицало всякую частную собственность и старалось содержать всѣхъ своихъ членовъ изъ запасовъ общей кладовой, и наряду съ нимъ, менѣе строгое, признававшее частную собственность и только требовавшее, чтобы ею владѣли такъ, какъ если бы вовсе не владѣли. Совмѣстное выступленіе этихъ двухъ теченій представляется не случайностью, но типичнымъ явленіемъ, которое проявляется въ коммунистическомъ движеніи съ естественною необходимостью, пока это движеніе не выходитъ изъ основныхъ рамокъ первобытнаго христіанства.

Съ вопросомъ о собственности тѣсно связанъ вопросъ о формѣ брака. И въ этомъ отношеніи между ними было такъ же мало единства, какъ между ихъ предшественниками.

«Нѣкоторые учатъ, говоритъ Франкъ, что нельзя жить въ одной семьѣ съ иначе вѣрующими. Это ученіе разрушило много браковъ. Но другіе между ними придерживаются совершенно обратныхъ взглядовъ.

«Нѣкоторые сочли своимъ долгомъ оставить домъ и семью, слѣдуя примѣру апостоловъ [1]). Но многіе изъ нихъ проповѣдуютъ и противъ этого.

«Возникла у нихъ и такая секта, которая желаетъ, чтобы была установлена общность женъ, наравнѣ съ общностью прочаго имущества. Но эта секта вскорѣ была заглушена (vertust) и подавлена. Нѣкоторые обвиняли Гуга и Гетцера въ руководительствѣ этой сектой. Если это вѣрно, то они, значитъ, понесли достойное наказаніе».

---

[1]) Петръ сказалъ: Вотъ мы все оставили и пошли за тобою; Онъ же (Христосъ) отвѣчалъ имъ: истинно говорю вамъ, что нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ или родителей, или братьевъ, или сестеръ, или жену, или дѣтей своихъ, ради царствія божія, и кто не получилъ бы за это сторицею (Лука, 18, 28, 30).—*Корнеліусъ* сообщаетъ намъ примѣръ того, какъ иногда дѣйствовало это приглашеніе разрушать семью: „Ночью поднялся крестьянинъ Гансъ Беръ изъ Альтенъ-Эрлангена со своего ложа и сталъ складывать одежду и утварь. „Куда ты?"—спросила его жена. Онъ отвѣтилъ: „Не знаю. Богъ это знаетъ". Она заклинала его остаться: „Что я сдѣлала тебѣ плохого? Оставайся со мной и помоги мнѣ воспитывать моихъ малютокъ". „Дорогая жена—возразилъ онъ—не обременяй меня преходящимъ. Да благословитъ тебя Господь, а я пойду, чтобы познать волю Бога" (*Корнеліусъ*, Geschichte des Münsterischen Aufruhrs, II, стр. 49)

Съ Людвикомъ Гетцеръ, уроженцемъ Тургау, мы уже познакомились. Онъ принадлежалъ къ числу наиболѣе смѣлыхъ мыслителей своей партіи и не только въ вопросахъ брака. Онъ принадлежалъ къ числу анабаптистовъ, отрицавшихъ божественность Христа и считавшихъ его учителемъ и образцемъ, а отнюдь не «божествомъ». Въ 1529 году онъ былъ казненъ въ Констанцѣ за «нарушеніе брака». «Онъ былъ очень близокъ къ Духу Божьему—сообщаетъ о немъ одна моравская хроника анабаптистовъ,—какъ свидѣтельствуютъ о томъ его писанія. Онъ написалъ въ Костницѣ (Констанцѣ) стихи о Божествѣ, въ которыхъ говорится:

„Ich bin allein der ewig Gott,
Der ohne Hilf' Alles erschaffen hat,
Fragst du, wie viel doch meiner sein?
Ich bin's allein, meiner sein nit drei,
Sag'auch dabei ohn'allen Won,
Weiss glatt auch von keiner Person.
Ich bin auch weder diess noch das,
Wem ich's nit sag, der weiss nit was" [1]).

(Единый есмь я вѣчный Богъ,
Создавшій все безъ помощи чужой,
Ты вопрошаешь сколько лицъ во мнѣ?
Не троиченъ я въ лицахъ, а единъ.
Скажу еще тебѣ я напрямикъ,
Ничье иное мнѣ лицо невѣдомо.
Не то я и не это,—вѣдаетъ меня
Лишь тотъ, кому я открываюсь.

Гансъ Гутъ изъ Франконіи былъ книгопродавцемъ и ревностнымъ приверженцемъ Мюнцера (который самъ былъ далекъ отъ того, чтобы проповѣдовать общность женъ). Послѣ подавленія тюрингенскаго возстанія крестьянъ онъ примкнулъ къ южно-германскимъ анабаптистамъ.

Ученія, за которыя былъ осужденъ Гетцеръ, напоминаютъ намъ адамитовъ въ Богеміи, а также братьевъ и сестеръ свободнаго духа. Замѣчательно поэтому, что Буллингеръ говоритъ о существованіи у анабаптистовъ секты свободныхъ братьевъ, чрезвычайно родственной не только по имени, но и по идеямъ братьямъ свободнаго духа. Покоится ли это сходство на традиціи, или общность соціальныхъ условій лишній разъ привела къ образованію аналогичнаго явленія, безъ всякой связи съ предшествующими,—этого мы не можемъ рѣшить.

«Свободные братья—говоритъ Буллингеръ—которыхъ почти всѣ осталь-

[1]) *I. Beck*, Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer in Oesterreich-Ungarn, Вѣна 1883, стр. 34.

ные баптисты называютъ грубыми, дикими братьями, которыхъ они отвергаютъ и отлучаютъ отъ себя, составляютъ восьмую секту въ орденѣ баптистовъ. Ихъ насчитывалось въ разныхъ мѣстахъ не мало съ самаго возникновенія баптизма, особенно же въ горной странѣ (Цюрихѣ). Баптисты понимали христіанскую свободу плотски. Они хотѣли быть свободными отъ подчиненія всякому закону, ибо Христосъ создалъ ихъ свободными. Поэтому, они полагали также, что не обязаны платить установленныя закономъ подати и десятины и нести повинности батраковъ и крѣпостныхъ. Но нѣкоторые, желавшіе быть болѣе скромными, учили, что хотя и нѣтъ обязательства подчиняться установленіямъ закона, но все же слѣдуетъ платить язычникамъ, дабы они не имѣли повода жаловаться и поносить ихъ ученіе. Однако, крѣпостничеству не мѣсто среди христіанъ. Нѣкоторые изъ этихъ свободныхъ братьевъ, совершенно отчаянный народъ, убѣдили легковѣрныхъ женщинъ, будто онѣ не смогутъ получить блаженство, не лишившись чести. Приэтомъ, они извращали слово Божіе, оскорбляя Господа: кто не отдастъ и не утратитъ всего, что ему дорого, тотъ не достигнетъ блаженства, а поэтому, ради Христа нужно претерпѣть всяческій позоръ и стыдъ. Христосъ сказалъ, что мытари и блудницы будутъ стоять въ небесномъ царствѣ выше праведныхъ, а потому, говорили они, женщины должны стать блудницами и потерять свою честь, и тогда онѣ будутъ стоять на небѣ выше благочестивыхъ женщинъ. Другіе поступали нѣсколько хитрѣе. Они учили, что разъ все—общее, то общими должны стать и жены. Коль скоро принято новое крещеніе, говорили другіе, то этимъ совершено перерожденіе и человѣкъ не можетъ грѣшить; грѣшнымъ можетъ стать только тѣло. И вотъ нѣкоторые (sömlichen), подъ прикрытіемъ ложныхъ и измышленныхъ разсужденій, творили великія безстыдства и предавались излишествамъ. Они на все могли сказать, что такова воля Отца (Бога). Такъ среди многихъ распутниковъ возникли духовные браки. Ибо женщинъ они убѣждали, что онѣ жестоко прегрѣшаютъ со своими мужьями, не получившими еще новаго крещенія, т. е. съ язычниками. Но съ ними, баптистами, онѣ не грѣшатъ, ибо ихъ связываетъ духовный бракъ [1]).

Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти другихъ свидѣтельствъ о свободныхъ братьяхъ. Полемическое произведеніе Буллингера—источникъ не безпристрастный и ненадежный. Но въ существенныхъ пунктахъ мы должны считать его описаніе свободныхъ братьевъ довольно правильнымъ, особенно, когда онъ говоритъ о «свободной любви» братьевъ и сестеръ свободнаго

---

[1]) Widertäufer, I. 32.

духа, объ ихъ «коммунистическомъ анархизмѣ», безгрѣшности, основанной на томъ, что все, что бы они не дѣлали, творится по волѣ Божіей.

Въ вопросѣ объ отношеніи къ государству и къ правительственной власти анабаптисты обнаруживали такое же отсутствіе полнаго единства, какъ и во взглядахъ на собственность и бракъ. Правда, всѣ они сходились на томъ, что съ государствомъ слѣдуетъ имѣть возможно меньше дѣла. Они совершенно отрицали государство, но и отвергали насильственное выступленіе противъ него, проповѣдуя «долгъ страждущаго послушанія». Они хотѣли избавиться отъ «рабскаго подчиненія государству», выражаясь современнымъ языкомъ, путемъ игнорированія государственной власти.

Они учатъ, сообщаетъ Франкъ, что насиліе нужно терпѣть и насильно отобранное не отнимать. Христіанинъ не долженъ занимать никакихъ должностей, «онъ не можетъ пользоваться трудомъ крѣпостныхъ или другихъ рабочихъ, ему запрещено участвовать въ войнѣ и подымать на кого либо руку». Богъ мститъ за себя самъ.

Нѣкоторые изъ нихъ требуютъ уничтоженія присяги. «Христіанинъ не долженъ также быть представителемъ какой либо власти, имѣющей право присуждать къ смерти, проливать кровь или вести войну». Другіе допускаютъ въ крайнихъ случаяхъ самозащиту. «Но всѣ они единогласно учатъ повиноваться властямъ во всемъ, что не противно Богу, и не только платить пошлины и налоги, но и отдавать платье, рубашку и все, что потребуютъ. Они говорятъ, что согласны терпѣть насиліе и подчиняться тиранамъ. Они отвѣчали мнѣ, поскольку я ихъ объ этотъ разспрашивалъ, что живутъ они для того, чтобы терпѣть во имя Христа, а не проявлять свое нетерпѣніе насиліемъ. Ибо евангеліе учитъ и требуетъ, чтобы его отстаивали и утверждали не кулакомъ, какъ думаютъ крестьяне, но страданіемъ и смертью... Поэтому, я думаю, нѣтъ никакого основанія предполагать, что они стремятся поднять возстаніе. Дьяволъ, который любитъ убійство, и наслаждается, купаясь въ крови, внушаетъ многимъ нелѣпую мысль терзать этихъ бѣдныхъ людей... А разъ нѣтъ на лицо никакого бунта, то нечего терзать кого либо изъ нихъ, давая волю простой жестокости. Будь я папой, императоромъ или даже туркомъ, *то и тогда я опасался бы возмущенія съ ихъ стороны меньше, чѣмъ со стороны любого другого народа*».

Въ этомъ пунктѣ они больше всего отличались отъ Мюнцера и вообще большинства нѣмецкихъ коммунистовъ періода, предшествовавшаго крестьянской войнѣ, хотя во всемъ остальномъ цюрихскіе братья стояли къ нимъ весьма близко.

Еще до сего времени сохранилось письмо къ Мюнцеру, написанное 5-го сентября 1524 г. уже извѣстными намъ Гребелемъ, Манцомъ, Андреа-

сомъ Штюльценомъ, Гансомъ Окенфусомъ, Генрихомъ Аберли и другими. Въ этомъ письмѣ они заявляли, что согласны съ нимъ во многомъ: «ты вмѣстѣ съ Карльштадтомъ, считаешься у насъ самымъ истиннымъ провозвѣстникомъ и проповѣдникомъ чистѣйшаго слова божія». Они рады, «что нашли такого человѣка, который раздѣляетъ общее съ нами христіанское пониманіе», а его «книжечки просвѣтили и укрѣпили насъ, нищихъ духомъ, сверхъ всякой мѣры»; но ученіе Мюнцера представляется имъ недостаточно радикальнымъ, и они увѣщеваютъ его: «Ты долженъ усердно стараться безбоязненно проповѣдывать только слово божіе и устанавливать лишь божескіе порядки... всѣ же установленія, слова, обычаи и желанія человѣческіе, не исключая и твоихъ собственныхъ,—отвергать, ненавидѣть и проклинать». Они высказываются противъ его нѣмецкаго богослуженія, которое представляется имъ слишкомъ чуждымъ апостольской простотѣ. Не нравится имъ и то, что онъ сохранилъ въ церкви доски (иконы?). Вмѣстѣ съ тѣмъ, они высказываются противъ его проповѣди насилія. Кто не желаетъ вѣровать и противится слову Божію, того... слѣдуетъ не убивать, но считать язычникомъ и мытаремъ и предоставлять ему оставаться таковымъ. Не слѣдуетъ также защищать евангеліе и его сторонниковъ мечомъ; таково, какъ мы слышали отъ нашихъ братьевъ, и твое мнѣніе. Истинные вѣрующіе христіане—какъ бы овцы среди волковъ, козлища, предназначенные на закланіе; они должны быть крещены въ страхѣ и нуждѣ, въ мученіи и преслѣдованіи, въ страданіяхъ и смерти, должны быть испытаны во всемъ этомъ и могутъ достигнуть страны вѣчнаго покоя умерщвленіемъ не плоти, а духа. Они не берутъ въ руки меча и не ведутъ войны, ибо убійство имъ совершенно чуждо.

Письмо снабжено припиской: братья только что узнали о Лютеровомъ «письмѣ и позорной книжонкѣ», въ которой онъ приглашаетъ князей положить конецъ агитаціи Мюнцера. «Братъ Гуйюфенъ пишетъ, будто ты проповѣдывалъ противъ князей и говорилъ, что на нихъ нужно пойти силой. Если это вѣрно..., то я заклинаю тебя общимъ для всѣхъ насъ благомъ отказаться отъ этого намѣренія и оставить эти помыслы впредь: тогда ты будешь совершенно чистымъ, *ты, который во всемъ остальномъ* (т. е. за исключеніемъ богослуженія, «досокъ» и насильственнаго пути) *нравишься намъ больше, чѣмъ кто либо иной въ нѣмецкихъ, а также въ другихъ странахъ*. Если ты попадешься въ руки Лютеру и герцогамъ, то откажись отъ указанныхъ пунктовъ, а за остальные стой твердо, какъ герой» [1]).

[1]) Письмо приведено въ оригиналѣ у *Корнеліуса*, цит. соч. II, стр. 240 и слѣд., приложеніе первое. Оригиналъ находится въ С. Галленской Bürgerbibliothek.

Получилъ ли Мюнцеръ это письмо и какъ онъ на него отвѣтилъ, мы не знаемъ. Вскорѣ послѣ того, какъ оно было написано, мы находимъ Мюнцера на швейцарской границѣ, гдѣ онъ вступилъ въ сношеніе съ швейцарскими анабаптистами. Относительно характера этихъ сношеній имѣются лишь догадки; но что по вопросу о насильственномъ пути не было достигнуто соглашенія,—свидѣтельствуетъ событіе, разыгравшееся по возвращеніи Мюнцера въ Тюрингенъ.

Вопросъ о насильственномъ пути былъ для анабаптистовъ важнѣйшимъ, совершенно также, какъ прежде—для богемскихъ братьевъ. Это видно изъ того, что, несмотря на свою обычную терпимость и на мирное сожительство образовавшихся внутри ихъ разнообразнѣйшихъ направленій, они всегда, однако, протестовали противъ тѣхъ, кто причислялъ Мюнцера къ числу ихъ сторонниковъ. Чуждались они и единомышленниковъ Мюнцера. Франкъ сообщаетъ: «Говорятъ, что у Мюнцера еще есть (1531) много тайныхъ сторонниковъ въ средѣ тюрингенской молодежи, *но они не анабаптисты*, и, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, онъ и самъ не принялъ вторичнаго крещенія».

Послѣднее обстоятельство само по себѣ еще не можетъ служить доказательствомъ того, что Мюнцеръ не принадлежалъ къ баптистамъ. Какъ и они, онъ былъ противникомъ крещенія дѣтей. Въ своей «Протестаціи» онъ писалъ: «Во времена апостоловъ слѣдили за тѣмъ, чтобы врагъ не смѣшивалъ пшеницу съ плевелами»; поэтому въ число учениковъ церкви принимали только *взрослыхъ людей*, послѣ предварительнаго долгаго обученія... «Да что говорить,—никогда и нигдѣ, ни въ одной книгѣ церковныхъ учителей, даже самыхъ раннихъ, ни однимъ (словомъ?) не указано и не выражено, что такое истинное крещеніе. Я предлагаю всѣмъ ученымъ книжникамъ указать мнѣ, въ какихъ священныхъ книгахъ написано, чтобы Христосъ и его апостолы крестили когда либо безсловеснаго ребеночка или же гдѣ доказывается, что нашихъ дѣтей надо крестить такъ, какъ это дѣлается теперь».

Практикой вторичнаго крещенія цюрихскіе анабаптисты впервые занялись въ концѣ января или въ началѣ февраля 1525 г., т. е. въ то время, когда Мюнцеръ, повидимому, уже покинулъ швейцарскую границу, чтобы принять участіе въ великой революціонной борьбѣ, и когда всѣ эти мелочныя сектантскія измышленія должны были представляться ему въ высокой мѣрѣ несущественными.

Идея вторичнаго, т. е. поздняго, крещенія далеко не нова. Она весьма рано зародилась еще у вальденсцевъ. Особенно сильно проявлялась она позднѣе у богемскихъ братьевъ, въ періодъ возникновенія этой секты. «Лучше было бы слѣдовать древней церкви и крестить только взрослыхъ,

которые уже способны осуществлять свою вѣру дѣлами»,—говорилъ Петръ Хельчицкій. Онъ не отвергалъ категорически крещенія дѣтей, но отдавалъ предпочтеніе крещенію взрослыхъ. Когда въ 1407 году въ Лотѣ была организована община богемскихъ братьевъ, то первымъ ихъ дѣломъ было принятіе вторичнаго крещенія, которое было совершено надъ всѣми присутствующими.

Обычай поздняго крещенія сохранился у нихъ вплоть до появленія анабаптистовъ. Къ этому времени богемскіе братья уже получили право гражданства; они не хотѣли, чтобы ихъ смѣшивали съ анабаптистами, которые носили тотъ же характеръ, что и первые послѣдователи Хельчицкаго. Крещеніе взрослыхъ стало теперь опаснымъ символомъ, а поэтому въ богемской сектѣ проявлялось все большее несочувствіе къ этому обряду. Въ концѣ концовъ ихъ синодъ, созванный въ Юнгбуцлау въ 1534 году (годъ возстанія Мюнцера) совершенно отмѣнилъ вторичное крещеніе [1]. Такимъ образомъ принципъ, давшій наименованіе цюрихскимъ братьямъ, былъ далеко не новымъ. Отрицаніе крещенія дѣтей было логическимъ выводомъ изъ отрицанія государственной церкви.

Пока католическая церковь была на христіанскомъ Западѣ дѣйствительно католической (katholikos по греч. значитъ—всеобщій), крещеніе означало вообще принятіе человѣка въ общину. Въ этомъ смыслѣ крещеніе новорожденныхъ не было нелѣпымъ. Дѣло совершенно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ оппозиціонныя партіи превратились въ еретическія, оспаривавшія притязаніе католической церкви на обладаніе всѣмъ христіанскимъ міромъ.

Коль скоро наряду съ католической церковью образовались другія церковныя общины, то естественно возникло требованіе, чтобы отдѣльныя лица не приписывались къ опредѣленной церкви, помимо ихъ воли, лишь благодаря случайности рожденія, но, чтобы каждому была предоставлена полная свобода до тѣхъ поръ, пока онъ сможетъ мыслить самостоятельно.

Но не всѣ протестантскія секты приходили къ такому выводу. Протестантизмъ господствующихъ классовъ означалъ ни что иное, какъ ихъ стремленіе завладѣть церковью, какъ орудіемъ господства, и включить ее въ рамки государства. Церковь должна была стать частью государства, государственной церковью; государственная власть реформируемыхъ странъ опредѣляла, къ какой церкви, къ какому «исповѣданію» должны принадлежать подданные. Особенно рельефно сказалось это въ монархической Германіи, гдѣ сложился принципъ: cujus regio, ejus religio, гдѣ вѣрноподданные дѣти безъ всякихъ разговоровъ обязаны были перемѣнить вѣру,

[1]) *Гиндели,* Geschichte der Böhmischen Brüder, I. стр. 36, 224.

если повелитель страны по какой либо причинѣ переходилъ въ новую вѣру или же передавалъ по наслѣдству, дарилъ, промѣнивалъ или еще какъ нибудь иначе отдавалъ своихъ вѣрноподданныхъ иновѣрному повелителю.

Въ демократическихъ протестантскихъ государствахъ государственная церковь не дѣлала такихъ нелѣпыхъ выводовъ, какъ въ монархическихъ; но она появилась въ нихъ раньше, первоначально въ Цюрихѣ, гдѣ Цвингли, какъ мы уже видѣли, установилъ государственную церковь еще въ 1523 г. Установленіе государственной церкви было несовмѣстимо съ крещеніемъ взрослыхъ. Подобно тому, какъ каждый человѣкъ по своему рожденію принадлежитъ къ опредѣленному государству, такъ въ странахъ съ государственной церковью всякій новорожденный считался принадлежащимъ къ опредѣленной религіи. Позднее крещеніе было отрицаніемъ авторитета государства, отрицаніе за нимъ права опредѣлять вѣроисповѣданіе своихъ подданныхъ. Не могъ согласиться на позднее крещеніе и Цвингли, въ качествѣ руководителя цюрихскаго государства, хотя раньше, во времена своей идеологической юности, еще будучи въ рядахъ оппозиціи, онъ, по собственному признанію, высказался за крещеніе совершеннолѣтнихъ [1]).

Напротивъ, братья тѣмъ болѣе склонялись къ позднему крещенію и тѣмъ болѣе рѣшительно отвергали крещеніе дѣтей, какъ безсмысленное и недѣйствительное, чѣмъ сильнѣе ихъ преслѣдовали, чѣмъ опредѣленнѣе они чувствовали себя меньшинствомъ, которому приходится отказаться отъ завоеванія государства и которому удается выдѣлиться, лишь отмежевавшись отъ народной массы и организовавшись въ отдѣльную общину «святыхъ» и «избранныхъ»; эти обѣ клички звучали очень высокомѣрно, но свидѣтельствовали лишь о томъ, что анабаптисты навсегда оставили надежду составить когда-либо собой массу населенія.

Такимъ образомъ, вопросъ о позднемъ крещеніи, или, какъ говорили ихъ враги, «вторичномъ крещеніи» все больше выступалъ на первый планъ. Этотъ вопросъ столь же мало былъ ихъ главною цѣлью борьбы, какъ и вопросъ о причастіи подъ обоими видами у гусситовъ [2]). Но, благодаря внѣш-

[1]) Въ своемъ сочиненіи „Vom tauf, vom widertauf und vom Kindtauf" (1825) *Цвингли* говоритъ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я самъ заблуждался и думалъ, что лучше крестить дѣтей, когда они достаточно подрастутъ". Подробно говоритъ объ этомъ *I. Лозертъ* „Dr. Balthasar Hubmeier und die Anfänge der Wiedertaufe in Mähren". Брюннъ, 1893 г., стр. 78.

[2]) Объ этомъ говоритъ самъ Цвингли въ письмѣ къ Вадіану отъ 28-го мая 1525 г. Онъ характеризуетъ въ немъ борьбу противъ баптистовъ, какъ самую трудную изъ всѣхъ, какія ему когда-либо пришлось вести. По сравненію съ этой борьбой, все остальное—сущіе пустяки. Но сопро-

*

вимъ условіямъ, вторичное крещеніе, какъ мірская чаша у гусситовъ, стало для баптистовъ боевымъ символомъ, вокругъ котораго группировались братья и по которому они узнавали другъ друга, Отъ него получали они и имя, подъ которымъ они извѣстны въ исторіи [1]).

III. Расцвѣтъ и конецъ анабаптизма въ Швейцаріи.

Рѣшительный ударъ поразилъ цюрихскихъ анабаптистовъ еще передъ взрывомъ крестьянской войны въ Германіи.

Увлеченные анабаптистскими проповѣдниками, особенно Рейблиномъ, нѣкоторые родители отказались крестить своихъ новорожденныхъ. Тщетно пытались попы и члены Совѣта склонить ихъ къ уступкѣ. Тогда, 18 января 1525 г., Совѣтъ издалъ приказъ объ обязательномъ крещеніи дѣтей и наказаніемъ за нарушеніе этого приказа назначилъ *изгнаніе изъ страны*. Спустя три дня, постановленіе Совѣта начали приводить въ исполненіе. Изгнанію подверглись Рейблинъ, Гетцеръ, Андреасъ на Штюльценѣ и Брёдли, уроженецъ Граубюндена, проповѣдовавшій въ Цолликонѣ, но кормившійся ручнымъ трудомъ.

Отвѣтъ на этотъ ударъ былъ благороденъ и смѣлъ. Оставшіеся братья собрались вмѣстѣ и на собраніи выступилъ Юргъ Блаурокъ, бывшій монахомъ въ Курѣ, который и попросилъ Конрада Гребеля дать ему крещеніе, настоящее, истинное, христіанское. Послѣ того, какъ Конрадъ крестилъ его, Юргъ, въ свою очередь, крестилъ всѣхъ присутствующихъ. Съ этихъ поръ вторичное или позднее крещеніе стало установленнымъ символомъ принятія въ союзъ братьевъ. Одновременно предпринята была попытка осуществить на практикѣ коммунизмъ [2]).

тивленіе необходимо, ибо дѣло идетъ не о крещеніи, но о возстаніи, а я тежѣ и объ отрицаніи власти (*Эгли* Züricher Wiedertäufer, стр. 34).

[1]) „Перекрещенцы“ или „анабаптисты“ (вновь крещеные — отъ греческихъ словъ „ana“, частица, обозначающая понятіе повторенія и „baptistes“, т. е. баптисты, крещеные). Сами они протестовали противъ этого наименованія. Они не крестились вторично, а скорѣе заявляли, что крещеніе дѣтей есть не крещеніе, но, какъ говорилъ Губмейеръ, купаніе дѣтей. См. его сочиненіе „Vom Christenlichen Tauff der Gläubigen“, 1525 г. Выдержку изъ него приводитъ Лозертъ, цит. соч., стр. 84 и сл.).

[2]) „Они были того мнѣнія — разсказываетъ очевидецъ (Гейни Фрей, прозванный Гигли), — что все должно быть общимъ и снесено въ одно мѣсто, и если кому-нибудь недостаетъ чего, то онъ можетъ брать изъ склада, сколько ему нужно для удовлетворенія нужды. Думали они также, что привлекутъ къ себѣ богатыхъ людей и знатныхъ лицъ“ (*Эгли*, Züricher Wiedertäufer, стр. 24, 97).

Цюрихскіе братья приняли вторичное крещеніе, вполнѣ сознавая, что ихъ ожидаетъ.

«Какъ только Цвингли вновь и еще настойчивѣе призвалъ власть къ борьбѣ, пламя воодушевленія вспыхнуло среди мечтателей съ ослѣпительной и угрожающей силой. По Цюриху стали вдругъ ходить толпы людей, словно собравшихся въ путь, подпоясанныхъ веревкой. Они останавливались на рынкахъ и площадяхъ и проповѣдывали необходимость улучшить жизнь, возвратиться къ невинности, справедливости и братской любви. При этомъ они призывали подняться противъ стараго дракона и сокрушить его головы, подразумѣвая Цвингли и его помощниковъ, предсказывали скорую гибель города, если онъ не внемлетъ голосу Господа. «Горе, горе Цюриху!»—раздавался то жалобный, то угрожающій кличъ, звучавшій на узкихъ улицахъ населенной столицы какъ бы предостереженіемъ съ того свѣта.

«Совѣтъ приказалъ арестовать многихъ, въ томъ числѣ Манца и Блаурока. Послѣдовали запрещенія, допросы, кары, а потомъ новые аресты, допросы и усиленныя кары. Но эти люди обладали духомъ, посрамлявшимъ теологію Цвингли, и мощь его разносила имя ихъ церкви какъ вѣтеръ—пламя» [1]).

И дѣйствительно: проповѣдь анабаптистовъ распространилась вскорѣ по нѣмецкой Швейцаріи, сѣмена ихъ ученія были повсемѣстно разбросаны цюрихскими изгнанниками.

Наибольшимъ успѣхомъ пользовались они на нѣмецкой границѣ,—въ Вальдсгутѣ, Шаффгаузенѣ, Сенъ-Галленѣ.

Цюрихское реформаціонное движеніе нашло себѣ въ этихъ городахъ такой же живой откликъ, какъ въ другихъ городахъ Швейцаріи и южной Германіи. Тамъ, какъ и въ Цюрихѣ, выдвинулись радикальные элементы анабаптистовъ, стремившіеся пойти дальше реформъ Цвингли. Проповѣдь ихъ пользовалась въ мелкихъ городахъ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ столицѣ—большинство населенія мелкихъ городовъ было въ то время настроено болѣе плебейски, чѣмъ въ крупныхъ городахъ, какъ мы уже это видѣли, говоря о гуситахъ. Еще до 1525 г. въ Вальдсгутѣ крещеніе дѣтей было дозволено, но уже не обязательно. Шаффгаузенъ не пошелъ такъ далеко, но, во всякомъ случаѣ, не относился къ анабаптистамъ отрицательно. Въ С.-Галленѣ уже въ 1524 г. нѣкій ткачъ, по имени Лоренцъ Гохрютинеръ, приверженецъ Гребеля, изгнаннаго въ 1523 г. изъ Цюриха, основалъ небольшую общину братьевъ, которая процвѣтала.

Массовыя изгнанія изъ Цюриха, въ началѣ 1525 г., внесли въ эти

---

1) *Корнелiусъ*, цит. соч. II, стр. 29—30.

мѣста еще больше оживленія. Гребель направился въ Шаффгаузенъ, Брёдли сталъ проповѣдывать въ шаффгаузенскомъ Галлау, наконецъ, Рейблинъ, поселился въ Вальдсгутѣ. Въ Шаффгаузенѣ новое ученіе дѣлало незначительные успѣхи. Наоборотъ, Галлау и Вальдсгутъ были быстро завоеваны. Вожакомъ движенія въ Галлау былъ д-ръ *Балтазаръ Губмейеръ*, который, какъ мы знаемъ, вращался въ кругѣ базельцевъ.

На этомъ человѣкѣ мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе. Родился онъ 1480 г., въ Фридбергѣ у Аугсбурга, посвятилъ себя ученой дѣятельности и сдѣлался профессоромъ Ингольштадтскаго университета, который и назначилъ его въ 1515 г. проректоромъ. Въ слѣдующемъ году онъ занялъ, по приглашенію, мѣсто свободнаго проповѣдника въ Регенсбургѣ. Наиболѣе энергично занимался онъ тамъ агитаціей противъ евреевъ, которые, по мнѣнію ремесленниковъ, были причиной упадка города и ремесла. Въ 1515 г. евреи были изгнаны. Вскорѣ послѣ этого, въ 1521 г., покинулъ Регенсбургъ и Губмейеръ. Что было причиной его отъѣзда, мы не знаемъ,—возможно, что его участіе въ реформаціонномъ движеніи. Онъ направился въ Вальдсгутъ, находившійся тогда во владѣніи Габсбурговъ. Въ качествѣ проповѣдника, Губмейеръ пріобрѣлъ вскорѣ значительное вліяніе, особенно, среди простого народа. Вліяніе его быстро росло, съ тѣхъ поръ, какъ подъ вліяніемъ цюрихской реформаціи, въ Вальдсгутѣ возникло демократическое антигабсбургское теченіе; этимъ движеніемъ, закончившимся передъ началомъ крестьянской войны освобожденіемъ города изъ-подъ власти Габсбурговъ, руководилъ Губмейеръ, который игралъ тамъ такую же роль, какую въ Цюрихѣ игралъ Цвингли, съ которымъ онъ поддерживалъ оживленныя сношенія.

Но, какъ уже замѣчено, одновременно съ этимъ движеніемъ, процвѣтали въ Вальдсгутѣ и братья».

Когда Цвингли началъ борьбу съ ними, Губмейеру также пришлось опредѣлить свое отношеніе къ нимъ. Но въ Вальдсгутѣ простой народъ былъ сильнѣе, и стоялъ ближе къ бунтовщическимъ крестьянамъ южной Германіи чѣмъ въ Цюрихѣ. Губмейеръ порвалъ съ Цюрихомъ и вмѣстѣ со своей общиной сталъ на сторону баптистовъ, которымъ онъ симпатизировалъ еще ранѣе, сходясь съ ними во многомъ.

Когда Рейблинъ прибылъ въ Вальдсгутъ, Губмейеръ попросилъ его дать ему крещеніе (Пасха 1525 г.). Больше 300 жителей города послѣдовали его примѣру [1]). Вмѣстѣ съ Губмейеромъ былъ пріобрѣтенъ весь

[1]) Надъ крещеными Губмейеръ совершилъ также обрядъ омовенія ногъ. Одинъ коварный лѣтописецъ разсказываетъ: „И когда онъ покончилъ съ молодыми женщинами, и настала очередь старыхъ козловъ, то онъ сказалъ, что теперь ноги долженъ мыть другой“ (*Лозертъ*, Губмейеръ, стр. 82). Этого мы не можемъ поставить ему въ вину.

Вальдсгутъ; этотъ мятежный городъ, отказавшій въ повиновеніи Габсбургамъ, былъ «городомъ дьявольской церкви, откуда во всѣ стороны распространялось наущеніе и совращеніе» (*Корнеліусъ*).

Одновременно быстро росла и С.-Галленская община, особенно, послѣ агитаціонной поѣздки, предпринятой туда изъ Шаффгаузена Гребелемъ. Община уже насчитывала до 800 членовъ. Волненіе охватило весь Аппенцель.

Манцъ перенесъ ученіе баптистовъ въ Граубюнденъ, другіе распространяли его въ Баденѣ и Бернѣ, и даже въ кантонѣ Цюрихѣ, несмотря на всѣ мѣропріятія властей, агитація не прекращалась. Особенно успѣшна была она одно время въ Оберландѣ и въ Грюнингенѣ.

Отсюда видно, къ какимъ успѣшнымъ результатамъ приводятъ высылки, если партія, противъ которой онѣ направлены, находитъ себѣ поддержку въ окружающихъ условіяхъ; а это именно въ то время и наблюдалось. Изгнанные агитаторы не достигли бы такихъ успѣховъ, еслибы въ то время нѣмецкая крестьянская война не взволновала до самой глубины всю Швейцарію и не настроила ея низшихъ классовъ и буржуазныхъ идеологовъ въ пользу анабаптистской пропаганды. Развѣ кровавая борьба на границахъ республики не преддверіе тѣхъ страшныхъ событій, о которыхъ говоритъ апокалипсисъ, событій, во время которыхъ безбожники будутъ уничтожены и возвышены лишь избранные, удостоенные сдѣлаться участниками тысячелѣтняго царства?

Когда великая борьба закончилась, и возставшее крестьянство Германіи лежало повергнутымъ, истекая тысячами ранъ, измѣнилось положеніе и для баптистовъ швейцарскаго Союза. Эти миролюбивые сектанты, несочувствовавшіе возстанію, добились наибольшихъ успѣховъ во время возстанія и при помощи его. Разгромъ возстанія отнялъ у нихъ почву,— по крайней мѣрѣ, у нихъ на родинѣ. Теперь низшими классами овладѣло малодушіе и растерянность, въ то время, какъ эксплоататоры расправили крылья, чувствуя, какъ славный примѣръ нѣмецкихъ сосѣдей разжигаетъ въ нихъ жажду крови. Вторая половина 1525 года отмѣчена преслѣдованіями анабаптистовъ во всей Швейцаріи, тѣмъ болѣе жестокими и звѣрскими, чѣмъ болѣе грозно развивалось коммунистическое сектантство подъ эгидою крестьянской войны.

Уже въ началѣ іюня, совѣтъ С.-Галлена возвысилъ голосъ и декретировалъ запрещеніе вторичнаго крещенія. Горожане должны были принести присягу въ совершенномъ послушаніи власти; отказывавшійся отъ присяги принуждался покинуть городъ. Въ іюлѣ Совѣтъ арестовалъ Манца въ Кобургѣ и выдалъ его Цюриху. Въ августѣ взялъ верхъ

надъ анабаптистами совѣтъ Шаффгаузена. Въ октябрѣ произошелъ арестъ Гребеля и Блаурока, агитировавшихъ на цюрихской территоріи,—въ Грюнингенѣ. Въ ноябрѣ Бернъ издалъ указъ, карающій за вторичное крещеніе изгнаніемъ изъ страны. Наконецъ, въ декабрѣ палъ Вальдсгутъ, оплотъ анабаптизма; безъ всякаго сопротивленія онъ перешелъ въ руки прусскаго правительства. Губмейеръ, за неимѣніемъ другого выхода, бѣжалъ въ Цюрихъ, гдѣ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму.

Годъ, первая половина котораго отмѣчена столь блестящими успѣхами, закончился полнымъ разгромомъ и разсѣяніемъ баптистовъ на пространствѣ всей швейцарской территоріи.

Большинство изъ нихъ бѣжало въ Германію, какъ Рейблинъ, Гетцеръ, Блаурокъ (послѣдній лишь въ 1527 г.). Другіе просили пощады и отказались отъ своихъ заблужденій,—между ними наиболѣе извѣстенъ Губмейеръ. Послѣ того, какъ его арестовали въ Цюрихѣ, его принудили согласиться на диспутъ съ Цвингля,—диспутъ узника съ тюремщикомъ, который каждую минуту могъ приговорить его къ самому тяжкому наказанію!

Губмейеръ не былъ человѣкомъ, способнымъ достойно провести эту отвратительную комедію. Чтобы спастись, онъ отрицалъ основы своего ученія и во время диспута,—сперва колеблясь и льстя, а когда врагамъ показалось этого мало, то открыто—заявилъ о своей готовности отречься отъ «заблужденій».

Когда онъ отрекся отъ своего ученія и поклялся никогда болѣе не вступать на цюрихскую территорію, то былъ отпущенъ (апрѣль 1526 г.).

«Но—печалуется Буллингеръ—хотя такой поступокъ д-ра Балтазара сдѣлалъ многихъ простыхъ заблудшихъ людей разсудительными и трезвыми, но все же было не мало такихъ упрямыхъ баптистовъ, которыхъ ни это, ни другія дѣйствія не заставили исправиться» [1]).

Власть обрушивалась на нихъ тяжкими, все болѣе суровыми карами. Уже 7-го марта 1526 г. совѣтъ Цюриха постановилъ, что всѣ упорствующіе въ баптистскомъ ученіи «будутъ посажены въ новую тюрьму на хлѣбъ и на воду и будутъ валяться на соломѣ»; тамъ ихъ «уморятъ и сгноятъ», не щадя даже женщинъ и дѣвушекъ. Строгой карѣ подлежалъ также всякій, пріютившій баптиста, накормившій и напоившій его. Наконецъ, для упорствующихъ была назначена смертная казнь. Первымъ подвергся ей Феликсъ Манцъ. 5-го января 1527 г. онъ былъ утопленъ, его имущество конфисковано.

Конечно, всѣми этими мѣропріятіями не удалось искоренить анабап-

---

1) Der Wiedertäuffer Ursprung, стр. 13.

тизма въ Швейцаріи, какъ не удавалось до сихъ поръ уничтожить насиліемъ ни одной коммунистической секты. Но условія теперь не благопріятствовали, имъ и, поэтому, вскорѣ послѣ разгрома нѣмецкаго крестьянства, коммунистическое движеніе въ Союзѣ было низведено до того уровня, на которомъ оно стояло до реформаціи, т. е. до степени неопасной для господствующихъ классовъ и крайне опасной для преслѣдуемыхъ тайной организаціи. Существованіе ея проявлялось лишь въ происходившихъ отъ времени до времени судебныхъ процессахъ и въ казняхъ.

Для открытой, общественной жизни анабаптизмъ погибъ.

Но именно къ тому времени, когда гибель баптизма въ Швейцаріи была рѣшена, начался расцвѣтъ его въ Германіи.

IV. Анабаптисты въ южной Германіи.

Можно было бы ожидать, что подавленіе крестьянскаго возстанія, вызвавшее въ сосѣдней странѣ такую сильную реакцію противъ баптистовъ, тѣмъ болѣе сдѣлаетъ невозможнымъ появленіе ихъ въ самой Германіи. Но такое предположеніе, отвѣчающее условіямъ современнаго, централизованнаго государства, не согласуется съ феодальнымъ партикуляризмомъ, тогда еще очень сильнымъ въ германской имперіи. Этотъ партикуляризмъ затруднялъ объединеніе всѣхъ революціонныхъ (или бунтарскихъ) силъ въ общее движеніе, но, съ другой стороны, смягчалъ разрушительность отраженнаго удара реакціи, поражавшей эти силы не одновременно и не въ равной мѣрѣ.

Конечно, послѣ крестьянской войны о движеніи крестьянъ нечего было и помышлять. Вмѣстѣ съ крестьянами было усмирено также большинство примкнувшихъ къ нимъ мелкихъ городовъ. Но большинство крупныхъ свободныхъ имперскихъ городовъ относились къ крестьянскому возстанію съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ они встрѣтили предшествовавшее ему возстаніе низшаго дворянства подъ предводительствомъ Зикингена. Не только богатые горожане—патриціи—были враждебно настроены къ крестьянамъ, но даже среднее и мелкое бюргерство, городская цеховая демократія, питали къ сельскому населенію лишь вялую симпатію, нерѣдко граничившую съ явнымъ несочувствіемъ.

Но если демократія крупныхъ городовъ и упустила возможность усилить своимъ вѣсомъ возстаніе крестьянской и мелкогородской демократіи, то зато она и не испытала на себѣ, по крайней мѣрѣ непосредственно, всей тяжести пораженія. Послѣ крестьянской войны въ большинствѣ свободныхъ имперскихъ городовъ южной Германіи демократія оставалась не-

поколебленной. Но именно въ это время крайне обострялась, не прекращавшаяся въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, борьба между нею и городской аристократіей, съ одной стороны, между всей массой городского населенія и стремящимся къ подчиненію и эксплоатаціи городовъ абсолютизмомъ—съ другой.

Массы населенія въ имперскихъ городахъ радостно привѣтствовали и поддерживали возстаніе Лютера противъ папы. Но эта горячая поддержка ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ Лютеръ охладѣвалъ къ демократіи.

Въ то время, какъ Лютеръ сталъ отстраняться отъ демократіи, въ Цюрихѣ возникла такая форма церковной реформаціи, которая въ совершенствѣ отвѣчала интересамъ городской цеховой демократіи. Она возбудила вскорѣ вниманіе южно-германскихъ имперскихъ городовъ и пріобрѣла тамъ сторонниковъ, которые первоначально не обнаруживали враждебнаго отношенія къ лютеранству. Но оба теченія неминуемо должны были столкнуться другъ съ другомъ, какъ только Лютеръ и его сторонники открыто заявили себя противниками демократіи. Такимъ образомъ, періодъ крестьянской войны совпалъ съ началомъ жестокой борьбы между Лютеромъ и Цвингли. Казалось, что эта борьба велась изъ-за одного *слова*; споръ шелъ о томъ, говорилъ ли Христосъ «Das (Brot) ist mein Leib» (сіе (хлѣбъ) *есть* тѣло мое) или же—«Das *bedeutet* meinen Leib» (сіе *означаетъ* тѣло мое); но въ дѣйствительности это была борьба между буржуазно-демократической и княжеской реформаціями, борьба, которая велась при помощи теологическихъ аргументовъ, но изъ-за весьма реальныхъ объектовъ.

Съ 1525 года въ ней принимала участіе вся Германія; наиболѣе страстно протекала она въ южно-германскихъ имперскихъ городахъ,—въ Страсбургѣ, Ульмѣ, Констанцѣ, Линдау, Меммингенѣ, Аугсбургѣ и др. Какъ и раньше, при аналогичныхъ обстоятельствахъ, роль tertius gaudens выпала на долю *коммунистовъ*. Воздухъ и свѣтъ, необходимые для ихъ развитія, имъ давала прежде борьба противъ римскаго папы, теперь же—борьба противъ виттенбергскаго папы. Южно-германскіе цвингліанцы могли использовать анабаптистовъ противъ лютеранъ, а потому они и терпѣли ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ 1525 г., слѣдуя примѣру Цвингли, который теперь началъ ихъ преслѣдовать, хотя еще недавно покровительствовалъ имъ.

Южная Германія была мѣстомъ убѣжища для политическихъ изгнанниковъ и бѣглецовъ изъ свободной республики. Они являлись туда въ большомъ числѣ и быстро пріобрѣтали себѣ еще болѣе многочисленныхъ сторонниковъ. Ихъ миролюбивый образъ мыслей, запрещавшій имъ участіе въ насильственныхъ переворотахъ, согласовался съ общимъ настроеніемъ

низшихъ классовъ послѣ подавленія крестьянскаго возстанія. Къ нимъ присоединились теперь и бывшіе приверженцы Мюнцера, такъ, напр., книгопродавецъ *Гансъ Гутъ*, о которомъ мы уже упоминали выше, *Мельхіоръ Ринкъ*, сперва школьный учитель въ Герсфельдѣ, а позднѣе священникъ въ Эккарсгаузенѣ; Ринкъ принималъ участіе въ битвѣ при Франкенгаузенѣ, но ему посчастливилось больше, чѣмъ Мюнцеру,—онъ остался въ живыхъ. Теперь онъ примкнулъ къ баптистамъ.

Анабаптизмъ такъ быстро распространялся въ Германіи, что многіе держались того мнѣнія, будто онъ впервые возникъ тамъ лишь во время крестьянской войны или непосредственно послѣ нея. Сами баптисты старались упрочить это мнѣніе, надѣясь опровергнуть этимъ обвиненіе, взводимое на нихъ врагами, будто они были зачинщиками крестьянскаго возстанія. Они могли ссылаться на то, что принятіе вторичнаго крещенія, этого символа «братьевъ», ихъ окончательное отпаденіе отъ цвингліанской церкви и образованіе ими самостоятельной религіозной общины,—что все это произошло лишь въ началѣ 1525 года.

Себастіанъ Франкъ принимаетъ эти доводы баптистовъ и вообще всячески стремится доказать, что «братья» вовсе не были настроены бунтарски.

Во всякомъ случаѣ, его взглядъ ближе къ истинѣ, чѣмъ другой, значительно болѣе распространенный—раздѣлявшійся также и Буллингеромъ—и согласно которому основателемъ баптистской секты былъ ни кто иной, какъ Мюнцеръ. Правда, Буллингеръ самолично наблюдалъ появленіе въ Цюрихѣ анабаптизма, но цюрихскому священнику, конечно, было желательно устранить упрекъ въ томъ, что его отечество, родина цвингліанизма, вскормило неудобную секту, и, одновременно, навязать анабаптизмъ странѣ, вскормившей лютеранство.

Въ своей хроникѣ, говоря о событіяхъ 1526 г., Франкъ замѣчаетъ: «Во время самаго возстанія крестьянъ и послѣ него возникла, опираясь на букву писанія, новая секта и особая церковь, которую одни называли анабаптистской, другіе—баптистской. Она начала отличать себя отъ другихъ особымъ крещеніемъ и стала презирать всѣ остальныя общины, считая ихъ нехристіанскими. Начальниками и главными епископами ея были Балтазаръ Губмейеръ, Мельхіоръ Ринкъ, Іоганнъ Гутъ, Іоганнъ Денкъ, Людвигъ Гетцеръ. Распространеніе ихъ совершалось такъ быстро, что ихъ ученіе вскорѣ проникло во всѣ мѣста страны, они пріобрѣли многочисленныхъ сторонниковъ, многія тысячи крестились и много чистыхъ сердцемъ... примкнуло къ нимъ. Ибо они учили явно не чему иному, какъ любви, вѣрѣ и страданію, многочисленныя испытанія переносили терпѣливо и мужественно, преломляли между собой хлѣбъ въ знакъ единенія и любви,

всегда помогали другъ другу деньгами—ссужая, занимая, даря, учили, что все должно быть общимъ, и называя другъ друга братьями. Но съ тѣмъ, кто не принадлежалъ къ ихъ сектѣ, они едва здоровались и не подавали ему руки. Держались они вмѣстѣ и такъ быстро увеличивались въ числѣ, что многіе опасались съ ихъ стороны возмущенія, въ чемъ, какъ я узналъ, они повсюду были признаны неповинными» [1]).

Секта казалась тѣмъ опаснѣе, что она распространялась въ большихъ городахъ. Знаменательно въ этомъ отношеніи письмо объ анабаптистахъ, написанное 26-го ноября 1527 г. д-ромъ Эккомъ герцогу Георгу саксонскому. Въ немъ, между прочимъ, говорится: «Весьма большія сомнѣнія вызываетъ эта секта, и, какъ полагаютъ всемилостивѣйшій господинъ и члены совѣта, она внушаетъ большія опасенія, чѣмъ недавній крестьянскій бунтъ. *ибо секта сія коренится въ городахъ*. Если бы начался теперь бунтъ, то поднялись бы жители городовъ, завладѣли бы пушками, порохомъ и оружіемъ, имѣли бы обученныхъ военному дѣлу людей и къ нимъ бы пристало крестьянство въ деревняхъ, и тогда все направилось бы противъ духовенства, князей и дворянства. Поэтому князьямъ и дворянству нужно зорко слѣдить» [2]).

Главными опорными пунктами южно-германскаго баптизма были Аугсбургъ и Страсбургъ, города, населенные ткачами и въ которыхъ уже сильно упрочились беггарды.

Напомнимъ, въ связи съ послѣднимъ городомъ, о Фридрихѣ Рейзерѣ, вальденсцѣ, которому конгрессъ въ Таборѣ опредѣлилъ мѣстопребываніемъ Страсбургъ, который, «несомнѣнно, уже много вѣковъ былъ главнымъ городомъ нѣмецкихъ общинъ» (*Келлеръ*).

На сколько сильно было временами сектантское движеніе въ Аугсбургѣ, видно изъ того факта, что въ 1393 году тамъ происходилъ судъ не менѣе какъ надъ 280 вальденскими еретиками, главнымъ образомъ, ткачами и рабочими по дереву [3]).

Другимъ центральнымъ пунктомъ сектантства былъ *Нюрнбергъ*. Мы знаемъ, что Мюнцеръ нашелъ тамъ много единомышленниковъ. Но въ Нюрнбергѣ патриціатъ былъ слишкомъ силенъ для того, чтобы тамъ могло возникнуть народное движеніе.

Въ концѣ 1524 года, можетъ быть, непосредственно послѣ посѣщенія города Мюнцеромъ, въ Нюрнбергѣ былъ арестованъ рядъ «еретиковъ», между ними ученикъ Дюрера—Юргъ Пенцъ, братья Гансъ Себальдъ и

---

[1]) *Себ. Франкъ*, Chronik, стр. 444.
[2]) Приведено у *Зейдемана*, Th. Münzer, стр. 150—151.
[3]) *Бендеръ*, Geschichte der Waldenser, стр. 70.

Бартель Бегаймъ, Людвигъ Кругъ и Себальдъ Баумгауэръ, наконецъ, уже знакомый намъ по Базелю, *Гансъ Денкъ*, состоявшій въ 1523 году ректоромъ зебальдовой школы по рекомендаціи Эколампадія, «честнаго человѣка», который позднѣе счелъ нужнымъ обѣлять себя передъ Пиркгеймеромъ за свою рекомендацію.

Арестованные были преданы суду. Келлеръ изучалъ слѣдственные матеріалы, хранящіеся въ окружномъ архивѣ Нюрнберга. Онъ выяснялъ тотъ «фактъ, что арестованные были членами *братской общины*, давно уже существовавшей подъ покровомъ тайны и находившейся въ сношеніяхъ съ другими городами, напр., съ Эрлангеномъ» [1]).

Признанные наиболѣе виновными были изгнаны, въ томъ числѣ и Денкъ. Онъ направился въ Швейцарію, гдѣ въ то время дѣла братьевъ налаживались. Въ началѣ 1525 г. мы находимъ его въ С.-Галленѣ, занимающимъ должность корректора въ типографіи. Но осенью того же года онъ снова возвратился въ Германію, въ Аугсбургъ. Къ этому времени противорѣчіе между лютеранствомъ и цвингліанизмомъ достигло тамъ наибольшей остроты; борьба между обоими теченіями велась тамъ съ наибольшей силой и тамъ же условія наиболѣе благопріятствовали развитію баптизма.

Община быстро росла и въ 1527 году, согласно свидѣтельству Урбана, она уже насчитывала 1.100 членовъ. Этотъ успѣхъ приписывался главнымъ образомъ дѣятельности Денка, «который при помощи своихъ разъѣзжихъ», странствующихъ агитаторовъ, «вздумалъ учредить новый баптистскій орденъ и у насъ, для чего на первыхъ порахъ оставался въ тѣни и изливалъ свой ядъ тайно», — какъ говорится въ направленномъ противъ него памфлетѣ Урбана Регіуса [2]).

Въ Аугсбургѣ обстоятельства крайне благопріятствовали Денку. Но мы должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что его успѣхи въ значительной мѣрѣ обусловливались его энергіей и высокимъ умственнымъ развитіемъ. Онъ былъ, наряду съ Губмейеромъ, передовымъ борцомъ братьевъ. Петръ Гинореусъ, жившій въ 1526 г. въ Аугсбургѣ, говоритъ о немъ, какъ о «главѣ анабаптистовъ». Бусеръ называлъ его «папой», а Галлеръ въ

---

[1]) *Келлеръ*, Die Reformation, стр. 422—423.

[2]) „Wieder den newen Tauftorden. Notwendige Warnung an alle christglaubigen durch die Diener des Evangelii zu Augspurg", 1527. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ никакихъ цѣнныхъ указаній о баптизмѣ. Повидимому, наиболѣе раздражало благочестивыхъ „слугъ евангелія" одно положеніе анабаптистовъ, гласившее, что „только тотъ истинный проповѣдникъ, кто странствуетъ и не сидитъ на одномъ мѣстѣ". Это было традиціонное положеніе всѣхъ коммунистическихъ сектъ, начиная съ вальденсцевъ.

письмѣ къ Цвингли отъ 2-го декабря 1527 года—«Аполлономъ анабаптистовъ».

Будучи выдающимся ученымъ и философомъ, Денкъ стремился главнымъ образомъ къ тому, чтобы лишить анабаптизмъ его матеріальнаго, «плотскаго» содержанія и «одухотворить» его. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ представителей болѣе умѣреннаго, если хотите, болѣе практичнаго, примиряющаго направленія въ анабаптизмѣ, которое возникло наряду съ первоначальнымъ, болѣе строгимъ направленіемъ и которое признавало крайне стѣснительнымъ не только проведеніе строгой общности имуществъ, но и безусловно пассивность по отношенію къ государству.

Правда, въ Германіи противоположность между обоими направленіями не достигла высшей точки развитія; это произошло лишь въ Моравіи, гдѣ у общины было больше свободы дѣйствій и гдѣ она могла дозволить себѣ такую роскошь, какъ внутренніе раздоры. Но зачатки новаго, болѣе практическаго направленія, противоположнаго старому, цюрихскому, намѣтились уже и въ Германіи, особенно въ Аугсбургѣ, гдѣ община процвѣтала и гдѣ къ ней принадлежали также члены изъ высшихъ классовъ, между прочимъ *Эйтельгансъ Лангенмантель*, «гражданинъ изъ знатнѣйшаго рода въ Аугсбургѣ», «высоко-одаренный въ познаніи божественнаго писанія, какъ свидѣтельствуетъ его книжка, появившаяся въ печати» (Хроника Бека, Geschichtsbücher, стр. 36). Въ 1529 году онъ принялъ мученическую смерть за свои убѣжденія.

Какъ и у богемскихъ братьевъ, такъ и здѣсь къ болѣе умѣренному направленію принадлежали, главнымъ образомъ, представители образованныхъ классовъ; между ними, наряду съ Денкомъ, особенно выдѣлялся Губмейеръ, который, правда, отрекся въ Цюрихѣ отъ анабаптистовъ, но тотчасъ же снова примкнулъ къ нимъ, какъ только почувствовалъ себя за предѣлами Цюриха.

Но и на другой сторонѣ были люди изъ образованныхъ классовъ. Такъ, только-что упомянутый Эйтельгансь Лангенмантель былъ сторонникомъ болѣе строгаго направленія, если только онъ дѣйствительно былъ авторомъ приписываемой ему «Краткой рѣчи объ истинной общности». Въ ней онъ возражаетъ тѣмъ, кто говоритъ: «Нѣтъ такой заповѣди, чтобы все имущество было общимъ, но если это совершается изъ любви и благочестія, то это хорошо. Всякій воленъ обращать въ общую собственность свое имущество или сохранять его только для себя, за это онъ все же не будетъ исключенъ изъ истинной общины христовой». На это Лангельмантель возражаетъ: «Высшая заповѣдь Божья есть любовь. Люби Бога больше всего и ближняго твоего, какъ самого себя. Любовь эта познается при общности владѣнія временными благами. Никто не долженъ говорить:

мое, мое. Все принадлежитъ также и брату. Развѣ дастъ кто брату высшія, духовныя, будущія блага, разъ онъ отказывается подѣлиться преходящимъ? Лишь придерживающійся общности живетъ во Христѣ, а непридерживающійся ея—внѣ Христа и его общины... Если же кто нибудь возразитъ: разъ все должно быть общимъ, значитъ общими должны быть жены, то я не соглашусь съ этимъ и скажу: что Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ. Истинная общность заключается въ томъ, чтобы никому не отказывали въ томъ, въ чемъ онъ нуждается: пусть берутъ для себя одного жену, лишь бы это совершалось во имя Господа. Такъ и изъ преходящихъ благъ всякій долженъ получать соотвѣтственно своей нуждѣ. Общность, при которой одинъ богатъ и имѣетъ много, а другой бѣденъ и терпитъ недостатокъ, не согласуется съ жизнью во Христѣ» [1]).

Самымъ рѣшительнымъ сторонникомъ болѣе строгаго направленія былъ переплетчикъ и разносчикъ книгъ («Buchführer») *Гансъ Гутъ*, который, какъ мы знаемъ, прошелъ черезъ школу Мюнцера и котораго обвиняли въ сочувствіи идеѣ общности женъ.

Денкъ и Гутъ столкнулись уже на второмъ аугсбургскомъ конгрессѣ братьевъ.

Аугсбургъ игралъ настолько важную роль, что тамъ были созваны два первыхъ конгресса (синоды) баптистовъ. Первый «синодъ» состоялся въ 1526 г. Въ немъ принимали участіе Гансъ Денкъ, Гансъ Гутъ, Людвигъ Гетцеръ, Яковъ Гроссъ изъ Вальдсгута, Каспаръ Ферберъ изъ Инталя и Балтазаръ Губмейеръ. Этотъ конгрессъ санкціонировалъ вторичное крещеніе для Германіи; до того обрядъ совершался лишь въ Швейцаріи.

Важнѣе былъ второй «синодъ», собравшійся въ августѣ 1527 г., на которомъ уже присутствовало свыше 60 делегатовъ изъ Германіи, Австріи и Швейцаріи. Главной цѣлью этого конгресса было организовать агитацію, послать «апостоловъ» въ различныя области и, быть можетъ, составить програму, «символъ вѣры».

«О постановленіяхъ этого собранія — говоритъ Келлеръ, котораго мы придерживаемся при описаніи обоихъ конгрессовъ, — мы знаемъ мало, за неимѣніемъ протоколовъ его. Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что послѣ долгихъ дебатовъ, во время которыхъ обнаружилось разногласіе между Денкомъ и Гутомъ, делегаты въ концѣ концовъ единодушно приняли рядъ рѣшеній, причемъ побѣда осталась *за идеями Денка*» [2]).

Наряду съ делегатами отъ областей, занимаемыхъ современной южной

---

[1]) Цит. у *Лозерта*, Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer im 16. und 17. Jahrhundert, Вѣна, 1894, стр. 99—100.

[2]) Die Reformation, стр. 429.

Германіей и Швейцаріей, на конгрессѣ присутствовали также делегаты отъ *Австріи.* Анабаптизмъ проникъ и туда, распространившись сперва въ пограничномъ съ Швейцаріей *Тиролѣ* и въ прилегающихъ къ послѣднему альпійскихъ областяхъ.

Въ то время въ экономическомъ и политическомъ отношеніи Тироль игралъ гораздо болѣе выдающуюся роль, чѣмъ теперь. За исключеніемъ Саксоніи и Богеміи, горная промышленность нигдѣ не была такъ развита, какъ въ Тиролѣ и въ прилегавшихъ къ нему съ востока странахъ. Тамъ находились богатые залежи не только желѣза и мѣди, но и мощные пласты соли, и многочисленные жилы серебра и золота. Въ Тиролѣ, какъ и въ другихъ вышеназванныхъ странахъ, «горная благодать» неизбѣжно вызывала обостреніе классовыхъ противорѣчій. Но въ альпійскихъ странахъ это обнаруживалось слабѣе, чѣмъ въ Саксоніи. Причины этого слѣдуетъ искать въ ихъ недоступности, оторванности отъ прочаго міра, въ неплодородности большинства долинъ. Жители горныхъ склоновъ оставались внѣ вліянія немногочисленныхъ торговыхъ путей, пролегавшихъ на высокихъ альпійскихъ проходахъ. Потребности ихъ оставались неизмѣнными, не измѣнялись также способы и средства удовлетворенія этихъ потребностей. Непроходимыя, дикія мѣста не привлекали купцовъ,—крестьянинъ не производилъ избытка, который можно было бы обмѣнивать на товаръ.

Богатства, добываемыя горнорабочими, особенно въ золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ, лишь отчасти содѣйствовали развитію товарнаго производства внутри страны. Главными промышленниками тирольскихъ рудниковъ были не-тирольцы; между ними богатѣйшими—аугсбургскіе Фуггеры и Гёхштеттеры. Тирольскіе рудники эксплоатировались даже испанцами. Но даже то, что доставалось мѣстнымъ князьямъ, Габсбургамъ, оставалось не внутри страны, а разсѣивалось по всему свѣту, для поддержки міровой политики Габсбурговъ; ихъ деньги уходили въ карманы наемныхъ солдатъ—швейцарцевъ, нидерландцевъ и испанцевъ, въ карманы государственныхъ лицъ различныхъ дворовъ, которыхъ надо было подкупать, наконецъ—въ карманы нѣмецкихъ курфюрстовъ и ихъ чиновниковъ.

Благодаря этому, мы находимъ въ Тиролѣ, наряду съ высокоразвитыми въ экономическомъ отношеніи мѣстностями, также и весьма отсталыя. Старое марковое устройство было тамъ еще достаточно сильно, а эксплоатація крестьянъ, по крайней мѣрѣ къ сѣверу отъ Бреннера, незначительна. Обостреніе классовыхъ противорѣчій, порождаемое «горной благодатью», простиралось почти исключительно на города и горнопромышленные пункты съ ихъ ближайшими окрестностями.

Когда волны крестьянской войны 1525 г. докатились до тирольскихъ

и зальцбургскихъ Альпъ и привели въ движеніе населеніе этихъ областей, то тамъ во главѣ возстанія стали не крестьяне, а горнорабочіе [1]).

Тогда-то и обнаружилось, какой военной силой обладали горнорабочіе и какимъ грознымъ могло быть возстаніе въ Тюрингенѣ, если бы горнорабочіе этой страны примкнули къ нему со всей энергіей. Возстанія въ сѣверномъ Тиролѣ и въ Зальцбургѣ были единственными возмущеніями 1525 г., которыя не удалось подавить оружіемъ. Съ ними справились «духовными средствами», иначе говоря, лживыми обѣщаніями и использованіемъ ограниченнаго партикуляризма, которымъ тирольскіе и зальцбургскіе горнорабочіе были заражены не менѣе мансфельдскихъ. Отдѣльныя, наиболѣе опасныя, возмущенія были замирены уничтоженіемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе вопіющихъ несправедливостей. Этимъ были развязаны руки по отношенію къ другимъ инсургентамъ; когда же и они были разбиты, а выигранное время позволило стянуть войска, то удалось справиться и съ тѣми областями, которыхъ до того нельзя было взять силой. Поддавшіеся обману ничего не выгадали отъ того, что предали общее дѣло; притѣсненія, обрушившіяся послѣ 1525 г. на рабочій классъ, поразили, въ концѣ концовъ, и самихъ предателей.

Побѣжденные и приниженные, хотя и не смятые военной силой, низшіе классы Тироля переживали послѣ крестьянской войны тоже состояніе неудовлетворенности и недовольства, какъ и низшіе классы южной Германіи; тирольцы, однако, не были такъ обезкуражены, какъ южные нѣмцы.

Въ такомъ настроеніи нашли ихъ проповѣдники анабаптистовъ, прибывшіе изъ Швейцаріи и Баваріи въ Тироль. Вскорѣ обнаружилось, какую благодатную почву для новаго ученія представляла собой эта страна.

Анабаптизмъ пользовался успѣхомъ преимущественно въ горнопромышленныхъ центрахъ. Еще до крестьянской войны ученіе Лютера было встрѣчено въ нихъ весьма сочувственно: здѣсь, во владѣніяхъ католиковъ Габсбурговъ, оно пріобрѣло чисто-оппозиціонный, рѣзко враждебный князьямъ характеръ. «Кромѣ духовныхъ лицъ, за проповѣдь новаго евангелія взялись и свѣтскіе люди—горнорабочіе, судейскіе чиновники, студенты и т. п. Всѣхъ охватило воодушевленіе къ новому ученію. *Главнымъ очагомъ противниковъ старой церкви стало братство въ Шварцѣ съ его многочисленными горнорабочими*» [2]).

---

[1]) Объ этомъ подробно говорится въ упомянутомъ уже моемъ очеркѣ „Die Bergarbeiter und der Baurenkrieg“, Neue Zeit 1889, стр. 568 и слѣд.

[2]) *Лозертъ.* Der Anabaptismus in Tyrol von seinen Anfängen bis zum Tode Jakob Hutter's, Вѣна 1892, стр. 21.

Въ 1525 году демократическіе элементы Тироля отвернулись отъ ученія Лютера, показавшаго себя врагомъ демократіи. Они быстро примкнули къ анабаптистамъ, какъ только познакомились съ ихъ взглядами.

Уже въ 1526 г. сообщается о появленіи нѣсколькихъ «братьевъ» въ Иннталѣ, между ними—горный судья *Пильграмъ Марбекъ* изъ горнопромышленнаго *Раттенберга*. Въ 1527 г. встрѣчаются упоминанія о другихъ анабаптистскихъ резиденціяхъ,—о Шварцѣ, Кицбихелѣ, Штерцингѣ, Клаузенѣ и др., и даже устанавливается особый терминъ для обозначенія жителей тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ наиболѣе укоренилась секта: ихъ называютъ «Bergwerksverwandten», т. е. «причастными горному промыслу» [1]). Поражаетъ также обиліе между тирольскими баптистами *ткачей*. Но между ними не было недостатка и въ лицахъ, принадлежавшихъ къ другимъ слоямъ рабочаго класса; къ сектѣ примыкали даже нѣкоторые дворяне.

Въ Тиролѣ, какъ и въ южной Германіи, въ первые годы послѣ крестьянской войны число баптистовъ возрастало поразительно быстро.

Но періодъ безпрепятственнаго распространенія секты во всѣхъ этихъ областяхъ былъ весьма непродолжителенъ. Едва начали они пріобрѣтать внушительное число сторонниковъ, какъ городскія и княжескія власти стали ихъ преслѣдовать. Хотя баптисты, по признанію ихъ враговъ, вели миролюбивую жизнь и отрицали всякое насильственное возстаніе, но это имъ не помогло. Ихъ ученіе приводитъ все же къ революціи,—такъ заявили власти. Эту аргументацію мы находимъ въ оффиціальномъ изданіи «Ein kurzer Unterricht» [2]) («Краткое разъясненіе»), направленномъ противъ нихъ и изданномъ въ 1528 г. Конечно, говорится тамъ, анабаптисты требуютъ послушанія властямъ, но что это лишь простая уловка, видно изъ того, «что они даютъ другъ другу обѣщаніе и клятву не оставлять другъ друга при всякихъ злоключеніяхъ, жертвуя скорѣе своей жизнью, а изъ этого вытекаетъ, что такое обѣщаніе и клятву они ставятъ выше долга

[1]) *Лозертъ*, цит. соч.: стр. 37 и въ многочисленныхъ другихъ мѣстахъ. Ср. также *Бекъ*, Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer, стр. 80. 81.

[2]) Полное заглавіе гласитъ: „Ein kurzer Unterricht den Pfarherrn vnd Predigern bei meiner gnedigen Herrn der Marggrafen zu Brandenburg e t. c. Fürstenthumben und Landen hientden in Franken vnd auf dem Gebirg verordnet, wes sie das volck wider etliche verfürische lere der widertauffer an den Feyrtägen auff der Cantzel zum getreuchlisten und besten aus Göttlicher schrifft vermanen und unterrichten sollen“. Во введеніи говорится, что маркграфы бранденбургскіе издали приказъ проповѣдывать противъ анабаптистовъ; книжка эта написана въ предположеніи, „что нѣкоторые священники и проповѣдники не обнаружатъ, пожалуй, *необходимаго пониманія* и достаточнаго уразумѣнія нашего приказа“. Каждому священнику нужно-де послать по одному экземпляру этой книжки.

передъ Богомъ поставленной властью». Простымъ людямъ этого сразу не понять, но основа ихъ дьявольскаго ученія—стремленіе стать сильными и могущественными, дабы противиться власти и своевольничать. Кто учитъ, что все должно быть общимъ, «тотъ замышляетъ возбудить среди подданныхъ недовольство и мятежъ противъ Богомъ установленной власти, равно и возстаніе неимущаго народа противъ зажиточныхъ (имущихъ)».

Такая аргументація должна была вполнѣ удовлетворять власть имущихъ, особенно въ концѣ двадцатыхъ годовъ, когда воспоминаніе о крестьянской войнѣ было еще такъ свѣжо. Какъ мы уже видѣли изъ письма Эка, анабаптистовъ считали особенно опасными людьми потому, что они угрожали спокойствію городовъ; нельзя также упускать изъ вида, что значительная часть анабаптистовъ, особенно пролетарское теченіе Гута, несмотря на свое миролюбіе, все же было сильно проникнуто духомъ бунтарства. Правда, всѣ они, безъ исключенія, считали безумной и грѣховной всякую попытку къ вооруженному возстанію, но, тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ были убѣждены, что конецъ существующаго общества близокъ; они не вѣрили въ успѣхъ внутренняго возстанія, но возлагали всѣ свои надежды на внѣшнюю войну.

Что не удалось крестьянамъ, то сдѣлаютъ—де *турки*. Самъ Гансъ Гутъ и многіе изъ его единомышленниковъ возлагали большія надежды на грядущее вторженіе турковъ. Они-то и погубятъ имперію, училъ Гутъ. Во время нашествія «братья» должны укрыться въ лѣса, а когда турки окончатъ свое дѣло, то «братья» выйдутъ изъ лѣсовъ и довершатъ начатое. Онъ даже точно опредѣлилъ дату, открывающую эпоху тысячелѣтняго царствованія: Троица 1528 года.

Пророчества Гута также мало могутъ быть названы простыми измышленіями фантазіи, какъ и предсказанія Дольчино. Турки дѣйствительно приближались. Правда, султанъ Сулейманъ вторгся не въ 1528, а въ 1529 году, и завоевалъ онъ лишь одну Венгрію, а Германію даже и не тронулъ. Подъ Вѣной онъ потерпѣлъ пораженія, разочаровавъ этимъ не только наиболѣе рьяныхъ анабаптистовъ, но и самаго рьянаго противника императора и нѣмецкихъ князей, столь высоко превозносимаго патріотическими лѣтописцами, ландграфа Филиппа Гессенскаго.

Такимъ образомъ, коммунисты оказались не единственными «предателями».

Эти симпатіи части анабаптистовъ къ туркамъ, во всякомъ случаѣ, не улучшали отношенія къ нимъ, особенно въ имперскихъ странахъ [1]).

[1]) 18-го апрѣля 1528 г. областнымъ и городскимъ судамъ Нижней Австріи были сообщены правительствомъ слѣдующія примѣты анабаптистовъ:

*

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ приписывать слишкомъ большого вліянія на преслѣдованіе анабаптистовъ тому обстоятельству, что власть опасалась ихъ симпатій къ туркамъ. Надежда на турокъ возлагалась лишь меньшинствомъ анабаптистовъ; кромѣ того, въ тѣхъ мѣстахъ и въ такое время, когда не было и помину о турецкой опасности, анабаптистовъ преслѣдовали съ тѣмъ же рвеніемъ, какъ и въ періодъ грозившаго наступленія турковъ, въ восточныхъ владѣніяхъ Габсбурговъ.

Протестанты и католики соперничали въ преслѣдованіи баптистовъ. «Больше всего проливалось крови въ католическихъ странахъ— пишетъ *Корнеліусъ* (Münsterischer Aufruhr, II., 57). Въ Германіи протестанты пожалуй даже превосходили католиковъ жестокостью и кровожадностью преслѣдованій»—полагаетъ *Бекъ* (Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer, XVIII). Но на самомъ дѣлѣ ни одна изъ обѣихъ партій не уступала другъ другу.

Въ 1526 г. были лишь отдѣльные случаи преслѣдованія баптистовъ въ Южной Германіи. Но когда число сектантовъ стало быстро возрастать, то участились и преслѣдованія. 1527 г. уже былъ отмѣченъ многочисленными казнями «братьевъ», но настоящая травля ихъ начата была лишь въ слѣдующемъ году, по призыву императорскаго мандата отъ 4-го января, каравшаго анабаптизмъ смертью. Этотъ мандатъ былъ дополненъ въ 1529 году шпейерскимъ рейхстагомъ, тѣмъ самымъ, на которомъ евангелическіе чины протестовали противъ всякаго насилія надъ ихъ исповѣданіемъ, откуда они и получили названіе *протестантовъ*.

Въ § 6 постановленій шпейерскаго рейхстага говорится: «Послѣ возникновенія въ недавнее время новой секты, выросшей изъ ученія анабаптизма, запрещеннаго закономъ и *осужденнаго уже много вѣковъ назадъ*, каковая секта.... чѣмъ дальше, тѣмъ больше разростается и усиливается, Его Величество, дабы воспрепятствовать такому великому злу и могущимъ произойти изъ него послѣдствіямъ, и дабы сохранить миръ и единство въ священной имперіи, установилъ законную конституцію, уложеніе и распорядокъ и приказалъ опубликовать его во всей имперіи; оно гласитъ, что всякій и каждый анабаптистъ и вторично крещеный,

---

1. Когда одинъ анабаптистъ встрѣчается съ другимъ, то онъ берется за шляпу, говоря: Gott grüss dich, Bruder im Herrn, а другой отвѣчаетъ Gott dank dir im Herrn.

2. Таково ихъ мнѣніе и сужденіе, что нѣтъ иной власти кромѣ Бога и что все ихъ имущество должно быть общимъ.

3. Когда турки вторгнутся въ страну, то анабаптисты намѣрены примкнуть къ нимъ, не помогать своему правительству и убить на смерть всѣхъ, кто не придерживается ихъ вѣры, не исключая и императора". *Лозертъ*, Губмейеръ, стр. 190.

мужчина или женщина зрѣлаго возраста, должны быть *преданы смерти* черезъ сожженіе, отсѣченіе головы или какъ нибудь иначе, въ зависимости отъ личности казнимаго, *безъ предварительной инквизиціи священнаго суда*».

Это былъ приказъ избивать, какъ дикихъ звѣрей, всѣхъ кто только попадался, убивать безъ приговора суда, безъ судебнаго слѣдствія!

И *это* постановленіе рейхстага не осталось, подобно многимъ другимъ, только на бумагѣ. Нѣкоторые чины, приводя его въ исполненіе, усердствовали еще и отъ себя.

«Нѣкоторыхъ—пишетъ одинъ хроникеръ анабаптистовъ—разрывали и растягивали на части, другихъ сжигали до тла, иныхъ поджаривали на столбахъ, иныхъ рвали раскаленными щипцами, другихъ запирали въ домахъ и сжигали со всѣмъ добромъ, иныхъ вѣшали на деревьяхъ, другихъ казнили мечемъ, нѣкоторыхъ топили въ водѣ. Многимъ вставляли въ ротъ кляпъ, чтобы они не могли говорить, когда ихъ вели на смерть.

«Какъ овецъ и ягнятъ, вели ихъ толпами на закланіе и убой. Библейскія книги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были строго запрещены, въ другихъ мѣстахъ—сожжены. Многіе умерли голодной смертью или сгнили въ тюрьмахъ; весьма многихъ передъ казнью подвергали разнымъ мученіямъ, другихъ, недостигшихъ возраста положеннаго для казни, били плетями. Немало было брошено въ тюрьмы и темницы на многіе годы [1]). Многимъ прожигали насквозь щеки палкой и затѣмъ отпускали. Остальныхъ, избѣжавшихъ всѣхъ этихъ терзаній, гоняли изъ одной страны въ другую, съ одного мѣста на другое. Какъ совамъ и филинамъ, которые не смѣютъ летать днемъ, имъ нерѣдко приходилось скрываться и пресмыкаться между скалъ и въ пропастяхъ, въ дикихъ лѣсахъ, пещерахъ и

[1]) Пойманныхъ анабаптистовъ подвергали самымъ удивительнымъ мученіямъ, зачастую нелишеннымъ своеобразнаго кроваваго юмора. Такъ напр., въ лѣтописяхъ анабаптистовъ разсказывается о нѣкоемъ братѣ Либихѣ, который былъ арестованъ въ 1538 г., во время агитаціонной поѣздки въ Иннталь, и заключенъ въ балленбергскую тюрьму близъ Иннсбрука. „И вотъ, въ этой особенно страшной тюрьмѣ, обители ужасныхъ видѣній или злого духа, какъ это хорошо всѣмъ извѣстно, возлюбленному брату пришлось много претерпѣть искушеній отъ злѣйшаго врага человѣческаго... Онъ предсталъ передъ нимъ въ образѣ дѣвушки и когда братъ молился, то онъ ложился къ нему на кровать, въ образѣ дѣвушки, такъ что ему стоило большого труда столкнуть его и выгнать вонъ. Когда дьяволъ, въ образѣ дѣвицы, увидѣлъ, что „онъ ничего не можетъ подѣлать, то удалился прочь изъ тюрьмы, оставляя за собой такой ужасный смрадъ, что братъ едва не лишился чувствъ“. Но тюремщики не удовольствовались такими пріемами возбужденія фантазіи злополучнаго

ямахъ. Ихъ разыскивали посредствомъ собакъ и палачей, за ними охотились, какъ за птицами, что летаютъ въ воздушномъ пространствѣ—и все это безъ всякой вины съ стороны этихъ людей, которые не совершили ничего дурного, не причинили и не хотѣли причинять никому ни зла ни обиды» [1]).

Вся эта жалоба есть ничто иное, какъ прозаическое изложеніе одной пѣсни того времени, сочиненной францисканцемъ, *Леонардомъ Шимеромъ*; послѣдній не нашелъ въ монастырѣ того, чего искалъ, присоединился къ анабаптистамъ и, несмотря на то, что былъ образованнымъ человѣкомъ, изучилъ портняжеское ремесло. Принадлежалъ онъ къ болѣе строгому направленію анабаптизма. Въ ноябрѣ 1527 г. онъ попался въ Роттенбергѣ (Тироль) въ руки властей и 14-го января 1528 г. былъ казненъ. Своей жизнью онъ подтвердилъ справедливость сочиненной имъ пѣсни, въ которой онъ пѣлъ:

Dein heilig Statt hant sie zerstört,
Dein Altar umgegraben,
Dazu auch deine Knecht ermördt
Wo sie's ergriffen haben.
Nur wir allein, dein Häuflein klein,
Sind wenig überlieben,
Mit Schmach und Schand
Durch alle Land
Verjaget und vertrieben.
Wir sind zerstreut, gleichwie die Schaf,
Die keinen Hirten haben,
Verlassen unser Haus und Hof,
Und sind gleich dem Nachtraben,
Der sich auch oft hält in Steinkluft.
In Felsen und in Kluften
Ist unzer G'mach
Man stellt uns nach
Wie Vöglein in der Lufften.
Wir schleichen in den Wäldern um,
Man sucht uns mit den Hunden,
Man führt uns als die Lämmlein stumm
Gefangen und gebunden.
Man zeigt uns an vor Jedermann
Als wären wir Aufrührer;
Wir sind geacht,
Wie Schaf zur Schlacht,
Als Ketzer und Verführer.
Viel Sind auch in den Banden eng
An ihrem Leib verdorben,
Etliche durch die Marter Streng
Umkommen und gestorben
. . . .
. . . .

„брата“. „Имъ было мало этого; чтобы подвергнуть его всѣмъ испытаніямъ, не упуская ни одного, эти безбожники и дѣти сатаны посадили къ нему въ тюрьму сестру Уршель (Урсулу) Гельриглинъ, красивую, молодую дѣвушку, также схваченную за вѣру; они привязали ее къ его ногѣ и оставили ихъ такъ вдвоемъ втеченіе долгаго времени. Легко понять, чего ожидали чортъ и его дѣти!“ Но ничего грѣховнаго не произошло,—такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли Либихъ и Гельриглинъ.

Послѣднюю арестовали въ 1539 г., когда ей было восемнадцать лѣтъ. Въ 1541 г. она была помилована и приговорена лишь къ изгнанію, „ради ея женской глупости, а также молодости и просьбъ“. Съ ней вмѣстѣ, освободили и изгнали также Либиха, такъ какъ онъ „раскаялся“ (*Бекъ* стр. 155 и слѣд.).

[1]) *Бекъ*, Geschichtsbücher, стр. XIX, XX.

Ohn alle Schuld,
Hie ist Geduld
Der Heiligen auf Erden.
Man hat sie an die Bäum gehenkt,
Erwürget und zerhauen,
Heimlich und öffentlich ertränkt
Viel Weiber und Jungfrauen.
Die haben frei ohn'alle Scheu
Der Wahrheit Zeugnuss geben,
Dass Jesus Christ
Die Wahrheit ist,
Der Weg und auch das Leben.

Noch tobt die Welt und ruhet nicht,
Ist gar unsinnig worden.
Viel Lügen sie auf uns erdicht.
Mit brennen und mit Morden
Thut sie uns bang. Oh Herr, wie lang
Willst du dazu noch schweigen?
Richt den Hochmuth,
Der Heiligen Blut
Lass vor dein Thron aufsteigen.

Твой градъ святой они сожгли,
Алтарь и храмъ твой срыты
И слуги—тамъ, гдѣ ихъ нашли,—
Лежатъ теперь убиты.
Лишь мы остались... Горсть одну
Ты видишь уцѣлѣвшихъ.
Съ позоромъ изъ страны въ страну
Насъ гонятъ онѣмѣвшихъ.

И мы разсѣялись, бредемъ,
Какъ стадо безъ вожатыхъ.
Покинутъ дворъ, оставленъ домъ
Для нихъ, враговъ заклятыхъ.
Теперь нашъ домъ, пріютъ родной,
Въ ущельяхъ скалъ отвѣсныхъ.
Ютится воронъ тамъ ночной...

Но насъ, какъ птицъ небесныхъ,
Преслѣдуютъ. Въ лѣса отъ нихъ
Не скрыться. Слѣдъ находятъ
Собаки ихъ, и, какъ нѣмыхъ
Ягнятъ, насъ въ плѣнъ приводятъ.
И говорятъ: «Смотрите, вотъ
Бунтовщики! Смотрите!»

Мы хуже въ ихъ глазахъ, чѣмъ скотъ.
Отступникъ, соблазнитель...
И многіе въ тюрьмѣ изъ насъ
Теряли силъ избытокъ.
Къ другимъ пришелъ послѣдній часъ
Средь мукъ жестокихъ пытокъ...
. . . .
. . . .

Всѣ—безъ вины. Осуждены
Святые на страданья.
Ихъ вѣшали среди деревъ,
Ихъ много не зарыто.
Топили женъ и юныхъ дѣвъ,
И тайно, и открыто.

Но каждый крестъ безъ страха несъ
И смертію спокойной
Призналъ, что истина—Христосъ,
Что Онъ—нашъ путь достойный...

Бушуетъ міръ. Пожаръ растетъ,
Въ безумье міръ впадаетъ
И ложь его насъ такъ гнететъ,
Огнемъ онъ угрожаетъ
И смертью намъ... О Боже, Ты
Молчишь, не осуждая
Высокомѣрія черты!
Суди ихъ всѣхъ! И пусть святая
Предъ трономъ вознесется кровь.

(Перев. І. Файншмидтъ).

Какъ сильно свирѣпствовало первое большое преслѣдованіе, можно видѣть изъ того, что во время него погибли почти всѣ выдающіеся баптисты, если только естественная смерть не вырвала ихъ заблаговременно у палачей, какъ, напр., болѣзненнаго Конрада Гребеля, умершаго въ Грау-

бюнденѣ лѣтомъ 1526 г. [1]) и Денка, который погибъ въ концѣ 1527 г. въ Базелѣ отъ чумы.

Какъ уже было указано, первымъ погибъ у баптистовъ Феликсъ Манцъ. За нимъ, 21-го мая 1527 г., послѣдовалъ Михаилъ Заттлеръ, ученый, родомъ изъ Штауфена въ Брейсгау, бывшій монахъ, примкнувшій къ братьямъ въ 1524 г. Онъ былъ схваченъ въ Роттенбургѣ на Некарѣ; «его рвали раскаленными щипцами, а затѣмъ сожгли; онъ до конца остался вѣренъ Богу». Въ томъ же году погибъ въ Аугсбургѣ Гансъ Гутъ, во время попытки бѣжать изъ мѣстной тюрьмы. Въ 1528 г. смертью мучениковъ умерли Бредли и Губмейеръ, въ 1529 г. былъ казненъ Лангенмантель; Блаурокъ былъ сожженъ въ Клаузенѣ (Тироль); Гетцеру отрубили голову въ Констанцѣ. Ринкъ попалъ во власть ландграфа Филиппа гессенскаго, который не считалъ возможнымъ согласовать со своей совѣстью убійство мирныхъ людей лишь за одну ихъ вѣру, чѣмъ крайне озлобилъ Лютера, тщетно совѣтовавшаго ему, вмѣстѣ съ кротчайшимъ Меланхтономъ, приводить въ исполненіе постановленіе рейхстага 1529 г. безъ всякой пощады. Но злополучные баптисты, попавшіе въ руки Филиппа выиграли немного. Гуманный ландграфъ присудилъ ихъ къ пожизненному заключенію.

Всѣ приговоренные къ казни умерли мужественно, не отрекшись отъ своей вѣры, въ томъ числѣ даже Губмейеръ, проявившій, правда, вначалѣ нѣкоторую слабость. Лѣтомъ 1527 г. его схватили въ Никольсбургѣ, въ Моравіи, и отправили въ Вѣну, по приказанію Фердинанда, брата императора Карла. Съ 1521 г. Фердинандъ сталъ носителемъ габсбургской власти въ Германіи, съ 1526 г.—королемъ Венгріи и Богеміи. Какъ и въ Цюрихѣ въ 1525 г., Губмейеръ пытался спасти себя тѣмъ, что вначалѣ отрекся отъ своихъ заблужденій; онъ заявилъ о своемъ согласіи подчиниться собору даже по вопросамъ крещенія и причастія. Одновременно онъ предложилъ свои услуги истребителю еретиковъ Фердинанду. Въ прошеніи къ королю, своемъ «Отчетѣ», написанномъ 3-го января 1528 г., онъ воздавалъ хвалу всѣмъ извѣстной мягкости Фердинанда и просилъ: «Ваше Величество, соблаговолите простить меня и явить милость

[1]) Такимъ образомъ Цвингли не пришлось отплатить своему величайшему врагу, котораго онъ назвалъ однажды „Корнеемъ анабаптистовъ". Но зато ему удалось предать 30 октября 1526 г. смертной казни отца Гребеля, враждовавшаго со своимъ сыномъ; старикъ былъ осужденъ за то, что якобы согласился на принятіе французской пенсіи. Онъ до послѣдняго дня отрицалъ возводимую на него вину, и самъ Буллингеръ считаетъ смертный приговоръ надъ нимъ неправильнымъ. Ср. статью „Grebel" *Мейера фонъ-Конау* въ „Allgem. Deutschen Biogr.".

и снисхожденіе мнѣ, заключенному и униженному человѣку, который лежитъ въ тяжкой болѣзни, въ холодѣ и мукѣ; ибо, съ помощью божьей, я буду такъ вести себя, поступать и стараться, чтобы сдѣлать угодное Вашему Величеству. *Гдѣ бы я ни былъ, я повсюду съ величайшимъ усердіемъ и стараніемъ буду направлять народъ къ набожности, страху божьему и послушанію»* [1]).

Но всѣ просьбы и обѣщанія были напрасны. Въ качествѣ руководителя вальдсгутской оппозиціи, Губмейеръ считался бунтовщикомъ противъ габсбургскаго правленія, и это преступленіе Габсбурги ни за что не могли простить ему.

Когда Губмейеръ увидѣлъ, что судьба его рѣшена, онъ снова обрѣлъ мужество, ободренный своей женой *Эльзбетой*, дочерью гражданина изъ Рейхенау на Бодензее, на которой онъ женился въ 1524 году. Она внушила ему твердость духа, и онъ, сохраняя стойкость, умеръ на кострѣ (въ Вѣнѣ, 10 марта 1528 г.). Спустя три дня его мужественная жена была утоплена въ Дунаѣ.

Но между баптистами было мало такихъ, которые, подобно Губмейеру, обнаруживали слабость духа. Они повсюду вызывали удивленіе своей твердостью и готовностью умереть. Какъ христіанскіе лѣтописцы ссылались на геройскую смерть мучениковъ—первыхъ христіанъ, въ доказательство святости и возвышенности ихъ дѣла, такъ ссылались на своихъ мучениковъ и баптисты.

И какъ вокругъ мучениковъ-первыхъ христіанъ, такъ и вокругъ мучениковъ-баптистовъ былъ сплетенъ цѣлый вѣнокъ легендъ, полныхъ чудеснаго. Приведемъ здѣсь лишь одну изъ нихъ, весьма характерную. Одна моравская хроника («Cronikl») 1527 г. сообщаетъ о нѣкоемъ Леонардѣ Кайзерѣ, который «прежде былъ попомъ», а позднѣе былъ приговоренъ въ Шердингѣ къ сожженію. Когда его везли на телѣгѣ къ мѣсту казни, «то онъ наклонился къ дорогѣ и сорвалъ на ней рукой цвѣточекъ, взялъ его и сказалъ судьѣ, ѣхавшему рядомъ съ нимъ: «Вотъ я сорвалъ цвѣточекъ; если *онъ* и *я* сгоримъ, то пусть это будетъ знакомъ того, что со мной поступили правильно. Но если я и цвѣточекъ не сгоримъ, и цвѣточекъ останется въ моей рукѣ нетронутымъ огнемъ, то подумайте, что вы сдѣлали!»—Потомъ подъ нимъ сжигали много вязанокъ дровъ, но онъ не сгорѣлъ. Тогда подложили еще столько же дерева, но и послѣ этого его не могли сжечь,—обгорѣли лишь его волосы *и только ногти на пальцахъ стали слегка коричневыми.* Цвѣтокъ въ его рукѣ оставался такимъ же свѣжимъ, какимъ онъ его сорвалъ. А когда

---

[1]) Цитировано у *Лозерта*, Губмейеръ, стр. 180.

его тѣло обмыли, то сажа сошла, и *оно оказалось совершенно бѣлымъ»*. Не оставалось ничего другого, какъ четвертовать огнеупорнаго святого и выбросить куски его тѣла въ Иннъ [1]).

Гораздо болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ эти фантазіи, производятъ нѣкоторыя вполнѣ достовѣрныя сообщенія о казни баптистовъ, какъ, напр., о насильственной смерти одной шестнадцатилѣтней дѣвушки въ Зальцбургѣ. Ее никакъ не могли принудить къ раскаянію, но всѣ просили о дарованіи ей жизни, «ибо видѣли, что она чиста и невинна, какъ ребенокъ. Палачъ взялъ ее на руки, понесъ къ тому мѣсту, гдѣ поили лошадей, погрузилъ ее подъ воду и держалъ такъ, пока она не утонула; тогда онъ вынулъ бездыханное тѣло и предалъ его огню» [2]).

Но героизмъ даже самыхъ кроткихъ и беззащитныхъ передъ изысканнѣйшими звѣрствами не трогалъ «отцовъ народа» и ихъ духовныхъ и свѣтскихъ прислужниковъ. То, что считалось божественнымъ въ первыхъ христіанахъ, признавалось дѣломъ дьявола въ анабаптистахъ.

«Чѣмъ объясняется—спрашиваетъ Фаберъ фонъ-Гейльброннъ,—что анабаптисты встрѣчаютъ муки смерти такъ радостно и спокойно? Они танцуя бросаются въ огонь, безъ страха смотрятъ на поднятый мечъ, говорятъ и проповѣдуютъ народу съ улыбкой на устахъ, поютъ псалмы и другія пѣсни, пока духъ не покинетъ тѣла, умираютъ съ радостью, словно находятся въ веселомъ обществѣ, до самой смерти остаются стойкими, сильными и увѣренными». Все это—дѣло *адова змія*.

Лютеръ также называлъ стойкость анабаптстовъ адовымъ упрямствомъ, дѣломъ сатаны. «Святые мученики—говорилъ онъ,—вродѣ нашего Леонарда Кайзера, умираютъ мужественно съ кротостью по отношенію къ своимъ врагамъ; но они (анабаптисты) идутъ на смерть, укрѣпляя свое упорство злобой противъ своихъ враговъ» [3]).

Здѣсь съ «смиреннымъ слугой божьимъ», благодаря его крайней злобѣ на анабаптистовъ, произошло несчастье. «Святой мученикъ», котораго онъ ставилъ имъ въ примѣръ, былъ не лютераниъ, какъ онъ воображалъ, а настоятель баптистской общины въ Шердингѣ,—тотъ самый, который, согласно уже извѣстной намъ легендѣ, реагировалъ на огонь костра такъ, словно онъ былъ созданъ не изъ мяса и костей, а изъ настоящей несгораемой пѣнки.

Поразительная стойкость и геройство анабаптистовъ имѣли лишь *одинъ* результатъ: число кровавыхъ жертвъ увеличилось невѣроятно.

---

[1]) *Бекъ*, Geschichtsbücher, стр. 25, 26.

[2]) *Келлеръ*, Die Reformation, стр. 446.

[3]) Цитировано у *Корнелиуса*, Münsterischer Aufruhr, II, стр. 55.

Въ 1530 г. уже насчитывали (согласно Себастіану Франку) до 2.000 замученныхъ и казненныхъ анабаптистовъ.

Нерѣдко говорятъ: нельзя искоренить идею насиліемъ. Это изреченіе подтверждаютъ, обыкновенно, многочисленными примѣрами, которые должны служить утѣшеніемъ всѣмъ преслѣдуемымъ. Но, выраженное въ столь категорической формѣ, это изреченіе невѣрно. Правда, убить насиліемъ саму идею невозможно; но идея сама по себѣ лишь призракъ, лишенный силы и вліянія. Степень силы, достигаемая общественнымъ идеаломъ, — а только о такихъ идеяхъ мы здѣсь и говоримъ, — зависитъ отъ тѣхъ индивидуумовъ, которые усваиваютъ идеалъ, отъ ихъ вліянія на общество. Если представляется возможнымъ нанести пораженіе классу, являющемуся носителемъ опредѣленнаго идеала, то эта возможность приводится въ исполненіе.

16-ое столѣтіе принадлежало государственному абсолютизму. Въ немногочисленныхъ свободныхъ городахъ власть надъ низшими классами также становилась все болѣе неограниченной [1]). Когда абсолютизмъ сломилъ рыцарскую и крестьянско-мелко-буржуазную оппозицію, то онъ шутя справился съ коммунистическими стремленіями части пролетаріата и безсильныхъ буржуазныхъ идеологовъ.

Анабаптизмъ въ Южной Германіи исчезъ столь же быстро, какъ и появился; мюнстерская катастрофа (1535 г.), о которой мы еще будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, привела къ тому, что анабаптизмъ вымеръ во всей Германіи, если не считать немногочисленныхъ, безсильныхъ остатковъ секты, разсѣянныхъ то тамъ, то здѣсь и еще влачившихъ нѣкоторое время жалкое существованіе въ видѣ разрозненныхъ тайныхъ союзовъ.

Кровавое преслѣдованіе было одной изъ причинъ, и, притомъ, самой главной, быстраго исчезновенія баптистовъ въ Германіи; но этому немало содѣйствовало и то обстоятельство, что какъ разъ къ началу пре-

[1]) Магистраты, члены городскихъ совѣтовъ въ имперскихъ городахъ, съ 16-го столѣтія становились все менѣе зависимыми отъ общины горожанъ и все опредѣленнѣе усваивали себѣ привычки „повелителей страны". Въ 1602 г. городской совѣтъ Гамбурга выставилъ передъ городской общиной слѣдующее положеніе: „Если даже правительство окажется безбожнымъ, тираническимъ и алчнымъ, то подданнымъ все же не годится возставать противъ него и противиться ему; наоборотъ—они скорѣе должны видѣть въ немъ проявленіе гнѣва Всемогущаго, карающаго своихъ сыновъ за грѣхи" и т. д. (*Маyеръ*, Städteverfassung, IV, стр. 186). Даже отъ князей трудно было ожидать въ то время столь рѣзкаго подчеркиванія неограниченныхъ „божіей милостью" правъ. Отсюда видно, что о городскомъ абсолютизмѣ, можно говорить съ такимъ же основаніемъ съ какимъ говорятъ объ абсолютизмѣ князей.

слѣдованій баптисты нашли себѣ убѣжище внѣ Германіи, куда они и устремились массами. Убѣжищемъ этимъ была *Моравія*—Америка 25-го столѣтія.

V. Анабаптисты въ Моравіи.

Въ Моравіи условія крайне благопріятствовали развитію анабаптизма. Подчиненное тѣмъ же властителямъ, что и Богемія, маркграфство моравское дѣлило съ нею общія судьбы во время и послѣ гуситскихъ войнъ. Борьба, разрывавшая Германію въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ реформаціи, была уже давно закончена въ земляхъ богемской короны. Она закончилась компромиссомъ между старой и новой вѣрой,—компромиссомъ, который содѣйствовалъ упроченію религіозной терпимости. Наряду съ католиками и утраквистами, тамъ возникала и новая секта богемскихъ братьевъ,—безъ всякаго вреда для государства и общества и къ величайшей экономической выгодѣ для тѣхъ господъ, во владѣніяхъ которыхъ жили «братья».

Чтобы быть терпимой въ Богеміи и Моравіи новой сектѣ не нужно было искать покровительства у правительственной власти. Крупное дворянство пользовалось почти полной независимостью. Если какая нибудь секта пріобрѣтала благорасположеніе одного изъ бароновъ, то она спокойно могла селиться въ его владѣніяхъ, какъ бы ни смотрѣлъ на это верховный правитель страны. Такой порядокъ сохранился и послѣ того, какъ Богемія и Моравія перешли въ 1526 г. къ католикамъ Габсбургамъ.

Несмотря на эти благопріятныя условія, анабаптистамъ такъ и не удалось прочно укорениться въ Моравіи. Это объясняется, повидимому, національными отношеніями, сложившимися въ странѣ; анабаптисты были нѣмецкими эмигрантами, въ 16-мъ же вѣкѣ національный антагонизмъ въ Богеміи, пышно развившійся въ предшествовавшемъ столѣтіи, былъ еще весьма силенъ.

Благодаря этому нѣмцы не могли чувствовать себя среди богемскаго населенія вполнѣ привольно. Наоборотъ, въ Моравіи національныя противорѣчія никогда не выступали такъ рѣзко, и нѣмцамъ было легче найти тамъ новое отечество.

Уже осенью 1526 г. Губмейеръ направился изъ Аугсбурга въ Моравію «въ сопровожденіи множества народа» и нашелъ тамъ радушный пріемъ въ Никольсбургѣ, во владѣніяхъ Леонарда фонъ-Лихтенштейна, который самъ принялъ новое крещеніе. Тамъ была организована община и—что весьма характерно—немедленно устроена типографія, печатавшая сочиненія Губмейера. Печатникомъ былъ уроженецъ Цюриха Зимпрехтъ Зоргъ, по прозвищу Фрошауэръ.

Молва о новомъ «Эммаусѣ» распространилась вскорѣ повсюду среди братьевъ; многіе изъ укрывшихся въ прославленной странѣ спаслись отъ преслѣдованій. Но свобода и процвѣтаніе братской общины привели къ уже упомянутому нами расколу. Различія между строгимъ и болѣе умѣреннымъ направленіями, обнаружившіяся уже въ Германіи, но отодвинутыя на второй планъ преслѣдованіями, вырисовались въ Моравіи во всей своей полнотѣ. Вожаками этихъ теченій были Губмейеръ и Гутъ; послѣдній прибылъ въ Моравію вскорѣ вслѣдъ за первымъ.

Надвигавшаяся война съ Турціей еще болѣе обострила расколъ. Въ Моравіи была установлена общая военная подать для борьбы съ невѣрными. Должны ли платить ее баптисты? Войну они, вообще, отрицали, укрѣплять же могущество императора насчетъ могущества турковъ вовсе не входило въ планы Гута, который ожидалъ, что, съ помощью Турціи, дѣло баптистовъ приметъ благопріятный оборотъ. По этому вопросу въ Никольсбургѣ и въ его окрестностяхъ происходили многочисленные диспуты.

«Когда—сообщаютъ лѣтописцы анабаптистовъ—разнеслась въ 1527 г. вѣсть о томъ, что турокъ намѣренъ двинуться въ Австрію и подступить къ Вѣнѣ, братья и старѣйшины общинъ собрались въ Пергенѣ (близъ Никольсбурга) на церковномъ дворѣ....... дабы имѣть разсужденіе обо всемъ этомъ, но не могли прійти къ общему соглашенію». И въ другомъ мѣстѣ: «Гансъ Гутъ и прочіе собрались въ никольсбургскомъ замкѣ (Лихтенштейна), чтобы имѣть сужденіе о томъ, взяться ли имъ за мечъ или нѣтъ, а также платить ли имъ военный налогъ или нѣтъ; они обсуждали и другія распоряженія властей, но не могли столковаться, а потому и разошлись, не придя къ общему соглашенію. Но такъ какъ Гансъ Гутъ не могъ или не желалъ голосовать вмѣстѣ съ господиномъ Леонардомъ фонъ-Лихтенштейномъ за участіе въ войнѣ (für das Schwert), то онъ былъ задержанъ *противъ своей воли* въ никольсбургскомъ замкѣ. Но одинъ человѣкъ, весьма уважавшій Гута и заботившійся о немъ, спустилъ его ночью за стѣны замка черезъ окно въ сѣткѣ для ловли зайцевъ. На слѣдующій день жители города очень роптали и жаловались на господина Леонарда и его приближенныхъ за то, что они силой удержали Гута въ замкѣ. Это побудило Балтазара Губмейера публично говорить на эту тему передъ своими помощниками въ госпиталѣ, ибо наканунѣ они не могли сойтись по вопросу о мечѣ и налогѣ» [1]).

Повидимому, у миролюбивыхъ братьевъ происходили тогда жаркія схватки.

---

[1]) *Бекъ*, Die Geschichtsbücher etc., стр. 49—51.

Гансъ Гутъ не остался въ Моравіи. Осенью 1527 г. мы снова находимъ его въ Аугсбургѣ, гдѣ онъ былъ схваченъ и, какъ уже сказано, казненъ.

Но Губмейеръ продолжалъ свой походъ противъ болѣе строгаго теченія. Его сочиненіе «О мечѣ» исключительно посвящено полемикѣ съ братьями [1]. Мы передаемъ нѣкоторыя—наиболѣе характерныя—мѣста этого произведенія (по выдержкамъ Лозерта). Оно начинается словами Христа: «Мое царство не отъ міра сего». «Изъ этого мѣста нѣкоторые братья заключаютъ, что христіанинъ не долженъ браться за мечъ. Но если бы они вникли хорошенько въ смыслъ этихъ словъ, то стали бы говорить иначе, а именно, что наше царство не *должно бы* быть отъ міра сего. Но, къ сожалѣнію,—такова воля Господа,—оно отъ міра сего... мы живемъ въ царствѣ сего міра, грѣха, смерти и ада. Но, Отче, помоги намъ уйти изъ царства этого, въ коемъ мы погрязли по уши и отъ котораго не можемъ избавиться».

Такимъ же образомъ Губмейеръ толкуетъ еще пятнадцать выдержекъ изъ евангелія, приводимыхъ болѣе строгимъ направленіемъ въ доказательство своей правоты. Онъ, конечно, безъ труда находитъ въ Новомъ Завѣтѣ мѣста, доказывающія необходимость существованія верховной власти. А разъ эта власть необходима, то добрый христіанинъ долженъ ей содѣйствовать. «И вотъ, когда власть желаетъ наказать злыхъ,—что она обязана дѣлать для спасенія души,—но не въ силахъ сама одолѣть ихъ, а потому призываетъ на помощь подданныхъ колокольнымъ звономъ, громомъ пушекъ, письмами и воззваніями, то и подданные, въ свою очередь, обязаны, для спасенія своей души, оказывать помощь властямъ, дабы они могли, дѣйствуя по волѣ Божіей, уничтожить и искоренить злыхъ». Конечно, не должно быть слѣпого повиновенія. «Если власть неразумна, какъ младенецъ, или же совсѣмъ неспособна управлять, то можно, по всей справедливости, смѣнить ее и поставить другую, что было бы хорошо... [2]), но такъ какъ этого нельзя сдѣлать законно и мирно, безъ большого вреда и смуты, то такую власть слѣдуетъ терпѣть».

Но, защищая военную подать и поддержку власти подданными, онъ

---

[1] „Von den Schwert. Ein Christenmliche erklerung der Schrifften, so wider die Oberkait (das ist, das die Christen nit sollent im Gwalt sitzen noch das Schwert fieren) von etlichen Brüdern gar ernstlich angezogen verdeut. D. Balthasar Huebmer von Friedberg, 1527". Подробныя выдержки изъ этого сочиненія приводятся *Лозертомъ* въ его „Hubmeier", стр. 166 и сл.

[2] „Ну-ка, попробуй!" гласитъ помѣтка на поляхъ экземпляра, которымъ пользовался Лозертъ въ моравскомъ государственномъ архивѣ.

отстаиваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право христіанъ самимъ принимать на себя власть и носить мечъ.

Одновременно Губмейеръ опубликовалъ рядъ полемическихъ произведеній, направленныхъ противъ Цвингли и его сторонниковъ. Одно изъ нихъ обнаруживаетъ, что коммунизмъ Губмейера также былъ весьма умѣренъ. Въ своемъ «Gespräch auf Meister Ulrich Zwingli's Taufbüchlein von der Kindertaufe»[1]) онъ отвѣчаетъ на упрекъ въ «общности», коммунизмѣ: «Всегда и повсюду я высказывался за общность имущества въ томъ смыслѣ, что люди должны относиться другъ къ другу съ состраданіемъ, кормить голодныхъ, поить жаждущихъ, одѣвать нагихъ, ибо мы не господа своего имущества, а лишь управители и распредѣлители его. Никто, конечно, не скажетъ, что надо отбирать чужое добро и превращать его въ общую собственность, но скорѣе надлежитъ отдать не только верхнее платье, но и рубашку». Мало, конечно, благородства въ томъ, что Губмейеръ, будучи арестованъ, стремился въ упомянутомъ уже «Отчетѣ», умилостивить герцога Фердинанда, между прочимъ, тѣмъ, что рѣзко подчеркивалъ свое несогласіе съ Гансомъ Гутомъ. Въ своемъ «Отчетѣ» онъ писалъ о *«страшномъ судѣ»*,—что на языкѣ того времени обозначало не что иное, какъ революцію: «Хотя Христосъ далъ намъ немало знаменій для распознанія того, какъ близокъ день его пришествія, но все же никто кромѣ Бога не знаетъ этого дня. Поэтому-то я постоянно высказывался противъ Іоганна Гута и его приверженцевъ, которые называли опредѣленный день для страшнаго суда, а именно—ближайшую Троицу, говорили объ этомъ народу, побуждая его распродавать дома и имущество, покидать женъ и дѣтей, чѣмъ и принудили неразумныхъ бросить работу и послѣдовать за Гутомъ. Таково заблужденіе, вытекшее изъ величайшаго непониманія слова Божія». Изъ трехъ съ половиной даніиловыхъ лѣтъ Гутъ сдѣлалъ-де четыре простыхъ года, т. е. совершилъ грубую ошибку По исчисленіямъ Губмейера, одинъ день даніилова года равенъ одному простому году, а потому четыре съ половиной даніиловыхъ года равны 1277-ми простымъ годамъ, чего не принялъ во вниманіе Гутъ. «На это я публично и серьезно указывалъ ему, *строго порицая его за то, что онъ обманываетъ и совращаетъ народъ*, что и могу доказать рѣчами, произвесенными противъ него». Несомнѣнно, что рево-

---

[1]) „Ein Gesprech Balthasar Huebmörs von Friedberg, Doktors, auff Mayster Ulrich Zwinglens zu Zürich Taufbuechlein von dem Kindertauf. Die Wahrheit ist untödtlich. Никольсбургъ, 1526". Подробно излагается *Лозертомъ*, цит. соч., стр. 137 и сл.

люціонеръ, полагавшій, что революція наступитъ только черезъ 1277 лѣтъ, не могъ представляться особенно опаснымъ.

Въ другомъ мѣстѣ своего «Отчета» Губмейеръ вторично обрушивается на Гута. «Ученіе Гута и его приверженцевъ о крещеніи и таинствѣ (причастія), изложенное въ двухъ статьяхъ Іоганна Гута, я всегда отвергалъ, и *впредь своимъ словомъ и перомъ всегда буду противъ нихъ*, пока Богъ даетъ мнѣ жизнь и силы... Крещеніе, о которомъ я училъ, и крещеніе Гута столь же далеки другъ отъ друга, какъ небо и адъ. Также и въ отношеніи причастія—надѣюсь на Бога—я никогда не приму на себя гутова грѣха».

По смерти двухъ великихъ противниковъ, борьба между обоими теченіями отнюдь не прекратилась, хотя и отступила на второй планъ, когда преслѣдованіе баптистовъ (временно) распространилось также на Моравію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вторженіе турокъ обратило на себя всеобщее вниманіе.

Много братьевъ переселилось тогда изъ Германіи въ Моравію. У Росситца осѣлъ «народъ», предводительствуемый Габріелемъ Ашергамомъ, почему новые поселенцы и были позваны *габріельцами*. Когда тамъ оказалось слишкомъ тѣсно, то часть габріельцевъ, во главѣ съ Филиппомъ Пленеромъ—отсюда наименованіе *филипповцы*—направилось въ Аустницъ. И тѣ и другіе принадлежали къ болѣе умѣренному направленію, противопоставлявшему себя болѣе строгому, но раскололись между собой. Въ Никольсбургѣ борьба между обоими направленіями продолжалась; болѣе строгое получило теперь наименованіе «*Gemeinschaftler*» («*общинниковъ*») или «*Stabler*» («*палочниковъ*»), умѣренные назывались «*Schwertler*» («*меченосцами*»).

На сторонѣ послѣднихъ стоялъ Леонардъ фонъ-Лихтенштейнъ. Когда раздоры надоѣли ему, онъ принудилъ коммунистовъ, числомъ до 200, выселиться изъ Никольсбурга (1528 г.). Покинувъ старую общину, они первымъ дѣломъ заявили о своей приверженности коммунизму: «Тогда эти люди—ихъ вожаки—разослали передъ народомъ холстъ и всякій положилъ на него свое достояніе, охотно, добровольно и безъ принужденія, дабы, по ученію пророковъ и апостоловъ, оказывать помощь нуждающимся [1]».

Они направились въ Аустерлицъ, находившійся во владѣніяхъ Кауница, гдѣ ихъ приняли охотно. Еще въ 1511 году тамъ осѣли «пикарды». Вскорѣ за первыми переселенцами послѣдовали толпы другихъ, и Аустерлицъ сталъ центромъ баптизма въ Моравіи.

---

[1] *Бекъ*, Geschichtsbücher, стр. 75

Но между аустерлицкими баптистами также возникли раздоры. Наглядное изображеніе ихъ даетъ письмо уже извѣстнаго намъ Вильгельма Рейблина, написанное имъ 26-го января 1531 г. изъ Аустица его другу, вышеупомянутому тирольскому горному судьѣ Пильграму Марбеку; въ письмѣ онъ говоритъ, какъ и почему подверглись изгнанію изъ Аустерлица онъ и его сторонники (8-го января 1531 г.). Онъ упрекаетъ, между прочимъ, оставшихся тамъ въ томъ, что они «притворно и лживо относятся къ общности... Они признавали старшинство, позволяли богатымъ имѣть собственные дома, такъ что Францъ и его жена жили, какъ дворяне. Простые братья питались обыкновенно горохомъ и капустой, старѣйшины же и ихъ жены ѣли жаркое, рыбу, птицу и пили хорошее вино; нѣкоторыхъ изъ ихъ женъ я никогда не видѣлъ за общей трапезой. Другимъ не полагалось ни башмаковъ ни рубахъ, а у нихъ самихъ были въ изобиліи хорошіе штаны, платья и шубы» [1]).

Рейблинъ и его сторонники направились въ Аустнитцъ и образовали тамъ собственную общину, но вскорѣ подвергся изгнанію и Рейблинъ, «лживый, невѣрный, коварный Ананій»: онъ удержалъ себѣ 40 гульденовъ, принесенныхъ съ собой изъ Германіи, вмѣсто того, чтобы передать ихъ общинѣ.

Въ 1531 г. раздоры среди моравскихъ баптистовъ достигли, повидимому, кульминаціоннаго пункта. Франкъ, издававшій тогда свою хронику, очень вѣрно характеризуетъ этотъ періодъ баптизма въ выше приведенныхъ нами выраженіяхъ (стр. 380), гдѣ онъ говоритъ, что изъ ихъ общины постоянно кого нибудь исключаютъ и гдѣ онъ выражаетъ сомнѣніе по поводу «справедливаго распредѣленія» имуществъ въ Аустерлицѣ.

«Они допускали все большую плотскую свободу — сообщается въ лѣтописяхъ моравскихъ анабаптистовъ—и тѣмъ уподобились всѣмъ остальнымъ людямъ, такъ что теперь они ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ прочихъ» [2]).

Но то, что казалось лишь процессомъ разложенія, было въ дѣйствительности процессомъ броженія, давшимъ, въ концѣ концовъ, чистый и прочный продуктъ.

Въ результатѣ этой борьбы возникла коммунистическая организація, просуществовавшая почти цѣлое столѣтіе и погибшая лишь подъ напоромъ грубой силы. Главная заслуга окончательной организаціи сторон-

[1]) Письмо дословно приведено въ видѣ I-го приложенія въ работѣ *Корнеліуса*, Münsterischer Aufruhr, II, стр. 253—259.

[2]) *Бекъ*, Geschichtbücher, стр. 99

никовъ баптизма принадлежитъ *тирольскимъ* эмигрантамъ, которые съ 1529 г. сотнями направлялись въ Моравію, накладывая свой отпечатокъ на анабаптистское движеніе этой страны. Между ихъ вожаками особенно выдвинулся шапочникъ Яковъ, получившій по своему ремеслу кличку *Гутера* (его нерѣдко смѣшиваютъ съ Гансомъ Гутомъ). Онъ оказалъ такое сильное вліяніе на новую организацію, что она была названа по его имени. Въ Моравіи анабаптистовъ называли обыкновенно *гутеровыми братьями*. Былъ ли геній Гутера творцомъ новой организаціи или только простымъ исполнителемъ воли массы, стоявшей за нимъ и придававшей ему силы,—это теперь трудно установить.

Осенью 1529 г. Яковъ Гутеръ и Зигмундъ Шютцингеръ прибыли вмѣстѣ съ многочисленными товарищами изъ Тироля въ Аустерлицъ и примкнули къ мѣстной общинѣ. Они нашли, что въ Моравіи жить хорошо. Яковъ возвратился въ Тироль, чтобы «постепенно переправить братьевъ» въ Моравію. Новые пришельцы принесли съ собою энтузіазмъ, готовность самопожертвованія, дисциплину; они образовали ядро коммунистическихъ общинъ, благодаря которому вскорѣ и другіе коммунистическіе элементы были сплочены въ единое прочное и мирно развивавшееся цѣлое.

Въ августѣ 1533 г. Гутеръ снова возвратился въ Моравію, вмѣстѣ со своими многочисленными сторонниками, «ибо—какъ заявляли братья въ іюлѣ того же года на своемъ конгрессѣ, собравшемся въ гуфидаунскомъ округѣ (Тироль)—тираннія достигла такой силы, что святымъ людямъ нельзя было дольше терпѣть». Теперь они приступили къ настоящей реорганизаціонной работѣ. Повидимому, она велась весьма энергично, ибо ко времени возстанія въ Мюнцерѣ (1534), которое повсемѣстно привело къ жесточайшему преслѣдованію баптистовъ и на время до того запугало часть моравскаго дворянства, что оно отказало имъ въ своей защитѣ, главнѣйшія черты общинной жизни баптистовъ окончательно сложились. Первое суровое преслѣдованіе ихъ въ Моравіи началось. Баптистскія общины пришлось распустить, члены ихъ были высланы. Послѣднее обстоятельство даетъ возможность опредѣлить ихъ численность въ то время; моравскихъ баптистовъ насчитывалось 3—4000 человѣкъ.

Долженъ былъ бѣжать и Гутеръ. Его протестъ противъ преслѣдованія братьевъ, посланный имъ 1-го мая 1535 г. главному управителю Моравіи, свидѣтельствуетъ о его необычайной смѣлости. «Горе, горе!—восклицаетъ онъ тамъ между прочимъ—и паки горе навѣки вамъ, моравскіе властители, что вы посовѣтовали и помогли *жестокому тирану* и врагу божіей правды, Фердинанду, изгнать изъ вашей страны благочестивыхъ и богобоязненныхъ людей; горе вамъ, что вы боитесь

смертнаго пустого человѣка больше, чѣмъ всемогущаго Бога и Господина» [1]).

Протестъ имѣлъ лишь *одно* дѣйствіе: преслѣдованіе Гутера усилилось. «И власть стала жестоко преслѣдовать брата Іакова, многократно заявляя, что только бы захватить ей Гутера, словно желая сказать этимъ, что тогда снова водворится прежняя тишина» [2]).

Гутеръ возвратился въ Тироль, но и тамъ находился не въ бо́льшей безопасности, чѣмъ въ Моравіи. Въ концѣ ноября 1535 г. онъ былъ схваченъ въ Клаузенѣ. Объ истязаніяхъ его братья сообщали: «Его посадили въ ледяную воду, а затѣмъ повели въ горячо натопленную комнату и тамъ били плетями. Они изранили его тѣло, наливали въ раны спиртъ и зажигали его и т. п.»

Онъ былъ сожженъ раннимъ утромъ 3-го марта 1536 г., тайкомъ, такъ какъ опасались возмущенія народа.

Вожакъ погибъ, но община чувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы перенести и этотъ ударъ, и многіе другіе. Въ 1536 г. баптисты снова получили возможность собираться въ Моравіи. Помѣщики, на земляхъ которыхъ они сидѣли, поняли за время преслѣдованія, какъ велико значеніе этихъ старательныхъ и умѣлыхъ работниковъ. Они стали созывать разсѣянныхъ ими братьевъ, которые спѣшили на зовъ изъ своихъ убѣжищъ, и вскорѣ не только возстановили свои разрушенныя организаціи, но и перешли къ устройству новыхъ общинъ.

Преслѣдованіе ни мало не повредило баптистамъ; наоборотъ, оно, повидимому, усилило ихъ, такъ какъ очистило ихъ среду отъ всѣхъ сомнительныхъ элементовъ. Съ 1536 г. у нихъ воцарилось большее согласіе, чѣмъ раньше, и они стали дѣлать быстрые успѣхи. Всѣ остальныя теченія были, въ концѣ концовъ, поглощены гутеровымъ направленіемъ.

Въ основѣ организацій моравскихъ баптистовъ былъ теперь положенъ самый строгій коммунизмъ. Грѣхомъ считалось имѣть даже самое незначительное имущество. «Гансъ Шмидтъ, приговоренный къ смерти, послалъ на память своей женѣ, Магдалинѣ, свою серьгу, полагая, *что братья ничего не будутъ имѣть противъ этого.* Это дѣлаетъ человѣкъ, умирающій за ученіе объ общности имуществъ; оно для него величайшее сокровище, самое прекрасное на землѣ, лишиться котораго было бы для него величайшимъ несчастьемъ...

«Вступавшій въ общину баптистовъ, долженъ былъ отказаться отъ всего своего имущества и передать его старѣйшинамъ. Къ общинѣ присо-

[1]) Протестъ напечатанъ 17-ымъ приложеніемъ у *Лозерта,* Anabaptismus in Tyrol bis zum Tode Guter's, стр. 171—175.

[2]) *Бекъ,* Geschichtsbücher, стр. 117.

*

единялись, конечно, преимущественно бѣдняки—рабочіе и ремесленники,—но мы знаемъ изъ тирольскихъ источниковъ, что новую вѣру принимали также, не говоря уже объ отдѣльныхъ представителяхъ знати, многіе вполнѣ зажиточные крестьяне» [1]).

Отданное въ общину становилось ея собственностью и отнюдь не было чѣмъ-то вродѣ пая. Если даже членъ общины выходилъ или изгонялся изъ нея, то онъ не получалъ обратно отданнаго имъ имущества.

Болѣе строгое направленіе побѣдило также въ вопросахъ о государствѣ и о войнѣ. Всѣмъ *справедливымъ* требованіямъ властей надлежало подчиняться, но Бога слушаться больше, чѣмъ людей; иными словами, баптисты оставляли за собой право самолично рѣшать, въ какихъ случаяхъ они обязаны подчиняться власти. Осталось въ силѣ запрещеніе участвовать въ правительственной власти, также какъ содѣйствовать войнѣ хотя бы въ формѣ платежа военнаго налога.

«Буде отъ насъ станутъ требовать то, что запрещено Богомъ,—какъ то уплаты *военной подати* и сборовъ на *жалованье палачамъ*, неприличествующихъ христіанину и несогласныхъ съ Писаніемъ, *то мы на нихъ ни въ коемъ случаѣ не согласимся*»,—заявили баптисты въ 1545 году въ своемъ заявленіи моравскому ландтагу.

Такимъ образомъ, эволюція баптистовъ совершалась въ иномъ направленіи, чѣмъ эволюція богемскихъ братьевъ. У вторыхъ борьба между обоими теченіями закончилась побѣдой болѣе умѣреннаго теченія, у первыхъ—болѣе строгаго.

Причину этого надо искать въ различіи тѣхъ условій, среди которыхъ складывалась каждая изъ этихъ сектъ.

Богемскіе братья работали внутри своей націи. Когда ихъ община начала процвѣтать и расширяться, то у братьевъ возникла мысль и желаніе привлечь на свою сторону всю націю. Но въ тотъ періодъ развитія товарнаго производства съ сопутствующими ему явленіями, всякая практическая попытка въ этомъ направленіи неизбѣжно должна была привести къ ослабленію коммунистическихъ симпатій и политики невмѣшательства.

Моравскіе баптисты являлись и оставались нѣмцами, живущими среди чешскаго населенія. Они чувствовали себя чужестранцами и имъ не нужно было преодолѣвать особыхъ препятствій, чтобы оставаться небольшой сектой, народцемъ «избранниковъ» и «святыхъ», живущихъ среди «язычниковъ». У нихъ было мало точекъ соприкосновенія съ окружавшей ихъ средой, не притягивавшей ихъ къ себѣ, и они скорѣе чувствовали себя выдѣленными отъ остального населенія и предоставленными самимъ себѣ.

Давно извѣстно, что люди одинаковой національности или одинаковаго

[1]) *Лозертъ*, Der Kommunismus etc., стр. 102, 108.

языка, живущіе среди чужого населенія, обнаруживаютъ бо̀льшую солидарность, чѣмъ у себя на родинѣ, даже если они не образуютъ коммунистической организаціи.

Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство. У богемскихъ братьевъ ростъ умѣреннаго направленія совершался наряду съ проникновеніемъ въ ихъ среду «интеллигенціи», образованныхъ людей; одно явленіе обусловливало другое. Образованные члены общины являлись наиболѣе рѣшительными сторонниками болѣе умѣреннаго направленія, потому ли, что ихъ кругозоръ былъ шире, а, можетъ быть, и потому, что они сильнѣе всѣхъ испытывали на себѣ оторванность секты отъ общества.

У анабаптистовъ ученые также были, въ большинствѣ случаевъ, носителями болѣе умѣренныхъ воззрѣній. Но первое большое преслѣдованіе въ Германіи, начавшееся въ 1527 г. и продолжавшееся до начала тридцатыхъ годовъ, смело ихъ почти всѣхъ съ лица земли, и наслѣдниковъ у нихъ не оказалось. Съ тѣхъ поръ въ средѣ баптистовъ вовсе не замѣчалось присутствія ученыхъ и почти всѣ ихъ выдающіяся личности принадлежали съ того времени къ классу простыхъ ремесленниковъ. Ненависть къ ученымъ, проявлявшаяся въ большинствѣ коммунистическихъ сектъ средневѣковья, могла теперь развиваться у нихъ безпрепятственно.

«Даже современникамъ анабаптистовъ—говоритъ Лозертъ—бросалась въ глаза ихъ ненависть ко всему ученому, къ высшимъ школамъ и къ отдѣльнымъ ученымъ». «Развѣ эти анабаптисты—восклицаетъ Фишеръ [1])—въ большинствѣ случаевъ не простые виноградари, крестьяне, ремесленники,—грубые, невѣжественные, необразованные люди, набранные изъ среды низкой черни? Не они ли презираютъ всѣ свободныя искусства, да и священное писаніе, когда оно имъ не подходитъ? Развѣ не они готовы развѣять по вѣтру всѣ высшія школы? Не они ли упраздняютъ образованіе? Не они ли отвергаютъ исторію?» Въ томъ, что говоритъ Фишеръ, много вѣрнаго. Въ многочисленныхъ судебныхъ процессахъ и въ посланіяхъ къ своимъ моравскимъ общинамъ они неоднократно высказывали презрѣніе ко всему ученому, больше того—по той же причинѣ они пренебрежительно относились къ судьямъ и къ посылаемымъ для ихъ обращенія духовнымъ лицамъ различныхъ исповѣданій» [2]).

То обстоятельство, что со времени перваго преслѣдованія къ анабаптистамъ уже не присоединялись образованные идіологи, объясняется главнымъ образомъ условіями, созданными этимъ преслѣдованіемъ. Съ 1527 года всякій

[1]) Vier und fünfzig Erhebliche Ursachen, Warumb die Widertauffer nicht sein im Land zu leiden. Gestellt durch Christophorum Andreum Fischer, d. Pfarrherrn zu Veldsperg, Jngolstadt, стр. 64, 65.

[2]) *Лозертъ*, Kommunismus der Wiedertäufer, стр. 144.

представитель буржуазнаго общества, присоединявшійся къ баптистамъ, становился человѣкомъ презираемымъ.

Если онъ не могъ рѣшиться стать среди крестьянъ крестьяниномъ или ремесленникомъ среди ремесленниковъ, и добровольно выйти за предѣлы цивилизованнаго міра, — то лучше всего ему было держать про себя свои убѣжденія, хотя бы они вполнѣ совпадали съ воззрѣніями баптистовъ.

Со времени 1525 г. между учеными людьми было, повидимому, весьма мало симпатизировавшихъ баптистскимъ или пролетарскимъ стремленіямъ. Въ этомъ году въ Германіи вмѣстѣ съ гражданской свободой была убита и свобода науки. Наука, какъ и церковь, стала слугой государства. Профессора превратились въ такихъ же княжескихъ прислужниковъ, какъ и пасторы. Смѣлость и самостоятельность, характеризовавшія нѣмецкую науку въ послѣднія десятилѣтія, предшествовавшія 1525 г., исчезли теперь безслѣдно. Откуда было взяться ученымъ съ революціонными взглядами?

Наряду съ этими обстоятельствами выступаетъ еще одно, объясняющее намъ причину торжества болѣе строгаго направленія у анабаптистовъ. Преслѣдованіе, искоренившее изъ баптистскаго движенія ученыхъ, погнало въ Моравію обширныя массы братьевъ, среди которыхъ было много горнорабочихъ, прошедшихъ школу капиталистической эксплоатаціи и обучившихся въ крупныхъ производствахъ дисциплинѣ и планомѣрному взаимодѣйствію. Къ нимъ присоединились и ткачи, среди которыхъ коммунистическій энтузіазмъ всегда былъ очень силенъ.

Проникновенію этихъ элементовъ мы, главнымъ образомъ, и приписываемъ то обстоятельство, что въ моравскихъ общинахъ восторжествовало болѣе строгое направленіе.

Основой его, какъ и всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами видовъ коммунизма, была общность *потребленія*, общность владѣнія средствами потребленія. Съ этимъ было неразрывно связано уничтоженіе частной семьи. Правда, у моравскихъ баптистовъ дѣло не дошло до упраздненія *единобрачія*. Одна изъ формъ такого уничтоженія--безбрачіе, была у нихъ запрещена, благодаря ихъ враждебности папской церкви; целибатъ поставилъ бы ихъ на одну ступень съ монахами,—наиболѣе ненавистными изъ всѣхъ сторонниковъ папства, главными представителями испорченности и наиболѣе тяжкихъ формъ эксплоатаціи того времени. Но свобода половыхъ сношеній еще больше целибата противорѣчила воззрѣніямъ и потребностямъ мелкаго мѣщанства и крестьянства, въ кругу идей которыхъ вращался также и пролетаріатъ того времени.

Относительная свобода любви или брака была требованіемъ, болѣе близкимъ для высшихъ революціонныхъ классовъ — князей, купцовъ, ученыхъ

гумманистовъ 16-го столѣтія,—чѣмъ для элементовъ, поставлявшихъ анабаптистовъ. У прогрессирующихъ высшихъ классовъ можно было найти жизнерадостность, сознаніе собственной личности, для развитія и проявленія которой имѣлись налицо всѣ условія,—«индивидуализмъ» и ненависть ко всякому принужденію. Коммунисты, принадлежавшіе къ обездоленнымъ и приниженнымъ низшимъ классамъ, могли отстоять себя, хотя бы до извѣстной степени только тѣмъ, что растворяли свою личность въ широкой массѣ членовъ общины. Для этихъ элементовъ, характеризовавшихся мрачнымъ аскетизмомъ, половое и всякое другое наслажденіе представлялось чѣмъ-то совершенно незаслуживающимъ вниманія, проявленіе же индивидуальности—грѣховнымъ и тѣмъ болѣе достойнымъ порицанія, чѣмъ болѣе казалось имъ, что у высшихъ классовъ эта черта тѣсно связана съ гордостью и высокомѣріемъ. Современная индивидуальная половая любовь была тогда еще въ зародышевомъ состояніи, и предпосылки ея намѣчались скорѣе въ средѣ нѣкоторыхъ высшихъ классовъ, чѣмъ въ средѣ низшихъ.

Вотъ почему во время реформаціи къ большей легкости расторженія брака тяготѣли именно прислужники князей; Лютеръ и Меланхтонъ считали даже дозволеннымъ многоженство! Лютеръ заявилъ, что внѣбрачное сожительство лучше воздержанія: «Всѣ монахини и монахи, не имѣющіе вѣры и утѣшающіеся воздержаніемъ и принадлежностью къ своему ордену, не стоятъ того, чтобы укачивать крещенаго ребенка или готовить ему кашку, хотя бы это былъ ребенокъ блудницы. Причина: ихъ орденъ и ихъ жизнь не имѣютъ за собой слова Божія; имъ нечего также хвалиться, будто ихъ дѣла угодны Богу, какъ имѣетъ на это право женщина, родившая *хотя бы и внѣбрачнаго ребенка*» [1]).

Наоборотъ, коммунисты того времени, за небольшими исключеніями, относились къ браку съ величайшей строгостью. Нарушеніе брака считалось тяжкимъ преступленіемъ и бракъ они считали нерасторжимымъ. «Что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разъединяетъ»,—говорили баптисты. Въ случаѣ расторженія брака, временнымъ изгнаніемъ карали не только виновную сторону, но наказанію подвергали и невиновнаго. Послѣдній не долженъ былъ имѣть дѣла съ виновнымъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не искупилъ до конца своей вины. Нарушеніе этого правила безусловно влекло за собой исключеніе изъ общины. Такъ напр., въ «Geschichtsbücher» («Лѣтописяхъ») 1539 мы находимъ слѣдующее сообщеніе о Іоргѣ Цаунрингѣ, замѣстителѣ Вильгельма Рейблина въ настоятельствѣ надъ аустицкой общиной: «Когда нѣкій Томасъ Линдль осквернилъ бракъ, сойдясь съ женой Іорга Цаунринга, то они (очевидно

---

[1]) Цит. *Янсеномъ*, Geschichte des deutschen Volkes, II, стр. 278

старѣйшины) наложили на обоихъ виновныхъ только тайную эпитемію, и Іоргъ, на время наказанія своей жены, удалился отъ нея и держался въ сторонѣ. Но когда они простили обоихъ виновныхъ и сняли съ нихъ грѣхъ, Цаунрингъ снова сталъ жить со своей женой, какъ было прежде, и когда это обнаружилось, *то община не могла терпѣть дольше, чтобы такое оскверненіе брака и прелюбодѣяніе было столь слабо наказано...* Послѣ того, какъ Лингардъ Шмербахеръ указалъ общинѣ на поступокъ Іорга Цаунринга, который сталъ участникомъ прелюбодѣянія, община единодушно признала: поелику члены церкви Христовой не должны быть участниками въ непотребствѣ, то обоихъ надлежитъ исключить и изгнать изъ общины» [1]).

Исключеніе изъ общины было самымъ тяжкимъ наказаніемъ изъ всѣхъ, примѣнявшихся у анабаптистовъ.

Итакъ, общность женъ была имъ совершенно чужда. Къ вопросамъ брака они относились строже, чѣмъ «язычники». Но и отъ самого брака у анабаптистовъ осталось очень мало—если не говорить о сожительствѣ парами, — такъ какъ благодаря ихъ суровому безотрадному аскетизму, запрещавшему даже танцы и развлеченія, индивидуальная половая любовь была имъ чужда еще больше, чѣмъ массамъ современнаго имъ населенія; браки устраивались обыкновенно «старѣйшими», общинными старшинами такъ, какъ рекомендовалъ Платонъ въ своемъ государствѣ и какъ было принято у перфекціонистовъ въ Онейдѣ (стр. 130).

Главнѣйшія функціи единобрачія, не считая парнаго сожительства, они разрѣшали путемъ установленія общаго домашняго хозяйства и совмѣстнаго воспитанія дѣтей.

Община распадалась на нѣсколько «домовыхъ хозяйствъ» («Haushaltungen»). Въ пору расцвѣта они насчитывали свыше *семидесяти* такихъ хозяйствъ, каждое изъ которыхъ обнимало 4—600 человѣкъ и даже больше,—подчасъ до 2.000 человѣкъ. «У нихъ была только *одна* общая кухня (Kuchel), *одна* общая пекарня, *одна* общая пивоварня, *одна* школа, *одна* комната для родильницъ, *одна* комната, въ которой собирались всѣ матери со своими дѣтьми и т. д.

«Такъ какъ такимъ хозяйствомъ завѣдывалъ только *одинъ* хозяинъ и управитель, который покупалъ весь хлѣбъ, вино, шерсть, пеньку, соль, скотъ и все необходимое на деньги всѣхъ работниковъ и всѣхъ получавшихъ доходъ и который распредѣлялъ все по отдѣльнымъ домамъ, сообразуясь съ нуждой каждаго, то ѣду для школьниковъ, роженицъ и прочихъ приносили въ *одну общую* комнату, столовую. Къ больнымъ приставляли сестеръ, приносившихъ имъ ѣду и питье и служившихъ имъ.

[1]) Цитировано *Янссеномъ*, Geschichte des deutschen Volkes, II, стр. 278.

«Престарѣлыхъ сажаютъ отдѣльно и подаютъ имъ нѣсколько больше, чѣмъ молодымъ и здоровымъ людямъ и всѣмъ по *заслугамъ и по мѣрѣ возможности* [1]).

О составѣ блюдъ на этихъ общихъ трапезахъ сообщается въ одномъ письмѣ, написанномъ уже въ періодѣ упадка общины, когда она была изгнана изъ Моравіи и влачила жалкое существованіе въ Венгріи (1642 г.); письмо адресовано «старшимъ братьямъ Винца... о пищѣ и питьѣ за нашимъ столомъ: мясо ѣдимъ мы каждый день за ужиномъ, по утрамъ въ теченіе всей недѣли—два, три, четыре раза, смотря по времени. На остальныхъ трапезахъ мы предпочитаемъ овощи.

«Ежедневно, за обѣдомъ—два небольшихъ глотка вина, въ остальное же время—ни днемъ, ни за ужиномъ, ни вечеромъ—не пьемъ ничего, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда мы вечеромъ идемъ на молитву; тогда мы пьемъ глотокъ вина, а иногда бываетъ и пиво.

«Мы охотно довольствуемся тѣмъ хлѣбомъ, который обычно раздаютъ всѣмъ намъ и не печемъ въ теченіе всего года ничего особеннаго, развѣ только въ особыхъ случаяхъ, въ дни праздниковъ Господнихъ, на пасху и рождество» [2]).

Пищá «братьевъ» (Geschwistriget), какъ они называли другъ друга, была, очевидно, проста но обильна. Блюда приготовлялись не по шаблону, но, какъ уже было сказано выше, всякому давали «по заслугамъ и по мѣрѣ возможности»; какъ это дѣлалось, мы видимъ изъ расписанія блюдъ отъ 1569 года, установленнаго на время голода и распредѣлявшаго ѣду по возрасту, полу, занятію, здоровью и т. п. Даже эта столь грубая и примитивная община стоитъ гораздо выше «государственной кухни» съ ея одинаковыми для всѣхъ и каждаго по качеству и количеству порціями, созданной фантазіей Евгенія Рихтера въ его разсужденіяхъ о соціалдемократическомъ «государствѣ будущаго» въ 20-мъ вѣкѣ.

Наряду съ общимъ домоводствомъ особеннаго вниманія заслуживаетъ у баптистовъ совмѣстное воспитаніе дѣтей. *Бекъ* говоритъ о «*спартанскомъ* воспитаніи дѣтей, которыя, едва оторвавшись отъ груди матери, отправляются въ общую дѣтскую, гдѣ они и растутъ, чуждые родителямъ и не зная дѣтскихъ чувствъ» (Geschichtsbücher, стр. XVII). Съ большимъ, пожалуй, основаніемъ, Бекъ могъ бы говорить о *платонов-*

[1]) *Andreas Ehrenpreis*, Ein Sendbrief... brüderliche Gemeinschaft, das höchste Gebot der Liebe betreffend, 1650, цитир. у *Лозерта*, Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer, стр. 115 и сл. Эренпрейсъ, мельникъ, былъ въ 1639—62 гг. настоятелемъ всей общины. Лозертъ приводитъ много выдержекъ изъ вышеупомянутой его работы, равно и изъ другихъ его сочиненій, дающихъ много цѣннаго матеріала для знакомства съ моровскими баптистами.

[2]) *Бекъ*, Geschichtsbücher, стр. 406, 407.

скомъ воспитанiи дѣтей. Во многомъ воспитанiе дѣтей у анабаптистовъ напоминаетъ намъ платонову республику, нѣкоторыя же черты навѣваютъ намъ мысль объ «Утопiи» Моруса. Вполнѣ возможно, что анабаптисты кое-что переняли изъ этихъ источниковъ по преданiямъ. Коммунисты перiода реформацiи имѣли нѣкоторое понятiе о Платонѣ. Томасъ Мюнцеръ прямо ссылался на него (ср. стр. 323), то же дѣлалъ и Себастiанъ Франкъ (ср. стр. 378), такъ близко стоявшiй къ ученiю баптистовъ. Ученые, примыкавшiе къ баптистскому ученiю вначалѣ его развитiя, несомнѣнно были знакомы съ Платономъ. Въ кружкѣ базельскихъ гуманистовъ, группировавшихся вокругъ Эразма Роттердамскаго и оказавшаго такое сильное влiянiе на первыхъ ученыхъ баптистовъ, внимательно изучали и обсуждали, между прочимъ, и «Утопiю» Моруса.

Поэтому не только не невозможно, но вполнѣ вѣроятно, что нѣкоторыя идеи этой книги были переданы учеными и необразованнымъ братьямъ. Это обстоятельство остается, однако, недоказаннымъ; его, впрочемъ, и нѣтъ безусловной нужды доказывать, чтобы объяснить сходство между «гутеровыми» учрежденiями—съ одной стороны, платоновыми и морусовыми—съ другой. Сходство это можетъ покоиться на томъ, что логика вещей направила необразованныхъ пролетарiевъ Моравiи по тому же пути, который открывался передъ греческимъ мудрецомъ и англiйскимъ гуманистомъ въ результатѣ развитiя ихъ собственныхъ идей.

Гутерьянцы не шли такъ далеко, какъ Платонъ; они не отнимали у матери ребенка тотчасъ же послѣ его появленiя на свѣтъ, дабы она не могла узнать его позднѣе. У нихъ были различныя помѣщенiя для рожени цъ и для матерей съ грудными дѣтьми. Но новорожденный оставался при матери. По достиженiи имъ полутора-двухъ лѣтъ, его, однако, переводили въ воспитательное учрежденiе, общее для всѣхъ дѣтей, *школу*.

Это былъ одинъ изъ пунктовъ, наиболѣе возмущавшiй противниковъ баптистовъ: «Сумасбродные анабаптисты поступаютъ противъ природы—писалъ въ 1607 г. уже однажды упомянутый Фишеръ. Они глупѣе пичугъ и поступаютъ со своими дѣтьми безжалостнѣе дикихъ звѣрей, ибо какъ только мать отняла ребенка отъ груди, его отнимаютъ у его собственной матери и отдаютъ особо предназначеннымъ для этого сестрамъ. Позднѣе дѣтей поручаютъ незнакомымъ имъ школьнымъ учителямъ и злобнымъ воспитательницамъ, которые бьютъ дѣтей, подчасъ очень жестоко, безъ любви, сдержанности и сожалѣнiя. Такъ воспитываютъ ихъ въ величайшей строгости, такъ что иная мать пять-шесть лѣтъ не видитъ ребенка и потомъ не можетъ узнать, благодаря чему часто происходитъ кровосмѣшенiе“. При такой системѣ дѣти, по его мнѣнiю, обыкновенно растутъ болѣзненными и „опухшими“.

Но на практикѣ выходило иначе. Фишеръ самъ опровергаетъ себя, жалуясь въ другомъ мѣстѣ на то, что въ Моравіи зажиточные люди охотнѣе всего берутъ въ кормилицы и няньки женщинъ, обучавшихся въ анабаптистскихъ школахъ, чего они, конечно, не стали бы дѣлать, если бы эти школы были поставлены такъ плохо. „Да смилуется Богъ! Дѣло дошло до того, что чуть ли не всѣ моравскія матери будутъ скоро брать *бабками, кормилками и няньками* исключительно анабаптистокъ, словно только *онѣ однѣ наиболѣе опытны въ этихъ дѣлахъ*“. Трудно болѣе блестящимъ образомъ доказать превосходство коммунистическаго воспитанія дѣтей, чѣмъ это сдѣлано здѣсь ожесточеннѣйшимъ врагомъ коммунистовъ [1]).

Если баптистскихъ женщинъ охотно принимали въ качествѣ воспитательницъ дѣтей, то, съ другой стороны, и школы баптистовъ пользовались такой хорошей славой, что *даже иновѣрные охотно посылали въ нихъ своихъ дѣтей*.

Подобно другимъ коммунистамъ со временъ вальденсцевъ, «гутерьянцы» придавали большое значеніе хорошему народному образованію. Ихъ школьныя учрежденія и система воспитанія заслуживаютъ вниманія и по сіе время; ихъ школы были замѣчательнымъ явленіемъ 16-го вѣка, въ которомъ педагогія стояла крайне низко и который проявлялъ свойственную ему жестокость и невѣжество также и въ школьномъ дѣлѣ.

Для иллюстраціи обычныхъ для того времени пріемовъ воспитанія приведемъ слѣдующій случай, далеко не исключительный, а, наоборотъ, совершенно типическій; о немъ сообщаетъ Эразмъ Роттердамскій. Одинъ школьный учитель усвоилъ себѣ обыкновеніе, послѣ общаго съ учениками обѣда, вытаскивать изъ-за стола одного мальчика и отдавать его на истязаніе жестокому экзекутору, который, слѣпо исполняя свою обязанность, однажды не выпускалъ изъ рукъ слабаго мальчика пока самъ не вспотѣлъ отъ усталости, а мальчикъ не растянулся у его ногъ почти бездыханнымъ. Тогда учитель, сохраняя полное спокойствіе, обратился къ ученикамъ со словами: «Онъ, правда, не сдѣлалъ ничего дурного, но его слѣдовало укротить». Таковы были педагогическіе пріемы *противниковъ* коммунизма.

Наоборотъ, баптисты заявляли: «*Жестокими побоями* не добьешься многаго. На дѣтей нужно вліять *поученіемъ*, ибо обладай они достаточной богобоязненностью, чтобы самостоятельно управляться, то они вовсе не нуждались бы въ учителяхъ».

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ, въ своемъ сочиненіи 1604 г., Фишеръ снова обрушивается на анабаптистскихъ „кормилицъ, которыя вмѣстѣ со своимъ молокомъ заставляютъ невинныхъ христіанскихъ младенцевъ всасывать ядъ анабаптизма“.

Баптистскія школы располагали многочисленнымъ учительскимъ персоналомъ,—школьными учителями и «школьными сестрами» («Schulschwestern), а также надзирательницами («Kindsdirnen») и «школьной матерью» («Schulmutter»). Всѣ они были обязаны заботиться не только о духовномъ, но и о физическомъ развитіи дѣтей.

Воспитаніе и преподаваніе велось по «старымъ обычаямъ», записаннымъ въ 1568 году. Центръ тяжести школьнаго устава лежалъ въ *физическомъ развитіи* юношества. «Если,—говорится тамъ, напримѣръ,—въ школу приводятъ ребенка, то нужно самымъ старательнымъ образомъ изслѣдовать состояніе его здоровья. Если онъ страдаетъ заразительною болѣзнью, гноевиками, сифилисомъ или чѣмъ-либо инымъ, то его надлежитъ отдѣлить отъ другихъ дѣтей на время сна, ѣды, питья и умыванья».

Если школьная мать вычистила ротъ больного ребенка, то она не должна изслѣдовать ротъ здороваго, не вымывши предварительно рукъ, но «сначала безусловно обязана вымыть пальцы водой и чистой тряпочкой». Она должна также научить школьныхъ сестеръ, какъ чистить ротъ дѣтямъ.

Вообще они обращали большое вниманіе на гигіену и чистоту. Сестры обязаны слѣдить за сномъ дѣтей. Отнюдь нельзя бить ихъ, буде они вскрикиваютъ во снѣ. *Если ребенокъ раскроется, то его надо закутать, чтобы онъ не простудился* [1]). Ночью дѣтямъ, за исключеніемъ только больныхъ, не нужно давать ѣсть. Спящихъ дѣтей нельзя будить безъ достаточныхъ основаній и т. д.

Съ дѣтьми не слѣдуетъ быть понапрасно строгимъ. Если ребенокъ провинится во время пряденія, то никоимъ образомъ нельзя сразу же бить его,—достаточно пожаловаться школьной матери. Взрослыхъ мальчиковъ долженъ сѣчь школьный учитель, а взрослыхъ дѣвочекъ—школьная мать. При опредѣленіи наказанія за воровство, ложь и другіе подобные проступки, всегда нужно приглашать на совѣтъ одного брата. Чрезмѣрно тяжкія тѣлесныя наказанія, какъ-то: битье по головѣ или по лицу, строго запрещаются.

Воспитаніе должно быть индивидуальнымъ: «При воспитаніи дѣтей слѣдуетъ внимательно проводить различіе: одного удается направлять ласковымъ отношеніемъ, другого подарками, третій требуетъ строгости».

Дѣтей, впервые попадающихъ въ школу, не слѣдуетъ стараться насильно переломить по своему.

Эти выдержки изъ школьнаго устава достаточно ясно свидѣтель-

---

[1]) Можетъ быть, простодушные анабаптисты, составляя три столѣтія назадъ свой школьный уставъ, уже провидѣли Strampel-Annie Евг. Рихтера?

ствуютъ о томъ, что Лозертъ имѣлъ право сказать: «уставъ опирается на такіе принципы, которые могли бы оказать честь даже современной школѣ».

Какіе предметы преподавали въ школѣ, кромѣ чтенія и письма,—съ которыми, повидимому, были хорошо знакомы всѣ баптисты,—и кромѣ баптистскаго ученія, этого не знаемъ. Наряду съ умственной работой, дѣти занимались, очевидно, и продуктивнымъ физическимъ трудомъ. По крайней мѣрѣ дѣвочки съ раннихъ лѣтъ занимались пряденьемъ.

До какого возраста простиралось школьное образованіе, неизвѣстно. По окончаніи школы, дѣти работали въ промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ или же занимались домоводствомъ. Промышленная и сельскохозяйственная работа шла прежде всего на покрытіе потребностей общины. Пока онѣ не были удовлетворены, нельзя было работать на другихъ.

Но баптисты были превосходными, прилежными работниками и трудъ ихъ приносилъ значительный избытокъ. Особенно усердно работали они въ области *коннозаводства*, *мукомольнаго дѣла* и *пивоваренія*, а также *выдѣлыванія кожъ* и *суконнаго производства*, составлявшаго ихъ основной промыселъ. Въ данномъ случаѣ мы снова встрѣчаемъ уже извѣстное намъ сочетаніе: суконщикъ—коммунистъ.

Излишки, получавшіеся отъ работы въ различныхъ отрасляхъ промышленности, въ обществѣ, жившемъ товарнымъ производствомъ, естественно принимали форму товаровъ. Они продавали большую часть своихъ продуктовъ, что имъ давало возможность постоянно расширять производство опредѣленныхъ продуктовъ далеко за предѣлы своихъ собственныхъ потребностей. Благодаря этому, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, они создали *крупное индустріальное производство*.

Форма домашняго хозяйства и форма производства уже издавна были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Въ прежнее время это наблюдалось еще болѣе рельефно, чѣмъ теперь. Капиталистическое производство ослабило эту связь тѣмъ, что оно отдѣлило работу въ мастерскихъ отъ домашняго хозяйства; связь между ними перестала быть непосредственной. Но въ древности и въ средніе вѣка они были связаны другъ съ другомъ самымъ тѣснымъ образомъ; расширеніе производства обусловливало собою расширеніе семьи.

Но, съ другой стороны, расширеніе семьи оставалось не безъ вліянія на расширеніе производства.

Веденіе общаго домашняго хозяйства, напр., въ монастыряхъ или бегардскихъ домахъ, всегда благопріятствовало тенденціи учрежденія крупныхъ производствъ. Если, скажемъ, въ общинномъ хозяйствѣ принимали участіе 20 женщинъ, то вполнѣ естественно, что онѣ покупали также совмѣстно сырой матеріалъ и сообща обрабатывали его въ одномъ помѣ-

щеніи. Но этимъ тенденціямъ не удалось широко развиться; въ монастыряхъ развитіе ихъ было задержано тѣмъ, что раньше или позже монашескія организаціи неуклонно утрачивали характеръ рабочихъ организацій и становились организаціями эксплоататоровъ; беггардскимъ домамъ и подобнымъ имъ коммунистическимъ учрежденіямъ преслѣдованія мѣшали перейти къ общественному труду, упрочить его въ обществѣ и посредствомъ него оказывать вліяніе на способъ производства.

Кромѣ того монастыри и беггардскіе дома процвѣтали, какъ рабочія учрежденія, въ такое время, когда ни въ общественномъ, ни въ техническомъ отношеніи еще не сложились предварительныя условія, необходимыя для развитія крупнаго производства.

Иначе обстояло дѣло у моравскихъ анабаптистовъ. Ихъ организаціи были гораздо прочнѣе, чѣмъ большинство беггардскихъ домовъ; въ качествѣ чужестранцевъ, которыхъ только терпѣли и къ которымъ князья всегда относились враждебно, анабаптисты не имѣли возможности превратить свои домашнія производства въ эксплоататорскія предпріятія, какъ сдѣлали это монастыри. Наконецъ, они выступили на общественную арену въ такое время, когда многія предварительныя условія для общественнаго производства уже были на-лицо. Горное и горнозаводское дѣло было организовано и велось тогда на капиталистическихъ основаніяхъ. Въ свою очередь, и ремесло уже зачастую стремилось въ то время развиться до мануфактуры и разбить рамки цеховой замкнутости производства, ограничивавшей его работой немногочисленныхъ подмастерьевъ. Когда въ общемъ домашнемъ хозяйствѣ стало участвовать 1000—2000 человѣкъ, то тенденціи къ учрежденію и развитію крупныхъ производствъ естественно нашли себѣ благопріятную почву.

У анабаптистовъ «все было направлено къ развитію крупнаго производства, и отдѣльные рабочіе трудились совмѣстно. Было строжайше запрещено покупать сырой матерьялъ не у анабаптистовъ, если только онъ у нихъ имѣлся. Такъ, изъ боенъ кожи отдавались дубильщикамъ, которые, по обработкѣ, поставляли ихъ сѣдельщикамъ, шорникамъ и сапожникамъ. Такія же отношенія были установлены между прядильными и ткацкими мастерскими, между суконщиками и портными и т. д. На сторонѣ пріобрѣтали лишь немногіе сырые продукты, каковы желѣзо, болѣе тонкія масла и т. п. Отдѣльныя производства велись въ крупныхъ размѣрахъ, ибо ихъ продукты—кожи, косы, полотна, сукна, башмаки и т. п.—находили себѣ покупателя не только въ средѣ братьевъ, но и въ средѣ всѣхъ прочихъ сосѣдей» [1]).

Во всякомъ ремеслѣ были свои закупщики, раздатчики (Austheiler

---

[1]) *Бекъ*, Geschichtsbücher, стр. 158.

или Zuschneider) и завѣдующіе. Одни производили, по мѣрѣ надобности, массовыя закупки сырого матерьяла, другіе раздавали его отдѣльнымъ рабочимъ и слѣдили за согласованностью и планомѣрностью ихъ работы. Урегулированію работы и производства братья придавали огромное значеніе; объ этомъ свидѣтельствуютъ издававшіеся ими въ множествѣ правила для рабочихъ. Къ сожалѣнію, «для большинства ремеслъ и для тѣхъ, которыми они занимались наиболѣе энергично и успѣшно—таково производство сукна—уставовъ не сохранилось». Поэтому о степени развитія крупнаго производства у анабаптистовъ можемъ строить однѣ лишь догадки. Намъ совершенно неизвѣстно, насколько было развито у нихъ раздѣленіе труда и планомѣрное сотрудничество.

Несомнѣнно только, что они сдѣлали большой шагъ впередъ отъ современнаго имъ цехового ремесла къ системѣ мануфактурнаго производства. Они заботились также о томъ, чтобы и въ техническомъ отношеніи стоять на уровнѣ своего времени. Такъ, напр., они посылали отъ времени до времени своихъ мельниковъ даже въ Швейцарію, для ознакомленія съ постановкой мукомольнаго дѣла въ этой странѣ.

Если въ техническомъ отношеніи баптисты далеко обогнали пріемы ремесленной техники, то въ коммерческомъ отношеніи они сдѣлали еще большіе успѣхи, особенно благодаря тому, что покупали сырые матеріалы массами или пользовались матеріалами, добытыми въ собственныхъ хозяйствахъ. Помогало имъ также и то, что имъ было легче переносить торговыя кризисы и отсутствіе сбыта, чѣмъ частнымъ производителямъ. Совершенно избѣжать временнаго перепроизводства они не могли, ибо работали на рынокъ.

Такъ, напр., въ 1641 г., очевидно въ періодъ промышленнаго упадка, въ одной венгерской общинѣ (въ Моравіи ихъ уже не было), на конференціи начальниковъ общинъ раздавались упреки по адресу ножевщиковъ, между прочимъ, за то, что «они строятъ такія большія мастерскія, что для нихъ не хватаетъ рабочихъ, а *если мастерскія и заполнены, то невозможно распродать всѣхъ произведенныхъ въ нихъ ножей*, тогда какъ домашняя работа стоитъ или же приходится выполнять ее за плату (при помощи наемныхъ рабочихъ), за деньги» [1]).

Такія жалобы раздавались не разъ, но, въ общемъ, вліяніе перепроизводства не было для нихъ слишкомъ плачевнымъ. Избыточныя рабочія руки находили себѣ на время работу если не въ индустріи, то въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ никогда не было недостатка въ работѣ.

Ко всѣмъ этимъ выгодамъ крупнаго коммунистическаго производства.

---

[1]) *Бекъ*, Geschichtsbücher, стр. 465.

по сравненію съ «индивидуалистическимъ», работой отдѣльныхъ ремесленниковъ, присоединилось еще одно: содержаніе каждаго человѣка въ общемъ большомъ хозяйствѣ обходилось гораздо дешевле, чѣмъ въ отдѣльныхъ домашнихъ хозяйствахъ ремесленныхъ мастеровъ. Неудивительно поэтому, что со времени возникновенія въ Моравіи гутеровыхъ общинъ не прекращаются жалобы на коммунистовъ за ихъ конкурренцію, чинимую цеховымъ мастерамъ.

Уже въ 1545 г. братья заявляли въ своей запискѣ моравскому ландтагу: «По поводу городовъ, которые, какъ мы узнали, жалуются на насъ и упрекаютъ насъ за то, что мы будто бы лишаемъ куска хлѣба мѣстныхъ ремесленниковъ, мы можемъ сказать только, что мы занимаемся честнымъ трудомъ, каждому платимъ его заработокъ до послѣдняго пфенига, каковая наша честность извѣстна всему народу... А потому, если кто и приноситъ неосновательныя жалобы, то изъ-за нихъ мы не можемъ ухудшать нашу работу».

А въ «Лѣтописяхъ» 1660 года мы встрѣчаемъ слѣдующее сообщеніе: «Въ этомъ году наши противники подняли въ Моравіи большой шумъ, утверждая, что будто наводняютъ сверхъ всякой мѣры страну и своимъ ремесломъ причиняютъ немалый ущербъ и вредъ благосостоянію жителей городовъ и мѣстечекъ. Поэтому мѣстные князья запретили намъ основывать впредь новыя хозяйства, но помѣщикамъ дозволили по прежнему пользоваться трудомъ братьевъ».

Конкурренція баптистовъ удостоилась даже чести быть воспѣтой въ стихахъ. Въ 1656 г. появилось «ein anders schön neves Lied, darinnen der Betrug und arglist art der Huetterischen Widertauffer wahrhaftig und eigentlich vor Augen gestellt wirdet» («другая, совершенно новая пѣсня, въ которой правдиво и вполнѣ наглядно изображается обманъ и хитрость гуттеровыхъ анабаптистовъ»). Авторомъ этого произведенія считался Іоганнъ Эйсфогель изъ Кельна, «бывшій гуттеровскій анабаптистъ, братъ изъ Аустерлица въ Моравіи. Въ пѣснѣ говорится:

Das Getreid thun sie aufkaufen,
    Wohl in dem Mährerland,
Sie schüttens auf ein Haufen.
    Ist doch ein' grosse Schand,
Dass man's von ihn' thut leiden.

All Handwerk sie verderben
    Hieram wohl in dem Land,
Mit allerlei gewerben
    Sind sie gar wohl bekannt—

---

[1]) *Бекъ*, Geschichtsbücher, стр. 485.

Um zwiewach Geld sie geben
    Ihr' Waar' ohn' alle Schheu,
Kaufen alles auf daneben,
    Kein Armer Kommt nicht bei.

Das Brot thun sie abschneiden
    Dem Armen wohl vor dem Maul,
Das macht: dass man's thut leiden.

(Они скупаютъ зерно въ моравской землѣ и сносятъ его въ одно мѣсто. Великій позоръ, что такія вещи терпятъ. Они вредятъ ремеслу во всей странѣ, ибо умѣютъ все дѣлать. Не стыдясь, они продаютъ свой товаръ за двойную цѣну, и безъ нихъ не обойтись ни одному бѣдняку. Они вырываютъ кусокъ хлѣба изо рта бѣднаго человѣка—только потому, что все это терпятъ).

Какъ въ школьномъ дѣлѣ, такъ и въ производствѣ анабаптисты опередили своихъ противниковъ, и это ярче всего вырисовывается изъ жалобъ послѣднихъ. Мы отсылаемъ къ нимъ всѣхъ, кто утверждаетъ, что коммунизмъ во всѣхъ условіяхъ несовмѣстимъ съ цѣлесообразнымъ хозяйствомъ. Опытъ анабаптистовъ подтверждаетъ правило, установленное нами изъ сравненія монастырей съ религіозными коммунистическими колоніями въ Америкѣ. (стр. 129).

Таже самая причина, которая создавала враждебность городскихъ ремесленниковъ къ послѣдователямъ Гуттера, располагала въ ихъ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, во владѣніяхъ которыхъ жили анабаптисты и передъ которыми они были обязаны повинностями. Вмѣстѣ съ анабаптистами и благодаря имъ дворянство увеличивало свои богатства и благосостояніе; баптисты стали для нихъ экономически необходимыми.

Баптисты увеличивали свое экономическое значеніе не только какъ промышленники, но и какъ наемные рабочіе. Не мало братьевъ и сестеръ поступило на службу къ частнымъ лицамъ. Что существовалъ большой спросъ на баптистокъ въ роли нянекъ и воспитательницъ, это мы уже отмѣтили выше. Мы встрѣчаемъ также баптистовъ на службѣ частныхъ предпринимателей, сельскихъ хозяевъ и промышленниковъ, напр., въ качествѣ мельниковъ. Но особенно цѣнили баптистовъ, какъ администраторовъ; это, повидимому, объясняется тѣмъ, что управленіе крупными хозяйствами крайне развивало въ нихъ способность къ организаціи и управленію.

Одинъ изъ ихъ ярыхъ противниковъ, уже неоднократно цитированный нами Кристофъ Фишеръ, писалъ о нихъ со злобой: «Разъ вы такъ прибрали къ своимъ рукамъ моравскихъ господъ, что они поступаютъ во всемъ согласно ва-

шему совѣту и предложенію, разъ господа повсюду назначаютъ васъ дворецкими, ключарями, управляющими, мельниками, завѣдующими рыболовствомъ, садовниками, лѣсничими и мызниками, разъ вы обладаете вліяніемъ на нихъ и пользуетесь у нихъ прекрасной репутаціей, такъ что даже ѣдите, пьете вмѣстѣ съ ними и получаете отъ нихъ разныя милости,—разъ все это такъ, то не значитъ ли это, что правителями и властителями являетесь именно вы?»

Достопочтенный Фишеръ конечно преувеличиваетъ, но, съ другой стороны, совершенно вѣрно, что баптисты очень цѣнились въ качествѣ администраторовъ. При внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается, что службу у частныхъ лицъ несли не отдѣльные индивидуумы, а вся община. Отдѣльные члены ея работали у частныхъ лицъ, какъ уполномоченные всей общины. Они не только были подчинены общинѣ, но и обязаны были отдавать ей всѣ свои доходы, жалованье и заработную плату и даже *наградныя* и *подарки*, независимо отъ того, получали-ли они ихъ деньгами, или натурой.

Въ общемъ, проведеніе этого постановленія не встрѣчало, повидимому, препятствій, если только не считать *врачей*. При всемъ своемъ презрѣніи къ учености, баптисты относились съ большимъ уваженіемъ къ врачебному и цирульничьему искусствамъ. Ихъ цирульники, повидимому, имѣли мало общаго съ наукой, но были, очевидно, искусными практиками, такъ какъ ихъ цѣнили во всей странѣ и даже приглашали, подчасъ, къ императорскому двору, несмотря на то, что тамъ относились къ коммунистамъ съ презрѣніемъ [1]).

Характеренъ уставъ цирульниковъ отъ 1654 г.; онъ предъявляетъ къ нимъ между прочимъ слѣдующія требованія:

4) Прилежно читать и изучать Св. Писаніе и врачебныя книги.

8) При собираніи травъ и корней, не заниматься пустяками, не ходить въ трактиры и не возвращаться домой безъ травъ и корней.

16) Не отказываться отъ работы, полагая, будто цирульники люди особенные и слишкомъ цѣнные для того, чтобы заниматься трудомъ.

[1]) Такъ, въ лѣтописяхъ 1603 г. мы читаемъ: „Въ этомъ году. . въ Бозѣ почилъ въ Никольсбургѣ братъ Георгъ Цобель, слуга нуждающихся и отмѣнный старый врачъ, которому было подчинено все цирульное ремесло и помощью котораго пользовались многіе вліятельные господа, а также самъ императоръ“. *Бекъ*, Geschichtsbücher, стр. 336. Ср. стр. 329, гдѣ сообщается, что этотъ же Цобель былъ посланъ въ Прагу къ двору императора по случаю „инфекціи“, которая тогда свирѣпствовала въ Богеміи.

17) Также не держать собственныхъ лекарствъ для личной выручки и дохода.

19) Всѣ деньги, будь-то подаренныя или данныя въ награду, должны быть честно отдаваемы старшинамъ и т. п.

Но уже въ 1852 г. по адресу цирульниковъ раздавались жалобы: «Часть ихъ весьма неохотно подчиняется уставу и не придерживается правилъ, беретъ на себя слишкомъ много свободы и весьма своенравна и т. д.

Они труднѣе всего подчинялись коммунистической дисциплинѣ, очевидно потому, что занимали исключительное положеніе и выдавались изъ массы братьевъ своимъ образованіемъ и вліяніемъ.

Общинное устройство братьевъ было демократическимъ. Во главѣ общины стояли частью духовные, частью свѣтскіе служащіе: первые—«служители слова» — были или апостолами, странствовавшими по свѣту для привлеченія новыхъ членовъ, или же домашними проповѣдниками. Свѣтскіе чиновники, «служители потребностей» были закупщиками, старшинами, домоправителями, мызниками. Верховная власть находилась въ рукахъ общины. Но чтобы не обращаться къ ней по всякому поводу, учрежденъ былъ совѣтъ старѣйшинъ, вмѣстѣ съ которыми общинные служащіе разрѣшали менѣе значительныя дѣла. Во главѣ всей общины стоялъ епископъ. Служащихъ, однако, назначали не путемъ выборовъ, но путемъ жребія, «по указанію Господа», изъ среды тѣхъ, кто казался для этого пригоднымъ. Избранный не могъ заступить своего мѣста, пока община не санкціонировала волю Божью и не утвердила избранника.

Своеобразная общинная жизнь, описанная здѣсь нами, процвѣтала почти цѣлое столѣтіе. Она погибла не отъ внутренняго вырожденія, но благодаря внѣшнему насилію.

Съ тѣхъ поръ, какъ Богемія и Моравія достались Габсбургамъ, послѣдніе вели постоянную, хотя и безкровную, войну съ самостоятельнымъ дворянствомъ обѣихъ странъ. И наконецъ дѣло дошло до великой рѣшительной борьбы, послужившей введеніемъ къ тридцатилѣтней войнѣ и закончившейся полнымъ пораженіемъ дворянства въ битвѣ при Бѣлой Горѣ (1620). Дворянство было почти уничтожено. Вмѣстѣ съ нимъ пали тѣ, кому оно покровительствовало,—братство въ Богеміи и гутеровы общины въ Моравіи.

22 сентября 1622 г. кардиналъ Дитрихштейнъ издалъ, по порученію Фердинанда II, указъ о томъ, «чтобы всѣ тѣ, кто принадлежитъ къ гутеровымъ братствамъ, будь то мужчины или женщины, въ теченіе 4-хъ

---

[1]) *Бекъ*, Geschichtsbücher, стр. 485—486.

недѣль, считая отъ назначеннаго числа, подъ страхомъ суроваго тѣлеснаго наказанія и рискуя, въ случаѣ неповиновенія, жизнью, оставили бы Моравію и больше въ нее не въѣзжали».

На этотъ разъ приказъ объ изгнаніи не остался только на бумагѣ. Организаціи анабаптизма въ Моравіи былъ положенъ конецъ. Многіе баптисты перешли въ католичество, причемъ большинство изъ нихъ въ глубинѣ сердца остались приверженцами стараго ученія и нерѣдко передавали его новымъ поколѣніямъ; многіе погибли во время скитаній зимой; наконецъ, нѣкоторымъ, цѣной потери всего имущества, удалось пробиться въ Венгрію, гдѣ они и основали нѣсколько домоводствъ уже въ 1546 г. Венгерскіе властители нуждались въ колонистахъ и охотно принимали бѣглецовъ. Они организовались въ новой родинѣ на старыхъ основаніяхъ, но уже не достигли прежняго вліянія. Община уже болѣе не оправилась отъ ужаснаго удара, поразившаго ее и отнявшаго у нея все имущество. Тогдашнее положеніе Венгріи, въ которой нападенія турокъ и гражданскія войны чередовались другъ съ другомъ, мало могло благопріятствовать развитію и благосостоянію бѣдной общины. Она погибла, исчезла, а вмѣстѣ съ ней исчезъ и коммунизмъ.

Удалось-ли бы ему окрѣпнуть, если бы моравской общинѣ была предоставлена возможность свободно развиваться,—этого съ опредѣленностью нельзя ни отрицать, ни утверждать.

Мало вѣроятно, чтобы баптизму удалось надолго прочно утвердиться среди капиталистическаго общества, съ которымъ онъ былъ экономически тѣсно связанъ товарнымъ производствомъ и наемнымъ трудомъ и которому тогда еще принадлежало будущее.

Но, во всякомъ случаѣ, общинная жизнь послѣдователей Гутера въ Моравіи имѣетъ огромное значеніе для исторіи соціализма. Она является наиболѣе зрѣлымъ плодомъ сектантскаго коммунизма и обрисовываетъ намъ наиболѣе рельефно и ярко тенденціи анабаптистовъ. Его основныя черты схожи съ основными чертами монашества; домоводство баптистовъ представляетъ своего рода монастырь, но, по сравненію съ послѣднимъ, оно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ въ направленіи къ современному соціализму, такъ какъ вводитъ въ монастырскій коммунизмъ бракъ и крупныя промышленныя предпріятія, которые представляютъ собой не только побочное явленіе коммунизма, но дѣлаются основой его.

Однако, несмотря на свое вліяніе и своеобразность организаціи, анабаптистскія организаціи въ Моравіи въ теченіе долгаго времени не оставляютъ послѣ себя никакого слѣда. «Странное дѣло: воспоминаніе объ анабаптистахъ въ Моравіи настолько изсчезло изъ народной памяти, что было воскрешено лишь недавно въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, да и то да-

леко не въ достаточной степени[1]). Такъ писалъ одинъ чешскій историкъ въ 1858 году. Съ тѣхъ поръ ученыя изслѣдователи пролили на баптистовъ достаточно яркій свѣтъ, особенно благодаря трудамъ д-ра *Іосифа Бека*, который собралъ о нихъ поразительно обильный матеріалъ, отчасти опубликовавъ его въ многократно цитировавшихся здѣсь «Geschichtsbücher der Wiedertäufer» («Лѣтописяхъ анабаптистовъ»), изданныхъ въ 1883 году. Его литературное наслѣдство представляетъ богатый источникъ, которымъ прекрасно воспользовался Лозертъ. Но внѣ спеціальной исторіи моравскіе анабаптисты еще до сихъ поръ не нашли себѣ достойной оцѣнки, и буржуазные историки древняго соціализма почти совершенно игнорировали ихъ[1]).

Это не должно насъ удивлять. Всѣ эти господа интересуются обыкновенно не тѣмъ, чтобы понять соціализмъ, но чтобы собрать матеріалъ, пригодный для его осужденія. Для этой цѣли моравскіе анабаптисты мало пригодны. Гораздо благодарнѣе въ этомъ отношеніи казалось имъ возстаніе анабаптистовъ въ Мюнстерѣ. И мы видимъ, что оно изображается въ обычныхъ историческихъ сочиненіяхъ олицетвореніемъ анабаптистской дѣятельности; на него съ охотой указываютъ всякій разъ, когда желаютъ отмѣтить якобы неизбѣжныя отвратительныя стороны коммунизма.

Кто слышитъ объ анабаптистахъ, обыкновенно прежде всего вспоминаетъ о возстаніи Мюнстера, а кто говоритъ о послѣднемъ, изображаетъ обыкновенно мрачную безумную оргію.

Посмотримъ, насколько это вѣрно.

VI. Волненія въ Мюнстерѣ.

Реформаціонное движеніе и связанныя съ нимъ классовыя противорѣчія стали развиваться въ сѣверной Германіи позднѣе, чѣмъ въ южной. Это объясняется въ значительной мѣрѣ экономической отсталостью сѣверной Германіи; въ болѣе развитыхъ областяхъ сѣверо-запада реформаціонное движеніе было стѣснено близостью нижне-германскихъ владѣній Габсбурговъ, изъ которыхъ Карлъ V могъ оказывать на пограничныя области гораздо больше вліянія, чѣмъ на другія части имперіи.

---

[1]) *Гиндели*, Geschichte der Böhmischen Brüder, II, стр. 19.

[1]) Такъ поступаетъ и новѣйшій историкъ, проф. *Георгъ Адлеръ*, въ своей статьѣ объ исторіи соціализма и коммунизма, помѣщенной въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

На сѣверѣ крестьяне вовсе не принимали участія въ общемъ движеніи; событія 1525 года въ южной и средней Германіи не встрѣтили у нихъ никакого отклика отчасти потому, что они находились въ лучшемъ положеніи чѣмъ ихъ братья въ верхней Германіи, отчасти же потому, что отдѣльныя крестьянскія поселенія были еще тогда сильно отдѣлены другъ отъ друга и сношенія между ними были менѣе оживленны, чѣмъ въ гуще населенныхъ южныхъ областяхъ.

Въ нижней Германіи во время реформаціоннаго движенія выдвинулись только два элемента,—*князья и города*. На сѣверѣ, какъ и на югѣ, городская реформація выразилась въ усиленіи и рѣзкомъ обостреніи съ одной стороны противорѣчія между городской буржуазіей и угрожавшей ея свободѣ и независимости княжеской властью, а съ другой стороны,—противорѣчія между цехами и патриціатомъ. Но аналогія съ югомъ простирается еще дальше: борьба между этими классами не могла совершаться безъ того, чтобы низшіе слои городского населенія, масса, которая не могла организоваться въ цехи, не пришла бы въ движеніе тамъ, гдѣ обстоятельства благопріятствовали этому и не начала преслѣдовать самостоятельныя политическія цѣли.

Наиболѣе извѣстнымъ и могущественнымъ изъ всѣхъ германскихъ городовъ, игравшихъ роль въ реформаціонномъ движеніи, былъ старый ганзейскій городъ *Любекъ*.

Патриціанскій городской совѣтъ сталъ тамъ на сторону господствовавшей власти, католической церкви; демократія горячо взялась за дѣло «Евангелія». Возстаніе 1530 года дало ей побѣду надъ патриціатомъ и церковью. Городское управленіе было измѣнено въ демократическомъ смыслѣ; церковныя имущества отошли къ городу. Но эта побѣда была достигнута только благодаря соединенію цеховъ съ массой «простыхъ людей». Вожакомъ въ этой борьбѣ и наиболѣе виднымъ представителемъ новаго союза былъ *Юргъ Вулленвеберъ*, съ 1533 года бургмистръ Любека. Принимая во вниманіе тотъ фактъ, что онъ опирался на массу «простыхъ горожанъ», становится понятнымъ, почему онъ обнаруживалъ симпатіи къ анабаптистамъ. Симпатіи эти были настолько явными, что когда онъ завладѣлъ городомъ, то въ Германіи распространилась молва, будто Любекъ сталъ на сторону анабаптистскаго ученія. Былъ ли Вулленвеберъ сторонникомъ баптисткаго ученія и дѣйствительно послѣдовательнымъ сторонникомъ, остается неизвѣстнымъ. Практическихъ успѣховъ анабаптисты въ Любекѣ не добились.

Дѣятельность ихъ увѣнчалась успѣхомъ, и то лишь благодаря своеобразному сочетанію обстоятельствъ, только *въ одномъ городѣ*—въ *Мюнстерѣ*.

Сѣверо-западная Германія была особенно богата духовными княжествами: Кёльнъ, Мюнстеръ, Падерборнъ, Оснабрюкъ, Минденъ и т. д. Въ ряду этихъ государствъ архіепископства кёльнское и епископство Мюнстеръ были наиболѣе выдающимися.

Соціальныя и политическія противорѣчія пріобрѣли въ духовныхъ княжествахъ своеобразную окраску. Властитель страны соединялъ въ своемъ лицѣ могущество главы церкви съ могуществомъ государя. Но онъ менѣе всего было абсолютнымъ княземъ. Находясь въ большей зависимости отъ императора и папы, чѣмъ любой свѣтскій государь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ скорѣе орудіемъ, чѣмъ повелителемъ дворянства и духовенства своей области. Право избранія епископовъ повсюду присвоили себѣ *соборные капитулы*, которые, какъ и всѣ высшія и наиболѣе доходныя духовныя мѣста, являлись привиллегіей *дворянства* (въ Мюнстерѣ съ 1392 г.). Поэтому здѣсь дворянство и духовенство были тѣсно связаны общностью интересовъ и обладали гораздо большимъ вліяніемъ на избраннаго имъ государя, чѣмъ въ свѣтскихъ территоріяхъ. Поэтому въ духовныхъ княжествахъ государственныя сословія играли большую роль, чѣмъ въ свѣтскихъ, а въ государственныхъ сословіяхъ доминировали дворянство и духовенство, если только они объединялись вмѣстѣ. Поэтому города всегда оказывались майоризированными: голоса наиболѣе мелкихъ изъ нихъ заглушались и болѣе крупнымъ городамъ оставалось лишь прибѣгать къ самопомощи.

Наиболѣе теряли отъ такого положенія вещей дворянство и высшее духовенство, а потому они крѣпко придерживались старой вѣры; они предпочитали дѣлить съ римской куріей несмѣтныя богатства, собранныя церковью въ духовныхъ княжествахъ, нежели совершенно отказаться отъ нихъ.

Ненадежными элементами были епископы; они легко поддавались соблазнительному примѣру своихъ свѣтскихъ сосѣдей. Переходъ въ лютеранство обѣщалъ имъ независимость отъ папы, облагавшаго ихъ тяжелыми налогами, возможность свободно распоряжаться церковными имуществами и перевѣсъ надъ дворянствомъ. Неудивительно поэтому, что епископы Мюнстера, подобно другимъ своимъ коллегамъ, выступали противъ евангельскаго ученія лишь скрѣпя сердце и нерѣдко тайно покровительствовали ему.

Когда *Берндтъ Ротманъ* въ 1531 г. сталъ проповѣдывать въ мюнстерскомъ предмѣстьѣ Св. Маврикія въ духѣ лютеранскаго ученія, то соборный капитулъ тщетно обращался къ еп. Фридриху съ просьбой прекратить это безчинство. Правда, епископъ запретилъ Ротману проповѣдывать, но не предпринималъ рѣшительно ничего чтобы привести въ

исполненіе свой запретъ, и Ротманъ безпрепятственно продолжалъ проповѣдывать. Только императорскій указъ побудилъ епископа подвергнуть Ротмана изгнанію (въ январѣ 1532 г.) Ротманъ покинулъ предмѣстье Св. Маврикія, но не затѣмъ, чтобы уйти изъ страны, а чтобы напасть на мюнстеровскую церковь въ самомъ ея центрѣ: онъ перенесъ свое проповѣдничество въ Мюнстеръ.

Мюнстеръ былъ большимъ и хорошо укрѣпленнымъ городомъ, столицей не только епископства но и всей Вестфаліи. Демократія показала себя тамъ особенно сильной. Первоначально городской совѣтъ Мюнстера, какъ и во всякомъ средневѣковомъ городѣ, состоялъ исключительно изъ членовъ марки, патриціевъ, которые въ Мюнстерѣ назывались «наслѣдователями» (Erbmänner). Но когда торговля и ремесло развились, то цехи пріобрѣли силу и вліяніе и, въ концѣ концовъ, добились права участія въ городскомъ совѣтѣ. Съ тѣхъ поръ городской совѣтъ ежегодно избирался десятью выборщиками (Korgenoten), избиравшимися членами всей городской общины, Изъ 24 членовъ городского совѣта только половина должна была принадлежать къ роду патриціевъ. Но управленіе городскими дѣлами уже стало такой обязанностью которая требовала слишкомъ много времени и знаній, чтобы ее успѣшно могъ выполнять средній человѣкъ изъ народа. Поэтому 12 мѣстъ, предназначенныхъ въ городскомъ совѣтѣ для простыхъ горожанъ, обыкновенно были замѣщаемы представителями немногочисленныхъ зажиточныхъ семействъ, которые постепенно образовали вторую городскую аристократію, менѣе почетную, чѣмъ «наслѣдователи», но тѣсно связанную съ нею общностью интересовъ.

Такимъ образомъ, постепенно городской совѣтъ снова превращался въ исключительное представительство одной городской аристократіи, которая жила отчасти рентой, отчасти отдачей въ аренду своей земли, отчасти же торговлей. Но наряду съ городскимъ совѣтомъ упрочилась власть цеховъ или гильдій. Въ Мюнстерѣ было семнадцать гильдій. Каждая изъ нихъ имѣла свой собственный гильдейскій домъ и управлялась по собственнымъ статутамъ. «Шогаузъ» [1]) былъ центральнымъ пунктомъ для всѣхъ цеховыхъ горожанъ. Во время поста, вскорѣ послѣ выборовъ въ городской совѣтъ, туда сходились 34 гильдейскихъ мастера и избирали двухъ старшинъ. «Они,—сообщаетъ историкъ Мюнстера того времени,—являются главами и представителями всей общины простыхъ горожанъ и вліяніе ихъ настолько велико, что они, вмѣстѣ съ гильдейскими мастерами, могутъ отмѣнять постановленія совѣта, если того захотятъ. Поэтому магистратъ почти не можетъ не принимать никакихъ рѣшеній въ важныхъ и

[1]) Это названіе, очевидно, аналогично съ „шаугаузъ“ или съ „шугаузъ“ и первоначально означало, повидимому, „домъ сапожниковъ“.

касающихся благосостоянія всей общины вопросахъ безъ одобренія вышеупомянутыхъ лицъ [1]).

Правда, въ мирныя времена они предоставляли городскому совѣту рѣшать дѣла по собственному усмотрѣнію. Но когда дѣло доходило до конфликта общины съ городскимъ совѣтомъ или же съ духовенствомъ, то совѣтъ быстро утрачивалъ свое вліяніе. Это особенно ясно обнаружилось въ 1520 году, хотя наблюдалось и ранѣе. Мощная борьба въ Верхней Германіи не прошла безслѣдно для Нижней Германіи. Повсемѣстно, во всѣхъ городахъ, простой народъ возсталъ; какъ и въ Кёльнѣ, въ Мюнстерѣ дѣло дошло до возмущенія противъ духовенства, принявшаго форму мощнаго возстанія послѣ того, какъ городской совѣтъ попытался препятствовать народному движенію. Народъ возсталъ и выбралъ комитетъ изъ сорока членовъ, который и формулировалъ требованія общины въ тридцати шести статьяхъ. Эти статьи относятся не къ *религіознымъ, но къ экономическимъ* вопросамъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что движеніемъ руководили цехи.

Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ статей, наиболѣе характерныхъ для движенія:

«5. Никто изъ духовныхъ лицъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или иному ордену, ни священники, ни монахи, ни викаріи бѣлаго духовенства не должны заниматься торговлей, а также заниматься какимъ-либо мірскимъ дѣломъ, какъ-то: откармливать быковъ, ткать полотно или же сушить зерно; поэтому они обязаны тотчасъ же добровольно отдать всѣ орудія и приспособленія, которыя употребляются для этихъ дѣлъ и которыя находятся въ монастыряхъ и въ домахъ духовныхъ лицъ; въ противномъ случаѣ они должны быть готовы къ тому, что народъ самъ отниметъ ихъ силой».

«6. Ни одно духовное лицо не должно быть отнынѣ свободнымъ отъ уплаты общественныхъ городскихъ налоговъ».

«7. Духовная, равно и свѣтская власть должна запретить своимъ подданнымъ въ селахъ заниматься какимъ-либо ремесломъ въ мѣстностяхъ, отстоящихъ на двѣ мили отъ города, и варить пиво или же печь хлѣбъ къ ущербу горожанъ. И т. п.» [2]).

Такимъ образомъ, это возстаніе было направлено не на уничтоженіе всѣхъ привилегій, но на замѣну поповскихъ привиллегій цеховыми.

---

[1]) *Г. фонъ-Керссенброикъ*, Geschichte der Wiedertäufer zu Münster, nebst einer Beschreibung der Hauptstadt dieses Landes, 1771, I, стр. 98. Мы еще возвратимся къ этому сочиненію, написанному въ 60-хъ годахъ 16-го столѣтія.

[2]) *Керссенброикъ*, цит. соч., I, стр. 121.

Статьи были приняты городскимъ совѣтомъ, ихъ подписали даже нѣкоторые члены соборнаго капитула; но до проведенія ихъ въ жизнь дѣло не дошло. Неудача верхне-германскаго движенія положила конецъ возстанію въ Нижней Германіи и освободила при этомъ силы побѣдоносныхъ князей, отправившихся на помощь своимъ сѣвернымъ собратьямъ. Между епископомъ и соборнымъ капитуломъ, съ одной стороны, и городомъ—съ другой, былъ заключенъ договоръ (27 марта 1526 г.), который возстановлялъ права духовенства, за что послѣднее отказывалось отъ возмѣщенія убытковъ и отъ гарантіи противъ будущихъ возмущеній, чего оно раньше требовало.

Такимъ образомъ спокойствіе было возстановлено, но оппозиція городскихъ элементовъ, особенно городской демократіи противъ богатаго и привилегированнаго и эксплоататорскаго духовенства продолжалась. Мощная катастрофа 1525 года привела въ движеніе массы народа, которыя до того времени проявляли мало интереса къ реформаціи (и это относится не только къ Мюнстеру, но и ко всей Нижней Германіи), и «дѣло Евангелія» нашло себѣ въ нихъ ярыхъ сторонниковъ. Духовенство стало во главѣ движенія, которое въ началѣ было чисто экономическимъ, а теперь начало пользоваться религіозными аргументами и принимать форму чисто религіознаго движенія.

Это явленіе, часто встрѣчающееся въ періоды реформаціи, находитъ себѣ аналогіи въ современныхъ буржуазныхъ и пролетарскихъ движеніяхъ.

Намъ кажется, что причину этого найти нетрудно. Пока опредѣленное соціальное движеніе ставитъ себѣ цѣлью достиженіе лишь разрозненныхъ случайныхъ требованій,—экономическая природа его выступаетъ вполнѣ явственно. Но чѣмъ больше оно углубляется и расширяется, чѣмъ опредѣленнѣе стремится оно преобразовать все общество, всю общественную жизнь, тѣмъ важнѣе становится установить духовную связь между отдѣльными выставленными требованіями, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ всѣ мыслящіе люди необходимость уяснить себѣ конечныя цѣли того движенія, первые этапы котораго пролегаютъ черезъ требованія минуты, и тѣмъ сильнѣе чувствуютъ они себя вынужденными вывести эти требованія изъ высшаго общаго принципа. Чѣмъ слабѣе экономическое сознаніе эпохи, и чѣмъ шире цѣли движенія, тѣмъ болѣе мистическую форму пріобрѣтаютъ, обыкновенно, аргументы и теоріи руководителей движенія, тѣмъ легче утрачиваютъ они сознаніе экономической основы своей агитаціи. Такъ, напримѣръ, если какое-нибудь движеніе протекаетъ подъ знаменемъ свободы торговли или уменьшенія налогового бремени, или же сокращенія рабочаго времени и повышенія заработной платы,—то въ такомъ случаѣ экономическая основа движенія ясна даже для людей близорукихъ. Но если дви-

женіе становится широко классовой борьбой буржуазіи или пролетаріата противъ существующаго общества, то, при отсутствіи достаточнаго теоретическаго пониманія, экономическая сущность этой войны почти совершенно исчезаетъ; на сцену выступаютъ вѣчные завѣты естественнаго права, разума, справедливости и т. п. Въ періодъ реформаціи общераспространенная форма мышленія была не юридической, но теологической. Поэтому соціальное движеніе тѣмъ болѣе неизбѣжно должно было принимать теологическую внѣшность, тѣмъ настойчивѣе ссылаться на волю Божію, на завѣты Христа, чѣмъ оно было радикальнѣе.

Демократическому протестантскому движенію въ Нижней Германіи былъ сообщенъ особенно сильный толчекъ въ 1529 году, когда наступила страшная дороговизна, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Въ своей хроникѣ Себастьянъ Франкъ сообщаетъ, что вздорожаніе жизни наблюдалось еще въ 1531 году, когда онъ издалъ свою книгу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ шеффель ржи стоилъ лѣтомъ 1529 г. три съ половиной шиллинга, а слѣдующимъ лѣтомъ—9 шил. Въ 1531 г. цѣны поднялись еще больше. Въ Дортмундѣ въ 1530 году шеффель ржи стоилъ $5^1/_2$ шил., въ 1531 году цѣна поднялась до 14 шил.! Рука объ руку съ голодной нуждой шла ужасная эпидемія, такъ называемый «англійскій потъ».

Къ этому присоединилось еще нашествіе турокъ, отъ котораго страдала и Средняя Германія, поскольку она должна была участвовать въ уплатѣ военной пошлины, «турецкаго налога». Чѣмъ меньшей опасности подвергалась страна со стороны турокъ, тѣмъ больше недовольства обнаруживало населеніе ея, испытывавшее острую нужду и въ то же время обязанное платить довольно высокую военную подать. Во владѣніи герцога фонъ Эльве эта подать была опредѣлена въ 10 процентовъ отъ дохода!

Все это неизбѣжно должно было крайне обострить существовавшія тогда соціальныя противорѣчія, особенно противорѣчія между демократіей и богатымъ духовенствомъ, легко уклонявшимся отъ платежа налоговъ и совершенно несклоннымъ, въ силу своей слѣпой алчности, на какія либо добровольныя жертвы.

При такомъ положеніи дѣлъ, проповѣди уже упомянутаго нами Бернгарда Ротмана, естественно, пользовались успѣхомъ. Когда въ 1532 году онъ переселился изъ предмѣстья Св. Маврикія въ Мюнстеръ, то былъ встрѣченъ тамъ демократіей съ распростертыми объятіями и нашелъ себѣ въ Мюнстерѣ совершенно безопасное убѣжище. Въ средѣ демократической партіи въ то время наиболѣе выдавался богатый торговецъ сукномъ, Бернгартъ *Книппердоллинкъ*, «человѣкъ высокаго роста, еще молодой, съ красивыми волосами и бородой, мужественный, открытый, съ величе-

ственной осанкой и манерами, полный энергіи, опытный ораторъ и энергичный дѣятель» (*Корнелiусъ*), упорный, искавшій подвиговъ и склонный къ авантюрамъ.

Демократіи, подымавшей свою голову, очень помогло то обстоятельство, что какъ разъ во время первой пробы ея силъ, когда она отстаивала Ротмана, клерикальные властители были всецѣло поглощены внутренними дѣлами; послѣднія весьма характерны для жизни церкви того времени.

Епископъ Фридрихъ былъ человѣкомъ любившимъ покой; должность епископа нравилась ему, пока она не требовала отъ него особаго труда и давала много денегъ. Теперь, когда положеніе церкви становилось все труднѣе, когда папа, императоръ и члены соборнаго капитула все настойчивѣе требовали отъ епископа энергичной защиты угрожаемой церкви, обязанность епископа стала тяготить его. Онъ подыскивалъ себѣ замѣстителя, которому можно было бы передать должность епископа за приличную сумму денегъ, и нашелъ себѣ, наконецъ, такого замѣстителя въ лицѣ Эриха, епископа падерборнскаго и оснабрюкскаго. Этотъ человѣкъ алчно стремился къ власти и обладалъ большими деньгами, а потому охотно воспользовался случаемъ присоединить къ двумъ занимаемымъ имъ епископскимъ должностямъ еще третью. Католическій архіепископъ кёльнскій и лютеранинъ, курфюрстъ саксонскій, служили посредниками этого торга,—получили ли они комиссіонныя за свои услуги, остается неизвѣстнымъ. Покупная цѣна была опредѣлена въ сорокъ тысячъ гульденовъ. При посредствѣ грубаго обмана столь же благочестивымъ, сколь высокопоставленнымъ господамъ удалось получить разрѣшеніе соборнаго капитула на продажу: послѣднему, вмѣсто дѣйствительнаго договора, былъ представленъ подложный, въ которомъ значилась не дѣйствительная покупная сумма, а лишь половина ея. Таковы были элементы, отстаивавшіе позднѣе противъ анабаптистовъ религію, нравственность и собственность.

Въ декабрѣ 1531 г. Эрихъ былъ временно избранъ епископомъ. По уплатѣ имъ всей покупной суммы, Фридрихъ сложилъ съ себя епископское достоинство (мартъ 1532 г.).

Въ періодъ этого временнаго управленія ересь въ Мюнстерѣ свободно развивалась. Но со вступленіемъ на должность новаго епископа, анабаптисты продолжали благоденствовать. Эрихъ чувствовалъ себя скорѣе владѣтельнымъ княземъ, чѣмъ епископомъ. Распространеніе лютеранскаго ученія было для него менѣе непріятнымъ, чѣмъ для его предшественника. Вѣдь онъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ курфюрстомъ Іоганномъ саксонскимъ—своимъ посредникомъ по покупкѣ епископской должности—и съ ландграфомъ Филиппомъ гессенскимъ, главарями евангелическаго движенія

въ Германіи. И онъ такъ мало заботился о томъ, чтобы скрывать свои протестантскія симпатіи, что фигурировалъ въ качествѣ свидѣтеля при обрученіи графа Текленбурга съ вышедшей изъ монастыря монахиней!

Избраніе этого епископа необычайно усилило успѣхи протестантизма въ Мюнстерѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и привело къ расколу среди протестантовъ. Эрихъ покровительствовалъ реформаціи, но реформаціи не снизу, а сверху, т. е. такой, которая увеличивала бы могущество владѣтельныхъ князей, а не могущество демократіи на счетъ церкви.

Эрихъ искалъ оплота противъ духовенства и рыцарства въ городскомъ патриціатѣ, въ совѣтѣ Мюнстера и приближенныхъ къ нему. И тотъ и другой составляли «умѣренную» партію, заигрывавшую съ лютеранствомъ.

Городская демократія, для обоснованія своихъ стремленій, пользовалась, также, лютеранскимъ ученіемъ, пока ея противники принадлежали къ католикамъ. Теперь лютеранство грозило превратиться изъ орудія демократіи въ орудіе опаснѣйшихъ враговъ ея, епископовъ и патриціевъ. Съ этихъ поръ демократія начала утрачивать свои симпатіи къ лютеранскому ученію и обращаться къ цвингліанизму, наиболѣе подходившему къ ея потребностямъ.

Эриху и городскому совѣту Мюнстера представлялось наиболѣе важнымъ покончить съ городской демократіей. Въ этомъ отношеніи помощь духовенства была обезпечена. 17 апрѣля 1532 года епископъ издалъ указъ, которымъ возвѣщалъ о предстоящей реформѣ церкви, но требовалъ предварительнаго удаленія священника, самовольно принятаго общиной. Тогда совѣтъ приказалъ Ротману прекратить проповѣдничество, но община не обратила вниманія на приказъ епископа. 28 апрѣля она заявила, что ни въ какомъ случаѣ не разстанется со своимъ проповѣдникомъ.

На этотъ разъ обстоятельства снова сложились въ пользу демократіи. «Этотъ честный епископъ,—пишетъ вполнѣ расположенный къ епископу Керссенброикъ,—благодаря своему авторитету и благодаря помощи своихъ друзей, сдѣлалъ бы много въ этомъ направленіи, если бы преждевременная смерть не прекратила его жизнь. Когда онъ веселился болѣе, чѣмъ когда либо, въ своемъ замкѣ Фюрстенау, расположенномъ въ оснабрюкскомъ владѣніи, онъ внезапно заболѣлъ или, какъ сообщаютъ другіе, внезапно умеръ 14 мая, выпивши большую чашу вина» [1]).

Это событіе послужило сигналомъ къ возстанію во всѣхъ трехъ епископствахъ, которыхъ при жизни такъ утѣснялъ и эксплоатировалъ блаженно почившій отъ пьянства Эрихъ. Въ Оснабрюкѣ, Паденборнѣ и Мюнстерѣ народъ поднялся, изгналъ католическое духовенство и посадилъ на

---

[1]) *Керссенброикъ*, цит. соч., I. стр. 204.

его мѣсто протестантское. Городской совѣтъ повсюду былъ безсиленъ пойти наперекоръ общинѣ. Въ Оснабрюкѣ, благодаря посредничеству дворянства, дѣло закончилось договоромъ между духовенствомъ и городомъ. Падерборнъ былъ замиренъ силой въ октябрѣ 1532 года архіепископомъ Германомъ кёльнскимъ. Но въ Мюнстерѣ возстаніе упрочилось.

Соборный капитулъ тотчасъ же назначилъ наслѣдника Эриху, Франца фонъ Вальдека. 28 іюня отъ новаго епископа пришло въ Мюнстеръ посланіе, въ которомъ онъ требовалъ отъ города повиновенія. Собраніе «наслѣдователей» заявило о своей готовности подчиниться, но собраніе гильдій постановило 1-го іюля учредить союзъ для защиты евангелія. Былъ избранъ революціонный комитетъ изъ тридцати шести членовъ, который настолько запугалъ городской совѣтъ, что онъ примкнулъ къ союзу (15-го іюля) и согласился на требованіе общины. Комитетъ тридцати шести тотчасъ же принялся за преобразованія церкви въ евангелическомъ смыслѣ и обратился за помощью въ другія мѣста. Онъ связался съ Филиппомъ гессенскимъ. И когда въ октябрѣ епископъ Францъ, поддержанный духовной и свѣтской аристократіей, приготовился къ походу, чтобы силой сокрушить Мюнстеръ, то община этого города принудила городской совѣтъ къ оборонѣ. Было нанято 300 наемниковъ и крѣпостныя укрѣпленія были исправлены.

Произошли незначительныя военныя стычки между обѣими враждебными партіями. Епископъ боялся рѣшительнаго выступленія противъ сильнаго города, такъ какъ оно угрожало ему пораженіемъ или вмѣшательствомъ извнѣ и потерей его самостоятельности. Дѣло въ томъ, что касса епископа была пуста, алчное же духовенство отказывалось отъ всякихъ жертвъ.

Императоръ, наиболѣе могущественный защитникъ католицизма, былъ занятъ войной съ турками. Епископъ Францъ попытался возобновить политику своего предшественника и заключить миръ съ городскимъ совѣтомъ. Онъ началъ переговоры.

Совѣтъ, конечно, былъ склоненъ примириться съ епископомъ, но народъ не хотѣлъ ничего слышать о какихъ либо уступкахъ. «Ни шагу назадъ! Скорѣе мы заколемъ и съѣдимъ собственныхъ дѣтей!»—восклицалъ Книппердоллинкъ, и масса вторила ему.

Чтобы удобнѣе вести переговоры, епископъ, вмѣстѣ съ государственными чинами, отправился въ городокъ Тельгтъ, расположенный вблизи Мюнстера. Но близость епископа возбуждала воинственную общину къ чему угодно, но только не къ миру. Тайкомъ было задумано и выполнено нападеніе на Тельгтъ (ночью 26 декабря). Самого епископа не удалось захватить; онъ случайно покинулъ Тельгтъ за день до нападенія. Тѣмъ не

менѣе цѣлый рядъ наиболѣе видныхъ представителей католической партіи, духовные и свѣтскіе аристократы, а также бѣглые патриціи Мюнстера были захвачены въ плѣнъ.

Это рѣшило дѣло. Благодаря посредничеству Филиппа Гессенскаго былъ заключенъ договоръ (14 февраля 1538 г.), которымъ епископъ, соборный капитулъ и дворянство санкціонировали въ главнѣйшемъ завоеванія повстанцевъ.

Мюнстеръ былъ признанъ евангелическимъ городомъ.

VII. Анабаптисты въ Страсбургѣ и въ Нидерландахъ.

Цеховая демократія Мюнстера побѣдила; но она одержала побѣду лишь съ помощью неорганизованныхъ массъ населенія, т. е., главнымъ образомъ, неимущихъ пролетаріевъ, а потому на этотъ разъ она не могла отбросить въ сторону того оружія, благодаря которому она достигла побѣды, какъ это нерѣдко бывало до того и впослѣдствіи. Ибо на этотъ разъ она одержала побѣду только благодаря удавшемуся внезапному натиску, а не путемъ рѣшительнаго пораженія врага въ открытомъ бою. Такимъ образомъ, заключенный миръ означалъ лишь не болѣе, какъ перемиріе. Буржуазной демократіи предстояла въ будущемъ новая тяжелая борьба, а потому она не могла на этотъ разъ порывать своихъ отношеній къ пролетарской демократіи, тенденціи же послѣдней находили себѣ подходящее выраженіе въ анабаптизмѣ. Выдающееся положеніе, котораго достигъ пролетаріатъ въ Мюнстерѣ, превратилъ этотъ городъ въ центральный пунктъ баптизма въ Нижней Германіи.

Въ теченіе 1532 года въ Мюнстерѣ, на ряду съ католиками и лютеранами, выступили также послѣдователи Цвингли. Къ нимъ вскорѣ присоединились и баптисты.

Двумя очагами, изъ которыхъ движеніе распространилось по Нижней Германіи, были *Страсбургъ и Нидерландія.*

Въ Страсбургѣ, стоявшемъ въ тѣсной экономической и политической связи съ большими городами Сѣверной Швейцаріи, въ 1525 году побѣдила государственная церковь Цвингли. Въ процессѣ борьбы ея противъ католицизма и лютеранства здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ Южной Германіи, развивался баптизмъ. Какъ мы уже упоминали, Страсбургъ, на ряду съ Аугсбургомъ, былъ наиболѣе выдающимся пунктомъ южногерманскаго баптизма. Онъ удерживался тамъ дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, благодаря той силѣ, которую пріобрѣлъ «простолюдинъ» и которая въ теченіе долгаго времени мѣшала городскому совѣту, боявше-

муся рѣшительнаго возстанія, принять энергичныя мѣры противъ баптистовъ. Баптисты были настолько сильны въ могущественномъ имперскомъ городѣ, что наиболѣе выдающіеся изъ мѣстныхъ представителей духовенства, и прежде всего Капитонъ, продолжали политику, начатую Цвингли, и долго заигрывали съ баптизмомъ.

Когда начались преслѣдованія, Страсбургъ сталъ мѣстомъ убѣжища для братьевъ, не переселившихся въ Моравію: когда въ Аугсбургѣ баптизмъ былъ потопленъ въ крови, Страсбургъ занялъ его мѣсто аванпоста южно-германскаго движенія, поскольку вообще можно было говорить о существованіи таковаго. Въ разное время тамъ можно было видѣть почти всѣхъ выдающихся представителей южно-германскихъ баптистовъ; въ 1526 году, напримѣръ, тамъ были Денкъ, Гецеръ, Затлеръ, Рейблинъ, до 1529 года стоявшій во главѣ мюнцерской общины. Когда онъ былъ изгнанъ, его мѣсто занялъ Пильграмъ Марбекъ, тирольскій горный судья, устроившій для Страсбурга «замѣчательное рѣчное сообщеніе» въ Кинцигталѣ и Энталѣ, то самое, благодаря которому «бѣдный деревомъ имперскій городъ могъ пользоваться лѣсами Шварцвальда» [1].

Но наиболѣе существенную роль игралъ въ Страсбургѣ много странствовавшій подмастерье *Мельхіоръ Гофманъ*, родомъ изъ Галле (Швабія). Уже въ 1523 году онъ проповѣдывалъ евангелическое ученіе въ Лифляндіи, былъ затѣмъ проповѣдникомъ нѣмецкой общины въ Стокгольмѣ; будучи изгнанъ оттуда, онъ нашелъ себѣ убѣжище въ Голштиніи, гдѣ король Фридрихъ датскій предоставилъ ему пожизненное содержаніе и обезпечилъ свободу проповѣди. Но когда онъ перешелъ отъ лютеранства къ цвингліанизму, то былъ изгнанъ изъ Даніи (1529 г.). Онъ направился въ Страсбургъ, центръ цвингліанизма въ Германіи. Тамъ вскорѣ онъ былъ вовлеченъ въ кругъ баптистскихъ идей и уже въ 1530 г. присоединился къ баптистамъ, а когда старые вожаки баптизма погибли или же были изгнаны, то онъ сталъ ихъ руководителемъ.

Мечтатель, фанатикъ-энтузіастъ, онъ воскресилъ ученіе Гансъ Гута, которое нашло теперь между южно-германскими братьями благодарную почву, и распространялось тѣмъ шире, чѣмъ сильнѣе свирѣпствовало преслѣдованіе. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было посреди жестокой травли оставаться стойкимъ, не надѣясь на скорое освобожденіе. Чѣмъ сильнѣе было преслѣдованіе, тѣмъ тверже была вѣра въ близкое крушеніе тогдашняго общества. Но отъ турокъ уже нечего было ожидать. Гофманъ смотрѣлъ на Страсбургъ, какъ на небесный Іерусалимъ: тамъ должна

---

[1]) *Лозерте*, Der Anabaptismus in Tyrol, стр. 23.

была перейти власть въ руки баптистовъ и перейти очень скоро, въ 1523 году.

Пророчество его было не лишено нѣкотораго смысла. Въ Страсбургѣ баптисты представляли силу, но они стояли въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи къ существующему общественному и государственному строю и власть не могла дольше смотрѣть спокойно на то, какъ росло ихъ могущество. Рѣшительная катастрофа въ близкомъ будущемъ становилась неизбѣжной. Конечно, Гофманъ разсчитывалъ на побѣду: только тотъ, кто вѣритъ въ свое дѣло, можетъ работать для него съ успѣхомъ.

Но Гофманъ настолько связанъ былъ съ кругомъ обычныхъ представленій баптизма, что заявлялъ себя противникомъ всякаго насилія. Онъ полагался исключительно на вліяніе своей пропаганды. Побѣду ему даруетъ Богъ,—всякое же возстаніе грѣховно.

Вначалѣ Гофманъ наталкивался на рѣзкій отпоръ общины; въ ней образовалось два теченія, но, въ концѣ концовъ, сторонники Гофмана побѣдили,—можетъ быть, скорѣе благодаря своимъ успѣхамъ въ Нидерландахъ, чѣмъ благодаря силѣ своихъ аргументовъ и убѣжденію братьевъ.

Безпокойному человѣку не терпѣлось въ Страсбургѣ. Уже въ 1530 году онъ спустился внизъ по Рейну, чтобы проповѣдывать свои новые взгляды въ Нидерландахъ.

Какъ мы уже видѣли, Нидерланды были родиной еретическаго коммунизма къ сѣверу отъ Альпъ. Быстрое экономическое развитіе, породившее его, вмѣстѣ съ тѣмъ довольно рано создало тамъ наиболѣе опаснаго врага коммунизма—сильную государственную власть. Къ началу 16-го столѣтія княжеская власть въ Нидерландахъ была могущественнѣе и неограниченнѣе, чѣмъ въ сосѣдней Германіи.

Семнадцать провинцій Нидерландовъ были объединены въ одно цѣлое бургундскимъ домомъ, а послѣ того, какъ онъ угасъ (1477 г.), наслѣдниками его, Габсбургами; объединеніе это совершалось путемъ наслѣдованій, покупокъ и завоеваній. Но въ 1504 году Габсбургамъ достался также престолъ и въ Испаніи, гдѣ абсолютизмъ уже сдѣлалъ быстрые успѣхи. Въ наибольшую зависимость отъ короля попала тамъ церковь съ ея инквизиціей; она обладала въ Испаніи такой страшной силой, какъ нигдѣ, и превратилась тамъ въ слѣпое орудіе абсолютизма, державшее въ страхѣ всѣ оппозиціонные элементы. Но и внѣшняя власть испанскаго королевства была въ то время настолько сильна, что Испанія чувствовала себя въ силахъ начать борьбу съ Франціей за Италію и за подчиненіе папской власти. Габсбурги—властители австрійскихъ областей, которымъ угрожали турки, и германскіе короли, подъ могущество которыхъ подкапывались евангелическіе князья, принуждены были поддерживать

католицизмъ и имѣли къ этому всѣ основанія въ качествѣ королей Испаніи. Католическая церковь стала однимъ изъ важнѣйшихъ, если не самымъ важнымъ средствомъ ихъ могущества [1]).

Поэтому они повсемѣстно рѣшительно выступали противъ протестантизма, что имъ больше удавалось въ Нидерландахъ, чѣмъ въ Германіи. Карлъ V, въ качествѣ германскаго императора, соединилъ въ 1516 году господство надъ Нидерландами съ властью испанскаго короля. На ряду съ могуществомъ, предоставленнымъ ему высокоразвитой государственной властью Нидерландовъ, онъ пользовался могуществомъ, предоставленнымъ ему испанской короной, употребляя всѣ средства на то, чтобы подавить оппозицію въ одной изъ своихъ наслѣдственныхъ странъ. Не нарушая формъ стараго государственнаго устройства, онъ лишалъ ихъ всякаго содержанія, поскольку онѣ заключали въ себѣ политическія свободы. Абсолютистскій режимъ, принимавшій при Филиппѣ II такія ужасающія формы и упраздненный впослѣдствіи только въ результатѣ почти столѣтней войны (1568--1648), да и то лишь въ части Нидерландовъ, былъ созданъ Карломъ V и проводился безъ всякихъ ограниченій, разъ это казалось необходимымъ. Тѣмъ не менѣе, либеральная исторія сосредоточиваетъ, обыкновенно, все доступное ей моральное возмущеніе именно на Филиппѣ II, а къ Карлу V неизмѣнно относится съ большой снисходительностью.

Причина этого весьма понятна. Высшіе классы Нидерландовъ, дворянство

---

[1]) Филиппъ II испанскій извѣстенъ въ исторіи своимъ фанатическимъ католицизмомъ. Но послѣдній представлялъ не что иное, какъ рабское подчиненіе папской власти. „Дѣйствительно своеобразно,—говоритъ одинъ новѣйшій историкъ,—что монархъ, который считался во всемъ мірѣ и самъ считалъ себя столпомъ вѣры и опорой всего организма римской іерархіи, постоянно вступалъ въ споры съ папствомъ, союзъ съ которымъ былъ такъ важенъ ему во многихъ отношеніяхъ. Это странное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизбѣжно повторявшееся при всякомъ новомъ понтифексѣ явленіе объясняется двоякимъ образомъ: съ одной стороны, испанскій монархъ смотрѣлъ на духовныхъ лицъ въ своей странѣ, какъ на простыхъ, подданныхъ, подчиненныхъ римскому престолу только въ отношеніи вѣры но не въ отношеніи дисциплины и подсудности, съ другой же стороны, онъ намѣревался превратить церковь исключительно въ главнѣйшее колесо широко задуманной машины его міровой политики. Святой престолъ долженъ былъ повсюду бороться своимъ духовнымъ оружіемъ за планы, начертанные Испаніей, и обязанъ былъ, кромѣ того, помогать королевской власти обирать испанское духовенство... Поскольку дѣло шло о церкви Испаніи, королю предоставлялось мѣсто соправителя наряду съ святѣйшимъ отцомъ или, вѣрнѣе сказать, мѣсто выше папы“ и т. п. (*М. Филиппсонъ*, Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, Elisabeth und Heinrich IV. Берлинъ, 1882, стр. 365, 366.

и купцы, чувствовали себя подъ сѣнью абсолютизма Карла V очень хорошо, ибо этотъ императоръ, родившійся и воспитанный въ Нидерландахъ, въ свою очередь, чувствовалъ себя нидерландцемъ; онъ предпочиталъ своихъ соотечественниковъ всѣмъ остальнымъ и покровительствовалъ имъ, какъ могъ. Находившееся у него на службѣ нидерландское дворянство получало жалованье и добычу, а нидерландскіе купцы были уравнены въ правахъ съ испанскими и пожинали обильные барыши отъ испанской колоніальной политики.

Все это перемѣнилось при сынѣ Карла Филиппѣ, вступившемъ на престолъ въ 1555 году. Филиппъ былъ воспитанъ испанцами,—интересы же господствовавшихъ классовъ Испаніи были несовмѣстимы съ интересами господствовавшихъ классовъ Нидерландіи. Нельзя было удовлетворить испанцевъ, не возмутивъ нидерландцевъ, и наоборотъ. Нидерландскія симпатіи Карла были одной изъ главныхъ причинъ возмущенія испанскихъ городовъ въ 1522 году [1]); Филиппъ закрылъ доступъ нидерландцамъ къ выгоднымъ мѣстамъ своей арміи и государственному управленію равно и къ колоніямъ, сдѣлавъ изъ этого монополію для испанцевъ, точнѣе говоря, для кастильцевъ. Это побудило нидерландцевъ къ возстанію.

При Карлѣ V высшіе классы въ Нидерландахъ не имѣли основаній становиться въ серьезную оппозицію. Но *низшіе классы* народа были сдавлены при немъ тѣмъ же желѣзнымъ кулакомъ, что и при его наслѣдникѣ. Въ то же время они чувствовали себя безсильными, пока между господствующими классами не возгорѣлась серьезная борьба. Это объясняетъ намъ, почему родина еретическаго коммунизма въ первое десятилѣтіе нѣмецкой реформаціи представлялась неблагодарной почвой для коммунистической пропаганды. Это явленіе достойно особаго вниманія въ виду высокаго экономическаго развитія Нидерландовъ, многочисленнаго пролетаріата этой страны и широкой дѣятельности, развернутой тамъ нѣкогда беггардизмомъ и еще не истершейся окончательно изъ народной памяти; напомнимъ только, что «братья общей жизни» сохранились въ Нидерландахъ вплоть до реформаціи. Причина этого явленія лежала въ страшномъ гнетѣ, давившемъ низшіе классы и непозволявшемъ имъ открыто проявлять свою оппозицію. Но въ Нидерландахъ коммунистическія тенденціи были широко распространены еще до выступленія Гофмана.

Къ концу 15-го столѣтія сообщается о появленіи во Фландріи и Бра-

---

[1]) Города прежде всего требовали отъ императора, чтобы онъ резидировалъ въ Испаніи, не держалъ при себѣ нидерландцевъ и наемныхъ солдатъ, не натурализовалъ иностранцевъ и не замѣщалъ ими никакихъ должностей государственныхъ и духовныхъ. (*В. Робертсонъ*, History of Charles V. Лондонъ, 1796, II, стр. 163 и сл.).

бантѣ «вальденскихъ заговорщиковъ», которыхъ называли «Turlupins» или «Pifles», а нерѣдко,—что весьма характерно—«Tisserands» (ткачи). Эти люди держались строгихъ нравовъ, были милосердны ко всѣмъ и чужды всякой мстительности. Многіе изъ нихъ объединились съ выступившими позднѣе голландскими баптистами, которые были не мало усилены этимъ [1]).

Сами баптисты издавна распространяли свою пропаганду до предѣловъ Нидерландовъ, по ихъ преданію—еще въ 1524 году. Уже въ 1527 году въ Голландіи насчитывали трехъ мучениковъ за дѣло «братьевъ».

Значеніе Гофмана не въ томъ, что онъ ввелъ анабаптизмъ въ Нидерландахъ, а въ томъ, что онъ вселилъ въ баптистовъ мужество открыто выступить съ своими воззрѣніями. Онъ достигъ этого своимъ категорическимъ пророчествомъ, будто конецъ существующаго общества близокъ и катастрофа разразится въ 1533 году. Несомнѣнно, что успѣхъ его проповѣди былъ усиленъ эпидеміей и нуждой, господствовавшими съ 1529 г., а также демократическимъ движеніемъ въ сосѣдней нижней Германіи, особенно въ Вестфаліи.

Достойно вниманія, что новая секта мельхіоритовъ—названная такъ по имени Мельхіора Гофмана—не могла укрѣпиться экономически и политически въ болѣе развитыхъ провинціяхъ Фландріи и Брабантѣ. Государственная власть была тамъ слишкомъ сильна и хорошо централизована. Центръ тяжести движенія лежалъ въ городахъ сѣверныхъ провинцій, болѣе отсталыхъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, а поэтому сохранившихъ большую независимость; города эти были расположены въ Голландіи, Зеландіи и Фрисландѣ, т. е. въ провинціяхъ, которымъ позднѣе, въ противоположность Фландріи и Брабанту, удалось освободиться изъ-подъ испанскаго владычества. Главная община образовалась въ Амстердамѣ. Она не была запугана тѣмъ, что, по категорическому приказу императора, 5-го декабря 1531 года въ Гаагѣ были обезглавлены старшина общины, Янъ Фолькертсъ, и его восемь товарищей и что головы ихъ были посланы въ Амстердамъ,—гдѣ ихъ выставили въ кружокъ, воткнутыми на шесты, съ проповѣдникомъ, высоко поднятымъ посрединѣ, на показъ всѣмъ проходящимъ мимо этого возвышеннаго лобнаго мѣста кораблямъ (*Корнеліусъ*). Городскія власти смотрѣли на сектантовъ сквозь пальцы. Амстердамъ сталъ ихъ центромъ въ Нидерландахъ.

Едва число мельхіоритовъ стало увеличиваться, какъ между ними возникли два теченія. Само собой разумѣется, что въ наступленіе новаго Іерусалима, новаго общества они вѣрили всѣ; но какъ разъ наиболѣе

[1]) *А. Бронсъ*, Ursprung, Entwicklung und Schicksale der altevangelischen Taufgesinnten oder Mennoniten. Гарденъ. 1891, стр. 57.

практичные между ними неизбѣжно должны были понять, что этотъ новый строй не наступитъ самъ по себѣ, какимъ то чудомъ, а что, выражаясь современнымъ языкомъ, пролетаріатъ сможетъ освободить себя только самъ. Они заявляли, что съ врагами нужно бороться тѣми же самыми средствами, какими народъ былъ порабощенъ, т. е. *оружіемъ*; мечъ, вынутый безбожными изъ ноженъ и направленный ими противъ божьяго народа, долженъ быть обращенъ противъ самихъ же безбожниковъ.

Такъ училъ Янъ Матюсъ, булочникъ изъ Гаарлема, который первымъ выступилъ среди мельхіоритовъ на защиту идеи насильственнаго метода «Іоаннъ Матюсъ былъ первымъ, который отстаивалъ и требовалъ примѣненія меча и насилія противъ власти», заявилъ Іоганнъ Лейденскій передъ судьями; въ болѣе раннемъ признаніи онъ же сообщаетъ о расколѣ, происшедшемъ между Матюсомъ и Гофманомъ [1]. Проповѣдь Матюса рѣзко противорѣчила одному изъ важнѣйшихъ принциповъ стараго баптистскаго ученія, которое признавали всѣ теченія, несмотря на расхожденіе во многомъ другомъ. Но это ученіе было естественнымъ результатомъ хиліазма, для котораго преслѣдованіе въ Южной Германіи и Нидерландахъ создали неблагопріятную почву.

Тотъ, кто доводитъ до отчаянія цѣлый слой населенія, не долженъ удивляться, если люди, въ концѣ концовъ, берутся за оружіе. Даже самое робкое и миролюбивое животное защищаетъ свою жизнь, когда ему не остается ничего иного. Ученію же Матюса благопріятствовало въ Нидерландахъ еще то обстоятельство, что тамъ классовыя противорѣчія были гораздо болѣе обострены, чѣмъ на родинѣ баптизма, въ Швейцаріи. Въ Нидерландахъ между баптистами почти не было представителей высшихъ классовъ. Тамъ движеніе было чисто пролетарскимъ, т. е. движеніемъ такихъ элементовъ, которымъ нечего было терять кромѣ цѣпей. Это неизбѣжно повышало ихъ силу и способность къ сопротивленію.

Матюсу удалось укрѣпиться въ амстердамской общинѣ. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ и внѣ Амстердама, разсылая повсюду своихъ пословъ. Число его послѣдователей росло по мѣрѣ того, какъ пополнялись ряды мельхіоритовъ. Наиболѣе выдающимся изъ нихъ былъ вышеупомянутый *Іоганнъ Бокельсонъ Лейденскій*. Его мать, крѣпостная изъ Мюнстера, служила у старшины Бокеля въ Севенгагенѣ, близъ Лейдена, гдѣ у нея и родился отъ Бокеля сынъ, Іоганнъ (1509). Позднѣе она купила себѣ свободу, и тогда Бокель женился на ней. Въ Лейденѣ Іоганнъ изучилъ портняжное ремесло и получилъ скуд-

---

[1]) Berichte der Augenzeugen über das Münsterische Wiedertäuferreich. Изданы *Ц. У. Корнеліусомъ*, 2 Bd. der Geschichtsquellen des Bisthum Münster. Мюнстеръ, 1853, стр. 370, 399.

ное духовное образованіе, но его необычайное дарованіе позволило ему заполнить этотъ пробѣлъ. Уже въ раннемъ возрастѣ онъ заинтересовался вопросами, волновавшими тогда умы, и принималъ въ разрѣшеніи ихъ живѣйшее участіе. Особенно интересовалъ его коммунизмъ мечтателей, съ которымъ онъ познакомился, изучая сочиненія Мюнцера. Онъ расширилъ свой кругозоръ далекими странствованіями. Въ качествѣ портного подмастерья, онъ отправился въ Англію, гдѣ пробылъ четыре года, а также во Фландрію. По возвращеніи, онъ не сталъ заниматься своимъ ремесломъ, но, женившись на вдовѣ корабельщика, сдѣлался купцомъ. Въ качествѣ такового, онъ посѣтилъ Любекъ и Лиссабонъ. Не посчастливилось ли ему, или, быть можетъ, у него не было сметки дѣльца, но только онъ раззорился,—какъ разъ въ то время, когда въ Нидерландахъ появились баптисты. Тогда со всѣмъ пыломъ своего юнаго сердца онъ увлекся ученіемъ, уже давно привлекавшимъ его. Много видѣвшій и испытавшій, хотя еще не достигшій 25-ти лѣтняго возраста, онъ присоединился къ Іоганну Матюсу (ноябрь 1533 г.)

Обладая красивой наружностью, живостью, энтузіазмомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, онъ легко завоевывалъ сердца. Особенно характерна для него его жизнерадостность и любовь къ прекрасному, рѣзко выдѣлявшая его изъ среды его товарищей, зараженныхъ мрачнымъ пуританизмомъ. Эти качества отличаютъ его также отъ Томаса Мюнцера. Еще въ ранней юности онъ проявилъ поэтическое дарованіе. «Онъ писалъ также пьесы для театра, которыя, согласно принятому обычаю, ставилъ на театрѣ передъ публикой ради заработка»,—сообщаетъ Керссенброкъ; свою склонность къ театральному и пониманіе театральныхъ эффектовъ онъ обнаружилъ позднѣе въ Мюнстерѣ.

Тѣмъ не менѣе у Керссенброка мало основаній вышучивать Іоганна, называя его «портнымъ» и «театральнымъ королемъ». Повелители, покорнымъ слугой которыхъ былъ Керссенброкъ, дрожали передъ этимъ «портнымъ» и «театральнымъ королемъ», ибо диктаторъ Мюнстера, помимо уже отмѣченныхъ нами чертъ, обладалъ желѣзной силой воли и проницательнымъ умомъ, что дѣлало изъ него дѣйствительно страшнаго врага.

Еще прежде, чѣмъ Бокельсонъ примкнулъ къ Іоганну Матюсу, послѣдній уже стоялъ во главѣ нидерландскихъ мельхіоритовъ, ибо въ началѣ 1533 года Гофманъ оставилъ Нидерланды и возвратился въ Страсбургъ, ожидая близкаго наступленія грядущаго царства въ Новомъ Іерусалимѣ. Ему было предсказано, что онъ будетъ схваченъ, просидитъ полгода въ заключеніи, пока не придетъ освободитель. Первая часть пророчества скоро исполнилась. Уже въ маѣ совѣтъ города приказалъ арестовать его. Ожиданіе братьевъ достигло высшаго напряженія. Съ лихорадочнымъ на-

пряженіемъ ожидали они момента, который, наконецъ, навсегда положитъ предѣлъ всѣмъ ихъ терзаніямъ и нуждѣ.

Но дальнѣйшія части предсказанія никакъ не могли исполниться. 1533-ій годъ близился къ концу, а въ Страсбургѣ царствовало прежнее спокойствіе. Агитація Гофмана привела лишь къ тому, что городской совѣтъ выступилъ противъ анабаптистовъ съ крутыми мѣрами, послѣ чего отъ нихъ отпали всѣ сомнительные элементы. Съ тѣхъ поръ ихъ дѣло въ Страсбургѣ пошло на убыль. [1]) Но какъ разъ въ это время фанатическому энтузіазму «братьевъ» былъ сообщенъ толчокъ, который воспламенилъ ихъ, и подъ вліяніемъ котораго «во всѣхъ общинахъ мельхіоритовъ, разбросанныхъ въ Нидерландахъ, распространилась молва, будто Господь отвергъ Страсбургъ за его невѣріе и избралъ своимъ городомъ Мюнстеръ, который и будетъ Новымъ Іерусалимомъ» (*Корнеліусъ*).

Посмотримъ же, что происходило тѣмъ временемъ въ Мюнстерѣ.

VII. Взятіе Мюнстера.

Баптистскія и аналогичныя имъ тенденціи проявились въ Мюнстерѣ уже въ 1532 году. Втеченіе слѣдующаго года послѣ договора 14 февраля, ихъ рѣшимость, сила и число приверженцевъ быстро возрастали.

Въ совѣтѣ города произошелъ расколъ, такъ какъ выборы третьяго марта 1533 г. ввели въ совѣтъ цѣлый рядъ рѣзко демократическихъ представителей. Къ нимъ принадлежалъ даже одинъ изъ двухъ бургмистровъ, *Германъ Тильбекъ*,—патрицій по происхожденію, послѣдовательный демократъ по своему образу мыслей, позднѣе перешедшій вмѣстѣ съ наиболѣе радикальной частью буржуазной демократіи къ баптистамъ.

Въ гильдіяхъ царилъ такой же разбродъ, колебаніе и неувѣренность, какъ и въ городскомъ совѣтѣ. Онѣ знали, что епископъ и духовенство ждутъ лишь подходящаго случая, чтобы возвратить себѣ возможность эксплоатировать то, чѣмъ владѣли теперь онѣ. Но часть цеховой буржуазіи стала испытывать страхъ передъ неимущими, которые не желали считаться ни съ какими привилегіями, ни съ какимъ владѣніемъ не исключая и цеховыхъ. Возникалъ вопросъ, что представляетъ бо̀льшую опасность—масса или аристократія. Тѣ изъ буржуазныхъ демократовъ, которые больше боялись поповъ и аристократовъ остались вѣрны союзу съ пролетарскими элементами; остальные присоединились къ лютеранамъ и даже къ католикамъ, жившимъ въ городѣ, широкая же масса цеховыхъ эле-

[1]) Самому Гофману уже не пришлось вернуться на свободу. Онъ умеръ въ тюрьмѣ послѣ многолѣтняго заключенія.

ментовъ безпомощно колебалась между тѣми и другими, заботясь только о томъ, чтобы ни одна изъ партій не пересилила другую.

Всѣ эти обстоятельства вначалѣ весьма благопріятствовали баптистамъ, мѣшали городскому совѣту перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и баптисты не упускали возможности использовать благопріятныя обстоятельства. Ихъ пропагандистское усердіе не оставляло желать ничего большаго. Но число ихъ приверженцевъ увеличивалось не только благодаря приросту прозелитовъ, а, что весьма характерно, также благодаря наплыву эмигрантовъ,—вначалѣ изъ сосѣднихъ областей (прежде всего изъ Юликшена), а затѣмъ и издалека, особенно изъ Нидерландовъ. Пришельцы являлись сюда, отчасти скрываясь отъ преслѣдованій, отчасти же привлеченные жаждой подвиговъ, ибо въ Мюнстерѣ братья не только были въ большей безопасности, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но здѣсь имъ открывалась, также, возможность наиболѣе энергично дѣйствовать въ пользу дорогого дѣла. Эти эмигранты сыграли огромную роль во всѣхъ позднѣйшихъ событіяхъ, разыгравшихся въ Мюнстерѣ. Одинъ очевидецъ, Гресбекъ, приписываетъ имъ главную долю участія въ побѣдѣ анабаптизма и въ событіяхъ, происшедшихъ въ Мюнстерѣ при коммунистическомъ режимѣ. Онъ называетъ послѣдователей анабаптистовъ Мюнстера не иначе, какъ «голландцами и фризами» [1]).

Пришельцы принадлежали къ числу наиболѣе отважныхъ и дѣятельныхъ элементовъ партіи и дали баптистамъ Мюнстера сильную моральную и военную опору.

«Партія порядка»—такъ мы обозначимъ для краткости противниковъ баптистовъ, съ каждымъ днемъ таяла все больше и больше. Имущими овладѣлъ смертельный ужасъ, и всякій успѣхъ демократіи заставлялъ часть изъ нихъ спасаться бѣгствомъ.

Этотъ процессъ хорошо изображается въ католическомъ нижне-германскомъ поэтическомъ произведеніи, написанномъ въ 1534 году,—der Monstersche Ketzer Bichtboek». Въ немъ, между прочимъ, говорится (мы цитируемъ въ оригиналѣ, ибо въ переводѣ на современный языкъ стихи много потеряли бы):

---

[1]) Отсюда его дурные отзывы о голландцахъ: „Wan ein Hollender seven jair alt ist,—говоритъ онъ на своемъ нижне-германскомъ нарѣчіи,—so is hei up dem allerweisesten, als hei werden wil. It sint intgemein halve narren. („Когда голландцу исполнится семь лѣтъ, то онъ уже настолько уменъ, насколько можетъ быть умнымъ. Вообще же говоря, они на-половину дураки“). Berichte der Augenzeugen über das Münsterische Wiedertäuferreich, стр. 137.

„De geistlichen worden von allen weltlichen binnen Munster gehatet,
Darum hebben etlicke prälaten bi guten tiden uthgetagen und sick
nich verlatet.
De gilden mochten de junckeren of erfmans da binnen nich liden,
Darum hebben auck de erfmans sick uth der stat gegieven bi tiden.
De armen gildebroers hebben de riecken borger und rentners
verfolget,
Derhalven hebben de riecken borger den jonckern na gefolget.
Hadde de ene sick bi den anderen gehalden fast,
So weren wi alle nich gekommen in so grote last" [1]).

(Духовныхъ всѣ свѣтскіе люди въ Мюнстерѣ ненавидѣли,
Поэтому нѣкоторые прелаты, не довѣряясь имъ, заблаговременно
убрались.
Гильдіи не выносили юнкеровъ и землевладѣльцевъ,
А поэтому и землевладѣльцы заблаговременно оставили городъ.
Бѣдные гильдейцы преслѣдовали богачей и заимодавцевъ,
Потому и заимодавцы послѣдовали за юнкерами.
Если бы каждый крѣпко держался другъ друга,
То мы всѣ не очутились бы въ такой бѣдѣ).

Поэтъ проповѣдывалъ очень дешевую мудрость. Несомнѣнно, что всякое хотя бы и проходящее самостоятельное движеніе пролетаріата было бы невозможно—какъ оно невозможно и теперь въ большинствѣ странъ,—если бы имущіе дѣйствовали дружно. Но, къ счастью для пролетаріата, представители имущихъ распадаются на различные классы съ различными и часто противоположными интересами, классовая борьба между имущими всегда являлась до сихъ поръ важнымъ моментомъ въ исторіи развитія пролетаріата. Правда, какъ только пролетаріатъ становился опаснымъ, то имущіе классы немедленно обнаруживали склонность сплачиваться въ «единую реакціонную массу». Но приэтомъ каждый изъ этихъ классовъ стремился извлечь для себя особую, спеціальную выгоду, и, несмотря на свою объединенную дѣятельность, каждый изъ союзниковъ не могъ преодолѣть извѣстнаго недовѣрія другъ къ другу: разъ каждый стремился обмануть, то естественно, что всякій изъ нихъ боялся быть обманутымъ. Даже тогда, когда Мюнстеръ попалъ въ руки баптистовъ, всѣ ихъ враги лишь съ трудомъ сплотились въ единую массу.

Но по мѣрѣ того, какъ формировалась партія порядка, болѣе рѣшительные буржуазно-демократическіе элементы, предводительствуемые Ротманомъ и Книппердоллинкомъ, чувствовали себя вынужденными тѣснѣе примкнуть къ пролетарскимъ элементамъ. Они перешли на сторону анабаптизма. Ротманъ боролся съ анабаптизмомъ еще въ 1532 году, будучи

[1]) Выдержки изъ этого стихотворенія приведены у *Корнеліуса*, Münsterischer Aufruhr, II, стр. 179.

цвингліанцемъ. Но 6-го сентября того же года онъ писалъ Бушу: «Мнѣ уже пришлось дѣйствовать вмѣстѣ съ анабаптистами, которые, правда, оставили насъ на нѣкоторое время, но угрожали, что возвратятся еще съ большими силами. Но разъ Богъ съ нами, то кто же можетъ быть противъ насъ?» [1])

Въ маѣ слѣдующаго года Ротманъ уже объявилъ себя противникомъ крещенія дѣтей.

Городской совѣтъ пытался смирить баптистовъ духовнымъ оружіемъ. Онъ побудилъ Меланхтона написать письмо Ротману, дабы обратить его на путь истинной вѣры. Когда ни это письмо, ни другое, аналогичное первому, не дали положительныхъ результатовъ, совѣтъ назначилъ на 7 и 8 августа 1533 года диспутъ, который, разумѣется, не переубѣдилъ баптистовъ, а скорѣе придалъ имъ энергіи.

Послѣ этого совѣтъ города сталъ на путь болѣе крутыхъ мѣръ. Къ баптистамъ присоединился цѣлый рядъ городскихъ проповѣдниковъ. Городской совѣтъ пригрозилъ имъ въ сентябрѣ лишеніемъ должности и изгнаніемъ, если они и впредь будутъ отказываться крестить дѣтей. Но они отвѣтили (17 сентября), что Бога надлежитъ больше слушаться, чѣмъ людей. Тогда совѣтъ попытался привести въ исполненіе свою угрозу. Прежде всего былъ устраненъ отъ должности проповѣдникъ церкви Ламберта, Ротманъ. Но поведеніе общины было настолько угрожающимъ, что въ октябрѣ городской совѣтъ предоставилъ Ротману мѣсто въ другой церкви. Баптисты одержали свою первую побѣду.

Вторая проба силы произошла въ началѣ ноября. Теперь совѣтъ попытался сплотить вокругъ себя «реакціонную массу». Онъ созвалъ на общее совѣщаніе гильдейскихъ мастеровъ и католическихъ патриціевъ, дабы обсудить, какимъ образомъ можно справиться съ баптистами. На этомъ совѣщаніи было рѣшено, что необходимо совершить насильственный переворотъ, и, притомъ, не позднѣе слѣдующаго дня.

Сторонники порядка собрались вооруженными и прежде всего попытались захватить баптистскихъ проповѣдниковъ; но тогда нѣкоторые крайніе реакціонеры, повидимому католики, потребовали, чтобы вмѣстѣ съ проповѣдниками были изгнаны изъ города также и демократическіе члены городского совѣта, симпатизировавшіе баптистамъ, въ томъ числѣ, и прежде всего, бургомистръ Тильбекъ. За день передъ тѣмъ объ этомъ не было и рѣчи. Умѣренные элементы партіи порядка стали упорствовать, такъ какъ уже перестали довѣрять своимъ союзникамъ. Тѣмъ временемъ баптисты собрались и укрѣпились во дворѣ церкви Ламберта; ихъ враги не рискнули

[1]) Цит. у *Керссенброка*, I, стр. 153.

напасть на нихъ въ этомъ мѣстѣ. На слѣдующій день городской совѣтъ вступилъ съ ними въ переговоры и дѣло, начатое съ тѣмъ, чтобы разсѣять баптистовъ, закончилось незначительными уступками, которыя имъ пришлось сдѣлать. Нѣкоторые изъ баптистскихъ проповѣдниковъ уѣхали изъ города; Ротманъ принужденъ былъ прекратить проповѣди, но остался въ Мюнстерѣ. Публичная пропаганда была баптистамъ запрещена, но пришлось примириться съ ихъ пребываніемъ въ городѣ. Такимъ образомъ изъ второго, еще болѣе опаснаго столкновенія анабаптисты снова вышли окрѣпшими.

«Хотя—сообщаетъ Керссенброикъ—Ротману, согласно договору 6-го ноября, было запрещено публично проповѣдывать, онъ не прекратилъ своей дѣятельности, и сперва проповѣдывалъ тайно, въ ночное время, а затѣмъ, когда число его сторонниковъ увеличилось, сталъ произносить рѣчи и днемъ въ домахъ нѣкоторыхъ горожанъ-баптистовъ. Время проповѣди возвѣщалось ружейнымъ выстрѣломъ, и на собранія пропускались исключительно зараженные духомъ анабаптизма». (I., стр. 353).

Наряду съ этой устной пропагандой велась также пропаганда при посредствѣ печатныхъ листковъ. Въ домѣ Ротмана была сооружена тайная типографія, впослѣдствіи открытая властями.

Было приступлено также къ осуществленію коммунизма на практикѣ. Богатые «братья» «принесли всѣ свои деньги къ ногамъ Ротмана, разорвали и сожгли всѣ заемныя письма, которыя у нихъ были и простили своимъ должникамъ всѣ ихъ долги; и это сдѣлали не только мужчины, но и женщины которыя, вообще говоря, не отличаются расточительностью Такъ напримѣръ, жена Браунштейна, теща Книппердоллинга, женщина очень богатая, была настолько увлечена духомъ божіимъ, что возвратила своимъ должникамъ всѣ ихъ заемныя письма вмѣстѣ съ уже взысканными процентами» [1]).

Такой беззавѣтный энтузіазмъ, конечно, увлекъ за собой массу. Вскорѣ баптисты были настолько сильны, что уже могли открыто выступить противъ своихъ враговъ. 8-го декабря кузнечный подмастерье Іоганнъ Шредеръ сталъ публично проповѣдывать баптистское ученіе. 15 декабря городской совѣтъ далъ приказъ объ его арестѣ, но кузнечный цехъ собрался, направился къ дому городского совѣта и принудилъ освободить арестованнаго. Ротманъ былъ изгнанъ, но продолжалъ спокойно проживать въ городѣ. Къ концу этого года въ Мюнстеръ возвратились въ ноябрѣ изгнанные ранѣе проповѣдники. 15-го января 1534 года городской совѣтъ изгналъ ихъ снова. Городская стража вывела ихъ въ одни

¹) *Керссенброикъ*, I., стр. 455.

ворота, но братья ввели ихъ обратно черезъ другія, и совѣтъ безсиленъ былъ помѣшать этому. Баптисты стали фактическими господами положенія въ городѣ.

Не удивительно, если братья повсемѣстно признали, что Страсбургъ отвергнутъ Богомъ и новый Сіонъ будетъ учрежденъ въ Мюнстерѣ. Центръ баптистскаго движенія—на современномъ языкѣ «руководство партіей»—былъ перенесенъ съ сѣвера, изъ Амстердама, въ Мюнстеръ. Іоганнъ Матюсъ, новый пророкъ и наслѣдникъ Гофмана въ руководительствѣ мельхіоритами, послалъ туда въ началѣ января цѣлый рядъ своихъ пословъ въ томъ числѣ Іоанна Бокельсона Лейденскаго, который прибылъ въ Мюнстеръ 13-го января. Въ февралѣ мы находимъ тамъ и самого Матюса.

Партія порядка была преисполнена отчаянія. Она видѣла передъ собой лишь *одну* возможность задержать наростающую волну коммунистическаго движенія: она бросилась въ объятія епископа и предала ему городскую свободу, поступокъ, который въ то время былъ равносиленъ измѣнѣ отечеству.

Епископъ Францъ съ самаго начала считалъ торжественный договоръ съ городомъ, въ которомъ онъ обезпечивалъ ему свободу исповѣданія, ничего не стоющимъ клочкомъ бумаги, который надлежало разорвать при первомъ подходящемъ случаѣ. Чѣмъ болѣе демократическимъ становился городъ, тѣмъ болѣе охватывало его желаніе порвать договоръ. Уже въ декабрѣ 1523 года онъ началъ вооружаться, чтобы напасть на демократію Мюнстера и раздавить ее. Предательское поведеніе партіи порядка было ему весьма на-руку.

«Когда мой всемилостивѣйшій повелитель Мюнстера—пишетъ Гресбекъ—увидѣлъ, что анабаптисты въ городѣ Мюнстерѣ не желаютъ подчиняться и не просятъ у епископа милости, то онъ вошелъ въ соглашеніе съ совѣтомъ города Мюнстера и частью другихъ горожанъ, несочувствовавшихъ анабаптизму, и условился съ ними, что они откроютъ епископу Мюнстера двое воротъ: ворота нашей Пресвятой Матери и ворота Еврейскихъ Полей. Такъ, епископу были открыты ворота и онъ ввелъ въ городъ двѣ-три тысячи крестьянъ и часть всадниковъ, благодаря чему мой всемилостивѣйшій повелитель завладѣлъ городомъ Мюнстеромъ» [1]).

Это произошло 10 февраля. Къ епископскимъ всадникамъ, предательски напавшимъ на мирный городъ, присоединились и «благонамѣренные» граждане, которые поджидали ихъ и уже носили оружіе подъ одеждами. По предварительному сговору, они повѣсили на своихъ домахъ соломенные вѣнки, дабы ожидаемый разгромъ пощадилъ ихъ имущество.

[1]) Berichte der Augenzeugen, стр. 14—15.

Заговорщикамъ вначалѣ повезло; имъ удалось захватить и посадить въ тюрьму Книппердоллинка и нѣкоторыхъ другихъ анабаптистовъ [1]).

Но застигнутые врасплохъ баптисты быстро оправились и доказали, что въ нихъ живетъ воинственный духъ Іоганна Матюса: въ завязавшейся уличной борьбѣ они побѣдили. Епископскія войска отступили, послѣ чего завязались переговоры; былъ заключенъ договоръ, причемъ «благодаря своему уму и ловкости они (баптисты) изгнали изъ города крестьянъ и всадниковъ». (Гресбекъ). Предательство обратилось противъ самихъ же предателей и привело къ тому, что городъ, морально уже принадлежавшій баптистамъ, сталъ принадлежать имъ и въ военномъ отношеніи. Они завоевали Мюнстеръ, не наступая, а защищаясь.

Событія 10 февраля имѣли двоякія послѣдствія. Между городомъ и епископомъ завязалась вооруженная борьба. 23 февраля Францъ со своими войсками вступилъ въ Тельгтъ, намѣреваясь начать осаду. Въ тотъ же самый день въ Мюнстерѣ произошли предписанные закономъ выборы магистрата; безъ малѣйшаго нарушенія избирательнаго закона, баптистамъ удалось провести въ магистратъ своихъ сторонниковъ. Книппердоллинкъ и суконщикъ Киппенброикъ, уже неоднократно отличившіеся въ борьбѣ за торжество баптизма, были избраны бургомистрами Мюнстера. Вожаки движенія *законнымъ путемъ* добились верховной власти и столица Вестфаліи лежала у ногъ новыхъ пророковъ» (*Келлеръ*).

ГЛАВА IX.

Новый Іерусалимъ.

а) Источники.

Съ этого момента, согласно обычнымъ изображеніямъ буржуазныхъ историковъ, началась безумная оргія похоти и кровожадности. Такъ неизмѣнно изображали мюнстеровскую «коммуну» со времени ея возникновенія, такъ изображаютъ ее и въ наши дни. «Послѣ того, какъ они захватили городъ—писалъ епископъ Францъ въ оффиціальномъ отчетѣ—они упразднили всякій божественный христіанскій порядокъ и право, духовное и свѣтское управленіе, полицію и зажили «скотской жизнью».

[1]) „Книппердоллинкъ лежалъ въ тюрьмѣ и ревѣлъ такъ, какъ ревутъ обыкновенно быки", сообщаетъ Гресбекъ.

Съ своей стороны новѣйшій ученый крушитель соціалъдемократіи, анонимный авторъ «Schlaraffia politica» [1]), сообщаетъ съ ужасомъ: «Мюнстеръ сталъ ареной гнуснѣйшаго *разврата* и самыхъ кровавыхъ избіеній... Такъ было основано царство, осуществлявшее на практикѣ коммунизмъ и полигамію, царство, въ которомъ безобразно сочетались духовная гордыня и плотское вожделѣніе, благочестивое униженіе и самопожертвованіе *съ самой кровожадной грубостью и съ самымъ низменнымъ сластолюбіемъ*. Знающій исторію этого движенія, не станетъ считать преувеличенными такія описанія, какъ «Himmel auf Erden» Грегоровіуса, въ которыхъ сообщаются поразительные мерзости и ужасы• *Позорныя дѣянія*, жертвами которыхъ были женщины Мюнстера, *нероновы излишества* и жестокости Іоанна Лейденскаго съ его сотоварищами служатъ тому исторической иллюстраціей». Но благочестивый авторъ вмѣстѣ съ Сюдромъ, его предшественникомъ по написанію исторіи соціализма, все же полагаетъ, что «анабаптисты вѣрили въ Бога и въ безсмертіе. «Продолжатели ихъ ученія въ наше время присоединяютъ ко всѣмъ ихъ заблужденіямъ еще и отрицаніе Божества съ предикатами Его, и толкаютъ человѣка въ пучину грубаго матеріализма. Когда взвѣсишь все это, то начинаешь понимать, чего можно ожидать отъ осуществленія современныхъ утопій. *Несомнѣнно, что сатурналіи Мюнстера были бы теперь превзойдены* (стр. 68—70).

Въ такомъ духѣ изображаютъ мюнстерскую «коммуну» *всѣ* буржуазные историки.

Заключительныя слова цитированнаго отрывка анонимнаго истребителя соціалистовъ обнаруживаютъ намъ всю его подоплеку! По отношенію къ коммунистамъ Мюнстера буржуазнымъ лѣтописцамъ никогда не удавалось сохранить безпристрастія. Какъ во времена существованія коммуны, такъ и до нашихъ дней, на нихъ смотрятъ не какъ на объектъ научнаго изслѣдованія, но какъ на заклятыхъ враговъ, раздавленныхъ физически, но еще недостаточно погубленныхъ морально; въ ихъ лицѣ стремятся нанести ударъ и современной соціалъдемократіи.

Но съ точки зрѣнія научнаго соціализма представляется вполнѣ возможнымъ подойти къ мюнстеровской общинѣ безъ всякой предвзятости и даже объективнѣе, чѣмъ къ большинству коммунистическихъ организацій, существовавшихъ до нея. Еретическій коммунизмъ, равно и анабаптистскій, кореннымъ образомъ отличаются отъ современнаго соціализма; мы знаемъ, также, что новый Іерусалимъ въ Мюнстерѣ не типиченъ даже для самаго

[1]) Schlaraffia politica, Geschichte der Dichtungen vom besten Staat. Лейпцигъ. 1892. Пошлая, столь же лживая, какъ и грубая, отовсюду понахватанная компиляція.

анабаптизма, не говоря уже о коммунизмѣ вообще. Если кто либо пожелаетъ сдѣлать изъ быта анабаптистовъ въ Мюнстерѣ тотъ выводъ, что коммунизмъ неизбѣжно ведетъ къ жестокости и кровожадности, то такой попыткѣ мы можемъ противопоставить примѣръ самихъ анабаптистовъ: тамъ, гдѣ анабаптистамъ позволяли мирно развиваться, напримѣръ въ Моравіи, ни о кровожадности, ни о жестокости ихъ не могло быть и рѣчи.

Съ точки зрѣнія современнаго соціализма, къ коммунистическому царству въ Мюнстерѣ можно подойти съ полнымъ сознаніемъ того, что каковъ бы ни былъ нашъ окончательный приговоръ,—стремленіе современныхъ соціалистовъ нисколько не могутъ быть затронуты имъ. По отношенію къ коммунистамъ Мюнстера мы *ощущаемъ* лишь *одну* потребность,—*понять ихъ и узнать объ нихъ всю правду.*

Сдѣлать эти предварительныя замѣчанія мы считаемъ необходимымъ.

Всѣ до сихъ поръ описанныя явленія коммунизма находили себѣ по крайней мѣрѣ одного или нѣсколькихъ, хотя и немногихъ, буржуазныхъ историковъ, дававшихъ имъ безпристрастную оцѣнку: такъ поступилъ по отношенію къ Томасу Мюнцеру (мы назовемъ нѣсколько примѣровъ, болѣе близкихъ къ исторіи Мюнстера) *Циммерманъ*, а по отношенію къ южногерманскимъ и моравскимъ анабаптистамъ—*Келлеръ*, *Бекъ*, *Лозертъ* и др. Это объясняется, очевидно, тѣмъ, что всѣ эти явленія изъ исторіи коммунизма или носили крайне безобидный и мирный характеръ, или же сопутствовали буржуазно-демократическому движенію, дѣйствуя въ союзѣ съ нимъ. Такъ, напримѣръ, Мюнцеръ черпалъ свою силу и свое вліяніе, главнымъ образомъ, изъ борьбы съ княжеской властью. Въ качествѣ коммуниста, онъ достигъ немногаго, какъ свидѣтельствуютъ событія въ Мюльгаузенѣ. Наоборотъ, *въ Мюнстерѣ коммунизмъ выступаетъ—впервые въ исторіи—въ качествѣ самостоятельной господствующей революціонной силы.* Передъ этимъ явленіемъ буржуазное безпристрастіе пасуетъ, а между тѣмъ именно въ данномъ случаѣ научное безпристрастіе было бы наиболѣе умѣстно, въ виду сомнительнаго качества источниковъ, по которымъ изображается исторія Мюнстера.

Послѣ рѣшительной побѣды баптистовъ 10 февраля Мюнстеръ представлялъ собою вооруженный, отрѣзанный отъ міра городъ. Когда онъ былъ завоеванъ,—почти все населеніе его было перебито. Ни одинъ представитель баптизма не миновалъ кровавой бани, ни одинъ изъ нихъ не могъ сообщать въ письменной формѣ о событіяхъ, происходившихъ въ городѣ за время его осады. *Всѣ изображенія этихъ событій даны врагами анабаптистовъ.* Но стоитъ только припомнить, какую безстыдную ложь распространили нѣкогда о парижской коммунѣ и какъ еще до сихъ поръ повсюду лгутъ на соціалдемократію, несмотря на то, что

она обладаетъ обширной прессой и парламентскими представителями, которые могутъ публично выступить противъ всякой лжи и клеветы,—если вспомнить все это, то можно себѣ представить, какого довѣрія заслуживаютъ дошедшіе до насъ сообщенія «о мятежѣ въ Мюнстерѣ».

Познакомимся съ тремя главнѣйшими источниками. Немедленно послѣ паденія Мюнстера появилось сочиненіе «Wahrhaftige historie, wie das Evangelium zu Münster angefangen und darnach, durch die Widderteuffer verstöret, widder aufgehört hat. Dartzu die gantze handlung derselbigen *buben* vom anfang bis zum ende, beides in geistlichen und weltlichen Stücken, vleissig beschrieben durch Henricum Dorpium Monasteriensem. 1536». «Правдивая исторія о томъ, какъ въ Мюнстерѣ зародилось евангелическое ученіе, а потомъ, уничтоженное анабаптистами, снова угасло. Къ сему прилагается и изображеніе всей дѣятельности этихъ *злодѣевъ*, сначала до конца,—все по духовнымъ и свѣтскимъ документамъ, прилежно переписаннымъ Генрихомъ Дорпіемъ Монастыряниномъ» (1536). Въ главѣ «Объ источникахъ по исторіи возстанія въ Мюнстерѣ», представляющихъ собою введеніе къ изданнымъ Корнеліусомъ «Berichten der Augenzeugen», издатель характеризуетъ это сочиненіе слѣдующимъ образомъ: «Оно представляетъ собой «*партійное произведеніе*», напечатанное въ Виттенбергѣ и снабженное предисловіемъ главнаго помощника и посла Лютера въ Нижней Германіи, Іоганна Бугенгагена... Цѣль книги—изобразить воочію полное моральное пораженіе противника, *и использовать его въ собственныхъ партійныхъ интересахъ* (стр. 16. 17). Уже самое заглавіе книги содержитъ въ себѣ злостную клевету. Корнеліусъ отмѣчаетъ, что авторъ этой книги, если только онъ дѣйствительно называется Дорпіусомъ, былъ родомъ не изъ Мюнстера, вопреки его собственному утвержденію, и что онъ «говоритъ неправду, когда заявляетъ въ своей книгѣ, будто онъ лично былъ въ Мюнстерѣ и передалъ все по собственнымъ наблюденіямъ, сообщивъ то, что говорилъ человѣкъ, доставлявшій ему свѣдѣнія» (стр. 11, 12). Такимъ образомъ, авторъ не болѣе, какъ лгунъ, «на книгу котораго нельзя смотрѣть какъ на правдивое и удовлетворительное изложеніе хода всѣхъ событій [1]).

[1]) Протестантъ Газе старается обѣлить Дорпіуса, парируя упреки со стороны католика Корнеліуса. Но намъ кажется, что это ему не удается (Heilige und Propheten. Лейпцигъ, 1892, II, стр. 291 и сл.). Тѣмъ не менѣе, изображеніе анабаптистскаго царства, данное Газе, наряду съ неоднократно цитированнымъ выше, принадлежащимъ Келлеру, относится къ числу сравнительно лучшихъ изъ всѣхъ, написанныхъ буржуазными историками. Классическая работа Корнеліуса о возстаніи въ Мюнстерѣ осталась, къ сожалѣнію, неоконченной и прерывается какъ разъ на моментѣ взятія Мюнстера баптистами.

Несравненно серьезнѣе уже неоднократно цитировавшееся нами произведенiе Керсcенброика объ анабаптистахъ Мюнстера. Латинскiй оригиналъ его сохранился лишь въ рукописи; когда въ 1573 году его хотѣли напечатать, то городской совѣтъ Мюнстера запретилъ печатанiе. Сочиненiе дошло до насъ лишь въ копiяхъ. Въ 1771 году появился переводъ его, которымъ мы и пользовались. Керсcенброикъ родился въ 1520 году; до 1534 года, когда мюнстерскiе анабаптисты одержали побѣду, онъ служилъ въ соборной школѣ, а позднѣе, съ 1550 по 1575, былъ ректоромъ этой школы. Занимая эту должность, онъ написалъ свою исторiю возстанiя, которая цѣнна обилiемъ документовъ, приведенныхъ въ ней. Но авторъ чуждъ критическаго отношенiя къ источникамъ и легковѣренъ и, сверхъ того, крайне зараженъ партiйностью. Достаточно указать на одно мѣсто изъ его предисловiя, въ которомъ онъ заявляетъ, будто онъ писалъ не изъ честолюбiя, но «чтобы послужить отечеству и потомству, дабы не были забыты блестящiе подвиги, совершенные высокопочтеннымъ, возлюбленнымъ во Христѣ графомъ и господиномъ Францемъ, этимъ праведнымъ епископомъ мюнстерской церкви и отпрыскомъ древняго графскаго рода Вальдековъ,—подвиги, направленные на полное искорененiе самаго жестокаго и позорнаго еретическаго ученiя. Я сообщаю мiру эту исторiю и для того, *чтобы всѣ праведные... могли избѣгать отвратительныхъ и позорныхъ дѣянiй анабаптистовъ и презирали бы ихъ»*. Такимъ образомъ, изъ его собственныхъ словъ явствуетъ, что цѣлью его было не объективное изложенiе, но желанiе возвеличить епископа и унизить анабаптистовъ. Соотвѣтственно этому епископъ превозносится гдѣ только возможно, а все, что могло бы бросить на него тѣнь, замалчивается. Но за то авторъ жадно подхватываетъ всякую жалкую сплетню объ анабаптистахъ, если только она можетъ повредить имъ, беретъ ее на вѣру, а зачастую приводитъ въ еще болѣе преувеличенномъ видѣ.

Приводимъ лишь одинъ примѣръ. Онъ сообщаетъ: «Около этого времени (начало февраля) пророкъ Iоганнъ Матюсъ крайне сластолюбивый человѣкъ созвалъ въ ночное время анабаптистовъ обоего пола въ довольно помѣстительный домъ Книппердоллинка. Когда всѣ были въ сборѣ, то пророкъ сталъ посреди дома, подъ (передъ?) мѣднымъ свѣтильникомъ, прикрѣпленнымъ къ полу, съ тремя зажженными свѣчами, обратился къ стоящимъ вокругъ съ поученiемъ и своимъ пророческимъ словомъ раздулъ тлѣвшiй въ сердцахъ многихъ огонь въ жаркое пламя. Затѣмъ онъ пояснялъ I-ю главу I-й книги Моисея и когда дошелъ до 28-го стиха и прочиталъ: «Плодитесь, размножайтесь и населяйте землю», то огни были загашены. Какiя позорныя дѣянiя начали совершать послѣ этого, видно изъ того, что самого пророка нашли однажды въ объятiяхъ дѣвушки, ле-

жащимъ въ непристойной позѣ. Эти сборища они называли огненнымъ крещеніемъ. *И это не выдумка.* Ибо когда въ городѣ повсюду настойчиво говорили объ огненномъ крещеніи, но никто не зналъ, въ чемъ оно заключается, то одна женщина согласилась, за небольшой подарокъ, данный моимъ хозяиномъ, Весселингомъ, разузнать, въ чемъ дѣло. Эта женщина разузнала пароль анабаптистовъ и прокралась въ упомянутый домъ, убѣдилась во всемъ собственными глазами и передала намъ видѣнное». (I., стр. 504). Такое свидѣтельство вполнѣ удовлетворяетъ простодушнаго ректора и онъ увѣряетъ насъ, что его разсказъ объ огненномъ крещеніи не выдумка! Подумайте только: какая то горничная, желая получить на-чай, сообщаетъ своему хозяину, у котораго Керссенброикъ жилъ 14-ти лѣтнимъ юношей нѣкую исторію. Юноша записываетъ разсказъ 50 лѣтъ спустя по памяти, а затѣмъ требуетъ отъ насъ, на основаніи такого «достовѣрнаго» свидѣтельства, полнаго довѣрія къ описанію такихъ происшествій, мѣсто которымъ развѣ только въ какомъ нибудь публичномъ домѣ. Но «добросовѣстные» историки переписываютъ эти бабьи сплетни—подчасъ даже еще худшія—и переписываютъ съ большой тщательностью, ибо они полагаютъ, что такими «научными» пріемами можно нанести смертельный ударъ коммунизму!

Что анабаптисты Мюнстера въ особомъ сочиненіи признали такого рода обвиненіе «выдуманными» и «ложными»—къ этому мы еще возвратимся,—этого, повидимому, никто изъ нихъ не замѣчаетъ, какъ не замѣчаютъ они и того, что въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Керссенброикъ самъ превозноситъ пуританизмъ анабаптистовъ.

«Тогда (послѣ перехода на сторону баптистовъ) Ротманъ, взявшись проповѣдывать ученіе анабаптистовъ, усвоилъ себѣ совершенно иные нравы и обнаруживалъ гораздо больше богобоязненности и святости, чѣмъ раньше. Онъ отказался отъ всякихъ пиршествъ, всякаго плотскаго общенія съ представительницами другого пола, словомъ, отъ всего, что могло бы навлечь на него подозрѣніе въ легкомысліи... Дабы его ученіе согласовалось съ такими нравами и дабы побудить народъ къ дѣламъ милосердія, онъ говорилъ во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ, что надо жить скромно, пользоваться благопріобрѣтеннымъ имуществомъ совмѣстно, оказывать другъ другу услуги и т. п.» (I., стр. 429). Это изображеніе вполнѣ отвѣчаетъ уже знакомому намъ облику типичнаго анабаптиста или еретическаго коммуниста; оно вполнѣ правдиво,—но какимъ образомъ согласовать его съ вышеупомянутыми сообщеніями объ оргіяхъ!

Анонимныя бабьи сплетни, очевидно, особенно импонировали Керссенброику, ибо онъ ссылается на нихъ вполнѣ опредѣленно въ доказательство того, что онъ не сообщаетъ чего либо выдуманнаго; впрочемъ, это одинъ

изъ немногихъ случаевъ, когда онъ считаетъ нужнымъ разсказать намъ объ источникѣ своихъ знаній. Обыкновенно онъ не называетъ никакихъ источникокъ, такъ какъ, повидимому, большинство изъ нихъ носитъ на себѣ слѣды еще болѣе темнаго происхожденія!

Неизмѣримо болѣе важный источникъ объ анабаптистской коммунѣ представляетъ собою уже нѣсколько разъ цитированный нами разсказъ Грессбека [1]).

Грессбекъ, столяръ изъ Мюнстера, возвратился въ свой родной городъ въ февралѣ 1534 года (онъ покинулъ его въ 1530 году) и примкнулъ къ баптистамъ. Онъ проживалъ въ городѣ до 23 мая 1535 года, что давало ему возможность сообщить о главнѣйшихъ событіяхъ, происходившихъ тамъ, по собственнымъ наблюденіямъ. Но онъ писалъ свою книгу черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ разгрома анабаптистской коммуны,—повидимому, лѣтъ черезъ восемь-девять,—и писалъ исключительно по памяти, не пользуясь пособіями или замѣтками. Благодаря этому онъ нерѣдко перепутываетъ событія. Кромѣ того, правдивость его изложенія омрачается однимъ существеннымъ обстоятельствомъ: Грессбекъ былъ именно тѣмъ человѣкомъ, *который предалъ Мюнстеръ* и ввелъ въ городъ ландскнехтовъ епископа. Естественно, что онъ ненавидитъ преданныхъ имъ людей и своихъ бывшихъ товарищей еще больше, чѣмъ ненавидятъ ихъ открытые враги. Онъ говоритъ объ нихъ не иначе, какъ о «злодѣяхъ и негодяяхъ». Такова уже манера всѣхъ ренегатовъ и предателей. Совершенно естественно также, что Грессбекъ старается изобразить дѣло такъ, будто онъ прибылъ въ Мюнстеръ въ февралѣ совершенно случайно,—хотя всему міру было извѣстно, что городъ принадлежитъ баптистамъ, [2])—и примкнулъ къ нимъ лишь подъ вліяніемъ террора. Разумѣется, онъ изображаетъ режимъ террора, сгущая краски, елико возможно. Этимъ Грессбекъ достигаетъ не только того, что снимаетъ всякую вину съ самого себя, но и предательство его пріобрѣтаетъ характеръ чего то въ высшей степени похвальнаго.

Таковы главнѣйшіе источники для изученія событій, происшедшихъ въ Мюнстерѣ. Пользоваться ими можно, очевидно, лишь съ величайшей осто-

---

[1]) „Summarische ertzelungk und bericht der Wiederdope und wat sich ibnnen der stat Münster in Westphalen zugetragen im jair MDXXXV". На значеніе этой книги, дошедшей до насъ въ нѣсколькихъ копіяхъ, указалъ впервые Корнеліусъ, который и перепечаталъ ее въ упоминавшихся выше „Berichten der Augenzeugen über das Münsterische Wiedertäuferreich", содержаніе которыхъ она главнымъ образомъ и передаетъ.

[2]) Въ одномъ изъ писемъ, написанныхъ имъ во время осады, онъ самъ признаетъ, что мать его господина предупреждала его не ѣхать въ Мюнстеръ, ибо онъ крестится тамъ (стр. 323).

*

рожностью. Но они попали въ руки такихъ историковъ, которые заранѣе считали доказаннымъ то, что еще стремятся доказать эти источники, а именно, что коммунизмъ съ естественной необходимостью приводитъ къ безумію и беззаконію. Неудивительно, если такіе историки изображаютъ царство анабаптистовъ въ видѣ чего то совершенно нелѣпаго: это не только смѣсь всякой мерзости и пошлости, но смѣсь безсмысленной, безцѣльной мерзости и пошлости.

Но, всеже, перечисленные нами источники даютъ возможность понять возстаніе анабаптистовъ въ Мюнстерѣ, если подойти къ нимъ критически, сопоставить ихъ со скудными обрывками другихъ свидѣтельствъ того времени и если не упускать изъ виду, съ одной стороны, всего характера еретическаго коммунизма, а, съ другой стороны, исключительныхъ обстоятельствъ, господствовавшихъ въ Мюнстерѣ.

б) Терроръ.

Прежде всего мы не должны забывать, что въ Мюнстерѣ было объявлено военное положеніе съ того самаго дня (10 февраля), когда епископъ приступилъ къ осадѣ. Это обстоятельство считается, повидимому, совершенно маловажнымъ. Чѣмъ объяснить иначе, что «правдивые» историки, обнаруживающіе такъ много остроумія даже въ мелочахъ, если, по ихъ мнѣнію, онѣ имѣли вліяніе на часто совершенно незначущія дѣйствія того или иного монарха, систематически забываютъ считаться съ такимъ факторомъ, какъ военное положеніе всякій разъ, когда они говорятъ о дѣятельности демократической или коммунистической общины, борющейся за свое существованіе. Стоитъ только прочесть обычныя буржуазныя описанія возстанія парижской коммуны 1871 года, или же періода террора во время великой французской революціи.

То же самое произошло и съ анабаптистами Мюнстера. Кто хочетъ понять ихъ, тотъ не станетъ примѣнять къ ихъ общинѣ масштабъ мирнаго положенія, а, наоборотъ, будетъ помнить, что мы имѣемъ дѣло съ *осажденнымъ городомъ* и осажденнымъ при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Мюнстерцы не пользовались покровительствомъ обычнаго военнаго права; на почетную капитуляцію они не могли разсчитывать. Осажденные могли только выбирать между побѣдой или же мученической смертью. По отношенію къ возставшимъ даже самое жестокое наказаніе представлялось слишкомъ мягкимъ. Со стороны князей, какъ выражался

Лютеръ, это была услуга, продиктованная чувствомъ любви [1]). Еслибы бунтовщики поняли послѣдствія, вытекающія изъ кровожадности князей, то тогда ясно обнаружилось бы, къ какимъ ужасамъ приводитъ... свобода и равенство. Такова логика «свѣточей науки».

Наряду съ этимъ исключительнымъ положеніемъ, побуждавшимъ къ кровавымъ дѣяніямъ, необходимо принять во вниманіе характеръ того вѣка, одного изъ самыхъ кровожадныхъ, если не самаго кровожаднаго въ исторіи. Сказанное нами выше даетъ не мало доказательствъ этого. сообщаемое же въ послѣднемъ примѣчаніи еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи. Особенно много могли сообщить объ этомъ анабаптисты. Миролюбивѣйшіе изъ всѣхъ людей, они повсюду подвергались систематическимъ

---

[1]) Извѣстный консервативный профессоръ исторіи *Лео* подхватилъ эту блестящую идею. Въ своей лекціи о Мюнстерѣ и кровавомъ подавленіи крестьянскаго возстанія онъ говоритъ: „*повсюду они* (князья) *своими быстро свершаемыми и суровыми казнями распространяли ужасъ и этимъ... отвращали бѣдныхъ людей отъ соблазна, приводя ихъ къ сознанію*—въ этомъ заключался *первый* и, при данныхъ обстоятельствахъ, *самый необходимый* долгъ *князей, продиктованный чувствомъ любви къ странѣ*“ („Thomas Münzer“, стр. 23). Наиболѣе оригинально здѣсь утвержденіе, будто лучшій способъ возвратить кому-либо сознаніе это отрубить ему голову. Впрочемъ, г. профессоръ выражается очень мягко, говоря о „быстро совершаемыхъ и суровыхъ казняхъ“. Читатель можетъ подумать, что подъ этимъ подразумѣвается просто повѣшеніе, или же обезглавленіе. Но преисполненнымъ любви отцамъ народа этого было мало. Хроника города Эрфурта сообщаетъ: „Ландграфъ Филиппъ и герцогъ Георгъ заставили (послѣ битвы при Франкенгаузенѣ) женъ пойманныхъ ими мужей истязать проповѣдника и его каплана. *Женщины обязаны были бить ихъ дубинами, дабы заслужить прощеніе своимъ мужьямъ.* И онѣ били ихъ такъ сильно, что головы истязуемыхъ стали напоминать вареные кочны капусты, а мозгъ прилипалъ къ дубинамъ. Только послѣ этого ихъ мужья были освобождены. *При этомъ присутствовали сами князья, наблюдавшіе за выполненіемъ своего приказа*“. Это происходило въ Тюрингенѣ. Одновременно сторонники партіи порядка развлекались точно такимъ же образомъ въ Франконіи: „Якова Рорбаха въ Видорфѣ привязали вечеромъ желѣзной цѣпью къ перекладинѣ, какъ это сдѣлали раньше съ Пфейферомъ фонъ-Ильсфельдомъ, обложили его огнемъ, и онъ медленно жарился, исполняя отвратительный танецъ смерти въ огненномъ кругу, вокругъ дерева, при звукахъ барабановъ и флейтъ. *Дѣти, усѣвшіяся на плечи воиновъ, а также стоявшія вокругъ дворяне наслаждались этимъ зрѣлищемъ, пока несчастный не испустилъ послѣдняго вздоха и не упалъ замертво*, утративъ всякій человѣческій обликъ“. (*Циммерманъ*, стр. 437, 476). И послѣ всего этого ученый 19-го столѣтія позволяетъ себѣ говорить, что всѣ эти звѣрства были продиктованы *сознаніемъ долга и чувствомъ любви!* И *такой* господинъ смѣетъ еще возмущаться „нероновской жестокостью“ пролетаріата!

преслѣдованіямъ, какъ дикіе звѣри, и предавались самымъ жестокимъ мученіямъ. Если подъ вліяніемъ отчаянія среди нихъ, въ концѣ концовъ, возникло направленіе, которое не хотѣло выносить долѣе ужасныхъ терзаній, утратило рабское терпѣніе и стало сопротивляться, то это не должно насъ удивлять. Удивительно только, что этому направленію понадобилось такъ много времени, чтобы сложиться и увлечь за собой хотя бы часть братьевъ.

На этотъ разъ, благодаря цѣлому ряду счастливыхъ случайностей, въ руки преслѣдуемыхъ перешелъ сильный городъ. Но ему грозило скорое уничтоженіе.

Какъ же дѣйствовали баптисты при такихъ обстоятельствахъ?

«27 февраля—сообщаетъ съ обычнымъ своимъ возмущеніемъ *Янссенъ*,—начался *терроръ* одновременно съ опубликованіемъ приказа о томъ, чтобы всѣ жители приняли новое крещеніе, или оставили городъ». И далѣе онъ цитируетъ епископа мюнстерскаго, который въ своемъ посланіи возмущается тѣмъ, что «благочестивыхъ горожанъ» изгоняютъ изъ города, обрекая на нищету, и заявляетъ при этомъ, «что такія нечеловѣческія жестокости не происходили ни въ одной странѣ, даже у нехристей турковъ или язычниковъ» [1]).

Возмущеніе католическаго историка настолько велико, что онъ забываетъ упомянуть, хотя бы однимъ словомъ, объ одномъ важномъ обстоятельствѣ: кротчайшій епископъ какъ разъ въ это время уже осаждалъ Мюнстеръ и 13 января издалъ свой указъ, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы всякій подчиненный ему поступалъ «съ неповинующимися и бунтующими» согласно эдикту императора, т. е. убивалъ бы ихъ. Этотъ эдиктъ примѣнялся во всей строгости. *Керсенброикъ* съ чувствомъ удовлетворенія сообщаетъ: «Во исполненіе императорскаго эдикта и требованій закона, всѣхъ анабаптистовъ, которыхъ находили на епископской территоріи, подвергали суровому наказанію. Такъ, въ это время было утоплено пять вольбекскихъ *женщинъ* и одинъ мужчина. Въ Бевергернѣ, по приговору суда, были утоплены четыре *женщины* и сожжено двое мужчинъ. *Были подвергнуты также заслуженной казни* многіе изъ принявшихъ тайное крещеніе отъ Ротмана» (I, стр. 517). Обо всемъ этомъ Янссенъ ничего не сообщаетъ, и въ этомъ отношеніи онъ типиченъ для большинства историковъ; какъ и они, онъ, конечно, умалчиваетъ о томъ, что противники анабаптистовъ, жившіе въ Мюнстерѣ, заключили тайное соглашеніе съ епископомъ и пообѣщали ему открыть 10 февраля ворота города, для пропуска епископскихъ войскъ. Когда началась осада, эти

---

[1]) *Янссенъ*, Geschichte des deutschen Volkes, III, стр. 300.

измѣнники, сговорившіеся съ осаждающими, не были преданы смерти, согласно военному праву и доброму примѣру епископа, но лишь принуждены *удалиться изъ города*! И это называютъ «террористическимъ режимомъ»! Поистинѣ жалкое лицемѣріе!

Во время осады въ городѣ было необходимо установить строгій режимъ. Былъ совершенъ рядъ казней. Изъ примѣровъ, приведенныхъ Керсенброикомъ и Гресбекомъ, видно, что этими казнями карали преступленія противъ безопасности города: тайное соглашеніе съ врагомъ, проступки противъ дисциплины, попытки дезертировать, или же обезкуражить населеніе. Несомнѣнно, что всякая казнь есть прямая жестокость, но не большая, чѣмъ война. А къ ней баптисты, поистинѣ, не стремились; она была имъ навязана. Сами же они, при всякомъ удобномъ случаѣ, подчеркивали свое миролюбіе [1]).

«Террористическій режимъ» господствовалъ не только въ Мюнстерѣ, но и въ области, подвластной епископу. Сравненіе между ними приводитъ къ результатамъ мало выгоднымъ для послѣдняго.

Епископъ былъ стороной нападающей, баптисты—стороной подвергшейся нападенію. Епископъ убивалъ ради своей пользы, баптисты же убивали для того, чтобы самимъ не быть убитыми: они боролись, отстаивая свою жизнь. Сторонники епископа обыкновенно истребляли своихъ враговъ самыми мучительными способами,—топили ихъ или сжигали. Въ Мюнстерѣ приговоренныхъ къ смерти не мучили. Тамъ смертная казнь совершалась лишь двоякимъ способомъ—посредствомъ отрубанія головы или разстрѣла; дальше этого не пошелъ даже столь гуманный 19-й вѣкъ.

Многіе усматривали особую кровожадность анабаптистовъ въ томъ, что повелители города, «король» Іоганнъ Лейденскій и его намѣстникъ, Книппердолинкъ, совершали казни собственноручно. Но такое сужденіе вполнѣ обнаруживаетъ грубое непониманіе чувства и образа мыслей, свойственныхъ тому времени. Если власть имущіе, которые обычно рѣшаютъ вопросы о жизни или смерти обвиняемыхъ, не убиваютъ осужденныхъ собственноручно, то это происходитъ не изъ гуманныхъ соображеній, а просто

---

[1]) Въ одномъ летучемъ листкѣ къ осаждающимъ солдатамъ они заявляли: „Слушайте, молодежь и старики, вы всѣ, расположившіеся лагеремъ вокругъ нашего города: мы не только отъ всего сердца желаемъ *жить въ мирѣ со всѣми, но и доказать на дѣлѣ всѣмъ людямъ нашу братскую любовь во Христѣ*, а потому помните, что вамъ придется отвѣчать передъ благочестивыми людьми—не говоря уже о Богѣ—за то, что вы, вопреки всѣмъ писаннымъ и заключеннымъ договорамъ, силой осаждаете насъ безъ надлежащаго объявленія войны и лишаете насъ жизни“. Весь летучій листокъ приведенъ цѣликомъ у *Керссенброика*, II, стр. 9.

потому, что отвратительная и грязная работа профессіональныхъ палачей кажется имъ слишкомъ низменной. Палачъ, ремесло котораго состоитъ въ томъ, чтобы возиться съ трупами, считается и считался повсюду самымъ презрѣннымъ изъ людей, общаться съ которымъ никто не желаетъ. Если вожаки движенія въ Мюнстерѣ сами взялись за дѣло палачей, то этимъ они явили актъ безпримѣрнаго *самоуничиженія*, актъ, свидѣтельствующій не о ихъ жестокости, а о высоко развитомъ чувствѣ *равенства*.

Что это, говоря словами Керсенброика, «не выдумка», намъ доказываетъ сей самый почтенный мужъ, который, въ данномъ отношеніи, заслуживаетъ полнаго довѣрія. «Какъ разъ въ это время,—пишетъ онъ,—пророкъ и человѣкъ Божій, Іоганъ Бокельсонъ, вручилъ Книппердолинку, для устрашенія злодѣевъ, мечъ правосудія и передъ всѣмъ собраніемъ далъ ему названіе меченосца. *Все возвышенное должно быть унижено*, а такъ какъ Книппердолинкъ до сихъ поръ былъ бургмистромъ и главой города, то пусть же онъ—такова воля Отца—займетъ отнынѣ столь *презираемую должность* палача» (I, стр. 545).

Большей ясности нельзя и требовать. Казни, собственноручно совершаемыя королемъ, были выраженіемъ того же принципа, который побуждалъ его, вмѣстѣ съ королевой, собстенноручно угощать толпу народа на общественныхъ пиршествахъ [1]).

Для нашихъ современныхъ понятій, исполненіе обязанности палача королемъ и его намѣстниковъ представляется, несомнѣнно, чѣмъ-то отвратительнымъ; но современные защитники смертной казни менѣе всего имѣютъ основаній возмущаться этимъ. Кто одобряетъ смертный приговоръ, но съ ужасомъ отказывается приводить его въ исполненіе, тотъ свидѣтельствуетъ лишь о своей трусости, высокомѣріи, неувѣренности или недомысліи, но ни въ коемъ случаѣ не обнаруживаетъ такого качества, которымъ можно гордиться.

Что же послѣ всего этого остается отъ чудовищной «нероновской жестокости» анабаптистовъ? Она исчезаетъ, какъ паръ, лишь только мы анализируемъ ее детально, Баптисты вовсе не обнаруживали особой жестокости, а, наоборотъ, *для своего времени и по своему исключительному положенію, обнаруживали необычайную мягкость*. Ихъ жестокость состояла въ томъ, что они не позволяли терпѣливо избивать себя,

[1]) Страшная сказка о томъ, будто, какъ разсказываетъ *Керсенброикъ*, Іоаннъ Лейденскій собственноручно обезглавилъ одну изъ своихъ женъ, а самъ, вмѣстѣ съ остальными женами, плясалъ вокругъ трупа, рѣшительно не подтверждается никакими достовѣрными документами. Она относится, очевидно, къ тому же источнику, какъ и сообщеніе объ огненномъ крещеніи Іоанна Матюса.

какъ овецъ,—а это, конечно, неисправимое преступленіе въ глазахъ всякаго «благонамѣреннаго» человѣка. Массовые разстрѣлы—услуга, продиктованная чувствомъ любви и достойная всяческой похвалы, всякій же отвѣтный выстрѣлъ—дикое звѣрство!

Обвиненіе въ жестокости тѣсно сплетено съ обвиненіемъ въ тираніи: на примѣрѣ Мюнстера, говорятъ намъ, мы видимъ, къ чему приводитъ свобода и равенство коммунистовъ.

Мы видѣли, что баптисты достигли власти въ Мюнстерѣ, дѣйствуя безусловно законнымъ путемъ. Совѣтъ этого города былъ избранъ изъ числа сторонниковъ баптизма. Но именно потому, что выборы были произведены по закону, они протекли въ границахъ, намѣченныхъ старымъ избирательнымъ правомъ. Активное и пассивное избирательное право было ограничено, въ совѣтѣ были представлены лишь граждане съ давней осѣдлостью. Пролетаріи, равно и имигранты, раздѣлявшіе всѣ трудности борьбы и численно равные остальному населенію, находившемуся подъ ружьемъ и оставшемуся въ городѣ, совершенно не были представлены въ совѣтѣ. Съ другой стороны, городское управленіе было приспособлено для мирнаго времени и не стояло на уровнѣ требованій, предъявляемыхъ осаднымъ положеніемъ.

Осадное положеніе всегда приводило къ уничтоженію гражданскихъ правъ и свободъ и къ предоставленію военной власти неограниченнаго права надъ жизнью и имуществомъ осажденнаго населенія; это настолько вѣрно, что само понятіе «осадное положеніе» стало равнозначущимъ понятію объ уничтоженіи обычнаго права и политическихъ свободъ. Къ сожалѣнію, коммунизмъ еще до сихъ поръ не изобрѣлъ чудеснаго элексира, благодаря которому эти неизбѣжныя послѣдствія осаднаго положенія стали бы излишними. Осажденные въ Мюнстерѣ также не могли помѣшать тому, чтобы осада не привела къ военной диктатурѣ. Если кто нибудь, даже послѣ всего этого, не убѣдится въ преступности коммунизма и въ порочности коммунистовъ, то съ такимъ человѣкомъ, очевидно, ничего не подѣлаешь.

Наряду съ городскимъ совѣтомъ, проповѣдники также образовали своего рода представительство. Они были избраны отдѣльными приходами, и въ выборахъ ихъ участвовало также нецеховое населеніе. Проповѣдники не только совершали почти лишенныя обрядовой стороны богослуженія, но занимались, также, вопросами законодательства и управленія. Они то именно и предложили общинѣ (послѣ смерти Матюса) учрежденіе «комитета благополучія», членовъ котораго они избрали сами, съ согласія общины.

«Тогда, разсказываетъ *Гресбекъ*—пророки и прорицатели придумали

что власти въ Мюнстерѣ излишни. Пророки, прорицатели, голландцы и фризы, злодѣи и настоящіе анабаптисты, — вотъ кто долженъ представлять собою власть. Въ согласіи съ этимъ, они выбрали 12 старѣйшинъ, изъ числа самыхъ мудрыхъ, которые и должны были изображать собою истинныхъ христіанъ, обязаны были управлять народомъ и воспитывать его, а 12-ти старѣйшинамъ поручена была вся власть. Такъ смѣстили они бургомистра и совѣтъ, избранный ими же, упразднили гильдіи и старшинъ, которые отнынѣ потеряли всяку власть» стр. 35. Въ числѣ старѣйшинъ Керссерброикъ опредѣленно называетъ трехъ иноземныхъ «братьевъ», между ними одного Фриза, но и одного члена стараго совѣта, больше того—одного изъ двухъ бургомистровъ, избраннаго въ 1533 году, патриція Германа Тильбека, который, какъ мы видѣли, издавна симпатизировалъ баптистамъ

Такъ какъ Баптисты не получили классическаго образованія но по примѣру всѣхъ еретическихъ коммунистовъ и демократовъ, черпали свои литературныя свѣдѣнія изъ ветхаго завѣта, то они и не назвали членовъ своего комитета сенаторами, или директорами, или диктаторами, но дали имъ наименованіе «старѣйшинъ двѣнадцати колѣнъ Израиля». Эти старѣйшины и были облечены неограниченной судебной, законодательной и административной властью.

Осадная жизнь привела къ тому, что, фактически, верховная власть попала въ руки комендавта. Эту должность занималъ начальникъ-пророкъ Іоаннъ Матюсъ. Когда 5 апрѣля 1534 года, во время вылазки, Матюсъ погибъ въ отважномъ бою, его мѣсто заступилъ Іоаннъ Лейденскій, который, какъ свидѣтельствуютъ о томъ его успѣхи, выполнялъ свою обязанность превосходно.

Въ качествѣ главнаго управителя и военачальника, онъ былъ неограниченнымъ господиномъ города. 31 августа, послѣ жестокаго обстрѣла, городъ подвергся штурму, который былъ удачно отбитъ. Когда послѣ этого успѣха, по порученію ювелира и пророка Дузентшура и съ одобренія наиболѣе выдающихся баптистовъ—Книппердолинка, Тильбека, Генриха и Берндта Крехтинковъ (два брата, прибывшіе въ февралѣ), Ротмана и 12 старѣйшинъ—ихъ власть и обязанности передъ общиной были переданы Іоанну Лейденскому, то это событіе было лишь формальнымъ признаніемъ фактически сложившаго положенія [1]). То обстоятельство, что

[1]) По мнѣнію *Керссенброика*, все царство анабаптистовъ было основано по волѣ самого Іоанна, съ единственной цѣлью дать ему въ руки господство. „Къ этому Іоаннъ Бокельсонъ Лейденскій давно уже стремился, *ради этого онъ и сверг̃ъ существовавшую до него власть. По той же причинѣ онъ* распорядился, чтобы всѣ граждане владѣли своимъ имуще-

баптисты не нашли для своего начальника болѣе подходящаго наименованія, чѣмъ «король въ Израили», объясняется, какъ уже сказано, ихъ одностороннимъ библейскимъ образованіемъ. Благочестивыя души должны бы менѣе всего порицать ихъ за это, вѣрноподданнымъ же историкамъ эти коммунисты, избравшіе себѣ короля, должны бы быть особенно симпатичны. У мирно жившихъ анабаптистовъ, напримѣръ, моравскихъ, тщетно было бы искать какихъ либо слѣдовъ монархическихъ тенденцій.

Будучи хорошимъ военачальникомъ, Іоаннъ Лейденскій заботился не только о достаточной военной подготовкѣ и вооруженіи своихъ войскъ, но и о хорошемъ психическомъ состояніи населенія. Чтобы оторвать ихъ отъ принижающей бездѣятельности и разслабляющаго страха — неизбѣжныхъ спутниковъ осады—онъ старался занять ихъ работой и развлечь. Перваго онъ достигалъ, заставляя жителей работать на шанцахъ и уничтожать ненужныя церкви и старыя лачуги. Объ этомъ сообщаетъ намъ Керссенброикъ, не упуская, конечно, случая, прибавить нѣсколько обычныхъ заподазрѣваній: «Чтобы жителямъ города не оставалось времени думать о возстаніи противъ короля, они (начальники города) занимали ихъ постоянно работой, а чтобы они не заразились малодушіемъ, кормили ихъ однимъ хлѣбомъ и солью. [1]). Когда къ этому времени (январь, 1535) у нихъ уже не было работы по укрѣпленію и исправленію крѣпости, то имъ было поручено срывать и разрушать церкви, ветхіе дома и другія лачуги, окружавшіе сады и построенные очень давно; даже фундаменты выкапывались изъ земли. Такимъ образомъ, уже 21 января они начали ломать кровлю, церкви, до того же убивали время, работая на укрѣпленіяхъ». (II., стр. 142).

Но Іоаннъ заботился не только о работѣ, но и о развлеченіяхъ Наряду съ военными гимнастическими упражненіями, онъ устроилъ общія трапезы съ играми и танцами, праздничныя шествія и театральныя представленія. Въ этомъ отношеніи его жизнерадостный темпераментъ художника оказалъ ему большія услуги. Правда, на взглядъ современнаго человѣка, организованныя имъ развлеченія для народа, особенно шествія, производятъ впечатлѣнія чего то театральнаго, и, на самомъ дѣлѣ, мы

ствомъ сообща, а затѣмъ присвоилъ себѣ ихъ добро и т. п.“ (II, стр. 47). Мы лишній разъ убѣждаемся, что современнымъ истребителямъ соціалистовъ нечего кичиться своей наглостью. Въ этомъ были уже достаточно искушены ихъ предшественники, жившіе болѣе чѣмъ триста лѣтъ тому назадъ.

[1]) Нашъ „объективный“ историкъ умудряется свить петлю для вожаковъ анабаптистовъ даже изъ такого простого факта, что въ осажденномъ городѣ ощущался большой недостатокъ въ продуктахъ!

знаемъ, что Іоаннъ понималъ толкъ въ театрѣ и занимался сценической дѣятельностью [1]). Но дѣятельность Іоанна нельзя измѣрять современнымъ масштабомъ.

Праздничныя шествія представляются намъ чѣмъ то театральнымъ потому, что мы знаемъ ихъ только по театру, но 300—400 лѣтъ назадъ они являлись органическимъ моментомъ общественной жизни. Причины этого мы уже отмѣтили ранѣе (стр. 120). Церковь, князья и дворянство соперничали тогда во внѣшней роскоши. Анабаптисты, какъ и всѣ еретическіе коммунисты отрицали эту роскошь, какъ результатъ эксплоатаціи. Они не только сами носили крайне простую одежду, но даже отказывались (въ Моравіи) изготовлять для другихъ роскошныя платья [2]). Но въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, въ Мюнстерѣ господствовали ненормальныя условія. Роскошь въ нарядахъ, которую обнаруживалъ Іоаннъ и его приближенные, не имѣла ничего общаго съ эксплоатаціей рабочихъ. Все это «портновское, чрезмѣрное, театральное» убранство было *найдено* ими и предназначалось не для нихъ. «Они (совѣтники короля)—сообщаетъ Гресбекъ—добыли эти наряды въ городѣ изъ запасовъ, принадлежавшихъ *богачамъ*, ими же изгнаннымъ изъ города». (Стр. 89; ср. стр. 136, гдѣ говорится, что эти платья принадлежали

---

¹) Театральный элем:нтъ въ характерѣ Іоанна Лейденскаго неизмѣнно вызывалъ чувства глубокаго возмущенія у нашихъ почтенныхъ историковъ. Авторъ „Schlaraffia politi·a“ называетъ его „театральнымъ королемъ“ (стр. 69): *Бецольдъ* въ своей „Geschichte der deutschen Reformation“ (стр. 710) называетъ „напыщенную роскошь одежды“ Іоанна „чисто-портновской чертой“. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какимъ образомъ ученый профессоръ пріобрѣлъ свои знанія по части психологіи портныхъ. Но забавнѣе всѣхъ ведетъ себя историкъ анабаптистовъ *Келлеръ*, который описываетъ одинъ изъ нарядовъ короля, и затѣмъ возмущенно восклицаетъ: „Этотъ голландскій портной разыгрывалъ передъ своими сотоварищами и передъ всѣмъ міромъ невиданную комедію. Пока-что стѣны хорошо вооруженнаго города защищали этого властителя отъ *заслуженнаго возмездія* и т. п.“ (стр. 217). Интересно знать, склоненъ ли господинъ Келлеръ карать за роскошь платья смертной казнью исключительно коммунистовъ, или онъ распространяетъ ее и на монарховъ? Если да, то много ли изъ нихъ такихъ, которые не заслужили „возмездія“?

²) „Объ изготовленіи платья“ одинъ изъ моравскихъ баптистовъ говорилъ: „Со всѣмъ доступнымъ намъ прилежаніемъ должны и хотимъ мы служить нашему ближнему, для удовлетворенія его нужды во всемъ, дабы Богъ похвалилъ насъ за это и призналъ наше усердіе, *но все, что служитъ только для роскоши, для гордости и блеска*, какъ, напримѣръ, рѣзныя, складчатыя и кружевныя издѣлія,—*этого мы никому не дѣлаемъ*, дабы сохранить нашу совѣсть незапятненой“. (*Лозертъ*, Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer, стр. 126).

прежде изгнаннымъ гражданамъ и дворянамъ). А Керссенброикъ сообщаетъ «Они взяли изъ церквей и надѣли на себя золото и серебро, принадлежавшее гражданамъ или городу, а также вышитыя шелковыя пурпурныя церковныя украшенія, предназначавшіяся для церковныхъ службъ; равно овладѣли они всѣмъ, что принадлежало городу и горожанамъ, присвоили добро себѣ, а кто противился этому и не хотѣлъ терпѣть такого безчинства, тѣхъ убили; такъ было расхищено и уничтожено, по ихъ прихоти, все, что было собрано упорнымъ трудомъ другихъ». (II., стр. 58).

Итакъ, всѣ эти пышные наряды были изготовлены въ Мюнстерѣ; измѣнились лишь владѣльцы ихъ, ибо они перешли изъ рукъ эксплоататоровъ во владѣніе эксплоатируемыхъ, изготовившихъ ихъ собственными руками; очевидно, этого было достаточно, чтобы немедленно предать имъ отвратительныя качества.

Въ распространеніи роскоши среди мюнстерскихъ анабаптистовъ отчасти повиненъ, повидимому, апокалипсисъ. Въ немъ новый Іерусалимъ изображается изобилующимъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, «а короли въ городѣ являютъ свое великолѣпіе всей землѣ» (21, 24). Мюнстеръ поставилъ себѣ цѣлью доказать, что онъ дѣйствительно является долгожданнымъ новымъ Іерусалимомъ.

Впрочемъ, не слѣдуетъ представлять себѣ, будто Мюнстеръ дѣйствительно утопалъ въ томъ великолѣпіи, о которомъ обычно говорятъ. Если повѣрить описаніямъ Гресбека, то можетъ показаться, что Іоаннъ и его воины собрали въ городѣ невѣроятное количество золота и серебра. Думать такъ, значило бы испытать, при ближайшемъ разсмотрѣніи, большое разочарованіе, аналогичное тому, какое испытали епископскіе ландскнехты аппетиты которыхъ старались разжечь разсказами о богатой добычѣ. Такъ напримѣръ, одинъ ландскнехтъ, посѣщавшій ранѣе анабаптистовъ, сообщалъ, «что король обладаетъ огромными денежными сокровищами,—золотомъ и серебромъ». Онъ увѣрялъ, что солдатамъ достанется въ добычу отъ пяти до шести тоннъ золота. Но когда Мюнстеръ былъ взятъ, то тамъ нашлосъ едва полъ-тонны золота, и солдаты не извлекли никакой пользы изъ того, что пытали захваченнаго ими Іоанна, а затѣмъ отрубили голову ландскнехту, наболтавшему имъ о богатствахъ Мюнстера.

О сокрытіи сокровищъ не могло быть и рѣчи, ибо городъ подвергся нападенію внезапно, ночной порой, и осажденные едва успѣли взяться за оружіе, а не то чтобы спрятать сокровища.

Характерны театральныя представленія, дававшіяся по предложенію Іоанна. Одно изъ нихъ описываетъ намъ Гресбекъ; это тенденціозная пьеса. «Они прилагали много старанія, чтобы какъ нибудь коротать время». Такъ, король созвалъ однажды въ соборъ простой народъ; сюда

всѣ женщины и мужчины, за исключеніемъ только державшихъ караулъ на укрѣпленіяхъ, —чтобы повеселиться и посмотрѣть на чудеса, обѣщанныя имъ во время представленія. Король приказалъ соорудить сцену и обвѣсить ее занавѣсами, устроивъ все на хорахъ, надъ верхнимъ алтаремъ, чтобы всякій могъ видѣть *представленіе о богачѣ и Лазарѣ.* И вотъ они начали представленіе,—играли и поочередно обращались другъ къ другу съ рѣчью. Послѣ того, какъ богачъ кончилъ свою рѣчь къ Лазарю, флейтисты, стоявшіе у подножія сцены, заиграли въ три голоса пѣсню на флейтахъ, послѣ чего богачъ снова сталъ говорить, а флейтисты повторили свою музыку. Такъ продолжалось представленіе до конца. Въ заключеніе явились черти, схватили богача и повлекли его, съ душою и тѣломъ, за занавѣску. Присутствующіе въ соборѣ разразились громкимъ смѣхомъ и были очень довольны» (стр. 168).

Другія народныя увеселенія, о которыхъ сообщаетъ Гресбекъ, носили столь же безобидный характеръ, какъ и вышеописанное. Онъ говоритъ объ этомъ веселомъ времяпровожденіи съ достаточной долей злобы и презрѣнія, но о разнузданности и легкомысліи онъ не упоминаетъ ни слова.

Самая ужасная «оргія», о которой сообщаетъ Гресбекъ заключалась въ слѣдующемъ: «Тогда (послѣ избранія народомъ 12 начальниковъ воротъ, названныхъ герцогами) король устроилъ пиршество и пригласилъ въ гости всѣхъ герцоговъ и совѣтниковъ, а также королевскихъ совѣтниковъ съ ихъ женами, равно всѣхъ высшихъ слугъ короля... Когда всѣ были въ сборѣ, то они вели себя такъ, будто собираются быть правителями всю свою жизнь. А когда они отобѣдали, то стали ухаживать и танцевать, *всякій со своей женой.* Король любезничалъ съ герцогами и пригласилъ ихъ въ гости; они ѣли и пили и проводили весело время» (стр. 184).

Объ этомъ *Келлеръ* сообщаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Король собралъ всѣхъ герцоговъ, совѣтниковъ, намѣстниковъ и должностныхъ лицъ съ ихъ женами, устроивъ большой пиръ въ своей резиденціи *и вмѣстѣ съ ними, утопая въ роскоши, предавался излишествамъ*» [1]).

Такъ пишется исторія. О роскоши, великолѣпіи и излишествѣ въ отчетѣ не говорится ни одного слова!

Изъ всего изложенія явствуетъ, что Гресбекъ говоритъ, собственно, не о роскоши, но желаетъ отмѣтить тотъ фактъ, что у короля и его приближенныхъ было, что ѣсть и пить въ то время, когда народъ голодалъ;

---

[1]) Geschichte der Wiedertäufer, стр. 237.

это вытекаетъ изъ его слѣдующихъ словъ: «Часть простого люда бѣжала за городъ отъ голода, а часть умирала голодной смертью».

Здѣсь мы подходимъ къ наиболѣе тяжкому обвиненію Гресбекомъ Іоанна Лейденскаго: «Онъ не справлялъ безумныхъ оргій, но отнималъ у голодающаго населенія необходимые жизненные припасы, хотя самъ имѣлъ всего вдоволь».

Обо всемъ этомъ Гресбекъ знаетъ не изъ собственныхъ наблюденій, ибо онъ не принадлежалъ къ свитѣ короля, не будучи офицеромъ, или же должностнымъ лицомъ. Онъ говоритъ о вышеупомянутомъ «угощеніи» и о сытой жизни Іоанна исключительно по слухамъ. Что въ городѣ были недовольные, когда раціонъ сталъ все болѣе уменьшатся,—понятно само собой, также какъ и то, что недовольство вымѣщалось въ злословіи по адресу коменданта.

Но характерно однако, что люди тѣмъ охотнѣе говорили о зажиточности «короля» и о его роскоши насчетъ нуждающихся, чѣмъ дальше они жили сами отъ мѣста дѣйствія.

Такъ, бургмистръ Франкфурта, Юстиніанъ Гольцгаузенъ, находившійся въ военномъ лагерѣ близь Мюнстера, писалъ 8 Іюня 1535 года своему отцу: «Коровъ, которыя еще остались [1]), поѣдаетъ король со своими придворными тайно отъ общины. *Насъ удивляетъ, что община не замѣчаетъ обмана короля»* [2]). Спрашивается, какъ могъ замѣтить его бургмистръ, жившій внѣ города, въ военномъ лагерѣ?

Впрочемъ, Гресбекъ въ одномъ мѣстѣ пробалтывается и самъ указываетъ на то, что Іоаннъ раздѣлялъ общую нужду: «И вотъ большинство женщинъ ушло изъ города по случаю голода. У короля было пятнадцать женъ. Онъ всѣхъ отпустилъ, за исключеніемъ королевы, которую онъ удержалъ при себѣ. Другимъ же женщинамъ онъ сказалъ, чтобы каждая изъ нихъ пошла къ своимъ друзьямъ *и раздобыла бы съѣстного гдѣ только возможно»* [1]) Объ этомъ Гресбекъ сообщаетъ немедленно вслѣдъ за своимъ описаніемъ «большого пиршества» на стр. 190. Повидимому, онъ еще не былъ искушенъ въ искусствѣ писать «строго выдержанную исторію».

---

[1]) 29 мая онъ писалъ, что у нихъ было еще двѣсти коровъ.

[2]) Berichte der Augenzeugen, стр. 354.

[3]) Уже одно это мѣсто противорѣчитъ вышеупомянутымъ сообщеніямъ о жестокой казни королемъ одной изъ своихъ женъ. Если онъ собралъ всѣхъ своихъ женъ, то значитъ не вѣрно, будто предварительно онъ казнилъ одну изъ нихъ.

в) Коммунизмъ.

Общность имуществъ лежала въ основѣ всего баптистскаго движенія. Изъ-за нея велась великая борьба въ Мюнстерѣ. Но характеръ баптистскаго царства въ Мюнстерѣ опредѣлялся главнымъ образомъ не общностью имущества, но осаднымъ положеніемъ. Мюнстеръ представлялъ собою большой военный лагерь, въ которомъ требованія войны доминировали надо всѣмъ, свобода же и равенство признавались лишь постольку, поскольку они не мѣшали осуществленію военной диктатуры.

Едва Мюнстеръ попалъ въ руки анабаптистовъ (10 февраля), какъ они послали по всѣмъ направленіямъ письма, приглашавшія ихъ единомышленниковъ прибыть въ Мюнстеръ. Въ одномъ дошедшемъ до насъ письмѣ говорится: «Здѣсь будутъ удовлетворены всѣ ваши нужды. Наиболѣе бѣдные изъ насъ, нѣкогда презираемые, какъ нищіе, одѣваются теперь богато, какъ высокопоставленные и знатные, живущіе въ вашей средѣ и у насъ. Бѣдняки милостію Божіей стали также богаты, какъ бургмистры и самые зажиточные люди города».

Но этотъ коммунизмъ такъ и остался въ зародышномъ состояніи.

Обыкновенно думаютъ (въ томъ числѣ и Келлеръ), что въ Мюнстерѣ была уничтожена всякая частная собственность. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого. *Совершенно уничтожена была лишь частная собственность на золото и серебро, т. е. деньги.* «Пророки, прорицатели и совѣтъ (это происходило еще до установленія правленія двѣнадцати старѣйшинъ) пришли къ единогласному рѣшенію и постановили, что все имущество должно быть общее и всякій обязанъ принести къ нимъ *деньги, золото и серебро*, что всякій и исполнилъ» (*Гресбекъ*, стр. 32). Деньги шли на поддержаніе сношеній города съ внѣшнимъ міромъ, главнымъ образомъ на разсылку агитаторовъ и наемъ ландскнехтовъ.

Но отдѣльныя домашнія хозяйства были сохранены и частная собственность на средства производства и потребленія была устранена лишь постольку, поскольку она удовлетворяла потребностямъ войны.

Наслѣдственное право продолжало существовать. Въ числѣ учрежденій, установленныхъ старѣйшинами, Керссенброикъ отмѣчаетъ (II, стр. 8), кромѣ того, и слѣдующія: «Если кто либо, по волѣ Господа, умеръ застрѣленнымъ, или же какъ либо иначе почилъ въ Бозѣ, то никто не смѣетъ присваивать себѣ оставленное имъ добро,—будь то оружіе, платье и т. п., но обязанъ снести все къ меченосцу Книппердолину, который долженъ предложить все старѣйшинамъ, *дабы все, при ихъ посредствѣ, могло быть вручено наслѣдникамъ покойнаго*».

Въ частную собственность могла поступать даже часть военной добычи. Въ четырнадцатой статьѣ—изъ всѣхъ 28, предложенныхъ Іоанномъ Лейденскимъ 2 Января 1535 года народу, — говорилось: «Если у врага будетъ отнята добыча, то никто не долженъ удерживать ее для себя, или пользоваться ею произвольно, но, какъ подобаетъ, предъявить все власти и принести ей добычу. Буде власть пожелаетъ дать принесшему что-либо, то онъ можетъ пользоваться даннымъ ему не совершая этимъ ничего преступнаго». А въ слѣдующей статьѣ говорится: «Подъ страхомъ возмездія на страшномъ судѣ, христіанинъ не долженъ продавать что-либо своему брату, или покупать отъ него, что-либо за деньги, *а при обмѣнѣ и мѣновой покупкѣ* никто не долженъ обманывать другого».

Послѣ уничтоженія денегъ, обмѣнъ сталъ неизбѣжнымъ, разъ была сохранена частная собственность на средства производства и на продукты. Но насколько нерѣшительно она была уничтожена, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій эпизодъ, происшедшій вскорѣ послѣ возведенія Іоанна въ королевское достоинство—эпизодъ, переданный Гресбекомъ (стр. 144): «Однажды Книппердолинкъ пришелъ къ одному мелочному торговцу. *Тотъ еще сохранилъ свой товаръ.* Книппердолинкъ сказалъ ему: ты вѣдь также хочешь быть праведнымъ, а отъ товара своего не желаешь отказаться. Ты, вотъ, сидишь здѣсь, какъ насѣдка, словно надѣешься, что выведешь птенцовъ (т. е. получишь прибыль). Твой Богъ—товаръ и его-то долженъ ты оставить, разъ желаешь быть праведнымъ. Очевидно, торговля не считалась особенно почетнымъ дѣломъ, но «террористическій режимъ коммунистовъ» былъ далекъ отъ того, чтобы вовсе запретить занятіе ею.

Правда, жители Мюнстера устраивали общія трапезы, но это были случайныя праздничныя собранія народа—вечери, а отчасти и *военная мѣра»*. Они имѣли также около каждыхъ воротъ особый домъ, называвшійся общиной. Туда приходили обѣдать всѣ, кто стоялъ на стражѣ у воротъ и работалъ на окопахъ и въ рвахъ. Они также имѣли обыкновеніе проповѣдывать въ общинномъ домѣ ежедневно по утрамъ и въ полдень. Дьяконы обязаны были заботиться о пищѣ. Въ каждомъ приходѣ они выбирали завѣдующаго общиннымъ домомъ, который былъ обязанъ слѣдить за приготовленіемъ пищи и управлять домомъ. А когда подавали обѣдъ, то одинъ изъ молодыхъ людей вставалъ и читалъ главу изъ Ветхаго Завѣта, или же изъ пророковъ. По окончаніи обѣда, они пѣли нѣмецкій псаломъ, затѣмъ подымались съ мѣстъ и снова шли въ караулъ» (*Гресбекъ*, стр. 34, 35);

Въ этихъ трапезахъ принимали участіе не только мущины, но и женщины, которыя также участвовали въ защитѣ. Вышецитированныя, по

Гресбеку, описанія вакханалій, происходившихъ по этому поводу, дополняются соотвѣтствующими постановленіями старѣйшинъ, о которыхъ говоритъ намъ *Керссенброикъ* (II., стр. 5): «Дабы въ распорядкѣ ѣды и питья соблюдался должный порядокъ, необходимо, чтобы не только подающіе кушанье и питье помнили свой долгъ и давали бы братьямъ и сестрамъ все, что имъ надлежитъ получать, но необходимо также, чтобы братья и сестры всякій разъ сидѣли за своими столами *врозь*, держали себя скромно и съ подобающей стыдливостью, равно не требовали бы другихъ кушаньевъ, кромѣ тѣхъ, которыя имъ подаютъ». По свидѣтельству Керссенброика, за столомъ не говорили ни одного слова, а внимательно слушали чтеца.

Все это напоминаетъ намъ больше собранія піэтистовъ, чѣмъ либертинизмъ. Но это отвѣчаетъ духу еретическаго коммунизма.

Стоимость общихъ трапезъ должны были уплачивать католическая церковь и эмигранты: діаконы брали необходимый провіантъ изъ эмигрантскихъ домовъ и изъ монастырей.

Въ каждомъ округѣ было поставлено по три діакона (кто ихъ назначалъ, Гресбекъ не говоритъ, но, повидимому, они избирались народомъ), на обязанности которыхъ лежало также заботиться о бѣдныхъ. Въ этомъ отношеніи христіанскій коммунизмъ на практикѣ нигдѣ не могъ достигнуть благопріятныхъ результатовъ, разъ только онъ сохранилъ частное хозяйство. «Діаконы—сообщаетъ *Гресбекъ*—ходили по своему приходу, высматривая какіе бѣдняки имѣются въ городѣ и заботились о томъ, чтобы они ни въ чемъ не нуждались. *Повидимому, они занимались этимъ въ Мюнстерѣ вполнѣ охотно*».

«Эти же діаконы—разсказываетъ далѣе Гресбекъ—заходили во всѣ дома и осматривали, сколько въ каждомъ имѣется запасовъ—зерна, мяса, и все записывали. Разъ все было записано, то уже никто не могъ распоряжаться произвольно своимъ добромъ» (стр. 34). Эта мѣра не была результатомъ коммунизма, но военнымъ мѣропріятіемъ, совершенно естественнымъ въ осажденномъ городѣ. Военная власть должна была знать, сколько имѣется въ наличности провіанта. Эта мѣра была результатомъ существованія отдѣльныхъ хозяйствъ. Только позднѣе, подъ вліяніемъ нужды, былъ изданъ приказъ, чтобы вся излишняя одежда, равно и жизненные припасы, имѣющіеся въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, были выданы власти. Но и послѣ этого отдѣльныя хозяйства не были уничтожены; на обязанности діаконовъ лежало выдавать изъ общаго запаса каждой семьи причитающуюся ей долю хлѣба и мяса, пока его хватало. «Они зарѣзали часть лошадей и снесли туши въ домъ, гдѣ хранилось мясо. Туда приходили жители и брали себѣ мясо. Діаконы ихъ спрашивали, сколько людей

живетъ въ ихъ домѣ, и соотвѣтственно этому выдавали для каждаго дома мясо, записывая все у себя. Это они дѣлали для того, чтобы одни и тѣ же лица не приходили дважды». (*Гресбекъ* стр. 74).

Земля, которую пришлось обрабатывать подъ вліяніемъ нужды, была предоставлена не въ общее пользованіе, а каждому хозяйству въ отдѣльности. «Король назначалъ управляющихъ полями; ихъ было четверо. Они заходили въ каждый дворъ и выдѣляли для каждаго хозяйства одинъ или два куска земли, смотря по тому, сколько человѣкъ жило въ домѣ. И вотъ, жители стали копать землю и сѣять на ней капусту, рѣпу, коренья, бобы и фасоль. Кто имѣлъ большой дворъ, тотъ не могъ требовать больше земли, чѣмъ было опредѣлено управляющимъ полями. Они намѣревались также уничтожить въ городѣ всѣ заборы и затворы, окружавшіе дворы, ибо хотѣли, чтобы вся земля была общей» (*Гресбекъ*, стр. 175, 176). Но до этого дѣло не дошло; постановленіе о томъ, чтобы всѣ ворота домовъ держались открытыми днемъ и ночью было мѣропріятіемъ не экономическимъ, но, такъ сказать, моральнымъ, направленнымъ къ поднятію уровня братскихъ чувствъ.

Съ сохраненіемъ отдѣльныхъ хозяйствъ было тѣсно связано сохраненіе дисциплинарной власти представителей хозяйствъ надъ членами ихъ. Средневѣковая семья включала въ себя не только мужа, жену и дѣтей. Большія домашнія хозяйства того времени требовали, также, труда прислуги. Поэтому въ Мюнстерѣ существовала не только власть мужа надъ женой, но и господина надъ прислугой. Въ одномъ эдиктѣ старѣйшинъ (п. 3) говорится «О власти мужа и подданствѣ жены», а въ 4 пунктѣ «О повиновеніи со стороны прислуги къ господину и о долгѣ господина по отношенію къ прислугѣ» (*Керссенброикъ*, II., I.). Такимъ образомъ, на общія трапезы приглашали «каждаго брата съ его женой и *домашней прислугой* (*Гресбекъ*, стр. 106).

Наряду съ отдѣльнымъ домашнимъ хозяйствомъ сохранилось, также, тѣсно связанное съ нимъ производство отдѣльныхъ мелкихъ предпріятій; и какъ не была упразднена прислуга, такъ не было уничтожено различіе между мастеромъ и подмастерьемъ. Въ вышецитированномъ указѣ старѣйшинъ перечисляются опредѣленныя категоріи ремесленниковъ, обязанныя работать для города и населенія; этотъ указъ не имѣетъ ничего общаго съ соціалистической организаціей и является лишь установленіемъ, вызваннымъ военнымъ положеніемъ. Перечисленныя категоріи ремесленниковъ освобождались отъ сторожевой службы (*Керссенброикъ*, II, 21). Тамъ, между прочимъ, говорится: «Никто не долженъ заниматься рыболовствомъ, кромѣ рыболовнаго мастера Христіана Керкринга и Германа Редекера съ *ихъ батраками*: и они не имѣютъ права ло-

вить рыбу для больныхъ и беременныхъ... Германъ Торнате и Іоганъ Редекеръ со своими *шестью подмастерьями—башмачниками* обязаны изготовлять для новаго Израиля обувь... Іоганъ Цесфельдъ и *его подмастерья* должны изготовлять желѣзные ключи (*Керссенброикъ*, II, стр. 6)...

Такимъ образомъ, утвержденіе историковъ, будто въ Мюнстерѣ былъ введенъ «широкій коммунизмъ», обнимавшій собою всѣ виды собственности, ничѣмъ не оправдывается [1]). Въ Мюнстерѣ дѣло не дошло до этого по той же самой причинѣ, по которой парижская коммуна 1871 года не развернула своей дѣятельности на соціальномъ поприщѣ. Основная причина—осада, вліяніе которой ощущалось на каждомъ шагу. Она сосредоточивала въ себѣ всѣ помыслы и дѣйствія. *Война никогда еще не была подходящимъ моментомъ для коренного преобразованія общества.*

Какъ въ вопросахъ экономическихъ, такъ и по отношенію къ церкви, анабаптисты не дали ничего существенно новаго. *Келлеръ* высказываетъ по этому поводу свое удивленіе: «Можно было бы ожидать, что ихъ дѣятельность начинается съ установленія новаго церковнаго строя или съ изданія новыхъ правилъ, касающихся формъ богопочитанія, или же съ чего либо аналогичнаго. Но они не только съ самаго начала не предприняли чего нибудь подобнаго, но даже, насколько намъ извѣстно, никогда не приступали къ упорядоченію формъ богослуженія» (Geschichte der Wiedertäufer, стр. 202). Насъ это нисколько не удивляетъ. Мы приписываемъ этотъ фактъ отчасти войнѣ, а отчасти тому, что анабаптисты точно также какъ богемскіе братья или Мюнцеръ, обнаруживали довольно большое равнодушіе къ формамъ богослуженія.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ духомъ еретическаго коммунизма, они выказывали особое предпочтеніе *ветхому завѣту*, что обнаруживалось весьма часто, и относились съ презрѣніемъ къ учености; такъ, они сожгли на соборномъ дворѣ всѣ книги и письма, найденныя ими въ городѣ, за исключеніемъ библіи. Анабаптисты подтверждаютъ также тотъ нашъ предыдущій выводъ, что презрѣніе къ учености шло у коммунистовъ рука объ руку съ заботой о народной школѣ. Несмотря на осадное положеніе, они учредили пять или шесть новыхъ школъ, «гдѣ обучались дѣти—

---

[1]) *Лампрехтъ*, Deutsche Geschichte, V, I, стр. 356. Господинъ Лампрехтъ, не колеблясь, описываетъ „смѣхотворно-уродливую жизнь" въ Мюнстерѣ, совершенно не касаясь вопроса объ осадномъ положеніи. Онъ упоминаетъ о немъ позднѣе, мимоходомъ, и то лишь въ двухъ строкахъ, какъ о какой-то незначительной мелочи, нисколько не вліявшей на внутреннюю жизнь города.

мальчики и дѣвочки, нѣмецкимъ псалмамъ, письму, чтенію. Все, что они учили, было проникнуто баптизмомъ и духомъ его» (*Гресбекъ*, стр. 47).

Баптисты Мюнцера не были, также, чужды мистицизма,—вѣры отдѣльныхъ особенно восторженныхъ и пламенныхъ братьевъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ, въ откровеніе и прорицаніе. О Книппердоллинкѣ, Іоаннѣ Матюсѣ, Боккельсонѣ и о другихъ пророкахъ новаго Іерусалима сообщаютъ многочисленные факты, свидѣтельствующіе о ихъ безусловно болѣзненномъ экстазѣ; возможно, что эти сообщенія нерѣдко преувеличены авторами, но не лишены, однако, правдивости.

При всемъ сходствѣ баптистовъ Мюнцера съ ихъ миролюбивыми братьями въ Моравіи, равно и съ ихъ предшественниками, они, однако, совершенно не походятъ на нихъ—если только вѣрить историкамъ—въ одномъ отношеніи: своей *распущенностью*. Мы уже неоднократно имѣли возможность подходить къ этому вопросу; разсмотримъ же теперь его ближе.

г) МНОГОЖЕНСТВО.

Если анабаптисты, вообще говоря, возмущаютъ чувство современнаго человѣка, то лишь однимъ,—своей *строгостью* пуританизмомъ, а отнюдь не своей распущенностью. Это безусловно вѣрно по отношенію къ мирнымъ анабаптистамъ, а потому мы заранѣе должны предположить, что условія, сопутствовавшія осадному положенію и требовавшія прежде всего строжайшей дисциплины, не могли ослабить этой тенденціи. Это и подтверждается при ближайшемъ разсмотрѣніи, причемъ насъ не должна вводить въ заблужденіе склонность ихъ къ развлеченіямъ.

Благопристойность и сдержанность соблюдались ими весьма ревностно. Доказательствомъ тому служатъ нѣкоторыя изъ двадцати восьми статей правилъ, изданныхъ 2-го января 1535 года. Въ нихъ, между прочимъ, говорится:

«6. Никто изъ борющихся подъ знаменемъ справедливости не долженъ предаваться постыдному и мерзкому пороку пьянства, скотскому безстыдству или игрѣ, которая возбуждаетъ алчность и зачастую является причиной ненависти и раздора; не должно заниматься, также, блудомъ и пятнать себя прелюбодѣяніемъ, ибо такіе пороки не могутъ оставаться ненаказанными въ средѣ народа божьяго.

«16. Никто изъ христіанъ (анабаптистовъ) не можетъ быть принятъ изъ одного общества или общины въ другую, если онъ не докажетъ, предварительно, что не подвергался наказанію и не совершалъ никакихъ преступленій; если же выяснится противное, *то такой человѣкъ долженъ быть наказанъ безъ пощады.*

«20. Ни одинъ христіанинъ не долженъ *противиться или наносить ущербъ* языческой (т. е. не-анабаптистской) власти, не познавшей еще слова божія или не слышавшей его, если эта власть не принуждаетъ къ невѣрію или безбожію; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вавилонская тиранія священниковъ и монаховъ со всѣми ихъ сторонниками и присными, омрачающими своимъ насиліемъ и несправедливостью правду божію, должна быть подавляема всѣми возможными мѣрами.

«Если язычникъ совершитъ какое нибудь преступленіе, а потомъ станетъ искать неприкосновенности въ общинѣ христіанъ, дабы избѣжать возмездія за свое преступленіе, противное прямой заповѣди Божіей, *то такого человѣка христіане не должны принимать къ себѣ, а обязаны подвергать тѣмъ болѣе рѣшительному наказанію, чѣмъ менѣе склонны братья къ тому, чтобы община христіанъ стала убѣжищемъ для лицъ совершающихъ позорныя и преступныя дѣянія*». (II., стр. 133—137).

Они миролюбиво призывали къ повиновенцію, гдѣ было возможно, и рѣшительно ограждали себя отъ какого либо общенія съ обыкновенными преступниками. Пьянство, игра и всевозможныя внѣбрачныя половыя сношенія были строжайше запрещены.

Яркій примѣръ строгой дисциплины, царившей въ Мюнстерѣ, приводитъ намъ *Гресбекъ*: «Такъ однажды, 28 іюня 1534 года, случилось, что десять или двадцать ландскнехтовъ сидѣли въ одномъ изъ домовъ города, угощались и проводили весело время. Они веселились, какъ любятъ веселиться ландскнехты. Но вотъ хозяинъ и хозяйка отказались цѣдить имъ вино. Тогда ландскнехты сказали: «Хозяйка если ты не хочешь цѣдить вина, такъ мы сами нальемъ», и приэтомъ обругали (versprocken) хозяйку. Хозяинъ и хозяйка пошли пожаловались на этихъ солдатъ двѣнадцати старѣйшинамъ пророкамъ и прорицателямъ, говоря, что солдаты учинили надъ ними насиліе въ ихъ домѣ и обругали хозяйку. Тогда двѣнадцать старѣйшинъ приказали схватить солдатъ и заключить ихъ въ тюрьму. На слѣдующій день они собрали общину на соборномъ дворѣ, куда привели также арестованныхъ солдатъ. Канцлеръ Генрихъ Крехтингъ, злодѣй, всталъ и прочелъ описаніе всего, въ чемъ провинились ландскнехты. Послѣдніе тотчасъ же попросили прощенія. Напослѣдокъ дверь милосердія нѣсколько пріоткрылась; часть изъ нихъ была помилована, а остальнымъ, (шестерымъ) суждено было умереть» (стр. 36).

Этотъ примѣръ строгой дисциплины Келлеръ приводитъ въ доказательство... «*преступнаго характера* всей ихъ дѣятельности!» Но двумя страницами ниже онъ самъ отдаетъ должную дань этой дисциплинѣ съ ея суровыми карами, благодаря которымъ въ средѣ баптистовъ господ-

ствовала трезвость, въ то время какъ въ епископскомъ лагерѣ пьянство настолько процвѣтало, что цѣлый рядъ успѣшныхъ вылазокъ баптистовъ долженъ быть отнесенъ на счетъ нетрезвости ихъ противниковъ.

Приведемъ еще одно мѣсто изъ сочиненія Гресбека, характерное для того, который царилъ среди баптистовъ: «Анабаптисты имѣли обыкновеніе предпринимать частыя вылазки противъ ландскнехтовъ и вступать въ схватки (hielden schutgefehrt), обнаруживая приэтомъ такую смѣлость, словно они упражнялись въ войнѣ уже лѣтъ двадцать; все, что они предпринимали, выполнялось ими умно, разсудительно и въ совершенно *трезвомъ состояніи*. Дѣло въ томъ, что пророки прорицатели и начальники города строго запретили, чтобы никто въ городѣ не смѣлъ напиваться и помрачать виномъ свой разсудокъ, отчего никто изъ нихъ никогда не былъ пьянъ, а, наоборотъ, всѣ были трезвы, и когда предпринимали вылазку, то дѣлали это съ умомъ и выдержкой» (стр. 50).

Таковы «скотская разнузданность» и «безуміе», якобы царившіе среди баптистовъ, по даннымъ одного изъ очевидцевъ, менѣе всего склоннаго пріукрашать ихъ.

Какъ же обстоитъ дѣло съ распутствомъ и полигаміей? Можетъ быть въ *этой* области имѣются данныя, позволяющія говорить о скотской распущенности баптистовъ?

Здѣсь мы подходимъ къ одной изъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ главъ въ исторіи анабаптистовъ Мюнстера. Полигамія настолько противорѣчитъ духу анабаптистовъ, напр., моравскихъ, больше того—вообще духу еретическихъ коммунистовъ, что первоначально мы склонны были предполагать, въ данномъ случаѣ, простое смѣшеніе; нѣтъ ничего труднѣе для посторонняго наблюдателя, какъ правильно и безпристрастно понять чуждые ему половыя отношенія. Ни въ какой иной области все непривычное не производитъ на насъ болѣе отталкивающаго и отвратительнаго впечатлѣнія, какъ именно въ области половыхъ вопросовъ. Этому обстоятельству и и приходится, повидимому, приписать тотъ фактъ, что научное и безпристрастное изслѣдованіе половыхъ отношеній въ древности, у дикарей и варваровъ, стало возможнымъ лишь не болѣе вѣка назадъ.

Кто знаетъ, напр., какія нелѣпости выдумывали миссіонеры, наблюдавшіе половыя отношенія у жителей островов Южнаго океана, тотъ легко будетъ склоненъ предположить, что сообщеніе о полигаміи въ Мюнстерѣ покоится на смѣшеніи ея съ «общностью женъ» по образцу адамитовъ,—формѣ половыхъ сношеній весьма близкой, какъ мы знаемъ, нѣкоторымъ видамъ коммунизма средствъ пользованія. Но такое предположеніе не выдерживаетъ критики—*объ общности женъ въ Мюнстерѣ не могло быть и рѣчи.*

Эдиктъ, опубликованіемъ котораго двѣнадцать старѣйшинъ начали свое правленіе, каралъ *нарушеніе супружеской вѣрности и соблазненіе дѣвушки смертью*. Приблизительно къ тому же времени относится, повидимому, защитительное письмо, изданное мюнстерской общиной,—«Bekentones des globens und lebens der gemein Criste zu Monster» [1]). Тамъ, въ главѣ «О бракѣ» (стр. 457 и сл.) говорится: «Въ виду того, что насъ порицаютъ и заподозриваютъ злостной ложью передъ многими чистыми сердцемъ людьми, будто мы живемъ нечестнымъ бракомъ, равно осыпаютъ насъ всевозможными измышленными обвиненіями, приводить которыя здѣсь излишне,—мы хотимъ изложить здѣсь, какъ мы понимаемъ и осуществляемъ святое брачное состояніе...

«Бракъ, говоримъ мы, придерживаясь Св. Писанія, есть сочетаніе (Vergaderong) мужчины и женщины и обязательство ихъ передъ Господомъ...

«Богъ создалъ первыхъ людей, мужчину и женщину, сочетавъ ихъ святымъ бракомъ, дабы они представляли двѣ души и единую плоть. *И ни одинъ человѣкъ не можетъ разлучить такой союзъ*...

«Бракъ есть прообразъ Христа и его святой невѣсты, т. е. его (общины) вѣрующихъ. Какъ Христосъ и его община блюдутъ и держатся другъ друга, такъ и брачущіеся во Господѣ и соединенные Богомъ обязаны блюсти и держаться другъ друга. А разъ мы такъ смотримъ на бракъ, то мы различаемъ между бракомъ христіанъ и бракомъ язычниковъ и невѣрующихъ. Бракъ невѣрующихъ есть грѣхъ, онъ нечистъ; это не бракъ передъ Богомъ, но блудъ и прелюбодѣяніе...

«Ибо, какъ ясно всѣмъ, *они брачутся не иначе, какъ ради друзей и родственниковъ* (mag), *ради денегъ и богатства, ради плоти и роскоши*. Да, рѣдко или даже никогда не думаютъ они, что такое истинный бракъ и какъ надлежитъ вступать въ него, не говоря уже о томъ, что они не знаютъ истиннаго брака, не вступаютъ въ него и не придерживаются его...

«А потому, разъ бракъ есть нѣчто благородное и возвышенное, то *всякій долженъ относиться и подходить къ нему не легкомысленно*, но съ чистымъ и открытымъ сердцемъ, дабы не оскорблять волю и величіе Бога; вѣчная хвала и благодарность Ему за то, что это у насъ уже дѣлается и съ каждымъ днемъ во славу Божію все чаще случается...

«Мы слышимъ, что насъ упрекаютъ еще во многихъ дурныхъ вещахъ,—

[1]) Приведено въ „Berichten der Augenzeugen", стр. 445—464. О предполагаемомъ времени выхода этого сочиненія ср. *Ф. В. Бутервекъ*, Zur Literatur und Geschichte der Wiedertäufer, Боннъ, 1864, стр. 37.

будто мы имѣемъ общихъ женъ по примѣру платониковъ или николаитовъ (адамистовъ) и будто мы не дѣлаемъ никакого различія между кровными родственниками. *Но все это, какъ и другія оскорбительныя и злыя нареканія, которыми злобно и лицемѣрно* (mit visirten Lügen) [1] *осыпаютъ насъ,—выдумано и измышлено* [2]). Мы знаемъ, что Христосъ говорилъ: древнимъ было сказано—не прелюбодѣйствуй, я же говорю вамъ, кто посмотритъ на дѣвушку съ вожделѣніемъ, тотъ прелюбодѣй въ сердцѣ своемъ. Если случится, что кто либо изъ насъ поступитъ такъ—отчего Господи упаси,—*то такого человѣка мы никоимъ образомъ не потерпимъ среди насъ*, но отлучимъ его отъ себя и отдадимъ дьяволу тѣло его на растерзаніе».

Итакъ, мы видимъ, что «нероновское сластолюбіе» анабаптистовъ запрещало имъ даже заигрываніе съ дѣвушкой, какъ нѣчто грѣховное. Этотъ выводъ вполнѣ согласуется съ строгимъ взглядомъ большинства анабаптистовъ на половыя отношенія. Іоаннъ Лейденскій подтвердилъ его второго января 1535 года, заявивъ въ одной изъ уже упомянутыхъ нами двадцати восьми статей своего эдикта, что прелюбодѣяніе и развратъ (послѣднее слово означаетъ не только проституцію, но и всякое внѣбрачное половое сношеніе) будутъ строго караться,—и это въ то время, когда многоженство уже было введено. Существованіе послѣдняго настолько несомнѣнно, что при ближайшемъ разсмотрѣніи, смѣшеніе его съ общностью женъ оказывается совершенно невозможнымъ.

Но чѣмъ же объясняется введеніе многоженства? Обычное объясненіе, основывающееся на распущенности и разнузданности коммунистовъ, правда, весьма удобно и вполнѣ удовлетворительно для буржуазныхъ умовъ; но въ корнѣ его лежитъ лишь одна небольшая ошибка: оно лишено всякаго фактическаго обоснованія. Это объясненіе единственно и исключительно опирается на то, что еще только подлежитъ доказательству,—все же остальное противорѣчитъ ему. Мы уже видѣли, что характерными выдающимися чертами баптистовъ были трезвость и сдержанность.

Въ духѣ баптистскаго коммунизма желаннаго намъ объясненія, впро-

---

[1]) „Visirten Lügen". Въ словарѣ нарѣчій средней и южной Германіи *Шиллера* и *Люббеля* мы не нашли слова „visiren". „Viseren" значитъ разсуждать, измышлять, „Wiseringe"—измышленіе, ложная мысль.

[2]) *Грессбекъ*, конечно, не преминулъ постараться распространить и эту гнусную ложь (стр. 80). То обстоятельство, что онъ самъ противорѣчитъ себѣ, говоря въ другомъ мѣстѣ о взглядѣ баптистовъ Мюнстера на бракъ совершенно иначе,—разумѣется, нисколько не стѣсняетъ автора. Ему кажется, что ложью онъ можетъ скомпрометировать своего врага, а это для него самое важное. И, тѣмъ не менѣе, какъ это, такъ и другія лживыя сообщенія распространяются нашей „наукой" и понынѣ.

чемъ, и нельзя найти; наоборотъ, ссылка на него лишь запутываетъ дѣло. Единственное, что остается,—это искать разгадки въ исключительномъ соотношенiи обоихъ половъ за время осады Мюнстера. А оно дѣйствительно настолько поразительно своеобразно, что игнорировать его можно лишь при невѣроятной ограниченности или при нежеланiи быть добросовѣстнымъ.

Вспомнимъ о массовомъ выселенiи благонамѣренныхъ гражданъ изъ Мюнстера. Мужчины ушли, но оставили въ городѣ своихъ женъ и женскую прислугу. Благодаря этому получился большой избытокъ женщинъ, который, по даннымъ, приводимымъ Гресбекомъ, былъ, повидимому, крайне великъ. Онъ описываетъ «трапезу на Сiонской горѣ», «на которой присутствовало *двѣ тысячи мужчинъ*, стариковъ и юношей. Вооруженныхъ мужчинъ-анабаптистовъ въ Мюнстерѣ никогда не было больше 1500. Женщинъ, молодыхъ и старыхъ, было въ городѣ *восемь* или *девять тысячъ*,—вполнѣ точнаго числа я не знаю. Кромѣ того, тамъ проживало еще маленькихъ дѣтей, умѣвшихъ и не умѣвшихъ ходить, приблизительно десять или двѣнадцать сотенъ» [1]).

Это своеобразное положенiе усложнялось еще тѣмъ, что приблизительно половина мужского населенiя были люди холостые; къ числу ихъ принадлежали многочисленные *эмигранты*, а также, конечно, и ландскнехты, захваченные въ плѣнъ или перебѣжавшiе къ баптистамъ и присоединившiеся къ нимъ.

Въ перiодъ осады такое положенiе для большинства совершеннолѣтняго мужского населенiя города (когда были прекращены всякiя сношенiя съ внѣшнимъ мiромъ) являлось совершенно невыносимымъ, особенно благодаря строгому взгляду баптистовъ на половыя отношенiя. *Именно эта строгость*, каравшая всякiя внѣбрачныя половыя сношенiя весьма сурово, *привела къ необходимости коренного измѣненiя* половыхъ отношенiй.

Люди, не находящiе достаточныхъ словъ возмущенiя по адресу мюнстерскихъ анабаптистовъ за ихъ многоженство, считаютъ, однако, прости-

---

1) Стр. 107. Меньшiя цифры приводитъ баптистъ, Вернеръ Шейфартъ изъ Мероды. Онъ былъ захваченъ во время вылазки, и въ своемъ показанiи 11 декабря 1534 г. заявилъ: „Тамъ имѣется около восьми или девяти тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, изъ нихъ вооруженныхъ приблизительно 1.400" (Berichte der Augenzeugen, стр. 293). Число вооруженныхъ почти совпадаетъ съ данными Гресбека; очевидно, онъ вѣрно опредѣляетъ и общую численность мужчинъ. Повидимому, тамъ былъ произведенъ подсчетъ населенiя. Если прибавить къ этимъ даннымъ еще тысячу дѣтей, то, согласно Шейффарту, число совершеннолѣтнихъ женщинъ опредѣлится, все же, въ пять-шесть тысячъ, т. е. *вдвое и даже втрое* больше, по сравненiю съ числомъ мужчинъ.

туцію явленіемъ совершенно естественнымъ. Конечно, въ Мюнстерѣ проституція существовала и при господствѣ стараго порядка. Между 36-ю статьями, формулированными повстанцами Мюнстера въ 1525 году (см. стр 442), 18-я статья требовала: «Всѣ распутныя женщины и *наложницы священниковъ* должны быть отличаемы отъ честныхъ женщинъ по особымъ внѣшнимъ признакамъ».

Но «безумные распутники» покончили съ проституціей. Проституція и коммунизмъ—два понятія безусловно несовмѣстимыя, исключающія другъ друга. Различныя формы коммунизма примиримы съ самыми разнообразми формами половыхъ отношеній, за исключеніемъ только *одной—продажной любви*. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ товарное производство, гдѣ нѣтъ купли и продажи,—тѣло женщины, какъ и рабочая сила, перестаетъ быть товаромъ. Какъ ни совершенно былъ осуществленъ коммунизмъ въ Мюнстерѣ, но во время господства баптизма ни одной дѣвушкѣ не приходилось продавать себя изъ-за нужды. Продажныя же женщины, охотно желавшія зарабатывать то золото, которое онѣ привыкли получать во время господства стараго режима, не находили себѣ въ Мюнстерѣ покупателя, ибо ни у одного частнаго человѣка тамъ не было денегъ. Онѣ должны были искать золота въ лагеряхъ защитниковъ нравственности и порядка, у ландскнехтовъ, благомыслящихъ гражданъ, свѣтской и духовной аристократіи. Среди нихъ онѣ находили своихъ старыхъ покупателей.

Естественное вліяніе коммунизма въ Мюнстерѣ было усилено, кромѣ того, строгимъ отношеніемъ баптистовъ къ половымъ вопросамъ. Представимъ себѣ такое положеніе: болѣе тысячи холостыхъ мужчинъ живутъ рядомъ съ многими тысячами незамужнихъ женщинъ впродолженіи долгихъ мѣсяцевъ въ тѣсныхъ предѣлахъ небольшого (по современнымъ понятіямъ) города, въ которомъ совершенно отсутствуетъ проституція. Прелюбодѣяніе и внѣбрачныя половыя отношенія становились при такихъ условіяхъ совершенно неизбѣжными. Самое строгое наказаніе было безсильно помѣшать этому. Существовало лишь одно средство воспрепятствовать стихійно-нароставшей путаницѣ половыхъ отношеній,—*заново перестроить всѣ брачныя отношенія.* Послѣ долгихъ колебаній, старѣйшины и прорицатели приступили къ дѣлу, въ іюлѣ, т. е. на *пятомъ мѣсяцѣ осады.*

Задача была трудна, больше того, почти неразрѣшима; предстояло создать брачное право, которое гармонировало бы со строгой моралью баптистовъ въ вопросахъ брака, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣчало бы исключительнымъ условіямъ, создавшимся въ Мюнстерѣ. Въ соотвѣтствіи съ трудностью задачи, новое брачное право вылилось не въ форму единаго законченнаго закона, но въ форму многочисленныхъ, частью пополняющихъ другъ друга, а частью взаимно противорѣчащихъ, постановленій. Анабаптисты

Мюнстера не вышли и, при ненормальныхъ условіяхъ ихъ жизни, не могли выйти за предѣлы исканія нужной имъ формы брака.

Гресбекъ пытается прослѣдить робкое нащупываніе, исканіе мюнстерцами такой формы брака, но его сообщенія настолько спутаны, полны противорѣчій и искаженій, что на основаніи ихъ трудно себѣ представить ясную картину [1]).

Намъ удается все же подмѣтить два момента. Одинъ заключается въ стремленіи превратить бракъ въ свободный союзъ. Прежде всего надлежало объявить недѣйствительными всѣ браки, заключенные до принятія вторичнаго крещенія; безъ этого для женъ, оставленныхъ мужьями, покинувшими городъ, невозможно было вступить въ новый бракъ. Анабаптистамъ тѣмъ легче было сдѣлать это, что, хотя они и считали бракъ нерасторжимымъ, но языческій бракъ такъ же мало считали дѣйствительнымъ брачнымъ союзомъ, какъ крещеніе дѣтей—истиннымъ крещеніемъ. Супруги, уже жившіе въ бракѣ, должны были, какъ баптисты, заключить новый брачный союзъ.

Второй моментъ обнаруживается въ стремленіи создать для всѣхъ женщинъ одинаковыя условія зависимости, — первоначально, однако, только экономической, а отнюдь не физической.

Чтобы понять сущность мюнстерскаго «многоженства», необходимо помнить, что въ Мюнстерѣ дѣло никогда *не доходило* до уничтоженія *отдѣльныхъ хозяйствъ*. Но, благодаря уходу многихъ горожанъ, тамъ насчитывалось много хозяйствъ, совершенно лишенныхъ главы дома, и даже такихъ хозяйствъ, въ которыхъ не было хозяйки, а остались одни лишь служанки. Въ осажденномъ городѣ съ многочисленнымъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ холостыхъ мужчинъ, это должно было создать крайне тяжелыя послѣдствія. Поэтому было рѣшено, что ни одна женщина не должна оставаться безъ *охраны и наблюденія* мужчины. Мы должны помнить, что анабаптисты Мюнстера, не упразднившіе отдѣльныхъ хозяйствъ, были столь же мало сторонниками эмансипаціи *женщинъ*, какъ и эмансипаціи *плоти*. Въ уже упомянутомъ эдиктѣ старѣйшинъ § 3, трактующій «о власти мужа и подчиненіи жены», гласитъ: «Мужья, любите своихъ женъ. Жена да будетъ подчинена своему мужу, какъ господину. «Жена да боится своего мужа» [2]).

---

[1]) Совершенно лишено смысла описаніе Керссенбронка. Онъ сообщаетъ, будто одинъ изъ ландскнехтовъ захватилъ на мѣстѣ преступленія Іоанна Лейденскаго въ тотъ моментъ, когда онъ пробирался къ одной изъ служанокъ Книппердоллинка. Послѣ этого Іоаннъ, дабы избѣжать позора, убѣдилъ Ротмана и другихъ проповѣдниковъ, не менѣе склонныхъ къ распутству и блуду, просто-на-просто ввести многоженство.

[2]) *Керссенбронкъ*, II, стр. 1.

Особенной рѣзкостью въ этомъ отношеніи, отличается «Реституція», агитаціонное сочиненіе, написанное Ротманомъ и появившееся въ октябрѣ 1534 года [1]). «Мужчина долженъ проявлять господство (власть) по отношенію къ женщинѣ со всѣмъ мужествомъ и обязанъ блюсти бракъ въ чистотѣ. Жены почти вездѣ забрали власть въ свои руки и ведутъ мужей на поводу, какъ медвѣдя... Крайне необходимо, чтобы жены, которыя теперь повсюду усвоили себѣ мужскую повадку, обнаруживали бы должное подчиненіе и послушаніе; ибо такъ угодно Богу, чтобы каждый зналъ свое мѣсто,—мужчина стоялъ бы ниже Христа, женщина—ниже мужчины».

Женщина, не подчиненная главѣ дома, обязана была отнынѣ войти въ хозяйство съ мужчиной во главѣ, но не какъ прислужница, работница, а какъ *подруга жены*.

Это распоряженіе было обосновано, конечно, не ссылкой на фактически сложившіяся отношенія, вызвавшія его,—въ то время настолько матеріалистично еще не мыслили,—а указаніемъ на библейскій прецедентъ. Но въ библіи нашелся лишь одинъ примѣръ, нѣсколько подходившій къ этому случаю; примѣръ этотъ—*многоженство* еврейскихъ старѣйшинъ, именно патріарховъ. На нихъ ссылались тѣмъ охотнѣе, что патріархи были несомнѣнно безусловно благочестивыми людьми, которыхъ Богъ удостоивалъ личными посѣщеніями или же посѣщеніями своихъ ангеловъ. То, что сдѣлали эти примѣрные христіане, не могло считаться, конечно, грѣхомъ. Въ своихъ выводахъ баптисты могли ссылаться на самыхъ выдающихся представителей евангелической церкви. Еще 27-го августа 1531 года, Меланхтонъ посовѣтовалъ англійскому королю взять себѣ *вторую* жену на ряду съ первой; причемъ онъ заявилъ, что «многоженство» не запрещено божественнымъ правомъ» [2]).

[1]) „Eyne Restitution edder Eine wedderstellinge rechter vnde gesunder Christliker leer, gelauens vnde leuens vth Gades genaden durch de gemeynte Christi tho Munster an den Dach gegeuen... Мюнстеръ, 1534“. Пространную, снабженную многочисленными цитатами выдержку изъ этого сочиненія приводитъ *Бутервекъ*, Zur Literatur und Geschichte der Wiedertäufer, стр. 15—34.

[2]) Даже *послѣ того*, какъ введеніе многоженства въ Мюнстерѣ привело къ такому скандалу, и было встрѣчено всеобщимъ осужденіемъ, Лютеръ и Меланхтонъ заявили 10-го ноября 1539 года, ландграфу Филиппу Гессенскому: „Брачное состояніе, дозволенное по закону Моисея, не запрещено въ Евангеліи“. На этомъ основаніи ландграфу разрѣшается-де обзавестись нѣсколькими женами. (Аналогичныя цитаты см. также у *Келлера*, Die Reformation, стр. 454 и сл.). Такимъ образомъ, благочестивые люди высказывали въ то время свое безмѣрное негодованіе не по поводу полигаміи; они возмущались дерзостью анабаптистовъ, выразившейся въ томъ, что они превратили полигамію—эту привилегію князей—въ нѣчто доступное всякому.

Религіозная оболочка въ значительной степени скрыла истинный характеръ мюнстерскаго «многоженства». Потокъ злобы, клеветы и извращеній, направленный на баптистовъ враждебными имъ писателями, отнюдь не могъ содѣйствовать выясненію сущности этого установленія, а тенденціозныя искаженія партійныхъ лѣтописцевъ окончательно уничтожили всякіе слѣды указывающіе на истинный характеръ происхожденія его. Но, къ счастью, лѣтописцы оказались слишкомъ близорукими для того, чтобы безвозвратно скрыть отъ насъ истину. Нѣкоторыя ихъ показанія позволяютъ намъ выяснить, что, вводя «многоженство», баптисты имѣли въ виду соединеніе нѣсколькихъ женщинъ въ одномъ домашнемъ *хозяйствѣ*, а отнюдь не на одномъ *ложѣ*, что конечно не значитъ, что первое не благопріятствовало второму.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что *каждая* женщина,—не только способная къ половымъ отношеніямъ, но даже и *старуха*, равно и *не достигшая половой зрѣлости*,—была обязана отыскать себѣ мужа [1]).

Но это указаніе не единственное, служащее намъ опорой. Мы находимъ себѣ поддержку также въ нижеслѣдующемъ сообщеніи *Керссенброика*: «Въ началѣ октября жена Бутендинка, Варвара, публично обвинялась своимъ господиномъ и мужемъ въ томъ, что она говоритъ ему наперекоръ и оскорбляетъ его *унижающимъ его честь бранными словами, заявляя, что онъ живетъ со своими прочими женами и ся сестрами не духовно, а плотски, и часто плотски общается съ ними*». Она была признана виновной и приговорена къ смерти, но помилована послѣ того, какъ попросила прощенія у своего мужа (стр. 80).

Итакъ, между фактической женой и ся подругами проводилось различеніе. *Не всякая женщина, входившая въ домашнее хозяйство, была фактической женой главы дома*, хотя и называлась его женой.

---

[1]) Разумѣется, *Гресбекъ*, полагаетъ, что послѣднее предписаніе имѣло цѣлью *принудить* маленькихъ дѣвочекъ къ половымъ сношеніямъ. Что нѣкоторые главы хозяйствъ, особенно же грубые ландскнехты, могли злоупотреблять своимъ положеніемъ,—это, конечно, возможно. Большаго не утверждаетъ и самъ *Керссенброикъ* (II, стр. 44). Аналогичныя вещи происходятъ повсюду. Но что *цѣлью* этой мѣры было *насильственное растлѣніе малолѣтнихъ*, этому мы могли бы повѣрить только въ томъ случаѣ, если бы у насъ былъ болѣе достовѣрный свидѣтель, чѣмъ пресловутый Гресбекъ: какъ ни цѣнны его показанія, когда дѣло касается *фактовъ*, но, говоря о *побудительныхъ причинахъ и намѣреніяхъ* баптистовъ, онъ не идетъ дальше злобной и безсодержательной болтовни. Желаніе *узаконить* скотское распутство чуждо, по нашему мнѣнію, даже тѣмъ благороднымъ господамъ, которымъ платятъ свою тяжелую дань дѣвушки въ современныхъ городахъ.

Тѣмъ не менѣе вполнѣ возможно, что, при такомъ тѣсномъ сожительствѣ, сравнительно чаще случалось то, что и безъ того происходитъ нерѣдко, — мужъ не довольствовался одной своей женой; въ этомъ, между прочимъ, упрекали и Бутендинка. Это было тѣмъ возможнѣе, что суровое ученіе анабаптистовъ запрещало, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже половыя сношенія между супругами. Это требовалось въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., супруга была безплодна или же беременна. По ихъ мнѣнію, половыя сношенія должны служить не удовлетворенію чувственности, а продленію рода [1]). Поэтому, въ извѣстныхъ случаяхъ, мужу было дозволено, на ряду съ своей постоянной супругой, входить въ физическія сношенія и съ другими женщинами, отданными подъ его покровительство. Такъ, въ вышеупомянутой «Реституціи» Ротманъ говоритъ: «Если мужчина получилъ особое благословеніе божіе и способенъ оплодотворить больше *одной* женщины и не склоненъ, согласно завѣту Божію, злоупотреблять такимъ благословеніемъ, то ему предоставляется право, и даже нужно взять себѣ въ жены нѣсколько женщинъ, способныхъ къ зачатію; ибо познать женщину... внѣ брака есть прелюбодѣяніе и распутство».

Но необходимо постоянно проводить строгое различіе между этимъ *половымъ* многоженствомъ и многоженствомъ *экономическимъ*. При первомъ женщину выбиралъ для себя мужчина, а при второмъ сама женщина выбирала себѣ мужчину, котораго она готова была признать своимъ защитникомъ. Первое *допускалось* въ исключительныхъ обстоятельствахъ въ виду вышеописанныхъ исключительныхъ условій жизни въ Мюнстерѣ, когда запретить его было совершенно невозможно. Законодатели Мюнстера удовольствовались лишь тѣмъ, что ограничили это стремленіе рамками узаконеннаго брака. Другого рода многоженство, признававшееся нѣкоторое время *обязательнымъ*, носило характеръ *экономическій* и представляло собой соединеніе въ одномъ домоводствѣ нѣсколькихъ женщинъ, отданныхъ подъ защиту и надзоръ одного мужчины. Согласно брачному праву Мюнстера, для женщины былъ обязательнымъ только этотъ послѣдній родъ «многоженства», а отнюдь не первый. Но вскорѣ былъ уничтоженъ и этотъ видъ принудительнаго права, какъ это видно, изъ уже многократно цитировавшихся нами 28 статей *Іоанна Лейденскаго*. Мы приведемъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ браку; онѣ весьма характерны для духа мюнстерскаго брачнаго права:

[1]) *Ротманъ* говоритъ въ своей „Реституціи“: „Что беременную женщину, или же неспособную къ зачатію не слѣдуетъ и нельзя познавать, — это доказуется прежде всего тѣмъ, что Богъ приказалъ людямъ плодиться и размножаться, а потому только ради этого, а отнюдь не ради похотливости, должны мужчина и женщина пользоваться благословеніемъ Божіимъ“.

«24. Никто не можетъ быть насильно принуждаемъ къ браку, ибо бракъ есть свободный союзъ, который заключается скорѣе самой природой, въ силу любви, а не благодаря обмѣну тѣхъ или иныхъ словъ и внѣшнимъ обрядамъ.

«25. Если кто подверженъ падучей болѣзни, венерическимъ или какимъ другимъ заболѣваніямъ, то ему вовсе не слѣдуетъ вступать въ бракъ, развѣ только другая сторона, съ которою онъ хочетъ сочитаться, заранѣе увѣдомлена о его болѣзни.

«26. Всякая дѣвушка, уже потерявшая невинность, не должна выдавать себя за дѣвственницу и вводить въ обманъ и заблужденіе своего собрата; такой обманъ подлежитъ строгому наказанію.

„27. *Всякая незамужняя женщина или же не имѣющая законнаго мужа пользуется правомъ избрать себѣ изъ общины Христовой опекуна или защитника*".

Статьи заканчиваются предсказаніемъ: «Голосъ Бога живаго повѣдалъ мнѣ, что таковъ приказъ Всевышняго: мужья должны потребовать, *какъ отъ своихъ законныхъ женъ*, такъ и отъ тѣхъ женъ, *попеченіе и охрана которыхъ* имъ поручена, объявленія ихъ символа вѣры, но не обычно-читаемаго,—вѣрую во Единаго Бога Отца,—а символа вѣры, касающагося новаго царства, брачнаго союза, а также того, зачѣмъ и почему онѣ были крещены. Обо всемъ этомъ онѣ должны повѣдать и объявить *своимъ мужьямъ*». (11., стр. 138, 139).

Такова послѣдняя форма брачнаго права у анабаптистовъ Мюнстера. Она вполнѣ отвѣчаетъ трезвой, разумной простотѣ, характерной, какъ мы знаемъ, для баптистовъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Самому ловкому и самому беззастѣнчивому ненавистнику соціалистовъ, трудно будетъ выудить отсюда малѣйшее указаніе разнузданную похотливость баптистовъ.

Статьи, изданныя 2-го января, содержатъ въ себѣ постановленія, значительно смягчающія брачное право, установленное 23-го іюля предыдущаго года. Послѣднее налагало на каждую женщину *обязанность* найти себѣ мужчину — покровителя, господина—и примкнуть къ его хозяйству. Это постановленіе создало, повидимому, на практикѣ невыносимое положеніе, и поэтому вскорѣ, осенью того же года, было отмѣнено: женщинамъ было позволено, при желаніи, оставлять выбранныхъ ими себѣ въ покровители «господъ». То что было прежде для женщины *обязанностью*, стало теперь ея *правомъ*, осуществлять которое она могла вполнѣ свободно.

Какъ бы мы не представляли себѣ этотъ видъ «многоженства», оно, во всякомъ случаѣ, не имѣло ничего общаго съ восточнымъ гаремомъ.

Послѣдній всецѣло порабощаетъ женщину. Въ Мюнстерѣ объ этомъ не могло быть и рѣчи: женщины сами вполнѣ свободно выбирали себѣ мужей, защитниковъ и опекуновъ. Какъ мало угнеталъ ихъ новый строй брачныхъ отношеній, видно изъ того, *что большинство изъ нихъ принадлежало къ числу самыхъ пламенныхъ борцовъ за новое царство.*

Конечно, и между ними были недовольныя; вѣдь не всѣ же остались въ городѣ по убѣжденію; съ другой стороны, новое брачное право, выросшее изъ столь ненормальныхъ условій, слишкомъ рѣзко противорѣчило глубоко вкоренившимся воззрѣніямъ. Кромѣ того, это нововведеніе безсильно было устранить уже возникшія трудности, не создавая все новыхъ и новыхъ. Но до насъ почти не дошло свѣдѣній о сколько-нибудь энергичныхъ протестахъ со стороны женщинъ [1]; наоборотъ, мы располагаемъ многочисленными данными, свидѣтельствующими объ энтузіазмѣ, съ которымъ женщины боролись за новый строй.

Примѣръ тому—молленгекское возстаніе 30-го іюля. Его обычно изображаютъ, какъ возмущеніе нравственно-настроенныхъ элементовъ города противъ многоженства. «Полной общности женъ — говоритъ *Бецольдъ*— у нихъ не было установлено, но заявленія пророковъ, что они не потерпятъ въ городѣ ни одной женщины безъ мужа, привело къ полигаміи, ничѣмъ не лучшей общности женъ. *Лучшія чувства* горожанъ лишній разъ возмутились противъ этихъ *мерзостей*, но ихъ попытка къ возстанію была потоплена въ крови, и женщинъ, значительно превосходившихъ

---

[1] Насколько изощрены буржуазные историки въ стремленіи преувеличить этотъ протестъ, это намъ выяснитъ слѣдующій примѣръ. Въ своей „Geschichte der Wiedertäufer“ (стр. 211), *Келлеръ* пишетъ: Не подлежитъ сомнѣнію, что много женщинъ какъ замужнихъ, такъ и незамужнихъ, протестовали всѣми средствами противъ новой формы брака; *сообщаютъ, что одна изъ нихъ предпочла добровольную смерть позору, къ которому ее хотѣли принудить*“. А что сообщается на самомъ дѣлѣ? Керссенброкъ пишетъ: „Такъ, они нашли однажды въ водѣ женщину, которая утонула и плавала на водѣ совершенно одѣтой. Простые люди не знали, какимъ образомъ она утонула,—утопили ли ее пророки и порицатели, или же она сама утопилась. Женщина лежала на водѣ несвязанной, а потому люди въ городѣ полагали, что она сама утопилась, будучи удручена новымъ брачнымъ порядкомъ. Какъ обстояло дѣло въ дѣйствительности, *объ этомъ я больше ничего не могу сообщить*“ (стр. 64, 65). Итакъ, „сообщается“ лишь о томъ, что въ Мюнстерѣ была найдена утонувшая женщина. Произошло ли въ данномъ случаѣ преступленіе или самоубійство—а можетъ быть простой несчастный случай, возможность, на которой Гресбекъ почему-то даже не останавливается,—объ этомъ ничего неизвѣстно. Но это не мѣшаетъ автору говорить о страшномъ злодѣяніи!

по численности мужское населеніе, продолжали попрежнему *распредѣлять* (!) между мужчинами, т. е. меньшинствомъ «господъ». (Geschichte der deutschen Reformation, стр. 710).

Какъ же происходило дѣло въ дѣйствительности? Моллингекъ, бывшій начальникъ цеховъ, собралъ вокругъ себя «часть горожанъ, благочестивыхъ людей и ландскнехтовъ, не только для того, чтобы уничтожить новыя брачныя отношенія, но и для того, чтобы «всякій снова получилъ свое добро, бургмистръ и члены городского совѣта заняли свои прежнія мѣста, чтобы все пошло по старому, а городъ былъ сданъ». (*Гресбекъ* стр. 175). Во главѣ этого движенія, якобы преисполненнаго моральныхъ перемленій, фактически же являвшагося контръ-революціей, стояли перебѣжавшіе къ баптистамъ ландскнехты. Въ началѣ они добились успѣха, имъ удалось даже арестовать Іоанна Лейденскаго и Книппердоллинка. Открой они въ это время городскія ворота, войскамъ епископа тотчасъ удалось бы овладѣть городомъ,—говоритъ далѣе Крессбергъ. Но дѣятельность возставшихъ проявилась лишь въ *грабежѣ*. «Они больше всего стремились добыть золота; вмѣсто дого, чтобы подумать, какъ бы овладѣть воротами, они набили себѣ полные рукава (mouven) денегъ, проводили всю ночь въ винномъ погребѣ и пили, такъ что напились пьяными. Тогда ихъ побили, ибо фризы и голландцы взяли перевѣсъ».

Печальнѣе всего въ этомъ пораженіи контръ-революціи было то обстоятельство, что въ то время какъ ландскнехты, занимаясь грабежомъ и пьянствомъ, рисковали своей жизнью во имя нравственности и воздержанія, тѣ, за кого они заступались, т. е. насилуемыя *женщины*, горячо боролись *противъ* нихъ, за развратъ и кровосмѣшеніе. Когда возставшіе засѣли въ ратушѣ, то именно женщины (по Керссенброику, правда, только «замужнія») установили на рыночной площади тяжелыя орудія, намѣреваясь обстрѣливать изъ нихъ ворота.

Керссенброикъ и Гресбекъ приводятъ намъ многочисленные примѣры того, какъ ревностно и охотно сражались женщины на укрѣпленіяхъ всякій разъ, какъ предстояло отбить штурмъ. Но онѣ участвовали также и въ вылазкахъ. Когда городъ ожидалъ подкрѣпленія, то Іоаннъ Лейденскій рѣшилъ предпринять вылазку и пойти навстрѣчу войску, которое шло ему на подмогу изъ Нидерландовъ. Для этого отчаяннаго предпріятія онъ вызвалъ добровольцевъ, и не только мужчинъ, но и *женщинъ*.

«На слѣдующій день, на соборный дворъ явились женщины, желавшія участвовать въ вылазкѣ. Ихъ было около *трехсотъ*. Онѣ пришли со своимъ оружіемъ: у однихъ были аллебарды, у другихъ копья (knevelspiet,—копье съ поперечной деревянной перекладиной), и шли онѣ военнымъ строемъ. Такъ какъ король не хотѣлъ брать съ собою всѣхъ жен-

щинъ, то онъ произвелъ имъ ученіе; женщины, отобранныя королемъ— числомъ пятьдесятъ одна—были переписаны по именамъ.

«На слѣдующій день было приказано явиться на соборный дворъ всѣмъ женщинамъ, которыя пожелали остаться въ городѣ. Онѣ пришли со своимъ оружіемъ и маршировали по соборному двору, *словно отрядъ ландскнехтовъ*». Онѣ были раздѣлены на отряды по числу городскихъ воротъ, причемъ каждому отряду была поручена, совмѣстно съ мужчинами, сторожевая служба у различныхъ воротъ. Онѣ ушли при пѣніи псалма,— марсельезы періода нѣмецкой реформаціи,—начинавшагося словами: Eine feste Burg ist unser Gott. (Сильная крѣпость—нашъ Богъ) (стр. 128).

Такъ женщины Мюнстера протестовали противъ причиненнаго имъ позора.

Такова была постановка «женскаго вопроса» въ Мюнстерѣ. Многое въ этой области неясно и полно существенныхъ пробѣловъ, но мы думаемъ, что сказанное нами позволяетъ признать, что новый строй половыхъ отношеній, создавшихся въ Мюнстерѣ, вполнѣ понятенъ съ человѣческой точки зрѣнія, и даже,—не смотря на нѣкоторые его недостатки, наивность и грубость,—во многомъ симпатиченъ для современнаго чувства и мысли. Менѣе всего имѣютъ поводовъ возмущаться «безстыднымъ распутствомъ» мюнстерскихъ баптистовъ представители современнаго общества, того общества, основы котораго характеризуются, между прочимъ, самымъ отвратительнымъ и унизительнымъ видомъ половыхъ отношеній—эксплоатаціей нужды и невѣдѣнія юныхъ дѣвушекъ; съ благородной цѣлью принизить ихъ до степени безвольныхъ рабынь, беззащитныхъ, отданныхъ во власть похотливости, обитательницъ домовъ терпимости. Куда бы дѣвался безъ этихъ великолѣпныхъ учрежденій расцвѣтъ большей части нашей промышленности, что бы сталось съ добродѣтелью и нравственностью буржуазныхъ дѣвушекъ и женщинъ?

Картина половой разнузданности, якобы царившей, по описанію нашихъ буржуазныхъ историковъ въ Мюнстерѣ, на самомъ дѣлѣ—картина современности. Это точная копія того, что происходитъ, изо дня въ день, въ любомъ современномъ цивилизованномъ городѣ, гдѣ высшая мудрость нашего общества успѣла дойти до конечнаго вывода, гласящаго: *урегулированіе этихъ «сатурналій»*.

X. Паденіе Мюнстера.

Наше изслѣдованіе характера Мюнстерской «коммуны» оказалось болѣе пространнымъ и полемическимъ, чѣмъ мы ожидали и предполагали соотвѣт-

ственно намѣченному плану этой работы. Но съ меньшими усиліями, и невозможно расчистить груды лжи, нагромажденной на мюнстерскихъ анабаптистовъ; невозможно, также, не утратить научнаго спокойствія, когда видишь систематическія стремленія превратить первоначально тихій, миролюбивый народецъ въ какую то банду кровожадныхъ, съумасбродныхъ негодяевъ только потому, что онъ не погибъ случайно подъ гнетомъ непрестанныхъ преслѣдованій, а, наоборотъ, взялся за энергичное сопротивленіе, и не только страдалъ за свои убѣжденія, но и боролся за нихъ, противопоставивъ вооруженному нападенію вооруженную же защиту, дойдя, такимъ образомъ, до воинственнаго героизма.

Послѣ того, какъ предательское нападеніе 10-го февраля было отбито, епископъ Францъ съ легкимъ сердцемъ приступилъ къ осадѣ города. Онъ представлялъ себѣ анабаптистскую массу простымъ сбродомъ голодныхъ, сбѣжавшихся отовсюду бродягъ, съ которыми не трудно справиться. Въ его распоряженіи находилось нѣсколько тысячъ хорошо обученныхъ солдатъ, руководимыхъ испытанными полководцами, и много орудій; уже передъ Троицей къ его услугамъ было до 8.000 ландскнехтовъ [1]). Но баптисты, будучи въ меньшинствѣ — они имѣли не больше 1.500 человѣкъ— и не обладая военной выучкой, оказались сильнѣе своего противника, не только благодаря укрѣпленіямъ своего города, но еще больше, благодаря своей дисциплинѣ, готовности къ самопожертвованію и воодушевленію.

Какъ обстояло дѣло съ дисциплиной въ епископскомъ лагерѣ, объ этомъ мы уже отчасти говорили. Особенно затрудняло военныя операціи царившее тамъ пьянство. Это, напр., обнаружилось уже при первомъ штурмѣ.

21-го мая 1534 года началась первая бомбардировка города. Она длилась 5 дней. 25-го осаждающіе перешли въ штурмъ. Но часть солдатъ была пьяна; они двинулись впередъ преждевременно, были отброшены и привели въ растройство надвигавшіяся за ними войска. Правда, эти послѣднія тѣмъ не менѣе подошли со своими лѣстницами къ самымъ валамъ, но встрѣтили тамъ такое сильное сопротивленіе, что должны были отступить въ полномъ безпорядкѣ.

Вскорѣ послѣ этого осажденные предприняли вылазку противъ одного изъ внѣшнихъ постовъ, застигли ландскнехтовъ во время карточной игры и пьянства, обратили ихъ въ бѣгство, заклепали пушки и такъ аттаковали подоспѣвшія на выручку главныя силы войска, что тѣ не рискнули преслѣдовать ихъ и позволили имъ благополучно возвратиться въ городъ.

Не повезло осаждающимъ и при второмъ штурмѣ, который они пред-

---

[1]) По даннымъ *Гера Шенка* (Berichte der Augenzeugen, стр. 260).

приняли 31-го августа, послѣ предшествовавшей ему трехдневной жестокой бомбардировки. Завязалась отчаянная борьба, которая закончилась рѣшительнымъ пораженіемъ нападавшихъ. Потери ихъ были огромны; однихъ военачальниковъ у нихъ убыло 48 человѣкъ [1]).

Съ тѣхъ поръ осаждающіе утратили надежду взять городъ силой и ограничились блокадой, намѣреваясь извести его голодомъ.

И, тѣмъ не менѣе, дѣло закончилось тѣмъ, что противъ одного города начала войну цѣлая германская имперія.

Въ началѣ «единая реакціонная масса» никакъ не могла сплотиться Что силъ одного епископа не хватитъ для взятія Мюнстера—это выяснилось скоро. Францъ сталъ искать союзниковъ, какъ на сторонѣ католиковъ, такъ и на сторонѣ евангеликовъ; но каждый изъ союзниковъ стремился, приэтомъ, подвести другого, и споръ изъ за медвѣжьей шкуры нерѣдко сильно затруднялъ борьбу противъ еще благополучно здравствовавшаго медвѣдя. Тѣмъ не менѣе,—несмотря на всѣ интриги,—дипломатическія соглашенія, а также постановленія княжескихъ и военныхъ конгрессовъ неизмѣнно увеличивали число осаждающихъ и ихъ силу; когда наконецъ, 4-го апрѣля 1535 года въ *Вормсѣ* собрался нѣмецкій рейхстагъ, то осада Мюнстера была объявлена общеимперскимъ дѣломъ, для осуществленія котораго была установлена имперская подать. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ осажденнымъ были присланы бургмистры Франкфурта и Нюренберга, дабы потребовать отъ нихъ сдачи *отъ имени всей имперіи.* Но они отвергли всякую мысль о сдачѣ.

Къ этому времени положеніе города было уже безнадежно. Еще въ началѣ борьбы, при видѣ ожесточенной вражды господствующихъ классовъ *всей имперіи*, баптисты Мюнстера поняли, что ихъ возстаніе можетъ закончиться побѣдоносно только въ томъ случаѣ, если оно не останется мѣстнымъ, а распространится дальше. Надежды ихъ на это были

---

[1]) Въ одной народной пѣснѣ, участвовавшій въ битвѣ ландскнехтъ поетъ:

„Die Landsknecht waren in Grosser Noth,
Da blieben wohl dreitausend Todt
Zu Münster unter den Mauern.
Wussten mein Vater und Mutter dat,
Sie sollten mir helfen trauern“.

(*Газе*, Heilige und Propheten, II, стр. 249).

(„Пришлось ландскнехтамъ тяжело
Да, сотни три ихъ полегло—
На стѣнахъ Мюнстера, всѣ жизнь свою сгубили.
Узнай про то отецъ и мать мои,
Со мной печаль мою они бы раздѣлили“).

далеко не необоснованы. Во всѣхъ сѣверно-германскихъ городахъ они имѣли много приверженцевъ, а въ Любекѣ дружественное имъ теченіе даже стало во главѣ правительства. По всѣмъ направленіямъ начали они разсылать своихъ посланниковъ. Они старались, также, повліять на населеніе другихъ городовъ, при посредствѣ летучихъ листковъ и брошюръ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ уже неоднократно цитировавшаяся нами брошюра *Ротмана*,—«Restitution, oder Wiederherstellung der rechten und gesunden christlichen Lehre, Glaubens un Lebens», которая появилась въ октябрѣ 1534 года и заключала въ себѣ оправданіе баптистскихъ ученій и установленій. Въ ней отстаивалось право употреблять мечъ противъ «безбожныхъ», отстаивался, также, коммунизмъ и многоженство. Брошюра эта была вывезена тайкомъ изъ города и въ короткое время распространена. Вскорѣ понадобилось второе изданіе ея.

Въ декабрѣ появилась «Das Büchlein von der Rache» [1]. («Книжка о мести»). Въ ней говорилось: время отмщенія приближается, месть будетъ совершена надъ тѣми, кто до сихъ поръ насильничалъ, и когда она будетъ совершена, то народу божію откроется новое небо и новая земля. Брошюра оканчивается призывомъ къ возстанію: «Итакъ, возлюбленные братья, время отмщенія наступило, Богъ пробудилъ обѣщаннаго Давида, вооружилъ его и народъ свой для наказанія Вавилона. Вы прочли здѣсь, что предстоитъ намъ, сколь богатая награда ожидаетъ насъ и какъ пышно будемъ мы увѣнчаны, если только мы будемъ бороться храбро и мужественно, сознавая, что что-бы ни даровалъ намъ Богъ,—жизнь или смерть,—мы все же не погибнемъ. Поэтому, возлюбленные братья, ополчайтесь на борьбу, вооружайтесь не только смиреннымъ оружіемъ апостоловъ—готовностью претерпѣть, но и славнымъ панцыремъ Давида—местью, дабы силой и помощью божіей искоренить все вавилонское насиліе и всѣхъ безбожныхъ... Вы должны примѣнить всю вашу мудрость, сообразительность, ловкость и хитрость, чтобы поразить безбожныхъ враговъ Бога и утвердить знамя божіе. *Припомните все, что они причинили вамъ*. За все это отплатите имъ, и воздайте той же мѣрой, какой они отмѣрили вамъ, и, что главное, пусть они изопьютъ ту чашу, которую принудили выпить васъ. Будьте осмотрительны и не считайте грѣховнымъ то, что не есть грѣхъ. Итакъ, возлюбленные братья, вы постараетесь серьезно взяться за дѣло и приложите всѣ усилія, чтобы собраться подъ знаменемъ

[1]) „Eyn gantz troestlick bericht von der Wroke vnde straffe des Babilonischen gruwels, an alle ware Israeliten vnd Bundtgenoten Christi, hir vnde dar vorstroyet, durch de gemeinte Christi tho Munster“. Цѣликомъ перепечатана у *Бутерэка*, Zur Literatur und Geschichte der Wiedertäufer, стр. 66—80.

божіимъ въ возможно большемъ числѣ. Господь, Богъ воинствующій, изъ начала міра порѣшившій такъ,—о чемъ и увѣдомилъ черезъ своихъ пророковъ,—да вооружитъ васъ и весь свой Израиль во славу Свою и къ возвеличенію Своего царства».

Когда появилась это пламенное воззваніе, то во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ сколько нибудь значительныя баптистскія движенія были уже подавлены. Повсюду, гдѣ баптисты возставали, властямъ, которыя со времени событій въ Мюнстерѣ стали особенно предусмотрительны и ревностны, удавалось своевременно сдерживать возстанія или подавлять ихъ силой, какъ было, напр., въ Арендорфѣ, Зеестѣ, Оснабрюкѣ. Минденѣ, въ Везелѣ, Кельнѣ, и т. д. Любекская демократія съ мая 1534 года начала войну съ Даніей, что лишило ее всякой возможности выполнить прежнее намѣреніе и оказать хотя бы только моральную поддержку Мюнстеру [1]). Къ тому же, вскорѣ эта война приняла крайне неблагопріятный оборотъ для стараго ганзейскаго города, пораженіе котораго повлекло за собой уничтоженіе демократіи и смерть Вулленвебера.

Къ концу 1534 года осажденные мюнстерцы не могли уже ждать подкрѣпленія изъ Германіи. Но у нихъ оставалась еще одна надежда—на *Нидерланды*, изъ которыхъ мюнстерское возстаніе почерпнуло ранѣе такъ много силъ.

Къ началу 1534 года, когда Мюнстеръ очутился въ рукахъ баптистовъ, движеніе наросло также и въ Нидерландахъ, особенно въ Амстердамѣ, который считался второй метрополіей баптизма послѣ Мюнстера; наростало движеніе и въ другихъ городахъ Голландіи и Фрисландіи. «Въ Монникендамѣ (въ апрѣлѣ) число сторонниковъ Яна Матюса опредѣлялось въ *двѣ трети* всего населенія; то же самое наблюдалось тогда повсюду, въ окрестностяхъ столицы, во всемъ Ваттерландѣ [2]). Сильны были баптисты и въ Обериссѳлѣ, особенно въ городѣ Девентерѣ, гдѣ къ нимъ присоединился даже бургомистръ.

«Очень встревожены мы въ этихъ провинціяхъ — писалъ изъ Антверпена 6 февраля 1534 года Эразмъ Шетусъ Эразму Роттердамскому—и особенно въ Голландіи бунтовщическимъ возстаніемъ анабаптизма, ибо

[1]) Любекскій анабаптистъ Іоаннъ изъ Эльгееде, схваченный, повидимому, въ маѣ 1534 г., признался, что городъ *Любекъ* послалъ его развѣдать, какъ обстоятъ дѣла въ Мюнстерѣ; и онъ долженъ былъ отправиться туда, чтобы познакомиться со всѣмъ, затѣмъ возвратиться обратно, и сообщить, что узналъ. Они хотѣли убѣдиться, *могутъ ли они оказать помощь Мюнстеру присылкой подкрѣпленія или какъ-нибудь иначе*. Объ этомъ съ нимъ разговаривалъ Іоаннъ фонъ-Ганкслеръ въ присутствіи шести членовъ городского совѣта". (Berichte der Augenzeugen, стр. 260).

[2]) *Корнеліусъ*, Münsterischer Afruhr, II, стр. 234.

оно прорывается повсюду, какъ пламя. Едва ли найдется такое мѣстечко или такой городъ, гдѣ бы скрытно ни пылалъ факелъ возмущенія. Такъ какъ они проповѣдуютъ общность имуществъ, то къ нимъ стремятся всѣ неимущіе» [1]).

Но этимъ революціоннымъ массамъ, въ отличіе отъ мюнстерскихъ братьевъ пришлось имѣть дѣло не съ безсильной имперской властью и конгломератомъ княжескихъ и городскихъ властей, разлагаемымъ противоположностью своихъ интересовъ, а съ сильной централизованной властью, которая немедленно напрягла всѣ средства своего могущества, чтобы подавить угрожавшее ей возмущеніе. Нѣтъ возможности привести длинный списокъ совершенныхъ въ то время казней; то было повтореніе хорошо извѣстныхъ намъ жестокостей. Тѣмъ не менѣе, властямъ не удалось помѣшать части возставшихъ собраться въ одну дружину; вооруженныя толпы прорвались къ Валенгову на Зюйдерзее въ Оберисселѣ, откуда онѣ намѣревались направиться на помощь осажденнымъ въ Мюнстерѣ.

22 марта изъ Амстердама прибыли къ Валенгову 30 парусныхъ судовъ съ вооруженными баптистами. 25-го туда же пришло 21 парусное судно съ 3.000 человѣкъ и одновременно прибыло много народу на лошадяхъ и пѣшкомъ. Но каждый изъ этихъ отрядовъ былъ настигнутъ и разсѣянъ нидерландскими властями, до которыхъ дошли слухи о готовившемся.

Такимъ образомъ попытки придти на помощь Мюнстеру заранѣе потерпѣли крушеніе. Большія побѣды мюнстерцевъ 25 мая и 31 августа снова, однако, оживили агитацію баптистовъ въ Нидерландахъ. Агитація поддерживалась эмиссарами изъ Мюнстера. Ввиду голода, ощущавшагося въ Мюнстерѣ съ зимы 1534—35 г., Іоаннъ Лейденскій придумалъ отважный планъ: нидерландскіе анабаптисты должны были возстать, а онъ съ частью осажденныхъ долженъ былъ прорваться черезъ армію осаждающихъ, соединиться съ идущими на помощь, распространить возстаніе дальше и, наконецъ, освободить Мюнстеръ. Мы уже знаемъ, что, для выполненія этого отчаяннаго предпріятія, онъ приглашалъ добровольцевъ. Онъ подготовлялъ, также, для этого свои войска и приказалъ снарядить для предполагаемаго похода особый военный обозъ.

Но планъ его остался невыполненнымъ. Одинъ изъ эмиссаровъ Іоанна, «апостолъ» Іоаннъ Грессъ, бывшій школьный учитель, оказался предателемъ; посланный для того, чтобы собрать иногороднихъ братьевъ и привести ихъ въ Девентеръ, откуда они должны были направиться къ Мюнстеру, онъ покинулъ городъ въ день новаго (1535) года, но лишь съ

---

[1]) Berichte der Augenzeugen, стр. 315.

тѣмъ, чтобы отправиться прямо къ епископу Францу, сообщить ему о задуманномъ предпріятіи и выдать имена наиболѣе видныхъ товарищей на нижнемъ Рейнѣ, равно и условленныя мѣста встрѣчи. Такимъ образомъ попытка была подавлена въ самомъ ея зародышѣ.

Но Іоаннъ Лейденскій попытался осуществить свой планъ еще разъ. Къ Пасхѣ должно было, наконецъ, прибыть долго жданное подкрѣпленіе. *Келлеръ*, подробно прослѣдившій это движеніе, сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «Баптисты намѣревались поднять въ заранѣе условленное время знамена въ четырехъ мѣстахъ,—одно въ Эшенбрухѣ у Мааса, въ странѣ Юлиха, другое—въ Голландіи и Ватерландѣ, третье—между Мастрихтомъ, Аахеномъ и Липбургомъ, четвертое—въ Фрисландіи у Гренenгена. До наступленія заранѣе условленнаго срока, братья должны были запастись оружіемъ и деньгами, чтобы, какъ только будетъ отданъ приказъ, каждый пошелъ подъ свое знамя, а потомъ на выручку Мюнстера.

«Планъ, дѣйствительно, отчасти былъ выполненъ. 28-го марта, на первый день Пасхи, баптисты захватили и укрѣпили такъ называемый Ольденклестеръ, между Снеекомъ и Бальсварденомъ въ Вестфрисландіи. Это была сильная позиція, обнесенная четырьмя рядами валовъ и окоповъ.

«Когда объ этомъ узналъ намѣстникъ императора, онъ вышелъ противъ нихъ, надѣясь овладѣть укрѣпленнымъ мѣстомъ послѣ рѣшительнаго удара, но вскорѣ онъ почувствовалъ себя вынужденнымъ начать правильную осаду и приказалъ доставить сюда тяжелыя орудія.

«Усиливъ свои войска вербовкой каждаго третьяго человѣка изъ мужского населенія города и деревни, онъ началъ 1-го апрѣля бомбардировку и, вскорѣ послѣ этого, пошелъ штурмомъ на укрѣпленія. Четыре раза пришлось ему вести ландскнехтовъ въ огонь; онъ былъ отброшенъ при первыхъ двухъ штурмахъ, но при третьемъ и четвертомъ ему удалось взять нѣкоторыя внѣшнія позиціи. Однако, рядъ передовыхъ укрѣпленій и церковь все еще оставались во власти осажденныхъ. 7-го апрѣля обстрѣлъ начался снова; послѣ того, какъ бреши были сдѣланы въ пяти мѣстахъ, около трехъ часовъ пополудни снова начался штурмъ, и, послѣ долгой упорной борьбы, все укрѣпленное мѣсто было, наконецъ, взято. На укрѣпленіяхъ полегло отъ восьми до десяти сотенъ человѣкъ».

Другой отрядъ, направившійся на кораблѣ къ Девентеру, былъ почти цѣликомъ истребленъ герцогомъ гельдернскимъ. Объ остальныхъ мѣстахъ, гдѣ также было задумано возмущеніе, Келлеръ не могъ найти никакихъ сообщеній.

Но въ *Амстердамѣ* грозное возстаніе разразилось еще разъ. Мюнтерцы послали туда *Іоанна фонъ-Гееля*, «одного изъ своихъ лучшихъ,

офицеровъ». Ему удалось добраться до мѣста своего назначенія и склонить братьевъ къ возстанію.

«Оно разразилось вечеромъ 11-го мая. Около восьми часовъ 500 вооруженныхъ баптистовъ заняли зданія ратуши; бургомистръ, попавшійся имъ въ руки, былъ заколотъ; взятыя позиціи были укрѣплены для обороны.

«Однако, возставшіе оказались далеко недостаточно сильными, чтобы сразу же овладѣть большимъ городомъ. Съ другой стороны и взрывъ разразился, повидимому, раньше, чѣмъ всѣ заговорщики успѣли собраться,—по крайней мѣрѣ нѣсколько дней спустя прибыли еще новыя подкрѣпленія. Во всякомъ случаѣ, послѣ перваго успѣха Іоаннъ фонъ-Геель встрѣтилъ сопротивленіе, которое онъ не могъ заранѣе предвидѣть. Горожане единодушно взялись за оружіе, загорѣлась кровавая борьба, продолжавшаяся всю ночь напролетъ и закончившаяся полнымъ пораженіемъ баптистовъ. Озлобленіе побѣдителей выразилось въ чудовищныхъ жестокостяхъ. Такъ, напримѣръ, у захваченнаго въ плѣнъ Іоанна фонъ-Кампина, назначеннаго Іоанномъ Лейденскимъ епископомъ баптистовъ въ Амстердамѣ, былъ вырванъ языкъ и отрублена рука. Изуродованнаго такимъ образомъ, его выставили въ свинцовой епископской шапкѣ, украшенной городскимъ гербомъ, напоказъ у позорнаго столба. Только послѣ этого ему отрубили голову» [1]). Другимъ плѣннымъ еще при жизни вырѣзали изъ груди сердце и били имъ по лицу. Что за звѣрская орда были эти... анабаптисты!

Разгромъ возстанія въ Амстердамѣ означалъ гибель послѣдней активной части воинствующаго направленія анабаптизма внѣ Мюнстера. Вмѣстѣ съ нимъ у осажденныхъ исчезла послѣдняя надежда на поддержку.

А голодъ уже свирѣпствовалъ среди нихъ, «Сперва они съѣли лошадей, отъ головы до ногъ, съ печенью и легкими. Они ѣли кошекъ, собакъ, мышей, крысъ, большія раковины, лягушекъ и траву, а мохъ служилъ имъ вмѣсто хлѣба. Пока у нихъ была соль, она считалась лакомствомъ. Ѣли они также воловьи шкуры; старые сапоги они размягчали и употребляли въ пищу... Дѣти ихъ умирали отъ голода, умирали голодной смертью старики; смерть косила одного за другимъ». (*Гресбекъ*, стр. 189, 190),

Когда нужда стала невыносимой, Іоаннъ объявилъ, что нежелающіе больше принимать участія въ борьбѣ и склонные оставить городъ могутъ обратиться въ городской совѣтъ. Въ теченіе четырехъ дней каждому предоставляется свободно уѣхать изъ города. Немало народа — женщинъ, стариковъ и дѣтей, а также и способныхъ носить оружіе мужчинъ—воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Часть ушедшихъ была немедленно перебита

[1]) *Келлеръ*, Geschichte der Wiedertäufer, стр. 276—279.

солдатами епископа, другіе же взяты въ плѣнъ. Молодыми женщинами овладѣли ландскнехты, принудивъ ихъ къ... многоженству; они, очевидно, считали это лучшимъ средствомъ снять съ несчастныхъ позоръ, которымъ запятнало ихъ многоженство баптистовъ.

Большинство оставшихся въ городѣ были готовы держаться до послѣдняго издыханія, дабы, если все будетъ потеряно, похоронить себя подъ развалинами пылающаго Мюнстера. Въ лагерѣ епископа знали объ ихъ плачевномъ положеніи. У нихъ оставалось очень мало пороха. «Они не дѣлаютъ ни одного пустого выстрѣла и стрѣляютъ только навѣрняка. У нихъ, какъ сообщаютъ мнѣ плѣнники, осталось только полторы тонны пороха», — писалъ 29-го мая изъ лагеря у Мюнстера [1]) вышеупомянутый бургомистръ Франкфурта, Юстиніанъ Гольцгаузенъ. Силы борющихся въ городѣ растаяли до минимума. 24-го мая Іоаннъ произвелъ смотръ вооруженному населенію города. «Оказалось, какъ признались наши плѣнники, приблизительно *двѣсти человѣкъ*. Остальные—женщины, дѣти и мужчины—всѣ больны, нѣкоторые на костыляхъ. Всѣ распухли, ослабѣли, не имѣя силъ выходить далеко за ворота, благодаря чему и не могли убѣжать отъ нашихъ солдатъ» [2]).

И, тѣмъ не менѣе, войска епископа не рѣшались на штурмъ. Они еще хорошо помнили, какъ они потеряли въ сраженіяхъ съ горстью баптистовъ до 6.000 человѣкъ. (*Гольцгаузенъ*, цит. соч., стр. 343). Еще 8-го іюня франкфуртскій бургомистръ писалъ своему отцу: «Когда я посмотрю, что творится подъ Мюнстеромъ, то начинаю опасаться, *что если намъ не поможетъ измѣна, то этимъ лѣтомъ города намъ не взять.* Ибо король со своими герцогами и подлыми приверженцами упорно рѣшилъ выполнить злодѣйскій планъ, стоять упрямо на своемъ и погибнуть только вмѣстѣ со всѣмъ городомъ». (Цит. соч., стр. 353, 354).

Какъ нѣкогда отряды Дольчино, такъ теперь горсть приверженцевъ Іоанна Лейденскаго внушали такой страхъ къ себѣ, что осаждающіе не осмѣливались открыто пойти на нихъ штурмомъ, пока у врага не угасли послѣднія силы.

Но въ то время, какъ Гольдгаузенъ писалъ уже цитированное нами письмо, измѣнникъ, на котораго онъ надѣялся, нашелся; это былъ хорошо извѣстный намъ *Гресбекъ*. 23-го мая онъ дезертировалъ изъ города и, будучи схваченъ, взялся провести осаждающихъ въ одно безопасное мѣсто въ городѣ. Баптисты были уже не въ состояніи охранять окопы во всѣхъ пунктахъ. Сообщенія Гресбека были подтверждены Гансомъ Экомъ изъ

---

[1]) Berichte der Augenzeugen, стр. 344, ср. стр. 336.

[2]) *Гольцгаузенъ*, цит. соч., стр. 343.

Лангевстратена, ландскнехтомъ, который за нѣсколько времени до того перешелъ изъ епископскаго лагеря къ баптистамъ и, когда дѣла послѣднихъ приняли плохой оборотъ, снова перебѣжалъ къ епископу. Тѣмъ не менѣе, наученные горькимъ опытомъ осаждающіе еще долго не рѣшались идти на приступъ. Только 25-го іюня, когда все было подготовлено съ возможной тщательностью, около полуночи, подъ охраной грозной непогоды, было приступлено къ дѣлу.

Передовой отрядъ ландскнехтовъ, числомъ до двухсотъ человѣкъ, во главѣ съ Гресбекомъ благополучно добрался до стѣны, вблизи Крестовыхъ воротъ; онъ опрокинулъ ближайшій сторожевой постъ и открылъ ворота. Въ нихъ ворвалось отъ пяти до шести сотенъ ландскнехтовъ,—казалось, Мюнстеръ взятъ [1]). Но слѣпая алчность защитниковъ собственности лишній разъ сослужила имъ плохую службу.

Опьяненные побѣдой солдаты бросились въ городъ, чтобы грабить, и оставили ворота незащищенными. Тѣмъ временемъ ближайшій сторожевой отрядъ баптистовъ поспѣшилъ на помощь, и не успѣли еще главныя силы врага проникнуть въ ворота, какъ баптисты овладѣли ими и отрѣзали ворвавшихся въ городъ ландскнехтовъ отъ остального войска. Вмѣсто того, чтобы придти на помощь отрѣзаннымъ, продолжая наступленіе, главный начальникъ епископскихъ войскъ, графъ Вирихъ фонъ-Даунъ, отдалъ *приказъ отступить*, какъ только замѣтилъ, что ворота находятся снова во власти баптистовъ. Въ отвѣтъ на это со стѣнъ посыпались насмѣшки и стрѣлы защитниковъ—мужчинъ и женщинъ. Тѣмъ временемъ во всемъ городѣ баптисты взялись за оружіе. Далекіе отъ того, чтобы съ радостью сбросить съ себя «ярмо террористическаго режима», всѣ, кто только могъ держать оружіе, съ яростью устремились противъ ворвавшихся ландскнехтовъ, такъ что имъ пришлось имѣть дѣло не съ 200 человѣкъ, какъ они ожидали, а съ 800 вооруженныхъ людей [2]). Ворвавшіеся очутились въ крайне затруднительномъ положеніи и послали, около трехъ часовъ ночи, къ Іоанну Лейденскому парламентера. Но нѣкоторымъ ландскнехтамъ удалось прорваться на незащищенное мѣсто на валу, когда уже свѣтало и когда ихъ могли увидѣть, расположенные внѣ города солдаты. То что

---

[1]) Ср. сообщенія ген. Вериха герцогу фонъ-Элеве отъ 29-го іюля. (Berichte der Augenzeugen, стр. 359).

[2]) *Гольцгаузенъ*, 1-го іюля городу Франкфурту, цит. соч., стр. 366. „Трудно не выразить удивленія,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Келлеръ,—по поводу того, что нѣсколькимъ пришедшимъ со стороны *злодѣямъ* удалось постепенно превратить въ *рабовъ* все коренное населеніе города“ (стр. 103). Но еще больше удивленія вызываетъ та ярость, съ какой набросились „освобождаемые“ отъ террора на своихъ „освободителей“.

должно было случиться уже давно, случилось теперь. Главныя силы перешли въ наступленіе и овладѣли слабо защищеннымъ валомъ. «Такимъ образомъ городъ былъ взятъ только милостью Божіей, а отнюдь не благодаря военной ловкости солдатъ». (*Гольцгаузенъ*, цит. соч. стр. 366).

Послѣдовала отчаянная уличная борьба. Баптисты забаррикадировались гдѣ только могли; въ 8 часовъ утра ядро ихъ силъ — человѣкъ 200— все еще занимало защищенный баррикадами рынокъ. Военный совѣтъ изъ епископскихъ генераловъ рѣшилъ, что выбивать баптистовъ силой изъ ихъ послѣдней позиціи—дѣло черезчуръ рискованное и, во всякомъ случаѣ, сопряженное съ слишкомъ большими потерями. Имъ были обѣщаны *свободный пропускъ и полная безопасность*, если только они сложатъ оружіе.

Укрывшіеся за баррикадами приняли это условіе,—вѣдь у нихъ больше не оставалось никакихъ надеждъ. Едва успѣли они сложить свое оружіе и покинуть укрѣпленія, какъ началось избіеніе безоружныхъ. Княжескіе бандиты не останавливались передъ тѣмъ, чтобы совершить однимъ безчестнымъ поступкомъ больше.

Двѣсти пятьдесятъ бабтистовъ было убито въ день взятія Мюнстера. Но и въ послѣдующіе дни избіеніе несчастныхъ, которыхъ находили спрятавшимися въ домахъ, не прекращались [1]).

Женщины, оставшіяся въ городѣ, принимали живѣйшее участіе въ борьбѣ. Большинство ихъ было избито освирипѣвшими ландскнехтами. Остальныхъ епископъ приказалъ привести къ себѣ и заявилъ имъ, что помилуетъ ихъ, если онѣ отрекутся отъ анабаптизма. «Но послѣ того, какъ лишь немногія согласились на это, а огромное большинство упорно настаивало на своемъ», наиболѣе выдающіяся изъ нихъ были казнены, остальныхъ же изгнали изъ города. Изъ числа послѣднихъ многія направились, повидимому въ Англію [2]).

Большинство вожаковъ пало, въ томъ числѣ Тильбекъ и Книппенброикъ; погибъ, вѣроятно, и Ротманъ. Лишь немногіе, напр., Генриху Крехтингу, удалось бѣжать. Его братъ, Берптъ, а также Книппердолинкъ и Іоаннъ Лейденскій попали живыми въ руки побѣдителей и были сохранены для рѣдкаго зрѣлища. По обычаю того времени—обвинять въ трусости тѣхъ, кого еще недавно больше всѣхъ боялись—Керссенброикъ сообщаетъ объ Іоаннѣ Лейденскомъ, будто онъ постыдно удралъ. Но поведеніе Іанна до и послѣ взятія города не имѣлъ ничего общаго съ трусостью.

---

[1]) Bericht der Sigmund von Beineburgk an Philipp von Hessen, vom 7 Juli, цит. соч., стр. 368.

[2]) *Гресбекъ*, стр. 213, и *Байнебурікъ*, цит. соч., стр. 368

Когда епископъ вступилъ въ Мюнстеръ, онъ приказалъ привести къ себѣ Іоанна. «Тогда мой всемилостивѣйшій господинъ сказалъ: «Ты король?» На что король отвѣтилъ: «А ты, епископъ?» [1]) Этотъ отвѣтъ врядъ ли даетъ право говорить о трусости Іоанна.

Обращеніе, которому подверглись плѣнные—побѣжденные защитники всѣхъ эксплуатируемыхъ—было обычно для тѣхъ,—а, впрочемъ, и для позднѣйшихъ временъ.

Для Іоанна, Книппердолинка и Крехтинка были выкованы желѣзные *ошейники*, и въ нихъ несчастныхъ плѣнниковъ влачили по странѣ. Казалось, что ихъ пыткамъ не предвидится конца. Только 22 января 1536 г. они были казнены всенародно въ Мюнстерѣ. Епископъ присутствовалъ при этомъ великолѣпномъ зрѣлищѣ: «Палачи схватили прежде всего короля (Іоанна Лейденскаго), надѣли ему желѣзный ошейникъ и привязали къ столбу; затѣмъ они взяли раскаленныя щипцы и хватали ими за мясистыя и другія части тѣла, такъ что повсюду, куда прикасались щипцы, *вспыхивалъ огонь, причемъ поднимался такой смрадъ, что почти всѣ присутствовавшіе на рынкѣ не могли выносить его.* Такой же казни были подвергнуты и другіе, но они переносили пытку съ несравненно меньшей стойкостью и твердостью, чѣмъ король, и давали знать о своей боли непрестанными криками и жалобами. Когда же Книппердолинкъ почувствовалъ страхъ, при видѣ отвратительной пытки, то онъ повѣсился на желѣзномъ ошейникѣ, которымъ онъ былъ прикрѣпленъ къ столбу, желая такимъ образомъ перерѣзать себѣ горло, чтобы ускорить смерть; но, когда палачи замѣтили это, *они подняли его снова, широко раскрыли ему ротъ, продѣли веревку между зубами и такъ крѣпко привязали его къ столбу, что онъ не могъ ни сидѣть, ни перервать себѣ горло, ни удушиться.* Когда ихъ достаточно поистязали, но они все еще были живы, имъ вырвали, наконецъ, языки изъ глотки раскаленными щипцами и, одновременно, изо всей силы всадили кинжалъ въ сердце. Какъ извѣстно, трупы замученныхъ были вывѣшаны въ желѣзныхъ клѣткахъ у церкви св. Ламберта. «Щипцы же, которыми ихъ пытали, по прежнему висятъ прибитыми къ столбу на рыночной площади, гдѣ они выставлены для того, чтобы служить поученіемъ и угрозой всѣмъ бунтовщикамъ и мятежникамъ противъ законной власти» [1]).

У одного современнаго историка хватило ума и совѣсти, чтобы назвать все это *«заслуженнымъ наказаніемъ за ихъ злодѣяніе»* (*Келлеръ* Wiedertäufer, стр. 208). Пусть благородные представители «нѣ-

[1]) *Гресбекъ*, цит. соч., стр. 213.

[2]) *Керссенброкъ*, II, стр. 212. Въ правдивости *этой* части отчета Керссенброка мы нисколько не сомнѣваемся.

мецкой науки» приведутъ хотя бы одинъ примѣръ того, чтобы необразованные, грубые пролетаріи Мюнстера, среди ужасовъ осады совершили надъ однимъ изъ своихъ враговъ хотя бы сотую долю тѣхъ возмутительныхъ звѣрствъ, которыя приказалъ у себя на глазахъ совершать своимъ палачамъ высокопочтенный епископъ,—черезъ полгода послѣ своей побѣды, т. е. при полномъ душевномъ спокойствіи, все заранѣе обдумавъ и подготовивъ. И тѣмъ не менѣе эти господа, которыя не могутъ достаточно нахвалиться своей нравственностью, ликуютъ по поводу побѣды духовнаго кровопійцы и втаптываютъ въ грязь жертвы его, какъ безславныхъ преступниковъ.

* * *

Анабаптизмъ—дѣло пролетаріата, и даже дѣло всей демократіи—лежалъ повергнутымъ въ прахъ на пространствѣ всей германской имперіи. Но и внѣ Германіи воинствующее направленіе баптизма лишилось всякой опоры.

Въ августѣ 1536 года, на конгрессѣ въ Бокголтѣ среди нидерландскихъ баптистовъ произошелъ расколъ. Воинствующее направленіе съ тѣхъ поръ исчезло. Мирно-хиліастическое еще нѣкоторое время существовало. Вожакомъ его былъ *Давидъ Іорисъ*, родившійся въ началѣ 16-го столѣтія въ Брюггѣ и воспитанный въ Дельфтѣ. Но наиболѣе видную роль стало играть отнынѣ совершенно примирившееся съ существовавшимъ строемъ направленіе *оббенитовъ* (названные такъ по имени Оббе Филиппса), которое учило, что никакого иного порядка въ мірѣ нельзя ожидать и что надлежитъ подчиняться существующему строю.

Главой этого теченія былъ *Менно Симонсъ*, приверженцы котораго получили по его имени названіе *меннонитовъ*. Онъ родился въ Видмарзумѣ въ 1492 году, въ фрисландской деревушкѣ у Франикера, и былъ католическимъ священникомъ. Въ 1531 году онъ вступилъ въ сношенія съ баптистами, и уже въ 1533 году мы видимъ его сторонникомъ примиренцевъ и враговъ Іоанна Матюса. Въ то время какъ братъ его, принадлежавшій къ воинствующему направленію, примкнулъ къ дружинѣ, которая прорвалась Пасхой 1535 года изъ западной Фрисландіи, чтобы идти на помощь Мюнстеру, и погибъ отважнымъ борцомъ,—Менно не постыдился зайти въ тылъ своимъ тѣснимымъ товарищамъ-мюнстерцамъ и повелъ агитацію *противъ* нихъ.

Послѣ паденія Мюнстера, его направленіе стало господствующимъ. Послѣдніе дни жизни Менно и Іориса весьма характерны для новаго направленія въ анабаптизмѣ. Правда, имъ обоимъ пришлось испытать много гоненій, но оба они умерли въ спокойствіи, почетѣ и... богатствѣ.

Іорисъ накопилъ изрядное состояніе; дабы спокойно пользоваться имъ, «пророкъ грядущихъ дней» поселился въ 1544 году подъ вымышленнымъ именемъ Іоанна Брюгскаго въ Базелѣ, гдѣ пріобрѣлъ собственность. Только послѣ его смерти, въ 1556 году, его настоящее имя было обнаружено и, по приказанію базельскаго городского совѣта, его тѣло предано огню.

Вскорѣ послѣ этого, въ 1559 году, умеръ Менно Симонсъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Ольдеслоѣ (въ Гольштиніи), въ помѣстьи одного дворянина, который познакомился на нидерландской военной службѣ съ анабаптистами и увидѣлъ въ нихъ столь же прилежныхъ, какъ и безобидныхъ людей, а потому съ выгодой для себя предоставилъ имъ теперь въ своемъ помѣстьѣ убѣжище.

Но вскорѣ преслѣдуемые баптисты нашли себѣ свободное убѣжище въ самихъ Нидерландахъ. Освобожденіе изъ подъ габсбурскаго ярма дало соединеннымъ государствамъ рейнскаго устья свободу вѣроисповѣданія и нѣкоторую вѣротерпимость; это случилось почти въ то же самое время, когда свобода совѣсти была задушена Габсбургами въ Богеміи и Моравіи гдѣ она фактически господствовала,—хотя и въ грубомъ и несовершенномъ видѣ,—со времени гуситскихъ войнъ. Съ конца 16-го столѣтія меннонитовъ терпѣли въ Нидерландахъ, а въ 1626 году они офиціально получили свободу вѣроисповѣданія. Подобно гернгутерамъ, потомкамъ «богемскихъ братьевъ», они сохранились и донынѣ. Но уже съ давнихъ временъ они представляютъ собою ничто иное, какъ приспособившееся къ обстоятельствамъ, зажиточное мелкое мѣщанство, совершенно лишенное значенія для освободительной борьбы пролетаріата и для развитія соціалистическаго мышленія.

Изъ Нидерландовъ, находившихся въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Англіей уже во времена беггардовъ, идеи баптистовъ перешли и туда, а гражданскія войны 17-го столѣтія выдвинули ихъ въ Англіи на передній планъ. Но если демократически-соціалистическія теченія индепендентовъ и весьма родственны баптизму, то, тѣмъ не менѣе, они все же существенно отличны отъ него.

Христіанскій соціализмъ, какъ реальная движущая сила общественной жизни, въ 16-мъ столѣтіи умеръ. Это столѣтіе породило современный способъ производства, современное государство, современный пролетаріатъ, а также и *современный соціализмъ*.

Человѣчество вступаетъ въ новую эпоху.

ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ТЕЧЕНІЙ

(Исторія соціализма).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Седьмой отдѣлъ. Соціализмъ во Франціи въ 17 и 18 столѣтіяхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Приложеніе.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Первые два великихъ утописта.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Томасъ Моръ.

I. Экономическое положеніе Англіи въ началѣ XVI в.

Мы оставили Англію въ концѣ XVI в., послѣ крестьянскаго возстанія 1381 г. Хотя крестьяне не побѣдили, но они и не понесли такого пораженія, которое позволило бы феодальнымъ баронамъ снова подчинить ихъ своему прежнему игу. Начиная съ этого момента, крѣпостное право въ Англіи быстро падаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и старое феодальное сельское хозяйство.

Революціонизированіе англійскаго сельскаго хозяйства въ XV и XVI вв. характеризуется двумя моментами: нарожденіемъ *капиталистическаго фермера* и расширеніемъ *пастбищнаго хозяйства.*

Землевладѣльцамъ стало слишкомъ хлопотливо самимъ вести свое хозяйство, послѣ того, какъ они лишились права на трудъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и вынуждены были замѣнить ихъ наемными рабочими. Они предпочли отдать свои имѣнія въ *аренду*: либо раздробить ихъ и по частямъ отдать мелкимъ арендаторамъ, либо же цѣликомъ заарендовать ихъ *крупнымъ предпринимателямъ*, имѣвшимъ достаточно денегъ и знаній, чтобы дѣло наладить возможно прибыльнѣе. На ряду съ этимъ происходила другая эволюція. Мы уже много разъ имѣли поводъ указать на значеніе англійскаго овцеводства, дававшаго лучшую шерсть въ Европѣ. Чѣмъ болѣе развивалось повсюду производство суконъ и чѣмъ лучше становились пути сообщенія, особенно морского, тѣмъ болѣе расширялся рынокъ для сбыта англійской шерсти. Къ концу XV ст. англійская

шерсть доходила уже до Италіи и Швеціи [1]). Цѣны на шерсть поднимались все выше, а вслѣдствіе этого увеличивалось стремленіе къ расширенію овцеводства. Появленіе наемнаго труда вмѣсто принудительнаго труда крѣпостныхъ крестьянъ также содѣйствовало этому процессу. Девизомъ стараго феодальнаго сельскаго хозяйства было привлеченіе и закрѣпощеніе рабочихъ силъ. Экономія—вотъ девизъ новаго, капиталистическаго сельскаго хозяйства, экономія рабочей силы, отказъ отъ нея, гдѣ только возможно. А лучшимъ для этого средствомъ было пастбищное хозяйство, которое требовалось для овцеводства.

По мѣрѣ же того, какъ развивалась капиталистическая форма производства и расширялся рынокъ для сбыта шерсти, въ землевладѣльцахъ росла безпредѣльная жадность къ землѣ, но уже не къ населенной землѣ, а къ пастбищной, къ землѣ свободной отъ людей.

Къ этому именно времени старые дворянскіе роды почти окончательно истреблены были въ жестокой междоусобной войнѣ Алой и Бѣлой розъ, причины которой лежатъ, между прочимъ, въ переворотѣ, происшедшемъ въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ (см. стр. 189). Жадность къ ненаселенной землѣ развивалась тѣмъ легче и быстрѣе. «Новая аристократія была дѣтищемъ своего времени, деньги были ея господствующимъ стимуломъ» [2]). Ея дѣловой кругозоръ не сужался никакими феодальными традиціями и предразсудками. Вездѣ, гдѣ это было въ ея власти—а она почти всегда была въ ея рукахъ—она захватывала крестьянскія общинныя угодья, разоряя такимъ образомъ крестьянъ, или же безцеремонно сгоняла ихъ съ полей, чтобы обратить ихъ пашню въ пастбище для овецъ. При Генрихѣ VIII погибло такимъ образомъ 50.000 крестьянскихъ хозяйствъ. А въ связи съ этимъ исчезло немало мѣстечекъ, значительная часть которыхъ существовала насчетъ покупателей-крестьянъ.

Въ результатѣ всего этого былъ колоссальный ростъ пролетаріата. «Золотой вѣкъ» крестьянства, вообще трудящихся массъ, прекращается въ Англіи, какъ и вездѣ на европейскомъ континентѣ, съ конца XV в. Но разница та, что на континентѣ ухудшеніе въ положеніи крестьянства выразилось главнымъ образомъ въ *ростѣ его повинностей*, а обезземеленіе крестьянъ шло лишь во второй линіи,—въ Англіи же оно прежде всего обнаружилось въ размноженіи *пролетаріата*.

Нигдѣ пауперизмъ не требовалъ такъ настоятельно своего разрѣше-

[1]) Это можно, между прочимъ, видѣть изъ двухъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ Генрихомъ VII съ Даніей и Флоренціей въ 1490 г. Croik, The history of british commercl, I, стр. 203, 204.

[2]) Марксъ, Капиталъ, I, стр. 629.

нія, какъ въ Англіи въ началѣ XVI ст. Онъ интересовалъ и пугалъ всѣхъ, кто только не извлекалъ изъ него непосредственной пользы. Ибо тогда еще бѣдность не была основой національнаго богатства, тогда еще не было крупной капиталистической промышленности, нуждающейся въ большихъ массахъ пролетаріата; а капиталистическая колоніальная политика, которая должна была скоро стать такимъ крупнымъ факторомъ въ развитіи экономической жизни Англіи и для цѣлей которой требовалось множество разоренныхъ, оторванныхъ отъ пашни людей, находилась еще въ зачаточномъ состояніи.

Самыя разнообразныя попытки дѣлались для разрѣшенія указаннаго вопроса. Въ этомъ отношеніи полярно противоположны были *еретическій коммунизмъ* и такъ называемое *кровавое законодательство*. Легко понять, почему еретическій коммунизмъ находилъ себѣ почву въ охарактеризованныхъ отношеніяхъ, почему воскресъ ллолардизмъ и находили себѣ откликъ идеи анабаптизма. Но историческаго значенія онѣ ко времени Мора въ Англіи не пріобрѣли. Для активнаго вмѣшательства въ историческую жизнь не было острыхъ и глубокихъ столкновеній между господствующими классами. Они разгорѣлись лишь въ слѣдующемъ столѣтіи послѣ Тюдоровъ, когда на англійскій престолъ взошли Стюарты. О существованіи коммунистовъ можно узнать лишь по ихъ мартирологамъ. Особенно въ послѣдней части царствованія Генриха VIII участились репрессіи противъ анабаптистовъ и казни еретиковъ. Въ 1535 и слѣдущихъ гг. было среди нихъ поразительно много *голландцевъ* [1]).

Но кровавая рука законодателя простиралась не только на коммунистовъ. Достаточно было быть безработнымъ, чтобы попасть на эшафотъ. «Кровавое законодательство противъ бродяжничества» [2]) въ Англіи начинается съ конца XV ст.

Оно началось собственно еще при Генрихѣ VII (1485—1509 г.), основателѣ династіи Тюдоровъ, но особенное развитіе получило при его сынѣ, Генрихѣ VIII, царствовавшемъ въ 1509—1547 г. Въ 1530 г. онъ, напримѣръ, постановилъ: «Престарѣлые нищіе, неспособные работать, получаютъ позволеніе просить милостыню. Напротивъ того, плеть и арестъ

[1]) Th, Crosby, The history of the English Baptists, London 1738, I' стр. 38, 39.

[2]) Марксъ, Капиталъ, I., стр. 642. „Отцы теперешняго рабочаго класса“, говоритъ Марксъ далѣе, «наказывались за то, что ихъ обращали въ бродягъ и нищихъ. Законодательство относилось къ нимъ, какъ къ преступникамъ, имѣющимъ „свободную волю“, и предполагалось, что продолжать работать при несуществующихъ уже условіяхъ зависитъ только отъ ихъ желанія.

*

для бродягъ, имѣющихъ крѣпкія руки». Привязанныхъ къ телѣжкамъ, ихъ бичевали до тѣхъ поръ, пока по всему тѣлу не текла кровь; затѣмъ они должны были дать клятву, что возвратятся на свою родину или туда, гдѣ провели послѣдніе три года, и «примутся за работу». Что за жестокая иронія! Въ 1536 году этотъ законъ былъ снабженъ еще дополнительными карами. При вторичной поимкѣ въ бродяжничествѣ повторяется стеганье плетью и отрѣзывается половина уха; *пойманный же въ третій разъ долженъ быть казненъ, какъ тяжкій преступникъ и врагъ общества*». (Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 643).

И какъ неукоснительно все это выполнялось, можно видѣть изъ того, что въ царствованіе Генриха VIII казнено, по словамъ лѣтописца, «*72.000* большихъ и малыхъ воровъ».

Вотъ между этими двумя противоположными точками—объявленіемъ бѣдности и безработицы преступленіемъ, заслуживающимъ смертную казнь, съ одной стороны, и страстнымъ стремленіемъ воскресить первобытный коммунизмъ, съ другой,—вращались всѣ попытки, стремленія, предложенія и желанія того времени разрѣшить соціальную проблемму. Одинъ только человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ незаурядный, былъ такъ смѣлъ и проницателенъ, чтобы, освободившись отъ обычныхъ для своего времени формъ мышленія, искать разрѣшенія этой проблеммы на почвѣ новаго коммунизма, принципіально отличавшагося отъ первобытнаго христіанскаго и еретическаго и означавшаго стремленіе не къ прошлому, а къ такому новому соціальному строю, въ которомъ претворились бы всѣ элементы культуры, созданные эпохою возрожденія и реформаціи. Человѣкъ, первый набросавшій картину этого новаго, дотолѣ невѣдомаго коммунизма, *современнаго* коммунизма, былъ Томасъ Моръ.

II. Біографы Мора.

Большая часть біографій, написанныхъ до сихъ поръ о Томасѣ Морѣ, страдаютъ недостаткомъ, противоположнымъ тому, какимъ отличаются современныя описанія мюнцеровскаго и мюнстерскаго движенія. Если послѣднія написаны односторонне, какъ обвинительный актъ рукою прокурора, то біографіи Мора, особенно тѣ, которыя написаны въ предыдущихъ столѣтіяхъ, являются лишь въ высшей степени односторонними хвалебными гимнами. Онѣ отдаютъ запахомъ оиміама «не того оиміама, который благодарное потомство воскуриваетъ людямъ, по его мнѣнію, много сдѣлавшимъ на пользу развитія человѣчества, а того оиміама, который католи-

ческая церковь кадитъ своимъ святымъ, чтобы затуманить сознаніе вѣрующихъ» [1]).

Объясняется это тѣмъ, что Моръ умеръ, какъ мученикъ католической церкви. Со времени реформаціи, католическая церковь вовсе не имѣла такъ много великихъ умовъ и крупныхъ характеровъ, чтобы перестать когда-нибудь воспѣвать славу Мора для своей собственной славы. Однако же далеко не все то, что Моръ сдѣлалъ, заслуживаетъ славы съ точки зрѣнія католической церкви, и потому объективное, всестороннее описаніе его дѣятельности не соотвѣтствовало ея цѣлямъ. Поэтому то всѣ его біографіи оказались довольно односторонними.

Наиболѣе безпристрастной еще является первая его біографія, написанная его зятемъ, Вилліамомъ Роперомъ (вѣроятно, въ 1557 г. [2]). Роперъ жилъ 16 лѣтъ въ домѣ Мора; онъ честный, простой и разсудительный человѣкъ,—и мы можемъ вполнѣ ему довѣриться. Но Роперъ былъ слишкомъ ограниченъ, чтобы понять значеніе Мора и сообщить характерные въ этомъ смыслѣ факты. Если бы мы имѣли только біографію, написанную Роперомъ, то мы, напримѣръ, даже не знали бы про «Утопію» Мора.

Слѣдующій біографъ Мора превосходитъ Ропера въ интеллектуальномъ отношеніи. Это—англійскій католическій священникъ Томасъ Стапльтонъ. Біографію Мора, появившуюся въ 1588 г. [3]), онъ написалъ въ изгнаніи, въ Дуэ. Онъ дополнилъ Ропера, подробно остановившись на литературной дѣятельности Мора: онъ особенно полезенъ тѣмъ, что собралъ и опубликовалъ богатый матеріалъ, главнымъ образомъ изъ писемъ Мора и его современниковъ. Но его книга не есть историческое произведеніе, а книга нравоученій; въ ней дается не изложеніе историческихъ событій, а собраніе анекдотовъ, легендъ и волшебныхъ сказокъ.

И такой характеръ носятъ всѣ біографіи Мора, написанныя католиками до нашихъ дней, поскольку мы могли съ ними ознакомиться. Какъ исключеніе, можно назвать послѣднее произведеніе о Морѣ, написанное священникомъ Т. Е. Бриджэттомъ, «Life and Writings of sir Thomas More» [4]) (Лондонъ 1891 г.); въ немъ, правда, сильно чувствуется ка-

---

[1]) Каутскій, Томасъ Моръ, стр. 102.

[2]) «The Life of sir Thomas More, writlen by his son in law William Roper».

[3]) Tres Thamae seu res gestae St. Thomae Apostolis, S. Thomae Archiepiscopi Cantuarensis et Martyris, Thomas Mori, Angliae quondam concellarii. Autore Thoma Stapletono». Мы пользовались кёльнскимъ изданіемъ 1612 г.

[4]) G. Th. Rudhard, Thomas Morus, Нюрнбергъ 1829. F. Seebohm, Oxford Reformers, London. 2 изданіе 1869.

толическая точка зрѣнія и она ни въ какомъ случаѣ не дастъ правильнаго представленія о Морѣ, какъ гуманистѣ, не говоря уже, какъ соціалистѣ, но авторъ его все же стоитъ на уровнѣ современной науки и свободенъ отъ нелѣпостей. Однако, и этотъ научный плодъ современнаго католицизма далекъ отъ безпристрастнаго историческаго изложенія. Моръ въ этой работѣ оказывается такимъ же узко-сердечнымъ католикомъ, какъ и самъ авторъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ другихъ біографахъ нашего вѣка, Рудгартѣ и Зибомѣ, которые болѣе свободны отъ религіозныхъ предразсудковъ и узости, чѣмъ Бриджэттъ. Работа Рудгарта добросовѣстна, на нее потрачено много прилежанія и труда, но она мелка и незначительна. Зибомъ посвятилъ свою біографію дѣятельности Мора, какъ гуманиста до 1519 г. Размахъ его мысли шире, но онъ зато фантастичнѣе Рудгарта и позволяетъ себѣ рискованныя гипотезы.

Какъ всѣ упомянутые біографы Мора, онъ также не подозрѣвалъ, какое значеніе имѣетъ «Утопія». Такъ какъ ни одинъ изъ этихъ авторовъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о соціализмѣ, то они совершенно не въ состояніи были оцѣнить значенія этого произведенія для развитія соціалистическихъ идей; по той же причинѣ, имъ не могло придти въ голову изслѣдовать связь «Утопіи» съ той соціальной средой, изъ которой она вышла.

Пишущій эти строки сдѣлалъ попытку разрѣшить эту задачу въ своемъ уже упомянутомъ произведеніи «Томасъ Моръ и его Утопія».

III. Жизнь Мора.

Томасъ Моръ родился въ Лондонѣ 7 февраля 1478 года. Онъ былъ сыномъ члена Верховнаго Суда (Kings Bench). Научившись латыни въ школѣ св. Антонія и пробывши нѣкоторое время въ домѣ архіепископа Мортона (крупнаго государственнаго дѣятеля, ставшаго позже кардиналомъ), онъ поступилъ въ Оксфордскій университетъ (1492). Въ то время тамъ уже изучались гуманистическія науки, и молодой Моръ ревностно и съ жаромъ принялся за ихъ изученіе. Полученныя имъ тогда впечатлѣнія опредѣлили всю его жизнь. Правда, отецъ принудилъ Мора оставить противъ воли университетъ и посѣщать школу правовѣдѣнія въ Лондонѣ. Но хотя Томасъ и подчинился этому и сталъ въ концѣ концовъ (1501 г.) адвокатомъ,—своей первой любви, классической философіи и

искусству, онъ всю жизнь оставался вѣрнымъ; и онъ заслужилъ себѣ славу выдающагося ученаго и дружбу самаго крупнаго гуманиста, главы гуманистовъ въ германскихъ странахъ, знаменитаго Эразма Роттердамскаго, съ которымъ онъ познакомился въ 1498 г.

Это высокое гуманистическое образованіе — существенный моментъ, отличающій Мора отъ другихъ соціалистовъ его времени. Были и среди нихъ люди, гуманистически образованные—напомнимъ о Гребелѣ, Манцѣ, Денкѣ, Губмайерѣ,—но богословское образованіе все же сильно у нихъ преобладала. Такого высокаго философскаго образованія, какъ Моръ, никто изъ нихъ не имѣлъ.

Впрочемъ, нѣкоторое время Моръ самъ, повидимому, попалъ на стезю христіанскаго—если даже не еретическаго—коммунизма. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ себѣ то обстоятельство, что въ 1501—1504 г. онъ жилъ вблизи картезіанскаго монастыря, выполнялъ его религіозный уставъ, самъ намѣреваясь стать монахомъ. «Онъ питалъ серьезное желаніе стать *францисканскимъ монахомъ*», говоритъ Стапльтонъ, «чтобы служить Богу, живя, какъ совершенный человѣкъ; но когда онъ нашелъ, что англійское духовенство измѣнило своей прежней строгости нравовъ и своему прежнему воодушевленію, то онъ оставилъ это намѣреніе». По сообщенію Эразма, къ этому присоединилось еще то, что онъ очень серьезно относился къ обѣту цѣломудрія, но убѣдился, что не въ состояніи его выполнить.

Онъ снова вернулся къ свѣтской жизни и женился въ 1505 г. на Жаннѣ Колетъ, дочери одного сельскаго дворянина. Когда она, подаривши ему четырехъ дѣтей, умерла въ 1510 г., то онъ женился на Алисѣ Миддлетонъ.

Матеріальныя заботы о семьѣ заставили его заниматься преимущественно своей профессіей, и вотъ мы видимъ, какъ классически образованный ученый и набожный мечтатель оказывается очень практичнымъ дѣльцемъ. Онъ пріобрѣлъ большую славу, какъ хорошій адвокатъ и сталъ однимъ изъ довѣренныхъ лицъ лондонскаго купечества. Капиталисты нашли въ этомъ соціалистѣ лучшаго защитника своихъ интересовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта тѣсная связь съ лондонскими капиталистами повліяла на соціалистическія взгляды Мора. Купечество было тогда носителемъ экономическаго прогресса. И особенно въ Лондонѣ оно стояло на высокой ступени развитія. Ко времени Мора начало уже сказываться вліяніе упомянутыхъ раньше измѣненій торговыхъ путей на Востокъ. Съ береговъ Средиземнаго моря центръ тяжести экономической жизни Европы передвинулся на берега Атлантическаго океана и его истоковъ. И Англія, хотя еще далека была отъ господства на морѣ, начала уже принимать

участіе въ міровой торговлѣ. Вѣдь она расположена была по самому оживленному торговому пути того времени, по пути черезъ Калэ, соединявшему Лиссабонъ и Антверпенъ, два самыхъ важныхъ центральныхъ пункта тогдашней европейской міровой торговли.

Благодаря всему этому, Моръ пріобрѣлъ такое пониманіе экономическихъ отношеній, какъ мало кто изъ его современниковъ. Его глубокое философское образованіе и политическая дѣятельность дали ему возможность подняться надъ ограниченной точкой зрѣнія купца съ его частными интересами и разсматривать хозяйственную жизнь съ точки зрѣнія національно-экономической.

Да, и политической дѣятельности, ибо и въ управленіи государствомъ этотъ неутомимый человѣкъ принималъ дѣятельное участіе. Уже въ 1504 г. онъ былъ выбранъ въ парламентъ,—къ сожалѣнію, не сообщается—какимъ избирательнымъ округомъ; и онъ, несмотря на свою молодость, немедленно пріобрѣлъ тамъ большое вліяніе. Благодаря ему, какъ разсказываетъ Роперъ, парламентъ отвергъ налогъ, на утвержденіи котораго настаивалъ Генрихъ VII. Генрихъ былъ внѣ себя отъ ярости, что онъ изъ-за «безбородаго юноши» лишился значительнаго дохода, и такъ какъ въ то время неприкосновенность депутатотъ вовсе не была гарантирована, то Моръ подвергался серьезной опасности. Онъ вынужденъ былъ удалиться изъ общественной жизни, даже уѣхать изъ Англіи на нѣкоторое время; онъ побывалъ въ Нидерландахъ и Франціи, благодаря чему его умственный горизонтъ необыкновенно расширился и углубилось пониманіе соціальныхъ отношеній. Онъ даже думалъ навсегда оставить свое отечество, такъ какъ онъ въ немъ не чувствовалъ себя въ безопасности отъ мстительности короля. Но смерть Генриха VII (1509 г.) совершенно измѣнила положеніе вещей. Съ вступленіемъ на престолъ новаго монарха, Генриха VIII, начался, конечно, «новый курсъ». Мору не только ничего больше не угрожало, но онъ, какъ довѣренное лицо лондонскихъ гражданъ, былъ облеченъ важными должностями. Въ 1510 г. онъ сталъ помощникомъ шерифа (своего рода гражданскимъ судьей) въ Лондонѣ, а когда въ 1515 г. снаряжено было посольство во Фландрію для заключенія торговаго договора, то Моръ былъ выбранъ членомъ этого посольства отъ лондонскаго купечества. Шесть мѣсяцевъ онъ оставался тогда въ Нидерландахъ. Посольскія дѣла оставляли ему больше времени, чѣмъ его адвокатская практика и судейская должность въ Лондонѣ. Онъ этимъ воспользовался, чтобы написать свою «Утопію» изображеніе такого идеальнаго государства, которому чужды были всѣ недостатки существовавшихъ государствъ, плодъ сочетанія философскаго, экономическаго и политическаго образованія. Въ то время политическое образованіе вовсе не было такъ широко распростра-

нено, какъ теперь. Огромное большинство населенія интересовалось лишь мѣстными дѣлами и лишено было возможности вникать въ дѣла государственныя. Начало развитія современнаго государства всюду сопровождается монополизаціей политики и политическаго образованія „верхушками общества“.

Какъ ни рѣдко было тогда политическое образованіе, еще рѣже встрѣчалось оно въ соединеніи съ философскимъ образованіемъ, пониманіемъ экономическихъ отношеній и дѣловыми знаніями. Какъ и въ наше время тогдашніе ученые были кабинетными людьми безъ практическаго опыта, особенно въ германскихъ странахъ. А государственные дѣятели, выходившіе обыкновенно изъ среды аристократіи и духовенства, также рѣдко обладали сколько-нибудь глубокимъ пониманіемъ экономическихъ вопросовъ, какъ и всестороннимъ философскимъ образованіемъ. И въ этомъ отношеніи немногое измѣнилось съ XVI столѣтія.

Но если всѣ упомянутыя качества рѣдко воплощались въ одномъ человѣкѣ, то соединеніе ихъ въ Морѣ было прямо-таки исключительнымъ явленіемъ, такъ какъ онѣ ассоціировались въ немъ съ такими свойствами характера, которыя въ сущности не мирились съ каждымъ изъ этихъ качествъ. Пониманіе сущности капитализма, поскольку онъ тогда былъ развитъ, нельзя было пріобрѣсти теоретическими изслѣдованіями, ибо не было еще экономической теоріи. Экономическія знанія можно было, подобно Мору, пріобрѣтать лишь на практикѣ; послѣдняя же въ то время, въ силу вещей, развивала лишь эгоизмъ и жажду наживы. Условія же пріобрѣтенія политическаго образованія были въ то время,—когда близкое будущее принадлежало абсолютизму, когда не было еще почвы для вліянія демократіи на государство,—таковы, что онѣ развивали угодничество и безхарактерность по отношенію къ высшимъ, жестокость и безсердечіе по отношенію къ низшимъ. И ученые, которымъ отъ народа нечего было ожидать, которые отлично знали, что дѣло трудящихся классовъ надолго останется безнадежнымъ, которые—какъ ученые—жили милостью богатыхъ и вліятельныхъ людей, слишкомъ часто соединяли въ себѣ съ развратомъ политическимъ моральные недостатки, порождаемые торговлей.

Еретическіе коммунисты хорошо знали—почему они не только торговлю ненавидѣли, но и ученость, а въ большинствѣ случаевъ и политику. Все это, въ ихъ глазахъ, портило характеръ.

Моръ былъ феноменомъ. Онъ былъ выдающимся человѣкомъ во всѣхъ этихъ областяхъ. Онъ хотя понималъ, что близкое будущее принадлежитъ абсолютизму и капитализму и отдавалъ имъ свои силы, но жилъ притомъ просто и безкорыстно,—безстрашный и устойчивый въ своихъ взглядахъ

по отношенію къ высшимъ, полный любви и преданности къ эксплоатируемымъ и угнетаемымъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ исключительнымъ человѣкомъ, эти качества привели его на эшафотъ, но они же создали ему безсмертное имя.

Только такой исключительный человѣкъ могъ въ началѣ XVI в. создать произведеніе, подобное «Утопіи». Но по той же причинѣ оно должно было остаться непонятымъ, пока условія не сдѣлали широкіе круги воспріимчивыми къ идеямъ соціализма, соотвѣтствующаго болѣе высокой ступени соціальнаго развитія, чѣмъ соціализмъ христіанскій.

«Утопія» осталась непонятой, но она возбудила интересъ и оказала извѣстное дѣйствіе. Ибо описанію своего идеальнаго государства Моръ предпослалъ критику существовавшихъ въ его время политическихъ и экономическихъ отношеній, которая, по своей рѣзкости и убѣдительности, крайне граничила съ тѣмъ, что могъ тогда сказать признанный политическій дѣятель, не рискуя своей головой [1]). Многіе политическіе и соціальные критики Англіи XVI и еще позднѣйшихъ столѣтій находились подъ ея вліяніемъ [2]), и даже въ народъ проникла критика Мора.

Уже непосредственно по своемъ появленіи «Утопія» возбудила всеобщее вниманіе въ ученыхъ и политическихъ кругахъ. За первымъ изданіемъ, появившемся въ 1516 г. въ Левенѣ, скоро послѣдовало въ 1518 г. второе, напечатанное въ Базелѣ, у Фробена, въ 1520 г. третье въ Парижѣ, а за нимъ—безконечный рядъ новыхъ изданій и переводовъ до настоящаго дня.

Одно только быстрое возобновленіе изданія показываетъ, какое впечатлѣніе «Утопія» произвела. Сразу она поставила Мора въ первый рядъ англійскихъ политиковъ. Но на этомъ мѣстѣ никто во времена Генриха VIII не могъ стоять, не будучи преданнымъ королю и не служа ему. И менѣе кого-либо тотъ, за которымъ стояло могущественное купечество могущественнаго Лондона. Еще до появленія «Утопіи» Мору было предложено поступить на службу къ королю, но онъ это отклонилъ

[1]) По замѣчанію Зидома, критика Мора господствовавшей политики написана почти въ то самое время, когда Макіавели возвелъ эту политику въ систему. „Государь“ Макіавели появился на одинъ годъ раньше „Утопіи“.

[2]) Такъ, въ 1682 г. сэръ Вилльямъ Петти, въ своемъ опытѣ «of the Crowton of the City of London» ссылается на «Утопію» Мора, въ первой части которой доказывается, что «противоестественно, чтобы кто-нибудь рисковалъ своей жизнью, своими членами или свободой (какъ воръ) ради жалкаго существованія, когда умѣренный трудъ даетъ ему лучшую жизнь». И въ 1824 г. Робертъ Зутей покрываетъ свой «Colloquies on Society» тѣнью Мора

по причинамъ, въ ней разъясненнымъ. Когда же «Утопія» была опубликована, то Генрихъ пустилъ всѣ средства въ ходъ, чтобы привлечь къ себѣ на службу выдающагося политика, но тогда Мору было слишкомъ ужъ опасно снова дать отрицательный отвѣтъ, такъ какъ это означало заявить себя оппозиціонеромъ, а такіе люди должны были быть устранены. Но слѣдуетъ забывать, что при Генрихѣ VIII англійская королевская власть была могущественнѣе и самодержавнѣе, чѣмъ когда-либо [1]).

Въ 1518 г. Моръ получилъ дворцовую должность, въ началѣ «Maste of Requests», докладчика о входящихъ прошеніяхъ. Вскорѣ за тѣмъ онъ былъ возведенъ въ рыцарское званіе и съ этихъ поръ онъ занималъ самыя различныя первыя мѣста въ государствѣ—какъ теперь выражаются, «министерскіе» посты. Эта политическая дѣятельность давала ему возможность дѣлать добро во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ, но о политикѣ въ духѣ своей «Утопіи» или вообще о самостоятельной политикѣ Моръ и думать не могъ. Онъ проявилъ себя умнымъ, честнымъ и добросовѣстнымъ дѣловымъ министромъ. Для болѣе же высокой дѣятельности не оказалось возможности. Но если ему не суждено было вести самостоятельной политики,—зависимымъ царедворцемъ онъ никогда не сдѣлался. Онъ не боялся ослушаться самого короля, если тотъ требовалъ отъ него чего нибудь такого, что шло въ разрѣзъ съ его убѣжденіями.

Благодаря этому, Моръ сдѣлался мученикомъ католицизма.

Какъ въ началѣ и Генрихъ VIII, онъ относился враждебно къ реформаціи, но не изъ религіозныхъ соображеній, ибо онъ часто такъ же свободно и критически выражался о католическихъ догмахъ и институціяхъ, какъ любой изъ лютеранъ или цвингліанъ; болѣе того, онъ въ своей «Утопіи» набросалъ картину идеальной религіи, поднимающейся не только надъ католицизмомъ, но вообще христіанствомъ. Онъ провозгласилъ въ ней принципъ религіозной терпимости, который позже и осуществлялъ: онъ даже лютеранъ принималъ въ своемъ домѣ и поддерживалъ ихъ.

Но, какъ политикъ, онъ въ разрывѣ Англіи съ папствомъ не видѣлъ необходимости. Со времени виклефитскаго движенія и великаго церковнаго раскола Англія фактически стала независимой отъ папства; могъ ли и насколько папа могъ извлекать пользу изъ англійской церкви и вліять на нее—зависѣло отъ властителей Англіи: короля и парламента. Для насильственнаго разрыва, какъ въ Германіи, въ Англіи въ началѣ XVI вѣка не было ни малѣйшаго основанія.

---

[1]) Причины этого явленія пишущій эти строки подробно выяснилъ въ своемъ «Томасъ Морѣ». Стр. 155. Повтореніе этого здѣсь завело бы насъ слишкомъ далеко.

И если Моръ не имѣлъ основанія желать разрыва съ папствомъ, какъ англійскій политикъ, то особенно нежелательно это было ему, какъ гуманисту и монархисту. Какъ онъ ни любилъ народъ, но всякое народное движеніе ему все таки не по душѣ было. Онъ не въ состояніи былъ себѣ представить, какъ провести прочную и плодотворную государственную перемѣну иначе, какъ черезъ государя, и въ этомъ отношеніи онъ тогда съ своей точки зрѣнія былъ совершенно правъ. Лютеранское же движеніе было въ началѣ революціоннымъ народнымъ движеніемъ и оно утратило этотъ характеръ только послѣ страшнаго кровопусканія, устроеннаго народу, кровопусканія еще глубже возмутившаго Мора, чѣмъ само движеніе. Ни того, ни другого онъ для Англіи не желалъ и поэтому рѣшительно выступилъ противъ лютеранства, появившагося и въ Англіи. И столь же естественно, что онъ выступилъ и противъ другихъ демократическихъ формъ реформаціоннаго движенія. Однако послѣднее насъ теперь не касается. Мы говоримъ здѣсь лишь объ отношеніи Мора къ реформаціи Генриха VIII и его государственной церкви.

Подобно Мору, Генрихъ VIII тоже враждебно относился къ германской реформаціи. Но въ послѣдней скоро обнаружились такія стороны, которыя англійскому королю оказались очень симпатичными: она позволила нѣмецкимъ князьямъ конфисковать имущество церкви. Съ начала двадцатыхъ годовъ Генрихъ терпѣлъ постоянную денежную нужду, и потому то нѣмецкій примѣръ начиналъ ему очень нравиться. Но нѣмецкіе реформаторы порвали и съ традиціонными брачными отношеніями, они разрѣшали разводъ, а нѣкоторые—даже многоженство. Сластолюбивому Генриху это тоже понравилось, соотвѣтствовало и его политическимъ цѣлямъ.

Для укрѣпленія союза съ Испаніей онъ женился на Екатеринѣ Аррагонской. Но сила Испаніи стала страшна для Англіи съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ V объединилъ въ своемъ лицѣ Нидерланды, Испанію и Германію. Чтобы создать противовѣсъ испанскому могуществу, Генрихъ отнынѣ склонялся къ союзу съ Франціей. Разъ не нуженъ былъ больше союзъ съ Испаніей, то и бракъ со старой Екатериной сдѣлался ненужнымъ. Генрихъ потребовалъ отъ папы, чтобы онъ развелъ его съ женой. Но какъ ни услужливъ папа былъ, онъ находился въ зависимости отъ Карла V, а этотъ и знать не хотѣлъ объ отрѣшеніи испанской принцессы.

Случай этотъ наглядно показалъ Генриху, что папа не есть безвольное орудіе въ его рукахъ и что церковь, какъ орудіе господства, не находится столь полно въ его распоряженіи, какъ у его реформатскихъ коллегъ въ Германіи

Это послужило толчкомъ для разрыва Англіи съ католической церковью; Генрихъ превратилъ себя самого въ папу англійской церкви и

сталъ въ ней и съ ней хозяйничать, какъ ему хотѣлось. «Нигдѣ церковный расколъ не проявился такъ цинично-откровенно голымъ результатомъ сластолюбія, маніи величія и алчности абсолютизма, какъ въ Англіи».

Придворная аристократія съ придворными попами, понятно, участвовали въ реформаціи Генриха VIII съ величайшею готовностью. Напротивъ, въ народѣ реформація была чрезвычайно непопулярна. Если она уничтожила церковную эксплоатацію, то лишь для того, чтобы замѣнить ее эксплоатаціей гораздо худшаго сорта. Церковь была тѣмъ землевладѣльцемъ въ Англіи, который менѣе другихъ подвергся дѣйствію нововозникавшихъ формъ капиталистическаго хозяйства, который щедрѣе другихъ былъ по отношенію къ неимущимъ (см. стр. 38). А теперь всѣ колоссальныя земельныя владѣнія—сначала монастырей, а потомъ гильдій—были конфискованы и отданы на разграбленіе жаднымъ фаворитамъ и не менѣе жаднымъ спекулянтамъ. Казнѣ эта конфискація никакой пользы не принесла, но она сдѣлалась могучимъ средствомъ для колоссальнаго размноженія пролетарскихъ массъ, этой главной болѣзни, которою Англія страдала.

Англійскій народъ былъ далекъ отъ того, чтобы сочувствовать такого рода реформаціи, напротивъ, она все болѣе и болѣе его озлобляла. Послѣ смерти Генриха VIII и кратковременнаго междуцарствія, въ теченіе котораго хищничество продолжало процвѣтать, народъ наконецъ возсталъ, низвергъ протестантскую камарилью и посадилъ на тронъ Марію Католическую, дочь отвергнутой Екатерины.

И лишь въ ея царствованіе реформація стала популярной, ибо при ней развилась рѣзкая противоположность интересовъ между Англіей и Испаніей, потому что послѣдняя стояла на пути дальнѣйшаго развитія британской торговли. Антагонизмъ этотъ сдѣлался національнымъ, а это придало народный характеръ антагонизму съ римскимъ папою, орудіемъ континентальнаго врага. «На почвѣ этого антагонизма выросъ популярный протестантизмъ Елизаветы; только благодаря ему, реформація стала въ Англіи *національнымъ дѣломъ*, тогда какъ при Генрихѣ VIII она съ экономической точки зрѣнія была не болѣе, какъ кражей задолжавшагося правителя и нѣкоторыхъ также задолжавшихся кутилъ и алчныхъ спекулянтовъ».

Моръ не пережилъ этой эволюціи, онъ умеръ вначалѣ ея, но мы о ней разсказали, потому, что она лучше всего выясняетъ отношеніе Мора къ реформаціи Генриха VIII. Было бы въ высшей степени ошибочно заключить отсюда, что Моръ былъ фанатикомъ католической догмы. Не узкая католическая точка зрѣнія, а непреклонный характеръ и любовь къ народу—вотъ что толкало его на путь противодѣйствія реформаціи въ Англіи. *За это* онъ умеръ смертью мученика.

Въ 1529 г. Моръ сдѣлался лордомъ-канцлеромъ (государственнымъ канцлеромъ): первый человѣкъ на этомъ посту, не принадлежавшій къ духовному званію и не происходившій изъ высшаго дворянства. Бракоразводный процессъ уже былъ въ ходу, а Моръ и не скрывалъ того, что онъ не одобряетъ поведенія короля. Послѣдній ошибался, думая привлечь его на свою сторону крупнымъ повышеніемъ. Моръ попытался занять нейтральную позицію въ борьбѣ короля съ папою, но пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее пребываніе въ должности несовмѣстимо съ его честью. 11 февраля 1531 г. англійскій клиръ призналъ Генриха главою церкви, годомъ позже Моръ сложилъ съ себя должность. Но при данномъ положеніи это въ глазахъ короля означало не что иное, какъ бунтъ и государственную измѣну, и Генрихъ до тѣхъ поръ не успокоился таки, пока ему не удалось черезъ безчестныхъ судей инсценировать противъ своего бывшаго канцлера комедію суда по обвиненію въ государственной измѣнѣ. И, благодаря подкупленному свидѣтелю, процессъ этотъ окончился осужденіемъ обвиняемаго на мучительную смертную казнь.

«Кроткій» король помиловалъ его, замѣнивши ему эту казнь обезглавленіемъ.

Безстрашно и бодро окончилъ 6 іюля 1535 г. свою жизнь на эшафотѣ первый великій утопистъ, нѣсколько дней послѣ того, какъ была подавлена первая диктатура революціоннаго коммунистическаго пролетаріата (въ Мюнстерѣ).

Возникавшій современный соціализмъ получилъ кровавое крещеніе.

IV. «Утопія».

Моръ оставилъ послѣ себя множество произведеній,—поэтическихъ, историческихъ, философскихъ, политическихъ, а также богословскихъ. Насъ интересуетъ лишь одно изъ нихъ: «Золотая книжечка о наилучшемъ устройствѣ общественной жизни и о новомъ островѣ Утопія» [1]).

Какъ и въ произведеніи Платона о государствѣ, точка зрѣнія автора развивается въ формѣ діалога. Форма эта дѣлаетъ изложеніе не только живѣе и выразительнѣе, но позволяетъ автору быть смѣлѣе и даетъ ему больше свободы. Ибо рѣзкая критика существующихъ условій и восхваленіе коммунизма излагаются не какъ взгляды автора; онъ, напротивъ, вы-

---

[1]) «De optimo reipublicae Statu deque nova insula Utopia libellus vere aureus». Мы пользовались базельскимъ изданіемъ 1518 г.—Слово Utopia образовано изъ греческаго слова ou (у)—нѣтъ, и topos, мѣсто.

даетъ себя въ произведенiи приверженцемъ существующаго порядка вещей. Его дѣйствительные взгляды выражаетъ вымышленное лицо, Рафаэль Гитлодэусъ.

Чтобы приступить къ изображенiю своего идеальнаго государства, Моръ начинаетъ съ дѣйствительности, незамѣтно переходящей въ вымыселъ. Онъ начинаетъ съ разсказа о своей посольской миссiи во Фландрiи, въ 1515 г. Пользуясь перерывомъ, наступившимъ въ дѣлахъ посольства, онъ отправляется въ Антверпенъ. Однажды онъ тамъ встрѣчаетъ на улицѣ своего друга Петра Гилеса вмѣстѣ съ чужестранцемъ, похожимъ на моряка. Это былъ Рафаэль Гитлодэусъ, португалецъ, сопровождавшiй Америко Веспуччи въ его путешествiяхъ въ Америку, куда послѣ удачнаго путешествiя Христофора Колумба (1492 г.) устремилось столько искателей приключенiй. У береговъ Бразилiи Рафаэль разстался со своими товарищами и попалъ въ новыя, неизслѣдованныя еще мѣста, между прочимъ и на островъ Утопiю, гдѣ онъ оставался пять лѣтъ. Оттуда онъ отправился въ Индiю, а изъ Индiи на португальскомъ суднѣ вернулся на родину.

Моръ заинтересовывается этимъ столь много путешествовавшимъ человѣкомъ и приглашаетъ его вмѣстѣ съ Гилесомъ къ себѣ въ домъ. Тамъ разговоръ продолжается. Моръ выражаетъ удивленiе, что Рафаэль не извлекаетъ пользы изъ своихъ обширныхъ свѣдѣнiй на службѣ какого-нибудь государя. Это служитъ поводомъ для упомянутой уже нами критики политическихъ и экономическихъ условiй того времени. Она слишкомъ обширна для того, чтобы цѣликомъ ее изложить.

Но послѣ этой критики является вопросъ: какъ же помочь всему этому горю, какъ измѣнить эти плохiя условiя?

«Любезный Моръ, чтобы быть откровеннымъ,—заявляетъ Гитлодэусъ,—я долженъ сказать слѣдующее. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что тамъ, гдѣ господствуетъ частная собственность, гдѣ деньги служатъ всеобщимъ мѣриломъ для всѣхъ вещей, трудно, даже почти невозможно, чтобы общество управлялось справедливо и процвѣтало, если только не считать справедливостью то, что все хорошее достается плохимъ людямъ, или—процвѣтанiемъ то, что все принадлежитъ немногимъ лицамъ, которыя однако тоже нехорошо себя чувствуютъ въ то время, когда остальные ведутъ поистинѣ нищенское существованiе.

«И насколько мудрѣе и возвышеннѣе показались мнѣ въ противоположность этому учрежденiя жителей Утопiи, которые, при помощи немногихъ законовъ, такъ хорошо управляются: каждый получаетъ по заслугамъ, всѣ живутъ въ избыткѣ, хотя никто не имѣетъ больше другого. Сравните съ ними другiя нацiи, безпрерывно фабрикующiя новые законы и все же никогда не имѣющiя хорошихъ законовъ, гдѣ каждый человѣкъ

воображаетъ, что его имущество есть его неотъемлемая собственность и гдѣ тѣмъ не менѣе безчисленные законы, день за днемъ издаваемые, никому не могутъ обезпечить пріобрѣтеніе или сохраненіе его собственности или точное отграниченіе ея отъ собственности другихъ, что ясно видно изъ многочисленныхъ процессовъ, ежедневно возникающихъ и никогда не кончающихся. Если обо всемъ этомъ поразмыслить, то надо отдать Платону справедливость и не удивляться тому, что онъ не хотѣлъ давать народамъ законы, отрицающіе общность имуществъ. Этотъ мудрецъ позналъ, что единственный путь къ благополучію общества состоитъ во всеобщемъ экономическомъ равенствѣ; а это, по моему мнѣнію, невозможно, когда каждый владѣетъ своимъ имуществомъ, какъ частной собственностью. Ибо если каждый подъ разными предлогами и на извѣстныхъ юридическихъ основаніяхъ имѣетъ право сгрести такъ много, какъ онъ только можетъ, то все богатство достается лишь немногимъ лицамъ, а вся остальная масса терпитъ нужду и лишенія. И судьба какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ большинствѣ случаевъ одинаково незаслужена: богатые обыкновенно алчны, дѣйствуютъ обманомъ и никуда негодны, бѣдные же скромны, отличаются прямотой и своимъ трудомъ приносятъ обществу больше пользы, чѣмъ себѣ лично.

«Въ виду этого, я твердо убѣжденъ, что ни равное и справедливое распредѣленіе богатствъ, ни всеобщее благополучіе невозможны, пока частная собственность не будетъ уничтожена. Пока она существуетъ, тягости и заботы, сопряженныя съ бѣдностью, составятъ долю большей и, именно, лучшей части людей. Я допускаю, что есть другія средства, чѣмъ общность имуществъ, но только для того, чтобы *смягчить*, а не *устранить* эти условія. Можно извѣстными законами установить, что ни одинъ человѣкъ не долженъ имѣть земли или денегъ больше извѣстнаго количества, чтобы король не обладалъ слишкомъ большой властью, а народъ не дѣлался слишкомъ своевольнымъ; чтобы должности не пріобрѣтались разными происками, подкупомъ или куплей и чтобы занятія ихъ не связаны были съ расточительными затратами, такъ какъ все это либо ведетъ къ тому, чтобы истраченныя деньги снова выжать изъ народа, либо къ тому, что должности достаются самымъ богатымъ, а не самымъ способнымъ. Такого рода законами недостатки въ государствѣ и обществѣ могутъ быть нѣсколько смягчены, подобно тому, какъ заботливый уходъ поддерживаетъ еще нѣкоторое время неизлѣчимо-больного. Но нельзя думать о полномъ излѣченіи и укрѣпленіи, пока каждый остается собственникомъ. Болѣе того, именно тѣмъ, что вы улучшаете такими законами положеніе одной части общественнаго организма, вы осложняете болѣзнь его въ другой части; помогая

одному, вы приносите вредъ другому, ибо вы можете одному дать только то, что отнимаете отъ другого».

«Я придерживаюсь противоположнаго мнѣнія», возражаетъ Моръ,— т. е. Моръ въ «Утопіи», Моръ, переодѣтый Евгеніемъ Рихтеромъ XVI столѣтія, а мнѣнія настоящаго Мора выражаются Рафаэлемъ. «Я думаю, что люди никогда не будутъ себя хорошо чувствовать при существованіи общности имуществъ. Какъ можетъ образоваться изобиліе продуктовъ для всѣхъ, если каждый будетъ думать о томъ, какъ бы уклониться отъ работы? Безъ расчета на прибыль, никто не будетъ охотно работать, а возможность положиться на трудъ другихъ должна создавать лѣность. И если наступитъ недостатокъ въ продуктахъ, а законъ никому не будетъ обезпечивать того, что онъ пріобрѣлъ, то не будетъ ли при такихъ условіяхъ постоянныхъ безпорядковъ и кровопролитій? Вѣдь всякое уваженіе къ властямъ должно исчезнуть, и я вообще не могу себѣ представить, какую роль онѣ будутъ играть, когда всѣ люди будутъ равны?»

«Я не удивляюсь такимъ воззрѣніямъ», возразилъ Рафаэль, «такъ какъ ты или совсѣмъ не можешь себѣ представить такого общественнаго строя, или представляешь его себѣ въ ложномъ видѣ. Еслибы ты былъ въ Утопіи и изучилъ тамошніе нравы и законы, какъ сдѣлалъ это я, который прожилъ тамъ свыше пяти лѣтъ и никогда не оставилъ бы страны, еслибы не желаніе ознакомить съ нею міръ,—то ты призналъ бы, что никогда не видѣлъ общества, лучше устроеннаго».

Этимъ возраженіемъ можно воспользоваться для перехода къ описанію идеальнаго государства Мора.

Разсмотримъ теперь его поближе.

«Островъ Утопія,» разсказываетъ Рафаэль, «насчитываетъ двадцать четыре крупныхъ великолѣпныхъ города, одинаковые по языку, нравамъ, учрежденіямъ и законамъ. Всѣ они—поскольку это допускается разнообразіемъ мѣстности—одинаково распланированы и построены.

«Въ деревняхъ повсюду имѣются хорошо расположенные дома, снабженные всѣми необходимыми земледѣльческими принадлежностями. Они населены гражданами, которые живутъ попеременно то въ городѣ, то въ деревнѣ. Каждая сельскохозяйственная фамилія состоитъ не менѣе, чѣмъ изъ сорока членовъ—мужчинъ и женщинъ—и двухъ прикрѣпленныхъ ко двору работниковъ (ascripticii). Главами фамиліи являются хозяинъ и хозяйка, опытные и бывалые люди, а во главѣ каждой группы въ тридцать фамилій стоитъ филархъ (или сифогрантъ).

«Изъ каждой фамиліи ежегодно возвращаются въ городъ двадцать человѣкъ послѣ того, какъ они пробыли въ деревнѣ два года; ихъ замѣ-

щаются двадцатью другими, пріѣзжающими изъ города; эти двадцать обучаются сельскому хозяйству тѣми, которые уже прожили одинъ годъ въ деревнѣ и которые поэтому знаютъ сельское хозяйство. Въ слѣдующемъ году новоприбывшіе обучаютъ уже другихъ. Такія смѣны были введены изъ опасенія, что если всѣ земледѣльцы одновременно покинутъ деревню, а на ихъ мѣстѣ окажутся неопытные новички, то можетъ когда-нибудь наступить недостатокъ въ средствахъ существованія. Кромѣ того, этими смѣнами достигается то, что никто не вынужденъ слишкомъ долго заниматься труднымъ и суровымъ земледѣльческимъ трудомъ. Но многимъ сельская жизнь такъ нравится, что они добиваются права на болѣе продолжительное пребываніе въ деревнѣ.

«Сельскіе жители обрабатываютъ поля, ухаживаютъ за скотомъ, рубятъ дрова, которыя перевозятся въ городъ по водѣ или сухопутью, смотря по тому, какъ удобнѣе. Они выводятъ цыплятъ посредствомъ спеціальныхъ аппаратовъ для высиживанія яицъ.

«Хотя они точно изслѣдовали, сколько требуется пищевыхъ продуктовъ для города и его области, тѣмъ не менѣе они сѣютъ больше ржи и разводятъ больше скота, чѣмъ имъ нужно, и дѣлятся излишкомъ со своими сосѣдями.

«Все, въ чемъ сельскіе жители нуждаются, чего нельзя найти въ полѣ или лѣсу, они получаютъ изъ города, власти котораго охотно выдаютъ необходимые продукты, не требуя ничего взамѣнъ; сношенія же между городомъ и его областью очень часты, такъ какъ каждый мѣсяцъ, въ праздникъ, многіе отправляются въ городъ. Если приближается время жатвы, то филархи земледѣльческихъ фамилій сообщаютъ городскимъ властямъ, сколько имъ надо рабочихъ изъ города. Въ назначенный день послѣдніе являются и при ихъ помощи почти вся жатва снимается въ одинъ день, если только погода этому благопріятствуетъ.

«Земледѣліе—дѣло, которому отдаются всѣ жители Утопіи, мужчины и женщины, и которое они всѣ знаютъ. Они подготовляются къ нему съ молодости. Отчасти подготовляются въ школѣ, отчасти упражняются на поляхъ вблизи отъ города, гдѣ земледѣліе служитъ имъ игрою; они такимъ образомъ не только научаются работать, но и укрѣпляютъ свой организмъ.

«Наряду съ сельскимъ хозяйствомъ, которымъ, какъ сказано, занимаются всѣ, каждый житель Утопіи изучаетъ какое-нибудь ремесло, какъ свое спеціальное занятіе. Наиболѣе важныя ремесла: обработка шерсти или льна, ремесло каменьщиковъ, искусство кузнеца или плотника. Объ остальныхъ ремеслахъ не стоитъ говорить.

«Одежда на всемъ островѣ одинаковаго покроя, разница есть только

между мужскимъ и женскимъ платьемъ, между одеждой женатыхъ и неженатыхъ. И этотъ покрой остается разъ навсегда, удобный и пріятный для глаза, не стѣсняющій движеній и поворотовъ тѣла, равно приспособленный какъ для холода такъ и жары. Эту одежду каждая семья сама для себя изготовляетъ. Но изъ остальныхъ ремеслъ каждый долженъ какое-нибудь изучить, и при томъ *не только мужчины, но и женщины.* Послѣднія, какъ болѣе слабыя, выбираютъ себѣ легкія работы, большей частью обработку шерсти или льна. А болѣе тяжелыя работы достаются мужчинамъ.

«Обыкновенно каждый учится ремеслу своего отца, такъ какъ къ этому каждый болѣе склоненъ отъ природы. Если же кто нибудь предпочитаетъ другое ремесло, то онъ вступаетъ въ ту семью, которая имъ занимается. Не только отецъ, но и власти заботятся о томъ, чтобы подростающій членъ общества могъ стать честнымъ и распорядительнымъ хозяиномъ.

«Каждый имѣетъ право выбрать себѣ съ теченіемъ времени новое ремесло, хота бы онъ одному какому-нибудь уже научился. И, научившись двумъ ремесламъ, онъ имѣетъ право заниматься которымъ угодно, хотя бы городъ нуждался въ одномъ больше, чѣмъ въ другомъ.

«Самая почетная и почти единственная задача сифогрантовъ (филарховъ) состоитъ въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы каждый имѣлъ работу и съ надлежащимъ усердіемъ занимался своимъ ремесломъ. Это однако не означаетъ, что жители Утопіи должны, подобно вьючнымъ животнымъ, съ ранняго утра до поздняго вечера измучиваться въ безпрерывной работѣ. Это было бы хуже самаго отчаяннаго рабства. Между тѣмъ почти повсюду судьба рабочихъ въ этомъ состоитъ, но только не въ Утопіи. Изъ 24 часовъ въ сутки *только шесть* предназначены для работы; три—до обѣда, послѣ обѣда наступаетъ двухчасовой отдыхъ, затѣмъ они работаютъ еще три часа и отправляются ужинать. Часовъ въ восемь вечера идутъ ко сну (считая первый часъ послѣ обѣда первымъ часомъ дня), чему они отдаютъ восемь часовъ. Всѣмъ остальнымъ временемъ, которое остается у нихъ отъ работы, сна и ѣды, каждый пользуется по желанію... Но когда слышишь, что жители Утопіи работаютъ только шесть часовъ, то можно подумать, что, вслѣдствіе этого, они должны терпѣть нужду въ необходимыхъ предметахъ. Но это невѣрно, напротивъ—и это слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы не составить себѣ ложнаго представленія—этого короткаго времени болѣе, чѣмъ достаточно, для изготовленія не только предметовъ необходимости, но и комфорта».

Для доказательства Рафаэль указываетъ на то, что въ Утопіи работа не расточается, какъ въ существующемъ обществѣ, такъ какъ вся работа раціонально поставлена, хорошо регулируется, производится плано-

*

мѣрно и основательно. Кромѣ того, въ Утопіи нѣтъ той массы тунеядцевъ и рабочихъ, занятыхъ въ ненужныхъ производствахъ и составляющихъ такую большую часть европейскихъ обществъ.

Въ Утопіи трудъ обязателенъ для всѣхъ. Отъ работы по закону освобождены только высшія должностныя лица, «но которые отъ нея все же не отказываются, чтобы собственнымъ примѣромъ возбуждать въ другихъ охоту къ труду. Отъ работы освобождены также тѣ, которые, по рекомендаціи священнослужителей и по тайному выбору сифогрантовъ, получаютъ отъ народа разрѣшеніе исключительно и навсегда посвятить себя наукѣ. Но если получившій разрѣшеніе не оправдываетъ возложенныхъ на него надеждъ, то онъ снова долженъ приняться за ремесло. А часто бываетъ и обратно: ремесленникъ въ свое свободное время такъ ревностно занимается науками и такъ много при этомъ успѣваетъ, что его освобождаютъ отъ физическаго труда и переводятъ на положеніе ученаго». Изъ числа послѣднихъ назначаются высшіе чиновники.

«Такъ какъ всѣ заняты полезной работой и такъ какъ въ каждомъ ремеслѣ требуется лишь немного рабочихъ, то часто бываетъ избытокъ во всѣхъ предметахъ. Свободные отъ труда рабочіе исправляютъ тогда дороги. Но если и въ этой работѣ нѣтъ необходимости, то число рабочихъ часовъ уменьшается».

Земледѣльцы производятъ для себя и для горожанъ. А эти, съ своей стороны, производятъ для города и деревни. Но Моръ знаетъ—и это въ высшей степени замѣчательно!—не только какъ регулировать производство города и его области, но и производство *всей націи въ цѣломъ*.

«Каждый городъ посылаетъ ежегодно трехъ депутатовъ въ Амауротумъ (столицу Утопіи) изъ среды своихъ мудрѣйшихъ старцевъ. Депутаты занимаются дѣлами, касающимися всего острова. Устанавливается, гдѣ и въ какихъ предметахъ имѣется избытокъ или недостатокъ, и нужда однихъ покрывается избыткомъ другихъ. И это дѣлается безъ какого бы то ни было вознагражденія; одни города отдаютъ другимъ изъ того, въ чемъ у нихъ избытокъ, ничего не требуя взамѣнъ, но за то они отъ третьихъ городовъ безвозмездно получаютъ все, что имъ необходимо. Такимъ образомъ весь островъ представляетъ собою какъ бы одну семью.

Денегъ въ Утопіи не существуетъ.

Это—самыя характерныя особенности способа производства у жителей Утопіи. Подробнѣе остановиться на другихъ его особенностяхъ, напримѣръ, на принудительномъ выполненіи грязныхъ работъ, частью преступниками, частью наемными рабочими изъ сосѣднихъ странъ—что естественно, пока эти работы не выполняются машиною,—а также на товар-

номъ обмѣнѣ съ другими странами мы не можемъ, такъ какъ это насъ слишкомъ далеко завело бы.

Теперь спрашивается, какъ складывается на почвѣ этого способа производства семейныя и брачныя отношенія?

О земледѣльческихъ фамиліяхъ мы уже говорили.

Населеніе каждаго города состоитъ изъ семей, по возможности находящихся въ родствѣ между собою. Женщина, если она выходитъ замужъ въ возрастѣ, установленномъ закономъ, переходитъ въ домъ своего мужа. А дѣти мужского пола или ихъ мужское потомство остаются въ своей семьѣ, во главѣ которой стоитъ старѣйшій. Если этотъ старѣйшій впалъ по старости въ дѣтство, то его мѣсто занимаетъ ближайшій по старшинству. Число гражданъ не должно быть выше или ниже предписанной нармы. Для соблюденія этой нормы установлено, что въ каждой изъ 6000 фамилій, находящихся въ каждомъ городѣ (кромѣ сельскихъ фамилій), не должно быть меньше десяти и больше шестнадцати взрослыхъ людей; число дѣтей не установлено. Эта норма легко соблюдается тѣмъ, что лишніе члены слишкомъ большихъ семей переводятся въ слишкомъ малыя».

Если угрожаетъ перенаселеніе, то устраиваются колоніи.

„Старѣйшій, какъ уже сказано, является главой семьи. Женщины услуживаютъ мужчинамъ, дѣти родителямъ, младшіе вообще старшимъ.

«Каждый городъ раздѣленъ на четыре равныя части. Въ срединѣ каждаго квартала имѣется базарная площадь со всевозможными продуктами. Туда свозятся произведенія каждой фамиліи и складываются въ опредѣленныя помѣщенія, а въ послѣднихъ каждая категорія продуктовъ сохраняется отдѣльно. Каждый отецъ семейства или домохозяинъ беретъ оттуда все, что надо ему и его семьѣ, безъ денегъ, вообще безвозмездно. И почему бы ему въ чемь-нибудь отказать? Всѣ вещи имѣются въ избыткѣ, и нѣтъ основанія опасаться, что кто нибудь потребуетъ больше, чѣмъ ему нужно. Можно ли допустить, что кто нибудь возьметъ больше, чѣмъ требуется, когда каждый увѣренъ, что ему никогда не придется терпѣть нужды? Вѣдь нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что жадность и хищность порождаются во всѣхъ живыхъ существахъ боязнью нужды, у человѣка же, сверхъ того, чувствомъ гордости, такъ какъ онъ считаетъ чѣмъ то особенно важнымъ превзойти другихъ людей мотовской и тщеславной растратой всевозможныхъ вещей. Такимъ пороамъ въ Утопіи нѣтъ мѣста.

Рядомъ съ этими базарными площадями находятся рынки для съѣстныхъ припасовъ, на которые скотъ привозится уже зарѣзаннымъ и вы-

чищеннымъ. Скотобойня находится внѣ города у рѣки, чтобы не заразить города нечистотами и отбросами, порождающими болѣзни.

«По каждой улицѣ на опредѣленныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга находятся большіе дворцы, изъ которыхъ каждый носитъ опредѣленное имя. Въ нихъ живутъ сифогранты (начальники надъ каждыми тридцатью фамиліями). И къ каждому такому дворцу причислены тридцать семей, живующихъ по обѣимъ его сторонамъ. Завѣдующій кухней въ этихъ дворцахъ въ опредѣленные часы приходитъ на базаръ и беретъ себѣ столько съѣстныхъ припасовъ, сколько требуется для семей, причисленныхъ къ его дворцу. Но лучшіе продукты и въ первую очередь посылаются въ больницы которыя расположены за городомъ и такъ хорошо устроены, что почти всѣ больные предпочитаютъ лѣчиться въ больницѣ, а не на дому.»

«Въ опредѣленные часы въ полдень и вечеромъ, вся сифогрантія отправляется по сигналу, данному рожкомъ, въ свой дворецъ, исключая больныхъ, лежащихъ въ больницѣ или дома. По удовлетвореніи потребностей дворцовъ никому не запрещается брать себѣ домой съѣстные припасы, такъ какъ извѣстно, что никто не станетъ это дѣлать безъ уважительной причины. Дома никто добровольно не ѣстъ, это неприлично, и было бы въ самомъ дѣлѣ очень глупо съ трудомъ изготовлять себѣ дома плохой обѣдъ, зная, что хорошій обѣдъ имѣется уже готовымъ въ ближайшемъ дворцѣ.

«Всѣ непріятныя, трудныя и грязныя работы выполняются рабами. Стряпня, приготовленіе кушаній и вся забота объ обѣдѣ падаетъ однако на женщинъ каждой семьи посмѣнно.

«Семьи, смотря по ихъ числу, разсаживаются вокругъ трехъ и болѣе столовъ. Мужчины сидятъ у стѣны, женщины по другой сторонѣ стола, такъ что если какой нибудь из нихъ станетъ вдругъ дурно, какъ это часто бываетъ съ беременными, то она, не нарушая порядка, можетъ подняться и удалиться въ комнату для кормилицъ. Женщины съ грудными младенцами сидятъ въ комнатѣ, спеціально для нихъ предназначенной; въ ней всегда имѣется чистая вода, горитъ огонь, находится достаточно колыбелей, такъ что онѣ могутъ въ нихъ укладывать своихъ дѣтей, сушить пеленки, играть съ младенцами и забавлять ихъ.

«Каждая мать кормитъ своего собственнаго ребенка, если только смерть или болѣзнь этому не помѣшаютъ. Въ послѣднемъ случаѣ жены сифогрантовъ быстро пріискиваютъ кормилицу и это не представляетъ труда, такъ какъ женщины, способныя быть кормилицами, берутся за это дѣло охотнѣе, чѣмъ за какое либо другое. Ибо такое проявленіе мило-

сердія высоко цѣнится, а выкормленное дитя и впослѣдствіи признаетъ кормилицу своей матерью.

«Кромѣ женщинъ съ грудными младенцами, въ комнатѣ для кормилицъ находятся еще дѣти ниже пятилѣтняго возраста. Старшіе мальчики и дѣвочки до того возраста, когда они могутъ вступить въ бракъ, прислуживаютъ за столомъ или, если они для этого слишкомъ молоды, смотрятъ стоя и не разговаривая. Они ѣдятъ то, что имъ дается со стола, и не имѣютъ спеціальныхъ часовъ для ѣды...

«Такъ живутъ въ городахъ. Въ деревнѣ же семьи живутъ далеко одна отъ другой и ѣдятъ поэтому каждая отдѣльно; онѣ ни въ чемъ не терпятъ нужды, такъ какъ горожане вѣдь отъ нихъ получаютъ всѣ съѣстные припасы».

Все это о *домашнемъ хозяйствѣ* жителей Утопіи. Теперь объ ихъ бракѣ; курьезно, что о немъ говорится въ главѣ о *рабствѣ*: «Дѣвушки выходятъ замужъ не раньше 18 лѣтъ, юноши женятся не ранѣе 22 лѣтъ. Кто до вступленія въ бракъ, мужчина или женщина, предался запрещенной страсти, тотъ подвергается строгому наказанію и навсегда лишается права на вступленіе въ бракъ, развѣ только государь не проститъ ему его проступка. Подобный проступокъ ставится въ вину и отцу или матери семейства, въ которомъ онъ случился, ибо это означаетъ, что они небрежно отнеслись къ своимъ обязанностямъ. Наказывается этотъ проступокъ такъ строго изъ опасенія, что только немногіе пожелаютъ вступить въ связь, которая прикуетъ ихъ на всю жизнь къ человѣку и принесетъ имъ нѣкоторыя тяжести; и поэтому такъ строго наблюдается за тѣмъ, чтобы случайныя связи не заключались.

«При выборѣ жениха или невѣсты жители Утопіи употребляютъ способъ, показавшійся намъ (Гитлоѳэусѣ и его товарищамъ) смѣшнымъ, но котораго они серьезно и строго придерживаются. Прежде, чѣмъ вступить въ бракъ, какая нибудь почтенная женщина показываетъ невѣсту въ нагомъ видѣ жениху, все равно, дѣвушка ли она, или вдова, а потомъ какой-нибудь степенный мужчина показываетъ жениха въ голомъ видѣ невѣстѣ. Мы смѣялись надъ этимъ и сочли это неприличнымъ. Они же удивлялись глупости всѣхъ другихъ націй. Если, говорятъ они, человѣкъ покупаетъ себѣ лошадь, то онъ настолько остороженъ, что тщательно ее осматриваетъ, снимаетъ сѣдло и упряжь и смотритъ, не скрыта ли за ними какая нибудь опухоль. А вѣдь тутъ дѣло идетъ только о небольшой денежной затратѣ. При выборѣ же жены, отъ которой зависитъ счастье или несчастье всей жизни, эти люди дѣйствуютъ наугадъ и связываются съ нею, не видавъ въ ней ничего больше, какъ только лицо. Не всѣ мужчины такъ мудры, чтобы выбирать себѣ жену только ради ея хорошихъ

духовныхъ качествъ, и даже мудрые люди того мнѣнія, что красивое тѣло дѣлаетъ высокій духъ еще привлекательнѣе. Несомнѣнно, что одежда можетъ скрыть какой нибудь недостатокъ, который отвратитъ отъ жены сердце мужа, когда ужъ нельзя будетъ разойтись. Если недостатокъ откроется только послѣ брака, то ему ничего больше не остается, какъ терпѣливо покориться. Поэтому они считаютъ разумнымъ помѣшать такому обману.

«Въ Утопіи это тѣмъ болѣе необходимо что это единственная страна въ той части свѣта, гдѣ многоженство совершенно не разрѣшается, а разводъ—только въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности или невыносимо плохого поведенія одной какой-нибудь стороны; въ такихъ случаяхъ сенатъ разрѣшаетъ разводъ, а невиновной сторонѣ—вновь вступить въ бракъ. Виновный объявляется безчестнымъ и не имѣетъ права вступать въ бракъ. Никто не можетъ отречься отъ своей жены на томъ основаніи, что она больна или страдаетъ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ; ибо они, съ одной стороны, считаютъ верхомъ жестокости кого-нибудь оставлять, когда онъ особенно нуждается въ утѣшеніи и помощи, а, съ другой стороны, они думаютъ, что возможность развода открываетъ печальную перспективу въ старости, поражаемой множествомъ болѣзней и сама являющейся болѣзнью.

«Часто однако бываетъ, что мужъ и жена не могутъ ужиться и находятъ себѣ другихъ товарищей, съ которыми они надѣются прожить счастливѣе; въ такомъ случаѣ они расходятся по взаимному согласію и заключаютъ новые браки, однако заручившись разрѣшеніемъ сената; а послѣднее дается лишь послѣ того, какъ сенаторы и ихъ жены точно разслѣдовали дѣло, и притомъ не такъ скоро, такъ какъ слишкомъ легкій разводъ не есть, по ихъ мнѣнію, средство укрѣпить взаимную привязанность супруговъ.

«Виновные въ прелюбодѣяніи наказываются самымъ тяжкимъ рабствомъ. Иногда раскаяніе виновнаго или беззавѣтная преданность невиннаго супруга такъ трогаютъ государя, что онъ прощаетъ виновнаго. Но если и послѣ помилованія кто-нибудь совершитъ прелюбодѣяніе, то онъ карается смертью.

«Остается еще сказать нѣсколько словъ для характеристики положенія женщины въ Утопіи: «Мужья наказываютъ своихъ женъ, родители—дѣтей, если только проступокъ не заслуживаетъ публичнаго наказанія.

«Никто не можетъ быть принужденъ противъ воли идти на войну, происходящую за предѣлами страны. Съ другой стороны, женамъ не препятствуется сопровождать своихъ мужей на войну, напротивъ, онѣ къ этому поощряются и чествуются. На полѣ битвы онѣ сражаются рядомъ со

своими супругами, окруженныя своими дѣтьми и родственниками, такъ что они всегда могутъ придти другъ къ другу на помощь. Считается большимъ позоромъ, когда мужъ возвращается съ войны безъ своей супруги или сынъ безъ отца.

«Священнослужители берутъ себѣ въ жены самыхъ выдающихся женщинъ Утопіи; женщины сами по себѣ вовсе не исключаются изъ сословія священнослужителей, но онѣ рѣдко выбираются и притомъ лишь пожилыми вдовами».

«Въ «Утопіи» существуетъ конституція союзнаго государства, каждый городъ съ своей областью составляетъ въ ней отдѣльный кантонъ.

«Каждыя тридцать фамилій ежегодно выбираютъ должностное лицо, называвшееся на ихъ прежнемъ языкѣ *сифогрантомъ*, а теперь *филархомъ*. Каждые десять сифогрантовъ съ ихъ семьями имѣютъ начальника, по прежнему—*транибор*ъ, теперь—*протофилархомъ*. Всѣхъ сифогрантовъ 200 человѣкъ. Присягнувши въ томъ, что они подадутъ свой голосъ за самаго подходящаго кандидата, они тайной подачей голосовъ выбираютъ князя изъ числа четырехъ кандидатовъ, предложенныхъ народомъ. Каждый городской кварталъ выбираетъ одного кандидата и рекомендуетъ его сенату. Князь выбирается пожизненно, но онъ смѣщается если на него падаетъ подозрѣніе, что онъ стремится къ самодержавной власти. Транибори выбираются ежегодно, однако ихъ не смѣняютъ безъ серьезнаго основанія. Всѣ остальныя должностныя лица выбираются только на одинъ годъ. Транибори собираются вмѣстѣ съ княземъ каждый третій день, а если нужно и чаще, для обсужденія общественныхъ дѣлъ и частныхъ споровъ, которые, хотя и рѣдко, но все же случаются. На каждомъ засѣданіи присутствуютъ двое сифогрантовъ, причемъ они на каждый разъ мѣняются. Кромѣ, какъ въ сенатѣ или на собраніи всего народа, нигдѣ подъ страхомъ смертной казни не должно принимать рѣшеній по общественнымъ дѣламъ. Мѣра эта, по ихъ словамъ, принята съ той цѣлью, чтобы предупредить заговоръ князя съ траниборами, если бы они задумали подавить народъ и низвергнуть конституцію. Въ виду этого, если на очереди стоятъ важныя дѣла, то они должны быть переданы на обсужденіе сифогрантамъ и ихъ фамиліямъ, рѣшенія которыхъ сообщаются затѣмъ въ сенатъ. Иногда какой-нибудь вопросъ подвергается голосованію всего населенія острова»...

«Каждый городъ посылаетъ ежегодно трехъ мудрѣйшихъ старцевъ въ Амауротумъ (столицу Утопіи) для обсужденія общественныхъ дѣлъ, касающихся всего острова».

Задача этого сената учитывать потребительныя и производительныя силы каждаго города и регулировать обмѣнъ между его отдѣльными общинами.

Что касается функцій отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, то мы уже знаемъ, что «самая почетная и почти единственная задача сифограитовъ состоитъ въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы каждый имѣлъ работу и съ должнымъ усердіемъ занимался своимъ ремесломъ.

„Если кто нибудь слишкомъ настойчиво добивается какой нибудь должности, то онъ можетъ быть увѣренъ, что никогда ее не получитъ. Они мирно живутъ другъ съ другомъ, такъ какъ чиновники въ «Утопіи» не отличаются гордостью и суровостью. Ихъ считаютъ отцами, и они такъ и держатся. Знаки почета и уваженія отдаются имъ добровольно, изъявленія ихъ ни отъ кого не требуется». Какъ и всѣ должностныя лица, и священнослужители *выбираются* народомъ. Наблюденіе за нравами населенія и воспитаніе молодежи составляетъ ихъ задачу. Религія—частное дѣло.

«Они имѣютъ лишь немного законовъ, ибо при своихъ учрежденіяхъ они въ нихъ мало нуждаются. Они очень отрицательно относятся къ составленію безконечныхъ но все же недостигающихъ цѣли сводовъ законовъ и комментарій къ нимъ у другихъ націй».

Внѣшнія политическія отношенія жителей «Утопіи» такъ же несложны, какъ и внутреннія. Договоровъ съ другими народами они не заключаютъ, такъ какъ они знаютъ, что эти договоры сохраняются лишь до тѣхъ поръ, пока это выгодно. Они разсчитываютъ только на самихъ себя и экономическую зависимость сосѣдей отъ «Утопіи».

Къ войнѣ они питаютъ отвращеніе и считаютъ ее звѣрствомъ, но это звѣрство, по ихъ мнѣнію, никакой звѣрь не проявляетъ такъ часто, какъ человѣкъ. Въ отличіе отъ нравовъ почти всѣхъ націй, ничто у нихъ такъ не презирается, какъ военная слава. Хотя у нихъ ежедневно происходятъ военныя упражненія, причемъ не только у мужчинъ, но въ извѣстные дни и у женщинъ,—что у нихъ дѣлается для основательнаго изученія военнаго дѣла на случай необходимости,—тѣмъ не менѣе они никогда не предпринимаютъ войны, исключая тѣхъ случаевъ, когда имъ надо защищать свою страну или своихъ друзей отъ несправедливаго нападенія или когда надо освободить угнетенный народъ отъ ига тиранніи... Но самой справедливой причиной для войны они считаютъ тотъ случай, когда купцы дружественной націи подвергаются обману или дурному обращенію въ чужой странѣ подъ какимъ либо законнымъ предлогомъ, на основаніи плохихъ или же хорошихъ законовъ, но плохо истолкованныхъ».

Послѣдняя фраза показываетъ, что въ нашемъ добромъ Морѣ купецъ еще крѣпко сидитъ.

Если ко всему сказанному присоединить еще нѣкоторыя цитаты

для характеристики положенія науки въ Утопіи, то мы исчерпаемъ все, что есть существеннаго въ утопизмѣ Мора. Мы видѣли, что ученыхъ глубоко уважаютъ; они освобождены отъ физическаго труда. Но научныя занятія не составляетъ монополіи ученыхъ.

«Обыкновенно, рано утромъ читаются публичныя лекціи; посѣщать ихъ обязаны лишь тѣ, которые посвятили себя наукѣ. Но на эти лекціи всегда приходитъ также масса другой публики, мужчинъ и женщинъ,— одни бываютъ на однѣхъ, другія—на другихъ чтеніяхъ, смотря по склонности».

Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: «Задача учрежденій этого общества состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы дать всѣмъ гражданамъ возможность посвящать все время, остающееся у нихъ по удовлетвореніи общественныхъ потребностей, свободной дѣятельности и развитію своихъ духовныхъ способностей. Ибо въ этомъ они находятъ счастье жизни».

* * *

Итакъ,—кончаетъ Гитлодэусъ свой разсказъ,—я по мѣрѣ силъ изложилъ вамъ конституцію этого общества; и это общество, по моему мнѣнію, не только лучшее, но и единственное, заслуживающее это имя. Конечно, въ другихъ странахъ говорятъ о *благополучіи общества*, но въ дѣйствительности заботятся лишь о *собственномъ благополучіи*; въ Утопіи частной собственности не существуетъ, и поэтому каждый фактически заботится лишь объ общественныхъ дѣлахъ; и тамъ, и здѣсь каждый имѣетъ свои достаточныя основанія для столь различнаго образа дѣйствія. Ибо въ другихъ странахъ каждый знаетъ, что какъ бы общество ни процвѣтало,—онъ умретъ голодной смертью, если самъ о себѣ не позаботится, и, такимъ образомъ, волей неволей, долженъ предпочитать собственную пользу — пользѣ общества. Напротивъ, въ Утопіи каждый знаетъ, что никто не будетъ терпѣть нужды, если позаботиться о томъ, чтобы общественные магазины были полны. Ибо все у нихъ распредѣляется равно, такъ что бѣдныхъ у нихъ вовсе нѣтъ; и хотя никто изъ нихъ не имѣетъ никакой собственности,—ихъ всѣхъ можно назвать богатыми. Можетъ ли быть лучшее богатство, чѣмъ беззаботная и веселая жизнь? Въ Утопіи отдѣльнымъ лицамъ нечего заботиться о средствахъ для своего собственнаго существованія, никого не мучаютъ безконечныя жалобы супруги, страхъ за будущее сына, забота о приданомъ дочери. Каждый житель Утопіи спокоенъ не только относительно собственнаго существованія и благополучія, но и своихъ дѣтей, внуковъ, племянниковъ, вплоть

до самаго отдаленнаго потомства. О слабыхъ или потерявшихъ работоспособность у нихъ одинаково заботятся, какъ и о тѣхъ, которые еще въ состояніи работать. Хотѣлъ бы я видѣть человѣка, который имѣлъ бы смѣлость сравнивать эти справедливые порядки съ порядками у другихъ народовъ. Пусть меня накажетъ богъ, если я нашелъ у другихъ народовъ хотя бы слѣдъ права и справедливости. Что справедливаго въ томъ, что дворянинъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ [1]) или ростовщикъ, словомъ всѣ, которые ничего не дѣлаютъ, или, покрайней мѣрѣ, не дѣлаютъ ничего полезнаго,—что всѣ они, ничего не дѣлая или занимаясь безполезными дѣлами, живутъ въ довольствѣ и роскоши, тогда какъ поденщики, ломовые извозчики, кузнецы, плотники и батраки, безъ которыхъ общество не могло бы прожить и одного года, работаютъ больше, чѣмъ вьючныя животныя и при этомъ живутъ гораздо хуже ихъ. Послѣднія не работаютъ такъ много, питаются лучше, жизнь ихъ не омрачается заботами о будущемъ; рабочій же угнетенъ своимъ безрадостнымъ трудомъ и перспективой нищенскаго существованія на старости лѣтъ. Вѣдь его заработокъ такъ малъ, что имъ нельзя покрыть повседневныхъ потребностей, не говоря уже о сбереженіяхъ на старость. Развѣ справедливо, развѣ хорошо устроено то общество, которое расточительно одаряетъ такъ называемыхъ благородныхъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и другихъ, ничего не дѣлающихъ, людей, живущихъ лестью и тщеславіемъ, погонею за мнимыми радостями, и въ то же время ни мало не заботится о бѣдныхъ батракахъ, угольщикахъ, поденщикахъ, извозчикахъ, кузнецахъ и плотникахъ, безъ которыхъ оно не могло бы и существовать? Поэксплоатировавши ихъ, выжавши изъ нихъ всѣ соки во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, ихъ предоставляютъ собственной судьбѣ, когда ихъ настигаетъ старость, болѣзнь и нужда, и предаютъ ихъ голодной смерти въ награду за вѣрную и важную службу обществу.

«Болѣе того: не довольствуясь пониженіемъ заработной платы бѣдныхъ посредствомъ всякаго рода хитростей, богатые обезпечиваютъ себя и соотвѣтствующими законами. Неблагодарность по отношенію къ тѣмъ, которые работали на пользу общества, неблагодарность, испоконъ вѣка считавшаяся несправедливостью, у нихъ носитъ еще болѣе возмутительный характеръ, потому что они придали ей силу закона и тѣмъ самымъ—видъ справедливости.

«Клянусь богомъ, когда я обо всемъ этомъ думаю, то каждое совре-

---

[1]) Золотыхъ дѣлъ мастера во времена Мора были также мѣнялами и банкирами.

менное государство представляется мнѣ ни чѣмъ инымъ, какъ заговоромъ богатыхъ, преслѣдующихъ подъ предлогомъ общественной пользы собственную выгоду, всяческими способами стремящихся обезпечить себѣ, въ качествѣ собственности, то, что они пріобрѣли неправильными путями, и эксплоатировать трудъ бѣдныхъ за возможно меньшую плату. Такія благородныя постановленія богатые издаютъ отъ имени всего общества, стало быть, и отъ имени бѣдныхъ и называютъ ихъ законами.

«Но захвативши въ своей ненасытной жадности для однихъ себя все, что хватило бы для всего народа, эти жалкіе люди все же далеки отъ того счастья, которымъ пользуются жители Утопіи. Послѣдніе вывели деньги изъ употребленія, перестали стремиться къ ихъ пріобрѣтенію и, такимъ образомъ, свалили съ себя гору заботъ и уничтожили главный источникъ преступленій. Кто же не знаетъ того, что обманъ, воровство, грабежъ, ссора, шумъ, безпорядокъ, убійство, разбой, отравленіе, что всѣ эти преступленія закономъ, правда, отомщаются, но не предупреждаются, между тѣмъ какъ они всѣ исчезли бы, если бы исчезли деньги? За деньгами слѣдуютъ заботы, безпокойство, утомительныя безсонныя ночи. Бѣдность, сама по себѣ такъ нуждающаяся въ деньгахъ, была бы уничтожена, какъ только деньги были бы выведены изъ употребленія».

V. Мѣсто Утопіи въ исторіи соціализма.

Кто прочтетъ это страстное и продуманное обвиненіе, выдвинутое противъ буржуазнаго общества, это столь проникновенное прославленіе коммунизма, которымъ Рафаэль Гитлодэусъ кончаетъ свое описаніе Утопіи, не можетъ сомнѣваться относительно характера произведенія Мора, хотя бы онъ ничего, кромѣ этого, не читалъ;—такъ по крайней мѣрѣ, можно думать. Но буржуазные ученые повидимому разъ навсегда обречены на полное непониманіе, коль скоро дѣло касается соціализма; и вотъ историки, какъ ультрамонтаны, такъ и либералы, охотнѣе всего считаютъ Утопію «веселой шуткой веселой души», «фантастической игрою мысли въ свободную отъ дѣла минуту» или же ученой забавой, варіацией республики Платона.

Совсѣмъ иную картину мы получаемъ когда вдумываемся, какую роль Утопія играетъ въ исторіи соціалистической мысли.

Коммунизмъ Мора не только не является подражаніемъ платоновскому коммунизму,—онъ качественно отличается какъ отъ него, такъ и отъ христіанскаго коммунизма. Онъ сознанъ не книжной мудростью, а глубокимъ пониманіемъ потребностей своего времени и средствъ для ихъ удо-

влетворенія; и коммунизмъ Мора столь же отличается отъ платоновскаго и христіанскаго коммунизма, какъ Англія Генриха VIII отличается отъ Аѳинъ временъ пелопонезской войны и отъ имперіи цезарей.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ, правда, сходится со своими предшественниками; напримѣръ, высокое положеніе женщины живо напоминаетъ Платона, какъ и общія трапезы; но въ существенныхъ своихъ чертахъ коммунизмъ Мора стоитъ выше всѣхъ прежнихъ формъ коммунизма.

До Утопіи знали лишь *общинный* коммунизмъ или коммунизмъ *общежитій*: идея коммунизма и его осуществленіе ограничивается отдѣльными общинами или корпораціями. Попытка приспособить коммунизмъ къ нововозникшему *современному государству* была впервые сдѣлана Моромъ въ противоположность не только своимъ предшественникамъ, для которыхъ это государство не существовало, но и своимъ современникамъ, христіанско-демократическимъ анабаптистамъ. Смѣлая идея объ организаціи производства въ рамкахъ *большого національнаго государства* впервые была понята Моромъ.

А въ этомъ заключается второе существенное отличіе коммунизма Мора. На характеристикѣ этого пункта мы должны нѣсколько дольше остановиться.

Соціальное положеніе Англіи во время Мора во многихъ отношеніяхъ сходно съ соціальнымъ положеніемъ Италіи во времена Гракховъ (см. т. I). Но въ одномъ отношеніи онѣ существенно отличались между собою. Въ Италіи крестьянское хозяйство было вытѣснено системою рабства,—хозяйственнымъ строемъ, стоящимъ на болѣе низкой ступени экономическаго развитія. Больному обществу прописывали *одно* только лѣкарство: созданіе новаго класса крестьянъ, возвращеніе къ старому, но не переходъ къ болѣе развитому способу производства. Однако люмпенпролетаріатъ ничего объ этомъ и знать не хотѣлъ, онъ требовалъ хлѣба и зрѣлищъ, не желая трудиться, не желая обладать средствами производства. Въ концѣ концовъ часть общества погрузилась въ состояніе тупой безнадежности, въ другой же части образовались тенденціи къ коммунизму средствъ потребленія.

Не то представляла собою Англія XVI столѣтія. Къ этому времени создался не только новый государственный порядокъ, но и новый, болѣе высокій экономическій строй. Послѣдній покоится не на рабскомъ трудѣ, а на трудѣ свободныхъ во всѣхъ отношеніяхъ рабочихъ, свободныхъ, какъ птицы, лишенныхъ всякой собственности, даже домашняго имущества, обыкновенно принадлежащаго рабу, подмастерью, сельскому батраку. Такіе лишенные собственности элементы, пролетаріи, въ большихъ массахъ являлись до тѣхъ поръ лишь въ качествѣ паразитирующихъ люмпенпролетаріевъ.

число трудящихся пролетаріевъ было сравнительно невелико. На рубежѣ XV и XVI ст. оно стало рости; кромѣ городскаго наемнаго пролетаріата и рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности, подвергавшихся эксплоатаціи капиталистовъ (купцовъ), образовался еще горнопромышленный пролетаріатъ, отдававшій свои силы капиталистамъ-акціонерамъ горнопромышленныхъ предпріятій; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно же въ Англіи, образовался сельскохозяйственный пролетаріатъ, продававшій свою рабочую силу либо землевладѣльцу непосредственно, либо капиталисту арендатору.

Потребности такого рода пролетаріевъ совершенно иныя, чѣмъ потребности люмпенпролетаріата. Послѣдній требуетъ не труда, а хлѣба; а если онъ возвышается до пониманія коммунизма, то это—коммунизмъ средствъ потребленія. Настоящій наемный пролетарій, поднявшійся надъ уровнемъ люмпенпролетарія не только экономически, но и морально, знаетъ, что хлѣбъ онъ можетъ себѣ добыть только трудомъ. Его первое желаніе *трудъ*. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ этимъ идетъ навстрѣчу желаніямъ капиталиста. Послѣдчій нуждается въ рабочей силѣ пролетаріата, требующаго *труда*, а не *милостыни*. Къ благотворительности капиталистъ питаетъ отвращеніе, ибо она уменьшаетъ притокъ свободныхъ рабочихъ силъ на рабочій рынокъ. Съ другой стороны, предоставленіе голодной смерти тѣхъ рабочихъ силъ, которыхъ онъ въ данную минуту не употребляетъ, противорѣчитъ его собственнымъ интересамъ. Быть можетъ, онѣ ему впослѣдствіи понадобятся, наличность же ихъ оказываетъ постоянное давленіе на заработную плату. Если безработные сами себя не въ состояніи прокормить, если имъ не должно быть оказано помощи со стороны благотворительности, то, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти, ничего другого не остается, какъ занять ихъ такимъ трудомъ, который не уменьшилъ бы интенсивности капиталистической эксплоатаціи.

При извѣстныхъ условіяхъ *право на трудъ* становится потребностью не только наемнаго пролетаріата, но и класса капиталистовъ.

Право на трудъ въ капиталистическомъ духѣ впервые было осуществлено въ Англіи закономъ о бѣдныхъ Елизаветы въ 1601 г., возложившимъ на общины обязанность доставлять работу бѣднымъ, способнымъ трудиться. Это было правомъ не на цѣлесообразную, полезную хорошо оплачиваемую работу, а на безсмысленное самоистощеніе за самое жалкое вознагражденіе; рабочій домъ превратился въ домъ истязанія, изъ котораго рабочій всегда стремился вернуться подъ кнутъ капиталиста.

Задолго еще до того, какъ Елизавета формулировала капиталистическое пониманіе права на трудъ, Моръ нашелъ то единственное условіе, при которомъ это право, какъ основа благосостоянія трудящагося проле-

таріата, можетъ быть осуществлено. Условіе это—*общественная собственность на средства производства.*

Коллективизмъ играетъ въ Утопіи совсѣмъ другую роль, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ нами формахъ *сознательнаго* коммунизма—о первобытномъ коммунизмѣ мы вообще въ нашемъ трудѣ не говоримъ. Въ Утопіи онъ составляетъ *основу общества*, тогда какъ въ прежнихъ формахъ сознательнаго коммунизма, поскольку о немъ тамъ вообще идетъ рѣчь, онъ является лишь второстепеннымъ моментомъ, слѣдствіемъ коммунизма на средства потребленія.

Именно этотъ коммунизмъ имѣетъ для Мора второстепенное значеніе; онъ, правда, признаетъ общія трапезы, но только для городскаго населенія; и даже для послѣдняго онѣ не обязательны, хотя естественны. Во всемъ же остальномъ въ Утопіи господствуетъ домашнее хозяйство и, притомъ, въ формѣ наиболѣе соотвѣтствующей ремесленному и крестьянскому укладу,—болѣе высокой технической ступени развитія общество ко времени Мора еще не достигло. Въ существенныхъ чертахъ коммунизмъ Утопіи есть коммунизмъ производства.

Это кардинальное различіе между коммунизмомъ Мора и его предшественниковъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ существенныя отличія въ отношеніяхъ семьи и брака. Идеальное общество Мора не относится враждебно къ семьѣ и къ моногаміи, подобно платоновскому и христіанскому коммунизму, и оно связано съ этими институтами вполнѣ послѣдовательно. Но, съ другой стороны, общественная собственность на средства производства противорѣчитъ той формѣ семьи и брака, въ которой глава семьи является господиномъ надъ ея членами, — надъ женой и дѣтьми, надъ рабомъ и работникомъ. Экономическій источникъ этого господства лежитъ въ частной собственности и прежде всего въ частной собственности на средства производства. Мужъ господствуетъ надъ семьей, въ качествѣ собственника ея источниковъ существованія. Тамъ, гдѣ нѣтъ частной собственности на средства производства,—не существуетъ и экономическаго источника патріархальной принудительной семьи и принудительнаго брака; для пролетаріата этотъ источникъ исчезаетъ еще въ капиталистическоммъ строѣ,—въ коммунистическомъ же строѣ его дѣйствіе прекращается для всего общества. Въ матеріальномъ отношеніи жена дѣлается независимой отъ мужа, дѣти—отъ родителей. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ непрекращающееся уменьшеніе работъ по домашнему хозяйству, благодаря развитію техники.

Уничтоженіе частной собственности на средства производства отнюдь не обусловливаетъ уничтоженія моногаміи и отдѣльной семьи, но оно въ значительной степени измѣняетъ ея характеръ. Мужа

съ женой, дѣтей съ родителями будутъ тогда связывать какія угодно узы, главнымъ образомъ—индивидуальная половая любовь, которая уже теперь значительно упрочилась, какъ продуктъ долгаго культурнаго развитія, и отеческое чувство, которое вовсе не такъ естественно, какъ материнская любовь. Во всякомъ случаѣ, семья и бракъ не будутъ болѣе *экономическими институтами*, не будутъ болѣе покоиться на господствѣ мужа и отца.

Сохраняя принудительный бракъ и принудительную семью съ господствомъ мужчины, Моръ поступаетъ непослѣдовательно, хотя и соотвѣтственно экономической отсталости своего времени, но онъ въ своемъ родѣ логиченъ и послѣдователенъ, оставляя моногамію и семью, какъ послѣдователенъ Платонъ, отвергая эти институты для своего идеальнаго общества.

Характеренъ еще одинъ пунктъ: отношеніе Мора къ наукѣ.

Мы видѣли, что христіанско-демократическій коммунизмъ враждебно относился къ наукѣ; вѣдь она принадлежала къ орудіямъ господства того времени. Христіанско-демократическій коммунизмъ возникъ не на почвѣ глубокаго научнаго пониманія, а изъ инстинктивной потребности и инстинктивнаго же чувства возмущенія неимущихъ и эксплоатируемыхъ и имъ сочувствующихъ. Этотъ коммунизмъ, охватывавшій лишь маленькія общины, не требовалъ научныхъ знаній; для этого достаточно было того житейскаго и дѣлового опыта, который и низшіе классы въ состояніи пріобрѣсти въ повседневной жизни.

Наука играетъ въ Утопіи большую роль. Въ идеальномъ государствѣ гуманиста это понятно само собою. Но высокое положеніе, которое Моръ отводитъ наукѣ, проистекаетъ не только изъ личныхъ симпатій и склонностей. Идея соціалистическаго общества даже въ той элементарной формѣ, въ которую ее облекаетъ Моръ, слишкомъ сложна для того, чтобы возникнуть въ головѣ человѣка, не прошедшаго философской школы. Мыслитель, не только пріобрѣвшій глубокое пониманіе всей экономической и политической жизни своего времени, но расширившій и очистившій свой кругозоръ отъ предразсудковъ изученіемъ исторіи общественныхъ отношеній и ея духовныхъ продуктовъ, мыслитель, просвѣтившій и обострившій свое сознаніе самыми благородными и смѣлыми плодами античной философіи, привыкшій поэтому послѣдовательно развивать какую нибудь мысль до послѣднихъ ея выводовъ и познавать по какой-нибудь тенденціи ея конечный результатъ,—только такой мыслитель въ состояніи былъ придумать для разрѣшенія соціальной проблеммы своего времени такое коммунистическое общество, какъ Утопія.

Впервые со времени Платона наука у Мора опять служитъ комму-

низму. Наука, враждебно относившаяся къ христіанско-демократическому коммунизму, сама становится основой новой болѣе высокой его формы.

Но у Платона наука, согласно аристократическому характеру его коммунизма, составляетъ монополію аристократіи. Коммунизмъ Мора демократиченъ; онъ есть продуктъ роста массоваго пролетаріата, а не разложенія аристократіи. Его цѣль — уничтоженіе всякаго господства и эксплоатаціи, возможность для всѣхъ пользоваться всѣми благами жизни. Наука у него—ни орудіе господства, ни такое благо, которое доступна лишь немногимъ. Какъ наивысшее благо, она у него всѣмъ доступна.

Хотя его время далеко еще отъ употребленія машинъ, но планомѣрности производства и общеобязательности труда, по его мнѣнію, достаточно для того, чтобы свести ежедневную работу каждаго на нѣсколько часовъ, оставляя такимъ образомъ досугъ для научныхъ занятій.

Эта мысль не могла придти въ голову христіанско-демократическимъ коммунистамъ. Ихъ вообще не занимала эта проблемма, такъ какъ они отрицательно относились къ наукѣ; но они, кромѣ того, не могли и думать о сокращеніи рабочаго дня въ такомъ размѣрѣ, какъ это происходитъ въ Утопіи. Ибо они образовывали только маленькія общины въ предѣлахъ существующаго общества, не уничтожавшія ни анархіи его производства, ни его эксплоатаціи. Если ихъ гдѣ нибудь не преслѣдовали, какъ въ Моравіи, то это потому, что они были очень удобными объектами для эксплоатаціи. Они работали не только для себя, но и для своихъ господъ, феодальнаго сеньора и государя, ихъ рабочее время ничѣмъ, поэтому, не отличалось отъ рабочаго времени ихъ товарищей, жившихъ приватно, внѣ коммунистическихъ общежитій; коммунизмъ больше обезпечивалъ ихъ экономически, онъ давалъ имъ больше благосостоянія, но едва ли облегчалъ ихъ трудъ. Въ сущности, скорѣе указываютъ на интенсивность труда богемскихъ братьевъ, моравскихъ анабаптистовъ, меннонитовъ и т. д. [1])

Всѣ эти особенности Утопіи Мора: распространеніе коммунизма на всю область большого національнаго государства: обобществленіе средствъ производства, какъ основа общества; примиреніе коммунизма съ моногаміею и семьей, какъ и—не измѣняя демократическому принципу—съ наукой,—всѣ эти особенности отличаютъ коммунизмъ Мора отъ

[1]) Рабочій день моравскихъ перекрещенцевъ продолжался съ восхода до заката, при одномъ часѣ на обѣдъ. *Loserth*, Der Kommunismus der mährischen Wiedertäuter S. 134.

всѣхъ предшествовавшихъ формъ сознательнаго коммунизма, хотя мы находимъ ихъ въ болѣе или менѣе выраженномъ видѣ, хотя и не всегда вмѣстѣ, во всѣхъ формахъ коммунизма, получившихъ со времени Мора какое-нибудь значеніе.

Утопіей Мора начинается современный соціализмъ.

Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она отражаетъ отсталость своего времени. Если, напримѣръ, женщинѣ отводится въ ней болѣе высокое положеніе, чѣмъ это въ общемъ свойственно XVI столѣтію, если ей, напримѣръ, открывается доступъ къ наукѣ, то все же въ Утопіи сохраняется господство мужчины надъ женщиной. Она, кромѣ того, прикрѣпляетъ каждаго къ опредѣленному ремеслу, хотя допускаетъ и исключенія; она вводитъ даже крѣпостной трудъ.

Съ другой стороны, многіе позднѣйшія соціалистическія системы снабжены гораздо болѣе богатыми, разнообразными и искусными учрежденіями. Но какъ бы грандіозны ни были эти соціальныя построенія, какъ бы они не были ближе къ нашему времени,—основанія ихъ тѣ же, что и въ Утопіи. *Изъ этихъ границъ соціализмъ не вышелъ до первой половины настоящаго столѣтія.* Болѣе того, нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ системъ пошли даже назадъ, сойдя съ государственной почвы и снова строя соціализмъ на общинной или товарищеской основѣ.

Еще въ *одномъ* отношеніи Утопія сдѣлалась образцомъ соціалистическихъ системъ указаннаго періода, въ одномъ пунктѣ, названномъ по ея имени,—въ *утопизмѣ*.

Мы видѣли, что Моръ былъ противникомъ народныхъ движеній. Это относится не только къ гуманисту и государственному дѣятелю, но и къ коммунисту. Онъ ненавидѣлъ коммунистическія народныя движенія, не исключая и движенія анабаптистовъ. Такъ онъ писалъ Іоганну Кохлэусу: «Германія производитъ теперь ежедневно больше чудовищъ, чѣмъ когда бы то ни было Африка производила. *Что можетъ быть чудовищнѣе анабаптистовъ*»?

Эта антипатія къ народнымъ движеніямъ составляетъ особенность и большинства позднѣйшихъ соціалистовъ вплоть до нашего столѣтія, и даже въ такое время, когда уже начало развиваться сильное рабочее движеніе, когда дѣло демократіи вовсе не было такъ безнадежно, какъ въ началѣ XVI столѣтія. Но эти соціалисты разсматривали общество, какъ часовой механизмъ, разъ навсегда установленный, всегда одинаково дѣйствующій, а не какъ живой организмъ. Они не сравнивали пролетаріатъ своего времени съ пролетаріатомъ пятьдесятъ, сто лѣтъ тому назадъ; они не видѣли поэтому, что онъ идетъ впередъ, что это развивающійся классъ, что

ему принадлежитъ будущее. Они сравнивали пролетаріатъ съ имущими классами своего времени и приходили къ заключенію, что послѣдніе его превосходятъ, во многихъ отношеніяхъ, что самостоятельное движеніе пролетаріата безнадежно, что только высшіе классы въ состояніи осуществить соціализмъ.

Коммунизмъ въ Утопіи вводится у Мора просвѣщеннымъ государемъ; впослѣдстіи къ просвѣщенному деспотизму часто теряли довѣріе и возлагали надежды на буржуазную филантропію, на просвѣщенныхъ милліонеровъ или даже на волшебныя формулы, примѣненіе которыхъ безъ всякаго замедленія должно было ввести людей въ новое общество. Классовая борьба пролетаріата не была въ милости, она считалась не только безнадежной, но разстраивала и ряды соціалистовъ, отталкивая отъ нихъ буржуазныхъ филантроповъ, которые могли бы стать защитниками дѣла соціализма.

Въ связи съ той точкой зрѣнія утопизма, что рабочій классъ не способенъ на самоосвобожденіе, стоитъ другая его особенность — стремленіе къ детальному изображенію будущаго общества; и это было совершенно неизбѣжно. Ибо Утопизмъ разсчитываетъ не на энтузіазмъ тѣхъ, которымъ нечего болѣе терять, какъ свои цѣпи, а на энтузіазмъ и человѣколюбіе людей, которымъ очень хорошо живется въ существующемъ обществѣ, которые съ точки зрѣнія *своихъ* интересовъ ничего противъ него имѣть не могутъ. Пробудить человѣколюбіе можно краснорѣчивымъ описаніемъ нищеты, о распространенности которой большинство имущихъ не имѣетъ понятія, и вообще рѣзкимъ подчеркиваніемъ всѣхъ существующихъ тяжелыхъ условій. Эта сторона дѣла, критицизмъ, составляетъ обыкновенно самую блестящую, самую захватывающую сторону произведеній утопистовъ. Но этого недостаточно, чтобы человѣколюбіе перешло въ энтузіазмъ,—необходимое условіе для такой грандіозной задачи, какъ осуществленіе коммунизма. Приходится, поэтому, убѣдительно доказывать, что идеальное общество стоитъ того, чтобы благородные трудились надъ его осуществленіемъ. Чѣмъ пластичнѣе и нагляднѣе это общество изображается друзьямъ человѣчества, тѣмъ сильнѣе его пропагандистское дѣйствіе въ кругахъ имущихъ классовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы на произведеніи Беллами «Looking backwards» могли убѣдиться, какъ велико бываетъ значеніе подобнаго нагляднаго описанія—какъ великъ, но и какъ недолговѣченъ, какъ безплоденъ тотъ энтузіазмъ, который утопизмъ въ состояніи вызвать. Теперь ни одинъ человѣкъ не думаетъ больше объ утопіи американца.

Кромѣ соображеній пропагандистскаго свойства, еще одно обстоятельство побуждаетъ утопистовъ детально изображать «будущее государство». Это обстоятельство имѣетъ рѣшающее значеніе.

Потребность въ коммунизмѣ возникаетъ всюду, гдѣ создается массовый пролетаріатъ, положеніе котораго въ существующемъ обществѣ безнадежно. Смотря по тому, каковъ этотъ пролетаріатъ,—люмпенпролетаріатъ или трудящійся пролетаріатъ—складывается и отвѣчающій его потребностямъ коммунизмъ; это—либо коммунизмъ средствъ потребленія, либо коммунизмъ средствъ производства. Но появленіе такого массового пролетаріата и потребности его въ коммунизмѣ вовсе не совпадаетъ съ появленіемъ условій для осуществленія коммунизма.

Пока послѣдній не представляется необходимымъ конечнымъ результатомъ предвидимаго развитія общества, существуетъ только *одинъ* мыслимый путь для его осуществленія: выработка возможно болѣе всесторонняго плана новаго общественнаго порядка и пріобрѣтеніе средствъ, необходимыхъ для его осуществленія. Общество мыслится какъ строеніе, формы котораго измѣняются по желанію строителя и архитектора и къ созиданію котораго нельзя приступить, пока не изготовлены всѣ необходимые планы и смѣты. Эти представленія составляютъ существенную особенность утопизма.

Послѣдній все больше терялъ почву, благодаря экономическому и политическому развитію въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего столѣтія; окончательно, послѣдовательно и совершенно сознательно онъ былъ превзойденъ лишь Марксомъ и Энгельсомъ, создавшимъ новую эпоху соціализма Коммунистическимъ Манифестомъ 1847 г.

Здѣсь не мѣсто подробнѣе объ этомъ говорить, это будетъ сдѣлано въ другомъ мѣстѣ настоящаго произведенія. Мы хотѣли указать лишь на то, что до основанія научнаго соціализма Марксомъ и Энгельсомъ, слѣдовательно въ теченіе *болѣе трехъ столѣтій*, соціалистическая мысль развивалась по линіи, впервые намѣченной Моромъ.

Произведеніе, которое буржуазные историки считаютъ шуткой, игрой фантазіи, сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ въ исторіи человѣческаго мышленія; имъ открывается эпоха на нѣсколько столѣтій въ исторіи соціализма; форма соціализма, имъ созданная, непосредственно предшествуетъ той, въ которой онъ завоюетъ миръ.

Значеніе перваго современнаго утописта можно лишь въ томъ случаѣ вполнѣ понять, если сопоставить его трудъ съ экономической отсталостью того времени и принять во вниманіе, какъ мало было тогда возможности правильно понимать соціальныя отношенія.

Томасъ Моръ является не только самой привлекательной и самоотверженной, самой яркой и сильной, но и самой геніальной личностью въ исторіи человѣчества.

К. Каутскій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Томасъ Кампанелла.

I. Жизнь Кампанеллы.

Возвратимся снова на моментъ въ Италію, — родину Іоахима изъ Фіоре, святого Франца Ассизскаго и Долчино; отправимся на родину перваго, въ Калабрію, которая, какъ и вся южная Италія, съ конца XV столѣтія стонала подъ тяжкимъ игомъ Испаніи.

5 сентября 1568 г. тамъ родился второй великій утопистъ, *Томмазо* (Томасъ) *Кампанелла.* Мѣсто его рожденія называется Штило, оно расположено въ теперешней провинціи Реджіо.

Еще въ дѣтствѣ онъ обращалъ на себя вниманіе своей рѣдкой ранней зрѣлостью: въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ могъ на любую заданную ему тему экспромтомъ произнести рѣчь, одинаково хорошо, въ прозѣ-ли или въ стихахъ; съ этимъ ораторскимъ талантомъ, который очень цѣнился и о развитіи котораго очень заботились въ средніе вѣка, въ немъ соединялась страстная любовь къ изученію философіи. Еще тогда онъ углубился въ изученіе «Суммы» св. Ѳомы Аквинскаго, что имѣло для него рѣшающее значенія при выборѣ жизненнаго поприща. Отецъ, готовя его въ судьи, отправилъ его въ Неаполь къ одному изъ дядей, профессору права, для изученія юридическихъ наукъ. Но юный Томмазо уже отвѣдалъ философіи, которую преподавалъ одинъ монахъ въ монастырѣ Штило, и распорядился по своему: пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ вступилъ въ духовный орденъ доминиканцевъ, уже прославленный Альбертомъ Магнусомъ, Ѳомой Аквинскимъ и Савонаролой, и извѣстный независимостью и воинственностью духа своихъ монаховъ.

Способность усваивать всякія науки, какъ и замѣчательное ораторское дарованіе, вскорѣ выдвинули Кампанеллу изъ среды монаховъ и его учителей, старавшихся развить его способности и сдѣлать его сторонникомъ интересовъ ордена. Какъ въ средніе вѣка, монастыри все еще служили убѣжищемъ для жаждущихъ знаній людей; ихъ гордостью было имѣть ученыхъ, философовъ и ораторовъ; а доминиканскій орденъ особенно славился множествомъ знаменитыхъ людей, вышедшихъ изъ его среды. Но къ концу XVI в. выдвинулся новый орденъ, общество Іисуса, основанное Игнатіемъ Лойолой въ 1537 г. для борьбы съ еретиками и поддержанія папскаго авторитета; орденъ этотъ грозилъ затмить

всѣ остальныя духовныя братства. Доминиканцы, боровшіеся съ опаснымъ соперникомъ и стремившіеся вернуть себѣ былой почетъ, крѣпко удерживали Кампанеллу и разжигали его жажду знаній, разсчитывая пріобрѣсть въ немъ талантливаго борца, способнаго освѣжить славу и блескъ ихъ корпораціи.

И очень скоро Кампанеллѣ предоставилась возможность показать себя. Монастыри питали и поддерживали съ величайшей заботливостью склонность къ схоластическимъ преніямъ; они вызывали другъ друга на диспуты, происходившіе публично, для защиты своихъ различныхъ богословскихъ и философскихъ положеній. На подобный диспутъ францисканцы въ Козенцѣ пригласили профессора философіи въ Санъ-Джоржіо для защиты взглядовъ его ордена. Но въ послѣднюю минуту предъ отъѣздомъ профессоръ заболѣлъ и предложилъ своему ученику Кампанеллѣ замѣстить его. Когда Кампанелла явился на назначенное собраніе, то молодость его возбудила большое недовольство, такъ какъ подумали, что ученый профессоръ по неуваженію послалъ вмѣсто себя этого безбородаго диспутанта. Но какъ только онъ началъ говорить, то недовольство перешло въ удивленіе. Свою задачу онъ выполнилъ такъ основательно и такъ блестяще, что сами францисканцы должны были признать его побѣдителемъ. «Въ немъ возрождается геній Телезіуса» [1]), сказали они, какъ сообщаетъ Ницеронъ.

Кампанелла увлекся этими диспутами; цѣлыхъ десять лѣтъ онъ путешествовалъ по Италіи изъ города въ городъ, чтобы диспутировать о богословскихъ и философскихъ вопросахъ, занимавшихъ умы того времени; повсюду онъ имѣлъ блестящій успѣхъ, который вскружилъ ему голову, но возбудилъ также зависть и навлекъ на него ревность и ненависть прочихъ духовныхъ орденовъ, особенно — общества Іисуса. Послѣднему онъ объявилъ войну и требовалъ его уничтоженія, ибо оно, по его мнѣнію, «фальсифицировало чистое ученіе Евангелія въ интересахъ княжескаго деспотизма». Но всеобщее негодованіе онъ навлекъ на себя своими рѣзкими нападками на Аристотеля, который едва ли меньше почитался тогдашнимъ ученымъ міромъ, чѣмъ библія; Кампанеллѣ было всего только двадцать слишкомъ лѣтъ, когда онъ опубликовалъ свое первое сочиненіе, направленное противъ философа изъ Стагиры и его защитника Морты [2]). Онъ глубоко оскорблялъ своихъ противниковъ, обнаруживая неуваженіе къ мнѣніямъ ихъ учителей и прежнихъ философовъ. Этимъ всеобщимъ озлобленіемъ воспользовались іезуиты; они обвинили

---

[1]) Телезіусъ — итальянскій натурфилософъ. Онъ родился въ 1508 г. въ Козенцѣ. Подробнѣе о немъ ниже.

[2]) Philosophia sensibus demonstranta, Neapel, 1590.

его въ ереси и колдовствѣ и добились отъ папы средствъ, чтобы помѣшать его ораторской карьерѣ. Изъ Рима Кампанелла получилъ приказаніе вернуться въ монастырь Штило, такъ какъ онъ, по разсказу Петро Джіаконни, возбудилъ тамъ недовольство. Приказаніе было исполнено. Въ своемъ уединеніи Кампанелла утѣшалъ себя научными занятіями и поэзіей; онъ задумалъ написать трагедію, сюжетомъ для которой должна была послужить смерть Маріи Стюартъ. Такимъ образомъ онъ нашелъ себѣ область, на почвѣ которой его горячая жажда дѣятельности находила себѣ удовлетвореніе даже въ уединеніи. Иначе онъ, подобно Джіордано Бруно, также принадлежавшій къ доминиканскому ордену, бѣжалъ бы изъ монастыря, «этой тѣсной и мрачной тюрьмы, въ которой—по выраженію страстнаго апостола новыхъ идей—заблужденіе такъ долго держало его въ плѣну» [1]).

Теперь мы подошли къ самому главному событію въ жизни Кампанеллы, относительно котораго мы имѣемъ лишь неопредѣленныя указанія; въ его многочисленныхъ произведеніяхъ объ этомъ событіи ничего не говорится и даже по отношенію къ своимъ друзьямъ онъ, повидимому, не обнаружилъ большей общительности, когда кончилось его долгое двадцатисемилѣтнее заключеніе. Ницеронъ, узнавшій его въ Парижѣ и посвятившій ему библіографическую замѣтку въ своихъ «Мемуарахъ для сохраненія въ исторіи памяти знаменитыхъ людей», ничѣмъ не касается этого обстоятельства. А Наудэусъ, съ которымъ Кампанелла былъ очень близокъ, въ своихъ «Политическихъ размышленіяхъ и государственныхъ переворотахъ» лишь мимоходомъ замѣчаетъ, что Кампанелла сдѣлалъ попытку объявить себя королемъ Калабріи. Одинъ лишь Петро Джіопанни

---

[1]) Надо читать ироническій сонетъ Джіордано Бруно „Во славу глупости", чтобы понять, какъ тѣсно долженъ былъ чувствовать себя въ монастырѣ свободный духъ Кампанеллы:—

„О, святая, о блаженная глупость. святое незнаніе и святое недомысліе, благословенная набожность, дающая большее душевное удовлетвореніе, чѣмъ всѣ изслѣдованія ума въ состояніи были бы дать;

„Ни спокойное ночное бдѣніе, ни тяжелый трудъ, ни философское размышленіе не найдутъ себѣ доступъ въ небо, гдѣ ты устроила свое жилище.

„Вы пытливые умы, что пользы въ вашемъ изученіи и изслѣдованіи природы, устроены ли звѣзды изъ огня, земли или воды:

„Святая, блаженная глупость все это презираетъ, ибо свое счастье она, преклонивши колѣна и набожно скрестивъ руки, ждетъ только отъ Бога,

„Ничто ее не омрачаетъ, ничто не занимаетъ, кромѣ заботы о томъ вѣчномъ покоѣ, который Богъ въ своей милости даруетъ намъ послѣ смерти".

опредѣленно говоритъ въ своей «Гражданской исторіи неаполитанскаго королевства» (Неаполь, 1723), что Кампанелла устроилъ заговоръ съ цѣлью освободить Калабрію отъ испанскаго ига; Джіованни утверждаетъ, что сообщаемыя имъ подробности взяты изъ пропавшихъ матеріаловъ его судебнаго процесса.

Онъ говоритъ: «Кампанелла былъ близокъ къ тому, чтобы произвести переворотъ въ Калабріи, распространяя тамъ новыя идеи, составляя планы освобожденія въ республиканскомъ духѣ. Онъ такъ далеко зашелъ, что вздумалъ реформировать государства, создавать новые законы, новыя системы управленія обществомъ». Безъ сомнѣнія, у Кампанеллы тогда еще возникла идея его «Солнечнаго государства» (Civitas solis), которую онъ лишь позже разработалъ и изложилъ; онъ стремился превратить политическое возстаніе въ соціальную революцію, подобно многимъ еретикамъ средневѣковья, связывавшимъ со своей религіозной реформой коммунистическое преобразованіе общества.

Подобно всѣмъ выдающимся и положительнымъ умамъ своего времени, каковы, напримѣръ, папы Павелъ V и Урбанъ VIII, Ришелье и даже Беконъ, Кампанелла вѣрилъ въ астрологію и по звѣздамъ разсчиталъ, что на землѣ должны произойти революціи, главнымъ образомъ въ неаполитанскомъ королевствѣ и въ Калабріи. Эту свою вѣру онъ внушилъ монахамъ своего монастыря и уговорилъ ихъ воспользоваться удобнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, чтобы низвергнуть испанское владычество, на мѣсто монархіи учредить теократическую республику, изъ которой іезуиты исключались, а въ случаѣ необходимости и истреблялись. Онъ объявилъ, что Богъ избралъ его для такого дѣла; по указаніямъ Наудэуса, Кампанелла, подобно Францу Салезскому, утверждалъ, что онъ часто бесѣдуетъ съ Богомъ, и называлъ себя Мессіей. Онъ, повидимому, строилъ большіе планы, разсчитывая на силу слова и оружія; даръ слова долженъ былъ послужить ему для проповѣди свободы, для борьбы противъ тиранніи князей и прелатовъ, а многочисленныя въ то время шайки вооруженныхъ бандитовъ и изгнанниковъ должны были, по его разсчетамъ, довершить дѣло свободнаго слова. Онъ думалъ возмутить народъ и направить его къ тюрьмамъ, чтобы освободить заключенныхъ, судебныя дѣла которыхъ должно было сжечь, а ихъ самыхъ включить въ ряды инсургентовъ. Онъ разсчитывалъ на помощь визиря Гассана Цикала, начальника турецкаго флота, расположеннаго въ водахъ Гуардаваля. Цикала былъ калабрійцемъ, но оставилъ отечество и принялъ магометанство, спасаясь отъ испанскаго владычества.

Различныя обстоятельства благопріятствовали Кампанеллѣ; въ Калабріи было множество изгнанниковъ, на народѣ лежали безмѣрныя нало-

говыя тягости. Патеръ Діонисій Понціо взялъ на себя подготовку возстанія въ провинціи Катанцаро; свою миссію онъ ревностно выполнялъ, пользуясь своимъ краснорѣчіемъ; о Кампанеллѣ онъ говорилъ, какъ о посланникѣ божьемъ, призванномъ основать свободу и «освободить народъ отъ министровъ испанскаго короля, которые давили бѣдныхъ и слабыхъ и для которыхъ деньги и человѣческая кровь не имѣли никакой цѣны». Монахи этой области горячо и страстно его поддерживали; въ одномъ только монастырѣ въ Пиццали ихъ было двадцать пять человѣкъ, уполномоченныхъ вербовать изгнанниковъ, болѣе трехсотъ доминиканцевъ, августинцевъ и францисканцевъ были втянуты въ движеніе; въ условленный моментъ двѣсти проповѣдниковъ должны были разсѣяться по странѣ, чтобы зажечь возстаніе, тысяча восемьсотъ изгнанниковъ были въ полной боевой готовности, дворянство обѣщало поддержать движеніе, а по показаніямъ свидѣтелей, участниками заговора были епископы въ Никастро, Геразе, Мелито и Оппидо. Вазстаніе было назначено на конецъ 1599 г., все было готово, какъ два предателя открыли заговоръ.

Неаполитанскій вице-король, графъ Лемосъ, выслалъ войска подъ предлогомъ защиты береговъ Неаполя противъ турокъ; войска неожиданно напали на заговорщиковъ, овладѣли ими и отправили въ Неаполь. Двухъ заговорщиковъ вице-король для острастки приказалъ живьемъ четвертовать на той же галерѣ, на которой ихъ везли, а четверыхъ повѣсить на ея реяхъ. Патеръ Діонисій Понціо былъ арестованъ въ мірской одеждѣ и повѣшенъ. Кампанеллу взяли въ пастушеской хижинѣ, куда его спряталъ отецъ, въ тотъ моментъ, когда послѣ цѣлаго дня переговоровъ ему удалось уговорить лодочника доставить его на турецкое судно; его заключили въ замокъ дель Ово въ Неаполѣ въ томъ самомъ 1600 г., въ которомъ Джіордано Бруно былъ сожженъ на кострѣ въ Римѣ.

Кампанелла ждалъ, что народъ возстанетъ по первому зову. Иначе вѣдь это и быть не могло! Вѣдь онъ обѣщалъ ему свободу, хотѣлъ повести его въ обѣтованную землю. Но какъ печально было его пробужденіе изъ этого очаровательнаго сна, когда онъ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ, вынужденнымъ торговаться съ лодочникомъ, который отказывался дать ему свою лодку для побѣга! Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ правдивый, свободный отъ всякихъ иллюзій, сонетъ, въ которомъ выражаются глубокое состраданіе къ народу и извѣстныя революціонерамъ всѣхъ странъ и временъ мысли и чувства, написанъ имъ въ воспоминаніе объ этомъ тяжеломъ моментѣ.

Народъ [1])

«Народъ — непостоянное и неразумное животное, не знающее своей силы и терпѣливо переносящее тягости и тяжелые удары; онъ даетъ малому ребенку руководить собой, ребенку, котораго онъ могъ бы однимъ ударомъ повалить на землю;

«Но онъ боится его и исполняетъ всѣ его капризы, самъ не зная, до какой степени его боятся, что господа держатъ его въ глупости посредствомъ волшебнаго напитка;

«Невиданное зрѣлище! Народъ бьетъ и сковываетъ себя собственными руками, онъ борется и умираетъ за одинъ только карлино, [2]) который онъ отдаетъ королю.

«Все, что между небомъ и землей, принадлежитъ ему, но онъ объ этомъ не знаетъ, и если кто-нибудь ему это открываетъ, то онъ забрасываетъ его камнями и убиваетъ».

За свою революціонную попытку и нападки на общество Іисуса Кампанелла поплатился долгими и тяжелыми страданіями. Ибо можно думать, что безъ ненависти іезуитовъ испанское правительство съ теченіемъ времени смягчилось бы по отношенію къ столь легко побѣжденному заговорщику, которому къ тому же папы оказывали покровительство, несмотря на обвиненіе его въ ерсеи.

О своихъ страданіяхъ Кампанелла разсказываетъ въ предисловіи къ своему „Atheismus triumphatus“ [3]). „Я былъ заключенъ въ пятидесяти различныхъ тюрьмахъ и семь разъ подвергался жесточайшимъ пыткамъ. Въ послѣдній разъ это мучительство длилось сорокъ часовъ. Меня душили

---

[1]) Poesie filosofiche di Tommaso Campanella. Опубликовано впервые въ Италіи Каспаромъ Орелли, Лугано 1834.

[2]) Карлино—старая неаполитанская мелкая монета. Кампанелла возвращается къ этой мысли въ сонетѣ, посвященномъ швейцарцамъ, служившимъ въ королевскомъ наемномъ войскѣ:

«Если вы такъ близки къ небу, если такъ высоки ваши горы, скалы вашихъ альпъ, то почему же рука вашихъ сыновей служатъ всякому тирану.

«За кусокъ хлѣба, вы, швейцарцы, проливаете свою кровь потоками... Поэтому ваша храбрость вызываетъ лишь презрѣніе... Все принадлежитъ свободному человѣку. Рабу отказываютъ въ одеждѣ и пищѣ дворянина, какъ и въ бѣломъ крестѣ (швейцарцы не могли стать рыцарями мальтійскаго ордена).

«О, верните себѣ свободу, соедините съ героями и отнимите отъ королей то, что вамъ принадлежитъ и что, несмотря на это, вамъ такъ дорого продаютъ».

[3]) Опубликованное въ 1631 г. «Atheismus triumphatus» (побѣжденный

туго натянутыми веревками и со связанными на спинѣ руками повѣсили на острый колъ, такъ что моя кровь текла ручьями. По истеченіи сорока часовъ, меня сочли мертвымъ и прекратили мои мученья: одни оскорбляли меня и, чтобы увеличить мои страданья, дергали веревку, на которой я висѣлъ, другіе тихонько хвалили меня за мужество. Но меня ничто не поколебало, ни единаго слова не могли отъ меня вырвать [1]). Излеченный чудомъ послѣ шестимѣсячной болѣзни, я былъ брошенъ въ какую-то яму. Пятнадцать разъ меня вызывали въ судъ.

Въ первый разъ меня спросили: откуда ты знаешь то, чему тебя не учили? Или тебѣ услуживаетъ сатана?—И я отвѣтилъ: чтобы научиться тому, что я знаю, я сжегъ больше масла, чѣмъ вы выпили вина... Меня обвиняли въ томъ, что появившаяся до моего рожденія книга «De tribus impostoribus», [2]) написана мною, что я придерживаюсь ученія Демокрита, что я распространялъ вредные взгляды на церковь, ея ученіе и іерархію, что я еретикъ. Наконецъ, меня обвинили не только въ еретичествѣ, но и въ бунтовщическихъ дѣйствіяхъ, въ виду того, что я въ противоположность Аристотелю, который приписалъ міру вѣчное и неизмѣнное существованіе, утверждалъ, что на солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ замѣчаются знаки, предсказывающіе всемірныя революціи».

атеизмъ) было использовано противъ Кампанеллы; утверждали, что лишь для видимости боролся съ атеистами, а на самомъ дѣлѣ содѣйствовалъ имъ что онъ далъ имъ въ руки доказательства, о которыхъ они никогда не думали бы и противъ которыхъ онъ самъ лишь слабо возражалъ; одинъ изъ его противниковъ сказалъ что болѣе подходящимъ заглавіемъ для этого произведенія было бы: Atheismus triumphans (побѣждающій атеизмъ).

[1]) Умалчивая во всѣхъ произведеніяхъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя повели за собою его заключеніе, Кампанелла въ своемъ „Солнечномъ государствѣ“ говоритъ о перенесенныхъ имъ мукахъ. Съ гордостью говоритъ онъ о себѣ: „Ни однимъ звукомъ не промолвился философъ о томъ, о чемъ онъ рѣшилъ молчать, вопреки тѣмъ сорокачасовымъ мукамъ, которымъ его подвергли враги“.

Другой современникъ, *Росси*, который писалъ подъ псевдонимомъ I. H. Эритреусъ, раскадываетъ въ своемъ «Pinacotheca imaginum illustrum» (1643—1648), что Кампанелла подвергся невѣроятной пыткѣ, продолжавшейся тридцать пять часовъ; «всѣ вены и артеріи вокругъ сѣдалища были изорваны и бившую изъ ранъ кровь нельзя было унять, но Кампанелла переносилъ всѣ эти муки съ величайшей твердостью и ни единаго разу, ни одного такого слова у него не вырвалось, которое было бы недостойно философа».

[2]) Это обвиненіе было поднято противъ Постеля, одного изъ тѣхъ необыкновенныхъ просвѣщенныхъ мечтателей XVI столѣтія, съ которымъ Кампанелла имѣетъ нѣкоторое духовное сходство.

Цѣлыхъ 27 лѣтъ онъ томился въ неаполитанскихъ тюрьмахъ. Въ трогательномъ стихотвореніи онъ обращается къ Богу, прося избавленія:

«Пусть вѣчная любовь сжалится надъ моими страданіями; пусть высшая премудрость осѣнитъ меня всемогущимъ божественнымъ состраданіемъ. Ты видишь, о Боже, безъ моихъ словъ мои жестокія муки, мои долголѣтнія страданія. Двѣнадцать лѣтъ томлюсь я, испытывая страданія всѣми моими чувствами; мои члены семь разъ подвергались пыткѣ, невѣжды меня проклинали и высмѣивали, меня лишили солнечнаго свѣта, мои мышцы разорваны, мои кости раздроблены, мое мясо изодрано, я сплю на жесткой землѣ, я прикованъ на цѣпи, моя кровь проливалась ручьями, меня подвергли жесточайшимъ испытаніямъ, моя пища плоха и недостаточна. О, Боже! Развѣ не могу я питать послѣ всего этого надежду, что ты возьмешь меня подъ свою защиту?

«Сильные міра сего дѣлаютъ себѣ изъ человѣческихъ тѣлъ подножіе, а ихъ души они, подобно пойманнымъ птицамъ, сажаютъ въ клѣтку... ихъ стонами и слезами они питаютъ свою недостойную, ненасытную ярость, изъ ихъ костей они дѣлаютъ рукоятія для орудій пытки, которыми они насъ такъ мучаютъ, изъ нашихъ дрожащихъ членовъ они дѣлаютъ себѣ шпіоновъ и ложныхъ свидѣтелей, заставляютъ насъ самихъ себя обвинять, хотя бы мы были невинны... Но ты, благородный, верховный судья, видишь лучше меня и если оскорбленіе, нанесенное твоей справедливости, и зрѣлище моихъ мукъ недостаточны для того, чтобы вооружить тебя, тогда, о Господи, пусть, по крайней мѣрѣ, всеобщія страданія возбудятъ твой гнѣвъ,—пусть оберегаетъ насъ Провидѣніе».

Такъ какъ Богъ остался глухъ къ его жалобамъ, то онъ обратился къ солнцу, которое онъ, подобно Телезіо, одухотворялъ и считалъ создателемъ вещей, растеній, животныхъ и т. д.; только человѣкъ былъ созданъ Богомъ.

Гимнъ весеннему солнцу.

«Моя молитва еще не исполнена, и я поэтому обращаюсь къ тебѣ, о Фэбъ!

«Я вижу твои лучи въ созвѣздіи Овна, я вижу, какъ всѣ вещи обновляются.

«Всѣ гаснущія и охваченныя смертью существа ты возвращаешь къ жизни.

«Будь милостивъ, пробуди и меня къ жизни, меня, любящаго тебя превыше всего.

«Какъ можешь ты оставлять въ мрачныхъ, сырыхъ подземельяхъ того, кто всегда тебя прославлялъ!

«Дай мнѣ оставить тюрьму въ то самое время, когда зеленая трава пробивается изъ подъ земли.

«Ты гонишь соки въ деревья и превращаешь ихъ въ почки, изъ которыхъ получаются плоды...

«Ты будишь изъ долгаго сна крота и ящерицу, ты даешь силу и движеніе малѣйшему червячку...

«О солнце! Нашлись люди, отказывающіе тебѣ въ разумѣ, отрицающіе твою жизнь, этимъ они ставятъ тебя ниже насѣкомыхъ.

«Я писалъ объ этихъ людяхъ, что они еретики, что они обнаружили по отношенію къ тебѣ неблагодарность и непослушаніе, а они меня заживо похоронили за то, что я защищалъ тебя...

«Если я погибну, — кто же будетъ тебя чтить, кто будетъ называть тебя живымъ храмомъ, образомъ, святымъ отраженіемъ истиннаго Бога, высшимъ, самымъ благотворнымъ свѣтомъ въ мірѣ, отцомъ природы и счастливымъ повелителемъ созвѣздій, жизнью, душой, ощущеніемъ всѣхъ низшихъ существъ!

«О, мой Богъ, сжалься надо мной! Ты благодатный источникъ всякаго свѣта, пусть же наконецъ твой свѣтъ осѣнитъ и меня!»

Но муки пытокъ не сломили стоическаго духа Кампанеллы; «онъ превозмогъ и побѣдилъ своихъ мучителей», говорилъ онъ. Такъ какъ палачи отчаялись наконецъ вырвать изъ него хоть тѣнь признанія, то они предоставили мученика одиночеству и вѣчному заточенію. Онъ заполнялъ его своими мечтами. Въ одномъ своемъ сонетѣ онъ говоритъ:

«Въ оковахъ и все же свободный, въ одиночествѣ, не будучи одинокимъ, я сдался и стенаю, но враги мои стыдятся: въ глазахъ черни я глупецъ, но мудрецъ въ глазахъ божественной премудрости.

«Угнетаемый на землѣ, я подымаюсь къ небу, съ сожженнымъ тѣломъ, но съ веселой душой, а когда тяжесть несчастья низвергаетъ меня въ бездну, то крылья моего духа подымаютъ меня надъ міромъ.

«...На моемъ челѣ запечатлѣна любовь къ истинѣ, вѣрю, что со временемъ попаду туда, гдѣ меня всегда безъ словъ понимаютъ».

Когда вице-королемъ неаполитанскаго королевства былъ назначенъ герцогъ Оссунскій, то его заключеніе было нѣсколько смягчено. Герцогу также пришлось терпѣть когда-то отъ преслѣдованій испанскаго двора; онъ сдружился съ калабрійскимъ заговорщикомъ, почитая его геній, онъ часто его посѣщалъ, испрашивалъ его совѣтъ въ государственныхъ дѣлахъ, разрѣшалъ ему работать, переписываться съ друзьями и даже принимать ихъ въ своей тюрьмѣ. Изъ глубины тюрьмы слава Кампанеллы расходилась по всей Европѣ. Папы, Іаковъ I, король Англіи, и другія могущественныя личности, пользовались его совѣтами въ виду его астрологическихъ познаній,

Гассенди и другіе великіе умы обмѣнивались съ нимъ письмами по поводу философскихъ и научныхъ вопросовъ; двое нѣмецкихъ ученыхъ, Тобіасъ Адами и Каспаръ Шоппе (Scioppius), изъ которыхъ второй присутствовалъ на казни Джіордано Бруно, получили отъ Кампанеллы его рукописи, напечатали ихъ въ Германіи и распространили также во Франціи, Англіи и Италіи.

Отказавшись ввести въ неаполитанскомъ королевствѣ инквизицію, Герцогъ Оссунскій возбудилъ противъ себя ненависть іезуитовъ. Въ союзѣ съ могущественными друзьями при мадридскомъ дворѣ, они интриговали противъ него, добиваясь смѣщенія его съ должности, на которой онъ отличился вдумчивымъ и справедливымъ управленіемъ и своей блестящей политикой по отношенію къ Венеціи. Чѣмъ дать себя смѣстить, онъ рѣшилъ лучше отдѣлиться отъ Испаніи и прокламировать себя королемъ Неаполя и Калабріи. По имѣющимся свѣдѣніямъ, онъ дѣйствовалъ по совѣту вдохновлявшаго его Кампанеллы, полагавшаго найти въ немъ орудіе для осуществленія своей политической и соціальной революціи. Однимъ изъ соучастниковъ герцога Оссунскаго былъ Жерминіо, который 37 лѣтъ спустя руководилъ заговоромъ Мазаніэлло; возможно, что Жерминіо имѣлъ сношенія съ Кампанеллой. Планъ былъ преданъ, герцогъ Оссунскій замѣщенъ кардиналомъ Борджіа и заточенъ въ замкѣ Алмейрѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1621 г. Условія тюремнаго заключенія для Кампанелы снова ухудшились.

Два года послѣ паденія герцога Оссунскаго умеръ въ Римѣ покровитель Кампанеллы, папа Павелъ V, который безуспѣшно просилъ Филиппа III о его помилованіи. Извѣстіе объ этой смерти привело Кампанеллу въ глубокое отчаяніе. «Только разставшись съ жизнью, я выйду изъ тюрьмы», воскликнулъ онъ, но въ папѣ Урбанѣ VIII онъ нашелъ себѣ новаго защитника, который послѣ пятилѣтнихъ переговоровъ добился его освобожденія, разумѣется подъ тѣмъ, предлогомъ, что онъ хочетъ отдать его, какъ еретика на судъ священнаго трибунала въ Римѣ. Но едва онъ пріѣхалъ въ папскій городъ, какъ его немедленно освободили. Однако ненависть іезуитовъ продолжала его преслѣдовать. Они возбуждали противъ него страсти толпы. «Скандалъ», кричали они, «что папа оставляетъ Кампанеллу на свободѣ. Этотъ безбожный человѣкъ, этотъ еретикъ—революціонеръ и врагъ церкви. Зачѣмъ возмущаться противъ Лютера и Кальвина! Римъ отогрѣваетъ на своей груди гораздо болѣе опасную змѣю». «Никогда невидано было такой ярости, такого бѣшенства по поводу бѣднаго, слабаго монаха», говоритъ писатель-современникъ. Чтобы спастись отъ ненависти толпы, возбужденной іезуитами, переодѣтый Кампанелла оставилъ Римъ (1634) въ каретѣ французскаго посланника. Онъ отправился въ Марсель, гдѣ его радушно принялъ Пейречъ,

членъ парламента въ Э, котораго Байль назвалъ „генеральнымъ прокуроромъ литературы", въ виду либеральнаго покровительства наукѣ и ученымъ. Въ теченіе мѣсяца онъ жилъ тамъ такой блаженной жизнью, которой онъ не зналъ уже болѣе 30 лѣтъ. Вызванный Ришелье въ Парижъ, онъ вынужденъ былъ оставить этотъ спокойный уголъ. Разставаясь съ Пейречомъ, онъ плакалъ. «Самыя жестокія муки», выразился онъ при этомъ, «не могли выжать слезы изъ моихъ глазъ, теперь я плачу изъ любви и признательности».

Его приняли при дворѣ. Людовикъ XIII пошелъ навстрѣчу знаменитому, надломленному годами и страданіями, старцу и поцѣловалъ его въ обѣ щеки. Благодаря исполнившемуся предсказанію, еще увеличился почетъ, который оказывали знаменитому астрологу. Ницеронъ разсказываетъ, что Ришелье, обезпокоенный бездѣтностью Людовика XIII, спросилъ Кампанеллу, не наслѣдуетъ ли герцогъ Орлеанскій престолъ, Кампанелла отвѣтилъ: „Imperium non gustabit in aeternum". (Онъ никогда не будетъ царствовать). И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время королева родила мальчика, впослѣдствіи Людовикъ XIV; этому мальчику Кампанелла и составилъ гороскопъ.

Кампанелла понравился Ришелье своей ненавистью къ испанцамъ; когда началась война между Франціей и Испаніей, онъ былъ призванъ въ королевскій совѣтъ, чтобы высказаться объ итальянскихъ дѣлахъ. Онъ уединился въ парижскомъ доминиканскомъ монастырѣ, гдѣ спокойно жилъ, предаваясь астрологическимъ, юридическимъ и философскимъ занятіямъ.

Онъ предсказалъ, что ожидавшееся къ 1 іюню 1639 г. солнечное затмѣніе принесетъ ему бѣду. Чтобы предупредить ее и чтобы защитить себя отъ «зачумленныхъ испареній неба», онъ сталъ выполнять всѣ предписанія астрологіи, указываемыя въ его «солнечномъ государствѣ» и выполняемыя его жителями. Онъ заперся въ камерѣ съ окрашенными въ бѣлый цвѣтъ стѣнами, обвитой благовонными растеніями и освѣщавшейся семью восковыми факелами, издававшими сильный запахъ. Тамъ онъ старался отвлечься отъ заботъ музыкой и бесѣдами съ монахами, считавшими его сумасшедшимъ.

Кампанелла умеръ 71 года, 21 мая 1639 г., за десять дней до предсказаннаго имъ дня солнечнаго затменія.

II. Философія Кампанеллы.

Въ одномъ сонетѣ Кампанелла говоритъ: «я на свѣтъ родился, чтобы бороться противъ трехъ великихъ золъ: тираніи, софистики и лицемѣрія». Въ самомъ дѣлѣ вся его жизнь была продолжительной борьбой противъ

схоластической философіи и Аристотеля, этого «духовнаго тирана». Вмѣстѣ съ Телезіо, Джіордано Бруно и Бэкономъ, онъ принадлежитъ къ той фалангѣ сильныхъ и геніальныхъ людей, которые стояли въ переднихъ рядахъ причудливаго и взвинченнаго, но полнаго энтузіазма и мечтательности, движенія. Движеніе это стремилось къ возрожденію человѣческаго духа и къ его освобожденію отъ философской и богословской догматики, отъ столь же безсодержательныхъ, какъ и хитроумныхъ, столь же нескончаемыхъ какъ и ничего не выясняющихъ схоластическихъ дискуссій. Ибо, хотя утомительная гимнастика въ этихъ дискуссіяхъ дѣлала мозгъ болѣе гибкимъ, хотя эти дискуссіи и создали тѣ изумительныя способности анализа и критики, которыя такъ блестяще проявились въ XVII столѣтіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ лишили мозгъ его внутренней силы и сдѣлали его нечувствительнымъ къ реальной дѣйствительности. Привычка заниматься пустыми словопреніями вмѣсто того, чтобы пользоваться опытомъ и наблюденіями, сдѣлались второй натурой, и столѣтія прошли прежде, чѣмъ умы отъ нея освободились. Даже въ XVII столѣтіи, когда Гервэй объявилъ о своемъ замѣчательномъ открытіи законовъ кровообращенія, открытія, которое Везалесъ, Серветъ и другіе анатомы лишь смутно предчувствовали, то очевидное доказательство этого явленія опровергалось авторитетомъ Аристотеля, Галенуса, Авиценны, философскимъ резонерствомъ и не подлежащими обсужденію богословскими аргументами *).

И Аристотеля сдѣлали отвѣтственнымъ за эту жалкую страсть къ диспутамъ, такъ какъ онъ философствовалъ въ такое время, когда науки едва родились, о многихъ же изъ нихъ еще и понятія не имѣли. Онъ не

*) Съ философскими дискуссіями дѣло до того дошло, что стремились превзойти ребячество греко-латинскихъ риторовъ во времена паденія великой имперіи, когда темами для философскихъ бесѣдъ служили такіе предметы, какъ муха, борода и т. п. Чѣмъ незначительнѣе былъ предметъ обсужденія, тѣмъ больше считался талантъ. Въ средневѣковыхъ школахъ серьезно диспутировали вопросъ, былъ ли у Адама пупъ, возстанутъ ли святые изъ мертвыхъ съ внутренностями или безъ нихъ, существуютъ-ли въ раю экскременты. Раблэ остро высмѣялъ эти схоластическія слово—пренія, предоставивъ двумъ пьяницамъ спорить о томъ, что раньше проявляется при питьѣ: потребность или желаніе. Очень серьезно спорили о томъ, что было раньше: курица или яйцо. Самые возвышенные умы не пренебрегали этого рода духовными занятіями. Альбертъ Магнусъ и св. Ѳома Аквинскій разбирали вопросъ, почему Іисусъ Христосъ не былъ гермафродитомъ и почему онъ не выбралъ себѣ женскаго пола. Этотъ вопросъ имѣлъ религіозное значеніе, ибо по разсказу библіи Богъ создалъ человѣка, мужчину и женщину, по своему образу и подобію; слѣдовательно, Богъ былъ гермафродитомъ, а чтобы сохранить отличительный знакъ фамиліи, Іисусъ тоже долженъ быть гермафродитомъ.

обладалъ настолько большимъ матеріаломъ, чтобы понять и объяснить міръ но такъ какъ онъ открылъ, что явленія природы неизбѣжно регулируются опредѣленными законами, то онъ ихъ a priori думалъ найти дедуктивнымъ путемъ, исходя изъ нѣкоторыхъ основныхъ предпосылокъ. Это относится ко всѣмъ мыслителямъ древняго міра. Пиѳагорейцы, напримѣръ, мистическая цифровая теорія которыхъ имѣла такое пагубное вліяніе на Кампанеллу, разсматривали цифры, какъ единственно постоянный и разумный элементъ и какъ внутреннюю сущность вещей; въ цифрахъ они видѣли не средство объяснить всемірные законы, а даже необходимую основу этихъ законовъ; если знать скрытыя свойства цифръ, то можно было-бы a priori открыть законы физическаго и духовнаго міра.

Для духовнаго творчества средневѣковыхъ мыслителей науки были столь же неразработаны, а сверхъ того, мышленіе находилось подъ оффиціальнымъ руководствомъ церкви, отвергавшей міръ, эту юдоль скорби и печали, и проклинавшей естественныя науки, какъ дѣло сатаны, поэтому тотъ же методъ мышленія примѣнялся ими подъ дѣйствіемъ еще болѣе могущественныхъ факторовъ. Они не нуждались въ Аристотелѣ, чтобы примѣнить дедуктивную логику и свести науку на искусство аргументировать. Правда, Аристотель далъ имъ дедуктивную логику, но схоластики и сами объявили, что правомѣрный, логическій выводъ — единственный критерій истины. Впрочемъ, произведенія Аристотеля они знали плохо и не въ полномъ объемѣ, по арабскимъ переводамъ и комментаріямъ; изученіе греческаго текста началось лишь послѣ завоеванія Константинополя въ 1453 году Магометомъ II и вслѣдствіе эмиграціи византійскихъ ученыхъ; до того, когда въ латинскомъ текстѣ встрѣчалось греческое слово, то его попросту обходили, говоря: «это по гречески, это не читается». Но въ XV ст. въ школахъ уже не пользовались болѣе арабскими переводами, профессора имѣли нѣсколько книгъ по перипатетической, т. е. по аристотелевской философіи, которыя они разъясняли и давали своимъ ученикамъ на руки: въ XIII ст. учиться грамматикѣ, ариѳметикѣ и философіи означало. legere in philosophia.

Книга, а не дѣйствительность была фактически предметомъ изученія. Схоластики-философы учили только, какъ истолковывать Аристотеля. Это было ихъ единственнымъ занятіемъ — истолковываніе ученія перипатетиковъ. Благодаря этому, дѣло дошло до того, что взаимнопротивоположныя философскія системы соединялись именемъ Аристотеля: всѣ профессора считали себя вправѣ называться его учениками. Въ Аристотелѣ находили все, что хотѣли, Аристотель былъ источникомъ всего; онъ считался авторитетомъ наряду съ священнымъ писаніемъ. «Къ чему постоянно ссылаться на авторитетъ?» писалъ Бруно ректору парижскаго университета. «Кто

же рѣшитъ споръ между Платономъ и Аристотелемъ? Верховнымъ критеріемъ истины является очевидность. Если этой очевидности нѣтъ, если чувства и разумъ молчатъ, то мы не должны спѣшить со своимъ сужденіемъ, должны его провѣрить. Внѣ насъ нѣтъ авторитета, онъ въ насъ самихъ, это — свѣтъ души нашей, освѣщающій и направляющій наши мысли».

Св. Ѳома Аквинскій старался доказать, что католическая догма и ученіе перипатетиковъ вполнѣ совпадаютъ, и сдѣлалъ Аристотеля столпомъ церкви. Послѣдній сталъ козломъ отпущенія за всѣ грѣхи схоластиковъ: Постель обвинилъ его философію въ томъ, что опа причина всѣхъ ошибокъ и источникъ атеизма *). Бэконъ сожалѣлъ, что не уничтожили его произведеній. Жозефъ Мартини предалъ анаѳемѣ и логику, грамматику, механику; ихъ онъ считалъ искусствами второстепеннаго порядка и предлагалъ освободить философію отъ ихъ вреднаго содѣйствія. «Ни логика, говоритъ онъ, ни тонкости діалектики не составляютъ части философіи». Томасъ Моръ тоже относился пренебрежительно къ хитросплетеніямъ схоластики, жители его Утопіи «не изобрѣли ни единаго правила рестриктиціи, амплификаціи и суппозиціи», они въ одинаковой степени пренебрегали и софистикой, и діалектикой.

Но не легко было пробить брешь въ аристотелевской и схоластической философіи. Ибо надо было придумать новую систему на мѣсто низвергнутой. Но какъ только кончилась критика, какъ только пытались пойти дальше простого утвержденія, что дѣйствительность можетъ быть понята только изъ дѣйствительности, то неизбѣжно впадали въ тѣ же ошибки, противъ которыхъ велась борьба,—въ апріорное измышленіе новой всеобщей философіи. А это было въ высшей степени опасно, ибо это означало связываться съ церковью, аргументировавшей пыткой и костромъ. Въ предисловіи къ «Капиталу» Марксъ говоритъ: «Высокая англійская церковь скорѣе потерпитъ нападеніе на 38 изъ 39 своихъ символовъ вѣры, чѣмъ на $^1/_{39}$ часть своихъ денежныхъ доходовъ», ибо критика этихъ догмъ не уменьшаетъ доходовъ англиканской церкви. Иначе обстояло дѣло въ то время: католическую церковь поражали на почвѣ духовной съ тѣмъ, чтобы произвести экспропріацію свѣтскую. Религіозная реформа была лишь средствомъ проведенія экономической реформы.

Телезіо одинъ изъ первыхъ открылъ борьбу противъ Аристотеля. «Мы почитаемъ Телезіо, говоритъ Бэконъ, мы признаемъ его другомъ истины и

*) Eversio falsorum Aristotelis dogmatum. Paris. 1542.

*

первымъ изъ новыхъ людей (novorum hominum primus») *). «Душитель перипатетической школы», упрекавшій Аристотеля въ томъ, что онъ обращался лишь къ разуму, не пользуясь опытомъ, основательно порицавшій схоластическую философію за то, что она ищетъ науку въ книгахъ, а не въ природѣ, и рекомендовавшій изученіе реальныхъ вещей, entia realia, и наблюденіе надъ вещами и ихъ свойствами,—Телезіо былъ вынужденъ позаимствовать изъ физики Парменида его воззрѣнія на теплоту и холодъ; такимъ образомъ отъ Аристотеля можно было спастись лишь принятіемъ ученія другого философа древности. Телезіо превратилъ эти элементы въ метафизическія, безтѣлесныя сущности; съ одной стороны, теплота—небесное начало, источникъ движенія и жизни, съ другой—холодъ—земное начало, причина покоя и смерти; міръ онъ разсматривалъ, какъ результатъ борьбы между этими двумя началами за господство надъ матеріей, основой всѣхъ тѣлъ, элементомъ чисто пассивнымъ. Въ борьбѣ между теплотой и холодомъ, между солнцемъ и землей, произошли всѣ низшія существа,—такъ Кампанелла говоритъ въ своемъ гимнѣ весеннему солнцу; но такъ какъ было слишкомъ опасно лишить Бога всѣхъ творческихъ функцій, то онъ оставилъ ему твореніе человѣка *). Но не смотря на это необходимое допущеніе, Телезіо все же обвинили въ ереси. Чтобы заставить забыть о себѣ, онъ, оставивъ Неаполь, уединился въ Козенцѣ, какъ разъ въ то время, когда Кампанелла изучалъ философію въ тамошнемъ доминиканскомъ монастырѣ. Но учителя, хотя сами отчасти раздѣляли мысли Телезіо, запретили Кампанеллѣ посѣщать его, очевидно, въ виду опасности сношенія съ еретикомъ.

Надо было обладать мужествомъ Кампанеллы и Джіордано Бруно, чтобы начать и довести до конца борьбу противъ господствовавшей философіи. Послѣ двухлѣтняго заключенія въ свинцовыхъ венеціанскихъ камерахъ и двухлѣтняго же заключенія въ тюрьмахъ священнаго римскаго трибунала, Бруно гордо возразилъ инквизиторамъ, предлагавшимъ ему отреченіемъ спасти свою жизнь: «Вамъ страшнѣе произвести мнѣ смертной приговоръ, чѣмъ мнѣ его выслушать». Жизнью своей онъ давно уже пожертвовалъ; въ одномъ сонетѣ, обнаруживающемъ душевную борьбу этого непоколебимаго героя мысли, онъ говоритъ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ стремиться къ славѣ, все большее пространство раскрывается предо мною, а я все больше отдаюсь во власть

*) Кампанелла посвящаетъ ему сонетъ, начинающійся слѣдующими словами: „Телезіо, стрѣлы твоего колчана уничтожили толпу софистовъ, ты обратилъ въ дикое бѣгство тирана умовъ, ты освободилъ истину“.

*) De natura rerum juxta propria principia. 1565.

вихря, уносящаго меня; я все больше презираю свѣтъ, подымаясь къ небу.

«... Я знаю, что я буду разбитъ на землѣ, подобно сыну Дедалуса, но есть ли жизнь, которая лучше моей смерти?

«Въ воздухѣ я слышу голосъ моего сердца, онъ говоритъ мнѣ: Дерзкій, куда ты меня завлекаешь? Сломи свои крылья, ибо слишкомъ большая смѣлость рѣдко остается безнаказанной.

«Я отвѣчаю на это: Отчего бояться такого конца? Вознесемся надъ облаками и умремъ спокойно, если славная смерть предопредѣлена намъ небомъ».

Телезіо первый вдохнулъ въ Кампанеллу духъ возмущенія; послѣдній отвергъ премудрость школьныхъ книгъ, чтобы искать свою философію въ природѣ. Въ одномъ сонетѣ онъ говоритъ:

«Всѣ книги во всемъ мірѣ не въ состояніи удовлетворить мою жажду знанія. Сколько я ихъ проглотилъ и все же я умираю отъ недостатка въ пищѣ.

«Изученіе міровой жизни даетъ мнѣ питательную пищу, но мой голодъ все растетъ. Я ищу по всѣмъ направленіямъ, чтобы утолить мой голодъ, но чѣмъ больше я познаю, тѣмъ меньше я знаю».

Кампанелла благодаря своему необузданному темпераменту впадалъ въ крайность: его недовѣріе къ философскому ученію схоластическихъ руководствъ привело къ тому, что онъ потерялъ довѣріе и къ историческимъ сообщеніямъ въ книгахъ; въ своей «Поэтикѣ» онъ признается, что сомнѣвался въ существованіи Карла Великаго только потому, что онъ узналъ объ этомъ только изъ историческихъ произведеній. Въ своемъ произведеніи «De libris propriis», онъ говоритъ: «Прежде, чѣмъ повѣрить тому, что я читалъ въ произведеніяхъ Платона, Плинія, Галенуса, стоической школы и Телезіо, я рѣшилъ всѣхъ ихъ сравнить съ великой книгой природы и провѣрить копію по ея оригиналу». Въ одномъ сонетѣ онъ высказывается въ этомъ же духѣ:

«Міръ—это книга, въ которую вѣчный разумъ записываетъ свои мысли, міръ—это живой храмъ, онъ весь изукрашенъ живыми картинами вѣчнаго разума, отражающими его образъ и его творенія.

Но наши души прикованы къ книгамъ и къ мертвому храму, къ плохой копіи живого организма, и поэтому мы предпочитаемъ мертвое живому».

Изучать природу было всеобщимъ стремленіемъ. «Философія написана въ великой книгѣ природы», объявилъ Галилей. Подобнымъ же возвратомъ къ природѣ характеризуется романтическая литература, для которой Руссо положилъ основаніе въ XVIII столѣтіи. Какъ литературное движе-

ніе XVIII в. было протестомъ противъ искусственности аристократическаго общества, такъ философское движеніе XVI в. было возмущеніемъ противъ догматическаго господства церкви.

На очереди стояла задача создать себѣ иное представленіе о мірѣ и его твореніяхъ, чѣмъ то, которое внушала христіанская религія.

Земля — эта юдоль скорби и печали для католицизма, въ которой дьяволъ всячески разставлялъ свои сѣти, чтобы поймать въ нихъ святыхъ съ ихъ слабой плотью,—эта земля представлялась Бруно лучезарно-красивой, ея жизнь казалась ему милой и привлекательной, природа — замѣчательной даже въ самомъ незначительномъ своемъ твореніи, удивительной по своей силѣ. Телезіо безстрашно заявилъ: «Міръ есть истинный образъ Бога, Mundum esse Dei veram statuam». «Природа — это Богъ, воплощенный въ вещахъ, Natura est Deus in rebus», говоритъ Бруно. Подобно первобытнымъ людямъ, Кампанелла одухотворялъ всю природу. «Міръ — это великое и совершенное животное», говоритъ онъ въ одномъ сонетѣ, «статуя Бога, высѣченная по его образу и подобію... Мы же, напротивъ, несовершенныя жалкія существа, живущія внутри міра и населяющія его. Земля есть животное, живущее въ еще большемъ животномъ, а мы для нея то, что для нашего тѣла составляютъ точащіе его черви».

Принимая идеи Телезіо и развивая ихъ далѣе, Кампанелла приписываетъ всѣмъ предметамъ и всѣмъ существамъ, даже тѣмъ, которыя кажутся неодушевленными и безжизненными, запасъ чувствъ, приспособленнымъ къ потребностямъ ихъ существованія. По его мнѣнію, созвѣздія, элементы, растенія, одарены жизнью, способной къ ощущеніямъ, точно также и трупы, ибо смерть только относительна. Животныя одарены разумомъ, они умѣютъ мыслить; онъ утверждаетъ, что они имѣютъ общій языкъ. Наконецъ, Богъ живетъ во всѣхъ существахъ и во всѣхъ вещахъ міра, являющагося его живымъ отраженіемъ mundum esse Dei vivam statuam [1]). «Богъ связанъ съ міромъ, какъ художникъ съ своимъ твореніемъ, какъ субстанція, связывающая міръ въ единое цѣлое», говоритъ Бруно. Постель думалъ, что міръ одушевленъ единой всеобщей душой, mens universi.

Матерія вѣчна. Въ своей массѣ она не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться, увѣряетъ Телезіо; она претерпитъ превращеніе, думалъ Постель, ибо по природѣ своей она не можетъ уничтожиться, но тѣмъ не

[1]) De sensu rerum et magia libri IV. Pars mirabilis occultae philosophiae, ubi demonstratur, mundum esse Dei vivam statuam, Paris, 1637. Это произведеніе посвящено кардиналу Ришелье.

менѣе должна достичь абсолютнаго покоя. Бруно, самая ясная голова среди этихъ мыслителей, признавалъ лишь *одинъ* основной элементъ — матерію, и лишь *одну* причину—движущую силу; каждая вещь образовалась изъ силы и матеріи. Возрождался матеріализмъ Гераклита, Зенона и стоической философіи.

Философскія теоріи и мистическія идеи, бродившія въ головахъ мыслителей, распространялись въ сочиненіяхъ греческихъ философовъ, которыя переведенныя и напечатанныя, съ жаромъ читались и изучались, а также черезъ Каббалу, вдохновлявшую XVI столѣтіе.

Изучая философію въ доминиканскомъ монастырѣ въ Козенцѣ, Кампанелла познакомился съ однимъ старымъ раввиномъ, посвятившимъ его въ тайныя науки, астрологію, магію и алхимію, и открывшимъ ему исходныя положенія Каббалы. Эти таинственныя науки, преподававшіяся лишь устно, при условіи сохраненія тайны и только избраннымъ ученикамъ имѣли огромное вліяніе на способъ средневѣковаго мышленія. Пико изъ Мирандолы, Корнелій Агриппа, Парацельзусъ, Робертъ Флуддъ, ванъ Гельмонтъ и многіе другіе были въ эти науки посвящены; вѣроятно, и св. Ѳома почерпнулъ изъ нихъ часть своихъ философскихъ идей; во всякомъ случаѣ, онъ отдавалъ долгъ признательности, становясь на защиту евреевъ, ставя имъ въ заслугу ихъ научную, философскую и торговую дѣятельность.

Каббала — божественнаго происхожденія, ибо первая ея часть, Сейферъ Іецира, т. е. книга творенія, была открыта Адаму черезъ ангела, имя котораго извѣстно; въ ней содержится вся премудрость. Рейхлинъ и каббалисты увѣряютъ, что всѣ древніе мудрецы черпали оттуда свои свѣдѣнія, а особенно пигагорейцы, позаимствовавшіе изъ Каббалы свою теорію цифръ и переселенія душъ. Вѣроятнѣе однако, что она представляетъ резюме философскихъ теорій, собранныхъ разсѣянными почти по всему древнему міру евреями, преобразованныхъ духомъ израелитизма и облеченныхъ въ египетскій и азіатскій мистицизмъ. Каббала—это совершенно невѣроятная смѣсь высшихъ философскихъ идей и ребяческихъ фантастическихъ грезъ оккультизма; посредствомъ комбинацій буквъ, имѣющихъ цифровое значеніе, она показываетъ, какъ за буквальнымъ смысломъ Библіи скрывается ея мистическій смыслъ; она открываетъ искусство заставить высшія силы воздѣйствовать на землѣ, и вызывать сверхъестественныя явленія: Іисусъ Христосъ производилъ свои чудеса при помощи каббалистическихъ мистерій.

Новѣйшіе философы, имѣвшіе мужество изучать эту неразрѣшимую путаницу, находятъ въ ней своего рода философскій пантеизмъ, и притомъ идеалистической спекуляціи, такъ какъ законы, лежащіе въ основѣ

явленій матеріальнаго свойства, ordo et connexio rerum, онъ уравниваетъ и подчиняетъ логическимъ правиламъ, по которымъ связываются между собою явленія духовнаго свойства, ordo et connexio idearum; происхожденіе міра объясняется непрерывнымъ развитіемъ бытія,—Гегель сказалъ бы: идеи,—а, помимо бытія и его различныхъ проявленій или эманацій, по выраженію Каббалы, ничего болѣе не существуетъ.

Потенціальное бытіе называется En Soph. До тѣхъ поръ, пока оно остается неопредѣленнымъ и неограниченнымъ, пока оно не создало міра или, что то же, пока оно не приняло какую-нибудь форму и не поставило своей безконечности цѣли и предѣла,—оно—ничто, nihil, по древнееврейски—ain.

«Бытіе», говорится въ Зогарѣ, второй части Каббалы, само по себѣ не есть что-нибудь опредѣленное, оно даже внѣ того, что на человѣческомъ языкѣ имѣетъ какое-нибудь имя. Неограниченное бытіе само себя не знаетъ, оно какъ будто не существуетъ, оно—не-бытіе, оно не имѣетъ ни мудрости, ни силы, вообще никакихъ качествъ, ибо качество предполагаетъ различіе, слѣдовательно, извѣстную ограниченность.

Чтобы понять самое себя и чтобы выйти изъ своей неопредѣленности, бытіе первоначально проявляется въ мысли и словѣ: въ мысли—черезъ десять зефиротъ, десять первыхъ цифръ, символовъ абстрактности; въ словѣ—посредствомъ 22 буквъ древнееврейскаго алфавита, элементовъ языка, составляющихъ вмѣстѣ съ десятью зефиротъ 32 средства и пути къ мудрости.

Первая эманація зефиротъ, называющаяся короной или діадемой, есть ограниченное, опредѣленное бытіе, въ противоположность неограниченному и неопредѣленному бытію. Имя его въ Библіи: я есмь. Это первое откровеніе неограниченнаго въ наиболѣе концентрированномъ видѣ, его символъ есть математическая точка и самая маленькая буква древнееврейскаго алфавита, его цифровый знакъ есть 10. Эти символы означаютъ, что опредѣленное бытіе—первое единство, начало и конецъ всѣхъ вещей, ибо математическая точка есть начало линіи, составляющей въ свою очередь начало плоскости и затѣмъ тѣла, а цифра 10 есть конецъ цифрового ряда. Концентрація опредѣленнаго бытія такъ велика, что нельзя въ немъ никакихъ качествъ отличать, его называютъ также и не-бытіе: именно изъ этого небытія, но ни въ коемъ случаѣ изъ *ничего*, созданъ міръ.

Изъ глубины этого маленькаго недѣлимаго единства одновременно исходятъ два зефиротъ, мудрость—мужской, и познаніе—женскій принципъ составляющіе вмѣстѣ основу науки; такимъ образомъ создается первое недѣлимое тріединство. Изъ познанія проистекаетъ милость или сила, справедливость или возвышенность, соединяющіяся вмѣстѣ для созданія кра-

соты; такимъ образомъ создается второе тріединство. Красота—источникъ тріумфа или славы, что создаетъ десятую зефира, въ которой концентрируются силы всѣхъ прочихъ зефиротъ, какъ цифра 10 включаетъ десять первыхъ цифръ; символомъ своимъ она имѣетъ Фаллусъ.

Создавши самое себя, бытіе такимъ же путемъ переходитъ къ созданію другихъ существъ: это проявляется въ непрерывномъ рядѣ эманацій, вытекающихъ одна изъ другой, другими словами, рядомъ понижающихся формъ существованія, подобно тому, какъ силы послѣдовательно создающія одна другую, становятся тѣмъ слабѣе, чѣмъ они больше удаляются отъ своего первоначальнаго пункта.

Въ матеріальномъ творчествѣ повторяется идеальное творчество зефиротъ: на одной сторонѣ—пространственно безконечный великій міръ, макрокосмъ, на другой—въ высшей степени концентрированный образъ, человѣкъ, макрокосмъ, въ которомъ сосредоточивается все творчество: его душа находится во всѣхъ качествахъ бытія, въ его тѣлѣ повторяется все, что существуетъ въ микрокосмѣ. Парацельзусъ, оспаривавшій въ области медицины Авицену и ученіе Галенуса, вдохновлявшійся Каббалой, говоритъ: «нѣтъ такого члена въ человѣкѣ, который не соотвѣтствовалъ бы какому-нибудь элементу, растенію, познанію, мѣрѣ и основанію первообраза, прототипа».

За экспансивнымъ движеніемъ бытія, въ результатѣ котораго было сотвореніе міра и человѣка, послѣдуетъ концентрація движенія въ себѣ, —конечная цѣль всѣхъ вещей.

На сотвореніе міра Каббала имѣетъ иное воззрѣніе, чѣмъ гностицизмъ, александрійская философія, мистицизмъ индусовъ и христіанское ученіе: послѣдніе считаютъ сотвореніе существъ вырожденіемъ, міръ—проклятіемъ, жизнь—наказаніемъ, которое человѣкъ терпитъ безъ основанія и безъ цѣли, благодаря кознямъ злыхъ духовъ. Каббала же, напротивъ, отождествляя бытіе и творчество, считаетъ послѣднее проявленіемъ доброты и величія бытія, дѣломъ любви, благословеніемъ. Ничего нѣтъ абсолютно плохого, ничто не проклято навѣки, даже дьяволъ. Адъ долженъ исчезнуть и превратиться въ мѣсто для наслажденія, и тогда жизнь станетъ нескончаемымъ праздникомъ, безконечнымъ шаббатомъ.

* *
*

Метафизика Кампанеллы носитъ на себѣ печать Каббалы.

Неограниченное бытіе начинаетъ свою жизнь съ того, что само себя познаетъ, создавши первую зефиру: я есмь. Кампанелла начинаетъ утвержденіемъ: *что я твердо знаю, это то, что я есмь*; Декартъ ска-

залъ бы: *я мыслю, слѣдовательно, существую* [1]). Такъ какъ бытіе во всѣхъ своихъ качествахъ отражаетъ человѣческую душу, то бытію слѣдуетъ только обратиться къ своему сознанію, чтобы ее найти. Отвѣтивши утвердительно на вопросъ о своемъ существованіи, оно устанавливаетъ, что оно *можетъ*, что оно *знаетъ*, что оно *хочетъ*. Эти три функціи составляютъ три основныя или *примарныя* качества бытія, а именно, сила или возможность, potentia; знаніе, sapientia; симпатія, amor. Противоположныя качества, слабость или несостоятельность, impotentia; незнаніе, insipientia; антипатія, odium metaphisicum, относятся не къ ничто, которое не можетъ существовать, а къ не-бытію, ограничивающему всѣ вещи и связанному съ ними. Это не-бытіе есть неограниченное бытіе Каббалы. Всѣ творенія, люди и животныя, растенія и неодушевленные предметы въ различной степени проявляются въ трехъ *примарныхъ* качествахъ, которыми бытіе обладаетъ лишь въ своемъ совершенномъ видѣ, и существованіе всѣхъ вещей въ томъ и состоитъ, что въ нихъ заключается частица трехъ *примарныхъ* качествъ, частица бытія. Бытіе, слѣдовательно, во всемъ, оно—все, какъ не-бытіе есть то, что существуетъ вокругъ бытія, за предѣлы бытія.

Сотворивши міръ путемъ непрерывныхъ эманацій, бытіе должно концентрироваться и все поглотить; такимъ образомъ, Кампанелла, установивши принципъ и законъ мірового развитія, открываетъ симптомы болѣзни міра, его дряхлѣнія и смерти; но эта смерть есть условіе новой жизни. Все должно родиться, умереть, чтобы снова родиться. Постель даже опредѣлялъ срокъ жизни міра въ шесть тысячъ лѣтъ. Этотъ удивительный мечтатель, еще болѣе мистическій, чѣмъ Кампанелла, ученость котораго поражала

---

[1]) Вико остроумно высмѣиваетъ „догматизмъ великаго мыслителя", требовавшаго отъ „посвященнаго въ мистеріи его философіи очищенія не только отъ заученныхъ догматовъ вѣры или, какъ говорятъ, отъ предразсудковъ съ молодости воспринятыхъ всѣми чувствами, но и отъ всѣхъ истинъ, которымъ учатъ другія философіи", для того, чтобы онъ могъ начать бытіе каббалы знаменитымъ: *я есмь.*

„Декартъ", такъ продолжаетъ Вико, „указываетъ намъ на первую истину, говоря: *я мыслю, слѣдовательно, существую.* Созіусъ Плавта начинаетъ сомнѣваться въ собственномъ существованіи, потому что Меркурій принялъ его образъ, но размышленія приводятъ его къ тому же: къ признанію слѣдующей основной истины: право, думаетъ Созіусъ, когда я смотрю на Меркурія и узнаю свой образъ, то я какъ бы въ зеркалѣ себя вижу, онъ совершенно похожъ на меня, та же шляпа, то же платье, все, какъ у меня, даже ноги, ростъ, волосы, носъ, зубы, губы, щеки, подбородокъ, борода, шея, однимъ словомъ—все; и самое большое сходство въ томъ, что спина покрыта ранами; но все же, когда я мыслю, то я навѣрное такой, какимъ былъ всегда.

даже въ то время, когда ученыхъ было очень много, разсматривая міръ съ точки зрѣнія непрерывнаго движенія впередъ, за которымъ должно слѣдовать такое же движеніе назадъ, открылъ историческій законъ, впослѣдствіи снова открытый Гегелемъ: всѣ революціи и всѣ историческія событія, говоритъ Постель, не безполезны, какъ бы они ни казались неразумными, противорѣчивыми, безсмысленными и безцѣльными, ибо цѣль у нихъ опредѣленная—единство человѣческаго рода, осуществляемое единствомъ религіи. Однако, одно явленіе, какъ онъ признавался, не связывается органически съ этой эволюціей, именно,—распространеніе Корана.

Какъ бытіе въ мірѣ, такъ духъ человѣческій развивается въ познаніи міра. Кампанелла поставилъ себѣ задачу дать этому развитію направленіе соотвѣтствующей классификаціей наукъ. Въ основу ея онъ бралъ цѣль науки (objet), тогда какъ Бэконъ свою классификацію строилъ по болѣе общему и произвольному признаку, по тому разнообразному духовному состоянію, которое содѣйствовало ихъ образованію. Кампанелла раздѣлялъ науки на божественныя—*теологію*, и человѣческія,—*микрологію*, надъ ними возвышается *метафизика*, содержащая принципы, общіе этимъ двумъ классамъ наукъ. Микрологія въ свою очередь раздѣляется на двѣ крупныя отрасли: на *естественныя науки*, обнимающія пять спеціальныхъ наукъ: медицину, геометрію, космографію, астрономію и астрологію, и на *моральныя науки*, также обнимающія пять наукъ: этику, политику, экономику, реторику и поэтику. Къ прикладнымъ наукамъ онъ относитъ магію, которая имъ раздѣляется на естественную, небесную и дьявольскую.

Какъ и большинство его современниковъ, Кампанелла упрямо и твердо вѣрилъ въ астрологію: исключительно своей славѣ, какъ астролога, онъ обязанъ тѣмъ, что спасся отъ костра еретиковъ, что нашелъ себѣ друзей среди папъ, королей и ихъ министровъ, защищавшихъ его отъ преслѣдованій іезуитовъ и папскаго правительства. Всѣ его произведенія изобилуютъ астрологическими вылазками; онъ написалъ сочиненіе изъ шести книгъ, которое, по его утвержденію, свободно отъ суевѣрій арабовъ и евреевъ и въ которомъ онъ доказалъ истинность астрологіи, опираясь на св. Ѳому и священное писаніе.

«Созвѣздія, говоритъ онъ, вліяютъ на природу; растенія не могли бы цвѣсти, еслибы солнце ихъ не согрѣвало. Источникъ теплоты — универсумъ, т. е. небо, и поэтому всѣ наши дѣйствія подвержены вліянію неба». Установленіе этихъ непреложныхъ истинъ связано у него съ теоріями Каббалы, по которой микрокосмъ — человѣкъ — есть лишь оттискъ и повтореніе макрокосма—міра. На этомъ основаніи онъ устанавливаетъ связь между человѣческими судьбами и движеніемъ звѣздъ, которыя яв-

ляются причиной несчастій и божьими предвозвѣстниками. «Конецъ міра» говоритъ онъ, «будетъ возвѣщенъ солнечными и звѣздными знаками». Постель утверждалъ, что «порядокъ звѣздъ на звѣздномъ небѣ показываетъ въ древнееврейскихъ письменахъ все, что существуетъ въ природѣ».— Какъ уже упомянуто по теоріи Каббалы 22 буквы древне-еврейскаго алфавита вмѣстѣ съ десятью первыми цифрами составляютъ 32 пути къ мудрости.

III. Политика Кампанеллы.

Подобно Постелю и другимъ мыслителямъ XVI ст., Кампанелла вѣрилъ въ единство человѣческаго рода. Это единство, по его мнѣнію, осуществилось бы тогда, когда народы всего міра объединились бы подъ управленіемъ единой власти. Такимъ образомъ, онъ безсознательно и въ философской формѣ выражалъ насущную экономическую потребность капиталистической буржуазіи своего времени. Въ самомъ дѣлѣ, въ интересахъ своего экономическаго и политическаго развитія буржуазіи необходимо было разрушить автономію городовъ и провинцій и учредить на ея развалинахъ національныя государства, лишь въ наши дни закончившія свое образованіе; ей необходимо было уничтожить преграды между отдѣльными мѣстностями и провинціями, тормозящія и даже исключающія свободный товарный обмѣнъ; отмѣнить мѣстныя и корпоративныя привилегіи, препятствовавшія введенію мануфактурной промышленности; внушить королямъ и феодальнымъ баронамъ, чеканившимъ и фальсифицировавшимъ монеты, уваженіе къ цѣнности золота и серебра, и наконецъ создать единство мѣръ и вѣсовъ, разнообразіе которыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ затрудняло обмѣнъ товаровъ.

Связавъ народы Азіи, Африки и Европы узами очень распространенной торговли, евреи первые отразили въ своей философіи эту экономическую потребность: международная торговля заставляла ихъ брать на себя иниціативу въ области идеологіи. Пантеизмъ и переселеніе душъ Каббалы суть не что иное, какъ метафизическое выраженіе стоимости товаровъ и товарнаго обмѣна. Подобно бытію, живущему въ каждой созданной вещи, стоимость содержится во всемъ, что покупается и продается; всякій товаръ представляетъ собой опредѣленную величину стоимости, подобно тому, какъ качества бытія содержатся въ различной понижающейся степени во всякомъ одушевленномъ или неодушевленномъ предметѣ. Стоимость одного товара переходитъ въ другой, такъ какъ въ товарѣ возрождается стоимость сырья и сношенной части употреблявшихся при его производствѣ инструментовъ. Всѣ товары, какого бы они качества ни были,

выражаютъ различныя количества своей стоимости въ деньгахъ, становящихся товаромъ par excellence и воплощающихъ единство товаровъ. Марксъ доказалъ, что капиталистическій обмѣнъ, начавшись деньгами, кончается деньгами же, но деньгами съ прибавкой: теософія Каббалы, исходя изъ единства, изъ первой зефиры, кончаетъ сложнымъ единствомъ десятой зефиры, такъ какъ въ ней сочетаются свойства девяти предшествующихъ зефиротъ.

Средневѣковье имѣло двѣ политическія системы: феодальную іерархію, связывавшую всѣхъ членовъ общества какой-нибудь страны, отъ крѣпостного до короля, взаимными обязанностями и правами, и католическую іерархію, охватывавшую въ своихъ предѣлахъ лишь ограниченное количество индивидуумовъ, но носившую болѣе общій характеръ, распространяясь на всѣ народы христіанскаго міра. Между этими двумя системами началась борьба за господство. Папы и ихъ ученые напали на главу феодальной организаціи, на королевскую власть, которую Григорій VII характеризовалъ «рожденной дьяволомъ и изобрѣтенной человѣческимъ самомнѣніемъ». Выше всѣхъ земныхъ властей, носящихъ временный и преходящій характеръ, св. Ѳома ставитъ духовную власть папы, котораго онъ во имя философіи и евангелія объявляетъ верховнымъ господиномъ народовъ и королей и судьею въ ихъ распряхъ между собою.

Кампанелла, этотъ доминиканскій монахъ, не дѣлалъ никакой попытки удовлетворить этой потребности въ единствѣ, волновавшей тогдашнее европейское общество, организаціей новаго политическаго порядка. Вмѣсто этого онъ обращалъ свои взоры назадъ и мечталъ о возстановленіи папскаго авторитета, подорваннаго во всѣхъ отношеніяхъ. Въ своемъ произведеніи «Monarchia Messiae» онъ, подобно св. Ѳомѣ, отстаиваетъ во имя человѣческой и божественной философіи права верховнаго первосвященника на земное господство. Единство религіи осуществитъ единство человѣческаго рода, думалъ Постель. Религія имѣетъ трехъ враговъ предъ собою: евреевъ, магометанъ и язычниковъ. Онъ думалъ обратить ихъ въ католичество посылкою апостоловъ и силою убѣжденій.

Кампанелла же, членъ того духовнаго ордена, изъ среды котораго вышли выдающіеся инквизиторы, не отступалъ и предъ тѣмъ, чтобы силою сломить противодѣйствіе протестантовъ и магометанъ введенію теократическаго единства, изъ котораго должно было развиться единство человѣческаго рода. Онъ требовалъ отъ властителей насильственнаго уничтоженія еретиковъ и совѣтывалъ папамъ снарядить противъ протестантовъ войска.

Задача, которую онъ ставилъ папской власти,—объединеніе человѣческаго рода, было, по его мнѣнію, на пути къ осуществленію, благодаря

его смертельному врагу, испанской монархіи. Свое знаменитое произведеніе «De monarchia hispanica», переведенное немедленно по своемъ появленіи на нѣмецкій и англійскій языки, онъ написалъ, будучи заключенъ въ тюрьмахъ короля испанскаго. «Недалекъ тотъ день», говорилъ онъ, «когда это единство человѣческаго рода осуществится; о наступленіи его предсказываетъ каждая страница исторіи XVI ст. Невѣроятный ростъ испанской монархіи есть дѣло Божье; Богъ избралъ самый набожный народъ Европы, отмѣтилъ его своимъ перстомъ, чтобы воспользоваться имъ для своихъ провиденціальныхъ цѣлей; онъ открылъ ему доступъ въ Новый Свѣтъ, дабы христіанская религія имѣла повсюду, гдѣ свѣтитъ солнце, свои празднества и свои жертвоприношенія. Католическій король долженъ весь міръ объединить подъ своей властью, его титулъ не есть болѣе пустое слово; съ крестомъ въ одной рукѣ и мечемъ въ другой онъ долженъ бороться съ протестантизмомъ и исламизмомъ, пока они не исчезнутъ съ лица земли. Ибо въ томъ состоитъ его миссія, чтобы доставить тріумфъ церкви, поразивши ея враговъ, положивши имъ колѣно на грудь; Новый Киръ, ему суждено положить конецъ этому новому вавилонскому плѣненію». Однако событія подготовили тріумфъ капиталистической буржуазіи, а не католической церкви.

Но это религіозное и политическое единство, для котораго Кампанелла безстрашно апеллировалъ къ силѣ, необходимо было лишь для того, чтобы уничтожить вражду и основать миръ и счастье на землѣ. Втеченіе всей своей долгой страдальческой жизни онъ въ своей дѣятельности стремился къ одной лишь цѣли, къ осуществленію коммунизма; съ этой цѣлью онъ въ молодости еще, 32 лѣтъ, проповѣдывалъ и организовалъ возстаніе; заключенный въ тюрьму и подвергнутый пыткѣ, но все же непобѣжденный, онъ за тюремными засовами входитъ въ заговоръ съ герцогомъ Оссунскимъ и, потерпѣвши неудачу, находитъ себѣ утѣшеніе въ мечтахъ о своей Утопіи.

Какъ Фурье желалъ созвать въ Аахенѣ конгрессъ королей и капиталистовъ, чтобы побудить ихъ принять идею его фаланстерій, такъ воодушевленный своей идеей Кампанелла надѣялся, что изображеніе его философской республики обратитъ въ его вѣру народы земного шара. Въ одномъ сонетѣ онъ предсказываетъ, что введеніе его республики предстоитъ въ скоромъ времени:

«Если въ былыя времена царилъ счастливый золотой вѣкъ, то почему же онъ не можетъ снова воцариться? Вѣдь каждая вещь, совершивши свой путь, возвращается къ своей исходной точкѣ.

« . . . Если для своей пользы, счастья и нравственнаго благополучія

человѣчество общими силами сдѣлаетъ такъ, какъ я понимаю и учу, то свѣтъ превратился бы въ рай».

Въ другомъ сонетѣ онъ пророчествуетъ:

«Тогда вы сможете горячо молиться и просить, чтобы настало время, когда исполнится божественная воля на землѣ...

« . . . Ибо поэты провидятъ такой вѣкъ, который настолько же лучше того, что было до сихъ поръ, насколько золото лучше другихъ металловъ.

«Тогда философы увидятъ ту совершенную, ими изображенную республику, которая до сихъ поръ не существовала еще на землѣ».

Никакое разочарованіе не могло потрясти его глубокой и огненной вѣры. «Къ стыду безбожниковъ», говоритъ онъ въ своемъ богословскомъ произведеніи «Atheismus triumphatus», «я жду прелюдію рая на землѣ, золотой вѣкъ, полный счастья, но которымъ скептики и невѣрующіе не смогутъ воспользоваться».

IV. Городъ солнца.

«Городъ солнца», написанная по-латыни Утопія Кампанеллы, составляетъ часть его «Philosophia realis», появившейся въ 1620—1623 годахъ во Франкфуртѣ и вторично изданной въ Парижѣ въ 1637 г., два года послѣ его смерти; она помѣщается въ концѣ третьей части, въ политикѣ. Не останавливаясь на біографическихъ подробностяхъ, интересно однако отмѣтить, что въ эпоху расцвѣта утопическаго соціализма, какъ Энгельсъ его называлъ, въ Парижѣ появились два французскихъ перевода «Civitas Solis»,—одинъ въ 1840 году, сдѣланный Виллегарделлемъ, и другой въ 1844 году, сдѣланный Жюлемъ Россе и снабженный введеніемъ госпожи Луизы Коле. Въ 1885 году Генри Морлей издалъ въ одномъ томѣ и подъ общимъ заглавіемъ «Идеальныя общества» (Ideal commonwealhts) «Жизнь Ликурга» Плутарха, «Утопію» Томаса Мора, «Новую Атлантиду» Бэкона и «Городъ солнца» Кампанеллы; послѣднее произведеніе впервые появилось на англійскомъ языкѣ въ переводѣ Т. В. Галлидея *).

Утопія Кампанеллы—одна изъ смѣлыхъ и красивыхъ, одна изъ наи-

*) Изъ этого англійскаго изданія, какъ сообщаетъ господинъ Морлей въ своемъ предисловіи, опущены „нѣкоторыя подробности, безъ которыхъ можно отлично обойтись“. Дѣло касается щекотливой темы половыхъ отношеній, и господинъ Морлей всячески старался во всѣхъ изданныхъ имъ произведеніяхъ остаться въ этомъ отношеніи наиприличнымъ среди самыхъ приличныхъ своихъ соотечественниковъ.

Прим. Издат.

болѣе продуманныхъ утопій, какія когда-либо были написаны; въ организаціи своей «философской республики» онъ устраиваетъ всѣ соціальныя отношенія мужчинъ между собой, къ женщинамъ и дѣтямъ, и входитъ въ мельчайшія подробности частной жизни. Онъ совершенно свободно обсуждаетъ и разрѣшаетъ соціальныя проблемы, выдвинутыя его эпохой и теперь еще волнующія общество.

«Утопія» Томаса Мора написана государственнымъ дѣятелемъ; онъ по личному опыту знаетъ общество, которое подвергаетъ острой критикѣ и нерѣдко жестоко его высмѣиваетъ. Онъ возмущается по поводу варварскаго судопроизводства, онъ глубоко сочувствуетъ тяжелому положенію крестьянъ, вытѣсненныхъ овечьими стадами изъ своихъ мѣстъ, преслѣдуемыхъ, какъ нищіе, въ городахъ и за малѣйшее воровство подвергаемыхъ смертной казни черезъ повѣшеніе; путемъ наблюденій онъ пришелъ къ тому выводу, что частная собственность и деньги есть источникъ борьбы, пороковъ и несчастій человѣческаго общества.

Напротивъ, Кампанелла не знаетъ свѣта; живя съ самаго дѣтства въ монастырскомъ общежитіи, онъ отдается смѣлому полету метафизической мысли; будучи еще молодымъ онъ на десятки лѣтъ попадаетъ въ тюрьму и научается смотрѣть на соціальное положеніе человѣка сквозь призму великодушной, огненной фантазіи, питавшейся произведеніями греческихъ мыслителей и разсказами путешественниковъ объ удивительныхъ нравахъ незадолго до того открытыхъ въ Азіи и Америкѣ варварскихъ и дикихъ народностей. Свое идеальное государство онъ какъ бы изъ одного куска отливаетъ, не испытывая при этомъ никакихъ затрудненій, и рекомендуетъ его людямъ, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что народамъ надо только съ нимъ познакомиться, чтобы его осуществить; Моръ же не увѣренъ даже въ томъ, будутъ ли проведены хотя бы самыя необходимыя реформы, о которыхъ разсказываетъ его путешественникъ, возвратившись изъ Утопіи.

Надо было быть такимъ идеалистомъ, какъ Кампанелла, надо было совсѣмъ не знать окружающихъ условій, чтобы до такой степени обманываться: ему казалось достаточнымъ выдумать коммунистическое государство, чтобы стало возможно его немедленное осуществленіе. Волей судебъ человѣчество должно было пройти индивидуалистическій фазисъ, обусловливаемый экономическими отношеніями, которыя въ ходѣ развитія разрушаютъ индивидуалистическую и подготовляютъ новую коммунистическую форму общественной жизни. Какъ индивидуализмъ выросъ изъ коммунизма, такъ коммунизмъ возникаетъ изъ индивидуализма. Задача мыслителей и дѣятелей нашего времени изучать и познавать ходъ событій, чтобы его ускорять, но не измышлять Утопіи, какъ этого хотятъ философы: если этимъ

господамъ нужны Утопіи для развлеченія, то пусть они познакомятся съ геніальнымъ произведеніемъ Кампанеллы, что потребуетъ немного ихъ драгоцѣннаго времени.

Мы охотнѣе всего напечатали бы весь «Городъ солнца», въ которомъ такъ много различныхъ вопросовъ разбирается на столь небольшомъ числѣ страницъ, но мы должны ограничиться простымъ обзоромъ, впрочемъ возможно болѣе полнымъ, чтобы нашъ читатель получилъ правильное понятіе о томъ, какое представленіе имѣлъ этотъ монахъ XVI столѣтія о мірѣ. Ибо Кампанелла, хотя и умеръ въ 1639 г., но по смѣлости своего характера, по своему мистицизму онъ принадлежитъ именно XVI, а не XVII столѣтію.

* * *

Постоянная война между провинціями, городами и даже отдѣльными деревнями—вотъ чѣмъ характеризуется жизнь феодальнаго средневѣковья, изъ котораго общество только что вышло. Городскіе дома и даже монастыри сильно укрѣплялись, такъ какъ должны были выдерживать осады, все населеніе, мужчины, женщины и дѣти, духовные и міряне часто должны были прибѣгать къ оружію, если не для нападенія, то для своей защиты. Заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы окружить себя толстыми стѣнами, изъ-за которыхъ можно было вести борьбу съ непріятелемъ.

«Городъ солнца», расположенный на островѣ, раздѣленномъ на четыре соперничающихъ между собой королевства, представляетъ собой крѣпость, построенную на холмѣ, какъ всѣ средневѣковые города, а также Іерусалимъ; крѣпость окружена семью валами съ амбразурами, пушками и другими военными орудіями; чтобы взять ее, надо было бы семь разъ ее штурмовать. Моръ тоже заботится о военномъ укрѣпленіи Утопіи, чтобы изолировать ее отъ материка, и объ обезпеченіи столицы Утопіи, Амауротумъ, подвозомъ воды для питья.

Платонъ, жившій въ приморскомъ торговомъ городѣ, жители котораго раздѣлялись на различные классы и сословія, довѣряетъ защиту своей республики отряду философовъ и коммунистовъ, которыхъ онъ цинично сравниваетъ съ «тощими сторожевыми собаками»; для него, впрочемъ, собака философское животное, такъ какъ она понимаетъ, что надо защищать своего господина и нападать на его враговъ; остальные граждане занимаются торговлей и промышленностью, и для нихъ Платонъ не разрабатываетъ своей коммунистической организаціи. А въ «Городѣ солнца» всѣ жители безъ различія пола и возраста должны участвовать въ его защитѣ. Всѣ они воины. Военныя упражненія начинаются съ двѣнадцати лѣтъ,

но соларіи, граждане «Города солнца», подобно дѣтямъ феодальныхъ бароновъ, еще до этого возраста пріучаются къ тѣлеснымъ упражненіямъ; начиная же съ двѣнадцати лѣтъ ихъ учатъ нападать «на непріятеля, на лошадей и слоновъ», обращаться съ мечомъ и копьемъ, натягивать лукъ, дѣйствовать пращей, вскакивать на коня и править имъ безъ узды по такому способу, «какого даже татары не знаютъ», нападать и отступать, сохраняя боевой порядокъ, спасать друга въ опасности, словомъ ихъ учатъ всѣмъ военнымъ маневрамъ. «Воспитаніе приспособляетъ женщинъ къ войнѣ, какъ и ко всякой другой работѣ; въ этомъ пунктѣ соларіи согласны съ Платономъ, у котораго есть что-то подобное... и въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ Аристотелемъ». Война не только дѣло необходимости, но является также нравственнымъ факторомъ, предохраняющимъ гражданъ «Города солнца» отъ разслабленности и изнѣженности. Кампанелла въ этомъ отношеніи думать такъ, какъ варвары; Цезарь сообщаетъ, что германскія племена, ставши уже осѣдлыми и занявшись земледѣліемъ, тѣмъ не менѣе предпринимаютъ военные походы для упражненія въ военномъ дѣлѣ. Соларіи воспитываютъ въ себѣ духъ воинственности, въ вопросѣ чести они очень щепетильны, «хотя они никого не оскорбляютъ, но и сами они не потерпѣли бы оскорбленія». Хотя Кампанелла самъ монахъ, хотя его государство носитъ отпечатокъ его монашескихъ привычекъ, но онъ не сторонникъ христіанскаго ученія, предписывающаго, получивъ ударъ по лѣвой щекѣ, подставить правую; это ученіе годилось для первыхъ христіанъ, большинства рабовъ и вольноотпущенниковъ, но не подходило для свободныхъ и равныхъ людей его коммунистическаго общества.

Какъ и платоновскіе воины соларіи берутъ съ собой дѣтей на войну, «чтобы они учились драться, какъ молодые львы и волчата пріучаются своими родителями душить добычу». Ихъ сопровождаютъ также ихъ вооруженныя жены, которыя оказываютъ имъ поддержку, воодушевляютъ ихъ и перевязываютъ имъ раны. Кампанелла несомнѣнно помнитъ разсказы Цезаря о варварахъ, смѣявшихся надъ римскими легіонерами за то, что они не имѣли съ собой женъ въ войнѣ; во всякомъ случаѣ воинственные нравы соларіевъ онъ отчасти позаимствовалъ у римскихъ писателей, ибо онъ говоритъ, что генералы его государства окапываютъ свои военные лагери подобно римлянамъ, и что первые, взобравшіеся въ аттакѣ на непріятельскую стѣну, награждаются вѣнкомъ изъ зеленыхъ листьевъ; помня также рыцарскіе турниры, онъ допускаетъ раздачу наградъ героямъ только въ присутствіи привѣтствующихъ ихъ дамъ.

Женщины «Города солнца» выполняютъ, подобно амазонкамъ и спартанкамъ, всѣ военныя упражненія подъ руководствомъ своихъ предводительницъ: ихъ главнымъ образомъ учатъ защищать укрѣпленія, бросать камни,

горючій матеріалъ и т. п.; «тѣ, которыя обнаружатъ малѣйшій признакъ страха, строго наказываются». Государственная территорія, какъ города, такъ и деревни, постоянно охраняются ночью мужчинами, днемъ женщинами. Если вспомнить глупыя и безсмысленныя оскорбленія женщинъ со стороны св. Іеронима и отцовъ церкви, если вспомнить соборъ, на которомъ серьезно обсуждался вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли женщину причислить къ животнымъ, не имѣющимъ души, и на которомъ лишь большинствомъ одного голоса было признано, что она таковую имѣетъ,—если все это вспомнить, то можно только удивляться смѣлости Кампанеллы, освободившагося отъ освященныхъ религіей предразсудковъ своего времени, и признавшаго за женщинами одинаковыя съ мужчинами права и обязанности *).

Ежегодно все способное къ войнѣ населеніе «Города солнца» собирается для всеобщаго смотра и маневровъ. Разсуждающіе по естественной логикѣ дикарей, соларіи рѣшаютъ войну лишь на большомъ совѣтѣ жителей республики въ возрастѣ свыше двдцати лѣтъ; всѣ, вѣдь, должны драться, слѣдовательно, всѣ должны принимать участіе въ этихъ совѣщаніяхъ.

Но въ этомъ воинственномъ государствѣ, всѣ жители котораго безъ различія пола и возраста должны нести военную службу, ни въ коемъ случаѣ не ведутъ лагерной жизни, какъ въ платоновской «Республикѣ».

* * *

---

*) Св. Ѳома Аквинскій тоже былъ доминканцемъ, но не такъ глупъ и одностороненъ, какъ отцы церкви; но и онъ говоритъ: „женщина—быстро растущая сорная трава, она несовершенный человѣкъ, homo imperfectus, тѣло котораго потому такъ быстро развивается, что оно имѣетъ меньшую стоимость и потому, что природа меньше ею занимается... Женщины рождаются, чтобы вѣчно оставаться подъ игомъ своего господина и повелителя, котораго природа во всѣхъ отношеніяхъ одарила богаче, чѣмъ женщинъ, тѣмъ предназначивши его къ господству.

Повидимому Кампанелла находился подъ вліяніемъ этого взгляда св. Ѳомы, высказываясь въ одной канцонѣ о красотѣ слѣдующимъ образомъ: „соразмѣрность и соотношеніе частей тѣла, сила, проворство, здоровый цвѣтъ лица, грація въ движеніяхъ и манерахъ, — вотъ условія совершенной красоты. Богъ одарилъ мужчину больше, чѣмъ женщину этими качествами, поэтому онъ прекраснѣе и божественнѣе, поэтому его любятъ болѣе, чѣмъ онъ самъ любитъ". Кампанелла не имѣлъ, какъ видно, случая присмотрѣться къ женщинамъ своего «Города солнца», иначе онъ нашелъ бы, что свободно воспитанныя женщины, пріученныя къ одинаковымъ съ мужчинами тѣлеснымъ упражненіямъ, такъ-же одарены, какъ и мужчины. Понимавшіе это греческіе ваятели придали Аполлону, богу красоты, женскія формы.

*

Всѣ произведенія Кампанеллы носятъ отпечатокъ его идеалистической и мистической философіи и его астрологическихъ предразсудковъ; нельзя дать вѣрнаго представленія о его главномъ сочиненіи, не принявши во вниманіе этихъ его чертъ, искажающихъ его столь положительные и столь удивительно глубокіе взгляды. Поэтому намъ необходимо предварительно разсмотрѣть его астрологію, чтобы потомъ съ большимъ пониманіемъ дѣла познакомиться съ его коммунистическимъ государствомъ; но при этомъ мы должны имѣть въ виду, что эти мистическія идеи, которыя въ настоящее время недостойны были бы такого смѣлаго и образованнаго ума, въ то время раздѣлялись многими выдающимися людьми, перешедши къ нимъ по очень старой традиціи. Вначалѣ своего развитія человѣчество не въ въ состояніи было составить себѣ правильнаго представленія о мірѣ и оно прибѣгало поэтому къ силѣ воображенія. замѣняя имъ опытъ и фактическія наблюденія; небеснымъ явленіямъ, возбуждавшимъ его вниманіе оно должно было приписать не ихъ дѣйствительныя и матеріальныя, а воображаемыя и идеальныя причины.

Каббала развила изученіе мистическихъ свойствъ цифръ, во всѣ времена интересовавшихъ мыслителей всѣхъ народовъ, надо полагать, въ виду тѣхъ трудностей, которыя человѣческій умъ долженъ былъ превозмочь, прежде чѣмъ открыть основныя цифры и ихъ комбинаціи, а также въ виду пользы, которую оказывали имъ цифры. Мыслители, удивлявшіеся абстрактнымъ качествамъ цифръ, находя ихъ во всѣхъ вещахъ, хотѣли, по примѣру пиѳагорейцевъ, сдѣлать ихъ внутренней первопричиной всѣхъ вещей. Современные деисты думаютъ по такому же методу, доказывая существованіе своего Бога абсолютнымъ характеромъ математическихъ абстракцій. Кампанелла, вѣрившій въ скрытую силу цифръ, упоминаетъ въ «Городѣ солнца» только о каббалистическихъ цифрахъ.

Первое встрѣчающееся намъ число—7; городская территорія окружена 7 укрѣпленными валами, въ храмѣ находятся 7 золотыхъ, вѣчно горящихъ лампъ, названныхъ по имени 7 планетъ; послѣднія въ системѣ пиѳагорейцевъ движутся вокругъ неподвижной земли, издавая при этомъ музыкальные, гармоничные звуки, которые соляріи могутъ слышать посредствомъ изобрѣтенныхъ ими инструментовъ. Число 7 было мистической цифрой для всѣхъ народовъ, достигшихъ извѣстной ступени развитія, она и христіанъ очень интересовала: весь апокалипсисъ ею полонъ; Оригенъ, св. Августинъ, св. Иларій и знаменитѣйшіе учителя церкви много спорили о преимуществахъ этой цифры, какъ и цифры 6; въ католическихъ догматахъ и церемоніяхъ также встрѣчается цифра 7 : 7 таинствъ, 7 смертныхъ грѣховъ и т. д. Числа, кратныя 7, часто встрѣчаются въ «Городѣ солнца»; священниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе неба

для открытія астрологическихъ мистерій, насчитывается 49, т. е. 7×7; ученыхъ, преподающихъ науки и искуства—14, т. е. 7×2 и т. д.

Развѣвающееся надъ куполомъ храма знамя соларіевъ покрыто 36 знаками; чтобы быть избраннымъ главой государства, надо быть старше 36 лѣтъ, научное и художественное воспитаніе дѣтей начинается съ 6, военное—съ 12 лѣтъ. Числа же 36 и 12 кратны 6, а цифра 6, знакомъ которой является третья буква имени Jahve, почиталась пиѳагорейцами и каббалистами, потому что въ ней вновь соединяется единство, двойственность и тройственность: 1 и 2 и 3 составляютъ 6, а это дѣлаетъ эту цифру символомъ всякаго совершенства.

Число 3, число мистическое par excellence (по наблюденіямъ надъ первобытными дикарями, требуется большое умственное напряженіе, чтобы постигнуть это число) должно было быть въ большомъ почетѣ у соларіевъ и его дѣйствительно всюду можно найти у нихъ: они имѣютъ трехъ предводителей, науки преподаются въ маленькихъ стихотвореніяхъ, состоящихъ каждое изъ трехъ стиховъ; эти стихотворенія написаны на стѣнахъ города и храма. Трехъ лѣтъ дѣти приступаютъ къ изученію алфавита и т. д.

Соларіи безусловно вѣрятъ въ астрологію, у нихъ имѣются священники, исключительно занятые наблюденіями надъ свѣтилами; и эти наблюденія даютъ имъ возможность предсказывать будущее, лѣчить больныхъ, возвращать молодость семидесятилѣтнимъ старцамъ и т. д. Въ послѣднемъ счетѣ соларіи управляются небесными свѣтилами, которыхъ вопрошаютъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ, даже въ самыхъ незначительныхъ случаяхъ, какъ напр., при падежѣ лошадей, при выборѣ ремесла и т. д.

Они поклоняются солнцу, образу Божьему,—оно сотворило все, что живетъ и дышетъ на землѣ; «оно—отецъ, а земля—мать». Всѣ народы почитали солнце, какъ Бога; множество слѣдовъ этого культа можно найти и въ христіанствѣ. Если Кампанелла ошибался въ этомъ отношеніи, то онъ ошибался въ многочисленной компаніи: тѣ же, которые позволили себѣ смѣяться надъ его Утопіей, порицая его астрологическія и мистическія воззрѣнія съ высоты своей школьной премудрости, доказали, только то, что они не знаютъ исторіи человѣческаго духа.

* * *

Городъ солнца „не есть республика, но онъ и не монархія“, такъ какъ свѣтская и духовная власть главы государства—Hoh никакому контролю не подчинена, но, съ другой стороны, не передается по наслѣдству,—эта должность выборная. Hoh—это своего рода папа; въ Каббалѣ

чистое бытіе называется En Soph; это—названіе и имя главы государства «Города солнца» имѣютъ извѣстное звуковое сходство; возможно, что здѣсь вложенъ какой-то скрытый смыслъ, особенной важности. Во всякомъ случаѣ Hoh, имя котораго означаетъ метафизику, обладалъ всей совокупностью знаній и добродѣтелей соларіевъ, подобно тому, какъ чистое бытіе полностью содержитъ всѣ тѣ качества, которыми человѣкъ обладаетъ лишь въ малыхъ частицахъ.

Знанія, составлявшія необходимое условіе на избраніе въ должность Hoh, носили энциклопедическій характеръ; Hoh долженъ былъ знать исторію всѣхъ народовъ, ихъ нравы, обычаи, религіозные обряды, далѣе онъ долженъ былъ основательно знать математику, абстрактныя науки, физику, главнымъ образомъ астрологію, и—что особенно замѣчательно для олицетворявшаго метафизику существа—онъ долженъ былъ понимать всѣ отрасли труда. Кампанелла—первый мыслитель, отводившій физическому труду такое высокое мѣсто. Столь же свободенъ отъ предразсудковъ онъ и по отношенію къ медицинѣ. Врачи и хирурги его эпохи считали ниже своего достоинства изучать анатомію, ибо это было достаточно почетнымъ ремесломъ только для цирульниковъ; даже Парацельзусъ, возставшій противъ всей медицины своего времени, раздѣлялъ это презрѣніе къ анатоміи. Между тѣмъ Кампанелла, этотъ монахъ-мистикъ, этотъ мечтатель, проведшій всю свою жизнь въ монастырѣ и въ заключеніи, имѣлъ такое ясное представленіе о значеніи анатоміи, что его соларіи изучали человѣческій организмъ, анатомируя трупы казненныхъ.

Путешественникъ, повѣствующій о чудесахъ «Города Солнца», понимаетъ, что слушатели его могутъ удивиться тому, какъ совмѣщаются въ одномъ человѣкѣ всѣ тѣ огромныя теоретическія и техническія знанія, какія необходимы для избранія на должность Hoh. Поэтому онъ прибавляетъ, что соларіи, «для которыхъ Аристотель только логикъ, а не философъ», презираютъ пустую схоластическую болтовню; что они изучаютъ науки не по книгамъ, а путемъ изслѣдованій природы; что ихъ городъ представляетъ собой большой музей, стѣны котораго покрыты геометрическими чертежами, картами звѣзднаго неба, изображеніями животныхъ и растеній, а подъ каждымъ такимъ изображеніемъ написана въ трехъ маленькихъ легко запоминающихся стихахъ объясненіе предмета; что, наконецъ, тамъ, гдѣ есть возможность, демонстрируется для большей наглядности самый предметъ, животное или растеніе. Даже алфавитъ разрисованъ на стѣнахъ такъ, что всѣ маленькія дѣти научаются распознавать буквы во время игры въ галлереяхъ. Благодаря такому методу преподаванія, соларіи за одинъ годъ пріобрѣтаютъ столько знаній, сколько

въ европейскихъ школахъ, „гдѣ лишь рабски заучиваются слова наизусть“, пріобрѣтается лишь за десять лѣтъ.

Три главы, также избираемые, управляютъ городомъ подъ верховнымъ надзоромъ Hoh; они соотвѣтствуютъ тремъ основнымъ свойствамъ чистаго бытія, имена которыхъ они и носятъ; эти имена—могущество, мудрость и любовь. Дѣло могущества—война и военное искусство; на обязанности мудрости и ея тринадцати ученыхъ, изъ которыхъ перваго зовутъ астрологомъ, лежитъ забота о научномъ и техническомъ воспитаніи. Любовь заботится обо всемъ, что касается сохраненія и продолженія рода соларіевъ. Она соединяетъ людей и случаетъ животныхъ, чтобы получить красивое потомство. Соларіи, хорошо знающіе наши нравы и обычаи, „смѣются надъ нами, что мы такъ много труда тратимъ на облагораживаніе породы нашихъ собакъ и лошадей и нисколько не думаемъ объ усовершенствованіи человѣческой расы“. Ничего не оставляется на волю случая: любовь устанавливаетъ время посѣва и жатвы, слѣдитъ за разведеніемъ скота, за приготовленіемъ и качествомъ пищевыхъ продуктовъ, за качествомъ одежды, за воспитаніемъ дѣтей и половыми отношеніями. Все предусмотрѣно.

Эти три помощника Hoh обладаютъ не только научными и художественными знаніями, въ предѣлахъ своей спеціальной дѣятельности, но знаютъ также принципы, общіе всѣмъ наукамъ и искусствамъ.

Hoh и три его помощника завѣдуютъ всѣми дѣлами и управляютъ людьми, „пороки которыхъ могутъ быть предупреждены искуснымъ управленіемъ“. Они распредѣляютъ награды и назначаютъ наказанія. Храбрые воины награждаются вѣнками и на нѣсколько дней освобождаются отъ военной службы, тогда какъ бѣжавшіе съ поля битвы приговариваются къ смерти, какъ у германцевъ Тацита, если только все войско не проситъ объ ихъ помилованіи; не оказавшіе помощи другу или союзнику во время опасности прогоняются сквозь строй; солдатъ, неповиновавшійся во время сраженія приказу начальника, отдается на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ.

Проступки и преступленія невоенныхъ подлежатъ суду цеховъ; виновные наказываются мастерами своихъ цеховъ; наказаніями служатъ: изгнаніе, розги, порицаніе, недопущеніе къ общему столу и къ религіознымъ празднествамъ и лишеніе сношеній съ женщинами. Право возмездія проникаетъ все правосудіе соларіевъ; убійство наказывается смертью и т. д. по принципу „око за око, зубъ за зубъ“. Тюремъ однако не существуетъ и всѣ дѣла рѣшаются очень быстро; судъ выслушиваетъ обвинителей и свидѣтелей и на основаніи ихъ показаній выноситъ приговоръ. Такъ какъ въ коммунистическомъ государствѣ палачу не можетъ быть мѣста, то приговоръ приводится въ исполненіе всѣмъ народомъ, камнями забрасы-

вающимъ осужденнаго; первый камень бросаетъ обвинитель. Это справедливое, но жестокое, напоминающее варваровъ, правосудіе смягчается однимъ условіемъ, а именно, осужденный долженъ признать, что кара имъ заслужена, иначе онъ ей не подвергается. Вина искупается сознаніемъ, какъ въ монастырѣ исповѣдью; исповѣдь іерархическая; когда всѣ исповѣди доходятъ до Hoh, то онъ въ свою очередь исповѣдуетъ ихъ Богу и испрашиваетъ прощеніе грѣхамъ всего народа. Онъ предлагаетъ Богу человѣческую жертву, но жертва должна быть добровольной. Каждый годъ Hoh спрашиваетъ собравшійся народъ, кто хочетъ быть козломъ отпущенія и для блага своихъ согражданъ принести себя въ жертву; но жертва не умерщвляется, а замыкается въ башню, гдѣ она получаетъ ровно столько пищи, чтобы не умереть съ голоду, а затѣмъ по истеченіи двадцати или тридцати дней, когда грѣхи считаются искупленными, принесенный въ жертву дѣлается священникомъ и никогда болѣе не возвращается къ своимъ собратьямъ,—онъ посвященъ Богу. Человѣкъ всегда носитъ печать своей среды. Этотъ смѣлый умъ, воспитавшійся на изученіи языческой исторіи и варварскихъ нравовъ, все-таки не могъ освободиться отъ монашескихъ привычекъ. Привычки эти преслѣдовали его; давая совѣты испанскому королю, онъ постоянно обращаетъ его вниманіе на монашескія общежитія, считая ихъ повидимому первыми грубыми зачатками той коммунистической организаціи, которая, по его мнѣнію, должна была обезпечить счастье человѣчеству.

* * *

Соларіи находятъ, что дитя принадлежитъ обществу. «Они отрицаютъ за мужчиною право распоряжаться своимъ ребенкомъ, своей женой и своимъ домомъ, какъ будто они были бы ихъ собственностью. По ихъ мнѣнію, дѣти должны быть воспитаны для сохраненія рода, а не для удовольствія отдѣльнаго лица; такого же мнѣнія придерживается и св. Ѳома. Поэтому они воспитываютъ дѣтей съ точки зрѣнія интересовъ общества, а не индивидуума, поскольку послѣдній не является составной частью общества».

Въ «Городѣ солнца» возстановлены нравы и обычаи спартанцевъ. Воспитаніе дѣтей начинается, такъ сказать, съ самаго рожденія, болѣе того, еще до ихъ зачатія. Для продолженія рода выбираются самыя красивыя женщины; подборъ паръ производится по философскимъ правиламъ. Соларіи увѣряютъ, что имъ нѣтъ надобности прибѣгать къ хитростямъ, практикуемымъ властями платоновской республики при распредѣленіи женщинъ. Платонъ это рекомендуетъ, чтобы не возбуждать ревности,

соларіямъ же ея нечего бояться, такъ какъ страсти любви замѣняются у нихъ дружбой. Шарль Фурье также думалъ, что въ его фаланстерѣ чувство любви ослабѣетъ, по краней мѣрѣ, то чувство, которое христіанскіе народы называютъ любовью, ибо отъ начала развитія человѣчества до среднихъ вѣковъ любовь имѣла совсѣмъ другой характеръ. Соларіи утверждаютъ, что препятствіемъ къ развитію любви исключительно къ одной женщинѣ служатъ у нихъ то обстоятельство, что всѣ женщины одинаково красивы. Тѣлесныя упражненія, къ которымъ они пріучаются съ самаго дѣтства, даютъ имъ здоровый цвѣтъ лица, крѣпкое, сильное и гибкое тѣло; а подъ красотой они и понимаютъ силу и гармоническую пропорціональность частей тѣла. Они любятъ женщину, какъ она есть отъ природы, а не искусственно разукрашенную; если бы какая нибудь женщина Города солнца вздумала нарумяниться, разукрасить себя, носить высокіе каблуки, чтобы сдѣлаться выше, то она была бы мучительно наказана. Впрочемъ, судьямъ никогда не приходиться назначать такихъ наказаній, такъ какъ ни одной женщинѣ не придетъ въ голову разукрасить себя искусственными средствами, а еслибы у нихъ такое желаніе и появилось, то не было бы возможности удовлетворить его. Кампанелла, сочувственно относящійся къ влюбленнымъ, прибавляетъ, что если кто-нибудь тѣмъ не менѣе страдалъ бы слѣпой, исключительной любовью къ одной какой нибудь женщинѣ, то ему разрѣшили бы проводить съ нею время, но не производить потомства, еслибы отъ этого пострадала порода. Такого рода половыя отношенія, въ качествѣ правомѣрныхъ учрежденій, покажутся верхомъ безнравственности филистерамъ обоихъ половъ, знающихъ любовь изъ чтенія романовъ и изъ посѣщенія театровъ, но вступающихъ въ бракъ лишь по расчету и развлекающихся проституціей отъ скучной семейной любви; можно подумать, что Кампанелла, предугадывалъ, какой скандалъ онъ вызоветъ своими взглядами, когда писалъ въ сонетѣ къ Купидону:

«Уже три тысячи лѣтъ люди поклоняются слѣпой любви, имѣющей крылья и колчанъ. Эта любовь стала глухой и безжалостной;

«...Она жадна къ деньгамъ, она облачается въ мрачныя одежды, она не есть болѣе нагое, прямодушное и честное дитя, а хитрый старецъ, переставшій пользоваться стрѣлами съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтенъ порохъ».

Все населеніе государства считаетъ себя членами единой семьи, ровесники называютъ другъ друга братьями и сестрами, а тѣхъ, которые старше ихъ на 22 года, они называютъ отцомъ и матерью, и дѣтьми тѣхъ, которые моложе ихъ на 22 года. Это раздѣленіе всего народа на поколѣнія, упоминаемое и Платономъ, вовсе не плодъ фантазіи, такъ какъ оно встрѣчается у австралійскихъ дикарей и, повидимому, греческій философъ, какъ

и Кампанелла заимствовалъ этотъ фактъ изъ разсказовъ путешественниковъ.

Женщина «Города солнца» въ періодѣ беременности живетъ среди статуй героевъ, чтобы вдохновиться совершенствомъ ихъ формъ; это дѣлали и аѳинянки. Художественному воздѣйствію на воображеніе придаютъ такое значеніе, что породистыхъ животныхъ окружаютъ красивыми изображеніями быковъ, лошадей, собакъ и другихъ животныхъ. Женщины кормятъ своихъ дѣтей грудью, какъ у дикарей, втеченіе двухъ лѣтъ и еще дольше, если врачъ считаетъ нужнымъ.

Начиная съ трехлѣтняго возраста, дѣтей обучаютъ азбукѣ; дѣти для для этой цѣли играютъ въ галлереяхъ, стѣны которыхъ разрисованы алфавитомъ; съ шести лѣтъ ихъ учатъ естественнымъ и прикладнымъ наукамъ; при этомъ стараются придать ученію характеръ игры. Несмотря на неуважительное отношеніе къ Аристотелю, соларіи все же пользуются методомъ перипатетиковъ, давая уроки на прогулкахъ. Занятія продолжаются не болѣе четырехъ часовъ ежедневно и ведутся четырьмя различными учителями, чтобы поддержать вниманіе дѣтей. Они учатся всѣмъ наукамъ, «и тотъ, кто знаетъ лишь одну науку и знанія свои почерпнулъ только изъ книгъ, считается невѣждой и глупцомъ».

Чтобы связать теорію съ практикой, они держатъ дѣтей въ постоянномъ общеніи съ природой, уча ихъ минералогіи, ботаникѣ, земледѣлію и скотоводству, пріучая къ лишеніямъ, дѣлая ихъ крѣпкими и ловкими. Дѣти ходятъ босикомъ и съ непокрытой головой, купаются въ рѣкахъ; дѣвочки, какъ и мальчики, много охотятся, чтобы подготовить себя къ войнѣ. Они не играютъ въ кости, въ шахматы, вообще въ такія игры, при которыхъ приходится сидѣть; всѣ игры вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлесныя упражненія. «Чтобы дать дѣтямъ полное техническое образованіе и возможность сознательно выбрать себѣ ремесло, они ихъ посылаютъ въ кухни, сапожныя, слесарныя и столярныя мастерскія». Каждый соларій долженъ знать нѣсколько ремеслъ, не передаваемыхъ по наслѣдству; еще Платонъ высказался противъ того, чтобы приковать какую-нибудь семью на протяженіи нѣсколькихъ слѣдующихъ одинъ за другимъ поколѣній, къ опредѣленному ремеслу, какъ это происходило въ древности и въ средніе вѣка.

Чѣмъ больше различныхъ ремеслъ знаетъ какой-нибудь соларій, тѣмъ больше его уважаютъ. «Они смѣются надъ нами за то, что мы считаемъ нашихъ рабочихъ низшими людьми и благородными тѣхъ, которые ничего не умѣютъ дѣлать и все-таки хорошо живутъ. И это они объясняютъ тѣмъ, что мы имѣемъ рабовъ, удовлетворяющихъ всѣмъ нашимъ потребностямъ и заботящихся о нашихъ удовольствіяхъ. Такимъ образомъ, какъ бы нарочно создаемъ себѣ лѣнтяевъ и злодѣевъ, приносящихъ обществу погибель».

Всѣ дѣти воспитываются въ одинаковыхъ условіяхъ, и неравенство, обнаруживающееся въ ихъ духовныхъ и физическихъ способностяхъ, происходитъ не отъ различія въ воспитаніи, какъ у европейцевъ, а отъ естественныхъ различій. Соларіи стремятся использовать каждаго соотвѣтственно его духовнымъ и физическимъ способностямъ: мало способные къ умственнымъ занятіямъ предназначаются преимущественно на сельскія работы; калѣки и уроды также имѣютъ занятіе: хромые служатъ надзирателями, слѣпые расчесываютъ шерсть и т. д. «Нѣтъ такого физическаго недостатка, кромѣ глубокой старости, который помѣшалъ бы работать на пользу общества».

Всякая работа полезна и благородна, «соларій не можетъ себѣ представить, чтобы прислуживаніе у стола, приготовленіе кушаній или обработываніе земли кого-нибудь безчестило. Всякій трудъ для нихъ упражненіе; они того мнѣнія, что выполнять полезную работу не менѣе почетно, чѣмъ ходить своими ногами, смотрѣть своими глазами, говорить своимъ голосомъ, словомъ, чѣмъ отправлять всякую, безразлично какую, естественную функцію... Они усердно стараются выполнить данную работу, и хорошо ее сдѣлать—есть дѣло ихъ чести. Производство такъ хорошо урегулировано, что каждый здоровый человѣкъ не долженъ работать больше *четырехъ часовъ* въ день: остальное время посвящается отдыху, научнымъ занятіямъ и развлеченіямъ. Самыя трудныя и опасныя работы считаются самыми почетными».

Сельскій трудъ считается праздникомъ: въ опредѣленные дни соларіи, вооружившись, идутъ изъ города большими толпами съ развѣвающимися знаменами и музыкой впереди, идутъ работать, сѣять и жать. Въ Перу—прежде чѣмъ христіанскіе варвары пришли изъ Европы, чтобы разрушить замѣчательное коммунистическое царство инковъ—одна треть годной для обработки земли принадлежала ихъ Богу, солнцу; полученныя съ этой земли жатвы, за исключеніемъ того, что шло на потребности культа, раздѣлялись между семьями; эти земли обрабатывались всѣмъ населеніемъ, празднично одѣтымъ, съ пѣніемъ гимновъ въ честь инковъ. Повидимому, Кампанелла зналъ объ этой замѣчательной странѣ, открытой вначалѣ XVI столѣтія. Возможно, что знакомству съ нею онъ обязанъ нѣкоторыми подробностями своей Утопіи, можетъ быть онъ позаимствовалъ оттуда имя своего государства. Различныя обстоятельства указываютъ на то, что онъ хорошо знакомъ съ нравами и обычаями племенъ этихъ новыхъ земель; напр., до посѣва дикарь устраняетъ съ поля всякія нечистоты, которыя, по его мнѣнію, могутъ испортить посѣвъ; соларіи поступаютъ точно также. «Они никогда не удобряютъ своихъ полей, ибо они думаютъ, что удобренныя поля даютъ плохіе плоды, недостаточное и неудовлетворительное питаніе,

подобно тому, какъ женщины, украшающія себя румянами и бездѣльемъ, рожаютъ болѣзненныхъ дѣтей».

Соларіи пользуются машинами при сельскихъ работахъ. Между прочимъ, у нихъ имѣется повозка подъ парусами, которая извѣстнымъ движеніемъ колесъ можетъ идти впередъ противъ вѣтра. У нихъ еще имѣются корабли, снабженные такимъ остроумнымъ механизмомъ, что двигаются безъ руля и парусовъ.

* * *

Соларіи живутъ вмѣстѣ; они спятъ въ большихъ спальняхъ и ѣдятъ въ большихъ столовыхъ,—мужчины по одной, женщины по другой сторонѣ комнаты; у стола прислуживаютъ молодые люди моложе двадцати лѣтъ. Пищу принимаютъ молча; во время ѣды кто-нибудь изъ молодыхъ людей читаетъ что-нибудь вслухъ, поетъ или играетъ на музыкальныхъ инструментахъ. Врачи регулируютъ питаніе, сообразуясь съ возрастомъ и временемъ года; пища очень разнообразная. Они хотѣли было устроить вегетаріанскій столъ, но убѣдились, что къ овощамъ необходимо присоединить мясо. Въ зависимости отъ возраста, пища принимается рѣже или чаще: взрослые ѣдятъ два раза, старики три, дѣти четыре раза въ день; съ десяти лѣтъ дѣти пьютъ разбавленное водой вино; старики пьютъ чистое вино.

Соларіи удивительно чистоплотны; въ самомъ дѣлѣ, у нихъ достаточно времени, чтобы заниматься уходомъ за своимъ тѣломъ; они часто купаются, часто мѣняютъ бѣлье, которое чистится въ водѣ, «профильтрованной чрезъ сосуды, наполненные пескомъ». Они употребляютъ много благоухающихъ эссенцій, умащаютъ свое тѣло масломъ и ароматными растеніями и каждое утро жуютъ укропъ, тминъ и петрушку, чтобы сдѣлать свое дыханіе пріятнымъ.

Мужчины и женщины носятъ одинаковую, «приспособленную къ военной жизни» одежду, съ той только разницей, что туника у мужчинъ кончается до колѣнъ, у женщинъ—немного ниже. Соларіи ввели равенство половъ, уничтожившее неравенство, поддерживавшееся втеченіе цѣлыхъ столѣтій различіемъ занятій, общественныхъ и домашнихъ обязанностей, одежды, нравовъ и обычаевъ. Они ненавидятъ «также, какъ навозъ, черный цвѣтъ, любимый цвѣтъ японцевъ»; въ предѣлахъ своего государства они носятъ одежду бѣлаго цвѣта, заграницей—краснаго [1]). Одежда изготовляется изъ

[1]) Цвѣтъ одежды имѣлъ значеніе для Кампанеллы, онъ служилъ ему символомъ. Въ одномъ стихотвореніи онъ говоритъ:

„Для нашего вѣка подходитъ траурная одежда. Это столѣтіе стыдится веселыхъ красокъ, ибо оно плачетъ о своемъ концѣ, о тираніи, которое

шерсти и шелка. Марко Поло разсказываетъ, что китайскіе татары одѣваютъ въ свой Новый Годъ бѣлую одежду въ знакъ счастья; бѣлый конь былъ эмблемой доминиканскаго ордена, къ которому принадлежалъ Кампанелла, позаимствовавшій различныя подробности изъ разсказовъ венеціанскаго искателя приключеній; планъ его города напоминаетъ китайскій императорскій дворецъ въ Пекинѣ, который по татарски называется Камбалукомъ.

Комфортабельная, гигіеническая, наполненная физическимъ и духовнымъ трудомъ и удовольствіями жизнь, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ и вообще безъ какого бы то ни было безпокойства, дѣлаетъ соларіевъ крѣпкими и здоровыми. Они страдаютъ лишь единственной болѣзнью, эпилепсіей—«болѣзнью выдающихся людей: Геракла, Скота, Сократа, Калимаха, Магомета», ее излѣчиваютъ молитвами и соотвѣтствующими тѣлесными упражненіями. Ихъ искусство врачеванія столь же оригинально, какъ и просто: предписываются главнымъ образомъ ванны изъ молока и вина, деревенская жизнь, умѣренное, но постепенно усиливающееся движеніе, музыка и танцы. Еще до соларіевъ спартанскія женщины мыли своихъ новорожденныхъ въ винѣ, чтобы сдѣлать ихъ крѣпкими; Демокритъ, по разсказамъ, лѣчилъ ревматизмъ и болѣзнь почекъ звуками флейты.

* * *

Предоставляя воспитаніе и содержаніе дѣтей обществу, соларіи препятствуютъ образованію обособленныхъ фамилій. Они дѣлаютъ это съ цѣлью поддержать общность имуществъ, «ибо частная собственность поддерживается и увеличивается тѣмъ, что каждый изъ насъ имѣетъ свой домъ, жену и дѣтей». Кромѣ того, «всѣ вещи составляютъ общую собственность и распредѣляются властями. Искусства, почетныя должности, удовольствія доступны всѣмъ, все вообще такъ устроено, что никто не можетъ взять себѣ что-нибудь исключительно для себя самого». Хотя они не поклоняются Богу католиковъ, но они все же читаютъ писанія отцовъ церкви и охотно ихъ цитируютъ въ защиту своихъ коммунистическихъ обычаевъ. Они напоминаютъ, что, по разсказу Тертуліана, первые христіане имѣли все общее и что св. Климентій «въ согласіи съ ученіемъ апосто-

---

его наполняло, объ оковахъ, западняхъ, свинцовыхъ пуляхъ, сѣтяхъ кровожадныхъ героевъ и объ огорченныхъ душахъ праведниковъ.

„...Этотъ цвѣтъ есть символъ дошедшей до крайности глупости, дѣлающей насъ слѣпыми, мрачными и злыми.

„...Я предвижу то время, когда люди снова будутъ употреблять бѣлую тунику; это будетъ тогда, когда божественная воля подниметъ насъ изъ нашей трясины».

ловъ и Платона думалъ, что общность женъ должна быть введена, какъ и общность имуществъ».

Соларіи знаютъ доводы противъ коммунизма, передающіеся изъ рода въ родъ защитниками частной собственности, со временъ греко-римскаго міра. Эти доводы вызываютъ у нихъ лишь улыбку состраданія. Аристотелю, возражавшему Платону, что въ его коммунистическомъ обществѣ никто не захочетъ работать и всѣ захотятъ жить чужимъ трудомъ—въ наше время такими аргументами пользуются капиталисты и ихъ сикофанты—они отвѣчаютъ указаніемъ на свое государство, жители котораго преданы ему болѣе, чѣмъ римляне когда-либо были преданы своему отечеству.

Св. Августинъ утверждалъ, что въ коммунистическомъ обществѣ дружба не можетъ существовать, такъ какъ друзья никакихъ выгодъ другъ другу не смогутъ дать. Этотъ святой, считавшій рабство божественнымъ учрежденіемъ, подобно тому, какъ Аристотель считалъ его естественнымъ закономъ, имѣлъ весьма жалкое представленіе о дружбѣ, которая, по его мнѣнію, покоится лишь на взаимной выгодѣ; это мнѣніе настоящаго христіанина. Одинъ изъ ученыхъ юристовъ, посланный его католическимъ величествомъ въ Перу для защиты интересовъ испанской короны противъ дикихъ цивилизаторовъ, опустошавшихъ королевство инковъ, Поло Ондегардо, самъ констатируетъ, «что тамъ нѣтъ ни одного бѣднаго, терпящаго нужду индѣйца» и, тѣмъ не менѣе, приписываетъ дьяволу изобрѣтеніе коммунистической организаціи съ цѣлью ожесточить сердца дѣтей, освобождая ихъ отъ обязанности поддерживать своихъ престарѣлыхъ и нуждающихся родителей, и искоренить христіанскую любовь къ ближнему, лишая богатыхъ возможности творить милостыню. Но соларіи имѣютъ гораздо болѣе высокое представленіе о дружбѣ, чѣмъ святой Августинъ. Дружба, по ихъ мнѣнію, покоится не на корыстныхъ побужденіяхъ, а на общихъ военныхъ опасностяхъ, на совмѣстно испытанныхъ наслажденіяхъ искусствами, научными изслѣдованіями и играми, какъ и на состраданіи къ чужому горю и страданіямъ.

Далекіе отъ мысли, что людей можетъ связывать одна лишь корысть, они стараются помѣшать тому, чтобы кто-нибудь зависѣлъ отъ другого или извлекалъ изъ него какую-нибудь пользу. Всѣ соларіи получаютъ отъ общества все, что имъ нужно: власти, распредѣляющія продукты, заботятся о томъ, чтобы никто не получалъ свыше своихъ потребностей. Никому не отказывается въ томъ, что ему нужно. «Они богаты, потому что они ни въ чемъ не нуждаются, и въ то же время бѣдны, потому что никакой собственности не имѣютъ: слѣдовательно, они не рабы обстоятельствъ, а, наоборотъ, обстоятельства служатъ имъ».

Такъ какъ они не имѣютъ частной собственности, то имъ не нужно

ни денегъ, ни торговли, но они покупаютъ у другихъ націй тѣ предметы, которыхъ сами не производятъ. «Но такъ какъ они остерегаются порочныхъ привычекъ купцовъ, то они ведутъ съ ними торговлю только въ портахъ своего государства».

Тѣмъ не менѣе они очень гостепріимны. «Они вѣжливы и добры по отношенію къ посѣщающимъ ихъ чужестранцамъ, и содержатъ ихъ насчетъ государства. Пріѣзжимъ прежде всего моютъ ноги, послѣ чего имъ показываютъ городъ. Имъ отводятъ почетное мѣсто въ совѣтѣ и у общаго стола, выбираютъ особыхъ лицъ для того, чтобы имъ услуживать. Если чужестранецъ хочетъ принять у нихъ гражданство, то они его усыновляютъ, подвергнувши предварительно двухмѣсячному испытанію, — одинъ мѣсяцъ проводится въ деревнѣ, другой въ городѣ.

«Городъ солнца» открытъ для всѣхъ, и Кампанелла приглашаетъ всѣ народы земного шара сообща заняться всѣмъ тѣмъ, что служитъ матеріальному, духовному и нравственному развитію человѣчества, чтобы «золотой вѣкъ снова наступилъ».

Поль Лафаргъ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Коммунистическія и демократически-соціалистическія теченія въ англійской революціи XVII столѣтія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Англія совершила свою буржуазную революцію противъ абсолютной монархіи на полтора столѣтія раньше Франціи и при условіяхъ, значительно разнящихся отъ тѣхъ, при которыхъ протекала Великая французская революція. Тѣмъ не менѣе, общая ситуація и процессъ развитія обѣихъ революцій представляютъ явную аналогію. Въ статьѣ о прусской мартовской революціи, обнародованной въ «Новой Рейнской Газетѣ» въ декабрѣ 1848 года, Карлъ Марксъ проводитъ слѣдующую параллель между англійской революціей XVII вѣка и французской революціей XVIII вѣка:

«Въ 1648 г. (т. е. въ тотъ годъ англійской революціи, когда партія

индепендентовъ (независимыхъ) достигла власти. Э. Б.) буржуазія заключила союзъ съ новымъ дворянствомъ противъ короля, феодализма и господствующей церкви. Въ 1789 г. буржуазія заключила союзъ съ народомъ противъ короля, дворянства и господствующей церкви.

„Революція 1789 г. имѣла уже прообразомъ (по крайней мѣрѣ въ Европѣ) лишь революцію 1648 г., революція 1648 г.—лишь возстаніе нидерландцевъ противъ Испаніи. Обѣ революціи ушли впередъ противъ своихъ прообразовъ на цѣлое столѣтіе не только во времени, но и по содержанію.

«Въ обѣихъ революціяхъ буржуазія явилась тѣмъ классомъ, который *дѣйствительно* стоялъ во главѣ движенія. Пролетаріатъ и не примыкавшія къ буржуазіи группы мѣщанства либо не имѣли собственныхъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ буржуазіи, либо не составляли еще *самостоятельныхъ* классовъ, ни даже подклассовъ. Поэтому, даже тамъ, гдѣ они выступаютъ противъ буржуазіи, какъ напримѣръ въ 1793—1794 г. во Франціи, они все же борятся въ интересахъ буржуазіи, хотя и *иными средствами*. Весь французскій терроръ былъ ничѣмъ инымъ, какъ плебейскимъ средствомъ борьбы съ врагами буржуазіи,—съ абсолютизмомъ, феодализмомъ и мѣщанствомъ.

«Революціи 1648 г. и 1789 г. не были революціями только англійской или французской: то были революціи европейскія. То не была побѣда *опредѣленнаго общественнаго класса* надъ старымъ политическимъ строемъ; то было лишь *провозглашеніе политическаго строя* для новаго европейскаго *общества*. Правда, въ этихъ революціяхъ побѣда досталась буржуазіи; но побѣда буржуазіи означала тогда *побѣду новаго общественнаго строя*, побѣду буржуазной собственности надъ феодальной, общенаціональной идеи надъ провинціализмомъ, свободной конкурренціи надъ цеховымъ духомъ, принципа дѣленія земельной собственностинадъ майоратомъ, господства собственника земли надъ господствомъ земли надъ собственникомъ, побѣдой просвѣщенія надъ суевѣріемъ, семьи надъ семейнымъ титуломъ, промышленности надъ героической лѣнью, буржуазнаго права надъ средневѣковыми привиллегіями», («Новая Рейнская Газета», 15-го декабря 1848 г.).

Само собою разумѣется, что въ отношеніи всего вышесказаннаго приходится принять во вниманіе различіе во времени обѣихъ революцій. Въ *общемъ* своемъ развитіи Англія временъ революціи отстала отъ Франціи 1789-го года ровно на сто лѣтъ, и вся ея соціальная группировка была существенно иная. Но разница между обѣими странами не во всѣхъ отношеніяхъ была одинаковая и не всегда носила характеръ отсталости въ развитіи. Англія сохранила лишь часть своего стариннаго феодальнаго

дворянства; владѣтельные титулы ея земельныхъ аристократовъ были новѣйшаго происхожденія, и крупные землевладѣльцы руководствовались при веденіи своего хозяйства преимущественно буржуазными принципами. Она обладала многочисленнымъ свободнымъ крестьянствомъ, и населеніе ея городовъ представляло собою значительную экономическую силу. Правда, это городское населеніе было еще въ значительной части пропитано цеховымъ духомъ, привычки его были грубы и умственный горизонтъ довольно ограниченъ, или во всякомъ случаѣ болѣе ограниченъ, чѣмъ у придворнаго общества. Но умственная ограниченность не мѣшаетъ рѣшительности дѣйствій и въ односторонности нерѣдко лежитъ секретъ политическаго успѣха; и наконецъ, буржуазія и обуржуазившіеся землевладѣльцы Англіи 17-го столѣтія имѣли дѣло съ королевствомъ, которое никогда не достигало такого блестящаго самодержавнаго режима, какого добились Бурбоны въ царствованіе Людовика XIV.

Въ другомъ мѣстѣ мы болѣе подробно остановимся на соціальномъ состояніи Англіи наканунѣ ея революціи. Несмотря на все различіе въ этомъ отношеніи между Англіей и Франціей, несмотря на разницу политическаго строя обѣихъ странъ въ началѣ ихъ революцій и различные исходные пункты послѣднихъ, можно провести полную аналогію, какъ въ отношеніи историческаго результата, такъ и въ отношеніи формъ движенія. До сихъ поръ оффиціальные англійскіе историки называли революцію 1648 г. «мятежомъ»,—въ противоложность «славной революціи» виговъ въ 1688 г.; но постепенно ея значеніе начинаетъ признаваться всѣми. Какъ и великая французская революція, это могучее народное движеніе въ Англіи выходитъ далеко за предѣлы первоначально поставленныхъ имъ себѣ цѣлей. Вдохновляемое скорѣе Ветхимъ Завѣтомъ, чѣмъ римской и греческой литературой, оно такъ же, какъ и французская революція, приводитъ къ гибели противящагося ей помазанника Божія и выдвигаетъ на авансцену одну за другой различныя политическія партіи и стоящіе за ними общественные классы, возлагая на нихъ, смотря по обстоятельствомъ, либо руководящую роль, либо роль двигательной силы.

Какъ и французская, эта англійская революція находитъ свое временное завершеніе въ реставраціи. Но опять же, какъ и во Франціи, реставрированная монархія оказывается и здѣсь не способной возстановить порядокъ вещей, господствовавшій до начала движенія; продолжающаяся революція завершается слабымъ отзвукомъ перваго возстанія,—упомянутой уже революціей виговъ въ 1688 г., которая «реставрируетъ» только то, что послужило исходнымъ пунктомъ предыдущаго движенія. Англійская революція имѣетъ своихъ жирондистовъ въ пресвитеріанахъ, своихъ якобинцевъ или „партію горы“ въ индепендентахъ, своихъ гебертистовъ

и бабувистовъ въ левеллерахъ. Кромвель олицетворялъ въ своемъ лицѣ Робеспьера и Бонапарта въ одно и то же время, Маратъ и Гебертъ сливались въ лицѣ левеллера Джона Лильбурна.

Всѣ эти сравненія приходится, понятно, принять лишь условно. Если, напримѣръ, индепенденты превосходили пресвитеріанъ въ революціонной энергіи, то въ отношеніи церкви они были децентралистами, въ то время, какъ пресвитеріане боролись за централизацію кальвинистской церкви. Левеллеры въ свою очередь лишь постольку могутъ быть сравниваемы съ гебертистами, поскольку они составляли партію, которая, не будучи никогда въ состояніи добиться власти, представляла собою наиболѣе радикальный элементъ: и этотъ радикализмъ, несмотря на коммунистическія тенденціи нѣкоторыхъ вождей, выливается практически лишь въ форму политическихъ требованій и остается, такимъ образомъ, офиціально чисто политическимъ. Лишь на высшей точкѣ своего развитія движеніе левеллеровъ выдѣляетъ дѣйствительно коммунистическую секту или группу „истинныхъ левеллеровъ“; эта секта не только дѣлаетъ оригинальную попытку организаціи коммунистической самопомощи, но оставляетъ намъ достопримѣчательный проектъ полнаго коммунистическаго переустройства, оставшійся повидимому совершенно неизвѣстнымъ историкамъ англійской революціи. Въ религіозномъ отношеніи большинство левеллеровъ мало чѣмъ отличается отъ массы индепендентовъ: и тѣ и другіе являются пуританами; но черезъ все движеніе левеллеровъ проходитъ черта, указывающая на сильное вліяніе анабаптистской пропаганды, а часть вожаковъ этого движенія рѣшительно придерживается даже атеистически-раціоналистическихъ воззрѣній. Если въ умственномъ отношеніи личность, вокругъ которой группировалось все движеніе левеллеровъ, значительно отставала отъ Марата, то въ смыслѣ могучаго демократическаго институтa, неустрашимости и безпощадной рѣзкости въ защитѣ плебейскихъ интересовъ, этотъ „свободно-рожденный Джонъ“—„freeborn John“,—какъ часто называетъ себя въ своихъ памфлетахъ Джонъ Лильбурнъ, вполнѣ можетъ быть названъ достойнымъ предшественникомъ „друга народа“—„Ami du Peuple“. Можно было бы сравнить его также и съ «Père Duchesne'емъ», но памфлеты Лильбурна никогда не носили того утрированно-вульгарнаго характера, какъ словоизліянія Геберта.

Тѣмъ не менѣе буржуазные историки долгое время относились къ Лильбурну нисколько не лучше, чѣмъ къ редактору «Père Duchesne'а». Карлейль всегда говоритъ о немъ, какъ о крикунѣ, накликающемъ одни лишь несчастія; даже Вильямъ Годвинъ, въ своей исторіи англійской республики, совершенно превратно судитъ о Лильбурнѣ, хотя отъ автора „Политической Справедливости“ можно было бы ожидать большаго пониманія такой

политической величины, какъ Лильбурнъ; тѣмъ болѣе, что преданность Лильбурна своимъ убѣжденіямъ и его выдающіяся способности вынужденъ признать и Годвинъ [1]). Но все же Годвинъ удѣляетъ дѣятельности Лильбурна и левеллеровъ по крайней мѣрѣ столько вниманія, что приблизительно вѣрно оцѣниваетъ вліяніе этой дѣятельности на развитіе политической борьбы до провозглашенія республики—„Commonwealth"; послѣ него историки собрали много матеріала и пролили свѣтъ на этотъ интересный эпизодъ революціи. Наиболѣе обстоятельное изложеніе этихъ событій мы встрѣчаемъ въ новѣйшемъ историческомъ изслѣдованіи той эпохи, въ превосходномъ трудѣ Самуила Равсона Гардинера „History of the Great Civil War". Но эта прекрасная книга излагаетъ событія лишь до начала 1649 года [2]) и не даетъ поэтому законченной картины движенія. Кромѣ того многое изъ наиболѣе характернаго для эпохи оставалось совершенно незамѣченнымъ авторомъ:—мы находимъ у него матеріалъ для оцѣнки значенія левеллеровъ, но не самое оцѣнку. Англійскій соціалистъ Г. Г. Спарлингъ избралъ движеніе левеллеровъ предметомъ тщательнаго изученія; недавно обнародованная имъ въ Лондонскомъ еженедѣльникѣ «Weekly Times and Echo» біографія Джона Лильбурна оказала намъ при настоящей работѣ большія услуги. Однако, Спарлингъ впадаетъ, повидимому, въ ту же ошибку, какъ и Карлейль: онъ идеализируетъ Лильбурна и чрезмѣрно унижаетъ его противника Кромвеля, видитъ въ Лильбурнѣ лишь хорошія стороны, а въ Кромвелѣ лишь карьериста или даже „великаго мошенника". Эта черезъ чуръ субъективная оцѣнка дѣйствующихъ лицъ сильно понижаетъ значеніе труда, за которымъ остается та великая заслуга, что онъ спасъ отъ почти полнаго забвенія или, вѣрнѣе, воскресилъ

[1]) Подобный же отзывъ, какъ Годвинъ, только еще болѣе образный, далъ о Лильбурнѣ біографъ Мильтона, Массонъ: «Въ общемъ я люблю его и радъ, что онъ принадлежитъ англійской исторіи, но думаю, однако, что онъ былъ оселъ" (Masson, Life of John Milton, IV, стр. 120). Массонъ предполагаетъ, что Мильтонъ, получившій 26-го марта 1649 г. порученіе отъ государственнаго совѣта написать опроверженіе на памфлетъ Лильбурна: „Новыя цѣли Англіи", умышленно откладывалъ выполненіе этого порученія до тѣхъ поръ, пока событія не сдѣлали его излишнимъ. Такого же мнѣнія придерживается и С. Р. Гардинеръ: «Онъ (Мильтонъ) питалъ, повидимому, слишкомъ много симпатіи къ лильбурновой проповѣди личной свободы, чтобы не уклониться отъ необходимости выступить противъ него". («History of the Commonwealth and the Protectorate, т. I, стр. 41) Подробнѣе о критикѣ Лильбурна въ главѣ 9.

[2]) Непосредственно передъ выходомъ настоящаго труда, появился первый томъ «History of the Commonwealth and the Protectorate» Гардинера, излагающій событія до конца 1651 года, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я могъ имъ воспользоваться.

*

изъ груды историческихъ сочиненій, очень мало проникающихъ въ народъ, одну изъ интереснѣйшихъ въ исторіи новѣйшаго народнаго движенія личностей. Но до сихъ поръ не было связной систематической исторіи всего движенія левеллеровъ и современныхъ или предшествовавшихъ ему движеній въ пользу низшихъ классовъ Англіи.

Матеріалъ для этой исторіи чрезвычайно разбросанъ и частью совершенно еще не использованъ. Отчасти, это объясняется тѣмъ, что движеніе того времени чаще всего выливалось въ религіозную форму; свѣтскіе и церковные историки были введены этимъ въ заблужденіе и смотрѣли на народныя движенія, какъ на разновидность религіозныхъ реформаціонныхъ теченій, осуждая ихъ, каждый съ своей точки зрѣнія. Эта религіозная оболочка мѣшала даже соціалистамъ понять корень даннаго движежненія. Они забыли, что одна и та же религіозная форма, въ различныя эпохи, пріобрѣтаетъ различное значеніе. Впрочемъ, мы будемъ имѣть возможность убѣдиться, какъ тонка была во многихъ случаяхъ эта оболочка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Англія до средины XVII столѣтія.

I. Экономическое и соціальное развитіе.

Англія въ 17-мъ столѣтіи была еще въ значительной степени страной земледѣльческой. Въ срединѣ столѣтія населеніе ея составляло приблизительно пять милліоновъ, изъ которыхъ три четверти занимались земледѣліемъ. Кромѣ Лондона, уже тогда достигшаго блестящаго расцвѣта, города Англіи были еще слабо населены. Весьма добросовѣстный изслѣдователь, Григорій Кингъ, писавшій въ концѣ 17-го вѣка, полагаетъ что населеніе Англіи въ ту эпоху составляло $5^1/_2$ милліоновъ, изъ которыхъ приходилось на:

Лондонъ.	530,000	жителей
Болѣе крупные города и торговыя мѣстечки	870,000	»
Деревни и села	4,100,000	»
Всего. .	5,500,000	жителей.

Подробное же цифровое отношеніе между Лондономъ и остальнымъ королевствомъ мы находимъ и у Вильяма Петти, въ опубликованномъ въ 1687 году Essays on Political Arithmetic». Петти считаетъ въ Лондонѣ и его предмѣстьяхъ 696,000 жителей, во всей Англіи и Уэльсѣ—7 милліоновъ. По его мнѣнію Лондонъ въ рединѣ 17-го столѣтія насчитывалъ около $^1/_2$ милліона жителей, и такъ какъ онъ зналъ Лондонъ временъ революціи, его оцѣнка должна быть приблизительно вѣрна. Петти называетъ Бристоль второй столицей Британіи, такъ какъ населеніе его составляло 48,000. И дѣйствительно Бристоль въ 17-мъ столѣтіи былъ уже значительнымъ портомъ. Онъ поддерживалъ морскую торговлю съ Испаніей и Португаліей и былъ центромъ шерстяной промышленности юго-западной Англіи. Съ Бристолемъ соперничалъ Норвичъ, центръ шерстяной промышленности восточныхъ графствъ. Изъ другихъ крупныхъ городовъ онъ называетъ Соутверкъ, къ югу отъ Лондона (теперь онъ составляетъ уже лишь часть послѣдняго), Глочестеръ, Экзетеръ, Ковентри, Честеръ, Соутгамптонъ, Гулль, Ньюкестль на Тайнѣ и Іоркъ.

Промышленность Англіи въ общемъ была еще тогда мало развита и во всѣхъ отрасляхъ отставала отъ промышленности континента. До 16-го столѣтія въ Англіи выдѣлывались лишь самые грубые сорта товаровъ, и лучшія произведенія промышленности получались изъ-за границы. Англія производила тончайшую шерсть, но обрабатывала только самые простые сорта, а лучшіе высылала на материкъ, особенно во Фландрію. Это положеніе вещей измѣнилось въ корнѣ лишь тогда, когда религіозныя войны и преслѣдованія въ Нидерландахъ загнали въ Англію цѣлыя толпы фламандскихъ ткачей. Съ ихъ появленіемъ во второй половинѣ 16-го вѣка начинается расцвѣтъ англійской шерстяной промышленности, которая вначалѣ имѣетъ центромъ Норфолькъ и нѣкоторыя прилегающія графства, а затѣмъ распространяется на западъ, гдѣ мы, ко времени разсматриваемой нами эпохи, видимъ ее уже достаточно развитой. Точно такъ же, появленіе въ 16-мъ вѣкѣ протестантскихъ эмигрантовъ изъ Нидерландовъ имѣло послѣдствіемъ выдѣлку шерстяной матеріи въ Англіи; первыми городами, гдѣ привился этотъ новый родъ промышленности, были Манчестеръ и Болтонъ въ Ланкаширскомъ графствѣ.

Лишь въ XVII столѣтіи началась (если не считать добычи олова) болѣе широкая эксплуатація минеральныхъ богатствъ Англіи, но въ то время она не достигла еще значительныхъ размѣровъ. Значеніе каменнаго угля для доменныхъ печей было только еще узнано, и прошли десятилѣтія прежде, чѣмъ Англія освободилась отъ необходимости удовлетворять требованіямъ угля изъ-за границы. Еще въ 1720 году Англія, согласно сообщенію Макферсона (Annals of Commerce, III, стр. 114) ввозила изъ-за границы

двѣ трети (20000 изъ 30000 тоннъ) потребляемаго ею необработаннаго желѣза.

По вычисленіямъ Григорія Кинга въ 1688 г. въ Англіи занимались

земледѣліемъ	4.265.000 лицъ
обрабатывающей промышленностью .	240.000 »
торговлей	246.000 »

Въ эту таблицу, естественно, не входитъ довольно значительная въ то время домашняя индустрія (производство для домашняго потребленія); кромѣ того таблица не отмѣчаетъ тѣхъ случаевъ, гдѣ ремесло и земледѣліе еще совпадаютъ, и не даетъ, такимъ образомъ, вѣрной картины состоянія промышленности. Но все таки эта таблица въ общемъ даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ мало еще къ концу XVII столѣтія индустрія дифференцировалась изъ элементарныхъ соединеній съ домашнимъ и сельскимъ хозяйствомъ; поэтому-то она и представляетъ извѣстный интересъ для сужденія о соціальномъ движеніи этой эпохи.

Живущее земледѣліемъ населеніе распадалось на слѣдующіе классы: крупное дворянство, сельскихъ «джентри» (мелкіе землевладѣльцы), мелкихъ крестьянъ, батраковъ и на общую массу бѣдныхъ («пауперовъ»). Крупный дворянинъ феодальнаго происхожденія освободился почти отъ всѣхъ феодальныхъ обязанностей и хозяйничалъ на своей землѣ, какъ свободный владѣлецъ, обрабатывая ее частью черезъ посредство управляющихъ, частью сдавая землю въ аренду. «Джентри» составляли средніе землевладѣльцы, потомки скупщиковъ раздробленныхъ феодальныхъ и монастырскихъ владѣній, разбогатѣвшіе арендаторы и т. п. Классъ крестьянства состоялъ отчасти изъ свободныхъ мелкихъ владѣльцевъ, отчасти изъ мелкихъ арендаторовъ; первые терпѣли отъ постоянныхъ захватовъ земли крупными землевладѣльцами, отъ расхищенія общинныхъ земель и т. п., а вторые отъ безконечнаго повышенія арендной платы со стороны жадныхъ сребролюбивыхъ лэндлордовъ.

Извѣстный историкъ-экономистъ, Торольдъ Роджерсъ [1]) пишетъ: «рента (арендная плата) въ XVII столѣтіи первоначально регулировалась свободной конкурренціей, но очень скоро она превратилась въ «голодную ренту»; подъ послѣдней я разумѣю такую ренту, которая не даетъ арендатору достаточныхъ средствъ къ существованію, такъ что онъ не въ состояніи ни откладывать сбереженій, ни вводить улучшеній». Далѣе Роджерсъ говоритъ: «но въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи, въ особенности въ восточныхъ графствахъ, на западѣ и на сѣверѣ, развилась побочная индустрія, до-

[1]) Th. Rogers, The Economic, Interpretation of History, London, Fisher Unwin, 1891, стр. 174.

статочно значительная для того, чтобы сдѣлать крестьянина-арендатора сравнительно равнодушнымъ къ возростанію арендной платы». Это было именно шерстяное и полотняное производство, которымъ занималось большинство крестьянскихъ семействъ цѣлыхъ областей. «Что касается шерстяного ткачества, то въ нѣкоторыхъ частяхъ Іоркшира и Ланкашира оно было такимъ побочнымъ промысломъ еще на памяти живущихъ поколѣній». (Ibid). Но Іоркширъ и Ланкаширъ въ 17 столѣтіи далеко не играли такой роли въ шерстяномъ производствѣ, какъ восточныя графства; здѣсь-то мы и должны искать сравнительно независимыхъ въ то время отъ лэндлордовъ мелкихъ арендаторовъ [1]).

Сельскіе рабочіе находились подъ опекой чудовищнаго рабочаго статута Елизаветы, который, какъ говоритъ Торольдъ Роджерсъ, преслѣдовалъ троякія тенденціи: «1) Уничтожить союзы рабочихъ. 2) Создать дѣйствительное орудіе надзора. 3) Сдѣлать сельскихъ батраковъ низшимъ слоемъ наемныхъ рабочихъ, при помощи ограниченія права ученичества въ индустріи, другими словами, сильно поднять предложеніе труда». (Ibid. стр. 40). Какъ извѣстно, рабочій статутъ требовалъ семилѣтняго ученичества въ индустріи, кромѣ того, купцамъ и мастерамъ нѣкоторыхъ профессій предписывалось принимать въ ученичество лишь сыновей земле-

---

[1]) Можетъ показаться страннымъ то обстоятельство, что, не смотря на начавшуюся въ 15 столѣтіи и продолжавшуюся въ 16-омъ капиталистическую эксплоатацію земли при помощи аренды, несмотря на массовое изгнаніе крестьянъ и превращеніе пахотной земли въ луга, Англія 17-го столѣтія все еще располагала громаднымъ контингентомъ мелкихъ крестьянъ и арендаторовъ. Однако, аграрная революція протекала далеко не безпрерывно и не безпрепятственно. Генрихъ VII и его наслѣдники издали цѣлый рядъ постановленій, стремившихся къ тому, чтобы сохранить сильный классъ крестьянъ, и хотя эти законы оказывались обыкновенно безсильными противъ земельной жадности крупной аристократіи, они все же нѣсколько замедляли процессъ экспропріаціи. Гораздо важнѣе другое обстоятельство, которое Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ считаетъ главной причиной даннаго явленія. „Англія“, говоритъ Марксъ, „попеременно является то страной по преимуществу земледѣльческой, то страной по преимуществу скотоводческой; и отъ этихъ колебаній, длящихся то болѣе полувѣка, то лишь нѣсколько десятилѣтій, зависитъ и размѣръ крестьянскаго землевладѣнія“. (Капиталъ, т. I, стр. 633, изд. Поповой). Въ эпоху религіозныхъ войнъ въ Нидерландахъ, напримѣръ, сбытъ туда шерсти изъ Англіи уменьшился, а съ нимъ вмѣстѣ сократилось и скотоводство. Съ другой стороны, въ это же самое время получило большое распространеніе въ деревняхъ ткачество въ видѣ домашняго производства, которое спасло, какъ мы видѣли, занимавшихся имъ мелкихъ арендаторовъ отъ раззоренія лэндлордами. За ткачествомъ позднѣе послѣдовали и другія отрасли мануфактуры.

дѣльцевъ, получавшихъ опредѣленный доходъ съ земли. Заработная плата для сельскихъ и промышленныхъ рабочихъ устанавливалась ежегодно на пасху мировыми судьями; почтенные «догбери» исполняли свои служебныя обязанности въ высшей степени добросовѣстно; Торольдъ Роджерсъ, просмотрѣвшій множество счетовъ, таксъ и т. п., утверждаетъ, что, не смотря на угрозу штрафовъ, дѣйствительная заработная плата всегда бывала выше, чѣмъ установленная судьями. Роджерсъ сравнивалъ назначенное судьями вознагражденіе и выплачиваемое въ дѣйствительности для восьми категорій рабочихъ—(5 категорій обученныхъ ремесленниковъ и 3 категоріи необученныхъ или чернорабочихъ)—за періодъ времени отъ 1593 г. до 1684 г.; сдѣланныя имъ вычисленія показали, что средняя плата, установленная судьями, равнялась 5-ти шиллингамъ и 1 пенсу въ недѣлю, средняя же фактическая плата была—6 шиллинговъ и 6 пенсовъ въ недѣлю, т. е. почти на 30% больше. «Наниматель былъ великодушнѣе судьи» (см. стр. 44). Бывало и такъ, что желѣзная необходимость заставляла нарушать бумажные законы [1]). Торольдъ Роджерсъ при-

[1]) Въ противоположность Роджерсу, В. Каннингамъ въ своемъ сочиненіи „The Growth of English Industry and Commerce“ (Cambridge 1890—92) утверждаетъ, что въ царствованіе Якова I рабочій статутъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что штрафы налагались лишь за уплату слишкомъ низкихъ цѣнъ, но ни въ коемъ случаѣ не высшихъ. Поэтому, поскольку на эту оффиціальную нормировку цѣнъ вообще обращали вниманіе, она едва ли оказывала вредное вліяніе въ смыслѣ пониженія заработной платы. Справедливо то, что рабочій статутъ отъ 1604 г. говоритъ о наказаніяхъ лишь для тѣхъ, кто платитъ „не столько“, сколько предписано закономъ. Но во введеніи къ закону ничего не говориться о томъ, что эта новая формулировка должна выражать новые принципы; наоборотъ, этотъ новый актъ преслѣдуетъ какъ будто одну лишь цѣль: распространить законъ Елизаветы и на суконщиковъ etc, и измѣнить правила, касающіяся процедуры установленія заработной платы. Въ общемъ же все содержаніе является сплошнымъ повтореніемъ прежнихъ постановленій, и поэтому можно предположить, что подъ словами „не столько“ составитель документа подразумѣвалъ „ни больше, ни меньше“. Впрочемъ, послѣ того, какъ гильды были упразднены, не стало инстанціи, которая считала бы себя обязанной слѣдить за тѣмъ, чтобы мастера по добровольному соглашенію не платили больше, чѣмъ предписано закономъ. Но тамъ, гдѣ высшія цѣны могутъ быть достигнуты при помощи тѣхъ или иныхъ комбинацій, можно было ссылаться на болѣе строгія наказанія.

По Каннигаму, поденная плата сельскаго рабочаго обыкновенно равнялась въ то время 6-ти пенсамъ лѣтомъ и 4-мъ пенсамъ зимою. Къ этому прибавлялись харчи три раза въ день, причемъ давалось масло, сыръ, яйца и ветчина. Если принять во вниманіе разницу въ покупательной силѣ денегъ и стоимости жизненныхъ припасовъ тогда и теперь, то придется признать, что въ то время сельскій батракъ находился въ гораздо лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ теперь.

водитъ еще одинъ фактъ изъ временъ практическаго примѣненія этого закона—(въ 18-мъ вѣкѣ, сдѣлавшись излишнимъ, онъ пересталъ уже примѣняться); это сообщеніе представляетъ особенный интересъ для разсматриваемаго нами явленія. Во время существованія *республики*,—«commonwealth», судейская такса указываетъ болѣе *высокія* цѣны, чѣмъ когда бы то ни было раньше или послѣ, при монархіи. Въ 1651 году такса ниже дѣйствительной платы лишь на $4^1/_4$ пенса, въ 1655 лишь на $2^1/_4$ пенса. Но какъ только монархія снова возрождается, судьи немедленно возвращаются къ старой практикѣ и сразу понижаютъ таксу на 3 шиллинга противъ дѣйствительно уплачиваемаго вознагражденія. «Пуритане, можетъ быть, и были строгими людьми, но у нихъ было извѣстное сознаніе долга. Кавалеры, можетъ быть, и были вѣжливы, но они, повидимому, не обладали никакой иной добродѣтелью, кромѣ той, которую они называли лойяльностью. Мнѣ кажется, если бы я въ XVII столѣтіи былъ деревенскимъ жителемъ, я предпочелъ бы пуританъ» (Роджерсъ, Ibid., стр. 45 [1]).

Въ общемъ, отношенія въ деревнѣ были не таковы, чтобы способствовать развитію сильнаго классоваго антагонизма между мелкимъ крестьянствомъ и сельскими батраками; оба класса,—если исключить сельскихъ пролетаріевъ, превратившихся въ бродягъ,—были слишкомъ близки другъ другу по образу жизни и по работѣ, чтобы между ними могли возникнуть конфликты болѣе глубокаго характера, кромѣ личнаго и случайнаго. Дѣйствительныя, иногда довольно ощутительныя, классовыя противорѣчія обнаруживались лишь между мелкими крестьянами, мелкими арендаторами и солидарными съ ними сельскими рабочими съ одной стороны и крупными землевладѣльцами съ другой, тѣмъ болѣе, что послѣдніе были большей частью новѣйшаго происхожденія.

Таково же было положеніе вещей и въ *ремеслѣ*,—въ городѣ, какъ и въ деревнѣ. Заработная плата была такъ точно опредѣлена закономъ или установленными имъ таксами, что свобода дѣйствій сохранилась лишь въ предѣлахъ личныхъ соглашеній и въ вопросѣ о рабочемъ времени. Конечно, дѣло не обходилось совсѣмъ безъ конфликтовъ, но ни одному

---

[1]) „Пока существовала республика, всѣ слои англійскаго народа поднялись изъ того приниженнаго состоянія, въ которое они были низведены управленіемъ Тюдоровъ". (Марксъ, Капиталъ т. I стр. 633 изд. Поповой). Почему „извѣстное" пуританское сознаніе долга появилось у судей такъ внезапно, объясняется тѣмъ, что борьба между королемъ и парламентомъ помогла усиленію вліянія рабочаго класса. Впрочемъ данныя Роджерса касаются лишь сравнительно небольшой группы имъ самимъ приведенныхъ примѣровъ, которые, однако, являются типичными.

подмастерью не приходило въ голову сомнѣваться въ правѣ существованія мастеровъ, какъ «сословія», или чувствовать себя «солидарнымъ» съ подмастерьями другого ремесла. Кромѣ того, благодаря долгому ученичеству въ главныхъ отрасляхъ промышленности, число подмастерьевъ было очень ограничено; мы остановимся на этомъ еще впослѣдствіи. Болѣе сильное противорѣчіе существовало, напротивъ того, между ремеслами, которыя уже стали развиваться въ мануфактуру и накоплять запасы, и *купцами*, торговавшими ихъ произведеніями. Уже въ 1555 году ткачи жалуются, что «богатые и состоятельные торговцы сукномъ всячески притѣсняютъ ихъ»! они пріобрѣтаютъ собственные станки, за которыми заставляютъ работать необученныхъ рабочихъ, отдаютъ станки на прокатъ и «нѣкоторые изъ нихъ платятъ ткачамъ за изготовленіе сукна гораздо меньше, чѣмъ въ былыя времена». Такъ гласитъ введеніе къ изданному въ царствованіе набожной католички Маріи «закону о ткачахъ»; этотъ законъ, идя на встрѣчу изложеннымъ жалобамъ, ограничивалъ число ткацкихъ станковъ, которыми имѣетъ право владѣть одинъ человѣкъ, двумя — для города и однимъ—для деревни, и запрещалъ также сдачу станковъ въ наемъ. На нѣкоторое время такимъ путемъ удавалось успѣшно задерживать развитіе мануфактуры, но въ концѣ концовъ «духъ времени» оказался сильнѣе, и тягостное предписаніе стали обходить всевозможными путями, какъ это можно заключить изъ непрерывныхъ жалобъ мастеровъ по адресу купцовъ; однако, мы знаемъ, что слѣдствіемъ этихъ запретительныхъ правилъ было то, что великая техническая революція въ прядильномъ и ткацкомъ производствѣ совершилась въ 18-мъ вѣкѣ не въ старой шерстяной промышленности, а въ относительно новой хлопчато-бумажной. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что въ ту эпоху между мастерами-ткачами и купцами существовало рѣзкое противорѣчіе интересовъ, настоящее классовое противорѣчіе. Такъ было и въ другихъ отрасляхъ производства, гдѣ между производителемъ и потребителемъ на рынкѣ появлялся купецъ. Сильную ненависть возбудили и *монополіи*, сдававшіяся на откупъ купцамъ нуждавшимися въ деньгахъ правительствами; эти монополіи имѣли слѣдствіемъ непомѣрное вздорожаніе сырья для цѣлаго ряда производствъ.

Этотъ послѣдній пунктъ приводитъ насъ къ разсмотрѣнію *политическаго* строя страны при вступленіи на престолъ Карла I.

II. Политическія и религіозныя условія.

Кетское возстаніе.

Здѣсь мы вынуждены вернуться нѣсколько назадъ. До вступленія на престолъ первыхъ Тюдоровъ Англія была феодальнымъ государствомъ съ болѣе или менѣе сильной, смотря по обстоятельствамъ, центральной властью. Въ 1215 году дворянство исторгло у короля «Magna Charta» (Великую хартію), запрещавшую королямъ взимать какіе бы то ни было налоги, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ постоянныхъ поборовъ, безъ согласія парламента, «совѣта» духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ. 50 лѣтъ спустя, въ 1265 г., Симонъ де Монтфоръ, графъ Лейчестеръ, желая еще болѣе усилить вліяніе парламента, издалъ именемъ плѣненнаго имъ короля (Генриха III) указъ, въ силу котораго парламентъ пополнялся выборными,— по два рыцаря [1]) отъ каждаго графства и по два гражданина отъ каждаго города; это представительство «общинъ» развилось впослѣдствіи въ отдѣльное отъ лордовъ представительное учрежденіе, которое короли нерѣдко стремились использовать противъ первыхъ; но съ ростомъ городовъ и увеличеніемъ значенія мелкаго дворянства, это выборное учрежденіе, въ свою очередь, оказывало все большее вліяніе на короля и его чиновниковъ и совѣтниковъ. Правда, этотъ парламентъ долгое время оставался лишь механизмомъ для утвержденія налоговъ, и короли созывали его лишь тогда, когда нуждались въ деньгахъ; но за это парламентъ нерѣдко выговаривалъ себѣ тѣ или иныя уступки. Такъ какъ жалованье депутатамъ обязаны были выплачивать тѣ графства или города, которые ихъ посылали, то случалось нерѣдко, что тѣ или иные города вступали съ ходатайствомъ объ *отмѣнѣ* права представительства, казавшагося имъ тяжелой обузой; точно также и избирательное право не всѣми разсматривалось, какъ привилегія: въ городахъ имъ въ теченіе долгаго времени пользовалось, повидимому, лишь представители городскихъ корпорацій, а въ графствахъ лишь незначительное число рыцарей и крестьянъ изъ окрестностей того мѣста, гдѣ производились открытые выборы. До 16-го вѣка не было *партій* въ обсуждаемыхъ парламентомъ вопросахъ. Лишь въ 1430 г., въ царствованіе Генриха VI, проводится ограниченіе избирательнаго права въ графствахъ, гдѣ отнынѣ избирательнымъ правомъ предоставлено

---

[1]) Рыцаремъ могъ быть каждый, кто получалъ ежегоднаго дохода не менѣе 20 фунтовъ стерлинговъ (при современной цѣнности денегъ это будетъ, конечно, гораздо больше).

пользоваться только тѣмъ, кто владѣетъ имѣніемъ, приносящимъ не менѣе сорока шиллинговъ годового дохода; это ограниченіе мотивируется тѣмъ, что «въ послѣднее время представители отъ графствъ выбирались повсюду шумной безпорядочной толпой, большинство были люди незначительнаго состоянія и легковѣсные». (Statute 8, Henry VI., глава 7, цитировано у Галламма въ его «The constitutional History of England»). Это, впрочемъ даетъ возможность умозаключить о развитомъ самосознаніи у этихъ «людей незначительнаго состоянія». Въ царствованіе того же Генриха VI парламентъ добился важнаго права вносить, вмѣсто петицій, уже готовые законопроекты, а въ царствованіе Ричарда III онъ постановилъ рѣшеніе въ силу котораго король лишался права взимать принудительные налоги, совершать принудительные займы и вынуждать подарки («Benevolences»).

Но война Алой и Бѣлой Розы и французскія войны такъ ослабили ряды дворянства, что въ царствованіе «законнаго» Генриха Тюдора, унаслѣдовавшаго престолъ Ричарда, и еще болѣе въ царствованіе сына его, Генриха VIII, парламентъ игралъ лишь роль слѣпого орудія въ рукахъ короля. Benevolences (буквально: дары любви) и другія повинности феодализма вновь входятъ въ силу, «займы» короля то и дѣло объявляются недѣйствительными, распоряженія короля пріобрѣтаютъ силу закона., устанавливаются новыя статьи государственныхъ преступленій и создается особая судебная палата для неудобныхъ государственныхъ преступниковъ (судъ «звѣздной палаты»); кромѣ того существовала учрежденная еще при Елизаветѣ и объявленная въ 1583 году дѣйствующей постоянно *исключительная судебная палата* («High Commission Court»), *суду которой предавались всѣ тѣ, кто отрицалъ верховную власть короля* надъ церковью, въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ. Это провозглашеніе верховенства короля надъ церковью было вѣнцомъ «реформаціи» Генриха VIII; оно преслѣдовало двоякую цѣль: во 1), положить конецъ вмѣшательству папы въ государственныя дѣла Англіи, а во 2), что было гораздо важнѣе, ибо вліяніе папы въ Англіи было вообще невелико,—превратить духовенство въ орудіе королевскаго абсолютизма. Кромѣ того, вслѣдъ за провозглашеніемъ верховной власти короля, послѣдовало уничтоженіе монастырей и конфискація ихъ баснословныхъ богатствъ, которыя расточительный король умудрился чрезвычайно быстро растратить. Само собою разумѣется, что подобнаго рода реформаторство не могло заслужить одобренія даже противниковъ римской церкви, тѣмъ болѣе, что Генрихъ сохранилъ неприкосновенными большинство ея догматовъ и обрядовъ. Какъ католики, такъ и искренніе реформаторы были одинаково недовольны. То и дѣло возникали мятежи, въ которыхъ участвовало главнымъ образомъ сельское населеніе. При Генрихѣ VIII и его несовершеннолѣтнемъ сынѣ

Эдуардѣ VI эти мятежи были успѣшно подавлены; но послѣ смерти послѣдняго въ 1553 г., побѣдоносное возстаніе смело приверженцевъ реформаціи и очистило путь къ престолу для католической Маріи.

Наибольшее число возстаній приходится на царствованіе Эдуарда VI, который въ 1574 г. наслѣдовалъ своему отцу Генриху, не достигнувъ совершеннолѣтія; вмѣсто него правилъ его дядя и опекунъ, герцогъ Сомерсетскій. Въ іюнѣ 1549 г. поднялись крестьяне *Девоншира*, потребовавъ возвращенія къ старой религіи. Первымъ дѣломъ заставили священниковъ читать обѣдню по латыни; затѣмъ, мятежники обложили столицу графства, богатый Экзетеръ, и держали его въ осадѣ нѣсколько недѣль, пока они не были разсѣяны войскомъ подъ предводительствомъ лорда Росселя, состоявшимъ большей частью изъ чужихъ солдатъ. Если въ этомъ возстаніи наиболѣе рѣзко выступила наружу религіозная сторона оппозиціи, то возстаніе сельскаго населенія въ Норфолькѣ, разразившееся одновременно, приняло, подъ руководствомъ Роберта Кетъ, ярко *политически — соціальный* характеръ и было направлено противъ сельской аристократіи. Кетъ самъ былъ довольно состоятельнымъ человѣкомъ [1]), и мотивы, заставившіе его стать во главѣ движенія, не совсѣмъ ясны. Дважды онъ со своимъ мятежнымъ войскомъ бралъ городъ Норвичъ, и въ своемъ лагерѣ онъ подъ могучимъ дубомъ открыто творилъ судъ. Народъ толпами валилъ къ нему. Но неопытные въ военномъ дѣлѣ крестьяне не въ состояніи были выдержать борьбы противъ регулярнаго войска. 28-го Августа 1544 г. мятежники, предводительствуемые Кетомъ, встрѣтились въ открытомъ бою съ правительственными войсками подъ начальствомъ Джона Дудлея, графа Варвика; мятежники потерпѣли полное пораженіе. Кетъ съ братомъ своимъ были взяты въ плѣнъ и повѣшены послѣ формальнаго судебнаго допроса, и въ возставшихъ округахъ съ обычной жестокостью былъ водворенъ порядокъ.

Какъ всѣ почти возстанія бѣднѣйшихъ классовъ, это движеніе долгое время осталось въ томъ освѣщеніи, которое угодно было придать ему его побѣдителямъ—врагамъ. «Классическій» историкъ этого движенія, Александръ Невиль, пользовался преимущественно книгой Норвичскаго жителя, Николая Сотертона, который, по собственному признанію, былъ чрезвычайно презираемъ мятежниками и трусливо прятался отъ нихъ; и онъ, естественно, заинтересованъ въ томъ, чтобы изобразить все въ самыхъ

---

[1]) Онъ происходилъ изъ древняго норманскаго рода и принадлежалъ къ „джентри". Онъ былъ, между прочимъ, владѣльцемъ скорняжной мастерской.

мрачныхъ краскахъ [1]). Но не смотря на всю его враждебность по отношенію къ Кету и предводительствуемымъ имъ мятежнымъ поселянамъ, онъ противъ своего желанія свидѣтельствуетъ объ умѣренности выставленныхъ ими требованій и о той осторожности, съ какой они относились къ человѣческой жизни. Точно такъ же рисуетъ событія и Голиншедъ въ своихъ «Chronicles», основываясь съ своей стороны преимущественно на книгѣ Сотертона. Разбросанный по всѣмъ государственнымъ архивамъ, въ частныхъ и мѣстныхъ хроникахъ, матеріалъ о возстаніи былъ собранъ и надлежащимъ образомъ освѣщенъ лишь Ф. В. Росселемъ, въ обнародованномъ имъ въ 1859 г. въ Лондонѣ изслѣдованіи «о возстаніи Кета въ Норфолькѣ». Жаль только, что книга составлена нѣсколько невнимательно и проникнута мѣщанскими воззрѣніями. Болѣе ясное, хотя и болѣе холодное, изображеніе общаго хода возстанія въ связи съ событіями того времени мы находимъ у І. А. Фруда, въ 5 томѣ его «History of England from the Fall of Wolsey to the Defeat of the Spanish Armada».

Крестьянскія возстанія, связанныя съ введеніемъ «реформаціи» въ Англіи, настолько интересны для разсматриваемой нами темы, что мы посвятимъ имъ отдѣльную главу. Пока мы вынуждены ограничиться лишь наиболѣе важными частностями возстанія Кета.

Возстаніе, названное именемъ Кета, не было единичнымъ эпизодомъ. Броженіе среди сельскаго населенія и его друзей было повсемѣстное—то огоньки вспыхивали безпрерывно то здѣсь, то тамъ. Такъ, уже въ 1537 году, въ то время какъ на сѣверѣ (въ Іоркширѣ) народъ поднимается въ защиту католической религіи, въ Вальсингамѣ (Норфолькъ) случайно открывается заговоръ противъ аристократіи («джентлменовъ»), и главари предполагавшаго возстанія подвергаются казни. Вскорѣ послѣ этого Государственный Совѣтъ получилъ донесеніе, что одна женщина, Елизавета Вудъ изъ Эльзгама (Норфолькъ), будто бы сказала: «жаль, что эти люди изъ Вальсингама были обнаружены, мы никогда не добьемся лучшихъ условій, если не соединимся, согласно словамъ пѣсни:

„И при помощи дубинъ и сапоговъ съ гвоздями
Будетъ сдѣлано дѣло“.

потому что съ тѣхъ поръ, какъ царствуетъ этотъ король (Генрихъ VIII), мы не видѣли ни одного добраго часа». «Это упрямая и противная («ongracious») женщина», гласитъ донесеніе. Еще болѣе дико и зло-

[1]) Сочиненіе озаглавлено: „The commoyson (commotion-мятежъ) in Norfolk“. Заглавіе книги Невиля таково: „De furoribus Norfolciensium Duce Ketto“.

вѣще звучатъ слова, сообщенныя въ 1540 году нѣкіемъ Джономъ Валькеромъ изъ Гристона [1]). Но крупные земельные хищники не обращали вниманія на эти тревожные симптомы. Они всецѣло полагались на драконовскія мѣропріятія Генриха противъ всякаго рода проявленій недовольства и продолжали изгонять крестьянъ, повышать ренту, присваивать себѣ за смѣхотворныя цѣны монастырскія владѣнія, отгораживать общинныя земли и превращать ихъ въ луга.

Каковы бы ни были недостатки Сомерсета, опекуна Эдуарда VI, но онъ повидимому, искренне сочувствовалъ бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Вслѣдъ затѣмъ, какъ онъ занялъ постъ регента, были отмѣнены суровые законы противъ лоллардовъ, и въ парламентъ былъ внесенъ законопроектъ, запрещавшій отгораживаніе общинныхъ земель. Но обѣ палаты и слышать ничего не хотѣли о такомъ законопроектѣ, и внесеніе его объясняли исключительно жаждой популярности его автора. Позднѣе, Сомерсетъ былъ обвиненъ въ томъ, что своимъ вниманіемъ къ нуждамъ сельскаго населенія онъ поощрилъ выступленіе Кета [2]). Въ 1548 г. лордъ-

---

[1]) „Если три или четыре парня съ бубенцами выѣдутъ ночью и въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ они побываютъ, будутъ звать: „въ Свафгамъ, въ Свафгамъ“! (мѣстечко въ шести, приблизительно, миляхъ отъ Норвича), то къ слѣдующему утру соберется толпа по меньшей мѣрѣ въ 10 тысячъ человѣкъ; а тогда стоитъ только смѣлому парню выступить и сказать: братья, мы собрались здѣсь потому, что съ нами такъ скверно обходятся господа и выказываютъ намъ такъ мало снисхожденія; пойдемте къ нимъ,—въ ихъ домахъ мы найдемъ оружіе, деньги и жизненные припасы. А тѣхъ изъ нихъ, которые не присоединятся къ намъ, мы убьемъ. Да, — мы убьемъ даже ихъ дѣтей въ колыбели, ибо *было бы весьма хорошо, если бы въ Норфолькѣ было не больше господъ, чѣмъ бѣлыхъ быковъ*“. („for ytwere a good thinge if ther were so many gentylmen in Norfolk as ther by whyt bulles“).

[2]) Въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи, Невиль излагаетъ всѣ эти обвиненія. „Благодаря своему жестокому обращенію съ своимъ братомъ, лордъ-регентъ потерялъ къ тому времени всю свою популярность въ массахъ; чтобы вернуть ее себѣ снова, онъ опубликовалъ въ началѣ мая указъ, требовавшій, чтобы каждый, кто отгородилъ землю, принадлежавшую прежде общинѣ, вернулъ ее къ извѣстному дню обратно, уничтоживъ загородь; въ случаѣ неисполненія указа, виновные подвергались извѣстному наказанію. Это такъ ободрило простонародье во многихъ мѣстностяхъ, что они не дожидаясь даже опредѣленнаго указомъ времени, стали собираться мятежными толпами, вырывать столбы, уничтожать валы, засыпать рвы; такимъ образомъ они снесли всѣ заборы, которыми были обнесены общинныя земли, придавъ имъ прежній видъ“. (Стр. 1 обнародованнаго въ 1750 г. англійскаго изданія). Чрезвычайно сомнительно, однако, чтобы „простонародье“ стало особенно интересоваться судьбой властолюбиваго брата Сомерсета, Сеймура.

регентъ учредилъ комиссію, которая должна была провѣрить законность всѣхъ поставленныхъ послѣ опредѣленнаго срока загражденій, и позаботиться о снесеніи ихъ, если таковыя оказывались незаконными; но лишь только сельское населеніе узнало объ этомъ указѣ, оно взяло дѣло въ собственныя руки и стало самостоятельно и по-своему «провѣрять» правильность загражденій. Ходили слухи, будто бы Сомерсетъ открыто заявилъ въ маѣ 1549 г., что ему «очень нравится поведеніе народа, и что жадность господъ оправдываетъ возстаніе». (Фруде, Ibid., стр. 168). Само собою разумѣется, что правительственная власть пробовала вмѣшиваться повсюду, но безъ достаточной энергіи; съ другой стороны и комиссія продолжала существовать, какъ будто только на бумагѣ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что въ теченіе лѣта 1549 г. повсемѣстно происходили тайныя собранія поселянъ, на которыхъ произносились пламенныя рѣчи противъ сильныхъ міра сего. Невиль снабжаетъ эти рѣчи риторическими украшеніями, но содержаніе отъ этого мало мѣняется.

Приводимъ образецъ этихъ рѣчей: «мы не можемъ дольше терпѣть такой большой и жестокой несправедливости, мы не можемъ молча сносить высокомѣрія крупныхъ и мелкихъ дворянъ. Мы скорѣе возьмемся за оружіе и потрясемъ небо и землю, чѣмъ станемъ сносить такіе ужасы. Такъ какъ природа производитъ свои плоды для насъ такъ же, какъ и для господъ, такъ какъ она и насъ снабдила душою и тѣломъ, мы бы хотѣли знать, чего же намъ ждать отъ нихъ. Посмотрите на тѣхъ и обернитесь на себя. Развѣ не всѣ мы созданы по одному и тому же образу? Развѣ не всѣ мы рождаемся на свѣтъ одинаковымъ путемъ? Почему же ихъ образъ жизни, ихъ судьба такъ радикально отлична отъ нашей? Мы видимъ ясно, что дѣло дошло до крайности, и мы готовы на все. *Мы сорвемъ заборы и изгороди, мы заполнимъ рвы и освободимъ общинныя земли; всѣ загражденія, которыя они воздвигли такъ же позорно и низко, какъ и безсердечно, мы сравнимъ съ землею* («*level to the ground*»). Въ другомъ мѣстѣ говорилось: «они высосали нашу кровь и мозгъ изъ нашихъ костей; общинныя земли, которыя оставлены намъ въ наслѣдство нашими дѣдами, они у насъ отняли; земля, которую отцы наши помнятъ еще свободною, окружена теперь заборами и рвами; отгорожены и луга, и никому нѣтъ доступа къ нимъ». (Россель, Life of Ket., стр. 23, 24).

Въ началѣ Іюля 1549 г. дѣло дошло до открытаго возстанія. Въ мѣстѣ жительства Кета, въ Уаймондгамѣ, былъ устроенъ праздникъ въ честь Томаса Бекера, на который собралось много поселянъ. Этотъ праздникъ былъ использованъ для того, чтобы привлечь новыхъ приверженцевъ и дать сигналъ къ возстанію. Толпа направилась въ близь лежащее имѣніе ненавистнаго лэндлорда и снесла тамъ всѣ изгороди.

Благородный дворянинъ, питавшій злобу на Кета, увидѣвъ, что сопротивленіе безполезно, предложилъ толпѣ денегъ, чтобы она снесла изгороди и у Кета. Конечно, никто противъ этого ничего не имѣлъ. Когда толпа явилась къ Кету, то, на вопросъ послѣдняго о цѣли ея прихода, она отвѣтила, что хочетъ снести у него, какъ и вездѣ, всѣ изгороди; онъ будто бы отвѣтилъ на это, что признаетъ ихъ намѣреніе вполнѣ справедливымъ, что онъ далекъ отъ того, чтобы оказывать сопротивленіе, и наоборотъ, готовъ даже первый приложить къ тому руки. Но для того, чтобы довести дѣло до благополучнаго конца, они должны организоваться и выбрать вождя, и если они согласны, онъ готовъ стать во главѣ движенія. Послѣ краткаго совѣщанія, мятежники приняли сдѣланное имъ предложеніе. Энергичный, чрезвычайно одаренный и безусловно честный Кетъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Вильямомъ, приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы превратить безпорядочную толпу въ мятежное войско, способное къ борьбѣ и сопротивленію. На горѣ около Норвича, на «Mouschold Hill'ѣ», онъ устроилъ свой лагерь, въ которомъ вскорѣ насчитывалось уже десять тысячъ человѣкъ, и народъ все прибывалъ. Подъ могучимъ дубомъ, названнымъ имъ «дубомъ реформы», онъ держалъ совѣтъ и творилъ судъ. Онъ опредѣлялъ, какія изгороди должны быть снесены, требовалъ на судъ «именемъ короля», производилъ реквизиціи и т. д. Кромѣ того, онъ составилъ петицію на имя правительства, въ которой перечислялъ всѣ нужды и требованія сельскаго населенія и которую онъ заставилъ подписать норвичскаго мэра и его предшественника.

Эти требованія въ общемъ весьма умѣренны и не содержатъ ни капли коммунизма. Они были направлены противъ отгораживанія общинныхъ земель, а также противъ цѣлаго ряда другихъ феодальныхъ злоупотребленій, противъ непомѣрнаго увеличенія арендныхъ цѣнъ и т. д. Предлагалось законодательнымъ путемъ низвести арендныя цѣны до того уровня, на которомъ онѣ стояли въ первый годъ царствованія Генриха VII. Характерно слѣдующее требованіе: *священникамъ должно быть запрещено скупать землю*; этимъ опровергается обвиненіе, будто возстаніе было инспирировано священниками [1]). Въ общемъ Кетъ, какъ видно, относился

[1]) Католическій историкъ *Лингардъ* поддерживаетъ это обвиненіе утверждая, что данное возстаніе, какъ и Девонширское, стремилось къ возстановленію старой (католической) церкви. Вѣрно то, что алчности къ деньгамъ новыхъ лендлордовъ часто противопоставляли относительную мягкость церковнаго управленія, но во всемъ остальномъ движеніе высказываетъ гораздо больше симпатіи лоллардскимъ, анабаптистскимъ теченіямъ, чѣмъ католическимъ. „Посмотрите хорошенько, имѣются ли еще у васъ въ странѣ законъ или религія“, пишетъ членъ государственнаго

къ религіи, какъ къ частному дѣлу. Онъ заботился о священникахъ, отправлявшихъ въ лагерѣ богослуженіе, но правомъ проповѣди пользовались и другіе и, между прочимъ, нѣкій Матью Паркеръ, достигшій впослѣдствіи званія епископа Кентерберійскаго. Точно также и подъ «дубомъ реформъ» могли выступать передъ массами всѣ безразлично, друзья и противники возстанія.

Къ числу первыхъ принадлежали и нѣкоторые уважаемые граждане Норвича, которые позднѣе оказались, однако, довольно сомнительными и прямо невѣрными друзьями. Такимъ именно былъ подписавшій петицію Кета, Т. Альдрихъ. Полную симпатію возставшимъ и дѣятельную помощь имъ выказали, напротивъ того, *мелкіе ремесленники и рабочіе* города Норвича. Они всячески противодѣйствовали мѣрамъ, принимавшимся городомъ противъ мятежниковъ, и оказывали послѣднимъ при стычкахъ всяческую поддержку [1]).

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на частностяхъ борьбы, на побѣдоносномъ отраженіи перваго нападенія на мятежниковъ регулярнаго войска подъ начальствомъ Карла Нортгемптона и т. д. Перваго посланца регента, обѣщавшаго, въ случаѣ добровольной сдачи, разсмотрѣніе требованій и помилованіе короля за нарушеніе закона, Кетъ не принялъ, заявивъ, что короли до сихъ поръ миловали преступниковъ, но не людей честныхъ и невинныхъ. Они (крестьяне и ихъ вожди) не заслужили никакого наказанія. Онъ не сложитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не будутъ сдѣланы извѣстныя уступки, потому онъ хорошо знаетъ цѣну разнымъ обѣщаніямъ.

Но если бы даже Сомерсетъ пожелалъ выполнить свои обѣщанія, то этого не допустили бы стоящіе позади него и рядомъ съ нимъ вліятельные господа. Со всѣхъ сторонъ раздавалось требованіе энергичнаго подавленія возстанія. И въ концѣ концовъ 26-го Августа оно, какъ уже было указано выше, было подавлено силой оружія. Съ прискорбіемъ мы

совѣта, серъ Вильямъ Паджетъ, 7-го іюля Сомерсету; „я опасаюсь, что вы не найдете ни того, ни другой. Культъ старой религіи воспрещенъ закономъ, а культъ новой не привился еще у $^{11}/_{12}$ населенія имперіи,—что бы ни продѣлывали люди для внѣшности, чтобы снискать расположеніе власть имущихъ“. Паджетъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ расхитителей церковныхъ имуществъ, ссылаясь на примѣръ крестьянскихъ войнъ, требовалъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ мятежниковъ.

[1]) Городскія власти впослѣдствіи оправдывали свою временную уступчивость по отношенію къ мятежникамъ тѣмъ безвыходнымъ положеніемъ, въ которое они были поставлены, благодаря рѣшительному поведенію бѣднѣйшихъ классовъ города. (Подробности объ этомъ можно найти у Blomefield'a въ его History of Norfolk).

должны сказать, что послѣдній ударъ былъ нанесенъ нѣмецкими ратниками. Говорятъ, будто Кетъ въ послѣдній моментъ оказался трусомъ; однако, можно простить ему его бѣгство, послѣ того, какъ онъ убѣдился, что битва проиграна. Есть основаніе думать, что онъ уже заранѣе призналъ перевѣсъ войска Варвика и готовъ былъ, по предложенію послѣдняго, вступить съ нимъ въ переговоры, когда злая случайность, столь обычная въ мiровой исторiи, помѣшала этому.

Въ качествѣ «народнаго судьи» онъ выказалъ необыкновенное въ тѣ времена мягкосердечіе. Противники Кета очень много кричали о насиліяхъ, совершаемыхъ у него въ лагерѣ; однако, ни одинъ изъ нихъ не могъ привести ни одного случая, чтобы кто нибудь былъ казненъ приверженцами Кета, въ качествѣ плѣнника или заложника. Всѣ плѣнники и заложники, имена которыхъ извѣстны, вернулись обратно цѣлы и невредимы. Между тѣмъ, Кетъ и братъ его Вильямъ, какъ мятежники и государственные преступники, были подвергнуты позорной и жестокой казни черезъ повѣшеніе. 7-го Декабря,—Сомерсетъ былъ уже низвергнутъ и посаженъ въ крѣпость Тоуэръ,—Кетъ, привезенный за нѣсколько дней до того изъ Лондона, гдѣ его судили, въ Норвичъ, былъ повѣшенъ высоко на башнѣ и оставленъ висѣть до тѣхъ поръ «пока тѣло само не упадетъ». Но народъ свято чтилъ память о немъ. Государственный Совѣтъ то и дѣло получалъ донесенія о проявленiяхъ этихъ народныхъ чувствъ [1]).

Варвикъ оставался послѣ рѣшительной битвы еще 14 дней въ Норвичѣ и судилъ плѣнныхъ крестьянъ военнымъ судомъ. Какъ ни велико было употребленное имъ насиліе, для лэндлордовъ онъ все же былъ недостаточно кровожаденъ, ихъ мстительность требовала все большихъ жертвъ [2]). Они немного успокоились только тогда, когда Варвикъ обратилъ ихъ вниманіе на то, что если расправа продолжится дальше, то господамъ, въ концѣ концовъ, самимъ придется ходить за плугомъ; этотъ аргументъ возымѣлъ свое дѣйствіе. Объ этихъ добрыхъ чувствахъ бюргеровъ сообщаютъ намъ *противники*,—*враги* мятежниковъ. Эксплуататоры-побѣдители всѣхъ странъ удивительно похожи другъ на друга. Повсюду то же звѣрство.

[1]) Потомки Кета были вполнѣ достойны его. Сынъ его предупреждаетъ заговоръ противъ иммигрировавшихъ изъ Голландіи бѣглецовъ; одинъ изъ его внуковъ,—Френсисъ Кетъ, „Master of Arts“,—умираетъ въ 1588 г., какъ „еретикъ“ на кострѣ. А когда въ ближайшемъ столѣтiи квакерство, тогда еще радикальное движеніе, получаетъ распространеніе и въ Уаймондгамѣ, то Westwode Chapel, собственность семьи Кетъ, дѣлается домомъ собраній для „друзей.“

[2]) У нихъ вырывали внутренности, которыя и сжигали передъ потухающими глазами несчастныхъ.

*

22-го января 1552 г. былъ обезглавленъ Сомерсетъ; Варвикъ, наслѣдовавшій ему въ должности лорда протектора и возведшій себя въ званіе герцога Нортумберлендскаго, въ слѣдующемъ же году также кончилъ жизнь свою на эшафотѣ, послѣ того, какъ толпа возвела на престолъ католичку Марію. Однако, дальнѣйшія событія показали, что отнюдь не церковно-католическая реакціонная политика была тѣмъ, чего жаждала масса населенія. Кровавыя преслѣдованія еретиковъ—не католиковъ, которыми было наполнено ея царствованіе, имѣли своимъ послѣдствіемъ сближеніе между собою всѣхъ протестантскихъ теченій; послѣ смерти Маріи въ 1558 г. дѣло католицизма было такъ же непопулярно, какъ въ 1553 г. оно, напротивъ того, пользовалось популярностью.

При Елизаветѣ (1558—1603 г.) было вновь приступлено къ реформаціи, и формально она была доведена до конца, хотя и не безъ того, чтобы вновь не вызвать возмущенія. Но всѣ возстанія были безпощадно подавлены и сопротивленіе католиковъ было окончательно сломлено; зато все болѣе формировался протестантскій протестъ, оппозиція «пуританъ» противъ новой государственной церкви.

Кто были пуритане? («Purits» или «Puritans», отъ слова pure= чистый). Это названіе обозначаетъ не только церковную секту, оно означаетъ цѣлое религіозно-соціальное теченіе. Оно было именемъ собирательнымъ для всѣхъ тѣхъ, кого недостаточно удовлетворяла реформація въ смыслѣ *очищенія церкви* отъ римскихъ обычаевъ и римскихъ установленій. Сюда же примыкали и тѣ, для кого очищеніе религіи означало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очищеніе *нравовъ*, *соціальнаго* организма. Позднѣе, подъ это же названіе подошло и *политическое* теченіе, оппозиція противъ абсолютизма въ государствѣ и церкви. То не было движеніемъ одного класса:—оно имѣло приверженцевъ среди крупнаго и мелкаго дворянства, среди духовенства, среди буржуазіи, ремесленниковъ и крестьянства. Какъ движеніе общественно-нравственное оно соотвѣтствовало духу времени; то былъ моментъ, когда промышленная жизнь, подъ вліяніемъ роста міровыхъ сношеній, становилась все болѣе необезпеченной, когда жажда, а иногда и необходимость копить, «сберегать» *деньги*, — это средство обмѣна par excellence,—становилась все болѣе всеобщей. Признакомъ производства для собственнаго потребленія является правило: сегодня недохватка, завтра избытокъ. Первое признается неизбѣжнымъ «закономъ природы», и въ качествѣ таковаго переносится болѣе или менѣе терпѣливо; второе воспринимается съ необузданной радостью. Все это измѣняется съ расширеніемъ торговли и денежнаго оборота. Избытокъ, не потребленный на мѣстѣ, пріобрѣтаетъ цѣнность въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть превращенъ въ *деньги*,—а деньги не ржавѣютъ. Потреблять

болѣе того, что необходимо, потреблять то, что можетъ быть превращено въ деньги и можетъ въ видѣ денегъ сберегаться,—кажется уже несправедливостью, грѣхомъ. Бережливость, воздержаніе начинаютъ признаваться *соціальной* добродѣтелью. Христіанскій аскетизмъ проповѣдывался священниками-лоллардами, какъ возвратъ къ первобытному христіанству, аскетическія воззрѣнія котораго явились въ свое время реакціей противъ безумной роскоши развратной римской аристократіи. Крестьяне и ремесленники охотно воспринимали болѣе или менѣе коммунистическое ученіе лоллардовъ, временно нашедшее вліятельнаго защитника и проповѣдника въ Іоаннѣ Виклифѣ [1]), потому что это ученіе питало ихъ озлобленіе и отвѣчало содержанію борьбы противъ аристократіи въ государствѣ и церкви, но отъ коммунизма собственно они были такъ же далеки, какъ и ихъ противники. Торольдъ Роджерсъ пишетъ: «Лоллардъ, какъ и пуританинъ два вѣка спустя, былъ угрюмъ, сдержанъ, упрямъ, суровъ. Но онъ копилъ деньги, тѣмъ болѣе, что не желалъ тратиться ни на священниковъ, ни на нищенствующихъ монаховъ, ни на торговцевъ отпущеніями». (Ibid., стр. 79 и 80). Мы не можемъ здѣсь подробнѣе [2]) останавливаться на происхожденіи движенія лоллардовъ, но всѣ историки утверждаютъ, что оно никогда не прекращалось въ Англіи и что, прежде всего, оно навсегда утвердилось среди ткачей восточныхъ провинцій. Не слѣдуетъ, однако,

[1]) Сочиненіе Виклифа: „De dominio civili" содержитъ опредѣленія собственности, звучащія весьма коммунистически. Точно также и его сочиненіе: De dominio divino". Въ „English Historical Review" (т. VI, стр. 762 и слѣд.) объ этомъ сочиненіи говорится: „его вкоренившійся коммунизмъ и антагонизмъ съ обществомъ". Но это уже черезчуръ рѣзко выражено. Когда, напримѣръ, Виклифъ, въ согласіи со своимъ предшественникомъ, епископомъ Ричардомъ Фицъ-Ральфомъ Армагомъ (разсужденіе котораго о бѣдности Христа въ четырехъ частяхъ приложено къ послѣднему изданію цитированной книги Виклифа) заявляетъ, что *собственность имѣетъ своимъ первоисточникомъ грѣхъ,* то это и тому подобныя выраженія относятся лишь къ собственности *монастырей и эксплоатирующаго духовенства.* То же самое можно сказать про его выраженіе, что *„право господства осуществляется при помощи грѣха."* О религіозныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ Виклифа, см. пятую главу третьяго отдѣла первой части его книги (стр. 179 и слѣд.); при составленіи настоящей книги этой главы у насъ еще не было. Замѣчательно то, что найденный въ свое время въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ экземпляръ послѣдняго сочиненія Виклифа списанъ богемскими еретиками; отдѣльныя части его всѣ помѣчены извѣстными центрами движенія лоллардовъ. Ихъ подлинность подтверждается современными имъ произведеніями противниковъ.

[2]) См. объ этомъ у Карла Каутскаго, въ упомянутой уже главѣ (см. вышеприведенную цитату), стр. 183 и слѣд.

предполагать, что ткачамъ и мелкимъ крестьянамъ, почитавшимъ евангеліе лоллардовъ, такъ плохо жилось. Наоборотъ, Норфолькъ, гдѣ движеніе было наиболѣе сильнымъ, былъ, какъ показываютъ различные податные списки, наиболѣе богатымъ графствомъ въ Англіи 16-го и 17-го вѣка, хотя природныя богатства его совсѣмъ не велики. Торольдъ Роджерсъ, констатирующій это, приписываетъ бережливость населенія проповѣдямъ тайно агитировавшихъ лоллардскихъ священниковъ; вѣрнѣе будетъ предположить, что евангеліе бережливости встрѣтило у нихъ сочувствіе, потому что отвѣчало всему ихъ положенію [1]). Въ приморскихъ областяхъ, гдѣ торговля и сношенія съ заграницей были болѣе всего развиты, должны были особенно высоко цѣниться и деньги, жажда пріобрѣтенія должна была проявиться съ особенной силой. Такимъ образомъ случилось то, что мнимый «коммунистъ» сдѣлался собирателемъ денегъ. Само собою разумѣется, что мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что каждый крестьянинъ или ремесленникъ—лоллардъ вмѣстѣ съ тѣмъ становился капиталистомъ. Мы говоримъ здѣсь лишь объ общей тенденціи, а тенденціи этихъ классовъ могли быть лишь *буржуазными*, не смотря на всѣ ихъ мечты о коммунистическомъ Царствѣ Божіемъ, и не смотря на то, что они составляли ядро, цвѣтъ *трудящихся* классовъ того времени. Съ соотвѣтствующими измѣненіями сюда вполнѣ приложимы слова «Коммунистическаго манифеста»: «первыя попытки пролетаріата, имѣвшія непосредственной цѣлью доставить торжество его классовымъ интересамъ, были произведены въ періодъ общаго возбужденія, въ періодъ крушенія феодальнаго общества; онѣ неизбѣжно должны были потерпѣть фіаско, съ одной стороны,—вслѣдствіе крайне низкой степени развитія самого пролетаріата, съ другой—вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ условій его освобожденія, условій, которыя могли быть созданы только въ буржуазную эпоху. Революціонная литература, сопутствовавшая этимъ первымъ движеніямъ пролетаріата, въ сильнѣйшей степени носила реакціонный характеръ. Она проповѣдовала общій аскетизмъ и равенство въ самой грубой его формѣ». (Марксъ и Энгельсъ. Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ, изд. Алексѣевой, стр. 43).

Движеніе лоллардовъ было, какъ выразился англійскій писатель, «дѣствомъ пуританства». (W. F. Collier, The Hystory of England, стр. 282.) Условія и методъ англійской реформаціи не мало способствовали всеобщности признанія его аскетической доктрины. Все, что было

---

[1]) Ср. мнѣніе Карла Каутскаго, ibid., стр. 236. Аналогія въ данномъ и другихъ пунктахъ, гдѣ автору настоящаго труда приходилось высказывать свое отношеніе къ явленіямъ, разсмотрѣннымъ уже Каутскимъ въ первой части его книги, съ выводами, высказанными тамъ, объясняется одинаковостью метода въ изученіи исторіи.

противъ Рима, все, что протестовало противъ централистически-абсолютическаго режима въ государствѣ и церкви, все, насильственно-подавленное въ вооруженномъ возстаніи, должно было уйти *въ себя*, въ религіозное самоуглубленіе, въ моральное самосовершенствованіе. Это должно было случиться съ приверженцами тѣхъ классовъ, соціальному положенію которыхъ аскетизмъ вообще не соотвѣтствуетъ. Тѣмъ болѣе, что его отнюдь не одинаково придерживались различные классы, и въ немъ вообще *не видѣли евангелія голода*. Этотъ аскетизмъ заключался лишь въ отказѣ отъ нѣкотораго рода увеселеній, прежде всего въ отрицаніи святости субботы, нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ богослуженія и т. п. Народъ съ жадностью воспринималъ кальвинистское евангеліе, которое было принесено въ страну вернувшимися послѣ смерти католической Маріи эмигрантами, бѣжавшими отъ ея преслѣдованій за границу, а также скрывавшимися въ царствованіе Елизаветы голландцами. Своимъ ученіемъ о «благодати», по которому каждый просвѣтившійся дѣлался избраннымъ, предназначеннымъ для блаженства воиномъ господнимъ, о предопредѣленіи, объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви,—кальвинизмъ поддерживалъ въ недовольныхъ духъ сопротивленія [1]). На ряду съ кальвинизмомъ среди плебейскихъ слоевъ народа (ремесленники, рабочіе и т. п.) не прекраща-

[1]) Кальвинизмъ названъ по имени Жана Кальвина или Кольвина, очень стойкаго и одареннаго француза, который родился въ 1509 г. и умеръ въ 1564 г.; онъ жилъ въ Женевѣ, гдѣ дѣйствовалъ, съ значительнымъ перерывомъ, отъ 1536 г. до самой смерти. Ученіе это болѣе всякой другой, такъ называемой реформированной церкви, выражало стремленія и потребности окрѣпшей городской и сельской буржуазіи. Кальвинъ ставитъ церковь рядомъ съ государствомъ, но въ церкви сильно представленъ свѣтскій элементъ, и строгость церковныхъ нравовъ соблюдается тѣмъ классомъ, который представленъ въ свѣтскомъ элементѣ церкви. А такимъ классомъ, по Кальвину и въ силу обстоятельствъ, являлась въ городѣ и деревнѣ масса имущихъ. Въ своей родинѣ, въ Женевѣ, кальвинистскій строй былъ проведенъ республиканскимъ (по отношенію къ Пьемонту) крыломъ городской аристократіи, рѣшительно дѣйствовавшимъ противъ всего, что мѣшало ему справа или слѣва. Между тѣмъ въ Германіи и въ Англіи княжескій абсолютизмъ овладѣлъ анти-римскимъ движеніемъ или пользовался, по крайней мѣрѣ, его плодами. Тамъ, гдѣ имущіе классы были достаточно сильны, чтобы противодѣйствовать этому, они стали смотрѣть на Женеву, какъ на образцовое государство, гдѣ возстановлена истинная религія Такимъ образомъ, кальвинизмъ быстро получаетъ право гражданства въ Нидерландахъ, гдѣ ненависть къ испанскому владычеству связала буржуазную аристократію съ стариннымъ дворянствомъ; при подобныхъ же условіяхъ, хотя и при менѣе развитой буржуазіи, кальвинизмъ распространяется въ Богеміи и Венгріи; подъ его знамена становятся протестантскіе промышленники и землевладѣльцы Франціи, онъ завоевываетъ

лась, повидимому, и анабаптистская пропаганда. Въ 1575 г., напримѣръ,

сердца и англійскихъ протестантовъ. Символъ политическаго вѣрованія кальвинизма исключалъ какъ абсолютизмъ князей, такъ и плебейскую демократію; но въ предѣлахъ этихъ двухъ крайностей онъ оставлялъ мѣсто для компромиссовъ. Вотъ почему мы видимъ, какъ различные оттѣнки кальвинизма мирно уживаются и борятся рука объ руку до тѣхъ поръ, пока кальвинизмъ находится въ оппозиціи.

Вотъ что пишетъ Фр. Энгельсъ о значеніи для буржуазныхъ классовъ той эпохи кальвинизма и главнымъ образомъ, съ особенной послѣдовательностью подчеркиваемой Кальвиномъ, догмы о *благодати:* „Его догма была доступна лишь для самыхъ смѣлыхъ представителей буржуазіи. Его благодать была религіознымъ выраженіемъ того факта, что въ мірѣ торговли и вѣчной конкурренціи успѣхъ или банкротство обусловливаются не дѣятельностью или счастьемъ отдѣльнаго человѣка, а обстоятельствами отъ него независящими. „Это зависитъ не отъ чьего либо желанія или образа дѣйствій, а отъ милости“ высшихъ, но неизвѣстныхъ экономическихъ силъ. Въ особенности это было вѣрно по отношенію къ эпохѣ экономическаго переворота, когда всѣ торговые пути и центры были вытѣснены новыми, когда были открыты Америка и Индія, когда самые древніе и почитаемые символы экономическаго вѣрованія—цѣнность золота и серебра—стали колебаться и давать трещины. Къ тому же строй кальвинистской церкви былъ вполнѣ демократичный и республиканскій. Но когда республиканскій строй былъ введенъ въ царствѣ Божіемъ—могли ли земныя государства оставаться вѣрноподданными королей, епископовъ и феодаловъ? Если лютеранство превратилось въ послушное орудіе въ рукахъ нѣмецкихъ мелкихъ князей, то кальвинизмъ, наоборотъ, основалъ республику въ Голландіи и создалъ сильныя республиканскія партіи въ Англіи, именно въ Шотландіи.

„Въ кальвинизмѣ второе великое движеніе буржуазіи нашло готовую теорію борьбы. Это движеніе происходило въ Англіи. Оно было вызвано городской буржуазіей и доведено до побѣдоноснаго конца среднимъ крестьянствомъ (yeomanry) сельскихъ округовъ. Страннымъ кажется одно: во всѣ три великія буржуазныя революціи, крестьянство поставляло армію для боя, и именно крестьянство являлось тѣмъ классомъ, который послѣ достигнутой побѣды оказывался наиболѣе раззореннымъ отъ экономическихъ послѣдствій этой побѣды. Спустя сто лѣтъ послѣ Кромвеля среднее крестьянство (yeomanry) почти исчезло въ Англіи. Но лишь благодаря вмѣшательству этихъ yeomanry и плебейскаго элемента городовъ оказалось возможнымъ довести борьбу до рѣшительнаго конца и отправить Карла I на эшафотъ. Для того, чтобы буржуазія могла сорвать хотя бы самые зрѣлые плоды побѣды, было необходимо, чтобы революція пошла дальше предварительно поставленной себѣ цѣли,—точно такъ же, какъ въ 1793 г. во Франціи и въ 1848 г. въ Германіи. Очевидно, таковъ въ дѣйствительности одинъ изъ законовъ развитія буржуазнаго общества.“

(Fr. Engels, Ueber historischen Materialismus, „Neue Zeit“, Iahrgang 1892—93, т. I, стр. 43, 44.)

въ Альдгетѣ, тогда еще предмѣстьи Лондона, былъ открытъ тайный союзъ анабаптистовъ (перекрещенцевъ), въ 1580 г. — союзъ фамилистовъ, секты, родственной анабаптистамъ, и тоже голландскаго происхожденія.

При Елизаветѣ пуританизмъ и родственныя ему секты могли, конечно, вести свою агитацію лишь тайно; ея управленіе отличалось слишкомъ большой силой, успѣхомъ и, можно сказать, интеллигентностью, чтобы создать такое всеобщее недовольство, которое было необходимо, чтобы сдѣлать изъ массы населенія приверженцевъ этихъ сектъ. Наоборотъ, въ ея царствованіе секта «сепаратистовъ» или — по имени ея перваго основателя, священника и учителя Роберта Броуна — броунистовъ выдѣляется изъ массы кальвинистовъ. Эти послѣдніе желали государственно централизованной церкви, въ которой были бы представлены «старѣйшіе» и пресвитеры, избранные мірянами и пользующіеся голосомъ въ общинахъ и церковныхъ соборахъ (синодахъ), — (вотъ почему они и получили спеціальное названіе пресвитеріанцевъ). Броунъ и, еще болѣе, его послѣдователи выступали, напротивъ того, рѣшительными защитниками независимости каждой общины (конгрегаціи) благочестивыхъ («godly»). Не подлежитъ сомнѣнію, что Броунъ, прожившій годъ въ Норфолькѣ среди голландскихъ бѣглецовъ и, позднѣе, долгое время въ самой Голландіи, находился подъ вліяніемъ *анабаптистовъ*, и «броунизмъ», повидимому, съ самаго начала былъ слишкомъ пропитанъ демократическимъ духомъ [1]); во всякомъ случаѣ, изъ этого ученія развилась въ дальнѣйшемъ и религія наиболѣе радикальныхъ въ политическомъ отношеніи элементовъ, усвоившихъ, въ качествѣ церковной партіи, названіе *индепедентовъ* (независимыхъ)—въ виду выставленнаго ими требованія независимости общинъ. Но постепенно это же наименованіе стало примѣняться и по отношенію къ политической партіи. Секта начала съ пропаганды возвращенія къ первобытному христіанству, къ возстановленію царства Христова на землѣ; каждая община признаетъ лишь одного главу — Христа, наполняющаго и освящающаго ихъ душу, духовнаго вліянія котораго одного достаточно, чтобы сохранить согласіе въ общинахъ «святыхъ» и сдѣ-

---

[1]) Броунъ, отличавшійся большой страстностью, могъ похвастаться тѣмъ, что ему пришлось познакомиться съ 32 тюрьмами, изъ коихъ нѣкоторыя были такъ темны, что онъ въ нихъ днемъ не могъ видѣть собственной руки. Только своимъ родствомъ съ сильными міра сего (между прочимъ, съ могущественнымъ лордомъ-казначеемъ Бурлеемъ) онъ обязанъ тѣмъ, что избѣгнулъ худшаго. Продолжатели его пропаганды, развившіе дальше его доктрину, Барроу, Гринвудъ и друг., умерли смертью мучениковъ; самъ онъ подъ конецъ своей жизни заключилъ миръ съ государственной церковью.

лать излишнимъ всякое внѣшнее принужденіе, хотя бы въ родѣ организованной церковной дисциплины кальвинистовъ. Индепенденты отвергаютъ касту священниковъ и, прежде всего, церковную іерархію. Въ своей книгѣ: «Краткое разоблаченіе ложной церкви», индепендентъ Барроу говоритъ о пресвиторіанахъ-кальвинистахъ: «Другую секту слѣдовало бы назвать кликой (faction); эти реформаторы даютъ народу немножко свободы, чтобы помазать его по губамъ и заставить его думать, будто онъ самъ выбираетъ своихъ священниковъ; но даже въ этихъ мнимыхъ выборахъ они обманываютъ и надуваютъ народъ, оставляя ему лишь туманное, пустое названіе выборности, а на дѣлѣ предписываютъ ему подавать свои голоса за какого нибудь ученаго писаку, за питомца ихъ собственнаго заведенія; съ другой стороны, за ихъ спиной стоитъ еще синодъ и признаетъ ихъ выборы, каковы бы они ни были, недѣйствительными». (Цитировано по Benjamin Hanbury, Historical Memorials relating to the Independents, London 1839.) Кто изъ вышесказаннаго выводитъ родственность идей индепендентовъ съ анархизмомъ нашихъ дней, тотъ не очень ошибается; вся литература первыхъ индепендентовъ носитъ анархистскій отпечатокъ, а въ одномъ сочиненіи отъ 1622 года—«Путь къ миру», написанномъ епископомъ Галлемъ Экзетеромъ, говорится даже: «эти *анархистскія* факціи индепендентскихъ общинъ». Но ихъ «анархизмъ» касается преимущественно религіи и обращенъ исключительно противъ приверженцевъ христіанскаго евангелія. Въ то время, какъ идея государственной церкви дѣлаетъ церковь органомъ государства и орудіемъ въ его рукахъ, въ то время, какъ пресвитеріанство стремится сдѣлать государство орудіемъ церкви, исполнительнымъ органомъ составленнаго изъ мірянъ и священниковъ церковнаго синода, индепедентство является предшественникомъ доктрины объ отдѣленіи государства отъ церкви, провозглашенія требованія, обращеннаго сначала лишь къ послѣдователямъ христіанства, объ автономіи общинъ въ религіозныхъ дѣлахъ.

При Яковѣ I, наслѣдовавшемъ въ 1603 г. тронъ Елизаветы въ Англіи, оппозиціонныя теченія въ государствѣ и церкви получаютъ обильную пищу. Противъ сына Маріи Стюартъ, скорѣе шотландца, чѣмъ англичанина, парламентъ тотчасъ же становится въ оппозицію; власть Якова хотя и была достаточно сильна для того, чтобы до поры до времени игнорировать постановленія парламента, но все же недостаточна, чтобы задушить его голосъ и помѣшать распространенію столь непріятнаго ему пуританизма, который былъ въ Шотландіи уже очень силенъ и причинялъ королю много безпокойства. Уже въ первомъ созванномъ имъ парламентѣ засѣдало много пуританъ, и хотя этотъ парламентъ, по обычаю, вотировалъ королю пожизненный доходъ отъ пошлинъ (Tonnage and

poundage), онъ уклонился отъ дальнѣйшаго обсужденія предложеній, касающихся содержанія короля, и потребовалъ право провѣрить мандаты и выборы своихъ членовъ, вопреки нѣкоторымъ мѣропріятіямъ короля. Съ тѣхъ поръ конфликты между королемъ и парламентомъ не прекращались, и если послѣдній не прибѣгнулъ въ свою очередь къ насильственному противодѣйствію незаконнымъ мѣропріятіямъ короля, то онъ все же не позволилъ запугать себя ни угрозами, ни арестомъ своихъ вождей. Онъ не переставалъ энергично протестовать противъ нарушенія своихъ правъ, и одинъ изъ такихъ протестовъ, наиболѣе извѣстный, до того озлобилъ короля, что онъ въ декабрѣ 1621 г. собственноручно вырвалъ изъ протокольной книги нижней палаты тотъ листъ, на которомъ этотъ протестъ былъ записанъ. Затѣмъ онъ распорядился распустить парламентъ и арестовать многихъ его членовъ. Между прочимъ, былъ арестованъ Джонъ Пимъ, представитель Тавистока, впослѣдствіи вожакъ возстанія противъ Карла I. Вторымъ членомъ тогдашней оппозиціи былъ Томасъ Вентвортъ, представитель графства Іоркъ, впослѣдствіи лордъ Страффордъ и первый государственный совѣтникъ Карла I, кончившій жизнь свою на эшафотѣ за сына Якова.

Яковъ стремился достать денегъ всяческими путями: помощью принудительныхъ займовъ, торговлей титулами и чинами, продажей монополій. Послѣдній созванный имъ въ 1624 г. парламентъ, при началѣ войны съ Испаніей, хотя и вотировалъ средства для веденія войны, но тутъ же призналъ монополіи незаконными и выставилъ противъ секретаря казначейства, графа Мидльсекса, обвиненіе во взяточничествѣ, за которое графъ былъ позднѣе осужденъ. Въ 1625 г. Яковъ I умеръ и оставилъ сыну своему, Карлу, государство въ крайне безотрадномъ состояніи.

III. Утопія государственнаго канцлера Бэкона.

Годъ спустя послѣ смерти Якова умеръ и бывшій его государственный канцлеръ Френсисъ Бэконъ, баронъ Веруламъ, виконтъ Сентъ-Альбанъ. Въ 1621 году Бэконъ по предложенію парламента былъ обвиненъ во взяточничествѣ и подкупности и присужденъ къ высокому денежному штрафу и заключенію въ тюрьму «по желанію короля»; но король послѣ двухдневнаго заточенія помиловалъ его. Лишенный должностей, знаменитый ученый посвятилъ себя литературѣ и научнымъ занятіямъ. Среди оставленныхъ имъ бумагъ найденъ былъ отрывокъ утопіи на англійскомъ языкѣ: «Nova Atlantis». Хотя она имѣетъ очень мало общаго съ соціализмомъ, но все же интересно знать, каковъ былъ сто лѣтъ спустя

послѣ появленія «Утопіи» общественный идеалъ этого просвѣщеннаго философа имущихъ классовъ.

Заглавіе книги относится къ миѳической Атлантидѣ древнихъ, о которой говоритъ Платонъ въ «Тимеѣ»; подобно тому, какъ легенда о большомъ материкѣ по ту сторону Геркулесовыхъ Столбовъ наводитъ на мысль о томъ, что древніе знали о существованіи Америки, точно такъ же «Новая Атлантида» Бэкона должна быть понята, какъ указаніе на существованіе австралійскаго материка. Однако, описаніе его плохо соотвѣтствуетъ дѣйствительности; существованіе материка между Африкой и Южной Америкой вообще уже подозрѣвалось во времена Бэкона.

«Новая Атлантида», поскольку она разработана Бэкономъ, является скорѣе утопіей науки и техники, чѣмъ соціальной утопіей. Въ первомъ отношеніи она не безынтересна, представляя собою фантазію изъ области технологіи стоявшаго на высотѣ современной ему науки мыслителя; но фантазія эта сама по себѣ нынѣ уже устарѣла. Что же касается утопіи соціальныхъ нравовъ, то немногое, которое мы по этому поводу находимъ въ «Новой Атлантидѣ», не даетъ намъ основанія сожалѣть о томъ, что данное сочиненіе дошло до насъ въ видѣ отрывка. Не смотря на то, что авторъ часто прибѣгаетъ къ помощи чудеснаго и сверхестественнаго, писаніе остается страшно прозаичнымъ, представляетъ собою наборъ мелочей, въ то время, какъ утопія сама по себѣ никогда не поднимается выше самой близкой дѣйствительности, никогда не приближается къ высокому полету фантазіи Мора. Общество на «Венсалемѣ», какъ называютъ «Новую Атлантиду» его обитатели, поскольку можно судить, мало чѣмъ отличается по структурѣ своей отъ европейскаго общества XVII столѣтія; вы встрѣчаете въ немъ собственность, различіе въ состояніяхъ, чиновную іерархію и короля, который хотя «необычайно» мудръ, но является полнымъ самодержцемъ. Единственной достопримѣчательностью является орденъ ученыхъ, усердно занимающійся промышленными опытами. Институтъ этого ордена, подъ названіемъ «домъ царя Соломона», является хранилищемъ и питомникомъ всѣхъ полезныхъ знаній. Одинъ изъ «отцовъ» ордена даетъ въ описаніи учрежденій, приспособленій и изобрѣтеній института всю научную утопію Бэкона. Нѣкоторые считаютъ орденъ предтечей возникшаго потомъ массонства, но представленіе объ орденѣ дается настолько туманное, что можно предположить въ немъ все, что угодно. Имя «Соломонъ» намекаетъ на Якова I, котораго окружающіе льстецы сравнивали съ мудрымъ еврейскимъ царемъ.

Семейное торжество, на которомъ присутствуетъ разсказчикъ «Новой Атлантиды», рисуетъ намъ семью, построенную на тѣхъ же основахъ, что и англійская семья временъ Бэкона, нѣсколько лишь болѣе патріархальную;

мы узнаемъ также, что на Бенсалемѣ господствовала строгая моногамія и величайшее цѣломудріе. Браки, заключенные противъ воли родителей, хотя и не признаются расторгнутыми, но *дѣти* отъ такихъ браковъ получаютъ лишь треть наслѣдства отъ своихъ родителей! Отрадный образецъ буржуазной респектабельности той эпохи! Для успокоенія этой респектабельности вносятся поправки къ Мору: «Въ книгѣ одного изъ вашихъ я читалъ о вымышленномъ обществѣ», говорятъ разсказчику еврей—на Бенсалемѣ царитъ религіозная терпимость,—«въ которомъ, вступающимъ въ бракъ молодымъ людямъ разрѣшается предварительно видѣть другъ друга нагими. Это кажется имъ (обитателямъ Атлантиды) отвратительнымъ, потому что они считаютъ издѣвательствомъ отказъ отъ брака послѣ такого интимнаго знакомства. Они имѣютъ болѣе цивилизованное средство узнавать скрытые физическіе недостатки другъ друга» («a more civil may», сказано въ оригиналѣ). Другъ или родственникъ одного изъ желающихъ вступить въ бракъ можетъ видѣть другого въ банѣ. Какой прогрессъ по сравненію съ варваромъ—Моромъ!

Нѣсколько болѣе тонки замѣчанія Бэкона о проституціи, хотя рекомендуемыя имъ средства борьбы съ ней какъ-то: абсолютное запрещеніе проституціи и строгое единобрачіе,—указываютъ лишь на безсиліе буржуазнаго моралиста. Приводимъ здѣсь нѣкоторыя выдержки, характеризующія нравы той эпохи:

«Знай же, что у нихъ нѣтъ домовъ терпимости, ни какихъ-либо другихъ домовъ разврата, ни проститутокъ, ни чего-либо подобнаго. Да, они съ отвращеніемъ слышатъ о васъ, европейцахъ, что вы все это у себя позволяете. Они говорятъ, что вы отняли у брака его функціи, потому что бракъ установленъ какъ средство противъ незаконной похотливости, а естественное стремленіе къ половымъ наслажденіямъ служитъ стимуломъ къ вступленію въ бракъ. Если же у мужчинъ имѣется средство удовлетворить свои развратныя наклонности помимо брака, то послѣдній дѣлается излишнимъ. Вотъ отчего у васъ имѣется такъ безконечно много мужчинъ, которые не женятся вовсе и предпочитаютъ оставаться холостяками и вести развратную нечистую жизнь, чѣмъ накладывать на себя брачное ярмо; а многіе изъ тѣхъ, которые женятся, дѣлаютъ это поздно, когда цвѣтъ и сила молодости безвозвратно исчезли (Бэконъ самъ женился лишь на 45-мъ году своей жизни). Но если они даже и женятся, то развѣ бракъ для нихъ не является пустой сдѣлкой для полученія связей, состоянія и положенія? Къ этому присоединяется лишь крайне слабое желаніе имѣть потомство. Какъ отлична отъ такого брака истинная брачная связь между мужемъ и женой, издревле установленная!... Кутежи въ мѣстахъ разврата, въ публичныхъ домахъ такъ же мало на-

казуемы (въ Европѣ) по отношенію къ женатымъ людямъ, какъ и по отношенію къ холостымъ. А извращенная привычка къ разнообразію, наслажденіе, испытываемое отъ объятій проститутокъ (у которыхъ грѣхъ превращается въ искусство) заставляетъ видѣть въ бракѣ нѣчто скучное, своего рода принужденіе или повинность. Они слышали, что вы все это оправдываете тѣмъ, что этимъ предотвращается худшее зло, какъ напримѣръ, прелюбодѣяніе, обезчещеніе молодыхъ дѣвушекъ, противоестественные пороки и т. п. Но они говорятъ, что это глупое разсужденіе, называютъ это жертвой Лота, который, чтобы избавить гостей отъ оскорбленій, пожертвовалъ своими дочерьми. Они говорятъ еще далѣе, что этимъ мало выигрывается, потому что пороки и развратъ продолжаютъ существовать и распространяться, ибо недозволенныя страсти похожи на доменную печь: если вы тщательно закроете всѣ отверстія, огонь прекратится, но если вы оставите хоть малѣйшій доступъ воздуха, пламя вспыхнетъ съ новой силой. Что касается любви мужа, то они и понятія не имѣютъ объ этомъ чувствѣ,—и все же во всемъ свѣтѣ нѣтъ такой искренней и вѣрной дружбы, какъ у нихъ... У нихъ существуетъ поговорка, что не цѣломудренный не можетъ уважать себя, и они говорятъ, что самоуваженіе человѣка, на ряду съ религіей, единственно удерживаетъ отъ пороковъ...»

Въ «Новой Атлантидѣ» ревностнаго защитника реалистически-индуктивнаго метода изслѣдованія, Бэкона, религія играетъ гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ въ «Утопіи» католика Мора. Не усиліями людей, а сказочнымъ чудомъ достается обитателямъ Бенсалема евангеліе. Но это выдвиганіе религіи на первый планъ у Бэкона само по себѣ *не* удивительно, это естественный продуктъ эпохи, когда церковная жизнь перестала быть чѣмъ-то само собою понятнымъ, а стала дѣломъ пустой *условности*, признакомъ хорошаго тона хорошаго общества. Утопія Бэкона носитъ чисто буржуазный характеръ, выражаетъ благочестивое желаніе насквозь пропитаннаго буржуазнымъ духомъ идеолога. Это хорошо очищенная отъ отвратительныхъ пятенъ, безобразившихъ оригиналъ, точная и неизмѣненная копія общества, жившаго во времена автора. Ея девизъ: никакихъ переворотовъ, никакихъ несбыточныхъ проектовъ.

Только въ одномъ пунктѣ фантазія Бэкона уносится въ безбрежную высь: богатства Новой Атлантиды, масса ея продуктовъ потребленія—чрезмѣрны. Въ домѣ Соломона не философствуютъ по пустому: тамъ дѣлаются опыты и вычисленія, тамъ *производятъ*. Это *утопія производства*,—и въ данномъ отношеніи она находится въ соотвѣтствіи съ величайшими буржуазными умами той эпохи,—но она мало измѣняетъ существующіе способы производства и распредѣленія. «Цѣлью нашего

заведенія является познаніе причинъ и скрытой двигательной силы явленій, а также расширеніе границъ царства человѣка съ цѣлью достиженія всего, что только возможно». Такъ начинается описаніе Соломонова дома. Въ эпоху открытій, Бэконъ является предвѣстникомъ эпохи изобрѣтеній. Сама по себѣ эта задача не легкая, но горизонтъ суженъ, непосредственная выгода дѣлается руководящей нитью. Этимъ объясняется поразительная бѣднота идей въ отношеніи всего, что касается организаціи общества въ цѣломъ. «Утопія» Бэкона показываетъ силу, которой достигла буржуазная мысль его эпохи, она олицетворяетъ собою «идеалъ» буржуазной ограниченности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первые годы царствованія Карла I. Молодые годы Джона Лильбурна и начало преслѣдованій его.

Въ задачу настоящей книги не входитъ подробное изложеніе предшествующей исторіи и хода событій во время самой революціи въ Англіи. Но каждое движеніе можетъ быть понято лишъ въ связи съ сопровождающими его условіями; только въ связи съ ними можно изслѣдовать причины его происхожденія. Въ виду этого, а также и потому, что исторія англійской революціи мало извѣстна рабочему классу въ Германіи, мы считаемъ необходимымъ остановиться хотя бы вкратцѣ на тѣхъ страницахъ ея, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія. Далѣе, въ виду того, что движеніе левеллеровъ является фокусомъ радикальныхъ теченій въ революціи, а движеніе это, какъ мы уже отмѣтили во введеніи, концентрируется вокругъ личности Джона Лильбурна, мы должны въ своемъ изложеніи коснуться біографіи этого замѣчательнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ личной судьбѣ Лильбурна до извѣстнаго времени отражаются, какъ въ зеркалѣ, главнѣйшія фазы революціи.

Джонъ Лильбурнъ родился въ Гринвичѣ, вблизи Лондона, въ 1615 г. (по другимъ источникамъ въ 1617 году). Его отецъ, Ричардъ Лильбурнъ, принадлежалъ къ англійскому мелкому дворянству,—къ классу состоятельныхъ, нефеодальныхъ землевладѣльцевъ, задававшихъ тонъ въ нижней палатѣ. О немъ разсказываютъ, что онъ былъ послѣднимъ англичаниномъ, который публично рѣшилъ спорный вопросъ единоборствомъ; отъ него же Джонъ унаслѣдовалъ боевую натуру. Родовое имѣніе семьи находилось

въ Дургамѣ (въ сѣверной Англіи); тамъ же, и отчасти въ Ньюкестлѣ, Лильбурнъ провелъ свои дѣтскіе годы. Онъ былъ младшимъ сыномъ [1]) и долженъ былъ, по окончаніи курса ученія, подумать о карьерѣ, чтобы имѣть средства къ существованію. Въ 1630 г. онъ поступилъ ученикомъ къ богатому купцу въ Сити, торговцу полотномъ Томасу Гьюсону.

Атмосфера была уже крайне сгущенная. Личность Карла I была не такъ антипатична, какъ личность его отца, который мнилъ себя великимъ ученымъ и этимъ нажилъ себѣ, пожалуй, больше враговъ, чѣмъ своимъ пьянствомъ и отталкивающими манерами. Тѣмъ не менѣе, сынъ сумѣлъ еще въ большей степени возстановить противъ себя весь народъ. Довольно способный, онъ былъ, однако, слабохарактернымъ; къ этому прибавлялось упрямое и нелѣпое высокомѣріе. Роковую роль сыграла для него и жена его Генріетта Французская, сестра Людовика XIII, которая воспиталась въ еще болѣе абсолютическихъ понятіяхъ, чѣмъ Карлъ, и поддерживала самодержавныя наклонности въ мужѣ. Уже съ самаго начала своего царствованія онъ возстановилъ противъ себя многихъ искреннихъ монархистовъ тѣмъ, что, добиваясь руки Генріетты, обѣщалъ терпѣть католиковъ въ Англіи и поддерживалъ Ришелье въ его борьбѣ противъ гугенотовъ [2]). Можно было опасаться католической реакціи, и первый же парламентъ, созванный Карломъ I лѣтомъ 1625 г., обнаружилъ непокорность. Вмѣсто того, чтобы вотировать ему пожизненный доходъ съ пошлины на припасы, онъ вотировалъ его пока лишь на одинъ годъ и потребовалъ разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ и обвиненій, поднятыхъ противъ мѣропріятій друзей и совѣтниковъ короля. Парламентъ былъ распущенъ, и Карлъ досталъ нужныя ему деньги путемъ займа. Въ началѣ 1626 г. Карлъ вновь созвалъ парламентъ и попробовалъ помочь себѣ тѣмъ, что сдѣлалъ невозможнымъ вторичное избраніе нѣкоторыхъ наиболѣе оппози-

---

[1]) Старшій братъ его, Робертъ Лильбурнъ, занималъ во время гражданской войны высокій офицерскій постъ въ образцовой арміи Кромвеля и участвовалъ въ чрезвычайномъ государственномъ судѣ, присудившемъ Карла I къ смертной казни. Младшій братъ Джона, Генри Лильбурнъ, тоже состоялъ въ парламентской арміи и былъ назначенъ Кромвелемъ въ 1648 г. губернаторомъ Тайнмутъ-Кестля; однако, когда разрывъ между парламентомъ и войскомъ дошелъ до высшей точки обостренія, онъ ушелъ изъ войсковой партіи и былъ убитъ собственными солдатами, когда уже готовъ былъ сдать крѣпость спѣшившимъ на помощь Карлу I въ 1648 г. шотландскимъ пресвитеріанамъ.

[2]) Изъ-за этого брака онъ пожертвовалъ также и интересами протестантовъ въ Германіи, -поскольку они въ эпоху царствованія Карла I, во время тридцати-лѣтней войны, зависѣли отъ Англіи; это еще болѣе ожесточило многихъ англійскихъ протестантовъ.

ціонно настроенныхъ лицъ: кое-кого изъ предполагаемыхъ кандидатовъ онъ назначилъ на должность шерифовъ, а нѣкоторымъ графствамъ вовсе не послалъ приглашенія участвовать въ выборахъ. Однако, средство это не помогло. Духъ оппозиціи былъ настолько силенъ, что новый парламентъ; едва собравшись, назначилъ комиссіи для установленія привилегій парламента, для изслѣдованія религіозныхъ дѣлъ и состоянія страны. Вторымъ его шагомъ было преданіе суду совѣтчика короля и перваго его министра, герцога Букингама. Король въ бѣшенствѣ приказалъ арестовать двухъ членовъ парламента, внесшихъ предложеніе о преданіи суду; тогда парламентъ заявилъ, что онъ не приступитъ къ занятіямъ до тѣхъ поръ, пока всѣ его члены не будутъ налицо; король долженъ былъ выпустить арестованныхъ, не добившись отмѣны постановленія. Онъ опять распустилъ парламентъ и рѣшилъ прибѣгнуть къ незаконному взиманію пошлины и къ выпуску крупнаго принудительнаго займа, участіе въ которомъ со всѣхъ каѳедръ *государственной церкви* было провозглашено обязанностью и долгомъ всѣхъ христіанъ.

Однако, вліяніе государственной церкви на платежеспособное населеніе съ каждымъ днемъ все уменьшалось. Богатые купцы Сити почти сплошь были пуритане также, какъ и громадное число нищаго дворянства и буржуазныхъ землевладѣльцевъ; даже лица изъ высшей аристократіи все чаще поворачивались спиной къ государственной церкви. Карлъ сумѣлъ испортить свои отношенія не только съ простымъ народомъ, но и съ лордами. Центръ тяжести, впрочемъ, и тогда уже лежалъ въ «нижней палатѣ», которая далеко превосходила палату лордовъ въ смыслѣ представленныхъ въ ней состояній. По Юму, размѣръ собственности, представленной въ 1628 г. въ палатѣ общинъ, въ *три раза* превышалъ общую сумму состояній, представленныхъ въ палатѣ лордовъ *). Своей численностью пуритане превосходили крайнихъ сторонниковъ государственной церкви, умѣренныхъ ея приверженцевъ и католиковъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Послѣ двухъ лѣтъ противоконституціоннаго взиманія податей, сажанія въ тюрьмы отказывавшихся платить подати, и травли противниковъ военными постоями, Карлъ I вновь увидѣлъ себя вынужденнымъ созвать въ 1628 г. третій парламентъ, тѣмъ болѣе, что всѣ его внѣшнія военныя операціи окончились неудачей. Новый парламентъ вынудилъ у запутавшагося въ долгахъ короля согласіе на знаменитое «тре-

*) При Карлѣ I палата лордовъ состояла изъ 97 свѣтскихъ и 26 духовныхъ „лордовъ“, въ то время, какъ въ палату общинъ входило 90 представителей отъ графовъ, 4 представителя отъ университетовъ и свыше 400 представителей отъ городовъ и мѣстечекъ.

бованіе правъ» (Petition of Rights), по которому: 1) ни одинъ свободный гражданинъ не можетъ быть принуждаемъ къ поднесенію подарковъ, къ займамъ и къ уплатѣ податей, не вотированныхъ парламентомъ; 2) ни одинъ свободный гражданинъ не можетъ быть арестованъ и содержимъ въ тюрьмѣ вопреки закону; 3) солдаты и матросы не могутъ быть принудительнымъ образомъ расквартированы въ частныхъ домахъ; 4) никакія военносудныя комиссіи не должны болѣе назначаться.

Лишь послѣ того, какъ Карлъ подписалъ петицію, парламентъ вотировалъ ему средства на продолженіе войны съ Испаніей; этимъ сессія была закончена. Карлъ, однако, совсѣмъ иначе понималъ значеніе данной имъ послѣ всевозможныхъ увертокъ подписи, чѣмъ парламентъ, и вновь началъ взимать невотированныя парламентомъ пошлины и сажать непокорныхъ въ тюрьму. Онъ привлекъ на свою сторону бывшаго вождя оппозиціи весьма одареннаго и энергичнаго Вентворта, а въ церковныхъ дѣлахъ во всемъ слушался указаній не менѣе энергичнаго епископа Лауда. Лаудъ слылъ покровителемъ духовенства, благорасположеннымъ къ католикамъ, и приверженцемъ католическаго ритуала. Назначеніе его было принято пуританами за новый вызовъ со стороны короля, и, когда въ январѣ 1629 года парламентъ опять открылъ свои засѣданія, борьба между нимъ и королемъ возгорѣлась съ новой силой. Градъ обвиненій посыпался на правительство короля. Требованіе короля, чтобы парламентъ прервалъ свои засѣданія, встрѣтило открытое сопротивленіе, и напуганный королемъ спикеръ палаты былъ принужденъ насильно выслушать всѣ обвиненія. Послѣ этого король распустилъ парламентъ и арестовалъ 9 главныхъ участниковъ «мятежнаго» дѣянія; несмотря на ихъ неприкосновенность, въ качествѣ членовъ парламента, онъ всевозможными низкими уловками заставилъ судей королевской скамьи присудить ихъ къ заключенію въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока они не принесутъ раскаянія, и не уплатятъ высокихъ денежныхъ штрафовъ. Самый большой штрафъ былъ наложенъ на «коновода» сера Джона Элліота; послѣдній, кромѣ того, былъ заключенъ въ Тоуэръ, гдѣ онъ и умеръ въ 1632 г. въ тяжелыхъ страданіяхъ, упорно отказываясь, хотя бы формально, подчиниться.

Въ этотъ парламентъ входилъ, между прочимъ, и одинъ молодой, перешедшій въ пуританство, гражданинъ и землевладѣлецъ изъ Гентингдона. родственникъ вождя оппозиціи Джона Гампдена, *Оливеръ Кромвелль* Послѣ распущенія парламента слѣдовалъ, въ теченіе 11 лѣтъ, режимъ абсолютнаго произвола. Вмѣстѣ съ епископомъ Лаудомъ, Вентвортъ и другіе перебѣжчики составили министерство короля послѣ того, какъ прежній приближенный, Бэкингамъ, умеръ отъ ножа непокорнаго Фельтона. Не законнымъ образомъ взимались налоги, незаконно сдавались въ аренду

монополіи, люди подвергались незаконнымъ и жестокимъ преслѣдованіямъ, производились незаконныя конфискаціи. Вентвортъ отправился въ Іоркъ, чтобы, въ качествѣ предсѣдателя «Сѣвернаго совѣта», «до основанія»— «thorough», какъ писалъ онъ въ своихъ письмахъ,—искоренить мятежный духъ въ пуританахъ сѣверныхъ графствъ, занявшихъ угрожающее положеніе. Однако, всѣ его преслѣдованія привели лишь къ тому, что едва не вызвали вооруженнаго возстанія. Пуритане пока-что оказывали тамъ, какъ и повсемѣстно, сопротивленіе, не сходя съ почвы законности. Они разсылали странствующихъ проповѣдниковъ, содержали въ бѣдныхъ округахъ постоянныхъ агитаторовъ и учредили фондъ для пропаганды, въ которомъ видное денежное участіе приняло лондонское Сити; несмотря на то, что Лаудъ распорядился конфисковать кассы этого фонда, размѣры пропаганды нисколько не сокращались. Незаконныя обложенія и другія фискальныя мѣропріятія правительства, по существу нерѣдко правильныя, но казавшіяся *несправедливыми*, благодаря ихъ незаконности и вслѣдствіе открытой вражды къ противникамъ, все больше возмущали народъ и увеличивали лагерь церковной и политической оппозиціи. Это относится въ первую голову къ такъ называемому «корабельному сбору»,—налогу для покрытія фиктивныхъ расходовъ по охранѣ морского берега; Карлъ взималъ его сначала лишь въ приморскихъ графствахъ, а затѣмъ (въ 1635 г.) распространилъ, вопреки всѣмъ обычаямъ, и на внутреннія графства. Раболѣпные судьи объявили этотъ актъ законнымъ потому, что король вообще не можетъ совершить ничего противозаконнаго, и Джонъ Гэмпденъ, отказавшійся платить этотъ налогъ, былъ осужденъ. Масса населенія, правда, не доходила до рѣзкаго протеста, но оказывала своего рода пассивное сопротивленіе, и взиманіе корабельнаго сбора совершалось съ такими трудностями, что издержки по взиманію едва покрывались даваемымъ имъ доходомъ.

Большое возмущеніе вызвали и церковныя новшества Лауда, назначеннаго въ 1633 году архіепископомъ кентерберійскимъ и сдѣлавшагося, вмѣстѣ съ тѣмъ, примасомъ государственной церкви. Ритуалъ государственной церкви все болѣе сталъ приближаться къ ритуалу римской церкви. Нельзя забывать того, что это происходило въ такое время, когда въ Германіи свирѣпствовала тридцатилѣтняя война, и папская реакція въ Англіи могла оказаться роковой для протестантовъ всей Европы. Прессы въ современномъ смыслѣ тогда еще не существовало—первый листокъ съ извѣстіями появился въ 1640 г.—зато оппозиція широко пользовалась памфлетной литературой; эти памфлеты печатались большей частью въ Голландіи, гдѣ власть находилась въ то время въ рукахъ каль-

винистовъ и которая была поэтому для англійскихъ единовѣрцевъ страной золотой свободы.

Преслѣдованія епископовъ, которымъ подвергались въ большинствѣ случаевъ священники, были еще ужаснѣе, чѣмъ чисто политическія преслѣдованія. Времена сжиганія на кострахъ, правда, прошли, но зато судъ звѣздной палаты или государственная судебная комиссія приговаривали къ ударамъ плетьми, къ отрѣзанію носовъ и ушей и тому подобнымъ звѣрскимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Кромѣ того, налагались такіе неимовѣрно высокіе денежные штрафы, что присужденные почти никогда не были въ состояніи уплатить ихъ и продолжали оставаться въ рукахъ преслѣдователей.

Таково было общее положеніе дѣлъ ко времени ученичества Лильбурна. Хозяинъ будущаго левеллера былъ строгимъ пуританиномъ: Лильбурнъ уже въ Ньюкестлѣ водилъ знакомства съ «людьми просвѣщенными и вліятельными», какъ онъ выразился въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ памфлетовъ. Въ Лондонѣ онъ отдавалъ все свое свободное время чтенію религіозныхъ и историческихъ книгъ и, будучи еще ученикомъ, принималъ дѣятельное участіе въ религіозно-политической пропагандѣ. Это не было чѣмъ-то необыкновеннымъ; ученики въ тѣ времена вообще играли немаловажную роль въ общественной жизни Лондона. Исторія сообщаетъ намъ о всевозможныхъ политическихъ демонстраціяхъ учениковъ, къ которымъ относились весьма серьезно въ то время, какъ подмастерья или рабочіе остаются совсѣмъ незамѣтными на фонѣ тогдашней политической жизни. И это вполнѣ понятно. Учениками почтеннаго лондонскаго купечества состояли въ частности сыновья «джентльменовъ», умѣвшіе владѣть оружіемъ. Кромѣ того, семилѣтній срокъ ученичества приводилъ къ тому, что молодые люди въ 20 и болѣе лѣтъ были еще учениками, какъ въ торговлѣ, такъ и въ ремеслѣ. Въ рабочемъ статутѣ Эдуарда VI отъ 1547 г. говорится, напримѣръ, что каждый имѣетъ право отнять у бродяги его дѣтей и отдать въ ученье «мальчиковъ *до 24-хъ лѣтъ*». И если въ статутѣ Елизаветы отъ 1563 года говорится, что на трехъ учениковъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, одинъ подмастерье, то вполнѣ можно предположить, что на практикѣ это отношеніе не соблюдалось. Такимъ образомъ, подмастерья, уже въ силу своей сравнительной малочисленности, не могли играть въ ремеслѣ особенно крупной роли, что подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что вообще очень точный англійскій языкъ не имѣетъ ни одного слова, которое соотвѣтствовало бы нѣмецкому «Geselle» (подмастерье). Кто не «Master» (мастеръ) и не «Apprentice» (ученикъ), тотъ «Journeyman», что скорѣе всего соотвѣтствуетъ понятію поденщика или просто рабочаго. По окончаніи срока

ученичества каждый стремился поскорѣе устроиться самостоятельно; тѣ же, которымъ это не удавалось, примыкали, повидимому, въ публичныхъ демонстраціяхъ къ «ученикамъ».

Лильбурну было приблизительно 20 лѣтъ, когда онъ, будучи еще, какъ выше указывалось, ученикомъ, въ 1636 году оказался уже настолько скомпрометированнымъ въ организаціи распространенія запрещенныхъ и провезенныхъ контрабандой религіозно-политическихъ памфлетовъ, что вынужденъ былъ скрыться въ Голландію, чтобы не попасть въ лапы епископскихъ шпіоновъ. Во время его отсутствія, нѣкоторые изъ авторовъ этихъ листковъ, врачъ І. Баствикъ, другъ Лильбурна, адвокатъ В. Принъ и священникъ Г. Буртонъ были подвергнуты, происками всемогущаго архіепископа Лауда, жестокому наказанію: у нихъ отрѣзали или, вѣрнѣе, отпилили уши. У Прина на щекахъ были, кромѣ того, вытѣснены буквы S. L. (Seditions Libeller—составитель возмутительныхъ подметныхъ писемъ), и всѣ трое были подвергнуты наказанію плетьми, были выставлены къ позорному столбу и отправлены въ отдаленныя мѣста заключенія. Возложенный на Прина денежный штрафъ равнялся 20,000 фунтамъ стерлинговъ, что по теперешней цѣнности денегъ составляетъ около $^1/_2$ милліона марокъ (200,000 рублей). [1])

Само собою разумѣется, что въ «свободной» Голландіи Лильбурнъ не оставался празднымъ, и, когда онъ въ декабрѣ 1637 года вернулся въ Англію, въ надеждѣ, что о немъ уже забыли, онъ тотчасъ по прибытіи былъ завлеченъ въ западню и арестованъ, благодаря предательству, по всей вѣроятности, подкупленнаго слуги его друга декатировщика І. Вартона, томившагося уже тогда въ тюрьмѣ. По словамъ Лильбурна, выдавшій его человѣкъ былъ взятъ при распространеніи запрещенной литературы,

---

[1]) Первоначальное преступленіе его состояло въ томъ, что онъ написалъ толстую, нынѣ неудобочитаемую книгу о театрѣ: „Histriomastix" („бичъ актера"), въ которой онъ доказывалъ, что театральныя представленія являются „грѣховными, языческими, легкомысленными, безбожными зрѣлищами". На изданіе этой книги онъ получилъ разрѣшеніе отъ капеллана, предшественника Лауда, архіепископа Аббота. Но такъ какъ книга эта появилась незадолго до одного спектакля въ домѣ Сомерсета, въ которомъ принимала участіе и королева, а Принъ, къ тому же, уже давно возбудилъ ненависть двора за свои рѣзкія рѣчи, то книга послужила поводомъ къ уголовному преслѣдованію, приведшему къ тяжелымъ наказаніямъ для Прина, еще до того приговора, о которомъ мы говорили выше. Брошюра, написанная въ тюрьмѣ, озаглавленная: „News from Ipswich", въ которой онъ съ непоколебимой смѣлостью фанатика называетъ епископовъ государственной церкви жадными волками, дала возможность привлечь его къ суду звѣздной палаты.

и ему обѣщана была полная безнаказанность, если онъ возьметъ на себя роль шпіона,—методъ, который примѣняется любителями еще и въ 19 вѣкѣ.

Поведеніе Лильбурна въ этомъ первомъ процессѣ характерно для его манеры держаться во всѣхъ остальныхъ процессахъ. Онъ былъ идеальнымъ борцомъ за право. Обвиненіе гласитъ, что въ голландскомъ городѣ Дельфтѣ онъ печаталъ различные «позорные», т.-е. оппозиціонные летучіе листки, которые и препровождалъ контрабанднымъ путемъ въ Англію. Послѣ многихъ недѣль предварительнаго заключенія Лильбурнъ предсталъ предъ адвокатомъ звѣздной палаты, т.-е. передъ своимъ обвинителемъ. Лильбурнъ энергично возражалъ противъ приписываемыхъ ему обвиненіемъ поступковъ и противъ правильности ихъ изложенія, и рѣшительно отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ показаній, не чувствуя въ себѣ ни призванія, ни обязанности быть собственнымъ обвинителемъ. Понятно, что ему пришлось вернуться обратно въ тюрьму. Чрезъ 10—12 дней онъ снова былъ вызванъ въ зданіе звѣздной палаты на допросъ, но онъ выказалъ еще большую рѣшимость ни на волосъ не уступать въ своемъ правѣ. Онъ категорически отказался выполнить тѣ формальности, которыми онъ какъ бы признавалъ всю процедуру звѣздной палаты законной, и ни уговоры, ни угрозы не могли заставить его дать установленную присягу, обязывавшую его обвинить самого себя. Онъ снова былъ ввергнутъ въ тюрьму съ тѣмъ, чтобы черезъ 5 недѣль, 9-го февраля 1638 г., предстать уже передъ самой всевластной судебной палатой. Получился тотъ же результатъ. Ни угрозы графа Дорсета, ни насмѣшки архіепископа Лауда не могли заставить измѣнить его принципіальное отношеніе къ дѣлу. Послѣ трехдневнаго пребыванія въ карцерѣ за «непослушаніе судебной палатѣ», Лильбурнъ, вмѣстѣ съ Вартономъ, тоже отказавшимся отъ всякихъ показаній, былъ присужденъ къ 500 фунтамъ стерлинговъ штрафу и оба были оставлены въ флитской тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока они не согласятся подчиниться предписаніямъ судебной палаты. Но для того, чтобы предостеречь другихъ отъ такого упрямаго поведенія, было затѣмъ рѣшено подвергнуть Лильбурна публичному наказанію плетьми и выставить его, вмѣстѣ съ престарѣлымъ Вартономъ, къ позорному столбу.

Это наказаніе было совершено надъ обоими по всей строгости закона 18-го апрѣля. Всю дорогу отъ флитскаго моста—гдѣ нынѣ находится Людгэтскій циркъ—до Вестминстерскаго аббатства свистѣла треххвостая плеть надъ обнаженной спиной Лильбурна; но когда онъ почти въ безчувственномъ состояніи дошелъ до мѣста и его опять спросили, не желаетъ ли онъ признать свое поведеніе ошибочнымъ и этимъ избавиться

отъ позорнаго столба,—тоже какъ извѣстно, связаннаго съ физическими страданіями,—онъ далъ прежній отвѣтъ: ради праваго дѣла, которое онъ защищаетъ, ему не страшны новыя страданія. Отверстіе у позорнаго столба для головы было устроено слишкомъ низко, онъ долженъ былъ стоять съ согнутой спиной; но, несмотря на усиленныя благодаря этому муки, онъ вынесъ и это наказаніе, съ непоколебимой твердостью духа. Три подсунутыхъ ему экземпляра инкриминированныхъ «постыдныхъ» листковъ упомянутаго выше доктора Баствика онъ бросилъ въ толпу, изложилъ передъ нею всю незаконность содѣяннаго надъ нимъ и такъ краснорѣчиво изобразилъ жестокость епископовъ, что присутствующій чиновникъ нашелъ нужнымъ заткнуть ему ротъ. Такъ продолжалъ онъ молча стоять еще $1^1/_2$ часа, съ жгучей болью въ спинѣ, съ непокрытой головой подъ палящими лучами солнца. Но когда кончилось это время наказанія, онъ воскликнулъ: «я болѣе, чѣмъ побѣдитель, благодарю того, кто любитъ меня». Въ наказаніе за эти задорныя слова звѣздная палата постановила заковать его по рукамъ и ногамъ и содержать въ строгомъ одиночномъ заключеніи въ тюремномъ помѣщеніи, предназначенномъ для «худшихъ и наиболѣе низкихъ преступниковъ», а также лишить его права пользоваться матеріальной поддержкой друзей. И это было выполнено буквально, даже врачъ, обязанный лечить его раны, былъ допущенъ къ нему только одинъ разъ, и лишь послѣ многочисленныхъ жалобъ и взятокъ, ему было разрѣшено замѣнить выданныя ему слишкомъ тѣсныя ножныя и ручныя кандалы новыми, нѣсколько болѣе широкими, купленными на свой счетъ. Въ безмѣрно грязной и вонючей конурѣ онъ долго терпѣлъ невыносимыя муки и много разъ считалъ уже себя близкимъ къ смерти. Въ концѣ концовъ онъ согласился написать въ Государственный Совѣтъ, прося о лучшемъ обращеніи; отвѣтъ гласилъ, что это будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если онъ выразитъ раскаяніе, послѣ чего Лильбурнъ тотчасъ же отказался отъ своего ходатайства. Онъ заявилъ, что до тѣхъ поръ, пока ему не докажутъ, что онъ не правъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ отречься отъ своихъ взглядовъ, хотя охотнѣе отправился бы въ Тибурнъ или въ Смитфильдъ, т. е. охотнѣе подвергся бы колесованію или повѣшенію, чѣмъ долѣе выносить пытку заточенія. Однако, ему пришлось пробыть въ тюрьмѣ еще свыше двухъ лѣтъ, пришлось бы вѣроятно просидѣть еще дольше, или найти тамъ, какъ многіе другіе, смерть, если бы политическій переворотъ зимою 1640/1641 г. не принесъ, наконецъ, избавленія ему и многимъ его товарищамъ по страданію.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что насильственныя мѣропріятія противъ сектантовъ имѣли послѣдствіемъ выселеніе многихъ ткачей изъ Норфолька, Суффолька и Іоркшира. Часть изъ нихъ отправилась въ Нидерланды, гдѣ

ихъ приняли съ распростертыми объятіями точно также, какъ столѣтіе раньше Англія принимала бѣглецовъ изъ Голландіи, можетъ быть дѣдовъ и прадѣдовъ нынѣ бѣжавшихъ изъ нея. Другіе искали счастья въ возникавшихъ тогда колоніяхъ Сѣверной Америки. Но все же въ Англіи оставалось еще достаточно людей, хранившихъ старыя традиціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Парламентъ и королевская власть.—Пресвитеріане и индепенденты.—Опасныя для государства секты.—Народъ и парламентъ.

«Въ горахъ раздался первый выстрѣлъ!» Карлъ I и Лаудъ сдѣлали попытку ввести епископальное устройство и католическую литургію английской государственной церкви также и въ Шотландіи, гдѣ общепризнанной церковью уже съ 1592 г. была пресвитеріанская. Они надѣялись сломить силу сопротивленія шотландцевъ постепеннымъ, но твердымъ образомъ дѣйствій; однако имъ пришлось жестоко разочароваться. Уже въ 1637 г. вспыхнуло открытое возмущеніе, и было образовано своего рода временное правительство, въ которомъ имѣли свое представительство всѣ четыре класса: дворянство, джентри (мелкіе землевладѣльцы), буржуазія и духовенство, и провозглашенъ былъ великій народный союзъ—національный „Covenant“, которому всѣ присягнули. Не будучи въ состояніи сразу подавить возстаніе силой, Карлъ I вынужденъ былъ вступить въ переговоры, длившіеся довольно долго. Вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ умышленно затягивалъ ихъ; но всѣ эти переговоры дали лишь возможность непоколебимымъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ шотландцамъ показать Карлу I, что они слишкомъ хорошо его знаютъ для того, чтобы позволить обмануть себя его тактикой угрозъ и лести и всевозможными обѣщаніями, которыя давались лишь для того, чтобы при первомъ же случаѣ нарушить ихъ [1]). Лѣтомъ 1639 г. Карлъ съ нѣсколькими полками хотѣлъ перейти границу Шотландіи около Бервина, но встрѣченный воору-

[1]) Насколько они были правы, показываютъ сохранившіяся письма Карла I къ своему намѣстнику Гамильтону. „Главная ваша задача состоитъ въ томъ, чтобы выиграть время и дать возможность имъ (присягнувшимъ Covenant'ѣ) надѣлать побольше глупостей, пока мнѣ не удастся подавить ихъ“, говорится въ одномъ изъ этихъ писемъ.

женными шотландцами, онъ вынужденъ былъ заключить перемиріе. Но такъ какъ Карлъ совершенно не желалъ выполнить данныхъ при этомъ обѣщаній, ему не оставалось ничего другого, какъ послать въ Шотландію сильное, годное къ боевымъ дѣйствіямъ, войско; для этого ему нужно было имѣть больше денегъ, чѣмъ давали принудительные налоги и другія его финансовыя комбинаціи. Главнымъ приближеннымъ Карла все еще оставался Вентвортъ, позднѣе графъ Страффордъ, который хитростью и насиліемъ угнеталъ Ирландію и состряпалъ тамъ покорный парламентъ, вѣрнѣе псевдопарламентъ. По совѣту этого безстыднаго насильника, Карлъ I рѣшился весною 1640 г., послѣ 11-тилѣтняго антиконституціоннаго управленія, созвать снова англійскій парламентъ. 13-го апрѣля 1640 г. онъ собрался въ Лондонѣ. Но вмѣсто того, чтобы исполнить желаніе короля и вотировать ему, прежде всего, средства для подавленія обложившихъ границу (Англія и Шотландія еще были отдѣльными королевствами) шотландскихъ мятежниковъ, парламентъ выразилъ желаніе предварительно разслѣдовать законность предпринятыхъ за протекшія 11 лѣтъ правительствомъ Карла I фискальныхъ обложеній и политическихъ преслѣдованій. Взбѣшенный Карлъ снова прибѣгнулъ къ распущенію парламента 5-го мая. Онъ снова сдѣлалъ попытку собрать деньги насильственнымъ путемъ. Все это дѣлалось подъ вліяніемъ Страффорда, полагавшаго, что стоитъ только повѣсить пару ольдерменовъ, и Сити моментально образумится. Но этотъ образъ дѣйствій вызвалъ больше возмущенія, чѣмъ далъ денегъ, поведеніе населенія Лондона и провинціи дѣлалось все болѣе угрожающимъ, дѣло дошло до безпорядковъ, заставившихъ короля отправить свою беременную жену въ Гринвичъ. Наконецъ, шотландцы, давно уже состоявшіе въ непосредственной связи съ вожаками оппозиціи въ Англіи, переступили съ сильнымъ войскомъ границу. Стѣсненному со всѣхъ сторонъ королю не оставалось другого выхода, какъ отступить и снова созвать парламентъ. Посланныя противъ шотландцевъ войска оказались ненадежными. За время недолгаго похода, окрещеннаго солдатами «войной епископовъ», войска выказали больше желанія воевать противъ этихъ самыхъ епископовъ и противъ собственныхъ офицеровъ, чѣмъ противъ шотландцевъ; при первой же стычкѣ, послѣ первыхъ же выстрѣловъ солдаты бѣжали, и четыре сѣверныхъ графства были безъ труда заняты шотландцами.

Послѣ того, какъ потерпѣла крушеніе и послѣдняя попытка Карла натравить лордовъ на палату общинъ, осенью 1640 г. были назначены новые выборы въ парламентъ. Какъ легко можно понять, эти выборы дали еще болѣе неблагопріятные для короля результаты, чѣмъ всѣ предыдущіе. Оппозиція основательно изучила за время долголѣтнихъ преслѣдованій искусство агитаціи. Въ новомъ парламентѣ врядъ ли можно было найти

хотя бы двухъ депутатовъ, приверженцевъ короля, но тѣмъ многочисленнѣе были ряды его противниковъ. Вожди оппозиціи рѣшили воспользоваться безвыходнымъ положеніемъ, въ которое поставилъ себя Карлъ, чтобы окончательно закрѣпить за парламентомъ его права. Эти непокорные кальвинисты слѣдовали больше старому завѣту и ученію Самуила и пророковъ о монархіи, чѣмъ положенію новаго завѣта: «воздайте кесарево кесарю». Они были настолько непатріотичны, что позволили невозбранно оставаться шотландцамъ въ занятыхъ ими графствахъ до тѣхъ поръ, пока сами не свели своихъ счетовъ съ королемъ. Говорятъ даже, «что Джонъ Гампденъ, человѣкъ строгой «законной оппозиціи», самъ предложилъ шотландскимъ вожакамъ вторгнуться въ предѣлы Англіи. Народные пѣвцы воспѣвали шотландцевъ, какъ спасителей англійскаго народа, и не подлежитъ сомнѣнію, что никто ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы, въ случаѣ нужды, продолжать совмѣстныя дѣйствія съ шотландцами противъ короля. Дальнѣйшія событія, впрочемъ, доказали, что было вполнѣ благоразумно оставить шотландцевъ въ странѣ въ резервѣ. Заговоры роялистскихъ военачальниковъ противъ парламента не прекращались, и Карлъ самъ съ болью въ сердцѣ нетерпѣливо ждалъ того момента, когда можно будетъ съ оружіемъ въ рукахъ напасть на представителей своего возлюбленнаго народа.

Но пока что ему приходилось дѣлать уступку за уступкой. Онъ долженъ былъ пожертвовать своимъ другомъ и совѣтчикомъ Страффордомъ, который былъ преданъ парламентомъ суду, какъ государственный преступникъ, былъ присужденъ къ смертной казни [1]) и обезглавленъ 12-го мая 1641 г. Онъ долженъ былъ молча взирать на то, какъ архіепископъ Лаудъ тоже былъ обвиненъ въ государственномъ преступленіи и брошенъ до суда въ Тоуэръ (судъ и казнь надъ нимъ состоялись лишь зимою 1644—1445 года). Онъ долженъ былъ дать свое согласіе на новый законъ, по которому не позже, чѣмъ черезъ три года послѣ роспуска парламента, долженъ собраться новый, даже въ случаѣ, если король не будетъ созывать его. Далѣе, онъ долженъ былъ согласиться на законъ, по которому парламентъ не можетъ быть помимо его собственнаго желанія ни закрытъ, ни распущенъ, и на другіе законы, отмѣнявшіе судъ звѣздной

[1]) Формально, впрочемъ, не „на законномъ основаніи“, ибо Пимъ, который обвинялъ его, долженъ былъ съ горестью убѣдиться, что законъ знаетъ лишь государственное преступленіе противъ *короля*, но ни въ коемъ случаѣ противъ народа или страны. Довольно смѣшно, однако, когда просвѣщенный Юмъ и др. считаютъ казнь Страффорда болѣе чудовищнымъ преступленіемъ, чѣмъ *всѣ* акты насилія, совершенные самимъ Страффордомъ. Властитель, попирающій законъ ногами, самъ становится внѣ закона.

палаты, церковное государственное судилище и отнимавшіе у королевскаго государственнаго совѣта («Privy Council») право налагать аресты и выносить судебные приговоры. Лишь послѣ того, какъ все это было сдѣлано, шотландская армія въ августѣ 1641 г. была объявлена распущенной, и король приготовился къ поѣздкѣ въ Шотландію, чтобы вступить тамъ въ переговоры съ мѣстнымъ парламентомъ; но такъ какъ ему не довѣряли и опасались новыхъ интригъ съ его стороны, то съ нимъ вмѣстѣ отправился и Джонъ Гампденъ, чтобы смотрѣть за нимъ въ оба. Парламентъ на это время отложилъ свои засѣданія и собрался вновь въ концѣ октября, чтобы покончить начатое дѣло, т. е. чтобы покончить послѣдніе счеты съ королемъ и епископами. Въ парламентъ былъ внесенъ и прочитанъ одинъ билль о томъ, чтобы исключить епископовъ изъ палаты лордовъ и другой, требовавшій отмѣны епископства вообще.

Само собою разумѣется, что парламентъ не забылъ и жертвъ королевскихъ и епископскихъ гоненій. Первымъ актомъ его было освобожденіе Прина, Баствика, Буртона, Лильбурна и другихъ. При торжественномъ звонѣ колоколовъ въѣхали узники въ Лондонъ, «и народъ осыпалъ ихъ путь цвѣтами» (Barclay, «The Inner Life of Religions Societies»). Петицію Лильбурна объ удовлетвореніи его за перенесенную несправедливость взялъ въ свои руки Оливеръ Кромвель, и рѣчь Кромвеля въ защиту петиціи была первой, произнесенной будущимъ диктаторомъ въ этомъ парламентѣ. 3-го мая 1641 года Лильбурнъ принялъ участіе въ крупной демонстраціи лондонскаго населенія, устроенной съ цѣлью протеста противъ поведенія лордовъ и короля, противившихся суду надъ Страффордомъ. На слѣдующій день онъ за свое участіе въ этой демонстраціи долженъ былъ предстать предъ палатой лордовъ, но дѣло это, какъ и само сопротивленіе, окончилось ничѣмъ. Парламентъ же, напротивъ того, въ тотъ же день по предложенію докладчика Кромвеля постановилъ, что наказаніе, въ свое время наложенное звѣздной палатой на Лильбурна, «было незаконно и нарушало гарантированныя гражданамъ государства права; къ тому же оно было кровожаднымъ, постыднымъ, жестокимъ, варварскимъ и тираническимъ»; парламентъ постановилъ также вознаградить Лильбурна за незаконно понесенные имъ страданія и убытки. Опредѣленіе суммы вознагражденія было дѣломъ судебной палаты лордовъ, и цѣлыхъ пять лѣтъ прошло прежде, чѣмъ она установила, наконецъ, въ 1646 году, сумму слѣдуемаго Лильбурну вознагражденія. Эта сумма была опредѣлена въ 2 тысячи фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ Лильбурнъ получилъ всего одну треть, да и то значительно позже. Чтобы имѣть средства къ существованію, онъ сначала сдѣлался пивоваромъ;

однако, время было слишкомъ безпокойное, чтобы долго заниматься этимъ дѣломъ.

Въ октябрѣ 1641 года парламентъ собрался снова; настроеніе было далеко не розовое, потому что изъ Шотландіи получались все новыя и новыя извѣстія о непрекращающихся интригахъ Карла I, которому удалось, при помощи подкуповъ, разжиганія личной вражды и тому подобныхъ средствъ, внести смуту въ ряды ковенантцевъ и усилить свое личное вліяніе; кромѣ того, короля обвиняли въ участіи въ покушеніи на жизнь нѣкоторыхъ вождей шотландской оппозиціи. Чтобы сдѣлать невозможнымъ повтореніе подобныхъ интригъ въ Англіи, собравшійся парламентъ, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, предпринялъ составленіе обширнаго обвинительнаго акта—«Grand Remonstrance»,—въ которомъ излагались въ 206 пунктахъ всѣ антиконституціонныя мѣропріятія правительства со времени вступленія на престолъ Карла I и требовались гарантіи въ томъ, что ничего подобнаго болѣе не повторится. Эта записка была принята парламентомъ противъ незначительнаго меньшинства, стремившагося поскорѣе заключить миръ съ королемъ; послѣ врученія ея королю, она была во множествѣ копій распространена по всей странѣ. Далѣе, парламентъ продолжалъ кампанію противъ епископовъ, которые, въ свою очередь, объявили противоконституціонными всѣ законы, вотированные палатой лордовъ въ ихъ отсутствіи. Населеніе протестовало противъ нихъ крупными демонстраціями. Когда на одну изъ такихъ демонстрацій, устроенную *учениками*, на послѣднихъ напали солдаты короля и его приверженцы, демонстранты на другой день, 28-го декабря 1641 г., вооружились и направились къ Вестминстерскому аббатству. Говорятъ, что въ происшедшей при этомъ свалкѣ впервые были произнесены, утвердившіяся съ тѣхъ поръ клички: «круглоголовые»—для народной партіи, и «кавалеры»—для дворцовой. Въ рядахъ первой боролся и Лильбурнъ,—давно уже переставшій быть «ученикомъ»,—и получившій въ стычкѣ глубокую рану.

Король опять попытался устроить государственный переворотъ. Желая привлечь на свою сторону вождя оппозиціи, Пима—«короля» Пима, домъ котораго являлся штабной квартирой оппозиціи,—онъ предложилъ ему должность лорда казначея; предложеніе не было принято. Тогда 3-го января 1642 г. король возбудилъ противъ Пима, Джона Гампдена и другихъ членовъ нижней палаты, равно какъ и одного члена палаты лордовъ,—Кимбольтона, впослѣдствіи лорда Манчестера, обвиненіе въ государственной измѣнѣ [1]. Но попытка арестовать ихъ силой не удалась; когда 4-го

[1] Здѣсь, въ противоположность дѣлу Страффорда, формальное право въ существенныхъ пунктахъ было на сторонѣ обвиненія. Такъ, напримѣръ, пунктъ 4 гласилъ, что обвиняемые „предательски пригласили ино-

января король съ солдатами ворвался въ парламентъ, чтобы взять ихъ, ихъ уже тамъ не оказалось. И хотя короля приняли еще почтительно; но при выходѣ его изъ залы засѣданій его провожали протестующими криками: «Привилегія! Привилегія!» Указъ о закрытіи всѣхъ гаваней въ предупрежденіе бѣгства 5 названныхъ лицъ за границу, усилилъ возбужденіе среди населенія Лондона до крайности. Всѣ горожане до единаго стали на сторону парламента, перекочевавшаго, для большей безопасности, въ Сити. Угрожающіе возгласы провожали короля при его выѣздахъ, и однажды торговецъ желѣзомъ бросилъ въ коляску этого сына «британскаго Соломона» записку съ зловѣщей надписью: «вернись въ шатры твои, Израиль!» Какъ извѣстно, эти слова нѣкогда послужили введеніемъ къ мятежнымъ дѣйствіямъ противъ Ровоама. Вооруженные матросы и морскія команды, ученики и другіе предлагали свои услуги парламенту въ качествѣ охраны. Карлъ чувствовалъ, что парламентъ въ столицѣ находится въ большей безопасности, чѣмъ самъ онъ, и покинулъ ее 10-го января, съ тѣмъ, чтобы вернуться лишь семь лѣтъ спустя въ качествѣ плѣнника.

Съ каждымъ днемъ становилось все очевиднѣе, что споръ можетъ быть рѣшенъ лишь въ открытомъ бою. Королева съ фамильными драгоцѣнностями перебралась на континентъ, чтобы тамъ заложить ихъ и вообще достать денегъ взаймы, въ то время, какъ король, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, вербовалъ себѣ войска. Парламентская партія, въ свою очередь, собирала деньги и набирала армію, назначивъ главнокомандующимъ графа Эссекса. Начальство надъ конницей взялъ на себя графъ Бедфордъ. Подъ его командой состоялъ полковникъ Кромвель, завѣдывавшій эскадрономъ (60) конницы. Лильбурнъ также предложилъ свои услуги парламенту и, научившись, въ качествѣ «джентльмена», владѣть оружіемъ, получилъ какой то низшій офицерскій постъ въ пѣхотномъ полку. Весь флотъ цѣликомъ перешелъ на сторону парламента, и лондонская милиція была на готовѣ.

Вербовка солдатъ и всевозможные переговоры заняли всю весну и лѣто, осенью дѣло дошло до открытыхъ столкновеній. Первая стычка между опытными въ военномъ дѣлѣ солдатами короля и народнымъ войскомъ кончилась для послѣдняго неудачей; но уже при второй встрѣчѣ, при Брентфордѣ близъ Лондона, (13-го—15-го ноября 1642 г.) народному

странную державу и побудили ее вступить въ королевство его величества, Англію".

Это имѣло мѣсто по отношенію къ шотландцамъ, тогда еще иностранцамъ. Но вопросъ о государственныхъ преступленіяхъ ходомъ событій давно уже былъ изъятъ изъ сферы юридическихъ нормъ.

войску удалось въ горячей схваткѣ отбить аттаку «кавалеровъ» и принудить короля отступить со своими приближенными въ Оксфордъ. Лильбурнъ, отличившійся уже при первой неудачной стычкѣ близъ Эджгила и получившій тамъ рану, выказалъ большую храбрость и въ битвѣ при Брентфордѣ, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ королевскими войсками. Въ Оксфордѣ надъ нимъ состоялся судъ, приговорившій его, какъ государственнаго преступника къ смертной казни. Но угроза парламента, въ случаѣ исполненія надъ Лильбурномъ этого приговора, разстрѣлять всѣхъ плѣнныхъ кавалеровъ спасла ему жизнь. Въ плѣну, однако, ему пришлось пробыть почти еще цѣлый годъ и выносить очень суровое обращеніе. Лишь въ сентябрѣ 1643 года онъ былъ освобожденъ взамѣнъ плѣнныхъ роялистовъ, послѣ того, какъ парламентъ пригрозилъ королю, распорядившемуся разстрѣлять Лильбурна, жестоко отомстить за эту смерть. Отказавшись отъ предложенной ему государственной должности съ содержаніемъ въ 1000 фунт. стерлинговъ, Лильбурнъ примкнулъ къ организованной за это время арміи восточныхъ графствъ и, по рекомендаціи Кромвеля, который главнымъ образомъ и организовалъ эту армію, онъ получилъ патентъ майора конницы.

Кромвель отличился въ стычкѣ при Эджгилѣ; послѣ постигшей народное войско неудачи, онъ сказалъ своему двоюродному брату Гампдену, что съ арміей, состоящей главнымъ образомъ изъ старыхъ бочарей и городскихъ учениковъ [1], никогда нельзя будетъ побѣдить «армію, состоящую изъ людей чести»,—для этого нужны люди, которые придерживались бы еще болѣе высокихъ принциповъ, нужны «люди религіи». Зима 1642—43 г. ушла, главнымъ образомъ, на эту реорганизацію. Были образованы ферейны союзныхъ графствъ, которые обязаны были заботиться о вербовкѣ и подготовкѣ войскъ въ своихъ округахъ; но дѣйствительно солидные успѣхи въ этомъ направленіи были сдѣланы лишь въ восточныхъ графствахъ (Норфолькъ, Суффолькъ, Эссексъ и др.), гдѣ «душою» всего дѣла былъ Кромвель. Родина моллардскаго движенія дала ядро парламентской арміи,—будущіе «желѣзные ряды» (Ironsides) Кромвеля [2].

[1]) Послѣдніе, впрочемъ, во многихъ дальнѣйшихъ стычкахъ держались очень храбро, между прочимъ, въ стычкѣ при Ньюбери, 20-го сентября 1643 г., когда ихъ храброе сопротивленіе конницѣ Карла I, состоявшей въ большинствѣ изъ опытныхъ солдатъ-валлоновъ, лишило королевскія войска вѣрной побѣды.

[2]) Увеличеніе сектантскихъ элементовъ въ арміи имѣло, между прочимъ, послѣдствіемъ уходъ изъ нея пресвитеріанскихъ войсковыхъ священниковъ; вмѣсто нихъ выдвинулись проповѣдники изъ міряиъ, чувствовавшихъ въ себѣ призваніе, такъ что армія такимъ путемъ сдѣлалась разсадникомъ сектантства и сектантскихъ проповѣдниковъ. Ср. Neal, Hystory of the Puritans, II, стр. 356.

Къ этой части арміи принадлежалъ и Лильбурнъ; онъ настолько отличился въ различныхъ стычкахъ, что уже въ маѣ 1644 г. онъ получилъ чинъ оберъ-лейтенанта драгунъ, подъ начальствомъ лорда Манчестера. Въ началѣ іюня того же года онъ былъ раненъ пулей въ руку въ стычкѣ вблизи Ванефильда, но уже 2-го іюня онъ опять принимаетъ участіе въ большомъ сраженіи, въ знаменитой побѣдоносной битвѣ при Марстонъ-Мурѣ.

Какъ въ самомъ парламентѣ, такъ и въ парламентскомъ войскѣ, въ это время сказалось наиболѣе рѣзко, едва замѣтное прежде, противорѣчіе между пресвитеріанами и индепендентами. Генералы изъ пресвитеріанскаго лагеря стали по разнымъ причинамъ относиться довольно равнодушно къ веденію войны отчасти потому, что они все еще надѣялись достигнуть компромисса съ королемъ. Манчестеръ такъ явно не использовалъ преимуществъ, достигнутыхъ второй удачной схваткой при Ньюбери, 27-го октября 1644 г., что, ставшій весьма вліятельнымъ въ военныхъ кругахъ, Кромвель взбѣшенный отправился въ Лондонъ, чтобы обвинить его передъ парламентомъ въ измѣнѣ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на показанія Лильбурна. Но вмѣсто того, чтобы добиться осужденія Манчестера, Кромвель удовлетворился тѣмъ, что его исключили изъ арміи. При помощи друзей онъ провелъ такъ называемый билль *о самоотреченіи*, по которому ни одинъ членъ той или другой палаты парламента не могъ въ то же время занимать поста военачальника. На основаніи этого билля, Эссексъ, Манчестеръ и др. сложили съ себя свои военныя обязанности, но для Кромвеля было допущено исключеніе; несмотря на то, что онъ былъ членомъ парламента его на опредѣленное время, которое однако постоянно удлинялось, оставили въ званіи генералъ-лейтенанта реорганизованной («Nen Model») арміи, которой командовалъ храбрый генералъ Т. Ферфаксъ. Арміи трудно было обойтись безъ Кромвеля, тѣмъ болѣе, что король готовился къ новому нападенію.

Лильбурнъ, однако, видѣлъ во всемъ этомъ однѣ лишь уловки ненавистныя ему, фанатику права, и считалъ Кромвеля простымъ карьеристомъ, который воспользовался имъ (Лильбурномъ) только для того, чтобы избавиться отъ неудобнаго начальника. Онъ отказался поэтому занять должность въ новой «образцовой» арміи, изъ которой были удалены всѣ ненадежные элементы [1]), вернулся къ штатской жизни и продолжалъ защищать дѣло религіозной свободы противъ пресвитеріанъ—перомъ.

Какъ и всѣ наиболѣе радикальные элементы въ политикѣ, Лильбурнъ

[1]) Т. е. всѣ элементы, которые склонялись въ сторону роялистовъ, и вообще всякаго рода искатели приключеній. Элементы, бывшіе болѣе радикальными, чѣмъ вожди арміи, еще не казались тогда ненадежными, и служили, наоборотъ, украшеніемъ арміи, и ихъ образцовое поведеніе на полѣ брани и въ лагеряхъ не могли не признавать даже ихъ противники.

за это время перешелъ отъ пресвитеріанъ къ индепендентамъ. Для пресвитеріанъ не существовало религіозной свободы, кромѣ свободы *ихъ* религіи. Терпимость по отношенію къ другимъ сектамъ казалась имъ худшимъ еретичествомъ, «высшимъ средствомъ дьявола»; религіозная свобода казалась «смертоубійствомъ души»,—въ особенности для шотландцевъ, съ которыми парламентъ, будучи сильно угнетенъ королемъ, заключилъ 25 сентября 1643 г. торжественный союзъ взаимности—«the Solemn League Covenant»,—и которые послѣ того явились на помощь съ 21.000 войска. Между письмами Кромвеля находится одно, писанное 10-го марта 1643 г. и адресованное служившему въ англійской арміи шотландцу генералъ-майору Крауфорду, въ которомъ Кромвель энергично заступается за уволеннаго Крауфордомъ офицера. Тамъ говорится, между прочимъ:

«Но, этотъ человѣкъ «анабаптистъ». Увѣрены ли вы въ этомъ? Допуская, далѣе, что это такъ, развѣ это можетъ сдѣлать его неспособнымъ служить обществу?... Милостивый государь, когда государство набираетъ себѣ на службу людей, оно не справляется объ ихъ воззрѣніяхъ; если они готовы честно служить ему,—этого довольно». (Carlyle, «Cromwell's Letters and Speches», письмо № 15).

Нынѣ это кажется общимъ мѣстомъ, хотя далеко еще не осуществленнымъ повсемѣстно, но въ то время оно казалось настолько неслыханнымъ, что Манчестеръ воспользовался этимъ письмомъ, какъ орудіемъ противъ Кромвеля, чтобы обвинить послѣдняго передъ парламентомъ, все еще состоявшимъ въ большинствѣ изъ пресвитеріанъ, въ покровительствѣ сектантамъ. И дѣйствительно, въ арміи Кромвеля было много сектантовъ всѣхъ оттѣнковъ, начиная отъ ультравѣрующихъ въ каждое слово библіи и кончая почти атеистами-раціоналистами. Они составляли цвѣтъ арміи, были наиболѣе храбрымъ, самоотверженнымъ, *демократическимъ* ея элементомъ, съ которымъ впослѣдствіи труднѣе всего было справиться диктатору Кромвелю, когда онъ выказалъ себя передъ революціонными сектантами въ другомъ свѣтѣ. Но до поры до времени они поддерживали Кромвеля, а Кромвель ихъ.

У парламента не было недостатка въ доброй волѣ, но не хватало *силы* уничтожить сектантовъ; поэтому напоминанія шотландскаго парламента англійскому о томъ, чтобы положить конецъ безобразіямъ въ арміи, оставались безъ послѣдствій [1]). Кромвель въ своихъ письмахъ съ поля битвы

[1]) Въ одномъ адресѣ шотландскаго парламента англійскому отъ 1645 г. говорится: „парламентъ нашего королевства убѣжденъ, что благочестіе и мудрость достопочтенныхъ палатъ никогда не допустятъ того, чтобы терпѣть секты и ереси, идущія въ разрѣзъ съ нашимъ торжественнымъ союзомъ и договоромъ". Сообщено W. H. Lecky, пользовавшемся книгой Ниля, Hystory of the Puritans, II, стр. 211—222.

продолжаетъ отстаивать своихъ солдатъ-сектантовъ. «Милостивый государь, они вполнѣ благонадежны; прошу васъ именемъ Бога, не отнимайте у нихъ бодрости», пишетъ онъ спикеру парламента послѣ битвы при Назеби, въ которой Карлъ былъ разбитъ на голову. Этому же спикеру онъ пишетъ послѣ взятія Бристоля: «пресвитеріане, индепенденты, всѣ они одушевлены въ своихъ вѣрованіяхъ и молитвахъ однимъ и тѣмъ же духомъ, всѣ они одинакоко привѣтствуютъ другъ друга, живутъ здѣсь въ полномъ согласіи и не носятъ различныхъ названій. Жаль, что въ другихъ мѣстахъ бываетъ иначе». (Въ письмахъ отъ 14-го іюня и 14 сентября 1645 г.).

Но «въ другихъ мѣстахъ было иначе». Будучи преслѣдуемы, сами лондонскіе пресвитеріане не могли играть роль преслѣдователей въ той степени, какъ повелѣваетъ имъ ихъ доктрина; но они дѣлали все возможное, чтобы посылать проклятія сектантамъ съ высоты амвона и въ памфлетахъ. «Великое собраніе богослововъ», которое открыло свои засѣданія въ Вестминстерскомъ [1]) аббатствѣ съ 1643 г. съ цѣлью выработать общій единый церковный уставъ для Шотландіи и Англіи и въ которомъ пресвиторіане имѣли громадное большинство, проклинало не менѣе страстно «отвратительное, анафемское ученіе о свободѣ совѣсти».

Терпимость превратила бы это королевство въ хаосъ, въ Вавилонъ, во второй *Амстердамъ*, въ Содомъ, въ Египетъ говорится въ одномъ посланіи собранія къ парламенту. «Какъ первородный грѣхъ является первымъ грѣхомъ, носящимъ въ себѣ сѣмя и зародышъ всѣхъ дальнѣйшихъ грѣховъ, такъ и терпимость таитъ въ лонѣ своемъ всѣ ошибки и всякое зло... Мы возмущены до глубины души своей, мы исходимъ слезами, когда думаемъ о томъ, сколько долгихъ и упорныхъ трудовъ было положено королевствомъ на то, чтобы пожать, наконецъ, благодатные плоды *чистой* и *коренной* реформаціи; и вотъ теперь, послѣ всѣхъ этихъ трудовъ, страданій и ожиданій, истинная и основательная реформація подвергается опасности быть задушенной до рожденія беззаконной терпимостью, стремящейся быть осуществленной ранѣе ея».

Было бы ошибочно считать эти слова отзвукомъ ограниченнаго религіознаго фанатизма. Въ этихъ словахъ вы слышите голосъ *состоятельной* буржуазіи,—(купечество Сити въ большинствѣ своемъ были *пресвитеріане*),—тотъ же голосъ, который нынѣ произноситъ: «религія должна

[1]) „Assambly of Divines“. Лильбурнъ насмѣшливо называлъ его въ своихъ памфлетахъ „Assembly of Dry vines“,—что значитъ приблизительно: „собраніе засохшихъ лозъ“. Оно состояло изъ 120 членовъ, въ нихъ числѣ 30 мірянъ: 10 лордовъ и 20 членовъ палаты общинъ. Пресвитеріане, въ свою очередь, составили изъ инниціаловъ Джона Лильбурна анаграмму: „O I burn in hell—о, я горю въ аду“.

быть сохранена для народа». Въ эпоху, когда самыя радикальныя соціальныя теоріи облекались преимущественно въ религіозныя оболочки, все то, что желательно было сохранить въ интересахъ существующаго порядка, не могло быть подведено подъ понятіе «религіи», а принимало лишь извѣстную *форму* ея; а самой удобной для себя религіей развивающаяся буржуазія считала пресвитеріанскій пуританизмъ [1]). «Индепендентъ»—это было еще слишкомъ неопредѣленнымъ понятіемъ, собирательнымъ наименованіемъ для множества представленій; сюда входило все то, что по той или иной причинѣ не желало религіознаго абсолютизма, религіозной центральной власти. Такъ на извѣстной ступени политическаго развитія понятіе либеральный, а позднѣе и радикальный, является собирательнымъ наименованіемъ всѣхъ стремленій, которыя нераздѣльны лишь въ отрицаніи, во всемъ же остальномъ таятъ въ себѣ зародыши раскола и разъединенія.

Намъ уже въ ближайшей главѣ придется говорить о *политическомъ* расколѣ среди индепендентовъ; насколько велики были въ ихъ средѣ *религіозно-соціальныя* различія видно изъ того, что общее названіе «индепендентскій» носили секты съ такими явно выраженными коммунистическими тенденціями, какъ *перекрещенцы* (анабаптисты) и родственныя имъ по духу секты *фамилистовъ*, (которыя, какъ уже можно видѣть по названію, были своего рода союзами братства, возникшими первоначально въ Мюнстерѣ и переселенными оттуда черезъ Голландію въ Англію). Далѣе слѣдовали секты приверженцевъ «пятой монархіи» [2]), о которыхъ

[1]) „Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Сити упорно оставалось пресвитеріанскимъ. Опасеніе возможной церковной тираніи, имѣвшее мѣсто въ рядахъ членовъ нижней палаты, нисколько не пугало купцовъ и ремесленниковъ Сити. Путемъ замѣщенія должностей старѣйшинъ, долженствующихъ слѣдить за церковной дисциплиной, эти купцы и ремесленники сами составили бы церковь“. (Gardiner, History of the Great Civil war, III, стр. 78, 79). Это противорѣчіе между парламентскими представителями буржуазныхъ классовъ и самими классами представляетъ характерное явленіе, которое можно прослѣдить во всей современной исторіи.

Въ парламентахъ и у парламентскихъ дѣятелей классовой характеръ представительства облекается въ форму всевозможныхъ идеологій, который въ массѣ представляемымъ обыкновенно затушевываются. Измѣнчивое отношеніе лондонскаго Сити къ Кромвелю и парламенту является самой интересной главой англійской революціи.

[2]) Ссылаясь на одно мѣсто въ книгѣ Даніила, они стремились и надѣялись на осуществленіе царства Христова, которое должно было возникнуть на развалинахъ погибшихъ четырехъ монархій міра — ассирійской, персидской, греко-македонской и римской; оно не должно было имѣть *свѣтскихъ владыкъ* и имѣло осуществить равенство въ духѣ первобытнаго христіанства.

мы еще будемъ говорить ниже, и еще болѣе пропитанныя анархистскимъ духомъ секты *антиномистовъ* (противники писанныхъ религіозныхъ и моральныхъ законовъ, признававшіе *внутреннее* просвѣтленіе *духомъ* евангелія достаточнымъ руководствомъ во *всѣхъ* поступкахъ и приходившіе къ весьма радикальнымъ выводамъ). Къ индепендентскимъ же сектамъ причислялись и крайніе элементы антиномистовъ—*рантери* [1]), которыхъ изображали, какъ приверженцевъ свободной любви и т. п. ужасовъ.

Нѣтъ надобности давать подробное описаніе всѣхъ сектъ того времени; тѣхъ же, которыя играли роль въ описываемыхъ нами событіяхъ, мы коснемся въ свое время. Пока что, мы констатируемъ лишь распространенность въ народѣ хиліастическихъ сектъ, т. е. сектъ, вѣрующихъ въ наступленіе тысячелѣтняго коммунистическаго царства Божія [2]). *Эти* именно секты пресвитеріане и имѣли въ виду въ своихъ проклятіяхъ, ихъ-то предавалъ анаѳемѣ спеціальный лондонскій соборъ «Sion College», и имъ же пресвитеріанское церковное свѣтило, Т. Эдварсъ, посвятилъ въ 1646 г. цѣлую книгу, полную доносовъ, которой онъ далъ характерное заглавіе «Гангрена». Нѣкоторыя секты, антиномистовъ, напримѣръ, исходили изъ тѣхъ же догматическихъ основныхъ воззрѣній, что и пресвитеріане, но ихъ практическое примѣненіе было другое,—а дѣло шло именно о *практикѣ*.

Мысль, что во имя *собственности* нужно сохранить въ неприкосновенности централизованную государственную церковь, съ циничной откровенностью высказана была тогда *поэтомъ Эдмундомъ Уоллеромъ*, извѣстнымъ своими изящными рифмами и еще болѣе изящными измѣнами. 27-го мая 1641 г. въ палатѣ общинъ обсуждалось предложеніе объ от-

---

[1]) Нѣчто вродѣ: крикуны, необузданные.

[2]) Подробно описываетъ эти секты Германъ Вейнгартенъ въ своей интересной и добросовѣстно составленной книгѣ: „Die Revolutions kirchen Englands“ (Лейпцигъ, 1868 г.). Разсматривая событія съ точки зрѣнія историка мысли, Вейнгартенъ пишетъ: „Мы видимъ индепендентство прогрессирующимъ въ двухъ направленіяхъ. Въ направленіи религіозномъ оно нашло въ сектахъ свое выраженіе и въ квакерствѣ свое завершеніе; въ направленіи политическомъ первой формой его явилось движеніе левеллеровъ, основныя же идеи, въ качествѣ двигательной силы, продолжаютъ существовать и въ политической жизни современности“. (Ibid, стр. 75). Очень ясную картину развитія сектъ въ первый періодъ революціи мы встрѣчаемъ и у Массона, („Life and Time of Ion Milton“, III, стр. 142–159); на 15 и слѣд. страницахъ того же сочиненія имѣется характеристика сектъ въ эпоху регентства. Много матеріала, въ мѣщански-апологетическомъ изложеніи, даетъ Робертъ Беркли въ своей книгѣ: „The Inner Lide of the Religions Societies of the Sommonwealth“, Лондонъ, 1876.

*

мѣнѣ епископальнаго устройства церкви (епископата). Уоллеръ, племянникъ Джона Гампдена и тогда еще сторонникъ парламентской партіи, высказалъ то мнѣніе, что было бы очень хорошо обрѣзать епископамъ рога и когти, можно даже пойти нѣсколько дальше, но совершенно отмѣнить епископатъ,—было бы *очень* рискованно. Именно то обстоятельство, что массы возстаютъ противъ епископата, побуждаетъ его, Уоллера, высказаться *за* него:

«Потому что я смотрю на епископатъ, какъ на предохранительный валъ или укрѣпленіе, относительно котораго я говорю себѣ: если онъ будетъ взятъ въ аттакѣ народомъ, и послѣднему откроется тайна, что мы ни въ чемъ не можемъ отказать ему, когда онъ предъявляетъ свои требованія всей массой, то въ слѣдующій разъ намъ такъ же трудно будетъ защитить свое имущество отъ народа, какъ нѣкогда отъ прерогативъ короны. Если онъ (народъ) численностью рукъ или петицій добьется равенства въ церковныхъ дѣлахъ, то слѣдующимъ требованіемъ его будетъ, пожалуй, Lex Agraria (законъ о раздѣлѣ земли), требованіе того же равенства въ *свѣтскихъ дѣлахъ*». Уоллеръ указываетъ на исторію древняго Рима, гдѣ съ преобладаніемъ массъ начался упадокъ республики. Legem rogare (испросить законъ) быстро превратилось тамъ въ Legem ferre (создать законъ), и послѣ того, какъ легіоны убѣдились, что они могутъ назначить диктаторомъ кого угодно, они совершенно лишили сенатъ голоса въ этомъ вопросѣ. Говорятъ, что епископатъ это нѣчто иное, чѣмъ то, что имѣетъ въ виду святое писаніе. Онъ (Уоллеръ) не споритъ противъ этого. *Но* —

«Но я убѣжденъ, что если начнутъ постоянно требовать раздѣленія земли и имущества, то найдутъ въ библіи столько же мѣстъ, оправдывающихъ это требованіе, сколько теперь приводится противъ церковной іерархіи и церковныхъ доходовъ. Что же касается злоупотребленій, то въ противовѣсъ тому, что вамъ разсказываютъ о страданіяхъ, перенесенныхъ тѣмъ или инымъ лицомъ отъ епископовъ, вы можете привести тысячи примѣровъ съ бѣдными людьми, которыхъ жестоко притѣсняли ихъ лэндлорды, и о свѣтскихъ имуществахъ, которыми люди пользовались во вредъ другимъ и въ ущербъ собственникамъ». Поэтому, палата должна успокоить общественное мнѣніе резолюціей, которая обѣщаетъ реформу епископальнаго устройства, но не его отмѣну. (См. біографію Уоллера въ книгѣ Сам. Джонсона «Life of the Poets»). Мы видимъ, такимъ образомъ, что мудрость нашихъ консервативныхъ государственныхъ мужей, стремящихся сохранить ненавистныя народу учрежденія, то пугая краснымъ призракомъ, то указывая на злоупотребленія въ другихъ учрежденіяхъ, очень древняго происхожденія. Кстати, прахъ Эдмунда Уоллера покоится

въ *Бикосфильдѣ*, гдѣ похороненъ и другой не менѣе одаренный перебѣжчикъ, Эдмундъ Беркъ; названіе этой же мѣстности украшаетъ дворянскій титулъ Дизраэли, не менѣе геніальнаго писателя и политика, чѣмъ тѣ двое [1]).

Вернемся къ изложенію хода событій.

Возражая на памфлетъ своего бывшаго учителя и предшественника Прина [2]), преисполненнаго выше охарактеризованнымъ пресвитеріанскимъ духомъ преслѣдованія, Лильбурнъ опубликовалъ въ январѣ 1645 года открытое письмо, въ которомъ онъ выступаетъ въ защиту сектантовъ и ярко нападаетъ на тиранію духа пресвитеріанъ. Происками Прина письмо это было признано парламентомъ «глупымъ, клеветническимъ и революціоннымъ», и Лильбурнъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. Когда же Лильбурнъ вздумалъ во второмъ памфлетѣ критиковать это поведеніе парламента, онъ, по постановленію послѣдняго, былъ въ іюлѣ 1645 г. взятъ подъ арестъ. Но хотя въ парламентѣ и среди купцовъ Сити пресвитеріане имѣли перевѣсъ, въ широкой массѣ лондонскаго населенія Лильбурнъ, боровшійся, между прочимъ, противъ все еще обычной продажи монополій крупнымъ капиталистамъ, пользовался слишкомъ большой популярностью, чтобы съ нимъ можно было поступать по усмотрѣнію. Депутація гражданъ изложила передъ парламентомъ заслуги Лильбурна въ борьбѣ «противъ тираніи прелатовъ и придворныхъ паразитовъ», и получила обѣщаніе, что его будутъ судить по всей справедливости и что до суда будетъ выдано 100 фунтовъ стерлинговъ на приличное его содержаніе. Депутація, однако, осталась недовольна такимъ отвѣтомъ, и нѣкоторыя горячія головы проектировали, повидимому аттаку на тюрьму, но Лильбурнъ рѣшительно от-

---

[1]) Поэтъ Уоллеръ высказывалъ сокровенныя мысли многихъ. Въ маѣ 1646 года депутація отъ 2000 жителей графствъ Букингамшира и Герфордшира подавала парламенту петицію объ отмѣнѣ десятины. Ихъ ходатайство не встрѣтило поддержки и ихъ проводили презрительнымъ замѣчаніемъ, что они не понимаютъ ни законовъ Бога, ни законовъ королевства, что они могутъ возвратиться домой и повиноваться и тѣмъ и другимъ.

„Нѣкоторые члены (парламента) замѣтили, что арендаторы, пожелавшіе освободиться отъ десятины, скоро пожелаютъ избавиться и отъ уплаты ренты. Девять десятыхъ принадлежатъ лэндлорду на основаніи тѣхъ же законовъ, по которымъ одна десятая принадлежитъ священнику". (Gardiner, History of the Great Civil war, III, стр. 124).

Какой яркій свѣтъ бросаютъ эти документально засвидѣтельствованныя рѣчи на исторію этой революціи.

[2]) Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ той эпохи Лильбурнъ называется бывшимъ служащимъ („servant") Прина. Но это можетъ быть понято лишь въ смыслѣ политической зависимости.

вергъ этотъ планъ. Когда наступилъ октябрь и должно было разсматриваться дѣло Лильбурна, парламентъ распорядился освободить заключеннаго, въ виду долгаго предварительнаго его содержанія и въ отвѣтъ на новое ходатайство гражданъ. Парламентъ очутился въ не совсѣмъ удобномъ положеніи. Правда, короля ему уже не приходилось опасаться; послѣ битвы при Назеби, Карлъ потерялъ всякую надежду на побѣду оружіемъ и опять вступилъ въ переговоры. Но армія Кромвеля состояла почти исключительно изъ индепендентовъ, въ Лондонѣ къ нимъ примыкала значительная часть народныхъ массъ, и если бы не удалось обуздать этихъ безпокойныхъ людей, требовавшихъ реформъ «отъ корня до вѣтвей» («root and branch»), плоды побѣды грозили уйти изъ рукъ пресвитеріанъ. Постепенно парламентъ сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ.

Лильбурнъ не долго наслаждался полученной свободой. Его оппозиціонное отношеніе къ парламентскому большинству не подлежало сомнѣнію. За нѣсколько дней до освобожденія онъ обнародовалъ двѣ рѣзко написанныя прокламаціи, заглавіе которыхъ даетъ ясное представленіе объ ихъ содержаніи и тенденціяхъ. Первая называлась: «Защита основныхъ правъ Англіи отъ произвольной узурпаціи, королевской или парламентской,—безразлично, какую бы маску она не одѣвала. Разборъ всевозможныхъ щекотливыхъ вопросовъ, замѣчанія и жалобы народа, объясненія, что мѣропріятія настоящаго парламента стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ основными принципами, которые первоначально оправдывали его шаги, направленные противъ короля». Заглавіе второго листка гласитъ: «Достойная сожалѣнія тиранія Англіи, какъ слѣдствіе произвола, жестокости и роскоши парламентовъ, жадности, честолюбія и непостоянства священниковъ, наивности, безпечности и трусости народа». Очутившись на свободѣ, Лильбурнъ сдѣлался постояннымъ участникомъ собраній лондонскихъ индепендентовъ, а на этихъ собраніяхъ аристократическій характеръ нижней палаты является неистощимой темой разговоровъ. Напоминаю читателю о томъ, что говорилось во 2-ой главѣ о составѣ парламента и его избирателяхъ. Въ отношеніи послѣднихъ, условія въ городѣ и въ деревнѣ значительно ухудшились. Избирательное право, какъ извѣстно, было ограничено въ городахъ лишь членами корпорацій или даже только ихъ представителями, а въ графствахъ лишь меньшинствомъ собственниковъ. Теперь, когда оно получило реальный смыслъ, ограниченіе избирательнаго права воспринималось людьми, исключенными изъ него не столько даже по первоначальному закону, сколько по традиціи, какъ горькая несправедливость. Точно такъ же обстояло дѣло и съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ избирательныхъ округовъ. Отсталые и пришедшіе въ упадокъ города

и мѣстечки имѣли такое же представительство, какъ и достигшіе крупнаго значенія центры торговли и промышленности.

Въ это самое время судъ палаты лордовъ призналъ процессъ звѣздной палаты противъ Лильбурна незаконнымъ и постановилъ выдать ему возмѣщеніе за причиненную несправедливость. Это случилось, вѣроятно, въ виду того, что какъ разъ въ ту зиму онъ женился и основалъ самостоятельное хозяйство. Но уже 14-го апрѣля 1646 г. онъ снова былъ арестованъ. Лильбурнъ, и не онъ одинъ, обвинилъ пресвитеріанскаго офицера, полковника Э. Кинга, въ томъ, что тотъ своею предательской медлительностью отдалъ въ руки королевскихъ войскъ нѣсколько укрѣпленій. Но въ виду многочисленныхъ связей этого офицера въ парламентѣ, противъ него не удалось создать никакого процесса, и онъ самъ обвинилъ Лильбурна въ злостной клеветѣ и добился предварительнаго ареста его.

Изъ этой авантюры развился для Лильбурна цѣлый клубокъ процессовъ и преслѣдованій, изъ которыхъ мы остановимся здѣсь лишь на наиважнѣйшихъ. Въ заявленіяхъ судебнымъ и парламентскимъ властямъ Лильбурнъ настаиваетъ на незаконности принятыхъ противъ него мѣръ и требуетъ ихъ отмѣны. Но въ одномъ изъ этихъ заявленій, обнародованномъ имъ въ видѣ памфлета подъ заглавіемъ: «Оправданіе праваго человѣка», онъ напоминаетъ и о предательствѣ эксъ-генерала, лорда Манчестера; такъ какъ послѣдній въ это время состоялъ спикеромъ палаты лордовъ, то Лильбурнъ, вмѣсто ожидаемой защиты своихъ правъ, получилъ приглашеніе оправдаться передъ лордами за свои нападки. Его много разъ приводили въ палату лордовъ, но онъ мужественно отказывался оправдываться передъ ними, и тѣмъ болѣе становиться передъ ними на колѣни, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, они не имѣютъ права уголовной юрисдикціи надъ нимъ. На этихъ «превышающихъ свои права и самовольно приписывающихъ себѣ права судей» онъ многократно аппелируетъ къ «компетентнымъ, и законнымъ судьямъ, къ засѣдающимъ въ парламентѣ представителямъ общинъ въ Англіи». Но раньше, чѣмъ эти послѣдніе приходятъ къ какому либо заключенію, лорды 10-го іюля присуждаютъ его къ 2000 фунтамъ стерлинговъ штрафа, лишенію права занимать когда либо оффиціальную должность и къ *7-ми годамъ заключенія въ Тоуэрѣ*. На обращеніе съ нимъ въ Тоуэрѣ ему особенно жаловаться не приходилось, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи новый режимъ оказался лучше стараго;—заключенные зато подвергались вопіющей эксплуатаціи со стороны тюремнаго начальства.

Между тѣмъ, Лильбурна не могла усмирить и сама тюрьма. Онъ и друзья его не переставали требовать отъ палаты общинъ защиты своихъ правъ и добились, по крайней мѣрѣ, того, что въ концѣ 1647 года его

освободили подъ залогъ. Онъ воспользовался своей свободой для широкой агитаціи и совершалъ съ этой цѣлью поѣздки въ мѣста расквартированія извѣстныхъ частей арміи, въ которыхъ у него имѣлись многочисленные друзья. Что тянуло его туда, это мы увидимъ ниже. Одинъ пресвитеріанскій священникъ донесъ на него, что онъ принималъ участіе въ митингѣ, на которомъ рѣшено было распространить 30,000 экземпляровъ,—безъ сомнѣнія имъ же написаннаго летучаго листка,—озаглавленнаго: «Серьезная петиція множества свободныхъ людей націи»; въ отвѣтъ на этотъ доносъ Лильбурну было объявлено, что снисхожденіе къ нему берется обратно, онъ долженъ вернуться въ Тоуэръ.

Эта петиція является наиболѣе достопримѣчательнымъ документомъ англійской революціи. Кстати надо замѣтить, что составленіе и агитація за петиціи было главнымъ средствомъ пропаганды революціоннаго періода, и въ этихъ петиціяхъ заключается добрая доля его исторіи. Въ вышеназванной петиціи по отношенію къ палатѣ общинъ,—какъ это уже имѣло мѣсто и въ другомъ памфлетѣ Лильбурна,—употреблено выраженіе «высшій авторитетъ націи». Въ этотъ моментъ это казалось еще такимъ неслыханнымъ провозглашеніемъ суверенитета избраннаго народнаго представительства, что 29-го мая парламентъ 94 голосами противъ 86 постановляетъ сжечь петицію черезъ посредство палача, потому что она «ставитъ подъ сомнѣніе существующій строй». Она ставила «подъ сомнѣніе» еще кое что: *десятины*, торговыя монополіи и другія злоупотребленія, а также все *судопроизводство*, вредъ котораго рисуется въ яркихъ краскахъ, и выставляется требованіе коренной реформы, какъ судопроизводства, такъ и самихъ судебныхъ установленій.

Друзья и приверженцы Лильбурна среди лондонскаго населенія, съ своей стороны, тоже не молчали. Подаются петиція за петиціей въ его пользу. Наконецъ, 1-го августа 1648 г. снова подается петиція «десяти тысячъ лондонскихъ гражданъ, мущинъ и женщинъ», ходатайствующая о томъ, чтобы Лильбурнъ былъ освобожденъ или, по крайней мѣрѣ, дѣло его просмотрѣно законнымъ судомъ. Петиціонеры дѣйствительно добились того, что лорды и члены палаты общинъ соглашаются между собою, чтобы освободить Лильбурна и отмѣнить наложенный на него денежный штрафъ. Мы увидимъ, однако, что эта уступчивость по отношенію къ «народной волѣ» имѣла свои причины.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распаденіе индепендентовъ на левеллеровъ и „джентльменовъ". Временная связь между ними.

За этотъ промежутокъ времени въ отношеніяхъ парламентскихъ партій между собою, въ отношеніяхъ къ королю и къ арміи совершились значительныя измѣненія: въ однихъ случаяхъ противорѣчія обострились, въ другахъ, наоборотъ, сгладились.

Весною 1646 года Карлъ I бѣжалъ въ лагерь шотландцевъ, но послѣдніе, за уплату слѣдуемой имъ субсидіи, выдали его противникамъ его въ Англію, которые заключили короля въ замокъ Голденби или Голмби въ Нортгемптонширѣ. Сидя въ этомъ замкѣ, Карлъ поочередно старался опереться то на парламентъ противъ арміи, то на армію противъ парламента. Армія представляла собою организованную демократію страны; массу ея составляли крестьяне (yeomen) и ремесленники [1]), вожаками были, послѣ ухода пресвитеріанскихъ генераловъ, частью лица выдѣлившіеся изъ массы, частью наиболѣе радикальные элементы состоятельныхъ классовъ. И хотя между послѣдними и массой арміи обнаруживалось множество разногласій, все же и тѣхъ и другихъ объединяла пока общая борьба съ парламентомъ, въ которомъ преобладали интересы землевладѣнія и крупной буржуазіи. Поэтому, лишь только у короля была отнята возможность дѣйствовать силой противъ парламента, послѣдній быстро остылъ къ своей собственной побѣдоносной арміи, строптивость которой была извѣстна и которой, кромѣ того, слѣдовало еще уплатить за годъ жалованье. Попробовали ослабить ея вліяніе тѣмъ, что часть арміи была распущена, а остальная часть размѣщена по различнымъ мѣстностямъ. Однако, какъ вожди, такъ и солдаты, отгадали это намѣреніе и отвѣтили тѣмъ, что конституировали себя въ *самостоятельную силу*. Солдаты создали глубоко демократическій институтъ «агитаторовъ». Карлейль, а за нимъ и другіе, считали это слово, употребленное впервые въ адресѣ Ферфаксу отъ 29-го мая 1647 г., неправильнымъ правописаніемъ слова «адъютаторъ»; но это невѣрно. Тамъ, гдѣ оно замѣняется словомъ адъютаторъ, тамъ именно допускается орфографическая ошибка. Слово «аги-

---

[1]) Въ появившейся въ 1677 г. статьѣ: „Reasons for a limited exportation of wool" (приводится у Шмидта, Chronicon Rusticum, I, стр. 257) указывается на то, что рабочіе шерстяной промышленности (ткачи и др.) составляли значительную часть арміи.

таторъ» происходитъ отъ „agitate“—вести чьи либо дѣла,—и первоначально имѣло такое же значеніе, какъ нынѣ слово «делегатъ» или «довѣренное лицо». (См. Р. Гардинеръ, ibid., III стр. 243 и слѣд.). Во всякомъ случаѣ, эти «агитаторы» были скорѣе агитаторы въ современномъ смыслѣ, чѣмъ только «адъютаторы» высшихъ офицеровъ. Они были агентами простыхъ солдатъ и, въ качествѣ таковыхъ, находясь подъ вліяніемъ Лильбурна, состоявшаго въ постоянной связи съ ними, имѣли величайшее вліяніе на ходъ событій, они нерѣдко рѣшали дѣло.

Офицеры и генеральный штабъ вынуждены были признать это новое учрежденіе. Согласились, что каждый полкъ будетъ выбирать двухъ «агитаторовъ», непремѣнно изъ среды простыхъ солдатъ или унтеръ-офицеровъ; эти «агитаторы», вмѣстѣ съ назначенными по двое отъ каждаго полка офицерами, образовали «совѣтъ арміи». Конструированный такимъ образомъ совѣтъ вступилъ въ переговоры съ парламентомъ, которые ни къ чему не привели; тогда 4-го іюня 1647 г., на большомъ лугу близъ города Ньюмаркета, состоялось собраніе всей арміи («свиданіе на Ньюмаркетъ-Гитѣ»), на которомъ торжественно былъ принятъ манифестъ, объявлявшій, что армія эта не солдатское войско, нанятое для того, чтобы поддерживать произволъ государственной власти; эта армія,—буквально гласилъ манифестъ,—«состоитъ изъ свободныхъ людей англійской націи, собравшихся и держащихъ оружіе въ рукахъ въ цѣляхъ защиты своихъ и народныхъ основныхъ правъ и вольностей»; офицеры и солдаты, обязываются подписью своею не расходиться и не позволять раздѣлять себя на полки и отряды до той поры, пока не будетъ увѣренности въ томъ, что—«мы и всѣ свободнорожденные граждане англійской націи не будемъ впредь подвергаться такимъ притѣсненіямъ, насиліямъ и злоупотребленіямъ, какъ это было до сихъ поръ».

Вторая крупная демонстрація въ томъ же родѣ, на которой присутствовало 21,000 человѣкъ, имѣла мѣсто шесть дней спустя на Triploe-Heath, невдалекѣ отъ Кембриджа. Начиная отъ генеральнаго штаба и кончая солдатами, всѣ были согласны въ томъ, чтобы не позволить одурачить себя пустыми фразами; и армія постепенно стала приближаться къ столицѣ черезъ Сентъ-Альбансъ. Парламентъ отвѣтилъ на это прокламаціей, въ которой обѣщаетъ тѣмъ, кто уйдетъ изъ арміи, заплатить слѣдуемое имъ жалованье и дать на путевыя издержки, по желанію, либо въ сѣверную Америку, либо въ ирландскую гарнизонную армію. Затѣмъ парламентъ избралъ «комитетъ общественной безопасности», который вступилъ въ связь съ руководителями милиціи въ Сити, для организаціи вооруженнаго сопротивленія арміи. Ученики Сити, вмѣстѣ съ уволенными солдатами („Reformadoes“), моряками и другими, проникаютъ, съ молчаливаго со-

гласія пресвитеріанъ Сити, 26-го іюля въ парламентъ, отрѣзаютъ доступъ туда депутатамъ-индепендентамъ и вынуждаютъ пресвитеріанское большинство парламента принять враждебную арміи резолюцію. Послѣ этого армія 7-го августа 1647 г. осаждаетъ Лондонъ, «въ цѣляхъ защиты парламента», одиннадцать пресвитеріанскихъ депутатовъ, принимавшихъ наибольшее участіе въ принятіи враждебныхъ арміи постановленій и мѣропріятій, исключаются изъ парламента и отправляются, за исключеніемъ троихъ, въ изгнаніе. Затѣмъ, 20-го августа Кромвель [1]),

[1]) Онъ присутствовалъ во многихъ засѣданіяхъ парламента и слышалъ, какъ травили армію въ своихъ рѣчахъ вожди пресвитеріанскаго большинства.

„Эти люди не уйдутъ, пока армія не вытащитъ ихъ за уши", шепнулъ онъ, будто бы, однажды на ухо сидѣвшему рядомъ Эдмунду Лудлоу. Не нужно забывать, что парламентъ взялъ себѣ право засѣдать до тѣхъ поръ, пока онъ найдетъ нужнымъ. Изъ всего положенія вещей естественно вытекало, что армія, доставившая парламенту побѣду, выступитъ противъ его поползновеній къ самодержавію. Посланіе парламенту отъ 10-го іюля 1647 г., подписанное Кромвелемъ и еще 12-тью представителями арміи, было еще черезчуръ умѣренно и признавало за пресвитеріанскимъ большинствомъ парламента больше правъ, чѣмъ слѣдовало. Но парламентъ желалъ быть полновластнымъ господиномъ положенія и этимъ провоцировалъ изгнаніе одиннадцати.

Внезапная солидарность „учениковъ" съ парламентскимъ большинствомъ имѣетъ свои причины. 8-го и 11-го іюля 1647 г. парламентъ удовлетворилъ петицію учениковъ о возмѣщеніи за отнятую у нихъ пуританскимъ празднованіемъ воскресенья возможность развлекаться играми и т. п. Парламентъ постановилъ, что въ каждый второй вторникъ мѣсяца, по окончаніи самыхъ необходимыхъ работъ, всѣ ученики и служащіе („servants", къ которымъ относятся, слѣдовательно, и рабочіе) освобождаются отъ занятій. Очевидно, эта уступчивость имѣла цѣлью заручиться временно поддержкой „учениковъ", и цѣль эта, какъ мы видѣли, была достигнута. Впрочемъ, ученики Сити оказались весьма удобными преторіанцами лишь до тѣхъ поръ, пока нужно было, вмѣстѣ съ парламентскимъ большинствомъ, солидарнымъ съ почтеннымъ купечествомъ, и при молчаливомъ одобреніи милиціи Сити, демонстрировать и шумѣть *противъ* парламентскаго меньшинства. Но поддержка учениковъ, милиціи и завербованныхъ на скорую руку перебѣжчиковъ изъ арміи оказалась совершенно недостаточной, когда пришлось дать хоть мало-мальски серьезный отпоръ надвигающимся, испытаннымъ въ борьбѣ, полкамъ арміи. Смотръ обнаружилъ такую плачевную картину, что парламентъ и Сити уступили не выпустивъ ни одного заряда.

Интересно, однако, то, что прошло 200 лѣтъ прежде, чѣмъ англійскій парламентъ (въ BankHoliday - Aist отъ 1871 г.) обезпечилъ за служащими, рабочими etc. хоть *треть* числа праздничныхъ дней, которые вынуждены были декретировать въ революціонное время даже пресвитеріанскіе пуритане.

«съ мечомъ въ рукахъ», добивался постановленія парламента, *отмѣняющаго* всѣ принятые имъ подъ вліяніемъ террора рѣшенія и привлекающаго къ суду и къ аресту «за возмущеніе» всѣхъ членовъ парламента, которые содѣйствовали террору или стремились осуществить принятыя подъ его вліяніемъ рѣшенія. Это побудило многихъ пресвитеріанскихъ депутатовъ воздержаться отъ присутствія на засѣданіяхъ, такъ что вѣсы въ палатѣ все болѣе склонялись въ сторону индепендентовъ.

Армія же, пока что, отступаетъ въ предмѣстье Путней, чтобы оттуда наблюдать за развитіемъ дальнѣйшимъ событій. До сихъ поръ все складывалось благополучно. Но вмѣстѣ съ временной побѣдой надъ парламентомъ, начинаютъ выливаться въ опредѣленныя формы противорѣчія въ лагерѣ самихъ индепендентовъ. Въ началѣ іюня эскадронъ драгунъ подъ начальствомъ прапорщика Джойса, «агитатора» изъ полка полковника Валлея, перевелъ короля изъ замка Гольмби въ Ньюмаркетъ. Существовало подозрѣніе, что это было сдѣлано по тайному распоряженію Кромвеля. Однако, есть основаніе думать, что заявленіе Кромвеля о томъ, что онъ не отдавалъ такихъ распоряженій, отчасти соотвѣтствуетъ истинѣ: онъ былъ лишь согласенъ съ тѣмъ, что необходимо послать въ Гольмби надежныхъ солдатъ, чтобы помѣшать шотландцамъ, которые становились все болѣе ненадежными, увезти короля; но агитаторы, повидимому, сочли за болѣе вѣрное держать короля подъ охраной всей арміи, и превысили полномочія своею собственной властью. Во всякомъ случаѣ, совершившееся осталось фактомъ. Когда, затѣмъ, армія стала все приближаться къ Лондону, мѣстопребываніе короля тоже измѣнялось сообразно ея передвиженіямъ, и, наконецъ, онъ былъ помѣщенъ въ замокъ Hampton Court кардинала Уолсея, близъ Лондона. Но вмѣсто того, чтобы прекратить интриги, Карлъ лишь усилилъ ихъ. Въ парламентѣ, послѣ исключенія и ухода главнѣйшихъ пресвитеріанскихъ вождей *), индепенденты и пресвитеріане представляли почти одинаковую силу. Пресвитеріане прилагали теперь всѣ усилія къ тому, чтобы заключить компромиссъ съ королемъ. Это обстоятельство побудило и индепендентскихъ вождей арміи въ свою очередь войти въ переговоры съ королемъ, чтобы пресвитеріане не могли предать ихъ. Карлъ умѣло воспользовался этой благопріятной ситуаціей. Онъ никогда не стѣснялся въ интригахъ и, въ сознаніи своего права «Божьей милостью», онъ никогда не отступалъ ни передъ какой угодно ложью, ни передъ какимъ угодно предательствомъ, если надѣялся извлечь для себя изъ этого какую нибудь выгоду. Какъ обнаружилось впослѣдствіи изъ остав-

[1]) Нѣкоторые роялисты оставили Вестминстерское аббатство уже въ 1644 г., когда Карлъ, въ противовѣсъ существующему парламенту, созвалъ новый въ Оксфордѣ.

ленныхъ имъ писемъ, Карлъ готовилъ Кромвеля для висѣлицы, хотя старался увѣрить его, что его ждетъ наивысшій постъ. Полуобѣщаніями, отъ которыхъ всегда можно было отречься, онъ старался приручить переговаривающіяся партіи и не совѣстился нисколько сговариваться то съ Кромвелемъ и его зятемъ, Айртономъ, то съ шотландскими и англійскими пресвитеріанами и, за ихъ спиною, съ ирландскими католиками, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, воспользоваться одними противъ другихъ. При этомъ король держалъ себя въ Hampton Court'ѣ совсѣмъ какъ во дворцѣ, съ изысканной любезностью встрѣчалъ лондонцевъ, пріѣзжавшихъ туда тысячами, и видѣлъ, какъ шансы его, благодаря этому, съ каждымъ днемъ поднимаются.

Солдаты и другіе радикальные элементы арміи взирали на все это съ возростающимъ озлобленіемъ, вѣроятно, потому, что имъ пришлось выдержать многочисленныя сраженія противъ наемныхъ войскъ Карла. Они жертвовали всѣмъ въ борьбѣ съ королемъ, а теперь вожди ихъ обмѣнивались съ нимъ любезностями и допускали, чтобы ему, побѣжденному, оказывался почетъ и давали ему возможность держаться побѣдителемъ. Они не могли не замѣчать, какую фальшивую игру велъ Карлъ, равно какъ и ихъ вожди; но они, кромѣ того, видѣли еще очень хорошо, куда мѣтилъ Карлъ, видѣли *ошибочныя* дѣйствія вождей, которые были близки къ тому, чтобы предать ихъ дѣло, будь то изъ-за нерѣшительности, или изъ-за честолюбиваго карьеризма. «Казалось страннымъ», пишетъ Лильбурнъ въ статьѣ, которой мы коснемся еще ниже, «зачѣмъ они (генералы) разыгрываютъ такія церемоніи съ королемъ въ Hampton Court'ѣ, зачѣмъ они его посѣщаютъ и позволяютъ, чтобы тысячи людей стекались къ нему поцѣловать руку и выслушать отъ него наставленіе; это способствовало усиленію его партіи въ Сити и въ другихъ мѣстахъ, и агенты короля чувствовали себя въ главной квартирѣ арміи, точно у себя во дворцѣ».

Въ арміи съ озлобленіемъ стали говорить о «господахъ индепендентахъ—the gentlemen independents» и о «грандахъ» арміи, въ противоположность «честному нарицательному имени солдата — the honest noun substantire soldiers», какъ называли себя въ арміи крестьяне и ремесленники. Ихъ же, или ихъ главарей, радикальныхъ «агитаторовъ», «гранды», съ своей стороны, упрекали въ томъ, что они мятежные уравнители—«левеллеры».

«Лишь только стали обнаруживаться намѣренія его величества, въ арміи образовалась ужасная «партія переворота», классъ людей, требовавшихъ наказанія не только для обычныхъ преступниковъ и мошенниковъ, ввергшихъ націю въ кровавыя войны, но и для «главнаго преступника».

Разъ наказываются мелкіе преступники, почему же главѣ ихъ разгуливать на свободѣ? Эти люди чрезвычайно серьезны, для нихъ королевская мантія не является непроницаемой броней, они подъ королевской мантіей узнаютъ человѣка, отвѣтственнаго передъ Богомъ»*).

Въ концѣ концовъ недовольство настолько усиливается, что даже большое число офицеровъ открыто высказываетъ его по поводу политики вѣчныхъ разговоровъ и проволочекъ. «Агитаторы» собираются вмѣстѣ и составляютъ республикански-демократическій манифестъ, заглавіе котораго гласитъ: «*Народный договоръ на принципѣ всеобщаго права*, заключенный въ цѣляхъ объединенія всѣхъ не расположенныхъ къ предразсудкамъ людей»; осуществленіе этого *народнаго договора*—«Agreement of the people»—отнынѣ дѣлается лозунгомъ всѣхъ «левеллеровъ». Этотъ «народный договоръ» содержалъ въ себѣ почти всѣ политическія и экономическія требованія, которыя выставилъ позднѣе манифестъ левеллеровъ, обнародованный весною 1649 г. (его мы коснемся еще въ дальнѣйшемъ). Но, какъ и второй памфлетъ агитаторовъ, озаглавленный «Дѣло арміи» («The case of the army») и критиковавшій, между прочимъ, позорное хозяйничанье парламента на конфискованныхъ церковныхъ земляхъ, этотъ «договоръ» былъ признанъ революціоннымъ и составители его были привлечены парламентомъ къ отвѣтственности. Генеральный штабъ, противъ

---

*) *Карлейль*, Письма и рѣчи Оливера Кромвеля, примѣчаніе къ письму 44. Въ письмѣ 79, отъ 25 ноября 1648 г., Кромвель впервые упоминаетъ о левеллерахъ; письмо это адресовано другу, полковнику Гаммонду, и имѣетъ цѣлью успокоить совѣсть послѣдняго въ отношеніи короля; въ этомъ письмѣ мы находимъ слѣдующее характерное признаніе: „не думаешь ли ты, что этотъ страхъ передъ левеллерами (которыхъ страшиться нечего) и боязнь, чтобы они не устранили дворянства и т. д. не заставили многихъ поддаться подкупу и примириться съ заключеніемъ этого односторонняго, гибельнаго и лицемѣрнаго договора? (намекъ на заключенный пресвитеріанами, во время поѣздки Кромвеля на сѣверъ, компромиссъ съ королемъ). Развѣ это не повліяло на многихъ, по существу хорошихъ людей? Я не хочу сказать, что то, чего они опасаются, случится, но если это дѣйствительно случится, то они сами будутъ виноваты. Развѣ нѣкоторые изъ нашихъ друзей по своей пассивности не дошли до того, что относятся безразлично ко всему, что хорошо и справедливо, и полагаютъ, что народъ Божій найдетъ на одномъ пути столько же или даже больше хорошаго, какъ и на другомъ? Ожидать чего-либо хорошаго отъ этого человѣка, котораго Богъ наказалъ и котораго ты знаешь! Есть ли это ихъ собственное искреннее убѣжденіе, или ихъ въ этомъ уговорили, внушили насильно?“

Почему Кромвель въ тотъ моментъ полагалъ, что левеллеровъ „нечего страшиться“, если только придерживаться твердой политики, это явствуетъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

котораго «договоръ» выступалъ не менѣе рѣзко, чѣмъ проти въ парламентскаго большинства, ограничился переговорами съ его авторами. Генеральному штабу было нелегко расправиться съ левеллерами на скорую руку, такъ какъ многіе изъ высшихъ офицеровъ открыто выражали имъ свою симпатію. Такъ, напримѣръ, полковники Рейнсбаро и Прайдъ, помня свое плебейское происхожденіе (первый до поступленія въ армію былъ извозчикомъ, а второй портнымъ),—высказывались за всеобщее избирательное право въ то время, какъ Кромвель и другіе считали опаснымъ даровать право голоса людямъ, не имѣющимъ «интереса» въ дѣлахъ страны, т. е. не обладающимъ ни землей, ни положеніемъ. Съ другой стороны, Кромвель не могъ высказаться за безусловное устраненіе королевской власти, разъ онъ самъ еще продолжалъ съ королемъ переговоры. Словомъ, эти переговоры, извѣстные подъ названіемъ «путнейскихъ конференцій», не приводили ни къ какимъ результатамъ, недовольство и взаимное недовѣріе все росли, и агитаторы въ концѣ концовъ начали грозить крайними мѣрами за свой собственный страхъ и рискъ [1]).

---

[1]) Одинъ изъ приверженцевъ левеллеровъ, майоръ Джонъ Вильдманъ обнародовалъ въ концѣ 1647 г., подъ псевдонимомъ „Джонъ Лоуминдъ", памфлетъ, который носилъ заглавіе: „Putney Projects or the old Serpent in a new form" и который излагалъ событія такъ, какъ они рисовались радикальному крылу арміи. Онъ содержитъ жестокіе нападки на Кромвеля и одновременно показываетъ, насколько неосновательны были упреки пресвитеріанъ, увѣковѣченные ихъ историками, будто Кромвель былъ тогда заодно съ радикальными агитаторами. Много яркаго и притомъ въ высшей степени интереснаго свѣта проливаютъ на теченіе этихъ переговоровъ недавно обнаруженные и опубликованные „Camden Society" „Clarke Papers"—записки офицера, исполнявшаго обязанности секретаря въ совѣтѣ арміи.

Особенный интересъ представляетъ приведенный тамъ отчетъ (стр. 226—363, т. I) засѣданія совѣта арміи, состоявшагося 28 и 29 октября въ путнейской церкви подъ предсѣдательствомъ Кромвеля. На этомъ засѣданіи участвовали и левеллеры и радикальные агитаторы, и на немъ, между прочимъ, обсуждался составленный левеллерами „договоръ". Кромвель выступилъ съ оппортюнистическими возраженіями противъ него. „Въ немъ высказано", говорилъ онъ, „много свѣтлыхъ мыслей; но вѣдь могутъ придти другіе и выставить новую программу, могутъ придти третьи и выставить третью программу, и отъ этого получится большая путаница. „Не уподобится ли тогда Англія Швейцаріи, не выступитъ ли одинъ кантонъ противъ другого, одно графство противъ другого?" Приходится спросить себя, желаетъ ли чего-либо подобнаго страна, нужно подумать о послѣдствіяхъ и дать себѣ ясный отчетъ о пути и средствахъ для достиженія желаемаго. „На пути къ этому встрѣтятся высокія горы". На второй день разбирался вопросъ объ избирательномъ правѣ, и тогда обнаружились упомянутыя въ текстѣ разногласія.

Король начинаетъ чувствовать себя въ этой атмосферѣ довольно плохо. Получивъ, будто бы, свѣдѣнія, что левеллеры готовятъ покушеніе на его жизнь [1]), онъ глубокою туманною ночью 11 ноября 1647 г. тайно оставляетъ Hampton Court и отправляется на островъ Уайтъ, гдѣ губернаторъ послѣдняго, упомянутый уже полковникъ Гаммондъ, даетъ ему убѣжище въ замкѣ Керсбрукъ. По мнѣнію левеллеровъ, бѣгство короля было устроено генеральнымъ штабомъ,—«грандами арміи»,—и болѣе всего Кромвелемъ, чтобы имѣть возможность продолжать тамъ свободно и безконтрольно начатые переговоры; однако, письма Кромвеля того времени показываютъ, что подозрѣніе было неосновательно. Но какъ бы тамъ ни было, а недовѣріе было на лицо, его раздѣляли даже многіе изъ высшихъ офицеровъ, и агитаторы и солдаты стали все настойчивѣе угрожать возстаніемъ, если не будетъ серьезно приступлено къ осуществленію «народнаго договора». Лильбурнъ, который въ это время пользовался относительной свободой передвиженія (см. стр. 554 нѣм. т.) и былъ, если не авторомъ, то во всякомъ случаѣ соредакторомъ народнаго договора, усердно поддерживалъ это настроеніе. Его вліяніе въ арміи было велико. Его памфлеты усердно читались и, какъ гласитъ докладъ лордовъ весною 1647 года, разсматривались солдатами «какъ государственные законы». (Гардинеръ, III, стр. 237). Въ другомъ документѣ, приведенномъ у Гардинера (ibid., стр. 245), говорится: «вся армія—какъ будто одинъ Лильбурнъ, она болѣе склонна издавать законы, чѣмъ принимать ихъ отъ другихъ» [2]).

На сторону левеллеровъ стали цѣлые полки, какъ, напримѣръ, конница, находившаяся подъ начальствомъ брата Лильбурна, Роберта, и пѣхотный полкъ полковника Гаррисона, страстнаго приверженца «пятой монархіи». Ненадежные «агитаторы» были забаллотированы и вмѣсто нихъ выбраны рѣшительные республиканцы. Кромвель, который, конечно, обратилъ на это должное вниманіе и которому было также передано сплетниками, что Лильбурнъ и другой «левеллеръ», упомянутый уже майоръ Джонъ Вильдманъ, готовятся убить его, какъ предателя, и убрать его такимъ образомъ съ ихъ пути,—увидѣлъ теперь, что дѣло зашло очень далеко и что необходимо принять мѣры противодѣйствія противъ ихъ

---

[1]) Эти свѣдѣнія, какъ говорятъ, доставлены были королю его младшимъ братомъ, Генрихомъ. См. стр. 534 нѣм. текста.

[2]) „Потому что онъ,—агитаторъ,—постоянно держитъ мечъ въ одной рукѣ и посланіе Лильбурна въ другой; эти посланія являются для него вѣсами, которыми онъ думаетъ взвѣшивать всѣхъ людей на этомъ и на томъ свѣтѣ“. Взято изъ опубликованнаго въ мартѣ 1648 г. роялистскаго сочиненія: „The agitator anatomised, or the character of an agitator“.

агитаціи. Онъ долго колебался, вѣроятно, потому, что не рѣшался, да и не видѣлъ законныхъ средствъ самостоятельно привлечь Карла къ отвѣтственности. Но армія все громче требовала «справедливости», а возстаніе большей части арміи было самымъ худшимъ, что только могло случиться для Кромвеля и его партіи. Безъ арміи они представляли безсильное меньшинство въ парламентѣ, и, несмотря на изгнаніе пресвитеріанскихъ вожаковъ, они уже 13 октября потерпѣли фіаско при троекратномъ голосованіи вопроса о томъ, чтобы признать пресвитеріанство государственнымъ установленіемъ. Съ другой стороны, перехваченное имъ и Айртономъ письмо Карла въ октябрѣ мѣсяцѣ, ясно показало ему, каковы были истинныя намѣренія короля въ отношеніи его лично. Необходимо было дѣйствовать, и онъ пересталъ колебаться. Были назначены три собранія различныхъ полковъ; первое на 15 ноября въ Каркбушфильдѣ близъ *Вара*, недалеко отъ *Гертфорда* (приблизительно въ 25 километрахъ отъ Лондона); говорятъ, что на эту первую конференцію были умышленно приглашены только тѣ полки, которые держались наиболѣе спокойно. Предполагалось, что ихъ взгляды окажутъ извѣстное вліяніе и на болѣе революціонно настроенные полки. Разсчетъ оказался не совсѣмъ ошибочнымъ. Остальное довершила импонирующая энергія Кромвеля, какъ полководца.

Громадная часть солдатъ и офицеровъ носила въ Варѣ на своихъ шашкахъ, какъ эмблему своихъ убѣжденій, экземпляры народнаго договора съ надписями: «Свобода народу, права—солдатамъ». Кромѣ подчинявшихся дисциплинѣ полковъ, на собраніи присутствовали, разумѣется, и конница Роберта Лильбурна и пѣхота Томаса Гаррисона; явилось много выдающихся левеллеровъ и изъ другихъ полковъ. Джонъ Лильбурнъ, полковникъ Ренсборо, одинъ изъ наихрабрѣйшихъ полководцевъ арміи отличившійся при взятіи Бристоля, майоръ Скоттъ и другіе республиканцы ходили отъ одного отряда къ другому и внушали солдатамъ стоять твердо на своемъ, такъ какъ дѣло свободы въ опасности. Со всѣхъ сторонъ раздавались возгласы, не предвѣщавшіе Кромвелю ничего хорошаго. Но послѣдній оказался на высотѣ положенія. Вмѣстѣ съ Ферфаксомъ и другими членами генеральнаго штаба онъ объѣзжалъ полки, начиная съ наиболѣе умѣренныхъ. Была прочитана «ремонстрація», которая опровергала выставленныя агитаторами обвиненія и убѣждала солдатъ, что требованія ихъ, которыя являются также и требованіями генераловъ, могутъ быть осуществлены лишь въ томъ случаѣ, если вся армія будетъ едина и будетъ дѣйствовать солидарно. Тонъ и содержаніе этого объясненія, равно какъ и данныя обѣщанія, были встрѣчены солдатами восторженно, и они обѣщали подчиняться дисциплинѣ. Послѣ этого Кромвель со спутниками отправился къ полку Гаррисона; солдаты и здѣсь спокойно выслушали заявленіе и раз-

ными обѣщаніями дали убѣдить себя снять съ шапокъ значки, названные Кромвелемъ «мятежными». Иначе обошлось дѣло съ конницей Лильбурна. Она встрѣтила Кромвеля и Ферфакса задорными криками и прерывала послѣдняго при чтеніи «ремонстраціи» негодующими возгласами. Тогда выѣхалъ впередъ Кромвель. «Снимите эмблемы съ вашихъ шапокъ!» «Нѣтъ! Нѣтъ!» раздается въ отвѣтъ. Но Кромвель не видитъ больше надобности разсуждать съ ними. Въ сопровожденіи другихъ офицеровъ, онъ въѣзжаетъ въ ряды мятежниковъ и срываетъ у нихъ, частью смущенныхъ, частью не рѣшающихся оказать физическое сопротивленіе побѣдоносному полководцу, эмблемы съ шапокъ и приказываетъ вывести изъ строя 14 наиболѣе мятежныхъ солдатъ. Учреждается военный судъ, и тремъ изъ нихъ выносится смертный приговоръ. Двое освобождаются по жребію, а надъ третьимъ, Ричардомъ Арнольдомъ, приговоръ приводится въ исполненіе. Майоръ Скоттъ и капитанъ Брей, вступившіеся за мятежниковъ и назвавшіе казнь Арнольда нарушеніемъ петиціи правъ («Petition of Rights») (потому что послѣдняя отмѣняла военные суды) подвергаются аресту по распоряженію парламента, дѣйствовавшаго въ данномъ случаѣ по настоянію Кромвеля.

Такъ была подавлена эта первая попытка возстанія. Остальныя два собранія прошли безъ помѣхъ; солдаты, по существу стоявшіе на сторонѣ левеллеровъ, поддались призыву хранить единство арміи и во имя борьбы съ общимъ врагомъ рѣшились на жертву и покорились. Однако, недовольство было лишь заглушено, но не устранено. Память Арнольда, какъ мученика за права, чтится свято, и при каждомъ новомъ недоразумѣніи снова раздается призывъ искупить «невинно пролитую кровь». Пламя продолжаетъ тлѣть подъ пепломъ, чтобы вспыхнуть съ новой силой, при первомъ удобномъ случаѣ.

Кромвель, съ своей стороны, тоже дѣйствовалъ въ силу необходимости. При помощи арміи, не подчиняющейся дисциплинѣ, нельзя было справиться съ пресвитеріанами ни въ парламентѣ, ни внѣ его. Для того, чтобы держать ихъ, равно какъ и собиравшихся съ новыми силами роялистовъ, въ смиреніи, нужно было войско. Поэтому Кромвель посвящаетъ нѣсколько мѣсяцевъ реорганизаціи арміи, причемъ ненадежные и черезъ чуръ строптивые элементы по возможности удаляются вовсе. Съ другой стороны, Кромвель и его друзья проводятъ въ парламентѣ постановленіе, въ силу котораго запрещается въ дальнѣйшемъ составлять какіе бы то ни было адреса на имя короля, и ни одинъ членъ обѣихъ палатъ безъ ихъ разрѣшенія не имѣетъ больше права сноситься съ королемъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе Кромвеля было довольно незавидное. Броженіе происходило повсемѣстно. «Король, съ которымъ нельзя вести переговоры, который

сидитъ въ Керсбрукѣ, является центромъ надеждъ всѣхъ недовольныхъ и центромъ широкой сѣти интригъ, распространяющихся даже за границу,—вотъ первый элементъ. Большая партія роялистовъ, съ трудомъ побѣжденная, но готовая каждую минуту снова собраться съ силами,—вотъ второй элементъ. Большая пресвитеріанская партія, во главѣ съ лондонскимъ Сити, этимъ «казначеемъ всего дѣла», недовольная оборотомъ, который принялъ ходъ событій, и въ отчаяніи мечтающая о новыхъ комбинаціяхъ и новой борьбѣ,—вотъ третій элементъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить безразсудную, мятежную, республиканскую или левеллерскую партію. Нельзя также забывать, что въ засѣданіяхъ нижней палаты, принимали участіе лишь 70 членовъ, раздѣленные на двѣ приблизительно равныя группы, въ то время, какъ остальные члены палаты сидѣли и ждали, чѣмъ кончится вся это исторія, что выйдетъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ раздоровъ и что скажетъ надвигающаяся шотландская армія».

Такова картина, которую рисуетъ намъ *Карлейль* и которая въ главныхъ чертахъ вполнѣ отвѣчаетъ истинному положенію вещей. Онъ лишь забываетъ добавить, что это положеніе неудержимо приводило къ политикѣ, которой желала безразсудная, мятежная и т. д. партія. Кромвель изъ всѣхъ силъ старался объединить всѣ антироялистскіе элементы. Онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ вліятельныхъ членовъ парламента и арміи, затѣмъ въ другой разъ отправился съ нѣкоторыми изъ нихъ на засѣданіе въ Сити, чтобы завербовать отцовъ Сити. Но никакое соглашеніе не было возможно. Наиболѣе ярые пресвитеріане разсчитывали на своихъ друзей въ Шотландіи, гдѣ пресвитеріанско-роялистская партія завладѣла всѣмъ положеніемъ, собрала армію въ 40000 человѣкъ, и готовилась вторгнуться въ Англію. Въ апрѣлѣ 1648 г., какъ разъ на другой день послѣ посѣщенія Кромвелемъ Сити, тамъ вспыхиваетъ сильное возстаніе «учениковъ», которое удается подавить лишь черезъ три дня. «Богъ и король Карлъ!»—таковъ былъ лозунгъ возставшихъ бюргерскихъ сыновей, къ которымъ примкнули городскіе рабочіе-ремесленники, поденщики и т. п.[1]). Но это было лишь введеніемъ. Въ мая мѣсяцѣ пожаръ распространяется съ необыкновенной силой. Въ Кентѣ, въ Эссексѣ, въ Уэльсѣ,—всюду поднимаются приверженцы короля, а изъ Шотландіи дѣйствительно надвигается 40 тысячная армія подъ начальствомъ вождя тамошнихъ пресвитеріанскихъ монархистовъ, маркиза Гамильтона. На состоявшейся въ Виндзорѣ конференціи, укрѣпивъ духъ

---

[1]) Всѣ годы отъ 1646 до 1651 года отличались непомѣрной дороговизной, въ особенности 1648 г.

*

свой въ молитвѣ въ теченіе цѣлаго дня [1]), индепендентскіе вожди арміи рѣшили, что, если имъ удастся счастливо подавить возстаніе и отбить нашествіе, они разсчитаются съ Карломъ Стюартомъ, этимъ «кровавымъ человѣкомъ», за всю пролитую имъ кровь, за все горе, имъ причиненное. Это рѣшеніе, которое, конечно, не было скрыто отъ солдатъ, возстановило вновь полное единодушіе съ вождями. Армія опять рѣшительно идетъ на бой съ врагами «дѣла божьяго». Ферфаксъ беретъ на себя Эссаксъ и Кентъ, Кромвель отправляется сначала въ Уэльскъ, а оттуда навстрѣчу шотландцамъ. Кромвель еще былъ занятъ на сѣверѣ, когда пресвитеріане въ Лондонѣ снова подняли голову. Въ это именно время состоялось упомянутое въ концѣ прошлой главы освобожденіе Лильбурна, а шесть недѣль спустя парламентъ постановилъ выдать ему, вмѣсто присужденнаго ему денежнаго вознагражденія, участокъ конфискованной земли, гораздо большей цѣнности.

Но не трудно понять, почему «honest Iohn», какъ назвала тогда Лильбурна враждебная Кромвелю газета «Mercurius Pragmaticus», почему Лильбурнъ не стремился заслужить расположенія столь враждебныхъ ему до сихъ поръ членовъ парламента и не пожелалъ продолжать и свои нападки на Кромвеля [2]). Далекій отъ той мстительности, которую приписываютъ ему почти всѣ буржуазные историки, онъ тотчасъ же по выходѣ изъ тюрьмы написалъ Кромвелю письмо, пересланное ему черезъ капитана и бывшаго агитатора *Эдуарда Сексби;* въ этомъ письмѣ онъ протягивалъ Кромвелю руку примиренія а спустя короткое время

---

[1]) Подробное описаніе этой молитвы и послѣдовавшаго затѣмъ засѣданія военнаго совѣта опубликовалъ въ печати въ 1659 г. генералъ-адъютантъ Алленъ, анабаптистъ, приверженецъ „пятой монархіи“. Просвѣтленіе Божье, разсказываетъ Алленъ, привело ихъ къ сознанію, что „тѣ злополучныя плотскія конференціи, на которыхъ наша воображаемая мудрость, наши опасенія и недостатокъ вѣры внушили намъ ложную мысль въ предыдущемъ году вступить въ переговоры съ королемъ и его партіей,— были равносильны отпаденію отъ Бога“; вотъ почему Богъ и отвернулся отъ нихъ. Это соображеніе и послужило поводомъ къ принятію приведеннаго въ текстѣ рѣшенія. Что было бы, если бы сохранить народу такую религію?

[2]) Однимъ изъ наиболѣе усердныхъ сторонниковъ освобожденія Лильбурна былъ, напримѣръ, сэръ Джонъ Менардъ, который годъ тому назадъ по настоянію арміи вынужденъ былъ оставить парламентъ. „Ну, вотъ теперь, когда мы опять видимъ честнаго Джона на свободѣ, намъ недолго придется ждать, когда господинъ спикеръ и глава Кромвель очутятся у позорнаго столба; потому что онъ (Лильбурнъ) намѣренъ помѣряться съ нимъ силами, а это, что нибудь да значитъ“. Такъ писала упомянутая газета „Mercurius Pragmaticus“.

проѣздомъ на сѣверъ, лично посѣтилъ Кромвеля въ его лагерѣ. Въ упомянутомъ письмѣ характерно слѣдующее мѣсто: «несмотря на то, что въ послѣднее время я имѣлъ двадцать случаевъ отомстить вамъ за суровое, связанное почти съ полной голодовкой заключеніе [1]), я отказываюсь отъ этой мысли сейчасъ, когда вы повержены въ прахъ. Будьте увѣрены въ одномъ: если я когда-нибудь подниму на васъ руку, это случится тогда, когда вы будете окружены ореоломъ славы и свернете съ пути правды и справедливости. Если же вы рѣшительно и безпристрастно выступите въ защиту правды и справедливости, то, несмотря на всѣ ваши прежнія жестокія мѣропріятія противъ меня лично, я остаюсь до послѣдней капли крови вашимъ. Джонъ Лульбурнъ».

Это письмо имѣетъ помѣтку: «Вестминстерское аббатство, 3-го Августа 1648 г., второй день моего освобожденія»; оно напечатано въ опубликованномъ въ 1653 г. сочиненіи «Lieut. colonel Lilburne revided. О немъ говорили, какъ объ актѣ рыцарскаго донъ-кихотства (Спарлингъ въ трудѣ своемъ о Лильбурнѣ), однако, вѣрна только первая половина опредѣленія, т. е. рыцарство. Врядъ ли это письмо можно назвать донъ-кихотскимъ; такъ же невѣрна квалификація этого письма Гардинеромъ, который употребляетъ по отношенію къ нему выраженія, вродѣ «забавное самодовольство». Это письмо вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію момента. Лишь блестящія побѣды второй половины августа 1648 г. снова дали Кромвелю перевѣсъ. Если бы онъ былъ разбитъ, или война продолжилась бы дольше, для него, какъ и для республиканской демократіи, *все* было бы проиграно. Слѣдовательно, задача состояла не въ томъ, чтобы воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ Кромвеля для удовлетворенія чувства мести, а въ томъ, чтобы побудить его къ уступкамъ левелле-

---

[1]) Осенью 1647 г. Кромвель въ нижней палатѣ высказался за то, что комиссія, разбиравшая жалобу Лильбурна на незаконное осужденіе его лордами, должна, раньше чѣмъ поставить окончательное рѣшеніе, установить прецедентъ.

Желалъ ли онъ этимъ лишь избѣгнуть рѣзкаго вызова по адресу лордовъ, или же онъ хотѣлъ помѣшать преждевременному освобожденію Лильбурна,—неизвѣстно. Фактъ тотъ, что Лильбурнъ дѣлалъ отвѣтственнымъ за продленіе своего ареста Кромвеля и былъ тѣмъ болѣе возмущенъ поведеніемъ послѣдняго, что за нѣсколько дней до этого засѣданія парламента Кромвель посѣтилъ его въ тюрьмѣ и обѣщалъ свою поддержку; за это Лильбурнъ, съ своей стороны, обѣщалъ отказаться отъ политики и уѣхать въ Америку, лишь только будетъ установлено, что лорды не имѣютъ права судить „простого“ человѣка.

рамъ [1]). И эта политика имѣла успѣхъ. Лильбурнъ, хотя и не далъ Кромвелю убѣдить себя вновь поступить въ армію, но, вернувшись въ Лондонъ, побудилъ своихъ друзей отправить къ Кромвелю депутацію, которая должна была заявить ему, что отъ него ожидаютъ содѣйствія правому дѣлу. «Война (гражданская) можетъ быть оправдана лишь какъ защита права народа на справедливое правительство («когда слава Господня будетъ одинаково осѣнять своимъ сіяніемъ всѣхъ людей») и на свободу». Это посланіе имѣло послѣдствіемъ то, что Кромвель поручилъ своимъ единомышленникамъ въ Лондонѣ,—индепендентамъ—«джентлеменамъ»,—войти въ переговоры, съ левеллерами.

Безъ сомнѣнія, Кромвель нуждался въ левеллерахъ не меньше, чѣмъ послѣдніе въ немъ. Это было время, когда переговоры парламента съ королемъ оживились и когда уже было заключено упомянутое выше соглашеніе, по которому парламенту предоставляется въ теченіе ближайшихъ двадцати лѣтъ верховная власть надъ арміей и офицерами, и пресвитеріанская церковь на ближайшіе три года дѣлается *государственной* церковью. Диктатура парламента, имѣющаго пресвитеріанское большинство, была для Кромвеля, хотя изъ другихъ соображеній, но не менѣе ненавистна, чѣмъ левеллерамъ. Ненависть левеллеровъ обусловливалась принципіальными или, если хотите, доктринерскими соображеніями, Кромвель же руководился, главнымъ образомъ, мотивами личнаго свойства. Послѣ того, какъ левеллеры первые протянули ему руку примиренія, у него было достаточно причинъ писать Гаммонду, что слѣдуетъ опасаться не ихъ, а тѣхъ, кто нерѣшителенъ и идетъ на компромиссы съ королемъ. (См. примѣч. стр. 559). При этомъ онъ, можетъ быть, питалъ тайную мысль о томъ, что, справившись съ послѣдними, нетрудно будетъ, при поддержаніи строгой дисциплины, сдерживать въ извѣстныхъ рамкахъ и первыхъ. Вѣдь удалось же сравнительно легко усмирить «мятежниковъ» при Варѣ.

А пока что армія была вполнѣ надежна. 29-го декабря банда «кавалеровъ» проникла подъ вымышленнымъ предлогомъ въ жилище храбраго и популярнаго полковника Ренсборо въ Донкестерѣ и предательски убила его. Это позорное убійство показало всѣмъ, что нужно принять серьезныя

---

[1]) Какъ разъ въ то время, когда Лильбурнъ считалъ цѣлесообразнымъ покончить со всѣми раздорами, майоръ Гендигдонъ, приближенный Кромвеля, перешелъ на сторону пресвитеріанскихъ приверженцевъ короля и опубликовалъ всевозможныя разоблаченія о якобы подготовленныхъ Кромвелемъ махинаціяхъ.

Лильбурнъ не преминулъ заклеймить Гендингдона, какъ мошенника. „Трусъ“, писалъ онъ,—„который вретъ, когда это ему выгодно“.

мѣры противъ виновника всѣхъ этихъ кровопролитій. 20-го ноября на главной квартирѣ въ Сентъ-Альбансѣ была составлена новая «ремонстранція» и препровождена черезъ полковника Эвера парламенту; эта «ремонстрація» требовала, чтобы «главный преступникъ» былъ, наконецъ, преданъ суду. И въ то время, когда парламентъ еще обсуждалъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли вообще принять во вниманіе такую непочтительную ремонстрацію, тотъ же полковникъ Эверъ, 27-го ноября, по распоряженію главнаго штаба арміи, перевелъ короля изъ *Ньюпорта* въ уединенный замокъ *Герстъ*, расположенный на южномъ морскомъ берегу Англіи, противъ острова Уайта. Тамъ король находился подъ строгой охраной, въ обществѣ всего лишь двухъ компаньоновъ. Однимъ изъ этихъ послѣднихъ былъ Джемсъ Гаррингтонъ, будущій авторъ «Океаніи».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Борьба за демократію. „Очистка" парламента. „Народный договоръ" левеллеровъ.

Несмотря на то, что главнокомандующимъ все еще оставался Ферфаксъ, фактическимъ главой арміи былъ Кромвель.

Еще прежде, чѣмъ разыгрались вышеизложенныя нами событія,—приверженцы Кромвеля вступили въ переговоры съ левеллерами и согласились насчетъ ближайшихъ совмѣстныхъ шаговъ. Нельзя сказать, чтобы дѣло обошлось особенно мирно. Лильбурнъ и его друзья слишкомъ основательно усвоили себѣ урокъ, данный имъ при Варѣ, чтобы позволить «джентльменамъ», хотя бы и на время только, захватить власть въ свои руки, не получивъ предварительно никакихъ гарантій относительно дальнѣйшаго. Джентльмены всѣ теперь выказывали большое рвеніе; они всѣ были за «очистку» парламента, даже за насильственное распущеніе его, и почти всѣ требовали казни короля. Лильбурнъ и левеллеры ничего не имѣли противъ того, чтобы помочь имъ въ этомъ предпріятіи, но желали получить гарантіи для будущаго. Они знали уже, что побѣда арміи не означаетъ еще осуществленія правъ народа, и Лильбурнъ ясно далъ понять это «джентльменамъ».

Въ одномъ отчетѣ объ этихъ переговорахъ, подлинность котораго ни-

кѣмъ еще не оспаривалась, Лильбурнъ резюмируетъ общіе свои выводы слѣдующимъ образомъ:

«Правда, я считаю короля виновникомъ многихъ золъ, и его приверженцевъ плохими людьми. Но армія (здѣсь имѣется, конечно, въ виду лишь начальство) въ прошедшемъ году обманула насъ; она нарушила свои обѣщанія, и поэтому совершенно естественно уже не можетъ пользоваться нашимъ довѣріемъ, не представивъ намъ достаточныхъ гарантій. Если бы мы считали короля даже еще большимъ тираномъ, чѣмъ вы себѣ его представляете, и если бы парламентъ казался намъ такимъ же плохимъ, какъ и вамъ,—то все же и тогда мы должны помнить, что для противовѣса арміи у насъ нѣтъ другой власти, кромѣ короля и парламента; намъ выгодно поддерживать одного тирана въ противовѣсъ другому — до тѣхъ поръ, пока мы не узнаемъ, что представляетъ изъ себя тотъ, который выдаетъ себя за наиболѣе честнаго, и какова дарованная имъ свобода. Мы хотимъ имѣть что-нибудь реальное, на что намъ можно было бы опереться; по скольку будетъ въ нашей власти, мы не допустимъ, чтобы армія подчинила своей волѣ и своему мечу все правительство страны. Мы думаемъ, что ни одинъ разумный человѣкъ не пожелаетъ, чтобы въ противовѣсъ арміи не было бы никакой власти. Если мы это допустимъ, наше рабство въ будущемъ будетъ, пожалуй, еще тяжелѣе, чѣмъ въ прошломъ; поэтому я энергично настаиваю на томъ, что прежде всего необходимо заключить народный договоръ; пока этого не будетъ, я считаю невозможнымъ думать о чемъ-либо другомъ. Таково мое мнѣніе, таково общее мнѣніе всѣхъ моихъ друзей, съ которыми я состою въ постоянныхъ сношеніяхъ». (Приведено въ сочиненіи Джона Лильбурна, «The Legal Fundamental Liberties of the People of England Revived, Asserted and Vindicated».)

Понятно, что это сухое разъясненіе, въ которомъ такъ рельефно выступаетъ обычный въ исторіи англійской демократіи ходъ идей, пришлось чрезвычайно не по вкусу партіи «грандовъ». Во-первыхъ, они были недовольны ничѣмъ неоправдываемымъ, по ихъ мнѣнію, недовѣріемъ, — (Лильбурнъ говоритъ, что это ихъ «отчаянно взорвало»),—а во-вторыхъ, они злились на неминуемую потерю времени. Но левеллеровъ нельзя было урезонить ни протестами, ни увѣреніями, будто гранды стремятся къ одной съ ними цѣли. Они были болѣе опытны, чѣмъ стоявшіе на ихъ сторонѣ солдаты, и не уступали до тѣхъ поръ, пока не добились уступокъ: обѣ стороны выбрали по четыре представителя, для совмѣстнаго обсужденія основныхъ пунктовъ «Agreements» (договора), который затѣмъ долженъ былъ быть принятъ всѣми. Даже выборы въ эту комиссію не прошли безъ рѣзкаго столкновенія. Кромѣ Лильбурна, со стороны левеллеровъ былъ

избранъ извѣстный *Вильямъ Вальвинъ*, уже не молодой купецъ. Противъ его избранія возражалъ индепендентъ Джонъ Прейсъ, представитель «джентльменовъ». Протестъ этотъ вызвалъ гнѣвный отвѣтъ со стороны Лильбурна, замѣтившаго, что у Вальвина въ мизинцѣ больше справедливости и честности, чѣмъ у всѣхъ противниковъ вмѣстѣ взятыхъ. Лильбурнъ угрожалъ, что скорѣе согласится оставить комитетъ, чѣмъ засѣдать въ немъ безъ Вальвина. Этотъ инцидентъ, послѣ долгихъ переговоровъ, закончился тѣмъ, что изъ комиссіи вышли и Вальвинъ и Прейсъ. Онъ интересенъ тѣмъ, что въ опубликованномъ вскорѣ послѣ этого сочиненіи [1]) нѣкоего Вильяма Киффина Вальвинъ названъ радикальнымъ коммунистомъ и атеистомъ, въ то время, какъ въ оффиціальныхъ листкахъ левеллеровъ, изъ которыхъ многіе подписаны также и Вальвиномъ, выставлены лишь радикально-демократическія требованія. Вильямъ Киффинъ вначалѣ самъ былъ радикальнымъ индепендентомъ, но впослѣдствіи перешелъ къ умѣреннымъ и, въ концѣ концовъ, нажилъ себѣ большое состояніе. Въ дальнѣйшемъ намъ придется остановиться подробнѣе на содержаніи этой книги Киффина, но сейчасъ мы можемъ лишь отмѣтить, что, несмотря на всѣ нападки, она не приводитъ ни одного некрасиваго поступка Вальвина и упрекаетъ его только въ томъ, что онъ придерживается атеистическихъ и коммунистическихъ воззрѣній и умѣло ихъ пропагандируетъ. Повидимому, только эти взгляды Вальвина и послужили причиной устраненія его изъ комиссіи.

Оставшіеся шесть членовъ комиссіи 15-го ноября пришли къ слѣдующему соглашенію: въ главной квартирѣ арміи будетъ засѣдать комитетъ, составленный изъ представителей арміи и делегатовъ отъ «благонамѣренныхъ» жителей [2]) страны. Этотъ комитетъ долженъ

---

[1]) Оно носитъ заглавіе „Уловки Вальвина“ (Walwyn's Weles) и въ подзаголовкѣ обѣщаетъ раскрыть „хитрыя и искусныя уловки, атеистическіе, безбожные и пагубные для души принципы и дѣйствія Вильяма Вальвина“ и прибавить еще нѣкоторыя усовѣщанія по адресу подполковника Джона Лильбурна и господина Т. Пренса. „Лильбурнъ очень горячъ, а Пренсъ—молодъ“,—говоритъ авторъ,—корень у нихъ можетъ быть еще здоровый. Овертонъ, четвертый изъ довѣренныхъ лицъ левеллеровъ, настолько извѣстенъ, какъ человѣкъ и какъ писатель своими богохульными взглядами, что ни одна честная христіанская душа не пожелаетъ имѣть съ нимъ ничего общаго, и только поэтому онъ безвреденъ; но Вальвинъ—это волкъ въ овечьей шкурѣ, онъ прикрывается маской кроткаго философа и поэтому особенно опасенъ“.

[2]) Слово „благонамѣренный“—Wellmeaning или „Wellaffected“, играло въ англійской революціи ту же роль, какъ во французской слово „патріотъ“. Оно употребляется въ примѣненіи къ защитникамъ народнаго дѣла. Роялисты и ихъ друзья характеризуются ихъ противниками, какъ „Malignants“—неблагонамѣренные.

выработать проектъ справедливыхъ основныхъ законовъ—«the foundations of a just government»,—который затѣмъ былъ бы проголосованъ всѣми благонамѣренными гражданами страны [1]). Предполагалось, что выработанная такимъ образомъ конституція станетъ *высшимъ* закономъ страны, т. е. должна будетъ стать тѣмъ основнымъ закономъ –«the paramount law»,—котораго агитаторы и левеллеры требовали уже годъ тому назадъ. Законъ опредѣлялъ, между прочимъ, сферу вліянія парламента и долженъ былъ быть подписанъ *всѣми* депутатами въ день ихъ избранія. Во избѣжаніе недоразумѣній, левеллеры отказались отъ выставленнаго ими 11-го сентября 1648 г. требованія немедленнаго распущенія парламента—(это требованіе было изложено въ петиціи, которая въ свое время была сожжена палачемъ по предписанію парламента);—но они настояли на томъ, чтобы былъ назначенъ опредѣленный срокъ для распущенія парламента, и чтобы ихъ «Agreement» (договоръ) былъ включенъ въ ремонстрацію, которую готовила армія.

На главной квартирѣ, находившейся тогда еще въ Сентъ-Альбансѣ, но вскорѣ перенесенной въ Виндзоръ, всѣ были согласны на эти условія. Переданная парламенту 20-го ноября черезъ майора Эвера, ремонстрація требовала, чтобы всякіе переговоры съ королемъ были прекращены, и чтобы всѣ виновники послѣднихъ безпорядковъ, вмѣстѣ и порознь, а слѣдовательно и король, были привлечены къ отвѣтственности; кромѣ того, она требовала распущенія засѣдающаго парламента и выборовъ новаго, и заявляла, что въ будущемъ ни одинъ король, не избранный народомъ, не будетъ признаваться. Левеллеры, однако, были того мнѣнія, что эта ремонстрація лишь отчасти отвѣчаетъ ихъ желаніямъ, и содержитъ кое-что такое, съ чѣмъ они несогласны вовсе. Тѣмъ не менѣе, они не хотѣли затѣвать публичныхъ пререканій и отправились въ Виндзоръ, чтобы переговорить съ «грандами» арміи. Послѣдніе дѣлали видъ, что готовы идти на уступки; но какъ только открылись дебаты по поводу будущей конституціи, сразу обнаружились коренныя разногласія. Генералъ-провіантмейстеръ Айртонъ, зять Кромвеля, желалъ, напримѣръ, сохранить за парламентомъ право налагать наказанія въ такихъ случаяхъ, когда нѣтъ прямого нарушенія закона, но когда этого требуютъ *государственныя соображенія*, т. е., другими словами, онъ хотѣлъ сохранить за парламентомъ право при случаѣ *нарушать* законъ. Лильбурнъ, фа-

---

[1]) Въ новѣйшей исторіи это первый случай возникновенія идеи *прямого народнаго законодательства* въ широкихъ размѣрахъ. Какъ извѣстно, во время французской революціи предложеніе такого же рода было внесено, когда революція достигла наивысшей точки своего развитія.

натикъ права, вполнѣ основательно питавшій недовѣріе ко *всякой* правительственной власти, возсталъ противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ. Кромѣ того, Айртонъ стремился ограничить религіозную терпимость опредѣленными протестантскими формами культа; левеллеры же, напротивъ того, настаивали на абсолютной свободѣ совѣсти. Дѣло кончилось тѣмъ, что левеллеры внесли новое предложеніе: чтобы сторонники индепендентовъ въ парламентѣ, армія, лондонскіе индепенденты и «тѣ, которыхъ, называютъ левеллерами», выбрали по четыре представителя; эти представители совмѣстно выработаютъ «договоръ», который затѣмъ и будетъ принятъ всѣми. Въ своемъ стремленіи объединить всѣ элементы, противостоящіе королю, Лильбурнъ уходитъ такъ далеко, что предлагаетъ, если пресвитеріане согласятся, предоставить и имъ четыре мѣста въ комитетѣ. Гранды соглашались на все; нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Гаррисонъ, потому, что искренне вѣрили въ возможность примиренія, другіе потому, что желали выиграть время. Рѣшили продолжать засѣданія въ Лондонѣ и даже назначили тамъ мѣста для собраній. Всѣ отправились туда, и каждая партія выбрала своихъ представителей. Левеллеры, кромѣ Лильбурна и Вальвина, выбрали извѣстнаго Максимиліана Петти и упомянутаго уже выше Джона Уайльдмана [1]).

[1]) Состоялъ ли Максимиліанъ Петти въ родствѣ со своимъ знаменитымъ современникомъ, серомъ Вильямомъ Петти, или нѣтъ,—мнѣ установить не удалось. Они вмѣстѣ участвовали въ учрежденномъ Джемсомъ Гаррингтономъ въ 1659 г. „Rota Club'ѣ“, о которомъ мы еще будемъ говорить въ главѣ о Гаррингтонѣ. Членомъ этого клуба состоялъ и Джонъ Уайльдманъ. (См. Toland, Harringtons Oceana etc).

Уайльдманъ, повидимому, сдѣлалъ честь своему имени. Радикальный демократъ чрезвычайно страстнаго темперамена, онъ въ 1654 г. былъ выбранъ въ первый парламентъ временъ протектората Кромвеля, но отказался признать учрежденіе протектората и былъ арестованъ въ 1655 г. въ Экстонѣ; въ моментъ ареста онъ диктовалъ своему секретарю „Заявленіе свободныхъ и благонамѣренныхъ людей Англіи, поднявшихъ оружіе противъ тирана Оливера Кромвеля“. „Безпокойный человѣкъ, весь—огонь и молнія“, пишетъ о немъ Карлейль, „послѣ того, какъ „свободно-рожденный Джонъ“ (Лильбурнъ) отправленъ на Джерсей, онъ является, пожалуй, самымъ безпокойнымъ человѣкомъ во всей Англіи“. Равсонъ Гарднеръ говоритъ о немъ и о Лильбурнѣ, какъ о „безусловно честныхъ людяхъ“ (Ibid. III).

Кромвель, по натурѣ деспотъ, но не жестокій и не кровожадный, ограничился тѣмъ, что заключилъ Уайльдмана въ крѣпость Ченстоу. Во время реставраціи Уайльдманъ, изъ за вражды къ Кларендонъ-Гайду, попалъ въ сѣти его соперника, ловкаго графа Букингама. Хотя, впрочемъ, послѣ паденія министерства Кларендона, министерство Букингама внесло въ парламентъ законопроектъ о вѣротерпимости. Въ 1683 г. Уайльдманъ

Изъ индепендтскихъ представителей парламента упоминаются еще горячій («pepperу») *Томасъ Скоттъ*, одинъ изъ «убійцъ короля», повѣшенный впослѣдствіи при реставраціи, и *Генри Мартенъ* или *Мартинъ*, котораго отъ подобной же участи спасло лишь воспоминаніе о томъ, что онъ въ свое время высказался за помилованіе роялистовъ; хотя онъ раньше, чѣмъ кто-либо другой, требовалъ казни Карла, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что лучше причинить страданіе одной семьѣ, чѣмъ заставить страдать цѣлый народъ. Мартенъ обладалъ острымъ и яснымъ умомъ, подобно Скотту, былъ республиканецъ по убѣжденію и большой радикалъ въ религіозныхъ вопросахъ. Пресвитеріанинъ *Клементъ Валькеръ*, «ипохондрикъ» (какъ его называетъ Карлейль), писалъ о немъ въ своей «Hystory of Independency», вышедшей 21-го августа 1648 г., «онъ высказывается за общность имуществъ и женъ и выступаетъ противъ короля, лордовъ, жентри, адвокатовъ и священниковъ, даже противъ парламента, отогрѣвшаго на своей груди эту змѣю, и противъ всѣхъ властей. Подобно второму Уату Тайлору онъ желаетъ истребить всю пишущую братію. Это мятежное («levelling») ученіе изложено въ одномъ памфлетѣ, «Обезпокоенные нарушители покоя Англіи» («Englands troubler troubled»), въ которомъ всѣ богатые люди изображаются врагами низшихъ слоевъ народа и въ которомъ имъ фактически объявляется война» [1]). (Валькеръ, Ibid., I, стр. 136).

Насколько серьезно относился Мартенъ, любившій прибѣгать къ насмѣшкѣ, къ подобнымъ своимъ словамъ, остается вопросомъ открытымъ [2]).

принадлежалъ къ числу заговорщиковъ „Rye-House“, но былъ во время предупрежденъ и бѣжалъ въ Голландію. Наконецъ, онъ участвовалъ, повидимому, и въ „славной“ революціи 1688 г., возведшей на престолъ Вильгельма Оранскаго. Въ 1735 г. вышелъ сборникъ мемуаровъ, памфлетовъ etc., посвященный событіямъ того времени; въ немъ помѣщены также „воспоминанія англійскихъ протестантовъ объ ихъ величествахъ князѣ и княгинѣ Оранскихъ, касательно ихъ жалобъ и рожденія мнимаго принца Уэльскаго“, съ примѣчаніемъ: „составлено, будто бы, майоромъ Уайльдманомъ“. Такъ, пылкій республиканецъ кончилъ жизнь свою монархическимъ вигомъ—правда, послѣ 40 лѣтъ безпрерывныхъ разочарованій.

[1]) Такъ какъ Валькеръ былъ современникомъ Мартена, нельзя сомнѣваться въ существованіи упомянутаго памфлета. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось отыскать въ Британскомъ музеѣ ни одного экземпляра его.

[2]) Въ сочиненіи Антонія Вуда „Athenae oxonienses“ (біографическій указатель учившихся въ Оксфордскомъ университетѣ) этотъ упрекъ повторяется, но Вудъ, современникъ Мартена, не можетъ пользоваться полнымъ довѣріемъ, когда даетъ отзывы о радикальныхъ республиканцахъ,

Фактъ тотъ, что онъ былъ весьма близокъ къ левеллерамъ. Находясь въ изгнаніи, Лильбурнъ написалъ ему интересное письмо, въ которомъ много говоритъ о римской исторіи (напечатано въ «John Lilburne revived», London, 1653); въ этомъ письмѣ мы находимъ указаніе на то, что Мартенъ первый—во всякомъ случаѣ съ хорошими намѣреніями, чтобы защитить Лильбурна,—пустилъ въ оборотъ остроту, часто повторявшуюся впослѣдствіи, что если бы даже Джонъ Лильбурнъ очутился одинъ на всемъ свѣтѣ, то и тогда Джонъ съ Лильбурномъ и Лильбурнъ съ Джономъ непремѣнно перессорились бы. Карлейль пишетъ о Мартенѣ слѣдующее: «Изящный, маленькій паренекъ, нѣсколько легкомысленный. Его остроты, точно легкія стрѣлы, проникаютъ къ намъ сквозь толщу забытыхъ поколѣній и говорятъ намъ ясно и опредѣленно, что это былъ упорный, смѣлый человѣкъ, полный огня и яркаго свѣта, ярый врагъ пустыхъ фразъ, необузданный маленькій римскій язычникъ, а можетъ быть и еще повыше». (Ibid., часть седьмая).

«Гранды» арміи выбрали своими представителями, между прочимъ, Айртона и сера Вильяма Констебля.

Между тѣмъ, 30-го ноября парламентъ рѣшилъ не принимать во вниманіе ремонстраціи арміи. Письмо Ферфакса, въ которомъ послѣдній требовалъ уплаты слѣдуемаго арміи жалованья и угрожалъ, что въ противномъ случаѣ солдаты возьмутъ деньги сами, гдѣ только найдутъ, парламентъ призналъ «дерзкимъ и неприличнымъ». Въ отвѣтъ на это, совѣтъ арміи заявилъ, что, отклонивъ ремонстрацію, парламентъ обманулъ народ-

---

хотя онъ и старается казаться безпристрастнымъ. Образъ мыслей его сказывается, между прочимъ, въ томъ, что добродѣтельное возмущеніе его противъ Мартена не знаетъ границъ, ибо Мартенъ стоялъ за свободную любовь; въ то же время, онъ не колеблясь называетъ отца Мартена образцовымъ джентльменомъ, хотя тутъ же разсказываетъ, что несмотря на сильное нежеланіе сына, онъ принудилъ его вступить въ бракъ изъ за денегъ.

Но Мартенъ, повидимому, былъ и въ денежныхъ дѣлахъ, какъ во всемъ остальномъ, прямой противоположностью своего образцоваго отца. Говорятъ, что онъ отличался своею щедростью, и при всякомъ удобномъ случаѣ выступалъ въ защиту интересовъ бѣднѣйшихъ классовъ. Несмотря на то, что онъ былъ „язычникомъ“, онъ желалъ распространенія религіозной терпимости и на католиковъ; онъ былъ республиканцемъ уже тогда, когда Кромвель и другіе еще и не помышляли о республикѣ; но, когда республика уже осуществилась, онъ настоялъ на томъ, чтобы законъ, каравшій тѣхъ, кто не желалъ подчиниться новому порядку вещей, не распространялся на женщинъ. „Довольно того, что травятъ быковъ, не зачѣмъ травить еще и коровъ“,—заявилъ онъ въ парламентѣ.

ное довѣріе, и армія, не признавая болѣе авторитета парламента, «будетъ апеллировать къ чрезвычайному суду Бога и всѣхъ добрыхъ людей». Получивъ извѣстіе объ отклоненіи парламентомъ своихъ требованій, армія, по предложенію майора Гоффе [1]), провела день въ молитвѣ, прося Бога просвѣтить и направить ее на правый путь. Когда левеллеры явились въ Виндзоръ на засѣданіе, они нашли армію готовую отправиться въ Лондонъ. Просвѣтленіе, охватившее этихъ вѣрующихъ, заключалось въ слѣдующемъ: надо очистить парламентъ и казнить Карла I; а воля Божья должна быть исполнена. Левеллеры не очень были рады этому повороту, такъ какъ случилось именно то, чего они такъ опасались. Но возраженія ихъ ни къ чему не привели; совѣтъ грандовъ рѣшилъ дѣло, и положеніе вещей вынуждало немедленно рѣшить споръ между арміей и парламентомъ. 2-го декабря всѣ отправляются въ Лондонъ, и армія осаждаетъ Уайтгалль, Сентъ-Джемсъ и нѣкоторыя предмѣстья Сити. Правда, въ Лондонѣ еще продолжались совѣщанія съ левеллерами, но они не препятствовали параллельнымъ дѣйствіямъ арміи. 5-го декабря, въ 8 часовъ утра, парламентъ, послѣ долгихъ и горячихъ дебатовъ, постановилъ заявить во всеобщее свѣдѣніе, что перемѣщеніе короля послѣдовало безъ его вѣдома и согласія. Спустя нѣсколько часовъ, онъ 129 голосами противъ 83 принялъ резолюцію, что сдѣланныя королемъ въ Ньюпортѣ уступки могутъ послужить основаніемъ къ соглашенію. Этимъ парламентъ бросалъ дерзкій вызовъ арміи, не имѣя за собой никакой фактической силы, не будучи даже дѣеспособнымъ. Что могъ сдѣлать парламентъ противъ арміи? Онъ имѣлъ на своей сторонѣ буржуазію Сити, но уже при первой осадѣ арміей Лондона (лѣтомъ 1647 г., когда экстренно была собрана милиція, подкрѣпленная еще нѣкоторыми отрядами регулярнаго войска), эта буржуазія не сдѣлала ни малѣйшей попытки мужественнаго сопротивленія [2]).

---

[1]) Это былъ чрезвычайно храбрый воинъ. Въ критическіе моменты онъ самъ всегда прибѣгалъ къ усердной молитвѣ и заставлялъ молиться солдатъ.

[2]) Въ своей исторіи гражданской войны, написанной въ формѣ діалога, политически реакціонный матеріалистъ Гоббсъ изливаетъ свой гнѣвъ по поводу слабости, выказанной Сити. „Странно", говоритъ онъ, касаясь августовскихъ событій 1647 г.,—„что майоръ и ольдермены, имѣвшіе за собой такую армію, такъ быстро уступили", Отвѣтъ гласитъ:

„Мнѣ казалось бы страннымъ, если бы они дѣйствовали иначе. Вѣдь большинство богачей, ставшихъ таковыми благодаря удачѣ въ своемъ промыслѣ, являются людьми неспособными увлечься ничѣмъ инымъ, кромѣ своего барыша; они слѣпы по отношенію ко всему, что лежитъ внѣ ихъ занятія, ихъ разстраиваетъ одна мысль о возможности грабежа". (Hobbes

Отъ нея парламенту нечего было ждать защиты. Арміи и примыкающимъ къ ней индепендентамъ, въ свою очередь, не оставалось ничего

Behemoth, ed. Tönnies, S. 142). „Мистеръ Гоббсъ" не совсѣмъ неправъ, такъ судили уже и древніе о разбогатѣвшихъ барышникахъ, и эти послѣдніе повсюду ведутъ себя одинаково. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, впрочемъ, отцы Сити не имѣли еще за собою и всего города. Большая часть мѣщанства и примыкающіе къ нему слои симпатизировали арміи, и различныя *предмѣстья*, во главѣ съ крупнымъ предмѣстьемъ Соутваркъ, гдѣ сильно вліяніе левеллеровъ, встрѣтили армію съ распростертыми объятіями. Зато лавочники Сити могутъ хвастаться тѣмъ, что были не одни въ своей трусости: большинство коллегъ браваго Гоббса, ученые по профессіи, играли въ революціи столь же, даже еще болѣе гнусную роль

Гоббсъ самъ ставитъ въ укоръ Сити прежде всего то, что оно вообще нѣкоторое время сочувствовало революціи. Въ упомянутомъ историческомъ произведеніи великій философъ-матеріалистъ высказываетъ себя еще болѣе узкимъ защитникомъ аристократическаго абсолютизма, чѣмъ въ своей книгѣ „Левіаѳанъ". Такъ, по его мнѣнію (Ibid., стр. 181—182) величайшей глупостью такъ называемаго „маленькаго парламента" 1653 г. было то, что онъ призналъ бракъ *гражданскимъ актомъ*, для легализаціи котораго достаточно было простого заявленія мировому судьѣ. Пуритане-демократы, составлявшіе большинство въ этомъ парламентѣ, несмотря на свой религіозный фанатизмъ, были гораздо болѣе *свободомыслящими* въ *церковныхъ* дѣлахъ и болѣе *прогрессивными* въ вопросахъ *свѣтскихъ*, чѣмъ ихъ политически и философски образованные противники. Даже великій вольнодумецъ и продажный политикъ Юмъ не перестаетъ насмѣхаться надъ этими демократами и повторяетъ всю ложь, которую выдумывали о нихъ ихъ противники. Реформы, предпринятыя ими въ области гражданскихъ церковныхъ и правовыхъ установленій, дѣлаютъ имъ честь и упреждаютъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о выработкѣ гражданскаго уложенія, наиболѣе знаменитыя мѣропріятія конвента 1793 г. Послѣ шестимѣсячнаго существованія „маленькій" парламентъ былъ распущенъ по настоянію классовъ и кастъ, испугавшихся за свои привилегіи и интересы. Особенно отличилась каста адвокатовъ, добившихся этого распущенія грязными адвокатскими уловками; мало того, этотъ почтенный цехъ священнослужителей правосудія отпраздновалъ событіе грандіозными попойками въ Темплѣ. (См. сочиненіе Exact Relation of the Transactions of the late Parliament, London 1654, отпечатано у Сомера въ „Tracts", т. VI, стр. 266—284).

Кстати, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ: чтобы окончательно опозорить „маленькій" парламентъ, роялисты etc. называли его по имени Пресгодъ Барбона, сознательно извративъ его правописаніе вмѣсто Barbone „Barebone", что значитъ „сухоногій"; между тѣмъ, Барбонъ былъ отцомъ весьма выдающагося для своего времени политико-эконома Николая Барбона и былъ вообще очень хорошимъ человѣкомъ. Онъ принадлежалъ къ самому радикальному крылу лондонскихъ баптистовъ.

иного, какъ отвѣтить на парламентское рѣшеніе выходомъ въ отставку или государственнымъ переворотомъ. Они избрали послѣднее, на что армія, какъ мы видѣли, была готова уже ранѣе. 5-го декабря вожди арміи устроили собраніе, на которомъ присутствовало большое число индепендентовъ, членовъ парламента, и которое продолжалось съ полудня до глубокой ночи; члены парламента рѣзко выступили противъ немедленнаго распущенія парламента, какъ того требовали вожди арміи, и настояли на томъ, чтобы на время отказаться отъ этой мысли. 6-го декабря члены парламентскаго большинства, пресвитеріане, явившись на засѣданіе, увидѣли, что парламентъ занятъ двумя полками арміи; милиція Сити, которая до того охраняла зданіе, разошлась по домамъ безъ всякаго сопротивленія. Командующій офицеръ, полковникъ Прайдъ, держалъ въ рукѣ списокъ членовъ парламентскаго большинства, а стоявшій рядомъ съ нимъ сторонникъ индепендентовъ, Карлъ *Грей офъ Гроби*, удостовѣрялъ личности. Всѣхъ явившихся пресвитеріанъ солдаты хватали и моментально куда то уводили. Въ этотъ день арестовали такимъ образомъ 41 человѣка, которыхъ подъ строгой охраной размѣстили въ близлежащихъ гостиницахъ. Вечеромъ въ Лондонъ пріѣхалъ вернувшійся съ сѣвера Кромвель. Парламентъ потребовалъ отъ Прайда возвращенія арестованныхъ членовъ, но получилъ уклончивый отвѣтъ. 7-го декабря очистка продолжалась и прежнее парламентское меньшинство скоро превращается въ абсолютное большинство, и парламентъ выражаетъ Кромвелю благодарность за оказанныя родинѣ услуги. 47 пресвитеріанъ были заключены въ Тоуэръ, часть была выслана на родину, другая часть уѣхала добровольно. Такова была такъ называемая «чистка» полковника Прайда, «Pride's Purganz». Парламентъ, въ которомъ остались одни лишь надежные индепенденты, былъ въ насмѣшку прозванъ противниками «остовомъ».

Нѣсколько дней спустя смѣшанная комиссія изъ левеллеровъ и индепендентовъ изготовила новый «Agreement» (договоръ). По мнѣнію левеллеровъ, послѣдній долженъ быть подписанъ генеральнымъ штабомъ арміи, солдатами и членами парламента и затѣмъ разосланъ по всей странѣ для подписи всѣмъ вообще благонамѣреннымъ гражданамъ. Съ этой цѣлью Лильбурнъ поспѣшилъ отпечатать его. Но затрудненія встрѣтились уже съ самаго начала, при собираніи подписей среди членовъ генеральнаго штаба Кромвель и большинство его товарищей стали возражать противъ нѣкоторыхъ пунктовъ въ томъ же приблизительно духѣ, какъ и Айртонъ, который въ свою очередь взялъ обратно всѣ сдѣланныя имъ уступки. Опять поднялся вопросъ о томъ, каковы должны быть предѣлы религіозной терпимости; послѣ всего, что сказано было нами выше о характерѣ многихъ сектъ, станетъ яснымъ, почему наиболѣе буржуазно настроенные

элементы стремились установить границы религіозной терпимости. 21-го декабря согласились, наконецъ, на компромиссъ, чтобы всѣ христіанскія секты, за исключеніемъ католиковъ и сторонниковъ епископальной государственной церкви,—секты, не нарушающей общественнаго спокойствія, не должны подвергаться преслѣдованію со стороны государства; но во всѣхъ «естественныхъ», т.-е. свѣтскихъ дѣлахъ рѣшающее слово принадлежитъ парламенту. Относительно исключительнымъ случаевъ, когда преступленіе должно караться не обыкновеннымъ судомъ, а государственной властью, тоже было достигнуто соглашеніе: такіе случаи рѣшено было ограничить лишь «государственными чиновниками», совершившими преступленія по службѣ. Но камнемъ преткновенія явился вопросъ о распущеніи парламента. Кромвель былъ рѣшительно противъ того, чтобы назначить ближайшій срокъ распущенія парламента, и хотя онъ остался въ меньшинствѣ въ совѣтѣ офицеровъ, но de facto осуществлено было его желаніе. Благодаря его вліянію, прошло то мнѣніе, что даже и съ новыми поправками «Agreement» не долженъ быть немедленно отданъ парламенту для подписанія и для дальнѣйшаго распространенія; рѣшено было, что при вторичномъ тщательномъ просмотрѣ Agreement'а необходимо предоставить голосъ и парламенту, и что распространять его будетъ послѣдній, постольку, поскольку найдетъ нужнымъ.

Когда Лильбурнъ и его друзья увидѣли, къ чему клонится все дѣло, они въ серединѣ января 1649 г. заявили рѣзкій протестъ противъ недостойнаго обмана, совершеннаго надъ ними, и вышли изъ совѣщанія. Ихъ предположенія вполнѣ оправдались, потому что парламентъ, ознакомившись 20-го января съ «договоромъ» офицеровъ, отвѣтилъ послѣднимъ, что «приметъ его къ свѣдѣнію, лишь только позволятъ накопившіяся важныя и безотлагательныя дѣла»; офицеры приняли отвѣтъ безъ всякихъ возраженій.

Однако, нужно отдать справедливость Кромвелю: время для распущенія парламента дѣйствительно еще не наступило. Враждебные индепендентамъ и арміи элементы были еще слишкомъ многочисленны, чтобы рискнуть на новые выборы. Даже въ такихъ графствахъ, какъ Норфолькъ, Суффолькъ etc., большинство гражданъ и джентри было теперь противъ арміи. А между тѣмъ, именно съ этими классами Кромвель, главнымъ образомъ, считался и долженъ былъ считаться. Они задавали тонъ въ большинствѣ графствъ и они, равно какъ и масса крестьянства, стремились теперь прежде всего къ тому, чтобы освободиться отъ военнаго бремени. Нужно было во что бы то ни стало завербовать ихъ на свою сторону, а именно для нихъ то радикальныя требованія левеллеровъ были непріемлемы. Гарднеръ даже переворотъ въ настроеніи восточныхъ графствъ приписываетъ

непосредственно усиленію «фанатизма», т.-е. радикализма, который и бросилъ имущій торговый классъ пресвитеріанъ въ объятія роялистовъ. (Ibid. III стр. 175). Тамъ, гдѣ Лильбурнъ и его сторонники видѣли лишь злостный умыселъ со стороны Кромвеля, лишь фальшь и своекорыстіе его, тамъ нерѣдко обнаруживалось, наряду съ несомнѣнно возросшимъ въ немъ честолюбіемъ и классовыми предразсудками, желаніе его по возможности сообразоваться съ даннымъ положеніемъ дѣлъ. Онъ былъ вполнѣ реальнымъ политикомъ въ то время, какъ левеллеры являлись идеологами движенія. Они слѣдовали извѣстнымъ политическимъ теоріямъ и нерѣдко видѣли событія сквозь очки своихъ теорій. Кромвель же, мысли и чувства котораго были враждебны всякимъ законченнымъ теоріямъ, въ данный моментъ сумѣлъ лучше оцѣнить дѣйствительное положеніе вещей. Однимъ словомъ, несмотря на то, что Кромвель изрѣдка слѣдовалъ указаніямъ левеллеровъ, въ области практической политики онъ далеко превосходилъ ихъ. Зато имъ принадлежитъ та заслуга, что въ этой революціи именно они формулировали и энергично защищали политическіе интересы *трудящихся классовъ*, и не только той эпохи, но и будущей. До тѣхъ поръ, пока революція боролась противъ старой власти, левеллеры могли указать ей пути и дѣйствительно нерѣдко указывали. Съ того момента, когда старая власть была побѣждена и новая готовилась ввести свои порядки, левеллеры должны были отступить, и дѣйствительно отступили. Время господства тѣхъ классовъ, интересы которыхъ они представляли, еще не наступило.

За первымъ изданіемъ Agreement'а левеллеровъ 1-го мая 1649 г. послѣдовало другое, проредактированное уже въ Тоуэрѣ. Какимъ образомъ Лильбурнъ съ товарищами вновь очутились въ тюрьмѣ, это мы увидимъ впослѣдствіи. Здѣсь мы прервемъ нѣсколько изложеніе событій и остановимся подробнѣе на этомъ замѣчательномъ документѣ. Вѣдь въ немъ мы имѣемъ прототипъ знаменитаго «Общественнаго договора» Руссо.

«Agreement» былъ напечатанъ въ видѣ брошюры и въ видѣ манифеста для расклейки въ публичныхъ мѣстахъ. Высшимъ авторитетомъ націи «Agreement» признаетъ *представительное учрежденіе* изъ 400 депутатовъ; каждый гражданинъ государства, достигшій 21 года и не получающій заработной платы или милостыни, имѣетъ право выбирать и быть избраннымъ [1]).

---

[1]) Такимъ образомъ мы видимъ, что наемныхъ рабочихъ предполагалось лишить избирательныхъ правъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать того, что было сказано выше (отдѣлъ II) о неразвитости и относительной малочисленности рабочаго класса въ Англіи того времени. Можно даже сказать, что промышленнаго пролетаріата въ современномъ смыслѣ слова

Срокъ парламентскихъ полномочій долженъ быть одногодичный, и депутаты парламента не могутъ быть избираемы два раза подрядъ, а лишь съ перерывомъ въ одинъ годъ. Не могутъ быть избираемы, далѣе, чиновники, получающіе жалованье отъ государства; адвокаты, выбранные въ парламентъ, теряютъ на время своихъ депутатскихъ полномочій право заниматься адвокатской практикой. Парламентъ не имѣетъ права издавать принудительные законы, касающіеся религіи; никто не можетъ быть лишенъ изъ-за религіи права занимать какую-нибудь должность. Каждая община сама выбираетъ священника, но никого нельзя принудить давать ему что-нибудь на содержаніе. Далѣе, никто, не можетъ быть принуждаемъ противъ своей совѣсти служить въ сухопутной арміи или во флотѣ. Всѣ пошлины, подати и десятины должны быть отмѣнены къ опредѣленному,— короткому, сроку, и вмѣсто этого долженъ быть введенъ *прямой налогъ* съ каждаго фунта стерлинговъ реальной личной собственности [1]).

тогда вообще еще не было. Для ремесленниковъ состояніе подмастерья было въ большинствѣ случаевъ переходнымъ отъ ученичества къ положенію самостоятельнаго мастера. А предоставленіе избирательнаго права сельско-хозяйственнымъ батракамъ въ то время, когда тайное голосованіе было еще явленіемъ неизвѣстнымъ, могло лишь послужить на пользу богатымъ и крупнымъ землевладѣльцамъ.

Интересно то, что, когда Кромвель, Айртонъ и другіе вели переговоры съ левеллерами по поводу „Agreement'a", первый изъ нихъ выступилъ противъ требованія левеллеровъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ съ тѣмъ же возраженіемъ, которое съ тѣхъ поръ повторялось уже неоднократно, а именно, что всеобщее избирательное право ведетъ къ *анархіи.* А въ одной кромвелевской газетѣ, основанной весною 1649 г., левеллеры носятъ названіе, звучащее совсѣмъ уже по современному: *„эти швейцарствующіе анархисты"*—„these switzerizing anarchists" („A modest narrative of Intelligence: Fitted for the Republique of England and Ireland, № 3, d.d. 14, до 21-го апрѣля 1649 г.) Выраженіе „швейцарствующіе" должно означать, что программа левеллеровъ ведетъ къ такимъ же условіямъ, „Какъ въ швейцарской странѣ", гдѣ „одинъ кантонъ враждуетъ съ другимъ". (Рѣчь Кромвеля на путнейской конференціи, 28-го октября 1647 года).

[1]) О *косвенныхъ налогахъ* Лильбурнъ выражается весьма рѣзко въ своемъ памфлетѣ „Englands new chains discovered", который служитъ своего рода введеніемъ къ „Agreement'y". Левеллеры, говорится въ немъ, рѣшили уничтожить „всѣ извѣстныя тяжелыя неурядицы", а таковыми являются: *„десятина*, страшно угнетающая промышленную дѣятельность и тормозящая сельское хозяйство; *пошлины* и *акцизы*, эти тайные *воры* и *грабители*, выжимающіе потъ изъ бѣдныхъ и среднихъ классовъ народа, сильнѣйшимъ образомъ мѣшающіе торговлѣ и ремеслу, и превышающіе вредъ всякихъ корабельныхъ сборовъ, патентовъ и другихъ, предложенныхъ парламенту

Всѣ привилегіи и исключительныя положенія должны быть отмѣнены; вмѣсто регулярнаго войска должна быть введена народная милиція, которую можетъ послать на войну одинъ только парламентъ. Каждое графство само избираетъ своихъ чиновниковъ, законы должны быть написаны на англійскомъ языкѣ, тяжбы и процессы должны быть разбираемы судебной комиссіей, состоящей изъ 12 присяжныхъ засѣдателей данной мѣстности. Для всѣхъ бѣдныхъ, инвалидовъ и старяковъ должны быть отпускаемы средства для ихъ призрѣнія и доставленія работы.

Многія изъ этихъ требованій кажутся намъ нынѣ непрактичными, многое въ нихъ кажется избитымъ, и въ общемъ всѣ они вполнѣ буржуазны. Однако, цѣлый рядъ пунктовъ программы левеллеровъ, въ осуществимости которыхъ нынѣ уже не можетъ быть сомнѣнія, до сихъ еще поръ не осуществлены даже въ наиболѣе передовыхъ странахъ. Тѣмъ болѣе для той эпохи вся ихъ программа въ цѣломъ была въ высшей степени революціонной, въ особенности потому, что была свободна отъ коммунистически-утопическихъ выкладокъ. Коммунизмъ, имѣвшій многихъ рѣшительныхъ приверженцевъ среди левеллеровъ могъ, однако, найти практическое примѣненіе среди городского населенія, не знавшаго промышленнаго пролетаріата въ современномъ смыслѣ слова, только въ формѣ благотворительныхъ учрежденій. Только для сельскаго населенія коммунистическія требованія еще получали реальный смыслъ, и мы дѣйствительно видимъ, что разсматриваемая нами революціонная эпоха, не вызвавшая никакого самостоятельнаго движенія среди городскихъ рабочихъ, достигнувъ кульминаціоннаго пункта, повлекла за собою нѣсколько попытокъ аграрно-коммунистическихъ возстаній.

Объ этомъ мы будемъ говорить еще впослѣдствіи. Здѣсь же остановимся еще на нѣкоторыхъ пунктахъ «Agreement'а», касающихся религіи. Въ нѣкоторыхъ историческихъ произведеніяхъ левеллеры рисуются религіозными сектантами, превосходящими въ фанатизмѣ большинство пуританъ. Требованія «Agreement'а» не даютъ основанія къ такимъ предположеніямъ; они, наоборотъ, показываютъ, что левеллеры отличались большей религіозной терпимостью, чѣмъ какая либо другая партія того времени. Правда, въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ левеллеровъ встрѣчается масса цитатъ изъ библіи, но это неудивительно для эпохи, когда библія была единственной книгой, пользовавшейся довѣріемъ народныхъ массъ; кромѣ того, эти ссылки никогда не касаются религіозныхъ догмъ. Противники

проектовъ" (налоговыхъ). Далѣе, левеллеры желаютъ отмѣнить „всѣ монополіи купеческихъ компаній, которыя вредятъ и губятъ суконную промышленность, красильное производство и другіе полезные промыслы".

левеллеровъ, наоборотъ, многократно обвиняли ихъ въ атеизмѣ, и можно найти немало доказательствъ тому, что атеизмъ, или вѣрнѣе глубокій раціонализмъ имѣлъ многихъ приверженцевъ въ ихъ рядахъ.

Во всякомъ случаѣ, многіе историки утверждаютъ даже, что левеллеры первоначально называли себя раціоналистами, желая этимъ сказать, что они признаютъ рѣшающимъ лишь собственный разумъ [1]). Однако, это довольно трудно доказать, въ особенности когда рѣчь идетъ о названіяхъ, ибо намъ приходится оперировать въ данномъ случаѣ лишь съ показаніями противниковъ. Но какъ бы левеллеры себя ни называли,—это не важно. Гораздо интереснѣе намъ будетъ познакомиться съ тѣмъ, что *думали* объ этомъ ихъ литературные представители.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Атеистическія и комунистическія тенденціи въ движеніи левеллеровъ. „Истинные" левеллеры.

Мы упоминали уже о Генрихѣ Мартенѣ, какъ о «язычникѣ». Но Мартенъ, состоявшій въ большой дружбѣ въ левеллерами, не былъ, однако, членомъ ихъ союза.

Въ качествѣ наиболѣе яркаго представителя раціоналистическаго теченія, среди левеллеровъ приходится прежде всего назвать *Ричарда Овертона,* который вмѣстѣ съ В. Вальвиномъ и Т. Пренсомъ фигурируетъ рядомъ съ Лильбурномъ по части сочиненія всевозможныхъ политическихъ памфлетовъ левеллеровъ. Мы уже видѣли, что въ памфлетѣ, направленномъ противъ Вальвина, нечестныя воззрѣнія Овертона называютъ заслуживающими вполнѣ понятнаго отвращенія. Что касается выставленныхъ противъ него обвиненій, то мы имѣемъ больше возможности провѣрить ихъ правильность, чѣмъ относительно Вальвина. Существуетъ вышедшая въ двухъ изданіяхъ небольшая книжечка Овертона о безсмертіи души, въ которой авторъ высказывается вполнѣ опредѣленно. Хотя это сочиненіе ограничивается исключительно предметомъ, указаннымъ въ заглавіи, но оно представляетъ для насъ большой интересъ, ибо рисуетъ Овертона, какъ перваго представителя послѣдовательно развитыхъ раціоналистическихъ, можно сказать, даже *матеріалистическихъ* воззрѣній

---

[1]) См. между прочимъ, Ф. П. Гизо: „Histoire de la revolution d'Angleterre", II т., книга 8.

въ связи съ политическимъ и соціальнымъ радикализмомъ въ Англіи. Овертонъ представляетъ собою характерную противоположность своего современника Гоббса, который сумѣлъ на философскомъ матеріализмѣ построить доктрину политическаго абсолютизма и государственной религіи.

Но философъ радикалъ, представитель интересовъ низшихъ классовъ, забытъ совершенно тѣмъ болѣе, что долгое время послѣ революціи соціальный радикализмъ проявлялся исключительно въ формѣ религіозныхъ движеній. Поэтому крайне трудно установить болѣе точныя данныя о личности Овертона. Годвинъ предполагаетъ (исторія «Commonwealth» IV, стр. 280), что Ричардъ Овертонъ былъ братомъ Роберта Овертона, друга Мильтона (Р. Овертонъ былъ республиканцемъ и сторонникомъ Кромвеля, пока послѣдній не сдѣлался лордомъ протекторомъ, вѣрнѣе диктаторомъ). Біографъ же Мильтона, Массонъ знаетъ о Ричардѣ Овертонѣ лишь то, что онъ былъ «типографомъ и неутомимымъ издателемъ летучихъ листковъ» (Life of Milton, III, стр. 528). Во всякомъ случаѣ, онъ былъ неутомимымъ дѣятелемъ въ движеніи левеллеровъ, и въ дальнѣйшемъ намъ придется еще встрѣчаться съ нимъ.

Первое изданіе интересующаго насъ сейчасъ сочиненія Овертона вышло въ 1643 г. безъ подписи автора; складъ изданія былъ указанъ на заголовкѣ въ Амстердамѣ. Власть находилась тогда еще въ рукахъ пресвитеріанъ, и въ одномъ манифестѣ ихъ конклава, по поводу невѣрія и суевѣрія эпохи, объ этой книгѣ говорится: «главнымъ представителемъ ужаснаго матеріалистическаго ученія, отрицающаго безсмертіе души, является Р. О., анонимный авторъ трактата о смертности человѣка». Man's mortalitie (смертность человѣка)—таково заглавіе книги въ первомъ изданіи. Заглавіе второго изданія, всецѣло переработаннаго и несравненно лучше написаннаго, вышедшаго двѣнадцать лѣтъ спустя въ 1655 г. въ Лондонѣ за полнымъ именемъ автора, гласитъ: «Человѣкъ—существо смертное во всѣхъ отношеніяхъ» («Man wholly mortal»); трактатъ, въ которомъ доказывается съ теологической и философской точки зрѣнія, что, «подобно тому, какъ весь человѣкъ грѣшенъ, точно такъ же весь человѣкъ смертенъ, въ противоположность общераспространенному мнѣнію о различіи души и тѣла; что представленіе, будто душа вскорѣ (послѣ смерти) отлетаетъ на небо или въ адъ, есть пустая фантазія, что въ воскресеніи начало нашего безсмертія и что лишь послѣ него послѣдуетъ осужденіе или избавленіе, но не раньше».

Уже по заглавію мы видимъ, что сверхъестественному міровоззрѣнію дѣлается послѣдняя уступка, что въ концѣ концовъ признается воскресеніе изъ мертвыхъ. Но Годвинъ вполнѣ правъ, когда изъ того факта, что Овертонъ разсматриваетъ этотъ вопросъ лишь въ послѣдней главѣ и лишь

весьма поверхностно, выводитъ заключеніе, что эта глава прицѣплена къ книгѣ лишь для того, чтобы предохранить себя отъ обвиненія въ пропагандѣ чистаго атеизма. Эта глава не имѣетъ никакой связи съ аргументаціей въ пользу главнаго положенія [1]). «Теологическія» доказательства въ пользу этого послѣдняго состоятъ въ томъ, что Овертонъ приводитъ цѣлый рядъ цитатъ изъ библіи, изъ которыхъ явствуетъ о полномъ уничтоженіи человѣка послѣ смерти [2]); о другихъ же приводимыхъ имъ цитатахъ, которыя доказываютъ, повидимому, противное, онъ говоритъ, что ихъ первоначальный текстъ былъ извращенъ, или что ихъ невѣрно истолковываютъ. Совершенно иной характеръ носитъ «философская» аргументація. Она основывается исключительно на *естественныхъ наукахъ*, поскольку послѣднія тогда вообще существовали. Овертонъ выводитъ невозможность отдѣленія души отъ тѣла *изъ физіологіи* человѣка, *изслѣдуя развитіе духовной жизни*, въ развивающемся человѣческомъ организмѣ, повышающееся отъ младенчества до зрѣлыхъ лѣтъ, колеблющееся у больного и падающее къ старости. Онъ сравниваетъ человѣка съ животнымъ и на многихъ примѣрахъ доказываетъ, что почти всѣ духовныя способности перваго встрѣчаются и у второго, различаясь лишь въ степени развитія и въ сложности; поэтому, если у человѣка душа переживаетъ разрушеніе тѣла, то и душа животнаго должна быть безсмертна. Съ безпощадной логикой, основываясь на примѣрахъ всевозможныхъ болѣзненныхъ состояній, Овертонъ доказываетъ, что если бы душа была чѣмъ-то независимымъ отъ тѣла, то человѣку пришлось бы имѣть не одну, а нѣсколько душъ. Въ высшей степени категоричны его разсужденія относительно тѣлесности. Вообще «форма», пишетъ онъ, «есть форма матеріи, и матерія есть матерія формы, ни та ни другая не существуетъ для себя самой, а одна съ

---

[1]) Нѣкоторая связь имѣется лишь постольку, поскольку онъ доказываетъ, что подобно тому, какъ невозможно существованіе души безъ тѣла, такъ же невозможно существованіе чистилища и т. п., куда бы уносились послѣ смерти людей безтѣлесныя души. Другое безсмертіе души, кромѣ какъ черезъ воскресеніе всего человѣка, немыслимо, а до воскресенія человѣкъ умершій—весь мертвъ, какъ душа, такъ и тѣло его.

„Если бы не было искусственнаго признанія воскресенія или возсозданія и слѣдующаго затѣмъ безсмертія, то книга рѣшительно стоитъ на матеріалистической точкѣ зрѣнія („out and out materialism"). Возможно, что авторъ, не смотря на уступку, именно къ этому и стремился". (Masson, Life of Milton, III, стр. 157).

[2]) Такъ, наприм., на заглавномъ листѣ приводится 19 стихъ изъ 3 главы книги Соломона. („Ибо человѣка постигаетъ такая же участь, какъ и звѣря; онъ умираетъ подобно послѣднему и жизнь ихъ одинакова. Человѣкъ имѣетъ не больше звѣря, ибо все суета").

другой и обѣ вмѣстѣ образуютъ *одно* цѣлое». (2-ое изд., стр. 10). «Все, что создано» говорится въ другомъ мѣстѣ,—«элементарно (т. е. состоитъ изъ элементовъ), но все, что создано также и матеріально, ибо то, что нематеріально есть ничто». (стр. 21). Въ доказательство правильности своихъ возрѣній Овертонъ приводитъ много мѣстъ изъ греческихъ и римскихъ классиковъ, изъ этого видно, что онъ во всякомъ случаѣ былъ человѣкъ необыкновенно начитанный. Какъ уже можно предположить изъ приведенныхъ нами выдержекъ, сочиненіе Овертона произвело большое впечатлѣніе: въ благочестивыхъ согражданахъ онъ, повидимому, вызвалъ искреннее возмущеніе, и привлекъ симпатіи всѣхъ свободныхъ отъ предразсудковъ умовъ. Массонъ, напримѣръ, допускаетъ, что великій поэтъ Мильтонъ пришелъ къ своему взгляду на смерть, благодаря Овертону. Не будемъ, однако, останавливаться здѣсь на этомъ.

Что касается товарища Овертона, *Вальвина*, то мы не имѣемъ самостоятельныхъ его произведеній, посвященныхъ вопросамъ религіознымъ и политическимъ. Его возраженіе противъ памфлета Киффина—«Уловки Вальвина», носитъ чисто оборонительный характеръ. Оно лишь опровергаетъ обвиненіе въ нерелигіозности и въ революціонномъ коммунизмѣ, но ничего положительнаго въ себѣ не содержитъ. То же можно сказать и о другомъ произведеніи, подписанномъ подъ псевдонимомъ Г. Б.: «милосердіе духовенства» («The Charity of Churchmen»), въ которомъ авторъ его, нѣкій д-ръ Брукъ, считаетъ нужнымъ вступиться за находящагося въ заточеніи Вальвина. Брукъ говоритъ, что разговоры, приведенные у Киффина, дѣйствительно имѣли мѣсто, но что Киффинъ тенденціозно освѣтилъ слова Вальвина и придалъ имъ преувеличенное значеніе. Онъ приводитъ отдѣльные примѣры, когда утвердительныя заявленія Вальвина переданы въ видѣ гипотетическихъ, абсолютныя въ видѣ условныхъ и т. п. Но такъ какъ обѣ защитительныя книжки появились въ то время, когда Вальвинъ сидѣлъ въ Тоуэрѣ, то особеннаго значенія этимъ опроверженіямъ придавать нельзя; наоборотъ, мы приходимъ къ прямому заключенію, что если обвиненія Киффина въ нѣкоторыхъ пунктахъ и преувеличены, то въ главномъ они имѣютъ подъ собой реальную почву. Названы даже лица, присутствовавшія будто бы при этихъ разговорахъ.

Но насъ не столько интересуютъ отдѣльныя выраженія, сколько общая тенденція, поэтому намъ будетъ небезинтересно узнать, какъ, по словамъ обвиненія, Вальвинъ портилъ собиравшуюся у него молодежь.

Вальвинъ, гласитъ обвиненіе, задавалъ молодымъ людямъ лукавые вопросы. Какъ вы можете доказать, что библія есть слово Божіе? Развѣ у васъ имѣются болѣе достовѣрныя доказательства божественнаго проис-

хожденія библіи, чѣмъ у турка въ отношеніи корана? [1]) По воскресеньямъ онъ водилъ молодыхъ людей по разнымъ церквамъ, чтобы они послушали, какъ священники одной церкви ругаютъ священниковъ другой и обращалъ ихъ вниманіе на противорѣчія и нелѣпости проповѣдей; такимъ образомъ онъ возстановлялъ молодежь противъ всякой религіи. Затѣмъ онъ доказывалъ имъ, что великія тайны жизни и спасенія во Христѣ, ученіе объ искупленіи грѣховъ его смертью, о воскресеніи, объ освященіи и отверженіи духомъ его суть пустыя фантазіи, смѣшныя, безсмысленныя, ни на чемъ неоснованныя понятія. Послѣ этого онъ переходилъ къ критикѣ различныхъ политическихъ и соціальныхъ системъ.

Указывается въ частности на то, что, Вальвинъ будто бы сказалъ ученикамъ своимъ, что въ Діалогахъ Лукьяна «больше остроумія, чѣмъ во всей библіи» [2]), что изреченія и псалмы составлены царями исключительно для собственной выгоды, что пѣсня пѣсней написана Соломономъ въ честь одной изъ своихъ наложницъ, что адъ—это ни что иное, какъ злая совѣсть дурныхъ людей въ земной жизни, что немыслимо, чтобы за короткую грѣшную жизнь, Богъ каралъ вѣчными страданіями. Далѣе, Вальвинъ будто бы говорилъ, что царь Давидъ и праотецъ Яковъ были хитрыми пройдохами и отъявленными негодяями. Что безсмысленно проводить цѣлые часы въ молитвѣ, что единственный религіозный догматъ—это помощь бѣднымъ. Протестантскіе попы—это большей частью жадные люди, даже католики никогда не выказывали столько черствости по отношенію къ бѣднымъ. Вальвинъ говорилъ еще, что онъ не можетъ ругать ирландцевъ за ихъ мятежи, что они вправѣ требовать себѣ свободы. Въ особую вину Вальвину ставится еще то, что онъ защищалъ даже самоубійство, что дало поводъ безнадежно больной подругѣ его жены прибѣгнуть къ этому средству.

Все это относится къ его «душегубительному» атеизму. Теперь перейдемъ къ его коммунизму.

Товарищъ Лильбурна, за котораго послѣдній такъ горячо вступился, высказался будто бы о «неустройствахъ и неравномѣрномъ распредѣленіи благъ міра сего» слѣдующимъ образомъ:

«Какая это несправедливость, что одинъ обладаетъ тысячами, а дру-

---

[1]) Вальвинъ оправдывается тѣмъ, что этотъ вопросъ относился лишь къ *переводу* библіи.

[2]) Защита на это возражаетъ, что это выраженіе имѣло въ виду лишь разсужденія Лукьяна о тираніи. (Для незнакомыхъ съ древней литературой считаемъ нужнымъ замѣтить, что Лукьянъ въ Діалогахъ своихъ высмѣивалъ миѳическія тенденціи и религіозныя преданія своей эпохи, II вѣка послѣ Р. Х.)

гой не имѣетъ куска хлѣба! Воля Божья такова, чтобы всѣ люди жили въ довольствѣ, чтобы не было такъ, что одинъ имѣетъ избытокъ во всемъ и утопаетъ въ роскоши, а другой, болѣе достойный и болѣе полезный членъ общества, не имѣетъ и двухъ пенсовъ...» И Вальвинъ выражаетъ пожеланіе, чтобы «во всей странѣ не было ни заборовъ, ни изгородей, ни рвовъ», такъ какъ не будетъ счастія на землѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ блага міра не будутъ принадлежать всему обществу. По его мнѣнію, вовсе не такъ трудно, какъ думаютъ многіе, преобразовать міръ въ этомъ направленіи: «небольшой кружокъ неутомимыхъ и неустрашимыхъ людей могъ бы перевернуть весь міръ, если только разумно приняться за дѣло и не бояться пожертвовать жизнью». На замѣчаніе, что такой порядокъ вещей привелъ бы къ уничтоженію всякаго правительства, Вальвинъ отвѣтилъ: «тогда не будетъ такой потребности въ правительствѣ, потому что тогда не будетъ ни воровъ, ни жадныхъ людей, никто не будетъ ни ругать, ни обманывать другого, поэтому въ правительствѣ и не будетъ нужды. Если возникнетъ какое либо несогласіе, то можно будетъ взять сапожника отъ верстака, или другого ремесленника, честнаго и справедливаго человѣка, который разберетъ дѣло и вынесетъ рѣшеніе, а затѣмъ опять вернется къ своей работѣ».

Развѣ не кажется, будто эти мысли были высказаны, по крайней мѣрѣ, полтора столѣтія спустя?

Однако, взгляды Вальвина извѣстны намъ лишь со словъ его противниковъ, и также, какъ и трактатъ Овертона, появившійся первымъ изданіемъ до начала движенія левеллеровъ, а вторымъ послѣ подавленія его, не состоятъ съ этимъ послѣднимъ ни въ какой непосредственной связи. Въ качествѣ вождей партіи, Вальвинъ и Овертонъ, равно какъ и Лильбурнъ, ограничивались преимущественно политической дѣятельностью и разсматривали религію, какъ «частное дѣло».

Но движеніе само не ограничилось исключительно политическими задачами. Массы обыкновенно лишь тогда увлекаются политическими реформами, когда послѣднія обѣщаютъ имъ матеріальныя улучшенія, и движеніе левеллеровъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. До тѣхъ поръ, пока оно опиралось на части арміи и лондонскаго населенія, оно могло оставаться движеніемъ, такъ сказать, «чистой демократіи». Но достигнувъ широкаго распространенія, оно должно было въ скоромъ времени принять характеръ «соціалдемократической» агитаціи.

Яркимъ доказательствомъ этого, а также того, что въ то время изъ библіи не только умѣли вычитывать все, что было нужно, но и приписывать ей то, чего въ ней не говорится вовсе, служитъ одинъ памфлетъ, безусловно составленный левеллеромъ. Заглавіе этого памфлета таково:

«*Свѣтъ, сіяющій въ Букингамширѣ*, или раскрытіе великой перво-причины рабства на землѣ, и прежде всего въ Англіи, изложенное въ видѣ воззванія многихъ благонамѣренныхъ ко всѣмъ бѣднымъ, угнетеннымъ поселянамъ Англіи и предназначенное также къ свѣдѣнію современной предводительствуемой лордомъ Ферфаксомъ арміи». Эпиграфомъ къ памфлету служитъ стихъ: «воскресни, Боже, и суди землю». Въ самомъ началѣ говорится:

«Всякое начальство является таковымъ въ силу выданнаго королемъ патента, а послѣдній исходитъ отъ сатаны. Ибо предшественникъ короля, незаконнорожденный иностранецъ Вильгельмъ (имѣется въ виду Вильгельмъ-завоеватель) сдѣлался королемъ благодаря насилію и убійствамъ. Убійцы же, говоритъ Іисусъ, дѣти дьявола, ибо, говоритъ онъ, дьяволъ человѣкоубійца былъ искони и не живетъ въ истинѣ. Короли насквозь проникнуты враждой къ истинѣ, они преслѣдуютъ праведниковъ, ибо говоритъ Іисусъ: они приведутъ васъ предъ лицо царей; поэтому короли враги царствія Христова». (См. стр. 3).

Аргументація здѣсь такъ же смѣла, какъ и цитаты, но зато мы видимъ, какъ свободно тогда пользовались библіей. Далѣе, въ томъ же сочиненіи говорится:

«И поэтому тѣ, которыхъ называютъ левеллерами и которые ставятъ себѣ цѣлью—освобождать человѣчество отъ рабства, въ дѣлѣ свободы крайне честные и справедливые люди, ибо *цѣлью искупленія черезъ Христа является возвращеніе всѣхъ вещей*.

«Кому вообще нуженъ король?» спрашиваетъ анонимный авторъ, и доказываетъ, что лишь *богатые*, *дворяне* и *адвокаты* нуждаются въ защитѣ и покровительствѣ короля, а не дѣйствительный народъ. Чего желаютъ «честные люди», —это: 1) Справедливой доли жизненныхъ благъ для каждаго, чтобы никому вслѣдствіе нужды не приходилось красть и попрашайничать. 2) Справедливаго закона, который мы находимъ въ библіи. 3) Равнаго права для всѣхъ. 4) Правительства избраннаго народомъ. 5) Республики по образцу библейской: «Въ Израилѣ, когда кто нибудь былъ бѣденъ, для его поддержки употреблялись общественные запасы и средства пропитанія. Съ таковою же цѣлью у насъ могли бы употребляться церковныя земли, лѣсныя угодья и коронныя земли, которыя невѣрный парламентъ раздарилъ своимъ членамъ и тратитъ на ненужную вещь, которая носитъ названіе короля. Черезъ каждыя семь лѣтъ вся земля въ Израилѣ представлялась въ пользованіе бѣдныхъ, сиротъ, вдовъ, и чужестранцевъ, и отъ каждой жатвы они получали свою долю. *Смотри бѣдный народъ, чего хотятъ для тебя левеллеры*».

Далѣе, этотъ замѣчательный памфлетъ содержитъ въ себѣ рѣзкую в

дѣльную критику общихъ условій и политическаго строя Англіи, и въ заключеніе приводится отпечатанный раздѣльно зловѣщій стихъ изъ двѣнадцатой главы первой книги королей: «кая намъ часть въ Давидѣ и нѣсть намъ наслѣдія въ сынѣ Іессеовѣ: бѣжи Израилю въ кровы своя!»

Это произведеніе, повидимому, пользовалось большимъ успѣхомъ, потому что вслѣдъ затѣмъ появилось продолженіе его подъ заглавіемъ: «Еще о свѣтѣ, сіяющемъ въ Букингамширѣ». Оно написано въ томъ же духѣ, только въ болѣе спокойномъ и дѣловомъ тонѣ. Въ немъ описывается, какъ благодаря норманнскому завоевателю и позднѣе благодаря насиліямъ власть имущихъ, противозаконнымъ загражденіямъ и тому подобнымъ средствамъ народъ лишился своего естественнаго наслѣдія и обращенъ былъ въ рабство. И книга поясняетъ далѣе, что все же взоры народа должны быть обращены не къ той эпохѣ, которая предшествовала норманнскому завоеванію, а къ той эпохѣ, которая предшествовала *грѣхопаденію*; тутъ безусловно имѣется въ виду эпоха *первобытнаго коммунизма*. Путь къ достиженію его будетъ указанъ въ третьемъ памфлетѣ.

Однако, обѣщаннаго третьяго памфлета подъ такимъ же заглавіемъ не появилось. Но все же мы скоро убѣдимся, что нашъ авторъ, или организація, къ которой онъ самъ принадлежалъ, не обѣщала ничего такого чего бы онъ предварительно не продумалъ. Укажемъ, прежде всего, на двѣ черты, общія двумъ вышеназваннымъ брошюрамъ и цѣлой массѣ другихъ памфлетовъ того времени.

Первая, наиболѣе общая черта,—это крайняя *враждебность тона* не только по отношенію къ монархіи, дворянству, церкви и классу иму-щихъ, но въ особенности по отношенію къ *юристамъ по профессіи*, къ адвокатамъ. Нѣтъ такого прозвища, которымъ не обзывали бы ихъ авторы многочисленныхъ памфлетовъ; особенно часто мы встрѣчаемся съ выраженіемъ—«Гусеницы общества». Очевидно, широкіе слои населенія питали къ нимъ глубокую ненависть, и не безъ основанія. Юристы служили жалкимъ орудіемъ въ рукахъ крупныхъ земельныхъ хищниковъ, они прикладывали печать законности на всѣ акты насилія послѣднихъ и оставались глухими къ воплямъ ограбленныхъ и угнетенныхъ, не имѣвшихъ возможности платить имъ за услуги; и они ревностно охраняли свои кастовыя привилегіи, свое право стричь по своему усмотрѣнію всѣхъ, обращавшихся къ нимъ за юридической помощью. Мы уже упомянули о томъ, что парламентъ Барбона палъ въ значительной степени потому, что стремился замѣнить уставное право кодифицированнымъ закономъ и тѣмъ нѣсколько обрѣзать когти кастѣ адвокатовъ. На запросъ одного изъ республиканскихъ генераловъ, Эдмунда Лудлоу, Кромвель отвѣтилъ тогда,

что препятствіемъ къ радикальному образу дѣйствій служитъ, между прочимъ, противодѣйствіе адвокатовъ. «Какъ только мы поднимаемъ вопросъ о томъ, чтобы улучшить законы, они начинаютъ кричать, что мы хотимъ уничтожить собственность". (Эдм. Лудлоу, Memoirs, II стр. 46—51). Даже Кромвель боялся испортить свои отношенія съ этими господами. При помощи ловкаго адвокатскаго подвоха они заставили распустить ненавистный имъ парламентъ «законниковъ» [1]), и Кромвель, если и не участвовалъ въ заговорѣ, охотно подчинился факту.

Вторымъ ходячимъ мнѣніемъ эпохи было невѣрное предположеніе, будто существующая собственность является плодомъ *нормандскаго* закона,—закона *завоевателя*. Создалась цѣлая литература памфлетовъ, развивавшихъ эту тему, и, само собою разумѣется, эти памфлеты сочинялись преимущественно левеллерами и другими крайними индепендентами [2]). Но въ ихъ устахъ отмѣна «нормальнаго закона» означала отмѣну или по меньшей мѣрѣ пересмотръ существующихъ *отношеній собственности*, причемъ подъ понятіемъ собственности имѣлась въ виду исключительно или преимущественно *собственность на землю*. Не изучившіе ни Бриссо, ни Прудона, англійскіе левеллеры говорили уже, что земля по праву принадлежитъ народу, что собственность на землю—*кража*.

Въ эпоху разсматриваемой нами революціи интересы безземельныхъ, экспропріированныхъ отстаивала лишь та литература, которая стояла на точкѣ зрѣнія левеллеровъ. Революція же въ цѣломъ, въ общемiровомъ ея значеніи была революціей *имущихъ*, борьбой за эмансипацію собственности—владѣльцевъ земли—отъ остатковъ феодальныхъ повинностей. И не только одни левеллеры возставали противъ остатковъ феодализма. Въ моментъ общественнаго возбужденія, нашлись и другіе элементы, требовавшіе радикальныхъ преобразованій въ земельныхъ отношеніяхъ: рядомъ съ революціонными соціалистами того времени мы видимъ также *государственныхъ соціалистовъ* или *соціальныхъ реформаторовъ*.

Таковымъ былъ, напримѣръ, врачъ П. Чемберленъ, индепендентъ французскаго происхожденія, опубликовавшій въ 1649 г. сочиненіе «The Poor Man's Advocate", въ которомъ предлагается достойный вниманія проектъ разрѣшенія соціальнаго вопроса того времени. Подзаголовокъ книги

[1]) Утромъ 12-го декабря 1653 г. умѣренная партія, воспользовавшись тѣмъ, что „крайнихъ" еще не было, поспѣшила принять резолюцію, признавшую настоящій составъ парламента недѣеспособнымъ и передававшую парламентскія полномочія въ руки Кромвеля.

[2]) Три такихъ памфлета, направленные противъ „нормандскаго" закона, напечатаны въ Harleyan Miscellanies, т. VI, стр. 36 и слѣд., т. VII, стр. 93 и слѣд. и т. IX, стр. 90 и слѣд. Авторомъ ихъ является Iohn Hare.

гласитъ; «Самаритянская Англія», а эпиграфомъ служатъ слова: «Bonum quo communius eo melius». Авторъ выступаетъ сторонникомъ *націонализаціи всѣхъ бывшихъ коронныхъ, церковныхъ и другихъ не имѣющихъ хозяевъ земель, которыя должны быть отданы во владѣніе бѣднымъ.* Всѣ эти земли вмѣстѣ съ другой общественной собственностью должны составить большое *національное имѣніе* («Stock»), богатство бѣдныхъ. Способъ управленія этимъ народнымъ имѣніемъ долженъ быть вполнѣ *демократическій,* коммунистическій и завѣдывать имъ долженъ особо назначенный отвѣтственный контролеръ. Во всемъ остальномъ, однако, общество остается неизмѣненнымъ. Отмѣняются лишь всякія ограниченія въ промышленности и торговлѣ, всѣ жизненные продукты и сырье должны свободно ввозиться въ страну и всѣ произведенія мануфактуры могутъ свободно вывозиться; пошлины налагаются лишь на ввозъ послѣднихъ. Послѣднія требованія, являются какъ извѣстно, предтечами требованій будущаго радикальнаго меркантилизма. Однако Чемберленъ на этомъ не останавливается. «Заботьтесь о бѣдныхъ, и они позаботятся о васъ, топчите ихъ ногами и они растопчутъ васъ», говоритъ онъ государственнымъ управителямъ. Онъ оспариваетъ мнѣніе, будто бѣдныхъ—подъ которыми подразумѣваются не только нищіе, но вообще бѣднѣйшіе классы населенія,—можно образумить лишь помощью голода и принудительныхъ законовъ, будто они начинаютъ лѣниться, лишь только избавляются отъ крайней нужды, будто они дѣлаются заносчивыми и мятежными, если не держать ихъ насильно въуздѣ. Хозяйственная политика, которую полъ вѣка спустя осуществилъ Кольберъ во Франціи, въ основныхъ чертахъ намѣчена Чемберленомъ въ его сочиненіяхъ. Разница лишь та, что такую политику, по мнѣнію автора должно было проводить полукоммунистическое учрежденіе „*національное имѣніе*“. Это послѣднее должно было строить дороги и проводить каналы, ввести мануфактуру и усовершенствованныя машины, создать школы и техническія приспособленія для народа, словомъ, служить рычагомъ, при помощи котораго можно было бы, вмѣстѣ съ улучшеніемъ положенія низшихъ классовъ, поднять культурное благосостояніе всей націи. Чемберленъ не ограничивается одними указаніями, но выясняетъ и финансовую сторону дѣла. Его проектъ служитъ интереснымъ примѣромъ того, насколько революція вообще возбудила умы. Хотя авторъ не былъ левеллеромъ и нигдѣ не упоминается въ числѣ левеллеровъ, онъ все, же повидимому, былъ близокъ имъ [1]). Его трактатъ вышелъ въ изданіи

[1]) Въ „Harleyan Library“ (№ 254) напечатана рѣчь Чемберлена, произнесенная имъ въ 1662 г., слѣдовательно, уже во время реставраціи. Эта рѣчь призываетъ всѣ радикальныя фракціи къ миру и единенію.

Джильса Кальверта, который издалъ также большинство памфлетовъ левеллеровъ; этотъ же издатель значится, въ качествѣ соиздателя на 3-емъ изданiи «Agreement of the People», вышедшемъ 23 Iюля 1649 г. Весьма вѣроятно, что парламентъ Чемберлена явился попыткой дополнить «Agreement» левеллеровъ въ смыслѣ соцiально политическихъ требованiй, такъ какъ «Agreement» формулируетъ лишь общiе принципы, а памфлетъ тѣ же самые вопросы разбираетъ детально.

Слѣдуетъ упомянуть еще о сочиненiяхъ ученаго, нѣмецко-польскаго протестанта *Самуила Гартлиба*, родители котораго бѣжали изъ Польши отъ гнета iезуитовъ сначала въ Восточную Пруссiю, въ Эльбингъ, а оттуда проблизительно въ 1630 г. Гатрлибъ переѣхалъ въ Англiю. Здѣсь онъ развилъ энергичную дѣятельность, являясь носителемъ континентальной науки и всячески содѣйствуя общеполезнымъ предпрiятiямъ. Онъ перевелъ на англiйскiй языкъ нѣкоторыя произведенiя знаменитаго педагога Коменiуса, (род. 1592 г., ум. 1671 г., ср. т. I, стр. 275) принадлежавшаго къ сектѣ богемскихъ братьевъ, и самъ написалъ нѣсколько книгъ по педагогикѣ; кромѣ того онъ очень интересовался поднятiемъ сельскохозяйственной культуры, съ каковой цѣлью онъ даже одно время устроилъ небольшую сельскохозяйственную испытательную станцiю и издавалъ общедоступныя книжки о сельскомъ хозяйствѣ во Фландрiи, о пчеловодствѣ, плодоводствѣ и т. п. Въ 1646 г. «долгiй» парламентъ, въ признанiе его заслугъ, опредѣлилъ ему пенсiю въ 100 фунтовъ стерлинговъ ежегодно, которая въ слѣдующемъ году была повышена до 300 фунтовъ стерлинговъ. Но безграничная щедрость Гартлиба, распространявшаяся между прочимъ на бѣжавшихъ въ Англiю изъ Пфальца протестантовъ и сектантовъ, стоившая ему собственнаго состоянiя, не давала ему возможности и теперь устроиться благополучно; когда къ концу республики прекратилась выдача пенсiи, самоотверженный старикъ очутился въ самомъ плачевномъ положенiи. Мучимый тяжелой болѣзнью (онъ страдалъ каменной болѣзнью), онъ вынужденъ былъ буквально милостыню добывать скудныя средства для содержанiя семьи. Реставрированная монархiя не торопилась выдать Гартлибу слѣдуемой ему пенсiи, и онъ умеръ въ 1662 г. въ крайней нуждѣ. Онъ поддерживалъ сношенiя со всѣми выдающимися людьми Англiи. Мильтонъ посвятилъ ему статью о воспитанiи, точно также поступилъ Вильямъ и Петти, дарованiя котораго очень рано были оцѣнены Гартлибомъ, и для развитiя котораго послѣднiй много сдѣлалъ. Коменiусъ пишетъ о Гартлибѣ, что онъ не знаетъ никого, кто бы превосходилъ его своими знанiями.

Первымъ самостоятельнымъ трудомъ Гартлиба была его вышедшая въ 1641 году книга о *хозяйственно-политическихъ задачахъ государ-*

ства, написанная въ формѣ утопіи и носившая слѣдующее заглавіе: «Описаніе знаменитаго королевства *Макарія*, имѣющаго отличное правительство, гдѣ жители живутъ въ цвѣтущемъ благосостояніи, гдѣ они здоровы и счастливы, слушаются короля, почитаютъ дворянство и относятся съ уваженіемъ ко всѣмъ людямъ и т. д. и т. д. Разговоръ между ученымъ и путешественникомъ». [1]) Книга посвящена парламенту, причемъ Гартлибъ говоритъ, что онъ излагаетъ свои идеи «въ формѣ поэтическаго вымысла, потому что это наиболѣе соотвѣтствующій способъ изложенія, причемъ образцомъ явились для меня Сэръ Томасъ Моръ и лордъ Френсисъ Бэконъ». Но «Макарія» (это слово греческаго происхожденія и значитъ: «мѣсто блаженства») написана исключительно съ цѣлью немедленнаго осуществленія въ жизни, она изображаетъ не общественный строй, а *государственныя учрежденія* и *законы*, которые изложены въ достаточно общей формѣ, и легко могутъ быть перенесены въ дѣйствительность. Вкратцѣ они состоятъ въ слѣдующемъ: государство наблюдаетъ за производствомъ и оказываетъ ему всяческое содѣйствіе; обладаніе собственностью связано съ извѣстными обязанностями, неисполненіе которыхъ ведетъ къ переходу частной собственности въ общественное владѣніе. Правительство Макарія состоитъ изъ пяти большихъ, составленныхъ изъ наиболѣе свѣдущихъ гражданъ, департаментовъ («councils of state»), которые завѣдуютъ: сельскимъ хозяйствомъ, рыболовствомъ, торговлей и промышленностью на сушѣ, морской торговлей и колоніями. Само собою разумѣется, что власти выполняютъ свои обязанности отлично, содѣйствуютъ прогрессу и улучшеніямъ и, благодаря этому, на Макаріи господствуетъ всеобщее благосостояніе, процвѣтаютъ науки, заботы о бѣднякахъ и т. д. Подробности здѣсь излишни, потому что они вытекаютъ изъ основной идеи: государство является хозяйственнымъ учрежденіемъ. Гартлибъ носился съ этой идеей всю свою жизнь, и во всѣхъ его письмахъ, почти до самаго конца [2]), главное мѣсто занимаетъ «Макарія». Только это названіе связано уже съ другимъ проектомъ: организаціи союза друзей естествознанія, которымъ университеты тогда совершенно пренебрегали.

Послѣдній планъ осуществился еще при жизни Гартлиба—въ видѣ «Royal Society». Но первый его проектъ не встрѣтилъ сочувствія. Не нашло отклика даже его предложеніе сдѣлать небольшой починъ хотя бы

---

[1]) „A description of the famous Kingdom of Makaria“ et c. London, 1641 г. Напечатано въ I т. „Harleyan Miscellanies“, стр. 580 и слѣд.)

[2]) Въ 1659 г. его постигло большое огорченіе: злоупотребивъ его именемъ, кто-то опубликовалъ обширную и нелѣпую пародію на „Макарію“, озаглавленную „Ольбія“ („счастливые“), которая, однако, ввела въ заблужденіе даже нѣкоторыхъ изъ его друзей.

въ главной отрасли промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ. Послѣ многихъ опубликованныхъ имъ статей объ улучшеніи культуры почвы, онъ выпустилъ, наконецъ, въ 1651 г. свое сочиненіе: «An Essay for Advancement of Husbandry—Learning or Propositions for the erecting of a College of Husbandry» (предложеніе въ пользу улучшенія сельскохозяйственнаго колледжа). Планъ Гартлиба вполнѣ практиченъ и разуменъ, но прошло двѣсти лѣтъ прежде, чѣмъ онъ осуществился даже въ Англіи. Мы потому упоминаемъ объ этомъ произведеніи, что заглавіе его повторяется еще во многихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гартлиба и является предтечей проекта Джона Беллерса, о которомъ намъ придется еще поговорить впослѣдствіи. Кстати замѣтить, всѣ сельскохозяйственные труды и предложенія Гартлиба нашли высокое признаніе въ спеціальной литературѣ.

Еще одинъ проектъ Гартлиба состоялъ въ томъ, чтобы создать государственную «*Справочную контору*» для *товарнаго обмѣна*, для пріисканія занятій и т. д., гдѣ велась бы запись всѣхъ товаровъ, лицъ, службъ и т. д. и гдѣ всѣ желающіе могли бы получать необходимыя справки,—богатые за плату въ 1—2 пенса, «бѣдные же все должны получать безплатно». Далѣе, Гартлибъ высказывался въ своихъ сочиненіяхъ за то, чтобы всѣ изобрѣтенія опубликовывались для всеобщаго свѣдѣнія, и онъ самъ давалъ примѣръ въ этомъ отношеніи. Существуетъ также проектъ Гартлиба относительно устройства сельскаго банка. Но всѣ его проекты носятъ чисто буржуазный характеръ и не всѣ могутъ быть практически осуществлены. Всѣ они, однако, проникнуты той идеей, что всѣ изобрѣтенія, увеличивающія производство, должны улучшить положеніе бѣднѣйшихъ классовъ, и что тамъ, гдѣ силы отдѣльныхъ лицъ недостаточны для осуществленія намѣченной цѣли, должно помочь государство.

Литература той эпохи не ограничилась, однако, лишь проектами буржуазнаго соціально-политическаго реформаторства. Теперь мы перейдемъ къ дѣйствительно коммунистической сектѣ «*истинныхъ левеллеровъ*», какъ сами себя называли въ революціонномъ задорѣ приверженцы этой секты, или «копателей» («Diggers»), какъ называли ихъ въ народѣ и современные имъ лѣтописцы.

Въ воскресенье 8-го апрѣля 1649 года, когда Лильбурнъ и другіе вожди левеллеровъ уже сидѣли въ Тоуэрѣ, вблизи Кобгема въ графствѣ Суррей, приблизительно въ пяти миляхъ къ юго-западу отъ Лондона, неожиданно появилась группа людей, снабженныхъ лопатами, которые стали копать прилегающую къ горѣ St. George Hill незанятую землю, желая посѣять на ней хлѣбъ и другіе плоды. Мѣстнымъ поселя-

намъ они заявили, что хотя пока ихъ тутъ немного, но число ихъ вскорѣ возрастетъ до 4-хъ тысячъ. Они хотятъ *показать людямъ образецъ истинной общности имущества и сдѣлать ее доступной всѣмъ*, они хотятъ доказать, «что безусловно справедливо, когда трудящійся народъ можетъ на общественной землѣ копать, пахать, сѣять и обитать, не платя за нее никому аренды». Къ концу недѣли число ихъ, постоянно возрастая, увеличилось до сорока; они построили шатры и приготовились обрабатывать и другой холмъ для посѣва ржи; но въ серединѣ второй недѣли высланными противъ нихъ двумя отрядами кавалеріи, они были частью разсѣяны, частью арестованы. Предводители ихъ, *Вильямъ Эверардъ* и Джерардъ Винстэнли (первый изъ нихъ самъ ушелъ или былъ удаленъ изъ арміи, какъ слишкомъ радикальный левеллеръ) были приведены къ генералу Ферфаксу, которому Эверардъ заявилъ, что онъ, какъ и большинство людей, называющихъ себя англо-саксами, принадлежитъ къ еврейской расѣ [1]. Всѣ вольности народа, говорилъ Эверардъ, потеряны народомъ, послѣ того, какъ онъ подпалъ подъ власть Вильгельма-завоевателя; съ тѣхъ поръ народъ Божій жилъ подъ гнетомъ, болѣе ужаснымъ, чѣмъ тотъ, подъ которымъ стонали наши предки въ Египтѣ. Но теперь наступила пора освободиться, Богъ выведетъ свой народъ изъ рабства и вернетъ ему право на пользованіе плодами и богатствами земными. Ему, Эверарду, лично недавно являлось видѣніе, и онъ слышалъ голосъ: «встань, копай и вспахивай землю и получи отъ нея плоды ея». Они (Эверардъ и его друзья) стремятся къ тому, чтобы вернуть міръ въ первобытное состояніе. Подобно тому какъ Богъ обѣщалъ превратить пустыню въ плодородную почву, такъ и они цѣлью своихъ стремленій считаютъ *возвратъ къ древней общности пользованія благами земными*. У нихъ нѣтъ намѣренія завладѣть чьей либо собственностью насильственнымъ путемъ, или разрушить заборы и изгороди, какъ это думаютъ о нихъ многіе; они хотятъ лишь обрабатывать общественныя и пустующія земли и сдѣлать ихъ плодородными на благо всѣхъ людей. Для тѣхъ, кто къ нимъ присоединится и пожелаетъ работать, для тѣхъ найдется, что ѣсть, что пить и во что одѣться,—а это вѣдь все, что нужно человѣку. Въ теперешнихъ землевладѣльцахъ («Freeholder») они видятъ своихъ старшихъ братьевъ, ранѣе ихъ получившихъ свою долю, хотя бы она досталась имъ неправдой, насиліемъ или другими

[1]) Это, разумѣется, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что они принадлежатъ къ народу божьему, т. е. являются продолжателями іудейскаго царства Божія. Такія выраженія часто встрѣчаются у религіозно-коммунистическихъ сектъ 16 и 17 столѣтія. Мюнстерскіе анабаптисты тоже называли себя израильтянами.

дурными средствами. Но считая себя младшими братьями, они все же не могутъ понять, почему они должны быть совершенно исключены изъ пользованія общимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ и терпѣть голодъ въ то время, когда обширная площадь общественныхъ земель остается необработанной. Настанетъ скоро пора, когда всѣ бѣдные, безработные и угнетенные войдутъ въ ихъ союзъ и безпокойные бродяги превратятся въ порядочныхъ гражданъ общества. Придетъ время, и всѣ, даже теперешніе свободные землевладѣльцы, носители нормандской тираніи, уничтожатъ свои изгороди, отдадутъ свои земли въ общественное пользованіе, добровольно примкнутъ къ общности имущества, и тогда кончится всякая тиранія и всякое рабство и царство Божіе воцарится на землѣ.

Эверардъ заявилъ, однако, что они *не будутъ оказывать вооруженнаго сопротивленія*, а подчинятся требованіямъ властей,—они будутъ выжидать лучшихъ временъ, которыя, по ихъ мнѣнію, должны наступить скоро. Предки ихъ жили въ шатрахъ, они, считаясь съ обстоятельствами, будутъ поступать такъ же.

«Разговаривая такимъ образомъ съ генераломъ, они все время стояли съ покрытой головой; на вопросъ почему они такъ поступаютъ, они отвѣтили, что считаютъ его такимъ же человѣкомъ, какъ и они. Когда ихъ, далѣе, спросили, что значитъ изреченіе: «ему же честь, честь»,—они отвѣтили: «да замолкнутъ ваши уста, задающія такіе вопросы». [1])

Жюри, составленное изъ представителей состоятельныхъ землевладѣльцевъ округа, приговорило ихъ къ непомѣрно высокому для того времени денежному штрафу. Такъ какъ они не въ состояніи были уплатить этого штрафа, то конфисковали все ихъ имущество. Но левеллеры не отказываются отъ своей идеи, они дѣлаютъ все новыя и новыя попытки провести ихъ въ практическую жизнь, и все снова разгоняются силой оружія. Они не перестаютъ также выпускать памфлеты въ защиту своихъ взглядовъ, въ которыхъ жалуются на примѣняемый по отношенію къ нимъ образъ дѣйствій. Эти памфлеты, совершенно игнорируемые прежними историками, не лишены мистическаго налета, но эта мистика настолько прозрачная и раціоналистическая, что вполнѣ очевидна цѣль преслѣдуемая ею,—служить покровомъ революціонныхъ стремленій движенія.

Примѣромъ можетъ служить памфлетъ, озаглавленный: «Водруженіе знамени истинныхъ левеллеровъ, или государство коммунизма, изображенное и предлагаемое вниманію сыновъ человѣческихъ Вильямомъ Эверардомъ, Джерардомъ Винстенли etc (слѣдуетъ еще тринадцать именъ), которые начали

---

[1]) Сообщено B. Whitlocke'омъ въ его „Memorials of the English Affairs from the reign of Charles I to the restoration", стр. 384.

обрабатывать и удобрять пустующую землю на Джоржъ Гиллѣ въ приходѣ Вальтонъ въ графствѣ Суррей, Лондонъ 1649 г.». Памфлетъ начинается фразой, уже сильно напоминающей 18-е столѣтіе: «Въ началѣ *великій творецъ разумъ* («the great creator reason») создалъ землю въ общее достояніе всѣхъ». Лишь благодаря насилію появилось на землѣ рабство и угнетеніе, и это насиліе олицетворилось въ Адамѣ, отцѣ первороднаго грѣха. Толкуя библію въ такомъ же раціоналистическомъ и популярномъ духѣ, памфлетъ далѣе говоритъ: «Это возникновеніе рабства называется А—дамъ, ибо власть произвольно царствовать и управлять (людьми) является *плотиной* (по англійски: «a dam») противъ духа свободы и мира». Опять появляется видѣніе, но слова, приписываемыя ему, выдаютъ чисто свѣтскую цѣль небеснаго призрака: «Возстаньте, работайте сообща, ѣшьте вмѣстѣ хлѣбъ свой, и возвѣстите объ этомъ всему міру»,—сказало будто бы видѣніе посѣщенному имъ Эверарду. Оно прибавило еще: «Израиль не долженъ ни принимать арендной платы, ни платить ея» [1]). Но на этотъ разъ видѣніе не довольствуется однимъ отрицаніемъ ренты.

Оно продолжаетъ: «Кто обрабатываетъ землю для одного или для многихъ, поставленныхъ, чтобы повелѣвать другими и не смотритъ на себя, *какъ на равнаго* всѣмъ остальнымъ людямъ, на томъ будетъ тяготѣть рука Господня. Я, Господь, говорю это и слово мое сбудется» (стр. 18). Яснѣе нельзя призывать къ бунту противъ землевладѣльцевъ или вѣрнѣе, къ *сельскохозяйственной забастовкѣ* и угрожать штрейкбрехерамъ гнѣвомъ Господнимъ, который естественно долженъ выразиться въ воздѣйствіи со стороны «народа Божьяго».

Но ожиданія «истинныхъ левеллеровъ» не оправдались. Первая попытка вызвать движеніе среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ своего рода «пропагандой дѣйствіемъ» была подавлена прежде, чѣмъ они пріобрѣли себѣ сотни приверженцевъ вмѣсто ожидаемыхъ тысячъ. Этимъ судьба ихъ была предрѣшена, тѣмъ болѣе, что настоящія голодныя ренты установились лишь послѣ реставраціи, и заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ тоже не опускалась еще до того низкаго уровня, до котораго она упала при реставраціи. Кромѣ того, самые дѣеспособные элементы крестьянства находились еще въ *арміи*, а тамъ левеллерамъ былъ въ тотъ моментъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Тѣмъ не менѣе, левеллеры нѣсколько разъ возобновляли свою попытку,

---

[1]) По поводу этого небеснаго манифеста, призывающаго не платить арендной платы, мы еще разъ должны напомнить о томъ, на что мы указывали уже выше, — что въ 17 столѣтіи арендныя цѣны въ Англіи чрезвычайно поднялись и что годы 1648 и 1649 были годами дороговизны.

но все безуспѣшно. Послѣднее усиліе въ этомъ направленіи было сдѣлано, повидимому, въ 1653 г. Въ печатномъ изданіи государственныхъ актовъ, озаглавленныхъ: «Calendar of State Papers», въ XIII т. помѣщено письмо Джерарда Винстенли и Джона Пальмера, написанное ими отъ имени всѣхъ товарищей и адресованное государственному совѣту республики. Въ этомъ письмѣ левеллеры протестуютъ противъ сдѣланнаго на нихъ со стороны священника Платта и др. доноса.

Будто мы, такъ называемые «копатели», являемся насильниками и крикунами, не желаемъ подчиняться приговору суда, что мы силой завладѣли домомъ и поставили въ немъ четыре орудія; будто мы «кавалеры» (т. е. роялисты) и выжидаемъ лишь случая, чтобы вернуть принца» (Карла II).

«Государственный совѣтъ, говорится далѣе, основываясь на этомъ доносѣ, послалъ солдатъ, чтобы разогнать «копателей». Между тѣмъ, доносъ этотъ ложный, всѣ подписавшіе письмо (левеллеры) люди мирные, не оказывали своимъ врагамъ ни малѣйшаго сопротивленія, и просятъ Бога, чтобы онъ смягчилъ сердца властителей. Они надѣятся «побѣдить ихъ любовью».

И еще:

«Мы пашемъ и копаемъ для того, чтобы бѣдные люди, доведенные до сумы, могли сносно существовать; мы думаемъ, что имѣемъ на это право, въ силу побѣды (буквально The conquest, что еще болѣе рѣзко подчеркиваетъ противопоставленіе) надъ умершимъ королемъ, который пользовался унаслѣдованнымъ отъ Вильгельма Завоевателя (William the Conquerors) правомъ на землю... Если же норманнское насиліе будетъ сохранено, *то мы лишь потеряли отъ того, что стояли на сторонѣ парламента*».

«Мы примкнули къ нему (парламенту), повѣривъ его обѣщаніямъ, что земля будетъ свободна. Теперь мы требуемъ своего права пользоваться общественной землей, купленной цѣной нашего имущества и нашей крови. Мы требуемъ этого во имя равенства. Парламентъ и армія заявили, что они дѣйствуютъ въ интересахъ всего народа. *Вы, джентри, сохранили свои права на огороженную землю*, а мы требуемъ для себя права владѣть общественной (common) землей».

«Годная для обработки земля имѣется въ достаточномъ количествѣ, и даже въ избыткѣ. Мы требуемъ лишь права работать на ней и пользоваться плодами своего труда. Если въ этомъ намъ будетъ отказано, намъ придется просить на бѣдныхъ у васъ же. Но есть много гордыхъ, горячихъ головъ, которыя предпочтутъ грабить и воровать, чѣмъ пользоваться милостыней; другіе стыдятся нищенствовать. Если же земля будетъ свободна, не будетъ ни нищихъ, ни праздношатающихся».

«Англія могла бы тогда обходиться собственными продуктами. Это

позоръ для религіи, что земля остается необработанной, въ то время, когда многіе умираютъ съ голоду.

«Если вы предоставите намъ свободное пользованіе землею, то мы будетъ рады, что вы и армія будете охранять нашъ трудъ, и охотно будемъ вамъ повиноваться».

Такъ гласитъ письмо.

Оно даетъ полную критику англійской революціи съ точки зрѣнія пролетаріата той эпохи. Такъ долженъ былъ думать пролетарій и, прежде всего, сельскій пролетарій того времени. Карлейль, не смотря на взятый имъ тонъ превосходства, вполнѣ правъ, когда вкладываетъ въ уста левеллеровъ и ихъ приверженцевъ 1649 г. слѣдующія слова: «враги Божьи побѣждены, главные преступники наказаны, благочестивая партія является побѣдительницей, почему же не наступаетъ тысячелѣтнее царствіе?» Вопросъ: неужели же крестьяне и рабочіе совершенно напрасно жертвовали жизнью,—являлся самъ собою, и не менѣе справедливымъ было замѣчаніе письма: если норманнское насиліе т. е. прежнее распредѣленіе собственности должно быть сохранено, то оказывается, что отъ поддержки парламента они больше проиграли, чѣмъ выиграли. Трудящееся сельское населеніе, какъ классъ, дѣйствительно должно было многое потерять отъ революціи, по крайней мѣрѣ на первое время: его эксплуататоры эмансипировались, эксплуатація усилилась. Въ началѣ борьбы ему объ этомъ ничего не говорили, тогда рѣчь шла о возвышенныхъ общихъ принципахъ, боролись за божественное право противъ духовенства, за свободу противъ тираніи, за «вѣчную справедливость», какъ выразился восхваляющій Кромвеля Карлейль. Откуда было знать бѣднымъ поселянамъ, что вѣчная справедливость въ 17-омъ столѣтіи заключалась въ томъ, чтобы свергнуть королевскій абсолютизмъ и водворить на его мѣстѣ абсолютизмъ собственности!

Приведенное выше письмо является послѣднимъ признакомъ коллективной жизни «истинныхъ левеллеровъ». Ни въ томъ классѣ, интересы котораго они отстаивали, ни въ общихъ условіяхъ жизни, они не нашли предпосылокъ, необходимыхъ для осуществленія ихъ желаній. Тѣмъ изъ нихъ, которые не хотѣли отказаться отъ своей дѣятельности во имя улучшенія общественнаго состоянія не оставалось ничего иного, какъ примкнуть къ родственному движенію, нашедшему больше отклика въ окружающемъ. Такъ именно и случилось.

Еще ранѣе, чѣмъ «копатели» окончательно отказались отъ своей чисто экономической агитаціи, духовный вождь ихъ, Джерардъ Винстенли выпустилъ сочиненіе, въ которомъ ясно и открыто изложилъ основные принципы и конечныя цѣли предпринятой ими агитаціи. Это послѣднее

самостоятельное произведеніе «истинныхъ левеллеровъ», является въ то же время наиболѣе значительнымъ и наиболѣе интереснымъ для исторіи соціализма. Въ немъ отсутствуетъ всякая мистика, всякое иносказаніе. Въ дѣловомъ послѣдовательномъ изложеніи дается *цѣлая система соціалистическаго общественнаго строя*, утопія, открыто опирающаяся на изученіе утопіи Мора. Но утопія Винстенли является продуктомъ и выраженіемъ пропаганды, ведшейся среди пролетарскихъ массъ. Мы остановимся на ней подробнѣе, потому что въ ней ярко обнаружились демократически-революціонныя тенденціи [1]).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Коммунистическая утопія Джерарда Винстенли.

Въ то время когда «истинные левеллеры» приступили къ агитаціи помощью вилъ и лопатъ, главнымъ вожакомъ ихъ былъ Вильямъ Эверардъ, хотя рядомъ съ нимъ постоянно фигурируетъ и Винстенли. Послѣдній же написалъ, между прочимъ, и утопію «истинныхъ левеллеровъ», озагла-

---

[1]) Послѣ того, какъ вышесказанное уже было написано, появился въ печати второй томъ „Clarke Papers“ (см. примѣч. на стр. 143), содержащій, между прочимъ, данныя о „копателяхъ“. Цитированное выше письмо Винстенлей государственному совѣту помѣчено тамъ 8 декабря 1649 г., и этимъ опровергается наше предположеніе, основанное на данныхъ „Cal. of State Papers“, будто „копатели“ продолжали свои попытки вплоть до 1653 г. Событіе, вызвавшее письмо Винстенлея, какъ видно изъ другого помѣщеннаго въ „Clarke Papers“ (т. II, стр. 215 — 217) письма „копателей“, имѣло мѣсто 28-го ноября 1649 г. Достойна вниманія содержащаяся въ этомъ послѣднемъ письмѣ жалоба левеллеровъ на то, что лэндлорды, по требованію которыхъ солдаты республики сломали ихъ, „копателей“, домъ, являются роялистами. „Если вы изслѣдуете дѣло“ говорится въ письмѣ, „то вы найдете, что господа, призвавшіе на насъ солдатъ, являются вашими врагами, ибо нѣкоторые изъ ихъ главарей дѣйствовали въ Кентскомъ возстаніи противъ парламента“ (см. стр. 145). Подписавшіеся, въ числѣ семи человѣкъ требуютъ отъ имени своихъ товарищей, чтобы солдаты были привлечены къ отвѣтственности, „дабы страна могла убѣдиться, что вы непричастны къ такому несправедливому и жестокому акту“. Однако, надо думать, что государственному совѣту было гораздо интереснѣе разыгрывать роль защитника буржуазной собственности.

Въ томъ же томѣ, въ которомъ приведено это письмо, на стр. 221 и слѣд. помѣщена найденная въ манускриптахъ клерка (секретаря) „пѣсня копа-

вленную: „*законъ свободы изложенный въ видѣ программы*“, или «возстановленіе истинной системы управленія» («The Law of Freedom

телей“. Приводимъ здѣсь нѣсколько строфъ этой пѣсни коммунистовъ, которую они пѣли, вѣроятно, на какой-нибудь народный мотивъ.

„You noble Diggers all, stand up now, stand up now,
You noble Diggers all, stand up now;
The waste Land to maintain, seing Cavaliers by name
Your digging does dìsdaine, and persons all defame
Stand up now, stand up now“.

(„Благородные копатели всѣ подымитесь теперь, подымитесь теперь, благородные копатели подымитесь теперь, чтобы удержать за собою обширную землю, господа кавалеры по имени презираютъ выше копанье, и людей всѣхъ безчестятъ, подымитесь теперь, подымитесь теперь“).

Одни за другими критикуются аристократы, джентри, адвокаты и духовенство.

„With spades, and hoes, and plowes, stand up now etc.
Your Freedom to uphold, seing Cavaliers are hold.
To kill you if they could, and rights from you to hold.
Stand up now, diggers all“.

(„Подымитесь съ лопатами, мотыгами и плугами, чтобы поддержать свою свободу; господа кавалеры достаточно смѣлы, чтобы перебить васъ, если окажутся въ силахъ, и отнять ваши права. Подымитесь всѣ копатели“).

Кавалеры сносятъ дома и терроризируютъ бѣдныхъ людей, но „джентри должны будутъ спуститься пониже, и бѣдный человѣкъ будетъ носить вѣнецъ“, Произволъ — законъ кавалеровъ, и они не считаютъ грѣхомъ заставлять голодать бѣдныхъ людей. А вотъ что говорится о буржуазіи:

„The gentry is all round, on lach side the are found
Their wisdom is so profound to cheat us from our ground“).

(„Джентри вездѣ кругомъ, они поддержаны со всѣхъ сторонъ, ихъ мудрость достаточно глубока, чтобы согнать насъ съ нашей земли“).

Адвокаты соединяются съ джентри; они даютъ совѣты, какъ арестовывать бѣдняковъ и вымышляютъ всевозможныя безчинства — „the devil in them lies“. Священники тоже не отстаютъ:

„The Clergy they come in, and say it is a sin
That we should now begin, our freedom for to win“.

(„Духовенство тоже является и говоритъ, что грѣхъ то, что мы теперь предпринимаемъ,—борьба за свою свободу“).

Они хотятъ получать свои десятины, а адвокаты судебныя издержки, поэтому и тѣ и другіе говорятъ, что можно порабощать бѣдныхъ людей. Во второмъ стихѣ говорится: „gainst lawyer and gainst priests“, ибо тѣ и другіе тираны, дерзко нарушающіе свою клятву. И они держатъ въ повиновеніи бѣдныхъ лишь помощью силы. Но они не могутъ сослаться ни на какое видѣніе, которое призвало бы ихъ сохранять такой законъ. Въ предпослѣднемъ стихѣ снова повторяются нападки на кавалеровъ, не скрывающихъ своей враждебности народу: „by verses not in prose to

in a Platform or True Magistracy Restored, London 1651—52, *Giles Calvert*"). Въ ней объясняется различіе между королевскимъ пра-

---

please the singing boyes" (и дѣйствительно, роялисты наводнили страну всевозможными пѣснями и стихами). Послѣдній стихъ, подобно готской программѣ, провозглашаетъ мирный законный путь:

„To conquer them by love, come in now, come in now.
To conquer them by love, come in now;
To conquer them by love, as it does you behove
For he is king above, no power is like to love,
Glory hear Diggers all".

(„Побѣдить ихъ любовью вступайте, вступайте теперь (въ союзъ). Побѣдить ихъ любовью вступайте теперь; побѣдить ихъ любовью, какъ и надлежитъ вамъ, ибо онъ король вверху, нѣтъ силы равной любви, внемлите всѣ славѣ копателей").

Если въ этой пѣснѣ преобладаетъ тенденціозность, то въ другой коммунистической пѣснѣ той эпохи замѣтны проблески истинной поэзіи. Привожу три строфы ея въ возможно точномъ переводѣ:

„Долго терпѣли бѣдняки ужасную несправедливость со стороны богатыхъ соотечественниковъ, причемъ духовенство было могущественно; то была позорная насмѣшка. Но скоро для всѣхъ наступитъ равенство, хотя они и стремились засорить наши колодцы. И настанетъ пора славнаго коммунизма, когда горы и долины сравняются.

„Близокъ часъ, когда въ головахъ разсѣется тьма и тогда возникнетъ коммунизмъ, который воцарится на вѣки. Богатыхъ и бѣдныхъ соединитъ любовь, не будетъ больше поклоненія людямъ, лишь отецъ всевышній одинъ будетъ возсѣдать на тронѣ и ему будутъ воздаваться всѣ почести.

„Славное время, которое я здѣсь предсказываю, явитъ зрѣлище несказаннаго благосостоянія, зерно будетъ наливаться, цвѣты будутъ привѣтствовать насъ и амбары народа будутъ полны. Птицы тоже будутъ радоваться, будутъ пѣть веселыя пѣсни, земля будетъ производить больше плодовъ. Тогда мы съ пѣснопѣніемъ принесемъ благодарность Богу, царю нашему, дары котораго освободили насъ отъ заботъ".

Это взято изъ: „A Mite cast into the common Treasury or Queries propounded (for all men to consider of) by him who desireth to advance the work of public community". Эта брошюрка, появившаяся 18-го декабря 1649 г., написана Робертомъ Костеромъ.

„Вопросы", выставленные авторомъ, разрѣшаются вполнѣ въ духѣ „копателей" и очень мѣтко и саркастически формулированы. Сначала ставится вопросъ, не восхваляютъ ли отдѣльныя мѣста библіи общность имущества и не осуждаютъ ли они власть человѣка надъ человѣкомъ же. Далѣе, третій вопросъ гласитъ: „Не была ли частная собственность введена на мѣсто полнаго коммунизма помощью насилія и воровства и не поддерживается ли она подобнымъ же способомъ и донынѣ? Не были ли главными участниками этихъ жестокихъ дѣяній вышеназванные хищники, — крупные землевладѣльцы, адвокаты и священники? Не прикры-

вительствомъ и республиканскимъ («common wealth»). «Смиренно посвящается Оливеру Кромвелю... равно какъ и всѣмъ англичанамъ, которые всѣ мои братья, безразлично, принадлежатъ ли они къ церковному союзу, или нѣтъ, а также всѣмъ націямъ міра—*Джерардъ Винстенли*".

Эпиграфъ въ стихахъ требуетъ скорѣйшаго осуществленія принциповъ новаго ученія. «О Англія, ты видишь, какъ возникаетъ въ тебѣ, окруженное сіяніемъ новое ученіе, осуществи его и ты удостоишься вѣнца. Если ты откажешься и будешь упорствовать въ своемъ позорѣ, то другая страна возьметъ его у тебя, вмѣстѣ съ вѣнцомъ».

Во введеніи авторъ обращается къ Кромвелю, достигшему наивысшаго положенія въ странѣ, и настойчиво молитъ его измѣнить не только *названіе* учрежденій, но и *сущность* ихъ. Ему (Кромвелю) выпала на долю великая честь—быть вождемъ народа, изгнавшаго деспота Фараона. Но *насиліе*, которое творилъ этотъ послѣдній, еще не искоренено, земля и свобода еще не стали удѣломъ тѣхъ, кто отдалъ за нихъ свою кровь и жизнь. Не Кромвель одинъ, со своими офицерами, побѣдилъ короля; нѣтъ, они достигли побѣды лишь помощью простого народа, который сражался за нихъ въ бояхъ и давалъ арміи пріютъ и содержаніе въ своихъ домахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ одинаково должны вкусить плодовъ побѣды. Передъ Кромвелемъ лежатъ два пути. Или онъ отдастъ землю народу и сдѣлается достойнымъ выпавшей ему на долю чести, или же

ваются ли эти позорныя, безстыдныя дѣянія фиговымъ листочкомъ субботъ, праздниковъ, молитвъ, догмъ, формулъ и культовъ"? Четвертый вопросъ, между прочимъ, говоритъ о томъ, не самымъ ли важнымъ пунктомъ въ грамотѣ крупныхъ землевладѣльцевъ является ихъ право приказать тюремщику: „Возьми и посади его". Шестой и послѣдній вопросъ заключается въ слѣдующемъ: не откроютъ ли безработные и наемные рабочіе лазейку свободѣ, если они займутъ общественные земли и будутъ ихъ обрабатывать? Достопримѣчательный отвѣтъ гласитъ: если они будутъ поступать такъ, вмѣсто того, чтобы на колѣняхъ и съ непокрытой головой умаливать помѣщиковъ дать имъ работу за 8 или 10 пенсовъ въ день, что позволяетъ помѣщикамъ тиранить ихъ, то богатые фермеры скоро потеряютъ охоту снимать въ аренду всю землю; и лорды, которые нынѣ смотрятъ на фермеровъ сверху внизъ, потеряютъ свое высокомѣріе, когда для нихъ закроется кошелекъ фермеровъ, и станутъ разговаривать даже съ бѣдняками. Фермеры снимаютъ много земли изъ-за выгоды, которую они извлекаютъ изъ труда бѣдняковъ, „because poor men are so foolish and slavish as to creep to them for imployment although they will not give them wages enough to maintain them and their families comfortably".

Изъ этого видно, что „сумасшедшіе копатели" были не чужды даже нѣкотораго знакомства съ политической экономіей.

онъ лишь передастъ власть изъ однихъ рукъ въ другія, и тогда его слова и мудрость погибнутъ навѣки. Онъ погибнетъ самъ или проложитъ путь еще большему рабству, чѣмъ то, которое существовало до сихъ поръ.

Послѣ этого чисто пророческаго введенія, Винстенли перечисляетъ всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ народъ:

1. *Вліяніе духовенства* на народъ еще продолжается.

2. Большинство *священниковъ*—противники свободы, многіе являются даже приверженцами монархіи.

3. *Десятина* еще взимается и обременяетъ народъ.

4. Судьи по прежнему творятъ *правосудіе* по своему произволу.

5. *Законы* все еще дѣйствуютъ старые, враждебные народу. Перемѣнилось лишь названіе: вмѣсто «*королевскіе законы*» говорятъ «*государственные законы*».

6. *Экономическія неустройства* очень велики.

Въ сельскихъ мѣстностяхъ крупные землевладѣльцы,—«Lords of the Manor»,—по прежнему угнетаютъ своихъ «братьевъ», требуютъ съ нихъ уплаты всевозможныхъ феодальныхъ повинностей и сгоняютъ ихъ съ общественной земли, если они не въ состояніи уплатить арендныхъ денегъ. Въ приходахъ, гдѣ имѣется общественная земля, богатые землевладѣльцы, какъ тѣ, которые захватили земли со временъ норманнскаго завоеванія, такъ и новые джентри, которые еще болѣе «жадны», чѣмъ первые, сгоняютъ на эти пастбища столько скота, что бѣдному человѣку и поденщику некуда выгнать даже одну корову. При оцѣнкѣ налоговой платежеспособности вліяніе дворянъ имѣло послѣдствіемъ величайшія несправедливости. Въ городахъ же народъ страдаетъ подъ тяжестью дорожныхъ, рыночныхъ сборовъ и т. п.

Потомъ слѣдуетъ рѣзкое опроверженіе законности существующей земельной собственности; приводимъ слѣдующія выдержки:

«Развѣ, скажете вы, земля не принадлежитъ брату твоему? и ты не можешь отнять у другого его права и требовать, чтобы они были переданы тебѣ».

На это я отвѣчаю: она не принадлежитъ ему ни по праву созданія, ни по праву завоеванія. Если онъ считаетъ землю своей, а не моею, по праву созданія, то она на томъ же основаніи моя, какъ и его, потому что творческій духъ, создавшій насъ обоихъ, не дѣлаетъ различія между личностями. Если же онъ считаетъ землю своею, основываясь на правѣ завоеванія, то нужно установить, подразумѣваетъ ли онъ побѣду королей надъ простыми людьми, или простыхъ людей надъ королями. Если онъ предъявляетъ свои права на землю, основываясь на завоеваніяхъ королей то короли нынѣ побѣждены и прогнаны, и потому данныя ими права по-

теряли свою силу. Если же онъ требуетъ этого права на основаніи побѣды простыхъ людей надъ королями, то я имѣю такое же право на землю, какъ и братъ мой. Потому что *всѣ* помогали низвергнуть короля». (Стр. 9 и 10).

Онъ, Винстенли, выработалъ свой планъ въ виду безграничныхъ страданій народа; онъ надѣется, что этотъ планъ въ состояніи возстановить справедливые порядки. Онъ сначала не думалъ опубликовывать его, но внутренній огонь побудилъ его поступить такимъ образомъ. Если не все, предлагаемое имъ, вѣрно, то пусть Кромвель возьметъ примѣръ съ пчелъ, которыя высасываютъ изъ цвѣтковъ только медъ, не трогая ничего другого. «Если эта «планка» представляетъ собою пока лишь неотесанный обрубокъ дерева, то въ рукахъ опытнаго мастера она можетъ сдѣлаться украшеніемъ для красиваго зданія».

Кромвель можетъ спросить, что будутъ дѣлать священники, собственники и крупные землевладѣльцы, если отнять у первыхъ десятину, а у вторыхъ трудъ рабочаго. Но когда на народъ возлагали ярмо податей и десятины, никто не заботился о его бѣдности. Между тѣмъ о лордахъ и священникахъ нечего безпокоиться: въ качествѣ членовъ будущаго свободнаго общества, они будутъ обладать тѣми же правами на пользованіе общественными благами, какъ и всѣ ихъ сограждане и не будутъ терпѣть никакой нужды.

Въ этомъ будущемъ новомъ обществѣ будетъ прежде всего *положенъ конецъ торговлѣ, куплѣ и продажѣ.* Винстенли довольно остроумно и логично говоритъ о *возникновеніи торговли*, какъ о *грѣхопаденіи* человѣчества.

«Развѣ купля-продажа не есть справедливый законъ (законъ здѣсь въ смыслѣ — учрежденія)?» спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «нѣтъ, это законъ завоевателя, но не справедливый законъ природы. Какъ можетъ быть справедливымъ то, что является мошенничествомъ («a cheat»)? Развѣ это не распространенный обычай, что когда кто-либо имѣетъ плохую лошадь, плохую корову, или вообще плохой товаръ, онъ посылаетъ его на рынокъ, надѣясь обмануть какого-нибудь простодушнаго довѣрчиваго человѣка и потомъ надъ нимъ же смѣется? Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали продавать и покупать, они потеряли невинность, ибо съ того времени люди стали притѣснять другъ друга и отнимать данныя каждому отъ природы права. Такъ напримѣръ, если земля принадлежитъ тремъ лицамъ, и двое изъ нихъ начинаютъ продавать и покупать ее, не спросясь мнѣнія третьяго, то послѣдній лишается своихъ правъ, и потомство его вовлекается въ войны».

Такъ и нынѣ еще, коронныя и церковныя земли, вмѣсто того, чтобы

быть переданными въ общественное пользованіе, продаются жаднымъ до земли офицерамъ арміи и всякаго рода спекулянтамъ, къ великому соблазну бѣдныхъ людей. «Эта купля-продажа вызывала и вызываетъ еще многія войны, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество. И народы земли никогда не обратятъ мечи свои въ плуги и копья въ садовые ножи и никогда не освободятся отъ войнъ, пока не уничтожатъ этого мошенническаго учрежденія купли-продажи, вмѣстѣ съ обломками королевской власти» (Стр. 12).

Далѣе Винстенли опять переходитъ къ вопросамъ, связаннымъ съ его планомъ будущаго устройства. «Можетъ быть это нужно», спрашиваетъ онъ, «чтобы одинъ человѣкъ былъ богаче другого?» И онъ отвѣчаетъ: «Этого совершенно не нужно. Ибо богатство дѣлаетъ человѣка высокомѣрнымъ, гордымъ, угнетателемъ брата своего и является причиной войнъ». Онъ доказываетъ, — и стоитъ уже, такимъ образомъ, на порогѣ новѣйшаго соціализма,—что *богатство невозможно безъ эксплуатаціи*: «никто не можетъ разбогатѣть безъ труда личнаго или труда другихъ людей, работающихъ на него. Безъ помощи другихъ, человѣкъ никогда не былъ бы въ состояніи добывать съ имѣнія сотни и тысячи фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода. Но разъ ему помогаютъ другіе, то добытые продукты принадлежатъ имъ такъ же, какъ и ему, ибо добытыя богатства являются плодомъ ихъ труда, такъ же и его собственнаго труда... Но всѣ богатые пользуются благосостояніемъ, питаются и одѣваются помощью труда другихъ лицъ, а не своего собственнаго. И это позоръ для нихъ, а не честь. Ибо лучше давать, чѣмъ получать. *Богатые же, все, что имѣютъ, получаютъ изъ рукъ рабочаго, и все, что они отдаютъ, они даютъ отъ труда другихъ, а не отъ своего труда*».

Но въ смыслѣ *титуловъ* и *почестей* неравенство можетъ быть сохранено. «Смотря по обязанностямъ, выполняемымъ каждымъ, онъ можетъ подняться до самаго почетнаго званія, до самой высокой чести: быть вѣрнымъ слугой республики въ парламентѣ. Точно также и тотъ, кто открываетъ тайну *природы*, долженъ получить почетное званіе, хотя бы онъ и былъ молодъ. Но никто не долженъ носить почетнаго званія, кто не пріобрѣлъ его, благодаря трудамъ, возрасту или службѣ. Всѣмъ, кто старше шестидесяти лѣтъ, болѣе молодые люди должны оказывать высокое почтеніе, какъ это будетъ показано ниже».

«Долженъ ли», спрашиваетъ онъ далѣе, «каждый человѣкъ разсматривать домъ своего ближняго, какъ свой собственный, и жить въ семьѣ ближняго, какъ въ своей собственной?»

«Нѣтъ», отвѣчаетъ онъ. «Несмотря на то, что земля и магазины должны принадлежать одинаково всѣмъ семьямъ, каждая семья живетъ отдѣльно,

подобно тому, какъ они живутъ теперь; но домъ, жена, дѣти и вся обстановка, вообще все, что каждый возьметъ себѣ изъ магазиновъ для собственнаго потребленія, составляетъ собственность семьи, которой она можетъ спокойно пользоваться». Кто нарушаетъ это правило, наказывается, какъ «врагъ общества».

«Будутъ ли существовать адвокаты [1])?» «Нѣтъ», отвѣчаетъ онъ, и коротко и ясно мотивируетъ: «*нѣтъ больше ни купли, ни продажи*». Законъ самъ долженъ быть адвокатомъ и изложенъ настолько ясно, чтобы не нуждаться ни въ какихъ толкованіяхъ. «Виновники вѣчной вражды, Симеонъ и Леви, не будутъ владычествовать въ новомъ обществѣ».

Таково содержаніе предисловія. *Первую главу* книги составляетъ изслѣдованіе о томъ, что такое истинная свобода. Она *не* состоитъ, какъ думаютъ нѣкоторые, въ *свободѣ торговли*, ибо «это свобода только по закону завоевателя». Не заключается она также и въ свободѣ религіознаго *культа*, ибо «это неопредѣленная свобода»; не состоитъ она и въ свободѣ ввести *общность женъ* и т. п., и не въ томъ, чтобы старшій братъ пользовался всѣмъ имѣніемъ, а младшій обязанъ былъ бы служить ему. «Все это такая свобода, которая ведетъ къ рабству, а не та *основная свобода*, которая въ состояніи обезпечить миръ въ республиканскомъ обществѣ. *Истинная республиканская свобода заключается въ свободномъ пользованіи землею.* Истинная свобода господствуетъ тамъ, гдѣ человѣкъ находитъ себѣ пропитаніе и все, что ему нужно... Лучше человѣку не имѣть вовсе тѣла, чѣмъ не имѣть питанія для него; отнятіе земли однимъ братомъ у другого является, поэтому, рабствомъ и угнетеніемъ.

«Я говорю это, имѣя въ виду угнетателей и угнетенныхъ; *внутренняго* рабства я здѣсь не касаюсь, хотя я убѣжденъ, что, если бы мы хорошенько разсмотрѣли вопросъ, мы бы пришли къ тому заключенію, что внутреннее рабство, жадность, высокомѣріе, лицемѣріе, зависть, забота, страхъ, отчаяніе и безуміе являются слѣдствіемъ рабства внѣшняго, слѣдствіемъ того, что одинъ классъ людей давитъ другой!»

Винстенли опять возвращается къ норманнамъ, которые покорили Англію, къ законамъ, которые они ввели и къ *государственной церкви*, которая ихъ защищала. «Это они постарались», пишетъ онъ, «убѣдить народныя массы передать Вильгельму-Завоевателю господство надъ землею, назвать ее не своимъ, а его владѣніемъ, и не возставать противъ него. Далѣе, духовенство ведетъ непрерывную войну противъ простого человѣка и не заключитъ съ нимъ мира до тѣхъ поръ, пока окончательно не ослѣпитъ его разума и тотъ не начнетъ вѣрить всѣмъ ихъ проповѣдямъ и

[1]) Вспомните, что говорилось выше о ненависти къ адвокатамъ.

перестанетъ сомнѣваться въ правильности ихъ словъ, когда они говорятъ ему: «религіозныя вѣрованія не должны подвергаться испытанію разума». Потому не должны, что въ противномъ случаѣ выяснилась бы ихъ роль проповѣдниковъ несправедливости, и они потеряли бы свою десятину.— Неудивительно поэтому, что *государственная церковь* Англіи и Шотландіи, руководимая священниками, взимающими десятину и владѣющими умами затемненнаго въ своемъ сознаніи народа,—такъ упорно стоитъ за своего короля. Священники эти говорятъ себѣ: если народъ не будетъ на насъ работать, не будетъ выплачивать намъ десятины и мы вынуждены будемъ, какъ и другіе, работать сами для себя, мы потеряемъ свою свободу. Но вѣдь это стонъ египетскаго надсмотрщика рабовъ, который въ свободѣ другихъ людей видитъ свое собственное рабство».

Если бы землей было возможно пользоваться такъ свободно, какъ того желаетъ Винстенли въ своемъ проектѣ будущаго устройства, тогда «никому не пришлось бы, изъ-за средствъ къ существованію, лицемѣрить такъ, какъ это дѣлаетъ нынѣ духовенство и др.»....

«Слава царства Израильскаго заключалась въ томъ, что оно не знало нищихъ».

Первая глава кончается указаніемъ на коммунистическіе пункты въ моисеевомъ законодательствѣ и напоминаніемъ о томъ, что общество, къ которому стремится авторъ, отнюдь не предполагаетъ всеобщей лѣни, общности женъ и беззаконія.

Вторая и третья главы еще разъ болѣе подробно разсматриваютъ вопросъ о *сущности правительства* вообще, о томъ, что такое *«королевское»* и что такое *«республиканское»* («commonwealth») правительство. Приводимъ лишь наиболѣе характерныя фразы оттуда.

Первоначально администрація (чиновничество) [1]) возникла вслѣдствіе необходимости поддерживать сообща существованіе и первые загадки администраціи появились внутри отдѣльной семьи. Предположимъ, что на свѣтѣ только одна семья; какъ думаютъ, напримѣръ, семья праотца Адама [2]); эта семья состояла изъ множества лицъ, и Адамъ былъ въ ней первымъ правителемъ или чиновникомъ. Онъ былъ наиболѣе мудрымъ по распорядительности и наиболѣе сильнымъ въ работѣ, поэтому онъ являлся самымъ подходящимъ лицомъ въ роли главнаго представителя семьи. Ибо суще-

[1]) „Behördenwesen“—авторъ беретъ это слово какъ наиболѣе соотвѣтствующее англійскому „magistracy“. Винстенли явно не желаетъ употреблять слова government. Поэтому слово „управленіе“ (Verwaltung“) не соотвѣтствовало бы истинному смыслу.

[2]) „As is conceived“—по англійски. Здѣсь чрезвычайно характерна гипотетическая форма выраженія.

ствуетъ золотое правило: «да поможетъ мудрый глупому и сильный слабому».

Тѣмъ, кто вздумалъ бы возразить, что для Адама не существовало закона, что онъ владычествовалъ по своему усмотрѣнію, Винстенли заранѣе отвѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ рѣшающимъ являлся законъ *необходимости*; этотъ законъ такъ явно говорилъ за то, что Адамъ долженъ быть представителемъ семьи, что всѣ подчинялись ему добровольно. Необходимость призвала его къ роли представителя именемъ его дѣтей.

Необходимость говоритъ за то, что вообще должны быть управители, но она не требуетъ насильственнаго владычества.

«*Администрація республиканскаго общества вся должна состоять изъ выборныхъ чиновниковъ*».

«*Всѣ должностныя лица въ республиканскомъ обществѣ должны быть переизбираемы ежегодно*. Если чиновники долго будутъ занимать общественную должность, они испортятся. Высокій постъ на гражданской службѣ и въ арміи измѣнилъ характеръ многихъ благородно мыслящихъ («sweet-spirited») людей. Природа говоритъ намъ, что когда вода долго стоитъ, она портится, въ то время, какъ проточная вода остается свѣжей и годится для общаго употребленія». Только съ четвертой главы начинается собственно изложеніе того, какъ должно быть устроено настоящее общество. Какъ видно уже изъ заглавія книги, проектъ изложенъ въ формѣ программы, или, выражаясь современнымъ языкомъ, въ формѣ разработанныхъ въ систему *параграфовъ*. Глава начинается съ перечисленія всевозможныхъ должностей, излагаетъ обязанности каждой категоріи должностныхъ лицъ, послѣ чего слѣдуетъ описаніе соотвѣтствующихъ общественныхъ учрежденій. Въ пятой главѣ излагается система школьнаго и ремесленнаго преподаванія, а въ шестой главѣ развиты специальные законы истинной республики въ противовѣсъ королевскимъ законамъ. Приводимъ въ краткихъ чертахъ картину утопіи.

Производство новаго общества, сообразно тому состоянію промышленности, которое авторъ имѣлъ возможность наблюдать въ окружающей обстановкѣ, является по существу своему мелкимъ производствомъ. Всѣмъ разрѣшается производить на дому. Но въ то же время община содержитъ общественныя мастерскія, въ которыхъ получаютъ профессіональное образованіе тѣ мальчики, которые не желаютъ изучать ремесло отца или другого мастера на дому. *Обмѣнъ* продуктовъ, напротивъ того, построенъ на *чисто-коммунистическихъ* началахъ. Все, что каждый производитъ, онъ отвозитъ въ *общественный магазинъ* («store house»), и получаетъ тамъ все, что нужно ему, какъ для собственнаго потребленія такъ и для производства. Существуютъ двоякаго рода магазины: для продуктовъ массового

производства, какъ зерно, шерсть и другое сырье, и для произведеній ремесла. *Пріемъ продуктовъ въ общественные магазины и выдача изъ нихъ составляютъ два самостоятельныхъ, независимыхъ одинъ отъ другого акта, при которыхъ не производится никакого подсчета.* Опасность несоотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ избѣгается слѣдующимъ образомъ. Каждый работоспособный членъ общества долженъ производить опредѣленное количество работы. Если онъ въ теченіе продолжительнаго времени производитъ меньше положеннаго, то надсмотрщикъ даннаго ремесла келейно (!) напоминаетъ ему о его обязанностяхъ, и лишь послѣ того, какъ это внушеніе не помогаетъ, виновный привлекается къ отвѣтственности передъ общиной. Въ большинствѣ случаевъ такая мѣра оказывается достаточной, въ противномъ же случаѣ могутъ быть примѣнены наказанія. Точно такой же порядокъ установленъ при выдачѣ продуктовъ, когда кто-нибудь портитъ матеріалы, инструменты и утварь. *Обученіе всеобщее.* Дѣти воспитываются *сообща въ общественныхъ школахъ. Работать обязаны всѣ до сорока лѣтъ.* Каждый ученикъ долженъ получить научное и профессіональное образованіе, но не должно быть *касты ученыхъ книжниковъ*, которая стояла бы выше своихъ братьевъ. По достиженіи сорокалѣтняго возраста, всякій можетъ заниматься, чѣмъ ему угодно, быть учителемъ, работать въ ремеслѣ, сельскомъ хозяйствѣ и т. д., или можетъ быть избраннымъ на должность надсмотрщика и т. п.

Приводимъ перечень различныхъ должностей.

1. Въ *семьѣ*: отецъ.
2. Въ *городѣ*, въ мѣстечкѣ и приходѣ, *мировой посредникъ*, четыре категоріи *надсмотрщиковъ* (надсмотрщики надъ общественнымъ спокойствіемъ, ремесленный надсмотрщикъ, надсмотрщикъ надъ общественной жизнью вообще), *солдаты, мастера, пристава.*
3. Въ *графствахъ*: *судья, мировые посредники городовъ, надсмотрщики* и *солдаты.* Всѣ вмѣстѣ они образуютъ *сенатъ графства* или *судебную палату* и засѣдаютъ поочередно въ различныхъ городахъ графства.
4. Въ *странѣ, т. е. для всей страны: парламентъ, духовенство* (ministry) республики, *почтмейстеръ* и *армія.*

Мужчины старше шестидесяти лѣтъ сами по себѣ, т. е. въ силу своего возраста, становятся надсмотрщиками надъ всѣмъ обществомъ (охраняютъ законъ и т. п.). Кромѣ нихъ, всѣ должностныя лица, даже солдаты, исполняющіе въ мирное время обязанности жандармовъ, избираются ежегодно. Обязанности большинства должностныхъ лицъ учрежденій

явствуютъ изъ ихъ названій и не нуждаются въ дальнѣйшемъ поясненіи. Исключеніе составляютъ *почтмейстеры* и *духовенство республики*.

Почтмейстеры завѣдуютъ сообщеніемъ и передачей извѣстій. Они повсемѣстно собираютъ свѣдѣнія о достопримѣчательныхъ событіяхъ (о явленіяхъ природы, открытіяхъ, несчастныхъ случаяхъ и т. п.) и посылаютъ ихъ въ столицу; тамъ на основаніи этихъ сообщеній составляются ежемѣсячные отчеты, которые печатаются въ формѣ книгъ, и книги пересылаются всѣмъ почтмейстерамъ въ странѣ. Почтмейстеры обязаны довести обо всемъ до свѣдѣнія всѣхъ членовъ общины.

Духовенство республики должно смотрѣть за тѣмъ, чтобы соблюдался еженедѣльный отдыхъ. Въ этотъ день они должны устраивать собранія членовъ общины, на которыхъ должны произноситься рѣчи троякаго рода: а) сообщеніе содержанія полученныхъ почтмейстеромъ отчетовъ о *дѣлахъ страны*; в) чтеніе отдѣльныхъ главъ изъ *свода законовъ страны*, чтобы законы запечатлѣлись въ умахъ гражданъ; е) рефераты и бесѣды по *исторіи* собственной страны и другихъ странъ, объ *искусствѣ и наукахъ*, по *естественной исторіи*, *о природѣ человѣка* и т. д. Но никто при этомъ не долженъ развивать фантастическихъ вещей, а излагать лишь то, что онъ позналъ путемъ *изученія* и *наблюденія*. Далѣе, рѣчи *не всегда должны произноситься по англійски*, а могутъ быть произнесены и на *иностранныхъ языкахъ*, чтобы граждане англійской республики имѣли возможность учиться у сосѣдей и пріобрѣтать ихъ любовь и уваженіе.

Но, можетъ быть, какой-нибудь благочестивый профессоръ замѣтитъ на это, что «поистинѣ очень низменнымъ и плотскимъ будетъ то духовенство, которое допуститъ, чтобы люди не узнали ничего иного, кромѣ земной науки и тайнъ природы, между тѣмъ какъ мы должны стремиться къ познанію духовныхъ и небесныхъ предметовъ». «На это», пишетъ Винстенли, «я отвѣчаю: знать тайны природы, это значитъ знать творенія Божьи, а знать творенія Божьи, это значитъ познать самого Бога, ибо Богъ живетъ въ каждомъ видимомъ предметѣ, въ каждомъ организмѣ».

Затѣмъ слѣдуетъ великолѣпная полемика противъ *ученія о сверхъестественномъ* (Винстенли называетъ его: «divining doctrine», отъ слова «divinity»—теологія), полемика, которая, по своей аргументаціи и образности, принадлежитъ уже почти 19-му столѣтію. Съ помощью превосходной діалектики Винстенли указываетъ на противорѣчія въ теоріи и практикѣ жрецовъ спиритуализма, доказываетъ, какъ сверхчувственное ученіе дѣлаетъ людей тупыми и доводитъ ихъ до умопомѣшательства; въ концѣ онъ заявляетъ:

«Въ третьихъ, это (сверхчувственное) ученіе превратилось въ рукахъ

хитраго «старшаго брата» [1]) въ политическое средство, чтобы обманомъ отнять у «младшаго брата» его земныя вольности». Винстенли для примѣра приводитъ діалогъ, который кончается тѣмъ, что «старшій братъ» (т. е. богатый) говоритъ «младшему» (пролетарію), не желающему вѣрить, что творецъ установилъ несправедливое распредѣленіе земныхъ благъ: «что же. ты хочешь быть атеистомъ, бунтовщикомъ и не желаешь вѣрить въ Бога?» И такимъ путемъ «старшему брату» удается застращать «младшаго», «не особенно понятливаго» и не обладающаго достаточнымъ знаніемъ природы самого».

«... *такъ что это сверхчувственное спиритуалистическое ученіе ничто иное, какъ обманъ; ибо въ то время, какъ люди смотрятъ на небо, мечтаютъ о блаженствѣ и страшатся ада, въ который они попадутъ послѣ смерти, они лишаются зрѣнія и не замѣчаютъ того, что составляетъ ихъ прирожденное право и задачи земной жизни. Это ученіе отвратительная фантазія, подобная тучѣ безъ дождя*» (стр. 62).

Интересно также, на чемъ основываетъ Винстенли свое отрицательное отношеніе ко всей схоластической книжной учености—«knowledge of the Scholars». Какъ мы уже говорили выше, въ этомъ отрицаніи книжной учености отнюдь нельзя усматривать ненависти къ знанію вообще.

Съ одной стороны, въ стремленіи ограничить обученіе сообщеніемъ лишь *практическихъ знаній*,—такъ называемой *реальной* науки,—отражается ограниченный эмпиризмъ Бэкона, съ другой стороны, эта ненависть къ такъ называемой чистой или теоретической книжной наукѣ явилась продуктомъ *антидемократическихъ* тенденцій университетовъ и профессіональныхъ ученыхъ. Человѣкъ изъ народа долженъ былъ ненавидѣть науку, которая внушала ея представителямъ высокомѣрное презрѣніе къ рабочему классу, дѣлала ихъ сикофантами эксплуататоровъ и властелиновъ. Далѣе, приходится принять во вниманіе состояніе и характеръ философской школы того времени, и тѣсную связь ея съ ортодоксальной теологіей. Для иллюстраціи стоитъ почитать хотя бы разсужденія матеріалиста Гоббса по поводу «царства Божія», «Христова управленія« и т. д. въ его «Левіаѳанѣ», появившемся въ томъ же году, въ которомъ вышло и сочиненіе Винстенли.

Но довольно объ этомъ. Мы не будемъ касаться предписаній, касающихся техники *земледѣлія*, *промышленности* и т. п. Хотя сами по себѣ они довольно характерны, но не выходятъ изъ общаго уровня пере-

---

[1]) Какъ мы видѣли, Винстенли подъ этимъ выраженіемъ всегда понимаетъ господствующій имущій классъ.

довыхъ воззрѣній того времени. Въ заключеніе мы разсмотримъ еще нѣкоторыя установленія, касающіяся *производства выборовъ*, законодательства о *бракѣ* и *наложенія наказаній*.

Активнымъ избирательнымъ правомъ пользуется всякій, кто достигъ двадцатилѣтняго возраста и не отбываетъ въ моментъ производства выборовъ наказанія по суду. Пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуется всякій, достигшій сорокалѣтняго возраста; могутъ быть избираемы и болѣе молодые люди, пріобрѣтшіе извѣстность своими выдающимися заслугами.

Бракъ совершенно свободенъ. «Каждый мужчина и каждая женщина пользуется полной свободой вступать въ бракъ съ кѣмъ угодно, съ тѣмъ лицомъ, чье расположеніе и любовь они сумѣли снискать». Общественный магазинъ служитъ для нихъ приданымъ, «открытъ для обоихъ одинаково». Если мужчина сойдется съ женщиной и она родитъ отъ него ребенка, онъ обязанъ жениться на ней. Изнасилованіе женщины карается смертью,—«это ограбленіе ея тѣлесной свободы». Насильственный уводъ чужой жены карается въ первый разъ публичнымъ выговоромъ, во второй разъ—12-мѣсячнымъ лишеніемъ свободы. Лишеніе свободы—это значитъ принудительная работа для общества или исполненіе обязанностей прислуги въ семьѣ. Для заключенія брака достаточно заявленія обоюднаго согласія передъ лицомъ окружного надсмотрщика и нѣсколькихъ гражданъ въ качествѣ свидѣтелей, т. е. бракъ является чисто гражданскимъ актомъ. (Это было написано за два года до соотвѣтствующаго постановленія Барбонскаго парламента).

Самыя большія наказанія налагаются за *куплю* и *продажу*. Желающій соблазнить другого къ куплѣ или продажѣ чего бы то ни было карается 12-мѣсячнымъ лишеніемъ свободы. Кто фактически *продаетъ* землю или плоды ея, тотъ *наказывается смертью*. Кто называетъ землю своею, а не брата своего, тотъ приговаривается къ 12-ти мѣсяцамъ принудительнаго труда и слова эти выжигаются у него на лбу.

Никто не имѣетъ права продавать свой трудъ или покупать чужой трудъ. Кто нуждается въ помощникахъ при работѣ, тотъ можетъ пользоваться услугами молодежи или тѣхъ, кого надсмотрщики назначатъ въ подручные («servants»). Нарушающіе это правило наказываются 12-тью мѣсяцами принудительнаго труда.

Золото и серебро не должны быть употребляемы для чеканки монетъ, изъ нихъ можно приготовлять лишь домашнюю утварь (миски, бокалы и т. п.). «Ибо тамъ, гдѣ надъ всѣмъ владычествуютъ деньги, никто не руководствуется золотымъ правиломъ: поступай съ другими такъ, какъ ты хочешь, чтобъ онъ поступалъ съ тобою. Справедли-

вость покупается и продается, равно какъ и несправедливость, и это служитъ причиной всѣхъ войнъ и всякаго угнетенія».

Исключеніе дѣлается только для обмѣна съ другими націями, настаивающими на этомъ, *но только для нихъ*. Съ ними можно совершать куплю и продажу привозимыхъ товаровъ. «Но при непремѣнномъ условіи что товары, которыми нагружены наши корабли, принадлежатъ *обществу* и что вся торговля съ другими націями ведется за счетъ *общественнаго* капитала («stock»), для обогащенія общественныхъ магазиновъ».

* * *

Мы привели болѣе существенные пункты утопіи, о которой я въ правѣ сказать, что она достойна того, чтобы быть извлеченной изъ мрака неизвѣстности, въ которой она находилась до сихъ поръ. Я не находилъ данныхъ о ней ни въ одномъ историческомъ сочиненіи объ англійской революціи, ни въ одной исторіи демократіи или соціализма; мало свѣдѣній удалось мнѣ собрать и о личности и судьбѣ автора утопіи. [1])

---

[1]) Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о себѣ самомъ Винстенли даетъ въ своемъ памфлетѣ: „A watchword to the City of London, the Army etc.". Согласно этимъ даннымъ, онъ былъ первоначально промышленникомъ въ Лондонѣ, гдѣ имѣлъ право гражданства. Когда началась война противъ Карла I, онъ давалъ много денегъ на содержаніе парламентской арміи; но затѣмъ безчестные представители „воровского искусства купли-продажи, въ связи съ обременительными налогами для войны", почти совершенно разорили его и вынудили прибѣгнуть къ помощи друзей, чтобы имѣть возможность поселиться въ деревнѣ. Но и тамъ онъ не могъ справиться съ тяжестью налоговъ, военныхъ постоевъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, онъ всѣ эти годы дѣлалъ все возможное, чтобы содѣйствовать возстановленію мира внутренняго и внѣшняго; но ему пришлось убѣдиться, что многіе, заявлявшіе себя на словахъ защитниками праваго дѣла, фактически оказывались его противниками. И вотъ однажды, за работой, сердце его преисполнилось любовью и умиленіемъ. Ему открылись вещи, о которыхъ онъ раньше не читалъ и не слыхалъ, и которыхъ многіе изъ его слушателей не понимали. Одна изъ такихъ его мыслей состояла въ томъ, что земля должна быть общимъ достояніемъ всѣхъ безъ различія людей.

Затѣмъ, Винстенли сообщаетъ всѣ подробности образа дѣйствій „копателей", разсказываетъ, какъ жестоко съ ними поступили, и продолжаетъ: „и я увидѣлъ ясно, что бѣдные являются первыми избранниками и на ихъ долю выпала честь быть первыми въ этой работѣ—пропагандѣ коммунизма; ибо они слушаются голоса права, въ то время, какъ богатые обыкновенно являются противниками истинной свободы" (стр. 15).

Кстати, не лишнее будетъ замѣтить, что всѣ сочиненія, подписанныя именами Эверарда и Винстенли, повидимому, принадлежатъ перу одного лишь Винстенли. Большинство историковъ, трактующихъ о „копателяхъ",

Въ качествѣ представителя небольшой секты и защитника неразвитого еще класса, не игравшаго самостоятельной политической роли и не выдвинутаго событіями на авансцену исторіи, Винстенли не могъ привлекать къ себѣ вниманія историковъ. Его современникамъ, даже наиболѣе радикальнымъ, онъ и его друзья казались не болѣе, какъ экзальтированными безумцами; Джонъ Лильбурнъ, напримѣръ, въ своей брошюрѣ: «The Legal Fundamental Liberties» рѣшительно возстаетъ противъ того, что ему приписываются „ошибочные взгляды бѣдныхъ джодж-гильскихъ копателей". Впрочемъ, онъ писалъ это изъ тюрьмы и до появленія вышеупомянутаго сочиненія Винстенли. Характерно то, что въ той же брошюрѣ Лильбурнъ выступаетъ въ защиту Іоанна Лейденскаго, который тогда пользовался еще болѣе дурной славой, чѣмъ теперь. Но уже одно присвоенное ими названіе „*истинныхъ* левеллеровъ" показываетъ, что они видѣли принципіальное различіе между собою и Лильбурномъ. Левеллеры являлись представителями общихъ интересовъ рабочихъ и радикальной буржуазіи, а *истинные* левеллеры представляли интересы исключительно пролетарскіе.

И въ этомъ смыслѣ о Винстенли можно сказать, что если онъ не былъ «во всеоружіи знаній своего вѣка», то все же стоялъ на высотѣ науки своей эпохи и былъ дальновиднѣе всѣхъ своихъ современниковъ. Было бы безсмысленно критиковать сейчасъ его практическія предложенія, указывать на ихъ несовершенство и безцѣльность. И то и другое зависитъ отъ экономической структуры общества, въ которомъ онъ жилъ. Мы можемъ лишь удивляться глубокомыслію и здравымъ разсужденіямъ этого простого человѣка и его пониманію внутренней связи общественныхъ явленій его эпохи и причинъ существующаго зла, противъ котораго онъ боролся.

Нѣтъ сомнѣнія, что Винстенли участвовалъ также и въ изданіи упомянутыхъ въ предыдущей главѣ летучихъ листковъ подъ заглавіемъ: «Свѣтъ, сіяющій въ Букингамширѣ», и что его «Law of Freedom» являлся обѣщаннымъ во второмъ изъ упомянутыхъ памфлетовъ изложеніемъ тѣхъ путей и средствъ, при помощи которыхъ возможно будетъ необходимое возвращеніе къ «эпохѣ до грѣхопаденія». Что сталось съ Винстенли впослѣдствіи,—я не могъ добыть никакихъ точныхъ данныхъ.

были введены въ заблужденіе своеобразнымъ расположеніемъ именъ на памфлетахъ левеллеровъ, и предположили какъ разъ обратное. Но этому противорѣчитъ тотъ фактъ, что нѣтъ ни одного памфлета, который былъ бы подписанъ именемъ лишь Эверарда, между тѣмъ какъ цѣлый рядъ произведеній подписанъ однимъ Винстенли. Поскольку мнѣ удалось установить, на ряду съ послѣднимъ выступаетъ самостоятельно изъ числа „копателей" еще лишь Робертъ Костеръ.

Заглавіе и содержаніе одного его сочиненія отъ 1658 г.,—самаго поздняго по времени выхода изъ всѣхъ имѣющихся въ Британскомъ музеѣ его сочиненій,—даетъ возможность предположить, что послѣ неудавшихся попытокъ коммунистической агитаціи онъ примкнулъ къ тому же движенію, къ которому обратился и Лильбурнъ послѣ крушенія его радикально-демократической партіи, именно къ основанной въ 1652 г. (обращаю особенное вниманіе читателей на годъ), религіозно-радикальной сектѣ *квакеровъ*. Послѣднее сочиненіе Винстенли озаглавлено: «Рай святыхъ или ученіе Отца является единственнымъ удовлетвореніемъ души», а эпиграфъ гласитъ: «Внутреннее свидѣтельство—сила души». Это произведеніе представляетъ собою оттискъ проповѣди или религіознаго обращенія, прочитаннаго Винстенли въ Лондонѣ въ совершенно раціоналистическомъ духѣ квакеровъ [1]), причемъ къ слушателямъ и учителямъ онъ обращается, какъ и всѣ квакеры, съ названіемъ «друзья»—«Friends». Если вспомнить еще, что Эверардъ и Винстенли отказались снять шляпы передъ Ферфаксомъ, признавая въ немъ лишь равнаго себѣ человѣка («but their fellow-creature», сказано у Whitelacke'а), то не остается никакого сомнѣнія, что остатки истинныхъ левеллеровъ составляютъ тѣ элементы, среди которыхъ первоначально зародилось квакерское движеніе. Какимъ образомъ случилось, что солдаты кромвелевской арміи превратились въ проповѣдниковъ, объ этомъ мы слегка упоминали уже въ примѣчаніи на стр. 125.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Возстаніе левеллеровъ въ арміи. Дальнѣйшая судьба Лильбурна и его смерть.

«Очищенный» парламентъ, между тѣмъ, радикально рѣшилъ свою тяжбу съ Карломъ I. 23-го декабря 1648 г. была выбрана комиссія для обсужденія мѣръ, которыя можно было бы принять противъ короля. 1-го января 1649 г. комиссія постановила привлечь Карла I къ суду, какъ государственнаго преступника противъ націи, которую онъ предательски подвергъ всѣмъ ужасамъ войны; соотвѣтственно этому постановленію былъ учрежденъ судъ, долженствовавшій вынести королю приговоръ. Когда палата лордовъ, засѣданія которой посѣщались лишь нѣсколькими лицами, отказалась присоединиться къ этому рѣшенію, палата общинъ заявила въ

---

[1]) Только квакерской мистики. Винстенли, напримѣръ, боролся противъ распростаненной среди квакеровъ вѣры въ дьявола.

засѣданіи 24-го января, что *народъ является единственнымъ, правомочнымъ источникомъ власти*, въ силу чего избранные имъ депутаты, члены палаты общинъ, являются высшей властью въ Англіи. Постановленія этой палаты пріобрѣтаютъ силу закона и безъ санкціи короля и лордовъ. 6-го января состоялось вторичное постановленіе о преданіи суду, и парламентъ собственной властью избралъ 135 лицъ въ спеціальный судъ, который долженъ былъ судить Карла. Кромѣ Кромвеля и другихъ грандовъ арміи, въ этотъ трибуналъ входилъ также и Робертъ Лильбурнъ; Джонъ Лильбурнъ, въ опубликованномъ имъ вслѣдъ затѣмъ памфлетѣ, говоритъ, что ему тоже было предложено войти въ составъ этого судилища, въ которомъ участвовали, конечно, одни лишь республиканцы. Но непреклонное чувство законности не позволяло Джону принять участіе въ дѣлѣ, которое по существу своему являлось актомъ насилія, каковы бы ни были мотивы, вызвавшіе его. «Честный Джонъ» ни въ коемъ случаѣ не былъ противъ суда надъ королемъ, но онъ оспаривалъ право парламента называть себя народнымъ представительствомъ, и, кромѣ того, требовалъ, чтобы короля судилъ не какой то чрезвычайный трибуналъ, а обыкновенный судъ. Но его демократическія соображенія были такъ же мало приняты во вниманіе, какъ и юридическія. 27-го января 1649 г. Карлъ I былъ присужденъ къ смерти, какъ государственный преступникъ, и 30-го января приговоръ былъ уже приведенъ въ исполненіе. 1-го февраля парламентъ санкціонировалъ «очистку» Прайда формальнымъ исключеніемъ изгнанныхъ Прайдомъ членовъ палаты. 6-го февраля парламентъ признаетъ палату лордовъ учрежденіемъ «безцѣльнымъ и вреднымъ» [1], а 7-го февраля состоялось постановленіе о томъ, что правительство въ лицѣ короля или вообще одного лица является «безполезнымъ, обременительнымъ и опаснымъ», а потому подлежитъ отмѣнѣ. 15-го февраля былъ учрежденъ государственный совѣтъ изъ сорока одного члена, въ числѣ которыхъ фигурируютъ, конечно, и Кромвель, Ферфаксъ и другіе гранды арміи, между прочимъ, и Генри Мартенъ. 13-го марта нѣсколько членовъ этого высокаго учрежденія посѣтили извѣстнаго ученаго Джона Мильтона въ его маленькомъ домикѣ въ Гольбарнѣ и предложили ему должность секретаря иностранныхъ языковъ при государственномъ совѣтѣ. Мильтонъ согласился. 19-го мая Англія парламентскимъ декретомъ была провозглашена республикой («Commonwealth»).

---

[1]) Остроумный Генри Мартенъ предлагалъ вычеркнуть слово „опасное" или поставить впереди него слово „нѣтъ". И, дѣйствительно, лорды въ своей растерянности играли тогда весьма жалкую роль.

Въ теченіе января мѣсяца Лильбурнъ находился по частнымъ дѣламъ на сѣверѣ. Онъ былъ разочарованъ и хотѣлъ совершенно отказаться отъ общественной дѣятельности. Слишкомъ гордый для того, чтобы принять хорошо оплачиваемую государственную должность, которую считали нужнымъ предложить ему въ виду его громаднаго вліянія въ радикальныхъ кругахъ, онъ, по возвращеніи въ Лондонъ, занялся въ предмѣстьи Соуторкѣ мыловареніемъ. Онъ заявилъ, что не желаетъ кормиться на средства трудящагося народа, который самъ голодаетъ. Зато онъ недолго противился уговорамъ политическихъ единомышленниковъ и рѣшилъ продолжать борьбу противъ господства грандовъ. Уже 26-го февраля Лильбурнъ снова появляется, во главѣ большой толпы лондонскихъ гражданъ, передъ барьеромъ парламента для врученія петиціи объ отмѣнѣ принятыхъ государственнымъ совѣтомъ мѣръ противъ «безпокойныхъ элементовъ» арміи.

Въ различныхъ полкахъ арміи, расквартированныхъ вблизи Лондона, господствовало сильное недовольство. Солдаты находили, что дѣйствія «грандовъ» не соотвѣтствуютъ договору, заключенному на Ньюмаркетъ-Гитѣ, что сдѣлано, правда, очень много для защиты правъ парламента, но ничего не предпринято для защиты правъ *народа*; въ знакъ своего недовольства солдаты украшали свои шляпы зелеными лентами, которыя считались эмблемой левеллеровъ. Чтобы задушить этотъ «мятежный» духъ, военный совѣтъ рѣшилъ издать указъ, запрещавшій солдатамъ подавать петиціи парламенту или кому бы то ни было, помимо своихъ офицеровъ, и переписываться съ частными лицами по поводу политическихъ событій, Далѣе, военный совѣтъ постановилъ исходатайствовать у парламента разрѣшеніе *судить военнымъ судомъ и вѣшать* тѣхъ, кто будетъ изобличенъ въ подстрекательствѣ войска къ «бунту». Противъ этихъ то постановленій выступилъ Лильбурнъ со своею петиціей, присовокупивъ къ ней обстоятельную докладную записку. Эту послѣднюю онъ спустя нѣсколько дней опубликовалъ въ видѣ памфлета подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Englands new chains discovered» («Новыя цѣпи Англіи открыты»). Въ этомъ памфлетѣ Лильбурнъ вскрываетъ всѣ искаженія, которымъ гранды арміи подвергли первоначально подписанный ими народный договоръ. Онъ рѣзко критикуетъ вновь учрежденный *государственный совѣтъ*, который является лишь креатурой военнаго совѣта арміи, и требуетъ замѣны его часто возобновляемыми отвѣтственными комиссіями. Эти комиссіи можно будетъ обуздывать тѣмъ, что старый парламентъ не будетъ распущенъ, пока не соберется новый. Лильбурнъ требуетъ еще полной свободы печати, какъ неоспоримаго права народа и гарантіи противъ заговоровъ и тиранническихъ поползновеній.

Протесты не прекращались и въ рядахъ самой арміи. 1-го марта появляется открытое письмо генералу Ферфаксу и его совѣту офицеровъ, подписанное восемью солдатами изъ арміи Ферфакса. Это письмо — протестъ съ большой смѣлостью излагаетъ всѣ обвиненія арміи противъ ея руководителей, упрекаетъ Кромвеля въ томъ, что онъ стремится къ королевской коронѣ, называетъ парламентъ зеркаломъ военнаго совѣта, а этотъ послѣдній орудіемъ въ рукахъ Кромвеля, Айртона и Гаррисона. Въ заключеніе письмо рѣзко возстаетъ противъ господства военщины. «Мы, англійскіе солдаты, собравшіеся подъ знаменемъ защиты свободы Англіи, мы не иноземное наемное войско, которое можетъ за деньги избивать народъ и служить пагубнымъ интересамъ честолюбивыхъ людей», заявили солдаты. Они требовали выполненія договора, заключеннаго въ Ньюмаркетъ-Гитѣ. Письмо оканчивается горячимъ привѣтствіемъ петиціи Лильбурна, къ которой солдаты «свободно и радостно» присоединяются и готовы бороться и пожертвовать жизнью во имя выставленныхъ въ ней требованій.

3-го марта они предстали передъ военнымъ судомъ. Трое изъ подсудимыхъ, въ виду серьезнаго оборота дѣла, выразили раскаяніе, и были помилованы. Остальные пять человѣкъ обнаружили большую рѣшимость. Судьи старались, главнымъ образомъ, выпытать у нихъ, кто составилъ имъ это письмо, такъ какъ предполагалось, что сами они были неспособны сдѣлать это. Но на допросѣ всѣ они одинъ за другимъ брали отвѣтственность за письмо на себя. Хотя они «въ виду тяжкой вины заслужили собственно смерть», но судъ приговорилъ ихъ къ слѣдующему наказанію: каждый изъ нихъ былъ посаженъ задомъ напередъ на деревянную лошадь, и въ такомъ видѣ провезенъ передъ полкомъ; затѣмъ надъ ихъ головами сломали сабли и изгнали изъ арміи. 6-го марта приговоръ надъ ними былъ приведенъ въ исполненіе въ Вестминстерѣ. Ихъ имена: Робертъ Уардъ, Томасъ Уатсонъ, Симонъ Гронтъ, Джоржъ Эллисъ и Вильямъ Савайеръ [1]).

---

[1]) Одинъ изъ трехъ помилованныхъ, Рихардъ Румбольдъ, былъ во время царствованія Карла II виднымъ участникомъ знаменитаго Рай-Гоузскаго заговора (1683 г.) противъ реставрированнаго короля (въ связи съ этимъ заговоромъ мы вновь встрѣчаемъ имя Уайльдмана). Румбольдъ былъ во время предупрежденъ и скрылся въ Голландію, но въ 1685 году онъ вновь принимаетъ участіе въ возстаніи Арджиля и шотландскихъ горцевъ противъ царствовавшаго уже въ то время Іакова II—„противъ папства, прелатовъ и государственной церкви". Послѣ неудачнаго исхода этого возстанія, Румбольдъ, тяжело раненый, былъ взятъ въ плѣнъ. Опасаясь, чтобы онъ не умеръ естественной смертью, его поспѣшно судили и на другой же день (27 іюня 1685 г.) приговоръ съ неумолимой жестокостью приведенъ былъ въ исполненіе. Румбольдъ до конца обнаруживалъ

Движеніе этимъ, однако, ни въ коемъ случаѣ не было подавлено. Наоборотъ, исходъ этого дѣла доказалъ левеллерамъ, что нуженъ энергичный образъ дѣйствій. Одна изъ газетъ того времени, тогда еще вполнѣ роялистская,—«Mercurius Pragmaticus»—[1]) злорадно писала въ номерѣ отъ 13-го—20-го марта 1649 г.: «послѣ того, какъ его адресы были отвергнуты, и народный договоръ былъ нарушенъ.... храбрый левеллеръ (Лильбурнъ) сошелся со своимъ союзникомъ Гарри Мартиномъ [2]) и разослалъ множество такихъ угрюмыхъ святыхъ, какъ и онъ, въ различныя графства, напримѣръ въ Беркширъ, Гампширъ, Гертфордширъ и др., гдѣ они публично на площадяхъ не только читали адресы Джона, но и расклеивали ихъ повсюду и призывали народъ стоять за эти адресы, требующіе для него свободы. Они призывали народъ оказывать сопротивленіе власти и не платить акциза и другихъ безполезныхъ и неразумныхъ налоговъ, установленныхъ незаконными, своевольными и несправедливыми правителями».

21-го марта появился новый памфлетъ левеллеровъ, изображающій несправедливый судъ надъ пятью солдатами и повторяющій обвиненія послѣднихъ противъ грандовъ. Онъ носитъ характерное заглавіе; «Охота на лисицъ отъ Ньюмаркета и Триплю-Гита до Вестминстера, произведенная пятью маленькими, принадлежавшими раньше къ арміи охотничьими собаками». «Лисицы»—это Кромвель, Айртонъ и другіе гранды; подъ охотой подразумѣвается раскрытіе всѣхъ ихъ ухищреній и уловокъ, начиная съ Іюня 1647 г., когда они въ названныхъ мѣстахъ убѣдили войска дѣйствовать *сообща* противъ парламента, до той поры, пока они сами не засѣли въ Вестминстерѣ. Еще болѣе рѣзкій обвинительный актъ противъ Кромвеля и его штаба былъ прочитанъ Лильбурномъ въ воскресенье

непоколебимую твердость и вѣрность своимъ убѣжденіямъ. Во время суда онъ произнесъ свои знаменитыя, впослѣдствіи много разъ цитированныя слова: „я не думаю, чтобы большую часть человѣчества Богъ создалъ съ сѣдлами на спинѣ и съ уздой во рту, а незначительную часть людей снабдилъ сапогами и шпорами, чтобы ѣздить верхомъ на другихъ".

[1]) Позднѣе даровитый редакторъ этой газеты былъ подкупленъ Кромвелемъ и предоставилъ свое чрезвычайно острое перо въ распоряженіе послѣдняго.

[2]) Мартинъ, онъ же Мартенъ, врядъ ли принималъ участіе въ этой агитаціи, хотя, какъ уже сообщалось выше, онъ сотрудничалъ въ составленіи „Agreement'а" левеллеровъ, и его имя часто называется въ числѣ послѣднихъ. Мартинъ, въ противоположность левеллерамъ, стоялъ за продленіе полномочій „очищеннаго" парламента, говоря, что нельзя сразу отнимать у молодого Моисея, то-есть у республики, его естественной матери-кормилицы. Кромѣ того, онъ самъ былъ въ числѣ членовъ государственнаго совѣта.

25-го марта передъ громадной толпой, собравшейся около его дома. Этотъ памфлетъ подписанъ Лильбурномъ, Овертономъ, Пренсомъ и Вальвиномъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ требуетъ созыва новаго парламента. Заглавіе его гласитъ: «Вторая часть раскрытія новыхъ цѣпей Англіи» [1]). Повидимому, памфлетъ производилъ громадное впечатлѣніе, потому что вслѣдъ за его опубликованіемъ Лильбурнъ и его три товарища были тотчасъ же арестованы. Вмѣстѣ съ тѣмъ было распубликовано правительственное сообщеніе, которое объявляло врагомъ республики, съ которымъ будетъ поступлено по всей строгости закона, всякаго, кто станетъ распространять этотъ памфлетъ призывающій къ мятежу и стремящійся воспрепятствовать посылкѣ вспомогательныхъ отрядовъ въ Ирландію. Массовая петиція въ пользу заключенныхъ, покрытая 80000 подписями, была оставлена парламентомъ безъ послѣдствій; депутація гражданъ, ходатайствовавшая объ ихъ освобожденіи, вызвала рѣзкое замѣчаніе со стороны спикера по поводу ихъ «преступныхъ и мятежныхъ предложеній». Такое же отношеніе встрѣтили и многочисленныя депутаціи женщинъ, которымъ въ концѣ концовъ было заявлено, что дѣло это слишкомъ важное и недоступно ихъ пониманію и что гораздо лучше будетъ, если онѣ смирно отправятся домой и займутся своимъ хозяйствомъ, будутъ «мыть горшки».

Положеніе дѣлъ было, дѣйствительно, очень серьезное. Пресвитеріане и приверженцы государственной церкви и «кавалеровъ» распространяли ловко составленные памфлеты, описывавшіе «мученическую кончину» Карла I, приводившіе выдержки изъ его подложныхъ дневниковъ и т. п. Такимъ путемъ имъ удалось возстановить много добрыхъ душъ противъ «кровожадныхъ тигровъ республики». Въ Ирландіи и Шотландіи сынъ Карла былъ провозглашенъ королемъ и приверженцы его стали собирать войско, чтобы вернуть ему прежнія владѣнія. На континентѣ самъ Карлъ Стюартъ и бѣжавшіе или изгнанные кавалеры всячески интриговали при всѣхъ дворахъ противъ молодой республики. При такомъ положеніи вещей, агитація, стремившаяся уничтожить армію, эту единственную опору и источникъ власти представителей республики, не могла казаться послѣднимъ ничѣмъ инымъ, какъ угрозой существованію самой республики; поэтому для подавленія подобной агитаціи считалось возможнымъ прибѣгнуть, въ случаѣ нужды, даже къ грубому насилію. Чтобы уяснить все это Лильбурну, войсковой проповѣдникъ и тогда еще ярый кромвеліанецъ, Гуго Петерсъ, посѣтилъ заключеннаго въ Тоуэрѣ, гдѣ и имѣлъ съ нимъ

[1]) Замѣчаніе Лильбурна на стр. 140 о подозрительной игрѣ, которую вели Кромвель и „гранды“ осенью 1647 г. съ Карломъ I, взято именно изъ этого памфлета.

продолжительную бесѣду. Когда Лильбурнъ въ разговорѣ съ нимъ сослался на законъ, Петерсъ отвѣтилъ ему, что нѣтъ закона, кромѣ меча. Повидимому, Петерсъ съ вѣдома Кромвеля дѣлалъ эту послѣднюю попытку склонить Лильбурна на свою сторону. Но недовѣріе Лильбурна было слишкомъ велико, чтобы пойти на удочку. И такъ, дѣло рѣшалось словами Кромвеля, который въ день ареста четырехъ левеллеровъ, крикнулъ предсѣдателю государственнаго совѣта Брадегау, зятю Мильтона: «я говорю вамъ сударь, нѣтъ иного способа справиться съ этими людьми, какъ раздавить ихъ» («to break them in pieces»). Впрочемъ, сказать это было легче, чѣмъ сдѣлать.

Недовольство въ арміи и въ народѣ все возрастало. Какъ уже ранѣе было замѣчено, въ странѣ господствовала большая дороговизна, торговля и производство были въ полномъ застоѣ, налоги все возрастали. И въ то время, какъ грандамъ арміи и членамъ государственнаго совѣта парламентъ назначалъ громадные оклады, жалованье солдатъ выплачивалось весьма неаккуратно. Чтобы избѣжать полнаго истощенія государственнаго казначейства, рѣшено было прибѣгнуть къ тому самому средству, которое позднѣе, во время французской революціи, получило такое неимовѣрное распространеніе: къ выпуску бумажпыхъ ассигнацій. А при томъ ограниченномъ кредитѣ, которымъ пользовалось новое правительство, цѣна ассигнацій очень скоро упала до трети ихъ номинальной стоимости и даже еще ниже. Словомъ, недовольство имѣло не только свои идеологическія основанія,—если обозначать этимъ словомъ религіозныя и политическія формы проявленія классовыхъ противорѣчій, но обусловливалость также и чисто матеріальными, постоянно обострявшимися причинами.

Развѣ можно было при помощи недовольной арміи «раздавить» недовольныхъ въ арміи?

Былъ сдѣланъ заемъ для веденія войны противъ мятежной Ирландіи и выдѣлена часть войскъ подъ начальствомъ Кромвеля, которая должна была водворить тамъ порядокъ. Но подобно тому, какъ нѣкогда парламентъ отказался помогать королю въ его борьбѣ съ иноземнымъ врагомъ прежде, чѣмъ не будутъ сведены домашніе счеты, точно такъ же поступили теперь солдаты радикальныхъ полковъ, отказавшись идти въ Ирландію, пока парламентъ не удовлетворитъ законныхъ требованій. Чтобы сломить ихъ сопротивленіе, ихъ стали расквартировывать по различнымъ мѣстностямъ. Эта мѣра, однако, привела къ открытому бунту.

Явившись вечеромъ 25-го апрѣля въ Лондонъ, большая толпа драгунъ изъ полка Валли отправилась къ гостиницѣ „Быкъ“ въ Бишопсчетѣ, въ которой жилъ знаменщикъ и принудила его выдать имъ знамя. Драгуны заявили, что они на другой же день покинутъ Лондонъ, но лишь въ

томъ случаѣ, если будутъ удовлетворены ихъ требованія. Это былъ уже открытый бунтъ, который, въ случаѣ распространенія, могъ привести къ наихудшимъ послѣдствіямъ. Кромвель постарался предупредить событія. Лишь только онъ на другое утро узналъ отъ офицера полка о случившемся, онъ вмѣстѣ съ Ферфаксомъ, другими офицерами и небольшой группой надежныхъ солдатъ тотчасъ же отправился къ драгунамъ, и, помощью уговоровъ и угрозъ, заставилъ мятежниковъ повиноваться. Пятнадцать человѣкъ, оставшіеся твердыми до конца, были арестованы въ качествѣ зачинщиковъ и преданы военному суду; остальные были отправлены на указанную имъ квартиру. Изъ пятерыхъ, приговоренныхъ на другой день къ смертной казни, четверо были помилованы, а пятый, *Робертъ Локайэръ*, на котораго палъ жребій, 27-го апрѣля былъ разстрѣлянъ. То былъ «храбрый и благочестивый» солдатъ, который, несмотря на свои 23 года, уже 7 лѣтъ, т. е. съ самаго начала войны съ королемъ, служилъ въ арміи и пользовался всеобщей любовью своихъ товарищей. Идя на смерть, онъ призывалъ друзей оставаться вѣрными дѣлу свободы и народнаго блага. «Пусть смерть моя не лишаетъ васъ бодрости, а, наоборотъ, придастъ вамъ увѣренность въ борьбѣ, ибо никогда еще человѣкъ не умиралъ такъ спокойно, какъ я», говоритъ онъ передъ смертью. Похороны его, состоявшіеся 29-го апрѣля, дали поводъ къ грандіозной демонстраціи радикальной части населенія, которую эта смерть ничуть не отрезвила. Тысячи ремесленниковъ и рабочихъ, съ женами и дочерьми, провожали покрытый вѣнками розмарина (одинъ цвѣтокъ былъ вымоченъ въ крови) гробъ, въ которомъ покоились останки «мученика арміи». Въ видѣ эмблемы своихъ убѣжденій, они носили ленты чернаго и зеленаго цвѣта. По выходѣ изъ Сити, къ процессіи присоединилась громадная толпа сочувствующихъ, которые не рѣшались обнаружить свое настроеніе въ городскихъ стѣнахъ. «Многіе», пишетъ одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта, Уайтлокъ [1]), «смотрѣли на эту похоронную процессію, какъ на оскорбленіе арміи и парламента, другіе называли этихъ людей левеллерами, но они не обращали на все это никакого вниманія».

Лильбурнъ и Овертонъ, услыхавъ въ Тоуэрѣ обо всемъ, что творилось въ Лондонѣ, тоже не могли не реагировать на случившееся. Какъ только они узнали о приговорѣ надъ пятью солдатами, они въ тотъ же день написали генералу Ферфаксу письмо, «въ которомъ доказывали, стоя на строго юридической почвѣ, что если въ мирное время какой-нибудь генералъ или военный совѣтъ предастъ солдатъ военно—полевому суду, то

[1]) Memoirs, стр. 385.

это не что иное, какъ государственное преступленіе и простое убійство». Это письмо, написанное „въ нашемъ безпричинномъ, незаконномъ и тираническомъ заточеніи въ Тоуэрѣ“, появилось одновременно и въ печати. Аргументація его неотразима. Параграфъ 4 „Petition of Rights“, исторгнутой у Карла I въ 1628 г., опредѣленно говоритъ, что военно-полевой судъ надъ солдатами отмѣняется. Кромѣ того, подписанный солдатами и офицерами договоръ въ іюнѣ 1647 г. (на Нюмаркетъ-Гитѣ) призналъ армію независимой организаціей свободныхъ англійскихъ гражданъ. Въ смѣлыхъ и образныхъ выраженіяхъ подписавшіеся обѣщаютъ пожертвовать жизнью во имя свободы и правъ націи; поэтому они обязаны поднять свой голосъ противъ кроваваго приговора надъ Локайэромъ и его товарищами. О дѣйствіи письма говоритъ описанная выше демонстрація и дальнѣйшія событія.

Десять дней спустя послѣ похоронъ Локайэра, 9-го мая 1649 года, Кромвель производилъ смотръ въ Гайдъ-Паркѣ. Неимовѣрно большое количество солдатъ упорно одѣвали на шляпы зеленыя ленты. Кромвель понималъ, конечно, смыслъ этого явленія и, обращаясь къ совѣсти солдатъ, убѣждалъ ихъ не ставить на карту существованіе республики. Онъ говорилъ имъ, что будетъ сдѣлано все, чего они желаютъ, жалованье будетъ выплачиваться имъ аккуратнѣе, и что парламентъ принялъ уже резолюцію о своемъ распущеніи и о созывѣ новаго парламента. Но дисциплина въ арміи необходима, безъ военнаго суда въ настоящее время невозможно обойтись, и кто этимъ недоволенъ, сдѣлалъ бы лучше, если бы ушелъ въ отставку. Тѣ же, кто вмѣстѣ съ нимъ и остальными товарищами желаетъ продолжать борьбу съ врагами Англіи, пусть снимутъ зеленыя ленты со своихъ шляпъ. Подъ впечатлѣніемъ этой рѣчи солдаты уступили, но настроеніе осталось неудовлетвореннымъ. Во всякомъ случаѣ, и то уже было хорошо, что удалось внести нерѣшительность въ ряды расквартированныхъ въ столицѣ войскъ, ибо броженіе началось уже и въ размѣщенныхъ въ провинціи войсковыхъ частяхъ. Изъ *Банбери* въ графствѣ Оксфордширѣ получилось извѣстіе, что капитанъ Томпсонъ съ 200 конницы полковника Валли (повидимому, часть высланныхъ 25-го апрѣля изъ Лондона драгунъ) поднялъ знамя возстанія. Уже при Варѣ Томпсонъ выказалъ себя ревностнымъ «левеллеромъ». Теперь онъ выпустилъ манифестъ подъ заглавіемъ «знамя Англіи», въ которомъ энергично поддерживалъ „Agreement“, пересмотрѣнный и опубликованный 1-го мая Лильбурномъ и его товарищами, онъ требовалъ удовлетворенія за смерть Арнольда и Локайэра и угрожалъ, въ случаѣ если Лильбурну и его сотоварищамъ по заключенію будетъ нанесенъ малѣйшій ущербъ, отомстить за это сторицею. Томпсонъ былъ горячей головой, но, какъ мы увидимъ ниже, далеко не пустымъ хвасту-

номъ. Однако, угроза его сама по себѣ повела къ тому, что Лильбурнъ, Овертонъ и др., пользовавшіеся до того въ Тоуэрѣ извѣстными льготами, были теперь подвергнуты строгому одиночному режиму.

10-го мая въ Лондонѣ получились еще болѣе плохія вѣсти. Въ *Сольсбери* (Уайльтширъ) почти весь полкъ полковника Скрупа высказался за «договоръ» левеллеровъ и выбралъ своимъ командиромъ знаменщика Томпсона, брата вышеупомянутаго капитана Томпсона. Мятежъ распространился на большую часть полковъ, расположенныхъ въ окрестности Сольсбери, а также на полки *Айртона, Гаррисона* и *Скиппона.* Всѣ эти части войскъ предполагали соединиться для совмѣстныхъ дѣйствій, съ намѣреніемъ не отправляться въ Ирландію до той поры, пока на родинѣ не будутъ осуществлены обѣщанныя реформы. Бунтовали почти всѣ старые опытные солдаты. Конница Скрупа, напримѣръ, составлена была изъ солдатъ перваго еще набора. Въ написанномъ съ большимъ достоинствомъ манифестѣ, эти люди заявляли, что они продали свои крестьянскія усадьбы и забросили свои дѣла, чтобы бороться противъ тираніи королей и епископовъ, но ни въ коемъ случаѣ не желаютъ, чтобы на мѣсто старой, возникла новая тиранія [1]). Съ ними шутить было опасно. Кромвель и Ферфаксъ спѣшно собрали остатки надежныхъ войскъ, всего 4000 человѣкъ, и ускореннымъ маршемъ направились къ Сольсбери. По прибытіи въ Андоверъ (Гампширъ), они 12-го мая узнали, что мятежники изъ Ольдъ-Сарума соединились съ 4-мя отрядами изъ полка Айртона и направились къ сѣверу, безъ сомнѣнія, для того, чтобы вторгнуться въ Букингамширъ, гдѣ расположены были солидарныя съ ними войска (полкъ Гаррисона), и гдѣ предполагалось встрѣтиться съ капитаномъ Томпсономъ. Тогда Ферфаксъ и Кромвель направились къ сѣверу, чтобы отрѣзать имъ путь. Въ Вантаджѣ (Беркширъ) левеллеры нашли эмиссаровъ Кромвеля, которые вступили съ ними въ переговоры, ни къ чему, однако, не приведшіе. Далѣе, мятежники отправились къ сѣверо-западу на Абингдонъ, гдѣ къ нимъ присоединились два отряда изъ полка Гаррисона; остальнымъ войскамъ путь уже былъ прегражденъ Кромвелемъ и Ферфаксомъ. Мятежниковъ собралось 1200 человѣкъ. Послѣдовавшіе за ними агенты Кромвеля возобновили съ ними переговоры, но опять безуспѣшно. Главная миссія этихъ агентовъ состояла, повидимому, въ томъ, чтобы доставлять Кромвелю точныя свѣдѣнія обо всѣхъ передвиженіяхъ левеллеровъ. Эти послѣдніе направились, между тѣмъ, къ западу, чтобы соединиться съ расположенными тамъ войсками. Но когда они достигли Ньюбриджа на Темзѣ въ Оксфорд-

[1]) „The unanimous Declaration of colonel Scroope's and Com.—General Jreland Regiments", Old Sarum, май 1649 г.

ширѣ, мостъ черезъ Темзу оказался занятымъ полкомъ кавалеріи подъ начальствомъ полковника Рейнольдса. Не желая безъ особой нужды вызывать кровопролитіе, или не чувствуя себя еще достаточно сильными, чтобы перейти въ наступленіе, мятежники отказались отъ мысли проложить себѣ путь силой, и отыскали мелкое мѣсто, гдѣ они частью вплавь и частью въ бродъ переправились на другой берегъ. Не останавливаясь, они прошли Бамптонъ и къ вечеру прибыли въ Берфордъ, расположенный вблизи границы Глочестершира. Туда же прибылъ съ остаткомъ вѣрныхъ солдатъ капитанъ Томпсонъ, послѣ того, какъ небольшой отрядъ его былъ разбитъ на голову въ стычкѣ съ полковникомъ Валли. Усталые и промокшіе, къ тому же убаюканные обѣщаніями кромвелевскаго эмиссара, майора Уайта, который призналъ требованія левеллеровъ вполнѣ разумными и увѣрилъ ихъ, что они встрѣчаютъ сочувствіе и у Кромвеля, левеллеры рѣшили отдохнуть и пустили своихъ лошадей пастись на лугу. То были бравые, но въ своемъ идеализмѣ совершенно непрактичные люди, и Карлейль былъ правъ, когда писалъ по поводу ихъ форсированнаго марша: «Что пользы? Нѣтъ у нихъ вождя! Неугомонный Джонъ (такъ Карлейль называетъ Лильбурна) сидитъ за каменными стѣнами!» Но Кромвель *былъ вождемъ*. Въ этотъ день онъ съ Ферфаксомъ сдѣлалъ 50 англійскихъ миль (80 километровъ), причемъ наканунѣ они проѣхали приблизительно столько же и все-таки и не думали отдыхать ночью. Сдѣлавъ небольшой привалъ около Берфорда, они, подъ предводительствомъ будто бы привлеченнаго ими на свою сторону квартирмейстера Мора, который завѣдывалъ у левеллеровъ караулами, въ полночь напали на Берфордъ. Разбуженные левеллеры защищались, какъ могли, но безъ руководства и опредѣленнаго плана они не могли справиться съ превосходившимъ ихъ силами врагомъ (у Кромвеля было 2000 человѣкъ). 400 человѣкъ сдались, послѣ того какъ имъ обѣщали помилованіе и удовлетвореніе ихъ требованій, остальные бѣжали, оставивъ коней и оружіе. Лишь два эскадрона собрались подъ начальствомъ Томпсона, которые и отступили по направленію къ Нортгамптонширу [1]).

На слѣдующій день плѣнники предстали передъ военнымъ судомъ.

[1]) Имъ хотя и удалось завладѣть городомъ Нортгамптономъ и получить тамъ новое оружіе и одну пушку, но ихъ было слишкомъ мало, чтобы сопротивляться цѣлымъ полкамъ. При первой же стычкѣ мятежники сдались на милость побѣдителей, и нѣсколько дней спустя капитанъ Томпсонъ палъ въ безпримѣрномъ единоборствѣ съ болѣе чѣмъ ста преслѣдователями. Онъ ни за что не хотѣлъ сдаться живымъ и, истекая кровью отъ множества ранъ, продолжалъ бороться, какъ левъ. Лишь седьмая попавшая въ него пуля уложила его на мѣстѣ.

Четверо изъ нихъ, между ними знаменщикъ Томпсонъ, присуждены были къ смертной казни. Молодой Томпсонъ и два унтеръ-офицера умерли мужественной смертью; объ одномъ изъ послѣднихъ говорится: «Онъ не выказалъ ни малѣйшаго раскаянія въ своемъ поведеніи, ни малѣйшаго страха передъ смертью. Снявъ жилетъ, онъ всталъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стѣны и пригласилъ солдатъ исполнить ихъ обязанность; онъ смотрѣлъ имъ прямо въ лицо, пока они не выстрѣлили, и не выказалъ ни малѣйшаго признака страха или ужаса». Даже враждебно настроенный по отношенію къ нимъ Карлейль не могъ удержаться отъ замѣчанія: «Такъ умираютъ капралы левеллеровъ, по своему отстаивающіе свободу Англіи, непоколебимые до конца. Они заблуждались, эти капралы. Но исторія, которая почти два столѣтія не переставала оплакивать заблуждавшагося Карла Стюарта и пролила по этому поводу цѣлые бурные потоки безпомощныхъ слезъ, не откажетъ въ своемъ сочувствіи и этимъ бѣднымъ капраламъ».

Четвертый осужденный, знаменщикъ Динъ или Дэнъ, раскаялся и былъ помилованъ. Левеллеры считали его предателемъ, а судъ надъ нимъ простой комедіей; и дѣйствительно, какъ показали его позднѣйшіе доносы относительно злодѣйскихъ замысловъ левеллеровъ, это былъ нестоющій человѣкъ. Послѣ казни Кромвель собралъ плѣнныхъ левеллеровъ въ церковь, гдѣ и произнесъ передъ ними одну изъ своихъ проповѣдей, полурелигіознаго и полуполитическаго характера, надъ которыми очень много смѣялись, но которыя рѣдко не достигали цѣли. И въ данномъ случаѣ онъ добился того, что левеллеры обѣщали отказаться отъ мысли осуществить свои идеи путемъ мятежа. Спустя короткое время они были размѣщены по своимъ полкамъ и лѣтомъ отправлены вмѣстѣ съ другими въ Ирландію. Тамъ они частью погибли въ борьбѣ противъ ирландскихъ «папистовъ», частью поселились на оставленныхъ послѣдними земляхъ. Въ день казни, послѣ обѣда, Кромвель и его сподвижники отправились въ Оксфордъ, гдѣ университетъ устроилъ въ честь ихъ праздникъ и поднесъ имъ званіе почетныхъ членовъ. Парламентъ выразилъ имъ благодарность отечества, и крупная буржуазія Сити, которая такъ часто проклинала Кромвеля и не раскрывала своего денежнаго мѣшка для удовлетворенія нуждъ арміи, 7-го іюня 1649 г., собравшись въ клубѣ мелочныхъ лавочниковъ, отпраздновала побѣду надъ левеллерами шикарнымъ банкетомъ въ честь Кромвеля и Ферфакса, нынѣ спасителей священной собственности. Чтобы доказать свою щедрость, они одарили Кромвеля и Ферфакса золотыми блюдами и тарелками и отпустили 400 фунтовъ стерлинговъ для раздачи среди бѣднаго населенія Лондона.

Вѣроятно, почтенные лавочники пережили немало страху прежде, чѣмъ

почувствовали себя внѣ опасности. Циркулировали самые невѣроятные слухи относительно злодѣйскихъ замысловъ левеллеровъ, и многіе доносы носятъ вполнѣ современный отпечатокъ.

Напримѣръ, за нѣсколько дней до описаннаго выше банкета появилась книга подъ заглавіемъ: «Люди, открывшіе Англію, или принципы левеллеровъ». Въ ней описываются большіе безпримѣрные заговоры ихъ противъ (обратите вниманіе!) 12-ти знаменитыхъ корпорацій лондонскаго Сити (слѣдуетъ перечень ихъ) и противъ другихъ гильдій, цеховъ и т. п. Опубликовано *съ особаго разрѣшенія*—т. е. правительства,—чтобы открыть глаза народу на вещи, подобныхъ которымъ не бывало въ исторіи всѣхъ временъ». По заглавію можно въ достаточной степени судить о содержаніи. Левеллеры изображаются въ этомъ произведеніи прежде всего атеистами худшаго пошиба. «Относительно тѣхъ, которые называютъ себя левеллерами, можно установить слѣдующее: 1) Они утверждаютъ, что разумъ—Богъ, который создалъ вселенную. 2) Они дерзко отрицаютъ безсмертіе души и высмѣиваютъ тѣхъ, кто полагаетъ, что душа безсмертна. .. 4) Все то, что мы называемъ библейской исторіей, они считаютъ вымысломъ («idol»), поэтому они говорятъ, что оффиціальные священники обманули весь міръ разсказомъ о томъ, будто одинъ человѣкъ по имени Адамъ обрекъ насъ смерти, благодаря тому, что съѣлъ одно яблоко». Ихъ коммунизмъ тоже наихудшаго свойства: «Они хотятъ, чтобы никто ничего не называлъ своимъ, говорятъ, что это тиранія, если человѣкъ владѣетъ землей; частная собственность, по ихъ мнѣнію, дьявольское учрежденіе, тайна египетскаго рабства, гибель мірозданія, возбужденіе фальшивой, жадной плоти, возобновленіе проклятія, смертельный врагъ духа и причина всѣхъ бѣдствій на землѣ». Практическая дѣятельность левеллеровъ еще болѣе ужасна, чѣмъ ихъ теоріи: «Они разсылаютъ своихъ эмиссаровъ прежде всего со слѣдующей цѣлью: чтобы возмутить батрака (рабочаго) противъ господина (мастера), арендатора противъ землевладѣльца, покупателя противъ продавца, должника противъ заимодавца, бѣднаго противъ богатаго, и при этомъ, для большей смѣлости, каждый нищій долженъ быть снабженъ лошадью...» И не нужно обманываться насчетъ ихъ оффиціальныхъ заявленій: «Но они увѣряютъ, будто они противъ такого уравненія до тѣхъ поръ, пока весь народъ не выскажется единодушно за ихъ предложенія [1]). Это, однако, такая тонкая пелена, которая позволяетъ разглядѣть ихъ тайныя намѣренія». Рабочіе и бѣдные составляютъ большинство и легко поддаются подобнымъ обѣщаніямъ.

---

[1]) Смотри объ этомъ ниже.

И тогда уже въ совершенствѣ владѣли искусствомъ смѣшивать истину съ неправдой, теоретическія построенія съ практическими требованіями, дѣйствія партіи съ дѣятельностью отдѣльныхъ ея членовъ и отдѣльныхъ группъ, чтобы такимъ образомъ дискредитировать вся и все и оправдать свои насилія. Не было недостатка, конечно, и въ благожелательныхъ посредникахъ. Такъ, напримѣръ, на другой день послѣ берфордскаго разстрѣла въ Лондонѣ появляется воззваніе: «Серьезный совѣтъ доброму народу нашей страны, по поводу такъ называемыхъ левеллеровъ». Авторъ этой вещицы, назвавшій себя Филолаемъ, согласенъ съ большей частью выставленныхъ противъ левеллеровъ обвиненій, но предостерегаетъ отъ крайностей. «Я того убѣжденія», говоритъ онъ въ концѣ, «что тотъ новый фантастически-утопическій общественный строй, который они пытаются осуществить, окажется болѣе отвратительнымъ и болѣе глубокимъ источникомъ всяческихъ золъ, чѣмъ всѣ существовавшія до сихъ поръ, даже самыя неустроенныя, человѣческія общества». Даже Платонъ, этотъ великій мыслитель, заслужилъ своимъ проектомъ фантастическаго государства—подумайте!—лишь недоброжелательные отзывы! [1])

Левеллеры, въ свою очередь, тоже не молчали. Вскорѣ послѣ своего ареста Лильбурнъ съ товарищами выпустилъ «Манифестъ съ цѣлью защитить себя отъ многочисленныхъ обвиненій и клеветы, распространяемой о нихъ для того, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ всеобщаго отвращенія»; въ этомъ манифестѣ они опредѣленно заявляли, что считаютъ «уравненіе въ имуществѣ и въ правахъ въ высшей степени вреднымъ» до тѣхъ поръ, пока за него не выскажется единогласно весь народъ. Парламентъ, заявляли они,—это лишь условное представительство народа и не можетъ принимать рѣшительныхъ мѣръ въ области частныхъ отношеній; даже коммунизмъ первыхъ христіанъ былъ вполнѣ добровольнымъ [2]). Въ маѣ появ-

---

[1]) Чрезвычайно интересной попыткой примиренія является памфлетъ „An Apology etc.“ подполковника Джона Джебса, который энергично высказывается, между прочимъ, за реформы въ пользу бѣднѣйшихъ классовъ и даетъ соотвѣтствующую программу реформъ. Далѣе изъ массы сочиненій въ защиту партіи левеллеровъ, написанныхъ военными, слѣдуетъ упомянуть о памфлетѣ капитана *Вильяма Брэя* и его квартирмейстера *Джона Наймгра*. Кромвель напечаталъ опроверженіе на обвиненія, выставленныя вождями левеллеровъ противъ управленія арміи; оно носило заглавіе „A Declaration of Lieut.—General Cromwell concerning the Levellers“. Кромѣ того, подъ заглавіемъ „A full narrative of all the Proceedings between his Excellency the Lord Fairfax and the Mutineers“ былъ опубликованъ оффиціальный отчетъ управленія арміи о своихъ переговорахъ съ мятежниками.

[2]) Къ этому заявленію относится, безъ сомнѣнія, и соотвѣтствующее мѣсто въ упомянутомъ выше доносѣ.

ляется «благодарственное и поздравительное посланіе къ заслужившимъ вѣчную славу заключеннымъ: Лильбурну, Овертону и др.», подписанное «многими благонамѣренными учениками» Криплгетскаго округа, выступающими въ защиту чистоты намѣреній левеллеровъ. Въ іюнѣ новый памфлетъ левеллеровъ говоритъ: «Развѣ левеллеры хотятъ отнять у кого-нибудь землю? Поистинѣ, если бы можно было доказать, что въ жилищѣ кого-нибудь изъ левеллеровъ имѣются вещи, которыя принадлежатъ народу—«to the commonwealth»,—а не имъ, тогда пусть будетъ такъ». Въ то время, какъ левеллеры лишь слыли приверженцами «дѣлежа», ихъ противники занимались этимъ фактически. Парламентъ отечески раздѣлилъ конфискованныя земли между своими заслуженными приверженцами, а толстосумы Сити старались по мѣрѣ силъ использовать республику. Исторія удивительно часто повторяется.

Тѣмъ не менѣе, цитированные выше, равно какъ и опубликованные послѣ нихъ памфлеты левеллеровъ не могли уже вернуть имъ потерянной позиціи. Правда, среди лондонскаго населенія и въ арміи они имѣли не мало приверженцевъ, но вліяніе Кромвеля на послѣднюю было слишкомъ велико, а политика страны все больше и больше зависѣла отъ арміи. Въ народныхъ массахъ не обнаружилось сколько-нибудь значительнаго движенія противъ управленія арміи, и вѣра въ успѣшность подобнаго движенія исчезла. Къ тому же Кромвель обладалъ искусствомъ при помощи обѣщаній и увѣреній привлекать на свою сторону многихъ, которые по своимъ стремленіямъ и взглядамъ примыкали къ левеллерамъ болѣе, чѣмъ ко всякой иной партіи; онъ умѣлъ быстро подавлять всякое оппозиціонное угрожавшее малѣйшей опасностью движеніе, какъ въ войскѣ, такъ и въ офицерскихъ рядахъ. Много личныхъ друзей онъ пріобрѣлъ, благодаря своей энергичной и умной внѣшней политикѣ. Зато къ числу его непримиримыхъ враговъ принадлежали теперь почти всѣ левеллеры, для которыхъ онъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ мошенникомъ, предателемъ и карьеристомъ, тираномъ, который болѣе, чѣмъ всякій другой, преграждалъ путь къ свободѣ. Поэтому, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ возстаній, наиболѣе крайніе элементы левеллеровъ перешли къ терростическимъ предпріятіямъ противъ личности Кромвеля, которыя тоже потерпѣли крушеніе; единственно, чего они достигли, такъ это того, что они отравляли Кромвелю жизнь и мѣшали ему наслаждаться достигнутымъ высокимъ положеніемъ диктатора

---

[1]) Заглавіе этого произведенія составлено въ риѳмахъ и въ переводѣ гласитъ приблизительно такъ: „Зеленые или голубые,—кому можно больше вѣрить? Или—разумъ говоритъ противъ предательства. Обсужденіе недавняго несчастнаго конфликта въ арміи, будто бы улаженнаго теперь“ („Seagreen or blue, see which speaks true“ etc.).

или лорда протектора [1]). Тѣ, которыхъ пугали подобные эксцессы, но которые оставались вѣрны намѣченной цѣли, скоро нашли возможнымъ примкнуть къ новому, болѣе соотвѣтствовавшему измѣнившимся условіямъ движенію.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ изложенію дальнѣйшихъ событій, мы должны коснуться еще личной судьбы Лильбурна за періодъ времени отъ 1649 г. до его смерти въ 1657 г. Эти годы прошли довольно оживленно. Въ концѣ іюля 1649 г., когда Лильбурнъ еще сидѣлъ въ Тоуэрѣ, умеръ его старшій сынъ, и парламентъ, оставившій безъ вниманія его ходатайство о томъ, чтобы ему позволили проститься съ умирающимъ сыномъ, освободилъ его подъ залогъ послѣ смерти послѣдняго. Но уже спустя четыре недѣли за новый политическій памфлетъ его снова подвергаютъ обыску, а въ сентябрѣ опять заключаютъ въ тюрьму. Почти совершенно разоренный матеріально, убѣдившись на собственномъ опытѣ въ полной невозможности бороться успѣшно противъ вліянія Кромвеля, онъ уступилъ, наконецъ, настояніямъ своего брата, полковника Роберта Лильбурна, и 22-го октября, находясь еще въ тюрьмѣ, опубликовалъ открытое письмо своимъ преслѣдователямъ, въ которомъ онъ выражаетъ согласіе уѣхать въ въ Вестъ-Индію, если только его оставятъ въ покоѣ и всѣмъ, кто примкнетъ къ нему, уплатятъ сполна жалованье и разрѣшатъ сопровождать его. Просьба его осталась безъ отвѣта; вмѣсто этого, его 24-го октября вызвали въ Гильдгаллъ въ особую судебную палату по обвиненію въ государственномъ преступленіи, которое выразилось въ томъ, что онъ опубликовалъ упомянутый выше памфлетъ подъ заглавіемъ: «Обвиненіе противъ Кромвеля въ государственномъ преступленіи» etc. Его указаніе на то, что составъ суда противорѣчитъ основнымъ законамъ страны, осталось безрезультатнымъ. Его утвержденіе, что присяжные по закону обязаны судить не только о составѣ *преступленія*, но и о *примѣненіи закона*, въ то время, какъ судьи являются лишь «норманнскими пришельцами» и, если желаютъ присяжные, не играютъ никакой роли въ поста-

[1]) Первыми подстрекателями къ такимъ покушеніямъ были, конечно, поборники порядка, престола и церкви. „Почему вы, храбрые левеллеры, не убиваете этихъ мошенниковъ?“ говорится въ „Mercurius Pragmaticus“ за 20—27 марта 1649 г. „Вы непоколебимые безстрашные *мятежники*, стыдно вамъ, точно рыбнымъ торговкамъ („like Bellingsgate wenches“), заниматься пустыми разговорами. Говорю вамъ, ваши вопли о справедливости не стоятъ и ломанаго гроша, если они не подкрѣплены *кровью* тѣхъ, кто отвергаетъ ваши требованія. Посему, не унывайте, храбрые левеллеры, возстаньте, будьте рѣшительны и осуществляйте свои справедливыя требованія, хотя бы они стоили жизни измѣннику и предателю Ферфаксу“.

новленіи приговора, одинъ изъ взбѣшенныхъ судей называлъ «недостойной кощунственной ересью». Но присяжные не были согласны съ этимъ мнѣніемъ и послѣ трехдневнаго разбирательства оправдали Лильбурна, къ великому ужасу судей и къ огорченію большинства членовъ государственнаго совѣта. Судьи были такъ поражены вынесеннымъ присяжными приговоромъ, что не вѣрили своимъ ушамъ и повторили вопросъ. Зато наполнившая залу засѣданія публика встрѣтила оправдательный вердиктъ бурнымъ восторгомъ, котораго, по свидѣтельству современниковъ, Гильдгаллъ еще не видалъ. Въ то время, какъ судьи не могли притти въ себя, и то блѣднѣли, то краснѣли, публика болѣе получасу не переставала привѣтствовать приговоръ и радостная вѣсть быстро распространялась среди массъ лондонскихъ предмѣстій. Вечеромъ была устроена иллюминація и еще нѣсколько дней это событіе продолжало служить предметомъ восторженныхъ демонстрацій. Популярность Лильбурна въ массахъ лондонскаго населенія была такъ велика, что въ честь его оправданія была даже вычеканена медаль [1]).

Правительство долго оставалось въ нерѣшительности, что предпринять. Послѣ суда Лильбурна снова запрятали въ Тоуэръ и намѣревались затѣять противъ него какой-нибудь новый процессъ, но со всѣхъ сторонъ поступали настоятельныя просьбы уважить приговоръ присяжныхъ и освободить оправданнаго. Изъ членовъ государственнаго совѣта въ защиту Лильбурна выступили Генри Мартенъ и Карлъ Грей офъ Гроби, одинъ изъ немногихъ лордовъ, примыкавшихъ къ индепендентамъ. Въ концѣ концовъ, ихъ взглядъ одержалъ верхъ, чему немало способствовало то обстоятельство, что Кромвель съ большей частью арміи находился еще въ Ирландіи. Государственный совѣтъ примирился со своимъ пораженіемъ, и 8-го ноября Лильбурнъ, Овертонъ, Пренсъ и Вальвинъ были выпущены на свободу [2]).

---

[1]) Она носитъ слѣдующую характерную надпись: „Джонъ Лильбурнъ, спасенный могуществомъ Господнимъ и неподкупностью присяжныхъ, которые *являются судьями, какъ въ смыслѣ примѣненія закона, такъ и въ смыслѣ установленія фактовъ. 26 октября, 1649 г.*“.

[2]) Пренсъ и Вальвинъ не принимали уже больше участія въ движеніи. Овертонъ, сидя еще въ тюрьмѣ опубликовалъ нѣсколько памфлетовъ, въ которыхъ онъ съ горькой ироніей бичевалъ своихъ единомышленниковъ за ихъ пассивность. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе въ заговорахъ Сексби противъ Кромвеля, о чемъ намъ придется еще говорить въ слѣдующей главѣ. Въ своихъ памфлетахъ онъ упрекалъ лондонскихъ единомышленниковъ въ томъ, что они послали его, Лильбурна и др. на борьбу съ Кромвелемъ, а затѣмъ покинули ихъ („Overton's Defiance of the Act of Pardon“, іюль 1849 г.); что герои большого митинга 11-го сентября 1648 г.

Въ концѣ декабря 1649 года Лильбурнъ былъ выбранъ членомъ представительства отъ Сити, но реакціонеры Сити добились отъ парламента отмѣны этого избранія, основываясь на томъ, что Лильбурнъ отказался признать существующій строй, и что въ качествѣ «лица опороченнаго» недостоинъ занимать почетной должности. Зато лѣтомъ 1650 г, парламентъ отвелъ ему, наконецъ, участокъ земли въ возмѣщеніе за присужденное ему, но все еще не выплаченное вознагражденіе. Въ 1651 году Лильбурнъ, благодаря одному изъ своихъ родственниковъ, былъ запутанъ въ гражданскій процессъ съ членомъ государственнаго совѣта и ньюкестльскимъ губернаторомъ, серомъ Артуромъ Гацельригомъ. Со всей страстностью онъ выступилъ въ защиту перваго противъ вліятельнаго «гранда», который, по мнѣнію Лильбурна, злоупотребилъ своимъ положеніемъ длл того, чтобы лишить его родственника законной собственности. Дѣло дошло, наконецъ, до парламента, который назначилъ для разбора его спеціальную комиссію. Приговоръ былъ постановленъ въ пользу Гацельрига, а Лильбурнъ, назвавшій этотъ приговоръ въ памфлетѣ несправедливымъ и пристрастнымъ, въ началѣ 1652 г., присужденъ былъ парламентомъ (!), за «неповиновеніе» къ денежному штрафу въ 7.000 фунтовъ стерлинговъ и къ пожизненному изгнанію. Всѣ протесты и петиціи ни къ чему не привели, и весною 1652 г. Лильбурнъ во второй разъ очутился въ качествѣ изгнанника въ Голландіи. На этотъ разъ, однако, съ нимъ раздѣляли изгнаніе вожди той самой партіи, отъ преслѣдованій которой онъ въ первый разъ долженъ былъ скрываться: Голландія теперь служила убѣжищемъ для многочисленныхъ бѣжавшихъ и изгнанныхъ изъ Англіи «кавалеровъ». Соблазнъ соединиться съ ними для совмѣстныхъ дѣйствій противъ «узурпатора» Кромвеля былъ чрезвычайно великъ, и въ подобнаго рода предложеніяхъ съ той стороны недостатка не было. Однако, у насъ нѣтъ основанія не вѣрить категорическому заявленію Лильбурна, что онъ отвергъ всякую возможность такого соглашенія. Правда, въ Лондонѣ распространялись слухи, будто Лильбурнъ сдѣлалъ герцогу Букингаму и другимъ «кавалерамъ», предложеніе такого рода, что, если они дадутъ ему 10.000 фунтовъ стерлинговъ, онъ вернется въ Англію и добьется сверженія Кромвеля. Однако, Лильбурну удалось доказать на основаніи неопровержимыхъ фактовъ, что родоначальниками этихъ слуховъ были наемные шпіоны Кромвеля. Едва-ли кто-нибудь станетъ утверждать, что слухи, распространяемые этими господами заслуживаютъ большаго довѣрія, чѣмъ

(см. стр. 162) въ то время, какъ разыгрывались берфордскія событія, были разогнаны, какъ воробьи, изъ игрушечнаго ружья. Но онъ надѣется, что его жестокія слова вызовутъ ихъ изъ оцѣпененія и напомнятъ имъ снова объ „Agreement'ѣ.“ („The Baiting of the great Bull of Baschan“).

заявленіе самого Лильбурна, отличительной чертой характера котораго являлась беззавѣтная любовь къ правдѣ, такъ часто вредившая его собственнымъ интересамъ. Къ тому же Лильбурнъ вовсе не былъ такъ глупъ, чтобы думать, что въ такой моментъ, когда Кромвель, послѣ своей побѣды надъ ирландцами и шотландцами, былъ могущественнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было, что въ такой моментъ можно будетъ съ незначительной суммой добиться того, чего при гораздо болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ не удалось осуществить ни Карлу I, ни купечеству Сити съ ихъ денежными средствами. Наконецъ, эти подозрѣнія опровергаются и письмами Лильбурна къ своимъ политическимъ единомышленникамъ въ Англіи, въ которыхъ онъ призывалъ ихъ свято хранить радикально республиканскіе принципы и работать надъ проведеніемъ ихъ въ жизнь. Объ одномъ изъ этихъ писемъ мы уже упоминали выше (стр. 155). Оно адресовано Генри Мартену и замѣчательно тѣмъ, что пространно излагаетъ исторію борьбы партій въ древнемъ Римѣ и въ Греціи, ссылается на историческіе образцы этихъ республикъ и совершенно игнорируетъ библейскіе примѣры. Въ этомъ замѣтенъ уже переходъ къ той идеологіи, которая характеризовала собой французскую революцію.

Въ апрѣлѣ 1653 г. Кромвель разогналъ силой окончательно негодный долгій парламентъ и созвалъ новый, состоявшій изъ 139 наиболѣе вліятельныхъ индепендентовъ,—такъ называемый «малый» парламентъ или «парламентъ Барбона» охарактеризованный нами выше (стр. 157, прим.) Лильбурнъ полагалъ, что по закону, вмѣстѣ съ окончаніемъ полномочій «долгаго» парламента, должно потерять силу и постановленіе его объ изгнаніи, и вернулся въ Лондонъ. Кромвель, однако, былъ иного мнѣнія; тотчасъ же по возвращеніи Лильбурна, онъ велѣлъ арестовать его и предалъ суду за нарушеніе постановленія объ изгнаніи, что каралось наравнѣ съ государственной измѣной. Опять посыпался цѣлый дождь петицій въ пользу освобожденія Лильбурна, но онѣ нашли у государственнаго совѣта не больше отклика, чѣмъ обнародованное Лильбурномъ, тотчасъ же по возвращеніи, посланіе, озаглавленное: «Просьба изгнанника о защитѣ, обращенная къ Кромвелю». Собравшійся (въ началѣ іюля 1656 г.) парламентъ, къ которому тоже обратился Лильбурнъ, передалъ дѣло на разсмотрѣніе обыкновеннаго суда, т. е. суда присяжныхъ, что было, конечно, скорѣе въ интересахъ Лильбурна, чѣмъ Кромвеля. Если бы большинство этого «пуританскаго» парламента было менѣе независимымъ, ему стоило бы лишь исполнить просьбу Лильбурна—судить его, чтобы постановить приговоръ, который нельзя было бы уже опротестовать. Но для этого оно дѣйствительно было слишкомъ «индепендентскимъ». Насколько политическіе взгляды Лильбурна были близки парламентскому большинству, можно

видѣть по перечню предпринятыхъ парламентомъ реформъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіемъ Лильбурна, подробно мотивированномъ имъ въ его сочиненіи: «The Legal Fundamental Liberties», парламентъ постановилъ составить полный сводъ законовъ на англійскомъ языкѣ.

Процессъ Лильбурна передъ судомъ присяжныхъ въ Ольдъ-Байлеѣ тянулся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, ибо Лильбурнъ упорно настаивалъ на томъ, чтобы до разбора дѣла ему была вручена копія обвинительнаго акта; онъ мотивировалъ справедливость своего требованія тѣмъ, что ему обязаны дать возможность, познакомившись съ обвиненіемъ, обратиться за совѣтомъ къ опытнымъ законовѣдамъ. И онъ дѣйствительно исполнилъ— какъ выразился одинъ выдающійся англійскій юристъ,—«великую, никому недоступную до него задачу», онъ добился того, что ему врученъ былъ обвинительный актъ. 20 августа долженъ былъ быть вынесенъ приговоръ. Сочувствіе къ Лильбурну со стороны лондонскаго населенія было такъ велико, что Кромвель нашелъ себя вынужденнымъ держать наготовѣ нѣсколько полковъ, чтобы при малѣйшемъ замѣшательствѣ употребить военную силу. (Thurloe, State papeers, стр. 366). Массами распространялись плакаты съ надписью:

«And what, shall then honest John Lilburne die! Three score thousand will know the reason why» [1]).

Число сторонниковъ Лильбурна не было такъ велико, [2]) но агитація левеллеровъ въ тотъ моментъ достигла большой интенсивности, и популярность Лильбурна возросла до необычайныхъ размѣровъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ, кромѣ принятыхъ Кромвелемъ вышеуказанныхъ мѣръ предосторожности, также и памфлеты той эпохи, посвященные дѣлу Лильбурна [3]). И присяжные, послѣ 12-ти часового разбора, во время котораго

---

[1]) „Что? честный Джонъ Лильбурнъ долженъ умереть? Трижды двадцать тысячъ человѣкъ желаютъ знать причину".

[2]) Хотя въ одномъ сочиненіи 1649 г. говорится, что „Agreement" левеллеровъ имѣетъ уже 98064 подписей и число ихъ ежедневно увеличивается. („The Remonstrance of Many Thousands of the Free People of England.").

[3]) „О Лильбурнъ, Лильбурнъ", говорится въ одномъ памфлетѣ радикальнаго индепендента, Самуила Чайдлея, въ которомъ авторъ пытается оправдать поступки Кромвеля, „прислушайся къ голосу человѣка, который думаетъ, что люди были бы мудрецами, если бы не становились сами себѣ поперекъ дороги. Если бы у тебя было столько же мудрости, сколько бодрости, столько же кротости и смиренія, сколько памяти, столько же глубины пониманія, сколько легкости рѣчи, ты былъ бы рѣдкой птицей Фениксомъ, райской птицей". (An additional Remonstrance etc. With a little friendly touch to Leuit. -colonel John Lilburne, London 1653 г.). Въ

Лильбурнъ защищался съ обычнымъ своимъ искусствомъ (этотъ процессъ подробно описанъ у *Коббета* въ его «State Trials), вынесли вердиктъ: *не виновенъ*.

Но опять оказалось, что быть оправданнымъ еще не значитъ быть освобожденнымъ. Государственный совѣтъ продолжалъ держать Лильбурна въ строгомъ заточеніи и назначилъ тщательное разслѣдованіе процесса, чтобы имѣть возможность отмѣнить приговоръ. Присяжные были въ одиночку одинъ за другимъ привлечены къ отвѣту, но они оставались вѣрными своему слову и поддерживали приговоръ. Обычнымъ судомъ Лильбурна доканать оказалось невозможнымъ. Оставалось прибѣгнуть къ помощи «государственныхъ соображеній». Въ декабрѣ 1653 г. «маленькій парламентъ» былъ распущенъ, была выработана новая конституція и Кромвель былъ провозглашенъ «лордомъ протекторомъ» съ королевскими почти полномочіями. Въ мартѣ 1654 года Лильбурнъ, на основаніи высказанныхъ имъ во время процесса «мятежныхъ» тенденцій, былъ отправленъ на островъ Джерсей, гдѣ и содержался какъ государственный преступникъ. На Джерсеѣ дѣйствовали не англійскіе законы, и было легче всего игнорировать ссылки на «Habeas-Corpus». Пока Кромвель довѣрялъ губернатору острова, ему нечего было опасаться народнаго вождя.

Лильбурнъ былъ обезвреженъ. Джерсей въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣ ожиданія Кромвеля. На содержаніе Лильбурна отпускалось 2 фунта стерлинговъ въ недѣлю, такъ что матеріальной нужды онъ не испытывалъ, но на внутреннее самочувствіе его одиночество дѣйствовало самымъ угнетающимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что изъ Англіи получались самыя неутѣшительныя вѣсти о неудачѣ всѣхъ покушеній, предпринятыхъ его товарищами противъ Кромвеля. Начиная съ 1654 г., со времени протекторства Кромвеля слѣдуетъ одно за другимъ цѣлый рядъ покушеній на жизнь Кромвеля, предпринятыхъ левеллерами, анабаптистами, крайними монархистами и т. д. Въ душѣ Лильбурна совершается переломъ, который впрочемъ пришлось пережить многимъ изъ его единомышленниковъ. Наступила реакція противъ прежней кипучей жажды дѣятельности, появился какой-то квіетизмъ. Въ немъ возникаетъ сомнѣніе въ правильности прежняго способа борьбы, въ возможности достигнуть намѣченной цѣли путемъ политической борьбы, въ *зрѣлости* народа. Къ этому присоединилось еще дурное состояніе здоровья, и онъ рѣшилъ отказаться отъ борьбы старыми средствами,—пылкій духъ его былъ сломленъ. Осенью 1655 г. Государ-

---

отвѣтъ на эти увѣщеванія Лильбурнъ опубликовалъ тогда свое сочиненіе: The just defence of Iohn Lilburne against such as charge him with turbulency of spirit".

ственный совѣтъ, зная о происшедшей съ Лильбурномъ перемѣнѣ, распорядился перевести его съ острова Джерсея въ крѣпость *Дувръ*, гдѣ онъ хотя и содержался въ заключеніи, но имѣлъ больше сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ переѣзда Лильбурна въ Дувръ, въ Лондонѣ получилось извѣстіе, подкрѣпленное вслѣдъ затѣмъ собственноручными письмами Лильбурна, что онъ примкнулъ къ пріобрѣтавшей все большее значеніе сектѣ *квакеровъ*, что онъ облекся въ одѣяніе друзей *внутренняго свѣта*. Самый выдающійся вождь политическихъ левеллеровъ кончилъ тѣмъ же, чѣмъ кончилъ наиболѣе талантливый представитель *истинныхъ* левеллеровъ.

Впрочемъ, это былъ конецъ не только политической дѣятельности Лильбурна. Въ концѣ іюля 1657 г. ему разрѣшено было, по внесеніи залога, поселиться въ Эльтгамѣ около Лондона, гдѣ онъ нанялъ для своей жены домъ, чтобы она, въ случаѣ болѣзни, находилась вблизи своихъ родныхъ. Лишь только Кромвель узналъ объ этомъ, онъ распорядился собственной властью, чтобы Лильбурнъ въ теченіе 10-ти дней вновь былъ водворенъ въ Дувръ. Повидимому, Кромвель плохо вѣрилъ въ примиреніе съ Лильбурномъ. Приказъ его, однако, оказался излишнимъ,—другая власть, болѣе сильная уже наложила руку на опаснаго человѣка. Ровно черезъ 10 дней, 29 августа 1657 г., «безпокойный» Джонъ сдѣлался совершенно *спокойнымъ*: смерть вырвала его изъ рядовъ борцовъ, безпрерывныя преслѣдованія преждевременно надломили его силы и въ 40 лѣтъ свели въ могилу.

Тѣло Лильбурна было перевезено въ Лондонъ и сдѣлалось тамъ предметомъ спора между его старыми и новыми единомышленниками. Первые хотѣли хоронить его по обычаю съ покровомъ, вторые же (квакеры) настаивали на томъ, чтобы онъ былъ похороненъ въ простомъ гробу безъ всякихъ украшеній. Ихъ оказалось большинство (!) въ толпѣ, собравшейся хоронить покойника, и они одержали верхъ. Когда тѣло было вынесено изъ дому, левеллеры попытались набросить на гробъ приготовленный заранѣе бархатный покровъ, но квакеры сбросили его. Они подняли гробъ на плечи и сомкнутыми рядами отправились на кладбище.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оцѣнка дѣятельности Лильбурна и левеллеровъ. Различныя теченія, на которыя распалось ихъ движеніе. —Заговоры.—Чартисты—преемники левеллеровъ.

Историческія изслѣдованія XIX столѣтія дали намъ образъ Кромвеля въ его истинномъ свѣтѣ, въ то время какъ современники его изобразили диктатора въ совершенно искаженномъ видѣ. Побѣдитель при Дунбарѣ нынѣ не кажется уже намъ тѣмъ двуязычнымъ интриганомъ, «великимъ обманщикомъ», который изъ-за честолюбія топчетъ сегодня ногами то, чему вчера еще поклонялся, какимъ изображали его многіе изъ его соратниковъ. Книга Гардинера разсѣяла послѣднія сомнѣнія и дала намъ ключъ къ пониманію тѣхъ превращеній Кромвеля, которыя до сихъ поръ казались непостижимыми. Точнѣе, чѣмъ кто бы то ни было, Гардинеръ анализируетъ и хронологически изслѣдуетъ всѣ тѣ факторы, вліянія и обстоятельства, которыя опредѣляли собою шаги Кромвеля; и вотъ, при свѣтѣ этого анализа, «обманъ» Кромвеля почти всегда оказывается простымъ оппортюнизмомъ, который съ субъективной точки зрѣнія находитъ себѣ полное оправданіе. Но то, что выигрываетъ Кромвель, какъ человѣкъ и государственный дѣятель, онъ теряетъ въ качествѣ революціонера. Великій полководецъ былъ великимъ государственнымъ дѣятелемъ именно потому, что онъ былъ великимъ оппортюнистомъ, но по той же самой причинѣ онъ былъ плохимъ революціонеромъ. Въ эпоху, когда борьба противъ старой власти приближалась къ революціонной развязкѣ, Кромвель нерѣдко выказывалъ нерѣшительность и даже малодушіе, и былъ вынуждаемъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ другими; въ противоположность тому, что думали о немъ современники, онъ былъ лишь исполнителемъ велѣнія времени, но не вершителемъ судебъ исторіи. Въ революціонную эпоху 1646—1648 г. онъ не обнаруживалъ особеннаго пониманія измѣнившейся ситуаціи и вызываемыхъ ею необходимыхъ политическихъ мѣропріятій; въ этомъ отношеніи его далеко превосходили левеллеры, которые были велики именно въ томъ, въ чемъ онъ былъ слабъ. Плебейски-радикальные элементы арміи и буржуазіи все болѣе выдвигались на первый планъ, указывая путь революціи. Въ народѣ левеллеры, а въ арміи простые солдаты, агитаторы, первые поняли необходимость рѣшительнаго выступленія противъ контръ-революціонныхъ элементовъ въ парламентѣ; они же первые пришли къ убѣжденію, что, покуда революція не отдѣлается отъ традиціонной вѣры въ безотвѣтственность короля и будетъ

смотрѣть на него не какъ на государственнаго преступника, а какъ на военноплѣннаго, до тѣхъ поръ нельзя быть увѣренными въ результатахъ. Въ то время, когда Кромвель еще пытался выторговать у Карла I мелкія уступочки, левеллеры и ихъ друзья давно уже поняли, что противъ этого монарха революція нуждается въ «Аодѣ» [1]).

Среди левеллеровъ, наиболѣе вѣрнымъ политическимъ инстинктомъ, даже поскольку дѣло касалось самой демократіи, прямо таки политическимъ предвидѣніемъ, отличался Джонъ Лильбурнъ. Если Массонъ въ приведенной нами во введеніи цитатѣ называетъ Лильбурна «осломъ», то это можетъ быть понято лишь въ томъ смыслѣ, что, будучи политическимъ доктринеромъ, Лильбурнъ, естественно, былъ одностороннимъ человѣкомъ. Но этотъ докринеръ обнаруживалъ во многихъ случаяхъ острый умъ и нерѣдко угадывалъ событія гораздо вѣрнѣе, чѣмъ многіе государственные дѣятели. Въ 1646 г., когда никто изъ оффиціальныхъ политиковъ еще не думалъ объ атакѣ на палату лордовъ, Лильбурнъ писалъ: «Всякая законодательная власть по природѣ своей совершенно произвольна, и предоставленіе какому либо классу людей права свободно и пожизненно властвовать это величайшее рабство (именно потому, что человѣческое сердце, даже самое лучшее, склонно къ порчѣ и корыстолюбію). Между тѣмъ притязанія лордовъ идутъ такъ далеко, что они не только стремятся воплотить въ себѣ пожизненную произвольную власть, но и передать ихъ по наслѣдству своимъ сыновьямъ, хотя бы послѣдніе были глупцами и негодяями; это худшее закрѣпощеніе, которое знаетъ міръ». («A whip for the present house of Lords»). Лишь три года спустя гранды арміи и парламентъ нашли, что Лильбурнъ былъ правъ, и уничтожили палату лордовъ. Но мы уже видѣли, что его осторожность и боязнь произвола и возможнаго злоупотребленія властью распространялась и на парламентъ и несмотря на свою всегдашнюю солидарность съ демократическими элементами арміи, онъ энергично возсталъ противъ попытки введенія военнаго режима. Приводимъ еще одну цитату изъ его сочиненій. Въ изданномъ 1-го мая 1649 г. «Agreement'ѣ» онъ говоритъ: «Если ужъ мы *должны* имѣть короля, то я съ своей стороны хотѣлъ бы, чтобы имъ былъ принцъ [2]), а не кто либо другой, именно въ виду его мнимыхъ великихъ правъ. Правда, если бы онъ захотѣлъ вернуть себѣ престолъ помощью оружія и иноземнаго войска, тогда одна подобная попытка пов-

---

[1]) См. Putney Projects Уайльдмана, Лондонъ 1647 г. Аодъ—это восхваляемый въ книгѣ судей (глава 3) убійца „добротѣлеснаго“ царя моавитянъ Еглона.

[2]) Будущій Карлъ II, который въ то время, однако, еще не успѣлъ обнаружить своихъ наклонностей.

лекла бы для него потерю всего, ибо эта попытка спаяла бы всѣ разрозненные нынѣ враждебные ему элементы, *которые возстали бы противъ него, какъ одинъ человѣкъ*. Но если бы онъ вернулся при помощи англичанъ, на основаніи договора («by contract») и сообразно изложеннымъ здѣсь (въ Agreement'ѣ) принципамъ, что очень легко можно было бы сдѣлать, тогда народъ скоро убѣдился бы, что для него это выгодно, ибо тогда сохранились бы мирныя отношенія со всѣми народами и не было бы царственныхъ претендентовъ и конкуррентовъ; а въ такомъ случаѣ армія, гарнизонныя войска и флотъ, можно было бы распустить, оставивъ лишь охрану для пяти портовъ. Между тѣмъ, если армія провозгласитъ королемъ мнимаго святого Оливера или кого бы то ни было другого, то не будетъ конца войнѣ и взаимной рѣзнѣ. Содержаніе постояннаго войска станетъ неизбѣжнымъ зломъ и подъ его владычествомъ народъ превратится въ раба».

«Невозможно», пишетъ Гардинеръ, «считать человѣка, написавшаго эти строки простымъ крикуномъ». Мы тоже думаемъ, что нѣтъ. Нельзя забывать еще и того, что приведенная цитата не особенно благопріятно характезируетъ Лильбурна, ибо онъ выказываетъ себя здѣсь такимъ идеалистомъ, что вѣритъ въ возможность того, что принцъ подпишетъ «народный договоръ» съ честными намѣреніями. Но зато Лильбурнъ вполнѣ правильно предвидѣлъ, что военная диктатура не принесетъ успокоенія и мѣтко предсказалъ всѣ опасности ея. Съ другой стороны, онъ оказался болѣе дальновиднымъ политикомъ, чѣмъ приверженцы «пятой монархіи», которые слѣпо придерживались республиканскихъ формъ.

Приводимъ здѣсь еще нѣсколько сужденій о Лильбурнѣ:

«Лильбурнъ не зналъ страха, и, какъ бы неблагопріятно ни сложились обстоятельства, онъ всегда былъ готовъ снова начать борьбу». (A. Bisset, Omitted Chapters of the History of England, I стр. 145).

«Онъ (Лильбурнъ) отъ природы обладалъ непоколебимой энергіей и острымъ умомъ. Онъ не останавливался ни передъ какими послѣдствіями, и никогда никакое насиліе не могло сломить его рѣшимости и настойчивости... Онъ былъ знатнаго происхожденія и пылкаго темперамента и обладалъ недюжинными способностями». (W. Gobwin, History of the Commonwealth).

И въ новѣйшее время, въ «Dictionary of National Biography», профессоръ *К. Г. Фиртъ* заключаетъ слѣдующими словами свою длинную статью о Лильбурнѣ:

«Политическое значеніе Лильбурна легко себѣ представить. Въ революціонную эпоху, когда всѣ другіе говорили только о спорныхъ правахъ короля и парламента, онъ одинъ неустанно твердилъ о правахъ народа.

Его несокрушимое мужество и сила рѣчи дѣлали его идоломъ массъ. Съ «Учрежденіями» Кока въ рукахъ Лильбурнъ былъ въ состояніи бросить вызовъ всякой судебной палатѣ. Онъ готовъ былъ бороться противъ всякаго злоупотребленія, не боясь никакого риска, но его страстное самомнѣніе дѣлало его опаснымъ товарищемъ, и нерѣдко онъ жертвовалъ общественными интересами ради личной жажды мести. Было бы несправедливо отрицать, что онъ дѣйствительно сочувствовалъ всѣмъ бѣднымъ и угнетеннымъ; даже будучи въ изгнаніи, онъ не переставалъ интересоваться судьбой англійскихъ военноплѣнныхъ и пускалъ въ ходъ все свое вліяніе на родинѣ, чтобы облегчить ихъ участь. Въ своей полемикѣ онъ обнаруживалъ легковѣрность и ненасытную мстительность и не заботился о справедливости своихъ обвиненій. Онъ нападалъ поочередно на всѣ установленные авторитеты: на палату лордовъ, на палату общинъ, на государственный совѣтъ и совѣтъ офицеровъ,—и поочередно воевалъ со всѣми союзниками». Въ одной біографіи Лильбурна, изданной въ 1657 г., ему посвящена слѣдующая эпитафія:

Is John departed and is Lilburne gone!
Farewell to Lilburne, and farewell to John;
But lay John here, lay Lilburne here about,
For if they ever meet they will fall out.

(«Джонъ умеръ и Лильбурнъ скончался—Прощай, о Лильбурнъ, прощай и Джонъ! Однако, положите Джона здѣсь, а Лильбурна поодаль, ибо если они очутятся вмѣстѣ, они тотчасъ же вступятъ въ споръ»).

(Изъ «The self afflicted lively described», London 1657).

Однако, это сужденіе о Лильбурнѣ не совсѣмъ справедливо. Что касается упрека въ пристрастіи къ спорамъ, то уже въ цитированномъ выше своемъ защитительномъ произведеніи, опубликованномъ въ 1653 году, Лильбурнъ справедливо указывалъ, что во всѣхъ его процессахъ и конфликтахъ дѣло шло о важнѣйшихъ вопросахъ права и народнаго блага. Какъ уже было упомянуто, онъ дѣйствительно былъ идеальнымъ «борцомъ за право», и такъ какъ онъ отличался вспыльчивымъ характеромъ, то неудивительно, если онъ попадалъ изъ одного конфликта въ другой. По свидѣтельству многихъ спеціалистовъ, Лильбурнъ, при желаніи, могъ бы сдѣлаться выдающимся адвокатомъ. Но подобно тому, какъ, несмотря на свои способности въ военномъ дѣлѣ, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ военной диктатуры, такъ и въ данномъ случаѣ, несмотря на свои юридическія знанія, а можетъ быть и благодаря имъ, онъ былъ заклятымъ врагомъ профессіональной юристики.

Тотъ фактъ, что о серьезныхъ недоразумѣніяхъ между Лильбурномъ и

его дѣйствительными единомышленниками никогда не было и рѣчи, и даже, на оборотъ, послѣдніе до конца относились къ нему съ большой любовью и приверженностью, говоритъ за то, что басни о его неуживчивости въ сущности ни на чемъ не основаны. Онъ былъ вспыльчивъ, но быстро раскаивался въ совершенныхъ ошибкахъ. Раньше, чѣмъ кто либо другой, онъ разгадалъ честолюбивые замыслы Кромвеля и заклеймилъ его наклонность къ политическимъ увѣрткамъ; тѣмъ не менѣе, онъ сразу готовъ былъ пойти на примиреніе, лишь только Кромвель выказывалъ намѣреніе ступить на путь демократической политики. Но Кромвель никогда не думалъ этого серьезно, онъ всецѣло представлялъ интересы состоятельныхъ классовъ, и если онъ при случаѣ прибѣгалъ къ радикальнымъ оборотамъ рѣчи, то въ его устахъ они означали нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ устахъ Лильбурна. Даже тогда, когда Кромвель и не желалъ играть революціонными фразами, онъ все же долженъ былъ казаться Лильбурну политическимъ жонглеромъ, лишь только обнаружилось различіе между планами Кромвеля и тѣмъ, что Лильбурнъ могъ отъ него ожидать.

Время было тревожное, и кто такъ рѣшительно стоялъ на сторонѣ массы крестьянства, ремесленниковъ, рабочихъ, какъ Лильбурнъ, тотъ *долженъ* былъ «поочередно нападать на всѣ установленные авторитеты». Смѣшно видѣть въ этомъ доказательство «самомнѣнія» Лильбурна. Отношеніе Лильбурна ко всѣмъ «установленнымъ авторитетамъ» и къ Кромвелю диктовалось его политическими принципами; оно не можетъ быть инымъ у истинныхъ защитниковъ интересовъ народныхъ массъ во время буржуазныхъ революцій. Лильбурна можно назвать демагогомъ, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ демагогами называли Марата, Дэмулена, О'Коннеля, и среди людей, подобныхъ имъ, онъ занималъ далеко не послѣднее мѣсто. Онъ былъ блестящимъ ораторомъ, умѣлымъ памфлетистомъ, и если нѣкоторые изъ его соратниковъ превосходили его глубиною знанія (хотя и его познанія были далеко не малыми), а другіе соціальнымъ радикализмомъ, то все же никто изъ нихъ не соединялъ въ себѣ столько блестящихъ способностей народнаго трибуна. Даже Юмъ называетъ Лильбурна «самымъ необузданнымъ, но въ то же время самымъ мужественнымъ и прямымъ человѣкомъ». Непоколебимое уваженіе къ законности, свойственное идеологу, соединялось въ немъ съ рѣшимостью испытаннаго революціонера и здравымъ смысломъ политика-практика.

Этому отнюдь не противорѣчитъ тотъ фактъ, что Лильбурнъ не всегда вѣрно оцѣнивалъ дѣйствія Кромвеля. Лильбурнъ былъ представителемъ другого класса, отстаивалъ другіе принципы, чѣмъ Кромвель; онъ былъ бы плохимъ представителемъ, если бы мѣрилъ дѣйствія власть имущихъ по другому масштабу, чѣмъ тотъ, который соотвѣтствовалъ интересамъ пред-

ставляемаго имъ класса. Партійный боецъ не можетъ и не долженъ относиться къ событіямъ съ точки зрѣнія объективнаго историка. Широкая политика вообще никогда не была сильной стороной демократическихъ партій. Кромвель съ своей стороны былъ душою и тѣломъ представителемъ имущихъ классовъ, и въ качествѣ таковаго былъ заурядныхъ и даже ограниченнымъ именно въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ Лильбурнъ былъ выдающимся авторитетомъ. Въ современномъ ему дѣленіи общества на дворянство, буржуазію и трудящихся, и въ правовомъ положеніи этихъ классовъ Кромвель видѣлъ ненарушимый «естественный» порядокъ вещей.

«Различіе между дворяниномъ, джентльменомъ, іоменомъ (крестьяниномъ или ремесленникомъ), — вполнѣ правильно и представляетъ важный интересъ для націи. Развѣ естественный (!) строй («Magistracy») націи не попирался съ насмѣшкой и презрѣніемъ людьми, исповѣдующими уравнительные («levelling») принципы? Развѣ эти принципы не сводились къ тому, чтобы низвести всѣхъ къ одному уровню? Сознательно или безсознательно стремились они осуществить практически эти принципы въ отношеніи собственности? Во всякомъ случаѣ, къ чему же они стремились, если не къ тому, чтобы поставить арендатора въ такое же положеніе, въ какомъ находится лендлордъ? Мнѣ кажется, если бы они добились этого, то не надолго. Люди, проповѣдующіе принципъ такого равенства, очень скоро стали бы защищать свою собственность и свои интересы, лишь только они добились бы осуществленія своихъ стремленій. Я привожу только этотъ одинъ примѣръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это ученіе грозило получить широкое распространеніе и было уже достаточно распространено, ибо оно звучитъ пріятно для бѣдняковъ и нравится всѣмъ дурнымъ людямъ». Такъ говорилъ Кромвель въ своей рѣчи отъ 4-го сентября 1654 г. при открытіи перваго парламента послѣ введенія протектората. При распущеніи этого парламента, 22-го января 1655 г., Кромвель въ своей рѣчи, указывая на опасность, угрожающую со стороны левеллеровъ, говоритъ: «Это своего рода удовлетвореніе, когда какое-нибудь общество, осужденное на гибель, погибаетъ отъ руки людей, а не существъ, мало чѣмъ отличающихся отъ звѣрей. Когда общество осуждено на страданія, пусть оно лучше страдаетъ отъ богатыхъ, чѣмъ отъ бѣдныхъ, которые, по словамъ Соломона, обрушиваясь на что-нибудь, не оставляютъ ничего за собою, сметая со своего пути все, подобно урагану».

Изъ этихъ словъ «его величества», — какъ окрестилъ Лильбурнъ Кромвеля еще задолго до совершеннаго послѣднимъ государственнаго переворота, — явствуетъ, во-первыхъ, что Кромвель держался буржуазнаго образа мыслей, а, во-вторыхъ, что движеніе левеллеровъ продолжало тлѣть подъ пепломъ еще и въ 1655 году. Правда, Кромвель, хорошо

изучившій дѣйствіе парламентскихъ эффектовъ, нѣсколько преувеличивалъ опасность, угрожавшую со стороны левеллеровъ; эта опасность касалась скорѣе его лично, чѣмъ существованія государства и общества. Начиная съ 1654 г., покушенія на жизнь «лорда-протектора» не прекращались, попытки эти почти всѣ исходили отъ бывшихъ левеллеровъ или родственныхъ имъ сектъ и поддерживались матеріально роялистами. Таковы были, напримѣръ, *покушенія Сексби-Зиндеркомба.*

Эдуардъ Сексби, о которомъ мы уже упоминали выше, какъ объ «агитаторѣ» арміи и довѣренномъ лицѣ Лильбурна, былъ безусловно человѣкомъ выдающихся способностей и незаурядной энергіи. Начавъ службу простымъ рядовымъ, онъ постепенно достигъ чина полковника. Благодаря, главнымъ образомъ, его усиліямъ, состоялось весною 1647 года свиданіе на Ньюмаркетъ-Гитѣ, когда армія обязалась поддерживать демократію. На совѣщаніяхъ, происходившихъ осенью того же года въ Путнеѣ (стр. 141) между штабомъ Кромвеля и агитаторами, Сексби представлялъ самое радикальное направленіе. Когда обсуждался вопросъ *объ избирательномъ правѣ*, Сексби указывалъ на тысячи солдатъ, которые, будучи такими же бѣдняками, какъ и онъ самъ, рисковали жизнью во имя «прирожденныхъ правъ и привилегій, принадлежащихъ англичанамъ». Почему же теперь имъ приходится слышать, что если у нихъ нѣтъ помѣстій, то они лишаются и прирожденныхъ правъ? Онъ съ своей стороны никому не уступитъ принадлежащихъ ему правъ [1]).

Чрезвычайно мѣтка его критика политической тактики администраціи арміи. «Мы всѣмъ хотѣли угодить, и это было весьма хорошо, но, лишь только мы пытались осуществить свое желаніе на практикѣ, мы расшибали себѣ лбы. Мы старались заслужить расположеніе короля, но я думаю, что до тѣхъ поръ, пока мы не перерѣжемъ другъ другу глотку, мы его одобренія не заслужимъ; мы поддерживали домъ, выстроенный изъ гнилыхъ бревенъ,—я имѣю въ виду парламентъ, представляющій собою собраніе разлагающихся членовъ».

Кромвель и Айртонъ тогда еще вѣрили въ возможность соглашенія, но очень скоро имъ пришлось убѣдиться, что Сексби вѣрно оцѣнилъ

[1]) Гардинеръ, Ibid. 387 стр. Характеренъ отвѣтъ Кромвеля на эту рѣчь. Онъ сказалъ, что тонъ ея неумѣстенъ и пахнетъ „своеволіемъ“. Зачѣмъ спорить объ абстрактныхъ вопросахъ, не лучше ли изслѣдовать, насколько можно, безъ ущерба для дѣла, расширить существующее избирательное право? Нельзя ли, напримѣръ, наряду съ свободными землевладѣльцами („freeholder“) предоставить избирательное право и осѣдлымъ арендаторамъ („copyholder“). Всѣ эти дебаты подробно изложены въ Clarke Papers, т. I, стр. 226 и слѣд,

*

какъ короля, такъ и парламентъ. Лѣтомъ 1648 г. не кто иной, какъ Сексби доставилъ Кромвелю упомянутое нами на стр. 148 примирительное письмо Лильбурна [1]); онъ оставался вѣренъ Кромвелю еще и въ первые годы республики, но послѣ провозглашенія протектората, послѣ незаконнаго изгнанія Лильбурна и начавшагося преслѣдованія наиболѣе видныхъ республиканцевъ, ему, какъ и многимъ другимъ левеллерамъ и республиканцамъ, стало казаться, что устраненіе «всемогущаго деспота» и «предателя» Кромвеля является первымъ условіемъ достиженія желаннаго политическаго идеала. Такимъ образомъ, Сексби и другіе, преданность которыхъ своимъ убѣжденіямъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, дошли до того, что въ видахъ достиженія своей великой цѣли считали допустимымъ средствомъ даже союзъ съ роялистами и испанцами и т. п.; они считали возможнымъ дѣйствовать съ ними сообща противъ Кромвеля, пользоваться ихъ матеріальной поддержкой и т. п. [2]).

---

[1]) Hyde-Clarendon, современникъ и историкъ революціи, сообщаетъ, что Кромвель часто оставлялъ Сексби ночевать у себя; „онъ часто удостоивалъ такого довѣрія тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ желалъ возложить важныя порученія, и съ которыми онъ въ другіе часы не могъ такъ свободно разговаривать“ (History of the Rebellion, XV, стр. 133).

[2]) Иные историки, впрочемъ, утверждаютъ, что Сексби просто любилъ бравировать и желалъ „заработать деньги“. Такого мнѣнія придерживается и Морицъ Брошъ въ своей книгѣ „Oliver Cromwell und die puritanische Revolution“ (стр. 472, 473). Но противъ этого предположенія говоритъ вся дѣятельность Сексби и тотъ фактъ, что онъ до конца сохранилъ наилучшія отношенія съ другими левеллерами и радикальными политическими дѣятелями той эпохи. Еще большее значеніе въ данномъ отношеніи имѣетъ переписка, которую въ 1655 — 1657 году вели между собою Карлъ Стюартъ и его повѣренный Гайдъ, съ одной стороны, и вожди роялистовъ,—полковникъ Тальботъ, полковникъ Титусъ, сэръ Мармедюкъ Лангдель и лордъ Ормондъ, равно какъ и іезуитскій патеръ Тальботъ, съ другой стороны. Въ этой перепискѣ очень часто говорится о Сексби, но лишь какъ о чрезвычайно одаренномъ, стойкомъ человѣкѣ, ярую ненависть котораго къ Кромвелю нужно использовать, но съ которымъ, въ виду его политическихъ убѣжденій, приходится соблюдать величайшую осторожность. Приведемъ лишь нѣсколько цитатъ изъ этихъ писемъ, проливающихъ въ общемъ интересный свѣтъ на многія событія и интриги того времени. (Переписка эта отрывками приведена въ „Calendars of Clarendon State Papers“). Послѣ того, какъ весною 1655 г. при посредствѣ испанскаго уполномоченнаго графа Фуэмалданія, были завязаны сношенія съ Сексби, Овертономъ и другими левеллерами, сэръ М. Лангдель, первый извѣстившій Карла Стюарта объ этихъ переговорахъ, пишетъ въ письмѣ своемъ отъ 9-го сентября 1655 г., что при свиданіи въ Брюсселѣ Овертонъ и Сексби отказались даже предложить своей партіи союзъ съ королемъ. Онъ (Лангдель) предостерегалъ короля, что этими

Что касается союза съ испанцами, то въ этомъ отношеніи они брали примѣръ съ наслѣдственнаго «Божіей милостью» короля. Уже въ началѣ 1654 года Карлъ Стюартъ, въ полномъ сознаніи своего «Божіей милостью»

людьми можно пользоваться, но имъ нельзя довѣрять. *Иностранцы* являются наилучшими агентами, ибо у нихъ нѣтъ собственныхъ политическихъ интересовъ. 7-го января 1656 года полковникъ Тальботъ пишетъ Ормонду, который находился вмѣстѣ съ королемъ, что по его мнѣнію въ лицѣ Сексби Кромвель имѣетъ величайшаго врага. *Но* — Сексби и товарищи его ненавидятъ короля столько же, сколько и Кромвеля. 17-го марта Гайдъ наставлялъ Ормонда, какъ нужно ему, вѣрнѣе королю, держаться при предполагавшейся встрѣчѣ съ Сексби. Онъ совѣтовалъ подчеркивать (magnify) значеніе Magna Charta, а также полномочія свободно-избраннаго парламента. Если же нельзя будетъ совсѣмъ отвергнуть слишкомъ радикальныя („неразумныя") требованія, то слѣдуетъ, по мнѣнію Гайда,—и совѣтъ его весьма достопримѣчателенъ,—принять ихъ со слѣдующей оговоркой: „*какъ только* свободно-избранный парламентъ заявитъ о нихъ его величеству". Въ это самое время Ормондъ завязалъ связи съ левеллеромъ *Румбольдомъ*, и въ письмѣ отъ 21-го іюня онъ спрашиваетъ Румбольда о томъ, состоитъ ли его другъ, Уайльдманъ, въ перепискѣ съ „извѣстнымъ Сексби" и что Уайльдманъ о немъ думаетъ. 25-го августа патеръ Тальботъ пишетъ королю по поводу Сексби, что этотъ послѣдній „относится къ королю не лучше, чѣмъ раньше, а 12-го октября онъ проситъ короля написать ему (Тальботу) письмо, которое удобно было бы показать Сексби въ доказательство того, что король готовъ удовлетворить его политическія требованія. Сексби обладаетъ „нравственной порядочностью и чувствомъ чести въ такой высокой степени, что большаго и желать нельзя отъ человѣка — не кавалера". 17-го октября патеръ Тальботъ рапортируетъ Ормонду, что онъ получилъ порученіе отъ короля повидать Сексби и убѣдить его внять разуму, и что онъ уполномоченъ *сдѣлать Сексби лично важныя предложенія.* Но лишь мѣсяцъ спустя іезуитъ могъ доложить королю, что Сексби согласенъ на частное свиданіе съ нимъ, *при томъ, однако, условіи, чтобы не преклонять передъ нимъ колѣна.* И это условіе было принято. Въ концѣ 1656 г. послѣдовало покушеніе Зандеркомба; но какъ видно изъ письма полковника Титуса къ Гайду, Сексби былъ противъ этого покушенія, ибо исходъ его слишкомъ много зависѣлъ отъ случайностей и слишкомъ много людей должно было знать о приготовленіяхъ къ покушенію. 13-го іюля Титусъ сообщаетъ, что Сексби вернулся въ Англію и очень недоволенъ имъ (Титусомъ) за его приверженность къ королю. Послѣ ареста Сексби, Титусъ пишетъ (12-го ноября) что онъ надѣется, что Сексби, который въ тюрьмѣ сошелъ съ ума, *никогда уже не оправится*; эту христіанскую надежду онъ выражаетъ еше разъ 3-го декабря, услышавъ объ улучшеніи въ состояніи здоровья Сексби.

Какъ бы мы ни относились къ факту политическихъ сношеній левеллеровъ съ будущимъ Карломъ II, мы во всякомъ случаѣ должны признать, что эта переписка рисуетъ политическій характеръ Сексби въ наилучшемъ свѣтѣ.

права, обнародовалъ воззваніе, въ которомъ онъ обѣщалъ тому, «кто уничтожитъ подлаго низкаго негодяя Кромвеля... помощью меча, револьвера или яда», 500 фунтовъ годового дохода, званіе полковника и другія почести. Это обѣщаніе было скрѣплено «честнымъ словомъ христіанскаго короля» (!). Но какъ ни соблазнительно было это предложеніе для «обозленныхъ людей, находившихся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ» (Карлейль), никто не могъ имъ воспользоваться, ибо Кромвель никогда не выѣзжалъ безъ надежной охраны и вообще постоянно заботился о своей безопасности. Теперь за это дѣло взялись отчаявшіеся и озлобленные левеллеры, и они не боялись рисковать при этомъ жизнью. Денегъ, добытыхъ Сексби, не хватало для организаціи возстанія въ широкихъ размѣрахъ; не оставалось ничего иного, какъ попытаться устроить покушеніе на Кромвеля. Нѣкоторые союзники Сексби были настолько смѣлы, что временами проникали въ ряды личной охраны Кромвеля, надѣясь такимъ путемъ получить возможность приблизиться къ нему при выѣздѣ въ Гайдъ-Паркъ. Но это имъ не удавалось, и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, Майлсъ Зиндеркомбъ, предложилъ устроить дѣло иначе. Сексби оставилъ ему для этой цѣли 1600 фунт. стерл., а самъ снова отправился за границу, чтобы добывать новыя средства.

Майлсъ Зиндеркомбъ, какъ и Сексби, вступилъ въ парламентс армію молодымъ энтузіастомъ, въ 1649 году, въ званіи капрала, участвовалъ съ левеллерами въ возстаніи за «Agreement», былъ взятъ въ плѣнъ при Берфордѣ и безусловно раздѣлилъ бы участь остальныхъ пойманныхъ въ плѣнъ капраловъ, если бы ему въ ночь наканунѣ казни не удалось спастись бѣгствомъ. Онъ отправился въ Шотландію и присоединился къ тамошней парламентской или тогда уже республиканской арміи, и быстро дослужился до чина казначея. Въ 1654 г. онъ участвовалъ въ попыткѣ смѣстить командующаго генерала Монка, котораго республиканцы и левеллеры въ арміи,—и, какъ показали дальнѣйшія событія—вполнѣ основательно,—считали ненадежнымъ республиканцемъ; они хотѣли замѣнить его надежнымъ республиканцемъ, полковникомъ Робертомъ Овертономъ. Когда заговоръ открылся, Монкъ отрѣшилъ Зиндеркомба отъ должности, послѣ чего послѣдній вернулся въ Лондонъ и вступилъ въ сношенія съ Сексби и другими заговорщиками. Послѣ отъѣзда Сексби на материкъ, Зиндеркомбъ намѣревался взорвать Кромвеля на воздухъ при помощи какой-то адской машины. Съ этой цѣлью онъ снялъ помѣщеніе въ Гаммерсмитѣ около Лондона, съ окнами выходящими на улицу, по которой проѣзжалъ Кромвель по дорогѣ изъ Гемптонъ-Курта въ Уайтгилль. Но произведенные имъ опыты оказались неудачными и онъ отказался отъ этого плана. Послѣ этого ему пришло въ голову поджечь

Уайтгилль, въ которомъ Кромвель проводилъ зиму, и во время переполоха захватить «тирана» при помощи нѣсколькихъ сильныхъ людей. Онъ привлекъ къ этому предпріятію сто человѣкъ и заготовилъ для нихъ сто быстрыхъ лошадей. 8-го января 1657 г., въ половинѣ 12-го ночью, Зиндеркомбъ въ сопровожденіи еще одного спутника былъ замѣченъ кѣмъ-то вблизи Уайтгилля; вслѣдъ за этимъ, распространился запахъ гари, и былъ обнаруженъ ящикъ съ горючимъ матеріаломъ, котораго было «достаточно для того, чтобы прорвать каменную стѣну». Вся охрана призывается къ допросу, и одинъ лейбъ-гвардеецъ, знавшій о приготовленіяхъ, признался во всемъ,—весьма вѣроятно, что онъ съ самаго начала игралъ роль провокатора. Зиндеркомбъ былъ пойманъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, взятъ и посаженъ въ Тоуэръ; 9-го февраля верховный судъ приговорилъ его, какъ государственнаго преступника, къ смерти. 14-го февраля 1657 г. приговоръ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе, но наканунѣ ночью онъ принялъ ядъ, переданный ему тайно сестрой при прощаніи. «Онъ принадлежитъ къ отвратительной сектѣ «спящихъ душъ» (Soul-sleepers), которые вѣрятъ, что при смерти человѣка умираетъ и душа его», говорится въ сообщеніи о его смерти. Онъ оставилъ записку, въ которой заявлялъ, что о душѣ своей онъ не безпокоится. Извѣстно, что «спящими душами» называли себя приверженцы матеріалистической теоріи Ричарда Овертона. (См. Массонъ, Ibid., V стр. 120). Однако, въ одномъ памфлетѣ, вышедшемъ изъ-подъ пера яраго противника Кромвеля и обнародованномъ вскорѣ послѣ смерти Зиндеркомба, о послѣднемъ дается восторженный отзывъ, какъ о человѣкѣ, котораго можно сравнить съ преданнѣйшими борцами за свободу въ древности. «Онъ былъ храбръ, какъ римлянинъ», говорится о немъ въ памфлетѣ.

Этотъ памфлетъ, озаглавленный: «Умерщвлять не значитъ убивать» («Killing no murder»), произвелъ при своемъ появленіи величайшую сенсацію. Его брали на расхватъ, и дешевле 5-ти шиллинговъ нельзя было достать ни одного экземпляра. Какъ показываетъ одно заглавіе, памфлетъ совѣтуетъ предпринимать покушенія, — само собою разумѣется, противъ Кромвеля. Онъ написанъ чрезвычайно рѣзкимъ языкомъ, и совершенно отравилъ Кромвелю радость жизни при достигнутомъ высокомъ положеніи. Во время выѣздовъ, всемогущій диктаторъ долженъ былъ принимать всѣ мѣры предосторожности. Неизвѣстно, кто былъ авторомъ этого рѣзкаго и умѣло написаннаго памфлета. Послѣ реставраціи, его присваивалъ себѣ перешедшій на сторону Стюартовъ полковникъ Титусъ, но заявленіе этого «лакея» (Карлейль), возведеннаго въ рангъ Камергера, не внушаетъ особеннаго довѣрія, ибо сей господинъ преслѣдовалъ, по-

видимому, исключительно матеріальныя выгоды. Еще до него авторомъ этого памфлета призналъ себя Сексби, уста котораго вслѣдъ затѣмъ замолкли навсегда; несмотря на рѣзкость и озлобленность, все же достойный языкъ этого произведенія и посвященныя памяти Зиндеркомба теплыя строки, позволяютъ думать, что авторъ его былъ именно единомышленникъ послѣдняго. Единственное обстоятельство, которое могло бы возбудить сомнѣніе въ правдивости показанія Сексби, это то, что оно было дано въ Тоуэрѣ и при такихъ условіяхъ, которыя не исключаютъ возможности его насильственнаго исторженія.

Вскорѣ послѣ смерти Зиндеркомба, Сексби тайно вернулся въ Лондонъ съ той, повидимому, цѣлью, чтобы вновь собрать и сорганизовать разсѣянные ряды единомышленниковъ. Въ это именно время появился памфлетъ «Killing no murder». Въ іюлѣ мѣсяцѣ Сексби, переодѣтый, намѣревался переплыть въ Нидерланды. Но, несмотря на переодѣваніе и на отрощенную имъ бороду, Сексби былъ узнанъ полицейскими, арестованъ и отправленъ въ Тоуэръ. По свидѣтельству намѣстника, сэра Джона Баркстида, и другихъ, Сексби будто бы признался въ заточеніи въ томъ, что онъ получалъ отъ уполномоченныхъ и союзниковъ Карла Стюарта деньги для организаціи покушеній на Кромвеля, что именно онъ организовалъ покушеніе Зиндеркомба и написалъ памфлетъ «Killing no murder». (См. *Cobbet*, State Trials, 5 Bd., стр. 844, 845 и 852 и слѣд.). Вскорѣ послѣ этого Сексби будто бы сошелъ съ ума; въ январѣ 1658 г. послѣдовала его смерть.

Если признанія Сексби не были вынуждены у него пытками, что вполнѣ возможно въ виду его скорой смерти, то они во всякомъ случаѣ имѣютъ больше достовѣрности, чѣмъ заявленіе жалкаго Титуса. Наконецъ, возможно и то, что выставленное на памфлетѣ имя не было, какъ думали до сихъ поръ, псевдонимомъ, а являлось подлиннымъ именемъ автора. Вильямъ Алленъ, левеллеръ, дѣйствительно существовалъ, и, что для насъ всего важнѣе, онъ состоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Сексби. Удивительно, какъ это никто не вспомнилъ о томъ, что въ апрѣлѣ 1647 года три «агитатора» — Вильямъ Алленъ, Эдуардъ Сексби и Томасъ Шеппардъ, уполномоченные своими товарищами, передали генераламъ Кромвелю, Ферфаксу и Скиппону отнюдь не непріятное генераламъ заявленіе, въ которомъ недвусмысленно выражено было недовѣріе арміи къ парламенту. Скиппонъ передалъ этотъ манифестъ парламенту, на основаніи чего Скиппонъ былъ подвергнутъ допросу, и институтъ агитаторовъ впервые сталъ извѣстенъ широкой публикѣ. Дѣло кончилось большими демонстраціями на Нью-Маркетѣ и Триплоэ-Гитѣ, послѣдовавшей вскорѣ осадой Лондона арміей и очисткой парламента отъ одиннадцати враждебныхъ арміи пре-

свитеріанъ. Словомъ, Вильямъ Алленъ. какъ и Сексби, былъ однимъ изъ первыхъ «агитаторовъ». Вполнѣ возможно, что онъ былъ живъ еще и въ 1657 году и выступалъ печатно противъ Кромвеля [1]).

Если же Алленъ съ тому времени умеръ или о немъ забыли, то тѣмъ больше вѣроятія, что именно его старый товарищъ Сексби выбралъ имя его для псевдонима [2]).

Памфлетъ «Killing no murder» появился какъ разъ въ то время, когда парламентъ предложилъ Кромвелю измѣнить конституцію и принять королевскій титулъ (такъ назыв. «humble Petition and Advice»—адресъ). Послѣ продолжительнаго размышленія Кромвель отклонилъ титулъ короля; какъ ни покорна была въ то время армія, она бы все же воспротивилась этому. Но раньше, чѣмъ Кромвель пришелъ къ опредѣленному рѣшенію, нѣкоторые буржуазные элементы и ушедшіе изъ арміи военные попытались поднять въ Лондонѣ республиканское возстаніе: приверженцы

[1]) Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ іезуитскаго патера Тальбота отъ 28-го іюля 1655 г. адресованномъ королю, говорится, что Сексби, находившійся въ то время въ Брюсселѣ, получилъ отъ своихъ друзей въ Англіи полномочія дѣйствовать вполнѣ по своему усмотрѣнію. „Безусловными его приверженцами являются, между прочимъ, лордъ Грей офъ Гроби, Уайльдманъ, *Алленъ* и разные анабаптисты". Очень возможно, что здѣсь имѣется въ виду, упомянутый нами въ примѣчаніи на стр. 148 генералъ-адъютантъ Алленъ, который былъ анабаптистомъ и тоже противникомъ Кромвеля. Но несомнѣнно, что и „агитаторъ" Алленъ съ теченіемъ времени тоже достигъ высшаго военнаго чина, и современникъ его, генералъ Эдм. Лудлоу въ своихъ воспоминаніяхъ прямо отождествляетъ его съ генералъ-адъютантомъ Алленомъ; трудно допустить, чтобы Лудлоу ошибался. Карлейль оспаривалъ его мнѣніе, но мнѣ не удалось установить, насколько у него было основаній для этого.

[2]) Если сравнить „письмо агитаторовъ" съ названнымъ памфлетомъ то не остается почти никакого сомнѣнія, что то и другое вышло изъ подъ одного пера. Отличительной чертой даннаго памфлета является не то, что онъ вообще рекомендуетъ покушенія на личность Кромвеля, а поразительно сильная, неотразимая аргументація, съ которой доказывается, что Кромвель потерялъ право на жизнь, что онъ превзошелъ Карла I рѣшительно во всѣхъ его преступленіяхъ. Я не нашелъ ни одного памфлета того времени, который былъ бы написанъ съ такимъ сарказмомъ, съ такой неотразимой и жестокой діалектикой, какъ „Killing no murder". И эта діалектика, этотъ сильный языкъ чувствуется уже въ письмѣ агитаторовъ, въ содержащейся въ немъ формулировкѣ обвиненій противъ пресвитеріанскаго парламента. По поводу внесеннаго въ парламентъ предложенія о расквартированіи арміи, въ немъ говорится: „онъ служитъ лишь ширмой для нѣкоторыхъ личностей, у которыхъ недавно появились наклонности къ самодержавію, которыя, возвысившись изъ привычнаго имъ положенія слуги, стремятся стать господами, чтобы потомъ превратиться въ тирановъ". (Ср. *Гардинеръ*, III гл. 48).

«пятой монархіи»,—мы бы сказали нынѣ—теоретическіе республиканцы,—сговорились со своими единомышленниками собраться 9-го апрѣля въ Майль-Эндѣ, восточномъ предмѣстьѣ Лондона, съ запасомъ оружія и снарядовъ и призвать народъ выступить на защиту окрѣпшаго царства Божія. Инціаторы разсчитывали на симпатіи, которыми пользовались республиканскія идеи среди населенія, арміи и многихъ ушедшихъ добровольно и отставленныхъ офицеровъ. Но при этомъ они упустили изъ виду бдительность Кромвеля и его шпіоновъ. Когда руководители заговора въ назначенный день явились на условленное мѣсто, они уже нашли тамъ конницу Кромвеля; по распоряженію послѣдняго было арестовано свыше двадцати человѣкъ, забраны принесенные прокламаціи и летучіе листки, а также знамя съ изображеніемъ отдыхающаго льва — «левъ племени Іуды» — съ надписью: «кто разбудитъ его?» Въ ближайшіе дни были произведены аресты среди лицъ, заподозрѣнныхъ въ оказаніи помощи и поддержки заговорщикамъ, и—«пятая монархія оказалась сидящей за замкомъ и засовами». До процесса дѣло не дошло. Большинство заключенныхъ было на время помѣщено въ Тоуэръ, а остальные были разосланы по разнымъ тюрьмамъ [1]).

[1]) Главнымъ вожакомъ заговора былъ винодѣлъ *Т. Веннеръ.* Послѣ реставраціи Стюартовъ, когда послѣдніе съ изысканной жестокостью расправлялись съ „убійцами короля", Веннеръ съ кучкой такихъ же безумно смѣлыхъ единомышленниковъ, которыхъ онъ воспламенилъ своими проповѣдями, 6-го января 1661 года вновь попытался поднять возстаніе во имя „царства Христова". Ихъ было не болѣе 60 человѣкъ, но они взбудоражили весь городъ. Уступая превосходившимъ ихъ силамъ милиціи и солдатъ, они бѣжали въ расположенную къ сѣверу отъ Лондона, между Гайгэтомъ и Гампштедомъ, рощу. Но 9-го января они снова вернулись въ Лондонъ, теперь уже лишь въ количествѣ 31 человѣка, но всѣ въ полнѣйшемъ экстазѣ и преисполненные вѣры, что ни мечъ, ни пуля не могутъ сразить воина Христова, что царство Христово скоро должно наступить. Они „разогнали всю встрѣтившуюся имъ милицію, обратили въ бѣгство королевскихъ тѣлохранителей, убили (защищаясь) около 20 человѣкъ и дважды брали съ боя ворота Сити; и все это происходило среди бѣла дня, въ то время, когда весь Сити былъ подъ ружьемъ". Такъ повѣствуетъ Pepys въ своемъ дневникѣ (отъ 10-го января 1661 года). И говоря объ ихъ численности, Pepys прибавляетъ: „мы думали, что ихъ по меньшей мѣрѣ 500 человѣкъ. Этого никогда еще не бывало, чтобы такая горсть людей могла осмѣлиться на такой шагъ и надѣлать столько бѣды. Когда наконецъ, ихъ окружили со всѣхъ сторонъ, они пробили себѣ дорогу въ какой-то домъ и долго защищались въ немъ противъ нѣсколькихъ тысячъ нападающихъ. Когда половина изъ нихъ пала, остальные были взяты силой, — ибо никто не сдавался добровольно. Всѣ они, въ томъ числѣ Веннеръ, были повѣшены. Веннеръ и нѣкій Притчардъ были еще кромѣ того четвертованы. Молитвенный домъ ихъ былъ разрушенъ.

Послѣ перваго предпріятія Веннера, вслѣдъ за распущеніемъ третьяго парламента временъ протектората (въ февралѣ 1658 г.) послѣдовала въ маѣ 1658 г. попытка поднять возстаніе со стороны роялистовъ; во главѣ этого предпріятія стоялъ пресвитеріанскій священникъ, докторъ Гьюитъ. Но и въ данномъ случаѣ солдаты Кромвеля предупредили заговорщиковъ. Въ корнѣ было подавлено и «анархистское» движеніе левеллеровъ, анабаптистовъ, приверженцевъ пятой монархіи и др., направленное противъ новой конституціи. Однако, лѣтомъ того же года, 30-го августа 1658 г., Кромвель былъ сраженъ злокачественной перемежающейся лихорадкой,— непрерывная борьба и душевныя потрясенія преждевремено надломили его силы.

Послѣдующія событія показали, какъ мало выиграло отъ смерти Кромвеля то дѣло, за которое левеллеры боролись. Другія личности, другія группы имущихъ классовъ стали за власть, но о народѣ не думалъ никто [1]). Наконецъ, послѣ кратковременнаго существованія «долгаго парламента», послѣдовала, въ 1660 г., реставрація Стюартовъ, произведенная при помощи генерала Монка. Карлъ II возвратился въ Лондонъ, восторженно встрѣченный населеніемъ; Англія снова получила короля. И еще какого. Слабовольный легкомысленный субъектъ, не обладавшій ни однимъ изъ великихъ достоинствъ Кромвеля, обыкновенный юбочникъ и кутила, въ царствованіе котораго осуществилось все то, противъ чего левеллеры такъ боролись: раздача государственныхъ земель и вытѣсненіе крестьянъ ленд-лордами. Дворяне-землевладѣльцы стряхнули съ себя послѣдніе остатки феодальныхъ повинностей, и вмѣсто этого вотировали опредѣленное содержаніе для короля, падавшее, въ видѣ косвенныхъ налоговъ, всецѣло на плечи бѣднѣйшей безправной части населенія. «Славная» революція виговъ въ 1688 г., замѣнившая династію Стюартовъ династіей Оранцевъ, принесла сельскому населенію, вмѣсто облегченія, новое ухудшеніе его положенія. Государственныя земли совсѣмъ упраздняются, а расхищеніе общинныхъ земель пріобрѣтаетъ печать законности, благодаря «Enclosures Acts», изданному парламентомъ; самодержавіе послѣдняго, при неизмѣненномъ избирательномъ правѣ, являлось самодержавіемъ класса эксплоаторовъ. «Въ 1750 г. свободнаго крестьянства уже не существовало, а

[1]) Какое вліяніе имя Лильбурна имѣло еще многіе годы спустя послѣ его смерти, можно видѣть изъ одного сочиненія, опубликованнаго въ ту эпоху „анархіи“. Оно было озаглавлено: „Духъ Лильбурна, съ кнутомъ въ одной рукѣ, чтобы согнать тирановъ съ ихъ мѣстъ, дающихъ имъ возможность властвовать, и съ бальзамомъ въ другой рукѣ, чтобы лечить раны нашего все еще испорченнаго государственнаго строя“. London 1659. Въ книгѣ пропагандируются принципы „Agreement'a“.

въ послѣднія десятилѣтія 18-го вѣка исчезли и послѣдніе остатки общиннаго землевладѣнія землевладѣльцевъ». (*Марксъ* Капиталъ, I, 2-ое изд., стр. 611 изд. Поповой).

Не принесла реставрація улучшенія и въ жизни городскихъ рабочихъ. Вспомнимъ, что говорилъ по этому поводу Торольдъ Рожерсъ (см. гл. 2). Крестьяне, ремесленники и рабочіе остались политически безправными надолго, и если рабочимъ изрѣдка и удавалось добиться улучшенія своего экономическаго положенія, то не только не благодаря законодательству, но прямо вопреки ему. Никакого болѣе или менѣе значительнаго движенія противъ этого абсолютнаго политическаго господства крупныхъ эксплуататоровъ среди угнетенныхъ классовъ не наблюдалось ни въ 17-омъ, ни въ 18-омъ столѣтіи. Въ лицѣ левеллеровъ были раздавлены передовые борцы низшихъ классовъ, и опозиціонный духъ обнаруживается только въ формѣ религіозныхъ сектъ. Но даже и внутри этихъ сектъ, переживших реставрацію, произошелъ переворотъ. Онѣ постепенно все больше и больше теряли свой революціонный характеръ, пріобрѣтали этическій оттѣнокъ и стали болѣе или менѣе «респектабельными».

Индепенденты умѣреннаго направленія—«джентльмены»—примкнули въ политическомъ отношеніи къ вигамъ, и наиболѣе богатые изъ нихъ оказали значительную матеріальную поддержку движенію, когда въ 1688 г. дѣло дошло до устраненія династіи Стюартовъ. Въ концѣ 17-го столѣтія они представляли собою такую финансовую силу, что Карлъ II не осмѣливался дѣлать вылазокъ противъ ихъ церквей и былъ радъ, когда они ссужали его деньгами. Индепенденты были основателями Англійскаго банка. Подъ прикрытіемъ этихъ вліятельныхъ элементовъ могли существовать и индепендентскія конгрегаціи, въ которыхъ по традиціи сохранился извѣстный радикализмъ; и нынѣ еще конгрегаціоналисты (собирательное имя для всѣхъ индепендентовъ) поставляютъ извѣстный контингентъ дѣятелей въ политически-радикальныхъ движеніяхъ.

Часть наиболѣе оппозиціонныхъ элементовъ революціонной эпохи объединяется съ разсѣянными остатками анабаптистовъ въ *баптистскія общины*. Въ настоящее время довольно трудно установить зачатки баптистскаго движенія и конецъ анабаптистскаго. Но такъ какъ съ самаго начала среди анабаптистовъ существовало много теченій умѣренныхъ и радикальныхъ, буржуазныхъ и коммунистическихъ, которыя долгое время всѣ были извѣстны подъ именемъ анабаптизма, то изслѣдованіе ихъ происхожденія было бы даже безцѣльнымъ. Если нынѣ респектабельные баптисты претендуютъ на то, что ихъ общины ведутъ свое происхожденіе отъ индепендентовъ и считаютъ себя лишь разновидностью ихъ, то можно разрѣшить имъ это удовольствіе, тѣмъ болѣе, что связь индепендентизма

съ анабаптизмомъ не подлежитъ сомнѣнію, и второй является до извѣстной степени отпрыскомъ перваго. Дѣло въ томъ, что въ ту эпоху сектантское движеніе было весьма интенсивнымъ, одна секта порождала другую, имена и названія безпрерывно мѣнялись. Существенныя резличія наблюдались и среди приверженцевъ пятой монархіи. Баптисты въ свою очередь тоже дѣлятся на множество группъ, но всѣ онѣ, равно какъ и основанная въ XVIII столѣтіи секта методистовъ (веслепянцевъ), вербовали своихъ приверженцевъ главнымъ образомъ среди трудящихся классовъ. До самаго послѣдняго времени эти секты то слегка поддерживали, то смягчали «этизировали», оппозиціонныя тенденціи трудящихся классовъ, являясь то центрами оппозиціи то своего рода предохранительными клапанами, на пользу и къ удовольствію буржуазныхъ классовъ.

Одно можно сказать съ положительностью относительно современныхъ англійскихъ баптистовъ, это то, что они происходятъ не отъ *коммунистическихъ* анабаптистовъ. То, что уцѣлѣло отъ нихъ по окончаніи революціи во времена реставраціи, нашло себѣ убѣжище не въ сохранившихся баптистскихъ или даже анабаптистскихъ общинахъ, а въ сектахъ первыхъ *квакеровъ*. Эти послѣдніе, дѣти революціонной эпохи, но второго періода—эпохи разочарованій, впитали въ соотвѣтствующемъ видѣ наиболѣе радикальныя этическія и соціальныя тенденціи революціи. Мы видѣли, что Лильбурнъ и Венстенли, послѣ крушенія своихъ плановъ, ушли къ квакерамъ. Неужели они сдѣлали это потому, что отказались отъ своихъ цѣлей? Безусловно, нѣтъ. Они усумнились лишь въ правильности избраннаго ими пути. Какъ и всегда при подобныхъ неудачахъ, они находили, что политика не является средствомъ, способнымъ возродить массы, что нужно начать съ *нравственнаго* совершенствованія, что нужно проповѣдывать новую мораль. А мораль квакеровъ это, несомнѣнно, мораль коммунистическая. И первые квакеры отнюдь не были простодушными религіозными мечтателями, проповѣдниками религіозной идеи. Это религіозное одѣяніе служило лишь прикрытіемъ коммунистическихъ стремленій сектантовъ. И лишь постепенно форма превращается въ сущность, лишь съ теченіемъ времени «друзья», провозвѣстники «свѣта» изъ пропагандистовъ опасныхъ для государства идей, въ качествѣ каковыхъ они такъ долго преслѣдовались, превратились въ образцовыхъ гражданъ. Когда къ нимъ перешелъ Лильбурнъ, квакеры, по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, хотя и отказались отъ насильственныхъ средствъ борьбы, но все же оставались пропагандистами новыхъ общественныхъ формъ, «этическими» соціалистами своей эпохи. И первый человѣкъ, имѣвшій, послѣ реставраціи, значеніе для исторіи соціализма и занимающій въ ней почетное мѣсто, это квакеръ-*Джонъ Беллерсъ*.

Въ виду этого, а также и вслѣдствіе другихъ причинъ, мы считаемъ нужнымъ посвятить квакерамъ специальную главу. Зато всѣ остальныя секты революціонной эпохи не имѣютъ для насъ никакого значенія. Смотря по характеру символовъ своей вѣры, приверженцы этихъ сектъ постепенно перешли въ буржуазный лагерь, примкнули къ реставрированной государственной церкви, или же присоединились къ квакерамъ. Къ послѣднимъ, напримѣръ, принадлежало большинство антиномистовъ, фамилистовъ и рантеровъ, не говоря уже о болѣе радикальныхъ баптистахъ.

Въ 18 столѣтіи, благодаря безпрерывнымъ торговымъ войнамъ и колоссальному росту англійскихъ колоніальныхъ владѣній, поглащавшимъ наиболѣе дѣеспособные элементы страны, реформаціонное движеніе осталось въ общемъ безплоднымъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи. Буржуазія увлеченная погоней за прибылью, относилась спокойно къ аномаліи, что не только король, но и возстановленная и приумноженная сыновьями метрессъ аристократія управляла страной отъ ея имени. Она мирилась съ существованіемъ избирательнаго закона, который лишалъ избирательныхъ правъ даже часть крупной буржуазіи. Отдѣльные раздававшіеся противъ этой системы голоса оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, Лишь по окончаніи наполеоновскихъ войнъ реформаціонное движеніе снова оживаетъ. Когда послѣ 1832 г. избирательное право было распространено и на мелкую буржуазію, плебейскіе пролетарскіе элементы выдѣлились въ особую партію чартистовъ, которая въ 19 столѣтіи начинаетъ съ того, на чемъ остановились въ серединѣ 17-го столѣтія левеллеры. Чартисты являются истинными наслѣдниками левеллеровъ. Ихъ народная хартія, соотвѣтственно совершившемуся экономическому развитію, требовала избирательнаго права для всѣхъ безъ исключенія взрослыхъ мущинъ, а во всѣхъ остальныхъ пунктахъ отнюдь не выставляла болѣе радикальныхъ требованій, чѣмъ «народный договоръ» левеллеровъ, окрещенный Карлейлемъ въ насмѣшку преждевременной «Бентамъ Сійесовой конституціей»; однако, съ гораздо большимъ правомъ Лильбурнъ говорилъ объ этомъ договорѣ, какъ о «законной основѣ народной свободы.» И подобно тому, какъ чартисты ведутъ свое происхожденіе отъ левеллеровъ вообще, великій англійскій утопистъ 19-го столѣтія, *Робертъ Оуэнъ*, происходитъ по прямой линіи отъ «истинныхъ левеллеровъ». Самъ онъ называетъ своимъ предшественникомъ Джона Беллерса, но мы увидимъ ниже, что этотъ послѣдній опирается, главнымъ образомъ, на Джерарда Винстенли.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Органъ левеллеровъ.

Наше изложеніе было бы неполнымъ, если бы мы не остановились, хоть нѣсколько, *на органѣ левеллеровъ.* Въ числѣ газетъ, выходившихъ въ революціонные 1648—1649 гг., одна редактировалась совершенно въ духѣ левеллеровъ; въ ней помѣщались прокламаціи и памфлеты послѣднихъ, и поэтому ее вполнѣ можно разсматривать, какъ органъ левеллеровъ. (См. *Гардинеръ*, History of the Commonwealth etc., стр. 52). Лишь названіе ея—«The Moderate»—«Умѣренный», звучитъ нѣсколько странно для газеты, самой радикальной партіи той эпохи. Но здѣсь не было ни ироніи, ни лицемѣрія,—это названіе газеты лишь отражаетъ въ себѣ доктринерскую сторону движенія левеллеровъ. Языкъ «Moderate» дѣйствительно далекъ отъ санкюлотства, какъ думаетъ старшій Дизраэли въ «curiosities of Literatur». [1]) Газета велась въ спокойномъ объективномъ тонѣ. Въ ней совершенно отсутствуютъ выраженія, которыя напоминали бы хоть отчасти грубые вульгарные обороты, столь часто встрѣчающіеся въ роялистской прессѣ того времени, напримѣръ, въ «Man in the Moon», «Mercurius Elencticus» и т. п.

Зато «Moderate» былъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ органомъ, въ которомъ изрѣдка появлялись *руководящія статьи*, или по крайней мѣрѣ нѣчто въ этомъ родѣ. Отдѣльные номера посвящены были обзору политическихъ и экономическихъ проблемъ, и я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь одну изъ такихъ статей, по которой мы можемъ судить насколько справедливо считать «Moderate» предтечей соціалдемократической прессы. Въ 61 номерѣ «Moderate», вышедшемъ 5—12 сентября 1649 г., говорится:

«Войны во всѣ времена велись подъ прикрытіемъ самыхъ соблазни-

---

[1]) Дизраэли смѣется надъ содержаніемъ подзаголовка „Moderate" „impartially communicating martial affairs to the *Kingdom* of England"; „повидимому", говоритъ онъ „республиканцы не удосужились еще выкинуть изъ своего лексикона монархическій титулъ". Но дѣло въ томъ, что „Moderate" появилась лѣтомъ 1648 г., когда Англія была еще монархіей; Кромѣ того, газета находилась въ антагонизмѣ съ „Moderate Intelligencer", носившемъ тотъ же подзаголовокъ.

тельныхъ предлоговъ: реформаціей религіи, законами страны, свободой подданныхъ и т. п., хотя вліяніе войнъ всегда было самымъ пагубнымъ для нихъ (этихъ цѣлей) и для націи, ибо война признаетъ высшимъ авторитетомъ мечъ, а не націю; она лишаетъ людей ихъ прирожденныхъ правъ и передаетъ въ руки немногихъ достойную проклятія собственность,— причину всѣхъ гражданскихъ войнъ между партіями и преступленій противъ небеснаго божества. Благодаря войнамъ тиранія и угнетеніе вошли въ плоть и кровь многихъ изъ нашихъ предковъ и, поддерживаемая силой оружія на основѣ королевской конституціи, тиранія настолько вошла въ привычку, что простому человѣку она кажется вполнѣ естественной,— и это единственная причина, почему народъ до сихъ поръ такъ невѣжественъ въ отношеніи своего прирожденнаго права равенства, своей единственной свободы. Въ концѣ концовъ божественное провидѣніе увѣнчало успѣхомъ возстаніе порабощеннаго народа противъ могущественнаго врага. Народъ надѣялся, что эта побѣда освободитъ его отъ прежняго гнета и рабства и обезпечитъ за нимъ счастливое пользованіе высшими благами жизни, какъ въ смыслѣ физическомъ, такъ и духовномъ. Но высокомѣріе, жадность и себялюбіе взяли верхъ надъ такимъ неоцѣнимымъ благодѣяніемъ, и для многихъ явился соблазнъ поплыть вмѣстѣ съ другими по золотому океану, и притѣсненіе и угнетеніе народа не только продолжаются, но еще увеличились и не видать имъ конца. Но народъ не желаетъ больше быть обманутымъ; онъ стремится къ облегченію своей участи, и желаетъ быть дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ источникомъ законнаго авторитета; и онъ начинаетъ приходить въ негодованіе, онъ требуетъ закономѣрнаго представительства и такихъ законовъ, которые могли бы сдѣлать его дѣйствительно счастливымъ. Если они не будутъ даны, если старыя искры будутъ раздуты бурей новыхъ распрей, тогда разгорится пламя, поднимется вѣтеръ, и если горючій матеріалъ сухой, и не будутъ приняты быстрыя предупредительныя мѣры къ облегченію, то, хотя ущербъ для немногихъ и будетъ великъ, но еще больше будутъ тѣ выгоды, которыя выпадутъ на долю остальныхъ».

Въ настоящее время такой образъ мыслей выражается лозунгомъ: «реформа или революція».

Господинъ Исаакъ Дизраэли очень возмущенъ тѣмъ, что въ номерѣ отъ 31 іюля—7 августа 1649 г. «Moderate», говоря о случаѣ казни за кражу, дѣлаетъ отвѣтственнымъ институтъ *собственности* за то, что эти люди лишаются жизни; газета приходитъ къ тому, что если бы не существовало частной собственности, эти люди не были бы вынуждены воровать, чтобы добыть средства къ существованію. «Собственность», говорится въ этой статьѣ, «есть основная причина всѣхъ недоразумѣній

между партіями въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ гражданской жизни. Такъ какъ тиранъ (король) устраненъ, и правительство по названію измѣнилось, то собственность и *на дѣлѣ* должна бы вернуться въ руки народа. Если этого не случится въ ближайшіе годы, и собственники («джентри») будутъ употреблять всю силу, вліяніе и увертки для того, чтобы сохранить старый образъ правленія и продолжить такимъ образомъ свое господство и рабство народа, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что со временемъ народъ прозрѣетъ и образумится и въ данномъ пунктѣ».

Изъ сообщеній «Moderate», какъ и другихъ газетъ, впрочемъ, явствуетъ, что движеніе левеллеровъ отнюдь не ограничивалось Лондономъ и его ближайшими окрестностями и арміей; наоборотъ, оно имѣло приверженцевъ рѣшительно во всей странѣ. Интересна въ этомъ отношеніи одна корреспонденція изъ *Дерби* въ номерѣ, вышедшемъ въ послѣднюю августовскую недѣлю 1649 г., въ особенности потому, что она упоминаетъ о такой категоріи *рабочихъ*, объ участіи которыхъ въ движеніи не имѣется никакихъ свѣдѣній: о *горнорабочихъ*. У горнорабочихъ вышелъ конфликтъ съ графомъ Рутландомъ, они обратились за помощью къ парламенту, и въ корреспонденціи говорится, что они рѣшились, если не удастся добиться своихъ правъ, *прибѣгнуть къ «естественному закону»*. Число ихъ, вмѣстѣ съ друзьями и заинтересованными въ ихъ дѣлѣ, простиралось до 12.000, и если на ихъ просьбу не обратятъ вниманія, то они соединятся и образуютъ грозную и рѣшительную армію. «Партія левеллеровъ въ городахъ», говорится далѣе, «обѣщаетъ имъ поддержку въ достиженіи ихъ справедливыхъ требованій».

Спустя нѣсколько дней, въ одной кромвелевской газетѣ [1]) появилось заявленіе «землевладѣльцевъ и владѣльцевъ копей» дербоширскаго горнозаводскаго округа, въ которомъ говорилось, что число горнорабочихъ едва ли превышаетъ 4.000, а левеллеры насчитываютъ въ Дерби едва ли свыше дюжины приверженцевъ. Но кромѣ этого, горнорабочіе обвиняются еще въ томъ, что они постоянно становились на сторону короля, въ то время какъ многочисленное свободное крестьянство и землевладѣльцы стояли на сторонѣ парламента. Эта замѣтка вызвала возраженіе со стороны «Moderate» въ номерѣ 61, въ которомъ доказывается, и, повидимому, съ полнымъ правомъ и основаніемъ, что вышеупомянутая замѣтка

---

[1]) „A modest Narrative of Intelligence for the Republique of England and Ireland" №№ 22, d. d. 25 авг.—1 сент. 1649 г. Въ № 23 той же газеты помѣщена корреспонденція изъ Ярмута (Норфолькъ), въ которой сообщается о собраніяхъ левеллеровъ въ этомъ важномъ портовомъ городѣ и о принятыхъ на нихъ рѣшеніяхъ попытаться снова поднять возстаніе.

была дѣломъ рукъ графа Рутланда и его агентовъ, что въ составленіи ея крестьяне и мелкіе землевладѣльцы совершенно не участвовали; что же касается упрека въ приверженности къ королю, то уже въ первоначальной петиціи горнорабочихъ установленъ тотъ фактъ, что графъ Рутландъ, тогда еще мистеръ Манерсъ [1]), многократно выгонялъ горнорабочихъ изъ ихъ мастерскихъ при помощи «кавалеровъ», и на жалобы потерпѣвшихъ отвѣчалъ клеветническими измышленіями. Той-же методѣ, какъ мы видѣли, слѣдовали и землевладѣльцы Кобгема въ отношеніи «копателей». Характерно, что имущіе въ своихъ конфликтахъ съ обездоленными всегда хватаются за тѣхъ, кто въ данную минуту стоитъ у власти, хотя бы и питали къ нимъ ненависть.

Послѣднимъ номеромъ «Moderate» былъ 63-й. 20 сентября 1649 г. парламентъ издалъ указъ о печати, который вновь вводилъ концессіонный порядокъ изданія и устанавливалъ строгія наказанія за распространеніе преступныхъ и клеветническихъ произведеній печати. Такимъ образомъ, жизненный нервъ газеты былъ перерѣзанъ. Съ другой стороны, въ сентябрѣ же возобновились переговоры между левеллерами и представителями арміи и парламента, въ цѣляхъ установленія болѣе мирныхъ отношеній между собою; весьма возможно поэтому, что «Moderate» прекратилъ свое существованіе вслѣдствіе того, что для левеллеровъ не было больше необходимости имѣть самостоятельный органъ.

1-го сентября «Moderate» сообщаетъ,—и это сообщеніе подтверждается также газетой парламентской партіи—«Perfect Weekly Account»,—что по четыре представителя отъ парламента, арміи и тѣхъ, которые называютъ себя левеллерами, созвали послѣ предварительнаго уговора совѣщаніе, съ цѣлью достиженія взаимнаго пониманія и, если возможно, устраненія всѣхъ разногласій. «Что изъ всего этого выйдетъ,—покажетъ время». Къ соглашенію не пришли, но послѣ освобожденія Лильбурна въ октябрѣ мѣсяцѣ наступило, повидимому, своего рода перемиріе. ибо въ 1650 и 1651 гг. левеллеры ведутъ себя выжидательно.

«Moderate» содержитъ множество интересныхъ статей и сообщеній, на которыхъ останавливаться у насъ нѣтъ, однако, возможности. Само собою разумѣется, что «Moderate» не былъ газетой въ современномъ смыслѣ слова; это былъ листокъ, содержавшій въ себѣ 8 страницъ in quarto, наполненный, главнымъ образомъ, разными извѣстіями. Онъ су-

---

[1]) Манерсъ фамилія графовъ — тогда уже герцоговъ — Рутландовъ. Извѣстно, что нѣкій лордъ Джонъ Манерсъ, вмѣстѣ съ Веньяминомъ Дизраэли, былъ вождемъ „молодой Англіи“. Въ цитированной выше статьѣ Исаака Дизраэли „The Rump“ объ этой полемикѣ „Moderate“ съ графомъ Рутландомъ не упоминается.

ществовалъ болѣе года, начиная съ іюля 1648 г. до конца сентября 1649 г. Полнаго комплекта его номеровъ не сохранилось, а отдѣльные номера имѣются лишь въ собраніи памфлетовъ такъ называемой библіотеки Томассона, въ Британскомъ музеѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Буржуазная государственная философія 17-го вѣка. „Левіаѳанъ" Гоббса и „Океанія" Гаррингтона.

Литература великой англійской революціи имѣетъ въ большинствѣ случаевъ лишь временный интересъ, такъ какъ она отвѣчала, главнымъ образомъ, на непосредственные запросы момента. Это относится и къ такимъ произведеніямъ, которыя, какъ «The Tenure of Kings and Magistrates» [1]) Мильтона, разсматриваютъ вопросъ съ болѣе общей точки зрѣнія. Лишь въ отношеніи религіозныхъ вопросовъ можно сказать, что революціи предшествовала національная революціонная литература. Но хотя религіозный вопросъ въ извѣстномъ смыслѣ есть тоже вопросъ политическій, однако посвященныя ему произведенія печати совершенно не касались существующаго общественнаго и государственнаго строя. Не теоретическія выкладки о сущности и задачахъ государства занимали умы, когда дѣло дошло до открытой борьбы между королемъ и парламентомъ; эта борьба была лишь обострившейся стадіей непрерывныхъ недоразумѣній между королемъ и парламентомъ. Въ этомъ и заключается самое крупное различіе между англійской и французской революціями. Французской революціи предшествовало радикальное изслѣдованіе и подкапыванье помощью литературы фундамента государства и общества, англійская же революція лишь въ ходѣ своего развитія создала собственную государственно-философскую литературу. Нельзя, конечно, отрицать нѣкотораго вліянія на передовыхъ вождей движенія сочиненій итальянскаго философа и государствовѣда Маккіавели, шотландца Буханана и голландца Гротіуса. Но въ общемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ссылки на древнее англійское право казались недостаточными, тамъ въ избыткѣ давала горючій революціонный матеріалъ сама библія.

Но именно потому, что здѣсь литература не поспѣвала за событіями,

---

[1]) „Предѣлы власти короля и чиновничества". Мильтонъ написалъ эту книгу въ 1649 г., въ защиту суда надъ Карломъ I.

*

неудивительно, если первое значительное государственно-научное сочиненіе было враждебно революціи. Приверженцамъ революціи приходилось слишкомъ много заниматься вопросами практики, чтобы удѣлять много вниманія теоріи въ области государства и общества. Если кто-нибудь изъ нихъ брался за перо, онъ дѣлалъ это съ цѣлью оправдать или критиковать—смотря по обстоятельствамъ, опредѣленныя мѣропріятія или предложенія. Т. Гоббсъ, знаменитый философъ государственнаго абсолютизма, первый написалъ чисто теоретическое сочиненіе о сущности и основоположеніяхъ государства.

Это сочиненіе, подъ заглавіемъ «Левіаѳанъ», вышло на англійскомъ языкѣ въ 1651 г.; ему предшествовалъ трактатъ «О гражданинѣ», вышедшій въ 1642 г., но основныя мысли его повторяются и въ «Левіаѳанѣ». Мы ограничимся поэтому разсмотрѣніемъ теоріи общества въ томъ видѣ, какъ она изложена въ «Левіаѳанѣ». Эта теорія оказала большое вліяніе на всю государственно-философскую литературу 18-го вѣка, и даже въ 19 столѣтіи многіе соціалисты оставались подъ ея вліяніемъ.

Названіе «Левіаѳанъ» намекаетъ на мистическую гигантскую рыбу, о которой говорится у Іова. Гоббсъ называетъ Левіаѳаномъ государство или государственную власть [1]), благодаря которой «война всѣхъ противъ всѣхъ», которая иначе свирѣпствовала бы, вводится въ опредѣленныя рамки, и этимъ обезпечивается людямъ свободное пользованіе плодами ихъ труда или собственности. «Левіаѳанъ» это суверенный повелитель государства (по-латыни: civitas, по-англійски: commonwealth), и хотя Гоббсъ рѣшительно высказывается за абсолютную монархію, какъ за наиболѣе цѣлесообразную форму правленія, онъ понимаетъ эту теорію въ томъ смыслѣ, что совершенно безразлично, будетъ ли это суверенная власть одного лица или собранія лицъ. Но онъ рѣшительно противъ раздѣленія власти. Суверенность принадлежитъ лицу или корпораціи. Гоббса интересуетъ, главнымъ образомъ, *порядокъ*; его можно было бы назвать философомъ порядка во что бы то ни стало. У него все до такой степени подчинено суверенной власти государства, что послѣ реставраціи онъ былъ обвиненъ епископами государственной церкви въ богохульствѣ,—и это несмотря на то, что онъ былъ безусловнымъ поклонникомъ государственной церкви. Не потому, что онъ отрицалъ Бога,—нѣтъ, несмотря на свой матеріализмъ онъ не сомнѣвался въ существованіи Бога [2]),—

[1]) Полное заглавіе книги гласитъ: „Левіаѳанъ или матеріалъ, формы и предѣлы вліянія церковнаго и гражданскаго государства“.

[2]) Такъ, напримѣръ, онъ заявляетъ, что называть Бога міромъ или душою міра, значитъ выражаться о немъ непочтительно или даже отрицать его вовсе. Если бы Богъ былъ міромъ, онъ бы не могъ быть перво-

а потому, что онъ отрицалъ какую бы то ни было власть церкви въ противовѣсъ государственной власти [1]),—что въ глазахъ епископовъ было еще гораздо худшимъ преступленіемъ. Подобнымъ же образомъ нашъ наиболѣе послѣдовательный теоретикъ государственнаго абсолютизма нерѣдко навлекалъ на себя неудовольствіе своего царственнаго ученика Карла II,—за то, что основывалъ абсолютную власть королей не непосредственно на «Божіей милости», а объяснялъ ее вполнѣ утилитарно. По его мнѣнію она отъ Бога лишь постольку, поскольку она вытекаетъ изъ самой природы вещей, созданныхъ Богомъ; она является наиболѣе благопріятнымъ выходомъ изъ того положенія, когда «человѣкъ человѣку звѣрь».

Абсолютная государственная власть первоначально основывается, по Гоббсу, либо на подчиненіи завоевателю, либо на договорѣ. Но въ томъ и иномъ случаѣ люди переносятъ власть только изъ страха: въ первомъ случаѣ изъ страха передъ завоевателемъ, во второмъ случаѣ изъ страха передъ дурными наклонностями людей, отъ которыхъ долженъ защитить правитель. И въ обоихъ случаяхъ переданная или признанная власть *не можетъ быть отнята*, она навсегда принадлежитъ *суверенному правителю*, и можетъ быть отчуждаема отъ него только добровольно, но не можетъ быть потеряна имъ юридически. Лишь въ томъ случаѣ, если властитель оказывается неспособнымъ охранять законы и защищать страну, лишь тогда прекращается обязанность повиноваться.

Каждымъ правомъ, которымъ пользуется отдѣльная личность на основаніи закона, она обязана суверену, и у нея нѣтъ никакихъ правъ противъ суверена. Такъ называемое естественное право дѣйствуетъ лишь въ отношеніяхъ внѣ граждански-правовыхъ, но не противъ послѣднихъ.

причиной міра. Точно также нельзя называть міръ безпредѣльнымъ. То, что не имѣетъ начала, не можетъ быть создано, не имѣетъ, слѣдовательно своей причиной Бога. Трудно, правда, предположить, чтобы такой проницательный въ этихъ вопросахъ и съ такими естественно-научными познаніями мыслитель могъ не замѣтить нелѣпости подобной аргументаціи. И невольно возникаетъ предположеніе, что Гоббсъ въ своихъ сочиненіяхъ такъ отстаивалъ религію потому, что ее „необходимо сохранить для народа", и что онъ, наоборотъ, долженъ былъ дѣлать такой выводъ: такъ какъ міръ безконеченъ, то внѣ его нѣтъ мѣста для Бога. Тогда дѣлается вполнѣ понятнымъ, почему онъ считалъ священниковъ простыми чиновниками буржуазнаго государства,

[1]) Въ дневникѣ Сам. Пепи, въ замѣткахъ отъ 3-го сентября 1668 г. говорится: „былъ сегодня у своего книгопродавца за „Левіаѳаномъ" Гоббса; на эту книгу существуетъ сейчасъ большой спросъ: до сихъ поръ она стоила 8 шиллинговъ, а сегодня я заплатилъ за нее перекупщику 24 шиллинга; за нее берутъ даже 30 шиллинговъ, ибо эту книгу епископы не позволятъ больше печатать".

Собственность существуетъ лишь на основаніи гражданскаго права, въ естественномъ же состояніи всѣ имѣютъ одинаковое право на все. Все, чѣмъ владѣетъ одно лицо или группа лицъ, добыто исключительно хитростью или насиліемъ въ большей или меньшей степени. «*Неравенство, господствующее въ настоящее время, было введено гражданскими законами*». (Стр. 76 изд. *Morley*). «Распредѣленіе этихъ средствъ существованія (земли, привилегій промышленности и торговли) устанавливаетъ «мое» и «твое», однимъ словомъ, «собственность» и во всѣхъ государствахъ со всякаго рода устройствомъ оно подчинено суверенной власти»... «Изъ этого мы должны умозаключить, что собственность каждаго подданнаго на его землю выражается въ правѣ исключить всѣхъ остальныхъ изъ пользованія ею, но *не въ правѣ отстранить отъ такого пользованія суверена*, будь то коллегіальное учрежденіе или монархъ» (ibid. стр. 116).

Мы могли бы привести изъ «Левіаѳана» еще цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же разсужденій о собственности, и не требуется особенныхъ комментаріевъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ выводы въ духѣ соціализма. Но, несмотря на свои добрыя намѣренія, Гоббсъ былъ безконечно далекъ отъ какихъ бы то ни было соціалистическихъ выводовъ. Его мысли двигались въ совершенно иномъ направленіи, и отнюдь не въ области «чистыхъ» умозрѣній. Наоборотъ, его выводы, несмотря на абстрактную формулировку, имѣютъ у него совершенно *конкретный* смыслъ и имѣютъ въ виду политическую борьбу его эпохи. Это явствуетъ изъ 29-ой главы его книги, гдѣ онъ говоритъ о причинахъ распаденія государствъ. Тамъ изложены всѣ сѣтованія приверженцевъ королевской власти [1]) и между прочимъ тамъ говорится, какъ о великомъ злѣ, какъ о «недугѣ» государственнаго организма, о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя приходится претерпѣть государству, когда нужны деньги для государственныхъ цѣлей, именно при приближеніи войны. «Это затрудненіе», говорится далѣе, «проистекаетъ изъ того воззрѣнія, что каждый подданный пользуется правомъ собственности на свои земли и богатства, исключающимъ право суверена пользоваться ими». Вотъ въ чемъ заключается тайная причина слезъ добраго Гоббса

[1]) Такъ напримѣръ, мы находимъ тамъ жалобу на „непомѣрную величину города, который въ состояніи въ собственныхъ предѣлахъ собрать армію и дать средства на ея содержаніе“, что какъ мы видѣли сдѣлалъ Лондонъ въ 1642 г. Далѣе авторъ скорбитъ по поводу „права людей, считающихъ себя мудрыми политиками, спорить противъ абсолютной власти; эти люди, хотя и выросшіе въ средѣ народа, но одушевляемые ложными теоріями, вѣчно подкапываются подъ основные законы и становятся въ тягость государству“ (стр. 152).

по поводу теоріи о святости частной собственности. Если далѣе, чрезмѣрное накопленіе денегъ въ рукахъ немногихъ при помощи откуповъ и монополій онъ называетъ болѣзнью государства и сравниваетъ эту болѣзнь съ плевритомъ у человѣка, то въ данномъ случаѣ Гоббсъ оригиналенъ лишь въ этомъ сравненіи, въ остальномъ же онъ все сводитъ лишь къ *деньгамъ*, къ этой «крови» соціальнаго организма, а не къ накопленію богатствъ. Противъ крупнаго землевладѣнія онъ ничего не имѣетъ возразить.

Но нельзя безнаказанно вопросы простой цѣлесообразности возводить въ теоретическія аксіомы, и «master Hobbs» (по латинской орѳографіи-Hobbes) послѣ смерти прослылъ соціалистомъ и утопистомъ [1]. И дѣйствительно, стоитъ только на мѣсто абсолютнаго монарха или абсолютнаго коллегіальнаго правительства поставить абсолютный суверенитетъ народа, и, при помощи вышеприведенныхъ положеній, у насъ на бумагѣ окажутся налицо всѣ условія для радикальнаго преобразованія общества. Но Гоббсъ, несмотря на свой матеріализмъ, является утопистомъ и въ качествѣ теоретика монархическаго абсолютизма, ибо послѣдній основывается у него на «правахъ», висящихъ въ воздухѣ. Въ одномъ мѣстѣ (на стр. 88) онъ говоритъ, что суверенъ можетъ передать часть своихъ правъ и все же остаться патрономъ, если только онъ сохранитъ за собою вооруженную силу, право взимать подати и опредѣлять тѣ ученія, которыя могутъ быть распространяемы. Но какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ это возможно,—объ этомъ онъ не говоритъ ни слова; и наоборотъ, вслѣдъ за тѣмъ онъ выражаетъ мнѣніе, что гражданская война возникла вслѣдствіе распространившагося «мнѣнія» («opinion»), будто полномочія должны быть раздѣлены между королемъ, лордами и палатой общинъ. Если бы такія воззрѣнія не распространялись, «народъ никогда не раскололся бы на партіи».

Изъ всѣхъ возраженій противъ «Левіаѳана», сдѣланныхъ современниками Гоббса, несомнѣнно наиболѣе заслуживающимъ вниманія и интереснымъ является «Океанія» *Джемса Гаррингтона*. Такъ же мало, какъ и Гоббсъ, можетъ быть названъ соціалистомъ и Гаррингтонъ, но и его литературная дѣятельность имѣла великое, и можно сказать законное вліяніе на развитіе соціалистической мысли. Мы ниже убѣдимся, что буржуазно настроенный Гаррингтонъ имѣетъ больше шансовъ занять почетное мѣсто въ исторіи соціализма, чѣмъ многіе «фабриканты» соціалистическихъ «государствъ будущаго».

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о личности Джемса Гаррингтона. Онъ родился въ 1611 г. и происходилъ изъ состоятельной знатной

---

[1]) Утопистомъ его называлъ между прочимъ M. R. Reybaud.

семьи въ Рутландширѣ, которая была связана родственными узами со многими представителями высшаго дворянства. Онъ съ ранняго дѣтства обнаруживалъ большое прилежаніе и любознательность и своею серьезностью внушалъ своимъ родителямъ, по ихъ собственному заявленію, большее уваженіе къ себѣ, чѣмъ онъ питалъ къ нимъ. Но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ онъ отличался, наоборотъ, веселымъ жизнерадостнымъ темпераментомъ и блестящимъ остроуміемъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученія въ Оксфордскомъ университетѣ, съ цѣлью расширить свои знанія непосредственнымъ наблюденіемъ, онъ объѣздилъ Голландію, Данію, часть Германіи, Францію и Италію. Въ Италіи на него произвела большое впечатлѣніе республика Венеція и ея строй. Вернувшись въ Англію, онъ, послѣ смерти своего отца, посвятилъ себя воспитанію своихъ братьевъ и сестеръ, и все свободное время отдавалъ научнымъ занятіямъ и управленію своими имѣніями. Онъ былъ очень щедрымъ человѣкомъ и, говорятъ, что на предостереженія своихъ друзей не расточать доброты своей передъ неблагодарными, онъ возражалъ, что лишь ростовщическія души могутъ требовать такой высокой платы за свои дѣянія, какъ благодарность.

Въ Гаагѣ Гаррингтонъ былъ введенъ однимъ своимъ родственникомъ ко двору сестры Карла I, Елизаветы, жены бѣжавшаго богемскаго короля; и въ Англіи онъ часто бывалъ при дворѣ короля, хотя и не добивался тамъ мѣста. Эти личныя отношенія, повидимому, и мѣшали Гаррингтону выступить открыто въ періодъ борьбы между королемъ и парламентомъ, хотя принципіально онъ вполнѣ стоялъ на сторонѣ парламентской партіи. Когда въ 1647 году Карлъ I, послѣ взятія его въ плѣнъ, былъ заключенъ по распоряженію парламента въ Голденби, Гаррингтону и нѣкоему Томасу Герберту было разрѣшено постоянно видѣться съ нимъ. И на островѣ Уайтѣ Гаррингтонъ былъ въ числѣ собесѣдниковъ короля. Говорятъ, что король былъ очень доволенъ его обществомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда рѣчь заходила о монархіи и республикѣ, ибо Гаррингтонъ не скрывалъ своихъ симпатій къ республиканской формѣ правленія. Когда Карлъ былъ переведенъ въ Виндзоръ, Гаррингтонъ былъ разлученъ съ нимъ и взятъ подъ арестъ, такъ какъ онъ отказался дать клятву въ томъ, что будетъ доносить о попыткахъ короля къ бѣгству и будетъ препятствовать имъ. Однако, вліятельному Айртону скоро удалось добиться его освобожденія, и Гаррингтонъ еще много разъ посѣщалъ короля въ Сентъ-Джемсѣ и проводилъ его на мѣсто казни.

Послѣ казни короля Гаррингтонъ на долгое время совершенно ушелъ въ свои научныя занятія. На него сильно повліяла насильственная смерть короля, котораго онъ очень уважалъ, какъ человѣка, но это все же не могло побудить его выступить противъ республики. Наоборотъ, въ своемъ

уединеніи онъ рѣшилъ написать сочиненіе, которое указывало бы партіямъ путь, какъ выбраться изъ существующей неурядицы. Это сочиненіе и есть «Океанія» («Оцеана»). Прежде чѣмъ отдать свою книгу въ печать, онъ читалъ его многимъ своимъ знакомымъ, между прочимъ извѣстному намъ майору Уайльдману. Когда же его «Оцеана» была отпечатана, она была конфискована и перевезена въ Уайтъ-Галь, ибо правительству были сообщены о ней настоящіе ужасы. Несмотря на всѣ старанія, ему не удавалось получить книгу обратно, пока онъ не похлопоталъ объ этомъ у любимой дочери Кромвеля, леди Бриджетъ Клейполь, послѣ чего всемогущій диктаторъ лично распорядился выдать книгу автору. Впослѣдствіи, когда «Оцеана» появилась съ посвященіемъ Кромвелю, послѣдній будто бы сказалъ, что хотя авторъ и хочетъ заставить его разстаться съ вліятельнымъ положеніемъ, но за пару листовъ бумаги онъ не отдаетъ того, что пріобрѣлъ себѣ мечомъ. Онъ де искренній противникъ единоличнаго образа правленія, но вынужденъ былъ взять на себя роль верховнаого управителя (Constable), послѣ того какъ убѣдился, что партіи въ странѣ иначе никогда не придутъ къ соглашенію насчетъ формы правленія.

«Оцеана» вышла въ 1656 г. и тотчасъ же вызвала многочисленныя возраженія преимущественно со стороны теологовъ. Гаррингтонъ не оставался въ долгу у своихъ критиковъ, и его полемическія статьи, хотя и нѣсколько черезчуръ пространны, но обнаруживаютъ въ немъ начитаннаго и остроумнаго діалектика. Важнѣйшимъ изъ этихъ полемическихъ сочиненій являются «The Prerogative of Popular Government», направленное въ первой своей части противъ «Considerations upon Oceana» Матью Врена (сына епископа элійскаго), и во второй части противъ нѣкоторыхъ теологовъ, по поводу избирательныхъ системъ въ древности и въ первыхъ церковныхъ общинахъ. Въ отвѣтъ на опубликованную въ 1659 г. замѣтку Врена «За монархію», Гаррингтонъ выпустилъ небольшое саркастическое произведеніе «The politicaster». Кратокъ и полонъ ироніи его отвѣтъ на сочиненіе «The holy Commonwealth», которое набожный и многорѣчивый пуританинъ Ричардъ Бакстеръ противопоставилъ изображенному въ «Оцеанѣ» «языческому» государству [1]).

---

[1]) Для своего времени Гаррингтонъ дѣйствительно былъ „язычникомъ". Въ Оксфордѣ онъ принадлежалъ къ числу учениковъ чрезвычайно терпимаго теолога Шиллингворта, и позднѣе онъ былъ приверженцемъ безусловной терпимости въ религіозныхъ вопросахъ. В. Г. Лекка въ своей исторіи раціонализма называетъ Гаррингтона, Мильтона и І. Тайлора самыми выдающимися писателями, стоявшими въ то время на точкѣ зрѣнія абсолютной терпимости, послѣдніе двое главнымъ образомъ въ религіозныхъ вопросахъ, а первый — въ политическихъ. „Нужно признать, что изъ нихъ троихъ политикъ обладалъ наиболѣе широкой точкой

По просьбѣ своихъ друзей онъ въ 1659 г. издалъ сокращенное конспективное изложеніе развитыхъ въ «Оцеанѣ» основныхъ принциповъ, подъ заглавіемъ «The Art of Lawgiving», и изложенную по параграфамъ «System of Politics», представляющую собою еще болѣе сокращенную передачу «Оцеаны». Изъ остальныхъ произведеній Гаррингтона слѣдуетъ упомянуть о собраніи политическихъ афоризмовъ, о діалогѣ, въ которомъ развиты діалектически основные принципы «Оцеаны», и о трактатѣ: «Семь образцовъ государственнаго устройства изъ древней и новой исторіи».

Въ 1659 г. Гаррингтонъ устроилъ клубъ для пропаганды и развитія своихъ проектовъ. По принципу круговыхъ выборовъ, играющему крупную роль въ государственномъ идеалѣ Гаррингтона, клубъ получилъ названіе «The Rota», и въ числѣ его членовъ находились выдающіеся демократы той эпохи и многіе извѣстные литераторы. Кромѣ Джона Уайльдмана, «левеллера» Максимиліана Петти и пріобрѣтшаго впослѣдствіи извѣстность Вильяма Петти, о которыхъ мы уже упоминали выше, какъ о членахъ клуба «Rota», къ числу членовъ послѣдняго принадлежали еще республиканцы Генри Невилль, авторъ «Plato Ledivivus», сторонникъ пятой монархіи майоръ Веннеръ и извѣстный ученикъ Мильтона Куріакъ Скиннеръ [1]).

Засѣданія клуба бывали необыкновенно многолюдны, а о дискуссіяхъ относительно формъ правленія, которыя тамъ велись, даже враждебный республиканцамъ Антоній Вудъ говоритъ въ своемъ «Athenae Oxonienses», что они были наиболѣе остроумными и тонкими, какія ему когда либо приходилось слышать; пренія въ парламентѣ, по сравненію съ этими дискуссіями, казались безусловно плоскими. Лишь очень немногіе члены парламента были въ то же время членами клуба, большинство парламен-

---

зрѣнія. Онъ ясно сознавалъ, что политическая свобода не можетъ существовать безъ полной религіозной свободы, и что религіозная свобода состоитъ не въ одной лишь терпимости, а должна выразиться въ полномъ устраненіи всѣхъ религіозныхъ ограниченій. Въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ и предвосхитилъ воззрѣнія 19 столѣтія“ (т. II, стр. 60 нѣмецкаго изданія).

[1]) Мильтонъ самъ не былъ сторонникомъ кругового принципа. „Это колесо можетъ оказаться колесомъ принциповъ“, писалъ онъ во второмъ изданіи „The ready and easy way to establish a free commonwealth“. Нужные въ данный моментъ люди могутъ быть, по его мнѣнію, замѣнены людьми неспособными. Это произведеніе Мильтона вызвало со стороны королевской партіи юмористическое возраженіе „The Censure of the Rota upon Mr. Milton's book etc. etc.“. Оно заключаетъ въ себѣ мнимый отчетъ засѣданія клуба „Rota“, на которомъ обсуждалась книга Мильтона. Это возраженіе напечатано въ Harleian Miscellanies.

скихъ дѣятелей и слышать не хотѣло о круговомъ принципѣ. Когда въ февралѣ 1660 года генералъ Монкъ вновь призвалъ исключенныхъ (роялистскихъ) членовъ долгаго парламента и этимъ началъ реставрацію, клубъ «The Rota», въ виду неосуществимости въ данный моментъ своихъ стремленій, закрылся.

Для реставрированной монархіи Гаррингтонъ казался «подозрительнымъ», и въ концѣ декабря 1661 года этотъ человѣкъ, проводившій, въ качествѣ друга, на эшафотъ Карла I, былъ внезапно арестованъ безъ объясненія причинъ и подвергнутъ строгому заключенію въ Тоуэрѣ. Лишь послѣ усиленныхъ хлопотъ его сестеръ онъ былъ вызванъ на допросъ; оказалось, что на него донесли, будто онъ участвовалъ въ тайныхъ собраніяхъ представителей всѣхъ секцій республиканской партіи, на которыхъ совѣщались о способахъ насильственнаго возстановленія республики и разрабатывался планъ практическаго проведенія возстанія. Дѣло, однако, такъ и кончилось однимъ допросомъ. Всѣ его просьбы о преданіи его суду для того, чтобы онъ могъ оправдаться, остались безъ результата, и когда онъ, въ концѣ концовъ, черезъ одну изъ своихъ сестеръ, потребовалъ судебнаго распоряженія объ арестѣ, онъ, послѣ утомительнаго полугодового ареста, былъ поспѣшно увезенъ тайно на необитаемый скалистый островъ Сенъ-Никласъ, расположенный противъ Плимута. Лишь послѣ того, какъ онъ заболѣлъ тамъ скорбутомъ, ему разрѣшено было, по внесеніи крупнаго залога (5000 фунтовъ стерлинговъ), поселиться въ Плимутской крѣпости. Тамъ онъ попалъ въ руки шарлатана-врача, который едва не довелъ его до смерти нечеловѣческими дозами всевозможныхъ лекарствъ. Къ счастью сестры его въ послѣдній моментъ добились отъ короля приказа объ освобожденіи Гаррингтона. Полечившись въ различныхъ курортахъ, послѣдній вернулся въ Лондонъ, гдѣ прожилъ еще до 1677 г., хотя ему не удалось совершенно оправиться. Уже въ Плимутѣ распространился слухъ, что болѣзнь оказала вліяніе на его разсудокъ, и въ Лондонѣ, несмотря на его вполнѣ логичныя разсужденія, на него смотрѣли, какъ на человѣка, не совсѣмъ нормальнаго, благодаря его соображеніямъ о природѣ своей болѣзни и законахъ природы вообще. Возможно, что онъ дѣйствительно страдалъ галюцинаціями, но очень возможно также и то, что окружающіе не понимали его и принимали въ буквальномъ смыслѣ его фигуральныя выраженія. Среди оставшихся послѣ его смерти документовъ было найдено начало трактата «О механикѣ природы». Основываясь на опытѣ собственной болѣзни и стремясь доказать вѣрность сдѣланныхъ имъ во время этой болѣзни наблюденій, онъ открываетъ дѣйствительно довольно фантастическія перспективы, но при недостаточномъ знакомствѣ съ природой въ то время, онѣ были неизбѣжны для каждаго, кто стремился дать цѣльную картину

«самосозидающей» природы. Въ общемъ же трактатъ отличается такой стройностью и законченностью, что мысль о безуміи его автора совершенно не можетъ придти въ голову. Наоборотъ, эта первая часть трактата содержитъ въ себѣ немало такихъ положеній, которыя изобличаютъ въ немъ выдающійся умъ. Приведемъ здѣсь для примѣра нѣсколько выдержекъ оттуда.

«Природа—это «да будетъ», дыханіе, и во всей области ея дѣятельности—истинное слово Божіе. Природа—духъ; тотъ самый духъ Божій, который вначалѣ носился надъ водой, его пластическая сила, «dynamis» или «diaplasike», «energia zotike». Она — провидѣніе Божіе въ его господствѣ надъ дѣлами міра сего, то провидѣніе, о которомъ сказано, что безъ него даже воробей не погибнетъ. Она непогрѣшима... Но она ограничена и не можетъ выйти за предѣлы матеріи, поэтому отъ нея никакихъ чудесъ ожидать нельзя... Природа не только духъ, она снабжена, или, вѣрнѣе, снабжаетъ себя безчисленнымъ множествомъ служебныхъ духовъ, при помощи которыхъ она вліяетъ на всю матерію—универзумъ—вселенную, или на отдѣльныя части—тѣла людей. Эти служебные духи—это извѣстныя *эѳирныя частицы*, которые невидимымъ образомъ перемѣшаны съ элементарной матеріей; они вліяютъ обыкновенно незамѣтно и нечувствительно и *могутъ* (!) быть названы животными духами... Животные духи, во вселенной или въ человѣческомъ тѣлѣ, суть добрые или злые духи, смотря по *матеріи*, въ которой и изъ которой они созданы. Добрый духъ для одного можетъ оказаться злымъ духомъ для другого, подобно тому какъ пища нѣкоторыхъ животныхъ является ядомъ для человѣка... Ничто въ природѣ не уничтожается и ничто не теряется, и поэтому все, что выдыхается («транспирируется»), воспринимается духами вселенной и используется, такъ или иначе».

Если оставить въ сторонѣ выраженіе «духъ», мы должны будемъ признать за Гаррингтономъ матеріалистическій образъ мыслей, поскольку это вообще въ то время было возможно. И даже самое мистическое и фантастическое положеніе трактата Гаррингтона имѣетъ безусловно матеріалистическое основаніе, и Гаррингтонъ въ своемъ введеніи опредѣленно говоритъ, что, оставивъ въ сторонѣ всѣ книги и теоріи, онъ хочетъ изобразить природу въ томъ видѣ, какъ она «воспринималась впервые моими чувствами и черезъ ихъ посредство моимъ умомъ». Онъ говоритъ: «Животные духи при своемъ распространеніи обыкновенно вытягиваются въ различныя фигуры, соотвѣтствующія маленькимъ ручкамъ и пальцамъ, при помощи которыхъ они перерабатываютъ матерію въ процессѣ дыханія («транспирація»), подобно тому какъ они освобождаютъ ее въ организмѣ при потребленіи и перерабатываютъ ее механическимъ путемъ

(«by manufacture»); ибо это совершенно механическія дѣйствія и настоящій физическій трудъ вродѣ того, которымъ заняты люди въ нашихъ мастерскихъ и работныхъ домахъ».

Если здѣсь Гаррингтонъ сравниваетъ «животные духи» съ руками и пальцами, то въ разговорахъ съ окружающими онъ, повидимому, прибѣгалъ къ еще болѣе нагляднымъ аналогіямъ, не умѣя въ то же время выражаться настолько ясно, чтобы слушатели его поняли, что это именно лишь аналогія. Отсюда тѣ разсказни, будто онъ принимаетъ летающихъ мухъ и осъ за выдѣленія своего мозга, что ему кажется, будто его посѣщаютъ ангелы и черти и т. п. Въ трактатѣ не имѣется никакихъ намековъ на существованіе подобныхъ галлюцинацій; единственный разъ, гдѣ упоминаются понятія «ангельскій» и «дьявольскій», они прилагаются именно къ дѣйствіямъ охарактеризованныхъ выше «животныхъ духовъ» и объясняются ими. Словомъ, изъ даннаго трактата нельзя умозаключить о безуміи Гаррингтона.

Вотъ все, что мы хотѣли сказать о личности автора «Оцеаны». Теперь переходимъ къ самому сочиненію и къ дальнѣйшимъ его передѣлкамъ.

Какъ уже показываетъ заглавіе, «Оцеана» есть плодъ фантазіи, изображеніе государства, котораго нѣтъ, но какимъ оно должно быть. Такимъ образомъ это сочиненіе относится къ утопіямъ. И все же въ немъ нѣтъ ничего утопическаго, кромѣ увѣренности Гаррингтона, что стоитъ лишь надлежащимъ образомъ устроить государство, чтобы сохранить его навѣки въ такомъ положеніи, если только его существованіе или равновѣсіе не будетъ нарушено какой-нибудь силой *извнѣ*. Въ общемъ же, именно историческое пониманіе является наиболѣе замѣчательной чертой Гаррингтона и дѣлаетъ крупный шагъ впередъ по пути къ историческому матеріализму. И если «Оцеана» рисуетъ государство не такимъ, какъ оно есть, то предпосылки этого изображенія взяты изъ *дѣйствительности* и выводы ея сдѣланы на основаніи *данныхъ условій*.

Изображенное въ «Оцеанѣ» государство — это Англія въ томъ видѣ, въ какомъ она рисовалась Гаррингтону и его современникамъ. Гаррингтонъ не только не стремится скрыть это отъ читателя, но наоборотъ желаетъ дать понять объ этомъ. «Оцеана» была разсчитана на непосредственное осуществленіе. Всѣ собственныя имена, взятыя изъ латинской и греческой исторіи видоизмѣнены такимъ образомъ, чтобы возможно яснѣе охарактеризовать лица и мѣста, которыя они должны обозначать. Такъ названіе самой Англіи — «Оцеана». Лондонъ названъ у Гаррингтона — Эмпоріумъ, Вестминстеръ (въ виду того, что это аббатство)—Гіера, Вестминстеръ-Голь—Пантеонъ. Король Іоаннъ—это Адоксусъ (безславный), Генрихъ VII—

«Панургусъ» (хитрый), Елизавета—«Партевія» (дѣвственная), Яковъ I—«Морфей» (Богъ сна или непостоянный), Бэконъ—«Веруламъ», Гоббсъ—«Левіаѳанъ», Оливеръ Кромвель—«Олфей Мегалеторъ» (побѣдоносный и великодушный) и т. п.

Книга распадается на четыре отдѣла. Первая—разсматриваетъ различныя правительственныя и государственныя системы, вторая—говоритъ о цѣлесообразныхъ способахъ устройства республики, третья — приводитъ примѣръ учрежденной на правильныхъ принципахъ республики, (авторъ изображаетъ въ ней «Оцеану» (Англію), какъ примѣръ такой республики), а четвертая часть, въ видѣ прибавленія, разсматриваетъ вѣроятныя послѣдствія преобразованія Англіи въ республику по образцу «Оцеаны».

Эта республика, предполагается, будетъ смѣшанно-буржуазной. Изъ ея учрежденій «Rota» и «Ballot» являются наименѣе существенными, хотя Гаррингтонъ и останавливается на нихъ съ любовью. Онъ наблюдалъ ихъ въ Венеціи, а венеціанское устройство, вполнѣ приспособленное къ условіямъ этой республики, казалось ему почти идеальнымъ. Но такъ какъ онъ хорошо сознавалъ различіе матеріальныхъ основъ венеціанской республики и британской островной монархіи [1]), то онъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ сказать себѣ, что Англія обладаетъ и другими средствами избѣжать олигархіи, кромѣ голосованія шарами и круговыхъ выборовъ адріатической республики. Но имъ, повидимому, всецѣло завладѣла мысль, предлагать повсемѣстно лишь такія мѣропріятія, пригодность которыхъ уже обнаружилась, относительно которыхъ имѣются уже прецеденты, и не его вина, если о его предложеніи круговыхъ выборовъ писали больше, чѣмъ, напримѣръ, о его «аграрномъ законѣ».

Этотъ, какъ онъ его называетъ, «Agrarian» долженъ служить дальнѣйшей и собственно главной гарантіей противъ возврата къ прежнему монархическому или феодальному состоянію. По этому закону никто не имѣетъ права владѣть землей свыше 2.000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода: если же кто-нибудь при введеніи закона владѣлъ боль-

---

[1]) Такъ, уже во введеніи, ссылаясь на примѣръ Венеціи, онъ указываетъ на то, какъ выгодно изолированное положеніе для республики; „и все же она, благодаря недостатку мѣста и вооруженія (т. е. воиновъ), никогда не можетъ стать ничѣмъ инымъ, какъ приспособленнымъ къ самосохраненію государствомъ, въ то время какъ Англія, сдѣлавшись такой же республикой, будетъ имѣть возможность расширяться, опираясь на самыя могущественныя основы, которыя когда либо видѣлъ міръ. Море даетъ законъ роста Венеціи, но растущая Оцеана даетъ законы морю“. Въ этихъ словахъ Гаррингтонъ предвосхитилъ британскій народный гимнъ „Rull Britannia“.

шимъ участкомъ земли, онъ лишался права передавать ее по наслѣдству. Согласно вычисленіямъ относительно доходности земли въ тогдашней Англіи, земельная площадь могла бы прокормить не менѣе 5.000 землевладѣльцевъ, и этимъ самымъ исключалась возможность господства дворянъ и опирающейся на дворянство монархіи. Впрочемъ, до такой концентраціи дѣло, по мнѣнію Гаррингтона, никогда не дойдетъ; наоборотъ, онъ разсчитываетъ на перевѣсъ мелкаго землевладѣнія надъ крупнымъ въ отношеніи по меньшей мѣрѣ 3 къ 1; этимъ самымъ въ принципѣ уже данъ демократическій характеръ государственнаго устройства, ибо government follows property «управленіе сообразуется съ собственностью», или, какъ мы выразились бы нынѣ: политическій строй всегда опредѣляется отношеніями собственности.

Такова основная идея, красной нитью проходящая черезъ все сочиненіе Гаррингтона, которую онъ всюду прослѣживаетъ въ исторіи, и которою онъ чрезвычайно удачно объясняетъ историческія явленія и нерѣдко высказываетъ прямо геніальныя предположенія. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, при тогдашней экономической структурѣ Англіи, онъ переносилъ центръ тяжести на земельную собственность. Собственность на деньги и движимое имущество, по его мнѣнію, не идетъ въ разсчетъ, ибо она имѣетъ «крылья», а это было совершенно вѣрно въ ту эпоху, когда крупный купецъ все еще былъ «merchant *adventurer*», а мануфактура все еще обрѣталась на низшей ступени развитія. Попытка основать аристократическое правленіе на одной только денежной собственности, никогда не имѣла успѣха; лишь въ такихъ государствахъ, гдѣ населеніе живетъ преимущественно торговлей, какъ въ Венеціи и Голландіи, распредѣленіе денежной собственности можетъ имѣть такое же значеніе, какъ въ другихъ мѣстахъ земельное владѣніе.

Что касается Англіи, то изъ развитія земельной собственности при Тюдорахъ Гаррингтонъ умозаключаетъ о неизбѣжности политической революціи. Онъ описываетъ, какъ Генрихъ VIII, путемъ распущенія дружинъ, путемъ измѣненія законовъ о передачѣ земельной собственности, и посредствомъ изданія законовъ, имѣвшихъ цѣлью созданіе самостоятельныхъ крестьянскихъ владѣній, уменьшилъ феодальное землевладѣніе и увеличилъ землевладѣніе «народа», т. е. буржуазныхъ классовъ, власть которыхъ онъ такимъ образомъ усилилъ до того, что она сдѣлалась опасной для его трона. Онъ излагаетъ какъ Генрихъ VIII уничтоженіемъ монастырей способствовалъ этому процессу и доставилъ народной промышленности такую богатую добычу, что при Елизаветѣ соотношеніе силъ настолько уже измѣнилось, что мудрому совѣту королевы можно было почти совершенно игнорировать дворянство; въ концѣ концовъ, для окончательнаго паденія королевской власти недоставало только того, чтобы народъ понялъ тайну своей несо-

знаваемой имъ силы. И тогда то «короля, который былъ въ спорахъ настолько же упрямъ, насколько его власть была уже слаба», духовенство побудило къ дѣйствіямъ, стоившимъ ему жизни.

«Ибо палата лордовъ, одна только устоявшая до сихъ поръ, раздѣлилась между королемъ и народомъ и показала такимъ образомъ, что Крассъ умеръ и Истмійскій перешеекъ прорванъ. Но королевская власть, лишенная дворянства, не имѣетъ другой опоры, кромѣ арміи. И поэтому уничтоженіе правительства (или тѣхъ элементовъ на которыхъ построено правительство) ведетъ къ гражданской войнѣ, а не гражданская война къ паденію правительства» (стр. 60, 61).

Гаррингтонъ считалъ невозможнымъ возстановленіе королевской власти иначе, какъ только путемъ новаго измѣненія отношеній собственности («баланса собственности», какъ онъ выражается). Мудрые критики, вродѣ старшаго Дизраэли [1]), смѣялись надъ этимъ, указывая на то, что черезъ 4 года послѣ появленія «Оцеаны», была возстановлена монархія. Но это показываетъ, какъ плохо они понимали Гаррингтона. Послѣдній утверждалъ только то, что *упразднить политическое господство буржуазныхъ классовъ*, включая сюда и буржуазное землевладѣніе, *невозможно*, если не произойдетъ существеннаго измѣненія въ отношеніяхъ собственности; а это положеніе было вполнѣ доказано исторіей. Гаррингтонъ прекрасно зналъ, что существуютъ смѣшанныя формы правительства, онъ приводитъ цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ, но въ каждомъ такомъ случаѣ онъ выискиваетъ тѣ элементы, на которые главнымъ образомъ опиралось правительство, чтобы по нимъ опредѣлить характеръ послѣдняго. Онъ не могъ предвидѣть, какой плодъ произрастетъ отъ парламентской монархіи, но появленіе ея было подтвержденіемъ гаррингтоновской теоріи, а не ея опроверженіемъ [2]).

Неудавшаяся попытка Стюартовъ возстановить абсолютную монархію оправдываетъ все, что писалъ Гаррингтонъ, возражая Гоббсу.

«Вы хотите воздвигнуть королевство», писалъ онъ, «но какимъ бы новымъ оно не было, если только вы не въ состояніи построить его при

---

[1]) Исаакъ Дизраэли, отецъ Дизраэли-Биконсфильда, въ „Amenities of Literature".

[2]) „При современномъ состояніи Англіи", пишетъ онъ въ 1659 г., „приверженцы республики могутъ оказаться побѣжденными, благодаря недостатку умѣнья (вести свое дѣло), но роялисты окажутся побѣжденными, благодаря отсутствію реальной основы; первые могутъ не достигнуть цѣли, вслѣдствіе неспособности, вторые — вслѣдствіе невозможности ея осуществленія". (Стр. 540 собранія главнѣйшихъ сочиненій Гаррингтона изд. Толанда 1773 г.).

помощи одной лишь геометріи, какъ «Левіаөана» (ибо что иное можетъ обозначать ничѣмъ не обоснованное требованіе, чтобы всякій человѣкъ подчинялъ свою волю волѣ монарха?), оно должно покоиться на *старыхъ* принципахъ, т. е. либо на существованіи мощнаго *дворянства*,—при условіи соотвѣтствующаго перемѣщенія собственности,—либо на *арміи*» (Оцеана», стр. 61). Послѣднее нужно понимать въ томъ смыслѣ, что армія должна быть составлена изъ лицъ другого племени, а земля, на которой она поселилась, должна принадлежать монарху, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, у мамелюковъ въ Египтѣ. Гоббсъ, между прочимъ, смѣялся надъ «договорнымъ государствомъ», какъ его понимали республиканцы; онъ полагалъ, что законъ покоится лишь на силѣ *оружія*, и безъ этой опоры онъ не что иное, какъ листъ бумаги. На это Гаррингтонъ отвѣчалъ: «онъ («Левіаөанъ») могъ бы сдѣлать дальнѣйшій выводъ, что оружіе безъ *руки*, которая его направляетъ, есть не что иное, какъ кусокъ холоднаго желѣза. Рука, держащая оружіе, это народная милиція... Армія же—это животное, обладающее большимъ желудкомъ, который долженъ быть наполненъ. Это обстоятельство вновь приводитъ насъ къ вопросу о томъ, какія у насъ пастбища, а это зависитъ отъ баланса *собственности*, безъ которой общественная власть—лишь одно названіе или игрушка». (Стр. 10). Словомъ, кто имѣетъ средства, чтобы пасти на лугу это животное съ большимъ желудкомъ, какъ султанъ своихъ тиміаріотовъ, тотъ можетъ смѣяться надъ договорнымъ государствомъ. Но когда пастбищемъ является обремененное арендаторами и крѣпостными имѣніе (феодальнаго) дворянства, «то при такомъ положеніи королю невозможно управлять страной иначе, чѣмъ на основѣ договора; если же онъ нарушаетъ договоръ, дѣло кончается столкновеніемъ». (Стр. 20, 21).

Гаррингтонъ выступаетъ противникомъ Гоббса лишь въ области политики. Къ *философу* Гоббсу онъ относится съ величайшимъ уваженіемъ. «Правда», говоритъ онъ въ «The Prerogative of Popular Government», «я опровергалъ политическія ученія господина Гоббса съ такимъ же пренебреженіемъ, съ какимъ онъ самъ нападалъ на политическія ученія величайшихъ авторовъ... Тѣмъ не менѣе, я твердо убѣжденъ, что въ другихъ отношеніяхъ Гоббсъ является въ настоящее время величайшимъ писателемъ міра и въ будущемъ будетъ считаться таковымъ. Въ частности же все, что касается его статей о природѣ человѣка, о свободѣ и необходимости, то они являются величайшими откровеніями современности; я слѣдовалъ и буду имъ слѣдовать». (Ibid., Edit. Toland, стр. 252).

Но онъ не останавливается на Гоббсѣ, онъ идетъ дальше и примѣняетъ его опредѣленіе воли къ исторіи. Законъ есть продуктъ воли, пишетъ онъ въ «The Prerogative», но воля не дѣйствуетъ безъ побуди-

тельной причины, а побудительной причиной для воли служитъ *выгода*. (Ibid., стр. 241). Смѣшно поэтому говорить о формѣ правленія или государственнаго устройства, что она наиболѣе естественная. «Правительство»,—въ широкомъ смыслѣ слова, какъ государственное устройство,—«одинаково искусственно, будь оно демократическимъ или монархическимъ; поэтому, чтобы опредѣлить, какое изъ нихъ наиболѣе естественное, мы должны излѣдовать, какое изъ этихъ произведеній искусства ближе къ природѣ». Возьмемъ домъ и корабль,—первый естественъ на сушѣ, второй на морѣ. *Всякая правительственная система искусственна какъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и сама по себѣ, и въ то же время естественна по своему происхожденію и по своей основѣ.* (Стр. 341).

Съ величайшимъ уваженіемъ говоритъ Гаррингтонъ о Маккіавели. Послѣдній кажется ему «достойнымъ удивленія», «царемъ политическихъ писателей» [1]). Тѣмъ не менѣе, онъ проявляетъ полную независимость мнѣній и нерѣдко очень удачно исправляетъ Маккіавели. «Народъ испорченный, говоритъ Маккіавели, не способенъ къ республиканскому образу правленія. Но когда онъ начинаетъ доказывать, что значитъ испорченный народъ, онъ запутывается самъ или запутываетъ меня, и я не могу выбраться изъ лабиринта иначе, какъ сказавъ себѣ: когда измѣняется распредѣленіе собственности (балансъ), народъ неизбѣжно *долженъ* испортиться съ точки зрѣнія прежней формы правленія. *Но испорченность въ данномъ смыслѣ имѣетъ такое же значеніе, какъ въ естественныхъ организмахъ: испорченность формы правленія озна-*

1) „Одинъ человѣкъ можетъ пойти на смерть и гибель, чтобы спасти націю, но ни одна нація не пойдетъ на смерть и гибель, чтобы спасти человѣчество. Маккіавелли ругаютъ за то, что онъ сказалъ, если дѣло идетъ о спасеніи государства или о сохраненіи свободы, тогда нечего обращать вниманіе на то, что справедливо, или несправедливо, что милосердно или жестоко, что благородно и что позорно. Въ той формѣ, какъ это у него выражено, это грубо, но воображать, что нація, благодаря данному ею обѣщанію или благодаря договору скорѣе обречетъ себя на смерть или гибель, чѣмъ при отсутствіи такого обѣщанія или договора,—было бы не благочестіемъ, а глупостью".

„Испорченность правительства у Маккіавелли нужно понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается у Гиппократа болѣзнь въ человѣческомъ организмѣ. Ни Гиппократъ, ни Маккіавелли не создали ни болѣзней въ человѣческомъ организмѣ, ни испорченности въ правительствѣ; и то и другое существовало до нихъ. И когда мы видимъ, что они лишь открыли ихъ природу, то мы должны признать, что ихъ дѣятельность была направлена не къ тому, чтобы увеличить зло, а къ тому, чтобы излечить его. Такова правда объ этихъ двухъ писателяхъ" (Harrington, A system of Politics, Edit. Toland, s. 509 a. 514.

чаетъ нарожденіе новой формы. Поэтому, если распредѣленіе собственности исходитъ отъ монархіи, то въ такомъ случаѣ испорченность народа дѣлаетъ его способнымъ къ республикѣ. Но такъ какъ я хорошо знаю, что испорченность, о которой онъ говоритъ, относится къ нравамъ, то (прибавляю я) и эта испорченность происходитъ отъ измѣненія въ распредѣленіи собственности... Тамъ, гдѣ распредѣленіе собственности изъ демократическаго дѣлается олигархическимъ или монархическимъ, общественное благо, включая сюда разумъ и справедливость, пріобрѣтаетъ болѣе частный характеръ, роскошь замѣняетъ умѣренность, рабство замѣняетъ свободу... Но такъ какъ распредѣленіе собственности въ Англіи шло въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ въ Римѣ, то и народные нравы нисколько не испортились, наоборотъ, народъ пріобрѣлъ способность къ республиканскому образу правленія». («Оцеана», стр. 64, 65). Несомнѣнно, что раскрытіе революціоннаго значенія испорченности составляетъ крупную заслугу Гаррингтона.

Мы могли бы привести еще цѣлый рядъ мѣстъ изъ сочиненій Гаррингтона, которыя показываютъ, что Гаррингтонъ былъ настолько близокъ къ историческому матеріализму, насколько это только было возможно въ 17-мъ столѣтіи. Когда, напримѣръ, онъ говоритъ о *собственности*, какъ объ основѣ политическихъ и другихъ учрежденій, которыя являются ея надстройками, то онъ отнюдь не понимаетъ собственность въ узкомъ значеніи слова. Въ «System of Politics» онъ говоритъ: «Промышленность болѣе, чѣмъ что бы то ни было является областью накопленія; а ничто такъ не презираетъ равенство, какъ накопленіе». Такъ какъ «доходъ народа зависитъ отъ дохода съ промышленности», то опасность, чтобы народъ не принялся за насильственное уравненіе (levelling) совершенно исключена. Эти слова вполнѣ справедливы по отношенію къ той эпохѣ, въ которую жилъ Гаррингтонъ. И если Гаррингтонъ полагаетъ, что существованіе джентри, т. е. класса состоятельныхъ собственниковъ, не только не опасно для демократіи, но даже полезно, если только большая часть земельной площади останется за крестьянами, то и это его мнѣніе вполнѣ справедливо для того времени, когда онъ писалъ. Прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ исходилъ изъ крупныхъ имѣній. Въ «Оцеанѣ» Гаррингтонъ объявляетъ достойнымъ высшей славы того, кто найдетъ способъ положить конецъ вѣчному возрастанію, благодаря конкурренціи, арендныхъ цѣнъ, развивая въ то же время раціональное хозяйство.

Признавая зависимость политической конституціи отъ способа распредѣленія собственности, Гаррингтонъ, однако, понимаетъ, что и другіе факторы, какъ напримѣръ, географическое положеніе страны, могутъ вліять на политическія условія и измѣнять ихъ; на основаніи того, что Англія, расположенная на островахъ, защищена отъ внѣшнихъ вліяній, онъ

заключаетъ о возможности для нея правильнаго развитія. Сотрудникъ его, вышеупомянутый Генри Невиль, въ своемъ появившемся въ 1683 г. «Plato Redivivus», объясняетъ относительную долговѣчность императорской власти въ тамошней *Германіи* фактомъ угрожающаго сосѣдства Франціи, съ одной стороны, и постоянной опасности турецкаго нашествія, съ другой; между тѣмъ Гаррингтонъ уже въ своемъ «The Prerogative» etc. называетъ Германскую имперію своего рода республикой отдѣльныхъ князей, которая «являетъ собою не очень то хорошій примѣръ» (Ibid. стр. 382). Затѣмъ, нельзя считать признакомъ отсталости тотъ фактъ, что Гаррингтонъ въ понятіе «народъ» включалъ всѣ буржуазные классы; извѣстно, что Сенъ-Симонъ, напримѣръ, еще въ началѣ XIX столѣтія употребляетъ терминъ «рабочіе» по отношенію ко всему промышленному населенію, къ трудящимся и работодателямъ, безразлично. Въ эпоху Гаррингтона промышленные классы различались между собою лишь по размѣрамъ состоянія или доходовъ; существовали нищіе, но не было обреченнаго на вѣчную зависимость класса пролетаріевъ. Сообразно съ этимъ и квалифицируется населеніе въ «Оцеанѣ».

Въ образцовой республикѣ Гаррингтона народъ дѣлится на «свободныхъ или гражданъ и рабовъ», но къ послѣднему слову имѣется добавленіе «while such»—пока они останутся таковыми. Далѣе, въ поясненіе, говорится: «ибо когда они сдѣлаются независимыми, т. е. станутъ жить на свой счетъ, они будутъ свободными или гражданами». И это постановленіе не нуждается ни въ какомъ обоснованіи, ибо «состояніе (экономической) зависимости по природѣ своей несоединимо со свободой или участіемъ въ управленіи республикой» («Оцеана», стр. 76).

Другое интересное для насъ дѣленіе населенія въ «Оцеанѣ», это дѣленіе на *два класса, сообразно получаемымъ доходамъ*: классъ гражданъ, получающихъ выше ста фунтовъ стерлинговъ дохода, и классъ гражданъ, получающихъ сто и менѣе фунтовъ дохода. Это дѣленіе имѣетъ рѣшающее значеніе для организаціи *защиты страны*: кто имѣетъ свыше ста фунтовъ дохода, обязанъ служить въ конницѣ, кто имѣетъ менѣе ста—служитъ въ пѣхотѣ. Всѣ мужчины, моложе 30 лѣтъ, служатъ въ арміи, старше 30 лѣтъ—несутъ гарнизонную службу. Въ явномъ противорѣчіи съ левеллерами, Гаррингтонъ не допускаетъ никакихъ исключеній по отбыванію воинской повинности; лишь всеобщая воинская повинность можетъ, по его мнѣнію, служить гарантіей противъ возникновенія въ арміи антидемократическихъ тенденцій. Онъ является сторонникомъ всеобщей воинской повинности и изъ чисто военныхъ соображеній. Чрезвычайно невыгодно вести войну съ маленькой арміей. Дѣленіе классовъ по доходамъ опредѣляетъ, далѣе, и дѣленіе по отношенію къ выборамъ.

Классъ людей, получающихъ болѣе ста фунтовъ дохода, выбираетъ прямыми выборами *сенатъ*, который состоитъ изъ трехъ сотъ членовъ, составляетъ законопроекты и обсуждаетъ законы и постановленія.

Вся страна дѣлится территоріально на 50 трибъ, послѣднія раздѣлены на сотни, которыя въ свою очередь, дѣлятся на приходы. Всѣ они сами выбираютъ должностныхъ лицъ. Народное представительство, являющееся «рѣшающей трибой» («prerogative tribe»), состоитъ изъ 600 выборныхъ отъ гражданъ, получающихъ менѣе ста фунтовъ дохода, и 450 выборныхъ отъ гражданъ, получающихъ свыше 100 фунтовъ дохода; такимъ образомъ центръ тяжести переносится на первыхъ. Это народное представительство имѣетъ *исключительное* право *рѣшающаго голосованія* предложенныхъ законовъ. То, что оно постановляетъ, является «закономъ страны». Если оно отвергаетъ отдѣльные пункты, они возвращаются въ сенатъ для вторичнаго обсужденія, и въ исправленномъ видѣ вновь поступаетъ на утвержденіе народнаго представительства. Каждый новый законопроектъ печатается и вручается народному представительству за шесть недѣль до его голосованія, но народное представительство само, въ качествѣ собранія, не обсуждаетъ его, а *лишь голосуетъ*.

Тѣмъ, что каждый изъ двухъ классовъ будетъ имѣть своихъ особыхъ представителей, т. е. установленіемъ *системы классовыхъ выборовъ*, Гаррингтонъ не ставитъ себѣ цѣлью обезпечить представительство интересовъ болѣе состоятельныхъ, а наоборотъ, онъ надѣется достигнуть этимъ того, чтобы въ народномъ представительствѣ *несостоятельные* были представлены сильнѣе первыхъ. Въ діалогѣ: «Валеріусъ и Публикола», вышедшемъ въ октябрѣ 1659 г., въ которомъ Гаррингтонъ діалектически излагаетъ основные принципы «Оцеаны», онъ говоритъ, что англійскій парламентъ до сихъ поръ состоялъ лишь изъ представителей состоятельныхъ классовъ, вопреки тому, что низшіе классы все-таки пользовались кое-какими избирательными правами; и это проистекало не только вслѣдствіе зависимости отъ лордовъ. И безъ этого, при всеобщихъ выборахъ, будутъ выбирать преимущественно болѣе состоятельныхъ людей. Поэтому нужно обезпечить за низшими классами перевѣсъ въ народномъ представительствѣ путемъ установленія выборовъ по классамъ [1]).

Вообще же Гаррингтонъ полагалъ, что демократія будетъ въ достаточной мѣрѣ обезпечена тѣмъ, что обладаніе правомъ выбирать въ сенатъ будетъ связано съ обладаніемъ извѣстнымъ достаткомъ которымъ можетъ обладать всякій прилежный и дѣльный человѣкъ. То обстоятельство, что из-

---

[1]) Harrington, Edit. Toland, стр. 479, 480.

вѣстный доходъ давалъ возможность занимать почетныя должности, Гаррингтонъ считалъ весьма полезнымъ стимуломъ для развитія трудолюбія.

Само собою понятно, что въ «Оцеанѣ» обращается должное вниманіе на правильную постановку учебнаго дѣла, на обученіе техникѣ, развитіе наукъ и промышленности. Приняты мѣры и къ обезпеченію стариковъ и инвалидовъ. Мы упоминали уже и о томъ, что на «Оцеанѣ» господствуетъ полная свобода религіозныхъ вѣрованій. Гаррингтонъ многократно повторяетъ, что гражданская свобода немыслима безъ свободы совѣсти и наоборотъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, почему приверженцы государственной церкви и пресвитеріане, такъ неистово нападали на Гаррингтона. И послѣдній въ свою очередь охотно изощряетъ свое остроуміе по адресу теологовъ и въ особенности богословскаго университета въ Оксфордѣ.

Прежде чѣмъ разстаться съ Гаррингтономъ, мы приведемъ здѣсь еще двѣ цитаты, свидѣтельствующія о его историческомъ предвидѣніи. Промышленный перевѣсъ Англіи надъ Голландіей онъ предсказываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ мануфактурѣ и торговлѣ голландцы насъ превосходятъ, но время покажетъ, что народъ, обрабатывающій чужеземные продукты, лишь арендуетъ мануфактуру, и что послѣдняя въ дѣйствительности можетъ стать наслѣдственнымъ достояніемъ лишь тамъ, гдѣ она стоитъ на родной почвѣ. Точно такъ же, одно дѣло транспортировать чужіе товары и другое дѣло, доставлять на рынокъ свои собственные продукты. А такъ какъ природа одарила эту націю (англичанъ) бо̀льшими способностями къ этимъ занятіямъ, чѣмъ какую бы то ни было другую націю, и такъ какъ съ ростомъ населенія эти способности неизбѣжно должны развиваться, то въ Англіи они займутъ гораздо болѣе прочное и вліятельное положеніе, чѣмъ въ Голландіи» [1]).

Господствовавшій во Франціи въ XVIII столѣтіи абсолютизмъ Гаррингтонъ объяснялъ тѣмъ фактомъ, что землевладѣнію аристократіи противостоитъ крупное землевладѣніе духовенства, поддерживающаго власть монарха, въ то время какъ широкіе слои народа живутъ въ такой нищетѣ, что не могутъ заниматься политикой. И далѣе онъ поясняетъ «Говорятъ, что во Франціи существуетъ частичная свобода совѣсти, но вѣдь ясно, что до тѣхъ поръ, пока сохраняется господство клерикаловъ, этой свободѣ

[1]) „Оцеана“, стр. 211. Тѣ, кто читалъ „Къ критикѣ политической экономіи“ Карла Маркса, могутъ вспомнить замѣчаніе на стр. 36 этой книги, гдѣ приводится подобное же мнѣніе Пети. Но Пети писалъ свои очерки почти на полстолѣтіе позже, чѣмъ Гаррингтонъ, и совершенно незамѣтно для самаго себя усвоилъ очень многое изъ взглядовъ Гаррингтона.

вѣчно угрожаетъ опасность; если же ей удастся свергнуть власть духовенства, то съ нею вмѣстѣ будетъ свергнута власть короля—абсолютизмъ. Вотъ почему королевская власть или духовенство, если только они сознаютъ свои истинные интересы, не допустятъ этого“ (Гаррингтонъ, Edit. Toland, стр. 506). Двадцать слишкомъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ были написаны эти строки, послѣдовала отмѣна нантскаго эдикта. Окрѣпшій народъ, т. е. буржуазія свергнула владычество духовенства, а съ нимъ вмѣстѣ и абсолютизма.

Гаррингтонъ оказалъ на революціонную литературу XVIII вѣка гораздо большее вліяніе, чѣмъ обыкновенно принято думать. Его часто цитировали, не указывая источника. Но на этомъ мы здѣсь останавливаться не будемъ. Даже въ сочиненіяхъ Сійеса ясно сказывается еще вліяніе Гаррингтона [1]), равно какъ и Сенъ-Симона.

И въ такомъ смыслѣ мы вполнѣ можемъ сказать, что если не въ своихъ постулатахъ, то въ тоеретичесяихъ построеніяхъ, Гаррингтонъ является предшественникомъ современнаго научнаго соціализма.

* * *

[1]) Учрежденное послѣ 18-го Брюмера (9-го ноября 1799 г.) консульство Наполеона Бонапарта, — такъ называемая конституція VIII года,— устанавливала такое же дѣленіе, какъ и въ „Оцеанѣ“ Гаррингтона: одно собраніе представителей имѣло только совѣщательный голосъ, а другое—только рѣшающій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Сійесъ, первоначальный составитель проекта конституціи, руководствовался въ данномъ случаѣ „Оцеаной“ Гаррингтона. И въ другихъ пунктахъ его проектъ имѣетъ поразительное сходство съ устройствомъ „Оцеаны“; такъ, напримѣръ, онъ беретъ у Гаррингтона его возлюбленную идею круговыхъ выборовъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда Сійесъ отступаетъ отъ оригинала, это не всегда бываетъ удачно. Центръ тяжести Сійесъ уже переноситъ на *исполнительную власть,* число законодателей ограничено 300, и этимъ чрезвычайно облегчается воздѣйствіе на нихъ со стороны исполнительной власти. Тѣмъ не менѣе полномочія носителей исполнительной власти ограничены всевозможными предохранительными постановленіями, и, какъ совѣщательное, такъ и рѣшающее учрежденіе — „трибунатъ“, и „легислатива“,— получаютъ свой мандатъ отъ *избирателей.* Все это Бонапартъ заставилъ своихъ креатуръ вычеркнуть, ибо у него было еще менѣе желанія, чѣмъ у Кромвеля, допустить отнять у себя при помощи листа бумаги то, что было пріобрѣтено имъ мечемъ. Но болѣе ловкій, чѣмъ Кромвель, Бонапартъ оставилъ, однако, отъ проекта столько, сколько было необходимо для того, чтобы облечь роковую зависимость законодательнаго учрежденія въ форму кажущейся независимости отъ носителя военной силы; и пародія на „Оцеану“ была принята при плебисцитѣ 3011700 голосами противъ 1562. Согласно этой пародіи *сенатъ*, состоящій изъ 60-ти человѣкъ, выбиралъ членовъ трибуната и легислативы изъ числа предложенныхъ ему кандидатовъ, сенатъ же назначался самимъ Наполеономъ.

XVII столѣтіе въ Англіи является вѣкомъ возникновенія политической экономіи, науки и буржуазной промышленности—капитала. Мы уже указывали, что большинство писателей политико-экономовъ той эпохи являются болѣе или менѣе ярко выраженными носителями идей протекціонизма или меркантелизма, въ томъ числѣ и Гоббсъ. Протекціонизмъ долженъ былъ содѣйствовать процвѣтанію промышленныхъ классовъ, и такъ какъ послѣдніе еще представляли собою „*народъ*", то и протекціонистская литература сильно окрашена въ народолюбивый демократическій цвѣтъ; въ ней нетрудно прослѣдить даже соціалистическія тенденціи. Мы думаемъ, однако, что указанныхъ нами примѣровъ достаточно. Съ вопросомъ о томъ, какъ содѣйствовать расцвѣту промышленности, всегда тѣсно связанъ вопросъ: какъ обезпечить неимущихъ? и оба эти вопроса сливаются въ одинъ третій: какъ сдѣлать изъ бѣдныхъ—работниковъ въ области земледѣлія или промышленности. Подобно П. Чемберлэну, цѣлый рядъ другихъ писателей, экономовъ и филантроповъ, предлагаетъ основать промышленныя и сельскохозяйственныя *рабочія колоніи*, которыя должны послужить въ своемъ родѣ образцомъ. Какъ сообщаетъ серъ Фр. Эденъ въ «The State of the Poor», въ концѣ XVII вѣка существовала уже цѣлая литература подобныхъ предложеній, но она не имѣла никакихъ практическихъ послѣдствій, ибо отдѣльныя общины не имѣли ни силы, ни охоты заниматься подобными экспериментами, а государство, въ свою очередь, не имѣло къ тому ни желанія, ни времени. Вмѣсто этихъ проектовъ, государство, во время реставраціи, разрѣшило вопросъ о бѣдныхъ изданіемъ закона о квартирной помощи—«Laws of parochial settlement», благодаря которому, бѣднякамъ, помимо всяческихъ другихъ непріятностей, приходилось еще выслушивать споры о томъ, которая изъ общинъ обязана поддерживать ихъ. Однако, исторія законовъ о бѣдныхъ со времени реставраціи и исторія первыхъ начатковъ рабочаго движенія послѣ возникновенія капиталистически обрабатывающей промышленности, будетъ подробнѣе изложена нами въ связи съ развитіемъ соціальныхъ отношеній въ Англіи XVIII вѣка. Поэтому мы ограничиваемся здѣсь лишь этими бѣглыми замѣчаніями.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Квакеры до Джона Беллерса.

1. Возникновеніе и принципы квакерскаго движенія.

Въ 1659 г. въ Бостонѣ вышла книга извѣстнаго Джошуа Скоттона подъ заглавіемъ «Воскресшій Іоаннъ Боккольтъ или англійскіе квакеры—возродившіеся нѣмецкіе энтузіасты» [1]. Авторъ, разумѣется, относится къ квакерамъ враждебно. Въ эпоху, когда охотно вѣрили на слово самой худшей клеветѣ по адресу побѣжденныхъ мюнстерцевъ, нельзя было сказать о движеніи ничего болѣе обиднаго, чѣмъ то, что оно является новымъ изданіемъ мюнстерскаго движенія. И все же это сравненіе нельзя назвать совершенно неосновательнымъ. То, что тогда такъ возстановляло умы противъ новой секты, является нынѣ общепризнанной истиной постольку, поскольку дѣло идетъ о духовномъ происхожденіи или духовной зависимости квакерства отъ континентальнаго анабаптистскаго движенія и о признаніи того, что квакеры переняли извѣстныя этико-религіозныя тенденціи отъ «дѣтей свѣта» [2].

---

[1]) „Iohannes Becoldus redivivus, or: the English Quakers the German Enthusiasts revived". Это тенденціозное извлеченіе изъ одного французскаго сочиненія (Гюи дю Брецъ) о мюнстерскихъ анабаптистахъ, „переведенное на англійскій языкъ, для пользы своихъ соотечественниковъ. D. S." (см. выше).

[2]) Ср., между прочимъ, цитированную уже выше книгу Г. Вейнгартена „Die Revolutionskirchen Englands", гдѣ съ большимъ пониманіемъ дѣла говорится о духовномъ родствѣ квакеровъ съ нѣмецкими анабаптистами и о первоначальномъ революціонномъ характерѣ квакерскаго движенія. Большинство англійскихъ сочиненій по исторіи квакеровъ совершенно упускаетъ изъ виду послѣднее: сами же квакеры и ихъ друзья въ своихъ сочиненіяхъ старательно затушевываютъ все, что можетъ возбудить сомнѣніе въ чистотѣ религіозно-этическаго характера первоначальнаго періода движенія, или же они характеризуютъ подобныя явленія, какъ пустыя заблужденія отдѣльныхъ лицъ. Но и они не отрицаютъ идейнаго родства съ анабаптистами или, углубляясь еще далѣе въ прошедшее — съ вальденсами и ихъ предшественниками. Такъ, напримѣръ, Робертъ Барклей „The Inner Life of the Religious Societies of the Commonwealth" (London 1875), *William Tallak* „George Fox, the Friends and the Early Baptists" (London 1868), далѣе В. Бекъ „The Friends who they are and what the have done" (London 1893). Таллакъ, впрочемъ, не стѣсняясь, заявляетъ: „никто не долженъ стыдиться своего происхожденія отъ анабаптистовъ... Даже мюнстерцы возставали противъ жестокости нѣмец-

И дѣйствительно, движеніе квакеровъ является возрожденіемъ первоначальныхъ тенденцій анабаптизма, представляя собою несознанное его посѣтителями повтореніе послѣдняго въ видоизмѣненной формѣ, соотвѣтствующей измѣнившимся требованіямъ времени. Движеніе лоллардовъ въ Англіи въ XIV и XV ст. въ церковномъ отношеніи было скорѣе примитивной формой реакціи противъ корыстолюбія и роскоши Рима и римскаго духовенства, нежели глубокимъ религіознымъ движеніемъ. А пуританство, которое въ XVI и въ первой половинѣ XVII-го столѣтія представляло собою глубокое идейное движеніе, все болѣе и болѣе теряло свое религіозное содержаніе и пошлѣло по мѣрѣ того, какъ оно воспринималось имущими классами, благодаря ихъ борьбѣ съ монархическимъ абсолютизмомъ. Это ясно обнаружилось съ того момента, какъ пуритане одержали побѣду надъ Карломъ I. Съ одной стороны, пресвитеріане своей нетерпимостью и педантическимъ требованіемъ выполненія внѣшнихъ, формальныхъ церковныхъ церковныхъ обрядовъ отталкивали отъ себя весьма многихъ, съ другой стороны, индепендентскіе священники, послѣ 1649 г. и мѣропріятій противъ роялистскаго духовенства, слыли карьеристами, потому что они въ большинствѣ случаевъ держали сторону достигшихъ власти грандовъ, и потому что вся каго рода проходимцы переходили къ индепендентамъ только для того, чтобы занять освободившіяся мѣста священниковъ. Индепенденты и баптисты превратились въ признанныя закономъ церкви и начали догматизировать, а при случаѣ и отлучать.

Между тѣмъ, баптисты распались на двѣ секты: «General-Baptists» признававшіе извѣстную свободу воли у человѣка, и «Particular-Baptists», которые строго придерживались ученія Кальвина о предопредѣленіи. Оба направленія придерживались обряда крещенія черезъ погруженіе въ воду. Существовала, однако, масса людей, вовлеченныхъ въ религіозную борьбу, но недовольныхъ ни одной изъ существующихъ сектъ. Всѣ догматы были поколеблены, — одно религіозное теченіе стремилось уничтожить другое; и эти диспуты велись открыто, на улицахъ и площадяхъ, при участіи всего народа, подобно тому, какъ нынѣ происходятъ политическіе митинги. Послѣдствіемъ этого было то, что въ массы проникъ сильный скептицизмъ. Многіе совершенно отвернулись отъ религіи. Судя по отчетамъ квакерскихъ апостоловъ, въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ того вѣка, въ Англіи находилось уже значительное количество людей, отрицавшихъ библейскую

кихъ тирановъ, которые, говоря безъ преувеличеній, дьявольски угнетали душу и тѣло простого народа. Они были побѣждены, и потому ихъ называютъ бунтовщиками. Если бы они побѣдили, люди считали бы ихъ героями и патріотами. Ихъ возстаніе имѣло насильственный характеръ потому, что ихъ угнетатели примѣняли еще большее насиліе“. (Стр. 84, 85).

исторію о сотвореніи міра и заявлявшихъ, что «все происходитъ отъ природы» [1]). Но все же, по сравненію со всей массой населенія, это были лишь единичные голоса. Иные уходили въ тайныя секты, предаваясь размышленіемъ о загадкахъ мірозданія—«seekers» (искатели),—или ожидая знаменія Господня—«waiters» (ожидающіе), которое должно разрѣшить ихъ сомнѣнія.

Такимъ «искателемъ» былъ и Джорджъ Фоксъ, сынъ ткача шелковыхъ матерій въ Лейстермайрѣ. Онъ родился въ 1624 г., выросъ въ эпоху преслѣдованія пуританъ и въ немъ очень рано обнаружилась наклонность углубляться въ религіозные вопросы. Отецъ его, человѣкъ не очень бѣдный, отдалъ его въ обученіе къ сапожнику, который въ то же время занимался и овцеводствомъ. Но 19-ти лѣтъ отъ роду Джорджъ Фоксъ оставилъ свое ремесло и, охваченный неудержимымъ стремленіемъ къ странствованію, кочевалъ изъ города въ городъ, изъ одного графства въ другое, произнося проповѣди и выступая въ диспутахъ. Ни одна изъ существующихъ религій не удовлетворяла его, онѣ казались ему слишкомъ свѣтскими, слишкомъ далекими отъ древняго христіанства, онѣ слишкомъ много вниманія обращали на букву, а не на «духъ». Благодаря диспутамъ, чтенію и вліянію окружающихъ условій, онъ остановился въ концѣ концовъ на какой то смѣси націонализма и мистицизма, демократіи и политическаго абсентеизма, которая на первый взглядъ и кажется нѣсколько странной, но становится вполнѣ понятной, если принять во вниманіе все то, что было сказано въ предыдущихъ главахъ. Гражданская война поглотила массу жертвъ, не давъ никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ; новыя политическія распри смѣнили старую борьбу, не принеся никакихъ видимыхъ признаковъ прекращенія неурядицы. Люди, на которыхъ смотрѣли, какъ на освободителей народа, достигнувъ власти, становились тиранами; все это наталкивало на тотъ выводъ, что главное зло въ самомъ *человѣкѣ*, въ слабости человѣческой *натуры*, побѣдить которую оказалась не въ силахъ ни одна изъ существующихъ религій. Именно наиболѣе пламенные энтузіасты должны были воспринять подобныя воззрѣнія, и мы видимъ, какъ Джорджъ Фоксъ, проповѣдь котораго до провозглашенія республики была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, послѣ 1650 г. пріобрѣ-

---

[1]) Въ письмѣ, напечатанномъ въ „Harleian Miscellanies" въ 1659 г., одинъ прибывшій въ Лондонъ французъ выражаетъ свое глубочайшее возмущеніе по поводу столь сильнаго распространенія атеизма въ столицѣ Британіи. Популярность пародій въ концѣ республики и во время реставраціи показываетъ, насколько широкіе круги буржуазіи и „литературнаго міра" были охвачены скептицизмомъ, выродившимся въ полнѣйшую безпринципность и равнодушіе ко всему.

таетъ все больше и больше восторженныхъ приверженцевъ. Они притекали къ нему со всѣхъ сторонъ, въ особенности же изъ рядовъ бывшихъ солдатъ арміи Кромвеля, вышедшихъ или уволенныхъ въ отставку вслѣдствіе ихъ недовольства ходомъ дѣлъ. Число ихъ въ организованныхъ Фоксомъ общинахъ было такъ велико, что во многихъ изъ нихъ царило направленіе, значительно отличное отъ Фоксовскаго. Они были солидарны съ Фоксомъ въ его борьбѣ противъ церковнаго формализма и обрядности,—для этого армія Кромвеля была самой подходящей предварительной школой, ибо съ 1644 г. оттуда ушли профессіональные священники, и проповѣдывать могъ всякій желающій [1]).

[1]) „Это рокозое событіе"—уходъ пресвитеріанскихъ войсковыхъ священниковъ изъ арміи,—оказалось гибельнымъ для дѣла, за которое взялся парламентъ. Ибо, когда армія лишилась священниковъ, которые могли нѣсколько сдерживать ея эксцессы, проповѣдниками въ полкахъ выступили офицера, безъ знанія и подготовки; они взялись за дѣло исключительно въ надеждѣ на чудесную помощь Божью, и въ своей разгоряченной фантазіи измышляли дикія и невѣроятныя нелѣпости. Зло этимъ, однако, не ограничилось: отъ проповѣди въ войскахъ, офицера перешли къ проповѣди съ амвона въ провинціальныхъ городахъ, въ мѣстахъ своего расквартированія, пока не разнесли заразу по всей странѣ и не дискредитировали оффиціальное духовенство". (*Neal*, History of the puritans, II, стр. 356). Ниль стоитъ на точкѣ зрѣнія умѣренныхъ индепенденговъ. Когда онъ говоритъ объ офицерахъ, то не надо забывать, что многіе офицера въ арміи Кромвеля происходили изъ простого народа. Къ тому же въ роли проповѣдниковъ отнюдь не выступали одни только офицера. Во время войны нерѣдко случалось, что мирныя церкви подвергались насильственному вторженію со стороны банды воинственныхъ реформаторовъ, приказывавшихъ священнику закрыть книгу и сойти съ кафедры, угрожая, въ случаѣ неповиновенія, всяческими ужасами... Его мѣсто занималъ какой-нибудь одаренный ораторскимъ искусствомъ „братъ" и произносилъ передъ удивленными слушателями чудовищныя откровенія, о какихъ они никогда еще не слыхали... При случаѣ, доктрины этихъ учителей иллюстрировались примѣрами изъ практики, которые, однако, не всегда нравились обучаемымъ. Чтобы показать, что птицы въ воздухѣ отданы въ общее владѣніе всѣхъ святыхъ (т. е. обращенныхъ въ истинную религію), новоявленные проповѣдники нерѣдко разрушали безвредныя голубятни. Для того, чтобы выполнить обязательства, лежащія даже на современныхъ христіанахъ,—воздержаться отъ употребленія въ пищу удавленныхъ животныхъ, солдаты иногда отказывались отъ изжаренныхъ для нихъ хозяевами ихъ квартиръ птицъ, убитыхъ по обычному способу—сворачиваніемъ головы. Они сами отправлялись въ хлѣвъ и изготовляли себѣ „правовѣрную" пищу: они ловили всѣхъ куръ, гусей и индюковъ, отрѣзывали имъ головы и давали вытечь крови. Но иногда наиболѣе дикіе сектанты не останавливались и передъ болѣе смѣлыми дѣйствіями—они *сжигали* самую библію на глазахъ возмущенной толпы, чтобы показать, *„что ихъ внутрен-*

Но отрицательное отношеніе къ политикѣ и къ войнѣ со стороны этихъ элементовъ было иное, чѣмъ у Фокса. Отношеніе послѣдняго было принципіальнаго свойства, вродѣ, какъ у меннонитовъ, доктрина которыхъ вообще мало чѣмъ отличалась отъ доктрины Фокса [1]), между тѣмъ какъ отрицаніе этихъ проповѣдниковъ было болѣе оппортунистическимъ. Правда при существующихъ обстоятельствахъ они ничего и знать не хотѣли о войнѣ и борьбѣ партій, но они совершенно не отказывались отъ мысли при болѣе благопріятныхъ условіяхъ осуществить свои общественные идеалы путемъ политическаго вмѣшательства. Лишь во время реставраціи фоксовская доктрина о пассивномъ сопротивленіи была принята всѣми квакерами. Во времена республики они были еще до такой степени далеки отъ этого, что когда въ апрѣлѣ 1659 г. представители арміи подавали петицію въ парламентъ, прося его опять взяться за «доброе старое дѣло» свободы и республики, квакеры, съ своей стороны, поддерживали эту петицію и прибавили къ ней еще нѣкоторыя требованія [2]). Въ первые годы республики квакеры-республиканцы, стоявшіе во главѣ религіозно-революціонной оппозиціи противъ Кромвеля, вообще отодвигали Фокса на задній планъ. «Они ходили по улицамъ Лондона, громкимъ голосомъ порицая правительство Кромвеля и предсказывая его паденіе». Публика знала о нихъ гораздо больше, чѣмъ о Фоксѣ. Наиболѣе часто упоминаемый квакеръ, на котораго намекаетъ и названная въ началѣ главы книга, былъ вышедшій изъ арміи эксъ-квартирмейстеръ *Джемсъ Нейлоръ*.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ характеристикѣ этого человѣка и

ній свѣтъ стоитъ выше всякихъ писанныхъ откровеній". (*Macfarlane* und *Tromson*, The comprehensive History of England, IV, стр. 749). Послѣ всего этого становится понятнымъ слѣдующее мѣсто изъ дневника Джона Ивлина, умѣренно клерикальнаго и монархическаго писателя той эпохи. Въ 1656 г. онъ пишетъ: „въ воскресенье послѣ обѣда я часто оставался дома, чтобы читать въ семьѣ катехизисъ и поучать ее, ибо въ церкви эти упражненія почти повсемѣстно прекратились, такъ что народъ потерялъ свои принципы и пребывалъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ даже по основнымъ вопросамъ христіанства. Всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы имѣть возможность слушать проповѣди и рѣчи о *спекулятивныхъ и умозрительныхъ* вопросахъ".

[1]) „Самой яркой и отличительной чертой Фокса было его абсолютное воздержаніе отъ политическихъ цѣлей и стремленій современниковъ" (Barclay, Ibid., стр. 193). „Keep out of the powers of the Iarch" — „держитесь подальше отъ земныхъ властей", таково было правило, которое Фоксъ многократно внушалъ своимъ приверженцамъ. Тѣмъ не менѣе и его отрицаніе политики было не совсѣмъ полнымъ, а скорѣе отвѣчало политическому воздержанію стараго англійскаго трэдъ-юніонизма.

[2]) См. *Whitelocke*, „Memorials", стр. 677.

къ происшествію, заставившему весь міръ говорить о немъ и чрезвычайно характерному для первой эпохи квакерскаго движенія, будетъ цѣлесообразно остановиться на тѣхъ идеяхъ, которыя, главнымъ образомъ, проповѣдывались квакерами.

Квакеры вѣруютъ въ Бога и Христа, приближаясь въ своемъ пониманіи христіанства къ первымъ христіанамъ, но главной опорой ихъ вѣрованія является не сохранившееся «слово Божіе»—Библія,—а живое слово, внутреннее просвѣтлѣніе, *внутренній свѣтъ*. Сообразно этому они называли себя «послѣдователями» или «дѣтьми свѣта». Названіе квакеровъ—трясущихся—первоначально дано было имъ въ насмѣшку противниками, а затѣмъ уже было принято всѣми [1]). Этотъ культъ внутренняго свѣта, вплоть до наименованія себя «дѣтьми свѣта», указываетъ на ихъ связь не только съ нѣмецкими анабаптистами, но и съ нѣмецкими мистиками; справедливо указывалось на то, что первое англійское изданіе сочиненій нѣмецкаго теософа мистика Якова Беме, вышло въ 1649 г. у того же издателя, у котораго печатались квакерскія изданія той эпохи, именно у Джильса Кальверта въ Лондонѣ, бывшаго въ то же время издателемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже однимъ изъ авторовъ левеллерскихъ памфлетовъ [2]).

Для того, чтобы удостоиться обѣщаннаго просвѣтлѣнія, необходимо, согласно ученію квакеровъ, прежде всего *внутреннее углубленіе*, концентрированіе мыслей на Богѣ, а для этого не требуется ни ученыхъ проповѣдей, ни литургіи. Профессіональное духовенство, спеціально поставленное государствомъ для проповѣдничества и *оплачиваемое* имъ, есть зло. Каждый, *кого* зоветъ на это внутренній голосъ, безразлично ученый

---

1) Это названіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, взято потому, что Фоксъ въ проповѣдяхъ во время своихъ странствованій приглашалъ своихъ слушателей съ трепетомъ внимать слову Божію; другіе же производятъ слово „квакеръ“ отъ того, что послѣдователи этого ученія при своихъ религіозныхъ собраніяхъ часто впадали въ религіозный экстазъ и съ ними дѣлались судороги. Сохранился анекдотъ, будто одинъ судья въ отвѣтъ на вышеприведенныя слова Фокса воскликнулъ: итакъ, вы трепещите—„квакеры“, и будто отсюда и взялось наименованіе квакеровъ. Фоксъ впервые выступилъ агитаторомъ въ 1649 г. Въ ноттингемской церкви онъ прервалъ проповѣдника, который приглашалъ слушателей критиковать всѣ ученія съ точки зрѣнія библіи, слѣдующими словами: „О нѣтъ, не при помощи писанія можно испытать всѣ мнѣнія и религіи, а при помощи Духа святого, ибо св. Духъ велъ народъ къ истинѣ и открылъ ее ему“.

2) Беме (1575—1624) подобно Фоксу былъ по профессіи сапожникомъ и несомнѣнно находился подъ вліяніемъ распространенной на его родинѣ (въ Силезіи) секты швенкфельдіанцевъ, ученіе которыхъ было весьма близко ученію квакеровъ; многіе послѣдователи этой секты во время тридцатилѣтней войны бѣжали въ Голландію и Англію.

онъ или неученый, долженъ проповѣдывать, или, вѣрнѣе, излагать то, что онъ считаетъ нужнымъ сказать, именно въ тотъ моментъ, когда онъ слышитъ въ себѣ этотъ голосъ. Фоксъ и первые квакеры со страстью истинныхъ фанатиковъ выступали противъ священниковъ, получающихъ содержаніе изъ общественныхъ средствъ. Случалось нерѣдко, что квакеры появлялись въ церквахъ и прерывали священниковъ, говоря имъ: «ступай прочь лживый пророкъ, обманщикъ, слѣпой вожатый, ты *наемщикъ*!» Фоксъ въ своемъ дневникѣ пишетъ, что священники «занимаются торговлей», что они «продаютъ» Евангеліе, что колокола ихъ башенъ (квакеры, какъ истые спиритуалисты, не признаютъ ни за какими зданіями наименованія «церкви»), подобны *базарнымъ колоколамъ*, сзывающимъ народъ для того, чтобы «священникъ могъ развернуть передъ нимъ свой *товаръ* для *продажи*; «а какая торговля въ мірѣ можетъ сравниться съ этой торговлей по количеству собираемыхъ ею суммъ»? (Journal of George Fox, изд., 1891 г. I, стр. 117). Но даже и болѣе умѣренные изъ квакеровъ нерѣдко прерывали священниковъ или брали слово по окончаніи богослуженія и проповѣдывали передъ собравшейся толпой свое ученіе. Ихъ выслушивали не всегда спокойно, нерѣдко цѣлыя общины, а въ большинствѣ случаевъ масса населенія [1]), относились крайне враждебно къ страстнымъ апостоламъ новаго ученія и употребляли по отношенію къ нимъ грубое насиліе. То и дѣло приходится читать, что квакерскихъ проповѣдниковъ избивали, бросали въ нихъ каменьями, топтали ногами, и нерѣдко послѣ подобной попытки привлечь народъ къ новому ученію, апостолъ или апостолы послѣдняго по цѣлымъ часамъ оставались лежать истерзанными въ безсознательномъ состояніи, въ грязи и пыли, пока какая-нибудь жалостливая душа не приходила къ нимъ на помощь. Въ результатѣ нерѣдко получался судебный процессъ, кончавшійся присужденіемъ квакеровъ къ денежному штрафу, тюрьмѣ и ударамъ плетьми. Всѣ остальныя секты, вмѣстѣ взятыя, не доставляли въ то время и половины того числа тюремныхъ обитателей, сколько доставляли «послѣдователи свѣта» [2]).

---

[1]) Обыкновенно священники и ихъ приверженцы натравливали на квакеровъ наиболѣе плохо оплачиваемые и грубые слои населенія.

[2]) Поданное въ 1657 г. заявленіе въ парламентъ устанавливаетъ, что съ 1651 по 1656 г. не менѣе 1900 квакеровъ были присуждены къ тюремному заключенію, и умерло въ тюрьмѣ 21 человѣкъ. Это было въ то время, когда Джонъ Лильбурнъ перешелъ къ квакерамъ, — вѣрный признакъ того, что этотъ шагъ нисколько не означалъ преклоненія передъ существующими властями.

Съ 1661 по 1697 г. было заключено въ тюрьму не менѣе 13.562 квакеровъ, 33[illegible] умерли частью въ заточеніи, частью отъ послѣдствій перене-

Отрицаніе буквы писанія привело квакеровъ, между прочимъ, и къ отрицанію строго буквальнаго пониманія *субботняго отдыха*, какъ его придерживались остальные пуритане, которыхъ первые упрекали за ихъ «юдаистическія» тенденціи. Но что касается аскетическихъ взглядовъ на жизнь, то въ этомъ отношеніи квакеры шли еще дальше пуританъ, они отказывались отъ всякихъ веселыхъ развлеченій, отъ всякой роскоши, и долгое время придерживались своеобразнаго скромнаго покроя платья [1]). Какъ въ вопросѣ о субботѣ, такъ и въ вопросѣ о *присягѣ* они придерживались *нагорной проповѣди*. Они сносили величайшія преслѣдованія, но ни за что не соглашались дать въ чемъ-нибудь присягу. Точно такъ же они отрицали церковныя таинства: *крещеніе*, *причащеніе*, *церковное бракосочетаніе*. Культъ ихъ по формѣ своей былъ крайне раціоналистическимъ: они собирались въ молитвенныхъ домахъ, лишенныхъ всякихъ украшеній, и предавались религіознымъ размышленіямъ. На кого снисходило просвѣтлѣніе, тотъ и говорилъ то, что внушалъ ему Духъ, если же этого не случалось, то собравшіеся черезъ короткій промежутокъ времени спокойно расходились; собраніе все равно достигало своей цѣли—религіознаго углубленія [2]). Далѣе, согласно нагорной проповѣди, они отрицали *войну* и *насильственное сопротивленіе*; и какъ бы ни утопиченъ былъ подобный образъ мыслей, мы все же должны признать, что въ отстаиваніи его квакеры часто выказывали *геройскую силу воли*. Люди, боровшіеся въ рядахъ кромвелевской арміи, спокойно сносили самыя ужасныя насилія натравленныхъ на нихъ хулигановъ, и рисковали жизнью, не пробуя защищаться. *Воспитанію характера* содѣйствовало также правило, котораго они придерживались,—обращаться ко всѣмъ на ты и ни передъ кѣмъ не снимать шляпы; первое они дѣлали потому, что считали

сеннаго насилія, 198 были изгнаны изъ Англіи (*Barclay*, The Inner Life etc., стр. 475).

[1]) Первоначально ихъ костюмъ, впрочемъ, мало чѣмъ отличался отъ обыкновеннаго одѣянія простыхъ обывателей. Первые квакеры были далеки отъ того, чтобы создавать себѣ особый покрой платья. Они боролись лишь противъ нарядовъ и моды. Но съ теченіемъ времени стремленіе не дѣлать уступокъ модѣ неизбѣжно привело къ тому, что квакерское одѣяніе превратилось въ особый костюмъ, которымъ квакеры отличались отъ всѣхъ остальныхъ гражданъ.

[2]) Въ первое время, когда энтузіазмъ былъ еще очень великъ, случалось весьма рѣдко, чтобы ни на кого не снисходилъ св. Духъ. Впослѣдствіи тѣ члены, которые проявили „призваніе“, т. е. выказали себя дѣятельными апостолами, спеціально приглашались проповѣдывать новое ученіе, и получали за это вознагражденіе. Но никакая іерархія, никакая монополія на проповѣдничество не допускалась.

ложью обращаться къ одному человѣку такъ, какъ будто бы онъ представлялъ собою собраніе людей; второе потому, что считали нужнымъ выказывать одинаковое уваженіе *всѣмъ* людямъ, безразлично, богаты они или бѣдны, занимаютъ ли они высокое положеніе или низкое, и что вообще недостойно склоняться передъ кѣмъ бы то ни было [1]). Судьи и другія власти, конечно, иначе смотрѣли на дѣло и засаживали квакеровъ въ тюрьмы, какъ людей, упорно не желающихъ выказывать почтеніе должностнымъ лицамъ, а нерѣдко подвергали ихъ еще ударамъ плетьми. Тюрьмы, постоянными обитателями которыхъ были испорченные нравственно, оборванные и грязные, покрытые паразитами воры и грабители, превращались для квакеровъ въ настоящій адъ [2]).

Тѣмъ не менѣе, квакеры придерживались этого обычая съ желѣзной настойчивостью; они отказались отъ него не подъ гнетомъ преслѣдованій, а лишь послѣ того, какъ секта ихъ была оффиціально признана государствомъ и обществомъ. «И хотя нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы мы подвергались за это преслѣдованіямъ, въ особенности со стороны христіанъ, которые на словахъ придерживаются писанія и не перестаютъ говорить объ этомъ, тѣмъ не менѣе, люди, вѣроятно, удивились бы, если бы я сталъ перечислять, сколько мы перетерпѣли, и какъ всѣ эти гордецы *злились, бѣсновались и скрежетали зубами*, какъ они насъ *били и истязали* за то, что мы обращались къ нимъ *на ты. Но всѣ преслѣдованія лишь укрѣпляли насъ въ нашихъ* взглядахъ, ибо мы видѣли, что это *свидѣтельство истины*, которую Господь повелѣлъ

---

[1]) Пусть читатель вспомнитъ, какъ держали себя съ генераломъ Ферфаксомъ Уинстенлей и Эверардъ въ апрѣлѣ 1649 г., т. е. гораздо раньше публичнаго выступленія Фокса.

[2]) И въ обывательскихъ кругахъ квакеры долгое время встрѣчали неодобреніе и недоброжелательство за свое обращеніе со всѣми на ты и за неснимание шляпы. Кромѣ дневника Фокса, яркіе примѣры тому мы находимъ въ автобіографіи его современника Томаса Эльвуда, которая вообще даетъ глубокое пониманіе соціальной и внутренней жизни квакеровъ той эпохи. Эльвудъ, сдѣлавшійся квакеромъ двадцати лѣтъ отъ роду, въ 1659 г. и оставшійся таковымъ до самой своей смерти въ 1713 г., пріобрѣлъ извѣстность тѣмъ, что долгое время былъ чтецомъ у слѣпого Мильтона и во время великой чумы (въ 1665 г.) нашелъ для поэта спокойное убѣжище въ деревнѣ. Его замѣчаніе по поводу „Потеряннаго рая", который Мильтонъ далъ ему прочесть въ рукописи, чтобы узнать, какое дѣйствіе можетъ оказать его великое твореніе на наивно-воспріимчивую душу было таково: „ты много говорилъ здѣсь о потерянномъ раѣ, но что можешь ты сказать объ обрѣтенномъ раѣ?" Это замѣчаніе какъ извѣстно, дало поводъ Мильтону написать продолженіе поэмы подъ названіемъ—„Обрѣтенный рай".

намъ возвѣстить повсюду, такъ сильно безпокоитъ змѣиную породу *дѣтей тьмы*». Такъ говоритъ наиболѣе выдающійся теоретикъ квакерскаго движенія. Робертъ Барклей старшій, въ главномъ своемъ трудѣ, вышедшемъ въ 1675 г.: «Защита («Апологія») истинной христіанской теологіи, какъ ее поддерживаютъ и проповѣдуютъ люди, именуемые въ насмѣшку квакерами». (4 изд. стр. 528, 529).

Другой причиной безпрерывныхъ преслѣдованій былъ упорный *отказъ* квакеровъ отъ уплаты *церковной десятины*. Изъ всѣхъ крупныхъ сектъ квакеры наиболѣе послѣдовательно придерживались принципа—религія есть частное дѣло. И несомнѣнно, для того, чтобы членамъ не особенно многочисленной секты отказываться отъ уплатъ налоговъ, требовалось больше нравственнаго мужества, чѣмъ въ свое время Джону Гемпдену, на сторонѣ котораго стоялъ почти весь народъ, и во всякомъ случаѣ громадная масса имущихъ.

Устройство квакерскихъ общинъ было вполнѣ демократическимъ; въ основныхъ чертахъ онѣ были устроены по образцу первыхъ христіанскихъ общинъ и имѣютъ всѣ тѣ отличительныя черты, которыя можно наблюдать въ общинахъ послѣдовательныхъ анабаптистовъ: регулярныя собранія для установленія правилъ дисциплины и нравственности, для улаживанія споровъ и урегулированія финансовыхъ дѣлъ. Отъ этихъ мѣстныхъ собраній организація, постепенно развиваясь, переходитъ къ областнымъ собраніямъ, созывавшимся каждые три мѣсяца, и ежегоднымъ генеральнымъ собраніямъ всей общины.

Коммунистическихъ тенденцій въ оффиціальной квакерской литературѣ не наблюдается,—какъ мы уже указывали выше, она вся проникнута исключительно религіозно-этическими стремленіями. Проповѣдывались ли въ первое время среди квакеровъ вообще или въ отдѣльныхъ кругахъ ихъ коммунистическія идеи, въ качествѣ тайнаго ученія, и насколько широко онѣ были распространены,—это установить намъ не удалось [1]. Един-

---

[1]) Зато имѣются многочисленныя свидѣтельства того, что квакеры, въ Англіи и въ другихъ странахъ, на собраніяхъ метали громы противъ частной собственности. Квакеры очень скоро разослали апостоловъ новаго ученія по Европѣ и Америкѣ. Про ихъ похожденія въ Голландіи, напримѣръ, можно читать, между прочимъ, у *Otto Pringsheim'a*: „Лекціи по исторіи экономическаго развитія Соединенныхъ Нидерландовъ въ XVII и XVIII ст.“ („Beiträge zur wirtschaftlichen Entwickelungsgeschichte der Vereinigten Niederlande im 17 und 18 Iahrhundert“, Leipzig 1890, стр. 65 и слѣд. Въ 1657 г., разсказываетъ Принсгеймъ, квакеры въ Зеееландѣ и Роттердамѣ вызвали большія волненія своими проповѣдями, *утверждая, что имущество должно быть общимъ*. Принсгеймъ цитируетъ буржуазную газету „Hollandse Mercurius“ отъ 1657 г., которая объясняетъ коммуни-

ственно, что не подлежитъ сомнѣнію, это то, что они очень рано организовали въ своей средѣ широкую *взаимопомощь*, и что болѣе состоятельные члены ихъ общинъ обнаруживали въ данномъ отношеніи необыкновенное самопожертвованіе. Дѣло началось,—и это весьма характерно,—съ оказанія помощи *пострадавшимъ и преслѣдуемымъ* за свои убѣжденія, но вскорѣ квакеры перешли къ оказанію помощи *бѣднымъ и больнымъ членамъ общинъ* [1]). Въ періодъ пропаганды больше ничего и сдѣлать нельзя было, и даже дѣйствительно коммунистическія секты вынуждены были на практикѣ осуществлять свои идеалы лишь въ формѣ *помощи бѣднымъ*,—если только особо благопріятныя обстоятельства не дѣлали возможнымъ въ иныхъ случаяхъ болѣе послѣдовательное проведеніе принципа общности имуществъ. Болѣе послѣдовательному проведенію въ жизнь началъ коммунизма мѣшало какъ отсутствіе экономическихъ предпосылокъ, такъ и *класса*, для котораго коммунизмъ означалъ бы эмансипацію его членовъ.

Зато можно было вполнѣ говорить о коммунизмѣ *воспитанія*; и мы дѣйствительно наблюдаемъ у квакеровъ то же явленіе, что и у всѣхъ остальныхъ коммунистическихъ сектъ той эпохи: наряду съ презрительнымъ отношеніемъ къ учености, мы видимъ большой интересъ къ *педагогіи*. Въ цитированной уже нами книгѣ, вышедшей въ 1675 г. старшій Барклей, напримѣръ, говоритъ, что театръ, танцы, спортъ и другія забавы способны свести людей съ истиннаго христіанскаго пути, а въ числѣ дозволенныхъ удовольствій онъ называетъ: посѣщеніе друзей, чтеніе и выслушиваніе *историческихъ* сочиненій, трезвое обсужденіе событій настоящаго или *прошедшаго* времени, занятіе *садоводствомъ*, *геометрическіе* и *математическіе* опыты и т. п. (Apology, 4 изд. стр. 540, 541). Фоксъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ не перестаетъ твердить имъ о необходимости

стическія проповѣди квакеровъ тѣмъ, что „они сами въ большинствѣ случаевъ лѣнтяи и бѣдняки“. Ничто не ново подъ луной. Въ *Гамбургѣ*, куда квакеры тоже послали проповѣдниковъ, въ 1661 г. вышла книга: „Quäker Grewel, das ist abscheuliche, aufrührerische, verdammliche Irrtum der neuen Schwermer, welche genennet werden Quäker“. Въ *Данцигѣ* цехи требовали изгнанія квакеровъ и т. д., и т. д.

[1]) „Но уже въ первые дни среди друзей этого города (Лондона) сталъ практиковаться прекрасный обычай: извѣстнымъ друзьямъ обоего пола было предложено взять на себя обязательный надзоръ за *тюрьмами* въ своей части города, и заботиться обо всѣхъ содержащихся въ нихъ друзьяхъ, въ особенности о наиболѣе бѣдныхъ“, пишетъ Т. Эльвудъ въ 1662 г. и излагаетъ, какъ это происходило. „Друзья“—такъ называли себя квакеры въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, а впослѣдствіи это сдѣлалось ихъ офиціальной кличкой.

слѣдить за воспитаніемъ юношества. Первые годы пропаганды не благопріятствовали проведенію какихъ-либо мѣропріятій въ этомъ направленіи. Многочисленныя преслѣдованія поглощали всѣ средства друзей; наиболѣе дѣятельные члены поперемѣнно сидѣли въ тюрьмѣ, а у значительной части сектантовъ господствовало убѣжденіе, что «внутренной свѣтъ» можетъ замѣнить всѣ знанія, выходящія за предѣлы домашняго обихода. То, что говорилъ Фоксъ и другіе проповѣдники о способности необразованныхъ ремесленниковъ быть священнослужителями [1]), въ первомъ порывѣ энтузіазма переносилось многими и на иныя области; аналогичныя явленія наблюдались, впрочемъ, довольно часто и въ просвѣщенномъ XIX вѣкѣ. Но когда кончился періодъ бури и натиска, и его замѣнилъ періодъ внутренняго строительства, квакеры стали прилагать громадныя усилія къ созданію хорошихъ школъ, которыя впослѣдствіи пріобрѣли большую извѣстность. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что во всѣ времена движенія — въ особенности въ сельскихъ общинахъ—среди квакеровъ находился достаточный контингентъ людей, индифферентныхъ въ данномъ отношеніи.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одной особенности квакерскаго движенія: объ отрицаніи «языческихъ» названій дней и мѣсяцевъ. Собственно говоря, это то же явленіе, которое позднѣе, въ нѣсколько иной формѣ, можно было наблюдать во время французской революціи. Но такъ какъ современнаго культа природы еще не было и квакеры, съ другой стороны, не признавали никакихъ особенныхъ святыхъ, то имъ не оставалось ничего иного, какъ и въ данномъ отношеніи придерживаться крайняго радикализма и замѣнить имена числами. Воскресенье для нихъ— «первый день», понедѣльникъ—«второй день» и т. д. Точно такъ же и съ мѣсяцами.

Ясно само собою, и отчасти мы на это уже указывали, что многое изъ приведеннаго здѣсь относительно квакеровъ получило опредѣленную

---

[1]) „Отъ этого различія между мірянами и духовенствомъ проистекаетъ и то зло, что хорошіе, честные, занимающіеся ручнымъ трудомъ („mechanick") и другіе люди, не обучавшіеся искусству проповѣдничества, остаются при мнѣніи, будто имъ неприлично проповѣдывать, что они не получили для этого достаточнаго литературнаго образованія; поэтому они часто пренебрегаютъ присущимъ имъ дарованіемъ и заглушаютъ въ сердцѣ своемъ чистое дуновеніе божественнаго духа, которое, если бы ему дано было надлежащее развитіе, сдѣлало бы для укрѣпленія общины гораздо больше, чѣмъ проповѣдь иного ученаго". Barclay, Apologie, стр. 327. Далѣе Барклей указываетъ на то, что первыми проповѣдниками христіанства были „простые неграмотные люди изъ рабочаго сословія" и что по свидѣтельству протестантовъ „такіе неграмотные люди" очень много содѣйствовали также и распространенію реформаціи.

форму и признаніе лишь съ теченіемъ времени. Первоначально въ движеніи квакеровъ, какъ и въ другихъ аналогичныхъ движеніяхъ, былъ выдвинутъ на первый планъ моментъ *отрицанія*, протеста, главнымъ образомъ противъ образованія новой іерархіи. Это былъ періодъ бури и натиска, высшую точку развитія котораго составляетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, эпизодъ, героемъ котораго былъ Джемсъ Нейлоръ.

II. Джемсъ Нейлоръ, царь израильскій.

Джемсъ Нейлоръ, сынъ сравнительно зажиточнаго крестьянина, родился въ деревнѣ Арделей, вблизи Уэйкфильда, въ графствѣ Іоркширъ. Онъ получилъ хорошее воспитаніе и въ 1642 г, будучи 25-ти лѣтъ отъ роду и имѣя уже жену и дѣтей, вступилъ полный воодушевленія въ ряды парламентской арміи. На военной службѣ Нейлоръ велъ себя безукоризненно начальники его, какъ, напр., генералъ-маіоръ Ламбертъ, и впослѣдствіи еще отзывались о немъ съ большой похвалой. Находясь въ арміи, Нейлоръ перешелъ въ лагерь индепендентовъ; его религіозныя рѣчи, проникнутыя духомъ индепендентства, подобно его позднѣйшимъ рѣчамъ, отличались необыкновеннымъ размахомъ, глубиной и силой. Офицеръ, слышавшій его проповѣдь послѣ кровавой битвы при Денбарѣ—3-го сентября 1650 г.—писалъ впослѣдствіи, что «проповѣдь Нейлора внушила ему большій страхъ», чѣмъ какой «онъ испыталъ въ битвѣ при Денбарѣ». Вскорѣ послѣ этой битвы, Нейлоръ вышелъ въ отставку по болѣзни и вернулся на родину, чтобъ опять заняться хозяйствомъ въ своемъ имѣніи. Здѣсь ему довелось услышать въ 1651 г. проповѣди Джорджа Фокса, и онъ вскорѣ увлекся идеями послѣдняго, которыя, какъ указано нами выше, излагали лишь то, что испытывали тогда тысячи разочарованныхъ энтузіастовъ. Весной 1652 г., идя за плугомъ, Нейлоръ вдругъ услыхалъ «голосъ», повелѣвавшій ему сдѣлаться проповѣдникомъ новаго ученія, подобно Фоксу, и онъ немедленно отправился въ путь. Онъ встрѣтилъ Фокса въ Ланкаширѣ; здѣсь, въ Суорсморѣ, вблизи Ульверстона, онъ нашелъ восторженнаго приверженца въ лицѣ жены судьи Фелля, правнучки мученицы Анны Аскью; ея домъ сдѣлался центромъ организаціи квакеровъ [1]).

---

[1]) Когда въ 1670 г. умеръ ея мужъ, всегда относившійся къ движенію весьма доброжелательно, Маргарита Фелль вышла замужъ за Джорджа Фокса. Анна Аскью была послѣдовательницей ученія Мельхіора Гофмана. Въ послѣдній годъ царствованія Генриха VIII (1546 г.) она была сожжена на кострѣ за свои еретическіе взгляды на причастіе и т. п. (она утверждала, что Св. Дары — „только хлѣбъ“) — взгляды, которые она исповѣ-

Въ концѣ осени того же года Нейлоръ былъ уже привлеченъ къ отвѣтственности въ Ортенѣ (Уэстлгорлендъ) за произнесеніе «богохульной» проповѣди. Въ ней онъ, между прочимъ, сказалъ, что тѣло воскресшаго Христа надо понимать «не въ плотскомъ, а въ духовномъ смыслѣ». За то, что Нейлоръ упорно придерживался этихъ и другихъ аналогичныхъ ересей, его продержали около полугода въ тюрьмѣ. Изъ пяти фунтовъ стерлинговъ, посланныхъ ему Маргаритой Фелль для проживанія, онъ оставилъ себѣ лишь двадцатую часть, а отъ остального отказался. Подобно многимъ другимъ квакерамъ, Нейлоръ велъ жизнь настоящаго аскета, добровольно ограничивая свои расходы на пищу и одежду самымъ необходимымъ [1]).

дывала съ непоколебимымъ мужествомъ до послѣдняго мгновенія своей жизни.

О Мельхіорѣ Гофманѣ см. первую часть этого тома, стр. 421 и далѣе. Отрицаніе доктрины о превращеніи хлѣба причастія въ тѣло Господне было также одной изъ ересей сожженнаго на кострѣ въ 1417 г. мученика лоллардовъ сэра Джона Ольдкасля. „Если церковь установила, что освященный хлѣбъ перестаетъ быть хлѣбомъ, — гласитъ одно изъ его изреченій,—то это должно было случиться *послѣ того, какъ церковь заразилась ядомъ собственности*". Это объясненіе спиритуалистическихъ тенденцій христіанства разрывомъ съ коммунизмомъ заслуживаетъ величайшаго вниманія. Подобно всѣмъ вождямъ угнетенныхъ, Ольдкасль былъ оклеветанъ своими побѣдоносными противниками, и искаженное послѣдними изображеніе Ольдкасля послужило „оригиналомъ" шекспировскаго Фальстафа въ „Генрихѣ IV". Первоначально толстый рыцарь въ драмѣ носилъ имя Ольдкасля; но впослѣдствіи Шекспиръ, успѣвшій, вѣроятно, за это время лучше ознакомиться съ личностью своего героя, измѣнилъ это имя и въ эпилогѣ второй части драмы написалъ: „Ольдкасль умеръ смертью мученика, а Фальстафъ совсѣмъ другое лицо".

[1]) Одинъ изъ памфлетовъ Нейлора, написанный въ 1652 г., ярко характеризуетъ тогдашнее идейное направленіе Нейлора и иллюстрируетъ все, что мы говорили выше относительно общей *политической* разочарованности. Памфлетъ этотъ озаглавленъ такъ: „Жалоба (одного изъ пророковъ Англіи) на полное разореніе угнетеннаго народа — жалоба, которую должны принять близко къ сердцу парламентъ и армія, а также всѣ классы населенія etc. Написано на основаніи божественнаго откровенія Джемсомъ Нейлоромъ". Памфлетъ начинается слѣдующими словами: „О, Англія! Сколь напрасны оказались твои ожиданія, послѣ всѣхъ понесенныхъ тобою трудовъ! Народъ, измученный гнетомъ и несправедливостью, долго, изъ года въ годъ, ждалъ освобожденія, но ни одинъ классъ людей не принесъ ему этого освобожденія... Какъ только сила попала въ руки людей, она превратилась въ насиліе, и, вмѣсто справедливости сталъ царить произволъ... Кто отворачивается отъ несправедливости, тотъ отдается въ жертву злымъ людямъ, и никто изъ всей націи не принимаетъ этого къ сердцу. Ибо всѣ сердца полны угнетенія, и всѣ руки заняты насиліемъ.

Выйдя изъ тюрьмы, Нейлоръ тотчасъ же возобновилъ свою проповѣдническую дѣятельность и въ началѣ 1655 г. прибылъ въ Лондонъ, гдѣ тогда уже существовала довольно многочисленная квакерская община. Благодаря своему пламенному, увлекательному краснорѣчію, онъ вскорѣ сдѣлался любимѣйшимъ проповѣдникомъ общины и пріобрѣлъ извѣстную популярность даже за предѣлами тѣснаго круга квакеровъ. Онъ познакомился съ выдающимися представителями республиканцевъ, ставшихъ въ оппозицію къ Кромвелю, напр. съ Бредшоу, сэромъ Генри Вейномъ и др.; съ другой стороны, многіе республиканцы, даже члены кромвелевскаго «двора», посѣщали собранія квакеровъ, гдѣ говорилъ Нейлоръ. Въ концѣ концовъ въ общинѣ установился законченный культъ Нейлора, самыми горячими приверженцами котораго были женщины. Члены общины не хотѣли слушать никого, кромѣ Нейлора, и прежнихъ вождей прерывали, лишь только они начинали говорить. Нейлоръ долженъ былъ сдѣлаться главнымъ ораторомъ и руководящимъ представителемъ общины. Онъ долгое время отказывался отъ этой роли, но въ концѣ концовъ не устоялъ передъ воскуривавшимся ему ѳиміамомъ и слезами своихъ послѣдовательницъ, изъ которыхъ наибольшей страстностью отличались Марта Симмондсъ, жена типографщика Т. Симмондса и сестра Джайльза Кальверта, а также Анна Стренджеръ, жена гребенщика. Уступая ихъ просьбамъ, Нейлоръ отправился въ 1656 г. въ Лансестонъ (графство Корнваллисъ), гдѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ Фоксъ; Нейлоръ намѣревался подробно выяснить нѣкоторыя разногласія, несомнѣнно находившіяся въ связи съ вопросомъ объ отношеніи къ злободневнымъ политическимъ событіямъ. Нѣкоторые изъ его

Надъ ихъ домами тяготѣетъ гнетъ, улицы и рынки наводнены имъ. Ихъ суды, которые должны бы защищать угнетенныхъ, проникнуты насквозь неравенствомъ и несправедливостью... Неразумный народъ! Развѣ тѣ, что стоятъ теперь у власти, не лучшіе избранники среди твоихъ великихъ мужей? Развѣ не было высшимъ твоимъ желаніемъ и помысломъ увидѣть власть въ ихъ рукахъ? И развѣ они не сдѣлались теперь столь же слабыми, какъ и другіе люди, развѣ страна не находится въ броженіи, какъ и раньше, и развѣ достигнуто что либо прочное и существенное"? Поэтому, не слѣдуетъ разсчитывать *на людей*, не слѣдуетъ ждать чего-либо отъ смѣны лицъ, стоящихъ у власти. Улучшеній надо ждать лишь отъ истиннаго *духа*, надо пропагандировать его и подкрѣплять непосредственнымъ дѣломъ. Здѣсь передъ нами тотъ же ходъ мыслей, который можно наблюдать послѣ всѣхъ крупныхъ политическихъ реакцій. Въ XIX вѣкѣ эти мысли были подобраны анархистской школой, которая составила изъ нихъ и изъ обрывковъ современнаго соціализма цѣлую общественную доктрину. Но на ряду съ этой незаконнорожденной доктриной ожило и первоначальное ученіе квакеровъ въ сочиненіяхъ Льва Толстого, который является ни болѣе ни менѣе, какъ русскимъ квакеромъ, „fin du dix-neuvième siècle".

приверженцевъ не могли удержаться, чтобы не сопровождать его, и, благодаря этому, путешествіе Нейлора съ самаго начала пріобрѣло нѣкоторый мессіанскій оттѣнокъ. Этому нисколько не противорѣчило квакерское евангеліе съ его мистической идеей внутренняго просвѣтлѣнія. Внутренній свѣтъ, божественное откровеніе проявлялось не у всѣхъ съ одинаковою силою: развѣ Джемсъ Нейлоръ, съ его увлекательнымъ краснорѣчіемъ, не могъ быть призванъ къ совершенно исключительной дѣятельности, развѣ не можетъ проявиться въ немъ божественный духъ съ той же силой, какъ и въ Сынѣ Маріи? Квакеры были христіане въ смыслѣ древняго христіанства, но относительно божественнаго происхожденія Христа въ ихъ средѣ господствовали первое время весьма еретическія мнѣнія [1]).

На западѣ Англіи, въ центрахъ тамошней суконной промышленности, новое ученіе быстро нашло себѣ послѣдователей. Изъ Бристоля, второго по величинѣ города Англіи, уже въ 1654 г. сообщается, что на собраніяхъ квакеровъ постоянно присутствовало отъ 3 до 4 тысячъ человѣкъ. Число дѣйствительныхъ членовъ общины было, конечно, меньше, но сравнительно оно было весьма значительно. Въ одномъ городѣ, съ населеніемъ немного болѣе 30.000 чел., квакерская община имѣла въ 1658 г. свыше 700 членовъ, главнымъ образомъ ремесленниковъ. Квакеры имѣли многихъ приверженцевъ также среди солдатъ гарнизона, и даже многіе офицеры относились къ нимъ съ сочувствіемъ [2]). Когда Нейлоръ по пути въ Лансестонъ остановился въ Бристолѣ, тамъ произошли манифистаціи, и дѣло дошло даже до безпорядковъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, послѣдствій. Но въ Экзетерѣ Нейлора арестовали и бросили въ тюрьму за подстрекательство къ безпорядкамъ и бунту. Однако, это лишь подняло Нейлора въ глазахъ его приверженцевъ:—развѣ мессія можетъ не подвергаться преслѣдованіямъ? Обѣ упомянутыя выше женщины называли его въ своихъ письмахъ несравненнымъ поборникомъ и «единственнымъ сыномъ» Бога, а ихъ мужья старались еще перещеголять ихъ въ своихъ припискахъ. «Отнынѣ да будетъ имя твое не Джемсъ, а Іисусъ»,—писалъ мужъ Анны Стренджеръ, а Томасъ Симмондсъ называлъ Нейлора «агнцемъ Божьимъ». Они посѣщали его въ тюрьмѣ, и женщины падали ницъ передъ Нейлоромъ и цѣловали его ноги. Нѣкая Доркасъ Ибери, заливаясь слезами,

---

[1]) Такъ же, какъ и среди анабаптистовъ. Ср. стр. 357, т. I.

[2]) *Карлейль* (l. c., ч. VIII) разсказываетъ, что генералъ-адъютантъ Алленъ и другіе члены оппозиціи неоднократно посѣщали Бристоль зимою 1654—55 г. и тамъ, на громадныхъ собраніяхъ, проповѣдывали крайнія теоріи. Алленъ, какъ мы знаемъ, былъ радикальнымъ анабаптистомъ, а послѣдніе всѣ почти перешли къ квакерамъ.

говорила, что она два дня лежала мертвая и Нейлоръ воскресилъ ее. Въ концѣ октября онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, и такъ какъ за это время Фоксъ также былъ освобожденъ—онъ посѣтилъ Нейлора въ тюрьмѣ, но они не пришли къ соглашенію между собою,—то Нейлоръ пустился въ обратный путь. По пути въ Бристоль, Нейлоръ ѣхалъ верхомъ, а его спутники шли за нимъ пѣшкомъ. Уже въ мѣстечкахъ Гластонбери и Уэльсѣ его путь былъ устланъ одеждами и передъ нимъ размахивали флагами; когда же онъ достигъ Бристоля, шествіе его совсѣмъ приняло характеръ вступленія Христа въ Іерусалимъ. Нейлоръ держался спокойно, но его спутники пѣли гимны: «Осанна въ вышнихъ, святъ, святъ, святъ» и т. п. Къ сожалѣнію, Англія—не Палестина. Дождь лилъ какъ изъ ведра, и спутники Нейлора тащились по улицамъ по колѣна въ грязи. Дождь — врагъ всякихъ манифистацій, въ томъ числѣ и мессіанскихъ. Онъ былъ причиной того, что, когда процессія вступила въ Бристоль, главные вожди были арестованы безъ всякаго труда. Не будь дождя, дѣло не обошлось бы безъ крупныхъ столкновеній, такъ какъ квакеры имѣли здѣсь тысячи послѣдователей.

Но несмотря на дождь, на улицахъ собрались громадныя толпы народа. Повидимому, мѣстныя власти не были особенно склонны долго держать Нейлора въ Бристолѣ или судить его тамъ. Послѣ предварительнаго допроса Нейлоръ, вмѣстѣ съ шестью другими арестованными, былъ отправленъ 10-го ноября въ Лондонъ, гдѣ палата общинъ должна была учинить Нейлору, какъ чрезвычайному преступнику, окончательный допросъ и вынести свой приговоръ. Разборъ дѣла поглощалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль почти все время незадолго передъ тѣмъ созваннаго второго парламента временъ протектората. Разслѣдованіе дѣла было вначалѣ поручено комитету изъ 55 членовъ, представившему послѣ четырехъ засѣданій докладъ парламенту; затѣмъ 6-го декабря, Нейлоръ былъ допрошенъ въ парламентѣ, а два дня спустя признанъ виновнымъ въ «гнусномъ богохульствѣ»; послѣ этого палата въ теченіе семи дней дебатировала вопросъ; слѣдуетъ ли приговорить Нейлора къ смертной казни. [1]) 16-го декабря взяло верхъ болѣе умѣренное направленіе, большинствомъ 96 противъ 82 голосовъ. Однако, приговоръ оказался достаточно жестокимъ,—настолько жестокимъ, что пришлось пріостановить его выполненіе. 18-го декабря Нейлоръ долженъ былъ простоять два часа у позорнаго столба въ Вестминстерѣ, затѣмъ палачъ долженъ былъ прогнать

[1]) „Безконечные дебаты о Джемсѣ Нейлорѣ превосходятъ по своей глупости все, что только приходилось слышать автору — даже въ англійскомъ парламентѣ. Въ памяти потомства этотъ парламентъ будетъ носить имя парламента Джемса Нейлора". (*Карлейль*, ibid., т. X).

его бичомъ черезъ весь Лондонъ, потомъ Нейлоръ снова долженъ былъ стоять у позорнаго столба, послѣ чего ему должны были прожечь раскаленнымъ желѣзомъ языкъ и выжечь на лбу букву B (Blaspheme, т. е. богохульникъ). Затѣмъ Нейлора должны были отправить въ Бристоль, провезти его по улицамъ города на конѣ, лицомъ къ хвосту, и гнать обратно ударами кнута. Наконецъ, его должны были отправить въ исправительную тюрьму; здѣсь, безъ письменныхъ принадлежностей и вынужденный добывать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ — щипаньемъ каната—онъ долженъ былъ сидѣть въ строгомъ одиночномъ заключеніи до тѣхъ поръ, пока это угодно будетъ парламенту.

По поводу своей мессіанской роли Нейлоръ показалъ на допросѣ не больше того, что онъ и другіе квакеры говорили уже и раньше, при другихъ случаяхъ, о силѣ внутренняго просвѣтленія; что же касается оказанныхъ ему почестей, то Нейлоръ показалъ, что онѣ были оказаны не его смертному «я», а Богу, говорящему его устами. Со стоицизмомъ фанатика онъ выносилъ всѣ муки пытки. Но его друзья не были такъ спокойны. Когда послѣ перваго наказанія кнутомъ, тѣло Нейлора оказалось настолько окровавленнымъ и изувѣченнымъ, что пришлось отложить дальнѣйшее выполненіе приговора, въ парламентъ посыпалась масса петицій, между прочимъ, отъ такихъ выдающихся людей, какъ, наприм., полковникъ Скрупъ, и самъ Кромвель счелъ необходимымъ затребовать у парламента подробные мотивы суроваго приговора. Дебаты по поводу этого запроса продолжались четыре дня; но еще до окончанія этихъ дебатовъ были приведены въ исполненіе остальныя наказанія, значившіся въ приговорѣ — прожиганіе языка и клейменіе лба. Большая толпа послѣдователей Нейлора стояла вокругъ эшафота; одинъ изъ нихъ, купецъ Робертъ Ричъ, сталъ рядомъ со своимъ учителемъ, держа надъ его головой плакатъ, на которомъ было написано: «Се царь іудейскій»; разумѣется, плакатъ былъ тотчасъ разорванъ помощниками палача. Когда клейменіе было кончено, Ричъ бросился къ Нейлору, гладилъ его по головѣ, цѣловалъ его руки и старался утишить страшную боль отъ раны. Многіе тѣснились кругомъ, желая поцѣловать его руки или ноги—словомъ, онъ все еще оставался въ ихъ глазахъ посланникомъ Бога. Во время позорнаго проѣзда по улицамъ Бристоля, Ричъ и другіе квакеры ѣхали впереди Нейлора, распѣвая гимны, словно въ честь Христа.

Нѣтъ необходимости отрицать религіозный характеръ этого экстаза; религія и прежде всего, именно *эта* религія, являлась предохранительнымъ клапаномъ, черезъ который могло найти исходъ направленіе умовъ, вызванное политическими событіями. Это было время, когда господство силы

и деспотизмъ Кромвеля достигли своего апогея. Новыя попытки организовать монархическое возстаніе были съ успѣхомъ подавлены и дали поводъ ввѣрить управленіе страной на долгое время военной власти, *генералъ-майорамъ*. Вскорѣ послѣ ихъ назначенія или публичнаго провозглашенія состоялась поѣздка Нейлора въ Бристоль. Не означала ли она начала бунта или демонстраціи противъ правительства? Трудно предпологать, чтобы Нейлоръ и его друзья, почти всѣ принадлежавшіе по своимъ политическимъ взглядамъ къ самымъ радикальнымъ элементамъ, не интересовались событіями политической жизни; точно также было бы трудно понять, почему парламентъ посвятилъ дѣлу Нейлора недѣли и мѣсяцы, если бы онъ не сознавалъ, что здѣсь подъ религіозной оболочкой кроется движеніе, враждебное существующему строю. Въ этомъ отношеніи весьма характерно, что Нейлоръ былъ совершенно лишенъ, по приговору, письменныхъ принадлежностей [1]).

Подобному наказанію не подвергаютъ человѣка, котораго считаютъ сумасшедшимъ. А впослѣдствіи квакеры пытались объяснить поѣздку Нейлора въ Бристоль временнымъ помѣшательствомъ, да и другіе писатели говорятъ о немъ, лишь какъ о сумасшедшемъ. Однако, сочиненія и письма Нейлора не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями душевнобольного; когда же мы читаемъ у Эльвуда, что Нейлоръ, даже послѣ освобожденія изъ строгаго одиночнаго заключенія, (которое, конечно, врядъ ли могло способствовать излеченію душевно-больного) выступалъ съ громаднѣйшимъ успѣхомъ на диспутахъ, то гипотеза о сумасшествіи Нейлора кажется совсѣмъ несостоятельной. Современные Нейлору квакеры считали его поступокъ просто мимолетнымъ заблужденіемъ, чѣмъ то вродѣ душевнаго опьяненія, а въ этомъ только и заключалось его безуміе. Мы не

---

[1]) Въ рѣчи Кромвеля, произнесенной весной 1657 г. по поводу измѣненія конституціи, имѣется одно мѣсто, которое, хотя и не называетъ доктрины квакеровъ прямо враждебными государству въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе, безусловно относитъ ихъ къ этой категоріи. Въ рѣчи, приведенной Карлейлемъ подъ № 13, Кромвель говоритъ иронически о нѣсколькихъ сотняхъ „друзей“, которые вмѣстѣ со своими приверженцами, людьми „пятаго царствія“, не обращаютъ никакого вниманія на законныя власти и угрожаютъ гражданскимъ и религіознымъ интересамъ націи. Кромвель хочетъ ознакомить собраніе съ обѣими сторонами движенія, но тотчасъ запутывается и говоритъ о религіозной сторонѣ, когда желаетъ говорить о мірской, и наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно было отдѣлить одну сторону отъ другой, потому что движеніе раскрывало то одну, то другую сторону. Но въ проектѣ конституціи *лишенными избирательнаго права* были объявлены — рядомъ съ атеистами, богохульниками и т. п.—всѣ, отрицающіе божественный характеръ *таинствъ* и *священства*.

касаемся здѣсь вопроса о томъ, много ли приверженцевъ Нейлора подверглось этому «опьяненію". Если же Барклей, вопреки свидѣтельству Вейнгартена, ссылается на заявленіе бристольской общины, которое сдѣлано было послѣ поступка Нейлора и въ которомъ говорится, что ни одинъ изъ членовъ общины не одобрялъ дѣйствій Нейлора, то это заявленіе весьма мало говоритъ объ отношеніи къ злополучному путешествію и еще меньше—объ отношеніи къ *тенденціямъ*, представителемъ которыхъ былъ Нейлоръ. Сдѣланное Вейнгартеномъ сравненіе Бристоля съ *Мюнстеромъ* (ibid. стр. 269), во всякомъ случаѣ, совершенно вѣрно въ томъ смыслѣ, что исходъ бристольскаго предпріятія оказалъ рѣшающее вліяніе на побѣду принципіально антиполитическаго направленія въ квакерствѣ. Если же мюнстерская трагедія приняла въ Бристолѣ характеръ трагикомедіи, то такова бываетъ обыкновенно судьба всѣхъ подражаній всемірно-историческимъ событіямъ. Но несомнѣнно, что попытка не была бы сдѣлана, если бы во время перваго пребыванія въ Бристолѣ отсутствовало соотвѣтствующее настроеніе [1]).

Для общей ситуаціи характерно, далѣе, то, что еще раньше, чѣмъ дѣло Нейлора было закончено парламентомъ, послѣдній принялся за новое дѣло, характеризующее его подчиненное положеніе: парламентъ занялся выработкой новой конституціи, имѣвшей цѣлью созданіе новой палаты перовъ и передачу *королевской власти* Кромвелю. Правда, за это время былъ раскрытъ и заговоръ Зиндеркомба.

Только боязнь передъ арміей, въ которой, несмотря на всѣ „фильтраціи» и «чистки», все еще преобладалъ республиканскій или, вѣрнѣе, антимонархическій духъ, побудила Кромвеля отказаться отъ королевской власти; не будь этого, онъ могъ бы принять корону безъ всякой опасно-

---

[1]) Впрочемъ, весьма интересно отмѣтить постоянное стремленіе первыхъ квакеровъ, даже и не принадлежавшихъ къ политическому направленію, вступиться за мюнстерскихъ анабаптистовъ. „Переходя къ практическому проведенію (принциповъ)", говоритъ Баркней старшій, „я, хотя и признаю, что ненавижу отъ всего сердца тѣ дикія выходки, которыя приписываются мюнстерскимъ анабаптистамъ",—пусть читатель обратитъ вниманіе на этотъ осторожный оборотъ рѣчи—„все же осмѣливаюсь утверждать, что столь же скверные, если только не болѣе скверные поступки, совершались тѣми, которые опираются на преданіе, букву писанія и умственное толкованіе (въ противоположность „внутреннему просвѣтлѣнію")". Лютеране, кальвинисты, паписты „самымъ позорнымъ образомъ проливали кровь" во взаимныхъ раздорахъ, они нанимали людей, ничего не понимавшихъ въ спорномъ дѣлѣ и совершенно чужихъ другъ другу, и заставляли ихъ убивать противниковъ—все это подъ тѣмъ предлогомъ, что на ихъ сторонѣ разумъ и что само писаніе оправдываетъ законность ихъ поступковъ". *Барклей*, Apology, стр. 57.

сти для себя. Подавляющая масса буржуазнаго населенія была утомлена и жаждала покоя. Чѣмъ сильнѣе было правительство, тѣмъ скорѣе можно было ожидать удовлетворенія этой жажды покоя; также и правительство могло быть, поэтому, вполнѣ увѣрено въ сочувствіи этихъ классовъ населенія. Крупное дворянство, состоятельное джентри (мелкое дворянство), городская аристократія, относившіяся до сихъ поръ враждебно къ Кромвелю, все болѣе и болѣе переходили теперь на его сторону, потому что онъ олицетворялъ въ своемъ лицѣ *порядокъ*; большинство же крестьянъ и мелкихъ буржуа относилось къ формѣ правленія равнодушно. Никто уже не хотѣлъ рисковать своею головою ради Карла Стюарта, и никто не рискнулъ бы ею ради сохраненія республики—никто, кромѣ немногочисленной кучки идеологовъ. Внѣ арміи они не были опасны, но въ арміи приходилось считаться съ ними и съ тѣми претендентами, которые на нее опирались [1]).

Въ лицѣ Нейлора, выпущеннаго изъ тюрьмы въ 1659 г. и умершаго уже въ 1660 г., политически-радикальное теченіе среди квакеровъ потеряло самаго выдающагося своего представителя. Это теченіе исчезло не сразу, о чемъ свидѣтельствуютъ многія доказательства, и просуществовало еще долгое время. Но оно все болѣе отступало на задній планъ, вытѣсняемое направленіемъ, во главѣ котораго стоялъ Фоксъ. Въ то время какъ въ тюрьмѣ думали поколебать упорство Нейлора, на волѣ былъ сломленъ духъ возмущенія среди «друзей». Съ 1656 до 1658 г. было заключено въ тюрьму на болѣе или менѣе продолжительные сроки свыше 3.000 чел. Понятно, какое значеніе это должно было имѣть на столь юное движеніе. Благодаря этому, вся энергія квакеровъ должна была направиться въ одну опредѣленную сторону, а при безнадежности и кажущейся безцѣльности всѣхъ политическихъ стремленій, эта энергія могла направиться только по этико-религіозному руслу. Въ 1659 г. политическая тенденція еще разъ вспыхиваетъ въ упомянутой петиціи «за доброе старое дѣло республики»; но въ эпоху реставраціи квакеры до такой степени потеряли всякій интересъ къ политикѣ, что они были единственной не-католической сектой, относившейся сочувственно къ изданному Яковомъ II, въ интересахъ католиковъ, указу о вѣротерпимости.

---

[1]) Этимъ объясняется сильное разочарованіе левеллера Сексби, когда Кромвель отказался отъ королевской короны. Сексби сильно измѣнился, благодаря этому, и проявляетъ явное озлобленіе, писалъ полковникъ Титусъ Эд. Хайду отъ 23-го мая 1657 г. (Ср. Calendar of Clarendon State Papers, т. III). Сексби зналъ, что единственная сила, которая въ состояніи выдвинуть элементы, необходимые для низверженія Кромвеля, это — армія.

Несмотря на это, при Карлѣ II квакерамъ пришлось еще пережить не мало гоненій. Возстаніе приверженцевъ «пятаго царствія» (Веннеръ и товарищи) въ январѣ 1661 г. еще разъ навлекло на крайнихъ сектантовъ подозрѣніе въ политическихъ заговорахъ. Было предписано отобрать у квакеровъ вѣрноподданническую присягу, а такъ какъ квакеры вообще отрицали всякія присяги, то они отказались и отъ этой присяги, чѣмъ навлекли на себя цѣлый рядъ преслѣдованій.

Тѣмъ не менѣе, число ихъ постоянно увеличивалось. Во время великой чумы (1665 г.) численность квакеровъ въ одномъ только Лондонѣ доходила, по меньшей мѣрѣ, до 10.000; и несмотря на то, что главная масса ихъ приверженцевъ принадлежала къ низшимъ слоямъ народа, гдѣ процентъ смертности и эмиграціи особенно великъ, число ихъ постоянно возрастаетъ вплоть до 1680 г. Но съ того момента, какъ квакеры были признаны государствомъ въ качествѣ полноправной религіозной общины, число ихъ неуклонно падаетъ сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе. Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, квакеры находятся въ состояніи вымиранія. Изъ всѣхъ крупныхъ сектъ революціоннаго періода ни одна не перенесла своихъ преслѣдованій съ такимъ мужествомъ, какъ квакеры. Въ то время какъ баптисты и индепенденты покорно смирились, квакеры довели свое пассивное сопротивленіе до того, что въ дѣйствительности они совершенно утомили своихъ преслѣдователей. Но ни для одной изъ революціонныхъ сектъ достигнутая вѣротерпимость и позднѣйшее равноправіе не оказались столь роковыми, какъ именно для квакеровъ.

III. Экономически-соціальная сторона квакерства.

Какъ уже было упомянуто выше, квакеры весьма скоро взялись за организацію *помощи* членамъ своей общины, *пострадавшимъ отъ религіозныхъ преслѣдованій*. Но по мѣрѣ увеличенія численности и сплоченности общинъ, къ этой помощи все болѣе прибавлялась новая *помощь бѣднымъ и неспособнымъ къ труду членамъ*. Врядъ ли надо упоминать, что организація этой помощи явилась источникомъ большихъ заботъ и многихъ непріятностей для общины; но многіе удивятся въ первый моментъ, услышавъ, что она много способствовала упадку квакерской общины, и это удивленіе станетъ еще больше, когда мы узнаемъ, что, благодаря организаціи помощи бѣднымъ, больше всего уменьшилось какъ разъ число *бѣднѣйшихъ* членовъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи становится достаточно яснымъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Уже въ періодъ преслѣдованій случалось иногда, что нѣкоторые записывались въ число «друзей» съ единственной цѣлью получить поддержку, т. е. пожить на счетъ воодушевленія и самоотверженности другихъ людей. Но это были исключительные случаи, легко поддававшіеся контролю. Однако, чѣмъ болѣе ослабѣвали преслѣдованія, чѣмъ безопаснѣе становилось быть квакеромъ, тѣмъ болѣе соблазнительнымъ становилось сдѣлаться «другомъ» и получать помощь, выдававшуюся въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ общественная помощь бѣднымъ. Такимъ образомъ, для квакерскихъ общинъ весьма скоро возникъ настоящій *вопросъ о бѣдности*, и очень интересно прослѣдить по Барклею, какія разнообразныя мѣры предпринимались ими для успѣшной борьбы съ трудностями, неразрывно связанными съ этимъ вопросомъ. Дѣло шло не только о томъ, чтобы организовать сборъ и распредѣленіе денегъ; надо было также выработать особый способъ *распредѣленія* и контроля надъ тѣмъ, кто заслуживаетъ поддержки,— контроля, гарантирующаго общину отъ лѣнивыхъ и ложныхъ «друзей». То, что подъ гнетомъ преслѣдованій дѣлалось съ любовью и охотой, превратилось теперь, при исчезновеніи гнета, въ голую *обязанность*; ея тяжесть чувствовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе квакеры убѣждались, что оказываемая ими помощь приноситъ часто вмѣсто дѣйствительной поддержки одну лишь деморализацію. Затѣмъ начали раздаваться голоса о томъ, кто долженъ поддерживать только что вступившихъ членовъ—новая ли община, или же старая, къ которой они принадлежали раньше. Уже въ 1693 г., въ отчетѣ о національномъ годовомъ собраніи квакеровъ, говорится о томъ, что массы бѣдныхъ «друзей» переселяются изъ сельскихъ округовъ въ Лондонъ и тамъ ложатся тяжелымъ бременемъ на общину. Въ 1710 г. вырабатывается цѣлый рядъ *законовъ о бѣдныхъ* для общины «друзей». Были установлены правила относительно того, изъ какихъ мѣстъ «друзья» могутъ получать вспомоществованія, а къ новоприбывшимъ членамъ начали относиться нѣсколько болѣе критически. Но и сама община дѣлается все болѣе и болѣе респектабельной. Благодаря своей аскетической умѣренности и трезвости, а также благодаря тѣсной сплоченности, напоминавшей сплоченность масоновъ, квакеры сдѣлались *весьма опытными и богатыми дѣльцами*. Это старое явленіе, наблюдавшееся еще у лоллардовъ (см. стр. 100). Аскетизмъ это *буржуазная* добродѣтель, особенно до возникновенія крупной индустріи, когда новые капиталы дѣйствительно возникали нерѣдко, благодаря бережливости.

Въ одномъ полемическомъ сочиненіи противъ квакеровъ, озаглавленномъ «Змѣя въ травѣ» и появившемся въ концѣ XVII столѣтія, говорится: «Сначала квакеры оставляли свои дома и семьи, жили подаяніемъ, странствовали и проповѣдывали, возставая противъ богатства, пока его

не было у нихъ; но теперь они сдѣлались такими же горячими поклонниками Маммона, какъ и ихъ близкіе, а богатства они называютъ даромъ и благословеніемъ Божіимъ». («The Snake in the Grass», 2-d Ed., 1697, pref. p. 16). Письмо квакера *Уильяма Эдмундсона*, написанное въ 1699 г., выражаетъ ту же мысль, но иными словами: «И вотъ, когда число наше возрасло, среди насъ появился духъ, подобный тому, который обуялъ евреевъ послѣ возвращенія изъ Египта. Этотъ духъ обратилъ свои взоры назадъ, въ міръ, торговалъ незаслуженнымъ кредитомъ и стремился быть великимъ благами и сокровницами міра сего». Среди квакеровъ развилась роскошь, они начали строить прекрасные дома, носить дорогую одежду, устраивать богатые обѣды и курить табакъ самымъ неприличнымъ образомъ, (изъ J. S. Rowntree, Quakerism: Past and Present, an Inquiry into the causes of its decline, London, 1859). Но сравненіе съ евреями вѣрно и въ другомъ отношеніи; оно представляетъ собою прекрасный примѣръ того, что историческія движенія развиваются всегда совершенно иначе и часто принимаютъ направленіе прямо противоположное тому, какое предполагали ихъ родоначальники. Квакерство впервые выступило на историческую арену, какъ реакція противъ достигшихъ господства пуританъ—такимъ еще изображаетъ его Барклей старшій. Но доктрины квакеровъ, созданныя по образцу древняго христіанства, запрещали имъ заниматься искусствомъ; а первыя традиціи дѣлали ихъ въ массѣ индифферентными даже къ наукѣ. Квакеры не могли занимать государственныхъ должностей вслѣдствіе своего отрицательнаго отношенія къ присягѣ; они должны были отказываться отъ всякихъ доходныхъ мѣстъ, бенефицій и т. п.; вино и спортъ были у нихъ запрещены. Удивительно ли послѣ всего этого, если они направили всю свою энергію на *пріобрѣтеніе денегъ*, если они начали играть въ торговомъ мірѣ такую же роль и сдѣлались столь же опасными конкуррентами, какъ и евреи, хотя они и здѣсь придерживались до извѣстной степени своихъ нравственныхъ принциповъ [1]). Въ XVII и XVIII ст. квакеры играли еще роль въ качествѣ сельскихъ

[1]) Нѣкоторые приписываютъ квакерамъ существенную заслугу введенія цѣнъ безъ запроса. Въ началѣ XVIII ст. на годовомъ собраніи „друзей“ было вмѣнено въ обязанность квакерамъ слѣдить за добросовѣстной фабрикаціей издѣлій и противодѣйствовать фальсификаціи товаровъ. Такъ какъ въ то время квакеры были весьма сильны въ Ирландіи, то это постановленіе должно было значительно способствовать росту ирландской льняной промышленности. Квакеры предвосхитили нѣкоторые законы, изданные впослѣдствіи государствомъ. На годовомъ собраніи „друзей“ въ 1705 г. было принято постановленіе, воспрещавшее ловлю лососей и форели во время метанія икры.

хозяевъ, а именно какъ піонеры современной агрикультуры (*Thorold Rogers*, ibid., p. 85); но съ 1760 г. для квакеровъ становится обязательнымъ неплатежъ церковной десятины; благодаря этому помѣщикамъ и крестьянамъ изъ среды квакеровъ не оставалось ничего иного, какъ бросить землю, переѣхать въ городъ и заняться какимъ-нибудь дѣломъ—или же бросить общество «друзей». Одни прибѣгали къ первому исходу, другіе—къ послѣднему, и квакеръ-земледѣлецъ исчезъ изъ Англіи. Зато въ спискѣ знаменитыхъ англійскихъ квакеровъ мы находимъ значительное число выдающихся *банкировъ;* одинъ изъ нихъ, Герней, сдѣлался всемірной извѣстностью, благодаря своему банкротству въ 1866 г.

Вмѣстѣ съ коммерческимъ успѣхомъ квакеры пріобрѣли другое «іудейское» качество: они потеряли способность или склонность пріобрѣтать новыхъ послѣдователей.

Въ описываемую нами эпоху все это, конечно, находилось еще въ зародышѣ. Но и тогда уже началось то, что можно бы назвать *отмежеваніемъ отъ пролетаріата* (*Entproletarisierung*). Явленіе это обнаруживалось въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, квакеры дѣлаются болѣе осторожными при пріемѣ рабочихъ; съ другой стороны, принятые рабочіе или, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣти обыкновенно перестаютъ скоро быть пролетаріями.

Въ квакерскихъ школахъ или на средства школьнаго фонда квакеровъ дѣти рабочихъ получали лучшее воспитаніе, чѣмъ дѣти средняго рабочаго, не-квакера. Впослѣдствіи они получали сильную поддержку и дѣлали буржуазную карьеру—тѣмъ лучшую, по приведеннымъ выше причинамъ, чѣмъ лучшими квакерами они были. Въ началѣ XVIII ст. рабочій элементъ еще до такой степени преобладалъ среди квакеровъ, что «друзья»—предвосхищая и здѣсь позднѣйшія идеи—постановили организовать биржи труда и отчасти осуществили это постановленіе. Но въ то время, какъ, благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, рабочіе, принадлежавшіе къ квакерской общинѣ, улучшали свое экономическое положеніе и получали возможность подготовить для своихъ дѣтей лучшее будущее, — рабочіе не-квакеры, среди которыхъ буржуазный духъ не пустилъ корней, все болѣе отворачивались отъ квакерства, благодаря его аскетической морали, политической пассивности и квіетизму. Оказалось, кромѣ того, (по словамъ Раунтри, въ цитированномъ выше сочиненіи), что хорошая постановка помощи бѣднымъ среди квакеровъ мѣшала распространенію квакерства среди рабочихъ: рабочіе не вступали въ квакерскую общину изъ чувства собственнаго достоинства—они боялись, что ихъ вступленіе въ общину будетъ приписано желанію получить вспомоществованіе [1]).

[1]) Относительно организаціи взаимопомощи среди квакеровъ сэръ Фр. Эденъ писалъ въ концѣ XVIII ст.: „замѣчательная хозяйственность и хо-

Словомъ, квакера-пролетарія постигла почти та же судьба, что и квакера-крестьянина. Онъ еще не исчезъ окончательно, но сдѣлался рѣдкостью. Согласно вычисленію Раунтри, число бѣдныхъ и нуждающихся въ помощи среди квакеровъ въ три раза менѣе, чѣмъ среди остального населенія; число же богатымъ квакеровъ превышаетъ общую норму болѣе чѣмъ въ три раза.

Врядъ ли надо объяснять, почему квакерство впослѣдствіи не могло болѣе пріобрѣтать прозелитовъ среди состоятельныхъ классовъ общества. Чтобы примкнуть къ общинѣ съ такими странными обычаями, какіе удержались у квакеровъ еще до XIX ст., представители буржуазныхъ классовъ должны были обладать необыкновеннымъ энтузіазмомъ, вызвать который квакерство вскорѣ было уже не въ состояніи. Религіозныя доктрины квакерства потеряли всякое значеніе для современнаго буржуа. Что ему религія, которая не признана государственной и не имѣетъ вліянія на массы; религія, не имѣющая ни красивыхъ церквей, ни знаменитыхъ остроумныхъ проповѣдниковъ; религія, недостаточно раціоналистическая для просвѣщеннаго человѣка нашего времени и недостаточно символическая для опьяненія умовъ? Словомъ, квакерство продолжаетъ еще жить, лишь какъ историческое воспоминаніе. Въ Западной Европѣ отсутствуютъ всѣ условія, необходимыя для его возрожденія; послѣднее возможно въ настоящее время только въ Россіи.

Несмотря на то, что съ конца XVII столѣтія численность квакеровъ постоянно уменьшалась, квакерство имѣло большое вліяніе въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, не въ качествѣ политическаго, а въ качествѣ *филантропическаго* движенія. А филантропическое движеніе было, безъ сомнѣнія, особенно умѣстно въ такое время, когда юный индустріальный капитализмъ праздновалъ самыя дикія оргіи эксплоатаціи, между тѣмъ какъ пролетаріатъ не былъ еще достаточно силенъ, чтобы противопоставить капиталу организованное сопротивленіе. Квакеры принимали дѣятельное участіе во всѣхъ крупныхъ реформаторскихъ движеніяхъ XVIII ст. Въ Англіи и Америкѣ они были первыми и неутомимыми противниками рабства негровъ; они стоятъ во главѣ движенія въ пользу реформы уголовнаго законодательства и системы тюремнаго заключенія. Изъ ихъ среды выходятъ выдающіеся меценаты и представители науки и педагогіи, а впослѣдствіи и поборники политическихъ реформъ. Мы находимъ квакеровъ въ рядахъ чартистскаго движенія, въ которомъ они, хотя и принадлежали по своимъ доктринамъ къ умѣренному направленію, какъ, напр., извѣстный

рошая организація, которыя можно найти среди квакеровъ, заслуживаютъ всеобщаго подражанія". („The State of the Poor or a History of the Labouring Classes in England"), Лондонъ, 1797, I, стр. 588.

Стерджъ, но работали упорно для общаго дѣла; мы встрѣчаемъ квакеровъ также и среди послѣдователей Овена [1]).

Въ 1809 г., когда Роберту Овену грозила опасность закрытія его филантропическихъ учрежденій въ Нью-Ленаркѣ—закрытія, котораго требовали изъ-за личныхъ интересовъ и его прежніе компаньоны,—ему помогли, кромѣ «философа эгоизма», Еремія Бентама, только квакеры и сыновья квакеровъ, предложившіе ему свои капиталы для продолженія его реформъ. Впослѣдствіи одинъ изъ нихъ, Уильямъ Алленъ, причинилъ Овену много хлопотъ своей оппозиціей; но эта оппозиція, по признанію самого Овена, относилась къ религіознымъ, а не къ денежнымъ вопросамъ. Напротивъ того, о другихъ своихъ компаньонахъ-квакерахъ, въ особенности о Джонѣ Уокерѣ, предоставившемъ въ распоряженіе реформатора 30.000 фунтовъ стерлинговъ, Овенъ говоритъ въ своей автобіографіи съ чувствомъ величайшей признательности. Не безразличнымъ является и то обстоятельство, что еще до отправленія Овена въ Нью-Ленаркъ его ближайшими друзьями въ Манчестерѣ были два молодыхъ *квакера*, оказавшихъ вліяніе на его духовное развитіе. Имя одного изъ этихъ квакеровъ пріобрѣло впослѣдствіи крупную извѣстность въ научномъ мірѣ: въ каждомъ учебникѣ по естественной наукѣ можно встрѣтить имя Джона Дальтона, физика и химика. Имя другого, правда, мало извѣстно, но для насъ оно имѣетъ нѣкоторый интересъ. По удивительной случайности, товарищъ 21-лѣтняго Овена по манчестерскому колледжу, котораго самъ Овенъ называетъ своимъ интимнымъ другомъ, былъ квакеромъ и носилъ не особенно часто встрѣчающееся имя *Уинстенлей*, имя самого радикальнаго коммуниста эпохи англійской революціи. Возможно, хотя и нельзя доказать этого, что Уинстенлей былъ потомокъ «истиннаго левеллера».

Но между Герардомъ Уинстенлеемъ и Овеномъ стоитъ, какъ мы уже замѣтили, другой квакеръ—Джонъ Беллерсъ. Однако, прежде чѣмъ мы обратимся къ послѣднему, мы должны вспомнить еще объ одномъ человѣкѣ, который по идеямъ и по времени стоитъ между Уинстенлеемъ и Беллерсомъ и заслуживаетъ нѣкотораго мѣста въ исторіи соціализма.

IV. Петръ-Корнеліусъ Плокбой.

Въ 1659 г. въ Лондонѣ появились два памфлета, авторомъ которыхъ значился Петръ-Корнеліусъ ванъ-Цюриксее. Долгое время они приписывались перу бывшаго войскового каплана и секретаря Кромвеля, Гуго

[1]) И въ настоящее время соціалъ-демократическое движеніе насчитываетъ въ своихъ рядахъ многихъ „друзей“.

*

Петерса [1]); въ дѣйствительности же, они принадлежатъ перу голландца Петра-Корнеліуса Плокбоя изъ Цюриксее — въ то время значительнаго торговаго города въ провинціи Зеландіи. Одинъ изъ памфлетовъ первоначально предназначался для Оливера Кромвеля, съ которымъ авторъ, по его собственнымъ словамъ, состоялъ въ личной перепискѣ; а такъ какъ Кромвель за это время умеръ, то памфлетъ посвященъ Ричарду Кромвелю и парламенту. Въ памфлетѣ излагаются средства къ укрѣпленію республики и внутренняго мира (уничтоженіе десятины и всякой государственной религіи, уравненіе въ правахъ всѣхъ христіанскихъ сектъ, полная свобода слова и пр.); аргументація его весьма интересна, но она не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія. Зато второй памфлетъ безусловно заслуживаетъ нашего вниманія.

Нѣсколько пространное заглавіе этого памфлета гласитъ: «Средство сдѣлать счастливыми бѣдняковъ всѣхъ націй путемъ объединенія нѣкотораго числа подходящихъ и хорошо приспособленныхъ людей въ общее хозяйство или въ небольшую республику, въ которой каждый сохраняетъ свою собственность и можетъ, безъ всякаго притѣсненія, заниматься тѣмъ трудомъ, къ которому онъ болѣе всего приспособленъ. Средство избавить человѣчество не только отъ лѣнивыхъ, порочныхъ и испорченныхъ людей, но и отъ такихъ людей, которые искали и нашли способы, *жить на счетъ труда другихъ*. Съ предложеніемъ вступить въ это общество или маленькую республику» [2]).

Это предложеніе, помѣщенное въ концѣ памфлета, написано людьми, раздѣлявшими планъ автора и подписавшимися каждый на сумму въ сто фунтовъ стерлинговъ. Они говорятъ объ авторѣ, какъ о «нашемъ другѣ Корнеліусѣ». Въ концѣ памфлета имѣется примѣчаніе, гласящее, что всѣ, которые интересуются проектомъ, могутъ узнать адресъ автора у издателя памфлета, уже извѣстнаго намъ Джильса Кальверта. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что проектъ былъ разсчитанъ на *непосредственное* осуществленіе; это не была утопія будущаго, а «практическій» соціализмъ, который долженъ былъ быть осуществленъ самими

[1]) Книготорговецъ и коллекціонеръ Томасонъ, которому мы обязаны сохраненіемъ большинства памфлетовъ того времени, замѣтилъ по поводу интересующаго насъ памфлета: „Я полагаю, что этотъ памфлетъ написанъ Гуго Петерсомъ, у котораго есть слуга по имени Корнеліусъ Глудръ“. При Карлѣ I Петерсъ неоднократно бывалъ въ Голландіи и поддерживалъ тѣсныя сношенія съ тамошними сектами.

[2]) Вотъ начало англійскаго заглавія: „A Way propounded to make the poor in this and other nations happy by bringing together a fit suitable and well qualified people unto one Household government or little Commonwealth etc. etc. By Peter Cornelius van Zürick-Zee.

инициаторами. Но авторъ проекта и его товарищи ссылаются на сдѣланные *опыты*. Денежные вклады должны находиться въ распоряженіи достойныхъ довѣрія лицъ, пока основываемое общество не сумѣетъ существовать на собственныя средства. «А это — писали англійскіе защитники проекта—должно осуществиться весьма скоро, судя по достовѣрнымъ сообщеніямъ многихъ лицъ: они свидѣтельствуютъ о томъ, что многія сотни людей въ *Семиградіи* («Трансильваніи»), *Венгріи* и *Коральнѣ*, начавъ съ малаго, не только устроили себя комфортабельно въ своей собственной общинѣ, но и сдѣлали много добра людямъ, не принадлежавшимъ къ ихъ обществу».

Приведенные примѣры касаются разсѣянныхъ остатковъ моравскихъ анабаптистскихъ общинъ [1]; такимъ образомъ, коммунизмъ послѣднихъ былъ, наконецъ, перенесенъ въ Англію. Правда, приведенный выше планъ не получилъ практическаго осуществленія, благодаря политическимъ событіямъ, наступившимъ вскорѣ послѣ появленія памфлета,—предсмертной агоніи умершей годъ спустя республики. Но сдѣланные для осуществленія плана денежные вклады доказываютъ, что идеи, изложенныя въ памфлетѣ, нашли себѣ почву въ англійскихъ умахъ. Какъ бы то ни было, памфлетъ появился на англійскомъ языкѣ, оказалъ несомнѣнное вліяніе на англійскій идейный міръ, и идеи, изложенныя въ немъ, получили въ Англіи же свое дальнѣйшее развитіе. Что проектъ этотъ проникъ черезъ Голландію, то это было вполнѣ въ природѣ вещей. Но благодаря тому, что онъ прошелъ черезъ Голландію, въ то время наиболѣе развитую въ экономическомъ отношеніи страну, онъ не ограничился примѣромъ моравскихъ общинъ, а претерпѣлъ существенныя измѣненія, какъ въ мотивировкѣ, такъ и въ разработкѣ, и выдвинулъ впередъ болѣе современныя черты. Такова главная причина, почему мы не можемъ обойти молчаніемъ этотъ памфлетъ. Соціально-экономическая мотивировка выдвигается въ немъ на первый планъ, религіозная же сторона играетъ второстепенную роль. Первая часть сочиненія, излагающая коммунистическій планъ, носитъ чисто соціально-экономическій характеръ; только вторая, заключительная часть ссылается на христіанскую любовь и нравственныя ученія, проповѣдуемыя христіанствомъ.

«Увидѣвъ—такъ начинаетъ Плокбой—какая великая несправедливость и безпорядочность царитъ среди людей въ мірѣ; увидѣвъ, какъ не только злые правители или короли, жадные торговцы, забывшіе свой долгъ учителя и другіе обращаютъ людей въ рабство и кабалу, но и какъ большое число обыкновенныхъ ремесленниковъ и рабочихъ, пытаясь освободиться

---

[1]) См. т. I этой книги, стр. 409.

отъ гнета, вносятъ повсюду ложь и обманъ, ведущіе къ угнетенію честныхъ и добрыхъ людей, совѣсть которыхъ не мирится съ подобнымъ образомъ дѣйствій,—увидѣвъ все это, я вмѣстѣ съ другими, одушевленными желаніемъ всеобщаго блага, пришелъ къ выводу, что необходимо попытаться слить въ одну семью или въ одно общее хозяйство четыре главныя категоріи, изъ которыхъ состоитъ человѣчество, а именно: земледѣльцевъ, ремесленниковъ, моряковъ и знатоковъ наукъ и искусствъ. Цѣль этой попытки — сбросить иго свѣтскихъ и духовныхъ фараоновъ, слишкомъ долго господствовавшихъ надъ тѣломъ и душою человѣка; возстановить справедливость, любовь и братское единеніе, которыя существовали прежде, но теперь почти нигдѣ не встрѣчаются; и, наконецъ, убѣдить въ нашей истинѣ тѣхъ, которые видятъ величіе только въ господствѣ, а не въ добрыхъ дѣлахъ, вопреки примѣру и ученію Христа, явившагося въ міръ не для того, чтобы ему служили, а для того, чтобы самому служить, и отдавшаго жизнь свою за ближнихъ (стр. 1). Христосъ—говорится далѣе—сказалъ своимъ ученикамъ: кто изъ васъ хочетъ быть величайшимъ человѣкомъ, пусть будетъ слугою всѣхъ. Въ дѣйствительности же происходитъ какъ разъ обратное: величайшими людьми считаются тѣ, у которыхъ больше всего слугъ. «Христіанское величіе и то, что называется величіемъ въ мірѣ, отличаются другъ отъ друга, какъ свѣтъ отъ тьмы».

Далѣе слѣдуетъ филиппика противъ «тѣхъ, которые называютъ себя священниками, или духовенствомъ», и которые, «для того, чтобы люди охотнѣе работали на нихъ, увѣряютъ этихъ людей, что они заботятся объ ихъ душахъ, — какъ будто они могутъ любить душу, которой они не видятъ, и ничего не чувствовать по отношенію къ тѣлу, которое они видятъ». Это «ложь и обманъ», а «потому, вернемся къ тому состраданію, которое одинаково отзывается какъ на страданія тѣла, такъ и на страданія души».

Таково краткое введеніе къ плану общественнаго устройства, которое можно лучше всего охарактеризовать, какъ коммунистическое хозяйственное товарищество съ ограниченнымъ правомъ частной собственности. Собственность не уничтожается; уничтожается только эксплоатація—въ предѣлахъ товарищества. Собственность должна существовать, согласно девятой заповѣди. Земля, деньги и движимое имущество, приносимыя владѣльцемъ въ общину, считаются его собственностью и въ дѣйствительности закрѣпляются за нимъ, но онъ не получаетъ *никакихъ процентовъ*. Въ случаѣ его смерти, его имущество наслѣдуютъ дѣти или родственники, если только онъ не завѣщалъ его общинѣ. Если кто уходитъ изъ общины, то заявляетъ объ этомъ заранѣе и можетъ получить обратно все свое

имущество: если цѣнность послѣдняго меньше 100 фунтовъ стерлинговъ, оно выдается сейчасъ же по первому требованію, если же выше ста фунтовъ, то три четверти имущества выдаются въ теченіе одного года, «а четверть—немедленно, дабы каждый желающій могъ уйти изъ общины безъ всякихъ препятствій». Если община будетъ распущена или же существованіе ея сдѣлается невозможнымъ, вслѣдствіе тираническихъ преслѣдованій, то, послѣ удовлетворенія кредиторовъ, наличные капиталы и земли должны быть подѣлены поровну *исключительно между бѣдными членами*, которые ничего не имѣютъ, а также между *бѣдными родственниками* другихъ членовъ. Молодые люди, желающіе уйти изъ общины—чтобы вступить въ бракъ съ посторонними лицами или по другимъ причинамъ—должны получить пропорціональную часть доходовъ, полученныхъ со времени ихъ рожденія или вступленія въ общину; если же таковыхъ доходовъ нѣтъ, то община должна выдать имъ на дорогу нѣкоторую сумму.

Для начала особыя лица, «отцы общины», должны собрать опредѣленный фондъ. При помощи этого фонда должны быть куплены или выстроены два дома: одинъ въ Лондонскомъ Сити, достаточно обширный, чтобы въ немъ могло помѣститься отъ двадцати до тридцати семействъ, могущій служить *складомъ* и помѣщеніемъ для *всевозможныхъ магазиновъ*, а другой—*большій, въ деревнѣ, въ непосредственной близости къ рѣкѣ;* здѣсь долженъ находиться *центръ производства, общее жилище* и мѣстопребываніе *земледѣльцевъ, ремесленниковъ, учителей* etc. и *моряковъ*. Между этимъ домомъ и рѣкою должно находиться достаточное пространство, могущее служить пристанью («key»); домъ долженъ быть расположенъ на берегу рѣки или прикрываться каналомъ такимъ образомъ, чтобы его можно было изолировать отъ окружающей мѣстности при помощи подъемнаго моста. Рыболовство должно быть облегчено устройствомъ шлюзовъ.

Домъ долженъ быть устроенъ самымъ цѣлесообразнымъ образомъ; «въ немъ должны быть общія и частныя помѣщенія, согласно требованіямъ свободы и удобства». Въ домѣ должны находиться: «гостиная и спальня для каждаго мужчины и его жены», большое помѣщеніе для платья и бѣлья, кухня, столовая, дѣтская, погреба для съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, помѣщенія для больныхъ, врачей и хирурговъ, а также для «книгъ, картъ, инструментовъ», необходимыхъ для занятія «свободными искусствами и науками».

Руководители и должностныя лица избираются членами общины и всегда на одинъ только годъ, дабы не могло возникнуть чиновной іерархіи. Завѣдующіе складами должны переизбираться каждые полгода; касса

находится подъ тремя замками, подъ охраной трехъ лицъ, каждое изъ которыхъ имѣетъ отдѣльный ключъ. *Вообще же твердоустановленныхъ, постоянныхъ правилъ должно быть какъ можно меньше*; каждому должна быть предоставлена полная свобода, поскольку она не расходится съ общимъ благомъ; каждый въ правѣ дѣлать все, что не противорѣчитъ «царству Божьему» и разуму. То же самое относится къ обрядамъ крещенія, причащенія и т. п.—обрядамъ, выполненіе которыхъ возбуждаетъ меньше сомнѣній, чѣмъ невыполненіе ихъ [1]).

Первое время рекомендуется принимать преимущественно неженатыхъ, «чтобы при наименьшихъ расходахъ мы возможно скорѣе начали получать доходы».

Что же касается собственно производства, то всѣ члены общины работаютъ *шесть часовъ въ день*; при чемъ каждому предоставляется работать либо три часа до обѣда и три послѣ обѣда, либо же всѣ шесть часовъ до обѣда, что многіе, пожалуй, предпочтутъ, особенно въ жаркіе лѣтніе дни. Въ субботу всѣ работы прекращаются. Для рабочихъ же, работающихъ по найму, установленъ двѣнадцатичасовой рабочій день, пока «они не сдѣлаются способными и не выразятъ желанія вступить въ нашу общину». Лучшіе рабочіе выбираются въ мастера, для которыхъ, такъ же какъ и для простыхъ рабочихъ, установленъ шестичасовый рабочій день.

Члены общины, занятые въ городскихъ магазинахъ, должны поочередно участвовать въ процессѣ производства въ теченіе опредѣленной части года, для расширенія своихъ техническихъ познаній и ради другихъ выгодъ, связанныхъ съ участіемъ въ производствѣ.

Всѣ дѣти должны изучить два или три ремесла; при этомъ они остаются веселы и въ хорошемъ настроеніи, такъ какъ заняты не болѣе шести часовъ въ день и избавлены отъ семилѣтняго рабскаго труда, составляющаго обычный удѣлъ дѣтей, въ особенности дѣтей англичанъ. Въ свободное время дѣти могутъ заниматься, по желанію, науками и искусствами. Дѣти, которыя еще ходятъ въ школу, занимаются ремесломъ или работаютъ въ сельскомъ хозяйствѣ три часа. Всѣ эти правила касаются одинаково какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ и распространяются на дѣтей богатыхъ родителей, которыя попали бы въ школы общины, послѣ того какъ послѣдняя обзаведется штабомъ опытныхъ учителей.

---

[1]) Это положеніе такъ же, какъ и другое, относящееся къ производству, имѣло, очевидно, въ виду квакеровъ, съ которыми авторъ несомнѣнно поддерживалъ сношенія хотя бы при посредствѣ Джильса Кальверта. Самъ авторъ, вѣроятно, принадлежалъ къ наиболѣе передовому направленію баптистовъ.

Дѣвочки также должны обучаться, кромѣ домашняго хозяйства, еще и ремеслу, чтобы онѣ всегда могли найти себѣ пропитаніе, если имъ, быть можетъ, вздумается уйти впослѣдствіи изъ общины.

Что товарищество будетъ *экономически процвѣтать* и постоянно расширять свое производство,—явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній:

1. Оно «*не будетъ затрачивать*», а наоборотъ, «*будетъ продавать по дешевымъ цѣнамъ, вопреки установившемуся въ мірѣ обычаю*».

2. Члены его «пользуются дешевымъ жилищемъ и содержаніе обходится имъ дешевле, чѣмъ другимъ людямъ».

3. Товарищество «изготовляетъ лучшіе продукты за тѣ же цѣны».

Авторъ излагаетъ *всѣ выгоды общественнаго хозяйства* и соединенія земледѣлія съ индустріей; онъ описываетъ, какимъ образомъ одна отрасль производства переходитъ въ другую и какъ расширеніе одной отрасли влечетъ за собою расширеніе другой; по его мнѣнію, разносторонность хозяйства является залогомъ прочности всего предпріятія. Авторъ рисуетъ заманчивую картину постепеннаго расширенія предпріятія, говоритъ, что товарищество займется даже кораблестроеніемъ: оно будетъ строить суда для ловли рыбы въ открытомъ морѣ и корабли для перевозки изготовленныхъ продуктовъ на материкъ. Собственно въ домашнемъ хозяйствѣ коммунистическое устройство должно оказаться выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ, прежде всего, благодаря *облегченію труда*. «Каждый получитъ возможность выполнять свою работу совершенно спокойно. Если будетъ введено правильное раздѣленіе труда, то 25 женщинъ будутъ имѣть меньше хлопотъ, чѣмъ одна въ своемъ отдѣльномъ хозяйствѣ». (стр. 10). Но «помимо большаго удобства коммунистическая жизнь представляетъ *больше выгодъ*». Если сто семействъ живутъ вмѣстѣ, то 25 женщинъ могутъ выполнять всю работу, которую обыкновенно дѣлаютъ сто, а остальныя 75 женщинъ могли бы заняться *производительнымъ трудомъ, что многія изъ нихъ предпочли бы*. Экономія получилась бы во всемъ: вмѣсто *ста печей* потребовалось бы, вѣроятно *только четыре или пять*—одна въ кухнѣ, другая въ столовой, третья въ дѣтской и т. д. Кромѣ того, поскольку потребленіе не покрывалось бы продуктами собственнаго производства, можно было бы пріобрѣтать продукты *по болѣе дешевымъ цѣнамъ, закупая ихъ оптомъ*. Такимъ образомъ, коммунистическое устройство хозяйства и соединеніе земледѣлія съ ремесломъ оказывается выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

«Въ то время, какъ промышленники угнетаютъ своихъ рабочихъ тяжелымъ трудомъ и нищенской платой, у насъ, напротивъ того, *прибыль*

предпринимателя пойдетъ на пользу и для улучшенія положенія рабочаго».

Предприниматели, не участвующіе въ товариществѣ, «постоянно колеблются между страхомъ и надеждой»; въ товариществѣ, напротивъ того, «каждый выполняетъ свою работу съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ».

Товариществу нечего бояться конкурренціи. Если бы даже другіе торговцы, съ цѣлью привлечь къ себѣ покупателей, понизили свои слишкомъ высокія цѣны—что можно было бы только привѣтствовать,—то и тогда выгоды крупнаго хозяйства дали бы товариществу возможность производить продукты дешевле, чѣмъ у этихъ торговцевъ. Слѣдуетъ только остерегаться, какъ бы не оттолкнуть покупателей доктринерскими выходками. Такъ, если покупатели желаютъ получить особо нарядную одежду, то не слѣдуетъ отказывать имъ въ этомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что украшать себя грѣшно. Этимъ можно достигнуть только того, что кліенты перестанутъ покупать въ магазинахъ товарищества, т. е. послѣднее нанесетъ вредъ самому себѣ. Плохо, конечно,—иронизируетъ Плокбой,—что Адамъ вкусилъ отъ древа познанія, но излечить людей отъ страсти къ внѣшнимъ украшеніямъ можно только примѣромъ и воспитаніемъ. Отказъ отъ изготовленія нарядовъ нецѣлесообразенъ еще потому, что выросшіе въ общинѣ молодые люди, которые впослѣдствіи пожелали бы выйти изъ него, имѣли бы гораздо меньше шансовъ на заработки, если бы не умѣли изготовлять украшенія [1]).

Однако, сами члены общины должны одѣваться по возможности проще; но всякому, имѣющему на то средства, предоставляется изготовлять одежду изъ лучшей матеріи, хотя бы для того, чтобы, когда онъ пойдетъ гулять, бѣдные могли узнать въ немъ человѣка, отъ котораго можно съ правомъ ожидать помощи. Мотивировка нѣсколько натянутая, но она только открываетъ путь, по которому впослѣдствіи пошли сами квакеры. Барклей и Беллерсъ также дозволяютъ носить болѣе тонкія сукна.

Другія выгоды, представляемыя товариществомъ, состоятъ въ томъ, что молодымъ людямъ не нужно, какъ это часто бываетъ, вступать въ бракъ слишкомъ рано только для того, чтобы избавиться отъ рабской зависимости отъ своихъ родителей. Несвязанные обязательствомъ вступать въ бракъ только съ членами общины, они могутъ выбирать себѣ спутниковъ жизни вполнѣ свободно и обдуманно. Такъ какъ всѣ секты пользуются полнымъ равноправіемъ и не существуетъ никакихъ ограниченій

[1]) Это мѣсто, какъ указано уже нами въ предыдущемъ примѣчаніи, также направлено противъ квакеровъ, которые, особенно въ первое время, считали изготовленіе предметовъ роскоши грѣховнымъ дѣломъ и грозили за него исключеніемъ изъ общины.

свободы совѣсти, то *учителя* товарищества *не бываютъ вынуждены, ради своего существованія, учить тому, во что они сами не вѣрятъ.* Членамъ общины нечего особенно бояться ни болѣзни, ни старости; имъ нечего также дрожать за участь своихъ дѣтей послѣ своей смерти.

Подобно тому, какъ товарищество ведетъ торговлю съ внѣшнимъ міромъ, а школы его открыты за вознагражденіе постороннимъ лицамъ, подобно этому его врачи и хирурги пользуютъ своимъ леченіемъ и постороннихъ людей—богатыхъ за плату, а бѣдныхъ даромъ. И въ то время, какъ одни посѣщаютъ паціентовъ, другіе остаются въ опредѣленные часы дома, чтобы давать совѣты приходящимъ больнымъ

Богатые люди, желающіе пользоваться выгодами совмѣстной жизни, могутъ нанимать у товарищества помѣщеніе, уплачивая расходы по содержанію. Если же, увлекаемые добрымъ примѣромъ, они пожелаютъ работать вмѣстѣ съ другими, то должны получать за это квартиру и одежду безплатно.

Каждое полугодіе долженъ производиться разсчетъ и распредѣленіе части прибыли, чтобы каждый членъ былъ въ состояніи помогать бѣднымъ, дѣлать подарки друзьямъ и т. п.

Товарищество должно также выстроить большое помѣщеніе для собраній съ расположенными въ видѣ амфитеатра сидѣніями; каждое сидѣніе снабжено столикомъ для чтенія или письма. Въ этой залѣ устраиваются лекціи, дискуссіи и т. д., въ которыхъ могутъ принимать участіе и нечлены и гдѣ каждый можетъ свободно выражать свое мнѣніе. Во время обѣда, за столомъ, царитъ бодрый, веселый духъ и отсутствуютъ всякія церемоніи. Прислуживаютъ за столомъ молодые люди—поочередно, дабы никто не могъ предаваться ложной гордости.

Въ заключеніе проектъ перечисляетъ 72 ремесла, которыми могутъ заняться члены товарищества. Далѣе говорится: «Какъ только въ окрестностяхъ Лондона будетъ устроено, въ видѣ разсадника новыхъ идей, товарищество для доставленія работы бѣднымъ, мы можемъ основать другое товарищество вблизи *Бристоля*, а затѣмъ и третье въ Ирландіи, гдѣ за небольшія деньги можно пріобрѣсть землю и лѣсъ для постройки домовъ, кораблей и т. п.».

Во второй части памфлета, дающей религіозно-нравственное обоснованіе проекта, особенно характерно слѣдующее мѣсто: «Эти общества или товарищества («fellowships») не всегда встрѣчались такъ рѣдко; они процвѣтали еще въ первыя времена, пока въ нихъ не проникли враги первобытной невинности; подъ ихъ вліяніемъ на жизнь, которую люди обязаны вести, согласно заповѣдямъ Христа, стали смотрѣть какъ на нѣчто

такое, что каждый можетъ, по своему желанію, принять или отвергнуть; а между тѣмъ эти люди сами предавались жизни, полной высокомѣрія и излишествъ и давшей поводъ къ возникновенію многихъ орденовъ лѣнивыхъ и высокомѣрныхъ животныхъ—я имѣю въ виду монаховъ и т. п.—и къ тысячамъ сказокъ и обмановъ». (Стр. 34).

* * *

Это было написано въ 1659 г. Три года спустя Плокбой, вернувшійся за это время въ Голландію, выступилъ съ новымъ проектомъ хозяйственнаго товарищества, которое на этотъ разъ должно было быть основано уже въ голландской колоніи Ново-Нидерландахъ, въ Сѣверной Америкѣ. Лѣтъ тридцать тому назадъ Etienne Laspeyres, незнакомый съ англійскими брошюрами Плокбоя, писалъ по поводу брошюры, въ которой развиты основныя черты проекта Плокбоя, слѣдующее:

«Мысль о томъ, что колонизація странъ умѣреннаго пояса бѣдными людьми (читай—рабочими) требуетъ совершенно особыхъ мѣропріятій, *прекрасно развита въ одномъ изъ интереснѣйшихъ сочиненій того времени*, въ «Kort en klar ontwerp door Pieter Cornelys Plockboy», 1662 [1]).

[1]) *Etienne Laspeyres.* Исторія политико-экономическихъ воззрѣній нидерландцевъ въ ихъ литературѣ въ періодъ республики. Сочиненіе на премію Общества имени князя Яблоновскаго. Лейпцигъ, 1863 года, стр. 105—106. Laspeyres разсказываетъ, что Плокбой вмѣстѣ съ 24 товарищами получилъ отъ амстердамскаго магистрата на осуществленіе своего проекта заемъ въ 1.500 гульденовъ за круговой порукой и послѣ этого опубликовалъ свое приглашеніе. Планъ Плокбоя, какъ излагаетъ его Laspeyres, скромнѣе предыдущаго проекта — что объясняется незначительнымъ размѣромъ денежныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи Плокбоя; но въ обоихъ проектахъ много общаго, такъ что Laspeyres не могъ не замѣтить, что планъ „отдаетъ коммунизмомъ и религіознымъ индифферентизмомъ". Это заключеніе основано на томъ, что Плокбой, съ цѣлью избѣжать религіозныхъ распрей, хотѣлъ ограничить богослуженіе чтеніемъ библіи и пѣніемъ псалмовъ. Однако, въ виду всего сказаннаго нами выше, нельзя считать Плокбоя атеистомъ, несмотря на его передовой образъ мыслей; по современнымъ понятіямъ его скорѣе можно назвать христіанскимъ соціалистомъ въ англійскомъ смыслѣ этого термина. Laspeyres сомнѣвается, чтобы проектъ былъ осуществленъ или — тѣмъ болѣе—увѣнчался успѣхомъ. Какъ разъ въ то время положеніе вещей въ колоніи Ново-Нидерландахъ было весьма печально, и уже въ 1664 г. колонія была завоевана англичанами и переименована въ *Нью-Іоркъ*, въ честь брата Карла II, герцога Іоркскаго (позднѣе вступившаго на престолъ подъ именемъ Якова II). Отъ новыхъ повелителей Плокбой—республиканецъ по убѣжденіямъ—не могъ ожидать особеннаго поощренія.

Мы не могли достать этой брошюры; но если она не особенно отличается отъ брошюры, вкратцѣ изложенной нами выше — а предполагать это у насъ нѣтъ никакихъ основаній, — то вполнѣ понятно, почему она произвела на Laspeyres'а столь сильное впечатлѣніе. Несомнѣнно, Плокбой обладалъ чрезвычайно яснымъ умомъ и глубокимъ пониманіемъ экономическихъ явленій. Его проектъ заключаетъ въ себѣ не только сознательное и планомѣрное соединеніе земледѣлія и индустріи, но и попытку болѣе тѣснаго, можно было бы сказать, органическаго сближенія города съ деревней—сближенія, основаннаго не на уничтоженіи разницы между ними, а на введеніи *болѣе раціональнаго раздѣленія труда*: *производствомъ* должна заняться организованная *колонія*, *обмѣномъ — городъ*. Далѣе, Плокбой является рѣшительнымъ противникомъ *аскетическихъ* тенденцій, которыя царили среди большей части коммунистовъ того времени, составляя самую характерную черту коммунизма, съ которой ему нельзя было не считаться. Мы уже видѣли, съ какой ироніей онъ вразумляетъ своихъ единомышленниковъ, увѣряя ихъ, что они сами повредили бы себѣ, отказываясь производить предметы роскоши, и что такими средствами нельзя измѣнить міръ. Но имъ руководятъ не одни только коммерческія соображенія. Среди занятій, обычныхъ въ жизни колоніи, у него, помимо наукъ и другихъ «свободныхъ искусствъ»—«liberal arts»,—фигурируетъ также *музыка*, о которой многіе квакеры, напримѣръ, и слышать не хотятъ и которую другіе терпятъ лишь постольку, поскольку дѣло касается пѣнія религіозныхъ гимновъ. Словомъ, мы видимъ передъ собою современника и соотечественника Рембранта и Яна Стена, ему чуждо *отреченіе отъ міра* — онъ весь полонъ *жизнерадостности*. Его проектъ, на девять десятыхъ, основывается на *экономическихъ* выгодахъ крупнаго производства, какъ въ промышленности, такъ и въ торговлѣ. Въ области торговли Плокбой предвосхитилъ идею современныхъ универсальныхъ магазиновъ. Городской домъ со многими магазинами, проектируемый Плокбоемъ для его общества—развѣ это не зародышъ универсальныхъ магазиновъ вродѣ «Whiteley», «Magazin du Louvre» или «Bazar Gerson»?

Но здѣсь мы затрагиваемъ уже другую сторону его проекта. Отсутствіе утопизма замѣняется въ немъ *буржуазными чертами*. Производство имѣетъ цѣлью полученіе *прибыли*; несмотря на всѣ предписанія, касающіяся блага бѣдныхъ, этотъ проектъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой коммунистическій проектъ того времени, носитъ ярко выраженный характеръ торговаго, можно бы даже сказать, *акціонернаго* общества. Другія общины основывались для религіозныхъ цѣлей или же въ противовѣсъ «міру». Если онѣ проникались буржуазнымъ духомъ, то происходило это вопреки намѣренію ихъ основателей, въ силу всемірно-историческаго фата-

лизма. У Плокбоя противопоставленіе общины «міру» не совсѣмъ исчезло, но значительно ослабѣло; оно не носитъ религіознаго характера и весьма мало касается образа жизни членовъ. Колонія предоставляетъ каждому добиваться по своему блаженства на небѣ, а также и на землѣ, поскольку это не препятствуетъ нормальному ходу производства. Плокбой говоритъ совершенно недвусмысленно, что тамъ, гдѣ этому не мѣшаетъ необходимость, должна царить полная свобода. Характерно также его стремленіе облегчить выходъ изъ общины всякому, кто не пожелаетъ оставаться въ ней дольше. Товарищество должно *дѣлать все лучше*, чѣмъ дѣлается «на міру», но оно не должно лишать себя и своихъ членовъ выгодъ, предоставляемыхъ «міромъ».

При такомъ взглядѣ на дѣло, уступки буржуазному духу того времени являлись неизбѣжными. Несмотря на то, мы не видимъ въ проектѣ Плокбоя никакого регресса по сравненію съ коммунистическими произведеніями его предшественниковъ и современниковъ. Наоборотъ, мы видѣли, что всѣ коммунистическія предпріятія того времени проникались, въ концѣ концовъ, буржуазнымъ духомъ; въ лучшемъ случаѣ это были изолированныя общины, которыя вели хозяйство лучше и добивались большихъ результатовъ, чѣмъ окружающій «міръ», но которыя въ то же время *конкуррировали* съ послѣднимъ и часто оставались при этомъ *побѣдителями* [1]). Плокбой зналъ всѣ эти факты; онъ былъ хорошо знакомъ, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ этихъ общинъ. Умѣнье сдѣлать надлежащіе выводы и стать на почву данныхъ фактовъ является немалой заслугой со стороны Плокбоя, хотя его задача значительно облегчалась его принадлежностью къ самой передовой, въ коммерческомъ отношеніи, странѣ. Соціализму приходится считаться съ буржуазнымъ обществомъ, и Плокбой первый выдвинулъ мысль о томъ, что слѣдуетъ пойти дальше буржуазнаго общества вмѣсто того, чтобы обратиться вспять. Но экономически это было осуществимо лишь при помощи организованнаго въ крупномъ масштабѣ *кооперативнаго товарищества*. По нашему мнѣнію, Плокбой—писавшій въ 1659 г.—явился провозвѣстникомъ поворота отъ христіанскаго и утопическаго коммунизма къ *современной идеѣ коопераціи*. Каковъ бы ни былъ результатъ этой идеи, съ исторической точки зрѣнія это былъ крупный шагъ, безусловно заслуживающій нашего вниманія.

---

[1]) См. объ этомъ крайне поучительные выводы Каутскаго въ первомъ томѣ настоящаго сочиненія, стр. 400 и низъ.

V. Джонъ Беллерсъ, защитникъ бѣдныхъ и поборникъ единенія народовъ.

a) «College of Industry».

Всѣ историки, занимавшіеся изученіемъ соціальныхъ условій Англіи въ 17-мъ столѣтіи, согласны въ томъ, что положеніе бѣднѣйшихъ классовъ, въ особенности сельскохозяйственныхъ рабочихъ, съ момента гибели республики (въ 1660 г.) вплоть до конца столѣтія, было чрезвычайно тяжелымъ. Законодательство временъ реставраціи, поскольку дѣло касается хозяйственной жизни народа, было чисто классовымъ, въ интересахъ крупныхъ лендлордовъ, и «революція» 1688 г. внесла лишь то измѣненіе въ данное положеніе вещей, что торговые классы, наряду съ земельной аристократіей, получили большее, чѣмъ прежде, вліяніе на правительство. Лендлорды управляли страной въ интересахъ своего и торговаго класса. Положеніе трудящихся благодаря этому ухудшилось на долго. Все, что было упущено въ интересахъ имущихъ въ царствованіе Стюартовъ, стремились наверстать теперь. Въ дополненіе къ перечисленнымъ уже (въ главѣ десятой) милостямъ лендлордамъ при Карлѣ II, въ 1677 г., былъ изданъ законъ, который *объявлялъ краткосрочными арендами* всѣ арендныя отношенія, незакрѣпленныя документами. Но такихъ документальныхъ договоровъ въ большинствѣ случаевъ не существовало; отчасти потому, что эти договоры никогда не попадали въ руки крестьянъ, отчасти же потому, что арендныя отношенія основывались на юридическихъ отношеніяхъ феодальнаго времени, переходившихъ отъ отца къ сыну. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мелкіе крестьяне и мелкіе арендаторы были не въ состояніи защищать передъ судомъ подлинность своихъ правъ владѣнія или аренды. Такимъ образомъ были созданы условія, когда сносныя аграрныя отношенія быстро превратились въ такія, что мелкимъ арендаторамъ приходилось либо позволить сдирать съ себя шкуру, либо уступить свое мѣсто капиталисту-арендатору. Кромѣ того, наряду съ пошлинами на ввозной хлѣбъ была установлена *вывозная премія* для того, чтобы улучшеніе обработки почвы не повлекло за собою удешевленія хлѣбныхъ цѣнъ. Ухудшенію положенія мелкихъ крестьянъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ помогло, далѣе, отгораживаніе или монополизація лендлордами лѣсовъ, болотъ и степей. Въ былыя времена, какъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и Маколей, крестьяне и батраки добывали себѣ мясо главнымъ образомъ охотой за дичью; продажа дичи служила имъ также подсобнымъ промысломъ. Со временъ Якова I это

постепенно было имъ запрещено, подъ тѣмъ предлогомъ, между прочимъ, что охота способствуетъ развитію лѣни, иными словами, даетъ возможность уклоняться отъ каторжнаго труда въ пользу землевладѣльца.

Развитіе торговли и растущая денежная прибыль имущихъ классовъ, о которыхъ съ такимъ восторгомъ повѣствуютъ намъ экономы конца 17-го вѣка, какъ, напримѣръ, Вильямъ Петти, Іосіа Чайльдъ и другіе [1]), улучшило положеніе лишь самой незначительной части рабочаго класса, для массы же рабочихъ оно означало ухудшеніе. Ибо въ то время, какъ прибыль и цѣны неимовѣрно возросли, заработная плата насильственно удерживалась на *низкомъ уровнѣ* путемъ изданія особыхъ тарифовъ, устанавливаемыхъ мировыми судьями. Если бы не сохранившіеся отъ того времени документы, заслуга нахожденія которыхъ принадлежитъ Т. Роджерсу, мы могли бы умозаключить объ этомъ фактѣ на основаніи того, что еженедѣльное жалованье простыхъ солдатъ, служившихъ во время республики Кромвеля, составляло 7 шиллинговъ 6 пенсовъ, а въ 1685 г.—лишь 4 шиллинга 8 пенсовъ [2]). Если люди нанимаются на военную службу за такую плату, значитъ, общее положеніе рабочихъ значительно ухудшилось. Заработная плата была такъ низка, что въ сельскомъ хозяйствѣ и въ домашней промышленности ея обыкновенно не хватало на прожитіе, и ее приходилось дополнять изъ *фонда для вспомоществованія бѣднымъ*. Налогъ въ пользу бѣдныхъ достигъ неимовѣрной высоты, общая сумма его превышала треть всего государственнаго бюджета. По вычисленіямъ Чарльза Девенента число бѣдныхъ и нищихъ составляло въ 1696 г. почти четверть всего населенія: не удивительно, если всѣ были заняты вопросомъ, какъ помочь горю. Возникла цѣлая литература, пытавшаяся разрѣшить проблему бѣдности и помощи бѣднымъ [3]).

Во всѣхъ сочиненіяхъ на эту тему можно прослѣдить два діаметрально противоположныхъ направленія, хотя и не совсѣмъ ясно выраженныхъ: направленіе, проистекающее изъ интересовъ *буржуазныхъ классовъ* и изыскивающее средства, какъ бы избавиться отъ *непріятностей*, при-

---

[1]) Чайльдъ установилъ, между прочимъ, что въ 1688 г. на лондонской биржѣ насчитывалось больше людей, имѣющихъ 10.000 фунтовъ стерлинговъ состоянія, чѣмъ въ 1651 г. людей съ 1.000 и болѣе фунтовъ; въ эти годы приданое въ 2.000 фунтовъ цѣнилось ниже, чѣмъ 60-ю годами ранѣе приданое въ 500 фунт. стерл.

[2]) Маколей. History of England etc; т. I, гл. III. Маколей приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ низкаго уровня заработной платы того время. Заработная плата ткачей въ Норвичѣ опустилась до 6 пенсовъ въ день.

[3]) Библіографію этой литературы, какъ и вообще литературы по соціальному вопросу до конца XVIII столѣтія, даетъ серъ *Фр. Эденъ*, The State of the Poor, 1799 г.

чиняемыхъ существованіемъ *бѣдняковъ*, и другое направленіе, стремящееся поднять уровень жизни бѣдныхъ ради нихъ самихъ и имѣющее въ виду болѣе или менѣе рѣзко выраженную лучшую организацію общества. Типичнымъ или классическимъ представителемъ перваго направленія можетъ служить *Джонъ Loккъ*, знаменитый философъ сенсуализма [1]). Другое направленіе, филантропически-соціалистическое, или, если хотите, *гуманитарное*, лучше и рѣзче всего представлено квакеромъ *Джономъ Беллерсомъ* [2]). Беллерсъ родился въ 1654 г. сыномъ состоятельныхъ родителей. Будучи квакеромъ, онъ согласно общепринятому среди «друзей» обычаю, женился на единомышленницѣ, и сдѣлался, благодаря этому браку, совладѣльцемъ («Lord of the Maner») Колнъ Олдвайнса въ Глостершайрѣ. Политическая карьера была для него недоступной, благодаря принадлежности къ сектѣ, считавшейся тогда еще опальной; и Беллерсъ занялся научными изслѣдованіями и филантропическими предпріятіями. Въ его біографіи, помѣщенной въ «Dictionary of National Biography» говорится, что «онъ постоянно носился съ филантропическими планами».

[1]) „Джонъ Локкъ, защищавшій интересы новой буржуазіи во всѣхъ ея формахъ, интересы промышленниковъ противъ интересовъ рабочаго класса и пауперовъ, коммерсантовъ—противъ старомодныхъ ростовщиковъ, финансовую аристократію—противъ должниковъ государства, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій называетъ даже буржуазный умъ нормальнымъ человѣческимъ умомъ"... (Карлъ Марксъ, „Къ критикѣ политической экономіи"). Тотъ, кто читалъ замѣтки Локка о „занятіяхъ для бѣдныхъ", написанныя въ 1705 г., могъ убѣдиться, насколько вѣрна данная Марксомъ характеристика. Замѣтки перепечатаны въ „Report on Agencies and methods for Dealing with the Unemployed", изданные „Board of Trade" London 1893 г.

[2]) Мы опредѣленно говоримъ „лучше и рѣзче всего", потому что Беллерсъ не одинъ представляетъ данное направленіе. Онъ лишь скомбинировалъ въ послѣдовательной формѣ кругъ идей цѣлаго поколѣнія филантроповъ-писателей и далъ имъ болѣе прочную основу. Даже Вильямъ Петти, котораго нельзя причислить къ филантропамъ, пишетъ статьи въ пользу безработныхъ: „лучше при случаѣ сжечь продуктъ труда тысячи людей' чѣмъ позволить этой тысячѣ людей потерять способность къ труду, благодаря отсутствію занятій. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „но тѣ, кто, благодаря неравномѣрному примѣненію труда въ сельскомъ хозяйствѣ, не могутъ найти себѣ работы, хотя они въ состояніи и желаютъ работать должны получить обезпеченіе отъ администраціи и лендлордовъ; ибо не должно быть нищихъ въ странѣ, гдѣ имѣется столько земель невоздѣланныхъ и непригодныхъ къ обработкѣ, какъ въ Англіи". (Essays on mankind, I). Лишь незнакомство съ соотвѣтствующей литературой могло вызвать у Лассаля замѣчаніе, что гуманитарная школа въ экономіи составляетъ гордость Франціи, гдѣ она развилась раньше, чѣмъ въ Англіи. (Bastiat-Schulze, Gesammts ausgabe III, 8.206).

Къ числу его друзей принадлежали *Уильямъ Пенъ*, знаменитый основатель Пенсильваніи, и врачъ и естествоиспытатель *Гансъ Слоонъ*, который положилъ основаніе учрежденію Британскаго Музея. Хотя и не особенно крѣпкаго тѣлосложенія и часто прихварывавшій, Беллерсъ достигъ 71 лѣтняго возраста. Онъ умеръ въ 1725 г., былъ однимъ изъ лучшихъ людей своей эпохи, какъ пишетъ о немъ Марксъ, «настоящій феноменъ въ исторіи политической экономіи» [1]).

Первое сочиненіе по этому вопросу, написано Беллерсомъ въ 1695 г., однимъ изъ семи слѣдовавшихъ подъ рядъ годовъ кризиса, настоящихъ «семи тощихъ годовъ», обрушившихся въ концѣ 17-го столѣтія на англійскихъ рабочихъ и понизившихъ до крайней степени ихъ заработную плату и покупательную способность денегъ. «*Проектъ учрежденія рабочаго колледжа всѣхъ полезныхъ ремеслъ и сельскаго хозяйства*»—таковъ дословный переводъ трактата Беллерса, но по существу, Беллерсъ предлагаетъ въ немъ устройство рабочей колоніи или *товарищества*. Онъ въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія объясняетъ почему онъ избралъ названіе «College of Industry» [2]). «Пусть лучше будетъ колледжъ, чѣмъ рабочій домъ («workhouse»), потому что это названіе болѣе благозвучное, и потому что, въ немъ будутъ преподаваться всякаго рода полезныя знанія», пишетъ онъ на стр. 11 и въ заключительной главѣ, гдѣ онъ отвѣчаетъ на могущія быть возраженія противъ его проекта: workhouse слишкомъ напоминаетъ «Bridewell», тогдашній смирительный домъ въ Лондонѣ. Но и слово коммуна—«kommunity» тоже не подходитъ, потому что тамъ не все будетъ общее. Названіе колледжа болѣе соотвѣтствуетъ свободному пристанищу. Беллерсъ вполнѣ сознаетъ двойственный характеръ своего предложенія и ясно даетъ понять, что чисто

---

[1]) Марксъ, „Капиталъ", т. I, 2 нѣм. изд. стр. 515. Кромѣ того, Марксъ цитируетъ Беллерса и на стр. 112, 120, 127, 334, 449 и 504 I т. и на стр. 270 III т. „Капитала".

[2]) Полное заглавіе англійское гласитъ: „*Proposals for Raising a Colledge of Industry of all usefull Trades and Husbandry* with Profit for the Rich, a plentiful living for the Poor and a good education for Youth, which will be advantage to the goverNement by the Jncrease of the People and their Riches. Motto: Industry brings Plenty. — The Sluggard Shall be cloathed with Rags. He that will not work shall not eat." („проектъ устройства рабочаго колледжа всѣхъ полезныхъ ремеслъ и сельскаго хозяйства, который даетъ прибыль богатымъ, обезпеченное существованіе бѣднякамъ, хорошее воспитаніе юношеству, который (колледжъ) принесетъ пользу правительству, благодаря увеличенію населенія и богатства. Мотто: „Трудъ приноситъ съ собою достатокъ". — Пусть бездѣльникъ ходитъ въ отрепьяхъ; кто не трудится, не долженъ и ѣсть").

практическія соображенія мѣшаютъ ему развить его дальше. Съ истинно квакерской правдивостью, въ которой, однако, сказываются его убѣжденія и извѣстный юморъ, нерѣдко проглядывающій въ его сочиненіяхъ, онъ отвѣчаетъ на вопросъ, почему бѣдные, т. е. рабочіе, будутъ получать въ колледжѣ не всю прибыль: «*потому что богатые не въ состояніи существовать иначе, какъ отъ труда другихъ*: лендлорды отъ труда своихъ арендаторовъ, а купцы и промышленники—отъ труда рабочихъ». Но кромѣ компрометирующей внимательности къ богатымъ, у него имѣются и другія соображенія, почему онъ полагаетъ, что «колледжъ» долженъ отчислять прибыль. Чтобы поставить его производство на достаточно высокую степень, нужны большія средства, а «для дѣла, которое даетъ прибыль, легче достать 1000 фунтовъ стерлинговъ, чѣмъ для благотворительной цѣли 100 фунтовъ». А чѣмъ больше денегъ вложено въ предпріятіе, тѣмъ больше гарантіи, что имъ будутъ больше интересоваться, будутъ больше заботиться о правильномъ его функціонированіи. «Колледжъ» еще и потому не долженъ быть чисто благотворительнымъ учрежденіемъ, чтобы рабочій, вступающій въ него, имѣлъ на него право. Здѣсь можно было бы, подражая Марксу (см. примѣч. на стр. 309 четвертой части I т. «Капитала») сказать: это пророческій отвѣтъ противъ современныхъ Bodelschwingh'овъ и ихъ подражателей. Комфортабельная жизнь въ «колледжѣ» должна быть «уплатой *долга* рабочимъ со стороны богатыхъ, а не *актомъ благотворительности*». Лишь остатокъ отъ необходимаго для такой жизни дохода долженъ пойти на увеличеніе общественнаго капитала.

По разсчету Беллерса на пріобрѣтеніе колоніи для 300 работоспособныхъ людей нуженъ капиталъ въ 15000 фунтовъ стерлинговъ, для того, чтобы земля и т. д. была не арендована, а куплена, что безусловно предпочтительнѣе. (Разсчетъ таковъ: 10000 фунтовъ стерлинговъ за землю, 2000 за постройки для скота и другой инвентарь и т. д. и 3000 фунтовъ на мастерскія, инструменты и т. п. для ремесленныхъ рабочихъ). Наименьшій пай долженъ быть въ 25 фунтовъ стерлинговъ, каждые 50 фунтовъ должны давать голосъ ихъ обладателю при обсужденіи вопросовъ, но никто не можетъ имѣть больше пяти голосовъ, сколько бы денегъ онъ ни внесъ.

Рабочее населеніе колледжа Беллерсъ дѣлитъ на слѣдующія категоріи:

44 промышленныхъ рабочихъ (ремесленниковъ etc.), включая сюда завѣдующаго и его помощника.

82 женщины и дѣвушки, исполняющія всѣ домашнія работы (сюда относится и пряденье etc.), а также и работы въ молочныхъ.

24 сельскихъ рабочихъ и чернорабочихъ (мужчинъ и мальчиковъ), включая управляющаго съ женой;

всего 150 человѣкъ, производящихъ всѣ продукты для собственнаго потребленія въ колледжѣ. Еще 10 человѣкъ мужчинъ покрываютъ своей работой расходъ на топливо, желѣзные предметы и т. п., 5 человѣкъ расходы по найму квартиръ, 35 чел. вырабатываютъ арендную плату. Если аренды платить не придется, то изготовленные послѣдними продукты прибавляются къ остальнымъ ста рабочимъ силамъ, составляющимъ излишекъ предпринимателя. Но если землю придется арендовать, то, считая, что продуктъ ежегоднаго труда рабочаго равняется 10 фунтамъ, излишекъ составитъ $100 \times 10 = 1000$ фунтовъ стерлинговъ. Но Беллерсъ полагаетъ, что средняя цѣнность продуктовъ труда рабочаго составитъ 15 фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Къ оцѣнкѣ этой нормы прибавочной стоимости, составляющей $300:135 = 45\%$, Беллерса, по его собственному признанію, привелъ «общій взглядъ на націю», ибо «я полагаю, что не болѣе двухъ третей, и не менѣе половины націи производятъ полезную работу, между тѣмъ какъ средства къ существованію имѣетъ вся нація». Далѣе, колледжъ даетъ массу экономическихъ выгодъ. Можно будетъ дѣлать *сбереженія*: исчезнутъ расходы на содержаніе *лавокъ*, на содержаніе *посредниковъ* и на другіе безполезные роды дѣятельности, расходы на *адвокатовъ*, *ненадежные долги* и т. п. Сократятся расходы на *квартиры*, на *отопленіе*, *изготовленіе пищи*, по *закупкѣ пищевыхъ продуктовъ*. Бракованные товары не придется выбрасывать; многія женщины и дѣти будутъ заняты производительнымъ трудомъ и можно будетъ избѣгнуть *потери времени* вслѣдствіе періодическаго отсутствія работы. Далѣе, чрезвычайно полезнымъ окажется и соединеніе въ «колледжѣ» индустріи и земледѣлія. Принадлежащая колледжу земля будетъ обрабатываться лучше, чѣмъ обыкновенно обрабатываются пашни ремесленниковъ, ибо въ колледжѣ будетъ больше скота, а слѣдовательно и больше навозу, и вообще будетъ болѣе раціональная обработка земли. Большая польза получится и отъ того, что въ страдную пору къ земледѣлію будутъ привлечены не только сельскохозяйственные рабочіе, но и ремесленники etc., и вообще рабочія силы можно будетъ распредѣлять смотря по надобности.

Наряду съ уничтоженіемъ *посредничества* и убытковъ, связанныхъ съ отдѣленіемъ земледѣлія отъ мануфактуры (на этомъ Беллерсъ останавливается и въ другомъ мѣстѣ), для колледжа получится большая польза и отъ уничтоженія *спекуляціи*. «Колледжъ» производитъ главнымъ образомъ для *собственнаго потребленія*, а то, что не можетъ быть потреблено, должно быть оставлено про *запасъ* или съ цѣлью *расширенія*

и усовершенствованія предпріятія — приспособленій и т. п. Доходъ исчисляется ежегодно и записывается на счетъ каждаго акціонера, сообразно его вкладу; акціонеры могутъ взять прибыль или оставить ее въ предпріятіи, присоединивъ къ своему капиталу («principal»). Но съ акціями не должно совершаться никакихъ спекуляцій—«stock jobbing»,—ибо спекуляція «губитъ всякое доброе дѣло». Если кто-нибудь хочетъ продать свою часть, то другіе участники предпріятія могутъ большинствомъ голосовъ рѣшить вопросъ о покупателѣ, который долженъ внести за покупаемую часть сумму, сообразно послѣдней оцѣнкѣ стоимости предпріятія. Объ излишкахъ вообще можно говорить лишь тогда, когда удовлетворены всѣ рѣшительно нужды работающихъ въ «колледжѣ» лицъ. Это прямо противоположено тому, что происходитъ «внѣ» колледжа въ обыденной жизни, гдѣ «промышленники стремятся урвать другъ у друга, что только возможно», вслѣдствіе чего они «*стѣсняютъ потребности рабочихъ* и не думаютъ о томъ, что *рабочій получаетъ слишкомъ мало*, а лишь о томъ, чтобы какъ можно больше получить для себя».

Въ «колледжѣ» рабочіе, въ цвѣтущіе годы жизни должны работать положенное для всѣхъ количество часовъ, но съ наступленіемъ болѣе зрѣлаго возраста рабочее время постепенно сокращается, уменьшаясь черезъ опредѣленные періоды времени на одинъ часъ въ день. «Достигнувъ шестидесяти-лѣтняго возраста, они могутъ, (если только ихъ обязанности не призвали ихъ къ этому еще раньше), перейти на должность надсмотрщиковъ, которая въ смыслѣ легкости труда и пріятной жизни представляетъ то же, что накопленныя богатства частнаго лица».

Распорядки труда должны быть установлены по тому же образцу, который существуетъ въ Лондонѣ для лучше оплачиваемыхъ «учениковъ» («prentices»). Заслуживаютъ упоминанія также и слѣдующія черты въ устройствѣ колледжа:

Управляющіе и другія должностныя лица (надсмотрщики) въ «колледжѣ», наравнѣ съ рабочими, *не получаютъ денежнаго вознагражденія*, а лишь приличное содержаніе и обстановку.

Жилое помѣщеніе въ колледжѣ должно состоять изъ *четырехъ флигелей*: одинъ для *женатыхъ*, другой *для холостыхъ мужчинъ и мальчиковъ*, третій для незамужнихъ женщинъ и дѣвочекъ, четвертый для *больныхъ и инвалидовъ*. За обѣдомъ, который долженъ быть общимъ, прислуживаетъ молодежь (мальчики и дѣвочки поочередно).

Мастерскія также должны быть отдѣльныя. Молодые люди считаются «учениками» до 24-хъ лѣтъ, молодыя дѣвушки—до 21 года. По окончаніи ученичества они, по желанію, могутъ оставить колледжъ или жениться. Въ самомъ началѣ слѣдуетъ обратить большое вниманіе на то, чтобы

подобрать извѣстное количество дѣльныхъ работниковъ, которые могли бы дать хорошій примѣръ другимъ; остальные могутъ быть учениками: начало должно быть положено съ молодыми людьми. «Старые люди», говорится въ предисловіи, «подобны глиняной посудѣ,—ее не легко передѣлать наново. Дѣти же подобны необработанной глинѣ, только что добытой изъ почвы». Если бѣдняки вначалѣ и выкажутъ извѣстное равнодушіе, богатые (дающіе деньги для созданія «колледжа») все же не должны терять терпѣніе. «Въ теченіе семи или четырнадцати лѣтъ можно воспитать молодежь, для которой эта жизнь будетъ болѣе естественной».

Большое вниманіе слѣдуетъ обращать на *преподаваніе* и не только на то, что преподается, но также и на то, *какъ* преподается. Оно должно соединить въ себѣ *трудъ и обученіе*, оно должно предпочитать *наглядный способъ заучиванію, практическія упражненія и опытъ*—зазубриванію установленныхъ правилъ. И то, что дѣти читаютъ для обогащенія своихъ знаній, они должны читать совмѣстно. «Когда дѣти читаютъ другъ другу вслухъ и ведутъ совмѣстныя бесѣды, то это производитъ на нихъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ чтеніе про себя, подобно тому, какъ лучше запоминается голосъ человѣка, чѣмъ его лицо». (Стр. 15).

Богатые люди за извѣстную плату и при условіи приличнаго поведенія могутъ поступать въ колледжъ пансіонерами. Точно также колледжъ будетъ принимать за плату и дѣтей состоятельныхъ родителей на содержаніе и воспитаніе, и для такихъ дѣтей соединеніе труда и обученіе будетъ чрезвычайно полезнымъ. «Когда они будутъ видѣть, что другіе работаютъ, то и они въ свободное время, вмѣсто того, чтобы играть, будутъ изучать какое-нибудь ремесло, ибо трудъ напрягаетъ не болѣе, чѣмъ игра. Когда дѣти видятъ другихъ за работой, подражаніе доставляетъ имъ столько же удовольствія, какъ и игра». А развитіе физической силы и ловкости столь же важно для богатыхъ, какъ и для бѣдныхъ, для ученыхъ, какъ и для ремесленниковъ. «Не связанное съ физическимъ трудомъ ученіе немногимъ лучше, чѣмъ привычка къ ничего недѣланію... физическій трудъ установленъ Богомъ... Работа столь же необходима для поддержанія здоровья организма, какъ питаніе для поддержанія его жизни; страданія, которыхъ человѣкъ избѣгаетъ, уклоняясь отъ работы, онъ переживаетъ впослѣдствіи, благодаря хилости («for what pains a man saves by Ease, he will find in Disease»)... Физическій трудъ даетъ свѣтильнику жизни новое масло, когда мысль зажигаетъ его», одна только мысль скоро истощила бы его... И работа должна быть цѣлесообразной,

а не безсмысленнымъ утомленіемъ тѣла. «Ребячески глупое занятіе притупляетъ умъ ребенка» [1]).

Само собою понятно, что колледжъ имѣетъ порядочную *библіотеку*, затѣмъ питомникъ цѣлебныхъ травъ, лабораторіи для изготовленія медицинскихъ препаратовъ и т. п.

Беллерсъ говоритъ, что при подсчетѣ рабочихъ силъ колледжа онъ взялъ число 300 лишь для того, чтобы сдѣлать болѣе нагляднымъ пропорціональное отношеніе между необходимымъ и прибавочнымъ трудомъ. Колледжъ можетъ быть и значительно больше: въ немъ могутъ жить 3.000 членовъ, особенно въ тѣхъ округахъ, гдѣ производятся предметы вывоза. Нѣтъ также надобности ограничивать себя перечисленными ремеслами. Въ колледжѣ могутъ участвовать и пользоваться его выгодами даже моряки, если они согласятся передавать ему свои товары или доходъ съ нихъ [2]). Словомъ, колледжъ долженъ олицетворять собою міръ въ миніатюрѣ—«an epitomy of the world».

«Какія бы превратности судьбы ни постигли организованный такимъ образомъ колледжъ, онъ врядъ ли можетъ быть уничтоженъ другимъ способомъ, какъ только уничтоженіемъ его населенія: ибо если даже опустошить его, то достаточно двѣнадцати мѣсяцевъ, чтобы снова возстановить его, подобно травѣ, которая, будучи скошена, снова выростаетъ въ ближайшемъ году. Трудъ, такъ же какъ и земля, доставляетъ продукты, и если люди объединены, то они помогаютъ другъ другу; если же они разъединены, то не приносятъ другъ другу никакой пользы, если даже они и не занимаются взаимнымъ ограбленіемъ».

Первое изданіе «Proposals» Беллерсъ посвятилъ своимъ единовѣрцамъ «дѣтямъ свѣта, въ насмѣшку называемымъ квакерами». «Зная вашу, чрезвычайную воспріимчивость и энергичное участіе во всѣхъ обществен-

---

[1]) Послѣднія цитаты приведены и у Маркса въ „Капиталѣ“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что „завоеваніе политической власти рабочимъ классомъ даетъ также мѣсто въ школахъ для рабочихъ и теоретическому и практическому техническому образованію“, (т. I, 2 нѣм. изд., стр. 515). По этому же поводу Марксъ замѣчаетъ, что Беллерсъ „уже въ концѣ XVII столѣтія съ полной ясностью понималъ необходимость уничтоженія теперешняго метода воспитанія и раздѣленія труда, которое создаетъ гипертрофію и атрофію на обоихъ полюсахъ общества, хотя и въ противоположномъ направленіи“. По поводу выраженія „ребячески глубое занятіе etc.“ Марксъ замѣчаетъ: „это пророческій отвѣтъ Бейздоузу и его современнымъ подражателямъ“.

[2]) Далѣе, можно устроить нѣсколько колледжей на берегу моря, которые явятся разсадниками наилучшихъ способовъ рыбной ловли,—говорится во второмъ изданіи „Proposals“.

ныхъ дѣлахъ, вашу щедрость при поддержкѣ вашихъ, а также — если представляется къ тому случай—и другихъ бѣдныхъ, зная вашу общепризнанную нравственность и вашу религіозную искренность, хорошо извѣстную Богу,—я посвящаю эти предложенія вамъ и отдаю ихъ на ваше серьезное разсмотрѣніе; ибо я считаю васъ хорошо организованной корпораціей, имѣющей необходимыя для подобнаго предпріятія рѣшимость и способности. Я часто думалъ о нищетѣ бѣдныхъ въ Англіи, и считаю ихъ сокровищницей англійской націи, такъ какъ трудъ бѣдныхъ является золотымъ рудникомъ для богатыхъ, гораздо болѣе цѣннымъ, чѣмъ рудники, которыми владѣетъ Испанія. И многія мысли обуревали меня: я спрашивалъ себя, почему бѣдные являются такою обузою, почему они такъ несчастны и какъ помочь имъ; ибо, по моему мнѣнію, дать бѣднымъ возможность добывать себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ, является значительно большимъ благодѣяніемъ, чѣмъ держать ихъ въ бездѣятельности, подобно тому, какъ гораздо благодѣтельнѣе вылѣчить сломанную ногу человѣка, чтобы онъ могъ самъ ходить, чѣмъ постоянно носить его на рукахъ».

За посвященіемъ слѣдуетъ *введеніе*, въ которомъ развиты основные соціально экономическіе взгляды Беллерса.

«Богатые, въ своихъ же интересахъ», говорится въ началѣ введенія, «должны заботиться о бѣдныхъ и объ ихъ воспитаніи, потому что это забота о своихъ собственныхъ наслѣдникахъ». Этого требуетъ необезпеченность существованія отдѣльныхъ лицъ въ обществѣ. Съ отдѣльными людьми бываетъ то же, что и съ цѣлыми государствами, которыя часто гибнутъ подъ ударомъ революціи. Никто не избавленъ отъ превратностей судьбы. Есть много бѣдныхъ, родители которыхъ были богаты, и наоборотъ. Далѣе, стоитъ только посмотрѣть, какъ мало среди лондонскихъ жителей мѣстныхъ (лондонскихъ) уроженцевъ.

Но Беллерсъ знаетъ, что одного указанія на заботу о потомствѣ мало, чтобы привлечь къ его проекту вниманіе богачей; вотъ почему онъ старается прельстить ихъ непосредственной выгодой, *прибылью* отъ «колледжа». Предпріятіе, приносящее прибыль, привлекаетъ къ себѣ больше капиталовъ, можетъ дольше просуществовать и, поэтому, принести и больше пользы. Во всякомъ предпріятіи прибыль является тѣмъ же, ч[illegible]является сокъ для дерева: она способствуетъ его росту и поддерживаетъ въ немъ жизнь.—Читатель видитъ, что Беллерсъ отнюдь не былъ мечтателемъ. Онъ ясно понималъ духъ своего времени, превосходя въ этомъ отношеніи всѣхъ современныхъ ему мыслителей.

Желаніе получать *прибыль* должно побуждать богачей заботиться о

бѣдныхъ [1]). «Ибо, если кто-либо имѣетъ 100.000 акровъ земли и столько же фунтовъ стерлинговъ и головъ скота, но не имѣетъ ни одного рабочаго,—развѣ такой богачъ не превращается, благодаря этому, въ рабочаго [2])? Такъ какъ люди становятся богатыми лишь благодаря труду рабочихъ, то богатыхъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше имѣется рабочихъ, пока только будетъ достаточно земли для того, чтобы доставить имъ работу и пропитаніе». Такимъ образомъ богатые заинтересованы въ томъ, чтобы честные рабочіе вступали въ бракъ, какъ только достигнутъ совершеннолѣтія (стр. 2).

«Не странно ли наблюдать», восклицаетъ Беллерсъ, «какъ свѣтъ заботится о производствѣ хлѣба и размноженіи скота, которые вѣдь предназначены лишь для человѣка, и какъ мало онъ заботится, или, вѣрнѣе говоря, какія препятствія онъ ставитъ размноженію самихъ людей?..» «Размноженіе бѣдныхъ», пишетъ онъ за сто лѣтъ до Мальтуса, «приноситъ съ собой не обузу, а выгоду, потому что вмѣстѣ съ числомъ бѣдныхъ увеличивается и количество средствъ къ существованію».

Извѣстно, что меркантильная система, болѣе или менѣе талантливыми представителями которой въ Англіи въ XVII ст. были Томасъ Мэнъ, Іосія Чайльдъ, Чарльзъ Девенентъ и др., была кажущимся освобожденіемъ отъ предшествовавшаго ей непреложнаго культа благородныхъ металловъ, такъ называемой монетарной системы, практическимъ выраженіемъ которой было запрещеніе вывоза золота и серебра,—монетарной системы, которая, вѣрнѣе говоря, соотвѣтствовала такому общественному строю, гдѣ еще преобладаетъ производство для собственнаго потребленія, т. е. феодальному хозяйству. Въ самомъ дѣлѣ, при феодальномъ хозяйственномъ строѣ внѣшняя торговля состоитъ почти исключительно въ обмѣнѣ *излишка* мѣстныхъ продуктовъ на продукты не-мѣстнаго производства. По мѣрѣ разложенія феодальнаго хозяйства и расширенія денежнаго хозяйства, внѣшняя торговля теряетъ характеръ первобытной *мѣновой* торговли и все болѣе превращается въ куплю-продажу. Въ виду этого запрещеніе вывозить золото является чувствительнымъ стѣсненіемъ для внѣшней торговли, и защитники послѣдней борются противъ этого стѣсненія, заявляя, что здѣсь рѣчь идетъ не объ отдѣльной фазѣ, а о конечномъ результатѣ операціи: хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній, т. е. на чьей сторонѣ окажется, въ концѣ концовъ, излишекъ. Въ примѣненіи ко всей странѣ теорія эта

---

[1]) Подъ этимъ словомъ подразумѣваются всѣ, живущіе трудомъ своихъ рукъ или милостыней.

[2]) Срав. съ этимъ слова Уинстенли во введеніи къ его Утопіи, стр. 189 этой книги.

гласитъ, что торговля даннаго народа съ другими народами должна, въ концѣ концовъ, дать благопріятный для него балансъ; это—теорія торговаго баланса, согласно которой вывезенное золото возвращается назадъ съ процентами и процентами на проценты, подобно тому какъ урожай съ съ избыткомъ возвращаетъ посѣянныя сѣмена [1]). Не трудно понять, что эта теорія не что иное, какъ предразсудокъ подъ раціоналистической оболочкой; она скрываетъ въ себѣ еще бо́льшій культъ денегъ, чѣмъ монетарная система, и въ дѣйствительности основывается на болѣе широкомъ господствѣ денегъ. Однако, тамъ, гдѣ эта теорія выступаетъ противъ монетарной системы и, въ особенности, противъ монетарной политики, она выдвигаетъ важное значеніе *производства*—труда—для достиженія благопріятнаго торговаго баланса и требуетъ введенія таможенной системы, разсчитанной на ростъ производства—развитіе мануфактуръ. Но подчеркивая значеніе производительнаго труда, какъ источника богатства, меркантильная система этимъ самымъ расчищаетъ путь другой системѣ, основанной на упраздненіи денегъ. Въ 1662 г. У. Петти доказалъ, что цѣнность товаровъ опредѣляется заключающимся въ нихъ *трудомъ*, а Беллерсъ былъ первымъ соціалистомъ, сдѣлавшимъ практическое примѣненіе изъ этой мысли, т. е. попытавшимся обосновать свое отрицательное отношеніе къ деньгамъ, которое онъ раздѣлялъ со всѣми коммунистами.

«Этотъ колледжъ—товарищество («colledge-fellowship»), говоритъ онъ, сдѣлаетъ мѣриломъ («standart»), при помощи котораго будутъ *оцѣниваться* всѣ предметы потребленія («necessaries»), *трудъ, а не деньги*. И хотя въ обыденной жизни деньги представляютъ нѣкоторыя удобства, играя роль залога въ виду недостаточнаго довѣрія между людьми, онѣ имѣютъ и дурныя стороны, и недаромъ Спаситель назвалъ ихъ демономъ безчестности. Не будь денегъ, большинство обмановъ и грабежей совершалось бы значительно рѣже и медленнѣе. Такъ какъ, далѣе, торговыя сношенія всецѣло зависятъ отъ денегъ, то при недостаткѣ или обезцѣненіи послѣднихъ, люди разоряются, и *бѣдные* (рабочіе) *остаются праздными, потому что у богатыхъ нѣтъ денегъ, чтобы дать имъ работу, хотя теперь, какъ и раньше, имѣются въ наличности та же земля и тѣ же рабочія руки, могущія доставить средства къ жизни и одежду*. Онѣ именно—земля и рабочія руки—и составляютъ дѣйствительное богатство націи, а не деньги, которыми нація владѣетъ, если, конечно, мы не будемъ считать богатствомъ стеклянныя бусы и блестки только потому, что въ Гвинеѣ можно получить за нихъ

[1]) Это сравненіе употребляется Т. Мэномъ въ его сочиненіи „England's Treasure by foreign Trade".

золото» (стр. 3). Страна, въ которой господствуютъ здоровыя, нормальныя условія, такъ же мало нуждается въ деньгахъ, какъ здоровое тѣло человѣка—въ *костылѣ*.

«Въ настоящее время и земледѣлецъ и ремесленникъ часто разоряются, хотя бы первый получилъ богатый урожай, а второй произвелъ много товаровъ. Если мѣриломъ являются деньги, а не трудъ, то земледѣлецъ долженъ платить ту же ренту, что и раньше, хотя бы его урожай уменьшился за это время вдвое. Не лучше обстоитъ дѣло и съ ремесленникомъ, такъ какъ его содержитъ не тотъ, кто нуждается въ его товарѣ, а тотъ, кто можетъ уплатить ему деньги за этотъ товаръ; и онъ нерѣдко бываетъ вынужденъ получить за свой товаръ наличными половину той цѣны, которую другой, не имѣющій денегъ, далъ бы ему въ видѣ труда». (Стр. 12, 13).

Въ заключеніе Беллерсъ разсматриваетъ цѣлый рядъ возраженій, которыя могли бы быть выдвинуты противъ его предложенія. Нѣкоторыя изъ нихъ уже были упомянуты нами выше, и мы приведемъ здѣсь еще другія, наиболѣе ярко характеризующія образъ мыслей Беллерса.

На возраженіе о *трудности* предпріятія Беллерсъ отвѣчаетъ, что то, что невозможно для одного человѣка, вполнѣ возможно при совмѣстной работѣ многихъ людей. И онъ приводитъ примѣръ, цитируемый Марксомъ въ I т. «Капитала» (стр. 258 изд. Поповой): «Въ то время, какъ одинъ человѣкъ не можетъ поднять тяжести вѣсомъ въ цѣлую тонну, а 10 человѣкъ должны напрягать для этого всѣ свои силы,—сто человѣкъ сдѣлаютъ это, дѣйствуя каждый лишь однимъ пальцемъ».

Наступленія *нужды* товариществу нечего бояться, такъ какъ здѣсь отсутствуетъ искушеніе продавать запасы съ цѣлью накопленія денегъ. «Рѣдко случаются годы плохого урожая, которымъ бы не предшествовали годы изобилія» (стр. 20).

Но примкнутъ ли къ товариществу *лучше оплачиваемые рабочіе*, удовольствуются ли они однимъ содержаніемъ, которое предоставляетъ имъ товарищество? На это слѣдуетъ отвѣтить такъ:

Колледжъ даетъ имъ значительно больше, чѣмъ одни только средства къ существованію: онъ снимаетъ съ нихъ заботу о дѣтяхъ, о болѣзни и т. п. [1]). Но можно установить и добавочное вознагражденіе за работу,

[1]) „Они перестанутъ быть бѣдными и сдѣлаются богатыми, такъ какъ будутъ пользоваться всѣмъ, что нужно человѣку здоровому и больному, холостому и семейному, имѣющему жену и дѣтей. По смерти родителей, ихъ дѣтей будутъ тщательно воспитывать, предохранять отъ нужды и поощрять къ вступленію въ бракъ, тогда какъ въ настоящее время ихъ удерживаютъ отъ этого“. Въ колледжѣ нечего опасаться ни конкуренціи,

превышающую извѣстную среднюю норму. Однако, вѣдь не всѣ бѣдные такъ глупы, какъ та испанская нищая, которая не хотѣла позволить своему сыну поступить на службу къ англичанину, потому что, благодаря этому, онъ потерялъ бы шансы сдѣлаться въ Испаніи королемъ. «Ибо, если инымъ бѣднякамъ и удается составить себѣ состояніе, то тысячи бѣдняковъ пребываютъ въ вѣчной нуждѣ».

Сумѣютъ ли люди вынести *изолированное положеніе въ колледжѣ?*

Эта изолированность не должна быть абсолютной, а должна ограничиваться лишь тѣмъ, что необходимо для хорошаго управленія колледжемъ. И «я полагаю, что изобиліе и удобства жизни въ колледжѣ съ избыткомъ вознаградятъ за нѣкоторую суровость предписаній».

Свое предложеніе о *различіи въ одеждѣ* (см. стр. 298)Беллерсъ оправдываетъ замѣчаніемъ, что это различіе только соотвѣтствуетъ уже существующему въ дѣйствительности. По всей вѣроятности, Беллерсъ дѣлаетъ здѣсь уступку болѣе состоятельнымъ элементамъ, которыхъ онъ считалъ желательнымъ привлечь; во всякомъ случаѣ, предписаніе носить однообразную одежду было бы еще хуже.

Но несмотря на то, что Беллерсъ изложилъ свой проектъ ясно и популярно, онъ не встрѣтилъ среди «дѣтей свѣта» ожидаемой или по крайней мѣрѣ достаточной поддержки. Быть можетъ, просто не было денегъ, такъ какъ кассы квакеровъ были не въ состояніи удовлетворить всѣ потребности общины [1]) Какъ бы то ни было, уже въ слѣдующемъ (1696) году Беллерсъ напечаталъ второе изданіе своихъ «Proposals», посвятивъ ихъ на этотъ разъ не к[illegible]керамъ, а палатамъ лордовъ и общинъ и вообще всѣмъ «мыслящимъ людямъ, заботящимся о благѣ общества». Беллерсъ предлагаетъ парламенту испытать предложенія, сдѣланныя въ его сочиненіи, и осуществить ихъ для блага націи. Было бы желательно, далѣе, чтобы парламентъ предоставилъ необходимыя привилегіи тѣмъ обществамъ, которыя возникнутъ для осуществленія проектовъ Беллерса. Но онъ *не*

ни несправедливаго распредѣленія благъ, и всѣ эти преимущества будутъ покупаться цѣною „легко выполнимаго ежедневнаго труда“.

[1]) Въ приложеніи къ одному сочиненію Беллерса, появившемуся въ 1697 г. и посвященному спеці[illegible]но квакерамъ, имѣется воззваніе, подписанное 45-ю единомышлен[illegible] ми и приглашающее сдѣлать попытку устройства подобнаго „колледжа“. Подъ этимъ воззваніемъ мы находимъ подписи Уильяма Пенна, Роберта Барклея, Томаса Элвуда и Джона Ходскина. Это сочиненіе—„An Epistle to Friends concerning the education of Children“, посланіе къ друзьямъ по поводу воспитанія дѣтей въ духѣ „Proposals“ Беллерса — имѣется въ библіотекѣ лондонскаго центральнаго учрежденія квакеровъ.

желаетъ монополіи для своихъ обществъ. Если бы другіе выступили съ аналогичными или нѣсколько видоизмѣненными планами, то ихъ слѣдуетъ только поощрять въ этомъ направленіи. «Мыслящимъ людямъ» Беллерсъ предлагаетъ дѣлать денежные вклады для основанія проектируемаго товарищества, внося ихъ двумъ жителямъ Сити—купцу и адвокату. Во всемъ остальномъ это изданіе мало отличается отъ перваго изданія. Оборотный капиталъ нѣсколько увеличенъ, по сравненію съ первымъ изданіемъ: къ 15.000 фунт. стерлинговъ на землю, скотъ и матеріалъ прибавляются 3.000 фунтовъ стерл. на *постройки*. Увеличенъ также и размѣръ паевъ; далѣе, разсматривается новое возраженіе, что колледжъ будетъ развивать лѣность и монашеское тунеядство; а въ заключеніе Беллерсъ обращается къ читателямъ и друзьямъ съ особой просьбой, сообщить о подходящихъ для устройства колледжа земельныхъ участкахъ и т. п. Какихъ-либо принципіальныхъ измѣненій въ планѣ и мотивировкѣ предложенія во второмъ изданіи не имѣется.

Заслуживаютъ вниманія слѣдующія добавленія, имѣющіяся во второмъ изданіи: «Я полагаю, что бѣдные люди, остающіеся теперь безъ работы, въ состояніи производить массу пищевыхъ продуктовъ и мануфактурныхъ товаровъ, которые доставятъ Англіи такое же богатство, какъ и Испаніи ея рудники, если эти продукты будутъ посланы за границу; конечно, все это въ томъ случаѣ, если подобный сбытъ товаровъ будетъ признанъ болѣе выгоднымъ въ интересахъ націи, чѣмъ употребленіе ихъ для прокормленія людей на родинѣ, что, по моему мнѣнію, является наилучшимъ средствомъ для повышенія цѣнности земли въ Англіи: *ибо если цѣнность земли въ Европѣ выше, чѣмъ въ Америкѣ, а въ Голландіи выше, чѣмъ въ Ирландіи, то это происходитъ исключительно вслѣдствіе большаго количества народонаселенія*»... Колледжъ «является скорѣе соціальнымъ («civil»), чѣмъ религіознымъ товариществомъ».

Въ своей автобіографіи, оставшейся неоконченной, Робертъ Овенъ разсказываетъ, что около 1817 г. извѣстный Френсисъ Плэсъ, очищая свою библіотеку отъ ненужнаго хлама, случайно наткнулся на одинъ экземпляръ этого изданія книги Беллерса и сейчасъ же принесъ его Овену со словами: «Я сдѣлалъ громадное открытіе—я нашелъ трудъ, который полтораста лѣтъ тому назадъ защищалъ ваши соціальныя теоріи». Овенъ выпросилъ себѣ памфлетъ и заявилъ Плэсу, что онъ напечатаетъ для распространенія тысячу экземпляровъ сочиненія Беллерса и публично признаетъ, что Беллерсу принадлежитъ заслуга первоначальной разработки идеи; «хотя,—прибавляетъ Овенъ,—эта идея явилась у меня благодаря привычкѣ наблюдать факты, обдумывать ихъ и опредѣлять, насколько ихъ можно использовать для повседневной жизни» (Life etc. стр. 240).

Овенъ сдержалъ свое слово, и Беллерсъ, котораго, впрочемъ, цитируетъ Фр. Эденъ въ своемъ «State of the Poor», сдѣлался извѣстенъ въ широкихъ кругахъ того времени. Но вскорѣ онъ былъ опять забытъ и для исторіи политической экономіи и соціализма; только Марксъ впервые извлекъ на свѣтъ Божій какъ «Proposals», такъ и другое главное сочиненіе Беллерса—«Essays»—(«Опыты»).

b) «Опыты» и другія сочиненія Беллерса.

Приходится предположить, что и широкая публика проявляла мало интереса къ проектамъ Беллерса и что противъ нихъ дѣлались различныя возраженія. Какъ бы то ни было, въ 1699 г. Беллерсъ обнародовалъ новый трудъ, большая часть котораго посвящена тѣмъ же вопросамъ, о которыхъ рѣчь шла и въ «Proposals». Мы имѣемъ въ виду его «*опыты о бѣдныхъ, мануфактурахъ, торговлѣ и промышленности, колоніяхъ, безнравственности, о совершенствѣ и божественности внутренняго свѣта*». [1]) Эта книга интересна во многихъ отношеніяхъ и не уступаетъ наиболѣе замѣчательнымъ мѣстамъ изъ «Proposals».

Сочиненіе, посвященное палатѣ общинъ и палатѣ лордовъ, начинается указаніемъ на безпорядки ткачей въ Лондонѣ въ время предыдущей парламентской сессіи. Если нуждающіеся одной только отрасли промышленности осмѣливаются временами противиться парламенту, чего же можно ожидать въ томъ случаѣ, если голодная толпа ворвется въ дома отдѣльныхъ имущихъ гражданъ? Пусть подумаютъ объ этомъ законодатели. Штрафами можно воздѣйствовать на богатыхъ, тѣлесными наказаніями на здоровыхъ, «но какими средствами вы думаете удержать въ почтительномъ страхѣ голодныхъ?»

Далѣе слѣдуетъ разборъ трехъ вопросовъ относительно учрежденій для устройства здоровыхъ безработныхъ рабочихъ. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли отдать промышленность въ руки государства или частныхъ лицъ, Беллерсъ разрѣшаетъ въ пользу послѣднихъ. Государственное управленіе

---

[1]) „Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations and Immorality and of the Excellency and Divinity of Inward Light“. На наружной сторонѣ заглавнаго листа напечатаны стихи 1—3 41-го псалма, на внутренней сторонѣ цитаты изъ тронной рѣчи Вильгельма III, сочиненія верховнаго судьи Хейля и сочиненія Іосіи Чайльда — „могущественнѣйшаго короля, почтеннѣйшаго судьи и богатѣйшаго купца, какихъ когда-либо видала Англія“; всѣ цитаты говорятъ о необходимости призрѣнія бѣдныхъ.

стоитъ очень дорого и ведется крайне плохо. На государство должна падать лишь забота о совершенно неработоспособныхъ людяхъ. На вопросъ,— не лучше ли изыскать для бѣдныхъ безработныхъ специальныя отрасли труда, и не лучше ли давать имъ занятія въ отдѣльныхъ хозяйствахъ,— Беллерсъ отвѣчаетъ уже извѣстными намъ аргументами о преимуществахъ коммунистическаго хозяйства и комбинированія различныхъ отраслей труда и производства.

Далѣе, Беллерсъ разсматриваетъ вопросъ: «*какъ наилучшимъ образомъ удовлетворить потребности бѣдняковъ, увеличить силу націи и поднять всеобщее благосостояніе*». Бѣдные страдаютъ отъ четырехъ золъ: отъ дурного воспитанія въ молодости, отъ отсутствія постоянныхъ занятій и постояннаго сбыта для продуктовъ своего труда и отъ недостатка питанія, несоотвѣтствующаго произведенной затратѣ силъ. Во всемъ этомъ могли бы помочь колледжи или колоніи, предложенные Беллерсомъ. Эти колоніи одновременно «значительно увеличатъ» стоимость земель дворянъ и джентри, населятъ слабо населенные теперь округа и будутъ противодѣйствовать скопленію народонаселенія въ другихъ мѣстахъ; такъ напримѣръ, онѣ могли бы отвлечь излишекъ населенія изъ Лондона, который безусловно «перенаселенъ», такъ какъ число его жителей составляетъ 10% населенія всей страны. «Нація можетъ содержать лишь извѣстное число купцовъ и богачей, которое пропорціонально числу рабочихъ, трудящихся для нихъ».

Первый «Опытъ» посвященъ «*доказательству того, что 500 регулярно работающихъ рабочихъ въ состояніи создать продуктовъ на 3000 фунтовъ стерлинговъ больше, чѣмъ стоитъ ихъ содержаніе*». Свое доказательство Беллерсъ подкрѣпляетъ цифрами и предпосылаетъ ему то соображеніе, что если бы продуктивность труда рабочаго не была выше того, что уходитъ на его содержаніе, человѣчество давно погибло бы». «Не болѣе двухъ третей населенія или семействъ Англіи производятъ всѣ продукты, необходимые для содержанія своего и остальной трети населенія; и если бы эта треть, состоящая не изъ рабочихъ, потребляла бы не больше, чѣмъ тѣ двѣ трети, то и половина трудящагося населенія или семействъ могла бы обезпечить все населеніе». Беллерсъ замѣчаетъ, что противъ его бюджета можно возразить, что соотвѣтственно этому бюджету каждый рабочій долженъ былъ бы зарабатывать въ день 16 пенсовъ, между тѣмъ какъ въ данное время многіе тяжелымъ трудомъ едва добываютъ 6 или 8 пенсовъ. Это вѣрно, но въ томъ то и дѣло, что недоданные рабочему 8 или 10 пенсовъ попадаютъ въ карманъ землевладѣльца или торговца. «Ибо продуктъ обходится потребителю обыкновенно въ два раза дороже того, что получилъ за него

производитель». Крупная разница между оплатой дѣйствительнаго производителя и цѣной товара обусловливается отчасти и плохой организаціей общественнаго производства. «Величайшее несчастіе нашихъ рабочихъ заключается въ томъ, что они производятъ продукты, когда послѣдніе никому не нужны». При хорошей организаціи труда можно было бы, такимъ образомъ, платить большую заработную плату или сократить рабочее время каждаго рабочаго, и все же колонія приносила бы прибыль капиталистамъ.

Второй «Опытъ» стремится доказать, *«что 500.000 бѣдныхъ въ состояніи увеличить богатство націи на 43 милліона»*. Беллерсъ разсчетливо опирается въ своихъ доказательствахъ на ту прибавочную стоимость, которую въ состояніи произвести бѣдные и которую Беллерсъ капитализируетъ въ суммѣ 5-ти процентовъ, а также на то, что ихъ трудъ повыситъ цѣнность земли, которая въ настоящее время лишена всякой цѣнности. Болѣе интересны, чѣмъ этотъ устарѣлый разсчетъ, тѣ положенія, которыми Беллерсъ подкрѣпляетъ свой основной многократно повторяющійся у него тезисъ, что «увеличеніе кадровъ регулярно трудящагося населенія есть источникъ величайшаго богатства, могущества и славы націи».

«Земля, скотъ, дома, имущество и деньги, — это лишь остовъ богатства; все это мертво безъ населенія; человѣкъ — жизнь и душа всего этого».

«Удвой число трудящагося населенія, и мы будемъ въ состояніи имѣть двойное противъ теперешняго число джентльменовъ и дворянъ, или ихъ владѣнія будутъ стоить вдвое больше, чѣмъ теперь. Но если бы было возможно (безъ одновременнаго увеличенія населенія) настолько увеличить количество нашихъ домовъ и богатствъ, что самый бѣдный человѣкъ въ странѣ сдѣлался бы милліонеромъ, то изъ числа этихъ богачей столько человѣкъ должно было бы сдѣлаться плотниками, водоносами, пахарями и молотильщиками, сколько у насъ и теперь имѣется соотвѣтствующихъ рабочихъ въ королевствѣ; въ противномъ случаѣ, мы очутимся въ положеніи проклятаго Мидаса: съ руками, полными золота, мы должны будемъ умереть отъ голода».

«Намъ могутъ возразить, что иностранцы за деньги доставятъ намъ товары. Да, но и иностранные товары будутъ произведены трудящимися. И такъ какъ эти трудящіеся подчинены другимъ государямъ, то, пожалуй, они когда-нибудь пожелаютъ сами получить свою долю и предпочтутъ переѣхать въ Англію, чтобы заниматься тамъ грабежомъ, чѣмъ кормить англичанъ. «Невозможно увеличивать число богатыхъ безъ того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не увеличивалось число бѣдныхъ рабочихъ; *гдѣ нѣтъ слугъ, тамъ нѣтъ и господъ*». (Стр. 8).

Переходя къ вопросу объ организаціи труда, Беллерсъ указываетъ, между прочимъ, на «увеличеніе нужды бѣдныхъ, благодаря неустойчивости модъ»,—вопросъ, который ему, какъ квакеру, былъ особенно близокъ. Зимою множество промышленныхъ рабочихъ остается безъ работы потому, что торговцы и ткачи не хотятъ тратить денегъ прежде, чѣмъ они не узнаютъ, какова будетъ ближайшая мода. Весною опять же не хватаетъ рабочихъ рукъ. Тогда привлекается къ работѣ множество учениковъ и подручныхъ, что отвлекаетъ отъ плуга нужныя руки и наводняетъ городъ будущими нищими.

Мы пропускаемъ интересное изслѣдованіе о томъ, что «дорогой хлѣбъ удорожаетъ продукты и раззоряетъ торговлю», въ которомъ предвосхищено все евангеліе манчестерства. Переходимъ къ Беллерсовской критикѣ *торговли вообще* и *внѣшней торговли въ частности*.

Въ изслѣдованіи «*О торговцахъ*» Беллерсъ пишетъ: «Купцы и торговцы [1]) играютъ для націи ту же роль, что управляющіе, домоправители и ключники для большого семейства. Въ этомъ отношеніи они приносятъ такую же пользу, какъ и хорошо организованное правительство. «Но такъ какъ торговцы полезны лишь какъ органы распредѣленія, то лишь трудъ бѣдняковъ увеличиваетъ богатства націи; количество трудящихся никогда не можетъ явиться для націи слишкомъ большимъ, пока хватаетъ сырья для обработки; число же торговцевъ въ странѣ можетъ оказаться слишкомъ большимъ по сравненію съ числомъ рабочихъ» (стр. 10). Торговцы могутъ разбогатѣть въ то время, какъ нація вслѣдствіе расточительности обѣднѣетъ. Очеркъ заканчивается ссылкой на потребленіе вина. Послѣ этого Беллерсъ переходитъ къ «*Опыту о внѣшней торговлѣ*». И эта торговля полезна, ибо она доставляетъ странѣ предметы потребленія и произведенія искусства, которые въ самой странѣ не производятся. Но «разнузданная эпоха» легко можетъ при этомъ,—въ отношеніи одежды и удовольствій,—впасть въ излишества, между тѣмъ какъ строго говоря «только о факторахъ, увеличивающихъ численность націи можно сказать, что они обогащаютъ націю... Но вопросъ въ томъ, насколько всѣ эти шелковыя матеріи и вина, которыя мы получаемъ изъ Турціи, Италіи, Франціи и Испаніи являются равноцѣннымъ эквивалентомъ прочныхъ и полезныхъ матерій и предметовъ питанія, которые мы вывозимъ изъ страны. Если принять, что мы ежегодно вывозимъ въ тѣ четыре страны на 400.000 фунтовъ стерлинговъ англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ, и что при обмѣнѣ товаровъ торговцы и посредники получаютъ 30% прибыли, что составитъ 520.000 фунтовъ стерлинговъ общей цѣнности пред-

[1]) Крупные торговцы и мелкіе.

метовъ ввоза, потребляемыхъ въ Англіи, то возникаетъ *вопросъ*: не являются ли собственно первые 400.000 фунтовъ стерлинговъ расходомъ для націи, а не тѣ 120.000 фунтовъ, которые берутъ себѣ торговцы, и относительно которыхъ можно предположить, что они увеличиваютъ капиталъ націи? Другой вопросъ заключается въ томъ, какая доля этого богатства расходуется разумно и для дѣйствительнаго удовольствія и какая часть проматывается безполезно».

«Если мы вывозимъ въ Германію и Голландію на 100.000 фунтовъ произведеній мануфактуры, то мы обыкновенно получаемъ въ обмѣнъ полезные продукты. Но все же возможно, что если бы мы дали занятіе нашимъ безработнымъ бѣднякамъ, они бы производили на родинѣ большинство продуктовъ, получаемыхъ нами нынѣ изъ-за границы.

«Но тогда новымъ родомъ мануфактуры будутъ недовольны наши фабриканты шерсти, вывозящіе ее въ тѣ страны». Такъ, напримѣръ, ланкаширцы подавали въ парламентъ петицію о безпошлинномъ провозѣ фламандскихъ кружевъ въ Англію для того, чтобы они могли находить сбытъ для своихъ суконъ во Франціи. И Беллерсъ произноситъ собственно послѣднее слово въ вѣчномъ спорѣ о свободѣ торговли и пошлинѣ, когда говоритъ: «и такъ, пока наша мануфактура не будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ, мы являемся теперь и остаемся на будущее время людьми съ вывихнутыми членами, которые *вѣчно будутъ стонать, на какомъ бы боку они ни лежали*». Благодаря этому различные законы, созданные для того, чтобы содѣйствовать торговлѣ, вызываютъ лишь внутреннюю борьбу между ремеслами, ибо содѣйствіе одному ремеслу часто ведетъ къ гибели другого» (стр. 101). И «Опытъ» задаетъ въ заключеніе «щекотливый вопросъ» («query»): «не обезлюдимъ ли мы свою страну тѣмъ, что мы оставляемъ погибать на родинѣ людей отъ недостатка продуктовъ, вывозимыхъ нами въ другія страны, и получаемъ въ обмѣнъ такіе товары, которые лишь питаютъ высокомѣріе и жажду роскоши другихъ». («120.000 фунтовъ стерлинговъ ввозимыхъ для потребленія товаровъ», поясняетъ Беллерсъ далѣе, «въ обмѣнъ на 100.000 фунтовъ стерлинговъ вывоза не могутъ къ концу года сдѣлать общество богаче, чѣмъ оно было прежде»).

Далѣе слѣдуетъ *«Опытъ о деньгахъ»*. Беллерсъ развиваетъ въ немъ мысли, высказанныя уже имъ по данному вопросу въ «Proposals». «Изъ всѣхъ предметовъ богатства говорится тамъ, деньги приносятъ наименьшую пользу: земля и скотъ даютъ продукты владѣльцамъ, дома и произведенія мануфактуры полезны, когда владѣешь ими, но деньги ничего не прибавляютъ и не приносятъ никакой пользы до той минуты, когда выпускаешь ихъ изъ рукъ»... «Количество денегъ, излишнее противъ того

сколько абсолютно необходимо для внутренняго обмѣна, является для націи и для страны мертвымъ капиталомъ... Деньги обладаютъ двумя качествами. Онѣ являются залогомъ того, за что онѣ даны, и мѣриломъ и вѣсами, которыми мы измѣряемъ и оцѣниваемъ всѣ другіе предметы, ибо деньги удобно сохранять и носить съ собою. И все же съ тѣхъ поръ, когда въ Англіи имѣлась едва двадцатая часть тѣхъ денегъ, которыя имѣются теперь... цѣнность денегъ, по сравненію съ другими предметами измѣнилась гораздо больше, чѣмъ взаимоотношеніе цѣнностей этихъ предметовъ. Ибо 300 лѣтъ тому назадъ овцу или корову можно было купить за то же число рабочихъ дней, что и теперь, и для того, чтобы запахать пашню теперь требуется тотъ же трудъ, что и тогда».

Нельзя, конечно, упускать изъ виду и того, что это было написано въ то время, когда производительность труда въ земледѣліи и ремеслѣ увеличивалась весьма слабо и даже тогда, когда Беллерсъ исходитъ изъ ложныхъ фактическихъ предпосылокъ, но мысль, которую онъ желаетъ выразить, все же вѣрна.

Въ приложеніи къ этому «Опыту» Беллерсъ обращается со «Словомъ къ богатымъ», въ которомъ онъ замѣчаетъ этимъ послѣднимъ, въ отвѣтъ на ихъ постоянныя жалобы, что средняя сумма богатства на каждую душу населенія Англіи составляетъ 40 фунтовъ стерлинговъ. Если же на чью нибудь долю приходится большая сумма, тотъ долженъ помалкивать; чѣмъ больше у кого имѣется, тѣмъ болѣе онъ обязанъ смотрѣть на себя, какъ на распорядителя имуществомъ бѣдныхъ и не забывать того, что онъ отвѣтственъ за веденіе своего хозяйства.

Въ «*Опытѣ объ уничтоженіи безнравственности*» Беллерсъ доказываетъ, что всѣ экономическія улучшенія безцѣльны, если они не связаны съ нравственнымъ подъемомъ. Но Беллерсъ не останавливается здѣсь на низшихъ класссахъ, а сразу переходитъ къ высшимъ, которые должны давать примѣръ въ данномъ отношеніи. Если, напримѣръ, говоритъ онъ, безнравственное поведеніе лишало бы возможности занимать общественныя должности, или если бы за брань люди лишались этого права, хотя бы на одинъ годъ (вѣдь квакеры за принципіальное отрицаніе присяги лишены этого права на всегда), тогда можетъ быть не пришлось бы наблюдать столько безнравственныхъ поступковъ и выслушивать столько бранныхъ выраженій. Но «дѣти ада» — парламентъ,— вѣдь не согласятся съ этимъ.

Очень хорошъ опытъ о *смертной казни*, озаглавленный: «Нѣкоторые доводы противъ казни преступниковъ» и предвосхищающій лучшіе труды Беккарія и другихъ по этому вопросу. Преждевременную смерть преступниковъ, причиненную имъ государствомъ, Беллерсъ называетъ

*

«кровавымъ пятномъ религіи» и сравниваетъ положеніе преступника въ обществѣ съ положеніемъ неудачника въ семьѣ. «Если у кого-нибудь имѣется ребенокъ или близкій родственникъ, совершившій преступленіе, грозящее ему смертью, тотъ употребитъ всѣ усилія, чтобы сохранить преступнику жизнь, какъ бы онъ ни содрогался передъ совершеннымъ преступленіемъ: онъ будетъ надѣяться, что преступникъ исправится, въ особенности, если поставить его въ изолированное положеніе и сдѣлать для него въ будущемъ невозможнымъ повтореніе подобныхъ отвратительныхъ поступковъ. Такимъ ребенкомъ или близкимъ родственникомъ является каждый отдѣльный человѣкъ по отношенію къ обществу». Далѣе, нельзя забывать и того, что отвѣтственность, которую можетъ взять на себя отдѣльный человѣкъ, ограничена. «Воспитаніе въ праздности и грубой жаждѣ удовольствій приноситъ однимъ нужду, а другимъ прививаетъ привычки, отъ которыхъ они безсильны отдѣлаться».

Беллерсъ обращаетъ вниманіе и на матеріальную потерю, которую несетъ общество вслѣдствіе казни преступника вмѣсто того, чтобы употребить его силу въ мѣстахъ заключенія для полезной работы; но онъ прибавляютъ, что не въ этомъ заключается радикальное рѣшеніе вопроса. Онъ ссылается на молитву «Отче нашъ»—«и остави намъ долги наши»—и рѣзко выступаетъ противъ обычнаго въ то время, совершенно несоотвѣтствующаго преступленію наказанія—висѣлицей и строгимъ заточеніемъ, за мелкія кражи. Наконецъ, онъ требуетъ измѣненія существующихъ отвратительныхъ тюремныхъ порядковъ, и прекращенія эксплуатаціи тюремъ надзирателями.

Книга заканчивается «*Опытомъ о внутреннемъ свѣтѣ*»; она рисуетъ намъ Беллерса наиболѣе просвѣщеннымъ человѣкомъ его времени, хотя и не всегда свободнымъ отъ ошибокъ своей эпохи, но почти всегда превосходящимъ остальныхъ, даже наиболѣе образованныхъ современниковъ.

То же можно сказать и о слѣдующемъ сочиненіи Беллерса, содержаніе котораго въ достаточной мѣрѣ опредѣляется его заглавіемъ. Приводимъ его поэтому дословно: «*Нѣкоторые доводы, обращенные къ европейскимъ державамъ въ пользу устройства европейскаго государства* при посредствѣ *всеобщей круговой поруки* и ежегоднаго конгресса, сената, ландтага, или парламента для улаживанія возможныхъ въ будущемъ конфликтовъ по поводу земельныхъ владѣній и правъ государей и государствъ, съ приложеніемъ соотвѣтствующаго проекта, составленнаго Генрихомъ IV французскимъ». И далѣе: «Проектъ генеральнаго совѣта или *генеральнаго собранія различныхъ религіозныхъ направленій въ христіанствѣ* (не для споровъ о разногласіяхъ, но) для установленія общихъ принциповъ, на которыхъ эти теченія сходятся. Такимъ образомъ можно будетъ доказать, что, несмотря на различіе взглядовъ о путяхъ

достиженія небеснаго блаженства они могутъ быть хорошими гражданами и сосѣдями, совмѣстно предотвращать внутренніе безпорядки и междоусобныя войны, когда прекратятся войны внѣшнія». Лондонъ 1710 г. [1]).

Какъ и въ другихъ своихъ проектахъ, Беллерсъ и въ данномъ случаѣ идетъ значительно впереди своихъ предшественниковъ, и всегда считается съ реальными условіями. Его памфлетъ отнюдь не является отвлеченной фантазіей, а опирается на событія и явленія времени, которыми Беллерсъ и стремится доказать цѣлесообразность своихъ проектовъ. Разыгравшаяся въ 1701 г. *война за испанское наслѣдство* поглотила уже къ тому времени много средствъ и крови и казалось, ей не видно было конца; на нее ссылается Беллерсъ въ своемъ проектѣ союза государствъ. Въ посвященіи королевѣ Аннѣ онъ указываетъ на принесенныя жертвы, на союзъ, заключенный (между Англіей, Голландіей и Австріей-Германіей) съ цѣлью обезпечить миръ, наступившій по окончаніи войны; онъ указывалъ на то, какъ мало гарантіи даетъ даже этотъ союзъ, отъ какихъ случайностей зависитъ его существованіе, ибо каждому изъ государствъ, вошедшихъ въ этотъ союзъ, приходится въ свою очередь считаться съ цѣлымъ рядомъ условій и обстоятельствъ. Въ обращеніи къ правительствамъ онъ высчитываетъ тѣ расходы, въ которые, начиная съ 1688 г., обошлись европейскимъ народамъ войны,—людьми, деньгами и экономическимъ благосостояніемъ. Способъ вычисленія и въ данномъ случаѣ является чрезвычайно оригинальнымъ для того времени. Беллерсъ слѣдующимъ образомъ развиваетъ свой планъ. Европа должна быть раздѣлена на множество—около ста—равныхъ округовъ (кантоновъ или провинцій), каждое государство посылаетъ по одному человѣку отъ кантона въ парламентъ государствъ, т. е. будетъ представлено въ послѣднемъ пропорціонально величинѣ и численности государствъ. Въ этомъ парламентѣ, который обсуждаетъ лишь общія и внѣшнія отношенія государствъ между собою, не вмѣшиваясь въ ихъ внутреннія дѣла, рѣшается вопросъ о томъ, сколько каждое государство должно выставить войска на сушѣ и на морѣ отъ каждаго кантона, на случай общихъ дѣйствій противъ нарушителей мира, и, сообразно обязательствамъ, которыя беретъ на себя въ данномъ отношеніи каждое отдѣльное государство, оно получаетъ соотвѣтствующее число голосовъ въ между-государственномъ парламентѣ;. такъ что, кромѣ географическаго протяженія, здѣсь принята еще во вниманіе и боевая сила каждаго государства. Этотъ же парламентъ уравниваетъ количество постояннаго войска и опредѣляетъ число солдатъ, которые должны находиться подъ ружьемъ въ мирное время для каждаго кантона.

[1]) Англійское заглавіе этой книги начинается слѣдующими словами „Some Reasons for an European State proposed to the Powers of Europe“.

Эта мысль не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ и вполнѣ могла бы быть высказана и буржуазнымъ писателемъ. Но она соотвѣтствуетъ весьма высокой ступени буржуазнаго развитія, когда торговая авантюра уступаетъ мѣсто регулярной міровой торговлѣ; эта мысль является предвѣстникомъ современной свободы торговли, и для 1710 г. она была достойна всякаго уваженія. Но и въ другихъ отношеніяхъ Беллерсъ въ своихъ сочиненіяхъ шелъ впереди своего вѣка. Онъ даетъ въ этомъ сочиненіи проектъ, подобный выработанному Генрихомъ IV французскимъ, какъ это, впрочемъ, видно изъ заглавія. Въ комментаріи къ своей книгѣ онъ замѣчаетъ, что Генрихъ исключилъ изъ своего проекта Россію («the muscovites») и Турцію; по мнѣнію Беллерса, Генрихъ сдѣлалъ это только для того, чтобы доставить удовольствіе папскому престолу. Но—«вѣдь московиты христіане, а турки—*люди*, они обладаютъ такими же способностями и такимъ же разумомъ, какъ всѣ люди; имъ нужны лишь тѣ же условія и обстановка для развитія своихъ духовныхъ дарованій, чтобы походить на насъ. Но выколачивать изъ нихъ мозгъ для того, чтобы внѣдрить въ нихъ разсудокъ,—это неразумно и приведетъ Европу въ состояніе вѣчной войны. Чѣмъ больше государствъ охватитъ этотъ союзъ, тѣмъ скорѣе будетъ миръ на землѣ и въ человѣцехъ благоволеніе» (стр. 20).

Для того, чтобы выражать въ 1710 г. такія воззрѣнія, требовалась не только высокая степень свободомыслія, но и не мало мужества. Замѣчательна и вторая его идея, какъ бы безнадежна она ни была въ смыслѣ осуществленія: проектъ созданія парламента религій, который долженъ былъ обсуждать не то, что разъединяетъ религіи, т. е. практически не вопросъ о догматахъ, а то, что обще имъ всѣмъ, именно этическіе вопросы. Эта идея провозглашаетъ новое интернаціональное объединеніе; она явилась достойнымъ отвѣтомъ на травлю противъ всѣхъ, которые не признавали государственной церкви. Эта травля была начата священникомъ англиканской церкви, демагогомъ Сатчеверелемъ въ 1709 г., и помогла въ 1710 г. коалиціи торіевъ Гарлей Сентъ Джонъ захватить власть въ свои руки.

Первымъ актомъ новаго режима въ 1711 г. было ухудшеніе избирательнаго права путемъ ограниченія права избранія извѣстнымъ минимальнымъ *имущественнымъ* цензомъ. Въ отвѣтъ на эту мѣру или во всякомъ случаѣ въ связи съ нею, Беллерсъ обнародовалъ въ 1712 г. сочиненіе въ пользу *избирательной реформы*, подъ заглавіемъ: «An essay towards the Ease of Elections of members of Parliament»—«Трактатъ объ облегченіи выборовъ членовъ парламента». Къ сожалѣнію, въ британскомъ музеѣ не сохранилось ни одного экземпляра этого сочи-

венія, такъ что невозможно было установить, въ какомъ направленіи Беллерсъ развиваетъ свой проектъ [1]).

Въ 1714 г. онъ обнародовалъ еще одно сочиненіе о *націонализаціи больничнаго дѣла*; эта мысль тоже получила широкое распространеніе лишь въ новѣйшее время. Сочиненіе носитъ заглавіе «Трактатъ объ усовершенствованіи медицины, изложенный въ 12 предложеніяхъ. Благодаря этому ежегодно были бы спасены тысячи жизней богатыхъ и бѣдныхъ. Со статьей о занятіяхъ для работоспособныхъ бѣдняковъ, благодаря чему значительно возросло бы богатство страны. Почтительнѣйше посвящается великобританскому парламенту» [2]).

Самое важное предложеніе этого сочиненія состоитъ въ томъ, что *изученіе медицины и медицинскую практику* нужно планомѣрно соединить *съ больничнымъ дѣломъ*, которое повсемѣстно и *систематически* должно быть организовано и субсидируемо общественными учрежденіями—общинами, графствами, государствомъ. Беллерсъ говоритъ также объ устройствѣ больницъ, ратуетъ за устройство спеціальныхъ отдѣленій и госпиталей для опредѣленныхъ болѣзней и, подъ конецъ, даже останавливается на методахъ леченія, — какъ мы уже упоминали во введеніи, онъ былъ друженъ съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ врачей того времени; но само собою понятно, что всѣ его разсужденія по этому поводу значительно устарѣли. Оченъ хорошо его введеніе, въ которомъ онъ, желая привлечь на свою сторону членовъ парламента, высчитываетъ убытокъ, который несетъ страна вслѣдствіе преждевременной смерти бѣдняковъ. Въ среднемъ это составляетъ 200 фунтовъ стерлинговъ съ каждаго. «Что касается нашего дворянства и джентри», иронизируетъ Беллерсъ, «то я предоставляю

[1]) Впослѣдствіи мнѣ удалось ознакомиться съ экземпляромъ этого сочиненія, благодаря любезности господина Исаака Шарпа, секретаря лондонскаго центральнаго учрежденія квакеровъ. Оно говоритъ главнымъ образомъ о мѣропріятіяхъ противъ подкуповъ, злоупотребленій присягой при выборахъ и т. п. За подкупъ искуситель, т. е. тотъ, кто подкупаетъ, получаетъ наказаніе въ пять разъ большее, чѣмъ тотъ, кто взялъ взятку; присягу Беллерсъ предлагаетъ замѣнить показаніями, подтвержденными поручителями. Нельзя забывать, разумно замѣчаетъ Беллерсъ, какое большое количество людей заботится о земныхъ благахъ больше, чѣмъ о небесныхъ, и поэтому не надо ставить ихъ въ такое положеніе, чтобы они сегодня должны были присягать комиссару по выборамъ, что они имѣютъ 40 шиллинговъ дохода съ земли (таковъ избирательный цензъ), а черезъ нѣкоторое время они будутъ присягать оцѣнщику государственныхъ налоговъ, что они *не* имѣютъ 40 шиллинговъ дохода. Другое предложеніе, изложенное въ этомъ же сочиненіи, направлено противъ усиленной торговли спиртными напитками въ мѣстахъ производства выборовъ.

[2]) An Essay about the Improvement of Physik, in 12 Proposals, London 1714.

имъ самимъ оцѣнивать себя; но если правъ старый поджигатель, говорившій, шкура за шкуру, и каждый человѣкъ отдастъ все, что имѣетъ, за жизнь свою, то я убѣжденъ, что они составятъ очень большой счетъ».

Приложеніе вкратцѣ повторяетъ проектъ «колледжа», идею котораго Беллерсъ не переставалъ пропагандировать до послѣдняго издыханія.

Такъ, обнародованный имъ еще въ 1723 г. новый проектъ полезнаго приложенія труда бѣдняковъ [1]) имѣетъ эпиграфомъ слѣдующія слова: «Если бы не было бѣдныхъ, не было бы лордовъ, и если бы рабочіе производили пищевыхъ продуктовъ и мануфактурныхъ товаровъ не больше того, сколько имъ нужно для собственнаго потребленія, то каждый джентльменъ долженъ былъ бы сдѣлаться рабочимъ, а бездѣльники умерли бы съ голоду». Аргументы по существу тѣ же, что и въ другихъ сочиненіяхъ, но часто, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о деньгахъ и внѣшней торговлѣ,— аргументація его болѣе глубокомысленна и точна. Онъ многократно указываетъ на измѣнчивость жизненной обстановки и аппелируетъ къ «долгу и интересамъ», какъ самымъ лучшимъ «адвокатамъ», чтобы побудить богатыхъ къ активной помощи бѣднякамъ. Характернымъ является высказанное Беллерсомъ въ этомъ сочиненіи отношеніе его ко все усиливавшейся борьбѣ рабочихъ и ремесленниковъ противъ введенія техническихъ усовершенствованій, усовершенствованныхъ инструментовъ и орудій въ мануфактурѣ. Беллерсъ относится къ послѣдней настолько безстрастно, что считаетъ чрезвычайно вреднымъ одностороннее развитіе мануфактуры безъ одновременнаго усовершенствованія земледѣлія; безъ этого условія, думаетъ онъ, получится положеніе, подобное тому, какъ если бы «посадить за столъ больше людей, чѣмъ заготовлено пищи»; тѣмъ не менѣе, онъ рѣшительно возстаетъ противъ всякихъ законодательныхъ стѣсненій машиннаго производства. Его расположеніе къ рабочимъ ни на минуту не затемняло его сознанія. Законы, направленные противъ облегченія труда (т. е. противъ машинъ и пріемовъ, облегчающихъ трудъ), настолько же неразумны, пишетъ онъ, насколько было бы неразумно привязать рабочему одну руку къ спинѣ, и вмѣсто одного рабочаго употреблять тогда постоянно двухъ. Его образъ мыслей въ данномъ отношеніи вполнѣ отвѣчалъ современнымъ намъ воззрѣніямъ.

Беллерсъ въ своемъ сочиненіи проситъ о назначеніи парламентской комиссіи для разсмотрѣнія его проекта и другихъ аналогичныхъ проектовъ.

Весною 1724 г. Беллерсъ обнародовалъ посланіе къ «друзьямъ, собирающимся на ежегодныя четверть-годичныя и ежемѣсячныя собранія», т. е. къ организаціямъ квакеровъ, въ которомъ онъ убѣдительно проситъ ихъ *объ активной помощи заключеннымъ въ тюрьмахъ и находящимся*

[1]) „An Essay for Employing the Poor to Profit“.

въ госпиталяхъ, отчасти въ интересахъ пропаганды среди нихъ своихъ идей, отчасти съ цѣлью *возможнаго улучшенія ихъ матеріальнаго положенія*. Лебединой пѣсней его является обнародованное въ томъ же году «Извлеченіе изъ проекта и увѣщанія, съ которымъ Джорджъ Фоксъ въ 1657 г. обратился къ лондонскимъ властямъ по поводу бѣдныхъ, съ нѣкоторыми примѣчаніями и совѣтомъ истинно религіознымъ людямъ, а въ особенности къ лондонскимъ «друзьямъ» и ихъ утреннимъ собраніямъ». Это горячее и убѣдительное увѣщаніе—не забывать о бѣднякахъ и не успокаиваться на милостыни. «Друзьямъ» же онъ первоначально предложилъ свой планъ организаціи рабочихъ колледжей; со своимъ послѣднимъ словомъ въ пользу созданія методическихъ учрежденій для предоставленія полезной и прибыльной работы безработнымъ онъ также обращается «въ особенности къ друзьямъ». Въ 1725 г. смерть положила конецъ его неутомимой литературной дѣятельности въ пользу бѣдныхъ.

О его заботахъ о бѣдныхъ и нуждающихся мы здѣсь не будемъ говорить, достаточно будетъ замѣтить, что онъ былъ благотворителемъ не только въ теоріи, но и на практикѣ. Далѣе, въ задачи даннаго труда не входитъ и оцѣнка вліянія сочиненій Беллерса на литературу его эпохи и послѣдующаго времени. Мы и такъ остановились на эпохѣ Беллерса долѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Но это было неизбѣжно, ибо Беллерсъ не только хронологически, но и по идеямъ своимъ стоитъ на рубежѣ между коммунизмомъ XVII и реформаторскими стремленіями XVIII вѣка. Въ Беллерсѣ сливаются всѣ коммунистическія теченія, которыя намъ пришлось прослѣдить до сихъ поръ. Мы видѣли, какъ борьба за политическую власть между двумя секціями господствующихъ классовъ повлекла за собою выступленіе на политическую арену наиболѣе развитыхъ элементовъ трудящихся классовъ той эпохи и, такимъ образомъ, привела къ выработкѣ требованій политической демократіи новаго времени. Мы видѣли далѣе, какъ постепенно выдвигаетъ своихъ представителей и защитниковъ еще ниже стоящій слой рабочихъ, какъ путемъ усвоенія политическихъ лозунговъ, переработки занесенныхъ изъ другихъ странъ религіозно-коммунистическихъ ученій, и несомнѣннаго вліянія отечественной коммунистической литературы (Моръ) создается коммунистическое ученіе, болѣе радикальное, чѣмъ до того. Мы видѣли также, какъ растущая нужда бѣднѣйшихъ классовъ и одновременное обогащеніе имущихъ классовъ вызываетъ къ жизни буржуазно-филантропическую литературу, содержащую всевозможные проекты спасенія путемъ созданія спеціальныхъ учрежденій: проекты о передачѣ въ руки государства общинъ, организованной частной дѣятельности,—то, что раньше составляло заботу церкви. Мы наблюдали возникновеніе новаго взгляда на государство, которое изъ ассоціаціи господствую-

щей аристократіи или изъ собственности какой-либо династіи должно превратиться въ учрежденіе, способствующее благу всѣхъ; мы видѣли, наконецъ, какъ изъ яростной борьбы церковныхъ партій выростало по существу антицерковное, антидогматическое направленіе, которое частью привело къ атеизму, частью къ попыткѣ создать религію безъ ритуала—къ квакерству. Квакерство находится въ такомъ же отношеніи къ атеизму, какъ филантропическая соціальная реформа къ коммунизму. Но Беллерсъ, въ качествѣ квакера и въ качествѣ соціальнаго реформатора, стоитъ головой выше средняго уровня,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ представляетъ лучшую сторону движенія. У него мы встрѣчаемся съ самыми смѣлыми и умными мыслями религіозныхъ и соціальныхъ революціонеровъ XVII столѣтія. Возможно, что онъ воспринялъ ихъ непосредственно, изъ чтенія революціонной литературы, ибо въ то время не было въ обычаѣ пользоваться цитатами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ссылались на признанные авторитеты. Но возможно также и то, что онъ воспринялъ эти идеи и косвеннымъ путемъ, благодаря чтенію писателей, находившихся подъ вліяніемъ революціонеровъ; онъ могъ впитать ихъ и изъ окружающей обстановки, такъ сказать изъ «воздуха». Онъ писалъ свои произведенія въ той же атмосферѣ, что и тѣ писатели, въ періодъ кризиса, послѣ политическаго переворота. Въ 1648—1649 г. можно было вѣрить въ демократическую революцію, совершенную при помощи находящихся въ арміи демократическихъ элементовъ, но въ 1688 г. и въ 1695 г. подобная иллюзія была невозможна. Зато въ 1695 г. стало возможнымъ подвергать болѣе рѣзкой критикѣ буржуазное общество и обнаруживаемыя имъ тенденціи, стало возможнымъ не только моральное осужденіе царящаго въ немъ неравенства, но также и выясненіе господствующихъ въ немъ экономическихъ силъ, и обнаруживаемой имъ неспособности распоряжаться собственными производительными силами въ интересахъ всего общества. Величайшая заслуга Джона Беллерса состоитъ именно въ томъ, что онъ такъ рано сумѣлъ вскрыть эту сторону буржуазнаго хозяйства. Если можно сказать, что въ вопросѣ о частной собственности проектъ Беллерса относится къ проекту Джерарда Уинстенли, и даже Чемберлена, какъ революція 1688 г. къ возстанію 1648 г., то нужно одновременно признать, что его болѣе глубокое пониманіе экономической структуры общества вполнѣ отвѣчаетъ росту буржуазнаго богатства съ 1648 г. до конца столѣтія, и что его сочиненія, имѣющія цѣлью защиту трудящихся той эпохи, даютъ достойный отвѣтъ произведеніямъ современныхъ ему апологетовъ буржуазіи.

Э. Бернштейнъ.

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ.

Іезуитскія поселенія въ Парагваѣ [1]).

ГЛАВА I.

Христіанская республика.

Подъ умнымъ руководствомъ Льва XIII, скромно титуловавшаго себя «папою рабочихъ», католическое духовенство Европы и Америки выступило на завоеваніе своего былого вліянія на народъ. Чтобы отвлечь рабочихъ отъ соціализма, оно съ недавнихъ поръ стало обнаруживать заботу объ улучшеніи участи пролетаріевъ, которыми оно, до тѣхъ поръ обремененное, очевидно, слишкомъ многочисленными обязанностями, возложенными на него классомъ капиталистовъ, оплачивающихъ его услуги, очень мало интересовалось. Въ настоящее время существуетъ, такъ называемый, христіанскій соціализмъ, который, благодаря своей крайней гибкости, можетъ приспособляться къ различнымъ странамъ и соціальнымъ условіямъ, среди которыхъ его апостолы несутъ людямъ свою спасительную проповѣдь. Интересно, поэтому, было бы познакомиться съ тѣмъ «Новымъ Іерусалимомъ», въ который духовенство собирается ввести человѣчество. Для этого намъ нѣтъ надобности слѣдовать по стопамъ бѣднаго Евгенія Рихтера, который употреблялъ нечеловѣческія усилія для доказательства, что человѣкъ его покроя неспособенъ возвыситься до пониманія морали, не основанной на капиталистической прибыли, и общества, не уворовывающаго ежедневно у производителя части продукта его труда. Чтобы составить себѣ представленіе о благословенной странѣ католическаго духовенства, намъ не нужно также разнуздывать свою фантазію и конструировать какое-нибудь

[1]) *Источники*: *Xavier Charlevoix,* Histoire du Paraguay, Paris 1757.— *Don Gregorio Funes,* пѣвчій Кордовскаго Собора въ Южной Америкѣ: Ensayo de la historia civil de Paraguay, Buenos-Ayres y Cucuman, Bouenos-Ayres 1816.—*Don Felix de Azara,* Коммисаръ и Комендантъ на Испанской Границѣ Парагвая, 1781—1801: „Voyage dans l'Amérique méridionale, Paris 1809.—*Raynal,* Histoire philosophique et politique des deux Indes, Paris 1820.—*Regger* et *Lonchamp*, Essai historique sur la Révolution du Paraguay, Stuttgart, 1829.—*A. d'Orbigny*, „Voyage dans l'Amérique méridionale de 1826 à 1833, Paris. — Alfred Demersay, Членъ Научной миссіи въ Южной Америкѣ: „Histoire du Paraguay", Paris 1860.—Dr. Bourgade la Dardye: „Le Paraguay", Paris 1889.

«государство будущаго», которое къ тому же могло бы быть оспариваемо соціалъ-католиками. Намъ достаточно будетъ только изучить «христіанскую республику», которую іезуиты основали въ Парагваѣ.

Общество Іисуса основало съ помощью населенія, стоявшаго на весьма высокой ступени нравственнаго и умственнаго развитія, «христіанское государство», которое насчитывало до 150.000 жителей и существовало болѣе полутора столѣтій, а именно—съ 1610 по 1768 г.

Рейналь утверждаетъ, что «іезуиты изучили методы, которыми пользовались инки для управленія своимъ государствомъ и расширенія его границъ, и избрали ихъ для себя образцомъ». Фюнэсъ, пѣвчій кордовскаго собора въ южной Америкѣ, однако, энергично протестовалъ противъ этого утвержденія и заявлялъ, что іезуиты нашли гораздо болѣе возвышенный образецъ въ евангельскомъ ученіи, а также въ жизни первыхъ христіанъ. Такимъ образомъ «парагвайскія миссіи», по мнѣнію Фюнэса, являются воплощеніемъ христіанскаго идеала и, какъ таковыя, должны вызывать удивленіе всего міра [1]).

Въ этой теократической республикѣ не существовало никакихъ писанныхъ законовъ. «Мѣсто законодательства занимала совѣсть», говоритъ Фюнэсъ. «Не существовало никакого уголовнаго закона, а были лишь предписанія, нарушеніе которыхъ наказывалось постомъ и молитвою... и не станутъ удивляться этому способу наказанія тѣ, которые были знакомы съ чистотой и красотой господствовавшихъ нравовъ». Донъ Педро Факсардо, епископъ Буэносъ-Айреса, писалъ въ 1721 г. въ своемъ письмѣ, цитированномъ Шарльвуа, къ Филиппу V, испанскому: «Среди этихъ племенъ господствуетъ такая невинность, что, думаю, въ теченіе цѣлаго года не происходитъ ни одного убійства; бдительность духовныхъ предупреждаетъ даже малѣйшіе проступки». «Не существуетъ никакихъ гражданскихъ законовъ, говорится далѣе у Фюнэса, такъ какъ право частной собственности было, такъ сказать, совершенно чуждо этимъ индѣйцамъ».

Этой христіанской республикѣ дано было рѣдкое счастье вызвать восхищеніе даже среди философовъ-скептиковъ прошлаго столѣтія, кото-

---

[1]) Уже послѣ того, какъ этотъ этюдъ былъ написанъ и находился въ печати, я прочиталъ въ „Neue Zeit“, XI, 1, S. 684 ff., статью „Zukunftsstaaten der Vergangenheit“, въ которой К. Каутскій превосходно доказываетъ, что *христіанская республика* въ Парагваѣ есть лишь коммерческая организація капиталистической колоніальной политики, и что іезуиты, какъ способные политики, поняли, что коммунистическія привычки индѣйцевъ можно использовать въ интересахъ обогащенія ордена. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Каутскій отклоняется отъ моего взгляда, но здѣсь не мѣсто спорить по этому поводу. П. Л.

рые, по словамъ Азара, увлекались ею до того, «что завидовали судьбѣ парагвайскихъ индѣйцевъ». Такъ, Монтескье щедро разсыпалъ похвалы по ея адресу: «Славная заслуга, говоритъ онъ, общества Іисуса состоитъ въ томъ, что оно сумѣло въ тѣхъ странахъ проводить идею религіи въ тѣсной связи съ идеей гуманности... Оно извлекло разсѣянныя племена изъ ихъ лѣсовъ, доставило ему обезпеченныя средства къ существованію, одѣло ихъ... Всегда прекрасною останется задача управлять людьми, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми [1]).

Тѣмъ не менѣе и въ XVII и въ XVIII столѣтіи «миссіи», «поселенія» или «ученія» (Doctrines) іезуитовъ, какъ назывались населенные пункты теократической республики, встрѣчали также и очень рѣзкихъ противниковъ. Политики обвиняли общество Іисуса въ попыткѣ основать независимое отъ испанской короны государство. Испанцы, жившіе въ колоніяхъ, упрекали общество въ томъ, что оно создавало гибельную и безчестную конкуренцію частной промышленности и торговлѣ; что оно закрывало доступъ въ свои поселенія постороннимъ элементамъ для того, чтобы обезпечить себѣ нераздѣльное владѣніе и пользованіе имѣвшимися въ странѣ золотыми и серебряными рудниками. Другіе противники іезуитовъ, сорвавъ съ нихъ религіозно-филантропическую маску, обвиняли ихъ въ проповѣди фальсифицированнаго христіанства индѣйцамъ, которыхъ они отягощали непосильною работою.

Такъ какъ я хотѣлъ дать совершенно безпристрастное изображеніе іезуитскаго государства въ Парагваѣ, то я старался самымъ добросовѣстнымъ образомъ провѣрить обвиненія, въ которыхъ часто слышится простая злонамѣренность и за которыми скрыты совершенно опредѣленные и чисто матеріальные интересы. Но, съ другой стороны, я тщательно изслѣдовалъ и тѣ труды, въ которыхъ явно обнаруживается преувеличенное, лицемѣрное или просто одностороннее, слѣпое преклоненіе передъ твореніемъ отцовъ-іезуитовъ. Въ основу предпринятаго мною изученія организаціи христіанскаго общества въ Парагваѣ положены прежде всего *письма миссіонеровъ* и *официальные документы*, въ большомъ количествѣ приводимые іезуитомъ Шарльвуа, написавшимъ свою «Histoire du Paraguay» съ исключительною цѣлью прославленія общества Іисуса. Далѣе я подробно пользовался «Histoire civile du Paraguay» Фюнэса, пѣвчаго кордовскаго собора въ Южной Америкѣ, который взялъ на себя задачу опровергнуть нападки на іезуитскую республику, содержащіеся въ «Voyage dans l'Amérique méridionale» Азара. Фюнэсъ и Азара были современники и оба жили въ странѣ «миссій» незадолго до изгнанія

[1]) *Montesquieux*, „Духъ Законовъ", 4 кн., 6 Глава.

іезуитовъ. Такимъ образомъ, сообщаемые ими факты получены ими отъ очевидцевъ.

Христіанская республика іезуитовъ интересна для соціалистовъ въ двухъ отношеніяхъ. Прежде всего она даетъ довольно точную картину общественнаго порядка, который стремится осуществить католическая церковь; а затѣмъ она представляетъ собою соціальный экспериментъ и, пожалуй, одинъ изъ самыхъ интересныхъ и самыхъ необыкновеныхъ, которые когда-либо предпринимались въ этомъ направленіи. Какого бы взгляда ни держаться на скрытыя цѣли общества Іисуса, нельзя, однако, отрицать за нимъ глубокой политической проницательности, которую оно внесло въ свое дѣло; нельзя не удивляться тому самоотверженію, мужеству, способности воспитывать людей и руководить ими, той терпѣливой настойчивости, съ которою миссіонеры дѣйствовали въ дѣлѣ дисциплинированія и управленія индѣйцами въ іезуитскихъ поселеніяхъ Парагвая.

ГЛАВА II.

Дикія племена Парагвая и завоеваніе страны испанцами.

Парагвай, во время завоеванія его въ 1536 г. Альваро Нуньецомъ, былъ населенъ нѣсколькими дикими племенами, различавшимися между собою, главнымъ образомъ, по языку. Самое многочисленное изъ нихъ, племя гуарановъ, занимало обширную полосу земли, которая протянулась отъ Гвіаны на сѣверѣ, до устья Ріо-де-ла-Плата на югѣ, и отъ Атлантическаго океана на востокѣ, до Андовъ на западѣ. Гуараны населяли Бразилію, среди которой жили еще и нѣкоторыя другія племена. Азара замѣчаетъ, «что можно было объѣхать всю Бразилію, пріѣхать въ Парагвай до Буэносъ-Айреса и добраться до Перу, не мѣняя языка».

Племя гуарановъ состояло изъ безконечнаго числа отдѣльныхъ клановъ, разрозненно жившихъ на этой обширной полосѣ земли. Многіе кланы жили въ деревняхъ, разбросанныхъ по опушкѣ лѣса и берегамъ рѣкъ. Члены этихъ клановъ добывали себѣ средства къ жизни охотою и рыбной ловлей, а также сборомъ большого количества естественныхъ запасовъ меда отъ дикихъ пчелъ и земледѣліемъ, находившимся еще въ зачаточномъ состояніи. Они выращивали маніокъ, изъ котораго приготовляли маніоковый хлѣбъ, сѣяли маисъ, собирая, по словамъ Шарльвуа, два раза въ годъ его жатву; разводили куръ, гусей, утокъ, попугаевъ, свиней и собакъ. Оружіемъ имъ

служили трехгранная палица, называвшаяся макана, и лукъ, который, вслѣдствіе своей шестифутовой длины и незначительной гибкости дерева, изъ котораго онъ дѣлался, однимъ концомъ всаживался въ землю, а съ другого конца натягивался тетивою; съ громадною силою метали изъ такого лука четырехфутовыя копья и твердыя глиняныя пули величиною въ орѣхъ, заключенныя въ сѣтку. На разстояніи 30 метровъ они раздробляли этими пулями ногу взрослаго человѣка, убивали птицу на лету. Азара, жившій съ 1781 до 1801 г. въ дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи и Парагвая, вошелъ въ сношенія съ вымиравшими дикими племенами, которыхъ преслѣдовали и травили испанцы и португальцы. Онъ былъ очень невысокаго мнѣнія о гуаранахъ, жившихъ среди простора лѣсовъ, и увѣряетъ, что они стояли на такой низкой ступени умственнаго развитія, что не умѣли считать дальше четырехъ. Шарльвуа, напротивъ, утверждаетъ, что они умѣли считать до двадцати, число же выше 20 они обозначали словомъ «много» [1]). По словамъ Азары, языкъ гуарановъ былъ бѣденъ словами, изобиловалъ гортанными звуками и лишенъ былъ гармоніи. Напротивъ, Монтоя, одинъ изъ первыхъ миссіонеровъ, въ совершенствѣ овладѣвшій имъ, полагаетъ, «что этотъ языкъ по гармоніи и красотѣ звуковъ и по замѣчательной точности выраженій могъ бы выдержать сравненіе съ богатѣйшими европейскими языками; каждое названіе заключало въ себѣ опредѣленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ образъ». Гуараны имѣли изумительное пристрастіе къ ораторскому искусству. Краснорѣчивѣйшій изъ воиновъ всегда могъ быть увѣреннымъ въ торжествѣ своего мнѣнія.

Азара изображаетъ гуарановъ, какъ народъ трусливый. Даже группою, въ десять человѣкъ, они не отваживались оказать сопротивленіе одному человѣку какого-нибудь другого дикаго индѣйскаго племени. Демерсэ подтверждаетъ это мнѣніе, увѣряя, что они, во избѣжаніе преслѣдованій со стороны племени M'bayas, внушавшаго имъ паническій страхъ, не разводили ни куръ, ни собакъ, чтобы кудахтанье и лай не открыли ихъ убѣжищъ. Миссіонеры XVIII столѣтія, напротивъ, прославляли мужество гуарановъ, которыхъ ловко умѣли эксплоатировать. Если бы они, до завоеванія страны испанцами и португальцами, дѣйствительно были такъ трусливы, какъ это утверждаютъ Азара и Демерсэ, то они никогда не могли бы распространиться по такой обширной территоріи и не могли бы противостоять другимъ племенамъ, которыя жили рядомъ съ ними и среди нихъ и смѣлой отваги которыхъ не оспаривалъ ни одинъ путешествен-

[1]) Гуараны считали, подобно всѣмъ дикарямъ, по пальцамъ рукъ и ногъ; „petei“ означало одинъ палецъ, „mokoi“ — два, „m'bogapi“ — три, „yrundi“ — четыре, „peteipo“ — пять или одна рука; „mokoipo“ — десять или двѣ руки.

никъ. Нравственное вырожденіе, постигшее нѣкогда цивилизованныхъ гуарановъ, снова возвратившихся къ первобытной дикости, не можетъ послужить ко славѣ цивилизаторской миссіи испанскихъ и португальскихъ завоевателей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что ко времени завоеванія Парагвая гуараны были весьма цивилизованнымъ племенемъ въ странѣ. Нѣкоторыя изъ ихъ племенныхъ развѣтвленій вели осѣдлый образъ жизни и занимались примитивнымъ земледѣліемъ. При такомъ высокомъ уровнѣ ихъ соціальнаго развитія оказалось возможнымъ пріучить ихъ къ труду и поработить. Поэтому португальцы обращали плѣнныхъ гуарановъ въ рабовъ. Напротивъ, м'байя предпочли подвергнуться истребленію, чѣмъ подчиниться ярму принудительнаго труда. Въ теченіе немногихъ лѣтъ португальцамъ удалось обратить всѣхъ гуарановъ, населяющихъ Бразилію, въ рабство. Въ столь же короткое время испанцы собрали парагвайскихъ гуарановъ въ 40 пуэбло (населенныя мѣста) и принудили ихъ исполнять домашнія и полевыя работы, тогда какъ остальныхъ индѣйцевъ, по словамъ Азара, никто не могъ подчинить и собрать въ заселенное мѣсто. Даже дикари оказались способными эксплоатировать гуарановъ въ качествѣ рабочей силы. Племя м'байа, считающее себя «самымъ храбрымъ народомъ въ свѣтѣ и при томъ самымъ благороднымъ, самымъ великодушнымъ и самымъ вѣрнымъ, когда дѣло идетъ о соблюденіи даннаго слова», глубоко презирающее европейцевъ, обрабатываетъ свои поля трудомъ гуарановъ. «Это рабство, замѣчаетъ Азара, не отличалось однако суровымъ характеромъ; гуараны подчиняются ему добровольно и возвращаются къ свободному состоянію, когда имъ это заблагоразсудится. М'байа никогда не отдаютъ приказаній своимъ слугамъ; они никогда не обращаются къ нимъ въ повелительномъ или принудительномъ тонѣ... они всецѣло полагаются на ихъ добрую волю, довольствуются той работою, которую они исполняютъ по своему собственному побужденію, и дѣлятся съ ними всѣмъ, что имѣютъ... Я видѣлъ, какъ одинъ м'байа, дрожавшій отъ холода, отдалъ своему рабу-гуарану одѣяло, которое этотъ и взялъ, ни словомъ не попробовавъ убѣдить своего хозяина, чтобы онъ оставилъ одѣяло при себѣ... Ни одинъ военноплѣнный не хотѣлъ покидать м'байа, даже если ихъ превращали въ рабовъ; неоднократно плѣнныя испанскія женщины, хотя въ моментъ плѣненія нѣкоторыя изъ нихъ уже были совершенно взрослыми и имѣли дѣтей, также не хотѣли уходить изъ своего плѣна».

Въ христіанскихъ «миссіяхъ» кроткимъ и покорнымъ гуаранамъ пришлось испытать болѣе суровое рабство. И однако обращеніе испанцевъ и іезуитовъ съ гуаранами въ Парагваѣ было еще мягкимъ въ сравненіи съ поведеніемъ португальцевъ въ Бразиліи.

Христіанскіе цивилизаторы успокаивали свои тревоги совѣсти тѣмъ соображеніемъ, что индѣйцы — gentes sin razon (люди безъ разума) и занимаютъ переходную ступень отъ человѣка къ животному. Франциско Ортицъ, епископъ изъ Санта Марта, заявляетъ въ мемуарѣ, поданномъ мадридскому двору, «что опытъ его долголѣтнихъ сношеній съ краснокожими привелъ его къ тому заключенію, что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на неразумныя существа, неспособныя понять христіанской религіи и слѣдовать ея предписаніямъ». Только благодаря энергіи и настойчивости Ласъ-Казаса, папа Павелъ III въ своей буллѣ 1537 года призналъ индѣйцевъ людьми. Но, несмотря на это, въ 1538 г. въ Лимѣ собрался соборъ, чтобы снова разсмотрѣть вопросъ о принадлежности краснокожихъ къ человѣческому роду. Взгляды на этотъ счетъ раздѣлились; однако, большинство благосклонно признало, что индѣйцы имѣютъ достаточно разума для того, чтобы принимать участіе въ таинствахъ церкви. Но такъ какъ во время смерти Христа Господь Богъ не догадывался еще о существованіи Америки, которую Колумбъ открылъ лишь 15 столѣтій спустя, то онъ и не могъ туда послать ни одного апостола для обращенія населенія новой части свѣта въ христіанство. Случай представлялся затруднительнымъ. Но изъ этого затрудненія вышли съ помощью того предположенія, что св. Ѳома изъ Индіи достигъ Америки, гдѣ открыты были многочисленные слѣды его апостольскаго дѣла. Послѣ этого рѣшительнаго слова, произнесеннаго церковью, испанскій дворъ сдѣлалъ похвальныя усилія къ тому, чтобы помѣшать обращенію съ индѣйцами, какъ съ вьючными животными, и ихъ истребленію, какъ это произошло съ туземцами Перу. Католическая церковь несетъ на себѣ часть отвѣтственности за безчеловѣчную жестокость «конквистадоровъ» (испанскіе завоеватели Америки), она какъ бы санкціонировала ее, долгое время отказываясь признавать краснокожаго за человѣка.

Завоеватели Парагвая и земель на Ріо-де-Лаплата не истребляли дикарей, но подчиняли ихъ режиму умѣреннаго рабства. Они рѣшили осуждать на рабство всякое индѣйское племя, которое напало бы на испанскій лагерь или причинило бы ему какой либо вредъ. Всѣ члены такого племени должны были пожизненно служить побѣдителямъ и образовать «comendaria de janaconas», т. е. составляли видъ рабовъ, которые, будучи прикрѣплены къ опредѣленному мѣсту, обязаны оказывать извѣстныя личныя услуги. Но комендаріи (феодальныя помѣстья) испанцевъ существенно отличались отъ комендаріевъ португальцевъ, ибо у первыхъ было запрещено продавать индѣйцевъ, дурно обращаться съ ними даже въ случаѣ дурного ихъ поведенія, удалять ихъ вслѣдствіе болѣзни или старости. Владѣлецъ янаконы обязанъ былъ одѣвать, кормить своихъ

рабовъ, заботиться о наставленіи ихъ въ христіанской религіи и обучать ихъ ремеслу. Отсюда видно, что испанское правительство имѣло цѣлью цивилизовать индѣйцевъ и въ то же время доставить выгоду цивилизатору. Ежегодно инспектора посѣщали помѣстья, выслушивали жалобы индѣйцевъ, и провѣряли, исполняются ли королевскіе предписанія и указы.

Если дикари не избирали себѣ добровольно постояннаго мѣстожительства и въ то же время признавали испанское господство, то ихъ принуждали, если это было возможно, избрать мѣсто въ ихъ собственной области и тамъ образовать пуэбло, которое организовывалось по европейскому образцу. Кацикъ, военачальникъ клана, становился «corregiodor» или высшимъ чиновникомъ; алькальдъ (бургомистръ, волостной старшина) и остальные члены «cabilde» (общиннаго совѣта) назначались на должности по выборамъ. Индѣйцы, жившіе въ пуэбло, назывались «mitajos» (слово одинаковаго значенія съ французскимъ metayer, половникъ), которые должны были служить испанцамъ лишь два мѣсяца въ году, остальное же время были свободны и избавлены отъ всякой работы въ пользу своихъ господъ. Женщины, подростки, моложе 18 лѣтъ и лица старше 50 лѣтъ, а также кацикъ, его старшій сынъ и члены «cabilde» не обязывались ни къ какой работѣ. Земли «Janaconas» и «Mitajos» были розданы испанцамъ, которыхъ хотѣли вознаградить за услуги, оказанныя коронѣ или колоніи. Онѣ были то же, что и «бенефиціи» (лены), которыя феодальные военачальники и князья распредѣляли среди вѣрныхъ членовъ своей дружины.

Донъ Мартинецъ де Ирала, бывшій во второй половинѣ XVII столѣтія намѣстникомъ Парагвая, хотѣлъ особенно угодить испанской коронѣ, желанія которой клонились къ ускоренію развитія цивилизаціи среди дикарей, т. е. къ ускоренію разселенія ихъ въ пуэбло, внутреннее устройство которыхъ должно было быть урелигировано по европейскому образцу. Поэтому ему пришла въ голову остроумная мысль—признать за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ право на собственный счетъ основывать новые пуэбло или же въ уже существующіе включить всѣхъ индѣйцевъ, остававшихся до того времени еще свободными. Услуги туземцевъ, которыхъ такимъ образомъ кто либо устраивалъ осѣдло за собственный счетъ и рискъ, этому устроителю и принадлежали пожизненно; но съ его смертью жители поселенія снова пріобрѣтали свободу и уплачивали только извѣстную подать въ государственную казну. Тогда испанцы организовали настоящую охоту на дикарей, подобно португальцамъ и «Mamulucos» Сао Паоло, представлявшимъ собою сборище изъ европейскихъ бандитовъ всѣхъ націй и индѣйскихъ метисовъ, которые устроили на скалѣ укрѣпленное и неприступное хищническое гнѣздо, откуда они дѣлали набѣги на страну, похищали

индѣйцевъ, продавая мужчинъ и дѣтей, часть же женщинъ оставляли у себя, въ качествѣ наложницъ. Обреченные на преслѣдованія и муки, дикари скрывались въ лѣса, чтобы избѣжать господства жестокихъ цивилизаторовъ, и, несмотря на самое усердное стараніе, послѣдніе не могли основать болѣе 40 поселеній, которыя сохранялись съ помощью системы террора, но въ которыхъ часто вспыхивали возстанія. Дикари пользовались всякимъ случаемъ, чтобы бѣжать въ лѣса, гдѣ они энергично защищали свою вновь пріобрѣтенную свободу.

Іезуиты явились въ Парагвай въ концѣ XVI столѣтія, какъ разъ въ то время, когда охота на людей была въ полномъ разгарѣ. Они выступили защитниками и покровителями индѣйцевъ. Открыто и безбоязненно осуждали они пріемы торговли испанцевъ, обвиняли ихъ въ нарушеніи указовъ короны и въ обращеніи съ индѣйцами, жившими въ помѣстьяхъ, какъ съ рабами, которыхъ они лишили свободы, изнуряли работою, разоряли и жестоко эксплоатировали. Свои обвиненія они довели до свѣдѣнія испанскаго короля, всегда имѣвшаго при себѣ іезуита въ качествѣ духовника. Они описали варварскіе пріемы обращенія съ дикарями, которымъ религіозное ученіе оставалось совершенно недоступнымъ; позорные нравы европейцевъ, ужасъ и свирѣпость ихъ господства, служившаго источникомъ разоренія краснокожихъ, причиною ихъ возмущеній и бѣгства. Они сообщали, что практикующаяся жестокость мѣшала обращенію индѣйцевъ въ христіанство, что одно уже слово «испанецъ» внушало имъ ужасъ, что они охотнѣе дали бы себя истребить, чѣмъ жить въ пуэбло подъ господствомъ колоніальнаго управленія. Іезуиты предлагали свои услуги для обращенія дикарей въ христіанство путемъ кротости и убѣжденія и для превращенія ихъ въ осѣдлыхъ деревенскихъ жителей.

Великодушное заступничество іезуитовъ за туземцевъ возбудило противъ нихъ ненависть и вражду со стороны всѣхъ европейскихъ поселенцевъ. Они запретили имъ всякій доступъ въ свои деревни и отказывали въ доставленіи имъ средствъ пропитанія даже въ случаяхъ самой крайней необходимости. Миссіонеры общества Іисуса, изучившіе языкъ гуарановъ,—чего до нихъ не дѣлалъ ни одинъ католическій священникъ,—уходили въ лѣса и жили среди индѣйцевъ, которые воочію видѣли, съ какимъ доброжелательнымъ участіемъ относились къ нимъ іезуитскіе патеры. Какъ друзей, приняли ихъ дикари, раньше избѣгавшіе европейцевъ и даже убивавшіе тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые служили имъ переводчиками. Два первыхъ миссіонера, Мазета и Катальдино, поселившіеся въ лѣсахъ среди гуарановъ, совѣтовали имъ объединиться въ организованную силу, способную оказать сопротивленіе ихъ угнетателямъ и защищать ихъ свободу. Оба названныхъ лица прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы за-

*

воевать себѣ довѣріе и симпатіи краснокожихъ. Зная ихъ страстную любовь къ музыкѣ, они съ пѣніемъ разъѣзжали по рѣкамъ, въ то время какъ индѣйцы шли за ихъ пирогами вдоль берега или плыли позади ихъ. Когда такимъ способомъ имъ удавалось собрать большое число туземцевъ, миссіонеры останавливали лодку и начинали проповѣдывать имъ истины христіанской религіи—такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаютъ объ этомъ «назидательныя письма». Вѣроятнѣе, однако, что они говорили гуаранамъ о томъ жестокомъ обращеніи, которому подвергались послѣдніе, о счастьѣ, которымъ они пользовались бы подъ ихъ отеческимъ попечительствомъ, и прославляли чудеса, которыя они сами могли совершать. «Вѣра, говоритъ Шарльвуа, возродила въ этихъ варварскихъ странахъ чудо, о которомъ повѣствуетъ миѳъ объ Амфіонѣ и Орфеѣ».

Миссіонеры старались привлечь къ себѣ касиковъ и вождей клановъ подарками и обѣщаніями и такъ сильно привязали ихъ къ себѣ, что сумѣли внушить имъ спасительный страхъ къ своей таинственной власти. Съ изумительною наивностью разсказываетъ Шарльвуа, какъ одинъ касикъ, принявшій крещеніе, но отказавшійся повиноваться наставленіямъ и увѣщаніямъ обоихъ отцовъ-іезуитовъ и принявшій къ себѣ обратно своихъ незаконныхъ женъ, понесъ примѣрное наказаніе. «Онъ заживо сгорѣлъ въ своей хижинѣ и этимъ показалъ новымъ христіанамъ, что есть въ небесахъ богъ, исполненный силы и гнѣва, и что нельзя безнаказанно пренебрегать увѣщаніями, съ которыми, во имя его, обращаются его служители». Вѣроятно, въ такихъ словахъ, переданныхъ здѣсь буквально, іезуиты Мазета и Катальдино комментировали и объясняли это событіе. Чтобы запугать индѣйцевъ, они, безъ сомнѣнія, напоили и убили касика, чтобы затѣмъ, для большей славы Господа Бога, зажарить его. Ибо совершенно невѣроятно, чтобы сильный и ловкій дикарь не могъ выбѣжать изъ маленькой горящей хижины. Пѣвчій кордовскаго собора вправѣ былъ заявить что іезуиты дѣйствовали въ духѣ и въ смыслѣ ученій Новаго Завѣта. Въ лѣсахъ Новаго Свѣта они повторили въ новомъ изданіи чудо, посредствомъ котораго св. Петръ наказалъ Ананія и его жену Сафиру; «такъ какъ они солгали св. Духу и дали общинѣ вѣрующихъ не полныя свѣдѣнія о цѣнности своего имущества», то они были поражены на смерть гнѣвомъ Божіимъ, т. е. были убиты. «Великій страхъ объялъ вѣрующихъ и всѣхъ тѣхъ, которые слушали объ этихъ дѣлахъ», прибавляетъ, подобно Шарльвуа, составитель исторіи апостоловъ.

Общество Іисуса побѣдило всякое противодѣйствіе, которое оно встрѣчало въ колоніяхъ со стороны испанцевъ. Франциско Альфаро, намѣстникъ Парагвая, издалъ въ 1612 г. отъ имени короны указъ, коимъ строго воспрещалась охота на индѣйцевъ для принужденія ихъ къ осѣд-

лой жизни въ пуэбло, и объявлялось, что впредь никакія помѣстья не будутъ даваться въ пожалованіе. Но уже двумя годами раньше іезуиты сдѣлались господами въ странѣ и положили основаніе своему государству тѣмъ, что замѣстили своими людьми должности свѣтскихъ старшинъ и чиновниковъ въ большомъ числѣ ленныхъ областей, къ переустройству которыхъ они тогда и приступили.

ГЛАВА III.

Поселенія іезуитовъ.

Испанскій дворъ обнаруживалъ живой интересъ къ распространенію среди индѣйцевъ христіанства и цивилизаціи. Такъ какъ онъ воспретилъ дальнѣйшее примѣненіе варварскихъ пріемовъ, употреблявшихся ранѣе для этой цѣли, и рекомендовалъ вмѣсто нихъ мѣры кротости и милосердія, то подъ воздѣйствіемъ іезуитовъ долженъ былъ, для облегченія культурной миссіи апостоловъ новаго метода, оказывать имъ матеріальную поддержку. Тогда вмѣсто свѣтскихъ на сцену выступили духовные завоеватели; и не только іезуиты, но и многіе другіе представители духовенства, еле знакомые съ языкомъ и нравами дикарей, но обезпечившіе себя денежною субсидіей мадридскаго правительства, отправились въ области, заселенныя европейцами. Иной миссіонеръ сооружалъ деревянную церковь, собиралъ вокругъ себя нѣсколько индѣйцевъ, которыхъ онъ подбиралъ въ городахъ и которые находились съ нимъ въ полномъ согласіи, и объявлялъ объ основаніи поселка. Когда полученная субсидія истощалась, священникъ исчезалъ и въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ возобновлялъ ту же игру и съ тѣмъ же успѣхомъ. Выстроенная церковь скоро превращалась въ развалины, и деревня прекращала свое существованіе; но испанскій дворъ ликовалъ по поводу быстрыхъ успѣховъ, достигнутыхъ христіанствомъ и цивилизаціей, благодаря политикѣ милосердія. Въ дѣйствительности же, со времени изданія королевскаго ордонанса 1612 г., не было построено даже ни одного индѣйскаго поселка. Исключеніе составляли іезуитскія миссіи.

Миссіонеры общества Іисуса также получали субсидію изъ правительственныхъ суммъ; но они брали деньги съ дѣйствительною цѣлью обезпечить дикарямъ осѣдлость, отучить отъ кочевой жизни, пріучить ихъ къ труду и, кромѣ того, воспитать ихъ въ духѣ христіанства. Для этого они старались пріобрѣсти довѣріе со стороны индѣйцевъ, живя среди нихъ, изучая ихъ языкъ, нравы, суевѣрія. Этимъ путемъ только они и добились

искусства управлять дикарями. Съ 1610 по 1768 они основали и управляли тридцатью пуэбло, въ которыхъ, ко времени изгнанія іезуитовъ изъ Парагвая, насчитывалось до 150.000 жителей. Въ миссіи святого Франциска Ксавэ, самой значительной по числу жителей, жило 30.000 индѣйцевъ; менѣе же населенные пункты насчитывали отъ 500 до 1000 жителей.

26 поселеній принадлежали къ знаменитой провинціи гуаранскихъ миссій, которыя были расположены между берегами Парагвая и Урагвая, между 26° и 28° ширины и 54° и 58° долготы на западъ отъ Гринвича. Въ отдаленіи отъ нихъ были расположены три другія миссіи. Въ дѣйствительности іезуиты основали только 26 поселеній, другія же миссіи ихъ состояли изъ прежнихъ ленныхъ областей. 19 изъ 26 поселеній были основаны въ теченіе перваго года и заселены были дикарями изъ племени гуарановъ. Для остальныхъ семи миссій поселенцевъ собрали изъ поселеній, существовавшихъ уже болѣе полустолѣтія.

Азара приписываетъ успѣхъ іезуитовъ въ теченіе первыхъ 25 лѣтъ ихъ миссіонерской дѣятельности, когда они основали много поселеній, не силѣ ихъ убѣжденія и не могущественному вліянію апостольскаго слова. По его мнѣнію, они обязаны были имъ тому обстоятельству, что въ эти годы португальцы и мамелюки Сао Паоло самымъ безстыднымъ и безчеловѣчнымъ образомъ преслѣдовали дикарей, захватывая ихъ въ плѣнъ и обращая въ рабовъ. Устрашенные и разсѣявшіеся индѣйцы бѣжали въ область, лежащую между рѣками Парана и Уругвай, и въ дѣвственные лѣса, куда хищники проникали съ трудомъ. Запуганные, разоренные, испытывая всѣ трудности и лишенія бродячей жизни, блуждая изъ конца въ конецъ небольшими группами, они очень легко подчинялись вліянію іезуитовъ, которые предлагали имъ средства къ пропитанію и защиту. Пѣвчій Фюнесъ, который старается опровергнуть всякое утвержденіе Азары, ничего иного не можетъ возразить противъ приведеннаго мнѣнія кромѣ того, что испанцы въ Порагваѣ были почти такъ же жестоки, какъ португальцы и индѣйскіе метисы Сао Паоло. Онъ, такимъ образомъ, подтверждаетъ заявленіе Азары, что индѣйцы бѣжали въ миссіи, спасаясь отъ своихъ жестокихъ преслѣдователей. Когда охота на дикарей нѣсколько ослабѣла, то и іезуиты не находили индѣйцевъ, которые желали бы войти въ лоно христіанства и цивилизаціи.

Тогда они не замедлили покинуть путь убѣжденія и безъ всякихъ угрызеній совѣсти обратились къ средствамъ менѣе платоническаго характера для устройства своихъ трехъ послѣднихъ поселеній. Поэтому-то они и не хвастались ими на весь міръ; но Азара увѣряетъ, что онъ получилъ свѣдѣнія объ этихъ цивилизаторскихъ пріемахъ отъ самихъ индѣйцевъ, ко-

торые испытали всю ихъ прелесть на собственномъ опытѣ. Эти пріемы типичны и заслуживаютъ описанія, такъ какъ, очевидно, они неоднократно примѣнялись. Іезуиты посылали дикимъ гуаранамъ изъ Тарума подарки черезъ обращенныхъ членовъ ихъ племени, говорившихъ на ихъ родномъ языкѣ. Описавъ счастье своей новой жизни, посланцы сообщали своимъ соплеменникамъ, что такой-то достопочтенный патеръ, который ихъ сердечно любитъ, желалъ бы поселиться среди нихъ. Онъ привезетъ съ собою много цѣнныхъ даровъ, между прочимъ, много коровъ, которыхъ имъ хватитъ на цѣлый годъ жизни, такъ что имъ не придется мучиться и заботиться о пропитаніи. Дикари разрѣшали явиться благочестивому отцу. Послѣ этого іезуитъ въ сообществѣ съ нѣсколькими избранными индѣйцами поселялся среди дикарей. Мало-по-малу и подъ различными предлогами, не возбуждавшими никакого подозрѣнія, онъ увеличивалъ число своей свиты. Когда эта свита достигала достаточной численности, становище дикарей окружалось со всѣхъ сторонъ и затѣмъ угрозами, обѣщаніями, лицемѣрными рѣчами приводили ихъ къ подчиненію и направляли въ различныя миссіи на рѣкѣ Парана. Многіе индѣйцы снова убѣгали и возвращались въ свои хижины, хотя послѣднія находились на далекомъ разстояніи отъ поселеній. Обыкновенно такихъ бѣглецовъ ловили и направляли уже въ болѣе отдаленныя поселенія.

Этотъ варварскій пріемъ напоминаетъ о томъ пріемѣ испанцевъ и португальцевъ, который такъ строго осуждался самими же іезуитами. Однако, онъ не всегда увѣнчивался успѣхомъ. Такъ, іезуитамъ не удалось основать миссію въ Сэнъ-Станисла. Тутъ, конечно, шло дѣло о пріобщеніи къ христіанству и цивилизаціи м'байа, «которыхъ не могли укротить даже силами всего племени гуарановъ». Какъ всегда, іезуиты и здѣсь прикинулись друзьями и подъ предлогомъ выдачи плѣнныхъ членовъ племени пригласили враждебныхъ себѣ воиновъ въ миссію Санта Коразонъ. Тамъ посланцамъ м'байя оказали пышный пріемъ, появленіе ихъ въ миссіи встрѣчено было музыкой, для нихъ устраивались концерты, танцы, военныя игры и гигантское пиршество, во время котораго ихъ легко опоили. Затѣмъ ихъ порознь уложили спать, связали во время сна и бросили въ темницы, въ которыхъ они оставались до изгнанія іезуитовъ изъ Парагвая. Факты, изложенные Азарой, онъ узналъ отъ нѣкоторыхъ м'байа, которые имѣли несчастіе лично познакомиться съ честностью іезуитовъ.

Объ основаніи первыхъ миссій имѣются разсказы самихъ миссіонеровъ, которые единодушно увѣряютъ, что они склонили дикарей къ осѣдлости исключительно мѣрами кроткаго убѣжденія. Тѣмъ не менѣе, уже въ самомъ началѣ своей цивилизаторской дѣятельности іезуиты добивались разрѣшенія вооружить своихъ сторонниковъ ружьями. Это разрѣшеніе было имъ дано

въ 1636 г., благодаря ходатайству патера Монтоя въ Мадридѣ. По словамъ іезуитовъ, они нуждались въ правѣ вооружать своихъ людей для защиты своихъ поселеній отъ постоянныхъ нападеній со стороны дикарей. Въ дѣйствительности же достопочтенные отцы, прикрываясь проповѣдью христіанства, сами предпринимали охоту на индѣйцевъ. «Письма миссіонеровъ» заключаютъ въ себѣ большое число поучительныхъ повѣствованьицъ объ ихъ подвигахъ. Обращенные индѣйцы шли въ лѣса, чтобы тамъ, среди идолопоклонниковъ, проповѣдывать новую, истинную вѣру, и имъ также удавалось привлекать къ себѣ вѣрующихъ, которые постигали милость божію. Новообращенными были обыкновенно женщины и дѣти, которыя похищались безъ всякихъ колебаній, въ то время какъ мужчины клана находились на охотѣ или въ военныхъ походахъ. Когда они возвращались домой, то вооруженные, отправлялись требовать выдачи своихъ сородичей. Порою іезуитскія поселенія также подвергались нападеніямъ со стороны индѣйцевъ; это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда индѣйцы, повѣривъ лживымъ обѣщаніямъ и глубоко разочаровавшись въ жизни въ поселеніяхъ, бѣжали оттуда и хотѣли отомстить за жестокое обращеніе, которому они подвергались во время своего вынужденнаго пребыванія въ миссіяхъ. Если принять во вниманіе, съ какимъ несокрушимымъ упорствомъ дикари противодѣйствовали попыткамъ пріучить ихъ къ планомѣрной работѣ,—которой и населеніе цивилизованныхъ странъ «научилось» въ суровой школѣ страданій—то легко понять, что іезуиты должны были вербовать рабочихъ для своихъ поселеній скорѣе силою, чѣмъ убѣжденіемъ. Они сами признавали, что вынуждены были мириться съ привычками взрослыхъ индѣйцевъ къ охотѣ и рыбной ловлѣ и догму о принудительномъ трудѣ могли прививать только дѣтямъ, которыхъ они похищали или которыя рождались въ ихъ поселеніяхъ.

Общество Іисуса, которое получало отъ испанскаго правительства необходимую денежную субсидію на основаніе «миссій», желало внутри ихъ оставаться единственнымъ и полновластнымъ хозяиномъ. Ему удалось добиться королевскаго указа, въ силу котораго каждому испанцу безъ согласія ордена воспрещалось пребываніе въ поселеніяхъ. Іезуиты утверждали, что пороки цивилизованныхъ христіанъ были опасны для сердечной невинности и спасенія души новообращенныхъ индѣйцевъ. Далѣе, они добились упраздненія ежегодной инспекціи, которую предписывало колоніальное правительство производить въ янаконасъ и въ митайосъ. Іезуиты никому, кромѣ Бога и генерала ордена, не отдавали отчета въ своемъ управленіи осѣдлыми индѣйцами и въ распоряженіи богатствами, добываемыми сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью. Хотя іезуиты ставили себя выше закона, однако они, какъ и прежде, продолжали получать изъ королевской

казны средства на содержаніе одного миссіонера въ каждомъ поселеніи. Необходимыя для этого суммы получались при помощи подушной подати въ одинъ пезо и восемь реаловъ (около 73 коп.), которую должны были уплачивать индѣйцы духовныхъ поселеній короны; индѣйцы же свѣтскихъ поселеній должны были уплачивать ежегодную подушную подать въ 5 пезо (около 3 р. 70 к.).

Іезуиты были настолько проницательны и ловки, чтобы поставить свои миссіи подъ непосредственное попеченіе короны. Это избавляло ихъ отъ контроля колоніальнаго правительства, а поселенцевъ миссій—отъ всякихъ барщинныхъ работъ въ рудникахъ и отъ всякихъ податей. Вмѣстѣ съ тѣмъ никто, кромѣ ихъ самихъ, не могъ взимать денежныхъ налоговъ съ обращенныхъ индѣйцевъ; они добились также путемъ королевскаго указа освобожденія отъ уплаты десятины въ пользу епископовъ колоніи, «потому что миссіи, заявляетъ Шарльвуа, были слишкомъ бѣдны, чтобы вынести такое бремя». Мадридскій дворъ осыпалъ іезуитовъ всякаго рода льготами. Онъ не только понизилъ взимаемые съ нихъ налоги, которые, въ концѣ концовъ, даже совершенно были имъ отмѣнены, но когда іезуиты въ 1636 г., несмотря на возраженія колоніальнаго правительства, получили право вооружить индѣйцевъ своихъ поселеній на европейскій ладъ, то королевская казна доставила имъ даже средства на покупку нѣкоторой части военныхъ припасовъ.

Получивъ разрѣшеніе снабдить индѣйцевъ ружьями и пушками, они старались организовать регулярную армію, какъ бы для отраженія нападеній португальцевъ и мамелюковъ; въ сущности же для защиты отъ испанцевъ, съ которыми іезуиты всегда жили въ открытой враждѣ. Въ случаѣ надобности они желали имѣть эту армію въ своемъ распоряженіи также противъ колоніальнаго правительства, которое являлось представителемъ испанской короны. Отсюда возникало обвиненіе противъ іезуитовъ въ томъ, что они, обладая солидною вооруженною силою, хотѣли основать независимое государство. Быть можетъ, общество Іисуса дѣйствительно задавалось высокомѣрнымъ планомъ основанія теократической республики, которая включала бы въ себя часть южной Америки. Миссіи, основанныя имъ въ Бразиліи, вдоль теченія рѣки Амазонки, въ Перу и на сѣверѣ Парагвая должны были, по мѣрѣ своего развитія и роста образовать центръ, вокругъ котораго группировались бы различныя части этого іезуитскаго государства.

Только съ большимъ трудомъ удалось іезуитамъ добиться права на вооруженіе индѣйцевъ въ своихъ миссіяхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Испанское правительство приняло за правило не вводить оружія среди воинственныхъ индѣйскихъ племенъ этой части Новаго Свѣта, такъ какъ

обладаніе оружіемъ могло превратить ихъ въ опасныхъ, если не прямо непобѣдимыхъ враговъ. Уже при помощи только своего несовершеннаго оружія они причиняли испанцамъ много вреда. Вышеупомянутое разрѣшеніе на вооруженіе туземцевъ европейскимъ оружіемъ дано было іезуитамъ лишь послѣ того, какъ достопочтенный патеръ Монтона съѣздилъ въ Мадридъ и убѣдилъ дворъ въ томъ, что индѣйцы миссій являются вѣрующими католиками и преданными слугами испанскаго короля. Какъ только іезуиты получили желанное разрѣшеніе, они приступили съ свойственнымъ имъ организаціоннымъ талантомъ и упорнымъ терпѣніемъ къ образованію арміи. Въ 1641 г. они уже располагали четырехтысячнымъ войскомъ, которое было вооружено ружьями и пушками и находилось подъ предводительствомъ 300 туземныхъ офицеровъ, состоявшихъ подъ главнымъ начальствомъ генерала, кацика Абіару. Они могли выставить войско въ 7—12.000 человѣкъ, съ помощью котораго они боролись и побѣдили Антекерру и Рамона. Этими войсками однако предводительствовали высшіе европейскіе офицеры.

Каждый поселокъ, какъ сообщаетъ Шарльвуа, содержалъ по одному корпусу пѣхоты и кавалеріи. Пѣхотныя войска были снабжены маканами, т. е. ядрами, луками и пращами, а также мечами и ружьями. Всадники имѣли копья, сабли и мушкеты и, въ случаѣ необходимости, сражались какъ пѣхотные мушкетеры. Кромѣ того, главное управленіе миссій имѣло у себя на службѣ еще отрядъ абипонскихъ всадниковъ, которые славились своей храбростью и искусствомъ управлять лошадьми.

Всѣ воскресные дни посвящались военнымъ упражненіямъ и ничто не было упущено изъ того, что могло способствовать успѣху военнаго воспитанія. Войска упражнялись въ гимнастикѣ, фехтованіи, военныхъ пляскахъ, массовыхъ движеніяхъ, примѣрныхъ сраженіяхъ. Все это снова пробуждало въ индѣйцахъ геройскія доблести ихъ расы. Они вносили столько страстнаго увлеченія въ военныя игры и маневры, что іезуиты часто должны были разводить ихъ для предупрежденія кровопролитія и многочисленныхъ жертвъ. Іезуиты пользовались своими войсками не только для защиты своихъ миссій. Они охотно предоставляли ихъ къ услугамъ колоніальнаго правительства, достигая этимъ двоякой цѣли: пріучали туземцевъ къ веденію войнъ и импонировали испанцамъ своей вооруженной силой, которую они всегда могли двинуть въ дѣло.

Какъ только обращенные индѣйцы были вооружены и дисциплинированы, они были посланы въ 1637 г. въ походъ противъ индѣйцевъ Каракаса, которые истребили жителей одной испанской колоніи. Они обложили ихъ на ихъ островѣ, часть перебили, а остальныхъ увели въ плѣнъ. Мятежные индѣйцы въ 1641 г. взяли городъ Асунсіонъ, служившій мѣсто-

пребываніемъ королевскаго намѣстника въ Парагваѣ. Миссіонеры послали въ помощь намѣстнику свои войска, которыя разбили и прогнали краснокожихъ и спасли такимъ образомъ испанцевъ. Въ 1653 году они снова освободили Асунсіонъ, а въ 1660 г. снова спасли намѣстника, котораго дикари осадили въ церкви; послѣдніе войсками іезуитовъ были изгнаны изъ города, которымъ они овладѣли. Дважды, въ 1667 и 1671 гг., іезуиты предоставляли въ распоряженіе правительства свои транспортныя средства для перевозки испанскихъ солдатъ по Ріо-де-ла-Плата изъ Коріэнтесъ въ Буэносъ-Айресъ, который былъ блокированъ англичанами. Послѣдніе могли быть отбиты только съ помощью іезуитовъ, военное могущество которыхъ начинало уже пугать.

По мѣрѣ того, какъ поселенія общества Іисуса становились многочисленнѣе и обширнѣе, росла противъ нихъ ненависть и глубокая вражда, которую они возбудили противъ себя съ самаго начала. Они навлекли на себя гнѣвъ всѣхъ испанскихъ колоній.

То обстоятельство, что территорія миссій была совершенно закрыта для испанцевъ всѣхъ сословій; что они могли проникать на нее только съ особаго разрѣшенія, въ качествѣ гостей, и оставаться тамъ не болѣе трехъ дней, возбудило въ европейцахъ зависть и подозрѣніе. Искатели золота совершенно неосновательно вообразили, что іезуиты открыли богатыя розсыпи благороднаго металла, которыя они одни хотѣли использовать. И такъ какъ случалось, что они отказывали въ посѣщеніи своихъ миссій епископамъ и государственнымъ чиновникамъ, враждебное отношеніе которыхъ имъ было извѣстно, то іезуитовъ обвиняли въ томъ, что они обманывали государственное казначейство, давали неточныя свѣдѣнія о числѣ жителей въ своихъ деревняхъ для того, чтобы избавиться отъ внесенія приходящейся на ихъ долю подушной подати.

Миссіонеры вели солидную торговлю сельскохозяйственными и промышленными продуктами, которые производились въ ихъ поселеніяхъ. Въ большихъ городахъ Парагвая, а также въ Буэносъ-Айресѣ они продавали табакъ, зелень, хлопчатую бумагу, пряжу, дубленую кожу, обувь, воскъ и главнымъ образомъ Yerba del Paraguay, парагвайскій чай, обыкновенно называемый Maté, въ большомъ количествѣ потребляемый въ южной Америкѣ вмѣсто кофе. Іезуиты продавали Maté больше, чѣмъ всѣ остальные сельскіе хозяева, взятые вмѣстѣ. По словамъ Шарльвуа, средняя ежегодная продажа этого продукта у іезуитовъ достигала 12.000 арробасъ, почти 184.000 килограммовъ. Каждое поселеніе производило около 2.000 арробасъ хлопчатой бумаги, такъ что всѣ 30 миссій вмѣстѣ производили 921.000 килогр. этого продукта. Конкуренція іезуитовъ на поприщѣ промышленности и торговли наносила ущербъ интересамъ всѣхъ европейскихъ

поселенцевъ. Поэтому послѣдніе возводили на іезуитовъ тѣ самыя обвиненія, съ которыми прежде обрушивались на нихъ благочестивые отцы. Они утверждали, что индѣйцы подвергаются іезуитами еще болѣе безпощадной эксплоатаціи и болѣе жестокому обращенію, чѣмъ въ какомъ бы то ни было свѣтскомъ ленѣ. Они, далѣе, обвиняли ихъ въ томъ, что они ежегодно обрекаютъ на смерть громадное число туземцевъ, посылая ихъ за 100—200 миль отъ ихъ жилищъ за парагвайской травой. Во время длинныхъ и трудныхъ переходовъ, предпринимавшихся съ этой цѣлью, очень многіе индѣйцы гибли отъ голода и переутомленія. Вслѣдствіе этой высокой смертности населеніе миссій, по мнѣнію европейскихъ поселенцевъ, показывало очень слабый приростъ. Въ подтвержденіе своего заявленія, что іезуиты безпощаднѣйшимъ образомъ эксплуатировали индѣйцевъ, испанцы приводили тотъ фактъ, что миссіонеры при вступленіи въ управленіе половническими владѣніями отмѣнили предписаніе, въ силу котораго свѣтскимъ ленамъ воспрещалось употреблять индѣйцевъ на работу болѣе двухъ дней въ недѣлю. Далѣе они указывали, что іезуиты добились отмѣны инспекціи, ежегодно производившейся уполномоченными правительства. Вслѣдствіе этого они могли произвольно обременять работой и истощать силы новообращенныхъ въ своихъ миссіяхъ.

Духовенство также относилось къ миссіямъ враждебно. Епископы не могли простить іезуитамъ того, что они подъ предлогомъ чрезмѣрной бѣдности ихъ поселеній не платили имъ никакой десятины. Донъ Бернадино, епископъ Асунсіона, обвинялъ ихъ въ томъ, что они фальсифицировали христіанскую религію, приспособляя ее ко вкусамъ дикарей и позволяя имъ чтить бога католическихъ христіанъ подъ именемъ индѣйскаго бога Тупа, а также въ томъ, что при переводѣ катехизиса на гуаранскій языкъ они исказили ученіе церкви. Особенно онъ упрекалъ ихъ за нарушеніе тайны исповѣди, ставшей въ ихъ рукахъ орудіемъ господства. Іезуиты добились перемѣщенія донъ Бернадино въ другую колонію. Общество Іисуса пользовалось въ Парагваѣ той же тактикой, которую примѣняло въ Китаѣ, гдѣ оно вывело изъ употребленія крестъ, который казался прозелитамъ позорнымъ орудіемъ пытки. Паскаль и противники іезуитовъ глубоко возмущались такимъ оппортунизмомъ. Но они забывали, что только путемъ такихъ уступокъ христіанство стало твердой ногой среди цивилизованныхъ народовъ и варваровъ Стараго Свѣта [1]).

---

[1]) Ирландцы обратились въ христіанство въ X столѣтіи послѣ того, какъ въ одномъ народномъ собраніи они выставили цѣлый рядъ условій. Они потребовали для себя права втайнѣ чтить своихъ старыхъ боговъ и ихъ образа, публичное поклоненіе которымъ наказывалось изгнаніемъ. Далѣе потребовали, чтобы старые законы, разрѣшавшіе подкидываніе

Колоніальное правительство продолжало оспаривать передъ мадридскимъ дворомъ право іезуитовъ вооружать индѣйцевъ и организовывать военную силу, прекрасную дисциплинированность и храбрость которой они уже не разъ имѣли случай оцѣнить. Но общество Іисуса пользовалось неограниченнымъ вліяніемъ на слабаго и малодушнаго наслѣдника Филиппа II черезъ исповѣдальню и всегда успѣвало во-время отразить на падки и притязанія намѣстника колоніи. Оно чувствовало себя настолько сильнымъ, что вступило въ борьбу съ дономъ Жозе Антеерва, намѣстникомъ Парагвая, и, въ концѣ концовъ, побѣдило и казнило его. Во время войны съ Антекерой и Рамономъ, который послѣ перваго организовалъ партію городовъ, партію «de los communeros», многіе индѣйцы воспользовались случаемъ возвратить себѣ свободу и, бѣжавъ изъ миссіи, возвратились въ свои лѣса. Во время этихъ войнъ іезуиты выставили 12.000 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и пушками подъ начальствомъ высшихъ офицеровъ европейскаго происхожденія.

Постоянныя обвиненія, возводившіяся на іезуитовъ всѣми классами испанскаго общества, въ концѣ, концовъ встревожили дворъ; желая узнать, насколько правды во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, онъ распорядился произвести разслѣдованіе. При этомъ іезуиты такъ ловко сумѣли воспользоваться своимъ вліяніемъ, что разслѣдованіе это было поручено людямъ, которые имъ были безусловно преданы и расточали самыя неумѣренныя похвалы ихъ дѣятельности. Одинъ изъ нихъ донъ Педро Факсардо, епископъ Буэносъ-Айрэса, заявлялъ, что поселенія достопочтенныхъ отцовъ представляютъ собою идеальную христіанскую республику, въ которой царила совершеннѣйшая духовная чистота и «гдѣ, можетъ быть, не совершалось ни одного смертнаго грѣха въ теченіе круглаго года»; что миссіонеры добивались удивительныхъ воспитательныхъ результатовъ «среди дикарей, склонныхъ ко всевозможнымъ порокамъ» [1]).

Однако въ Мадридѣ не особенно благосклонно смотрѣли на общность имущества, въ силу котораго, по словамъ европейскихъ поселенцевъ, всѣ производимыя индѣйцами богатства поступали въ распоряженіе іезуитовъ. Миссіонеры, съ своей стороны, утверждали, что только коммунистическій

дѣтей, потребленіе конины и другіе обычаи, не стоявшіе въ противорѣчіи съ христіанствомъ, и на будущее время сохранили свою силу. Послѣ принятія этихъ условій, по которымъ отецъ имѣлъ право надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, Торгейръ, законодатель Ирландіи, ввелъ христіанство, какъ признанную въ странѣ религію.

[1]) Изъ письма, адресованнаго въ 1721 г. Филиппу V и приводимаго Шарльвуа.

режимъ давалъ возможность обезпечить содержаніе обращеннымъ индѣйцамъ, которые, будучи легкомысленны и безпечны, какъ дѣти, совершенно не въ состояніи были управлять своимъ имуществомъ и распредѣлять продукты жатвы такъ, чтобы ихъ хватило имъ на цѣлый годъ жизни; что поселенія не только не богаты, но чрезвычайно бѣдны. «То, что индѣйцы вырабатываютъ своимъ трудомъ, писалъ епископъ Буэносъ-Айрэса, обезпечиваетъ имъ ежедневно лишь небольшое количество мяса, маиса и зелени, плохую и грубую одежду и средства, необходимыя на содержаніе ихъ церквей». Миссіонеры увѣряли, кромѣ того, что коммунизмъ не вполнѣ проведенъ въ поселеніяхъ, такъ какъ каждая семья снабжена небольшимъ участкомъ земли, изъ котораго извлекаетъ средства для своего пропитанія.

Съ изумленіемъ узналъ испанскій дворъ, что для болѣе полнаго изолированія индѣйцевъ испанцамъ не только былъ воспрещенъ доступъ въ миссіи, но что въ этихъ послѣднихъ не обучали даже испанскому языку. Была исключена всякая возможность сношеній между обращенными и европейскими колонистами, съ тѣмъ чтобы уберечь первыхъ отъ гибельнаго нравственнаго вліянія послѣднихъ. Голландское правительство, которое нисколько не заботилось о спасеніи душъ туземцевъ своихъ колоній, проводило ту же самую политику въ своихъ владѣніяхъ на островѣ Ява. Европейскіе чиновники были вынуждены изучать явинскій языкъ, чтобы понимать своихъ подданныхъ, которымъ былъ знакомъ лишь мѣстный языкъ и которымъ не было случая изучить никакого европейскаго языка. Испанское правительство, менѣе, нежели голландское, проникнутое духомъ торговой предпріимчивости, пришло къ заключенію о недопустимости такого порядка вещей. Указомъ отъ 28 декабря 1743 г. предписывалось обязательное обученіе индейцевъ въ миссіяхъ испанскому языку, такъ какъ они подданные короны. Одно замѣчаніе Шарльвуа даетъ понять, что іезуиты рѣшили не давать хода королевскому указу. По ихъ взглядамъ, индѣйцы прежде всего подчинены были обществу Іисуса, а затѣмъ уже испанскому королю, которымъ тогда былъ одинъ изъ Бурбоновъ, Филиппъ V, внукъ Людовика XIV французскаго.

Въ то время общество Іисуса вообще подвергалось нападкамъ въ Европѣ. Своимъ вліяніемъ бурбонскіе дворы добились изгнанія іезуитовъ въ 1752 г. изъ Португаліи, въ 1762 г. изъ Франціи и въ 1767 изъ Испаніи и уничтоженія ордена въ 1773 г. папою Климентомъ XIV.

Среди документовъ, конфискованныхъ при изгнаніи іезуитовъ изъ Парагвая, было найдено письмо достопочтеннаго отца Рабайо, свидѣтельствующее о далеко не благосклонномъ отношеніи къ нимъ въ Мадридѣ. Въ существенныхъ мѣстахъ этого письма патеръ говорилъ, что обвиненія,

возводившіяся на миссіонеровъ, были столь многочисленны, столь тяжелы и мрачны, что не могъ ослабить ихъ значенія, хотя въ качествѣ духовника короля онъ и пользовался громаднымъ вліяніемъ. Испанское правительство питало такое глубокое и сильное недовѣріе къ христіанской республикѣ потому, что почти всѣ іезуиты въ миссіяхъ были англичанами, итальянцами и нѣмцами, и находившіеся среди нихъ немногіе испанцы не пользовались замѣтнымъ вліяніемъ. Но оно всетаки не рѣшалось прямо и открыто нападать на іезуитовъ, такъ какъ боялось встрѣтить отпоръ и даже потерпѣть пораженіе; поэтому оно предпочитало дѣйствовать мягко и осторожно. Оно потребовало постепеннаго освобожденія индѣйцевъ, которые уже болѣе столѣтія находились подъ іезуитской опекой. Іезуиты соглашались на все, чего отъ нихъ требовали, но воздерживались отъ фактическаго ихъ исполненія.

Разрѣшеніе конфликта было ускорено раздорами, возникшими между испанцами и португальцами по поводу взаимнаго разграниченія ихъ южно-американскихъ колоній. Въ 1750 г. испанскій король уступилъ Португаліи часть Уругвая. Португальское правительство приказало іезуитамъ, имѣвшимъ на уступленной территоріи семь миссій, убраться съ нея вмѣстѣ съ своими индѣйцами. Послѣдніе отказались послѣдовать за миссіонерами. Нѣкоторые изъ нихъ воспользовались случаемъ, чтобы возвратить себѣ свободу и снова пробраться въ мѣста между Уругваемъ и Параной, другіе остались жить въ устроенныхъ поселкахъ. По наущенію іезуитовъ, они взялись за оружіе, чтобы оказать сопротивленіе глубоко ненавистнымъ имъ португальцамъ. Донъ Пабло Букарели и Урсо, желавшій возстановленія мира, упрекалъ іезуитовъ въ томъ, что они раздули вражду, затѣяли и поддерживали войну съ единственною цѣлью сохранить за собою обладаніе своими семью миссіями. 2 января 1768 г. король испанскій, Карлъ III, сынъ Филиппа V, подписалъ указъ, которымъ іезуиты изгонялись изъ трехъ провинцій—Парагвая, Ріо-ла-Платы и Тукумана. Букарели, приводившій въ исполненіе этотъ указъ, счелъ благоразумнымъ держаться той тактики, которую примѣнилъ Митридатъ для истребленія римлянъ, жившихъ въ его владѣніяхъ. 7 іюня онъ отправилъ намѣстникамъ отдѣльныхъ областей запечатанное письмо съ приказаніемъ вскрыть его лишь 21 іюля. 22 іюля во всѣхъ миссіяхъ одновременно и неожиданно появились отряды вооруженныхъ всадниковъ, получившихъ приказъ вывезти безъ всякаго замедленія всѣхъ бывшихъ на лицо въ поселеніяхъ іезуитовъ. 150 миссіонеровъ были схвачены и отвезены въ города: Корріэнтесъ, Кордову, Санта-Фэ, Монтевидео и Буэносъ-Айресъ. 3 августа 1768 г. всѣ іезуиты были изгнаны изъ испанскихъ колоній.

ГЛАВА IV.

Жизнь индѣйцевъ въ миссіяхъ.

Іезуиты принимали всевозможныя мѣры, чтобы сохранить въ тайнѣ систему управленія въ ихъ поселеніяхъ, не позволяя проникать въ нихъ лицамъ постороннимъ; чиновники же и королевскіе инспекторы, имѣвшіе туда доступъ, были ихъ друзьями, относительно которыхъ можно было заранѣе поручиться, что на всѣ событія и отношенія въ миссіяхъ они будутъ смотрѣть глазами іезуитовъ. Тѣмъ не менѣе, имѣется достаточный матеріалъ для ознакомленія съ іезуитскимъ государствомъ. Мы имѣемъ описанія поселеній іезуитовъ, оставленныя Шарльвуа и Фюнесомъ; затѣмъ хвалебные отчеты королевскихъ чиновниковъ, производившихъ разслѣдованіе о миссіяхъ, и, наконецъ, факты, собранные Азарой, посѣтившимъ поселенія іезуитовъ вскорѣ послѣ изгнанія послѣднихъ. Если этого и недостаточно для ознакомленія съ жизнью индѣйцевъ въ миссіяхъ во всѣхъ ея подробностяхъ, то этого вполнѣ достаточно для общаго представленія о внутренней организаціи теократической республики, устроенной по ученію Евангелія, которое общество Іисуса могло осуществлять на практикѣ, не встрѣчая никакого противодѣйствія и не сталкиваясь съ противоположными взглядами. И можно рѣшительно утверждать, что никогда еще не представлялось случая, болѣе удобнаго для осуществленія христіанскаго идеала.

Человѣческій матеріалъ, надъ которымъ приходилось оперировать достопочтеннымъ отцамъ, принадлежалъ молодой, физически и морально здоровой расѣ, наивной и покорной, еще не развращенной пороками цивилизаціи и тѣми эгоистическими и антиобщественными страстями, которыя воспитываются въ условіяхъ частной собственности и моногамической семьи. Равнымъ образомъ, они были еще свободны отъ тѣхъ предразсудковъ, которые въ теченіе вѣковъ накоплялись въ старыхъ общественныхъ организаціяхъ. И миссіонеры, основавшіе свои миссіи въ этихъ дѣвственныхъ странахъ, обнаружили чрезвычайную, удивительную проницательность, самоотверженіе и ловкость въ управленіи людьми. Нельзя достаточно надивиться отцамъ-іезуитамъ, которые, не имѣя семьи, не питая никакого личнаго честолюбія, проводили свою жизнь, по крайней мѣрѣ, ея лучшіе годы, точно въ пустынѣ, среди индѣйцевъ и, по опредѣленнымъ, строго взвѣшеннымъ основаніямъ, намѣренно поддерживали съ ними только такія сношенія, которыя вызывались потребностями управленія поселеніями. Хотя въ миссіяхъ находилось не болѣе 150—200 іезуитовъ, тѣмъ не менѣе

имъ удалось подчинить волѣ своего ордена населеніе, достигавшее, по словамъ Фюнеса, ко времени изгнанія патеровъ, 150.000 душъ и во всякомъ случаѣ въ теченіе 150-лѣтняго господства общества Іисуса до еще болѣе высокой цифры. Парагвайскіе миссіонеры оказали неоцѣнимыя услуги ордену, отъ котораго они получали приказанія и распоряженіямъ котораго они повиновались.

Управленіе миссій было весьма просто и осуществлялось немногими руководящими лицами. Каждый поселокъ управлялся приходскимъ священникомъ и викаріемъ, которые находились подъ контролемъ настоятеля, подчиненнаго, въ свою очередь, высшему областному духовному чину—провинціалу. Приходскій священникъ, который былъ неограниченнымъ господиномъ миссіи и завѣдывалъ ея имуществомъ, обыкновенно не зналъ гуаранскаго языка. Напротивъ, викарій, заботившійся о спасеніи душъ обитателей миссіи, былъ вполнѣ знакомъ съ языкомъ индѣйцевъ, съ которыми онъ находился въ общеніи и въ постоянныхъ сношеніяхъ. Приходскій священникъ и викарій жили въ коллегіи, расположенной въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилищъ поселенія. Всякое сближеніе съ индѣйскими женщинами имъ строжайшимъ образомъ воспрещалось и цѣломудріе ихъ никогда не возбуждало никакихъ подозрѣній. Они поддерживали сношеніе только съ мужчинами, услуги которыхъ имъ были необходимы для ихъ личныхъ нуждъ или нуждъ всей общины. Ни подъ какимъ предлогомъ не входили они въ дома индѣйцевъ и лишь изрѣдка заглядывали въ ихъ поселки. Когда больной индѣецъ миссіи нуждался въ духовной помощи, то для этой цѣли его приносили въ особую комнату, находившуюся по близости отъ коллегіи. Священникъ и викарій отправлялись туда на носилкахъ и исповѣдывали и причащали больного. Священники показывались индѣйцамъ только въ церкви, и, точно неземныя существа, появлялись тамъ во всемъ блескѣ и пышности католическаго культа, въ блещущемъ золотомъ облаченіи, въ сопровожденіи прислуживавшихъ имъ многочисленныхъ нарядныхъ ризничихъ и пѣвчихъ-мальчиковъ, въ облакахъ курившагося ладона, въ то время какъ звуки органа, различныхъ музыкальныхъ инструментовъ и благочестивыхъ гимновъ оглашали церковь, дѣйствуя опьяняющимъ образомъ на дикарей, на которыхъ, какъ это часто упоминается въ «Назидательныхъ письмахъ», музыка и благовонія оказывали очень сильное впечатлѣніе. Церкви нищихъ дикарей были самыми большими и самыми красивыми зданіями въ колоніяхъ. Церковь миссіи Сэнъ Францъ Ксаверъ могла вмѣстить въ себѣ 4.000—5.000 лицъ; ея стѣны были выстланы сверкающими пластинками слюды, украшены живописью и рѣзною работою, а алтари блестѣли золотомъ и серебромъ. Д'Орбиньи, посѣтившій эти церкви въ 1830 г., когда онѣ уже многое утратили изъ своей первоначальной красоты, былъ

поражень ихъ роскошью и блескомъ. Эта умно разсчитанная показная внѣшность было безусловно необходима для того, чтобы подчинить деспотическому управленію двухъ духовныхъ—приходскаго священника и викарія—тысячи индѣйцевъ миссіи, «которые, говоритъ естествоиспытатель Д'Орбиньи, были столь наивны въ своей вѣрѣ, что смотрѣли на духовныхъ, какъ на представителей Бога, и слѣпо повиновались имъ».

Іезуиты подражали примѣру, преподанному испанцами. Они предоставили индѣйцамъ самостоятельно избирать своихъ кациковъ и военныхъ вождей. Обыкновенно, послѣдніе избирались всегда изъ однихъ и тѣхъ же семей, какъ это принято среди большей части дикихъ племенъ, живущихъ коммунистическими кланами. Равнымъ образомъ они предоставили индѣйцамъ избирать своихъ общинныхъ должностныхъ лицъ, которыя состояли изъ двухъ алькальдовъ и нѣсколькихъ членовъ общиннаго совѣта. Однако эти выборы, возобновлявшіеся ежегодно, происходили въ присутствіи приходскаго священника, руководившаго назначеніемъ избранныхъ Послѣдніе, впрочемъ, находились въ полномъ подчиненіи обоихъ духовныхъ лицъ, ибо въ поселкѣ никто не отваживался принимать какое бы то ни было серьезное рѣшеніе, не войдя предварительно въ соглашеніе съ приходскимъ священникомъ или съ его викаріемъ. Монахи, вступившіе въ управленіе миссіями, вмѣсто изгнанныхъ іезуитовъ, оказывались вначалѣ въ большомъ затрудненіи вслѣдствіе безпрерывныхъ запросовъ, съ которыми обращались къ нимъ по поводу самыхъ ничтожныхъ дѣлъ по управленію общинныя должностныя лица, ожидая отъ нихъ разъясненій, иначе говоря, приказаній. Въ сущности общинные чиновники были простымъ орудіемъ въ рукахъ миссіонеровъ для проведенія ихъ цѣлей. Антоніо де Уллоа пытается ослабить значеніе этого факта, утверждая, что «обращенные индѣйцы, какъ люди умственно ограниченные, безусловно нуждались въ опекѣ миссіонеровъ и въ руководствѣ ихъ матеріальными и духовными интересами» [1]).

Индѣйцы жили въ миссіяхъ, «какъ кролики, окруженные изгородью». Чтобы помѣшать сношеніямъ ихъ съ внѣшнимъ міромъ и побѣгамъ, каждый поселокъ окружался глубокими рвами, защищенными крѣпкимъ частоколомъ. Для входа служили одни или двое воротъ, которыя оберегались часовыми и черезъ которыя можно было пройти, лишь предъявивъ письменное разрѣшеніе. Территорія каждаго населеннаго мѣста была окружена рвами и тамъ, гдѣ можно было ихъ перейти, стояли часовые, препятствовавшіе индѣйцамъ переходить изъ одного поселенія въ другое. Съ наступленіемъ ночи начинали звонить въ колоколъ, возвѣщая окончаніе работы; и послѣ этого всѣ жители миссіи должны были возвращаться по

---

[1]) Don Antonio de Ulloa. „Relacion historical" (цитировано у Шарльвуа).

своимъ домамъ. Патруль «изъ лицъ, на которыхъ можно было расчитывать», какъ замѣчаетъ Шарльвуа, и смѣнявшійся каждые три часа, проходилъ по улицамъ, не позволяя никому выйти изъ дому, не узнавъ предварительно зачѣмъ онъ это дѣлаетъ и куда онъ направляется» [1]).

Верховая ѣзда была воспрещена индѣйцамъ во всѣ дни, во время которыхъ не происходило военныхъ упражненій. Однако стада охранялись конными всадниками. Чтобы уменьшить число пастуховъ и избавиться отъ необходимости сосчитывать скотъ, миссіонеры окружали пастбища рвами, такъ что они буквально походили на огороженный паркъ. Животныя, какъ и люди, содержались въ миссіяхъ въ плѣну.

Внутри миссіи воля приходскаго священника была закономъ. Никакихъ писанныхъ законовъ не было; существовали лишь «предписанія», которыя можно было бы сравнить съ правилами внутренняго распорядка капиталистическаго предпріятія. Приходскій священникъ налагалъ наказанія молитвою, постомъ, тюрьмою, никому не отдавая никакого отчета въ своихъ рѣшеніяхъ. Послѣ вышеупомянутаго разсказа Шарльвуа о томъ, какъ одинъ касикъ былъ пораженъ небеснымъ огнемъ за непослушаніе миссіонеру, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ миссіяхъ отъ времени до времени происходили аутодафе, примѣнявшіяся какъ средства избавленія отъ неисправимыхъ индѣйцевъ и какъ назидательный примѣръ для другихъ.

Поселенцы состояли подъ неослабнымъ надзоромъ корпуса полицейскихъ, которые строго наказывали, когда ловили ихъ на мѣстѣ престу-

---

[1]) Проведенная въ миссіяхъ система стѣсненія личной свободы такъ отвѣчаетъ потребностямъ капиталистической эксплоатаціи, что одно французское акціонерное общество, и не подозрѣвавшее, вѣроятно, существованія іезуитскихъ миссій въ Парагваѣ, примѣнило ее по отношенію къ своимъ рабочимъ. Великіе эксплоататорскіе геніи сходятся!—Вильневетъ—мѣстечко, которое расположено на одной изъ севенскихъ скалъ. Мѣстность и зданія, начиная съ мэріи и церкви и кончая рабочими жилищами, составляютъ собственность одной акціонерной компаніи, фабрикующей сукно для французской арміи. Никто не можетъ безъ разрѣшенія предпринимателя вступить на территорію мѣстечка или жить на ней. Вечеромъ подъемный мостъ поднимается. Въ 9 ч. веч. всѣ должны отправляться спать, а на разсвѣтѣ всѣ должны вставать. Численность мужского населенія доходитъ до 400; все оно состоитъ изъ рабочихъ-ткачей или служащихъ на фабрикѣ. Французскій языкъ въ Вильневетѣ неизвѣстенъ, говорятъ только на нарѣчіи, распространенномъ въ Севеннахъ. Торговля жизненными продуктами и платьемъ находится въ рукахъ акціонернаго общества. Должность мэра и общинныхъ совѣтниковъ занимаютъ рабочіе, изъ которыхъ для этого избираются лишь угодные предпринимателямъ. Порядокъ вещей, господствующій въ Вильневетѣ, былъ завѣщанъ еще XVIII столѣтіемъ.

пленія. Для того, чтобы наказаніе служило спасительнымъ примѣромъ нравственнаго исправленія для всей общины, виновный облачался во власяницу подобно еретикамъ, осужденнымъ инквизиціей къ сожженію на кострѣ. Его вели въ церковь, гдѣ онъ всенародно долженъ былъ покаяться въ своей винѣ, а затѣмъ на публичную площадь миссіи, гдѣ подвергался бичеванію. Іезуиты и ихъ апологеты желали увѣрить, что индѣйцы принимали, какъ милость, эти столь же ужасныя, сколь и унизительныя наказанія. «Никогда, говоритъ Фюнэсъ, ни одинъ изъ нихъ не пытается умалить свой грѣхъ или избѣжать заслуженнаго наказанія. Всѣ принимали свое наказаніе со знаками благодарности. Были и такіе индѣйцы, свидѣтелемъ преступленій которыхъ являлась только ихъ совѣсть; и однако они открыто сознавались въ нихъ и требовали себѣ наказаній для облегченія угрызеній совѣсти, оказывавшихся болѣе мучительными, нежели самое наказаніе». Къ этому Донъ Антоніо де Уллоа прибавляетъ: «Они питаютъ такое глубокое довѣріе къ своимъ духовнымъ пастырямъ, что даже неосновательное наказаніе они принимаютъ, какъ вполнѣ заслуженное». Если только эти утвержденія соотвѣтствуютъ истинѣ—а въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго въ виду склонности дикарей къ чрезмѣрнымъ преувеличеніямъ и крайней воспріимчивости ихъ пылкой фантазіи—то это даетъ намъ представленіе о томъ моральномъ авторитетѣ, которымъ іезуиты пользовались въ глазахъ бѣдныхъ индѣйцевъ. Это моральное вліяніе должно было освобождать ихъ отъ необходимости прибѣгать къ жестокимъ и унизительнымъ мѣрамъ наказанія.

Іезуиты принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы духовно привязать къ себѣ индѣйцевъ еще сильнѣе, чѣмъ матеріально. Все время, свободное отъ работы и необходимаго отдыха, индѣйцы должны были проводить въ молитвахъ, чтобы у нихъ не оставалось ни одной минуты досуга для размышленія надъ своимъ собственнымъ положеніемъ. «Церкви, сообщаетъ Шарльвуа, никогда не пустуютъ; въ нихъ постоянно находится большое число лицъ, которыя все свое свободное время проводятъ въ молитвѣ. Утромъ и вечеромъ, до и послѣ работы всѣ обитатели миссіи отправляются въ церковь, чтобы присутствовать у обѣдни и молиться. Прежде чѣмъ войти въ храмъ божій, женщины распускали свои волосы, которые онѣ, подобно солдатамъ XVIII столѣтія, обыкновенно заплетали въ спускающіяся книзу косы. Весь воскресный день проходилъ въ религіозныхъ церемоніяхъ: въ мессахъ, вечернихъ службахъ, въ обрученіяхъ и заключеніи браковъ, въ объявленіи праздничныхъ дней и постовъ, въ чтеніи пастырскихъ посланій епископа и другихъ религіозныхъ писаній и т. д. День еженедѣльнаго отдыха вполнѣ намѣренно обращали въ такую скуку для того, чтобы под-

держивать въ индѣйцахъ стремленіе скорѣе снова возвратиться къ работѣ, какъ къ средству развлеченія.

Знаменитый докторъ Урэ въ своей «Философіи мануфактуры» приводитъ въ примѣръ, которому должны слѣдовать всѣ «друзья человѣчества», филантропическую дѣятельность стокпортскихъ фабрикантовъ. Они израсходовали 250.000 франковъ на сооруженіе зданія, въ которое каждое воскресенье они загоняли 4.000—5.000 рабочихъ, вынужденныхъ тамъ распѣвать религіозные гимны и читать священные тексты. Такимъ путемъ людей удерживали отъ риска впасть въ пороки, воспитываемые лѣностью, и спасали отъ того человѣческаго эгоизма, въ силу котораго рабочіе склонны были смотрѣть завистливымъ и враждебнымъ взоромъ на своихъ лучшихъ друзей—воздержныхъ и предпріимчивыхъ капиталистовъ, доставляющихъ имъ работу».

Для обузданія порочныхъ наклонностей своихъ рабочихъ миссіонеры обладали духовными средствами, неизвѣстными протестанту Урэ и филантропическимъ эксплоататорамъ Англіи. Они основали отдѣльно для мужчинъ и женщинъ и для подростковъ выше десяти лѣтъ братства, находившіяся подъ непосредственнымъ покровительствомъ Владыки воинства и Божіей Матери. Во Франціи католическіе предприниматели стараются въ настоящее время осуществить основные принципы христіанскаго соціализма. Они организуютъ своихъ рабочихъ и работницъ въ союзы «нашей обожаемой Дѣвы, покровительницы фабрикъ» (Notre-Dame de l'Usine) и «Св. Іосифа». Имена индѣйцевъ вносились въ списки мужскихъ и женскихъ братствъ и исключеніе изъ этого списка составляло наказаніе. Въ видѣ награды членамъ братствъ давалось право участвовать въ хорѣ при богослуженіи, занимать почетныя мѣста и облачаться въ роскошныя и пышныя одежды, украшенныя почетными знаками, которые должны были возвращаться послѣ церемоніи.

Столь однообразная жизнь, проходившая въ работѣ и молитвѣ, не могла быть по нутру дикарямъ, предки которыхъ свободно бродили по лѣсамъ и послѣ трудностей охоты и примитивнаго земледѣлія отдыхали среди празднествъ и плясокъ. Гуараны, которые впослѣдствіи составляли большинство обитателей іезуитскихъ поселеній, страстно любили, подобно всѣмъ дикимъ народамъ, пляски. «Отъ времени до времени, сообщаетъ Шарльвуа, іезуиты разрѣшали имъ отдыхъ, который, поддерживая здоровье и бодрое настроеніе, не только не вредилъ добродѣтели, но, напротивъ, заставлялъ любить ее». Гейне въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ стихотвореній изображаетъ капитана корабля, торгующаго невольниками. Движимый столь же похвальными мотивами, какъ и іезуиты Парагвая, филантропъ-торговецъ человѣческимъ мясомъ заставлялъ своихъ рабовъ

ежедневно таскать черное дерево на палубу и ударами бича принуждалъ несчастныхъ пѣть и плясать. Этимъ гигіеническимъ режимомъ онъ спасалъ негровъ отъ опасности умереть отъ скуки и горя, причиненнаго потерею свободы.

Каждая миссія имѣла своего святого, имя котораго она носила. Празднованіе дня этого святого было самымъ большимъ праздникомъ обитателей миссіи. Съ нетерпѣніемъ каждый годъ ожидалось наступленіе этого дня, и задолго начинали готовиться къ предстоявшему торжеству. Праздникъ продолжался въ теченіе трехъ дней. Скульпторныя изображенія этого святого носились по улицамъ, украшеннымъ коврами и знаменами; дороги были устланы цыновками и усыпаны благоухающими цвѣтами; на общественныхъ площадяхъ и перекресткахъ воздвигались украшенныя свѣжею листвою и гирляндами тріумфальныя арки, въ которыхъ порхали птицы, прикованныя цѣпочками за ногу; тамъ и сямъ видны были въ цѣпяхъ ягуары и другія хищныя животныя, а въ громадныхъ бассейнахъ плавающія рыбы. «Словомъ, говорится въ «Назидательныхъ письмахъ», всѣ живыя твари одинаково были представлены на празднествѣ въ знакъ ихъ благоговѣйнаго уваженія къ святому». На улицахъ были выставлены битыя животныя, мясо которыхъ вмѣстѣ со стаканомъ вина раздавалось индѣйцамъ. Должностныя лица общины и всѣ, фигурировавшіе на церемоніяхъ праздника, носили роскошное европейское одѣяніе, которое послѣ торжества возвращалось обратно. Церковные праздники оставили такое длительное впечатлѣніе на индѣйцевъ, что еще въ 1830 г., когда миссіи посѣтилъ Д'Орбиньи, индѣйцы продолжали еще исполнять ихъ. Конечно, раньше праздники устраивались съ большею свободою, ибо на нихъ въ большомъ числѣ стекались жители сосѣднихъ поселковъ для того, чтобы принять участіе въ пиршествѣ, пляскахъ, играхъ въ мячъ,—при чемъ мячъ подбрасывался головою,—и въ другихъ необыкновенныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ.

Однако, всѣ эти моленія и религіозныя церемоніи не имѣли, повидимому, главною своею цѣлью развитіе христіанскихъ добродѣтелей. Къ такому заключенію мы, по крайней мѣрѣ, приходимъ, если вѣрить утвержденіямъ монаховъ, вступившихъ въ руководство миссіями вмѣсто іезуитовъ. И, конечно, послѣдніе хотѣли привить индѣйцамъ не любовь къ Богу, а любовь къ труду. Религія для нихъ была лишь орудіемъ господства, и потому-то ихъ противники, между прочимъ, обвиняютъ ихъ въ томъ, что они не соблюдали тайны исповѣди и злоупотребляли ею для болѣе полнаго подчиненія себѣ поселенцевъ миссій. Противъ этого упрека въ тяжкомъ нарушеніи религіозныхъ предписаній іезуиты горячо протестовали. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что, хотя они и приняли обязательство

просвѣтить дикарей, но давали имъ образованіе лишь въ такой мѣрѣ, въ какой это было полезно и выгодно для нихъ самихъ. Они обучали дѣтей чтенію на испанскомъ и латинскомъ языкахъ, хотя ни одного слова въ нихъ тѣ не понимали. Ихъ обучали, такимъ образомъ, разбираться въ особенностяхъ словъ, которыя въ теченіе всей ихъ жизни должны были оставаться имъ совершенно чужды. Зато во время мессы они могли служить въ хорѣ мальчиковъ, давать установленные отвѣты на латинскомъ языкѣ священнику во время богослуженія и переписывать испанскія рукописи, копіи съ которыхъ и посылались мадридскому двору, какъ свидѣтельства ихъ изумительныхъ успѣховъ. Испанскому языку надлежащимъ образомъ обучали только очень немногихъ тщательно выбранныхъ индѣйцевъ, которые должны были отправляться въ города для продажи запасовъ мѣстныхъ произведеній. Письму обучали лишь ничтожное число обращенныхъ индѣйцевъ, поскольку это имъ было необходимо для веденія книгъ и отчетности общины. Особенно же старались миссіонеры обучить индѣйцевъ ремеслу и развивать въ нихъ техническія способности. Каждая миссія производила все, въ чемъ нуждались ея обитатели, даже музыкальные инструменты и оружіе, которымъ снабжались войска.

Фюнесъ разсказываетъ, что въ каждой миссіи имѣлись мастерскія, въ которыхъ занимались самыми разнообразными ремеслами. Имѣлись кузницы, оружейныя, кожевенныя, сапожныя, ткацкія, столярныя, мебельныя, строительныя, часовыя, малярныя, скульптурныя мастерскія, устройство для мытья золотого песку, для сбора и выдѣлки воска отъ дикихъ пчелъ и т. д. Хотя въ 1830 г. населеніе миссій значительно уменьшилось, однако д'Орбиньи нашелъ еще въ нихъ всѣ перечисленныя ремесла. При д-рѣ Франціа (который послѣ низверженія испанскаго господства былъ диктаторомъ Парагвая отъ 1814 до года своей смерти—1840 г.) къ нимъ присоединились новыя промышленныя отрасли и занятія, какъ, напр., культура сахарнаго тростника. Государство, замѣстившее іезуитовъ, стало отнынѣ единственнымъ владѣльцемъ земли.

Промышленное образованіе индѣйцевъ началось рано и велось замѣчательно искусно. «Какъ только ребенокъ вступалъ въ такой возрастъ, когда онъ уже становился способнымъ къ работѣ, говоритъ Шарльвуа, его сейчасъ же вводили въ мастерскую и приспособляли къ тому ремеслу, къ которому онъ обнаруживалъ наибольшую склонность; здѣсь руководились тѣмъ убѣжденіемъ, что искусство должно находиться подъ руководствомъ природы».

Всѣ индѣйцы, за исключеніемъ касиковъ, обязаны были работать. «Высшій общинный чиновникъ (coregidor) и члены общиннаго совѣта, говоритъ Фюнесъ, должны быть первыми за работою въ мастерской на-

ряду съ своими женами». Къ этому Шарльвуа прибавляетъ, что «каждому работа давалась по его силамъ, и кто не выполнялъ ея, тотъ подвергался наказанію. Швейныя работы исполнялись музыкантами, пономарями и мальчиками изъ церковнаго хора, для того, чтобы женщины могли исключительно заниматься пряжей. То количество сырой и хлопчатой бумаги, которое онѣ получали, онѣ должны были въ концѣ недѣли сдавать въ видѣ соотвѣтствующаго количества пряжи, иначе подвергались битью палками. Въ каждой мѣстности существовалъ «пріютъ», гдѣ въ полной изолированности жили женщины, которымъ не приходилось кормить дѣтей и мужья которыхъ находились въ отлучкѣ, затѣмъ—вдовы, больныя, старухи, калѣки. Ихъ кормили, одѣвали и назначали работу, соотвѣтствующую ихъ силамъ и способностямъ.

Іезуитовъ упрекали въ томъ, что они ввели общность имущества и каждой семьѣ назначали все необходимое на ея содержаніе. Шарльвуа смылъ съ нихъ это тяжкое обвиненіе. «Нѣчто подобное могло имѣть мѣсто тогда, говоритъ онъ, когда новопоселенные индѣйцы еще не въ состояніи были самостоятельно удовлетворять своимъ потребностямъ и когда они еще недостаточно прочно и не окончательно осѣли въ надежныхъ мѣстахъ. Но съ того момента, когда у нихъ исчезла боязнь необходимости въ перемѣнѣ мѣстожительства, каждой семьѣ давался земельный участокъ, который, при воздѣлываніи, согласно даннымъ указаніямъ, обезпечивалъ ей всѣ необходимыя средства къ существованію. Благодаря примѣняемой системѣ воспитанія, можно надѣяться, что они никогда не будутъ знать излишествъ». Тактика, которой слѣдовали іезуиты, одна изъ наиболѣе искусныхъ. Чтобы побудить свободныхъ индѣйцевъ къ поселенію въ опредѣленныхъ мѣстахъ и чтобы ихъ удержать на нихъ, іезуиты вначалѣ доставляли имъ средства къ пропитанію и оставляли имъ извѣстную свободу. Однако, какъ только ихъ дѣти достигали извѣстнаго возраста, они обрекали ихъ на работу и принуждали для добыванія средствъ на содержаніе обрабатывать назначенный имъ участокъ земли. Подчинившіеся цивилизованные индѣйцы должны были только два дня въ недѣлю работать на себя, остальное же время должны были посвятить «собственности Бога». Зерновой хлѣбъ, который имъ ссужался для обсѣмененія полей или для пропитанія въ неурожайные годы, они должны были возвращать изъ ближайшаго урожая, иначе подвергались наказанію кнутомъ. Всѣ жители селенія, за исключеніемъ тѣхъ, которые занимались продажею овощей и другихъ продуктовъ, обязаны были производить все необходимое для ихъ жизни. Земли индѣйцевъ, которымъ были поручены торговыя операціи миссіи, обрабатывались общиною.

«Собственность Бога» состояла изъ земель, доходъ съ которыхъ при-

надлежалъ іезуитамъ. Въ свѣтскихъ ленныхъ областяхъ, о которыхъ шла рѣчь во II главѣ и гдѣ эксплоатація индѣйцевъ подвергалась самой безпощадной критикѣ, послѣдніе должны были работать только два мѣсяца въ году для своихъ свѣтскихъ господъ, остальнымъ же временемъ располагали по своему усмотрѣнію. Добрые іезуиты измѣнили этотъ порядокъ въ совершенно обратную сторону подъ мнимымъ предлогомъ сокращенія труда, который индѣйцы отдавали другимъ. Въ обстановкѣ, которой іезуиты окружили работы для «собственности Бога», обнаружилась вся ловкость благочестивыхъ отцовъ: работа носила характеръ празднества, какъ это было при обработкѣ полей Солнца, бога перуанскихъ инковъ. Большой толпой собирались на общественной площади жители мѣстечка; ставилась на носилки статуя Дѣвы Маріи или Святого и подъ предводительствомъ музыкальнаго хора и подъ пѣніе благочестивыхъ гимновъ выступали процессіей на поля Господа. По прибытіи на мѣсто работъ, изъ вѣтвей устраивался алтарь, на немъ ставили статую, въ присутствіи которой пахали и сѣяли. Какъ только работа кончалась, святого снова ставили на носилки и торжественной процессіей съ громкимъ пѣніемъ и при звукахъ музыки возвращались въ миссію.

Индѣйцы не могли распоряжаться доходами съ своихъ полей и тѣми продуктами, которыя они успѣвали вырабатывать въ теченіе предоставленныхъ имъ двухъ дней. «Извѣстно было, говоритъ Шарльвуа, сколько приносилъ имъ ихъ полевой участокъ, и его жатва находилась подъ надзоромъ тѣхъ, которые были заинтересованы больше всего въ ея сохраненіи... И если бы при этомъ допустить какое-нибудь послабленіе, то индѣйцы скоро остались бы безъ средствъ къ пропитанію». Индѣецъ владѣлъ лишь своимъ жалкимъ будничнымъ рабочимъ костюмомъ, такъ какъ одѣянія, которыя офицеры носили во время военныхъ упражненій, а общинныя должностныя лица—по воскресеньямъ и при религіозныхъ церемоніяхъ, хранились, какъ и оружіе, въ магазинахъ общины. Во всемъ видна была направляющая рука духовенства, даже въ дѣторожденіи. Увѣряютъ, что ночью церковный колоколъ возвѣщалъ мужчинамъ и женщинамъ часъ, который они могли посвящать радостямъ Венеры. Чтобы поощрить индѣйцевъ къ размноженію, іезуиты запрещали мужчинамъ и женщинамъ отращивать себѣ волосы, прежде чѣмъ они не народятъ дѣтей. Этотъ обычай сохранился и послѣ изгнанія іезуитовъ. «Молодыя коротко остриженныя пары (pelados y peladas), говоритъ д'Орбиньи, употребляютъ всѣ усилія, чтобы заслужить право на ношеніе длинныхъ волосъ».

Самъ Фюнэсъ долженъ сознаться, что въ этой христіанской республикѣ недоставало свободы. «Мы согласны, говоритъ онъ, что свобода этихъ индѣйцевъ въ дѣлѣ распоряженія ихъ собственностью не была свободою,

соотвѣтствующею республиканскому идеалу. Ничего, однако, не было бы ошибочнѣе, какъ предоставленіе индѣйцамъ свободы, которая не гармонировала ни съ ихъ характеромъ, ни съ условіями ихъ жизни. Они жили въ варварскомъ состояніи, привыкли повиноваться лишь минутнымъ желаніямъ, не видѣли ничего дольше переживаемаго ими момента, дѣйствовали всегда лишь подъ давленіемъ крайней необходимости, подъ постояннымъ рѣшающимъ вліяніемъ страстей, а не согласно велѣніямъ разума—и по одному этому должны были пережить многовѣковый періодъ соціальнаго дѣтства прежде, чѣмъ достигнуть той зрѣлости, которая служитъ необходимымъ условіемъ для полнаго пользованія свободой. Еще не наступило время для дарованія имъ свободы, и потому индѣйцами нужно управлять на такихъ началахъ, на какихъ отецъ управляетъ своею семьею». Азара, повидимому, предвидѣлъ эти возраженія, потому что онъ указываетъ на то обстоятельство, что свободно жившіе индѣйцы дѣлили свои запасы такимъ образомъ, чтобы имъ хватило ихъ на весь годъ. Вопреки утвержденіямъ іезуитовъ индѣйцы обнаруживали большую предусмотрительность. Въ своемъ «Первобытномъ обществѣ» *Морганъ* разсказываетъ со словъ приходскаго священника Гормана, что индѣйцы деревень Лагуна (Новая Мексика) собирали свои запасы въ общіе амбары, которыми завѣдывали женщины. «Эти индѣйцы обнаруживали больше заботы о будущемъ, чѣмъ ихъ сосѣди-испанцы; они разсчитывали такъ, чтобы ихъ запасовъ имъ хватило на весь годъ; только тогда, когда неурожай слѣдовалъ два года подрядъ одинъ вслѣдъ за другимъ, селенія страдали отъ голода». Іезуиты умышленно не пріучали гуарановъ своихъ миссій думать о будущемъ, чтобы легче было управлять дикарями и играть въ ихъ глазахъ роль провидѣнія, заботливо пекущагося обо всѣхъ ихъ потребностяхъ.

Христіанская республика, которую іезуиты имѣли возможность основать въ Парагваѣ, не встрѣтивъ извнѣ никакого препятствія полному проведенію началъ Евангелія, представляется на дѣлѣ умной и прибыльной комбинаціей крѣпостного состоянія и рабства: подобно крѣпостнымъ, обращенные индѣйцы вынуждены были сами добывать себѣ средства къ существованію, и подобно рабамъ были лишены всякой собственности.

Отцы семействъ, какъ называлъ іезуитовъ Фюнэсъ, давали индѣйцамъ только платье и то довольно жалкое. Всѣ индѣйцы ходили босикомъ, хотя въ миссіяхъ существовали кожевенныя и сапожныя мастерскія, произведенія которыхъ продавались въ городахъ. Женщины носили только рубаху изъ грубаго полотна, безъ рукавовъ, которая подвязывалась шнуркомъ; мужчины носили рубаху и штаны изъ такого же полотна; мужчины кромѣ того носили шапку изъ бумажной матеріи, женщины же ходили съ непокрытыми головами. Каждая женщина получала ежегодно 5 varas ($4^1/_2$ метра)

и каждый мужчина 6 varas (5 метровъ 40 сантиметровъ) матеріи на одежду. Полотно, изъ котораго шилась одежда, выдѣлывалось самими индѣйцами.

Жилища индѣйцевъ были такъ же жалки, какъ и ихъ одѣяніе. «Дома, говоритъ Шарльвуа, въ началѣ строились изъ тростника, который затѣмъ обмазывали глиной; они не имѣли ни оконъ, ни трубъ; посрединѣ устраивался очагъ, изъ котораго дымъ выходилъ черезъ дверь; теперь начали строить каменные дома, покрытые шиферомъ». Шарльвуа писалъ въ 1757 г., одиннадцать лѣтъ спустя послѣ изгнанія іезуитовъ и полтора столѣтія послѣ основанія миссій. Относительно жилищъ Фюнэсъ приводитъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія. «Дома не имѣли ни оконъ, ни приспособленій для свободнаго притока воздуха; въ нихъ не было никакой мебели; всѣ обитатели миссій сидѣли и ѣли на полу; постелей у нихъ не было, спали на койкахъ». Позднѣе начали строить болѣе удобообитаемыя жилища, которыя однако обставлены были не лучше. Всѣ индѣйцы, признававшіе власть одного и того же касика и, слѣдовательно, принадлежавшіе къ одному и тому же клану, жили въ одной галлереѣ или длинномъ коридорѣ, раздѣленномъ на отдѣльныя комнаты въ 2—3 метра; въ каждой комнаткѣ, безъ постелей и безъ мебели спала семья. Эти подробности, сообщаемыя какъ апологетами іезуитовъ, Шарльвуа и Фюнэсомъ, такъ и Азарой, показываютъ намъ, что индѣйцы жили въ миссіяхъ, какъ въ дикомъ состояніи, вмѣстѣ, въ общихъ домахъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ «long hauses» (длинные дома) ирокезовъ, которые описаны Морганомъ. Миссіонеры очень мало заботились о поднятіи матеріальнаго благосостоянія индѣйцевъ, которыхъ они хотѣли пріобщить къ цивилизаціи; главной своей задачей они ставили себѣ «пріучить ихъ къ работѣ».

Санитарное состояніе въ миссіяхъ было также плачевно. Шарльвуа разсказываетъ, что жители поселеній часто заболѣвали оспою, пятнистымъ тифомъ, злокачественной лихорадкой и еще какой-то эпидеміей, о которой онъ сообщаетъ только то, что она сопровождалась сильнѣйшими колющими болями. И тѣмъ не менѣе, онъ прибавляетъ: «Ни въ одномъ мѣстечкѣ, ни даже въ цѣломъ кантонѣ не было ни одной больницы или хотя бы болѣе или менѣе порядочной аптеки, какъ это было у моксосъ, среди которыхъ перуанскіе іезуиты основали республику по образцу республики гуарановъ. Средства для этого были тамъ доставлены общественной благотворительностью; въ Парагваѣ же ихъ нельзя было найти, потому что здѣсь совсѣмъ не было благотворителей». Добрые «отцы» іезуиты, подобно капиталистамъ, не были достаточно сильно заинтересованы въ сохраненіи жизни своихъ рабочихъ, которыхъ имъ не приходилось даже поку-

пать, какъ это приходится дѣлать рабовладѣльцамъ. Такимъ образомъ имъ ни одного гроша не нужно было тратить на индѣйцевъ, которые создавали имъ богатства.

Іезуиты постоянно жаловались на бѣдность миссіи. Согласно ихъ утвержденіямъ, осѣдлые индѣйцы, работавшіе шесть дней въ недѣлю, своею работою «едва обезпечивали себѣ для ежедневныхъ потребностей небольшое количество мяса, маиса, и зелени, плохую и грубую одежду и средства, необходимыя на содержаніе ихъ церквей». Это тѣмъ болѣе удивительно, что Парагвай обладаетъ громадными естественными богатствами. Жатву маиса въ немъ собираютъ дважды въ годъ, а со времени диктатуры доктора Франціа дважды въ годъ собирается и пшеница. Въ «Назидательныхъ письмахъ» разсказывается, что въ странѣ было такое чрезвычайное изобиліе «плодовъ, самаго разнообразнаго качества, что стоило только протянуть руку, чтобы срывать ихъ. Въ странѣ было болѣе десяти видовъ дикихъ пчелъ, изъ которыхъ иныя доставляли цѣнныя сорта меда. Озера и рѣки изобиловали рыбою, мясо которой отличается нѣжностью и питательностью, при чемъ величина нѣкоторыхъ рыбъ была такова, что одной достаточно на обѣдъ для пяти человѣкъ. Лѣса и долины полны были оленей, козуль, дикихъ козъ, дикихъ свиней, зайцевъ и громаднаго количества лошадей и другихъ животныхъ. Въ 1730 г. въ Буэносъ-Айресѣ можно было вымѣнять лошадь или быка за двѣ швейныя иглы. Перепеловъ и куропатокъ, достигавшихъ величины курицы, было такое множество, что ихъ били палками». Къ необыкновеннымъ богатствамъ природы присоединялись богатства, создаваемыя трудомъ индѣйцевъ, произведенія которыхъ позволили обществу Іисуса вести цвѣтущую торговлю парагвайскимъ чаемъ (maté), хлопчатой бумагой, пряжей, дубленой кожей, обувью, воскомъ, табакомъ, хлѣбомъ, свѣжими и сушеными овощами.

Въ такой то отъ природы богато одаренной странѣ обрекли іезуиты своихъ рабочихъ въ миссіяхъ на нищенскую жизненную обстановку и еще попрекали ихъ тѣмъ немногимъ, что они расходовали. Какъ капиталисты выставляютъ своихъ рабочихъ пьяницами, такъ и іезуиты постоянно упрекали индѣйцевъ въ жадности и обжорствѣ. Первые путешественники, вступавшіе въ сношенія съ индѣйцами, напротивъ, удивлялись ихъ умѣренности и отмѣчали изумленіе дикарей по поводу большого количества потребляемой европейцами пищи. Д'Орбиньи, который присутствовалъ въ миссіи Санта Анна при сборѣ дикаго меда индѣйцами, сообщаетъ, что они провели около двадцати дней въ лѣсахъ и за все это время питаніемъ имъ служили небольшое количество маиса и напитокъ, приготовленный изъ дикаго меда. Наши господа капиталисты характеризуютъ пролетаріевъ, которые накопляютъ имъ милліоны за милліонами и создаютъ всѣ чудеса цивилизаціи,

тупицами и лѣнтяями. Іезуиты, которые желали во всемъ служить для нихъ образцомъ, упреками индѣйцевъ «въ лѣности» (Шарльвуа), «въ склонности ко всякимъ порокамъ» (Фаскардо, епископъ Буэносъ-Айреса), «въ умственной ограниченности, заставлявшей отцовъ вмѣшиваться во всѣ случаи ихъ жизни» (Уллоа).

Фюнэсъ, напротивъ, признаетъ, что «способность индѣйцевъ къ подражанію всякаго рода искусствамъ была прямо изумительной; изобрѣтательный же талантъ ихъ блестящій». Самъ Шарльвуа прибавляетъ къ этому, что индѣйцы въ высокой степени обладаютъ подражательнымъ талантомъ: стоитъ имъ только показать крестъ, подсвѣчникъ, кадило, чтобы они уже сами сдѣлали подобную вещь и часто только съ трудомъ можно отличить ихъ работу отъ образца. Они производятъ огнестрѣльное оружіе, ружья пушки, свои музыкальные инструменты, самые сложные органы, только одинъ разъ основательно разсмотрѣвъ и изслѣдовавъ ихъ, а также астрономическіе инструменты, турецкіе ковры и самыя сложныя вещи изъ области ткацкаго производства». Первыя церкви въ миссіяхъ за недостаткомъ камня были сложены изъ бревенъ, обмазанныхъ затѣмъ глиною. На ихъ мѣстѣ потомъ возникли новые божьи храмы изъ камня, украшенные деревянными и каменными скульптурными изображеніями, которыя были дѣломъ «умственно ограниченныхъ» индѣйцевъ. «Эти украшенія, говоритъ Шарльвуа, не испортили бы и самыхъ красивыхъ церквей въ Испаніи».

Фюнэсъ протестуетъ противъ утвержденія Рейналя, будто іезуиты примѣняли тѣ же пріемы, съ помощью которыхъ инки управляли своимъ государствомъ и расширяли его границы». Фюнэсъ правъ. Христіанская республика, основанная въ соотвѣтствіи съ христіанскимъ ученіемъ и по образцу жизни первыхъ вѣрующихъ, отнюдь не была коммунистическимъ обществомъ, всѣ члены котораго принимали участіе въ производствѣ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ продуктовъ, пользуясь равнымъ правомъ на произведенныя блага. Она скорѣе была капиталистическимъ государствомъ, въ которомъ мужчины, женщины и дѣти были обречены на принудительную работу изъ-подъ кнута, лишены всякихъ правъ, прозябали въ условіяхъ одинаковой нищеты и необезпеченности, въ какомъ бы цвѣтущемъ состояніи ни находились промышленность и земледѣліе, какъ бы велико ни было изобиліе произведенныхъ ими благъ.

Поль Лафаргъ.

СЕДЬМОЙ ОТДѢЛЪ.

Соціализмъ во Франціи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

ГЛАВА I.

Классовыя противорѣчія въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Для того, чтобы понять исторію соціализма во Франціи во 2-й половинѣ XVII столѣтія и въ XVIII столѣтіи, необходимо обратиться къ XVI столѣтію и въ общихъ чертахъ охарактеризовать развитіе современной индустріи, разсказать исторію рабочихъ классовъ, крестьянъ и ремесленниковъ, и вскрыть философское, политическое и религіозное содержаніе этого періода. Если мы останемся въ предѣлахъ XVII столѣтія, то соціализмъ, напр., какого-нибудь Вераса, съ экономической его стороны выросъ на почвѣ развитія мануфактуры, съ моральной же и философско-правовой стороны—на почвѣ кальвинизма. Коммунизмъ Мелье развился изъ знакомства съ положеніемъ крестьянъ и съ ихъ старой семейной общиной. Мѣсто этихъ мыслителей въ исторіи духовнаго развитія Франціи невозможно опредѣлить безъ того, чтобы не послѣдовать, по крайней мѣрѣ, на протяженіи извѣстнаго пространства, за тѣми нитями, которыя выдѣляются въ общей культурной ткани страны и сплетаются съ ними, какъ съ самыми яркими цвѣтами узора.

I. Кальвинизмъ и Лига.

Во Франціи королевская власть была носителемъ централизаціи и могущественнымъ ревнителемъ современнаго государства. Это короли въ XIII вѣкѣ въ борьбѣ съ феодалами прежде всего обезпечиваютъ крѣпостнымъ своихъ имѣній значительныя облегченія путемъ замѣны крѣпостного состоянія полусвободой или полной свободой, и затѣмъ, пользуясь перевѣсомъ своего могущественнаго вліянія, предоставляютъ тѣ же самыя преимущества крѣпостнымъ феодальныхъ имѣній; это короли ведутъ борьбу съ цехами и ихъ исключительнымъ режимомъ, подчиняютъ ихъ себѣ и посредствомъ продажи свидѣтельствъ на званіе мастера, создаютъ родъ промышленной свободы; это короли въ борьбѣ съ духовенствомъ

и дворянствомъ стремятся помѣшать беззастѣнчивому разграбленію учрежденій, созданныхъ для попеченія о бѣдныхъ, и обратить ихъ богатые доходы на тѣ цѣли, на которыя они дѣйствительно были предназначены—на вспомоществованіе рабочимъ классамъ. Разумѣется, мотивы, руководившіе королевскою властью въ этой борьбѣ, были по-преимуществу эгоистическаго характера. Ея собственный интересъ побуждалъ ее сломить политическое могущество феодальнаго дворянства и превратить его въ дворянство придворное, чему значительно содѣйствовало и экономическое развитіе, перемѣстившее свой центръ тяжести въ города. Обстоятельства финансоваго характера, ростъ новаго класса промышленниковъ, заставлявшаго уже считаться съ собою, враждебное отношеніе ко всякой независимой организованной силѣ—таковы были причины ея борьбы съ цехами. Даже въ ея стремленіи урегулировать систему попечительства о бѣдныхъ ясно сказывались интересы, опредѣлявшіе ея образъ дѣйствій. Тутъ сказывалось прежде всего сознаніе необходимости борьбы съ финансовымъ могуществомъ знати и вербовавшагося изъ ея среды и тѣсно съ нею связаннаго высшаго духовенства, которыя употребляли крупныя денежныя суммы для своихъ цѣлей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ образъ дѣйствій былъ продиктованъ растущимъ значеніемъ буржуазіи большихъ городовъ. Скопленіе неимущаго сельскаго пролетаріата, лишеннаго поддержки благотворительныхъ учрежденій, въ столь сильной степени увеличило налоговое бремя въ пользу бѣдныхъ, что это вызвало недовольство имущихъ классовъ. Королевская же власть въ своей борьбѣ съ дворянствомъ на нихъ обыкновенно и опиралась, и потому съ ихъ интересами она особенно серьезно должна была считаться [1]). Всѣ эти

---

[1]) Во введеніи къ эдикту отъ 15 января 1545 г. говорится: „Мы надлежащимъ образомъ освѣдомлены, что основанные въ нашемъ королевствѣ пріюты для бѣдныхъ дурно управляются и день-ото-дня дѣла ведутся въ нихъ все хуже какъ ихъ управляющими, такъ и прелатами нашего королевства и другими лицами, которыя должны были бы имѣть за ними строгій надзоръ; что всѣ старались и еще теперь стараются доходы названныхъ пріютовъ обращать въ свою пользу или въ пользу своихъ слугъ и превратить ихъ въ свою собственность... и, что болѣе того, равнодушно относятся къ тому, что зданія названныхъ пріютовъ разрушаются и превращаются въ развалины, и заботятся только о томъ, чтобы присваивать себѣ ихъ доходы и предать полному забвенію самое названіе пріюта; чтобы по своему усмотрѣнію и произволу всегда распоряжаться доходами; отсюда—рядъ разнообразныхъ злоупотребленій, *по причинѣ которыхъ жители городовъ нашего королевства... вынуждены облагать себя налогами для содержанія несчастныхъ нищихъ,* которые должны были бы получать пропитаніе и содержаться на счетъ названныхъ госпиталей и благотворитель-

крупныя столкновенія, длившіяся въ теченіе столѣтій, не закончились абсолютной побѣдой королевской власти: въ результатѣ ихъ получился компромиссъ, являвшійся характерной чертой «Ancien-Regime» даже въ царствованіе Людовика XIV.

Два новыхъ момента—мануфактура и реформація—возникли во французской исторіи XVI столѣтія. Первая была ввезена королями изъ Италіи и оказала имъ могущественную поддержку въ ихъ борьбѣ съ феодализмомъ; вторая была силою, враждебною королевской власти и ея централизаціи, съ которою она боролась до полнаго ея уничтоженія. Исторію мануфактуры и ея преобразовательнаго вліянія на феодальное общество мы разсмотримъ въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ; здѣсь же умѣстно будетъ напомнить въ нѣсколькихъ словахъ о французскомъ кальвинизмѣ и о религіозной войнѣ XVI столѣтія. Въ царствованіе Франциска I реформація дѣлала успѣхи только среди низшихъ классовъ городского населенія (peuple); какъ это видно изъ мартиролога, составленнаго Креспеномъ, среди погибшихъ за сорокалѣтній періодъ встрѣчаются лишь два имени, принадлежащія поселянамъ, и три—дворянамъ. «Только неразумные люди изъ низшихъ слоевъ, какъ сапожники, портные или другіе ремесленники, осмѣливались проповѣдывать и исповѣдывать названную ересь и ложную религію» [1]). Во Франціи, какъ и въ Германіи, реформація получила въ началѣ демократическій характеръ; но эта особенность ея въ обѣихъ странахъ исчезла чрезвычайно быстро и очень скоро уступила мѣсто тенденціи совершенно противоположной. Въ церковной организаціи французскій кальвинизмъ на первыхъ порахъ признавалъ независимость отдѣльныхъ общинъ и свободу ихъ въ избраніи своихъ священниковъ, но вскорѣ къ этому былъ прибавленъ олигархическій коррективъ въ формѣ введенія въ избирательную систему начала кооптаціи [2]). Прекрасное выраженіе этой эгалитарной тенденціи далъ Этьенъ де ла Боэти въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «De la servitude volontaire»: «Но безспорно, если въ природѣ и есть что нибудь ясное и очевидное, нѣчто такое, чего нельзя

ныхъ учрежденій...“ Еще яснѣе сказано въ ордонансѣ Генриха III, ст. 65, май 1579 г.: „... И на будущее время въ качествѣ комиссаровъ для управленія и распоряженія поступленіями и доходами названныхъ больницъ и богадѣленъ должны назначаться только простые граждане, купцы и рабочіе, а не духовные, дворяне, государственные чиновники, ихъ подчиненные или лица, ими рекомендованныя“. — Ср. по вопросу о законодательствѣ для бѣдныхъ A. Monnier, „Histoire de l'Assistance“, Paris, 1856.

[1]) *Claude Haton*, I, 81, цитировано у Weill, *Les theories sur le pouvoir royal en France*. Paris, 1891, стр. 62.

[2]) *Polenz*, Geschichte des französischen Calvinismus. Gotha, 1857, II, 1, стр. 593 и слѣд.

не видѣть, такъ это именно то, что она, служительница Бога и правительница людей, сотворила всѣхъ насъ по одному и тому же подобію и по одному и тому же образу съ тѣмъ, чтобы мы чувствовали себя, какъ товарищи или, болѣе того, какъ братья. И если природа при распредѣленіи своихъ даровъ, которыми она насъ надѣлила, одному предоставила больше, способностей духовныхъ или тѣлесныхъ, чѣмъ другому, то она это сдѣлала не для того, чтобы вывести насъ въ міръ, какъ на поле сраженія и не для того, чтобы послать сильнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей, точно вооруженныхъ воиновъ въ какой-нибудь лѣсъ для истребленія болѣе слабыхъ. Напротивъ, скорѣе надо думать, что природа, удѣляя одному больше, другому меньше преимуществъ, хотѣла этимъ самымъ оставить мѣсто для проявленія, братскихъ чувствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одни могутъ помочь, а другіе нуждаются въ помощи. Такъ какъ эта добрая мать намъ всѣмъ предоставила землю для житья, помѣстила насъ въ одну, такъ сказать, квартиру, то она всѣхъ насъ сдѣлала и равными съ тѣмъ, чтобы каждый могъ познавать себя въ другомъ, видѣть въ немъ свое отраженіе; такъ какъ, далѣе, она надѣлила насъ всѣхъ великимъ даромъ голоса и слова для взаимнаго общенія и еще болѣе тѣснаго братскаго сближенія и для достиженія согласія нашихъ воль путемъ взаимнаго обмѣна мыслей; такъ какъ она всѣми средствами стремилась завязать и закрѣпить узлы нашего общественнаго союза; такъ какъ изъ всѣхъ ея дѣйствій видно, что, объединяя насъ, она не хотѣла однако превратить насъ въ однородную единицу, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что всѣ мы отъ природы свободны, какъ равноправные товарищи (Compagnons), и никому не придетъ въ голову мысль повѣрить, что природа кого-либо предназначила для рабскаго состоянія (servitude); напротивъ, она всѣхъ насъ предназначила для свободной жизни въ товарищескомъ союзѣ» (compaignie) [1]). Однако въ общемъ кальвинизмъ представляетъ собою движеніе, въ которомъ господствуютъ аристократія [2]) и высшая зажиточная буржуазія; такія ярко выраженныя демократическія идеи, которыя были изложены ла Боэси, находили себѣ мѣсто въ крайнѣ незначительномъ числѣ брошюръ и памфлетовъ. *Memoires de Condé*

---

[1]) Oeuvres complètes d'Estienne de La Boëtie par L. Feugère. Paris 1846: *De la servitude volontaire,* стр. 26 и 27.

[2]) Хорошо опредѣлилъ цѣль кальвинистической аристократіи Du Cellier, Histoire de classes laborieuses en France, Paris, 1860, стр. 210: „Свобода совѣсти, по ея мнѣнію, предполагала право разрушать монастыри, духовные лены, окруженные ея владѣніями, конфисковать въ свою пользу десятину и захватить въ свои руки религіозное руководительство ихъ вотчинной юрисдикціей.

упоминаютъ, что послѣ 1563 г. въ низшихъ классахъ народа появились новые проповѣдники и что, напр., въ Шалонѣ-на-Сенѣ говорили о томъ, чтобы вышвырнуть изъ страны трехъ гадинъ: дворянство, духовенство и судебное сословіе [1]). Еще болѣе яркое свидѣтельство объ этомъ нижнемъ демократическомъ теченіи мы находимъ въ весьма интересной брошюрѣ 1568 г.: Avetissement à la noblesse tant du parti du roi que de rebelles et conjurés, Lyon [2]). Авторъ ея указываетъ на то обстоятельство, что интересы дворянства и короля связаны между собою самымъ тѣснымъ образомъ: «Не слѣдуетъ забывать—и это неопровержимо уже доказано теперь опытомъ,—что подданные не могутъ отказать въ повиновеніи своему королю, иначе наши подчиненные откажутъ въ повиновеніи намъ». Духовные, говорится тамъ далѣе, питаютъ лишь антипатію къ феодальнымъ классамъ и подстрекаютъ поселянъ къ разрушенію замковъ феодальныхъ владѣльцевъ. Они говорятъ, что по закону милосердія и на основаніи чистаго ученія Евангелія всѣ люди свободны и равны и что въ писаніи ничего не сказано о дворянахъ.

Уже къ концу царствованія Генриха II (1559 г.) центръ тяжести кальвинизма перемѣстился изъ городскихъ мелкихъ мастерскихъ въ среду помѣстнаго дворянства и зажиточной буржуазіи. Дворянство видѣло въ немъ орудіе борьбы, которую оно вело съ королевской властью за господство феодализма; буржуазія, которая въ этомъ столѣтіи окончательно отдѣлилась отъ мелкихъ ремесленниковъ, [3]) также примкнула къ нему потому, что почувствовала въ ученіи, вступившемъ въ борьбу съ церков-

---

[1]) Memoires de Condé, IV, стр. 392, цитировано у Вейля, Les théories и т. д., стр. 71.

[2]) *Weil*, Les théories, стр. 75.

[3]) Насколько ясно сознавалось нѣкоторыми умами въ первой половинѣ XVI столѣтія полное выдѣленіе народа, какъ особаго класса, показываетъ слѣдующій случай. Въ Провансѣ существовалъ поземельный налогъ, талія, который послѣ возсоединенія Прованса съ Франціей (1471 г.) постепенно' видоизмѣнился въ личный налогъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого измѣненія было освобожденіе отъ этого налога дворянства и магистратуры и быстрое возрастаніе народнаго обнищанія. Такъ какъ второй эдиктъ, направленный противъ этихъ злоупотребленій, какъ и первый, изданный его отцомъ, Францискомъ I, въ 1534 г., не имѣлъ никакихъ послѣдствій, то Генрихъ II перенесъ это дѣло на рѣшеніе суда въ королевскомъ засѣданіи. И тутъ-то, во время судебнаго разбирательства, самымъ очевиднымъ образомъ обнаружилось все глубокое, безпощадное презрѣніе трехъ сословій къ народу. Ріо, ораторъ „commun populaire“, заявилъ, что, по его мнѣнію, народъ составляетъ четвертое сословіе, которое было отвергнуто тремя первыми. Ср. *Bonnemère*, Histoire des paysans. Paris, 1856, I, стр. 489.

нымъ авторитетомъ, нѣчто весьма близкое ея исторической задачѣ. Для Готомана, Ланге и другихъ кальвинистскихъ публицистовъ народъ воплощался въ аристократіи; они заявляли, что онъ представленъ въ лицѣ судей, государственныхъ чиновъ, патриціевъ и членовъ парламента, которые всѣ вмѣстѣ стоятъ надъ королемъ [1]).

Въ государственныхъ теоріяхъ кальвинизма, который былъ, впрочемъ, государствомъ въ государствѣ, нѣкотораго рода аристократической республикой въ монархіи, и который утратилъ свое могущество только въ управленіе Ришелье, это высокомѣрное презрѣніе къ народу выступало также довольно ярко. Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, которымъ занимались кальвинистскіе публицисты, былъ вопросъ о правѣ возстанія противъ тирана. Какъ быть, спрашиваетъ, напр., Бэза, если Господь далъ намъ государей, которые то съ явною жестокостью, то съ грубымъ невѣжествомъ борятся съ царствомъ Христа?—и отвѣчаетъ на это, что въ такомъ случаѣ церковь прежде всего прибѣгаетъ къ молитвѣ, слезамъ, покаянію, какъ къ оружію вѣрующихъ; въ то же время *низшая власть*, поскольку это отъ нея зависитъ, должна съ крайней осторожностью и умѣренностью, но съ мужествомъ и съ твердостью защищать истинную религію, чему столь славный примѣръ подалъ Магдебургъ [2]).

Столь же рѣшительно высказывается Ланге, по мнѣнію котораго не всякое частное лицо можетъ призывать подданныхъ къ оружію и къ борьбѣ съ государемъ, когда народъ, находится подъ ярмомъ тираніи [3]). Это право принадлежитъ низшей власти, а не народу. Суверенитетъ такимъ образомъ здѣсь принадлежитъ не всему народу, но только его привилегированнымъ сословіямъ. Отсюда съ необходимостью вытекаетъ дальнѣйшее положеніе кальвинистской теоріи государственнаго права, въ силу котораго Франція не наслѣдственная, а избирательная монархія, и потому королевская власть не что иное, какъ пожизненный правительственный санъ.

Такой же аристократическій характеръ, какъ и кальвинизмъ, носитъ призванный къ жизни католическимъ дворянствомъ какъ бы для защиты католической религіи союзъ-лига 1576 г. Въ одномъ манифестѣ этой лиги, изданномъ въ мѣстѣ ея зарожденія—въ Пикардіи и почти безъ всякихъ измѣненій принятомъ во всей остальной Франціи, говорится, что ея задача заключается «въ возвращеніи провинціямъ старыхъ правъ, привилегій и свободъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ эпоху перваго

---

[1]) *Polenz*, Geschichte des französischen Calvinismus, II, 2, стр. 303.

[2]) *Beza*, Tract. theol. T. 126, ed. secunda 1582, цитировано у *Polenz* Gesch., II, 2, стр. 52.

[3]) *Languet*, Vindiciae contra tyrannos, Amsterdam, 1660, стр. 286 и 287. Тотъ же взглядъ проведенъ и въ магдебургской брошюрѣ 1530 г.

христіанскаго короля Хлодвига и въ присоединеніи къ нимъ новыхъ, еще лучшихъ и болѣе полезныхъ» [1]). Ничего не можетъ быть ошибочнѣе утвержденія, будто лига ставила себѣ задачей защиту единства Франціи. Цѣль Гизовъ такъ же, какъ и цѣль протестантскихъ и католическихъ феодаловъ, состояла въ достиженіи самостоятельности и независимости ихъ владѣній отъ центральной королевской власти. Хотя въ этой лигѣ Перонны господствовали дворяне, города же не принимали въ ней участія, но въ 1585 г. движеніе, начатое лигою, увлекло за собою и ихъ, особенно Парижъ. Парижская буржуазія, въ союзѣ съ рабочимъ классомъ, пріобрѣла крупную силу и одно время торжествовала побѣду надъ аристократическими элементами. По мѣрѣ того какъ партіи пробивали бреши въ королевской власти, и послѣдняя обнаруживала свою неспособность поддержать политическую и административную централизацію, провинціальная буржуазія все болѣе и болѣе эманципировались; ея должностныя лица старались воскресить забытыя традиціи XII столѣтія и превратить крупные города, въ которыхъ они занимали господствующее положеніе, въ независимыя республики. Въ то же время начиналось пробужденіе и въ народѣ, среди крестьянъ и мелкихъ ремесленниковъ. Беспримѣрная агитація, которую лига въ союзѣ съ католическою церковью вела среди этихъ классовъ населенія послѣ смерти герцога Анжуйскаго, когда наслѣдованіе престола кальвинистомъ Генрихомъ Беарнскимъ сдѣлалось вѣроятнымъ, вызвала среди нихъ сильное броженіе и движеніе, вышедшее изъ намѣченныхъ для него границъ, ускользнувшее изъ рукъ его иниціаторовъ и направившееся впередъ самостоятельнымъ путемъ. Что за дѣло народу до борьбы, происходящей между привилегированными сословіями и королевскою властью подъ разными религіозными предлогами?—Такова основная мысль, волновавшая низшіе классы населенія и нашедшая себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ. Такъ, напр. авторъ одной брошюры (Discours sur la comparaison et élection des deux parties qui sont pour le jourd'hui en ce royaume) спрашивалъ: «Какое дѣло бѣдному и несчастному народу до того, господствуетъ ли та или иная религія, лишь бы она не была религіей, которая учитъ обгладывать его до костей. Ясно одно: это какой-то винегретъ изъ противоположныхъ другъ другу, враждебныхъ и честолюбивыхъ партій, собравшихся проглотить кусокъ, которымъ онѣ могутъ подавиться». Убійство короля Генриха IV (онъ палъ подъ ножемъ фанатическаго доминиканца Якова Клемана въ 1589 г.) еще болѣе усложнило эту путаницу. Значительная часть дворянства, по словамъ Д'Осса, характеризующаго силу вліянія Лиги, не желала никакого короля: «Всѣ выдающіеся представители дворянства желали играть роль. Народъ ничего не

[1]) Weill, Les théories. стр. 141.

хотѣлъ знать ни о государѣ, ни о дворянствѣ и не признавалъ ни того, ни другого. Всѣ, вплоть до самого ничтожнаго жителя страны, хотѣли избавиться отъ своихъ господъ» [1]).

Со вступленіемъ на престолъ Генриха IV, политика кальвинистовъ претерпѣла полное измѣненіе. Они присоединились къ защитникамъ королевской власти, которая теперь нашла въ ихъ рядахъ столь же воодушевленныхъ сторонниковъ, сколько раньше—горячихъ противниковъ. Очень скоро боязнь народныхъ возстаній, охватившая буржуазію, и боязнь феодальной реставраціи, овладѣвшая болѣе богатою и просвѣщенною частью сельскаго населенія, понимавшаго ея грозную опасность, толкнула и ту и другую въ лагерь беарнца, съ переходомъ котораго въ лоно католической церкви исчезла всякая оппозиція. Монархическій принципъ вышелъ изъ продолжительной борьбы нѣсколько ослабленнымъ; съ учрежденіемъ гугенотскихъ свободныхъ городовъ централизація была сломлена.

II. Время Фронды.

Несчастьемъ Франціи было то, что короли ея вступали дѣтьми на престолъ и, благодаря слабости женскаго регенства, власть, вырванная изъ рукъ дворянства, снова къ нимъ возвращалась. Такъ дѣло Генриха IV и Сюлли погибло, благодаря регентству Маріи Медичи; чтобы спасти дѣло Ришелье, его преемникъ Мазарини долженъ былъ вести продолжительную борьбу во время регентства Анны Австрійской. Регентство Анны, какъ и регентство ея предшественницы, началось всеобщимъ расхищеніемъ Франціи дворянствомъ. «Le roi est mineur, soyons majeurs»—было его любимымъ девизомъ, которому оно слѣдовало самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Пока регентша щедрою рукою сыпала имъ деньги, привилегіи, монополіи, дворяне пѣли «доброй королевѣ» хвалебные гимны, но какъ только Мазарини, въ виду истощенія всѣхъ средствъ вспомоществованія, сталъ отказывать въ подаркахъ, они начали борьбу не непосредственно противъ королевы—для этого у нихъ уже не хватало того гордаго высокомѣрія, которое было еще живо въ эпоху лиги, но которое уже было сломлено кардиналомъ Ришелье—а противъ министеріата и его интендантовъ, какъ выражались нѣкоторые органы того времени, т. е. противъ расширенія и централизаціи королевской власти, представителями которой и были эти чиновники. Рука объ руку съ дворянствомъ шла вначалѣ и буржуазія, такъ какъ и въ области ея привилегій королевская власть часто врывалась,

[1]) *D'Ossat*, Discours sur les effets de la ligue en France, cité par Frémy, Diplomates du temps de la ligue, 2 edit., стр. 134 и 135.

нимало не стѣсняясь. И фронда поэтому имѣетъ происхожденіе чисто буржуазное и парламентское. Конфликтъ между буржуазіей и регентствомъ вызванъ посягательствомъ министра финансовъ Мазарини, д'Эмери, на денежный кошелекъ парижскаго парламента [1]). Парламентъ энергично выступилъ на путь борьбы: онъ потребовалъ уничтоженія должности интендантовъ, скидки четвертой части таліи, крупнѣйшаго изъ налоговъ французскаго королевства, который уплачивался исключительно третьимъ сословіемъ, освобожденія должниковъ, томившихся въ тюрьмахъ въ числѣ 20.000 человѣкъ; онъ запретилъ взиманіе какихъ либо налоговъ и введеніе новыхъ судебныхъ и административныхъ должностей въ финансовомъ управленіи безъ его разрѣшенія и заканчивалъ рядъ своихъ законопроектовъ требованіемъ, чтобы ни одинъ подданный короля не содержался подъ арестомъ безъ допроса и безъ представленія судьѣ дольше 24 часовъ. Опираясь на буржуазію и при поддержкѣ народа, который расчитывали привлечь требованіемъ податныхъ льготъ, парламентъ въ теченіе нѣкотораго времени несъ на себѣ всѣ трудности борьбы, но послѣ обостренія конфликта прежнее мужество оставило его и дѣло перешло въ руки дворянства, примкнувшаго къ движенію. Народъ, вступившій въ борьбу за свои интересы, отнынѣ безсознательно служилъ только цѣлямъ аристократической партіи и понесъ всѣ издержки при заключеніи сенъ-жерменскаго мира. Этимъ кончилась первая фронда. Вторая фронда—чисто аристократическое возстаніе, задуманное незначительнымъ числомъ честолюбивыхъ мужчинъ и женщинъ: крупныя имена, мелкіе интересы, невыразимая нищета. Народъ, какъ вездѣ, былъ той почвой, на которой болѣе чѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ велись хищническіе походы одичавшаго дворянства и еще болѣе одичавшей солдатчины. Со всѣхъ сторонъ сыпались удары на крестьянина; земли и хижины ихъ подвергались разграбленію и уничтоженію; дочерей и женъ его насиловали; самого его преслѣдовали, пытали, убивали. Крупное уменьшеніе числа браковъ и рожденій и быстрое пониженіе цифры населенія самымъ нагляднымъ образомъ свидѣтельствовало о громадности бѣдствія, въ которомъ очутилась Франція въ концѣ этой разнузданной войны. Фронда закончилась полнымъ экономическимъ и моральнымъ истощеніемъ страны. Результатомъ ея явился абсолютизмъ Людовика XIV.

---

[1]) Высшія судебныя учрежденія Франціи, которыя, при широкой юрисдикціи, были послѣдней инстанціей въ судебныхъ дѣлахъ, назывались парламентами. Они вели также регистрацію эдиктовъ, указовъ, ордонансовъ королей, послѣ чего они получали силу закона. Съ этимъ соединялась неоднократная попытка парламентовъ, которые представляли интересы крупной буржуазіи, присвоить себѣ роль нѣкотораго рода контрольной инстанціи, стоящей выше королевскихъ прерогативъ.

Ш. Людовикъ XIV.

Людовикъ XIV—абсолютный монархъ, но монархъ, который въ то же время былъ первымъ дворяниномъ своего королевства. Съ какимъ пренебреженіемъ относился онъ къ другимъ недворянскимъ классамъ общества, объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ его пресловутый эдиктъ о дуэли 1679 г.; въ этомъ эдиктѣ онъ называетъ горожанъ лицами недостойными, дѣла ихъ незаслуживающими вниманія и санкціонируетъ возмутительное правовое неравенство. Людовикъ XIV—адвокатъ и защитникъ дворянства, которое онъ изъ личныхъ интересовъ сдѣлалъ орудіемъ окончательнаго разоренія Франціи. Свой абсолютизмъ онъ проявлялъ только по отношенію къ народу, къ горожанамъ, къ крестьянству и къ отдѣльнымъ лицамъ изъ дворянства, къ которому мы смѣло можемъ причислить высшее духовенство, но никогда не проявлялъ его по отношенію къ дворянству, какъ къ сословію. Все государство было королевской вотчиной, но доходы его должны были стекаться къ членамъ дворянства. Дворянство это все; на него работаетъ крестьянинъ и ремесленникъ, для него армія, для него государственныя должности и государственные доходы. Только въ эпоху могучаго личнаго вліянія Кольбера, который былъ главнымъ агентомъ новой растущей силы капитала, буржуазія заняла извѣстное, хотя и не очень замѣтное положеніе. Но съ его смертью рушилась и ея опора; нантскій эдиктъ былъ отмѣненъ, и кальвинистская буржуазія, въ рукахъ которой сосредоточивалась большая часть промышленности страны, покинула Францію. Вмѣстѣ съ тѣмъ надолго была сломлена и сила буржуазіи. Но безпрерывныя войны и расточительность Людовика XIV, содержаніе многочисленнаго, ненасытнаго, празднаго дворянства, непомѣрно растущая нужда въ деньгахъ одновременно способствовали новому возникновенію могущественной финансовой буржуазіи, игравшей роль откупщика налоговъ.

По старинному взгляду, который главнымъ образомъ отстаивали государственные юристы противъ привилегіи феодальнаго дворянства, король былъ единственнымъ и непосредственнымъ собственникомъ всей земли въ государствѣ. На него, какъ на высшаго леннаго сюзерена (Souverain fiefeux) не только переносился источникъ всякаго феодальнаго владѣнія, но отъ него исходило и пользованіе аллодіальными землями [1]). Къ этому именно взгляду и возвратился Людовикъ XIV. Какъ сообщаетъ Жюрье, при министерствѣ Кольбера возбужденъ былъ вопросъ: не долженъ ли

---

[1]) *Laveleye-Bucher*, Das Ureigeithum, стр. 266, см. также *Toequeville*, L'Ancien Regime etc., стр. 288.

король вступитъ въ фактическое владѣніе всѣмъ имуществомъ и всѣми землями Франціи. Страна, такимъ образомъ, превращалась въ королевскую вотчину, отмѣняющую старыя права владѣнія, наслѣдованія и другія права, гарантированныя договорами; здѣсь поступили точно такимъ же образомъ, какъ поступаютъ магометанскіе повелители Турціи, Персіи и Монголіи, превратившіе всѣ земли своихъ государствъ въ свою частную собственность, которую они предоставляли въ пользованіе, по своему усмотрѣнію, но только пожизненно своимъ подданнымъ [1]). Поэтому Кольберъ обратился къ знаменитому путешественнику Бернье и просилъ его представить докладъ о государствѣ Великаго Могола, въ которомъ вся земля была государственной собственностью, и критику этой системы. На это просьбу Бернье отвѣтилъ сочиненіемъ: Письмо о положеніи Индостана (Lettre sur l'état de l'Hindoustan) [2]), на которомъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Нарисовавъ картину Индусскаго государства, Бернье ставитъ вопросъ: не лучше ли было бы не только для государства и государя, но и для подданныхъ, если бы, какъ это имѣетъ мѣсто въ европейскихъ королевствахъ и имперіяхъ, государь не былъ единственнымъ собственникомъ земли, и частныя лица знали бы дѣленіе имущества на «мое» и «твое». Проведя сравненіе между государствами, имѣющими частную собственность и не имѣющими ея, Бернье высказывается въ пользу первыхъ и старается обосновать свое мнѣніе рядомъ слѣдующихъ положеній: 1) Хотя золото и серебро притекаютъ въ царство Великаго Могола въ большомъ количествѣ, тѣмъ не менѣе оно чрезвычайно быстро исчезаетъ изъ обращенія; 2) тираннія губернаторовъ и военныхъ феодаловъ ужасна. Надъ крестьяниномъ и ремесленникомъ тяготѣетъ такой сильный гнетъ, что они почти умираютъ отъ голода и всякими способами стараются избавиться отъ выпавшей имъ доли. Только силою можно еще принудить крестьянина къ обработкѣ земли. Каналы и строенія разрушаются, потому что лишенный собственности рабочій не имѣетъ никакого интереса работать для тирановъ. Ремесленники не находятъ никакихъ покупателей для своихъ издѣлій среди обнищавшихъ крестьянъ; для богачей же не стоитъ работать, ибо они дурно или совсѣмъ ничего не платятъ. Съ отсутствіемъ правосудія соединяется глубокое невѣжество населенія, а упадокъ земледѣлія и всякой промышленности ведетъ къ прекращенію какой бы то ни было торговой дѣятельности.

---

[1]) Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté, Amsterdam 1690, стр. 15. Эта анонимная брошюра составлена Жюрье.

[2]) Histoire de la dernière revolution des états du Grand Mogol, Paris 1670: въ этой книгѣ (т. II, стр. 191 — 294) включено и сочиненіе: Lettre sur l'état de l'Hindoustan.

Три восточныхъ государства, Турція, Персія и Индостанъ, въ которыхъ подданные не пользуются правомъ частной собственности на землю, т. е. тѣмъ, что составляетъ основу всего прекраснаго и добраго въ мірѣ,—эти три государства должны поэтому весьма походить другъ на друга Они страдаютъ отъ одного и того же недостатка и должны поэтому рано или поздно испытать всѣ гибельныя и неизбѣжно вытекающія изъ него послѣдствія: тираннію, разореніе и полное запустѣніе. Поэтому-то хорошо, что европейскіе монархи не состоятъ собственниками всей земли. Иначе они скоро сдѣлались бы королями пустынь, нищихъ и варваровъ, какъ это и случилось съ восточными монархами. Желая всѣмъ владѣть, они въ концѣ концовъ губятъ все и лишаются богатствъ; ослѣпленные своимъ честолюбіемъ и низменными страстями, они жаждутъ богатства, чтобы въ своей абсолютной власти преступить все, дозволенное божескими и естественными законами. Послѣ этихъ декламацій Бернье самъ себѣ ставитъ нѣсколько возраженій, которыя онъ, конечно, побѣдоносно отражаетъ.— Но вѣдь существуютъ же государства, въ которыхъ нѣтъ частной собственности!—такъ возражаетъ онъ самому себѣ.—Да, отвѣчаетъ онъ затѣмъ, но они находятся въ состояніи совершеннаго упадка.—Но почему не могутъ эти государства имѣть хорошіе законы? Почему жители провинцій не могутъ приносить жалобы королю и великому визирю?—Да потому что если бы они даже имѣли хорошіе законы, то они не соблюдались бы; приносить жалобы крестьяне и ремесленники не въ состояніи, потому что для этого имъ недостаетъ ни денегъ, ни силъ. — Но вѣдь и во Франціи существуютъ земельныя владѣнія у короля.—Совершенно вѣрно; но большая разница, владѣетъ ли король въ какомъ-нибудь крупномъ государствѣ нѣкоторыми земельными участками на правѣ личной собственности, что не измѣняетъ ни формы государства, ни системы его управленія, или владѣетъ онъ всѣмъ земельнымъ имуществомъ, что привело бы къ полному измѣненію формы государственнаго правленія.—Но зато въ такомъ государствѣ не бываетъ сложныхъ и продолжительныхъ судебныхъ тяжбъ. Уничтожая понятія о «моемъ» и «твоемъ», мы уничтожаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ безчисленнаго множества процессовъ, которые въ настоящее время имѣютъ столь крупное значеніе. Число судей тогда могло быть сильно сокращено, и многія лица, только живущія этими процессами, оказались бы излишними. Совершенно вѣрно; но состояніе правосудія въ царствѣ Великаго Могола таково, что оно является простой комедіей и безконечно хуже нашего.

Уничтоженіе собственности на землю, такъ заключаетъ авторъ свое изслѣдованіе, въ то же время неизбѣжно ведетъ къ тиранніи и рабству, къ несправедливости, нищетѣ и варварству и открываетъ широкую дорогу къ

разоренію и гибели человѣческаго рода, королей и государствъ. Напротивъ, понятія «мое» и «твое», связанныя съ надеждою, что, работая, мы работаемъ для своего собственнаго блага и блага своихъ дѣтей, никѣмъ не нарушаемаго, составляютъ основной фундаментъ красоты и добра во всемъ мірѣ. Каждый, кто сравниваетъ различныя страны и государства и обращаетъ при этомъ особенное вниманіе на различныя формы собственности, убѣдится, что эти послѣднія и служатъ причиною этихъ различій и что имъ слѣдуетъ приписать цвѣтущее состояніе однихъ странъ и разореніе другихъ.

Мы видимъ, что Бернье энергично борется въ этомъ письмѣ съ проектомъ монархіи превратить всю землю въ государственную собственность и горячо отстаиваетъ право индивидуума на частное владѣніе землею. На примѣрѣ Индостана, царства Великаго Могола онъ старается показать, съ какими гибельными послѣдствіями связана государственная монополія на землю, но приводимыя имъ возраженія разбиваютъ въ сущности деспотизмъ, а не государственную собственность, какъ таковую. Картина хозяйственнаго разоренія подъ вліяніемъ деспотическаго режима изображена имъ ярко и живо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ явно напоминаетъ состояніе Франціи того времени, что невольно начинаешь видѣть въ индостанскомъ деспотизмѣ точное отраженіе положенія французской монархіи. Впрочемъ, сравненіе абсолютистскихъ стремленій французскихъ королей съ деспотіей султана было самымъ любимымъ пріемомъ у памфлетистовъ уже во времена лиги; свои нападки на французскую монархію они всегда облекали въ болѣе или менѣе скрытую форму нападокъ на султана. Такъ въ 1576 г. неизвѣстный авторъ брошюры L'antipharmaque du chevalier Poncet разсказываетъ, что Генрихъ III собралъ совѣтъ, чтобы выслушать докладъ рыцаря Понсэ послѣ его возвращенія съ Востока. Послѣдній, охарактеризовавши неограниченную власть султана, предложилъ ввести такой же порядокъ во Франціи. Съ этой цѣлью слѣдовало прежде всего разорить аристократію и избавиться отъ всѣхъ принцевъ и крупныхъ сеньоровъ; остальную же аморфную массу («foule confuse») легко было бы подчинить [1]). Эту политику приписывали также и Ришелье [2]).

[1]) *P. Weill*, Les théories..., стр. 125 и слѣд. упоминаетъ еще о двухъ другихъ памфлетахъ временъ лиги: La France-Turquie и Les lunettes de cristal de roche par lequel à même obéissance que la Turquie. О такихъ же памфлетахъ, направленныхъ противъ Людовика XIV, упомяну еще: L'Alcoran de Louis XIV, 1695; Conversation du bouffon du grand-visir avec celui de Telequi 1684.

[2]) Ср. J. Meslier, Le Testament ed. R. Charles II, стр. 261, гл. LVII, гдѣ находится извлеченіе изъ брошюры: Salut de l'Europe en l'an 1694.

По словамъ Жюрье, иниціатива въ этомъ случаѣ исходила отъ Кольбера. «Если когда-нибудь, восклицаетъ онъ, предостерегая аристократію, явится болѣе смѣлый министръ финансовъ, чѣмъ Кольберъ, то у васъ отнимутъ въ одинъ день всѣ ваши наслѣдственныя имѣнія, и вы будете платить государю ренту за вашу частную собственность!» Какъ могъ Кольберъ дойти до такого плана, который прежде всего грозилъ имущественному положенію дворянства? Дѣло въ томъ, что независимость дворянства была совершенно сломлена неудачею фронды, и бояться ихъ федералистическихъ тенденцій уже не приходилось; такимъ образомъ только соображенія фискальной политики могли побудить Кольбера къ подобнаго рода шагу. Если бы было провозглашено право собственности короля на всю землю государства, то тѣмъ самымъ была бы уничтожена свобода дворянства отъ налоговаго бремени; оно, какъ выражается Жюрье, должно было бы уплачивать ренту съ своей собственности государю [1]).

Съ мыслью о томъ, что королю принадлежитъ право частной собственности на всю землю, мы встрѣчаемся еще нѣсколько разъ въ царствованіе Людовика XIV. Такъ, прежде всего она повторяется въ 1692 г. въ одномъ фискальномъ эдиктѣ объ аллодіальныхъ земляхъ; затѣмъ самъ король формулируетъ ее въ извѣстномъ мѣстѣ инструкціи, составленной для дофина: «Все, что находится на пространствѣ нашихъ государствъ, къ какой бы категоріи предметовъ то ни относилось, принадлежитъ намъ на одинаковомъ правовомъ основаніи. Вы должны проникнуться мыслью, что короли по природѣ являются полными и свободными распорядителями всѣхъ имуществъ, находящихся во владѣніи духовныхъ и мірянъ, для того, чтобы во всякое время, подобно мудрымъ хозяевамъ, сдѣлать изъ нихъ такое употребленіе, какое будетъ соотвѣтствовать общимъ нуждамъ ихъ государства». Въ послѣдній разъ къ этому принципу возвратились въ 1710 г. Въ чрезвычайно затруднительномъ финансовомъ положеніи, въ

Ришелье замѣтилъ, что среди всѣхъ монархій только Оттоманская имперія обладаетъ болѣе сильною и болѣе прочною устойчивостью, такъ что она всегда сохранялась въ цѣлости на всемъ своемъ протяженіи... въ то время какъ другія вслѣдствіе роскоши, ослабленія дисциплины и честолюбія аристократовъ сами собою распадались... Поэтому ему приходило въ голову преобразовать французскую монархію на такихъ же началахъ.

[1]) *H. Doniol*, Histoires des classes rurales, Paris 1865, стр. 407 и слѣд. держится того взгляда, что письмо Бернье написано подъ вліяніемъ Кольбера и излагаетъ его воззрѣнія. Это неосновательное утвержденіе опровергается разсказомъ Жюрье въ „Soupirs“. Бонмеръ въ своей книгѣ La France sous Louis XIV“ Paris 1864, II, стр. 212, приписываетъ этотъ разговоръ съ Бернье преемнику Кольбера, Поншартену, и относитъ его къ 1693 г. Но „Soupirs“ появились около 1690 г.

которомъ тогда очутилось государство, прибѣгли къ «королевской десятинѣ» («Dime royale»), какъ это уже нѣсколько лѣтъ раньше рекомендовалъ Вобанъ, чѣмъ однако только навлекъ на себя немилость короля. Теперь же эта десятина была введена, но съ тѣмъ различіемъ, что съ введеніемъ Dime не отмѣнялись остальные налоги, какъ это проектировалъ Вобанъ въ развитой имъ системѣ. Сомнѣнія, возникшія въ Людовикѣ XIV насчетъ этого новаго грабежа, были побѣдоносно устранены его духовникомъ, іезуитомъ Летелье, съ помощью авторитета выдающихся докторовъ Сорбонны, которые вынесли рѣшеніе, утверждавшее, что король есть единственный собственникъ всѣхъ имуществъ своихъ подданныхъ, въ сущности только управляющихъ ими отъ имени короля [1]).

IV. Хлѣбная политика Ancien Régime'а.

Та же мысль лежала въ основѣ хлѣбной политики, которой слѣдовалъ въ теченіе цѣлаго столѣтія Ancien Régime. Какъ собственникъ всѣхъ имуществъ своихъ подданныхъ, король имѣетъ также право вмѣшиваться въ управленіе этимъ имуществомъ, которое предоставлено имъ лишь въ простое пользованіе; и не только право, но и обязанность заботиться о томъ, чтобы этимъ имуществомъ управляли въ интересахъ всего государства. «Его величество, говорится во введеніи къ указу государственнаго совѣта 5 сентября 1693 г., вполнѣ проникнутъ той мыслью, что онъ прежде всего долженъ обратить вниманіе на то, чтобы обезпечить его подданнымъ необходимое и достаточное продовольствіе, и для исполненія этой обязанности онъ не хочетъ упустить ничего, что могло бы вести къ этой цѣли» [2]). Но такъ какъ въ то время зерновой хлѣбъ, какъ важнѣйшій предметъ народнаго питанія, имѣлъ гораздо большее значеніе, чѣмъ нынѣ,

[1]) *Bonnemère*, La France sous Louis XIV, II, стр. 462.

[2]) Этотъ взглядъ на задачу государства исчезъ лишь тогда, когда буржуазія добилась неоспоримаго господства. Еще въ XVIII вѣкѣ онъ пользовался всеобщимъ признаніемъ. Такъ, Монтескье въ Esprit des lois, 1748, кн. XXIII, гл. 29, говоритъ: „Какая-нибудь милостыня, подаваемая голому бѣдняку на улицѣ, не замѣняетъ обязанности государства обезпечить всѣмъ своимъ гражданамъ прочное существованіе, пропитаніе, сносную одежду и не вредный для здоровья образъ жизни". Гарантированное государствомъ право на существованіе было такимъ положеніемъ, которое въ концѣ вѣка оспаривалось такъ же мало, какъ и въ началѣ, и пріобрѣло почти значеніе догмата: „Каждый человѣкъ имѣетъ право на свое существованіе", говорится въ Plan de travail du comité pour l'extinction de la mendicité 1789 г.

то, само собою разумѣется, регулированіе хлѣбной торговли, особенно въ періоды неурожая, но также и въ періоды обильныхъ жатвъ, составляло одну изъ крупнѣйшихъ задачъ правительства. Такъ какъ народъ и въ періоды дороговизны, въ которыхъ не было недостатка при «старомъ режимѣ», обращался немедленно къ интендантамъ, этимъ тридцати управителямъ Франціи, и, «казалось, отъ нихъ только и ждалъ пропитанія» [1]), то въ такое именно время торговля совершенно прекращалась и все бремя заботы падало на правительство. Въ оффиціальныхъ документахъ высказывалась мысль, что собственность на зерновой хлѣбъ менѣе священна, чѣмъ собственность на какой либо другой предметъ [2]), и еще въ 1770 г., шесть лѣтъ до реформаторской попытки Тюрго, въ одномъ «Мемуарѣ» указывалось, какъ на обязанность главы семьи (короля), регулированіе распредѣленія этого всеобщаго богатства (зернового хлѣба), на которое имѣютъ равное естественное право всѣ подданные государства, въ существованіи и спокойствіи которыхъ оно такъ заинтересовано [3]). За необходимость вмѣшательства правительства въ хлѣбную торговлю говорили еще и другія соображенія, которыя съ необыкновенною силою апеллировали къ народнымъ страстямъ. Въ то время вообще такъ глубоко были убѣждены въ плодородіи французской почвы, что сборъ хорошаго урожая считали достаточнымъ для удовлетворенія двухъ-трехлѣтней потребности въ хлѣбѣ, и потому бѣдствіе дороговизны приписывалось спекуляціямъ безчестной торговли. Причинъ часто наступавшей дороговизны искали всюду: обвиняли спекулянтовъ, интендантовъ, генеральнаго контролера финансовъ. короля; истинныхъ же экономическихъ причинъ ея не замѣчали. Господствовавшій въ народѣ взглядъ раздѣлялся также и оффиціальнымъ правительствомъ и магистратурой. Такъ, въ введеніи къ деклараціи 13 августа 1699 г. говорится: «Мѣры, которыя были приняты нами въ послѣдніе годы для обезпеченія нашего народа въ нѣкоторыхъ нуждающихся провинціяхъ хлѣбомъ и другою помощью, убѣдили насъ, что причина, болѣе всего усиливающая нижду, кроется не столько въ дороговизнѣ, сколько въ корыстолюбіи опредѣленныхъ частныхъ лицъ» [4]);

---

[1]) *Toqueville*, Ancien Regime et la revolution, Paris 1856, стр. 110.

[2]) Oeuvres de Burgot, т. I, стр. 223, цитируется у *Біоллэ*, Etudes économiques sur le XVIII siècle, Paris, 1885, стр. 21, который въ своей книгѣ даетъ подробную характеристику хлѣбной политики „стараго режима“.

[3]) Memoires sur la police de Paris en 1770 въ Memoires de la société de l'histoire de Paris, V, стр. 117, цитировано у *Biollay*, Etudes etc. стр. 22.

[4]) Ср. также указъ государственнаго совѣта отъ 13 октября 1693 г.: дороговизна хлѣба есть слѣдствіе подлыхъ мошенничествъ купцовъ и другихъ дѣятельныхъ въ торговлѣ лицъ, которые припрятали хлѣбъ, чтобы поднять его цѣну въ Парижѣ.

«жадности нѣсколькихъ скрягъ, приносящихъ въ жертву своему преступному и грязному барышничеству священнѣйшіе интересы религіи и общества, а часто даже и интересы общаго государственнаго блага» [1]), и приписывалась главная вина.

Впервые активно вмѣшалось правительство въ торговлю хлѣбомъ въ 1662 г., когда страну посѣтилъ страшный голодъ. Кольберъ назначилъ на покупку хлѣба въ Данцигѣ не малую сумму въ 2 милліона ливровъ. Вся операція совершалась при широкой гласности. Особымъ ордонансомъ объявлялось гражданамъ, «что его величество распорядился о доставкѣ въ его добрый городъ Парижъ извѣстнаго количества хлѣба, который будетъ раздаваться въ галлереяхъ Лувра по цѣнѣ въ 26 ливровъ за сетье ($1^1/_2$ гектолира) и что желающіе получить его должны обращаться къ комиссару соотвѣтствующаго квартала для полученія отъ него удостовѣренія о мѣстѣ жительства и заказывать желательное количество хлѣба, который затѣмъ и долженъ былъ выдаваться вѣсомъ до одного сетье и ниже [2]). Для государственной кассы эта операція закончилась безъ всякаго убытка, а можетъ быть еще и съ небольшою прибылью. Эти хлѣбныя закупки повторялись въ 1684 и въ 1693 гг. Во время дороговизны 1689 г. правительство не вмѣшивалось вслѣдствіе полнаго безденежья; еще менѣе могло оно вмѣшаться въ страшный 1709 годъ, когда закупкѣ хлѣба за границей мѣшала, кромѣ того, война; въ 1713 г. снова была совершена операція закупки, повлекшая за собою убытокъ въ 600.000 ливровъ. Хлѣбная политика Кольбера имѣла въ виду прежде всего интересы потребителей, а затѣмъ уже интересы крестьянъ-производителей. Королевская власть имѣетъ право распоряжаться хлѣбными жатвами, которыя являются «продуктомъ плодородія почвы и температуры климата, въ нѣкоторомъ родѣ свободнымъ даромъ провидѣнія»; она заботится о томъ, чтобы крестьянинъ уплачивалъ свои налоги и арендную плату; она содѣйствуетъ тому, чтобы онъ могъ извлекать нѣкоторую прибыль изъ своей работы; но прежде всего необходимо позаботиться о томъ, чтобы не доводить народа до такого положенія, въ которомъ ему приходится жаловаться на дороговизну хлѣба [3]). Поэтому-то правительство интересовалось хлѣбной торговлей и хлѣбными цѣнами только въ періоды дороговизны. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда бывала слишкомъ обильная жатва и хлѣбныя цѣны падали такъ низко, что крестьянину почти не-

[1]) *Delamare*, Traité de la police II, стр. 944; цитировано у *Biollay*, Etudes, стр. 14.

[2]) *Delamare*, Traité de la police II, стр. 1033; цитировано у *Biollay*, Etudes..., стр. 35.

[3]) *Biollay*, Etudes etc., стр. 81 и 82.

возможно было продавать своего хлѣба, а правительству или, вѣрнѣе, его откупщикамъ также невозможно было собрать налоговъ, оно рѣшалось допустить вывозъ; еще рѣже заходило оно такъ далеко, чтобы рѣшиться на уничтоженіе вывозныхъ пошлинъ. Въ общемъ правительство крайне неохотно занималось этими операціями, ибо за одно и то же количество хлѣба, ввезеннаго въ періодъ дороговизны, за границу уплачивалась большая сумма денегъ, чѣмъ та, которую уплачивали странѣ за хлѣбъ, вывезенный за границу въ періодъ урожая; словомъ, потому, что результатъ этихъ ввозныхъ и вывозныхъ операцій противорѣчилъ такъ называемой политикѣ меркантилизма [1]), которой оно слѣдовало. При такихъ обстоятельствахъ должна была возникнуть мысль о помѣщеніи избытка обильныхъ урожаевъ въ общественныхъ складахъ. Эта мысль уже была высказана въ 1577 г. въ одномъ ордонансѣ, которымъ предписывалось «добрымъ городамъ» имѣть въ общественныхъ амбарахъ запасы хлѣба въ количествѣ, разсчитанномъ на трехмѣсячное потребленіе. Этотъ ордонансъ остался однако только на бумагѣ; не больше успѣха имѣло и предложеніе собранія нотаблей 1626 г. о повтореніи этого ордонанса. Въ 1688 и 1691 гг. правительство Людовика XIV пыталось осуществить этотъ проектъ, но съ самаго начала наткнулось на финансовыя и другія препятствія. Во время регентства этотъ проектъ былъ возобновленъ. «Составленный государственнымъ совѣтомъ планъ объ устройствѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ въ провинціи, говорилось въ ордонансѣ 1717 г., и соотвѣтствующихъ этой цѣли учрежденій на берегахъ судоходныхъ рѣкъ можетъ быть для народа только выгодно и помѣшаетъ повторенію такихъ бѣдствій, которыя имѣли мѣсто въ 1700, 1710, 1713 и 1714 гг.» [2]). Этотъ планъ былъ осуществленъ только при Людовикѣ XV. Такъ какъ операціи по закупкѣ и продажѣ хлѣба были окружены большой тайной, то въ народѣ скоро возникло подозрѣніе, что на этихъ операціяхъ король ничего не теряетъ что онъ спекулируетъ на голодѣ своихъ подданныхъ и позорнѣйшимъ образомъ наживается. Ниже мы еще возвратимся къ

---

[1]) Подъ меркантилизмомъ понимаютъ извѣстную совокупность основныхъ экономическихъ воззрѣній, которыя въ началѣ новаго времени оказывали рѣшительное вліяніе на взгляды экономическихъ писателей и государственныхъ дѣятелей, близкихъ къ области хозяйственной политики, Важнѣйшія изъ заслуживающихъ тутъ вниманія воззрѣній слѣдующія: 1) Чѣмъ большимъ количествомъ денегъ обладаетъ страна, тѣмъ больше ея богатство. 2) Источникомъ обогащенія благородными металлами служитъ внѣшняя торговля. 3) Богатство возрастаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше продаютъ за границу и чѣмъ меньше покупаютъ за границей Handwörterbuch der Staatswissenschaften, IV, стр. 1168.

[2]) Цитировано у *Biollay*, Etudes, стр. 41.

этому и разсмотримъ, дѣйствительно ли существовалъ когда-нибудь такой «Pacte de famine» и какъ широко было его распространеніе.

ГЛАВА II.

Крестьяне и сельское духовенство.

I. Крестьяне.

Одинъ англійскій писатель назвалъ исторію крестьянскаго сословія «Via dolorosa»; да именно Via dolorosa, но такая, наряду съ потрясающею трагедіею которой страданія сына іудейскаго плотника совершенно блѣднѣютъ и тонутъ, какъ слеза въ морѣ. Здѣсь одинъ человѣкъ въ одинъ день совершилъ тернистый путь страданій; тамъ множество милліоновъ людей въ теченіе столѣтій медленно бредутъ по via dolorosa. Исторія Ancien Régime'а резюмируется въ трехъ словахъ: война, чума, голодъ; и гдѣ находили эти три человѣческихъ бича болѣе жертвъ, чѣмъ среди крестьянъ? Крестьянство—это живой, мыслящій, но погруженный во тьму варварства, окруженный ядовитыми испареніями нужды и нищеты фундаментъ, на которомъ возвышается, гордо устремляясь въ высь чистой лазури, стройный обликъ, залитый лучами сіяющаго счастья. Его поразило проклятіе, болѣе страшное, чѣмъ проклятіе ветхозавѣтнаго Бога, обрекшаго, казалось. человѣка того времени на искупленіе грѣховности всего человѣческаго рода: въ потѣ лица своего добывать хлѣбъ свой. «Евангеліе труда» казалось тогдашнимъ людямъ проклятіемъ; чѣмъ показалось бы имъ «Евангеліе нынѣшняго труда?»—Крестьянинъ, французскій крестьянинъ обрабатывалъ землю, только не свою, въ потѣ лица своего, но не ѣлъ хлѣба; онъ бралъ жену, приживалъ съ нею сыновей, но у него отбирали его сыновей и отсылали въ чужія земли проливать кровь за короля, который ему является лишь въ образѣ откупщика налоговъ, жандарма, солдата—словомъ, въ образѣ демона хищенія; крестьянинъ бралъ жену и приживалъ съ нею дочь,—но налетала на деревню свора бандитовъ благороднаго и неблагороднаго происхожденія, и на его глазахъ безчестили его жену и дочь. Да, безобидною шуткою, почти благословеніемъ должно было казаться ему то проклятіе Божіе, сравнительно съ его собственными страданіями.

О, горе, горе, горе, горе!
Прелаты, князья и вы добрые господа,
Горожане, купцы, законовѣды,
Ремесленники, большіе и малые,

Вы, рыцари и люди трехъ сословій,
Вы, которые живете отъ трудовъ крестьянъ,
Подайте намъ какую-нибудь добрую помощь.
Мы должны жить и въ ней—наше спасеніе;
Мы лишились всякаго утѣшенія и радости;
Насъ почти совсѣмъ погубили,
Ибо нѣтъ у насъ больше ни вина, ни хлѣба... [1])

такъ начинается стихотвореніе, изображающее жизнь крестьянина XV столѣтія. Его одинаково можно было бы отнести къ XVI, XVII и XVIII столѣтіямъ—и мысль о томъ, что крестьянинъ и нищета—двѣ вещи нераздѣлимыя, что пока существуетъ Жакъ Бономъ, существуетъ и вѣрная его спутница, нищета, поселившаяся въ его хижинѣ,—эту полную отчаянія мысль французская народная мудрость выразила въ легендѣ «Bonhomme Misère» (Крестьянинъ Нищета) тѣмъ болѣе трогательно, чѣмъ рѣзче оказывается контрастъ между потрясающимъ содержаніемъ ея и юмористическою формою, въ которую она облечена. Два бѣдныхъ путешественника, такъ гласитъ исторія, недружелюбно выпровоженные однимъ богатымъ буржуа, постучались къ бѣдному крестьянину, Bonhomme Misère, и попросили его о помощи. Несмотря на свою страшную бѣдность, крестьянинъ принялъ ихъ весьма радушно. На слѣдующее утро оба путешественника, которые были не кто иные, какъ св. Петръ и св. Павелъ, предложили своему хозяину выразить какое-нибудь желаніе, объ исполненіи котораго они будутъ молить Бога. Мизеръ, обладавшій прекраснымъ грушевымъ деревомъ, которое обезпечивало ему половину содержанія, но прекрасные плоды котораго обыкновенно похищалъ его злой сосѣдъ, попросилъ своихъ гостей только о томъ, чтобы каждый, кто будетъ лѣзть на грушевое дерево безъ его разрѣшенія, вынужденъ былъ оставаться на немъ столько времени, сколько этого онъ (Мизеръ) пожелаетъ. Желаніе это было исполнено, и путешественники уѣхали. Пришелъ скоро къ дереву злой сосѣдъ и попался въ плѣнъ. Но Мизеръ, какъ истинный bonhomme, отпустилъ его. Когда Мизеръ состарился, пришла однажды за нимъ смерть. Однако Мизеръ, который, несмотря на всѣ свои страданія, цѣпко держался за жизнь, хотѣлъ схитрить со смертью и попросилъ сорвать ему яблоко, чтобы поѣсть его передъ кончиной, такъ какъ самъ онъ уже не въ силахъ взобраться на дерево. Смерть очень охотно исполнила желаніе крестьянина и попалась. Чтобы сойти какъ-нибудь съ дерева, она должна была вступить съ нимъ въ переговоры и обѣщала ему прійти за нимъ не раньше страшнаго суда; потому-то Мизеръ и останется на землѣ до тѣхъ поръ,

---

[1]) Цитировано у Laymarie, Histoire des paysans en France, II, стр. 632 и слѣд.

пока будетъ существовать міръ [1]). Платить, служить, терпѣть,—въ этихъ словахъ резюмируется вся исторія крестьянина, котораго королевскій фискъ, деревенскій хищникъ, жадный утонченный буржуа сосали и эксплоатировали съ удивительнымъ единодушіемъ. И Жакъ Бономъ платилъ, служилъ и терпѣлъ сверхъ всякихъ человѣческихъ силъ. Когда же мѣра страданій достигала крайнихъ предѣловъ и въ мозгу крестьянина зарождалась смѣлая, хотя и смутная, мысль, ставившая передъ его сознаніемъ вопросъ: почему и въ силу какихъ законоположеній долженъ онъ терпѣть все это, тогда Жакъ Бономъ поднимался, избивалъ своихъ палачей въ такомъ количествѣ, сколько успѣвалъ захватить, сжигалъ ихъ замки и дома и грабилъ, гдѣ только могъ. Дѣлаясь свободнымъ человѣкомъ на нѣсколько мгновеній, онъ начиналъ жить вольною жизнью и говорилъ дикія слова о равенствѣ всѣхъ, кто носитъ человѣческій обликъ. Потомъ наступала для него пора страшной расплаты; на него налетали военныя полчища съ рыцарями во главѣ и во имя короля, вѣрноподданнымъ котораго онъ всегда сознавалъ себя, его начинали вѣшать, колесовать, четвертовать, насиловали его жену и дочерей, сжигали его домъ и предавали истребленію все, что принадлежало ему. И Жакъ Бономъ, совершенно уничтоженный, снова платилъ, служилъ и терпѣлъ.

Въ мою задачу не входитъ писать исторію крестьянина; но на нѣкоторыхъ этапахъ его Via dolorosa мы должны остановиться, чтобы понять тотъ фанатизмъ, ту ненависть, съ которыми позднѣе первый французскій коммунистъ, приходскій священникъ Мелье, нападалъ на королевскую власть и дворянство, на духовенство и буржуазію,—словомъ, на этотъ паразитическій классъ имущихъ.

Вернемся на минуту назадъ, къ XII столѣтію и посмотримъ, какъ измѣнилось положеніе крестьянина, перешедшаго отъ состоянія неимущаго и безправнаго крѣпостного къ положенію зависимаго наслѣдственнаго арендатора. Тяготѣвшія на немъ повинности мы можемъ раздѣлить на три группы: личныя вытекающія изъ прирожденнаго и предаваемаго по наслѣдству несвободнаго состоянія; вещныя, которыя крестьянинъ долженъ нести за пользованіе землею и которыя свидѣтельствовали тѣмъ самымъ о собственническихъ правахъ земледѣльца; ленныя, которыя лежали на крестьянинѣ, какъ на держателѣ лена, вассалѣ, покровительствуемомъ феодальнымъ сеньоромъ, обезпечивавшимъ ему защиту въ его ленномъ владѣніи. Къ личнымъ повинностямъ принадлежали подушная подать, барщинныя работы (corvées), которыя однако отличались большей частью умѣрен-

---

[1]) *A. Feillet*, La misère au temps de la Fronde et Saint Vincen e Paul, Paris 1862, полагаетъ, что эта легенда возникла во времена Фронды.

ностью и продолжительность которыхъ точно опредѣлялась «кутюмами» (обычнымъ правомъ) въ 12 дней въ году и не болѣе трехъ дней въ мѣсяцъ. Поземельная подать (champart), самая крупная изъ вещныхъ повинностей, уплачивалась сельскохозяйственными продуктами и скотомъ. Она составляла большей частью половину дохода и взималась сеньоромъ впереди до сбора жатвы. Къ этой же категоріи принадлежалъ цѣлый рядъ помѣщичьихъ правъ и привилегій (banalités), опутывавшихъ крестьянина на каждомъ шагу. Таковы: право помола, въ силу котораго крестьянинъ обязанъ былъ молоть свое зерно на сеніоріальной мельницѣ, право печенія хлѣба, обязывавшее крестьянина печь свой хлѣбъ въ сеніоріальныхъ печахъ, право винограднаго пресса, вынуждавшее его свозить свой виноградъ въ сеніоріальныя давильни, винное право, заставлявшее его утолять въ опредѣленное время года свою жажду въ сеніоріальныхъ кабакахъ—и все это сопровождалось, конечно, внесеніемъ опредѣленной платы сеніоріальнымъ управителямъ. Не менѣе многочисленны были ленныя услуги и обязательства, которыми крестьянинъ оплачивалъ благодѣяніе своего наслѣдственнаго владѣльца за то, что тотъ только одинъ соглашался высасывать изъ него соки, не желая дѣлить ихъ съ какою-нибудь другою воровскою шайкою. На крестьянинѣ, какъ на вассалѣ своего господина, лежало обязательство являться съ своимъ corpus vile (подлымъ тѣломъ) для отправленія военной службы, сторожевой службы при замкѣ или на иномъ наблюдательномъ посту и для исполненія всякихъ другихъ военныхъ операцій. Денежную помощь онъ долженъ былъ оказывать прежде всего въ тѣхъ четырехъ случаяхъ, въ которыхъ каждый вассалъ обязанъ былъ ее оказывать своему ленному господину: при выкупѣ его изъ плѣна, при отправленіи его ко святымъ мѣстамъ, при посвященіи его старшаго сына въ рыцарское достоинство и при свадьбѣ старшей дочери. Такъ какъ поломничество ко святымъ мѣстамъ все болѣе и болѣе выходило изъ обычая, то сеньоръ (ленный господинъ), вмѣсто взиманія средствъ на него, сталъ доставлять крестьянамъ честь помогать ему при надѣленіи приданымъ всѣхъ его дѣтей. Размѣры этой помощи опредѣлялись волею, усмотрѣніемъ, произволомъ, милосердіемъ. Если ленный господинъ предпринималъ вмѣстѣ съ своею свитою путешествія, то крестьянину же приходилось заботиться объ ихъ пріютѣ, пищѣ и питьѣ; droit de prise давало ленному господину право забирать у крестьянъ жизненные продукты и всякую домашнюю утварь и назначать за все это цѣну по своему усмотрѣнію. Однимъ изъ самыхъ страшныхъ бичей для крестьянина было droit de chasse, de garenne, de colombier (право охоты, право разведенія кроликовъ и голубей), съ которыми для него были связаны тяжкія охотничьи повинности. Платежи при переходѣ владѣнія въ другія руки (lods et ventes), слу-

жившіе смягченіемъ обычая, въ силу котораго сеньоръ былъ единственнымъ наслѣдникомъ имущества, остававшагося послѣ его крѣпостныхъ, имѣвшихъ manus mortua, т. е. лишенныхъ всякаго права распоряжаться своимъ имуществомъ (отсюда названіе mainmortables для всѣхъ лицъ несвободнаго состоянія), испрашиваніе разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, составляющее смягченное jus primae noctis (право первой ночи) и тому подобныя позорящія и смѣшныя феодальныя повинности, поименное перечисленіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно одного поверхностнаго обзора значительнѣйшихъ изъ этихъ повинностей, чтобы убѣдиться, что участь французскаго крестьянина къ концу XVI вѣка была весьма незавидна.

Вліяніе крестовыхъ походовъ, въ связи съ увеличеніемъ имущества духовенства и одновременнымъ возникновеніемъ городовъ, преобразованіе французскаго феодальнаго государства въ XIII вѣкѣ, благодаря неслыханному расширенію королевскихъ помѣстій, черная смерть—всѣ эти факторы съ теченіемъ времени привели къ значительному облегченію положенія крѣпостныхъ посредствомъ перехода ихъ въ состояніе полусвободныхъ и рѣдко совершенно свободныхъ людей. Освобожденіе состояло въ отмѣнѣ наиболѣе характерныхъ и самыхъ тяжкихъ формъ крѣпостной зависимости путемъ опредѣленнаго выкупа, освобождавшаго отъ несенія этихъ феодальныхъ повинностей при безусловномъ сохраненіи всѣхъ остальныхъ феодальныхъ правъ. Такъ jus primae noctis превратилось въ испрашиваніе разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, покупаемаго за извѣстную сумму денегъ; Taille à merci была болѣе или менѣе ограждена отъ произвола помѣщика такъ называемой подпиской на точно опредѣленные налоги. Право охоты, droit de prise, сторожевая служба были значительно ограничены. Въ этомъ состояніи крѣпостной зависимости или полусвободы находилось преобладающее большинство французскаго сельскаго населенія въ началѣ XVI вѣка и оставалось въ немъ неизмѣнно до послѣднихъ десятилѣтій XVIII столѣтія.

Кромѣ этихъ феодальныхъ повинностей на крестьянинѣ же, главнымъ образомъ, лежали и позднѣйшіе налоги абсолютной монархіи. Помимо доходовъ съ «Domaine» (коронныя владѣнія) королевская власть сумѣла создать себѣ независимые доходы, которые взимались на всемъ пространствѣ государства. Это прежде всего «талія»—налогъ въ одно и то же время, взимавшійся съ лица, съ движимаго и недвижимаго имущества. Созданный вначалѣ только для покрытія военныхъ издержекъ, собираемый неправильно, налогъ этотъ при Карлѣ VII сдѣлался постояннымъ, независящимъ отъ рѣшенія сословій королевства или собранія сословій какой-нибудь провинціи. Сборъ этого налога вначалѣ находился въ рукахъ землевладѣльца. Но въ 1355 г. онъ перешелъ въ руки генеральныхъ штатовъ, поручив-

шихъ это дѣло оберъ-интендантамъ и «выборнымъ» (élus), за которыми было оставлено право и опредѣленія цифры налога. Позднѣе Карлъ V присвоилъ себѣ право назначать чиновниковъ-сборщиковъ въ большей части Франціи, въ «pays d'élection», тогда какъ въ «pays d'état» эта привилегія была оставлена за провинціальными штатами. Дворянство и духовенство были свободны отъ «таліи», такъ что почти половина государственныхъ доходовъ поступала прямо отъ третьяго сословія и главнымъ образомъ отъ крестьянъ. Вторымъ самымъ крупнымъ налогомъ въ королевствѣ былъ соляной налогъ (gabelle), съ которымъ связано было обязательное потребленіе соли, введенное для повышенія суммы соляного дохода. Ни одинъ налогъ не вызывалъ столько ненависти и столь частыхъ народныхъ возстаній, какъ именно этотъ налогъ. Въ арміи сборщиковъ его, въ gabeleurs, крестьянинъ видѣлъ своихъ злѣйшихъ враговъ и довольно часто давалъ исходъ своей ненависти въ безпощадныхъ убійствахъ этихъ кровожадныхъ вампировъ. Прекрасную оцѣнку соляному налогу даетъ Франсуа Гримодэ во время выборовъ депутата въ Генеральные Штаты въ октябрѣ 1560 г. «Существуетъ ненавистный и непопулярный налогъ—это соляной налогъ. Крестьянинъ еще примирился бы съ тѣмъ, что король извлекаетъ для себя изъ него нѣкоторый доходъ, если бы не соляные торговцы, откупщики, контролеры, жандармы, чиновники, врывающіеся въ дома бѣдныхъ людей и отнимающіе домашнюю утварь и платье, данныя имъ Богомъ. И отнимая эти вещи, они большей частью заставляютъ крестьянъ являться къ ихъ суду, гдѣ нѣтъ никакой законной защиты, выступаютъ въ роли свирѣпыхъ палачей народа, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, пистолетами, длинными палками, опутываютъ людей исключительными судебными процессами, арестуютъ ихъ и продаютъ съ молотка ихъ воловъ, лошадей и телѣги. И такимъ образомъ они въ одно прекрасное утро разоряютъ отъ сорока до пятидесяти бѣдныхъ крестьянъ, которыхъ затѣмъ посылаютъ просить милостыню; въ одномъ только Анжу можно найти болѣе 1.000 крестьянъ, разоренныхъ такимъ способомъ. Бѣдный крестьянинъ подобенъ овцѣ, подставляющей свою спину для стрижки. Лишенный имущества и радости, онъ безсиленъ противъ богатыхъ и могущественныхъ чиновниковъ и откупщиковъ соляного налога...» [1])

«XVI вѣкъ есть періодъ растущаго богатства и прогресса въ земледѣліи; XVII вѣкъ есть періодъ лѣни среди всеобщаго упадка; въ концѣ XVIII и XIX вѣка наблюдается медленное возрожденіе, которое подняло

---

[1]) Цитировано у E. Mourin La Reforme et la Ligue en Anjou, Paris 1856, стр. 12 и 13.

насъ нѣсколько выше уровня, достигнутаго во второй половинѣ XVI вѣка» [1]). Это тотъ же процессъ развитія, который имѣлъ мѣсто и въ Германіи. Что въ Германіи было произведено тридцатилѣтней войной, то во Франціи сдѣлано было религіозными войнами, фрондой и прославленнымъ правленіемъ Людовика XIV. Несмотря на быстрый ростъ податного бремени въ царствованіе Франциска I и Генриха II, послужившій даже непосредственной причиной мелкихъ возстаній и довольно замѣтнаго переселенческаго движенія въ 1556 г. изъ Нормандіи и Пикардіи—мѣстностей съ гражданской свободой—во Франшконтэ, гдѣ сохранилась еще Main morte, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что положеніе крестьянства не только не ухудшилось, но значительно улучшилось. Одновременно съ тѣмъ, какъ росло матеріальное богатство крестьянъ, обострялась давно уже обнаружившаяся противоположность между ихъ интересами и интересами городовъ, и началось то бѣгство изъ деревни дворянства и богатыхъ классовъ, которое закончилось изолированіемъ французскаго крестьянина. Эпоха ренэсанса не оказала никакого вліянія на послѣдняго, тогда какъ на дворянство, духовенство и буржуазію она оказала крупное вліяніе. Дворянство и прелаты пріобрѣли вкусъ къ городской жизни; жизненныя привычки дворянства и буржуазіи Италіи были переняты соотвѣтствующими классами французскаго общества одновременно съ перенесеніемъ во Францію итальянскаго производства предметовъ роскоши. Эта тяга изъ деревни въ городъ и особенно въ столицу поддерживалась по политическимъ мотивамъ королями, которые стремились привлечь дворянство изъ ихъ помѣстій къ своимъ дворамъ съ тѣмъ, чтобы уничтожить его независимость и принизить его до положенія придворной аристократіи. Расточительная жизнь при королевскихъ дворахъ погубила финансовое могущество дворянства и самымъ роковымъ образомъ отразилась и на положеніи крестьянъ. Такимъ образомъ возрастающій гнетъ и эксплоатація крестьянства находятся въ тѣснѣйшей связи съ обѣднѣніемъ деревень. Чѣмъ сильнѣе покровительствуемая королевскою властью промышленность притягивала къ себѣ поднимающійся классъ буржуазіи, чѣмъ шире распространялась покровительствуемая область фабричнаго труда, тѣмъ болѣе усиливалось презрѣніе къ земледѣльческому труду и тѣмъ болѣе крестьянство грубостью своихъ нравовъ и некультурностью своей жизни отдалялось отъ нравовъ городской обстановки, пріобрѣтавшихъ все болѣе и болѣе рафинированный интересъ. Въ это время ясно опредѣлившійся во французской исторіи антагонизмъ, который такъ часто пріобрѣталъ роковое значеніе для демократіи, въ

[1]) *Lallier* въ Revue archéologique de Sens, VI, 150—191, цитируется у *Feillet*, La misère au temps de la Fronde etc., стр. 56.

первый разъ сыгралъ нѣкоторую, хотя и незначительную, роль въ религіозныхъ войнахъ.

Религіозныя войны разорили крестьянина, а вмѣстѣ съ нимъ и дворянство, жившее его трудомъ; онѣ поколебали финансовое положеніе католической церкви, владѣнія которой въ большомъ числѣ были проданы королемъ для покрытія его военныхъ расходовъ; онѣ разорили и королевскую власть, которая, подобно дворянству, жила, главнымъ образомъ, налогами. Королевская власть, дворянство, духовенство—всѣ эти три силы, послѣ того какъ признаніе королемъ Генриха IV привело къ нѣкоторому возстановленію мира, были весьма заинтересованы въ повышеніи доходности земледѣлія. Королевскій министръ Сюлли и его вѣрный сотрудникъ, Оливье де Серръ, всѣми силами работали надъ развитіемъ земледѣлія и старались быстро двинуть его впередъ путемъ непосредственнаго покровительства хлѣбопашеству, скотоводству, вывозу, особенно въ Голландію, зерна и виноградныхъ и хлѣбныхъ винъ. Кромѣ стремленія создать налогоспособное населеніе, ими руководило еще желаніе пріобрѣсти крестьянство, способное къ войнѣ. Сюлли и Серръ были также людьми, покровительствовавшими вызваннымъ необходимостью экономическаго развитія измѣненіямъ старыхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія, которыя вели начало отъ крѣпостной эпохи, и введенію новыхъ, основанныхъ на принципѣ свободнаго договора. Паденіе цѣнности благородныхъ металловъ, количество которыхъ чрезвычайно увеличилось, благодаря открытію серебрянныхъ рудниковъ въ Потози, гибельно отразилось не только на Франціи, но и на Испаніи, сблизившейся съ нею во время религіозныхъ войнъ, и сдѣлало непрактичными и невыгодными для сеньоровъ старыя формы владѣнія. Измѣненіе цѣнности благороднаго металла настолько обезцѣнило вѣчныя и долгосрочныя денежныя ренты, что собственники ихъ получали въ XVII столѣтіи лишь пятую долю того, что они получали въ XV вѣкѣ. Отъ такого недостатка были свободны ренты натурой; за то онѣ имѣли другой недостатокъ, который дѣлалъ ихъ непріятными для разоренныхъ собственниковъ, жадныхъ до денегъ. Увеличенію чистаго дохода путемъ интенсификаціи земледѣлія они ставили величайшія преграды. Консервативному крестьянину не было никакого интереса увеличивать доходъ съ своей земли, въ то время какъ собственникъ, наоборотъ, замѣчая быстрый ростъ своихъ расходовъ и столь же быстрое уменьшеніе своихъ доходовъ, былъ въ этомъ крайне заинтересованъ. Пока земля кормила крестьянина, онъ былъ доволенъ размѣрами своихъ доходовъ. Что оставалось ему дѣлать съ избыткомъ въ годы хорошихъ урожаевъ? Продавать? Хлѣбный вывозъ вслѣдствіе плохихъ дорогъ и безчисленнаго множества внутреннихъ пошлинъ былъ невозможенъ. На мѣстномъ рынкѣ избытокъ хлѣба, именно

потому, что это былъ избытокъ, оказывался излишнимъ или же могъ продаваться только по убыточнымъ цѣнамъ. Складывать въ амбары? Но тогда его собственность никогда не могла считаться обезпеченной отъ жадности его сеньора или откупщика налоговъ; оба заставляли его устраивать свою жизнь такимъ образомъ, чтобы было только чѣмъ прожить со дня на день. Кромѣ того, препятствіемъ для интенсификаціи земледѣлія служило уже то обстоятельство, что отсутствіе средствъ у разореннаго крестьянина, особенно въ эпоху религіозныхъ войнъ, дѣлало всякую попытку въ этомъ направленіи совершенно безплодною; разореніе же крестьянства повторялось съ правильными промежутками—во время регентства Маріи Медичи, во время фронды, во второй половинѣ царствованія Людовика XIV.

Въ это же время, наряду съ достиженіемъ личной свободы и постепеннымъ исчезновеніемъ состоянія «мертвой руки», начала исчезать и другая форма крестьянскаго землевладѣнія, лежавшая въ основѣ Communauté agricole (крестьянской семейной общины). Еще въ XV и въ началѣ XVI вѣка эти общины имѣли широкое распространеніе; онѣ находились въ Нормандіи, въ Бретани, въ Анжу, въ Пуату, въ Ангумуа, въ Сентонжѣ, въ Турени, въ Маршѣ, Ниверн, Бурбоннэ, Бургундіи, Орлеаннэ, области Шартренъ, Шампаньи, Пикардіи, Дофинэ, Гіенни, вообще въ земляхъ de coutume serve. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на исторіи семейныхъ общинъ; мы можемъ говорить о нихъ лишь постольку, поскольку это оправдывается тѣмъ вліяніемъ, которое онѣ оказали на коммунизмъ Мелье въ концѣ XVII вѣка и на идеи нѣкоторыхъ соціалистовъ XVIII вѣка, каковы Феге и особенно Ретифъ де ла Бретонъ. Поэтому мы ограничимся лишь указаніемъ на общія черты ихъ учрежденій и ихъ исторіи въ XVI вѣкѣ [1]).

Еще въ XV и XVI вѣкахъ во многихъ деревняхъ встрѣчались огромныя зданія, въ которыхъ совмѣстно жили нѣсколько семей для обработки земли общими силами. Нерѣдко нѣсколько подобныхъ зданій расположены были одно подлѣ другого, образуя цѣлый поселокъ съ общими конюшнями, амбарами и другими пристройками. Въ этихъ зданіяхъ, въ которыхъ помѣщаются нѣсколько семей, мы несомнѣнно имѣемъ передъ собою осмазіи Вераса, въ которыхъ—и въ этомъ одно изъ многихъ отличій его отъ Мора—протекаетъ вся жизнь ихъ обитателей. Учрежденіе своего общественнаго дворца Ретифъ, какъ онъ самъ сознается во многихъ изъ первыхъ

[1]) О происхожденіи этихъ семейныхъ общинъ см. *Laveleye-Bucher*, Das Ureigenthum, стр. 388: *E. Jager*, Geschichte des Socialismus in Frankreich, I, стр. 392 и слѣд.: у обоихъ авторовъ приведена литература предмета *F. Engels*, Die Ursprung der Familie etc., 4-е изд., стр. 44 и слѣд., стр. 143 и слѣд.

своихъ сочиненій, непосредственно заимствовалъ отъ этой крестьянской семейной общины и только сдѣлалъ его болѣе помѣстительнымъ. Фаланстеры Фурье, а вмѣстѣ съ тѣмъ косвеннымъ образомъ и всѣ придуманные и описанные имъ промышленные дворцы, имѣютъ своимъ источникомъ не столько, какъ это думаетъ Моль, осмазіи Вераса, сколько чрезвычайно распространенныя въ его время и пользовавшіяся широкою популярностью сочиненія Ретифа; въ сущности же всѣ эти дворцы, надъ сооруженіемъ которыхъ такъ долго работала поэтическая и строго разсчитанная фантазія, являются лишь позднѣйшими формами развитія общаго жилища крестьянской земледѣльческой ассоціаціи феодальнаго средневѣковья.

Внутренняя организація семейныхъ общинъ сводится въ немногихъ словахъ къ слѣдующему. Поле обрабатывалось общими силами, домашнее хозяйство также въ большинствѣ случаевъ было общимъ и рѣдко дѣлилось по семьямъ. Всѣ постройки, также какъ и сельскохозяйственныя орудія, а въ случаяхъ общаго домашняго хозяйства и движимое имущество, принадлежали общинѣ. Во главѣ общины стоялъ староста, mayor, maistre de communauté, называвшійся еще chef du chauteau. Онъ назначалъ каждому соотвѣтствующую работу, завѣдывалъ покупкой и продажей и распредѣлялъ продуктъ общей работы. Рядомъ съ нимъ для завѣдыванія домашнимъ хозяйствомъ, стояла старостиха (mayorissa), которою не могла быть жена старосты. При выходѣ замужъ, дѣвушки общины снабжались приданымъ, которое доходило, напр., въ сохранившейся еще въ XIX вѣкѣ communauté des Jaults до 1350 франковъ. Каждая семья должна была владѣть небольшою личною собственностью (pécule), въ которую входили большей частью бѣлье, платье и извѣстная сумма денегъ, внесенная женщиною въ видѣ приданаго; эту собственность нужно было пріумножать частною работою. Эта pécule была средствомъ, съ помощью котораго эти общины, устоявшія противъ всѣхъ превратностей и войнъ средневѣковья, побѣдоносно справлялись съ экономическимъ развитіемъ своего времени. Въ самой чистой формѣ своей ассоціаціи всегда самостоятельно удовлетворяли всѣмъ своимъ потребностямъ. Все, что онѣ потребляли, онѣ производили сами, почти никакихъ или очень мало продуктовъ покупали и продавали. Одна ассоціація въ Оверни, которую въ 1788 г. посѣтилъ Легранъ д'Осси, даже въ то еще время покупала только соль и желѣзо, все же остальное необходимое для ея потребленія, производила сама [1]). Такъ какъ промышленный трудъ былъ въ то время распространенъ и въ деревнѣ, то товарищеская система, лежавшая въ основѣ крестьянскихъ семейныхъ

---

[1]) *Dareste de la Charanne*, Histoire des classes agricoles en France, Paris, 1858, стр. 234 и слѣд.

общинъ, оказалась вполнѣ приспособленной къ введенію у себя нѣкоторыхъ промысловъ. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ общинахъ Оверни, гдѣ онѣ сохранялись еще долгое время послѣ революціи 1789 г., часть общинниковъ занималась ножевымъ производствомъ, другая же часть занималась земледѣліемъ. Доходы отъ работы первой части вносились въ общую кассу, кормилась же ассоціація продуктами остальной части [1]).

Феодальная система благопріятствовала сохраненію и распространенію семейныхъ общинъ. Существованіе ихъ оправдывалось не только по техническимъ основаніямъ, на которыя ссылается, напр., Токвиль и которыя, по его словамъ, «дѣлали ихъ (общины) явленіемъ не только часто встрѣчающимся, но обычнымъ и даже прямо необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда веденіе сельскаго хозяйства не ограничивается одной обработкой полей, но связано и съ содержаніемъ скота и требуетъ множества людей» [2]); оно оправдывалось прежде всего интересами самого землевладѣльца, для котораго общинная организація была выгодна и который не только терпѣлъ ее, но оказывалъ ей даже дѣятельную поддержку. Круговая отвѣтственность ассоціаціи гарантировала ему безпрерывную уплату податей и исполненіе барщинныхъ работъ ея членами вѣрнѣе, чѣмъ одиночное крестьянское хозяйство [3]); но эта выгода для землевладѣльца сопровождалась, конечно, ограниченіемъ его права распоряжаться крестьянскимъ имуществомъ. Товарищество оставалось jure non decrescendi въ силу субституціи лицъ непрерывнымъ собственникомъ движимости и недвижимости. Землевладѣлецъ не имѣлъ права наслѣдованія въ случаѣ смерти члена ассоціаціи, такъ что этотъ порядокъ давалъ возможность крѣпостной семьѣ пріобрѣтать собственность и улучшать свое положеніе накопленіемъ небольшого имущества [4]).

Такъ какъ ассоціація, смягчивъ состояніе «мертвой руки», облегчила крѣпостную зависимость крестьянскаго класса, то въ ея защиту выступили юристы, которые старались, при помощи многочисленныхъ строгихъ правилъ, обезпечить соблюденіе болѣе давнихъ кутюмъ. Съ прекращеніемъ main morte исчезла также и благопріятная ассоціаціямъ тенденція законода-

---

[1]) Ср. *Dareste de la Chavanne*, Histoire etc., стр. 234.

[2]) *Dareste de la Chavanne*, Histoire etc., стр. 234.

[3]) *Dunod*, Traité de la main morte, стр. 90, цитировано у *H. Doniol*, Histoire des classes rurales en France, Paris 1865, стр. 82: „Основаніе къ введенію семейной общины у крестьянъ „мертвой руки" состояло въ томъ, что земли сеньоровъ лучше обрабатывались и подданные имѣли больше возможности исправно уплачивать сеньору свои повинности, живя въ общинѣ, а не отдѣльными хозяйствами.

[4]) *Laveley-Bucher*, Das Ureigenthum etc., стр. 390.

тельства; напротивъ того, она клонилась теперь къ тому, чтобы всякими способами содѣйствовать ихъ распаденію. Такъ, напр., по новѣйшимъ кутюмамъ дѣти членовъ какой-нибудь communauté не считались составною частью ея, просто въ силу своего происхожденія, а признавались независимыми какъ только они, достигнувъ совершеннолѣтія, выдѣлившись изъ семьи, или вступивъ въ бракъ, выходили изъ-подъ отцовской опеки. Рѣшительный ударъ семейнымъ общинамъ былъ нанесенъ уже въ 1566 г. ордонансомъ Мулэна, [1]) который, какъ и отъ другихъ товариществъ, требовалъ отъ крестьянскихъ общинъ формальнаго договора, заключаемаго въ присутствіи нотаріуса и свидѣтелей, т. е. письменнаго документа. Но такъ какъ communautés покоились исключительно на обычномъ правѣ, на фактѣ совмѣстнаго жительства и общности имущества членовъ, являвшихся большей частью и членами одной семьи, то само собою разумѣется, что подобнаго рода указъ, предоставлявшій каждому недовольному члену возможность нарушить цѣльность товарищества, долженъ былъ имѣть для нихъ самыя роковыя послѣдствія.

Такъ исчезли упомянутыя нами формы крестьянскаго землевладѣнія, уступивъ мѣсто fermage à court terme (краткосрочной арендѣ) и metayage (половничеству), которое получило громадное распространеніе. Непосредственная обработка земли самимъ собственникомъ никогда не играла большой роли; она не пользовалась симпатіями ни среди громадной части дворянства, ни среди духовенства; вслѣдствіе же ограниченія барщинныхъ работъ въ земляхъ coutume serve она становилась все менѣе и менѣе прибыльной. Широкому распространенію аренды мѣшало, съ одной стороны, отсутствіе капитала у крестьянъ, съ другой—болѣе богатыхъ изъ нихъ отпугивало отъ нея большое число обычно-правовыхъ нормъ, которыми она регламентировалась. Поэтому наиболѣе выгодной системой, оказалось половничество такъ какъ оно въ значительной степени удовлетворяло собственника, заинтересованнаго въ амеліораціяхъ и въ повышеніи чистаго дохода со своихъ земель, и кромѣ того, сохраняло за землепашцемъ извѣстную свободу и самодѣятельность. Сюлли и Оливье

[1]) Les édicts et ordonnances des roys de France etc. Lyon 1575; стр. 1273: чтобы по всѣмъ сдѣлкамъ, превышающимъ сумму или цѣнность въ 100 ливровъ, уплачиваемыхъ единовременно, заключаемы были договоры у нотаріусовъ при свидѣтеляхъ; чтобы эти договоры служили единственными доказательствами, представляемыми и принимаемыми по означеннымъ сдѣлкамъ, такъ чтобы не принималось никакихъ свидѣтельскихъ показаній кромѣ тѣхъ, которыя содержатся въ контрактѣ, а также по такимъ предметамъ, относительно которыхъ якобы въ присутствіи свидѣтеля въ то время или впослѣдствіи было говорено или заключено условіе. Ср. еще *Du Cellier*, Histoire des classes laborieusesen France, Paris, стр. 209.

де Серръ покровительствовали этому расширенію fermage и métayage, съ помощью которыхъ формы крестьянскаго землевладѣнія, происходящія еще отъ временъ крѣпостного права и покоящіяся на унаслѣдованныхъ обычаяхъ, замѣнялись новыми, основанными на принципѣ свободнаго договора. Вообще Сюлли энергично принялся за искорененіе безчисленныхъ злоупотребленій, возникшихъ въ варварскую эпоху религіозныхъ войнъ, и его неутомимой дѣятельности слѣдуетъ приписать полученный королемъ титулъ «добрый» (le bon Henri) и сказку о курицѣ въ горшкѣ каждаго крестьянина. Назначенный въ 1598 г. оберъ-интендантомъ финансовъ, онъ рѣшилъ положить конецъ страшной путаницѣ и хаосу, царившимъ въ нихъ. Онъ началъ съ того, что скостилъ 20 милліоновъ недоимокъ тальи, призналъ недѣйствительными безчисленныя дворянскія грамоты, закупленныя представителями буржуазіи въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ съ цѣлью избавиться отъ несенія налоговаго бремени, и отмѣнилъ тѣ новыя обязательныя повинности, которыя въ теченіе того же времени сеньоры безъ всякаго права и только силою оружія возложили на крестьянъ. Но гораздо важнѣе еще была реформа, введенная имъ въ способахъ взиманія налоговъ, значительно сократившая громадное число посредниковъ-паразитовъ, которые выжимали изъ несчастныхъ и беззащитныхъ крестьянъ 150 милліоновъ для того, чтобы уплатить только 30 милліоновъ королю. Великому государственному дѣятелю приходилось однако бороться съ легкомысленною расточительностью своего августѣйшаго хозяина, который, одаряя своихъ любимцевъ и фаворитовъ богатыми подарками, снова взваливалъ на согнутыя плечи крестьянина то бремя, которое снималъ съ нихъ Сюлли.

Этотъ прогрессъ земледѣлія и благосостоянія крестьянства былъ прерванъ внезапною смертью Генриха IV и наступившимъ вслѣдъ за тѣмъ регентствомъ Маріи Медичи. Феодальное дворянство, спѣсь котораго въ послѣднія 12 лѣтъ была нѣсколько сбита, снова подняло голову въ сознаніи своей силы и поспѣшило вознаградить себя за продолжительное самоотреченіе полнымъ ограбленіемъ страны, т. е. крестьянъ, Вооруженными толпами ходили дворяне на пространствѣ половины Франціи, грабя и мотая все, что можно было разграбить и промотать, и возвратились назадъ въ свои разбойничьи замки съ богатой добычей [1]). На собраніи генеральныхъ штатовъ 1614 г., послѣднемъ собраніи сосло-

---

[1]) Miron на собраніи генеральныхъ штатовъ 1614, цитировано у *Bonnemère*, Histoire des paysans, II, стр. 14: „Съ нѣкотораго времени замѣчено было, какъ одно совершенно обособленное общество вооруженныхъ людей грабило почти половину Франціи и какъ, послѣ того какъ они все опустошили, каждый изъ нихъ возвратился домой обогащенный имуществомъ бѣднаго народа, ни разу даже не обнаживъ меча“.

вій, которыя французская монархія считала полезнымъ созывать болѣе полутора столѣтій, Робертъ Миронъ изобразилъ съ трогательныхъ выраженіяхъ ужасающую бѣдность, въ которой жилъ всѣми обираемый и угнетаемый крестьянинъ. «Нужно имѣть каменное сердце, чтобы безъ слезъ и страданій говорить объ этомъ (о положеніи народа въ деревнѣ). Бѣдный народъ работаетъ, не покладая рукъ, не щадя ни души, ни тѣла, чтобы кормить все королевство: онъ обрабатываетъ землю, улучшаетъ ее, собираетъ ея плоды и пользуется всѣмъ, что она производитъ. Нѣтъ ни времени года, ни мѣсяца, ни недѣли, ни дня, ни часа, которые не требовали бы отъ него безпрерывной, усердной работы. Словомъ, народъ играетъ роль слуги и въ нѣкоторой степени посредника жизни, которую даровалъ намъ Богъ и которая можетъ поддерживаться благами земли. И отъ его труда ему самому остается лишь потъ и нищета; все же добываемое имъ сверхъ этого, онъ употребляетъ на уплату поземельнаго, соляного налога и другихъ повинностей. И хотя у него ничего нѣтъ, онъ всетаки вынужденъ заботиться о другихъ, которые мучатъ его комиссіями, реквизиціями и всякими другими, слишкомъ терпимыми пріемами. Нужно удивляться, что онъ еще можетъ удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ.

«Каждый могъ видѣть, какъ этотъ бѣдный народъ, на долю котораго выпала только обработка земли трудомъ своихъ рукъ и въ потѣ лица,— обремененный тальей и солянымъ налогомъ, вдвойнѣ угнетаемый неумолимыми, варварскими реквизиціями и трехлѣтнимъ неурожаемъ, питался травою въ полѣ вмѣстѣ съ животными; менѣе же терпѣливая часть народа толпами уходила заграницу, проклиная свою неблагодарную родину, отказывающую ему въ пищѣ, спасаясь отъ своихъ согражданъ, которые немилосерднымъ образомъ содѣйствовали его угнетенію или, по меньшей мѣрѣ, оставались совершенно безучастными къ его нищетѣ.

«Государь, не насѣкомыя или черви молятъ васъ о справедливости и состраданіи. Это молитъ народъ, разумныя существа, дѣти, для котораго вы—отецъ, покровитель и защитникъ. Протяните свою руку помощи, чтобы освободить ихъ отъ рабства, бременемъ котораго ихъ придавило къ землѣ. Что сказали бы вы, государь, если бы вы увидѣли, какъ въ Гіенни и Оверни люди, точно животныя, ѣдятъ въ поляхъ траву...

«Безъ труда бѣднаго народа какое значеніе имѣли бы для церкви ея десятины, ея обширныя владѣнія? Для дворянства его красивыя помѣстья, его обширные лены... Нужно опасаться, чтобы народъ не превратился изъ наковальни, которою онъ теперь служитъ, въ молотъ». [1])

---

[1]) Рѣчь Мирона на собраніи Etats généraux, XVII, стр. 92, цитировано у *Bonnemère*, Histoire etc., стр. 14 и слѣд., а частью и въ сочиненіяхъ Ранке, IX, стр. 144.

До мельчайшихъ подробностей описаны произволъ, вымогательства и злоупотребленія дворянства по отношенію къ беззащитнымъ крестьянамъ въ Doléances (жалобахъ), переданныхъ въ 1614 г. представителями третьяго сословія королю. Извѣстно, какой отвѣтъ далъ малолѣтній король, находившійся въ рукахъ регентши и дворянства, на жалобы, изложенныя въ этихъ cahiers: [1]) онъ заперъ залъ засѣданія и запретилъ депутатамъ собираться. Такимъ образомъ всѣ разсужденія Генеральныхъ Штатовъ не привели ни къ чему: Жакъ Бономъ по-прежнему платилъ, служилъ и терпѣлъ.

Ришелье весь былъ настолько поглощенъ борьбою съ гугенотами, съ аристократіей и съ габсбургскимъ домомъ, что у него не было и времени подумать объ исполненіи цѣлаго ряда ордонансовъ, изданныхъ имъ въ защиту крестьянства отъ одичавшихъ солдатъ и корыстолюбивыхъ губернаторовъ. Если его дворянская политика косвеннымъ образомъ облегчила положеніе крестьянъ, то внѣшняя его политика, приведшая къ вмѣшательству въ тридцатилѣтнюю войну и повлекшая за собою опустошительные походы Іоганна Верта въ нетронутыя еще части Франціи, наоборотъ, до такой степени увеличила тяжесть налоговъ вслѣдствіе непрекращающейся нужды въ деньгахъ на военныя надобности, что размѣры тальи возросли почти втрое противъ той суммы, въ какой они взимались при Генрихѣ IV. Крупнѣйшее наслѣдство, оставленное Ришелье своему преемнику Мазарини, заключалось въ полномъ финансовомъ истощеніи страны.

Новое регентство—и тотчасъ же, какъ всегда, жадное и ненасытное дворянство поднимаетъ голову, и, чтобы расположить къ себѣ это хищное животное, регентша Анна Австрійская бросаетъ ему въ пасть все, что можетъ утолить его голодъ: деньги, привилегіи, монополію, самыя невѣроятные и неожиданные налоги. La Reine est si bonne (королева такъ добра)—таковъ былъ ликующій крикъ, которымъ аристократія привѣтствовала это новое время. Когда же рогъ изобилія изсякъ, началась фронда и съ нею—періодъ такихъ ужасныхъ бѣдствій для французскихъ крестьянъ, которыя были превзойдены только во время столѣтней войны противъ вторженія англичанъ (отъ 1339 до средины XV столѣтія).—Дворяне—«эти отъявленные негодяи—genpilhommes, какъ называетъ ихъ Раблэ, для которыхъ воровство и убійство столь же привычны, какъ ѣда и питье» [2]), сдѣлали послѣднюю попытку возвратить себѣ и превратить въ постоянный источникъ доходовъ всѣ свои феодальныя права, которыя уже

---

[1]) Жалобы излагались въ тетради, которая называлась cahier и затѣмъ передавалась королю.

[2]) *Bonnemère*, Histoire de paysans, II, стр. 45.

были преданы забвенію, какъ напр. «droit de guet et garde» (право обязывать крестьянъ караульною службою). Явно насильственнымъ путемъ округляли они свои имѣнія на счетъ крестьянскихъ владѣній. Губернаторы и интенданты не отставали отъ нихъ въ этомъ отношеніи и грабили провинціи въ трогательномъ единодушіи съ откупщиками налоговъ. Въ распоряженіе послѣднихъ для сбора тальи они предоставляли войска, которыя по примѣру войскъ въ тридцатилѣтней войнѣ, и оказывая услуги своимъ господамъ-финансистамъ, грабили, воровали и разоряли также и для удовлетворенія своихъ собственныхъ хищническихъ инстинктовъ. Это было время возобновленія забытаго уже процесса экспропріированія крестьянскаго класса [1]). Крестьяне теряли свою землю, которую они маленькими клочками пріобрѣтали въ царствованіе Генриха IV и въ первые годы царствованія Людовика XIII. Если они не могли исполнить своихъ обязательствъ по отношенію къ землевладѣльцамъ и фиску, то эксплоататорская банда дворянъ и финансистовъ, не находя у крестьянъ денегъ, набрасывалась на ихъ землю и скупала ее по смѣхотворнымъ цѣнамъ или попросту насильственно ее отбирала. Но доведенный до отчаянія Жакъ Бономъ довольно часто давалъ имъ здороваго щелчка. Онъ лишалъ наслѣдства своихъ дѣтей и дарилъ послѣднее имущество, которое у него еще оставалось, монастырю, обязывавшемуся взамѣнъ этого выдавать ему содержаніе до самой его смерти. Богатый простолюдинъ [2]) бѣжалъ отъ тальи въ городъ, за стѣнами котораго онъ находилъ защиту отъ своихъ мучителей и вампировъ. Но переходъ каждаго ничтожнаго клочка земли въ руки монастырей или дворянства или облагороженныхъ простолюдиновъ, число которыхъ возростало соразмѣрно возроставшей потребности королей въ деньгахъ и которые вмѣстѣ съ тѣмъ освобождались отъ несенія налоговъ, увеличивалъ налоговое бремя, лежащее на сосѣднихъ крестьянскихъ участкахъ и ускорялъ такимъ образомъ процессъ экспропріаціи. Не только отдѣльныя лица, но цѣлыя деревни подвергались экспропріаціи; общинныя земли, лѣса и луга становились собственностью сеньоровъ. Таковъ былъ важнѣйшій результатъ этой эпохи французской исторіи [3]).

---

[1]) *H. Doniol*, Histoire des classes rurales en France, Paris 1865, стр. 389 и слѣд.; *Bonnemère*, Histoire etc., стр. 36; *Feillet*, La misère au temps de la Fronde etc., стр. 363 и 364.

[2]) Roturier—простолюдинъ назывался всякій человѣкъ *не* благороднаго происхожденія.

[3]) Лучшимъ свидѣтельствомъ этого крестьянскаго разоренія являются „Monitoire“ и „Arrets des grands jours“; см. *Doniol*, Histoire etc., стр. 394: вымогательство рентъ, податей, оброка и иныхъ незаконныхъ поборовъ; недобросовѣстная оцѣнка хлѣба при замѣнѣ натуральныхъ повинностей

Но прежде, чѣмъ приступить къ исторіи французскаго крестьянина при Кольберѣ и Людовикѣ XIV, намъ кажется, здѣсь же умѣстно будетъ остановиться вкратцѣ на рядѣ крупныхъ возставій, во время которыхъ обреченный на невѣроятныя страданія и муки Жакъ Бономъ поднимался на своихъ палачей. Жаки, Готье, Рюсто, Крокапъ, Ва-ню-пье—таковы были презрительныя клички, которыми называло дворянство французскаго крестьянина, когда этотъ терпѣливѣйшій изъ всѣхъ крестьянъ, не желавшій долѣе играть роль вьючнаго животнаго, поднималъ мятежъ. Эти крестьянскія возстанія протекали почти всегда одинаково. Ошеломленное дворянство и откупщики налоговъ подвергались нападенію, ихъ убивали или вѣшали, замки и помѣщенія для сбора налоговъ сжигались. Затѣмъ черезъ нѣкоторое время король, кардиналъ или кто бы тамъ ни стоялъ во главѣ правительства посылалъ полчища солдатъ, къ которымъ присоединялись охваченные жаждою мести и добычи дворяне. Гдѣ-нибудь происходила стычка. Плохо вооруженныя крестьянскія толпы послѣ болѣе или менѣе кроваваго сраженія разсѣивались, и затѣмъ крестьянъ начинали вѣшать и четвертовать, дома ихъ сжигались и поля подвергались опустошенію. Такимъ образомъ добивались полнаго успокоенія и снова почти на полстолѣтіе наступала эпоха покоя.

Послѣ страшнаго крестьянскаго возстанія, жакеріи 1358 г., до XVI столѣтія не происходило никакихъ болѣе или мѣнѣе крупныхъ волненій. Только одновременно съ великой крестьянской войной въ Германіи, которая перебросилась также въ Лотарингію, начался новый рядъ крестьянскихъ мятежей, вызванныхъ главнымъ образомъ невыносимымъ гнетомъ и податнымъ бременемъ. Такъ, въ 1548 г. въ провинціи Гіень было вызвано крупное возстаніе самымъ ненавистнымъ изъ налоговъ, солянымъ налогомъ, который разгоряченной фантазіи крестьянъ рисовался не иначе, какъ въ образѣ дракона. Число повстанцевъ разрослось до 50.000; толпами крестьяне ходили по провинціи; нѣкоторые города, между прочимъ, Бордо, были завоеваны ими или сами добровольно примкнули къ движе-

---

денежнымъ налогомъ или произвольное пониженіе цѣнъ; заключеніе крестьянъ въ рыцарскихъ помѣстьяхъ и замкахъ безъ судебнаго рѣшенія; взиманіе пошлинъ (безъ всякихъ законныхъ основаній) съ обращающихся товаровъ: невзиманіе подлежащихъ уплатѣ наростающихъ рентъ и процентовъ въ годъ низкихъ цѣнъ для позднѣйшаго востребованія ихъ при высокихъ цѣнахъ; принужденіе крестьянъ пользоваться сеньоріальной мельницей, хотя бы и не существовало уже соотвѣтствующаго сеньоріальнаго права, и конфискація зерна или наложеніе штрафа на лицъ, уклоняющихся отъ этого; принужденіе крестьянъ покупать у сеньоровъ попорченное зерно, и т. д.

нію. Коннетабль Монморанси, которому поручено было подавить возстаніе, выступилъ здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Бордо былъ обратно завоеванъ и подвергся опустошенію, сотни крестьянъ были повѣшены, словомъ, въ ходъ были пущены обычные весьма упрощенные способы радикальнаго леченія: мятежниковъ истребили, а жалобы ихъ на невыносимое податное бремя потопили въ ихъ же крови. Сорокъ лѣтъ спустя, къ концу религіозной войны, когда борьба между обѣими партіями превратилась во Франціи во всеобщій грабежъ и опустошеніе, крестьянскіе мятежи слѣдовали одинъ за другимъ. Въ 1586 г. въ Нижней Нормандіи возстали «Готье», «движимые естественнымъ желаніемъ защитить свое имущество, своихъ женъ и дѣтей отъ разбоя и насилій солдатчъ». Ихъ удалось вовлечь въ движеніе лиги противъ дворянъ. Вслѣдствіе измѣны, самый сильный отрядъ Готье попалъ въ засаду, устроенную герцогомъ Монпансье, и былъ истребленъ. Не лучше пошло дѣло у возставшихъ крестьянъ Бретани, которые также поднялись на защиту своей земли. Они убивали всѣхъ аристократовъ, которые попадались имъ въ руки, роялистовъ и лигистовъ, кальвинистовъ и католиковъ. «Это ожесточеніе, говоритъ одинъ историкъ этого возстанія, Морисъ, было общимъ для всѣхъ крестьянъ Нижней Бретани, и ихъ планъ заключался не столько въ войнѣ съ еретиками, сколько въ искорененіи дворянства. Таково было ихъ твердое рѣшеніе, и если бы они побѣдоносно возвратились изъ Карэ, то бросились бы на дома аристократовъ и убили бы всѣхъ, кого бы изъ нихъ ни встрѣтили. Это необходимо, говорили они, для того чтобы возстановить равенство, которое должно существовать межъ людьми» [1]). Болѣе продолжительнымъ и болѣе широкимъ было возстаніе «Croquants», длившееся три года, отъ 1593 до 1595; оно привело въ движеніе противъ короля и аристократіи провинціи Пуату, Сэнтонжъ, Лимузэнъ, Маршъ, Перигоръ, Керси. Повстанцы выпустили прокламацію, въ которой приглашали всѣхъ благомыслящихъ людей «выступить вмѣстѣ съ ними противъ гибельныхъ плановъ ихъ собственныхъ враговъ и враговъ короля, чтобы вырваться изъ когтей изобрѣтателей субсидій, воровъ, сборщиковъ налоговъ, податныхъ комиссій и ихъ помощниковъ и сторонниковъ»... Слова «Aux croquants», которыми тогда назывались сами крестьяне (croquant—нищій, голякъ), послужили сигналомъ къ нападенію и избіенію сборщиковъ налоговъ, дворянъ и солдатъ—этого тріумвирата, высасывавшаго изъ народа послѣдніе соки. Борьба затянулась надолго. Ея значеніе ясно опредѣляется въ слѣдующихъ мѣстахъ прокламаціи, которую съ своей стороны выпустило дворянство: «Крестьяне, пытаясь освободиться отъ подчиненнаго положенія, на которое

---

[1]) *Bonnemère*, Histoire etc., I, стр. 519.

обрекъ ихъ самъ Господь, возстали противъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Отказываясь платить десятину, установленную съ начала міра для служенія Богу, они тѣмъ самымъ хотятъ низвергнуть религію и намѣрены также уничтожить монархію, чтобы ввести демократію по примѣру Швейцаріи»... Стремленіе къ мѣстной автономіи играетъ роль также и въ другихъ возстаніяхъ. Дальше мы увидимъ, что крестьяне вступали въ союзъ съ внѣшними врагами короля, каковы Испанія и Голландія, и что воспоминаніе о существовавшей нѣкогда связи между Бретанью и другими сѣверозападными провинціями, съ одной стороны, и Англіей, съ другой, внушило мѣстнымъ французскимъ крестьянамъ мысль стать подъ защиту этой страны. Королевскимъ войскамъ удалось подавить возстаніе «Croquants» въ Лимузэнѣ и Сэнтонжѣ, въ Перигорѣ же сильная сорокатысячная крестьянская армія оказала такое упорное сопротивленіе, что правительство предпочло заключить съ ними договоръ и согласилось освободить крестьянъ отъ недоимокъ по сбору тальи, которыя и безъ того нельзя было взыскать. Сорокъ лѣтъ царило спокойствіе въ этихъ провинціяхъ, пока въ 1636 и 1637 гг. не накопилось достаточно горючаго матеріала, чтобы тлѣющая искра снова разгорѣлась въ яркое пламя. На этотъ разъ возставшіе крестьяне провинціи Сэнтонжъ, Гіень, Ангумуа и Пуату въ теченіе нѣкотораго времени поддерживались испанцами. Но когда возстаніе стало распространяться на города, Ришелье послалъ своихъ солдатъ подъ предводительствомъ герцога Лавалетъ, который напалъ на крестьянъ, покинутыхъ испанцами на произволъ судьбы, и разбилъ ихъ. «Вожди были повѣшены, и все это отродье было окончательно истреблено» [1]). Это было въ 1636 г. Но уже въ слѣдующемъ году сословія Нормандіи вручили королю записку, въ которой мрачными красками изобразили ужасное положеніе провинціи; страна опустошена солдатами и агентами фиска; тюрьмы переполнены жертвами соляного налога, деревни покинуты своими обитателями, крестьяне бѣгутъ въ лѣса и становятся разбойниками. Даже парламентъ и городскія, власти Руана приняли сторону крестьянъ противъ сборщиковъ налоговъ; поэтому, встрѣчая со всѣхъ сторонъ поддержку, и отъ городскихъ властей, и отъ буржуазіи, доведенные до отчаянія крестьяне снова возстали и въ своихъ плакатахъ призывали «къ защитѣ и освобожденію угнетеннаго отечества отъ хищниковъ и сборщиковъ налоговъ». Они назвали своего вождя по имени Jean-va-nu-pieds (Жанъ Босоногій), организовали изъ себя военную силу и готовились къ завоеванію провинціальныхъ городовъ. Ришелье рѣшилъ предпринять энергичное умиротвореніе страны. Прежде всего

[1]) *Bonnemère*, Histoire etc., II, стр. 30.

онъ распустилъ руанскій парламентъ, который отважился ему противодѣйствовать, смѣстилъ губернатора провинціи, обнаруживавшаго сочувствіе къ дѣлу крестьянъ, а также мэра и городской совѣтъ Руана, и послалъ въ провинцію 4.000 иностранныхъ солдатъ, менѣе склонныхъ къ снисхожденію [1]). «Цвѣтъ аристократіи» въ большомъ числѣ присоединился къ этому кровавому, хищническому и опустошительному походу. Окончилось это возстаніе такъ, какъ и вообще оканчивались всѣ крестьянскія возстанія. «Плѣнные были повѣшены, а вся остальная сволочь была обращена въ бѣгство», говоритъ Монгла въ своихъ мемуарахъ [2]).

Мы вступаемъ теперь въ вѣкъ Людовика XIV и сдѣлаемъ быстрый обзоръ исторіи французскаго крестьянина во время управленія Кольбера, чтобы подробнѣе остановиться на страшномъ упадкѣ, наступившемъ въ послѣдніе тридцать лѣтъ царствованія «короля-солнца». Еще и въ настоящее время не отказались окончательно отъ рѣшительно опровергнутой сказки, сочиненной Мартэномъ и Клеманомъ, о враждебности или равнодушіи Кольбера къ земледѣлію, хотя достаточно было бы бросить взглядъ на его переписку съ интендантами, чтобы убѣдиться въ противоположномъ [3]). На самомъ дѣлѣ, первые десять лѣтъ управленія Кольбера вообще ознаменовались быстрымъ, почти безпримѣрнымъ развитіемъ земледѣлія и сельскохозяйственнаго производства, что слѣдуетъ приписать въ значительной степени планомѣрной дѣятельности министра. Онъ началъ ее съ уничтоженія изъятій отъ налоговъ. Регламентомъ 1663 г., касающимся тальи, и сентябрскимъ эдиктомъ 1664 г. были отмѣнены всѣ дворянскія грамоты, которыя были получены послѣ 1634 г.; этимъ актомъ страна была очищена «отъ той грязи, которая ее постоянно заражала» [4]). Тамъ, гдѣ это было возможно, онъ смягчилъ суровые пріемы взиманія тальи, избѣгая

---

[1]) „Для того, чтобы они были менѣе доступны чувству состраданія“. *Sismondi*, Histoire de Français XXIII, стр. 396.

[2]) *Leymaric*, Histoire des paysans en France, II, стр. 632 и слѣд.

[3]) Филипсонъ въ своемъ „Zeitalter Ludwig's XIV“ снова воскрешаетъ эту старую сказку.

[4]) Впрочемъ, позднѣе это не мѣшало тому, чтобы, по мѣрѣ возрастанія финансовыхъ нуждъ, дворянскія грамоты снова сначала продавались, а потомъ объявлялись недѣйствительными. Это старый финансовый пріемъ французскихъ королей, который на ряду съ переплавкой монеты, повторнымъ освобожденіемъ отъ одного и того же налога и т. п. особенно часто практиковался „гордымъ королемъ-солнцемъ“. И объ этой августѣйшей особѣ можно сказать, что едва ли есть хоть одна статья уголовныхъ законовъ, примѣняемыхъ впрочемъ только къ простымъ смертнымъ, но не къ солнечнымъ королямъ, котораго онъ не нарушилъ бы самымъ очевиднымъ образомъ.

однако коренного преобразованія общаго способа собиранія налоговъ. Гораздо важнѣе были такія мѣры, какъ освобожденіе крестьянскихъ коммунъ отъ отягощавшихъ ихъ долговъ, возвращеніе имъ незаконно и насильственнымъ образомъ отнятыхъ у нихъ дворянами общинныхъ земель и пастбищъ, покровительство скотоводству путемъ запрещенія продавать или описывать крестьянскій скотъ за недоимки. Съ безпощадной энергіей Кольберъ вступилъ въ борьбу съ расхитителями общественныхъ фондовъ и съ другими злоупотребленіями землевладѣльцевъ. Вообще цѣлый рядъ указовъ, записокъ, практическихъ мѣръ подтверждаютъ, что Кольберъ былъ сознательнымъ противникомъ феодализма, особенно же его господства въ деревнѣ. Такъ онъ уничтожилъ пожалованіе имѣній монастырямъ, въ рукахъ которыхъ скоплялись постоянно возрастающія земельныя богатства; начерталъ проектъ новаго законодательнаго кодекса, въ который въ качествѣ законодательныхъ нормъ между прочимъ, было введено полное уничтоженіе личной и вещной крѣпостной зависимости и принудительное отчужденіе землевладѣльческой ренты; создалъ новое ипотечное право, руководящимъ принципомъ котораго было освобожденіе землевладѣнія отъ путъ феодализма и сообщеніе ему характера товарнаго обмѣна. Его забота о крестьянскомъ землевладѣніи ясно сказывается также въ строгой регламентаціи охоты и въ эдиктахъ о сеньоріальныхъ «правахъ голубятни» (colombiers). Зажиточные деревенскіе буржуа, особенно въ Провансѣ, подражая благороднымъ феодаламъ, занимались разведеніемъ голубей, стаи которыхъ сдѣлались страшнымъ бичемъ для деревни, главнымъ образомъ для крестьянъ. Кольберъ весьма энергично выступилъ противъ этого и, какъ это видно изъ его длинной переписки съ провинціальными интендантами, не потому, что деревенскіе буржуа воспользовались привилегіею дворянъ, но потому, что это стремленіе къ подражанію крупнымъ феодаламъ наносило чрезвычайный вредъ общему благу и особенно крестьянству. Выдающійся успѣхъ былъ плодомъ этой многосторонней дѣятельности. Несмотря на рядъ неурожайныхъ годовъ, благосостояніе крестьянъ быстро возрасло. Къ концу пятидесятыхъ годовъ количество скота увеличилось настолько, что прежній привозъ, и не малый, изъ-за границы совершенно прекратился и смѣнился небольшимъ вывозомъ. Лучшимъ доказательствомъ такого положенія служитъ то, что крестьяне начали постепенно обратно скупать часть своихъ земель, утерянныхъ во время фронды [1]). Таково было положеніе крестьянскаго сословія въ концѣ перваго десятилѣтія управленія Кольбера, когда онъ былъ неограниченнымъ руководителемъ правительства во Франціи. Въ

[1]) Объ управленіи Кольбера см. *Martin*, Histoire de France XIII, B. 79; *Doniol*, Histoire etc., стр. 399 и слѣд. и особенно сочиненія Клемана (Clément).

сущности дѣятельность его въ пользу крестьянства опредѣлялась двумя основаніями. Съ одной стороны, ему было важно въ интересахъ финансовой политики сдѣлать самый главный объектъ обложенія въ королевствѣ, крестьянина, налогоспособнымъ, сохранить, такъ сказать, курицу, кладущую золотыя яйца. Рядъ его указовъ именно направленъ къ этой цѣли. Съ другой же стороны, Кольберъ былъ въ то же время и главнымъ агентомъ развивающейся современной промышленности и защитникомъ новаго класса предпринимателей, купцовъ и т. п., интересы котораго стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами стараго дворянства. Въ борьбѣ, предпринятой имъ въ защиту новаго класса противъ послѣдняго и противъ феодальной системы, онъ разсчитывалъ на освобожденнаго отъ ярма крѣпостничества крестьянина, этого вѣкового врага сеньоровъ, какъ на самую твердую и надежную опору. Но въ началѣ семидесятыхъ годовъ между Кольберомъ и Лувуа началась борьба изъ-за неограниченнаго господства, закончившаяся побѣдою послѣдняго. Лувуа ловко воспользовался цезаристскимъ безуміемъ Людовика XIV, чтобы увлечь его на путь воинственной политики, которая разрушила съ такимъ трудомъ созданное Кольберомъ дѣло, но укрѣпила всемогущество Лувуа. Вмѣстѣ съ тѣмъ медленно совершался наступившій процессъ полнаго разоренія Франціи, съ которымъ Кольберъ неутомимо боролся до самой своей смерти, но который началъ быстро развиваться при его неспособныхъ преемникахъ. Уже въ 1673 г. Кольберъ нашелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ повышенію тальи, соляного налога, таможенныхъ пошлинъ, словомъ, всѣхъ фискальныхъ тягостей и повторить то же самое въ слѣдующемъ году. Талья, надъ уменьшеніемъ которой онъ такъ долго работалъ [1]), возросла въ эти два года съ 33 до 41 милліона, и финансовая нужда заставила возстановить уничтоженныя уже при Мазарини гербовыя пошлины. Нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ столь чрезмѣрный ростъ налоговъ вызвалъ въ 1675 г. страшное возстаніе въ Бретани, въ которомъ противъ правительства выступили не только крестьяне, но и буржуазія различныхъ городовъ. Постепенно здѣсь были введены гербовыя пошлины, хотя сословія въ предыдущемъ году были освобождены отъ нихъ вслѣдствіе внесеннаго ими двойного «don gratuit» (добровольнаго дара);

---

¹) Она уменьшилась съ 42.028.096 ливровъ въ 1661 г. до 33.845.797 ливровъ въ 1671 г. и даже во время войны съ Голландіей никогда не поднималась выше 40.000.000. Еще въ 1683 г. Кольберъ въ своей запискѣ напечатанной у Форбоннэ, I, стр. 564, писалъ: „Когда его величество рѣшился уменьшить свои расходы и спрашивалъ, чѣмъ можно помочь его народу, я предполагалъ: 1) уменьшить талью и въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ сократить ее до 25.000.000...“ Цитировано у *Bonnemère* Histoire etc., II стр. 104.

были повышены налоги на табакъ и на соль, и возстановлены старые феодальные «lods et vents» (пошлины, уплачиваемыя при переходѣ имущества изъ однѣхъ рукъ въ другія). Вообще, всѣ налоги, которые по обычному праву лежали на крестьянинѣ, были сильно повышены и выколачивались изъ него всяческими способами. Старымъ постоянно возвращавшимся страданіямъ соотвѣтствовалъ и старый боевой кличъ возставшихъ. Освобожденіе отъ ярма аристократіи, налоговъ и повинностей, возложенныхъ на нихъ дворянами, было естественною цѣлью движенія.

Въ одномъ «Code paisant» (крестьянскомъ кодексѣ) требовалось освобожденіе труда и утвержденіе арендныхъ договоровъ. Пуату, Бордлэ и даже Дофинэ присоединились къ возстанію. Какъ и 100 лѣтъ тому назадъ, центромъ его былъ Бордо, откуда начаты были переговоры съ голландцами о помощи. Занятый всецѣло своими внѣшними войнами, Людовикъ XIV вынужденъ былъ вступить въ переговоры съ возставшими и даже издалъ указъ объ амнистіи, который однако не имѣлъ успѣха, такъ какъ ему имѣли полное основаніе не довѣрять. Но возстанію не доставало ни внутренней силы, ни опредѣленности поставленной себѣ цѣли, ибо, несмотря на переговоры съ иностранными державами, самостоятельность провинцій не могла быть признана, какъ таковая. Поэтому король долженъ былъ держаться вынужденной политики ожиданія, отъ которой онъ могъ только выиграть. Какъ только внѣшняя война ему позволила освободить большія военныя силы, онъ тотчасъ же послалъ ихъ въ возставшія провинціи и въ короткое время истребилъ толпы повстанцевъ. За побѣдою войскъ послѣдовали обычныя сцены.

Послѣ смерти Кольбера начинается періодъ, такъ мѣтко охарактеризованный Вольтеромъ въ немногихъ словахъ: «Люди умирали отъ голода при звукахъ Te Deum»! «Люди»—это громадная масса, «peuple menu» (сѣраго народа) и прежде всего крестьяне. Въ послѣдніе 25 лѣтъ прославленнаго царствованія Людовика XIV крестьяне, совершая свою Via dolorosa, дошли до самаго страшнаго ея этапа. до момента агоніи своей крестной смерти. Послѣ заключенія Нимвегенскаго мира Кольберъ еще четыре года тщетно боролся съ безпрерывнымъ уменьшеніемъ доходовъ и столь же безпрерывнымъ увеличеніемъ расходовъ; на всякій намекъ на бережливость король отвѣчалъ словами: «всѣ мои расходы необходимы!» Его преемники все шире и шире примѣняли политику, которой онъ слѣдовалъ. Самые дурные пріемы финансовой практики, учрежденіе и продажа новыхъ должностей и дворянскихъ грамотъ, ухудшеніе качества монеты и т. п. мѣры слѣдовали одна за другою, какъ единственные способы, которыми дѣйствовали безпомощные министры финансовъ. Уже въ 1685 г., когда талья была повышена на $^1/_{11}$ часть своей прежней суммы и создано было безчисленное множество новыхъ должностей, связанныхъ съ изъятіемъ

отъ налоговъ, сельское населеніе опять обратилось къ массовому нищенству, какъ во времена Фронды и Фукэ. Тяжелыя потери страны, причиненныя ханжествомъ религіозной политики и переселеніемъ гугенотовъ, этихъ представителей французской кустарной промышленности, самымъ гибельнымъ образомъ отразились на земледѣліи. Къ этому надо прибавить, что по мѣрѣ того, какъ король становился старъ, дворянство все болѣе и болѣе вновь пріобрѣтало частью утраченное уже имъ господство, которое сопровождалось возрожденіемъ освященной древнимъ обычаемъ крестьянской политики, покоившейся на томъ принципѣ, что крестьянъ необходимо давить (ecraser), чтобы держать ихъ въ подчиненіи и повиновеніи. Людовикъ XIV былъ всегда глубоко убѣжденъ въ томъ, что трудящіеся классы, особенно крестьяне, самимъ Богомъ предназначены служить въ качествѣ крѣпостныхъ другимъ классамъ, т. е. дворянству и духовенству. Абсолютная монархія, которая въ борьбѣ противъ феодализма опиралась на полные энергіи городскіе классы, обязанные своимъ блестящимъ расцвѣтомъ въ царствованіе Людовика XIV той же настойчивой политикѣ Кольбера, забыла свои прошлыя традиціи: вмѣсто того, чтобы подолжать борьбу съ феодальными привилегіями, она щедрою рукою раздавала безчисленное количество новыхъ, усиливая могущество дворянъ и духовенства, которые своими необузданными злоупотребленіями успѣли въ значительной степени предупредить разореніе, грозившее имъ гибелью, и для своихъ эгоистическихъ цѣлей пустила въ ходъ весь чудовищный механизмъ современнаго централизованнаго государства. Эта кучка людей, богатство которыхъ безпрерывно росло на счетъ всей страны, довершила гибель земледѣлія, растрачивая деньги, выжимаемыя изъ крестьянъ, на безумную роскошь и нисколько не помышляя о томъ, чтобы часть этихъ денегъ употребить на сельскохозяйственныя улучшенія [1]). Гнетъ и нищета взаимно порождали другъ друга. Старались выдавать себя за нищихъ, чтобы не стать жертвою жадныхъ откупщиковъ налоговъ, а чтобы казаться нищими, ограничивались работой, лишь самой необходимой для нищенскаго существованія [2]). Съ другой стороны, нищета притворная или

---

[1]) Объ этомъ абсентеизмѣ и его послѣдствіяхъ см. Du Cellier, Histoire etc., 254 и слѣд.: земельнымъ участкамъ, изъ которыхъ извлекалась рента, послѣдняя никогда не возвращалась.

[2]) *Vauban*, Projet d'une dime royale, 1707, стр. 30. „Болѣе сильный всегда угнетаетъ болѣе слабаго; и эти отношенія настолько упрочились, что тотъ, кто, обладая какимъ-либо талантомъ, могъ бы приложить его къ искусству или промышленности и тѣмъ улучшить свое собственное существованіе и своей семьи, предпочитаетъ остаться въ прежнемъ положеніи, зарывая свой талантъ; тотъ, кто, прикупивъ одну или двѣ коровы

истинная заставляетъ откупщиковъ налоговъ при взиманіи послѣднихъ прибѣгать ко всякимъ средствамъ насильственнаго ихъ выколачиванія, чтобы во что бы то ни стало выжать изъ крестьянской бѣдноты необходимыя суммы. Крестьянина разоряли до-тла, ибо въ ходъ пускалась даже самая безразсудная мѣра, съ помощью которой можно было бы выжать изъ него хотя какую-нибудь сумму: если онъ былъ собственникомъ, то его прямо разоряли, если онъ былъ арендаторомъ, то постоянно возростающіе налоги къ концу арендяаго срока лишали его всякой прибыли; если онъ былъ половникомъ, то тѣ же налоги поглощали его натуральный доходъ; если же онъ былъ простымъ наемнымъ рабочимъ, то его разоряло отсутствіе работы. Чтобъ понять всю безразсудность финансовой политики по отношенію къ крестьянину, достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ. Для извлеченія большихъ доходовъ изъ гербоваго сбора, воспрещалось заключать арендные договоры болѣе, чѣмъ на девять лѣтъ, т. е. арендаторамъ воспрещалось прочно осѣдать на арендованной ими землѣ и производить улучшенія для повышенія ея доходности [1]). Напротивъ, запрещеніе Кольбера конфисковать скотъ и сельскохозяйственныя орудія за неплатежъ податей было отмѣнено и крестьянина отдавали связаннаго по рукамъ и ногамъ сборщикамъ податей, которые разрушали его постройки и продавали ихъ на сломъ. Подъ предлогомъ, что сельское духовенство при веденіи гражданскихъ списковъ недостаточно соблюдаетъ законныя предписанія, были созданы новыя должности, на которыя и была возложена регистрація крещеній, браковъ и погребеній; эти должности были соединены, конечно, съ необходимыми канцелярскими сборами. Потомъ онѣ были проданы одному обществу менѣе, чѣмъ за 4.000.000 ливровъ, такъ что «сборщики этого налога во всемъ королевствѣ простерли свои святотатственныя руки на святыя таинства». Поэтому въ Перигорѣ и въ Керси крестьяне, для избѣжанія уплаты новыхъ сборовъ, сами кре-

---

и нѣсколько барановъ и овецъ, могъ бы съ ихъ помощью улучшить свою собственную или арендованную землю, вынужденъ отказаться отъ этого, чтобы въ слѣдующемъ году не пасть подъ бременемъ увеличеннаго поземельнаго налога; а это неизбѣжно случилось бы, если бы его доходы хоть сколько-нибудь увеличились и если бы урожай его былъ обильнѣе обыкновеннаго. Поэтому-то онъ вмѣстѣ съ своей семьей не только живетъ очень бѣдно и ходитъ почти голымъ, т. е. потребляетъ очень мало, но даже обрекаетъ свой участокъ земли на полное истощеніе, обрабатывая его лишь наполовину, изъ опасенія, что, если бы участокъ его приносилъ весь тотъ доходъ, который онъ могъ бы дать при хорошемъ удобреніи и надлежащей обработкѣ, это послужило бы лишь поводомъ для взысканія съ него налога въ двойномъ размѣрѣ".

[1]) Forbonnais, II, стр. 63.

стили и женили своихъ дѣтей безъ всякихъ религіозныхъ обрядностей. Преслѣдуемые обществомъ, откупившимъ сборъ этого налога, они оказали сопротивленіе, которое разразилось возстаніемъ. Толпы крестьянъ ходили по странѣ, принуждая дворянъ становиться во главѣ ихъ отрядовъ, и взяли штурмомъ городъ Кагоръ. Государственный совѣтъ остался глухъ къ жалобамъ сборщиковъ налога и отказывался вмѣшаться, хотя откупная сумма и была имъ получена; но и эдиктъ отмѣненъ не былъ [1]).

Снова крестьянинъ для уплаты своихъ налоговъ и долговъ оказался вынужденнымъ разстаться съ своею земельною собственностью и опустился до положенія наемнаго рабочаго или половника. Въ сочиненіяхъ Вобана и Буагильбера онъ фигурируетъ только въ роли manoeuvre или metayer, трудъ которыхъ эксплоатируется крупными арендаторами. Оба автора, какъ на слѣдствіе отчужденія земли отъ крестьянъ, указываютъ на чрезвычайное сокращеніе площади обрабатываемой земли и доходности ея [2]).

Эта финансовая политика была усвоена подъ непосредственнымъ вліяніемъ непомѣрныхъ требованій къ государственному казначейству, связанныхъ съ безпрерывными войнами; съ 1689 по 1697 гг. велась коалиціонная война, съ 1701 по 1714 гг. война за испанское наслѣдство; одновременно съ нею велась война съ камизарами (возставшими кальвинистами въ Севеннахъ) съ 1702 по 1705 гг., закончившаяся страшнымъ опустошеніемъ Лангедока. 1692 и 1693 гг. были годами исключительно плохихъ урожаевъ, поэтому въ 1695 г. былъ введенъ поголовный налогъ. Въ 1693 и 1694 гг. свирѣпствовалъ ужасный голодъ въ генералитетѣ Алансонъ, такъ что населеніе за это время сильно уменьшилось. Лимузэнъ съ 1691 г. находился въ страшной нуждѣ—хлѣбъ, виноградныя лозы, каштановыя деревья были уничтожены морозомъ; жители продавали скотъ и мебель, чтобы не умереть съ голоду. Въ январѣ 1692 г. интендантъ насчитывалъ болѣе 70.000 человѣкъ, которые вынуждены были побираться. Такъ какъ голодъ не прекращался, то въ слѣдующемъ году перемерла почти треть населенія; въ 1694 г. во многихъ мѣстахъ люди питались хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ виноградныхъ зеренъ и корня папоротника. Въ 1698 г. населеніе Фландріи уменьшилось на $^1/_{10}$ общаго его количества [3]). Въ 1709 г. началось вступленіе союзныхъ войскъ во Францію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опустошеніе страны чужими и своими. Французская армія, не получавшая жалованья, жила грабежемъ и контрабандой. Толпами въ 200—300 человѣкъ проходили солдаты по Нор-

---

[1]) *Bailly,* Histoire financière de la France, Paris 1830, II, стр. 10 и 11.

[2]) *Doniol,* Histoire etc., стр. 428—434.

[3]) По отчетамъ интендантовъ генеральному контролеру; см. *Levasseur,* La population française, I, стр. 196 и слѣд.

мандіи, Пикардіи, Анжу, Орлеанэ и открыто продавали соль, награбленную въ королевскихъ соляныхъ складахъ [1]. Всевозможныя бѣдствія обрушились на Францію въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV—суровыя зимы, продолжительныя засухи, наводненія. Зима 1709 г. была особенно сурова. Провансъ лишился своихъ апельсиновыхъ и оливковыхъ деревьевъ; виноградъ погибъ всюду; озимые всходы пропали. Доведенный до отчаянія крестьянинъ, вопреки запрещенію полиціи, засѣялъ ячмень и своимъ ячменнымъ хлѣбомъ спасъ страну отъ ужасныхъ бѣдствій голода. Во многихъ мѣстахъ растирали пырейный корень, саженую рѣпу и другія растенія и изъ этой смѣси пекли нѣчто въ родѣ хлѣба; въ другихъ мѣстахъ крестьянинъ, вынужденный продавать для уплаты податей то небольшое количество зерна, которое ему удавалось собрать съ своего поля, питался травой, которой не могъ оспаривать у него давно уже исчезнувшій скотъ [2]). Вслѣдъ за зимою наступилъ голодъ, за зимою и голодомъ—наводненія, вызвавшія особенно страшныя бѣдствія въ долинѣ Луары; чаша бѣдствій была переполнена хлѣбной спекуляціей, предпринятой финансовой администраціей при помощи всего государственнаго механизма. Вся Франція умирала отъ голода; громадныя пространства превращались въ пустыни, пустѣли обширныя фермы, такъ что ордонансами 11 іюня 1709 г., января и октября 1713 г., 16 января 1714 г. и 6 декабря 1717 г. каждому крестьянину разрѣшено было пользоваться исключительно для своихъ хозяйственныхъ выгодъ землями, которыя не воздѣлывались своими старыми владѣльцами и покинуты ими вслѣдствіе смерти, бѣгства, или разоренія [3]).

Къ счастью, мы имѣемъ въ рукахъ большое количество описаній положенія Франціи вообще и французскаго крестьянства въ частности въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка и мы сдѣлаемъ изъ этой богатой коллекціи нѣсколько извлеченій, которыми и заключимъ нашу краткую исторію французскаго крестьянина. Кромѣ сочиненій независимыхъ писателей, которые какъ Вобанъ и Буагильберъ, отнюдь не были враждебны монархіи, мы обращаемъ вниманіе еще на составленные по предложенію герцога Бургундскаго отчеты интендантовъ о положеніи провинцій государства; несмотря на то, что составители отчетовъ скорѣе предпочитали розовыя краски мрачнымъ, картина, раскрытая ими, оказывается, тѣмъ не менѣе, ужасной [4]).

---

[1]) *Bailly*, Histoire etc., II, стр. 23.

[2]) *Bonnemère*, Histoire etc., II, стр. 144.

[3]) *Bonnemère*, Histoire etc., II, стр. 151.

[4]) Графъ Буленвилье разработалъ отчеты интендантовъ въ сочиненіи: Etat de la France. Extraits des mémoires dressés par les Intendants du

«Я сдѣлалъ точное наблюденіе, говоритъ Вобанъ: въ послѣднее время почти десятая часть народа взялась за нищенскій посохъ и дѣйствительно нищенствуетъ, изъ остальныхъ девяти частей пять не въ состояніи помогать этимъ нищимъ подаяніемъ, такъ какъ сами находятся почти въ такомъ же положеніи; изъ остающихся еще четырехъ частей у трехъ дѣла очень плохи, такъ какъ они были обременены долгами и процессами» [1].

Само собою разумѣется, что голодала и бѣдствовала главнымъ образомъ сѣрая масса (le menu peuple), хотя она своею численностью и дѣйствительными услугами, которыя она оказывала, составляла важнѣйшую часть населенія! Она на своихъ плечахъ выносила всѣ тяготы жизни и страдала, какъ и теперь еще страдаетъ, больше всѣхъ [2]. Вобанъ приводитъ нѣкоторыя цифры рабочаго бюджета, заслуживающія упоминанія. Онъ опредѣляетъ годичное рабочее время 180 днями и поденную плату сельскаго рабочаго въ 9 sols (су); послѣдняя цифра, повидимому слишкомъ высока, и 8 sols были бы ближе къ истинѣ. Для поддержанія семьи изъ четырехъ душъ рабочій долженъ былъ тратить на хлѣбъ 60 ливровъ, такъ что, за вычетомъ этого расхода и 14 ливровъ 16 sols налоговъ, у него еще оставалось 15 ливровъ и 4 sols на квартирную плату, починку, бѣлье, домашнюю утварь и т. п. Если у него не было коровы, козы, свиньи, куръ, если его жена и самъ онъ не имѣли никакого заработка отъ тканья или другого какого-нибудь промысла, то онъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ свиного сала, отъ коровьяго и оливковаго масла. Но и въ болѣе благопріятномъ случаѣ существованіе его безъ обработки собственнаго клочка земли становилось почти невозможнымъ [3]. Такую же картину отчаяннаго положенія Франціи—и опять таки главнымъ образомъ крестьянства—нарисовалъ еще въ 1690 г. Жюрье въ своей книгѣ «Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté» (Amsterdam). «Населеніе королевства такъ сильно уменьшилось, что въ немъ насчитывается жителей на четверть или треть меньше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. За исключеніемъ Парижа, куда всѣ стекаются какъ въ какое-нибудь убѣжище и который поэтому съ каждымъ днемъ увеличивается, остальные города потеряли половину своихъ богатствъ и жителей. Крестьянинъ влачитъ самое жалкое существованіе; загорѣвшій подъ лучами палящаго солнца, онъ похожъ цвѣтомъ своей кожи на африканскаго раба, и все въ его жизненной обстановкѣ громко кричитъ

Royaume par l'ordre du roi Louis XIV. Я пользовался лондонскимъ изданіемъ 1727—1728 г.

[1]) *Vauban,* Projet etc., стр. 4.

[2]) *Vauban,* Projet etc., стр. 18.

[3]) *Vauban,* Projet etc., стр. 97.

о страшной бѣдности» [1]). Три года спустя Людовикъ XIV получилъ анонимное письмо, приписываемое архіепископу Камбрайскому, Фенелону. Въ этомъ письмѣ, не имѣвшемъ, разумѣется, никакихъ послѣдствій, передъ королемъ была развернута истинная картина положенія народа: «Вашъ народъ мретъ отъ голода; обработка полей почти прекратилась; города и села теряютъ свое населеніе... Вся Франція представляетъ собою огромную, пустынную богадѣльню, лишенную средствъ къ жизни; народъ, который васъ (короля) такъ сильно любилъ, начинаетъ терять любовь, довѣріе и даже уваженіе къ вамъ. Народныя волненія, неизвѣстныя уже съ давнихъ поръ, учащаются... Вы теперь доведены до крайняго, самаго печальнаго положенія—или оставлять мятежи безнаказанными, или истреблять свой собственный народъ, доведенный до отчаянія и... ежедевно вымирающій отъ голода». Если эти слова оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, то, конечно, и отчеты интендантовъ не могли удержать короля, одержимаго маніей величія, отъ новыхъ войнъ. Намъ легко было бы привести изъ обширныхъ выписокъ изъ отчетовъ, находящихся въ сочиненіи Булэнвилье, цѣлыя картины, рисующія въ мрачныхъ краскахъ бѣдствія крестьянъ, но достаточно будетъ сдѣлать нѣсколько цитатъ. [2]) «Крестьянинъ, изможденный, черный, почти всегда грязный, работящій и бережливый, питается ячменемъ, смѣшаннымъ съ пшеницею и рожью или гречихою. Онъ пьетъ одну воду, и даже крестьяне, занимающіеся виноградарствомъ, подмѣшиваютъ воду къ своему вину. Онъ спитъ вмѣстѣ со своимъ скотомъ, чтобы пользоваться его теплотою.» «Недостаточность питанія ведетъ къ вырожденію расы, ибо бѣдность крестьянъ такъ велика, что дѣти ихъ рождаются на свѣтъ болѣзненными, хилыми и неспособными къ продолжительной жизни, такъ какъ имъ недостаетъ питанія, необходимаго для правильнаго роста». «Даже дикарю не приходится переживать ничего подобнаго тому, что переживаетъ крестьянинъ. Часто ихъ встрѣчаютъ толпами расположившимися среди обработаннаго поля, но всегда вдали отъ большой дороги; они сейчасъ же разбѣгаются, какъ только дѣлается попытка приблизиться къ нимъ». Мѣткую характеристику этого пугливаго и скотоподобнаго крестьянина даетъ Лабрюйеръ въ своихъ Caractères. «Мы видимъ, говоритъ онъ, какъ бродятъ по всей странѣ дикіе звѣри въ образѣ мужчинъ и женщинъ, грязные, истощенные и совершенно сожженные солнцемъ; склонившись къ землѣ,

---

[1]) Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté. Amsterdam, 1690, стр. 23.

[2]) Болѣе длинныя извлеченія можно найти у *Bonnemère,* Histoire etc. II, стр. 120—127: *Bonnemère,* La France sous Louis XIV, II, стр. 272—294; *Martin,* Histoire de France, XIV, Buch 89.

они обрабатываютъ ее съ непобѣдимымъ упорствомъ; они обладаютъ чѣмъ-то въ родѣ членораздѣльной рѣчи и, когда выпрямляются, показываютъ человѣческое лицо—и на самомъ дѣлѣ это—люди; ночью они возвращаются въ свои логовища, гдѣ питаются хлѣбомъ, водою и корнями; они избавляють другихъ людей отъ труда сѣять, работать и собирать жатву для того, чтобы жить, и потому и сами они не заслуживаютъ того, чтобы ихъ лишали хлѣба, который они сѣяли».

II. Сельское духовенство.

Въ другомъ мѣстѣ я уже упоминалъ о той пропасти, которая постепенно образовалась между крестьянскимъ сословіемъ и остальными частями населенія и съ каждымъ столѣтіемъ углублялась все больше и больше. Единственный классъ, который до извѣстной степени служилъ связующимъ звеномъ между обѣими сторонами,—сельское духовенство, обречено было на полное безсиліе и вмѣсто того, чтобы поднимать нравственный и умственный уровень крестьянина, само опустилось до его уровня и впало въ состояніе полной изолированности. Время регентства Анны Австрійской и Фронды оказало и на него самое роковое вліяніе. Прогнанные со своихъ насиженныхъ мѣстъ, священники (curés) превращались въ бродягъ, кочевавшихъ по странѣ; чтобы избѣжать голодной смерти на улицѣ, они грабили и просили милостыню, исполняли шпіонскіе обязанности во всѣхъ партіяхъ, одинаково всѣмъ измѣняя. Всѣ указы церковныхъ властей не приносили никакой пользы. Уваженіе къ духовному званію пало до того, что одинъ священникъ считалъ за оскорбленіе, когда къ нему обращались со словомъ prêtre (священникъ). Пьянство и развратъ были любимымъ занятіемъ низшаго духовенства, распущенность котораго была совершенно невѣроятна [1]). Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; такое положеніе было естественнымъ слѣдствіемъ уже практиковавшейся церковной политики, существенной чертой которой было господство аристократіи. Съ тѣхъ поръ, какъ условіемъ посвященія въ высшій духовный санъ сдѣлали благородное происхожденіе и такимъ образомъ въ самомъ духовенствѣ введено было разграниченіе между эксплоататорами и эксплоатируемыми, между привилегированными и непривилегированными, деревни сдѣлались наслѣдственнымъ достояніемъ священниковъ низшаго, большей частью крестьянскаго происхожденія. Въ большинствѣ случаевъ доходы съ должностей приходскихъ священниковъ при-

[1]) *Bonnemère,* La France etc., II, 2—4; см. также Memoires de Flechier sur les Grands-Jours d'Auvergne en 1665, Paris 1856, стр. 84, 111—114.

надлежали какому-нибудь высшему духовному сановнику, который оставлялъ подчиненному ему сельскому духовенству столько, сколько нужно было только для того, чтобы не умереть съ голоду; эта доля доходовъ была извѣстна подъ именемъ portion congrue. Угнетаемые, эксплоатируемые, дурно вознаграждаемые, грубые и разнузданные въ обращеніи съ крестьянами, сельскіе священники были покорными рабами своихъ епископовъ, въ карманы которыхъ стекались огромныя доходы съ церковныхъ имѣній [1]). «Священники—рабы своихъ епископовъ. Нѣтъ ничего болѣе нищенскаго, болѣе жалкаго, болѣе унизительнаго, чѣмъ положеніе низшаго духовенства. Въ то время какъ епископъ занимаетъ положеніе крупнаго сеньора и производитъ скандальныя траты на собакъ, лошадей, мебель, слугъ, пиршества, экипажи, священникамъ его епархіи не на что купить сутану. Епископы обращаются съ своими священниками, какъ съ конюхами [2]). Это рабское положеніе приходскихъ священниковъ было закрѣплено указомъ Людовика XVI, который объявлялъ ихъ «destituables par leurs Evêques ad natum»; это значило, что епископъ могъ смѣщать и прогонять священника съ мѣста, когда это ему заблагоразсудится, руководясь при этомъ ни чѣмъ инымъ, какъ только своимъ произволомъ и усмотрѣніемъ—car tel est notre plaisir [3]).

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если такъ рѣдко встрѣчались сельскіе священники, подобные тому, о которомъ намъ разсказываетъ Флешье. Этотъ добрый священникъ нападалъ въ своихъ проповѣдяхъ на короля и его министровъ. «Онъ совершенно серьезно говорилъ своимъ прихожанамъ, что Франція дурно управляется; что она деспотическая монархія; въ одной старой книгѣ, трактующей о римской республикѣ, онъ вычиталъ столь прекрасныя вещи, какъ независимая жизнь, свободная отъ платежа налоговъ; что никогда народъ не испытывалъ столь тяжкихъ бѣдствій, и много другихъ поучительныхъ вещей говорилъ онъ, которыя его грубымъ слушателямъ были пріятнѣе Евангелія. Простонародье находило проповѣдь въ этотъ день очень разумной и признало мысль и возможность жить, не платя налоговъ, глубокой истиной, и всѣ находили что священникъ на этотъ разъ сказалъ такую прекрасную проповѣдь, что превзошелъ самого себя» [4]). Флешье прибавляетъ къ этому, что «добрый

---

[1]) Духовенство въ эпоху Людовика XIV владѣло почти пятою частью земельной собственности во Франціи и 130 милліонами ежегоднаго дохода, который составлялся изъ десятинъ, подаяній, платъ за церковныя требы и отпущеніе грѣховъ, пожертвованій.

[2]) Les soupirs de la France etc., стр. 48.

[3]) Les soupirs etc., стр. 49.

[4]) Memoires de Flechier sur les Grand-Jours en 1665, стр. 194 и 95.

кюрэ» дошелъ до безбожія и богохульства, т. е. нападалъ на небо и землю, за что и понесъ достойное наказаніе въ видѣ годичной ссылки. До такой смѣлости выраженій не доходилъ приходскій священникъ, съ коммунизмомъ котораго намъ теперь придется подробно ознакомиться, хотя, безъ сомнѣнія, смѣлостью своей мысли онъ превзошелъ священника изъ Оверни.

ГЛАВА III.

Жанъ Мелье.

Жанъ Мелье (Meslier или Mellier) родился 15 іюня 1664 г.[1]) въ Мазерни, въ Шампаньи, въ семьѣ ткача. Сосѣдній священникъ обучилъ его словесности и помогъ поступить въ семинарію въ Шалонѣ-на-Марнѣ, гдѣ на ряду съ церковной догматикой онъ занимался изученіемъ философіи Декарта.

Въ 1692 г. онъ сдѣлался священникомъ въ Этрепиньи въ Арденнскомъ департаментѣ и жилъ здѣсь до самой смерти, усердно исполняя свои пастырскія обязанности. Его спокойная и монотонная жизнь была нарушена ссорою съ дворяниномъ его села. Послѣдній, нѣкій господинъ Клери, однажды жестоко обошелся съ нѣсколькими крестьянами. Мелье, всю свою жизнь посвятившій служенію этимъ всѣми угнетаемымъ несчастнымъ существамъ, возмущенный поведеніемъ благороднаго господина, обошелъ его въ церкви во время воскресной молитвы. Дворянинъ пожаловался реймскому архіепископу, кардиналу Мапи; архіепископъ потребовалъ, чтобы Мелье извинился передъ дворяниномъ и помолился за него. Наступило слѣдующее воскресенье. Мелье взошелъ на амвонъ и ревностно помолился за господина Клери. «Такова судьба бѣднаго приходскаго священника»! воскликнулъ онъ при этомъ. «Архіепископы, какъ великіе міра сего, презираютъ насъ и не заботятся о насъ. Они слушаютъ только аристократовъ. Помолимся же за господина нашего села. Помолимся Богу, чтобы онъ обратилъ его на истинный путь, чтобы онъ не допустилъ его больше впасть въ грѣхъ жестокаго обращенія съ бѣдняками и обиранія стариковъ». Новая жалоба и новый выговоръ были послѣдствіемъ этой странной молитвы. Ссора между священникомъ и дворяниномъ, повидимому, затягивалась, и въ концѣ концовъ жестокія преслѣдованія, которымъ

---

[1]) По словамъ Вольтера, въ 1678 г.

подвергся Мелье со стороны своего духовнаго начальства довели его, какъ позднѣе разсказывали въ приходѣ, до голодной смерти (1729 г.) [1]).

Насколько эта, нарушенная лишь споромъ за правое дѣло, жизнь казалась безмятежной и спокойной прихожанамъ, настолько же тяжелой и бѣдственной была она для того, кому ее пришлось пережить. Атеистъ— онъ въ силу своего офиціальнаго положенія обязанъ былъ проповѣдывать величіе и божественность католической религіи и церкви; коммунистъ, пылавшій ненавистью къ французскому государственному строю съ его королевскою властью и дворянствомъ, онъ вынужденъ былъ каждое воскресенье молиться Богу, въ котораго не вѣрилъ, и призывать свою паству къ добровольному подчиненію порядку, который сдѣлалъ изъ нея толпу нищихъ и рабовъ. Достаточно смѣлый для того, чтобы мысленно порвать со всѣмъ, что въ то время почиталось священнымъ, но не достаточно сильный, для того чтобы громко возвѣстить истину всему міру и пострадать за нее [2]), онъ предпочелъ всю жизнь нести послѣдствія этого мучительнаго внутренняго разлада и избѣгать людей, чтобы не измѣнить своимъ убѣжденіямъ и чувствамъ. Въ трогательныхъ выраженіяхъ оправдывается онъ передъ своими прихожанами въ этомъ лицемѣріи, продолжавшемся цѣлую жизнь, ссылаясь на то обстоятельство, что еще въ юности родители его готовили къ духовному званію, желая тѣмъ обезпечить ему пріятную, спокойную и почетную жизнь, но что онъ никогда не прибѣгалъ къ благочестивому торгу религіей для своего обогащенія, а, напротивъ, постоянно старался добрыми дѣлами исправить ту неправду, которую онъ вынужденъ былъ говорить въ своихъ проповѣдяхъ. Но огнемъ непримиримой и все возрастающей ненависти полна его рѣчь, при воспоминаніи о томъ, что онъ проповѣдуетъ своимъ крестьянамъ глупыя заблужденія и пустыя предразсудки, которые самъ онъ презираетъ, ненавидитъ, осуждаетъ; что онъ

---

[1]) По словамъ другихъ въ 1733 г. — Во время господства Конвента Анахарсисъ Клотцъ, восторженный „ораторъ человѣчества“ внесъ предложеніе о сооруженіи памятника Мелье, котораго онъ назвалъ „неустрашимымъ, благороднымъ, примѣрнымъ“. Конвентъ передалъ предложеніе въ комитетъ народнаго образованія: „Національный конвентъ посылаетъ въ свой комитетъ народнаго образованія проектъ, внесенный однимъ изъ его членовъ о сооруженіи памятника Жану Мелье, священнику Этрепиньи, имѣвшему силу и мужество отвергнуть религіозныя заблужденія“.

[2]) Le Testament de Jean Meslier, I, стр. 25: „Я желалъ бы, мои дорогіе друзья (крестьяне), умереть такъ же спокойно, какъ я жилъ, и такъ какъ я никогда не подавалъ вамъ повода желать мнѣ зла или радоваться когда оно со мной приключалось, то я не думаю, чтобы вамъ было пріятно видѣть меня жертвою преслѣдованій и гнета; вотъ почему я рѣшился хранить молчаніе“.

торжественно совершаетъ идолопоклонническія мессы и забавныя таинства, которыя онъ тысячи разъ проклиналъ въ своей душѣ [1]). Но то, что онъ не отважился высказать при жизни, возвѣстилъ онъ, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти своей общинѣ и всему міру! Поэтому свидѣтелемъ истины онъ сдѣлалъ свои мемуары, въ которыхъ излилъ все, что волновало его умъ и его сердце при жизни, и оставилъ ихъ своей общинѣ, какъ драгоцѣнное наслѣдство.

Три тщательно переписанныя имъ копіи съ этихъ мемуаровъ съ надписью «Мое завѣщаніе» были найдены послѣ его смерти—двѣ въ его квартирѣ и одна въ церкви святой Менегульды; и вскорѣ въ Шампани начали циркулировать нѣсколько сотъ списковъ съ этихъ запрещенныхъ, но съ тѣмъ большею жадностью читаемыхъ, мемуаровъ. Слава о нихъ дошла до самаго Парижа, и уже въ 1735 г. на нихъ обратилъ вниманіе Вольтеръ. Между тѣмъ только въ 1762 г. онъ сдѣлалъ извлеченіе изъ этого «слишкомъ длиннаго, слишкомъ неуклюжаго, слишкомъ возмутительнаго труда, которое заключаетъ въ себѣ все, достойное въ немъ вниманія», т. е. извлеченіе, въ которомъ тщательно устранено все, сказанное Мелье противъ вѣры въ Бога и соціальныхъ условій его времени; а это именно и составляетъ существенное содержаніе всего труда. Да и какъ могъ деистъ Вольтеръ, авторъ книги «Siècle de Louis XIV», тонкій царедворецъ, легкомысленный насмѣшникъ, дать мѣсто этому бурному порыву ненависти противъ Бога и королевской власти. Но насколько сильно было впечатлѣніе, произведенное на него книгой, видно изъ письма его, написаннаго Даламберу въ февралѣ 1762 г.: «Въ Голландіи напечатали завѣщаніе Жана Мелье; это только краткое извлеченіе изъ книги этого священника; я содрогался отъ ужаса, когда читалъ ее. Свидѣтельство священника, который, умирая, проситъ прощенія у Бога за то, что проповѣдывалъ христіанство, можетъ бросить большую тяжесть на чашку вѣсовъ свободныхъ мыслителей. Я пошлю вамъ одинъ экземпляръ этого завѣщанія антихриста, чтобы вы составили противъ него опроверженіе. Оно написано съ неуклюжею простотою, которая, къ несчастью, имѣетъ видъ краснорѣчія» [2]). Такимъ образомъ книга сдѣлалась извѣстной только въ этомъ извлеченіи и лишь черезъ 100 лѣтъ въ 1864 г. Р. Шарль, издавъ трудъ Мелье въ полномъ видѣ, освободилъ ея автора отъ жалкой и недостойной роли, на которую его осудилъ Вальтеръ [3]).

---

[1]) См. его оправданіе въ Testament, I, стр. 21—25.

[2]) Письма къ Даламберу, февраль 1762. Le Testament, I, LIV.

[3]) Le Testament de Jean Meslier... par Rudolph Charles, Amsterdam, 1864, 3 т.—изданіе, по которому я цитирую. Книга первоначально была озаглавлена: „Изложеніе мыслей и чувствъ І. М..., патера, приходскаго

Это завѣщаніе написано было авторомъ кровью сердца. Черезъ всѣ три тома его прокатывается волна непримиримой ненависти и острой горечи, вздымающаяся порою, бурля и пѣнясь, до чудовищной высоты [1]). Острый анализъ смѣлаго и не отступающаго ни передъ какими послѣдствіями ума обрушивается съ своей всесокрушающею критикою на всѣ твердыни и крѣпости божественной религіи и государства—и съ трескомъ падаютъ ихъ стѣны и башни, превращаясь въ груду развалинъ. Затѣмъ мы видимъ, какъ на очищенной почвѣ возникаетъ новое царство человѣческаго счастья, отразившее на себѣ всю мягкость и доброту гонимаго судьбою и людьми человѣка, въ которомъ мы едва узнаемъ пылающаго дикою ненавистью бойца.

«Я», такъ писалъ онъ на обложкѣ копіи съ своего Завѣщанія, предназначенной для его общины, «я позналъ заблужденія, злоупотребленія, суетность, глупость, испорченность людей; я ихъ презиралъ и ненавидѣлъ» [2]). Такимъ образомъ трудъ его направленъ противъ заблужденія, суетности и злоупотребленій людей, и потому его нападенія въ конечномъ счетѣ направлены противъ общественнаго режима, характерной чертой котораго является тиранія государей и рабское подчиненіе народовъ. Религія и церковь, которымъ посвящена большая часть его труда, рѣзко осуждаются имъ только потому, что онѣ служатъ главными орудіями *для того, чтобы держать народъ въ невѣжествѣ и рабствѣ.* Религія и политика собственно должны быть по принципамъ и основаніямъ своимъ противоположны и враждебны другъ другу. Религіозное милосердіе и благочестіе должны были бы осуждать жестокости и несправедливости тираническаго правленія; съ другой стороны, благоразуміе мудрой политики должно было бы вести къ уничтоженію злоупотребленій, заблужденій и обмана; но то, что должно быть, не всегда на самомъ дѣлѣ бываетъ. Религія и политика великолѣпно уживаются, когда онѣ вступаютъ въ соглашеніе между собою и заключаютъ дружескій союзъ. Какъ два плута, онѣ протягиваютъ другъ другу руки и оказываютъ другъ другу взаимную поддержку и защиту. Религія поддерживаетъ правительство, какъ бы дурно оно ни было; въ награду за это правительство поддерживаетъ религію, какъ бы глупо и ничтожно ни

священника въ Этрепиньи и Бютъ, о нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ и заблужденіяхъ въ поведеніи и управленіи людей, въ которомъ (изложеніи) содержатся ясныя и очевидныя доказательства суетности и лживости всѣхъ божествъ и всѣхъ религій въ мірѣ; написано, чтобы служить памяткой для его прихожанъ послѣ его смерти и свидѣтельствомъ истины для нихъ и для ихъ ближнихъ".

[1]) Вольтеръ называетъ стиль Мелье стилемъ „извощичьей лошади". Письмо къ Гельвецію, 1 мая 1763.

[2]) Le Testament etc. I, XXXIX.

было ея ученіе. Попы, служители религіи, подъ страхомъ осужденія и вѣчнаго проклятія, предписываютъ повиновеніе властямъ, князьямъ и монархамъ, такъ какъ они поставлены отъ Бога править народомъ. Монархи обезпечиваютъ попамъ санъ, предоставляютъ имъ хорошія доходныя мѣста, сохраняя ненужныя и безполезныя функціи ихъ должностей, и въ то же время заставляютъ народъ принимать, какъ нѣчто священное и освященное все то, что они дѣлаютъ или приказываютъ другимъ дѣлать, и все то, во что они вѣрятъ или заставляютъ другихъ вѣрить [1]).

Подвергнувъ критикѣ религіи вообще и особенно догматику христіанской религіи, сущность которой онъ видитъ въ пошломъ и отвратительномъ фанатизмѣ, и основатель которой въ его глазахъ былъ не кѣмъ инымъ, какъ «презрѣннымъ человѣкомъ, безъ ума, таланта и знаній — словомъ, глупцомъ, ничтожествомъ, жалкимъ фанатикомъ, несчастнымъ висѣльникомъ» [2]), Мелье переходитъ къ критикѣ христіанской морали, а затѣмъ — французскаго государства и общества [3]).

Три заблужденія открываетъ Мелье въ христіанской морали: 1) полное осужденіе плоти; 2) взглядъ, по которому совершенная добродѣтель и величайшее благо человѣка состоитъ въ стремленіи къ мукамъ и страданіямъ, и 3) положеніе, согласно которому запрещено отвѣчать насиліемъ на насиліе и предписывается любить своихъ враговъ. Эти нравственныя начала христіанства имѣютъ безусловно гибельное вліяніе на судьбы народовъ, грозятъ въ самомъ корнѣ сохраненію и размноженію человѣческаго рода и даже освящаютъ тиранію королей и великихъ міра сего ко вреду народовъ, которые въ несчастіи и бѣдности томятся подъ игомъ страшнаго и жестокаго рабства.

Куда ни оглянешься, говоритъ онъ, всюду видишь чудовищную неурядицу въ положеніи и условіяхъ жизни людей. Одни рождены какъ будто только для того, чтобы властвовать надъ другими и жить среди безпрерывныхъ наслажденій и удовольствій; другіе же для того, чтобы оставаться нищими, несчастными, жалкими рабами и всю жизнь стонать отъ нужды и страданій. Такъ какъ подобное ненормальное состояніе не оправдывается ни заслугами одного класса людей, ни безполезностью другого, то оно глубоко несправедливо и достойно нашего презрѣнія. Одинъ классъ, присваивающій себѣ все богатство, всѣ блага, всѣ удовольствія, весь досугъ, включаетъ въ себѣ короля и принцевъ, дворянство и духовенство и всѣхъ

---

[1]) Le Testament etc., I, стр. 14—15.

[2]) Le Testament etc., II, стр. 66—67.

[3]) Эта критика религіи Мелье была подробнѣе изложена Штраусомъ во второмъ приложеніи его книги о Вольтерѣ: „Der Pfarrer Melier und sein Testament“, стр. 409 -423.

богатыхъ и безполезныхъ бездѣльниковъ, которые вмѣстѣ со своею челядью живутъ плодами тяжелаго труда другого класса. Но этотъ другой классъ, изнемогающій подъ бременемъ заботъ, бѣдности и изнурительнаго труда,— это бѣдный народъ, французскій крестьянинъ. О немъ справедливо сказано, что нѣтъ ничего столь низкаго и жалкаго, столь презрѣннаго и бѣднаго, какъ этотъ крестьянинъ, который работаетъ только на дворянъ и духовенство и всей своей работой едва добываетъ себѣ кусокъ хлѣба [1]). Всѣ, вплоть до самаго плохенькаго дворянина, сосутъ и мучатъ крестьянина. Подобно тому, какъ какой-нибудь ядовитый паразитъ, присасываясь къ тѣлу, тревожитъ, терзаетъ и грызетъ его, такъ и всѣ эти люди ничего иного не дѣлаютъ, какъ безпрерывно тревожатъ, мучатъ, грызутъ и пожираютъ несчастный народъ. На него давятъ не только короли и принцы, его обычные тираны, но кромѣ того и все дворянство, все духовенство, все монашество вмѣстѣ со всѣми законовѣдами, со всѣми кровопійцами — финансовыми и податными откупщиками и со всѣмъ празднымъ и безполезнымъ народомъ [2]). «Вамъ говорятъ, восклицаетъ онъ, о чортѣ; на васъ наводятъ ужасъ однимъ только именемъ чорта, увѣряя, что черти — не только величайшіе враги вашего благополучія, но и существа столь отвратительныя и противныя, какихъ себѣ можно только представить. Но люди, изображающіе чертей, заблуждаются, когда они представляютъ вамъ ихъ въ видѣ такихъ гадкихъ и страшныхъ чудовищъ; они, какъ и ваши проповѣдники, обманываются сами и обманываютъ васъ, представляя вамъ,—одни въ картинахъ, другіе въ проповѣдяхъ,—чертей въ столь отвратительномъ, мерзкомъ и безобразномъ видѣ. Они должны были вамъ скорѣе представить ихъ въ образѣ всѣхъ этихъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ вы видите такими нарядными, красиво завитыми, напудренными, надушенными мускусомъ и сверкающими золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями. Черти, которыхъ малюютъ вамъ ваши попы и художники въ такомъ непріятномъ и отвратительномъ видѣ—лишь воображаемые черти; они внушаютъ страхъ только дѣтямъ и невѣждамъ и могутъ причинить лишь воображаемое зло тѣмъ, кого они пугаютъ. Напротивъ тѣ, другіе черти и чертовки, господа и дамы, о которыхъ я говорю, видимы и дѣйствительно существуютъ, какъ существуетъ и то зло, причиняемое ими бѣднымъ народамъ; они—существа вполнѣ реальныя и осязаемыя [3]).

На чемъ же, спрашиваетъ затѣмъ Мелье, основано право королей и дворянства на присваиваніе себѣ всѣхъ богатствъ и всей власти и на обра-

[1]) Le Testament etc., II, стр. 250.

[2]) Le Testament etc., II, стр. 223.

[3]) Le Testament etc., II, стр. 180, 181, переводъ Штрауса.

щеніе съ бѣднымъ народомъ, какъ съ рабами? Вѣдь всѣ люди равны по природѣ, рожденію и происхожденію; вѣдь природа не создаетъ особыхъ людей благородной крови? Онъ отвѣчаетъ на это слѣдующими словами: «Когда мы изслѣдуемъ происхожденіе дворянства и королевскаго величія и прослѣдимъ генеалогію государей и самодержцевъ до самаго ея источника, то найдемъ, что первые предки этихъ людей, которые такъ много шумятъ о своемъ благородномъ происхожденіи, были кровожадными и страшными разбойниками, поработителями, тиранами, негодяями, нарушителями общественнаго мира, ворами, отцеубійцами,—словомъ, древнѣйшее дворянство соединяло съ своимъ саномъ лишь подлость, опирающуюся на беззаконіе и насиліе» [1]). Эта столь незаконнымъ способомъ пріобрѣтенная власть затѣмъ въ теченіе столѣтій передавалась по наслѣдству и была прикрыта мантіей чести, справедливости и добродѣтели. Но вѣдь основать на такомъ фундаментѣ столь исключительныя отношенія между различными классами человѣчества, при которыхъ однимъ достается вся власть, наслажденія и богатства, а другіе оказываются въ полной зависимости отъ первыхъ и фактически являются ихъ рабами,—составляетъ самое очевидное и гнусное беззаконіе. Но гордость и высокомѣріе сильныхъ міра сего такъ возрасли, что они считаютъ себя совершенно особой отъ народа, лучшей, болѣе чистой расой, совершенно исключительными существами, для удовольствій и нуждъ которыхъ боги и произвели на свѣтъ народъ. Счастье служить имъ является, по ихъ мнѣнію, уже достаточною наградою для тѣхъ, которые вынуждены имъ служить.

Достойнымъ спутникомъ дворянства является абсолютная монархія, подъ тираніею которой стонетъ вся Европа. Ея гордость и безстыдство дошли до такихъ предѣловъ, что единственнымъ руководящимъ началомъ ея поступковъ, ея законовъ и указовъ служитъ только ея воля, ея произволъ: car tel est notre plaisir; sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas [2]). Льстецы убѣдили нашихъ королей, что они вольны надъ жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ они все приносятъ въ жертву своей славѣ и своему честолюбію, своей жадности и своей мести. Подъ самыми забавными и лживыми предлогами они обременяютъ своихъ подданныхъ всякаго рода тальями, субсидіями и другими налогами; и подъ такими же забавными и лживыми предлогами они увеличиваютъ, удваиваютъ, утраиваютъ налоговое бремя. Дня почти не проходитъ безъ новыхъ тягостей, новыхъ эдиктовъ, новыхъ ордонансовъ, и горе крестьянамъ, если они не въ состояніи съ необходимою быстротою

---

[1]) Le Testament etc., II, стр. 175.
[2]) Le Testament etc., II, стр. 239.

доставить тѣ непосильныя для нихъ денежныя средства, которыхъ отъ нихъ требуютъ; тогда къ нимъ посылаютъ на постой жандармовъ, солдатъ или другую шайку подобныхъ же грабителей, которыхъ крестьяне должны содержать и кормить до тѣхъ поръ, пока не уплатятъ своихъ недоимокъ. Ибо руководящій принципъ государей и ихъ первыхъ министровъ состоитъ въ томъ, чтобы обезсилить народъ, превратить его въ нищаго и голяка, мирящагося съ своей рабскою подчиненностью и неспособнаго когда-либо что-нибудь предпринять противъ ихъ власти. Поэтому-то они и разрѣшаютъ войску, финансистамъ и откупщикамъ налоговъ воровство, мошенничество, подлоги, хищенія, звѣрство и высокомѣріе, переходящіе всѣ возможныя границы; и обогащаясь насчетъ народа, эти вампиры сѣютъ среди него сѣмена вражды и раздоровъ. Для достиженія этой цѣли они не могли придумать лучшаго средства, какъ введеніе налога тальи, раскладка котораго между отдѣльными плательщиками вносила среди обитателей деревень безпрерывные споры и раздоры, ненависть и вражду, доводившіе ихъ до готовности погубить другъ друга [1]); этимъ обстоятельствомъ сборщики налоговъ превосходно пользовались и грабили сколько было душѣ угодно. Всякаго рода товары короли обложили пошлинами и налогами, для того чтобы извлекать себѣ барышъ изъ всякой продажи и покупки. Такъ, они обложили вино и мясо, водку, пиво и масло, шерсть, пряжу и спицы, перецъ и соль, бумагу, табакъ и всѣ сорта зернового хлѣба; они заставляютъ платить пошлины за ввозъ и вывозъ, за контроль, за бракъ, крещеніе и погребеніе; они заставляютъ платить имъ за амортизаціи, сервитуты, за пользованіе лѣсомъ и дровами, теченіемъ водъ и чуть ли не готовы были взимать плату за движеніе вѣтровъ и облаковъ. Тотъ, кто желаетъ вести торговлю въ земляхъ короля, долженъ запастись знакомъ апокалипсическаго звѣря—податными и разрѣшительными свидѣтельствами короля, удостовѣреніями отъ его чиновниковъ, квитанціями, таможенными, проходными, морскими свидѣтельствами и паспортами, если онъ хочетъ избавиться отъ опасности быть арестованнымъ, въ конецъ раззореннымъ слугами и стражами «царственнаго звѣря» или быть присужденнымъ къ денежному штрафу, тюремному заключенію, галерамъ и даже къ смерти [2]).

Столь же рѣзко, какъ на чрезмѣрность налоговъ, нападаетъ Мелье и на способы ихъ взиманія, особенно на способы взиманія солянаго и поземельнаго налоговъ, причемъ въ своихъ разсужденіяхъ на эту тему близко подходитъ къ чрезвычайно популярной въ то время книгѣ «L'Espion Turc».

[1]) Le Testament etc., II, стр. 243.

[2]) Le Testament etc., II, стр. 245 и 246.

Какъ это ни странно, но сочиненія Вобана и Буагильбера ему, повидимому, остались неизвѣстны. Подобно всѣмъ оппозиціоннымъ писателямъ, Мелье видѣлъ главную причину разоренія Франціи въ откупной системѣ и въ откупщикахъ налоговъ. 30—40.000 податныхъ чиновниковъ заняты собираніемъ налоговъ, но изъ 80 милліоновъ, выжимаемыхъ ими изъ народа, едва только 30 идутъ въ королевское казначейство. Затѣмъ подробнѣе останавливается Мелье на исторіи солянаго налога и тальи, которую мы здѣсь можемъ легко обойти [1]). Выжатыя такимъ образомъ деньги затѣмъ тратятся на безумные пиры и роскошь, въ то время какъ народъ умираетъ отъ голода.

Когда король, охваченный жаждою славы или новыхъ земель, подъ ничтожнѣйшими предлогами начиналъ войну съ сосѣдями, то только народу приходилось своимъ имуществомъ и кровью расплачиваться за фантазіи и капризы своихъ государей. Ибо изъ молодежи бѣднаго сельскаго населенія рекрутируются войска, въ которыя ее завербовываютъ силою, противъ ея воли, и тому же бѣдному сельскому населенію приходится содержать армію во время войны, да еще выносить болѣе чѣмъ кому бы то ни было оскорбленія и насилія со стороны грубыхъ и разнузданныхъ солдатъ. Страдаетъ ли отъ бѣдствій войны французскій или иностранный крестьянинъ—это для нашего священника все равно. «Патріотизмъ»—чувство ему не знакомое, и если онъ что проклинаетъ, такъ это французскую королевскую власть съ ея военной славой и ея тираніей. Нигдѣ короли не вознесли своего абсолютизма до такой головокружительной высоты, нигдѣ народы не жили въ такомъ ужасномъ рабствѣ и бѣдности, какъ во Франціи, и всѣ французскіе властители, которые убили столь большое множество людей, заставили вдовъ и стариковъ пролить такое море слезъ, разграбили такое множество городовъ и провинцій, будутъ превзойдены Людовикомъ XIV, который названъ Великимъ, конечно, не за великія и похвальныя дѣянія—ибо никакихъ такихъ дѣяній за нимъ не числится—но за его великія беззаконія, хищенія и произволъ, за его страшныя опустошенія и человѣческія гекатомбы, принесенныя имъ на сушѣ и на морѣ [2]). Мелье—одинъ изъ самыхъ неумолимыхъ враговъ королевской власти, особенно абсолютной монархіи, и къ ея защитникамъ питаетъ лишь презрѣніе и ненависть. Цѣлую главу посвящаетъ онъ «тираническому правительству послѣднихъ королей Франціи», характеристику котораго онъ заимствуетъ изъ чрезвычайно интереснаго сочиненія: «Salut

---

[1]) Le Testament etc., II, стр. 252—256.

[2]) Le Testament etc., II, стр. 247.

de l'Europe en l'an 1694» [1]) и старается въ ней показать, какъ сильно злоупотребляли эти государи врученною имъ властью. Цѣлью всѣхъ правительственныхъ дѣйствій должно быть благо народа, и государямъ и королямъ, которые подчиняютъ свои народы невыносимой тираніи, авторитетъ и власть даны лишь для того, чтобы управлять своими народами согласно требованіямъ справедливости и обезпечивать имъ миръ. Не народы для государей, а государи для народовъ; народы существовали раньше государей, и обязанность государя состоитъ въ томъ, чтобы охранять спокойствіе народа цѣною своего труда, его безопасность—цѣною собственнаго риска; наблюдать затѣмъ, чтобы его подданные могли спать спокойно, словомъ, жертвовать своею личностью для отечества. Добрый государь любитъ своихъ подданныхъ, какъ отецъ любитъ своихъ дѣтей; тиранъ же обращается съ ними, какъ съ рабами; добрый государь жертвуетъ собою ради спасенія своего народа; тиранъ приноситъ всѣ народы въ жертву своему высокомѣрію, своему честолюбію, своей мести; добрый государь подчиняется закону; тиранъ хочетъ, чтобы ему все было позволено; добрый государь скорѣе готовъ спасти жизнь одного изъ своихъ подданныхъ, чѣмъ убить тысячу своихъ враговъ. Но король Людовикъ XIV держался иного взгляда—онъ предпочелъ бы пожертвовать тысячью своихъ подданныхъ, чѣмъ пощадить одного изъ своихъ враговъ. L'Etat c'est moi—было его принципомъ и ему были пріятны слова льстецовъ, утверждавшихъ, что онъ является единственнымъ господиномъ всего королевства, что ему одному принадлежитъ право объявлять войну и заключать миръ, по своему усмотрѣнію взимать талью и облагать пошлинами, издавать законы, эдикты, ордонансы, какъ ему вздумается. Льстецы же внушили ему ту звѣрскую политику, согласно которой, для удержанія народа въ повиновеніи, его слѣдуетъ оставлять умирать отъ голода [2]), и что реформы не соотвѣтствуютъ его интересамъ. Какъ только народъ начинаетъ жить въ довольствѣ, онъ становится гордымъ и неучтивымъ, всегда склоннымъ къ мятежу. Благосостояніе народа и уваженіе къ королевской власти

---

[1]) Le Testament etc., II, стр. 256 — 270. Въ нашу задачу не входитъ разборъ этого сочиненія. Его содержаніе очень сходно съ цитированнымъ уже нами выше „Les Soupirs de la France“ etc.

[2]) Ср. *Bonnemère*, La France sous Louis XIV, II, стр. 241. Въ L'esprit du cardinal Mazarin, Köln 1695, стр. 295, Ментэнонъ говоритъ слѣдующее Мазарини, явившемуся ей въ качествѣ духа: „Вы знаете очень хорошо, что вы въ свое время исповѣдывали принципъ, по которому народы слѣдуетъ держать въ низкомъ положеніи и въ бѣдности изъ боязни, что при обезпеченномъ существованіи онъ можетъ возстать; несомнѣнно, бѣдность удерживаетъ ихъ въ повиновеніи и лишаетъ ихъ мужества“.

исключаютъ другъ друга; но такъ какъ послѣдняя для народа необходима, то по отношенію къ нему совершили бы величайшую несправедливость, если бы его поставили въ хорошія условія жизни. Подобною софистикою прожужжали королю уши. Никто не осмѣливался ему возражать или упрекать за его поведеніе. Каждый восхваляетъ пороки королей; если же они и обладаютъ какими-нибудь мелкими талантами и добродѣтелями, то они возводятся въ образцы исключительной, рѣдкой, героическей доблести. Судьи и чиновники слишкомъ малодушны, чтобы рѣшиться выступить противъ ихъ пороковъ и беззаконій. Они строжайшимъ образомъ преслѣдуютъ и наказываютъ мелкихъ преступниковъ, вѣшаютъ и четвертуютъ мелкихъ воришекъ и убійцъ, но не осмѣливаются обмолвиться словомъ противъ крупныхъ и могущественныхъ воровъ, противъ этихъ крупныхъ и могущественныхъ убійцъ и поджигателей, которые опустошаютъ всю землю, все предаютъ огню и истребляютъ тысячи и милліоны людей [1]).

Но самымъ яркимъ доказательствомъ всеобщей испорченности служитъ то, что даже духовенство пользуется всѣми своими привилегіями для оправданія насильственныхъ дѣяній правительства; прибѣгая къ самымъ позорнымъ и самымъ преступнымъ изворотамъ прелюбодѣевъ мысли, они стараются окружить его произволъ ореоломъ уваженія и доказать полное его согласіе съ божескими и человѣческими законами. Духовенство, призваніе котораго состоитъ въ проповѣди христіанской религіи; духовенство, которое, въ качествѣ духовнаго вождя народа и провозвѣстника христіанской любви, должно было бы возвысить свой голосъ противъ беззаконій сильныхъ міра сего и выступить въ роли самаго энергичнаго защитника народа и его правъ противъ гнета и жестокостей его палачей,—духовенство—всѣ эти папы, епископы, доктора, попы, проповѣдники евангелія—величайшіе льстецы королей и принцевъ, коварнѣйшіе измѣнники народа, наглѣйшіе нарушители своихъ обязанностей. Противъ ничтожныхъ ошибокъ и пороковъ бѣднаго народа они мечутъ съ своихъ каѳедръ громы и молніи, а къ возмутительнѣйшимъ порокамъ и распущенности королей и сильныхъ міра сего они безмолвны, какъ «нѣмыя собаки» [2]). Они проповѣдуютъ, что власть государямъ дана отъ Бога, и что тотъ, кто возстаетъ противъ нея, грѣшитъ противъ Бога и обреченъ вѣчному проклятію. Они ежедневно возносятъ молитвы о здравіи короля, а народъ оставляютъ умирать отъ голода. Они молятся о ниспосланіи побѣды арміи и пораженіи непріятеля; если вопреки молитвамъ побѣда не дается, то грѣхи народа являются виною этого гнѣва Божія; напротивъ, когда побѣда одер-

---

[1]) Le Testament etc., II, стр. 271, 277, 281 и 282.

[2]) Le Testament etc. II, стр. 284.

живается, то они прославляютъ въ церквахъ и храмахъ милость, явленную Богомъ своему помазаннику, и славятъ властелина въ радостныхъ и ликующихъ гимнахъ за побѣдоносныя бойни, грабежи и опустошенія, которыми онъ осчастливилъ земли. Это ложные пророки, которые тысячами кормятся потомъ французскаго крестьянина; которые забыли объ обѣтѣ бѣдности и въ роскошныхъ замкахъ упиваются всѣми наслажденіями земной жизни; которые, будучи слишкомъ лѣнивы для трудовой и честной жизни, живутъ подаяніями и эксплоатаціей. Въ то же время эта лѣнивая и безполезная сволочь вполнѣ обезпечена всѣми благами земного міра. Напротивъ, приходскіе священники, на которыхъ возложены духовное руководительство и забота о поддержаніи среди крестьянъ добрыхъ нравовъ и пустыхъ суевѣрій, распространяемыхъ ихъ религіями, и которые такимъ образомъ въ нѣкоторомъ родѣ работаютъ въ интересахъ общаго блага и потому имѣютъ право на содержаніе, плохо оплачиваются и живутъ немногимъ лучше самого крестьянина.

Монахи даютъ обѣтъ проводить время въ умерщвленіи плоти и въ безпрерывныхъ покаянныхъ молитвахъ, но въ дѣйствительности не перестаютъ вести пріятную жизнь въ свѣтѣ, накоплять богатсва и пользоваться всѣми благами и прелестями земными. Ихъ монастыри подобны феодальнымъ замкамъ или королевскимъ дворцамъ; ихъ сады подобны земному раю, гдѣ произрастаютъ лучшіе цвѣты и плоды; ихъ кухни снабжены въ изобиліи всѣмъ, что только можетъ потребоваться для удовлетворенія вожделѣній желудка, рыбой или мясомъ, смотря по учрежденіямъ ихъ орденовъ. Повсюду они владѣютъ крупными откупными статьями, приносящими имъ большой доходъ, не требующій ни малѣйшаго съ ихъ стороны труда, ни малѣйшаго движенія пальцемъ; въ большинствѣ приходовъ они взимаютъ богатыя десятины и часто пользуются всѣми правами феодальныхъ сеньоровъ, такъ что они имѣли счастье, безъ труда и усилій, собирать богатую жатву тамъ, гдѣ они ничего не сѣяли. Поэтому то они и владѣютъ богатствомъ, ничего не дѣлая и имѣя возможность вести удобную и пріятную жизнь въ сладкой и благочестивой праздности [1]). Такъ, напр., какой-нибудь ничтожный бенедиктинскій монахъ могъ дѣлать выборъ изъ 15.000, а по словамъ другихъ, изъ 37,000 монастырей, подобныхъ королевскимъ дворцамъ, въ каждомъ изъ которыхъ онъ могъ уединиться, и тамъ, среди богатой роскоши, вести жизнь согласно своему обѣту бѣдности. Всѣ эти лѣнтяи живутъ однако работою другихъ и ложатся бременемъ на общество, такъ какъ сами они не исполняютъ никакой полезной работы. Какая страшная несправедливость снабжать

---

[1]) Le Testament etc., I, стр. 186.

этотъ праздный и безполезный народъ пищею, которою должны пользоваться только честные рабочіе, и вырывать изъ рукъ послѣднихъ то, что они производятъ въ потѣ лица своего, и отдавать всей этой массѣ праздныхъ монаховъ. То, что примѣнимо къ нимъ, еще съ большимъ правомъ можно повторить о нищенствующихъ монахахъ [1]), которые еще обременительнѣе для общества. Ибо, хотя они, повидимому, ничѣмъ не владѣютъ, тѣмъ не менѣе фактически обладаютъ всѣмъ, употребляя къ тому же еще меньше заботъ, труда, напряженія и усилій, чѣмъ обыкновенные монахи. Они властвуютъ надъ совѣстью всѣхъ и господствуютъ на всѣхъ биржахъ въ городахъ; имъ стоитъ только попросить, чтобы получить; они—маленькіе боги: скажутъ, и все свершается по ихъ слову. Но въ то время какъ государство наказываетъ работоспособныхъ нищихъ по всей строгости законовъ, церковь посылаетъ цѣлую армію такихъ работоспособныхъ плутовъ, которые считаютъ для себя честью жить нищенствомъ. Ибо крайне нелѣпо было бы утверждать, что они своими молитвами, мессами и жертвами отвращаютъ гнѣвъ Божій и призываютъ на народъ благословенія неба; что за эти благословенія, которыя, какъ говорятъ, составляютъ величайшее благо людей, они заслуживаютъ хорошаго и почетнаго содержанія. Часъ хорошей работы полезнѣе всѣхъ мессъ, молитвъ и проповѣдей всѣхъ поповъ и проповѣдниковъ. Трудолюбивый земледѣлецъ своимъ плугомъ создаетъ больше пищи, нежели сколько ему самому нужно; промыслы мелкихъ и ничтожныхъ ремесленниковъ полезны и необходимы для государства; даже флейтисты и скрипачи имѣютъ за собою заслуги, потому что они услаждаютъ слухъ людей; но промыселъ поповъ и особенно монаховъ—это профессія, полная заблужденій, суевѣрій, обмана, фокусничества и не только не нужна и безполезна, но прямо вредна и гибельна. Для чего въ самомъ дѣлѣ нужны всѣ эти попы и священники, эти аббаты и пріоры, эти каноники и капелланы, всѣ эти благочестивые и шутовскіе маскарады монаховъ и монахинь, если они не оказываютъ никакой дѣйствительной услуги обществу и не исполняютъ никакихъ обязанностей въ приходѣ. «Не понимаю, говоритъ одинъ турокъ, котораго Мелье цитируетъ изъ Espion Turc, «не понимаю, по какимъ

[1]) Около половины XVII столѣтія число монаховъ и монахинь въ монастыряхъ увеличилось, такъ же какъ и число нищенствующихъ монаховъ. Это несомнѣнный признакъ возрастающей бѣдности. Работа больше не кормитъ и потому прибѣгаютъ къ нищенству, но къ нищенству законному, почитаемому — становятся нищенствующими монахами. Мелье въ Testament, II, стр. 193 опредѣляетъ число нищенствующихъ монаховъ, по исчисленію епископа Беллэ, въ 1.200.000 душъ. Эта цифра, несомнѣнно, преувеличена!

политическимъ основаніямъ занимаются разведеніемъ питомника духовныхъ вампировъ, которые ничего иного не дѣлаютъ, какъ только высасываютъ до послѣдней капли кровь изъ націй» [1]). Нашъ священникъ также не въ состояніи понять это и потому говоритъ, что можно лишь присоединиться къ желанію того человѣка, который выразился такъ: «Я желалъ бы, чтобы всѣ благородные и сильные міра сего были перевѣшаны задушены кишками поповъ. Выраженіе нѣсколько неуклюже и грубо, но за то искренно и наивно, кратко и многозначительно и въ немногихъ словахъ выражаетъ все, чего заслуживаютъ люди этого сорта»!

Но королевскимъ домомъ, дворянствомъ и духовенствомъ еще не исчерпывается категорія людей, единственное назначеніе которыхъ угнетать своихъ менѣе сильныхъ ближнихъ, мучить ихъ и выжимать изъ нихъ по возможности больше. Къ нимъ должны быть еще причислены тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ слугами закона, но правильнѣе было бы называть слугами беззаконія; таковы: судьи, прокуроры, адвокаты, актуаріи, нотаріусы, совѣтники и т. п. безчисленное множество чиновниковъ, сборщиковъ налоговъ и пошлинъ, громадная свора негодяевъ, плутовъ и мошенниковъ, собирающихъ табачный и соляной налоги; всѣ они тѣшатся надъ разоряемымъ народомъ и, желая угодить королю своею службою, обираютъ и грабятъ, разоряютъ и угнетаютъ всѣхъ слабыхъ и беззащитныхъ [2]).

Насиліемъ сильныхъ въ связи съ обманомъ поповъ создано неравенство среди людей; достигнуто это было тѣмъ, что и тѣ и другіе взяли въ свое исключительное владѣніе блага и богатства для пользованія ими по своему усмотрѣнію. Это злоупотребленіе, царящее почти во всемъ мірѣ имѣло самое роковое вліяніе на человѣчество. Каждый стремится присвоить себѣ, сколько можетъ. Ненасытное корыстолюбіе, корень всего зла, стремится къ исполненію своихъ желаній и толкаетъ человѣка на борьбу за пріобрѣтеніе собственности по возможности въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для его потребностей и наслажденій. Изъ этой борьбы побѣдителями выходятъ люди наиболѣе сильные и хитрые, которые въ то же время бываютъ и наиболѣе дурными и недостойными. Такимъ образомъ, учрежденіе частной собственности раздѣляетъ людей на классы богатыхъ и бѣдныхъ; одни ходятъ въ роскошныхъ нарядахъ, другіе въ лохмотьяхъ; одни живутъ въ великолѣпныхъ дворцахъ, другіе въ грязныхъ лачугахъ; одни упиваются всѣми земными наслажденіями, другіе умираютъ отъ голода; одни ведутъ жизнь полную радостей, другіе жизнь, полную нищеты и печали; однихъ осыпаютъ всѣми почестями, другихъ презираютъ и сторонятся; одни всю жизнь проводятъ въ праздности, другіе обли-

[1]) Le Testament etc., II, стр. 201.

[2]) Le Testament, II, стр. 210.

ваются кровавымъ потомъ, чтобы добыть кусокъ черстваго хлѣба; одни въ раю, другіе въ аду, причемъ часто только узкая улица или толстая стѣна отдѣляютъ этотъ рай отъ ада. Таково различіе между богатыми и бѣдными; однимъ собственность принесла въ подарокъ на зубокъ счастье, другимъ нищета принесла горе. Откуда же и произошли всѣ эти богатства, обладаніе которыми дало богачамъ возможность превратить для себя землю въ рай, если не отъ труда бѣднаго народа? Его промышленнымъ трудомъ созданы весь блескъ и роскошь, наполняющіе дворцы, его руками создано величіе и власть его поработителей. То, что они выжали изъ народа, и дѣлаетъ ихъ столь гордыми и высокомѣрными, и доставляетъ новыя средства къ дальнѣйшему порабощенію. Изъ этого раздѣленія людей на два класса—имущихъ и неимущихъ, съ необходимостью вытекаютъ взаимная ненависть и зависть, возстанія и войны со всѣми ихъ чудовищными спутниками—страданіями и пороками. Вся жизнь становится борьбою за собственность. Собственники живутъ въ постоянной заботѣ и тревогѣ за свое имущество, которое имъ приходится защищать путемъ безконечныхъ, часто разорительныхъ процессовъ. Тѣ же, которые ничего не имѣютъ и нерѣдко лишены самаго необходимаго, вынуждены обращаться ко всевозможнымъ весьма сомнительнымъ средствамъ, чтобы обезпечить себѣ средства къ жизни. Такимъ образомъ возникли подлоги, мошенничества, беззаконія, хищенія, воровство, убійства, которые доставляютъ людямъ безконечное количество золъ [1]).

Здѣсь двойственная точка зрѣнія, которой держится Мелье въ своей критикѣ тогдашняго общественнаго строя, выступаетъ наиболѣе ярко. Онъ жилъ въ то переходное время, когда въ нѣдрахъ феодальной Франціи зарождались современная капиталистическая система и современное государство. Все, что нѣкогда считалось вполнѣ устойчивымъ, заколебалось. Наряду съ старыми возникли новыя явленія, прибавившія къ старымъ традиціоннымъ злоупотребленіямъ новое зло. Потому и критика Мелье, направленная какъ противъ стараго феодальнаго государства, такъ и противъ новой достигшей побѣдоноснаго господства капиталистической системы, имѣющихъ между собою то общее, что оба основаны на порабощеніи народа, носитъ двойственный, колеблющійся характеръ. Рядомъ съ критикой феодальныхъ привилегированныхъ сословій дворянства и духовенства мы встрѣчаемъ не менѣе рѣзкую критику частной собственности и классового дѣленія современнаго общества на имущихъ и неимущихъ. Такимъ образомъ его трудъ имѣетъ двоякій видъ: онъ содержитъ въ себѣ капиталистическую критику феодализма и соціалистическую критику ка-

[1]) Le Testament etc. II, стр. 215.

питализма. Послѣднюю Вольтеръ тщательно устранилъ изъ сдѣланнаго имъ извлеченія.

Но трудъ Мелье не ограничивался только критикою французскаго государства и христіанской религіи. Важно дать еще критику самого понятія о Богѣ, о душѣ и ея безсмертіи, чтобы послѣ уничтоженія всякой иллюзіи о какомъ-то Богѣ, награждающемъ добрыхъ и наказывающемъ злыхъ, удержать на землѣ человѣческій духъ, витающій въ области какихъ-то фантастическихъ представленій о неземномъ счастіи, и примирить его съ нею, какъ съ единственнымъ мѣстомъ приложенія его энергіи. Въ его представленіи личность Бога исчезаетъ, какъ фантастическое созданіе, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и невещественность души, и загробная жизнь, и воздаяніе послѣ смерти. Попы болтаютъ народу, что они ведутъ его къ небу, подготовляютъ ему тамъ вѣчное блаженство, но совершенно мѣшаютъ ему спокойно пользоваться счастьемъ здѣсь, на землѣ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что они оберегаютъ его отъ воображаемыхъ наказаній въ иномъ мірѣ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ, они заставляютъ терпѣть поистинѣ адскія муки въ этой жизни, единственной, на которую народъ заявляетъ свои права. Существуютъ тысячи и сотни тысячъ людей, которые никогда не получаютъ никакой награды за свои добродѣтели и хорошіе поступки, а съ другой стороны есть тысячи и сотни тысячъ жалкихъ и достойныхъ презрѣнія преступниковъ, которые никогда не наказываются за свои позорныя дѣянія. Ибо не существуетъ вовсе Бога, награждающаго земныя страданія небеснымъ счастьемъ. Долго ли еще народъ добророльно будетъ отказываться отъ всякаго счастья?

«Я желалъ бы, восклицаетъ Мелье, чтобы голосъ мой громко прозвучалъ отъ одного конца королевства, отъ одного конца міра до другого. Я хотѣлъ бы крикнуть изо всѣхъ силъ: «Вы глупы, о люди! Вы глупы, позволяя такъ помыкать собою и слѣпо вѣря въ такое множество предразсудковъ!» Я хотѣлъ бы раскрыть имъ глаза на ихъ заблужденія и обличить ихъ вождей, какъ обманщиковъ и палачей! Я хотѣлъ бы подчеркнуть ихъ трусость, заставляющую ихъ такъ долго щадить жизнь тирановъ и нести на себѣ ярмо ихъ ненавистнаго деспотизма» [1]). Здѣсь нашъ священникъ пускается въ метафизическія сужденія о тираноубійствѣ, которыя сразу переносятъ насъ изъ эпохи начала XVIII вѣка—ибо къ этому времени мы и должны отнести составленіе завѣщанія—въ эпоху религіозныхъ войнъ съ ея теоріей и практикой тираноубійства. Мы не удивились бы, если бы встрѣтили нашего священника во времена лиги, съ которыми онъ по могучей энергіи и неумѣренности своей рѣчи, мысли

¹) Le Testament etc., III, стр. 392.

и чувства, гораздо ближе, чѣмъ къ періоду fin de siècle царствованія Людовика XIV съ его разслабленными, выродившимися маріонетками и ихъ оппозиціей, выражавшейся въ какомъ-то плаксивомъ лепетѣ.

Одинъ древній писатель, такъ начинаетъ сельскій священникъ свой могучій призывъ къ народамъ бороться противъ своихъ поработителей [1]), однажды сказалъ, что нѣтъ болѣе рѣдкаго явленія, какъ старый тиранъ; и причина этого столь рѣдкаго явленія въ томъ, что раньше люди не были еще настолько трусливы, чтобы позволять тиранамъ долго жить и управлять. Въ настоящее же время люди, сами того не замѣчая, такъ привыкли къ рабству, что оно сдѣлалось для нихъ вполнѣ естественнымъ состояніемъ; рабскія привычки поощряютъ высокомѣріе и наглость тирановъ, «которые упиваются своимъ счастьемъ и бѣсятся съ жиру». Давно уже умолкло поколѣніе тираноубійцъ, этихъ достойныхъ и благородныхъ защитниковъ свободы. Нѣтъ болѣе Жаковъ Клемановъ и Равальяковъ, которые нѣкогда имѣли мужество убить этихъ гнусныхъ чудовищъ и враговъ человѣческаго рода; нѣтъ болѣе проповѣдниковъ и писателей настолько смѣлыхъ, чтобы осудить ихъ и заклеймить пороки, беззаконія и дурное правленіе и возбудить народъ къ возстанію. Къ стыду вѣка приходится сознаться, что есть лишь трусливые и жалкіе рабы, ничтожные льстецы и пошлые исполнители вредныхъ плановъ и указовъ тирановъ. Судьи и чиновники королевства, интенданты и губернаторы провинцій, военачальники, всѣ офицеры и солдаты считаютъ для себя честью лишь слѣпое исполненіе приказовъ короля, каковы бы они ни были, и не откажутся предать огню собственное отечество, если только это заблагоразсудится тирану. Отъ всѣхъ этихъ людей народу нечего ждать спасенія; всѣ они заключили союзъ съ цѣлью держать его подъ ярмомъ ихъ деспотическихъ законовъ и съ яростью волчьей стаи соединенными силами напасть на него и проглотить, какъ добычу. Спасеніе народа находится въ его собственныхъ рукахъ; его освобожденіе зависитъ отъ него самого, такъ какъ онъ обладаетъ всѣми средствами и силами освободить себя и превратить своихъ тирановъ въ своихъ рабовъ. Ибо все ихъ величіе, всѣ ихъ богатства, вся ихъ власть исходятъ только отъ народа. Его дѣти служатъ имъ во время войны; исполняютъ большую часть должностей. Его собственными силами держатъ они его въ рабствѣ и его же собственными силами они уничтожили бы одни за другими города и провинціи, если бы народъ дѣйствительно рѣшился оказать имъ сопротивленіе и свергнуть ихъ гнетъ. Если же всѣ народы и всѣ города и провинціи объединились бы и рѣшились

[1]) Le Testament etc., III, стр. 373 и слѣд.

общими силами избавиться отъ общаго врага, то всѣ тираны скоро были бы побѣждены и уничтожены.

Такимъ образомъ Мелье призываетъ всѣ народы къ объединенію и къ борьбѣ противъ своихъ поработителей. «Unissez vous donc peuples»—«Пролетаріи всѣхъ странъ объединяйтесь!»—объединитесь, если вы люди съ сердцемъ, чтобы избавить себя отъ общаго всѣмъ вамъ бѣдствія! Поощряйте другъ друга къ этому благородному и важному предпріятію. Повсюду и всѣми путями распространяйте летучіе листки, которые всему міру разъяснили бы пустыя заблужденія и суевѣрія религій и пробудили бы ненависть къ деспотическому правленію королей! Помогайте другъ другу въ этомъ праведномъ и необходимомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ общее счастье всѣхъ народовъ. Соединенными силами народъ добьется ниспроверженія троновъ, своихъ поработителей, уничтоженія господства аристократіи и плутократіи. Народы должны положить конецъ всякимъ взаимнымъ спорамъ и всякой взаимной враждѣ и обратить всю свою ненависть и все свое недовольство противъ общихъ враговъ, противъ той высокомѣрной и наглой расы людей, которые дѣлаютъ ихъ нищими, лишая ихъ лучшихъ плодовъ ихъ труда. Когда высокомѣрные тираны вмѣстѣ съ ихъ интендантами, губернаторами, сборщиками и чиновниками; когда всѣ гордые аристократы пышные прелаты, епископы, аббаты, монахи и всѣ другіе богатые господа и дамы, живущіе лишь трудомъ бѣднаго народа, будутъ изгнаны, и когда такимъ образомъ народы освободятъ себя и разрушатъ рабскій строй общества, тогда только можно будетъ создать новое общество.

Попытаемся теперь на основаніи нѣкоторыхъ замѣчаній Мелье набросать картину этого новаго общества. Само собою разумѣется, главный интересъ книги Мелье заключается въ ея критической части, отличающейся многими превосходными мѣстами; положительная же ея часть очень бѣдна. И планъ и цѣль книги показываютъ, что критика должна была занять преобладающее мѣсто сравнительно съ положительными построеніями. Авторъ хотѣлъ разъяснить людямъ ихъ глупости и предразсудки, несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній. Поэтому онъ и въ главномъ пунктѣ держался критическаго метода, ограничиваясь лишь отдѣльными указаніями на идеальный строй общества, какъ онъ его себѣ представляетъ, и отмѣчая лишь наиболѣе важные его элементы: общность имущества, соединенная съ равною для всѣхъ обязанностью трудиться, федерація общинъ, общественное воспитаніе дѣтей, новая форма брака и т. д. Но есть еще и другое обстоятельство, оправдывающее его краткость въ этомъ отношеніи. Мелье писалъ прежде всего для французскихъ крестьянъ, для крестьянъ своего прихода, и если бы онъ выставилъ общность имущества, какъ идеальную форму общества, то онъ нашелъ бы

себя вынужденнымъ изложить всѣ подробности такого общественнаго устройства, какъ, можетъ быть, онѣ и представлялись ему. Общность имущества французскому крестьянину хорошо была извѣстна по опыту его семейныхъ общинъ—communautés agricoles. Въ самой Шампани, гдѣ находилась деревня Мелье, и гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни, такія семейныя общины существовали еще въ большомъ числѣ въ царствованіе Людовика XIV и сохранились до конца XVIII вѣка; механизмъ общиннаго владѣнія былъ хорошо знакомъ крестьянину; зачѣмъ же нужно было Мелье еще подробнѣе останавливаться на этомъ? Цѣль была понятна крестьянину, оставалось лишь распространить существующее уже учрежденіе на всю Францію. Такимъ образомъ для Мелье шло дѣло о путяхъ и средствахъ достиженія цѣли; ихъ онъ видѣлъ въ поднятіи умственнаго уровня порабощеннаго крестьянскаго сословія, «которое, согласно требованіямъ просвѣщенной политики, подавляли мракомъ невѣжества и страха божія и вѣчными муками ада, чтобы тѣмъ легче было держать его въ повиновеніи» [1]). Кромѣ того Мелье и по натурѣ своей и по духовному своему складу настолько крестьянинъ, что городская индустрія и тотъ переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ, который подъ ея вліяніемъ совершался, а отчасти и былъ уже совершенъ, постоянно ускользали отъ его вниманія и потому проблема, возникавшая въ связи съ такими крупными городами, какъ, напримѣръ, Парижъ и Ліонъ, его также очень мало интересовала.

Основнымъ принципомъ его новаго общества служитъ положеніе, въ силу котораго всѣ люди по природѣ и не только юридически, но и прежде всего соціально равны. Каждый гражданинъ имѣетъ право на жизнь, на естественную свободу и на участіе въ благахъ земного міра; но это право на нормальное существованіе обусловливается обязанностью работать на пользу общества. Злоупотребленіе частною собственностью отмѣняется. Всѣ имущества и богатства становятся общею собственностью. Жители города, мѣстечка, деревни соединяются въ одну большую семью, какъ братья и сестры, какъ дѣти одного отца и одной матери, и живутъ мирною и общею жизнью, снабжены одинаковою пищею, одинаково хорошимъ платьемъ, хорошими жилищами, хорошею постелью и хорошею обувью [2]). Подъ руководствомъ мудрѣйшихъ и лучшихъ членовъ общины они исполняютъ все, и каждый работаетъ, занимаясь соотвѣтствующимъ его способностямъ ремесломъ, для удовлетворенія своихъ потребностей. Ибо, хотя всѣ и равны, но общество, какъ общество человѣческое, нуждается для исполненія своей цѣли—поддержанія порядка и обезпеченія его членовъ необходимыми средствами къ существованію—въ установленіи опредѣленной іерархіи среди

[1]) Le Testament etc. III, стр. 391.
[2]) Le Testament etc., II, стр. 211.

людей. Но эта іерархія должна быть строго справедливой и соразмѣрной, такъ чтобы она однихъ не очень возвышала, а другихъ не очень принижала. Задачу управленія и изданія законовъ, имѣющихъ цѣлью увеличеніе и огражденіе общественнаго благосостоянія, слѣдуетъ возлагать на мудрѣйшихъ людей, а не на малыхъ ребятъ, не на дураковъ, не на идіотовъ, которые въ настоящее время вслѣдствіе случайности рожденія нерѣдко предназначаются для властвованія надъ другими.—Если каждый будетъ честно и полезно трудиться и мудро распоряжаться благами земли и плодами работы и энергіи гражданъ, то всѣ будутъ жить въ довольствѣ и въ счастіи. Ибо земля производитъ продуктовъ, необходимыхъ для существованія людей, въ количествѣ, почти всегда для нихъ достаточномъ, а часто и въ избыточномъ. Никакія заботы о себѣ и своихъ дѣтяхъ въ такой урегулированной общинѣ не будутъ тревожить людей. Подлоги и обманы исчезнутъ; исчезнутъ всякіе судебные процессы изъ-за имущества, ибо никто уже не будетъ завидовать другому; ни убійство, ни воровство не нарушатъ мира общины.

Такимъ образомъ общины будутъ мирно и регулярно соединенными силами обрабатывать свои поля и сообща потреблять плоды, добытые трудомъ на своей землѣ. Всѣ такіе города и общины заключаютъ между собою вѣчный миръ и союзъ, чтобы въ своихъ нуждахъ оказывать другъ другу взаимную помощь и поддержку, ибо безъ этого не нельзя было бы достичь всеобщаго благосостоянія.

Въ этомъ новомъ федеративномъ обществѣ не будетъ никакой религіи, ибо вѣра въ боговъ и идоловъ снова сдѣлаетъ людей несчастными и въ связи съ уничтоженіемъ общности имущества снова ввергнетъ ихъ въ рабство. Только нравственное ученіе, опирающееся на справедливость и братство, соотвѣтствуетъ интересамъ людей. Предписывая людямъ трудиться для блага и свободы общества, это ученіе облагораживаетъ ихъ характеръ. Но такъ какъ только природный разумъ, а не ханжеское суевѣріе помогаетъ людямъ совершенствоваться въ наукѣ, искусствѣ и морали, невѣжество же и недостатокъ воспитанія дѣлаютъ людей порочными и дурными, то Мелье особенно важное значеніе придаетъ дѣлу воспитанія дѣтей. Въ то время какъ теперь многія дѣти страдаютъ вслѣдствіе бѣдности и безпомощности своихъ родителей и, не получивъ ни воспитанія, ни образованія, на старости лѣтъ, жалкіе и беззащитные, побираются изъ дома въ домъ за подаяніемъ, въ государствѣ Мелье воспитаніе и образованіе дѣтей будетъ лежать на обязанности всего общества. Всѣ должны получать одинаковое нравственное и научное образованіе, чтобы стать полезными членами общества. Отношенія между обоими полами также подлежатъ полному измѣненію. Вмѣсто неразрывнаго католическаго брака,

на который Мелье нападаетъ самымъ рѣзкимъ образомъ и вредное вліяніе котораго на супруговъ и на дѣтей въ случаѣ несчастной семейной жизни онъ особенно ярко подчеркиваетъ, вводится свободный союзъ, заключаемый обоими совершенно равноправными полами по взаимной склонности. Такъ какъ только наличность этой послѣдней служитъ гарантіей счастливаго брака, то союзъ этотъ можетъ немедленно прекращаться, какъ только она исчезаетъ, и новыя склонности могутъ побудить къ заключенію новыхъ брачныхъ союзовъ.

Этотъ приходскій священникъ изъ маленькой деревушки въ Арденскомъ департаментѣ—удивительная личность. Онъ возмущается по поводу того, что картезіанская школа отрицаетъ у животныхъ чувство, разсматривая ихъ какъ простыя машины, и жалѣетъ, что нѣтъ болѣе тираноубійцъ. Онъ вступаетъ въ споръ съ дворяниномъ своего села за то, что послѣдній избилъ крестьянина, и терпѣливо ведетъ жизнь, являющуюся полнымъ извращеніемъ его убѣжденій и чувствъ. Лично пережитое страданіе—юность Мелье была очень суровой—и состраданіе къ чужому бѣдствію со всею силою непосредственности поразили его нѣжную натуру, которая не могла понять, какимъ образомъ Богъ милосердія могъ сдѣлать несчастными такое множество людей. Несправедливость окружающей его общественной жизни встревожила его свободный и смѣлый духъ, нарушила его прежнее равновѣсіе и уничтожила въ немъ ту покорность волѣ божьей, которая грозила сковать его, когда онъ готовился къ духовному званію. Такимъ образомъ священническое облаченіе было для Мелье власяницей, которая жгла его открытую, правдивую натуру пламенемъ ада и наполняла его мягкое и доброе сердце страшной ненавистью и злобой. Состраданіе къ тѣмъ, которые всю жизнь задыхаются подъ непосильнымъ бременемъ труда, исторгало изъ его груди такіе вопли ненависти къ угнетателямъ и эксплоататорамъ, что своею демоническою силою способны были бы тронуть и современнаго читателя. Гейне однажды сказалъ о Кантѣ, что «если бы добрые кенигсберскіе обыватели знали, какія разрушительныя и всесокрушительныя мысли шевелились въ мозгу того человѣка, котораго они обыкновенно такъ дружески привѣтствовали на улицахъ города, то почувствовали бы къ нему гораздо большій ужасъ, чѣмъ къ палачу». Но что такое Кантъ сравнительно съ нашимъ священникомъ? Самъ дьяволъ не могъ бы казаться болѣе страшнымъ и ужаснымъ, чѣмъ этотъ священникъ, который безъ всякаго милосердія уничтожалъ не только Бога со всей его небесной свитой, но также и королей, дворянство и духовенство.

ГЛАВА IV.

Индустрія въ XVI и XVII вѣкахъ.

Въ совсѣмъ иную сферу и къ инымъ болѣе широкимъ горизонтамъ ведетъ насъ первый великій французскій утопистъ Вэрасъ д'Аллэ (Vairasse d'Allais). Изъ узкой и ограниченной среды мелкаго крестьянства и бѣднаго сельскаго духовенства насъ вводятъ въ два центра современной промышленности и современной торговли—въ Лондонъ и Парижъ; изъ тиши сельской обстановки мы попадаемъ въ шумный круговоротъ городской жизни, въ атмосферу отважныхъ, наполовину авантюристскихъ, наполовину строго расчитанныхъ заморскихъ путешествій, предпринимаемыхъ съ обширными торговыми цѣлями. Для Мелье индустрія, по крайней мѣрѣ, какъ самостоятельное явленіе, еще не существуетъ. Онъ борется съ новою капиталистическою системою хозяйства только въ ея примѣненіи къ земледѣлію, къ крупной арендѣ, поскольку она проявляется въ превращеніи мелкаго самостоятельнаго крестьянина въ сельскаго наемнаго рабочаго. Вэрасъ, напротивъ, истинный сынъ сильно развившагося въ эпоху Кольбера индустріализма, проблема котораго его главнымъ образомъ и занимаетъ. Его гугенотское происхожденіе—въ рукахъ кальвинистовъ сосредоточивалась самая значительная часть французской торговли и французской промышленности—его путешествія въ Англію и Голландію, изъ которыхъ особенно послѣдняя была одною изъ наиболѣе промышленныхъ странъ того времени, его пребываніе въ Парижѣ во время управленія Кольбера—все соединилось для того, чтобы онъ составилъ себѣ точное знакомство съ индустріей и правильный взглядъ на ея значеніе. На ряду съ этимъ его обширныя географическія, историческія и политическія знанія позволили ему познакомиться съ дѣйствительными и идеальными коммунистическими общинами, какъ общины, существовавшія въ Перу, и идеальное государство Т. Мора, и раздвинули его умственный горизонтъ, доставивъ ему орудіе критики, которымъ онъ пользовался съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Ниже мы прослѣдимъ отдѣльные моменты его духовнаго развитія и укажемъ, въ чемъ заключается оригинальность и успѣхъ его утопіи. Здѣсь же мы подробнѣе остановимся на важнѣйшемъ факторѣ, опредѣлившемъ характеръ его міросозерцанія и дадимъ, по необходимости краткій, очеркъ французской промышленности, чтобы объяснить возможность появленія такого произведенія, какъ книга Вэраса. Съ этой цѣлью намъ придется остановиться на исторіи промышленности начала XVI вѣка.

Три группы войнъ наполнили собою XVI столѣтіе французской исторіи: войны Карла VIII и Людовика XII въ Италіи, войны Франциска I съ Карломъ V и религіозныя войны. Но въ то время какъ послѣднія глубоко потрясли земледѣліе, промышленность и торговлю, войны двухъ первыхъ группъ оказали благопріятное вліяніе на развитіе французской индустріи. Французы, бывшіе еще въ концѣ XV вѣка полу-варварскимъ народомъ, непосредственно познакомились съ высоко развитой промышленной націей Европы,—съ итальянцами. Къ началу XVI столѣтія итальянскія государства, несомнѣнно, достигли вершины своего промышленнаго расцвѣта. Венеція славилась своими шелковыми и полотняными мануфактурами, выдѣлкою пряжи, красокъ, кожи; ея кружевныя издѣлія стояли внѣ конкурса. Ея сахаро-рафинадныя предпріятія, предпріятія по выдѣлкѣ мыла, стекла и зеркалъ, ея типографіи снабжали весь міръ своими продуктами и повсюду вызывали восторгъ и удивленіе. Флоренція отличалась не меньшимъ промышленнымъ развитіемъ; одно только полотняное производство ея занимало 30.000 рабочихъ. Достаточно будетъ еще назвать Геную и Миланъ. Вмѣстѣ съ промышленностью и торговлею возникъ и весь аппаратъ капиталистическаго хозяйства: банковое дѣло, главнымъ образомъ во Флоренціи; бумажно-денежное обращеніе, статистическія бюро въ Венеціи и т. д. Естественно, что прямое соприкосновеніе французовъ со столь высоко развитымъ хозяйствомъ должно было оказать на нихъ сильнѣйшее вліяніе. Карлъ VIII вывезъ изъ Неаполя во Францію цѣлую армію архитекторовъ, скульпторовъ, живописцевъ, ремесленниковъ. Его спутники изучили въ Неаполѣ и его окрестностяхъ крупныя шелковыя мануфактуры и рѣшили пересадить ихъ на французскую почву. Интересно выслушать по этому поводу показанія Оливье-де-Серра, который столѣтіемъ позднѣе сдѣлалъ чрезвычайно много для привитія культуры шелка во Франціи. «Нѣсколько аристократовъ, разсказываетъ онъ въ своемъ знаменитомъ «Théâtre d'agriculture», изъ свиты Карла VIII, замѣтивъ въ неаполитанскомъ королевствѣ шелковыя богатства, вывезли съ собою во Францію наклонность украшать свои дома шелковыми издѣліями. Поэтому послѣ окончанія итальянскихъ войнъ они выписали изъ Неаполя тутовыя деревья, которыя засадили въ Провансѣ, причемъ предпріятіе это увѣнчалось тѣмъ большимъ успѣхомъ, что разница въ климатахъ обѣихъ странъ была ничтожной» [1]).

Гораздо дальше Карла VIII въ своихъ попыткахъ привить къ Франціи шелковую промышленность Италіи пошли Людовикъ XII и его министръ кардиналъ д'Амбуазъ, а особенно Францискъ I; что дѣятельность ихъ въ

---

[1]) Théâtre d'agriculture, кн. V, гл. XV.

этомъ направленіи оказалась небезуспѣшной, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ отчеты венеціанскихъ посланниковъ при французскомъ дворѣ. Не безъ нѣкоторой зависти разсказываютъ они о быстромъ расцвѣтѣ французской промышленности и о конкурренціи, которою она грозитъ ихъ отечественнымъ мануфактурамъ [1]). Въ нижней Нормандіи и Пикардіи привилась шерстяная промышленность. Изъ лучшей французской шерсти выдѣлывалась обыкновенная матерія, тогда какъ болѣе тонкіе и испанскіе сорта шли на болѣе тонкую ткань. Широкаго и цвѣтущаго развитія достигло производство полотна. Льняно-прядильныя предпріятія существовалио въ Лавалѣ, въ Камбрэ, въ Реймсѣ и въ Бовуази. Полотняныя издѣлія вывозились въ Англію, Испанію и Италію. Большихъ успѣховъ въ Турэни достигла шерстяная промышленность,—въ Турѣ на 8.000 итальянскихъ и испанскихъ станкахъ пряласъ шерсть (1546 г.)—а также и ювелирное и ножевое производство. Словомъ, Франція съ большимъ успѣхомъ и съ большой энергіей выступила на путь промышленнаго прогресса, но продолжительныя войны Франциска I и Генриха II съ Габсбургскимъ домомъ сначала вызвали остановку этого развитія, а затѣмъ неоднократнымъ повышеніемъ въ интересахъ фиска вывозныхъ и ввозныхъ пошлинъ сдѣлали невозможной какую бы то ни было торговлю и вмѣстѣ съ тѣмъ погубили промышленность. Религіозныя войны довершили потомъ эту гибель. Только послѣ умиротворенія Франціи Генрихомъ IV начинается новый цвѣтущій періодъ Французской промышленности. При содѣйствіи Оливье де-Серръ и Бартелеми де-Лафма король употребилъ всю свою энергію на оживленіе мануфактуры и оказалъ свое покровительство и поддержку прежде всего и главнымъ образомъ производству предметовъ роскоши, не забывая однако и полезныхъ отраслей промышленности. Оливье де-Серръ, который въ своемъ «Théâtre de l'agriculture» далъ первое руководство къ сельскому хозяйству, особенно интересовался шелководствомъ и посвятилъ одну главу своей книги изложенію наилучшихъ способовъ веденія культуры шелко вичныхъ червей во Франціи [2]). Большее значеніе въ промышленномъ отношеніи имѣла дѣятельность Бартелеми Лафма. Въ 1598 г. онъ вручилъ Генриху IV въ формѣ королевскаго эдикта составленную имъ записку, въ которой изложилъ цѣлую программу промышленной политики. Эту записку онъ начиналъ съ указанія на то, что Парижъ, Ліонъ, Туръ уже въ прежніе годы показали свою способность выдѣлывать и окрашивать шелка такъ

[1]) См. эти отчеты въ Collection des Documents inédits sur l'histoire de la France. Они относятся къ 1528—1560, съ которыми совпадаетъ первый расцвѣтъ французской промышленности.

[2]) La cueillete de la soye въ Théâtre d'agriculture, ч. V, гл. XV, изд. Paris 1805, II, стр. 111.

же хорошо, какъ и знаменитѣйшіе города Италіи, что Пикардія, Шампань и Байонна могутъ производить такое же хорошее полотно, какъ и Фландрія; что лангедокскія кружева такъ же тонки, какъ и нидерландскія, и что реймскія и амьенскія покрывала лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Смѣшно продавать ленъ, пеньку, шерсть за границу, чтобы затѣмъ получать ихъ обратно въ обработанномъ видѣ. Если бы Франція сама занялась ихъ обработкой, то она тѣмъ самымъ значительно уменьшила бы число бѣдныхъ, которые бѣдны вслѣдствіе безработицы. Такимъ образомъ Франція вполнѣ способна стать промышленной страной и для нея въ высшей степени важно стать именно таковою. Для достиженія этой цѣли Лафма прежде всего предлагаетъ воспретить ввозъ заграничныхъ мануфактурныхъ товаровъ, за исключеніемъ полезныхъ книгъ и произведеній искусства, и вывозъ сырья и полу-фабрикатовъ. Съ другой стороны, онъ признавалъ безусловно необходимымъ уничтоженіе всѣхъ внутреннихъ заставныхъ пошлинъ и замѣну налоговъ, обременяющихъ торговлю, единственнымъ налогомъ, въ размѣрѣ одного су, заранѣе взимаемымъ съ каждаго ливра продаваемыхъ зерновыхъ продуктовъ и другихъ товаровъ. Свои важнѣйшіе проекты онъ заключаетъ предложеніемъ учрежденія должности генеральнаго контролера и постоянной торговой камеры, задача которой будетъ состоять въ ознакомленіи съ потребностями торговли и въ улучшеніи, гдѣ это окажется необходимымъ, законодательныхъ и административныхъ нормъ, которыми она регулируется [1]),

Такимъ образомъ Лафма стремился въ одно и то же время уничтожить тѣ дробныя дѣленія, благодаря которымъ феодализмъ съ помощью таможенныхъ и иныхъ внутреннихъ границъ разбилъ Францію на особыя территоріи, и создать ту государственную однородность, въ которой и современная торговля и современная индустрія одинаково нуждались. Позднѣе эта идея была усвоена Кольберомъ, но и онъ осуществилъ ее только отчасти, и лишь французская революція, уничтоживъ названія старыхъ провинцій, раздѣлила страну на извѣстное число департаментовъ и возстановила вмѣстѣ съ административнымъ и торговое единство. Изъ проектовъ Лафма Генрихъ IV осуществилъ лишь послѣдній—учрежденіе торговой палаты черезъ Lettres patentes отъ 20 іюля 1602 г. Это учрежденіе обратило свое вниманіе прежде всего на производство шелка,—къ этому именно времени относится начало крупной шелковой промышленности въ Ліонѣ—а затѣмъ также и на хлопчатобумажную индустрію, на

[1]) См. Записку Лафма (а также дебаты торговой палаты) въ Collection des Documents inedits sur l'histoire de la France. Melanges historiques tom. IV, стр. XV—XXXIII.

полотняную мануфактуру въ предмѣстьяхъ Руана и на другія отрасли производства. Фабрикація ковровъ и гобеленовъ, хрусталя и зеркалъ также обязана своимъ возникновеніемъ Генриху IV, который привлекалъ венеціанскихъ рабочихъ высокой заработной платой и другими льготами, предоставляя имъ возможность окончательно переселяться изъ Венеціи во Францію, и натурализовалъ ихъ, чтобы защитить отъ преслѣдованій со стороны ихъ отечества. Въ царствованіе Генриха IV французская индустрія переживала поистинѣ эпоху своего возрожденія; но регентство Маріи Медичи быстро положило конецъ этому прогрессу. Ришелье былъ слишкомъ занятъ вопросами міровой политики, борьбою съ Габсбургскимъ домомъ, чтобы посвящать достаточно вниманія промышленнымъ интересамъ страны; время Фронды было временемъ полнаго разоренія Франціи—гдѣ же тамъ было думать о какомъ бы то ни было развитіи промышленности! Только въ послѣдніе годы управленія Мазарини, при министрѣ финансовъ Фукэ, истощенная страна снова начинаетъ оживать, а позднѣе уже Кольберъ своей политикой облегчаетъ переходъ вновь пробудившейся энергіи и жизненной силы на путь промышленной дѣятельности. Подобно Генриху IV, онъ начинаетъ съ упроченія производства предметовъ роскоши, а затѣмъ мало-по-малу беретъ подъ свое покровительство и полезныя отрасли промышленности. Такъ, онъ учредилъ «Manufacture royale des meubles de couronne», руководство которой поручилъ Лебрэну, и для этой цѣли собралъ въ Hôtel des Gobelins живописцевъ, скульпторовъ, ювелировъ, словомъ, способнѣйшихъ работниковъ всѣхъ промысловъ для производства meubles, т.-е. всякаго рода вещей, служащихъ для меблировки и украшенія дворцовъ. Далѣе, онъ основалъ двѣ новыя фабрики для выдѣлки ковровъ, изъ которыхъ, впрочемъ, одна, въ Бовэ, вслѣдствіе дороговизны своихъ продуктовъ погибла. Но особенно сильнаго расцвѣта при Кольберѣ достигъ Ліонъ. Первоначально шелковая промышленность была основана Людовикомъ XI въ Ліонѣ противъ воли жителей города, но затѣмъ въ 1469 г. она была перенесена имъ въ Туръ [1]), гдѣ и достигла скоро цвѣтущаго состоянія. Но введеніе обширныхъ посадокъ, осуществленное Генрихомъ IV и Оливье де Серръ, мало-по-малу снова передвинуло центръ шелковой промышленности въ Ліонъ, чему способствовала также колонія многочисленныхъ семей ткачей, переселенныхъ туда Францискомъ I, и уже въ XVII вѣкѣ Ліонъ своими въ высшей степени искусными и прекрасными фабрикатами побѣдилъ всѣхъ своихъ конкуррентовъ. При поддержкѣ Кольбера городу удалось захватить монополію

---

[1]) См. Vital de Bulour, Etienne Turquet et les origines de la fabrique onnaise, Lyon 1868.

на европейскомъ рынкѣ. Въ сообществѣ съ Шарье, тогдашнимъ старшиною купеческаго сословія, Кольберъ основывалъ фабрики для выдѣлки шелковыхъ матерій, бархата, парчи, шелковыхъ чулокъ и т. д. и при помощи Lettres patentes, привилегій, денежныхъ пособій, запрещенія ввоза ухаживалъ за индустріей, какъ за тепличнымъ растеніемъ, и такъ успѣшно, что въ 1685 г. Ліонъ насчитывалъ около 13.000 станковъ; 20 лѣтъ спустя вслѣдствіе изгнанія гугенотовъ и продолжавшихся войнъ число это упало до 2.000 и только въ 1753 г. оно снова поднялось до прежней высоты.

То же, что и въ шелковомъ производствѣ, происходило и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Путемъ переселенія иностранныхъ рабочихъ, при чемъ въ этомъ дѣлѣ слѣдовали практикѣ прежнихъ королей, особенно Генриха IV, пересаживалъ Кольберъ различныя отрасли иностранной промышленности, какъ, напр., кружевное и зеркальное производство изъ Венеціи. Въ 1665 г. была основана въ Сенъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ Парижа первая зеркальная мануфактура, а вскорѣ затѣмъ и другая въ Неверѣ; Реймсъ сталъ центромъ новаго кружевного производства. Но Кольберъ но ограничивался только производствами предметовъ роскоши; онъ ввелъ полотняную мануфактуру изъ Англіи и особенно изъ Фландріи, съ продуктами которыхъ французскіе фабриканты не могли конкуррировать ни прочностью, ни красотой. Со времени учрежденія Кольберомъ мануфактуры Рабэ въ Аббевилѣ, гдѣ очень скоро сосредоточилось 1692 работницъ и рабочихъ въ трехъ отдѣленіяхъ, начинается выдѣлка тонкихъ полотенъ во Франціи. Старыя полотняныя мануфактуры Седана, Лувье, Эльбэфа были преобразованы и были поставлены на уровень техническихъ требованій того времени. Для поддержанія полотнянной мануфактуры Кольберъ запретилъ въ 1660 г. ввозъ всѣхъ англійскихъ полотенъ и затруднилъ путемъ высокаго таможеннаго тарифа ввозъ ихъ изъ Испаніи, Фландріи и другихъ странъ. Статистическое изслѣдованіе 1669 г. показало, что подъ защитою запретительнаго тарифа дѣйствовало 34.200 станковъ, производившихъ 671.000 штукъ полотна и занимавшихъ 60.000 рабочихъ. Кольберъ покровительствовалъ также производству вязанныхъ чулокъ; привилегію на это производство онъ предоставилъ промышленнику Камюзэ; мэры городовъ и деревень должны были ему доставлять соотвѣтствующія помѣщенія, и безработные мужчины, женщины и дѣти отъ десяти лѣтъ обязаны были работать въ нихъ. Точно такимъ же образомъ было введено безчисленное множество другихъ отраслей промышленности, на которыхъ здѣсь не мѣсто подробно останавливаться. Отчеты, въ которыхъ интенданты даютъ свѣдѣнія о положеніи управляемыхъ ими округовъ въ концѣ министерской дѣятельности Кольбера, рисуютъ точную картину про-

мышленнаго состоянія Франціи [1]). Никогда французская промышленность не находилась въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, какъ въ то время. Несомнѣнно, Франція тогда была на прямомъ пути къ тому, чтобы сдѣлаться одною изъ наиболѣе промышленныхъ странъ въ Европѣ; но послѣ смерти Кольбера новыя мануфактуры пришли въ упадокъ, вслѣдствіе безразсудной военной и церковной политики Людовика XIV, почти такъ же быстро, какъ и расцвѣли. Фактически большая часть промышленности, благодаря политикѣ, которой слѣдовало правительство, сосредоточивалась въ рукахъ гугенотовъ. Съ тѣхъ поръ какъ Ришелье уничтожилъ ихъ самостоятельность и Нимскимъ эдиктомъ о помилованіи положилъ конецъ всѣмъ ихъ возстаніямъ, было покончено и съ ихъ государствомъ въ государствѣ. Имъ дарована была почти религіозная свобода—Мазарини и въ этомъ случаѣ слѣдовалъ политикѣ Ришелье и такъ сумѣлъ привязать гугенотовъ къ королевской власти, что называлъ ихъ ея «вѣрнымъ стадомъ» (troupeau fidèle),—но они были исключены изъ всѣхъ придворныхъ и большей части государственныхъ должностей, какъ и изъ промышленныхъ корпорацій. Такъ какъ и въ арміи ихъ не особенно охотно терпѣли и конечно лишь очень медленно повышали въ чинахъ—примѣръ этому нашъ Верасъ,—то имъ собственно только и оставалось заниматься земледѣліемъ, промышленностью и торговлей, какъ единственными отраслями дѣятельности, къ которымъ они могли примѣнить свои способности и силы. Обладая болѣе высокимъ умственнымъ развитіемъ, нежели католики, и уже по одной своей религіи стоя ближе къ болѣе развитымъ въ промышленномъ отношеніи протестантскимъ странамъ, какъ Голландія, Англія и даже Швейцарія, они безъ труда овладѣли вновь возникшими мануфактурами во Франціи, сосредоточивъ ихъ почти исключительно въ своихъ рукахъ. Въ ихъ рукахъ сконцентрировалась большая часть морской торговли Бордо и Ла-Рошели; они же заняли руководящее положеніе въ Седанѣ, Аббевилѣ, Лувье, Эльбэфѣ, Реймсѣ, въ Оверни, въ Турѣ и въ Ліонѣ, благодаря своимъ капиталамъ и обширнымъ связямъ въ областяхъ полотняной, шелковой, хлопчатобумажной и бумажной мануфактурѣ. Кольберъ, этотъ главный агентъ современнаго индустріализма, всегда бралъ ихъ подъ свое покровительство и, насколько это было для него возможно, ограждалъ ихъ отъ преслѣдованій, которыми имъ постоянно грозили ханжи, окружавшіе ограниченнаго короля. Спустя два года послѣ его смерти Нантскій эдиктъ былъ отмѣненъ, и эмиграція гугенотовъ возобновилась. Вмѣстѣ съ собою они увезли свои дарованія, свое умственное превосходство, драгоцѣнный опытъ, накоп-

[1]) Болѣе подробныя извлеченія приведены у *Levasseur*, Histoire des classe ouvrières en France jusqu à la Revolution, Парижъ 1859, II, стр. 259—277.

ленный ими долголѣтнею энергичною дѣятельностью во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и громадные капиталы, и въ качествѣ піонеровъ французской промышленности распространили ее въ большей части европейскихъ странъ, гдѣ имъ оказывали самую гостепріимную встрѣчу [2]). Словомъ послѣ отмѣны эдикта и эмиграціи гугенотовъ интендантъ Турэни констатировалъ, что въ Турѣ шелковая промышленность, въ которой раньше было занято 40.000 рабочихъ, включая женщинъ и дѣтей, теперь занимала лишь 4.000; что число станковъ для тканья матеріи упало съ 8.000 до 1.200, а въ отдѣленіи для тканья лентъ съ 3.000 до 60. Таковы же были потери и Ліона: число станковъ въ немъ понизилось съ 13.000 до 4.000.

Въ XVII столѣтіи во Франціи возникла и развилась крупная мануфактура. Ясно, что она не могла не повліять на положеніе лицъ, въ ней занятыхъ; но въ концѣ концовъ происшедшая перемѣна не была настолько глубокой и всеобщей, какъ это могло казаться. Не нужно забывать, что всѣ тканныя матеріи приготовляли, пряли и ткали руками, и что большое число станковъ, особенно для простыхъ тканей, находилось дома у сельскихъ рабочихъ и въ мелкихъ арендныхъ хозяйствахъ, такъ что между земледѣліемъ и домашнимъ кустарнымъ промысломъ существовала самая тѣсная связь. Введенныя Генрихомъ IV производства шелка, ковровъ и кружевъ получили розвитіе не въ городахъ, а прежде всего въ деревнѣ, гдѣ они нашли себѣ убѣжище отъ зависти и вражды городскихъ корпорацій. Избавленіе кустарныхъ промысловъ, пріютившихся въ деревнѣ, отъ придирокъ и стѣснительныхъ формальностей, которыми ихъ преслѣдовали корпораціи сосѣднихъ городовъ, Кольберъ поэтому считалъ одной изъ главныхъ и серьезнѣйшихъ своихъ задачъ. Толчекъ, данный имъ пряденію и тканью хлопчатой бумаги, льна и пеньки, вначалѣ нисколько не нарушилъ стараго порядка вещей, но увеличилъ только количество исполняемой кустарнымъ способомъ работы. Результатомъ этого промышленнаго развитія вначалѣ было, такимъ образомъ, только расширеніе кустарной промышленности, что не только не привело къ обезлюдѣнію деревень и перенаселенію городовъ, но скорѣе подѣйствовало оживляющимъ образомъ на сельское населеніе. Несмотря, однако, на это, учреждаемыя Кольберомъ промышленныя предпріятія имѣли сами по себѣ тенденцію въ извѣстной степени замѣнить индивидуальную работу въ одиночныхъ мастерскихъ работою въ мануфактурахъ. Интересно прослѣдить эту борьбу между кустарною промышленностью и мануфактурою въ заново созданномъ производствѣ тонкихъ кружевъ. Вначалѣ тонкія кружева приготовлялись только въ Венеціи.

[1]) *Ch. Gourand,* Histoire de la politique commerciale, Paris 1854, стр. 282 и слѣд.

Послѣ того какъ Кольберу удалось овладѣть секретомъ этой промышленности, онъ старался производство этихъ новыхъ кружевъ, которыя онъ называлъ «point de France», сдѣлать національной промышленностью. Поэтому онъ основалъ общество, которому предоставилъ исключительную привилегію на выдѣлку этихъ кружевъ и право устраивать свои отдѣленія во всѣхъ провинціяхъ королевства. Такія отдѣленія возникли въ Реймсѣ, въ Бурбоннэ, въ Оверни и въ Нормандіи. Реймская мануфактура въ началѣ перваго года насчитывала 58 работницъ, въ концѣ же—120; въ Буржѣ—140 работницъ. При основаніи названнаго общества Кольберъ преслѣдовалъ двойную цѣль: поставить Францію въ положеніе, независимое отъ заграничнаго рынка, и распространить промыселъ въ деревняхъ. Но такъ какъ онъ снабдилъ общество исключительною привилегіею и запретилъ производство какихъ-либо другихъ кружевъ, то работницы, выдѣлывавшія раньше другія кружева, вынуждены были перейти на положеніе учениць. Кромѣ того предприниматели находили для себя болѣе удобнымъ имѣть дѣло именно съ такими работницами, которыя приходили работать въ основанныя ими мастерскія. Это повело къ тому, что между многочисленными работницами, прикованными къ своему дому, и предпринимателями загорѣлась борьба. Изъ 900 дѣвушекъ, обучившихся новому способу производства кружевъ, только 140 остались въ мастерскихъ; остальныя же работали у себя на дому, являясь ихъ конкурентками. Въ Алансонѣ дѣло дошло даже до открытаго возстанія. Уже съ давнихъ поръ въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ занимались производствомъ обыкновенныхъ сортовъ кружевъ и около 8.000 человѣкъ, женщинъ и дѣтей, жили этою работою. Когда съ введеніемъ новаго образца кружевъ и обязательной работы въ помѣщеніи мастерскихъ ихъ хотѣли лишить привычнаго промысла, то вспыхнуло возстаніе, во время котораго агентъ Кольбера почти до смерти былъ избитъ возставшими женщинами. Полюбовное соглашеніе, предложенное работницами, было отвергнуто; но, несмотря на всѣ ухищренія властей, изъ 8.000 работницъ имъ удалось завербовать на фабрики и на мастерскія не болѣе 250.

Вліяніе новаго способа производства, кромѣ дѣйствія его въ смыслѣ объединенія большихъ массъ рабочихъ въ одномъ предпріятіи, мы можемъ прослѣдить еще и съ двухъ другихъ сторонъ: со стороны образованія новаго класса предпринимателей и со стороны образованія новаго класса рабочихъ. Внутри цеховой организаціи мануфактура, однимъ изъ отличительныхъ признаковъ которой служитъ производство въ крупныхъ размѣрахъ, не могла развиваться; цехи со всѣхъ сторонъ ограничивали и связывали ея развитіе. Только внѣ ихъ организаціи могла она найти достаточно простора для своего роста и необходимую для ея членовъ свободу

движенія. Такимъ образомъ возникъ новый классъ мастеровъ—изъ собственниковъ, управляющихъ мануфактуръ и богатыхъ торговыхъ агентовъ, не принадлежавшихъ ни къ какимъ старымъ корпораціямъ и не составлявшихъ никакихъ новыхъ. Они стояли подъ непосредственнымъ покровительствомъ короля и пользовались въ большинствѣ случаевъ исключительными привилегіями и, только опираясь на денежную помощь и властную поддержку короля, а также при посредствѣ предоставленной имъ монополіи, возможно было для нихъ предпринять борьбу съ ревнивыми и крайне враждебными имъ корпораціями. Монополіи должна была быть противопоставлена монополія. Этотъ именно новый классъ монополистовъ и былъ призванъ уничтожить законныя привилегіи стараго класса монополистовъ путемъ развитія находившейся въ ихъ рукахъ всереволюціонизирующей крупной промышленности, съ тѣмъ чтобы съ помощью присвоенной имъ экономической монополіи занять его мѣсто. Названіе «Manufacture royale», которое Кольберъ далъ своимъ учрежденіямъ, было могущественнѣйшей охранной грамотой, ограждавшей ихъ отъ процессовъ и контроля со стороны корпораціи; Кольберъ поставилъ ихъ подъ непосредственное наблюденіе королевской власти и ея инспекторовъ; каждый, кто работалъ par privilège du roi, могъ совершенно пренебрегать нападками со стороны цеховыхъ мастеровъ. Правда, и онъ не былъ свободенъ отъ регламентаціи; но правила регламентаціи не только издавались короной, но она же наблюдала за ихъ исполненіемъ; но въ то время какъ цеховые чиновники строго наблюдали за исполненіемъ всякихъ правилъ ихъ конкуррентами мастерами, агенты короны нисколько не были заинтересованы въ томъ, чтобы разными придирками затруднять дѣятельность предпринимателей въ ихъ предпріятіяхъ. Правила Кольбера слѣдили только за доброкачественностью товара, имѣя въ этомъ случаѣ въ виду какъ интересы потребителей, такъ и интересы самой промышленности. Этимъ объясняются правила, предписывающія введеніе новѣйшихъ и лучшихъ техническихъ пріемовъ, подробно опредѣляющія, напр., длину и ширину кусковъ полотна и т. п.; этимъ же объясняются и строгія наказанія, налагавшіяся на предпринимателей, прибѣгавшихъ къ обману, а также основной принципъ, въ силу котораго ни одна мануфактура, ни одно промышленное учрежденіе не могли быть основываемы безъ королевскаго разрѣшенія.

Въ законодательствѣ, касающемся рабочихъ мануфактуръ, никакихъ измѣненій Кольберомъ внесено не было. Штатъ рабочихъ, въ которыхъ нуждалась мануфактура, она нашла уже въ большей его части заранѣе подготовленнымъ корпоративной системой: то были рабочіе, не имѣвшіе возможности сдѣлаться мастерами въ какомъ-нибудь цехѣ и зани-

мавшіеся своимъ ремесломъ въ качествѣ свободныхъ рабочихъ, главнымъ образомъ, въ деревняхъ или мелкихъ городахъ и въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ. Эти выброшенныя корпораціями рабочія силы мануфактура привлекла къ себѣ, составила изъ нихъ свои кадры и создала среди нихъ новый классъ привилегированныхъ рабочихъ [1]). Дѣйствительно, нѣкоторые изъ нихъ очутились въ столь выгодномъ положеніи, что среди нихъ обнаружилась тенденція монополизировать его для своихъ семей и передавать его по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Въ зеркальной, ковровой и бумажной мануфактурахъ они образовали настоящія корпораціи, намѣренно игнорировавшіяся властями. Нужно было быть сыномъ или племянникомъ рабочаго, чтобы обезпечить себѣ мѣсто въ ихъ товарищескомъ союзѣ, и правила, регламентировавшія эти мануфактуры, покровительствовали подобнымъ товарищескимъ союзамъ, обезпечивая ихъ старѣйшимъ членамъ пенсіи, а семьямъ ихъ—работу. Такъ какъ, далѣе, во всѣхъ патентахъ на привилегію были установлены максимальныя цѣны на товары, а вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты и мѣры противъ ихъ пониженія, что совершенно или почти устраняло всякую конкурренцію между предпринимателями, то возможно, что въ первый періодъ развитія индустріи рабочіе получали почти постоянную заработную плату. Рабочіе мануфактуръ не обязывались проходить черезъ какой-либо офиціальный періодъ ученичества и столь же мало нуждались въ цеховомъ или королевскомъ свидѣтельствѣ на званіе мастера, чтобы заниматься своей профессіей на фабрикахъ. Но если съ этой стороны они пользовались самой широкой свободой, то въ рабочее время въ мастерскихъ и даже внѣ ихъ они подвергались самому строгому надзору. Всякая попытка какимъ бы то ни было способомъ уклониться отъ обязательствъ, принятыхъ на себя по контракту, встрѣчала немедленный отпоръ со стороны полиціи, дѣйствовавшей со всею полнотою власти, которою она для этого располагала. Всякое нарушеніе фабричной дисциплины каралось полицейскими судьями, какъ преступленіе противъ общественной безопасности. Фабричная регламентація вообще отличалась исключительной строгостью и подчиняла жизнь рабочаго даже внѣ мануфактуры цѣлому ряду обязательныхъ постановленій. Хорошимъ образчикомъ такого положенія являются правила, дѣйствовавшія въ парчевой мануфактурѣ въ Сэнъ-Моръ [2]). Работа начиналась съ разсвѣтомъ. Рабочіе мыли руки, клали крестное знаменіе, произносили утреннюю молитву и приготовлялись къ работѣ. Во время работы воспрещались руга-

[1]) Ср. *Du Callier*, Histoire etc. стр. 252 и слѣд.

[2]) Перепечатаны у *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières en France jusqu'à la Révolution, II, стр. 520.

тельства, шутки, разговоры, такъ какъ они могли отвлечь вниманіе рабочаго отъ работы. Ткачи почти никогда не прерывали своей работы; все, что имъ было нужно, приносилось имъ подручными, которые обязаны были на общій счетъ рабочихъ поддерживать чистоту въ рабочемъ помѣщеніи и отапливать его зимою. Переходить изъ одного помѣщенія въ другое имъ запрещалось такъ же, какъ ходить въ своемъ собственномъ помѣщеніи. Малѣйшая порча сырья или инструментовъ строго наказывалась, какъ воровство. На обѣдъ полагался перерывъ на одинъ часъ; завтракъ и ужинъ совершались внутри мастерской; на каждый пріемъ пищи давался перерывъ въ полчаса. Рабочій каждую субботу долженъ былъ платить своему домохозяину, въ противномъ случаѣ послѣдній имѣлъ право подвергнуть описи его мебель и платье. Далѣе, каждый рабочій обязанъ былъ подъ присягой хранить въ строгой тайнѣ секретъ производства, насколько онъ ему былъ извѣстенъ; обязанъ былъ вести себя хорошо какъ внутри, такъ и внѣ мануфактуры, ходить въ праздничные дни къ обѣднѣ, предаваться лишь приличнымъ развлеченіямъ и возвращаться домой къ 10 ч. вечера; распутство и пьянство, которыя играли столь большую роль въ корпоративныхъ союзахъ, были строжайше запрещены.

Въ такомъ видѣ выступаетъ передъ изслѣдователемъ картина промышленнаго состоянія Франціи во времена Кольбера. Неустанная работа жизни, полная энергіи, бьетъ ключемъ во Франціи втеченіе двадцатилѣтняго управленія этого выдающагося государственнаго дѣятеля. Современная мануфактура совершила свое торжественное вступленіе во Францію и тотчасъ же здѣсь, какъ и повсюду, обнаружила свои обѣ характерныя черты—скопленіе большихъ массъ рабочихъ въ обширныхъ предпріятіяхъ, расчлененіе производственнаго процесса на его составные элементы и, съ другой стороны, превращеніе самостоятельныхъ производственныхъ процессовъ въ частичные процессы новаго включающаго ихъ въ себѣ производственнаго процесса. Для поясненія намъ достаточно будетъ одного примѣра. Основанная Ванъ-Робэ мануфактура занимала 1692 рабочихъ; въ ней имѣлись различныя мастерскія, столярныя, слесарныя, красильныя, прачешныя и т. д. Въ ткацкихъ мастерскихъ находились самые разнообразные рабочіе—ткачи, сортировщики шерсти, шпульницы, вязальщицы, гладильщицы и т. д. Обѣ эти черты, скорѣе лишь намѣченныя, чѣмъ рѣзко выраженныя, были съ геніальною проницательностью ухвачены Вэрасомъ, къ которому теперь намъ предстоитъ обратиться. Онъ довелъ эти тенденціи до ихъ логическихъ послѣдствій и основалъ на нихъ свою коммунистическую систему общества. И въ этомъ заключается тотъ прогрессъ, который онъ въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ отмѣчаетъ собою сравнительно съ Томасомъ Моромъ.

ГЛАВА V.

Вэрасъ (Vairasse).

О жизни *Дениса Вэраса д'Аллэ*—это его полное имя—намъ чрезвычайно мало извѣстно. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей онъ происходилъ изъ мѣщанъ и называлъ себя д'Аллэ по имени городка въ Лангедокѣ, гдѣ католическое и протестантское вѣроисповѣданія были одинаково сильно представлены, и потому религіозныя страсти были напряжены до крайности; по мнѣнію другихъ, онъ происходилъ изъ дворянской семьи этой провинціи. Шестнадцати лѣтъ поступилъ Вэрасъ во французскую армію и принималъ участіе въ пьемонтскомъ походѣ; но вскорѣ онъ покинулъ военное поприще и обратился къ изученію права. Получивъ степень доктора, онъ отправился въ Англію, «чтобы разобраться въ интригахъ лондонскаго двора и изслѣдовать принципы управленія этой страны»... Въ 1665 г. онъ былъ на «Адмиралѣ Англіи», которымъ командовалъ герцогъ Іоркскій въ морской войнѣ съ голландцами, но вскорѣ послѣ этого долженъ былъ оставить Англію, ибо навлекъ на себя подозрѣніа въ соучастіи съ однимъ министромъ (лордъ Кларендонъ?) въ интригахъ послѣдняго. Онъ возвратился въ Парижъ и принялъ участіе въ 1672 г. въ походѣ противъ голландцевъ. Но видя, что вражда правительства къ реформистской партіи, къ которой онъ самъ принадлежалъ, все болѣе и болѣе усиливалась, и убѣдившись въ безнадежности своей военной карьеры, онъ вторично покинулъ службу и старался обезпечить свое существованіе въ Парижѣ преподаваніемъ англійскаго и французскаго языка. Плодомъ его занятій въ этой области была «Grammaire méthodique, contenant les principes de cet art et les régles les plus nécessaires de la langue française dans un ordre clair et naturel, 1681 12⁰», о которой далъ прекрасный отзывъ Abbé de la Roque въ Journal des savants, а также «A short and methodical Introduction to the French tongue composed for the particular use and benefit of the English by D. V. Allais, a teacher of the French and English tongues in Paris 1638, 12⁰». Зимою Вэрасъ читалъ также лекціи по исторіи и географіи, которыя посѣщались очень многими людьми науки [1]). О днѣ

[1]) Біографія составлена по мемуару, которымъ пользовался *Томазій* въ своихъ „Откровенныхъ, но сообразныхъ съ разумомъ и закономъ мыс-

его смерти намъ ничего неизвѣстно. Въ 1675 г. появилась первая часть главнаго труда Вэраса «Исторія Северамбовъ», книга, которой мы должны отвести такое же мѣсто во французской литературѣ, какое въ англійской занимаетъ «Утопія» Томаса Мора. Эта первая часть была первоначально написана на англійскомъ языкѣ и издана въ Лондонѣ. Полный трудъ его появился въ 1677—79 гг. на французскомъ языкѣ въ Парижѣ, а вскорѣ затѣмъ и въ переводахъ на голландскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ. Въ самой Франціи книга появилась въ цѣломъ рядѣ изданій, что свидѣтельствуетъ о широтѣ популярности, достигнутой ею въ то время [1]).

ляхъ о всякаго рода книгахъ, но главнымъ образомъ новыхъ, за всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ 1689 г.“ Галлэ 1690 г. стр. 963 и слѣд.—Ср. также *Prosper Marchand*, Dictionnaire historique, стр. 10—20; Biographie Universelle, I, стр. 490.—Le Clerc. Biblioth. Choisie, vol XXV, стр. 402, Amsterdam 1712 приписываетъ книгу нѣкоему „Provençal Veiras“, который хорошо зналъ покойнаго Локка, и опровергаетъ Геймана, который въ своей книгѣ „De libris anonymis et pseudonymis schediasma“ предполагаетъ, что это переводъ съ англійскаго и приписываетъ ее нѣкоему д'Аллэ. На Леклерка затѣмъ ссылается Stolle. „Anleitung zur Historie der Gelährtheit“, Iena 1727, стр. 778; онъ называетъ книгу Вераса „ученымъ и тщательно подготовленнымъ трудомъ“.

[1]) Первая часть вышла подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „The History of Sevarites or Sevarambi, a Nation inhabiting Part of the third Continent commonly called Terrae Australes incognitae, with on Account of their admirable Government, Religion, Customs and Language written by one Capitaine Siden, a Worthy Person, who together with many others, was cast upon those Coasts and lived many Years in that Country. London. Printed for Henry Brome, at the Gun at the West End of St. Pauls Church Yard 1675. Вторая часть more wonderful and delightful than the first 1679, написана не Вэрасомъ и представляетъ вздорную болтовню. Заглавіе первой части во французскомъ изданіи слѣдующее: Histoire des Sévarambes, Peuples qui habitent une Partie de troisième Continent ordinairement appelée Terre Australe, contenant un Compte exacte du Gouvernement, des Moeurs, de la Religion et du Langage de cette Nation, jusques aujourd'hui inconnue aux Peuples de l'Europe: Traduite de l'Anglois. I-e partie à Paris chez Claude Barbin en 1677, 12°. II-e partie à Paris chez l'Auteur, au bas de la rue du Four, proche le petit Marché, Fauxbourg St. Germain, en 1678 et 1679, en trois volumes, 12°, Она посвящена М-г Рикэ, барону де Бонрепа. Голландскій переводъ появился въ 1683 in 4° Тимоѳея фонъ-Горна, Амстердамъ: Historië der Sevarambes Volkern die een gedeelte van het derde vaste Landt bewonen, gemeenlyk Zuidland genaemd; шесть лѣтъ спустя появился нѣмецкій переводъ подъ заглавіемъ: Geographisches Kleinod aus zweyen sehr ungemeinen Edelgesteinen bestehend: darunter der erste: eine Historie der neuaufgefundenen Völker Sevarambes genannt, wel-

Во введеніи, предпосланномъ собственному разсказу, Вэрасъ жалуется на то, что путешествія, предпринимаемыя для открытій, организуются не научно, и приглашаетъ государей жертвовать на нихъ часть своихъ богатствъ. Голландцы особенно руководятся въ своихъ путешествіяхъ чисто меркантильными цѣлями. Несмотря на многочисленныя плаванія, совершенныя ими въ Остъ-Индію, внутреннее положеніе Зундскихъ острововъ и особенно острова Борнео остается совершенно неизвѣстнымъ. Берега третьяго континента также изслѣдованы чаще всего случайно и никогда еще не были описаны съ достаточной подробностью. Подробнымъ описаніемъ этой третьей части земли Вэрасъ желалъ бы пополнить этотъ пробѣлъ.

Внѣшняя форма, въ которую онъ облекъ свою утопію чрезвычайно искусственна. Вэрасъ разсказываетъ, что онъ получилъ отъ одного врача большое число документовъ, написанныхъ на разныхъ языкахъ, которые онъ и разработалъ для составленной имъ книги. Эти документы врачъ въ свою очередь получилъ отъ нѣкоего капитана Сидена (Siden), который разсказываетъ въ нихъ о своемъ пребываніи въ чудесной странѣ Северамбіи, составляющей часть австралійскаго континента.

Послѣ этого собственно и начинается романъ, въ видѣ мемуаровъ капитана Сидена. Во время одного морского путешествія въ Остъ-Индію на голландскомъ кораблѣ онъ бурею былъ выброшенъ на берегъ неизвѣстнаго ему австралійскаго континента. Экипажу, какъ и пассажирамъ корабля, удалось спастись. Только прочно осѣвши на новой землѣ въ качествѣ маленькой колоніи и проживъ тамъ довольно долгое время, они вошли въ сношенія съ жителями страны, северамбами, которые оказали имъ радушный пріемъ. Описанію государственнаго и общественнаго порядка этого народа и посвящена книга Вэраса.

Страна эта первоначально была заселена двумя народностями, престарамбами и струкарамбами, общественный строй и нравы которыхъ были почти одинаковы: они жили большими семейными общинами, каждая изъ которыхъ имѣла свое особое управленіе. Община (communaute) избирала

---

ches einen Theil des dritten festen Landes so man sonsten das Südland nennet, bewohnen: darinnen eine gantz neue und eigentliche Erzählung von der Regierung, Sitten, Gotesdienst und Sprache dieser denen Europäischen Volckern bis anhero noch unbekannten Nation enthalten etc. Sultzbach, gedruckt bei Abraham Liechtentaler 1689; eine Neuauflage zu Nurnberg bei Johann Friedrich Rüdigern 1717. Далѣе переводъ J. G. Müller въ двухъ частяхъ Itxchoe 1783. 8°. Итальянскій переводъ относится къ 1728 г., Венеція; изъ французскихъ изданій упомяну еще изданіе 1682 г. 5 т. in 12°, Брюссель; 1702 г. 2 т. in 12°, Амстердамъ; одпотомное изданіе in 12°, Амстердамъ; 1716, 2 т. in 12°, Амстердамъ; 1734 г., Амстердамъ; наконецъ въ сборникѣ Voyages imaginaires etc. т. V, по которому я цитирую.

отъ времени до времени вождя, который долженъ былъ наблюдать за хозяйственной жизнью и руководить ею. Совмѣстно съ совѣтомъ старѣйшинъ онъ распоряжался имуществомъ и личностью членовъ семейной общины. Оба народа жили главнымъ образомъ земледѣліемъ, а затѣмъ охотою и рыболовствомъ. Руководство дѣлами всей націи находилось въ рукахъ великаго совѣта, который состоялъ изъ собранія депутатовъ отъ семейныхъ общинъ. Для защиты отъ сосѣднихъ народовъ ежегодно избирался верховный вождь, которому каждая семья доставляла опредѣленный контингентъ вооруженныхъ людей. Оба народа различались между собою только въ брачныхъ обычаяхъ. Въ то время какъ престарамбы придерживались строгой моногаміи, у струкарамбовъ оставалась въ силѣ еще старинная форма брака: «Они нисколько не стѣснялись жениться на своихъ дочеряхъ и сестрахъ; наоборотъ, они считали болѣе почетнымъ вступать въ брачный союзъ съ единокровными, чѣмъ съ чужими. Тѣмъ не менѣе они женились на дочеряхъ своихъ сосѣдей; но юноши никогда не покидали семьи, къ которой они принадлежали. Если кто бралъ себѣ жену, то онъ не считался ея единственнымъ обладателемъ. Каждый мужчина семьи могъ вступать съ нею связь, если желалъ этого. Если же мужчина вступалъ въ связь съ чужою женщиною, или женщина вступала въ связь съ чужимъ, то это составляло крупное преступленіе, каравшееся смертью».

Таково было состояніе обоихъ народовъ, когда Севарисъ, персіянинъ, объѣхавшій всю Европу и Азію, узнавъ объ ихъ существованіи отъ матросовъ, бурею прибитыхъ къ ихъ берегу, рѣшилъ предпринять путешествіе въ эту страну и вскорѣ появился тамъ съ двумя кораблями. Какимъ образомъ удалось ему сдѣлаться властителемъ обоихъ народовъ, это мы можемъ легко обойти молчаніемъ. Всю свою власть, которою онъ обладалъ, и свои выдающіяся духовныя силы онъ посвятилъ на то, чтобы организовать эти высокоодаренные, но не культурные и жившіе въ естественномъ состояніи народы, въ такую общественную форму, которая съ наибольшимъ культурнымъ развитіемъ соединяетъ наибольшую для всѣхъ сумму счастья. Какими соображеніями руководился онъ, избирая описываемую нами ниже государственную форму и связывая ее съ существующими уже учрежденіями и особенно съ общиннымъ владѣніемъ—это въ высшей степени интересно объяснить подробнѣе. Рѣзкая критика государственнаго и общественнаго порядка тогдашней Франціи доставила Верасу фундаментъ для возведенія на немъ государства севарамбовъ. Основныя мысли, изъ которыхъ исходили соціалисты XVIII вѣка, какъ Морелли и Мабли, въ своихъ нападкахъ на собственность, мы уже находимъ предво-

схищенными и изложенными въ увлекательной и стройной формѣ въ книгѣ Вэраса.

Севарисъ или, какъ его называютъ его новые подданные, Севаріасъ, и его прежній гофмейстеръ Джіованни, начали свое дѣло испытаніемъ знакомыхъ имъ формъ правленія. Одна система, одинаково защищаемая послѣднимъ и переселенными Севаріасомъ персами, предлагала въ согласіи почти со всѣми націями континента раздѣлить народъ на семь [1]) различныхъ классовъ и распредѣлить земли въ частную собственность между всѣми лицами. Изъ этихъ семи классовъ, каждый изъ которыхъ занималъ опредѣленный рангъ и носилъ особое платье, первый долженъ былъ состоять изъ поденныхъ и сельскихъ рабочихъ, второй—изъ низшихъ ремесленниковъ, каковы: каменщики, столяры, ткачи и т. п., третій изъ искусныхъ ремесленниковъ, каковы: живописцы, ювелиры и т. п., четвертый—изъ купцовъ, пятый—изъ богатыхъ горожанъ и лицъ, принадлежащихъ къ либеральнымъ професіямъ, шестой—изъ низшаго дворянства и, наконецъ, седьмой—изъ высшей аристократіи. Достойно вниманія, что духовенство не составляетъ никакого класса, но этому можно найти объясненіе въ идеяхъ Вэраса, развитыхъ имъ позднѣе. Добрая доля распредѣленной земельной собственности должна была быть выдѣлена для удовлетворенія обычныхъ потребностей государства; только въ исключительныхъ случаяхъ каждый классъ долженъ былъ платить налоги сообразно своему положенію, причемъ ни одному классу не предоставлялось никакой привилегіи и ни для какого класса не дѣлалось изъятія [2]). Несправедливымъ и противнымъ всякой логикѣ считалось положеніе, при которомъ одни члены государства пользовались бы защитою законовъ и выгодами общественнаго состоянія, безъ всякой съ ихъ стороны матеріальной поддержки государства, въ то время какъ другая часть членовъ этого же государства несла на себѣ всю тяжесть налоговъ и повинностей. Только домены государей должны быть свободны отъ налоговъ, всѣ же подданные должны нести налоговое бремя въ справедливой пропорціи, соотвѣтствующей ихъ рангу и имущественному положенію. Кромѣ того, каждый гражданинъ, старше двадцати лѣтъ, долженъ вносить подушный налогъ. Далѣе, опредѣленную сумму

---

[1]) Фенелонъ въ своемъ Телемакѣ, ч. XII, также заставляетъ Ментора раздѣлить обитателей Саланти на семь различныхъ клановъ, отличавшихся другъ отъ друга своимъ одѣяніемъ.

[2]) Въ большомъ числѣ описаній путешествій, которыя вводятъ читателей въ фантастическія страны, часто возвращаются къ критикѣ существующей французской и къ проектамъ новой раціональной податной системы. Ср., напр. аббата Дефонтэнъ, „Le nouveau Goulliver въ Voyages maginaire и т. д., ч. XV, стр. 87.

долженъ вносить тотъ, кто, достигнувъ имущественнаго maximum'a своего класса, желалъ воспользоваться разрѣшеніемъ на переходъ въ слѣдующій общественный классъ. Такимъ образомъ имущественное владѣніе, обезпечивая возможность перехода въ высшіе классы, пробивало брешь въ феодальной системѣ сословнаго дѣленія общества.

Этотъ проектъ государственнаго и общественнаго устройства прежде всего и рекомендовался законодателю въ силу одного того факта, что въ существенныхъ чертахъ своихъ онъ былъ осуществленъ уже въ большинствѣ европейскихъ государствъ и отличался отъ нихъ лишь болѣе справедливой системой распредѣленія налоговъ. Тѣмъ не менѣе Севаріасъ не могъ рѣшиться принять его. Внутренніе раздоры, войны и другія бѣдствія были для него свидѣтельствомъ ошибочности предлагаемой системы въ самомъ ея основаніи; это и побудило его заняться подробнымъ изслѣдованіемъ ихъ причинъ. Причины эти онъ видѣлъ въ скупости и праздности.

1. Природа создала насъ всѣхъ *равными*; она не знаетъ никакого различія между благороднымъ и простолюдиномъ. И тотъ и другой имѣютъ однѣ и тѣ же слабости; ни богатство, ни аристократическое происхожденіе не могутъ сами по себѣ продлить жизнь государей и подданныхъ ни на одинъ лишній день. Драгоцѣнѣйшее различіе, существующее между людьми, вытекаетъ лишь изъ нравственныхъ преимуществъ. Но въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ наслѣдственная аристократія, высокомѣріе и честолюбіе питаются преимуществами знатнаго происхожденія. Аристократія увѣрена, что она одна рождена для господства, и требуетъ, чтобы всѣ остальные люди подчинялись ей. Такимъ образомъ, для устраненія вытекающаго отсюда зла, Севаріасъ отмѣнилъ всѣ неравенства, обусловливаемыя рожденіемъ. Онъ оставилъ лишь различія, вытекающія изъ возраста, и различіе между народомъ и чиновниками.

2. Такъ какъ, далѣе, другою причиною различій въ гражданскомъ обществѣ служитъ богатство и вообще владѣніе имуществомъ, и такъ какъ институтъ частной собственности неизбѣжно влечетъ за собою жадность, зависть, эксплоатацію и безчисленное множество другихъ золъ, то Севаріасъ совершенно исключилъ его изъ плана своего новаго государственнаго устройства. Вся земля и всѣ богатства должны принадлежать государству, которому и принадлежитъ право исключительнаго распоряженія ими; граждане могутъ владѣть лишь тѣмъ, что предоставятъ имъ чиновники [1]).

---

[1]) Интересно привести взглядъ на общность имущества *Проспера Маршана* изъ его Dictionnaire historique, стр. 14, прим. 59: „Это равенство рожденія и эта общность имущества, говоритъ онъ, кажутся инымъ людямъ странными и непрактичными лишь потому, что они знакомы съ

Съ уничтоженіемъ частной собственности—таково было убѣжденіе Севаріаса—одновременно исчезнутъ всѣ дурныя и пагубныя страсти людей, а также налоги, пошлины, голодъ и бѣдность. Всѣ северамбы будутъ богаты, хотя ничѣмъ лично владѣть не будутъ. Каждый изъ нихъ будетъ столь же счастливъ, какъ богатѣйшій монархъ въ мірѣ. Всѣ потребности каждаго будутъ удовлетворены. Никогда забота о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ для себя, женъ и дѣтей не будетъ уже мучить гражданина, ибо обо всемъ будетъ заботиться государство, не прибѣгая къ налогамъ и пошлинамъ.

3. Но, чтобы избѣжать угрожающей праздности, каждый членъ общества обязанъ исполнять полезную и умѣренную работу. День распадается на три части, изъ которыхъ одна предназначена для работы, другая для удовольствій, третья для отдыха. Отъ всеобщей обязательной работы освобождаются только дѣти, старики и неспособные къ труду. Умѣренная работа будетъ развивать тѣло и духъ и никого не будутъ обременять ни чрезмѣрнымъ трудомъ, ни заботами, ни печалями. Бесѣды и развлеченія, слѣдующія за работой освѣжаютъ тѣло и духъ, тогда какъ отдыхъ возстанавливаетъ потраченныя силы.

Такимъ образомъ въ главныхъ чертахъ своего проекта Севаріасъ присоединился къ идеѣ общности имущества, осуществленной уже въ общежитіи туземцевъ, и далъ ей только дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи. Онъ, подобно многимъ законодателямъ, жившимъ до него, избѣгалъ ставить препятствія дальнѣйшему развитію законодательства, если только оно исходило изъ естественныхъ правъ и основныхъ учрежденій государства, въ которомъ оно было призвано дѣйствовать, и вполнѣ согласовалось съ ними.

Теперь обратимся къ описанію отдѣльныхъ частностей производственнаго процесса. Основнымъ его фундаментомъ служитъ общество, организованное для работы въ какой-нибудь отрасли производства, союзъ болѣе или менѣе значительнаго числа мужчинъ и женщинъ, собранныхъ въ од-

---

нравами лишь своей страны и лишь своего вѣка, и закоснѣвшіе въ этихъ нравахъ воображаютъ, что иначе и жить нельзя. Немного чтенія заставило бы ихъ стать менѣе категоричными въ этомъ отношеніи и убѣдило бы ихъ, что тѣ два обычая существовали у различныхъ народовъ древности, и они чувствовали себя при нихъ очень хорошо и имѣли на это достаточныя основанія". Какъ на примѣръ, онъ ссылается на первыхъ обитателей Италіи, лакедемонянъ, на древнихъ германцевъ и утверждаетъ даже, что всѣ первобытные народы, безъ сомнѣнія, обладали всѣми этими учрежденіями, доказательствомъ чего служитъ открытіе многихъ народовъ, живущихъ еще при режимѣ общности имущества. Это было писано въ 1758 году.

номъ большомъ зданіи, въ *осмазіи*.[1]) Осмазія представляетъ собою четырехъ-этажное, квадратное зданіе, сторона котораго имѣетъ 50 шаговъ и которое вмѣщаетъ болѣе 1000 душъ. Внутри зданія находится обширный дворъ съ садомъ и фонтанами. Внутри и снаружи вокругъ осмазіи устроены на желѣзныхъ столбахъ балконы, подъ которыми можно найти защиту отъ дождя и солнца.[2]) Всѣ эти балконы уставлены роскошными цвѣтами въ горшкахъ. Каждый городъ страны состоитъ изъ нѣсколькихъ осмазій; главный городъ Севариндъ состоитъ изъ 267 такихъ осмазій. Во главѣ различныхъ отраслей производства стоятъ префекты, которые завѣдуютъ складами сырья и его распредѣленіемъ между осмазіями, соотвѣтственно отраслямъ производства, которыми они заняты. Наприм., существуютъ осмазіи, которыя производятъ хлопчатую бумагу, ленъ, пеньку и шелкъ. Завѣдующіе соотвѣтствующими отраслями производства устраиваютъ склады сырья и разсылаютъ его затѣмъ по городамъ, гдѣ изъ него выдѣлываютъ полотно, пряжу и т. д. Послѣ этого изготовленные продукты изъ городовъ разсылаются повсюду, гдѣ въ нихъ ощущается нужда. Каждая осмазія имѣетъ своихъ чиновниковъ, рабовъ для исполненія черной работы и магазины. Въ послѣдніе она отдѣляетъ прежде всего ту часть произведенныхъ продуктовъ, въ которыхъ сама нуждается. Излишекъ же поступаетъ въ обширные общественные склады, которые разсѣяны по всей странѣ и принимаютъ такимъ образомъ весь излишне произведенный продуктъ осмазій, который затѣмъ снова дѣлится между ними какъ для удовлетворенія потребностей, такъ и для цѣлей производства. Затѣмъ продукты распредѣляются внутри осмазій между отдѣльными лицами. Существуютъ и такія осмазіи, въ которыхъ занимаются всѣми отраслями человѣческой дѣятельности, начиная отъ строительнаго до театральнаго дѣла, отъ дѣла воспитанія дѣтей до земледѣлія.

Лучше всего строй экономической жизни опредѣляется собственными словами самого Вэраса. «Если разсмотрѣть формы жизни другихъ націй, то увидимъ, что въ основѣ ихъ положено устройство магазиновъ; города стягиваютъ къ себѣ продукты изъ деревень, деревни—изъ городовъ; одни

---

[1]) Почему Клейнвехтеръ въ своей книгѣ „Die Staatsromane“ постоянно говоритъ объ осма*н*іяхъ, а представителей послѣднихъ называетъ осмазіонтами, я не знаю. Кстати сказать, лучше было бы, если бы этотъ вкладъ въ исторію соціализма и коммунизма совсѣмъ не былъ написанъ. Несмотря на авторитетный тонъ, въ которомъ онъ говоритъ о старикѣ Молѣ, онъ тѣмъ не менѣе ровно ничего новаго не сказалъ. Его описаніе кишитъ при этомъ поверхностными сужденіями, которыхъ этотъ господинъ могъ бы избѣжать, если бы онъ въ интересахъ своихъ читателей, просто переписалъ Моля.

[2]) Ср. *Boissel*, Les services publiques.

работаютъ руками, другіе головой, одни рождены для повиновенія, другіе для господства; школы устраиваются для воспитанія юношества и для подготовленія профессіональныхъ мастеровъ; изъ различныхъ промысловъ одни необходимы для поддержанія жизни, другіе—для жизненнаго комфорта, третьи—лишь для удовольствій. Матеріальные предметы по существу своему одинаковы, но способъ ихъ распредѣленія различный. Среди насъ есть лица, которыя задыхаются подъ бременемъ благъ и богатствъ, и лица, которыя ровно ничего не имѣютъ. Одни проводятъ жизнь свою въ праздности и удовольствіяхъ, другіе изнемогаютъ отъ непосильнаго труда изъ-за куска черстваго хлѣба. Одни достигаютъ высшаго почетнаго положенія, хотя они совершенно непригодны и неспособны къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, другіе же, оказывающіе значительныя услуги, но лишенные богатствъ, гибнутъ среди грязной и жалкой обстановки и осуждены на жизнь, являющуюся сплошною и безконечною цѣпью униженій.

«У северамбовъ, напротивъ, нѣтъ бѣдныхъ; каждый снабженъ предметами, необходимыми и полезными для жизни; каждый принимаетъ участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, не будучи вынужденнымъ ради этого истощать свое тѣло и свою душу чрезмѣрнымъ трудомъ. Всѣ эти выгоды гарантируются ему, его семьѣ, его дѣтямъ, хотя бы ихъ была тысяча, умѣренной ежедневной восьмичасовой работой. Никому не приходится заботиться объ уплатѣ тальи или пошлинъ, о накопленіи богатствъ для своихъ дѣтей, для приданаго дочерямъ, о пріобрѣтеніи наслѣдства. Всѣ избавлены отъ подобныхъ заботъ и богаты уже съ колыбели; и если не всѣ могутъ добиться почетныхъ должностей, то всѣ имѣютъ по крайней мѣрѣ то удовлетвореніе, что такія должности вручаются лишь тѣмъ лицамъ, которыя заслужили ихъ по всеобщему признанію согражданъ. Всѣ одинаково благородны и одинаково граждане. Никто не можетъ упрекнуть другого въ низкомъ происхожденіи, ни гордиться знатностью своего рода. Трудящійся не испытываетъ раздраженія, обыкновенно вызываемаго зрѣлищемъ праздной жизни, гордо и высокомѣрно эксплоатирующей чужой трудъ. Словомъ, когда наблюдаешь картину счастья этого народа, то убѣждаешься, что оно совершенно въ такой мѣрѣ, въ какой это достижимо на землѣ, и что всѣ другія націи въ сравненіи съ этимъ народомъ очень несчастны». [1])

Первые соціалисты въ своей критикѣ по необходимости исходятъ изъ факта безсмысленнаго и несправедливаго распредѣленія богатствъ, на которое они только и направляли свои нападки. Исходя изъ этого пункта,

---

[1]) Hist. des Sev., стр. 273 и слѣд.

они затѣмъ необходимымъ образомъ приходили къ системѣ коммунистическаго производства, какъ къ единственному средству, способному гарантировать справедливую форму распредѣленія. Въ приведенной выше цитатѣ Вэрасъ очень ясно высказывается на этотъ счетъ, отмѣчая, какъ существенное отличіе общества северамбовъ отъ общества европейскихъ народовъ, различіе не въ системѣ производства, но въ системѣ распредѣленія, которая у первыхъ сотвѣтствуетъ основнымъ требованіямъ естественнаго права и естественной морали. Но въ двухъ случаяхъ уже и Вэрасъ невольно останавливается на мысли, что организація коммунистическаго общества покоится на соотвѣтствующей организаціи въ области производства. Это тѣ случаи, когда онъ влагаетъ въ уста одного обитателя осмазіи, что сэверамбамъ доступно всякое дѣло, такъ какъ государство всѣмъ владѣетъ и не нуждается ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ для осуществленія крупныхъ предпріятій [1]), и когда онъ заявляетъ, что въ Северамбіи не существуетъ никакихъ техническихъ тайнъ и что, наоборотъ, каждое изобрѣтеніе становится достояніемъ всего общества [2]). Первый, кто самымъ подробнымъ и геніальнымъ образомъ показалъ всю нелѣпость и анархію буржуазнаго производства и доказалъ превосходство соціалистической организаціи, былъ Шарль Фурье. Отъ него начался рядъ мыслителей, замыкающійся современными соціалистами, доказывающими, что соціалистическое производство неизбѣжно влечетъ за собою соотвѣтствующую ему систему распредѣленія.

Общая всѣмъ соціалистамъ и вполнѣ современная идея заключается въ безусловной обязанности трудиться; эта обязанность строго вмѣнялась обоимъ поламъ и въ Северамбіи; отъ нея не были свободны и иностранцы, если они прожили въ странѣ болѣе или менѣе продолжительное время. Только больные, беременныя и кормящія грудью женщины, да лица свыше 60 лѣтъ свободны были отъ работы. Но такъ какъ трудъ у северамбовъ былъ въ большомъ почетѣ, то даже послѣдняя категорія лицъ предпочитала легкую и непродолжительную работу полной праздности. Для всѣхъ устанавливался точнѣйшимъ образомъ восьмичасовой рабочій день; начало работъ регулировалось сообразно съ временемъ года.

Денегъ, разумѣется, не существовало; тѣмъ не менѣе, въ Северамбіи далеки были отъ того комическаго страха передъ благородными металлами, который заставилъ Мора выдѣлывать изъ нихъ для жителей своей Утопіи ночные горшки и кандалы для ихъ рабовъ и преступниковъ. Северамбы

---

[1]) Hist. des Sev., стр. 133.

[2]) Ib., стр. 170.

употребляли золото и серебро для такихъ цѣлей, для какихъ они были предназначены по самой своей природѣ.

Въ сочиненіяхъ обоихъ утопистовъ, Мора и Вэраса, ярко отразился крупный успѣхъ, достигнутый капиталистическимъ способомъ производства, которое въ теченіе полуторастолѣтій перешло изъ стадіи простого сотрудничества въ стадію мануфактурной промышленности. Во время Мора господствовало еще ручное ремесло; поэтому у обитателей Утопіи мы находимъ, за исключеніемъ общей трапезы, одиночныя домашнія хозяйства и одиночныя ремесленныя мастерскія; у Вэраса же мы уже видимъ соединеніе въ одномъ зданіи, въ осмазіи, большого числа людей, исполняющихъ одну и ту же работу. Въ то время какъ у Мора сохраняется одиночное хозяйство патріархальной семьи, у Вэраса оно исчезаетъ. Въ осмазіяхъ, въ которыхъ собрано болѣе тысячи лицъ обоего пола и которыя разбросаны по всей странѣ, а не скучены только въ городахъ, одиночнымъ хозяйствамъ совсѣмъ не можетъ быть мѣста, и поэтому Вэрасъ о нихъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ. Жизнь северамбы ведутъ по преимуществу общественную. Двѣ изъ трехъ ежедневныхъ трапезъ, завтракъ и обѣдъ, совершаются въ обществѣ; ужинъ можно ѣсть въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ или въ болѣе широкомъ кругу избранныхъ друзей. Приготовленіе пищи производится только въ общественныхъ кухняхъ осмазій. Женщина, совершенно освобожденная такимъ образомъ отъ веденія хозяйства, вполнѣ уравнивается съ мужчиною, до несенія на ряду съ послѣднимъ военной службы; онѣ не могли только занимать мѣста чиновниковъ. Это ограниченіе нигдѣ прямо не оговаривается; но уже одно то обстоятельство, что чиновникамъ разрѣшалось многоженство, съ достаточною ясностью указываетъ именно на существованіе такого ограниченія.

Проникнутый сознаніемъ великой важности въ жизни государства воспитанія юношества, Севаріасъ, основатель северамбскаго государства, обратилъ на это дѣло съ самаго начала самое серьезное вниманіе. Онъ учредилъ общественныя школы, вручилъ обученіе въ нихъ всѣхъ дѣтей безъ исключенія свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ и предубѣжденій, избраннымъ и способнымъ учителямъ въ духѣ ненависти къ порокамъ и любви къ добродѣтелямъ. Но для того, чтобы родители не оказывали на учениковъ противоположнаго вліянія, онъ требовалъ отъ нихъ по истеченіи первыхъ нѣсколькихъ лѣтъ жизни дѣтей, окруженныхъ родительскою заботливостью и нѣжностью, отказа отъ ихъ родительскаго авторитета и перенесенія его на государство и на чиновниковъ, какъ отцовъ отечества. Поэтому, какъ только дѣти достигали семилѣтняго возраста, они посвящались въ храмѣ солнца божеству и получали названіе «дѣтей государства». По совершеніи этого торжества они отсылались въ общественныя

школы, гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ обучались чтенію, письму, танцамъ и искусству владѣть оружіемъ. Къ этому присоединялось трехлѣтнее обученіе сельскому хозяйству въ осмазіяхъ, расположенныхъ среди полей. Съ наступленіемъ пятнадцатилѣтняго возраста дѣтей обучали правиламъ грамматики и заставляли избирать опредѣленное ремесло. Если во время пробныхъ опытовъ имъ дѣйствительно удается освоиться съ избраннымъ ремесломъ, то они поступаютъ для тщательнаго его изученія къ спеціальному мастеру; въ противномъ случаѣ имъ предоставляется сдѣлать выборъ между каменщикомъ и поденнымъ рабочимъ. Къ изученію наукъ и искусствъ предназначаютъ лишь тѣхъ дѣтей, которыя обнаруживаютъ выдающіяся способности. Они освобождаются отъ физической работы и воспитываются въ школахъ. Изъ ихъ числа выбираются юноши, которые затѣмъ отправляются въ иностранныя земли, для усовершенствованія въ наукахъ и искусствахъ и для изученія ихъ языковъ. Дѣвочки воспитываются точно такъ же, но въ особыхъ осмазіяхъ. Онѣ изучаютъ ремесла, соотвѣтствующія ихъ полу и не требующія особаго физическаго напряженія.

Юношамъ по достиженіи девятнадцатилѣтняго возраста, дѣвушкамъ по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста разрѣшается уже думать о любви и свадьбѣ. Молодежь встрѣчается на балахъ, на охотѣ, на военныхъ смотрахъ, на общественныхъ увеселеніяхъ и тамъ ей представляется цѣлый рядъ случаевъ для взаимныхъ ухаживаній и для объясненій въ любви. «На собраніи дѣвушекъ и юношей любовь играетъ великую роль». Здѣсь галантный французъ распространяется довольно подробно о любовныхъ дѣлахъ молодежи Северамбіи. Только чистая любовь свободная отъ всякихъ предразсудковъ и холодныхъ разсчетовъ, не связываемая ни съ богатствомъ, ни съ благороднымъ происхожденіемъ, ни съ общественнымъ положеніемъ, служитъ опредѣляющимъ моментомъ при заключеніи брачныхъ союзовъ. Только эта чистая любовь съ ея свѣтлымъ и согрѣвающимъ огнемъ, возбуждаемымъ поэзіей и музыкой, украшаетъ собою тѣ 18 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ продолжается періодъ ухаживанія. Въ концѣ этого періода происходитъ обрученіе, а затѣмъ въ одинъ изъ четырехъ ежегодныхъ сроковъ—торжественная свадьба.

Бракъ у северамбовъ моногамическій; только чиновникамъ разрѣшается имѣть по нѣскольку женъ для того, чтобы женщины, не находящія жениховъ, могли бы пріобщиться къ брачной жизни, избравъ себѣ въ мужья какого-нибудь чиновника. Если бракъ въ теченіе пяти лѣтъ остается бездѣтнымъ, то мужчина долженъ вступить въ новый бракъ или взять къ себѣ въ наложницы рабыню. Высшей честью для женщины считается рожденіе и выкармливаніе возможно большаго числа дѣтей. Что послѣдствіемъ этого должно было быть быстрое размноженіе населенія и даже перенасе-

леніе—этого Вэрасъ отъ себя не могъ скрыть. Но его северамбы предупредятъ это явленіе путемъ расширенія своей территоріи и основанія колоній. Такимъ путемъ Вэрасъ, а также и Моръ разрѣшаютъ проблему народонаселенія. Для нихъ достаточно того факта, что къ услугамъ людей имѣется еще громадное множество необработанной земли. Но они нисколько не задумываются надъ тѣмъ, что же произойдетъ послѣ того, какъ всѣ необработанныя земли будутъ уже заняты для земледѣльческой культуры.

«Правительство Северамбіи—монархическое, деспотическое и геліократическое, т. е. высшая власть и авторитетъ сосредоточиваются въ монархѣ, являющемся единственнымъ хозяиномъ и собственникомъ всѣхъ благъ націи. И этотъ король и абсолютный властитель—солнце (и въ то же время богъ этого государства). Если же разсматривать государственный порядокъ съ человѣческой точки зрѣнія, то окажется, что это государство есть деспотическая избирательная монархія, смѣшанная съ аристократіей и демократіей». Вице-король, представитель солнца, бога-монарха, избирается по жребію изъ четырехъ членовъ великаго совѣта, имъ же самимъ предложенныхъ—это аристократическій элементъ, Каждыя восемь осмазій представлены однимъ бросмазіонтомъ въ обыкновенномъ совѣтѣ (conseil ordinaire). Изъ бросмазіонтовъ, соотвѣтственно возрасту, назначаются 24 сенатора, составляющіе великій совѣтъ и во всѣхъ дѣлахъ оказывающіе помощь вице-королю. Они называются севаробастами и ихъ лучше всего можно было бы сравнить съ нынѣшними министрами. По одному севаробасту назначается для завѣдыванія отдѣльною частью—военною, строительною, хозяйственно-потребительною, жертвенною, школьною, театральною и т. д. Губернаторы провинцій и большихъ городовъ избираются изъ бросмазіонтовъ, въ помощь которымъ, какъ и сенаторамъ, даны спеціальные совѣты. Кромѣ этихъ крупныхъ, существуетъ еще цѣлый рядъ подчиненныхъ должностей, изъ которыхъ должность воспитателя дѣтей считается самою важною.

Съ званіемъ чиновника соединяется цѣлый рядъ привилегій. Чиновники прежде всего пользуются правомъ имѣть по нѣскольку женъ и извѣстное число рабовъ. Кромѣ того, они получаютъ жилище, пищу, платье лучшаго качества, нежели частныя лица. Власть вице-короля, представителя солнца, самодержавна и лучше всего характеризуется словами самого основателя государства, Севаріаса, съ которыми онъ обратился къ народу, потребовавъ отъ него присяги на вѣрность своему избранному по жребію преемнику. «Онъ прежде всего поставилъ на видъ, что главная обязанность подданныхъ заключается въ уваженіи, повиновеніи и вѣрности, которыя они должны оказывать высшей власти; что хотя ихъ голоса и ихъ согласіе и необходимы для признанія этой власти, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ ду-

мать, что ихъ воля служитъ ея главнымъ источникомъ; что провидѣніе имѣетъ гораздо больше значенія при вступленіи государей во власть, чѣмъ ордонансы чиновниковъ, и что монарховъ слѣдуетъ считать живыми земными представителями божества; что даже въ томъ случаѣ, если они уклоняются отъ должнаго исполненія своихъ обязанностей, подданные не должны отдѣляться отъ нихъ; что небо часто освящаетъ несправедливыя дѣянія государей, какъ наказаніе для народовъ, навлекшихъ на себя его справедливый гнѣвъ своими грѣхами и преступленіями; что они должны безропотно и не слушаясь крамольныхъ совѣтовъ, принимать ихъ наказанія; что мятежъ не только отвратительнѣйшее изъ всѣхъ преступленій, но и величайшее заблужденіе, такъ какъ вмѣсто ожидаемой отъ него свободы онъ приводитъ лишь къ еще болѣе тяжкому рабству, на чьей бы сторонѣ ни оказалась побѣда. Повиновеніе законно-установленной власти—не только обязанность, но и важнѣйшій интересъ подданныхъ». Какъ однако согласовать съ этимъ провозглашеніемъ божественной благодати королей, болѣе яркой формулировки которой не могъ бы дать даже Людовикъ XIV, съ фактомъ существованія враждебныхъ дѣйствій противъ злыхъ государей? Если вице-король нарушаетъ основные законы государства или вообще вводитъ безбожное и тираническое управленіе, то прежде всего его пытаются образумить; если же всѣ попытки въ этомъ направленіи остаются безплодными, то всеобщій совѣтъ рѣшаетъ взять вице-короля подъ опеку, т. е. создается фикція, что вице-король лишился разсудка. Въ качествѣ умалишеннаго, король содержится плѣнникомъ въ своемъ дворцѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не образумится. Это противорѣчіе красною нитью проходитъ черезъ всю книгу; съ нимъ же мы встрѣтимся, когда рѣчь будетъ идти о религіи. Сравнивая, напр., положеніе вице-короля съ королями другихъ странъ, Вэрасъ, разумѣется, ярко подчеркиваетъ преимущества перваго, обезпечивающія ему полноту и прочность его власти. «Онъ абсолютный господинъ всѣхъ имуществъ націи; ни одинъ изъ подданныхъ не могъ ему отказать въ должномъ повиновеніи или посягнуть на какую либо изъ его привилегій; вице-король даетъ и беретъ назадъ, когда ему вздумается; онъ ведетъ войну, заключаетъ миръ, когда найдетъ это нужнымъ. Всѣ повинуются ему и никто не осмѣливается противиться его волѣ; онъ застрахованъ отъ мятежей и народныхъ возстаній; никто не сомнѣвается въ его авторитетѣ... Ибо кто отважился бы противостать солнцу и его слугамъ?» [1]) Однако нѣсколькими страницами ниже говорится, что северамбы привыкли повиноваться законамъ и подчиняются имъ тѣмъ охотнѣе, что сами же подвергаютъ ихъ предварительной и строгой критической

---

[1]) Hist. de Sev., стр. 275, 76.

провѣркѣ и признаютъ ихъ справедливыми и разумными. Въ крайне забавномъ противорѣчіи съ этой теоріей самодержавія вице-королей находится объемъ ихъ дѣйствительной дѣятельности. Все, что Вэрасъ могъ разсказать намъ объ ихъ правительственной дѣятельности, сводится къ возведенію построекъ, проложенію улицъ, дорогъ и т. п. Единственная предпринятая четвертымъ вице-королемъ, Думиста, попытка къ осуществленію своихъ завоевательныхъ плановъ встрѣтила самое энергичное сопротивленіе со стороны совѣта, которымъ всякія завоевательныя войны, какъ руководящее начало внѣшней политики, были разъ навсегда отвергнуты; напротивъ, въ случаяхъ, когда территорія оказывается тѣсною для увеличившагося населенія, новыя земли для переселенія его избытка должны покупаться, а не захватываться силою. Вліяніе совѣта заходитъ такъ далеко, что безъ его одобренія вице-король ничего предпринять не можетъ [1]). Этимъ самымъ совершенно уничтожается самодержавная власть государя. Какъ понять эти взаимно исключающія другъ друга положенія Вэраса?

Вэрасъ въ области политическихъ вопросовъ слѣдуетъ тому методу, который такъ облюбовали писатели XVIII вѣка для защиты своихъ еретическихъ взглядовъ. Сопоставлялись два противоположныхъ взгляда—господствующій и новый,—каждый изъ нихъ обосновывался съ видимымъ безпристрастіемъ, и затѣмъ читателю предоставлялось между строкъ вычитывать дѣйствительный взглядъ автора; иные болѣе малодушные писатели заходили даже такъ далеко, что въ діалогѣ съ новаторомъ столь усердно защищали старые взгляды, что оставляли за ними видимую побѣду. Поэтому мы едва ли ошибемся, если въ неограниченномъ вице-королѣ, представителѣ солнца, обладающемъ видимою самодержавною властью, признаемъ скрытую сатиру на короля-«Солнце», Людовика XIV [2]), который считалъ себя не менѣе неограниченнымъ властелиномъ, въ сущности же находился въ рукахъ своего генеральнаго контролера и своихъ интендантовъ. Чрезвычайная популярность книги, а также появленіе ея въ новыхъ изданіяхъ въ послѣднія двадцать лѣтъ правленія Людовика XIV, когда зашевелилась оппозиція противъ него и его системы, говорятъ именно въ пользу такого мнѣнія.

Столь же просто, какъ и внутреннее управленіе, организованъ и судъ.

---

[1]) Hist. des Sev., стр. 354.

[2]) *Prosper Marchand*, Dictionnaire historique, La Haye, 1758, стр. 16, говоритъ: одни видѣли въ книгѣ Вэраса „только интересный романъ, другіе были увѣрены, что въ ней идетъ рѣчь о новомъ открытіи, третьи же, болѣе проницательные читатели, считали ее опаснымъ произведеніемъ, которое, прикрываясь поэтическою внѣшностью, непосредственно нападало на религію и *правительство*“.

[3]) Hist. des Sev., стр. 318.

«Такъ какъ северамбы не имѣли никакой собственности, то у нихъ не было и никакихъ гражданскихъ процессовъ» [1]). Остается, такимъ образомъ, только уголовная юстиція, которая осуществлялась осмазіонтами въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершалось въ ихъ юрисдикціи, т. е. въ осмазіи. Въ помощь осмазіонтамъ даны два помощника и трое старѣйшинъ, которые могли избираться обвиняемыми. Въ случаѣ, если стороны принадлежали къ различнымъ осмазіямъ, судебное дѣло передавалось бросмазіонту и т. д. Вэрасъ различаетъ не менѣе четырехъ судебныхъ инстанцій, въ разсмотрѣніе функцій которыхъ намъ нѣтъ надобности входить. Къ смертной казни нельзя было приговаривать; зато примѣнялось наказаніе тюремнымъ заключеніемъ, которое сопровождалось тяжелой работой и тѣлеснымъ наказаніемъ. Судебные процессы, говоритъ Вэрасъ, разбирались быстро, такъ какъ никто не былъ какимъ бы то ни было образомъ заинтересованъ въ ихъ затягиваніи. Вэрасъ, дѣйствительно, недалекъ отъ взгляда Морелли, Мабли и другихъ соціалистовъ на частную собственность, какъ на основу существующей общественной системы съ ея погонею за наживой и другими ея недостатками.

Насколько обще изображаетъ намъ авторъ «Утопіи» хозяйственный строй, настолько же подробно и точно изображаетъ онъ религію сэверамбовъ, представляющую собою смѣсь деизма съ первобытнымъ поклоненіемъ солнцу [1]). Высказанные Вэрасомъ религіозные взгляды, особенно же разсказы основателя религіи и сумасброда Струкариса, и были причиною того совершенно неправильнаго упрека въ атеизмѣ, который дѣлали нашему автору различные писатели. Такъ какъ здѣсь было бы однако неумѣстно входить въ разсмотрѣніе религіозныхъ споровъ того времени и говорить о

---

[1]) *Prosper Marchand*, Dict. hist., стр. 15, прим. 67, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Впрочемъ, первые два параграфа религіи северамбовъ такъ совпадаютъ съ тѣмъ, что разсказывается о религіи перуанцевъ, что Севаріасъ могъ быть лишь простымъ подражателемъ Манни Капака, перваго инка въ Перу и основателя этого государства. Послѣ того какъ этотъ принцъ объединилъ индѣйцевъ, цивилизовалъ ихъ и убѣдилъ въ томъ, что онъ сынъ Солнца, онъ научилъ ихъ внутренне молиться высшему, но не познаваемому Богу Пахакамасъ, т. е. душѣ или опорѣ вселенной; внѣшнимъ же образомъ — молиться видимому и познаваемому Богу, его отцу, Солнцу". Маршанъ ссылается при этомъ на *Parcilasso de la Vega*, Histoire des Incos, Liv. II, chap. I, II, III, стр. 109—130. Было бы также вообще интересно прослѣдить вліяніе, оказанное перуанскимъ государствомъ инковъ на авторовъ политическихъ трактатовъ. Что оно было весьма значительно—въ этомъ, по моему мнѣнію, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; мы встрѣчаемся съ нимъ у всѣхъ націй. Такъ, напр., въ утопіи *Jamer Bury*, An Account of the first settlement, form of government and police of the Cessares, London, 1768, стр. 34—37.

янсенизмѣ и кальвинизмѣ въ ихъ отношеніяхъ къ ультрамонтанству, то мы должны удовольствоваться утвержденіемъ, что взглядъ защищаемый Вэрасомъ есть не болѣе, какъ чистый, но основанный на разумномъ познаніи деизмъ [1]).

Обращеніе сэверамбовъ въ христіанство было невозможно, «потому что они такъ довѣряютъ человѣческому разуму, что все, принимаемое нами (христіанами) на вѣру, ими высмѣивается, если не можетъ быть доказано разумомъ... Они смѣются надъ чудесами и говорятъ, что для нихъ могутъ существовать вполнѣ естественныя причины, и хотя слѣдствія, изъ нихъ вытекающія, для насъ необъяснимы и кажутся чудомъ, но что съ точки зрѣнія природы все совершается въ опредѣленномъ порядкѣ, согласно тенденціямъ, заложеннымъ въ вещахъ» [2]). Съ деизмомъ соединяется широкая терпимость, которая идетъ такъ далеко, что въ извѣстное время года въ школахъ допускаются религіозные диспуты, сопровождающіеся полной свободой въ выраженіи своихъ мнѣній. При выборѣ государственныхъ чиновниковъ ихъ религіозные взгляды тоже не играютъ никакой роли; принимались во вниманіе лишь характеръ и честность даннаго лица; и духовныя лица никогда не устранялись отъ занятія должностей только потому, что они духовныя [3]). Разумѣется, признаніе духовнаго лица такимъ же частнымъ человѣкомъ, какъ всякое другое лицо—необходимое слѣдствіе режима, при которомъ церковь отдѣлена отъ государства. Но въ государствѣ северамбовъ въ данномъ случаѣ оказалось противорѣчіе, такъ какъ въ немъ существовала религія, не только признаваемая, но и поддерживаемая государствомъ [4]). Такимъ образомъ священники и безъ того уже чиновники

---

[1]) Ср. *Morhoff*, Polyhistor. I, cap. VIII, стр. 75: Toto vero hoc libro nihil aliud ille (Вэрасъ) agit quam ut ostendat unam esse religionem naturae rerum conformem, quae Deum supremum, atque ejus quasi vices in orbe hoc inferiore repraesentantem solem veneretur. Quare data occasione adversus trinitatem et Christianismum disputat... Illud vero ingenium hominis prodit, quod stratagemata sacerdotum gentis eius quam Stroucaros vocat ad miraculorum, quae in Pentateucho habentur, formam confinxerit: quo manifesto potet illum historiae sacre illudere. Эта нападка на христіанство служитъ въ глазахъ ортодоксовъ несомнѣннымъ доказательствомъ его атеизма. Томазій, въ своемъ цитированномъ нами выше сочиненіи „Freimutige Gedanken", стр. 968—1005, защищалъ его противъ обвиненія въ атеизмѣ. Вэрасъ былъ деистъ.

[2]) Hist. des Sev., стр. 395.

[3]) Hist. des Sev., стр. 379: онъ (священникъ) поэтому такой же членъ государства и принимаетъ такое же участіе въ управленіи и въ гражданской жизни страны, какъ и остальные.

[4]) Hist. des Sev., стр. 378. Существуетъ лишь одинъ дозволенный внѣшній культъ.

если же они занимали бы еще и гражданскія должности, то это уже означало бы совмѣщеніе должностей, что, вообще, не имѣло мѣста. Вэрасъ позволялъ священникамъ даже имѣть свои личные взгляды на религію (opinions particulières), лишь бы они исполняли свои обязанности и были честными и порядочными людьми. Но послѣ этого весь культъ солнца сводится къ забавному фарсу. Не хотѣлъ ли Вэрасъ доказать, что всякая религія откровенія съ теченіемъ времени, благодаря развитію сектантства, должна выродиться въ фарсъ и оказаться въ противорѣчіи съ самой собою. Объясненіе мирнаго сожительства северамбовъ тѣмъ обстоятельствомъ, что государственная религія носила больше философскій и разсудочный характеръ, чѣмъ характеръ откровенія и вѣры, и потому не могла возбуждать религіознаго фанатизма, заставляетъ отвѣчать на этотъ вопросъ положительно и вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что отношеніе Вэраса къ религіи откровенія было отрицательнымъ отношеніемъ свободнаго мыслителя [1]).

Значеніе книги Вэраса—не столько въ экономической, сколько въ морально-философской ея части. Рядомъ съ прекрасными идеями о религіи и терпимости очень удачно развивается мысль о томъ вліяніи, какое оказываетъ коммунистическая организація общества на нравственное, умственное и физическое развитіе человѣка. Двумя выдающимися свойствами характера северамбовъ являются любовь къ истинѣ, соединяющаяся съ душевною чуткостью, и благородное честолюбіе—добрыми дѣлами снискать себѣ уваженіе окружающихъ — честолюбіе, которое вытѣснило, благодаря разумной постановкѣ воспитанія, первоначальную страстность ихъ темперамента. Постоянное общеніе между гражданами и гражданками за работой, во время отдыха, на празднествахъ, какъ и въ обычные дни, внесло въ ихъ взаимныя отношенія утонченную свободу нравовъ, въ которой счастливо сочетались стыдливая скромность съ наивною откровенностью чувства и слова. «Они стремились заслужить любовь и уваженіе каждаго, ибо это было единственнымъ средствомъ достигнуть почетнаго положенія; поэтому также и между лицами, добивавшимися должностей, постоянно происходило почетное соревнованіе, заставлявшее ихъ тщательно слѣдить за своими дѣйствіями изъ боязни повредить своей репутаціи. Сплетни, клевета строго наказывались, и если кто-нибудь обвинялъ въ чемъ нибудь своего согражданина и не могъ ничѣмъ доказать обвиненія, то онъ не только подвергался нравственному осужденію, но и строгому наказанію

---

[1]) Моръ также приписываетъ обитателямъ своей Утопіи государственный культъ: но такъ какъ всѣ объединены общимъ чувствомъ уваженія къ божеству, то этотъ культъ нисколько не противорѣчитъ обрядамъ, свойственнымъ каждой сектѣ и исполняемымъ членами въ своихъ жилищахъ.

по закону» [1]). Любовь къ истинѣ развивалась съ дѣтскаго возраста, и такъ какъ ни бѣдность, ни надежда на матеріальныя выгоды, ни необходимость нравиться своему начальству, ни боязнь не понравиться ему не могли служить побудительными мотивами поступковъ, то неудивительно, если у нихъ не было или было крайне мало лгуновъ. Два единственныхъ порока, къ которымъ они были склонны по свойствамъ своего природнаго характера—это любовь и месть. Но первый устранялся разумнымъ законодательствомъ о раннихъ бракахъ, а второй предупреждался разумнымъ воспитаніемъ, которое обуздывало слишкомъ рѣзкое высокомѣріе, устанавливая раннее общеніе между сверстниками.

Здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ—это цѣнится и у северамбовъ. «Они сильны и пользуются прекраснымъ здоровьемъ; этимъ они обязаны своему происхожденію, своему образу жизни, своей веселости» [2]). Происхожденію,—потому что ихъ отцы и матери, которыхъ свела одна только любовь, сильнѣе любятъ другъ друга, нежели тѣ, которые женятся по инымъ мотивамъ; а что дѣти любви лучше дѣтей, зачатыхъ въ объятіяхъ, не знающихъ огня страсти, вызывающихъ лишь отвращеніе, это старая истина, засвидѣтельствованная народною мудростью. Согласно этой истинѣ многіе утописты и вырабатывали систему брака. Единственнымъ исключеніемъ является Компанелла, предлагавшій спеціальный подборъ брачущихся, не считающійся съ фактомъ наличности или отсутствія любви между ними. Своему образу жизни,—потому что живутъ въ трезвости, не страдая ни отъ голода, ни отъ жажды; чуждые всякихъ излишествъ, они исполняютъ всякую физическую работу, не переутомляясь. Своимъ развлеченіямъ и веселости,—потому что не знаютъ ни заботъ, ни жадности, которыя «пожираютъ души тѣхъ, которые вынуждены ежедневно заботиться о текущихъ или будущихъ потребностяхъ» [3]). Они ни въ чемъ не нуждаются, и самой крупной ихъ заботой является желаніе въ границахъ умѣренности испытать всѣ истинныя радости жизни. «Но все, что содѣйствуетъ здоровью северамбовъ, не менѣе содѣйствуетъ и красотѣ обоихъ половъ; хотя мы и не находимъ среди нихъ тонкой и нѣжной красоты нашего времени, которая есть скорѣе красота живой куклы, зато среди нихъ встрѣчаются мужчины и женщины съ красивыми и правильными чертами, съ гладкой и нѣжной кожей, съ сильными и хорошо сложенными тѣлами, съ свѣтлымъ живымъ цвѣтомъ кожи, мужествен-

---

[1]) Hist. des Sev., стр. 290, 91.
[2]) Hist. des. Sev., стр. 292.
[3]) Ib., стр. 293.

ной, пышущей здоровьемъ осанкой, которыя у насъ весьма рѣдко наблюдаются» [1]).

Какъ ни интересно и ни полезно было бы заняться болѣе подробнымъ сравненіемъ между англичаниномъ Моромъ и французомъ Вэрасомъ и показать, почему эти два совершенно различно одаренныхъ ума должны были возвести на фундаментѣ, созданномъ рѣзкой критикой, столь различныя идеальныя постройки, намъ, къ сожалѣнію, приходится ограничиться узкими границами, поставленными для нашего очерка, и удовольствоваться тѣми краткими замѣчаніями, которыя намъ мѣстами удалось привести.

ГЛАВА VI.

Государственные романы и описанія путешествій въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Какъ Утопія Мора, такъ и исторія северамбовъ вызвала во Франціи множество подражаній [1]). Одно время книжный рынокъ положительно былъ наводненъ описаніями мудрыхъ и добродѣтельныхъ народовъ, въ самыхъ различныхъ, но большею частью чрезвычайно плодородныхъ и одаренныхъ природою странахъ міра. Но въ большинствѣ случаевъ авторамъ этихъ описаній недостаетъ творческой фантазіи, которою Вэрасъ обладаетъ въ такой степени, что книга его кажется скорѣе описаніемъ дѣйствительно существующей страны, чѣмъ изображеніемъ вымышленнаго идеальнаго государства; съ другой стороны, они не въ состояніи были постичь глубокой тенденціи, воодушевлявшей автора. Побочные аксессуары, описанія путешествій, становятся у нихъ главной задачей и съ теченіемъ времени занимаютъ все больше и больше мѣста, совершенно оттѣсняя на задній планъ основную тему—характеристику идеальнаго государственнаго строя. Авторы заботятся о нагроможденіи цѣлой кучи приключеній, кораблекрушеній, пока герой или герои, на которыхъ возложена миссія отыскать земной рай, счастливо не обрѣтутъ желанной пристани. Но часто и здѣсь имъ не удается найти покоя. Они изрѣзываютъ идеальную страну изъ конца въ конецъ, затѣмъ снова садятся на корабль, на аэростатъ, на гигантскую птицу или прибѣгаютъ къ помощи какого-нибудь иного экипажа, служащаго транспортнымъ средствомъ кочевому на-

---

[1]) Hist. des Sev., стр. 294.

*

роду, и возвращаются домой, чтобы разсказать своимъ изумленнымъ землякамъ о невиданныхъ чудесахъ заморскихъ странъ, причемъ однимъ изъ такихъ слушателей обыкновенно бываетъ и авторъ описанія. Въ менѣе благопріятномъ случаѣ современные Одиссеи долгое время бродятъ по лучшимъ краямъ, переходя изъ страны въ страну, перенося нужду и лишенія, отъ которыхъ ихъ избавляетъ какая-нибудь сострадательная душа, издатель книги или одинъ изъ друзей, уплачивая по счету въ гостинницѣ, гдѣ они живутъ, или выдавая имъ на путевые расходы для возвращенія на родину и въ благодарность за это получая отъ нихъ, незадолго до ихъ смерти—ибо они большей частью умираютъ до возвращенія на родину—рукопись объ ихъ приключеніяхъ. Напрасно стали бы мы искать у подражателей Вэраса того чувства мѣры, которое онъ умѣлъ сохранить въ своемъ введеніи. Рядомъ съ охотниками—путешественниками, для которыхъ введеніе и заключеніе составляетъ главную суть, изображеніе же идеальнаго государства лишь случайный эпизодъ, стоитъ другой классъ писателей, для которыхъ внѣшняя поэтическая форма—лишній балластъ; поэтому на долю поэзіи они удѣляютъ одну—двѣ страницы, не будучи однако въ силахъ окончательно освободиться отъ обычной формы. Такимъ образомъ всѣ эти описанія путешествій по своей общей композиціи отличаются поразительнымъ однообразіемъ, но въ то же время, со стороны содержанія, они отличаются не менѣе поразительнымъ разнообразіемъ. Насъ вводятъ въ государства съ самыми разнородными типами политической организаціи,—отъ абсолютной монархіи до совершенной анархіи,—съ такими смѣшанными видами политическихъ формъ, какъ аристократически-демократическая монархія, монархически-аристократическая республика, часто съ добавленіемъ теократическихъ элементовъ; насъ знакомятъ съ желтыми, черными, бѣлыми людьми, съ великанами, карликами и людьми обыкновеннаго роста, съ животноподобными людьми, съ человѣкоподобными животными; насъ ведутъ по темнымъ дебрямъ Африки, подвозятъ къ отдаленнымъ берегамъ Южнаго океана, опускаютъ въ нѣдра нашей земли, поднимаютъ въ воздушныя пространства, переносятъ отъ луны къ планетамъ, отъ одной планеты къ другой—словомъ, все, что только могла придумать самая необузданная человѣческая фантазія, здѣсь воплощено было въ образахъ, то отвратительныхъ, неуклюжихъ и пошлыхъ, то забавныхъ, но иногда и въ образахъ, исполненныхъ красоты и гармоніи [1]. Изъ всей этой груды произведеній, накопившихся за два столѣтія, мы остановимся только на тѣхъ, въ которыхъ сдѣлана попытка критической

[1]) Сборникомъ такихъ описаній путешествій является трудъ: Voyages imaginaires, Paris 1787—89. 36 vol. и три дополнительныхъ тома.

оцѣнки современнаго государственнаго и общественнаго порядка и, съ другой стороны, данъ планъ организаціи коммунистической собственности, какъ основы изображеннаго идеальнаго государства.

I. La Terre Australe.

Среди этихъ произведеній обращаетъ на себя прежде всего вниманіе книга: «La terre australe connue» [1]), появившаяся годъ спустя послѣ англійскаго изданія сочиненія Вэраса, но раньше французскаго ея изданія и, безъ сомнѣнія, представляющая совершенно самостоятельный трудъ. Вводное описаніе путешествія поражаетъ такими же неожиданностями, какъ и мысль о народѣ андрогиновъ, населяющихъ еще неизвѣстную пятую часть земного шара; но уже Бейль обратилъ вниманіе на то, что книга даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ. Онъ выдвигаетъ на первый планъ ея положеніе о томъ, что австралійцы происходятъ не отъ Адама, но отъ нѣкоего Андрогина, который не выходилъ изъ состоянія невинности, какъ это случилось съ первымъ. Авторъ, который своимъ построеніемъ до-адамовой системы мѣтилъ противъ ученія церкви, воспользовался эксцентричною формою повѣствованія, чтобы обмануть бдительность цензоровъ [2]). Большое мѣсто удѣлено въ книгѣ религіознымъ изслѣдованіямъ, на которыхъ здѣсь излишне останавливаться. Центральный интересъ книги для насъ заключается въ пятой главѣ «De la constitution des Australiens et de leurs coûtumes“ и въ седьмой «Des sentiments des Australiens sur cette vie». Австралійцы народъ андрогиновъ, который, живетъ въ со-

---

[1]) Полное ея заглавіе слѣдующее: La terre australe connue: c'est à dire la description de ce pays inconnu jusqu'ici, de ses moeurs et de ses coûtumes, par M-r Sadeur, avec les aventures qui les conduisirent en ce continent, et les particularitez du sejour qu'il y fit durant trente-cinq ans et plus, et de son retour. Reduites et mises en lumière par les soins et la conduite de G. de F. à Vannes par Jaques Vernevil, rue St. Gilles 1676. Авторомъ ея Бэйль называетъ нѣкоего Габріэля Фуаньи, кордельера въ одномъ лотарингскомъ монастырѣ, или бретонскаго дворянина, „grand admirateur de Lucrèce“. *Bayl*, Dictionnaire Historique, ed. tertia, Rotterdam. 1720, III, стр. 2509. Книжка была очень популярна; упомянемъ еще ея переработку, сдѣланную Ф. Рагенэ: Les aventures de Jaques Sadeur dans la decouverte et le voyage de la terre australe à Paris 1692; дальнѣйшія ея изданія: Paris 1693, 12°; Paris 1705, 8°; Amsterdam 1732, 12°; англійскій переводъ, London 1693, 12°.

[2]) *Bayl*, Dict. Hist., III, стр. 2509. Прим. 9. Онъ упоминаетъ еще, что многіе авторы пользовались этою формою и, между прочимъ, авторъ въ „Исторіи Северамбовъ“. Ср. ученіе гармонистовъ въ Америкѣ.

стояніи совершенной невинности и потому не употребляетъ никакихъ одѣяній. Они не нуждаются ни въ какомъ правительствѣ и не имѣютъ никакого понятія о «моемъ» и о «твоемъ» [1]). Общность у нихъ доведена до такихъ крайнихъ предѣловъ, въ какихъ она никоимъ образомъ не могла бы быть осуществлена въ жизни мужчины и женщины европейскихъ народовъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ тутъ дѣло съ народомъ, жизнь котораго построена на началахъ коммунистическаго анархизма. Оправданіе анархіи приводитъ австралійскій старецъ въ слѣдующей бесѣдѣ съ Жакомъ или чаще съ Николаемъ Садэромъ, европейцемъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе у австралійскаго берега. Послѣдній возражалъ, что люди не могутъ жить безъ соблюденія извѣстнаго порядка, чтобы не впасть въ безпорядочное состояніе; что всякій порядокъ необходимымъ образомъ предполагаетъ существованіе правителя, которому другіе должны подчиняться. На это австраліецъ отвѣчаетъ слѣдующимъ рядомъ соображеній. Человѣкъ по природѣ родится свободнымъ; только отказавшись отъ своей человѣческой натуры, человѣкъ можетъ подчиниться другому, но самый фактъ подчиненія низводитъ его до степени животнаго. Такъ какъ цѣль всегда должна представлять собою нѣчто болѣе высокое, болѣе благородное, нежели дѣйствующая причина, то и человѣкъ рождается не для того, чтобы служить другому человѣку. Сущность его заключается въ его свободѣ, и отнять ее у человѣка значитъ обречь его на жизнь, лишенную самаго существеннаго интереса. Даже въ томъ случаѣ, когда человѣка связываютъ и держатъ въ плѣну, онъ теряетъ только внѣшнюю свободу передвиженія, но никогда не теряетъ свободы внутренней. Поэтому австраліецъ, руководящійся этими принципами, очень часто исполняетъ все, о чемъ просятъ его ближніе, но отнюдь не дѣлаетъ этого потому, что ему это приказываютъ. Слово «приказаніе» ему ненавистно; онъ дѣлаетъ лишь то, что дѣлать повелѣваетъ ему его разумъ, ибо разумъ его единственный законъ, его правило, его руководитель [2]). Этимъ путемъ дается полное оправданіе принципу индивидуализма во всей его рѣзкости, и потому совершенно понятно, что у этого австралійскаго народа нѣтъ никакого правительства, нѣтъ никакихъ чиновниковъ. Даже оборона страны отъ нападенія враждебныхъ сосѣдей ведется безъ распорядительной власти какого-либо вождя или должностнаго лица самими жителями, связанными обоюднымъ согласіемъ и договоромъ. Затрудненіе, возникающее въ дѣлѣ регулированія производства у многочисленнаго народа путемъ лишь свободно выражаемой воли отдѣльныхъ лицъ и безъ всякаго

[1]) Они не знаютъ, что обозначаетъ „мое“ и „твое“. La terre australe, ed. 1676, стр. 80.

[2]) La terre australe, стр. 107—108.

участія со стороны какого-либо высшаго объединяющаго авторитета, авторомъ обходится весьма просто—никакого производства вообще не существуетъ. Щедрые дары природы, счастливый климатъ, ограниченныя потребности населенія дѣлаютъ совершенно лишнимъ всякое производство. Каждый имѣетъ равное право на плоды почвы, и такъ какъ они находятся въ изобиліи и добываются безъ всякаго труда, то и никакихъ споровъ изъ-за нихъ никогда не можетъ возникнуть. Также просто разрѣшается у этого народа андрогиновъ и вопросъ о народонаселеніи; и простота рѣшенія тѣмъ именно и обусловливается, что самый вопросъ заранѣе освобождается отъ своего проблематическаго характера. Ростъ населенія регулируется очень простымъ закономъ, въ силу котораго каждый австраліецъ долженъ доставить обществу по крайней мѣрѣ одного ребенка, и такъ какъ австраліецъ свободенъ отъ всякихъ половыхъ влеченій, то онъ всегда и остается при этомъ одномъ ребенкѣ [1]). Страннымъ образомъ авторъ книги не замѣчаетъ, что этимъ закономъ нарушенъ принципъ неограниченной свободы индивидуума.

Совмѣстная жизнь этихъ свободныхъ индивидуумовъ облегчается равнымъ для всѣхъ воспитаніемъ, основная задача котораго состоитъ въ пробужденіи въ нихъ чувства полнаго равенства съ самаго ранняго дѣтства. Въ неравенствѣ воспитанія, какъ оно поставлено въ европейскихъ странахъ, слѣдуетъ искать основную причину всѣхъ споровъ и безпорядковъ. Ибо тотъ, кто меньше знаетъ, будетъ находиться въ постоянной зависимости отъ того, кто больше знаетъ, и при этомъ онъ чувствуетъ себя тѣмъ болѣе несчастнымъ, что рожденіе всѣхъ сдѣлало равными, и каждый это сознаетъ совершенно ясно. Поэтому, благодаря равному воспитанію у австралійцевъ, всѣ они считаютъ дѣломъ своей чести проведеніе равенства во всѣхъ отношеніяхъ; слава для нихъ заключается въ томъ, чтобы добиваться равенства со всѣми другими и одинаковаго со всѣми образованія [2]).

II. Жакъ Массэ.

Въ книгѣ, повѣствующей намъ «О путешествіяхъ и приключеніяхъ Жака Массэ» [3]), религіозный моментъ также выдвинутъ на первый планъ.

---

[1]) Тутъ мы имѣемъ новое доказательство поверхностности работы Клейнвехтера. Въ своей книгѣ „Die Staatsromane“, стр, 24 онъ говоритъ: „Каждый австраліецъ обязанъ доставлять государству *ежегодно* (!) по одному ребенку; тогда какъ на самомъ дѣлѣ тамъ сказано: они обязаны доставлять по крайней мѣрѣ одного ребенка Стр. 79, ed. 1676, а также изданіе 1692 г.

[2]) La terre australe, стр. 99.

[3]) Voyages et aventures de Jaques Massé, Bordeaux 1710.

Религія идеальнаго народа, о которомъ разсказываетъ авторъ, есть чистый деизмъ. «Я вѣрю, говорится въ исповѣданіи вѣры этого народа, во врожденную субстанцію, въ универсальный, безконечно мудрый, добрый и справедливый Духъ, независимое и неизмѣнное существо, сотворившее небо и землю» [1]). Тѣмъ не менѣе никакого безсмертія души имъ не признается. Въ рѣзкихъ нападкахъ какъ на христіанство, такъ и особенно на представляющую его церковь недостатка нѣтъ; онѣ сопровождаются, какъ и у Мелье, ѣдкой критикой военной политики европейскихъ монарховъ, которые затѣваютъ войны по ничтожнымъ мотивамъ, изъ честолюбія или каприза; рѣзкимъ осужденіемъ лицемѣрія королей и священнослужителей, изъ которыхъ послѣдніе удерживаютъ легкомысленный народъ въ рабствѣ и повиновеніи своими проповѣдями о милости божіей, почивающей на ихъ властителяхъ, о божіемъ благословеніи, ниспосылаемомъ на предпринимаемыя ими войны противъ невѣрующихъ и еретиковъ; указаніемъ на глупость народа, который настолько слѣпъ, что безъ всякаго сопротивленія позволяетъ вести себя на рѣзню и на истребленіе себѣ подобныхъ [2]).

Организована ли экономическая жизнь идеальнаго народа на коммунистическихъ началахъ, объ этомъ мы прямо ничего не узнаемъ. Но такъ какъ въ одномъ мѣстѣ книги говорится о непосредственномъ обмѣнѣ товаровъ, а въ другомъ—о мѣдныхъ деньгахъ, то, судя по общему характеру устройства страны, ея городовъ и деревень, надо думать, что въ ней господствовало коммунистическое хозяйство. Страна дѣлится на равномѣрные кантоны квадратной формы, которые со всѣхъ сторонъ окружены каналами. Въ каждомъ кантонѣ имѣется судья и священникъ. Судьи каждой области, состоящей изъ десяти кантоновъ, отъ времени до времени устраиваютъ общія собранія, на которыхъ они отправляютъ правосудіе и рѣшаютъ вопросы общаго управленія. Кромѣ того еще существуетъ «Assemblée illustre», которое составляется изъ депутатовъ, избираемыхъ каждыми десятью губернаторами, подъ предсѣдательствомъ короля. Какова функція послѣдняго и самой Assemblée, остается неяснымъ. Вся роль короля въ этой исторіи сводится къ тому, что онъ присматривался къ часовому ремеслу пріѣзжихъ европейцевъ, да отъ времени до времени женился на какой-нибудь туземной красавицѣ. Вообще описаніе общественнаго состоянія идеальнаго народа далеко отступаетъ на задній планъ передъ сообщеніемъ о безчисленныхъ приключеніяхъ, пережитыхъ обоими героями во время путешествія въ чужую страну и на возвратномъ пути домой.

---

[1]) Voyages etc., стр. 157.

[2]) Voyages etc., стр 219, 220.

III. Республика философовъ.

Изъ міра приключеній Садэра и Массэ трудъ, оставленный Фонтенелемъ, возвращаетъ насъ въ область трезвой дѣйствительности. Въ своей «Республикѣ философовъ или исторіи ажаойцевъ» [1]) знаменитый философъ и писатель оставилъ намъ проектъ коммунистическаго государства; при чтеніи его книги не разъ приходится пожалѣть, что автору не удалось подвергнуть ее окончательной обработкѣ. Этому обстоятельству прежде всего и слѣдуетъ приписать тѣ явныя и крайне грубыя противорѣчія, съ которыми мы ниже встрѣтимся въ нашемъ изложеніи. По общему своему плану названный трудъ удивительно напоминаетъ «Исторію северамбовъ» Вэраса. Здѣсь, какъ и тамъ, къ берегу неизвѣстной страны бурею прибило голландцевъ, которые весьма радушно были приняты высоко культурными туземцами. Совпаденіе доходитъ до мельчайшихъ подробностей. У обоихъ писателей потерпѣвшіе кораблекрушеніе прежде всего помѣщаются въ большомъ домѣ, внѣ города, и передъ вступленіемъ въ столицу, согласно мѣстнымъ обычаямъ, одѣваются въ назначенное для чужестранцевъ платье. Но сухой тонъ книги Фонтенеля представляетъ непріятный контрастъ съ живымъ и страстнымъ изложеніемъ Вэраса. Нельзя также признать шагомъ впередъ предложенную Фонтенелемъ концепцію общественной жизни, его изображеніе коммунистическаго производства, распредѣленія, обусловленнаго послѣднимъ, и отношеній между полами сравнительно съ соотвѣтствующими частями книги Вэраса. Только религія ажаойцевъ отличается большею широтою и въ согласіи съ религіознымъ развитіемъ XVIII вѣка является своеобразнымъ эстетическимъ поклоненіемъ природѣ, вытѣснившимъ деизмъ, съ которымъ мы встрѣчались у предшествующихъ утопистовъ.

У ажаойцевъ нѣтъ ни культа, ни священныхъ книгъ, ни храмовъ, ни священниковъ. Два принципа, коренящіеся въ чистомъ и здоровомъ разумѣ и по своей природѣ отличающіеся безспорною очевидностью и устойчивостью, служатъ имъ руководящимъ правиломъ ихъ моральной и умственной жизни. Первое:

Изъ ничего—ничего не можетъ произойти, и второе:

Поступай съ своими ближними такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы они съ тобою поступали.

Изъ перваго принципа ажаойцы выводили свои религіозные взгляды.

---

[1]) La Republique des Philosophes ou Histoire des Ajaoiens. Ouvrage posthume de M. de Fontenelle. Женева 1768.

Только природу они считали своею доброю матерью, которая дает жизнь всѣмъ живымъ существамъ, въ которой всѣ явленія совершаются въ необходимомъ порядкѣ. Вѣра въ высшее невидимое начало, существованіе котораго не можетъ быть доказано a priori, они считаютъ заблужденіемъ. Къ чему, спрашиваютъ они, приходить отъ природы къ человѣку длиннымъ окольнымъ путемъ черезъ невѣдомаго Бога? Существуетъ лишь природа, и она именно сотворила все, въ томъ числѣ и человѣка. Такъ какъ она безлична, то ее нельзя принимать за Бога, и полагать, что ее, явленіе безличное, можно взволновать или тронуть молитвою—нелѣпо. Законы природы неизмѣнны, и ничто не можетъ заставить ихъ уклониться на другой путь. Такъ какъ ничего другого не существуетъ, кромѣ природы, и все въ ней—движеніе, то отсюда съ неизбѣжностью вытекаетъ, что человѣческая душа, какъ и все существующее, смертна, что она не есть какая-либо особая субстанція. Разумъ, который считается признакомъ, отличающимъ человѣка отъ животнаго, точно такъ же разсматривался, какъ достояніе не только человѣка, но и всякаго живого существа; различіе между тѣмъ и другимъ лишь въ степени, но не въ сущности. Душа есть только часть тонкой и подвижной матеріи, которая болѣе или менѣе присуща всѣмъ тѣламъ и господствуетъ во всей природѣ.

При такихъ философскихъ воззрѣніяхъ не можетъ быть, конечно, мѣста никакой религіи, никакому духовенству. Отецъ семьи обучаетъ по вечерамъ членовъ ея обязанностямъ добраго гражданина—это у ажаойцевъ замѣняетъ богослуженіе. И, несмотря на это, государство ихъ существуетъ и находится въ нормальномъ состояніи; въ немъ царитъ большая чистота нравовъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ съ господствующей государственною церковью, пышнымъ культомъ и многочисленнымъ духовенствомъ, проповѣдующимъ ученіе одной изъ многихъ религій.

Островъ Ажао раздѣленъ на шесть округовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой главный городъ и образуетъ какъ бы самостоятельную республику. Самый большой изъ нихъ, Ажао, раздѣленъ въ свою очередь на шесть округовъ, которые разбиты на множество кварталовъ. Кварталъ охватываетъ отъ шести до восьми сотъ домовъ (длинныя, одноэтажныя плоскія постройки, крытыя золотомъ или кожей), каждый изъ которыхъ служитъ пріютомъ для двадцати семей. Основой всего государственнаго устройства, какъ и у Мора, служитъ семья, состоящая изъ отца семейства, который называется минхомъ, изъ двухъ его женъ и дѣтей. Каждые двадцать отцовъ семействъ, живущихъ вмѣстѣ въ одномъ домѣ, сообща избираютъ двухъ минхистовъ, которымъ принадлежитъ надзоръ за всѣмъ домомъ. Они избираются на два года и одинъ изъ нихъ ежегодно

избирается вновь. Сорокъ минхистовъ изъ каждыхъ двадцати сосѣднихъ домовъ избираютъ двухъ минхискоа. Эти восемьдесятъ представителей городского квартала имѣютъ собственное помѣщеніе для собраній, гдѣ они и занимаются рѣшеніемъ дѣлъ. Они выбираютъ изъ числа гражданъ, исполнявшихъ уже раньше должности минхискоа, двухъ минхискоа-адоэ, которые образуютъ городской совѣтъ. Городскіе совѣты каждаго изъ шести городовъ выбираютъ по четыре старѣйшихъ и мудрѣйшихъ бывшихъ минхискоа-адоэ и образуютъ изъ нихъ высшій совѣтъ страны, избираемый каждый разъ на шесть лѣтъ. Переизбраніе на тѣ же должности происходитъ рѣдко, такъ какъ цѣль конституціи заключается въ томъ, чтобы всѣмъ гражданамъ доставить возможность достигать почетныхъ должностей и, такимъ образомъ, возбудивъ ихъ честолюбіе и надежду на занятіе почетныхъ мѣстъ, достающихся лишь по заслугамъ, поощрять ихъ тѣмъ самымъ къ безупречной и добродѣтельной жизни. Въ рукахъ этихъ четырехъ классовъ сосредоточивается все управленіе страною—полиція, юстиція, а также завѣдываніе производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ. Важнѣйшею должностью является должность минхискоа-адоэ, на которыхъ возложено управленіе цѣлымъ округомъ. Они ведутъ точную регистрацію случаевъ рожденія и смерти гражданъ; подробный кадастръ всѣхъ земель своего округа и прилежащихъ къ нимъ деревень, въ которомъ приводится статистика сельскаго хозяйства съ обозначеніемъ распредѣленія земель подъ различныя полевыя культуры; далѣе—списокъ всѣхъ лицъ, занятыхъ ремеслами и искусствами, и доходовъ ихъ производства, для того чтобы согласно этимъ даннымъ возможно было регулировать число желающихъ обучаться той или иной профессіи. Минхискоа-адоэ, кромѣ того, заботятся объ уравненіи излишковъ, накопляющихся въ деревняхъ, и о перевозкѣ продуктовъ въ города, а также объ уравненіи производства между отдѣльными округами. Затѣмъ они наблюдаютъ за общественными зданіями, каковы школы, пріюты, помѣщенія для рабовъ, безъ которыхъ повидимому, какъ это показалъ примѣръ Мора и даже Вэраса, ни одна Утопія не могла обойтись, за общественными магазинами; устраиваютъ судебныя засѣданія, на которыхъ принимаютъ жалобы частныхъ лицъ,—словомъ, въ концѣ концовъ, ведутъ очень дѣятельную и трудовую жизнь. Собственно судебныя функціи находятся въ рукахъ минхискоа, карательная власть которыхъ настолько широка, что имъ предоставлено даже приговаривать гражданъ къ рабству. Вопреки утвержденію автора, что должность адоэ-рэзи, члена высшаго совѣта, крайне сложна и мучительна, такъ какъ ему приходится наблюдать за управленіемъ всѣхъ шести городовъ и ихъ округовъ, мы должны сознаться, что функціи его намъ не совсѣмъ понятны. Высшій совѣтъ завѣдуетъ военнымъ дѣломъ, финан-

сами, налогами, путями сообщенія, дорогами, строительнымъ дѣломъ и заботится о равномѣрномъ распредѣленіи продуктовъ производства между отдѣльными округами въ случаѣ, впрочемъ, весьма рѣдкомъ, неравнаго въ нихъ урожая. Во главѣ государственнаго совѣта нѣтъ никакого предсѣдателя, и всѣ засѣданія въ немъ, по примѣру современныхъ анархистовъ, ведутся безъ всякаго руководителя.

Насколько подробно разсказываетъ намъ авторъ о государственномъ устройствѣ ажаойцевъ, настолько же онъ кратокъ при описаніи хозяйственной организаціи этой чрезвычайно одаренной отъ природы страны. Нѣтъ ничего легче, какъ набросать схему государственнаго строя, установить то или иное число разрядовъ чиновниковъ и распредѣлить между ними должности, существующія въ отечествѣ составителя схемы; поэтому эта часть задачи не безъ успѣха была разрѣшена даже самыми ничтожными утопистами. Но заслуга разрѣшенія такой задачи очень не велика; истиннымъ критеріемъ достоинства Утопіи служитъ ясное изображеніе ея экономическаго строя. Уловилъ ли авторъ тенденцію развитія крупной промышленности, замѣтилъ и понялъ ли онъ скрывающійся въ ея нѣдрахъ зародышъ соціалистическаго производства, и, мысленно упредивъ процессъ его естественнаго развитія до полнаго его завершенія въ своемъ мозгу, воплотилъ ли онъ его въ законченной формѣ идеальнаго государства?—вотъ вопросы, съ которыми слѣдуетъ подходить къ планамъ утопистовъ и которые служатъ главнымъ критеріемъ для оцѣнки значенія ихъ въ исторіи соціализма. Если мы приложимъ этотъ масштабъ къ сочиненію «Республика философовъ», то найдемъ, что, сравнительно съ трудомъ Вэраса, она не только не знаменуетъ собою никакого прогресса, но является крупнымъ шагомъ назадъ. Въ описаніи экономическаго строя названная книга обнаруживаетъ такое непониманіе сущности коммунистической организаціи, изобилуетъ такими грубыми противорѣчіями, что мы скорѣе склонны приписать ихъ не автору ея, Фонтенелю, но ея неизвѣстному издателю.

«Мое и твое на островѣ Ажао неизвѣстно; тѣмъ не менѣе не все находится въ абсолютно общемъ владѣніи. Никто не владѣетъ землею, какъ частною собственностью. Она вся принадлежитъ государству, которое распоряжается ея обработкою и распредѣляетъ ея продукты между семьями». [1]) Главную роль въ производствѣ, конечно, играетъ земледѣліе. Оно составляетъ занятіе молодыхъ брачущихся паръ, которыя немедленно по заключеніи брака оставляютъ городъ и переселяются въ деревни, назначенныя имъ, какъ мѣстожительство, минхискоа-адоэ. Деревни, съ своей стороны, пользуются самоуправленіемъ; они избираютъ минхистовъ и минхискоа

[1]) La Republique etc., стр. 70.

такъ же, какъ и городскіе дома и округа; но всѣ ихъ чиновники зависятъ отъ городскихъ минхискоа-адоэ и обо всемъ должны имъ доставлять ежемѣсячные отчеты. Въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ существуютъ хлѣбный амбаръ и магазинъ. Изъ деревень свозятся для нуждъ городовъ необходимые запасы хлѣба и другихъ продуктовъ. Предметы питанія, скопляемые на большихъ рынкахъ въ городѣ, распредѣляются здѣсь между различными кварталами послѣдняго. Минхискоа дѣлятъ ихъ на доли соотвѣтственно числу домовъ, минхисты—соотвѣтственно числу семей. Это распредѣленіе происходитъ каждые четыре дня. Такой же порядокъ установленъ для снабженія народа платьемъ. И здѣсь минхискоа-адоэ заботятся о заготовкѣ достаточнаго количества матеріи, которая распредѣляется соотвѣтственно потребностямъ населенія. Заготовка платья находится въ рукахъ женщинъ; портныхъ въ Ажао нѣтъ [1]). «Остальные предметы меньшей важности—я привожу это мѣсто цѣликомъ, чтобы указать на грубое противорѣчіе—мебель, обувь, кухонная посуда, шляпы, покупаются путемъ обмѣна. Этотъ обычай заставляетъ каждаго заниматься своей профессіей, чтобы ни въ чемъ не терпѣть недостатка. Но не говоря уже объ этомъ, люди, считающіе себя братьями, объединенные общимъ чувствомъ привязанности къ общей матери, которой они обязаны всѣмъ своимъ существованіемъ, испытываютъ понятное удовольствіе, приходя другъ другу на помощь путемъ взаимнаго удовлетворенія своихъ потребностей; такъ что, напр., обитатели одного и того же дома, хотя и занимающіеся различными ремеслами, тотчасъ добровольно спѣшатъ на помощь каждому, если замѣчаютъ, что онъ нуждается въ какихъ-нибудь необходимыхъ ему предметахъ, сохраняя за собою, конечно, право въ соотвѣтствующемъ случаѣ обратиться къ нему за помощью въ свою очередь. Нерѣдко случается также, что кто-нибудь находитъ нужный ему предметъ у другого, который не нуждается ни въ одномъ изъ предметовъ, предлагаемыхъ ему въ обмѣнъ первымъ, и тѣмъ не менѣе обмѣненная вещь, хотя и ненужная, всегда будетъ принята. Однимъ словомъ, взаимными обязательствами граждане доставляютъ себѣ истинное удовольствіе, и подобныя отношенія царятъ на всемъ островѣ» [2]). Еще въ болѣе рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ, что было сказано въ предыдущихъ главахъ не только о

[1]) О заготовкѣ платья, по мѣрѣ надобности, чиновниками, о которой говоритъ Клейнвехтеръ въ своихъ „Die Staatsromane", стр. 68, совсѣмъ и рѣчи нѣтъ. Въ томъ мѣстѣ, на которое онъ ссылается, дѣло идетъ о заготовкѣ матеріи, а не платья. Ср. La République, стр. 73, и дальше 78, гдѣ, какъ и у Мора говорится, что женщина шьетъ все платье для своей семьи.

[2]) La République etc., стр. 74, 75.

производствѣ, но и о географическомъ дѣленіи страны, стоитъ относящееся къ прежде сказанному мѣсто о горномъ промыслѣ на островѣ Ажао. Какъ и вся земля, горныя нѣдра принадлежатъ государству, и каждый обитатель острова, по крайней мѣрѣ разъ въ жизни, отправляется въ копи и рудники, чтобы подивиться на мѣстѣ чудесамъ природы и унести съ собою то, что онъ тамъ находитъ, и въ такомъ количествѣ, въ какомъ ему по надобится; при этомъ изъ контекста соотвѣтствующаго мѣста книги трудно разобрать, идетъ ли рѣчь о чудесахъ природы или о какихъ-либо другихъ. Жители этого округа Калуки, который оказывается, повидимому, уже седьмымъ округомъ—ибо, судя по стр. 33 и другимъ мѣстамъ книги, существуетъ только шесть округовъ—занимаются главнымъ образомъ обработкой металловъ, такъ какъ земли, годной для земледѣльческой культуры, тамъ имѣется мало. Они вымѣниваютъ эти металлы на товары, привозимые къ нимъ путешественниками изъ другихъ округовъ, не считая того, что каждые семь мѣсяцевъ они должны доставлять опредѣленное количество металла въ магазины другихъ пяти городовъ. [1]) Напрасной потерею труда была бы попытка распутать узелъ противорѣчій, нагроможденныхъ въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ; съ другой стороны, было бы крайне несправедливо считать автора книги, будь то Фонтенель или кто-нибудь другой, настолько умственно ограниченнымъ человѣкомъ, чтобы при ея составленіи онъ могъ не замѣтить столь грубыхъ противорѣчій, оказавшихся въ ней. Отбросимъ, поэтому, страницы, неуклюжій стиль которыхъ не гармонируетъ съ простымъ языкомъ другихъ частей, и внесемъ этимъ самымъ внутреннее единство въ эту, во всякомъ случаѣ бѣдную, картину существовавшихъ на островѣ экономическихъ отношеній, изображеніемъ которой ограничился нашъ авторъ.

Каждый обитатель Ажао съ достиженіемъ двадцатилѣтняго возраста долженъ былъ жениться и при томъ на двухъ женахъ.—Мудрый законъ!—прибавляетъ авторъ, который вообще, повидимому, питалъ къ женщинамъ нѣкоторую робость, смѣшанную со страхомъ; между обѣими женами, по его мнѣнію, должно было происходить постоянное и самое живое соревнованіе, чтобы снискать любовь мужа; такимъ образомъ онѣ должны были избѣгать всего, что причинило бы ему заботу, тревогу и горе, столь обычныя въ странахъ, гдѣ въ домѣ господствуетъ скорѣе жена, нежели мужъ, жизнь котораго превращается въ сплошную цѣпь заботъ, или, вѣрнѣе, въ настоящій адъ [2]). Мы можемъ обойти предшествующія заключенію брака

---

[1]) La Republique. . . стр. 75, 76.

[2]) La Republique etc., стр. 112, гдѣ, вопреки Клейнвехтеру, приведено основаніе, оправдывающее двоеженство.

ухаживанія и свадебныя церемоніи, такъ какъ въ существенныхъ своихъ чертахъ описаніе ихъ заимствовано у Вэраса. Испытаніе дѣвушки, убѣждающее въ отсутствіи у нея какихъ-нибудь скрытыхъ и уродующихъ ее недостатковъ, производится по образцу моровской Утопіи съ одною маленькою разницею, характерною для утонченнаго XVIII вѣка. Наивный Моръ представляетъ брачущихся другъ другу совершенно нагими. Нашему автору такой пріемъ кажется слишкомъ откровеннымъ! Предусмотрительная мать надѣваетъ на дочь подъ верхней одеждой нѣчто вродѣ рубахи изъ тончайшаго газа. Когда дочь ведутъ къ обрученію и всѣ вопросы церемоніала исполнены, то чиновники, присутствующіе при исполненіи этого акта, а также отецъ невѣсты на минуту исчезаютъ, мать же, снявъ съ дочери верхнее платье, даетъ возможность своему будущему зятю разсмотрѣть сквозь газовую рубаху всѣ прелести, которыми природа такъ щедро одарила тѣло ея дочери [1]). Дѣти, происходящія отъ этого брака, воспитываются отдѣльно по поламъ въ большихъ школахъ, которыхъ устроено по двѣ въ каждомъ изъ шести городовъ страны. Они поступаютъ въ нихъ по достиженіи пятилѣтняго возраста, когда воспитаніе ихъ всецѣло принимаетъ въ свои руки государство. Весь планъ воспитанія не представляетъ ничего новаго. Мы здѣсь снова встрѣчаемъ соединеніе технической работы съ духовнымъ и физическимъ развитіемъ, ставшее неизбѣжной чертой всѣхъ педагогическихъ программъ утопистовъ и отъ нихъ перешедшее въ программу соціалистическихъ партій. Тѣ изъ учениковъ, которые достигли требуемаго возраста, ходятъ днемъ изъ школы въ городъ, чтобы обучаться у мастеровъ, обыкновенно у отцовъ, какому-нибудь ремеслу, и вечеромъ снова возвращаются въ школу. Дѣвушекъ воспитываютъ по такому же методу, съ тою только разницею, что съ пятнадцати или шестнадцатилѣтняго возраста ихъ съ величайшею заботою подготовляютъ къ обязанностямъ матери семейства и потому особенно обучаютъ веденію домашняго хозяйства, которое всецѣло возлагается на женщину. Въ ихъ воспитаніи все приноровлено къ культивированію тѣхъ сторонъ ихъ характера, которыя дѣлаютъ ихъ особенно любимыми и пріятными для ихъ будущихъ супруговъ. Поэтому считается совершенно излишнимъ обученіе ихъ письму, тѣмъ болѣе, что онѣ никоимъ образомъ не могутъ принимать участіе въ правительствѣ и въ управленіи страною.

Вся эта культура обитателей Ажао покоится, какъ на своемъ основаніи, на рабствѣ первобытныхъ обитателей страны, участь которыхъ далеко незавидна. Дѣйствительно, они въ качествѣ пришельцевъ овладѣли островомъ и большую часть туземныхъ жителей истребили; только неболь-

---

[1]) La République etc., стр. 114.

шой части ихъ они сохранили жизнь, чтобы впослѣдствіи пользоваться ими, какъ рабами. Послѣдніе, какъ и все ихъ потомство, составляютъ собственность государства. Чтобы предупредить ихъ чрезмѣрное размноженіе, излишекъ дѣтей ихъ первоначально умерщвлялся, позднѣе же они вывозились къ берегамъ Китая и тамъ высаживались. Рабы жили въ предназначенныхъ для нихъ кибиткахъ, куда они запирались часъ спустя послѣ заката солнца. Всякое общеніе ихъ съ рабами другого квартала строжайшимъ образомъ воспрещалось. Вся эта антигуманная рабовладѣльческая система хозяйства, которую авторъ создавалъ по примѣру Спарты съ ея илотами, а также невольничества негровъ, не находятся ни въ какой связи съ остальными государственными учрежденіями острова, такъ какъ обитатели его ведутъ жизнь не лѣнивыхъ дармоѣдовъ-рабовладѣльцевъ, взваливающихъ всѣ работы на государственныхъ рабовъ, но сами являются трудолюбивыми работниками какъ въ земледѣліи, такъ и въ ремеслѣ.

IV. La découverte australe и Lettre d'un Singe Ретифа.

Отъ Фонтенеля къ Ретифу! [1]) Отъ самой прозаической трезвости къ самой необузданной фантазіи—таковъ скачокъ, который намъ приходится теперь сдѣлать, чтобы перейти къ послѣднему изъ утопическихъ описаній путешествій и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднему изъ коммунистическихъ государственныхъ романовъ XVIII столѣтія, являющемуся заключительнымъ звеномъ уже прослѣженной нами цѣпи. Моль называетъ La découverte australe Ретифа совершенно сумасбродной книгой; [2]) Клейнвехтеръ называетъ ее четырехтомнымъ безуміемъ [3]), заключающей лишь въ четвертомъ томѣ крупицу серьезности; авторъ же «Schlaraffia politica» безъ всякихъ смягченій [4]), конечно, повторяетъ этотъ приговоръ. Только въ одномъ пунктѣ встрѣчаетъ одобреніе нашъ авторъ какъ со стороны Моля, такъ, по его

[1]) Ретифъ (Restif, Nicolas Edme (de la Bretonne) родился 23 октября 1734 г. въ Саси (Бургундія). Первые годы своей юности онъ провелъ въ своей родной деревнѣ, гдѣ отецъ его занимался земледѣліемъ; затѣмъ уѣхалъ въ Оссэръ и поступилъ ученикомъ въ одну типографію; оттуда переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ велъ перемѣнчивую жизнь сначала въ качествѣ наборщика, а потомъ въ качествѣ писателя. Умеръ въ Парижѣ 3 февраля 1806 г. Позднѣе мы подробно остановимся на этомъ исключительномъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, забытомъ человѣкѣ.

[2]) *Mohl*, Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, Erlangen 1855, I, стр. 198.

[3]) *Kleinwächter*, Die Staatsromane, стр. 24.

[4]) Schlaraffia politica, Leipzig 1892, стр. 212.

примѣру, и со стороны обоихъ другихъ критиковъ, а именно въ томъ, гдѣ онъ говоритъ о неизбѣжности промежуточнаго періода для перехода европейцевъ отъ существующей системы общества, основанной на частной собственности, къ системѣ коммунистической. Если бы эти господа потрудились нѣсколько глубже вникнуть въ трудъ Ретифа, то они бы увидѣли, что онъ относился къ коммунизму совершенно серьезно, настолько серьезно, что даже въ своихъ романахъ не преминулъ подвергнуть критикѣ существующее общество и указать на коммунизмъ, какъ на единственное спасительное средство отъ всѣхъ золъ и бѣдствій, какъ на единственную мѣру излеченія больного общества; имъ не было бы надобности ломать себѣ голову надъ намѣреніями автора, такъ какъ онъ самъ озаботился подробно познакомить насъ съ планомъ своей книги. Въ своей знаменитой автобіографіи «Monsieur Nicolas» онъ даетъ намъ вполнѣ точное объясненіе той цѣли, которую онъ преслѣдовалъ, издавая свою книгу. «Извѣстно, что «Découverte australe» [1]) есть естественно-научный романъ, за исключеніемъ исторіи Викторина... Основа физической системы покоится на той идеѣ, что вначалѣ существовало одно только животное; что, далѣе, это единственное существо никогда не могло бы образовать болѣе одного животнаго вида, если бы почва и климатъ земли повсюду были одни и тѣ же. Но такъ какъ почва на различныхъ пунктахъ земли была нѣсколько различна, и такъ какъ живыя и растительныя существа плодились во всѣхъ мѣстахъ земного шара, то это необходимо влекло за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе, безконечное разнообразіе въ ихъ физическомъ строеніи и моральныхъ особенностяхъ, которое должно было выразиться въ почти незамѣтныхъ переходныхъ градаціяхъ отъ одного живого существа къ другому. При первомъ возникновеніи жизни, именно послѣ отдѣленія нашей планеты, какъ кометы, отъ животворящаго солнца, зародыши, находившіеся еще почти въ состояніи кипѣнія, образовали живыя существа, которыя представляли собою смѣшеніе различныхъ видовъ, какъ, напр., пещерный человѣкъ и т. п... Всѣ живыя существа соединялись между собою для воспроизведенія, но отсюда мало-по-малу произошли виды... Моральную сторону объяснить гораздо легче, такъ какъ я признаю за различными народами извѣстное міросозерцаніе, нравы и обычаи, какъ они

---

[1]) Полное заглавіе книги слѣдующее: La Découverte australe par un homme volant ou le Dédal français; nouvelle très philosophique, suivie de la Lettre d'un Singe etc. Imprimé à Leipsick: et se trouve à Paris. Первая, фальшивая обложка, находящаяся на нѣкоторыхъ экземплярахъ, помѣчена 1781 г. См. подробную библіографію у *Jacob*, Bibliographie et Iconographie de tous les ouvrages de Restif de la Bretonne, Paris, 1875, стр. 198–207.

представляются моему философскому пониманію. Это можно видѣть изъ міросозерцанія такъ называемыхъ мегапатагонцевъ, идеи которыхъ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ природою [1]).

Внѣшняя форма моральнаго романа, исторія Викторина, представляющаяся намъ исполненной необычайныхъ приключеній, отвѣчала, однако, вполнѣ духу того времени, когда предпринимались первыя попытки воздухоплаванія и развертываемыя имъ перспективы вскружили головы многихъ людей. Ретифъ сдѣлался страстнымъ фанатикомъ идеи о завоеваніи человѣкомъ воздушнаго океана и преслѣдовалъ ее съ непреодолимымъ упорствомъ [2]). Въ романѣ любовь, эта «все побѣждающая богиня», служенію которой Ретифъ посвятилъ всю свою жизнь, заставляетъ юношу крестьянина изобрѣсти крылья. Съ помощью изобрѣтенной имъ могучей летательной машины, онъ взбирается на недоступную возвышенность и устраиваетъ тамъ колонію изъ нѣсколькихъ лицъ, куда доставляетъ, между прочимъ, священника, необходимый скотъ и разные другіе предметы; устроивъ, такимъ образомъ, все для пріема своей госпожи, онъ уводитъ наконецъ, туда властительницу своего сердца, дочь своего сеньора. Подъ его руководствомъ маленькая, но скоро разросшаяся колонія ведетъ очень счастливую жизнь. «Что за раскошная республика!» восклицаетъ поэтъ. «Не слѣдуетъ ли людямъ жить немногочисленными общинами, чтобы чувствовать себя счастливыми? Тамъ нѣтъ никакихъ пороковъ и царятъ всѣ добро-

---

[1]) Monsieur Nicolas ou le coeur humain dévoilé, publié par lui-même т. VIII, стр. 4719—22.

[2]) Различныя сочиненія, въ которыхъ высказана мысль о летаніи человѣка и объ относящихся сюда практическихъ опытахъ, несомнѣнно, повліяли на Ретифа. Такова прежде всего книга: Père Galien. L'art de naviger dans les airs, 1755, переизданная въ 1757. Въ 1772 г. аббатъ Дефоржъ построилъ летательный снарядъ, который былъ описанъ въ газетахъ того времени. Несомнѣнно также вліяніе романа „Les hommes voants par Pierre Wilkins“, Paris, 1763, 6 vols. Эта книга содержитъ въ себѣ цѣлую серію рисунковъ, изображающихъ летающаго человѣка въ различныхъ стадіяхъ его полета. Ретифъ идетъ, однако, дальше книги Уилькинса. Въ то время какъ послѣдній представляетъ летающихъ людей, рожденныхъ съ опереніемъ, первый беретъ ихъ какъ обыкновенныхъ смертныхъ, поднимающихся въ воздушное пространство при помощи особаго аппарата. Заслуживаетъ упоминанія еще то обстоятельство, что механизмъ Ретифа былъ снабженъ двигательнымъ аппаратомъ, походившимъ на крылья птицы, и парашютомъ. Неправильныхъ соображеній о времени появленія и способѣ происхожденія „Découverte australe“ въ „Schlaraffia politica“ авторъ могъ бы избѣжать, если бы онъ дѣйствительно заглянулъ въ цитируемый имъ трудъ *Tissandier* La navigation aërienne etc.

дѣтели... Всѣ жили жизнью другихъ, какъ и своей собственною... Никакихъ обособленныхъ интересовъ, никакихъ пороковъ. Пороки были бы тамъ глупостью; человѣкъ самъ по себѣ не пороченъ, и только соціальныя условія, среди которыхъ онъ живетъ, могутъ быть настолько дурны, что порокъ становится выгоднымъ... Каждое обществс, которое состоитъ изъ такого ограниченнаго числа членовъ, что всѣ они равны, знаютъ другъ друга, другъ другу необходимы, всегда будетъ счастливо и добродѣтельно, въ этомъ заключается вся разгадка вопроса. Не знаю, нашелъ ли ее уже какой-нибудь моралистъ» [1]). Затѣмъ, когда населеніе колоніи стало слишкомъ велико, Викторинъ и его сыновья, которые также научились летать, перевезли его излишекъ, bag and baggage, на одинъ изъ острововъ Южнаго Океана. Отсюда летающая семья предприняла рядъ летучихъ экспедицій, которыя дали случай Ретифу совершить рядъ экскурсій въ естественно-научную область. Во время одной изъ своихъ экспедицій Викторинъ попадаетъ, между прочимъ, въ страну патагонцевъ они ведутъ его въ страну мегапатагонцевъ, которая и оказывается столь долго разыскиваемымъ идеальнымъ государствомъ [2]).

Мораль мегапатагонцевъ—чисто-эвдемонистическая. Всѣ ихъ стремленія направлены къ устраненію непріятныхъ ощущеній и, наоборотъ, къ воспріятію ощущеній, которыя, увеличивая здоровое самочувствіе, не разслабляютъ и не притупляютъ органовъ тѣла. Ихъ руководящій принципъ — въ томъ, что цѣль общества должна заключаться въ достиженіи возможно большаго счастья для живущихъ въ немъ индивидуумовъ. Поэтому ихъ практическая мораль предписываетъ пользоваться тѣми средствами, которыя кратчайшимъ и наиболѣе легкимъ путемъ ведутъ къ счастью. Прочность же этой морали обезпечивается тѣмъ, что она не есть продуктъ личной фантазіи, какъ это имѣетъ мѣсто въ Европѣ. Равенство и тѣсное общеніе придаютъ ей характеръ однородный и всеобщій. Равенство въ корнѣ уничтожаетъ всѣ пороки. Основныя правила общественной морали мегапатагонцевъ формулированы въ слѣдующихъ немногихъ и краткихъ положеніяхъ:

1. Будь справедливъ къ своему брату, т. е. не требуй отъ него ничего и не дѣлай ему ничего, чего самъ не хочешь ему дать или не хочешь терпѣть отъ него.

2. Будь справедливъ къ животнымъ и поступай съ ними такъ, какъ ты желалъ бы, чтобы и съ тобой поступало какое-нибудь высшее существо.

---

[1]) La Découverte etc., I, стр. 140, 141.

[2]) La Découverte etc., стр. 480 и слѣд.

*

3. Между равными все должно быть общимъ.

4. Каждый долженъ работать для общаго блага.

5. Каждый долженъ принимать въ этомъ равное участіе.

Таковы тѣ немногія законодательныя положенія, которыхъ совершенно достаточно тамъ, гдѣ господствуетъ равенство. Только народъ, состоящій изъ рабовъ и подневольныхъ, нуждается въ большемъ числѣ законовъ для оправданія и поддержанія несправедливости и неравенства, тираніи господствующаго меньшинства.

У мегапатагонцевъ никто не можетъ присвоить себѣ что-либо въ исключительную собственность, все принадлежитъ всѣмъ. Молодежь работаетъ и ведетъ полезную и дѣятельную жизнь; старики отдыхаютъ и преимущественно играютъ руководящую роль въ дѣлахъ. Такъ какъ работаютъ всѣ, то доля участія каждаго въ трудѣ незначительна. Напротивъ, работа доставляетъ лишь удовольствіе, такъ какъ никому не приходится работать до истощенія силъ; она служитъ средствомъ для развитія гибкости членовъ. Такимъ образомъ физическій трудъ служитъ не ко вреду, а способствуетъ нормальному развитію духа—въ противоположность тому, что наблюдается у европейцевъ, гдѣ, по причинѣ господства неравенства, каждый долженъ быть несчастенъ: одинъ оттого, что обремененъ работой сверхъ силъ, другой оттого, что избавленъ отъ всякой работы. Первые должны впасть въ состояніе полнаго отупѣнія, ибо рабочихъ превращаютъ въ подъяремныхъ скотовъ; праздные же люди тупѣютъ, отдаваясь во власть ненормальныхъ и извращенныхъ страстей. У мегапатагонцевъ, наоборотъ, способности каждаго индивидуума могутъ развиваться въ нормальныхъ условіяхъ.

День раздѣленъ на двѣ части: двѣнадцать часовъ сна и отдыха и двѣнадцать часовъ общественной дѣятельности. Въ продолженіе первыхъ двѣнадцати часовъ каждый принадлежитъ себѣ и своей семьѣ; во вторую половину дня, отъ шести часовъ утра до шести вечера—обществу. Работа длится четыре часа; затѣмъ всѣ собираются въ обширныя столовыя для завтрака, который приготовляется другими гражданами. Послѣ завтрака слѣдуетъ полуторачасовой отдыхъ, являющійся при жаркомъ климатѣ необходимостью. Различнымъ общественнымъ развлеченіямъ посвящается послѣобѣденное время до ужина, послѣ котораго каждый съ женою и дѣтьми возвращается въ свой тѣсный семейный кругъ, гдѣ и проводится остатокъ дня. Работы распредѣляются между гражданами, соотвѣтственно ихъ способностямъ, представителями квартиръ, и даже философы должны исполнить свою *четырехчасовую* работу раньше, чѣмъ обратиться къ своимъ спеціальнымъ занятіямъ. Специфическая особенность въ организаціи работъ, принадлежащая, насколько намъ извѣстно, Ретифу, а затѣмъ

заимствованная Фурье и играющая такую выдающуюся роль въ его системѣ, это—стремленіе сдѣлать ее привлекательной, путемъ частой перемѣны рода труда. «Никто не принуждается заниматься одною и тою же работою; граждамъ скорѣе приглашаютъ разнообразить ее, и только тѣ, которые рѣшительно настаиваютъ на этомъ, занимаются однимъ и тѣмъ же трудомъ. Болѣе трудныя работы, которыя приходится исполнять внѣ дома и которыя требуютъ большаго напряженія силъ, выпадаютъ на долю мужчинъ; болѣе же легкія исполняются женщинами дома». Такимъ образомъ трудъ для мегапатагонцевъ есть развлеченіе, игра, но игра назидательная.

Отношенія между полами въ Мегапатагоніи вообще очень свободны—обстоятельство, которому Ретифъ приписываетъ отсутствіе всякаго прелюбодѣянія. Каждые два года браки могутъ расторгаться; такой промежутокъ времени принятъ въ томъ разсчетѣ, что въ теченіе второго года женщинѣ приходится кормить ребенка грудью, и потому она не приспособлена для новаго брака. Но мужья уже и во время кормленія женами дѣтей имѣютъ право жениться на одной изъ сверхкомплектныхъ туземныхъ дѣвушекъ. Холостяки, беременныя и кормящія женщины живутъ въ просторныхъ помѣщеніяхъ, отдѣльно отъ остальныхъ гражданъ. Дѣти, какъ только они отлучаются отъ груди, переходятъ въ руки государственнымъ воспитателей, избираемыхъ изъ самыхъ выдающихся лицъ обоего пола. Положеніе воспитателей считается самымъ почетнымъ въ государствѣ; имъ оказываетъ услуги каждый, и на общественныхъ торжествахъ имъ предоставляются почетныя мѣста. Молодые люди женятся, какъ только достигаютъ половой зрѣлости. Для дѣвушекъ брачный возрастъ начинается съ 25 лѣтъ, ибо мегапатагонцы—народъ великановъ и достигаютъ зрѣлаго возраста къ 50, а старости къ 220 годамъ. По отношенію къ женщинѣ у Ретифа обнаруживается болѣзненно выраженная галантность. На женщину онъ смотритъ только со стороны ея пола, какъ на существо, подчиненное мужчинѣ, хотя и не въ качествѣ рабыни, какъ это имѣетъ мѣсто у другихъ народовъ. Съ дѣтства дѣвушку учатъ, что она создана для мужчины, а мужчина—для отечества; танцами и граціозными играми развиваютъ въ ней красоту и всѣ качества, необходимыя для превращенія ея въ объектъ удовольствія для мужчины. Въ своихъ взглядахъ на женщину Ретифъ, который большую часть своей жизни провелъ среди жрицъ любви, происходили ли онѣ изъ аристократическихъ круговъ или подонковъ народа, собственно никогда выше и не поднимался.

Летающіе люди, которые чрезвычайно удивлялись этимъ учрежденіямъ мегапатагонцевъ, рѣшили пересадить ихъ на свой островъ. Но Викторинъ, сознавая, что, въ виду глубокаго противорѣчія между европейскими и мегапатагонскими нравами, сдѣлать это сразу невозможно, совѣтовалъ своимъ

внукамъ—самъ онъ уже давно устранился отъ правительственныхъ дѣлъ—заняться постепеннымъ улучшеніемъ старыхъ законовъ, приближать ихъ къ идеалу и шагъ за шагомъ передѣлывать старую государственную и общественную форму въ коммунистическую. Съ этою цѣлью былъ изданъ цѣлый рядъ законовъ, изъ которыхъ важнѣйшими могутъ быть признаны слѣдующіе.

1. Всѣ имущества находятся въ общемъ владѣніи. Работы распредѣляются равномѣрно. Но члены живущаго поколѣнія должны оставаться при тѣхъ занятіяхъ, которыя они исполняли до сихъ поръ и которыя впредь будутъ считаться одинаково почетными.

3. Дѣти, независимо отъ происхожденія и положенія родителей, обучаются исскуствамъ, ремесламъ, соотвѣтствующимъ ихъ способностямъ.

4. Для скорѣйшаго осуществленія общности имущества и имущественнаго равенства, необходимо все покупаемое частными людьми покупать на счетъ общества и оплачивать товары производителя не по цѣнности его труда, но по дѣйствительнымъ потребностямъ рабочаго.

6. Время работы ограничивается шестью часами.

7. Всѣ долги и иныя денежныя обязательства прекращаются, но каждый можетъ сохранить находящійся въ его обладаніи домъ и жить въ немъ съ женою и дѣтьми.

11. Чиновникъ долженъ быть лишь рупоромъ закона; гражданскіе процессы почти всѣ отмѣняются предшествующими законами, а уголовные сокращаются до minimum'a, такъ какъ причиною всѣхъ преступленій является своекорыстіе.

Въ качествѣ приложенія къ «Découverte australe», Ретифъ далъ намъ «Письмо обезьяны къ своимъ сородичамъ» [1]), гдѣ вмѣсто обычной формы повѣствованія авторъ прибѣгаетъ къ смѣлой сатирѣ. На этотъ разъ героемъ избирается не европеецъ, случайно бурею прибитый къ берегамъ чужой страны и затѣмъ разсказывающій намъ о всемъ, что онъ тамъ пережилъ, но обезьяна, происшедшая отъ павіана и негритянки; эта обезьяна прибываетъ въ Европу и спеціально во Францію и оттуда ей приходится сообщать своимъ сородичамъ не объ идеальномъ государствѣ, но объ адѣ на землѣ. Критика, которой обезьяна подвергаетъ учрежденія французскаго государства и общества, отличается необыкновенною ѣдкостью и становится тѣмъ болѣе рѣзкой, что ножъ ея оказывается въ рукахъ обезьяны. Цезарь съ Малакки—таково имя обезьяны—щедро осыпаетъ похвалами естественное состояніе, въ которомъ такъ счастливо живутъ его товарищи, и противопоставляетъ ему ужасныя бѣдствія, среди которыхъ

[1]) Lettre d'un singe aux êtres de son espèce, въ III томѣ „Découverte"...

живутъ культурные люди. Люди причиняютъ другъ другу больше зла, чѣмъ всѣмъ звѣрямъ вмѣстѣ взятымъ; всѣ силы своего ума они направляютъ на то, чтобы придумать все, способное стать источникомъ ихъ же собственныхъ несчастій. Такъ, прежде всего установленъ такой порядокъ, при которомъ они фактически оказываются не всѣ равны, хотя они и являются членами одного и того же рода, но одни изъ нихъ владѣютъ всѣмъ, другіе же не владѣютъ ничѣмъ. На чемъ основана эта разница?— Не знаю, патетически восклицаетъ павіанъ, но верхъ абсурда—въ томъ, что ихъ религія учитъ, что всѣ люди-братья, что всѣ они происходятъ отъ одного и того же предка и, чтобы отнять у нихъ всякій предлогъ къ неравенству, объединяетъ ихъ еще и инымъ образомъ въ братскій союзъ, почти въ одну семью. Ибо она повелѣваетъ людямъ быть милосердными, любить другъ друга, дѣлиться своимъ имуществомъ и запрещаетъ сильнымъ возноситься надъ братьями своими, а слабымъ признавать кого-либо своимъ господиномъ или отцомъ. Но несмотря на это, люди, называющіе себя братьями, сохраняютъ въ своихъ отношеніяхъ это варварское и чудовищное неравенство. Создано же оно богатствомъ, накопленнымъ владѣніемъ средствами существованія сверхъ нормы, которое съ своей стороны происходитъ отъ жадности, этого порока души. «Вы, пишетъ Цезарь своимъ сородичамъ, отвѣтили бы усмѣшкой презрѣнія или крикомъ негодованія, если бы услышали тѣ доводы, которыми люди стараются оправдать и доказать необходимость неравенства между ними. Богачи отъ души рукоплещутъ этому порядку, при которомъ всѣ работы даже самыя непріятныя, исполняются безъ всякой жалобы, кто же, со смѣхомъ спрашиваютъ они, сталъ бы иначе исполнять ту или иную непріятную работу, и не замѣчаютъ интендантовъ и надсмотрщиковъ, которые въ одинъ прекрасный день могутъ сдѣлаться ихъ господами или господами ихъ потомковъ». Нѣтъ ничего болѣе непонятнаго, чѣмъ эта противоположность между закономъ и религіей. Послѣдняя запрещаетъ месть, судебныя тяжбы, исключительное обладаніе собственностью и предписываетъ даже любить своихъ враговъ; законъ же разрѣшаетъ судебныя тяжбы, предписываетъ враждебныя дѣйствія, освящаетъ исключительное обладаніе собственностью. У нихъ есть даже такіе законы, которые приговариваютъ нищаго брата къ смерти, если онъ для спасенія своей жизни возьметъ что-нибудь у того, кто все имѣетъ съ избыткомъ. Какой другой цѣною умственныхъ и физическихъ усилій, жестокостей и крови покупается человѣческимъ родомъ богатство! Они гибнутъ отъ непосильнаго труда, ихъ поглащаютъ и мучатъ заботы; они теряютъ во время судебныхъ тяжбъ болѣе того, чего стоитъ самый предметъ тяжбы, изъ-за котораго они спорятъ. Словомъ, законъ о собственности, законъ

враждебный религіи, есть источникъ бѣдствій человѣчества; онъ часто человѣка, царя природы, низводитъ даже ниже обезьянъ. Человѣкъ совершилъ невѣроятную глупость, создавъ для себя такой законъ, который постоянно и во всѣ времена долженъ вести къ бѣдствіямъ и вырожденію громадной массы людей, не дѣлая истинно счастливыми великихъ міра сего и богатыхъ. Но если бы общность имущества и братская любовь, это великое единеніе сердца и чувствъ, предписываемое религіей, дѣйствительно пріобрѣли господство, то всѣ пользовались бы такимъ счастьемъ о которомъ только одни животныя имѣютъ представленіе и которого человѣкъ не достигъ еще. Таковы люди, которыхъ вы, обезьяны, считаете счастливыми и совершенными существами, достойными удивленія; они подсматриваютъ другъ за другомъ, охотятся другъ на друга, заковываютъ въ цѣпи; бросаютъ другъ друга въ тюрьмы, куда не проникаетъ ни единый лучъ свѣта; подвергаютъ другъ друга бичеванію, увѣчьямъ, клейменію каленымъ желѣзомъ; вѣшаютъ другъ друга, четвертуютъ, сжигаютъ обезглавливаютъ; пытаютъ, рѣжутъ на куски, сажаютъ на колъ, распарываютъ животы; забиваютъ до смерти дубинами, вырываютъ другъ другу глаза, жарятъ на солнцѣ—и изъ-за чего все это? Изъ-за того, что одни овладѣли всѣми вещами и тѣмъ самымъ вынудили другихъ отнять у нихъ часть этихъ вещей силою и хитростью».

Существуютъ среди людей бѣдняки, которые становятся либо преступниками — тогда ихъ вѣшаютъ и четвертуютъ — или, если они для преступленій слишкомъ слабы и трусливы, дѣлаются нищими или занимаются какимъ-нибудь ремесломъ. «Съ тѣхъ поръ какъ я достигъ умственной зрѣлости, я не могъ примириться съ фактомъ существованія бѣдныхъ среди людей». Что такое бѣднякъ? Неимущее существо, стоящее безконечно ниже насѣкомыхъ, птицъ, крысъ и мышей; изолированное существо, не имѣющее правъ рѣшительно ни на что, лишенное всѣхъ соціальныхъ благъ и даровъ природы, которыми онъ съ самаго начала жертвовалъ, чтобы добиться первыхъ. Вотъ до чего дошелъ одаренный разумомъ царь живого міра. Опустившись до степени послѣдняго животнаго, гордое созданіе не пользуется уже правомъ свободно ловить рыбу въ рѣкахъ, которыя кишатъ ею, или искать себѣ пищу въ поляхъ и лѣсахъ. Въ то время, какъ ближніе его пресыщены роскошью и богатствомъ, бѣднякъ чахнетъ отъ голода и нужды. Онъ не можетъ, не смѣетъ протянуть руку къ виноградному кусту, чтобы смочить свои высохшія губы, сорвать плодъ съ дерева, чтобы спасти себя отъ голодной смерти. Такъ гибнетъ отъ голода эта жестокая и прожорливая тварь. Но мало того! Люди создали законы, лишающіе свѣта и воздуха этихъ несчастныхъ, ровно ничѣмъ не владѣющихъ и опять таки только

потому, что они бѣдны. «Я полагалъ—тутъ нашъ павіанъ пускается въ область государственнаго права, — я полагалъ, что бѣднякамъ, не извлекающимъ никакихъ выгодъ изъ общественнаго порядка, по крайней мѣрѣ возвращаютъ ихъ естественную свободу; что общественный договоръ такъ же утрачиваетъ силу, какъ только онъ пересталъ быть выгоднымъ для одного изъ контрагентовъ. Богачи, владѣющіе всѣми богатствами, могутъ, сколько имъ угодно, жить въ обществѣ. Но зачѣмъ бѣдняку это общество, которое губитъ его,—онъ, несомнѣнно, уходитъ изъ него.—Но я жестоко обманулся! Люди требуютъ, чтобы бѣднякъ оставался въ томъ самомъ обществѣ, которое обобрало его; они требуютъ, чтобы онъ любилъ и высоко цѣнилъ его и ради него гибнулъ подъ непосильнымъ бременемъ труда, если же онъ этого не дѣлаетъ, его запираютъ въ тюрьму. Каждый богачъ пользуется освященнымъ правомъ на услуги и уваженіе со стороны бѣдняковъ, и такъ какъ никакой законодатель не опредѣлилъ объема этого права, то обладатель его всегда склоненъ распространить его возможно шире и требуетъ отъ бѣдняка одной услуги за другою, мучитъ, обираетъ его до послѣдней нитки, унижаетъ, преслѣдуетъ».

Надѣемся, что этого краткаго извлеченія изъ письма обезьяны, при цитированіи котораго мы ограничивались тѣми мѣстами, которыя касаются вопроса о частной собственности, достаточно, чтобы видѣть, съ какою страстностью и рѣзкостью Ретифъ нападалъ на современное ему общество. Рабство негровъ и жестокое съ ними обращеніе, глупость юриспруденціи, которая вмѣсто того, чтобы содѣйствовать уменьшенію проступковъ и преступленій, уничтожая ихъ въ самомъ корнѣ, стремится только плодить ихъ еще больше; противорѣчіе между закономъ и религіей; общественные предразсудки въ области нравовъ и моды; непостижимая глупость и гнусность войнъ; извращенность половыхъ отношеній—словомъ, едва ли осталось хотя бы одно учрежденіе въ обществѣ и государствѣ, которое укрылось бы отъ стрѣлъ его сатиры и критики и нелѣпыя вредныя стороны котораго имъ не были бы отмѣчены. Краеугольнымъ камнемъ истиннаго и справедливаго общественнаго порядка служитъ система равенства и братства, связанная съ общностью имущества (communauté). «Цѣль этого письма, говоритъ самъ Ретифъ, идетъ еще дальше; оно стремится разъяснить богачамъ, которые его будутъ читать, что ихъ владѣніе имуществомъ несправедливо, если они злоупотребляютъ своимъ правомъ; что они имѣютъ лишь временное, условное, но отнюдь не естественное право на него; оно, наивно прибавляетъ онъ, можетъ послужить лишь тому, что сдѣлаетъ ихъ болѣе человѣчными и болѣе справедливыми» [1]).

---

[1]) Примѣчаніе къ „La Découverte Australe“, т. IV, стр. 133.

V. «Телемакъ» Фенелона.

Своими сочиненіями Ретифъ довелъ насъ уже до второй половины XVIII вѣка; но для того, чтобы закончить первый періодъ исторіи французскаго соціализма, мы должны еще разъ возвратиться къ концу XVII столѣтія и сказать нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его знаменитомъ «Телемакѣ». Мы уже раньше имѣли случай упомянуть, что Фенелонъ [1]), вопреки, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе своего высокоаристократическаго происхожденія, стоялъ въ извѣстной оппозиціи къ политикѣ Людовика XIV и его двора и за эту оппозицію былъ изгнанъ изъ Парижа въ Камбрэ. До этого Фенелонъ былъ воспитателемъ герцога Бургундскаго, для котораго «Телемакъ» первоначально и былъ предназначенъ. Эта книга, положившая начало новой формѣ описанія фантастическихъ путешествій, подробно говоритъ о жизни, задачѣ и обязанностяхъ монарха; насъ она можетъ интересовать лишь постольку, поскольку въ рамкахъ дорожныхъ приключеній Телемака, сына Одиссея, занятаго поисками своего отца, изображены двѣ общины, Bétiques. и Salente, изъ которыхъ одна основана на общемъ владѣніи землею, другая же—на классовомъ дѣленіи и распредѣленіи имущества, пропорціональномъ внутри различныхъ классовъ силѣ семьи.

---

[1]) Фенелонъ род. въ 1651 г. въ замкѣ Fénélon, въ провинціи Перигоръ; умеръ въ 1715 г.; происходилъ изъ высокоаристократической семьи и рано былъ предназначенъ къ духовному званію. Въ 1675 г. былъ рукоположенъ въ священническій санъ и вскорѣ пріобрѣлъ громкую славу духовнаго оратора. Какъ воспитатель герцога Бургундскаго, внука Людовика XIV, онъ составлялъ для своего ученика басни — Les aventures de Aristonous, Les dialogues des morts — и написалъ своего Телемака. Цѣль его воспитанія заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать изъ его воспитанника—короля; философа. Непримиримый врагъ протестантовъ, онъ одобрялъ отмѣну нантскаго эдикта; крупный феодальный сеньоръ, онъ считалъ справедливымъ держать въ бѣдности и въ зависимомъ состояніи низшіе классы, но, съ другой стороны, практиковалъ самую широкую благотворительность въ своемъ приходѣ Камбрэ. Онъ былъ противникомъ абсолютной монархіи, которой онъ противопоставлялъ королевскую власть, связанную могущественной аристократіей и государственными сословіями. Политика Фенелона лишена всякой оригинальности; его оппозиція Людовику XIV была слаба и незначительна. Его мягкая и крайне чувствительная натура представляла сочетаніе неограниченной любви и милосердія съ черствостью и жестокостью по отношенію къ иначе вѣрующимъ. — Его Телемакъ появился впервые въ изданіи 1698 г. противъ его желанія и съ тѣхъ поръ выдержалъ безчисленное количество изданій и переводовъ.

Обитатели Bétiques всѣ почти—земледѣльцы или пастухи; ремесленниковъ среди нихъ почти совсѣмъ нѣтъ, и всякія искусства считаются безполезными и вредными для общественныхъ нравовъ. Такъ какъ они держатся того взгляда, что съ увеличеніемъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію неизбѣжно возникаютъ среди людей зависть и вражда, честолюбіе и жадность, то они отвергаютъ утонченную культуру и въ милой простотѣ и наивности ищутъ гарантіи счастья; они живутъ совмѣстною жизнью, не производя дѣлежа земли; каждая семья находится подъ руководствомъ своего старѣйшаго члена, который является ея истиннымъ монархомъ. Всѣмъ имуществомъ владѣютъ сообща; плодовъ отъ земли и деревьевъ, молока отъ стадъ собирается въ такомъ изобиліи, что, при умѣренности и ограниченности ихъ потребностей, жителямъ не приходится дѣлить ихъ между собою. Нераздѣленные обособленными, враждебными другъ другу интересами, они живутъ въ братской, ничѣмъ не нарушаемой, любви. Отказъ отъ суетнаго богатства и отъ пустыхъ развлеченій обезпечиваетъ имъ миръ, согласіе и свободу. Они всѣ свободны и равны. У нихъ нѣтъ иныхъ почетныхъ отличій, кромѣ того, которое дается опытомъ умудренной старости. Въ этой хранимой богами странѣ никогда не слышно ужасныхъ и ненавистныхъ голосовъ насилія, зависти, суда и войны [1]).

Меньше простоты и идилліи наблюдается въ Салантѣ. Страсть къ роскоши и честолюбіе ея короля Идоменея привели страну на край гибели, и Менторъ, другъ и совѣтникъ Телемака, беретъ на себя задачу дать странѣ новое государственное устройство и укрѣпить его развитіе на прочномъ и раціональномъ основаніи. Съ этою цѣлью онъ дѣлитъ населеніе на семь классовъ и для каждаго изъ нихъ опредѣляетъ родъ жилища, одежды, мебели и пищи, а также размѣры владѣнія для каждой семьи. Каждая семья каждаго класса можетъ владѣть лишь такимъ количествомъ земли, сколько для нея абсолютно необходимо для пропитанія всѣхъ ея членовъ; этотъ законъ установленъ для того, чтобы помѣшать аристократіи обогащаться на счетъ бѣдныхъ. Такимъ путемъ каждый будетъ владѣть землею, но всегда въ ограниченномъ количествѣ. Объ общемъ владѣніи въ Салантѣ совсѣмъ нѣтъ и рѣчи. Тамъ, какъ и во Франціи, существуютъ торговля, различные классы и неограниченная монархія, имѣющая однако то преимущество передъ французской, что временный обладатель королевской власти достаточно мудръ для того, чтобы слѣдовать совѣтамъ философски образованнаго государственнаго человѣка.

Реакціонная тенденція Фенелона обнаруживается въ обоихъ типахъ

---

[1]) Les aventures de Télémaque, кн. VIII.

государственнаго устройства—и въ Бетикѣ, и въ Салантѣ; она выражается въ задержаніи развитія промышленности и искусствъ, какъ условія нравственности и счастья людей. Наблюдательному взору Фенелона и искусство и промышленность кажутся неразрывно связанными съ жадностью и честолюбіемъ, съ страшнымъ господствомъ эгоизма и онъ, не колеблясь, усматриваетъ въ нихъ причину всѣхъ пороковъ и бѣдствій общества. Поэтому, онъ не знаетъ другого средства къ ихъ устраненію, какъ возвратъ къ естественному состоянію, которое, однако, представляется ему не такъ, какъ 50 лѣтъ спустя Жанъ-Жаку Руссо, въ видѣ уединеннаго блужданія автономнаго индивидуума въ первобытныхъ лѣсахъ, но въ видѣ идилліи пастушеской и земледѣльческой жизни. Эта мысль о возвратѣ къ природѣ позднѣе получила искусственное и извращенное выраженіе въ пастушескихъ занятіяхъ высшихъ классовъ и въ пасторальной литературѣ XVIII вѣка; съ этою мыслью въ ея исключительно эстетической и реакціонной формѣ мы еще встрѣтимся въ сочиненіяхъ цѣлаго ряда соціалистическихъ писателей. Поэтому весьма интересно послушать, какъ одинъ, почти совершенно забытый, французскій коммунистъ, жившій почти столѣтіемъ позднѣе, отзывался объ идеалистическомъ государственномъ устройствѣ Телемака: «Въ законахъ, которые онъ заставилъ Идоменея дать Салантѣ, отразилась его (Фенелона) прекрасная душа; но во всемъ величіи ея красоты она обнаруживается тогда, когда онъ влагаетъ въ уста Адоама его характеристику нравовъ въ Бетикѣ. Чувствуешь только, что несчастье его было въ томъ, что онъ, проникнутый самой горячей любовью къ человѣчеству и идеей справедливости, одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ и неуклонныхъ послѣдователей Іисуса Христа, вслѣдствіе занимаемаго имъ положенія, не былъ въ состояніи найти истинную причину людскихъ пороковъ... Ясно видишь, какія чрезвычайныя и тщетныя усилія дѣлаетъ онъ, чтобы примирить разнородные и противорѣчивые элементы—рабство и счастье людей... И, наконецъ, что, понятно, онъ долженъ былъ бы дать своимъ идеямъ совершенно противоположное направленіе, вмѣсто того, чтобы провести непроходимую разграничительную линію между семью различными классами; что же касается мирныхъ и счастливыхъ обитателей Бетики, то добрый Фенелонъ не сдѣлалъ бы изъ нихъ маленькаго народца, всецѣло представленнаго милости своихъ могучихъ сосѣдей. Далѣе, послѣ перваго шага на пути развитія искусствъ, онъ не заставилъ бы ихъ оставаться въ состояніи застоя, въ то время какъ всѣ окружающія націи могли бы развиваться и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти на нее (Бетику) непреодолимое вліяніе и привить ей всѣ пороки, служащіе источникомъ несчастій людей» [1]).

[1]) La Philosophie du Ruvarebohni, II, стр. 116, 118.

VI. Les voyages de Cyrus Рамзея.

Изъ безчисленныхъ подражаній фенелонову Телемаку, древнему герою, котораго французскіе авторы заставляли путешествовать по всѣмъ частямъ свѣта, мы хотимъ сказать еще нѣсколько словъ только о двухъ изъ нихъ. Это—путешествія Кира, Рамзея [1]) и Телефъ, Пешмежа [2]). Въ первой книгѣ для насъ интересно только противоставленіе Аѳинъ и Спарты и примыкающая къ нему критика общаго владѣнія имуществомъ. О государственномъ устройствѣ Ликурга Рамзей отзывается съ презрѣніемъ: люди, которые, подобно лакедомонянамъ, воспитаны только для войны, которые не знаютъ иной работы, иныхъ занятій, иного призванія, кромѣ человѣкоубійства, должны разсматриваться, какъ враги всякаго общества [3]). Въ противоположность Спартѣ, онъ горячо хвалитъ Аѳины, городъ частной собственности, являющійся поэтому творцомъ культуры, искусства и всего того, что служитъ украшеніемъ жизни. Несомнѣнно, Рамзей намекалъ на утопистовъ и на восхваляемыя ими равенство и общность имущества своимъ изображеніемъ исторіи солонова законодательства, влагаемымъ въ уста самого Солона. Первый и величайшій источникъ золъ, среди которыхъ Солонъ засталъ аѳинскій народъ, заключался въ эксцессахъ народной власти, въ господствѣ посредственныхъ талантовъ, которые подъ предлогомъ равенства всѣхъ людей стремились къ уравненію всѣхъ сословій и проповѣдывали химерическое равенство, чтобы самимъ захватить господство. Поэтому первымъ шагомъ, который предпринялъ Солонъ, было введеніе строгихъ наказаній для всѣхъ тѣхъ, которые распространяли въ народѣ это ошибочное ученіе о равенствѣ. Затѣмъ онъ доказываетъ, что равенство есть только химера, основанная на поэтическихъ сказкахъ, что съ исчезновеніемъ золотого вѣка неравенство стало необходимостью, и что, наконецъ, патріархальный строй долженъ стать образцомъ для всѣхъ правительствъ. Словомъ, Солонъ Рамзея начинаетъ свою дѣятельность съ отрицанія всего того, что утопическими

[1]) Рамзей, Андрэ Мишель де, род. въ 1686 г. въ Айръ въ Шотландіи умеръ въ 1743 г. въ Saint-Germain-en-Laye. Въ 1709 г. былъ обращенъ въ католическую вѣру сочиненіями Фенелона, горячимъ послѣдователемъ котораго онъ сдѣлался также и въ области политики, какъ это показываютъ его Essai philosophique sur le Gouvernement civil, London, 1721, какъ и его книга „Les voyages de Cyrus“, Paris, 1727, 2 т.

[2]) Télépbe par Pechmeja, Лондонъ и Парижъ, 1784.

[3]) Les voyages etc., I, стр. 165.

законодателями обыкновенно считалось неопровержимыми истинами. Но, съ другой стороны, второю причиною бѣдствій Аѳинъ онъ признавалъ чрезвычайное неравенство владѣнія, при которомъ въ немногихъ рукахъ сосредоточивались огромныя богатства, громадное же большинство коснѣло въ глубокой нищетѣ; но общность владѣнія у спартанцевъ онъ не считалъ спасительнымъ средствомъ для выхода изъ такого ненормальнаго положенія. Такъ какъ онъ рѣшительно стоялъ за сохраненіе частной собственности, то единственными средствами противъ зла онъ считалъ дальнѣйшее освобожденіе отъ долговъ, упрощеніе безчисленныхъ законовъ, которые со всѣхъ сторонъ стѣсняли жизнь аѳинскихъ гражданъ, и улучшеніе воспитанія дѣтей.

VII. Телефъ Пешмежà.

Пешмежà [1]), наоборотъ, нападаетъ на частную собственность и право наслѣдства въ самой рѣзкой формѣ.

Онъ—панегиристъ законодательства Миноса, «который раздѣлилъ поровну имущества и создалъ сладкую свободу», и не нахвалится счастьемъ Крита, принявшаго законы Миноса. Когда Телефонъ, какъ называется здѣсь сынъ полубога, въ годы своего ученія и странствованія увидѣлъ, что въ Малой Азіи богатая земля цѣликомъ находится въ рукахъ немногихъ богатыхъ гражданъ, которые поглощаютъ ея плоды, украшаютъ себя ея цвѣтами и безъ всякаго сожалѣнія и безъ всякихъ угрызеній совѣсти поливаютъ ее потомъ бѣдняковъ, то на Критѣ онъ почувствовалъ себя какъ бы перенесеннымъ въ земной рай. Тамъ нѣтъ никакой частной собственности, права наслѣдованія. Родителямъ не дозволено было обезпечивать своимъ еще несуществующимъ дѣтямъ громадныя состоянія, съ помощью которыхъ они пріобрѣтали ненавистное право на трудъ озлобленной массы. Тамъ нѣтъ цѣлыхъ поколѣній, осужденныхъ на униженія и рабство, и ничтожнаго меньшинства гражданъ, которые награждаются уже въ колыбели за мнимыя заслуги ихъ отцовъ и заранѣе

---

[1]) Жанъ Пешмежа род. въ 1741 г. въ Вильфрансѣ (Rouergne), умеръ въ 1785 г. въ Saint-Germain-en-Laye. Онъ участвовалъ въ конкурсѣ на премію за лучшее похвальное слово Кольберу въ 1773 г., которая однако была присуждена Некеру. Другъ Рейналя, онъ сотрудничалъ въ его Histoire philosophique du Commerce des Européens dans les deux Indes. Въ 1784 г. появился его Télèphe, который имѣлъ крупный успѣхъ, но скоро былъ преданъ забвенію. Въ томъ же году появился нѣмецкій переводъ книги (Huber, Leipzig 1784) и англійскій; второе французское изданіе появилось въ 1795 г.

вознаграждаются за услуги, которыя они, можетъ быть, сами когда-нибудь окажутъ государству. Незнатное происхожденіе, полезная и трудная работа не составляютъ тамъ преступленія, которое слѣдуетъ наказывать презрѣніемъ и позоромъ, и торжествующая праздность не претендуетъ на почетъ и уваженіе [1]).

* * *

Первый періодъ соціализма во Франціи лежитъ теперь позади насъ; онъ охватываетъ XVII и первыя 20 лѣтъ XVIII столѣтія. Мы могли пріурочить изложеніе нѣсколькихъ государственныхъ романовъ XVIII вѣка къ величайшему французскому утописту Вэрасу, такъ какъ они, безъ сомнѣнія, возникли подъ его вліяніемъ и по содержанію своему едва ли представляютъ что-либо новое. Со смертью Людовика XIV и банкротства его внутренней и внѣшней политики начинается новое время. «Что можетъ еще спасти насъ, если мы выйдемъ изъ этой войны (за испанское наслѣдство) не окончательно дискредитированными?—восклицаетъ Фенелонъ. Королевская власть, аристократія, крестьянство—всѣ доведены до банкротства войною за испанское наслѣдство; единственный классъ, который устоялъ противъ бурь войны, избѣгнувъ полнаго разоренія, сила и жизнеспособность котораго не только не остановились въ своемъ развитіи, но получили еще большій размахъ, и со стороны котораго должно было явиться спасеніе, хотя и не такое, о какомъ думалъ Фенелонъ, этотъ классъ есть буржуазія, вступающая въ эпоху своего блестящаго развитія. Ничего нѣтъ удивительнаго, если ея мыслители и передовые бойцы обращаютъ свои взоры на страну буржуазіи, Англію, чтобы оттуда на первыхъ порахъ заимствовать для себя оружіе для борьбы съ старымъ режимомъ, пока самостоятотельно не выкуютъ себѣ оружія еще болѣе остраго. Подобнымъ же образомъ соціалисты XVIII вѣка Морелли, Мабли, Ретифъ, Бабэфъ и т. д. всѣ воспитались въ кругѣ идей буржуазіи XVIII вѣка; изъ ея философіи, политики, экономіи они сдѣлали выводы, отрицающіе «есте-

---

[1]) Въ нѣсколькихъ словахъ слѣдовало бы здѣсь еще напомнить о книгѣ Сильвена Марешаля, извѣстнаго атеиста и бабувиста, „Voyages de Pythagore“ (Парижъ 1799, 6 т.). Но, такъ какъ центральный пунктъ его труда заключается въ законопроектѣ, помѣщенномъ въ V и VI т. и не связанномъ съ путешествіями Пиѳагора по различнымъ землямъ Стараго Свѣта, то здѣсь не мѣсто было на немъ останавливаться. Съ еще меньшимъ правомъ можно было бы отдѣлить романъ Морелли „La Basiliade“, а также составленную въ формѣ описанія путешествія книгу „La Philosophie du Ruvarebohni“ вслѣдствіе ея связи съ умственнымъ движеніемъ въ срединѣ, а также въ концѣ XVIII вѣка, если не хотятъ совершенно отрѣзать себѣ путь къ ихъ пониманію.

ственный порядокъ» (ordre naturel) буржуазіи, какъ неестественный. Общественному порядку, который буржуазія возвѣщаетъ и защищаетъ, какъ свой идеалъ, являющійся выраженіемъ ея классовыхъ интересовъ, противопоставляется съ тѣмъ же правомъ новый общественный порядокъ соціалистовъ, какъ единственный соотвѣтствующій природѣ; мысль о томъ, что первый служитъ лишь необходимою и подготовительною стадіею для второго, является самымъ зрѣлымъ продуктомъ общественной философіи того времени, завершающимъ собою развитіе соціализма XVIII вѣка.

Е. Гуго.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Религіозныя коммунистическія общины въ Сѣверной Америкѣ.

Сѣверная Америка—это страна коммунистическихъ общинъ, которыя на ея плодотворной почвѣ росли быстро и въ большомъ числѣ, какъ грибы, и въ большинствѣ случавъ также быстро погибали. Съ этими общинами мы встрѣчаемся уже въ началѣ XVIII столѣтія, а послѣднія десятилѣтія XIX вѣка были свидѣтелями учрежденія цѣлаго ряда такихъ же общинъ. При ближайшемъ знакомствѣ съ коммунистическими общинами, мы видимъ, что онѣ распадаются на двѣ категоріи: въ одну изъ нихъ входятъ всѣ тѣ общины, которыя и по характеру своего ученія и по національности своихъ членовъ составляютъ организаціи исключительно иностраннаго происхожденія; въ другую входятъ общины, которыя являются продуктомъ національно-американскаго творчества. Послѣдняя категорія, къ которой на ряду съ другими общинами должны быть также отнесены и общины перфекціонистовъ Онеиды, можетъ быть правильно понята только въ тѣснѣйшей связи съ политической и особенно съ религіозной исторіей Соединенныхъ Штатовъ первой половины XIX вѣка и потому должна быть устранена изъ нашего очерка.

Изъ первой категоріи общинъ мы должны также исключить тѣ, которыя относятся исключительно къ исторіи современнаго соціализма, такъ что въ нашъ обзоръ войдутъ слѣдующія общины: Евфрата, колонія шэкеровъ, колонія раппистовъ Зоаръ, колонія сноубергеровъ, общины Аврора

и Бетель, Амана и Бишопъ-Хиль. Онѣ должны быть разсмотрѣны раньше другихъ еще и потому, что въ сущности являются продолжательницами различныхъ сектъ, возникшихъ во времена реформаціи, какъ напр., община Евфрата, продолжающая собою общины перекрещенцевъ, и по своимъ основнымъ религіознымъ идеямъ ближе стоятъ къ той эпохѣ, нежели къ концу XVIII или началу XIX вѣка, когда онѣ именно и зародились.

Коммунизмъ этихъ различныхъ общинъ отличается различною степенью широты. Въ то время какъ у шэкеровъ, гармонистовъ, членовъ общинъ Амана, Бишопъ-Хиль коммунизмъ потребленія идетъ рука объ руку съ коммунизмомъ производства, у Зоаритовъ и у членовъ общинъ Аврора и Бетель моногамическія семьи, состоящія изъ отца, матери и дѣтей ведутъ свое особое домашнее хозяйство. У нихъ только производство построено на коммунистическихъ началахъ. Столь же различны и мотивы, которымъ мы приписываемъ введеніе коммунизма въ общинахъ. У членовъ общинъ шэкеровъ, Бишопъ-Хиль и гармонистовъ они находятся въ тѣснѣйшей связи съ ихъ религіозными воззрѣніями; они всѣ обосновываютъ коммунизмъ примѣрами общинъ первыхъ христіанъ, ученіе которыхъ и стремятся возродить. Напротивъ, у сепаратистовъ и у членовъ общины Амана коммунизмъ оправдывается мотивами преимущественно экономическаго характера; они находятъ въ немъ средство объединенія какъ болѣе или менѣе зажиточныхъ, такъ и неимущихъ членовъ своихъ сектъ во имя ихъ религіозныхъ цѣлей. Обѣ секты начинаютъ съ частной собственности, чтобы закончить коммунизмомъ.

I. Евфрата.

Основателемъ этой общины былъ Конрадъ Бейсель, учредившій ее вмѣстѣ съ шестью другими членами, тункерами (крестителями) или нѣмецкими баптистами, которые, скрываясь отъ преслѣдованій въ Германіи, переселились въ началѣ XVIII вѣка въ Пенсильванію. Бейсель [1]) основалъ въ 1728 г. вѣтвь баптистовъ седьмого дня (Seventh Day German Baptists) и учредилъ колонію Евфрата въ 1733 г. Въ эпоху своего расцвѣта она насчитывала около 300 членовъ. «Руководителемъ ихъ была библія, всѣ вещи находились у нихъ въ общемъ владѣніи, жили въ строгомъ безбрачіи, численно разростались вступленіемъ новыхъ членовъ

[1]) И. Конрадъ Бейсель род. въ 1690 г. въ Эбербахѣ (Пфальцъ) и умеръ въ Ефрата, въ Ланкастерскомъ графствѣ, въ Пенсильваніи въ 1768 г. Онъ поселился въ Пенсильваніи около 1720 г. Ср. *Appleton*, Cyclopaedia of American Biography, New Iork 1887, т. I.

со стороны и были богаты. Во главѣ всей общины стоялъ Бейсель; онъ былъ солнцемъ, отъ котораго исходили лучи, оживлявшіе и воодушевлявшіе своимъ свѣтомъ всѣхъ остальныхъ. Онъ дожилъ до преклоннаго возраста; но ему выпала судьба, обычная для всѣхъ смертныхъ: солнце его не стояло въ зенитѣ въ теченіе всей его жизни, но закатилось на склонѣ его дней. Его лучи не могли уже грѣть съ такою же силою, съ какою они согрѣвали тысячи его сочленовъ въ дни его юности. Онъ, глава, былъ старъ и безжизненъ, и его прежніе сторонники начали его покидать. Онъ назначилъ себѣ преемникомъ одного способнаго и достойнаго любви человѣка; но онъ не могъ остановить отлива членовъ изъ общины. Ихъ собственность находится теперь въ рукахъ свѣтскихъ управляющихъ и приноситъ дохода 1200 долларовъ ежегодно. Тамъ остается еще, можетъ быть, 12—15 старыхъ членовъ. Еще сохраняются нѣкоторыя старыя зданія. Это была первая коммунистическая община въ Америкѣ». Такъ писалъ Якоби въ 1858 г. [1]). У меня не было возможности добыть какія либо позднѣйшія свѣдѣнія.—Отвѣтвленіемъ отъ общины Евфрата является, повидимому, колонія основанная Самюэлемъ Сноубергеромъ въ 1820 г. въ Сноувилѣ, въ Пенсильваніи. Приверженцы этого человѣка вѣрили въ библію въ томъ видѣ, въ какомъ она объяснялась въ сочиненіяхъ Бэйселя. Они жили въ хорошихъ условіяхъ и въ 1858 г. насчитывали около 30 членовъ [2]). Эта вѣтвь баптистской секты нынѣ совершенно исчезла.

II. Шэкеры.

«Тысячелѣтняя церковь или соединенное общество вѣрующихъ, обыкновенно называемыхъ шэкерами», получила свою особую организацію въ сентябрѣ 1787 г. въ Нью-Лебанонѣ, въ деревнѣ Колумбійскаго графства въ Нью-Іоркѣ, три года спустя послѣ смерти основательницы секты, Анны Ли. Она происходила отъ англійскихъ предковъ; родилась восьмымъ ребенкомъ въ семьѣ кузнеца, въ Манчестрѣ, 29 февраля 1736 г. 23-хъ лѣтъ Анна Ли присоединилась къ одному обществу квакеровъ, которые вслѣдствіе особаго рода движеній, сопровождавшихъ ихъ религіозныя церемоніи, получили названіе «Shaking Quakers». Сектѣ пришлось испытать цѣлый рядъ гоненій; нѣкоторые изъ ея членовъ брошены были въ тюрьмы; среди нихъ была и Анна Ли, которая (1770 г.) въ тюрьмѣ черезъ особое

[1]) Ср. *J. H. Noyes*, History of American Socialisms, Philadelphia 1870, стр. 133. Encyclopaedia Americana, т. II, стр. 715.

[2]) То же и у Нойса, на основаніи сообщеній Якоби.

откровеніе ощутила въ себѣ новое призваніе. Три года спустя она черезъ новое откровеніе получила миссію отправиться въ Америку. Вмѣстѣ съ восемью своими приверженцами она отправилась по этому зову, выѣхала въ 1774 г. изъ Ливерпуля, прибыла въ Нью-Іоркъ и поселилась въ Ньескеюна, въ семи миляхъ отъ Альбани. Но только въ 1780 г. начало распространяться ея ученіе въ Массачусетсѣ и Коннектикутѣ и рости число ея послѣдователей. Съ этихъ поръ до конца своей жизни Анна Ли сдѣлалась дѣятельной проповѣдницей своего евангелія. Секта развивалась довольно медленно. Въ годы 1787—1792 было учреждено одиннадцать новыхъ обществъ—въ Нью-Іоркѣ, Массачусетсѣ, Нью-Гампширѣ, Мэнѣ и Коннектикутѣ; лишь послѣ 1805 г. удалось основать еще нѣсколько въ Огіо и Кентуки. Всѣ еще и теперь существующія 18 (по словамъ Эли—17) [1]) обществъ были основаны до 1830 г. Каждое изъ обществъ охватывало нѣсколько семей, которыя фактически представляли собою самостоятельныя корпораціи для всякихъ цѣлей. Въ этихъ 58 семьяхъ (по Эли—70) жили, по даннымъ Нордгофа [2]), 2.415 (по Эли—4000) лицъ, которыя владѣли сообща 100.000 акрами земли.

Ихъ теологическая доктрина, какъ она впервые была изложена Анной Ли и впослѣдствіи разработана ея послѣдователями, носитъ крайне фантастическій характеръ. Богъ, по ученію этой доктрины, состоитъ изъ двухъ лицъ, которыя заключаютъ въ себѣ оба пола, мужской и женскій. Адамъ, который созданъ по образу божію, также былъ существомъ двуполымъ. Христосъ—одинъ изъ высшихъ духовъ—сначала воплотилъ въ лицѣ Іисуса мужское начало Бога, затѣмъ въ лицѣ Анны Ли его женское начало. Какъ утверждаютъ шэкеры, они одни только возвратились къ церкви, вѣрующей въ св. Троицу, отъ которой отпали всѣ остальные, и важнѣйшіе практическіе принципы ея они видятъ въ общности имуществъ, въ безбрачіи, въ ученіи о непротивленіи (non resistance), въ особомъ и опредѣленномъ правительствѣ и, наконецъ, во власти надъ физическимъ недугами, которой они еще не достигли. Бракъ и собственность они разсматриваютъ, не какъ преступленія, но какъ учрежденія низшаго общественнаго порядка которыя для ихъ церкви, обладающей внутреннимъ или евангельскимъ строемъ, являются пройденною ступенью. Они—спиритуалисты и вѣрятъ въ общеніе съ духами, въ ясновидѣніе и т. д. Только тотъ истинный

---

[1]) *Ely,* The Labor movement in America, Лондонъ, 1890, стр. 12.

[2]) *Nordhoff,* The communistic Societies of the United States, Лондонъ 1875 г., стр. 117; его книга—основной источникъ. На ряду съ нею важны, кромѣ упомянутаго уже труда Noyes, County Histories различныхъ американскихъ государствъ; *R. T. Ely,* The Labor movement in America, Лондонъ, 1890, стр. 7—33; *Hinds,* American communities, Онейда 1878.

*

служитель Бога, кто ведетъ незапятнанную и безгрѣшную жизнь, и всѣ ихъ сочлены должны возвыситься до такой жизни.

Шэкерская семья состоитъ изъ 30 – 90 сочленовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которыя принимаются ими въ качествѣ учениковъ. Всѣ живутъ совмѣстно въ большомъ домѣ, верхній этажъ котораго раздѣленъ на комнаты для 4—8 лицъ. Спальныя мужчинъ и женщинъ раздѣляются большимъ заломъ. Въ первомъ этажѣ находится кухня, кладовая и общая столовая. Вокругъ семейнаго дома группируются хозяйственныя постройки: мастерскія для сестеръ, гдѣ приготовляется одежда, плетутся корзины и исполняются другія женскія работы; мастерскія для братьевъ; прачешныя, конюшни, лѣсопилки и т. п., смотря по промысламъ, которыми община занимается на ряду съ земледѣліемъ. Земледѣліе и садовая культура служатъ ихъ главными занятіями, но есть и нѣсколько небольшихъ мастерскихъ для изготовленія корзинъ, метелокъ, стульевъ, машинъ для стирки и катанія бѣлья, прялокъ, деревянныхъ палокъ и т. п. Основная ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобы, насколько возможно, самостоятельно удовлетворять своимъ потребностямъ. Поэтому они сами изготовляютъ всякую матерію и обувь, въ которой нуждаются, а раньше фабриковали также и шерстяныя ткани для собственнаго потребленія. Исполняютъ они сами и всѣ плотничьи и столярныя работы и вообще по возможности самостоятельно производятъ всѣ жизненные предметы, потребляемыя ими. Они очень славятся своими сѣменами, которыми снабжаютъ своихъ сосѣдей, своимъ скотоводствомъ и экономическимъ устройствомъ амбаровъ. Свои излишки они вкладываютъ въ землю, и многія общины владѣютъ большими земельными богатствами помимо обрабатываемыхъ ими самими полей, лежащихъ внутри границъ колоніи. Землю, которую собственными силами не могутъ обработать, они обрабатываютъ съ помощью наемныхъ рабочихъ, для которыхъ строютъ удобныя жилища. Такъ какъ они очень щедры и обходительны со своими рабочими, то служить у нихъ очень выгодно.

Правительство шэкерскихъ общинъ частью духовное, частью свѣтское. Видимымъ главою христовой церкви состоитъ министерство, образованное, обыкновенно, изъ двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ. Одинъ изъ членовъ министерства считается старѣйшиною общества. Онъ назначаетъ себѣ преемниковъ. «Всѣ, призываемые для важнаго дѣла управленія, т. е. для руководительства христовою церковью, должны имѣть безупречный характеръ, должны быть вѣрны, честны, прямодушны, отличаться кротостью и мягкосердечіемъ, одарены знаніемъ и разумомъ, обладать опытностью въ божественныхъ вещахъ. Какъ вѣрныхъ посланниковъ Христа, божественное откровеніе осѣнило ихъ мудростью и проницательностью, чтобы направлять, учить и вести его церковь на землѣ по духовному

пути, и подавать совѣты во всѣхъ другихъ важныхъ случаяхъ духовной и мірской жизни» [1]). Министерство поэтому имѣетъ право назначать духовныхъ, старѣйшинъ и дьяконовъ и, по соглашенію со старѣйшинами, поручать сестрамъ и братьямъ, которыхъ они для этого считаютъ способными, должности, связанныя съ особымъ довѣріемъ. О назначеніи на эти должности сообщается сочленамъ соотвѣтствующихъ церквей, чтобы заручиться ихъ одобреніемъ. Каждое общество имѣетъ двухъ духовныхъ, которымъ поручается образованіе и воспитаніе неофитовъ, и которые, кромѣ того, совершаютъ экспедиціи въ земли дикарей для проповѣди евангелія шэкеровъ, если это окажется желательнымъ. Затѣмъ каждая семья имѣетъ своихъ двухъ старѣйшинъ, мужчину и женщину, которые учатъ, наставляютъ и направляютъ ее въ духовныхъ дѣлахъ. Діаконы и діакониссы заботятся о жизненныхъ потребностяхъ и удобствахъ семьи, управляютъ различными промыслами, которыми заняты ея члены, и заключаютъ сдѣлки съ лицами, посторонними общинѣ. Подъ началомъ діаконовъ находятся надсмотрщики за работами. Такимъ образомъ общины шэкеровъ организованы не на демократическихъ началахъ. Министерство, стоящее во главѣ общества, сохраняетъ свое непрерывное существованіе путемъ кооптаціи; оно назначаетъ и опредѣляетъ на должности всѣхъ остальныхъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, и только морально, а никакъ не иначе, отвѣтственно передъ членами общинъ. Такъ какъ всѣ члены въ равной степени должны, соотвѣтственно своимъ способностямъ, служить общимъ интересамъ, то они должны проявить активно свое участіе въ той или иной полезной дѣятельности ради общаго блага общества или семьи, къ которой они принадлежатъ. Духовные, старѣйшины, діаконы, словомъ, всѣ безъ исключенія должны въ тѣ часы, когда они не заняты своими спеціальными обязанностями, заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, и этому правилу подчиняются даже главы церкви шэкеровъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о распредѣленіи дня въ шэкерскихъ общинахъ, которое почти одинаково во всѣхъ религіозныхъ общинахъ. Семья шэкеровъ встаетъ рано: лѣтомъ—въ $4^1/_2$, зимою—въ 5 ч. утра. Завтракаетъ въ 6 или въ соотвѣтствующемъ случаѣ въ $6^1/_2$ ч., обѣдаетъ въ 12, ужинаетъ въ 6 ч. вечера, а въ $9-9^1/_2$ всѣ уже въ постели и огни потушены. Послѣ завтрака начинается работа подъ руководствомъ назначаемыхъ діаконами надсмотрщиковъ. Женщины, за исключеніемъ случаевъ самыхъ легкихъ работъ, не принимаютъ участія въ полевыхъ работахъ; зато онѣ поддерживаютъ порядокъ въ домѣ, въ спальняхъ, содержатъ въ чистотѣ одежду мужчинъ, заботятся о кухнѣ

---

[1]) Ср. *Nordhoff*, The communistic Societies etc., стр. 138.

и бѣльѣ. Шэкеры работаютъ, не утомляя себя—это также характерная черта, съ которою мы встрѣтимся въ большей части общинъ—такъ какъ они нисколько не заинтересованы въ быстромъ обогащеніи, и пришли къ заключенію, что для удовлетворенія своихъ скромныхъ потребностей нѣтъ никакой нужды въ обремененіи своихъ членовъ непосильною работою. По ихъ мнѣнію, работа должна доставлять удовольствіе, а этого можно достигнуть, если всѣ въ равной мѣрѣ будутъ заинтересованы въ общемъ благѣ. Вечера, поскольку это разрѣшается ихъ религіознымъ ученіемъ, посвящаются невиннымъ бесѣдамъ.

III. Гармонисты.

Основателемъ секты гармонистовъ былъ Георгъ Раппъ, родившійся 1 ноября 1757 г. въ Интингенѣ (Вюртембергъ). Раппъ, бѣдный крестьянинъ, посѣщалъ народную школу своей деревни, обучился ручному ткацкому ремеслу, странствовалъ нѣсколько лѣтъ и въ 1780 г. снова поселился на своей родинѣ. Отъ природы склонный къ размышленіямъ и мучимый религіозными сомнѣніями, онъ былъ усерднымъ читателемъ библіи и испытывалъ неудовлетвореніе при видѣ того окаменѣлаго и безжизненнаго состоянія, въ которомъ находилась мѣстная вюртембергская церковь. Евангелическая часть населенія, особенно деревенскаго, переживала въ то время періодъ глубокихъ религіозныхъ волненій. Идеи піетистовъ и хиліастовъ глубоко проникли въ его сознаніе и пробудили сектантскія и сепаратистскія наклонности. Раппъ, «одаренный представительною и внушительною наружностью, проницательнымъ взглядомъ и природнымъ краснорѣчіемъ», также сдѣлался сепаратистомъ и очень скоро пріобрѣлъ громадное вліяніе на своихъ однодеревенцевъ и сосѣдей, которое усилилось еще болѣе благодаря гоненіямъ со стороны мѣстной церкви. Число его послѣдователей росло быстро; затѣмъ образовалось община, члены которой стали подъ его руководство. Чтобы избѣгнуть постоянныхъ придирокъ со стороны церкви и осуществить идеалъ истинно христіанской общины, какъ онъ представлялся Раппу, онъ рѣшился вмѣстѣ съ своими приверженцами переселиться въ Америку, гдѣ они увѣрены были въ возможности обезпечить себѣ полную свободу для отправленія своего богослуженія. Въ 1803 г. онъ выполнилъ свой планъ и въ сопровожденіи сына и двухъ учениковъ прибылъ въ томъ же году въ Балтимору. Послѣ долгихъ поисковъ въ Мерилендѣ, Пенсильваніи и Огіо онъ нашелъ, наконецъ, по близости отъ Питсбурга подходящій участокъ необработанной земли около 5.000 акровъ. Между тѣмъ его пріемный сынъ Ф. Рейхертъ-Раппъ,

къ которому перешло руководство общиною въ Вюртембергѣ, сдѣлалъ необходимыя приготовленія для переселенія громадной массы послѣдователей Раппа, такъ что, когда получено было извѣстіе о покупкѣ земли, то 4 іюня 1804 г. одна часть переселенцевъ могла уже высадиться въ Балтиморѣ, а въ сентябрѣ того же года высадилась другая часть въ Филадельфіи. Большинство шестисотъ раппистовъ состояло изъ крестьянъ и ремесленниковъ; всѣ приблизительно обладали одинаковымъ образованіемъ и принадлежали къ одному и тому же соціальному слою; нѣкоторые изъ нихъ вывезли съ собою не малое состояніе, и лишь немногіе были совершенно неимущими. Въ общественномъ договорѣ, заключенномъ 15 февраля 1805 г., Раппу удалось настоять на томъ, чтобы послѣдователи его внесли все свое состояніе, достигавшее суммы въ 20.000 долларовъ, въ общественную кассу. Взносы отдѣльныхъ членовъ были занесены въ книгу, которая въ 1818 г. была сожжена «для установленія большей гармоніи и равенства между старыми и вновь вступившими членами». Такъ возникло гармоническое общество, основанное на полной общности имущества и работы, служившее какъ бы копіей первыхъ христіанскихъ общинъ. Швабской настойчивости въ короткое время удалось превратить дикую мѣстность, которую они нашли, въ цвѣтущую колонію. Въ два первые года пущено было подъ обработку 550 акровъ земли, были выстроены церковь, школа, различныя мастерскія, амбары, лѣсопилка, винокуренный заводъ и вскорѣ послѣ этого устроена была полотняная мануфактура, такъ что община въ состояніи была самостоятельно удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Все руководство работами сосредоточилось въ рукахъ Раппа и его пріемнаго сына Рейхерта, двухъ людей съ громаднымъ организаторскимъ талантомъ.

До 1807 г. гармонисты жили семьями и не придерживались никакихъ исключительныхъ взглядовъ на бракъ и отношенія между полами. Но въ этомъ году община была охвачена глубокимъ религіознымъ движеніемъ и результатомъ его явилось рѣшеніе очень многихъ ея членовъ устроить свою жизнь на началахъ болѣе тѣснаго согласія съ духомъ и ученіемъ Іисуса Христа и прежде всего отказаться отъ жизни въ брачномъ союзѣ Страннымъ образомъ это рѣшеніе отказаться отъ брака исходило отъ молодыхъ членовъ общины и вначалѣ не встрѣчало ни малѣйшей поддержки со стороны Раппа, хотя онъ и не питалъ никакой вражды къ усиленію аскетическаго направленія. Часть болѣе молодыхъ членовъ общины, которымъ безбрачіе ничуть не улыбалось, покинула колонію; оставшіеся же прекратили всякія брачныя отношенія. Никакихъ браковъ въ Гармоніи болѣе не заключалось и дѣтей тамъ больше не рождалось. «Убѣжденные, писалъ одинъ сочленъ въ 1862 г., въ истинности и свя-

тости нашего намѣренія, мы добровольно и единодушно приняли безбрачіе исключительно по религіознымъ мотивамъ, чтобы совершенно избавиться отъ чувствительной любви, что съ помощью божьей, усиленными молитвами и духовною борьбою въ теченіе пятнадцати лѣтъ намъ съ успѣхомъ удалось осуществить". [1]) Всякій контроль надъ отношеніями между обоими полами отвергался, какъ совершенно ненужный, ибо, прибавляли они въ оправданіе этого, отъ людей, за которыми приходится наблюдать, лучше было бы заранѣе совсѣмъ отказаться.

Такъ какъ условія поселенія въ Пенсильваніи представлялись неблагопріятными, то община продала въ 1814 г. свое имущество за 100.000 долларовъ и въ слѣдующемъ году переселились въ Вабашъ-Таль, въ Позэй Каунти, въ Индіанѣ. Тамъ быстро выросъ новый городъ съ большими фабриками и лучшими домами, который вскорѣ развился въ крупный дѣловой центръ довольно обширной территоріи. Здѣсь община, число членовъ которой вслѣдствіе болѣзней изрядно уменьшилось, получила новое подкрѣпленіе въ 130 человѣкъ, прибывшихъ изъ Вюртемберга. Въ 1824 г. они вторично перемѣнили свое мѣстожительство; продали Нью-Гармони съ 20.000 акровъ земли Роберту Овену, который впослѣдствіи произвелъ здѣсь свой соціалистическій колонизаціонный экспериментъ. Община возвратилась назадъ въ Пенсильванію и поселилась въ шестичасовомъ разстояніи отъ своего стараго поселенія, Старой Гармоніи. Новый городъ былъ названъ Экономіей. Въ ближайшіе годы, послѣдовавшіе за этимъ переселеніемъ, община достигла вершины своего расцвѣта. Близость Питсбурга и дешевизна сообщенія съ нимъ водою содѣйствовали развитію промышленности. Возникли хлопчатобумажныя и полотняныя мануфактуры, устроены были мукомольная мельница и лѣсопилка, разведены сады и виноградники и съ большимъ успѣхомъ предпринята была даже культура шелка. Во всѣхъ отношеніяхъ община была образцомъ хозяйства, финансовый успѣхъ котораго былъ очень значителенъ. Но община должна была еще пережить кризисъ, прежде чѣмъ окончательно войти въ тихую пристань. Въ 1831 г. появился въ колоніи авантюристъ Бернардъ Мюллеръ, именовавшій себя графомъ Максимиліаномъ де Леонъ, въ сопровожденіи толпы своихъ приверженцевъ, человѣкъ въ 60, и, заявивъ себя сторонникомъ гармонистовъ въ религіозныхъ дѣлахъ, встрѣтилъ здѣсь радушный пріемъ. Но вскорѣ онъ искуснѣйшимъ образомъ сталъ сплетать свои интриги противъ существующаго положенія дѣлъ въ колоніи; началъ проповѣдывать самыя странныя доктрины, бракъ и безпечное наслажденіе жизнью, и въ общемъ дѣйствовалъ такъ успѣшно,

[1]) *Nordhoff*, The communistic Societies etc., стр. 73.

что привлекъ на свою сторону большое число гармонистовъ. Послѣ долгой борьбы произведено было голосованіе, при которомъ 500 человѣкъ высказалось за «отца Раппа» и 250 за мнимаго графа; послѣ этого состоялось соглашеніе, въ силу котораго община обязалась за отказъ меньшинства отъ всякихъ правъ на общее имущество выплатить ему въ теченіе одного года 105.000 долларовъ. Это произошло въ мартѣ 1832 г. Леонъ съ своими приверженцами покинулъ общину и основалъ въ Филипсбургѣ въ десяти миляхъ отъ Экономіи новую колонію, которая, израсходовавъ крупную сумму, полученную ею отъ гармонистовъ, вскорѣ распалась. Съ тѣхъ поръ никакихъ крупныхъ внутреннихъ раздоровъ не происходило. Въ теченіе десятилѣтія община, не получая больше достаточнаго притока свѣжихъ силъ, значительно уменьшилась въ числѣ своихъ членовъ[1]). Дѣятельная промышленная жизнь эпохи ея расцвѣта исчезла; колонія, представлявшая собою союзъ рабочихъ, крестьянъ и ремесленниковъ, превратилась въ компанію богатыхъ капиталистовъ, владѣвшихъ акціями угольныхъ копей, лѣсопильныхъ заводовъ, нефтяныхъ источниковъ, крупныхъ фабричныхъ предпріятій и жившихъ простою, спокойною и созерцательною жизнью.

Конституція общины, дѣйствовавшая во время всего ея существованія, заключалась въ упомянутомъ уже нами общественномъ договорѣ 1805 г., который только въ 1836 г. подвергнутъ былъ незначительному измѣненію. Согласно этой конституціи, при жизни Раппа, общая собственность, экономическое и религіозное руководство, не стѣсняемое какими бы то ни было ограничительными условіями, находилось въ его рукахъ. Послѣ смерти Раппа оно перешло къ двумъ опекунамъ и семи старѣйшинамъ.

Религіозное ученіе гармонистовъ заключало въ себѣ рядъ пунктовъ, совпадавшихъ съ догматами шэкеровъ. Подобно послѣднимъ, они полагали, что Богъ есть существо дуалистическое и что Адамъ, созданный по образу божію, обладалъ двоякимъ поломъ. Если бы Адамъ удовольствовался своимъ первоначальнымъ состояніемъ, то онъ могъ бы плодиться безъ помощи женщины и заселить землю подобными ему существами[2]). Но такъ какъ онъ этимъ не удовольствовался, то Богъ отдѣлилъ отъ него женскій элементъ. Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, и состояло грѣхопаденіе, и потому они думали, что состояніе безбрачія было особенно пріятно Богу. О Христѣ они думали, что онъ также имѣетъ двойственную природу. Важный пунктъ ихъ ученія составляетъ вѣра въ скорое возвращеніе Христа и предстоящее въ близкомъ будущемъ начало тысячелѣтняго царства, бла-

---

[1]) По *Эли*, l. c., стр. 15, число ихъ въ 1890 г. не превышало 40.

[2]) Ср. *J. Sadeur*, La terre Australe connue, гдѣ эта мысль служитъ основою государственнаго романа.

гословеніе котораго прольется на всѣхъ людей, но послѣ нѣкотораго болѣе или менѣе продолжительнаго ихъ нравственнаго очищенія. Коммунизмъ общины гармонистовъ носитъ исключительно религіозный характеръ; они находятъ его въ проповѣдяхъ Іисуса Христа и какъ на прообразъ ссылаются на первыя общины христіанъ. Объ ихъ образѣ жизни мы можемъ еще замѣтить, что отъ шэкеровъ они здѣсь отличаются лишь тѣмъ, что состоящія изъ 4—8 лицъ обоего пола группы или семьи живутъ особыми домами и ведутъ собственное хозяйство. Единицей общины служитъ группа, тогда какъ у шэкеровъ роль такой единицы играетъ семья изъ 30—90 лицъ. Образъ жизни гармонистовъ, за единственнымъ исключеніемъ безбрачія, совершенно не аскетическій.

IV. Зоаръ.

Какъ и гармонисты Экономіи, обитатели коммунистической общины Зоаръ въ графствѣ Тускаравасъ, въ Огіо, также происходятъ изъ Вюртемберга и также, какъ первые, являются отщепенцами вюртембергской господствующей церкви. Ихъ взгляды были формулированы въ 12 параграфахъ, которые, повидимому, были составлены еще въ Вюртембергѣ и которые должны были служить оправданіемъ ихъ поведенія. Такъ, они отвергали всякіе обряды, которые они считали безполезными и вредными, и указывали на нихъ, какъ на главную причину уничтоженія всякой связи съ господствующею церковью. Всякія отношенія между обоими полами они признавали грѣховными, если они не имѣли цѣлью размноженія рода человѣческаго. Полное безбрачіе лучше брака. Далѣе они отказывались посылать своихъ дѣтей въ школы, гдѣ проповѣдывались принципы, отличные отъ принциповъ, ими признаваемыхъ, и давать своихъ юношей въ солдаты, такъ какъ ни одинъ христіанинъ не долженъ убивать своихъ враговъ. Тѣмъ не менѣе они признавали безусловную необходимость правительства для защиты добрыхъ и честныхъ людей и для наказанія преступниковъ, а также готовы были повиноваться въ подлежащихъ случаяхъ. Отказъ посылать въ школу своихъ дѣтей и давать солдатъ навлекалъ на нихъ особенно сильныя преслѣдованія со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей, которыя старались вернуть заблудшее стадо въ стойло церковнаго и свѣтскаго авторитета, единственнаго обладателя божественной благодати. Послѣ десяти—двѣнадцатилѣтнихъ гоненій сепаратисты получили, наконецъ, разрѣшеніе поселиться въ одной части Вюртемберга, но черезъ нѣсколько лѣтъ были оттуда снова изгнаны. Изъ этого безпомощнаго положенія они не находили иного выхода, кромѣ переселенія въ Америку. Въ этомъ чрез-

вычайно трудномъ по тому времени предпріятіи они встрѣтили поддержку со стороны нѣсколькихъ англійскихъ квакеровъ, пришедшихъ имъ на помощь довольно крупными денежными суммами. Въ августѣ 1817 г. они прибыли въ Филадельфію и, по совѣту своихъ друзей-квакеровъ, купили удобно расположенный участокъ земли въ 5.600 акровъ. Іосифъ Бэумлеръ, котораго они выбрали своимъ вождемъ, съ помощью авангарда подготовилъ зимою переселеніе, состоявшееся слѣдующею весною. Такъ какъ среди переселенцевъ было много очень бѣдныхъ людей, то послѣдніе нашли себя вынужденными наняться на сосѣднія фермы для пріисканія средствъ къ жизни своимъ семьямъ. Поэтому въ то время общинѣ еще не приходила въ голову мысль о коммунистическомъ строѣ. Каждая семья жила изолированно, и купленная земля должна была быть распредѣлена между ними и каждою изъ нихъ оплачена. Но такъ какъ среди нихъ насчитывалось большое число стариковъ и нищихъ, которымъ не удавалось заработать сумму, нужную для уплаты за свой земельный участокъ, то возникла опасность разложенія всего предпріятія, если въ основу его не будетъ положено иныхъ началъ. Это было сознано также и самими руководителями. Въ апрѣлѣ 1819 г. между членами общины состоялось соглашеніе, въ силу котораго общность имущества была признана 225 лицами кореннымъ началомъ основывающейся колоніи. Только на почвѣ общаго владѣнія возможно было объединить вѣрующихъ, которые уже разсѣяли своихъ бѣдняковъ за предѣлами своихъ земельныхъ владѣній. «Мы никогда не смогли бы заплатить за нашу землю, если бы не образовали коммунистической общины», говорили старѣйшіе сепаратисты Нордгофу во время посѣщенія имъ колоніи [1]). Такимъ образомъ, здѣсь общность имущества была введена не по религіознымъ, а по чисто экономическимъ основаніямъ, хотя обусловленная ею совмѣстная жизнь членовъ общины и объяснялась религіозными мотивами. Вначалѣ бракъ у нихъ былъ запрещенъ, и только въ 1828 или 1830 г. этотъ законъ былъ отмѣненъ. Самъ Бэумлеръ, ихъ вождь, не преминулъ вступить въ бракъ. Окончательная конституція колоніи была выработана въ 1832 г. и съ тѣхъ поръ неизмѣнно оставалась въ силѣ.

Конституція дѣлитъ членовъ колоніи на два класса: на новичковъ, которые должны были пройти годичный искусъ, и на полныхъ членовъ. Первые, при вступленіи ихъ въ колонію, не лишались правъ на свою собственность, но зато вносили подъ расписку всѣ принадлежащія имъ деньги въ общину. Они обязываются повиноватся правиламъ, предписаніямъ и распоряженіямъ руководителей, и всѣми своими силами, всѣми

---

[5]) *Nordhoff,* The communistic Societies etc., стр. 101.

своими способностями содѣйствовать благосостоянію общины и отдавать своихъ дѣтей подъ исключительную опеку и надзоръ ея руководителей. Взамѣнъ этого они пользуются отъ общины полнымъ содержаніемъ наравнѣ съ другими членами. По истеченіи года и при отсутствіи всякаго протеста противъ него, новичокъ, послѣ подписанія строго формулированнаго договора, касающагося имущественныхъ отношеній и конституціи, можетъ быть принятъ въ полноправные члены. —Затѣмъ конституція опредѣляетъ способы управленія колоніею. Всѣ чиновники избираются изъ общей массы членовъ, мужчинъ и женщинъ, простымъ большинствомъ голосовъ. Общество ежегодно выбираетъ одного попечителя и одного члена постояннаго комитета, каждые четыре года одного кассира и одного агента, въ случаѣ открытія вакансіи. Три попечителя избираются на три года, при чемъ не запрещаются и переизбранія. Они облечены неограниченнымъ правомъ распоряженія имуществомъ общины, но обязаны обезпечить всѣмъ членамъ общины достаточныя средства къ существованію и во всѣхъ отношеніяхъ охранять интересы общества. Они назначаютъ руководителей различными промыслами и указываютъ каждому его работу. Въ сомнительныхъ случаяхъ они обращаются за разъясненіями къ постоянному комитету, состоящему изъ пяти лицъ. Агентъ служитъ посредникомъ для сношеній между общиною и внѣшнимъ міромъ и заботится о всѣхъ продажахъ и покупкахъ. Въ рукахъ кассира находятся всѣ денежныя суммы общины: попечители и агентъ должны отправлять ему всѣ суммы, поступающія къ нимъ. Кассиръ ведетъ книги и представляетъ ежегодный отчетъ попечителямъ. Этотъ, относительно сложный, административный механизмъ въ годы его примѣненія работалъ, повидимому, довольно удовлетворительно. Во всякомъ случаѣ эта община страдала отъ недобросовѣстности своихъ чиновниковъ столь же мало, какъ и община гармонистовъ.

Интересно прослѣдить, какимъ образомъ эти сепаратисты, вышедшіе исключительно изъ рядовъ рабочаго класса, крестьянъ и ремесленниковъ и такимъ образомъ не затронутые какою-либо теоріею, вынуждены были силою самихъ экономическихъ фактовъ признать общность имущества, а вмѣстѣ съ нею, какъ ея неизбѣжное слѣдствіе, и цѣлый рядъ другихъ учрежденій, которыя у утопическихъ соціалистовъ того времени являются необходимыми составными элементами новаго общественнаго строя. Здѣсь прежде всего выступаетъ вопросъ объ отношеніи между бракомъ и общностью имущества, о чемъ мы еще подробнѣе будемъ говорить въ нашей заключительной главѣ. Вначалѣ сепаратисты относились враждебно ко всякому браку; они, подобно шекерамъ и гармонистамъ, проповѣдывали безбрачіе и только въ 1830 г., вѣроятно, въ интересахъ поддержанія и размноженія колоніи, разрѣшили вступленіе въ бракъ. Но они всегда дер-

жались того взгляда, что, въ концѣ концовъ, брачная семейная жизнь и жизнь въ коммунистической общинѣ несовмѣстимы, и потому они не знали иного выхода изъ этого противорѣчія, какъ проповѣдь безбрачія. Введеніе брака не влекло за собою неизбѣжной гибели общины, но оно скорѣе способно было вызывать въ ней волненія и тревоги, чѣмъ состояніе безбрачія. Съ введеніемъ брака естественно возникаетъ и другой вопросъ—о воспитаніи дѣтей. Вначалѣ былъ принятъ законъ, по которому дѣти до трехъ лѣтъ остаются на попеченіи родителей, а затѣмъ передаются въ большіе дома, отдѣльно для мальчиковъ и дѣвочекъ, и тамъ воспитываются опредѣленными членами общины; такимъ образомъ съ трехлѣтняго возраста дѣти уже совсѣмъ не зависятъ отъ контроля своихъ родителей. Эта система воспитанія оставалась въ силѣ до 1845 г., а затѣмъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, была отмѣнена. Въ настоящее время дѣти живутъ въ домѣ своихъ родителей до 21 года или до вступленія ихъ въ бракъ и посѣщаютъ общинную школу до 15 лѣтъ. Домашнее хозяйство отдѣльныхъ семей ведется совершенно изолированно даже въ томъ случаѣ, когда нѣсколько семействъ живетъ въ одномъ домѣ.

Колонія находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Въ 1890 г. она состояла изъ 400 членовъ; ея имущество оцѣнивалось почти въ шесть милліоновъ марокъ. Съ большимъ успѣхомъ вели бѣдные крестьяне изъ Вюртемберга борьбу за свое существованіе, увѣнчавшуюся побѣдой, и этотъ успѣхъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что у нихъ не было счастья, какъ у гармонистовъ, ни такихъ способныхъ вождей, какъ Раппъ и его сынъ. Зоаръ есть продуктъ коллективныхъ усилій.

V. Общины Аврора и Бетель.

Община Аврора вблизи Портланда (Орегонъ) представляетъ собою колонію, отдѣлившуюся отъ покоящейся на тѣхъ же началахъ общины Бетель (графство Шэлби, Миссури), и обѣ обязаны своимъ происхожденіемъ нѣкоему д-ру Кейлю, который до сихъ поръ стоитъ еще во главѣ ихъ. Кейль, пруссакъ по рожденію, жилъ нѣкоторое время въ Нью-Іоркѣ, затѣмъ въ Питсбургѣ, гдѣ выдавалъ себя за врача, занимался магнетическимъ леченіемъ и называлъ себя обладателемъ чудодѣйственной, написанной человѣческой кровью рецептурной книги. Затѣмъ онъ примкнулъ къ методистамъ, сжегъ свою книгу, снова покинулъ методистовъ и основалъ собственную секту. Ему удалось собрать вокругъ себя нѣсколько нѣмецкихъ крестьянъ, которые почитали его, какъ божественное существо. Когда къ нему присоединилась часть приверженцевъ авантюриста Леона,

которые покинули Экономію, въ религіозно-фанатическомъ мозгу Кейля зародился планъ основанія коммунистической общины. Въ графствѣ Шэлби (Миссури) найдено было подходящее мѣсто для поселенія и здѣсь постепенно выросла колонія Бетель. Вначалѣ куплено было 2.560 акровъ земли, которые мало-по-малу увеличились до 4.000 акровъ. Постепенно были устроены пивоваренный заводъ, мукомольня, лѣсопильный заводъ, бумагопрядильная фабрика и т. п., и вокругъ стараго поселенія образовался маленькій цвѣтущій городокъ. Но безпокойный духъ Кейля толкалъ его къ новымъ экспериментамъ. Въ 1855 г. Кейль направился вмѣстѣ съ 10—12 семьями, въ общемъ составлявшими 80 лицъ, по дорогѣ къ побережью Тихаго океана и въ іюнѣ 1856 г. послѣ нѣкоторой остановки поселился въ бухтѣ Шолуотеръ, въ Аврорѣ (въ Орегонѣ). Усиленная притокомъ новыхъ членовъ извнѣ и изъ колоніи Бетель, новая община постепенно собрала у себя до 400 человѣкъ. Она владѣетъ 18.000 акровъ земли, расположенной участками въ нѣсколькихъ графствахъ, лѣсопильнымъ, кожевеннымъ заводами, кузнечными, портняжными, столярными, сапожными, токарными мастерскими, мукомольней, шерсточесальными машинами, нѣсколькими ткацкими станками, помѣщеніями для сушенія плодовъ, магазиномъ для сосѣднихъ фермеровъ и т. д. Особенно славится община своими обширными плодовыми садами, продукты которыхъ въ свѣжемъ или сушеномъ видѣ сбываются на рынкахъ.

Административное устройство и символъ вѣры общины отличаются чрезвычайной простотою. Ихъ можно резюмировать въ немногихъ словахъ: каждое правительство должно подражать отеческому правительству Бога и потому также должно быть отеческимъ. Общества должны поэтому устраиваться по образцу семействъ и имѣть общіе интересы и общее имущество, т. е. всѣ ихъ члены должны усердно работать ради общаго блага и общихъ нуждъ и получать отъ общины все, что требуется для ихъ жизни. Но общность, распространяющаяся дальше общности владѣнія и труда, не можетъ быть внушена ни религіей, ни гармоніей природы. Поэтому обособленная семейная жизнь должна быть сохранена безусловно. Бракъ и семейное воспитаніе послѣдователями Кейля возведены на степень религіозныхъ обязанностей. Дѣти поэтому живутъ въ семьяхъ и отъ общины получаютъ только свободное школьное образованіе, которое, какъ въ Зоарѣ, не прерывается никакими праздниками.

Система управленія проста, насколько это возможно. Кейль — президентъ и самодержецъ; въ качествѣ совѣтниковъ при немъ состоятъ четыре члена, которыхъ онъ однако самъ выбиралъ. Только въ особо важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло о существованіи и благосостояніи всей общины, къ обсужденію его привлекалась вся община и тогда ничего не предпри-

нималось безъ ея согласія. Съ самаго начала образованія колоніи до 1872 г. все имущество ея было записано на имя Кейля. Въ указанномъ же году все имущество было раздѣлено между семьями и каждому главѣ семьи было выдано свидѣтельство о вводѣ во владѣніе, но эта формальность не ввела ровно никакихъ перемѣнъ въ коммунистическомъ хозяйствѣ. Таково же было положеніе дѣлъ и въ главной колоніи Бетель. И здѣсь первоначально все имущество находилось въ общемъ владѣніи, но уже въ 1847 г., три года спустя послѣ ея основанія, недовольные члены потребовали его раздѣла. Это желаніе было исполнено. Все имущество было раздѣлено, и каждому члену досталась причитающаяся ему доля. Изрядная часть прибыли, накопленной за три года, а также фабрики и мельницы были обращены на содержаніе старцевъ и больныхъ. Недовольные, распродавъ свои доли, удалились; остальные же попрежнему продолжали жить на началахъ общаго владѣнія.

На каждаго члена разсчитываютъ, что онъ будетъ работать для общаго блага; но никакое принужденіе къ работѣ не допускается и продолжительность ея не опредѣлена. Каждая мастерская имѣетъ своего завѣдующаго, «который, повидимому, получаетъ этотъ постъ по естественному под бору». Строго держатся принципа, чтобы никто не занимался постоянно одною и тою же работою. Если, напр., требуется кирпичъ, въ сапожныхъ же мастерскихъ дѣлать нечего, то послѣднія запираются, и всѣ сапожники приступаютъ къ выдѣлкѣ кирпича. Весною и лѣтомъ очень значительная часть населенія занята земледѣліемъ. Съ окончаніемъ осени возвращаются въ городъ; зимою работаютъ на лѣсопильныхъ заводахъ и въ другихъ мастерскихъ и фабрикахъ. Для нуждъ колонистовъ въ городѣ построены обширныя жилища, въ которыхъ живутъ семейные рабочіе. Бываютъ отдѣльные случаи, когда употребляются и наемные рабочіе. Всѣ желающіе быть принятыми въ общество, должны были прежде всего поступить на платную работу, и затѣмъ, если они были довольны и не встрѣчали протеста со стороны членовъ общества, могли быть приняты въ число членовъ. Все состояніе, которымъ владѣетъ вновь принятый, должно быть внесено въ общественную кассу, такъ какъ вступившій въ общину прежде всего долженъ проникнуться убѣжденіемъ, «что всякое накопленіе частной собственности противорѣчитъ божественной заповѣди и естественному закону».

Такъ какъ всѣ работаютъ ради общаго блага, то они и получаютъ все, въ чемъ нуждаются, изъ общественныхъ магазиновъ и ровно столько, сколько необходимо для удовлетворенія ихъ потребностей, само собою разумѣется, разумныхъ потребностей. Поэтому въ общинѣ велись книги только для регистраціи операцій по продажамъ и покупкамъ съ внѣшнимъ

міромъ. Каждая семья живетъ или въ особнякѣ, или занимаетъ нѣсколько комнатъ въ одномъ изъ большихъ общинныхъ домовъ. Она имѣетъ свой садъ, держитъ куръ, выкармливаетъ ежегодно извѣстное число поросятъ, которыхъ община выдаетъ семьѣ по числу ея членовъ. Овощей каждый можетъ брать изъ обширныхъ общинныхъ садовъ и огородовъ столько, сколько требуется. Однако употребленіе денегъ въ общинѣ не окончательно исчезло и, повидимому, какъ это имѣло мѣсто въ старыхъ земледѣльческихъ общинахъ Франціи, членамъ колоніи позволено было владѣть небольшими денежными суммами. По крайней мѣрѣ Нордгофъ сообщаетъ, что многіе, продавая самостоятельно собираемый медъ или лишніе овощи, достаютъ себѣ такимъ образомъ деньги на покупку табаку или нарядовъ для своихъ дочерей.

Религіозная жизнь ограничивается воскресными богослуженіями; вообще духовная жизнь, по словамъ Нордгофа, не играетъ выдающейся роли. Населеніе Авроры, какъ и Бетеля, состоитъ главнымъ образомъ изъ крестьянъ, духовное развитіе которыхъ, само по себѣ не особенно высокое, подъ вліяніемъ же ограниченнаго и враждебнаго высшему образованію фанатика, какимъ былъ Кейль, обрекалось на полный застой. Съ другой стороны, нравственный уровень колоніи долженъ быть признанъ очень высокимъ. Со времени ея учрежденія среди ея членовъ не оказалось ни одного преступника. Ни одинъ судебный процессъ ни между сочленами ея, ни съ окружающими сосѣдями не нарушилъ мирнаго теченія ея жизни. Среди нихъ не было ни слѣпыхъ, ни глухихъ, ни нѣмыхъ, ни какихъ бы то ни было увѣчныхъ. Это несомнѣнное доказательство въ пользу утвержденія соціалистовъ, заявляющихъ, что общество, освобожденное отъ бѣдствій борьбы за существованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной мѣрѣ будетъ свободно какъ отъ преступленій, такъ и отъ физическихъ и душевныхъ болѣзней, которыми необузданное развитіе капитализма такъ щедро надѣляетъ современные культурные народы.

Старшая, но численно меньшая община Бетель владѣетъ почти 4.000 акровъ удобной земли и состоитъ почти изъ 25 семей, включающихъ болѣе 200 членовъ. Она владѣетъ также лѣсопилкой, мукомольней, кожевеннымъ заводомъ, нѣсколькими ткацкими станками и мастерскими — столярной, кузнечной, бондарной, портняжной, сапожной и шапочной — небольшихъ размѣровъ, но достаточно большихъ для того, чтобы снабжать своими произведеніями не только общину, но и сосѣднія фермы. Община состоитъ подъ руководстомъ шести попечителей, избираемыхъ ея членами и сохраняющихъ свои должности до тѣхъ поръ, пока не провинятся въ чемъ-нибудь. Наибольшее число членовъ община имѣла въ 1855 г.; но оно сократилось послѣ переселенія въ Орегонъ 250 изъ 650 членовъ въ

теченіе 1854—1863 гг. Со стороны въ общину вступало очень мало членовъ, и она поддерживалась главнымъ образомъ приростомъ собственнаго населенія. Каждый, желающій покинуть общество, получаетъ извѣстную денежную сумму, въ размѣрѣ, измѣняющемся соотвѣтственно продолжительности пребыванія его въ колоніи. Жизнь въ Бетелѣ та же, что и въ Аврорѣ, такъ какъ учрежденія обѣихъ общинъ почти одинаковы. Характерной чертой этихъ учрежденій является слабость связи, соединяющей ихъ членовъ. Хотя они и могутъ каждую минуту распустить общину и заняться веденіемъ индивидуальнаго хозяйства, тѣмъ не менѣе они уже въ теченіе 50 лѣтъ живутъ общиною. Ихъ религіозная вѣра очень проста; она не носитъ почти никакого слѣда фанатизма и, кажется, еще достаточно сильна, чтобы служить для нихъ общимъ связующимъ звеномъ. Въ своихъ брачныхъ обычаяхъ, въ воспитаніи дѣтей они нисколько не отклоняются отъ нравовъ своихъ сосѣдей; ихъ образъ жизни также сходенъ съ обыкновеннымъ режимомъ буржуазной семьи, и тѣмъ не менѣе они остались вѣрны коммунистическому производству. Въ настоящее время, повидимому, болѣе, чѣмъ что-либо другое, ихъ объединяетъ упорная сила привычки, ибо мы не ошибемся, если припишемъ основаніе колоніи ранѣе существовавшему религіозному фанатизму, который съ теченіемъ времени улетучился.

VI. Амана.

Истинно вдохновенныя общины, какъ онѣ сами себя называютъ, образуютъ коммунистическую общину въ Іовѣ. Въ 1880 г. онѣ насчитывали 1633 (по Эли—въ 1890 г.—около 1.800) членовъ и владѣли почти 25.000 акровъ земли. Основа ихъ организаціи—религіозная. Члены ихъ—піетисты и вѣрятъ, что Богъ отъ времени до времени вдохновляетъ (инспирируетъ) опредѣленныхъ лицъ, отсюда—ихъ имя «инспираціонисты». Эта секта происходитъ изъ Германіи и именно изъ южной Германіи, гдѣ зародыши ея восходятъ къ началу XVIII вѣка. Исторію ихъ въ XVIII вѣкѣ мы можемъ обойти. Вдохновеніе началось въ 1816 г.; отъ времени до времени оно, по ихъ мнѣнію, умирало, затѣмъ снова пробуждалось къ жизни и поочередно обрѣтало себя соотвѣтствующее вмѣстилище въ Михаилѣ Крейзертѣ изъ Страсбурга, въ Филиппѣ Мэршелѣ, въ Христіанѣ Метцѣ и, наконецъ, въ 1818 г., въ Варварѣ Гейнеманъ, «бѣдной и совершенно безграмотной эльзасской служанкѣ». Общины были разсѣяны по всей Германіи, и общая связь между ними поддерживалась этими вдохновенными лицами, которыя, проповѣдуя и увѣщевая, переходили изъ

одной общины въ другую. Подъ предводительствомъ Христіана Метца и нѣкоторыхъ другихъ удалось въ промежутокъ времени между 1825 и 1839 г. собрать большое число вѣрующихъ въ Арменбургѣ, гдѣ они работали въ мануфактурныхъ предпріятіяхъ. Но отказъ ихъ отъ присяги и отъ посылки своихъ дѣтей въ школы, руководимыя духовенствомъ господствующей церкви, навлекло на нихъ гоненія со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей. Въ 1842 г. Христіанъ Метцъ получилъ, наконецъ, откровеніе собрать всѣхъ вѣрующихъ и увести ихъ далеко отъ родины и отъ преслѣдованій. Такимъ образомъ, въ сентябрѣ 1842 г. онъ вмѣстѣ съ четырьмя товарищами отплылъ въ Америку и направилъ свой путь въ Балтимору; здѣсь онъ купилъ 5.000 акровъ земли, къ которымъ позднѣе прибавлено было почти еще столько же. Въ томъ же году переселилось 350 вѣрующихъ, а въ 1844—217. Въ слѣдующіе годы число ихъ продолжало расти, такъ что въ концѣ концовъ въ различныхъ поселкахъ оказалось болѣе 1.000 переселенцевъ. Въ Германіи инспираціонисты совершенно не были коммунистами и послѣ своего переселенія вначалѣ также не имѣли намѣренія вводить общность имущества. Но на новыхъ мѣстахъ ихъ побудили мотивы экономическаго характера. Среди поселенцевъ оказалось большое число ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ, которые совершенно не привыкли къ крестьянской жизни и не имѣли къ ней никакой склонности. Для предупрежденія раскола колонія нашла себя вынужденной устроить фабрики и мастерскія для своихъ промышленныхъ рабочихъ, и такъ какъ главари колоніи признали, что этого нельзя достигнуть безъ общности имуществъ, то они и объявили вѣрующимъ о полученномъ ими путемъ вдохновенія приказѣ внести все свое состояніе въ общественную кассу и устроить свою жизнь на началахъ общности имуществъ. Въ 1854 г. колоніи данъ былъ такой же вдохновенный приказъ отправиться на западъ. Своей будущей родиной она избрала Іову, благодаря дешевизнѣ земли, и выслала туда въ 1855 г. передовой отрядъ для покупки земли и для подготовленія пріема переселенцевъ. То обстоятельство, что колонія могла вблизи Буфало безубыточно продать свое имущество, служитъ доказательствомъ ея дѣловитости. Переселеніе изъ Эбенъ-Эзера въ Аману потребовало цѣлыхъ десять лѣтъ. Въ 1859 г. поселенцы превратили свою колонію въ зарегистрированную закономъ корпорацію, главная цѣль которой, какъ было указано въ регистраціонной записи, состояла въ содѣйствіи духовному и матеріальному благосостоянію и счастью своихъ членовъ. Законодательный отдѣлъ общины состоялъ изъ тринадцати попечителей, ежегодно избираемыхъ; исполнительный отдѣлъ—изъ

директора, вице-директора и секретаря, назначаемыхъ попечителями изъ своей собственной среды на одинъ годъ [1]).

Существующая колонія инспираціонистовъ въ Амана состоитъ изъ семи деревень, при основаніи которыхъ было принято во вниманіе качество почвы, удобной для земледѣльческой культуры. Краткаго описанія этихъ деревень и промысловъ, которыми онѣ занимаются, будетъ достаточно, чтобы дать нѣкоторое представленіе о цвѣтущемъ состояніи колоніи.

Восточная Амана: населеніе состоитъ изъ 120 жителей [2]). Портняжныя и столярныя мастерскія; крупное овцеводство.

Амана: старѣйшая и самая большая деревня; 550 жителей; обширный магазинъ, отель, школа, помѣщеніе для собраній, большое число каменныхъ домовъ для жилья. Обширная шерстяная мануфактура, помѣщающаяся въ массивномъ фабричномъ зданіи, снабженномъ всѣми усовершенствованіями современной техники, и доставляющая лучшіе, шерстяные товары. Ежегодно употребляетъ 150.000 фунтовъ шерсти. Ситцевыя фабрики выкрашиваютъ и печатаютъ ежедневно 800—1.000 ярдовъ. Кромѣ того въ Амана имѣется громадная мельница, кирпичный, мыловаренный, лѣсопильный заводы, механическая, портняжная и другія мастерскія. Амана находится подъ руководствомъ шестнадцати старѣйшинъ.

Средняя Амана: 380 жителей; имѣетъ большую хлопчатобумажную мануфактуру, крахмальный заводъ, механическія и кузнечныя мастерскія магазинъ, типографію и помѣщеніе для собраній.

Верхняя Амана: 730 жителей; имѣетъ лавку, лѣсопильный заводъ, механическія, кузнечныя мастерскія и другія промышленныя заведенія.

Западная Амана: 170 жителей; имѣетъ магазинъ и мельницу.

Южная Амана: населеніе состоитъ изъ 200 жителей; имѣетъ желѣзнодорожную станцію и почтовую контору, хлѣбный элеваторъ, складъ, лѣсопилку, отель, кузнечную мастерскую и т. д. Здѣсь происходитъ нагрузка хлѣба и скота.

Гомстэдъ: 210 жителей; имѣетъ отель, почтовую станцію, хлѣбный элеваторъ, домъ для собраній, школьное зданіе, дровяной дворъ и обширный товарный складъ.

Кромѣ названныхъ промысловъ, во всѣхъ деревняхъ конечно занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Въ 1880 г. у нихъ насчитывалось: крупнаго рогатаго скота 1.256 головъ, лошадей 206, овецъ 3.190, свиней 1.088. Денежныхъ капиталовъ вложено было въ промышленность 85.000 дол.; то-

---

[1]) Ср. „Articles of Incorporation" въ „History of Jowa County", 1881, стр. 767.

[2]) Цифры указаны по переписи 1880 г.; у Нордгофа данныя болѣе устарѣвшія.

*

варный складъ—цѣнностью въ 35.000 долларовъ. Движимая собственность колоніи оцѣнивалась въ 1880 г. въ 214.000 долларовъ; земли и строенія оцѣнивались въ 215.000 долларовъ.

Деревни состоятъ большей частью изъ длинной главной улицы, по обѣимъ сторонамъ которой расположены дома, предназначенные для отдѣльныхъ семействъ; амбары же, фабрики, мельницы расположены въ сторонѣ отъ жилыхъ домовъ. Всѣ дома—капитальной постройки; при каждомъ изъ нихъ довольно большой садъ. Въ различныхъ мѣстахъ въ ряду жилыхъ домовъ находятся помѣщенія большаго размѣра, предназначенныя для общей кухни и общей трапезы. Такихъ столовыхъ въ Амана имѣется 15; они обслуживаются молодыми женщинами и дѣвушками подъ надзоромъ матерей семействъ. Во время ѣды мужчины, женщины и дѣти сидятъ за отдѣльными столами. Тѣмъ, которые не могутъ являться въ общую столовую по болѣзни или вслѣдствіе заботъ о маленькихъ дѣтяхъ, ѣда приносится на домъ. Ѣда приготовляется въ обильномъ количествѣ и вкусно. Кромѣ трехъ главныхъ трапезъ, установлены еще второй завтракъ и полдникъ.

Общее завѣдываніе колоніей сосредоточено въ рукахъ 13 попечителей; спеціальное же завѣдываніе дѣлами отдѣльныхъ деревень—въ рукахъ старѣйшинъ и представителей. Каждая деревня имѣетъ свои собственныя счетныя книги и самостоятельно ведетъ свои дѣла. Но въ концѣ года всѣ отчеты посылаются въ Амана, гдѣ они провѣряются попечителями, которые затѣмъ подводятъ балансъ и учитываютъ прибыли и убытки отдѣльныхъ деревень, а потомъ и всей колоніи. Старѣйшины составляютъ многочисленную корпорацію, въ которую выбираются по вдохновенію благочестивѣйшіе члены общины независимо отъ возраста. Четверо или пятеро изъ нихъ образуютъ родъ совѣта, собирающагося каждое утро, принимающаго доклады отъ представителей и постановляющаго практическія рѣшенія по текущимъ дѣламъ. Представители, назначаемые попечителями, собираются каждый вечеръ и устанавливаютъ порядокъ работъ для слѣдующаго дня. Женщины не принимаютъ никакого участія въ завѣдываніи дѣлами.

Для снабженія платьемъ и другими предметами первой необходимости введена простая система счетоводства. На каждаго члена общины назначается опредѣленная денежная сумма—на мужчинъ 40—100 долларовъ, смотря по ихъ работѣ, на женщинъ по 25—30 долларовъ и на каждаго ребенка 5—10 долларовъ; эта сумма записывается на текущій счетъ каждаго. Всѣ забираемые товары, которые могутъ покупаться исключительно въ магазинахъ колоніи, записываются въ счетъ даннаго члена общины; полученная экономія приписывается къ его текущему счету слѣду-

ющаго года; экономія можетъ быть подарена членомъ, если онъ пожелаетъ это сдѣлать.

Колонисты чрезвычайно осторожны въ пріемѣ новыхъ членовъ, такъ какъ временами ихъ прямо заваливаютъ просьбами о принятіи въ члены общины. Какъ община религіознаго характера, она ставитъ пріемъ новыхъ членовъ въ зависимость отъ ихъ религіозныхъ вѣрованій. Большинство ихъ новыхъ сочленовъ прибываетъ изъ Германіи, но раньше, чѣмъ принять ихъ въ свою среду, подробно знакомятся съ мотивами ихъ вступленія въ колонію, съ ихъ религіозными взглядами и т. д. и путемъ вдохновенія знакомятся также съ ихъ личностью и характеромъ. Неофитъ долженъ обыкновенно пройти черезъ двухгодичный искусъ и подписать контрактъ, которымъ онъ обязывается добросовѣстно работать, подчиняться правиламъ, установленнымъ въ общинѣ, и не требовать никакого вознагражденія за свой трудъ. Если по истеченіи двухгодичнаго искуса поведеніе его оказалось безупречнымъ, онъ принимается въ полноправные члены общины, вноситъ все свое состояніе въ ея кассу и подписываетъ конституцію.

У инспираціонистовъ бракъ также не пользуется никакимъ уваженіемъ, хотя и не запрещается; большинство колонистовъ—люди семейные. Раздѣленіе между полами проведено со всею строгостью. Во время общей трапезы, при религіозныхъ церемоніяхъ, въ школѣ—лица каждаго пола занимаютъ особыя мѣста и обыкновенно такъ, что женщины сидятъ впереди мужчинъ. Это раздѣленіе половъ идетъ такъ далеко, что мальчикамъ и дѣвочкамъ не позволяютъ даже совмѣстныхъ игръ; юноши и дѣвицы во время прогулокъ должны избирать различныя направленія, чтобы не встрѣчаться другъ съ другомъ; само собою разумѣется, что во время работы мужчины и женщины также отдѣлены другъ отъ друга. Если поэтому какая-нибудь молодая парочка, которая все-таки найдетъ для себя всегда какой-нибудь выходъ для встрѣчи, слюбится и заявитъ о своей любви всенародно, чтобы вступить въ бракъ, то оба любовника въ силу этого акта сразу низводятся съ вершины своего религіознаго благочестія, на которой они, можетъ быть, до тѣхъ поръ стояли, до уровня дѣтей, степень благочестія которыхъ признается совершенно ничтожной. Вѣрующіе по степени своего религіознаго благочестія и глубинѣ своей духовности дѣлятся на три класса, и вступленіе въ бракъ низводитъ даже члена перваго класса до самаго низшаго класса, класса дѣтей. Положеніе женщины у нихъ, конечно не можетъ быть особенно высоко. «Бѣги отъ общества женщинъ возможно дальше, какъ отъ очень опаснаго магнита и волшебнаго огня», гласитъ одно изъ 21-го «правила для повседневной жизни».

Дѣти отъ шести до тринадцати лѣтъ посѣщаютъ школу; однако тамъ они не раздѣлены по поламъ. Школьныя занятія начинаются съ семи часовъ и продолжаются до $9^1/_2$; отъ $9^1/_2$ ч. до 11 ручной трудъ для мальчиковъ и дѣвочекъ; отъ часу до 3-хъ ч. снова занятія предметами и отъ $3^1/_2$ до 5 ч. вязаніе или шитье. Образованіе—крайне элементарно; библія и катехизисъ занимаютъ въ немъ преобладающее мѣсто. Въ колоніи 7 школъ, въ которыхъ 12 учителей заняты безпрерывнымъ (праздниковъ нѣтъ) обученіемъ дѣтей. Средняя цифра ежемѣсячнаго вознагражденія учителей 20 долларовъ. Число учениковъ по спискамъ 427, средняя цифра ежедневныхъ школьныхъ посѣщеній 343. Стоимость школьныхъ зданій опредѣляется въ 7.100 долларовъ.

Религіозная жизнь въ колоніи очень дѣятельная, и члены ея посвящаютъ значительную часть времени своимъ религіознымъ обязанностямъ.

VII. Община Bichop-Hill.

Основатели этой общины—также крестьяне, отдѣлившіеся сначала вслѣдствіе своихъ вѣрованій отъ господствующей церкви и затѣмъ, подъ давленіемъ преслѣдованій, вынужденные эмигрировать. Но въ этомъ случаѣ родиной ихъ была не Германія, а Швеція. Эта піетистская секта возникла въ Швеціи около 1830 года; въ 1843 г. главнымъ ихъ проповѣдникомъ былъ Эрикъ Янсонъ, человѣкъ огромной энергіи, объявившій обязанностью вѣрующихъ вести кроткую и благочестивую жизнь по образцу первыхъ христіанскихъ общинъ въ полномъ равенствѣ, соединенномъ съ общностью имуществъ. Нежеланіе вѣрующихъ посѣщать церковь и ихъ проповѣдь общности имущества обратило на нихъ вниманіе правительства, которое начало запрещать ихъ собранія и карать ихъ денежными штрафами и тюремнымъ заключеніемъ. Благодаря этимъ преслѣдованіямъ, сепаратисты рѣшили переселиться. Въ 1845 г. они послали одного изъ своихъ сочленовъ, Олафа Ольсона, въ Америку, который нашелъ въ Иллинойсѣ благопріятную почву. Послѣ этого въ 1846 г. выселилась часть общины и прибыла въ октябрѣ того же года въ Bichop-Hill. Затѣмъ послѣдовали другіе, и въ 1848 г. колонія состояла уже почти изъ 800 членовъ. Такъ какъ большую часть своихъ средствъ они истратили въ дорогѣ, то въ теченіе перваго года они могли купить лишь 40 акровъ земли и провели первые 18 мѣсяцевъ своей колоніальной жизни въ крайней бѣдности. Церковью въ это время служила имъ палатка изъ холста; они обрабатывали поля сосѣднихъ фермеровъ за издѣльную плату и тѣмъ добывали себѣ средства къ жизни. Лихорадка и разныя болѣзни еще болѣе увели-

чивали ихъ бѣдствія. Около 1848 г. они пріобрѣли 200 акровъ земли, но сдѣлали долгъ въ 1.400 долларовъ; въ слѣдующемъ году они построили длинное массивное зданіе, служившее имъ кухнею и столовою. Между тѣмъ Олафъ Янсовъ, братъ ихъ вождя, возвратился въ Швецію, чтобы взыскать денежныя суммы, принадлежащія членамъ колоніи и находившіяся въ долгахъ, и вернулся обратно съ нѣсколькими тысячами долларовъ, съ помощью которыхъ оказалось возможнымъ прикупить еще земли. Три года спустя, община получила корпоративное свидѣтельство, въ силу котораго ей разрѣшено было переписать землю на имя попечителей и пользоваться правами юридическаго лица, тогда какъ до этого времени все имущество было записано на имя нѣсколькихъ членовъ. Колонія развивалась очень медленно. Контрактъ, заключенный ими по возведенію насыпи для постройки желѣзной дороги, доставилъ имъ значительный денежный заработокъ, который они употребили на покупку машинъ и другія усовершенствованія. Постепенно стали возникать городскіе дома, отель, обширная столовая съ примыкающими къ ней пекарней и кухней. Въ 1859 г. община достигла кульминаціоннаго пункта своего развитія. Она владѣла 10.000 акровъ земли, прекрасно огороженной и превосходно обработанной. Продажею сосѣднимъ фермерамъ товаровъ, произведенныхъ на своихъ фабрикахъ, она добывали немалыя суммы. Скотъ ея славился во всемъ графствѣ.

Семьи жили раздѣльно, но пищу принимали всѣ вмѣстѣ. Организація ихъ была, повидимому, чрезвычайно свободной. Президента они не имѣли, и завѣдываніе всѣми дѣлами находилось въ рукахъ попечителей, которые въ неопредѣленные сроки сообщали свои отчеты о состояніи общины. Ихъ религіозная жизнь была весьма проста и скорѣе приближалась въ этомъ отношеніи къ общинамъ Аврора и Бетель, нежели къ тому сложному религіозному культу, который мы находимъ у шэкеровъ и у инспираціонистовъ въ Амана. По воскресеньямъ дважды совершались богослуженія и при хорошей погодѣ во всѣ остальные дни недѣли устраивались собранія. Они были противниками всякихъ свѣтскихъ удовольствій, которыя считали несовмѣстимыми съ истинно-религіознымъ образомъ жизни.

Вслѣдствіе всего этого около 1859 г. среди молодыхъ людей, выросшихъ въ общинѣ, обнаружился духъ недовольства. Они страдали неудовлетворенностью, находили жизнь въ общинѣ скучною и безсодержательною, не питали никакого интереса къ религіознымъ взглядамъ стариковъ и готовы были покинуть общину. Тутъ-то недостатокъ организаціи и оказалъ свое роковое дѣйствіе. Сильной и энергичной администраціи удалось бы исключить недовольныхъ или устранить самыя причины недовольства. Но организаціи общины именно и недоставало такой силы. Молодежи удалось

привлечь на свою сторону нѣсколько зрѣлыхъ членовъ колоніи, и въ ней такимъ образомъ образовались двѣ партіи. Послѣ долгихъ переговоровъ весною 1860 г. рѣшили совершить раздѣлъ имущества. Партія Ольсона, включавшая $^2/_3$ всего числа членовъ, настаивала на продолженіи общинной жизни, тогда какъ партія Янсона желала выдѣленія своей доли. Цѣлый годъ еще прожили обѣ партіи совмѣстно въ Bichop-Hill; за это время партія Ольсона распалась на три фракціи. Въ 1862 г. все имущество было, наконецъ, раздѣлено, и община прекратила свое существованіе. Но среди попечителей прежнихъ лѣтъ нашлась умная голова, которой удалось въ очень короткое время обременить колонію громаднымъ долгомъ въ 100.000 долларовъ. Поэтому при ликвидаціи колоніи въ интересахъ вѣрующихъ была учреждена должность общественнаго администратора. Часть имущества была выдѣлена на покрытіе долговъ, остальное же было раздѣлено на равныя доли. Но такъ какъ первая часть оказалась недостаточной, то на ферму каждаго члена общины была наложена часть долга. Вслѣдствіе дурного управленія и неплатежа процентовъ долгъ этотъ съ самаго начала дезорганизаціи колоніи возросъ и еще 13 лѣтъ спустя послѣ окончательнаго раздѣла всплывалъ еще цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ противъ колоніи и ея попечителей. Нордгардъ нашелъ колонію Bichop-Hill въ состояніи полнаго упадка. Большая часть домовъ была еще заселена, но болѣе обширныя зданія быстро разрушались, такъ какъ никто объ ихъ ремонтѣ не заботился. Большая часть прежнихъ общинниковъ жила на своихъ маленькихъ фермахъ, довольная своимъ положеніемъ.

Въ концѣ концовъ эта колонія служитъ показателемъ того, что можетъ быть достигнуто коммунистической организаціей, и того значенія, какое можетъ имѣть для коммунистическихъ общинъ организація съ центральною властью.

VIII. Заключеніе.

Нашъ краткій очеркъ показалъ намъ, что, за единственнымъ исключеніемъ общины Bichop-Hill, успѣхъ всѣхъ этихъ коммунистическихъ колоній былъ значителенъ; что ихъ успѣхъ окажется еще болѣе крупнымъ, если мы сравнимъ его съ жалкою неудачею, постигшею Оуэна и фурьеристовъ въ ихъ соціальныхъ экспериментахъ, предпринятыхъ ими съ большими денежными суммами и при содѣйствіи лицъ съ болѣе высокимъ уровнемъ интеллектуальнаго развитія. Ближайшее изслѣдованіе причинъ этого успѣха приводитъ насъ къ констатированію трехъ слѣдующихъ его условій: особенное и одинаковое соціальное положеніе лицъ, вошедшихъ въ составъ общины (ремесленники, крестьяне); далѣе, болѣе или менѣе сильно выра-

женное дѣйствіе религіознаго фактора и, наконецъ, такое же дѣйствіе фактора, враждебнаго институту семьи.

Для успѣха всѣхъ этихъ колоній требуется большой запасъ *энтузіазма*, который по самому характеру соціальнаго положенія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ рекрутируются колоніи, можетъ проявиться лишь въ религіозной формѣ. Недаромъ, поэтому, религіозное вдохновеніе играетъ во многихъ колоніяхъ такую крупную роль. Непобѣдимая вѣра въ библію, истолковываемую вдохновеннымъ медіумомъ, являющимся часто главою колоніи, во многихъ общинахъ служитъ базисомъ всего ихъ существованія. Духъ (spirit) руководитъ обществомъ въ его духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, и члены его,—разсказываютъ инспираціонисты Амана,—никогда не обманывались, если ради собственнаго же блага слѣдовали его совѣтамъ. Ноесъ мѣтко называетъ это особое религіозное настроеніе словомъ «afflatus» и справедливо утверждаетъ, что ни одна изъ упомянутыхъ нами общинъ не была чужда этого afflatus. Личное руководительство при этомъ имѣло, конечно, громаднѣйшее значеніе, ибо религіозный afflatus требовалъ опредѣленныхъ конкретныхъ медіумовъ. Съ другой стороны, тотъ же afflatus долженъ быть во всей общинѣ преобладающимъ, постояннымъ и безпрерывно дѣйствующимъ элементомъ. Такъ какъ вождь, какъ всякій человѣкъ, смертенъ, то въ тѣхъ случаяхъ, когда его личность играетъ рѣшающую роль, возникаетъ опасность, что съ его смертью исчезнетъ afflatus, а вмѣстѣ съ нимъ распадется и вся колонія. Доказательствомъ этому служитъ, напр., колонія Зоаръ, гдѣ новое поколѣніе было чуждо тому религіозному рвенію, которымъ отличалось старое поколѣніе, и гдѣ религіозный afflatus все болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было проявленіе эгоистическихъ мотивовъ, свѣтскихъ наклонностей и т. д., которые, конечно, подкапывали колонію въ самомъ ея основаніи. Такимъ образомъ, религія была истинной причиной солидарности и единенія членовъ колоніи, не какъ ученіе со спеціально ему свойственной и разработанной догматикой, но какъ непосредственно апеллирующій къ чувству afflatus, сохраненіе котораго являлось основною задачею общины. Afflatus, какъ мы видѣли, долженъ быть достаточно силенъ, чтобы стать выше всякаго личнаго вліянія вождя-медіума, чтобы, въ случаѣ его смерти, ему можно было безъ затрудненія найти замѣстителя; вмѣстѣ съ тѣмъ—и это составляетъ другое столь же важное условіе жизнеспособности общины—afflatus долженъ быть достаточно силенъ, чтобы возобладать надъ семейственнымъ началомъ и сдѣлать коммунизмъ центромъ домашней обстановки.

Разложеніе моногамическаго брака въ большей или меньшей степени мы наблюдаемъ, какъ характерную черту всѣхъ религіозныхъ колоній, что са-

мымъ очевиднымъ образомъ показываетъ слѣдующій обзоръ брачныхъ отношеній въ различныхъ общинахъ:

1. Колонисты Евфрата жили въ самомъ строгомъ безбрачіи.
2. Рапписты жили въ безбрачіи съ 1807 г.
3. Зоариты сначала жили въ безбрачіи; затѣмъ въ интересахъ самосохраненія колонистамъ разрѣшено было вступать въ бракъ. Однако они признавали, что институтъ брака и коммунизмъ исключаютъ другъ друга.
4. Сноубергеры жили въ самомъ строгомъ безбрачіи.
5. Инспираціонисты Амана разрѣшали бракъ, но брачное состояніе было не въ почетѣ, и общеніе между обоими полами ограничивалось до крайней степени. По словамъ Ноеса, въ теченіе нѣкотораго времени они были практическими мальтузіанцами; когда они эмигрировали изъ Германіи, они рѣшили, что въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ приростъ дѣтей не долженъ имѣть мѣста.
6. Члены общины Bichop-Hill полагали, что безбрачная жизнь болѣе соотвѣтствуетъ развитію внутренней сущности человѣка, но бракъ у нихъ не былъ воспрещенъ.

Во всѣхъ общинахъ, за исключеніемъ Авроры и Бетеля, мы должны констатировать несомнѣнно враждебное отношеніе къ браку и открытое признаніе того положенія, что бракъ, представляющійся имъ только въ формѣ моногамическаго союза, и коммунизмъ, принимаемый ими, какъ неизбѣжное условіе христіанскаго братскаго равенства, дѣйствительно исключаютъ другъ друга. Изъ этой дилеммы они не знали иного исхода, кромѣ полнаго отказа отъ брака на ряду съ отрицаніемъ половыхъ и съ крайнимъ ограниченіемъ товарищескихъ отношеній между обоими полами; или же, какъ это имѣло мѣсто въ общинахъ Зоаръ и Амана, терпимаго отношенія къ браку въ цѣляхъ размноженія, съ подчиненіемъ его коммунистическому принципу. Самыми удачными изъ коммунистическихъ колоній были колоніи шэкеровъ и рапппстовъ, и такъ какъ именно тѣ и другія безусловно отрицали бракъ, то съ извѣстнымъ основаніемъ можно утверждать, что между успѣхомъ коммунистической общины такого рода и отрицаніемъ семьи существуетъ прямая связь. Процвѣтаніе такой колоніи идетъ рука объ руку съ строгимъ контролемъ общины надъ отношеніями между полами. Это однако не значитъ, что рѣшеніе проблемы, принятое шэкерами въ смыслѣ подчиненія семейнаго начала началу коммунистическому, является единственно возможнымъ и единственно правильнымъ для этихъ колоній. Колонія Онейда, напр., которая отнеслась къ вопросу съ научною серьезностью и съ большимъ успѣхомъ осуществляла на практикѣ найденное ею научное рѣшеніе, утверждала, что контроль надъ отношеніями

между полами у нея идетъ гораздо дальше, чѣмъ у шэкеровъ, такъ какъ она обращала чувства и страсти, возникающія изъ инстинкта размноженія, на службу коммунизму, вмѣсто того, чтобы отрицаніемъ первыхъ создавать конфликтъ между ними и послѣднимъ [1]).

Многочисленными опытами религіозныя общины вполнѣ доказали возможность, безъ излишняго обремененія трудомъ, не только легко добыть себѣ средства къ существованію, но и скопить богатство, хотя относительно своихъ собственныхъ членовъ они и не могли указать на большое число примѣровъ подобнаго рода успѣха. Евфрата Бейселя уже въ 1858 г. сократилась съ нѣсколькихъ сотенъ до 12—15 членовъ; рапписты насчитывали въ лучшія времена 800—1.000 членовъ, изъ которыхъ осталось только 40 стариковъ. Только шэкеры—объ общинѣ Амана мы здѣсь не говоримъ—сумѣли достаточно упрочиться, хотя и у нихъ уже давно не можетъ быть и рѣчи о ростѣ населенія. Для полнаго успѣха колоніи необходимо не только ея самосохраненіе, но и самовозрастаніе, которое при аскетизмѣ въ области половыхъ отношеній, конечно, немыслимо. Принятіе въ свою среду постороннихъ дѣтей—коррективъ довольно слабый и ненадежный. Идеалъ коммунистической колоніи—«стать совершенной фабрикой для размноженія человѣческихъ существъ»—никогда не былъ достигнутъ ни одною изъ религіозныхъ общинъ; но въ интересахъ справедливости слѣдуетъ добавить, что ни одна община и не стремилась къ его достиженію.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ пунктѣ, который заслуживаетъ нашего вниманія въ такой же мѣрѣ, какъ и упомянутые уже нами два фактора—религіозный afflatus и отрицаніе семьи, и имѣетъ не меньшее, нежели они значеніе; это - сходство членовъ общинъ со стороны ихъ умственнаго развитія, соціальнаго положенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и происхожденія и принадлежности ихъ къ трудящимся классамъ. Крестьяне и ремесленники были тѣми двумя классами, изъ которыхъ рекрутировались секты. Большая ихъ часть происходила изъ деревень и мелкихъ городовъ южной Германіи, гдѣ противоположность между обоими классами не получила еще своей современной рѣзко выраженной формы. Всѣ ихъ члены привыкли къ физическому труду, вели крайне скромный образъ жизни, были большей частью бѣдны и имѣли крайне ограниченный и узкій умственный кругозоръ. Жизнь въ коммунистической общинѣ подняла ихъ въ дѣйствительности на ступень болѣе высокую, чѣмъ та, на которой они до тѣхъ поръ стояли. Дома, въ которыхъ они жили, были лучше и гигіеничнѣе; пи-

[1]) По вопросу о „stirpiculture“ колоніи Онейда, которая, впрочемъ съ 1881 г. перестала существовать, какъ коммунистическая община, мы должны сослаться на сочиненія ея основателя Д. Г. Ноеса.

таніе ихъ стало вкуснѣе и обильнѣе; постоянное общеніе съ товарищами и участіе въ веденіи и управленіи дѣлами колоніи сильно расширило ихъ кругозоръ; разнообразіе ихъ занятій, обусловленное общиною кооперацією, развило ихъ способности; словомъ, сектанты, объединившись въ свои коммунистическія общины, не только ничего не потеряли, но многое выиграли во всѣхъ отношеніяхъ. Безъ сомнѣнія, національное сходство и обусловленное имъ сходство жизненныхъ привычекъ и взглядовъ, съ своей стороны, содѣйствовали гармоническому сотрудничеству членовъ въ отдѣльныхъ общинахъ. Община Bichop-Hill состояла изъ шведовъ, община шэкеровъ—вначалѣ изъ англичанъ, затѣмъ изъ однихъ американцевъ; Амана и другія общины—изъ выходцевъ изъ южной Германіи; всѣ они уже достаточно были спаяны преслѣдованіями на своей родинѣ. Интересенъ при этомъ тотъ фактъ, что основатели большинства коммунистическихъ общинъ—нѣмцы. Заслуживаетъ упоминанія относящееся сюда замѣчаніе Нордгофа: «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что преимущества коммунистическихъ общинъ, а именно—обезпеченіе семьямъ ихъ содержанія, обильное питаніе, независимое отъ хозяина положеніе нѣмцамъ дороже, чѣмъ какой бы то ни было другой націи, и потому они дѣйствуютъ солидарнѣе въ своихъ коммунистическихъ экспериментахъ. Въ Амана и въ другихъ нѣмецкихъ коммунистическихъ общинахъ я могъ констатировать удовлетвореніе членовъ своею жизнью, гордое сознаніе равенства, обезпечиваемаго коммунистической системой, и извѣстную преданность индивидуума общему благу—все это черты, которыя въ членахъ общинъ другихъ націй далеко не проявляются съ такою ясностью, какъ у нѣмцевъ»[1]). Дѣйствительно ли нѣмецкій характеръ болѣе сроденъ коммунизму—этотъ вопросъ мы оставляемъ открытымъ.

Въ 1874 г.—новѣйшихъ данныхъ у меня, къ сожалѣнію, подъ рукою не было—въ коммунистическихъ общинахъ жило около 5.000 человѣкъ; эти общины были разсѣяны по 13 штатамъ, владѣли почти 180.000 акровъ земли и капиталомъ въ 12 мильоновъ долларовъ—таковъ ихъ денежный успѣхъ. Вся масса этого богатства была добыта честною работою трудолюбивыхъ рукъ, причемъ сами рабочіе были чужды стремленія къ скопленію богатствъ. Мало того, этого успѣха они достигли, не отказываясь ни отъ какихъ удобствъ жизни, какія только они могли доставить себѣ по состоянію своихъ средствъ. Напротивъ, ихъ жизненная обстановка всегда была лучше жизненной обстановки сосѣднихъ съ ними фермеровъ, не говоря уже о томъ, что постоянное общеніе съ многочисленными товарищами, пробуждаетъ въ нихъ цѣлый рядъ стимуловъ, не извѣстныхъ одиноко живущему крестьянину; чтобы судить о сравнительныхъ преиму-

---

[1]) *Nordhoff,* The communistic Societies etc., стр. 411.

ществахъ того и другого уклада жизни, достаточно сравнить ихъ хотя бы только съ одной этой стороны, если вообще угодно дѣлать какое-либо сравненіе. Жизнь въ коммунистическихъ колоніяхъ изображали скучной и однообразной, не сознавая крупной ошибки, которую при этомъ дѣлали сравнивая жизнь въ большомъ городѣ, и при томъ жизнь привилегированныхъ классовъ такого города, съ жизнью простого крестьянина, живущаго часто въ мѣстѣ, лишенномъ всякихъ внѣшнихъ сношеній; какъ на доказательство безплодности этой жизни, указываютъ на трудности, съ которыми колоніямъ приходится удерживать у себя свою собственную молодежь. Дѣйствительно насъ не должно удивлять, что тяга въ городъ, которая несчастнымъ образомъ овладѣла всѣмъ современнымъ обществомъ, захватила также молодежь коммунистовъ; но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что здѣсь она проявляется въ неизмѣримо меньшей степени. Въ общемъ, общинамъ удается довольно легко удерживать у себя свою молодежь; въ самой крупной колоніи, Амана, этого рода затрудненія вообще неизѣстны, и только Bichop-Hill погибла отчасти вслѣдствіе недовольства молодежи коммунистической жизнью. Справедливо указываетъ Нордгофъ, что при дѣйствительно правильномъ сравненіи всѣ преимущества оказываются на сторонѣ общины. «Когда, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, я сравниваю жизнь въ какой нибудь цвѣтущей и довольной общинѣ съ жизнью обыкновенныхъ фермеровъ и ремесленниковъ или—еще болѣе—съ жизнью рабочихъ и ихъ семействъ въ нашихъ большихъ городахъ, то долженъ сознаться, что коммунистическая жизнь настолько свободнѣе отъ заботъ и опасностей, настолько во всѣхъ отношеніяхъ легче и, во всякомъ случаѣ, въ матеріальномъ отношеніи настолько выше, что безусловно желалъ бы ей дальнѣйшаго развитія въ Соединенныхъ Штатахъ» [1]). Вслѣдствіе соединенія промышленности съ земледѣліемъ, допускающаго планомѣрныя перемѣны въ родѣ занятій, жизнь отдѣльнаго индивидуума становится болѣе содержательной, болѣе многосторонней, что совершенно недостижимо въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Способности его развиваются и находятъ себѣ новую сферу примѣненія. Такъ, напр., техническій геній и организаторскій талантъ достигъ въ коммунистическихъ общинахъ удивительнаго развитія. Конечно, проявленію и развитію этихъ двухъ способностей въ значительной степени способствовала руководящая всѣми членами колоніи мысль—по возможности собственными силами удовлетворять своимъ потребностямъ.

Общимъ базисомъ всѣхъ коммунистическихъ колоній служитъ земледѣ-

---

[1]) *Nordhoff,* The communistic Societies etc., стр. 417.

ліе, къ которому затѣмъ примыкаетъ, дополняя и расширяя его, цѣлый рядъ различныхъ отраслей обрабатывающей промышленности. Лѣсопильные заводы, мельницы, хлопчато-бумажныя мануфактуры, консервированіе плодовъ, производство метелокъ и корзинъ, кожевенные заводы, производство прачешныхъ машинъ, кирпичные, мыловаренные заводы и т. д.—таковы важнѣйшія отрасли промышленности, которыми заняты въ колоніяхъ и которыя оказываютъ значительное содѣйствіе ихъ матеріальному благосостоянію. Такъ какъ коммунисты, въ качествѣ землевладѣльцевъ, садовниковъ и скотоводовъ, превосходятъ всѣхъ сосѣднихъ съ ними фермеровъ, то ихъ хозяйство служитъ для послѣднихъ образцомъ и пользуется широкою популярностью, выходящею далеко за предѣлы округа, то же самое можно сказать и о продуктахъ обрабатывающей промышленности. Доброкачественность ихъ товаровъ открываетъ имъ постоянный сбытъ на рынкахъ въ странѣ, гдѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, обнаружились самыя отрицательныя стороны капиталистическаго производства.

Эта исключительная честность, проникающая во всѣ поры коммунистическихъ общинъ и проявляющаяся въ патріархальной демократіи, въ простотѣ администраціи, въ отсутствіи счетоводства, въ отвращеніи къ долгамъ, въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ сосѣдями, въ безыскусственности и чистотѣ ихъ одежды, въ простотѣ ихъ пищи, словомъ, во всѣхъ сторонахъ ихъ жизни, является характерной отличительной чертой всѣхъ общинъ, способной примирить насъ съ ихъ аскетической тенденціей, враждебной искусству и наукѣ. Проблема доброй, отзывчивой на помощь, назидательной жизни, несомнѣнно разрѣшена сектантами-коммунистами. Пороковъ, проступковъ, преступленій у нихъ нѣтъ; во всей ихъ исторіи мы не находимъ чего-либо подобнаго; мы не встрѣчаемъ у нихъ также идіотовъ и другого рода душевнобольныхъ. «Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ» и «здоровый духъ и тѣло въ здоровыхъ условіяхъ»—въ этихъ двухъ изреченіяхъ можно резюмировать всю совокупность ученій, предлагаемыхъ намъ коммунистическими общинами. Послушаемъ въ заключеніе, какъ говоритъ объ ихъ преимуществахъ старый зоаритъ. «Преимущества эти велики и многочисленны. Всякое различіе между богатымъ и бѣднымъ уничтожено. Члены общины не имѣютъ иныхъ заботъ кромѣ заботы о своемъ духовномъ воспитаніи (spiritual culture). Коммуна заботится о больныхъ, слабыхъ и несчастныхъ, о всѣхъ въ одинаковой мѣрѣ, что дѣлаетъ ихъ жизнь удобной и пріятной. Въ случаѣ убытковъ, причиненныхъ огнемъ или наводненіемъ, или другими причинами, бѣдствіе, способное разорить одинокаго человѣка, легко переносится совокупностью многихъ людей. Христіанское милосердіе и истинная любовь другъ къ другу, эта основа подлиннаго христіанства, обыкновенно

легче осуществляются при коммунистическомъ режимѣ, нежели въ индивидуалистическомъ обществѣ. Наконецъ, коммунистическая община представляетъ атмосферу, гдѣ легче всего атрофируются себялюбіе, эгоизмъ, дурныя привычки и вообще всякіе пороки, ибо мы всегда находимся подъ наблюденіемъ другихъ и всегда рискуемъ навлечь на себя ихъ порицаніе, которое, будучи правильно понято, имѣетъ крупнѣйшее значеніе въ дѣлѣ подготовленія той великой общины, которая подготовлена будетъ на небѣ» [1]).

Какъ защитники, такъ и противники коммунизма пытались въ различное время дать, каждые съ своей точки зрѣнія, оцѣнку опыта коммунистическихъ общинъ. Противники всегда начинали свою критику съ неудавшихся экспериментовъ фурьеристовъ и овенистовъ, но затѣмъ обращались и къ религіознымъ коммунистическимъ общинамъ, чтобы доказать, что коммунизмъ можетъ быть осуществленъ только въ формахъ монастырской жизни. Съ такимъ же правомъ они могли бы добавить, что только крестьяне и необразованные ремесленники годились для коммунистическаго строя, но зато должны были бы уже отказаться отъ басни объ антиколлективистическомъ черепѣ крестьянина. Всѣ религіозныя коммунистическія общины уходятъ отъ современнаго общества, многія изъ нихъ, когда волны жизни этого общества снова настигали ихъ, неоднократно бѣжали отъ него дальше, на никѣмъ необитаемый просторъ природы; современный соціализмъ, наоборотъ, является продолжателемъ современнаго общества, безъ котораго онъ немыслимъ. Религіозныя коммунистическія общины вербуютъ своихъ членовъ изъ отсталыхъ слоевъ общества, мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ; современный соціализмъ возможенъ только на почвѣ высокоразвитой промышленной техники. Этотъ рядъ антитезъ можно было бы продолжить до безконечности. Словомъ, религіозный коммунизмъ и современный коммунизмъ—двѣ вещи, совершенно разныя по самой природѣ своей, и прямо смѣшно заключать о послѣднемъ, исходя изъ условій перваго.

Е. Гуго.

КОНЕЦЪ.

---

[1]) *Hinds*, American Communities, стр. 38.